This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

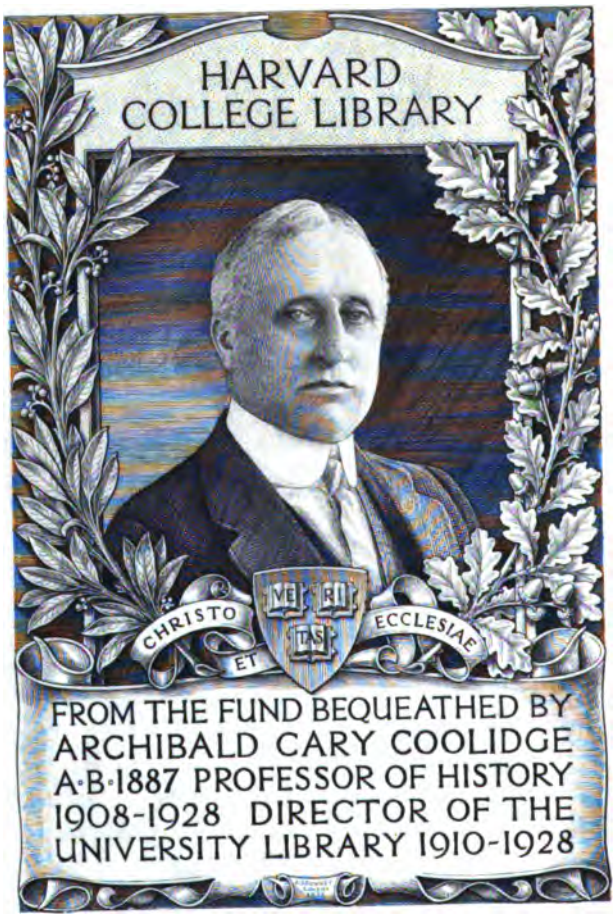
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°
Пименовская ул., собств. домъ.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

РАСПОРЯЖЕНІЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ 26 ноября 1893 года.

I. МАМЗЕЛЬ. (Разсказъ стараго пріятеля). *Окончаніе.* — **И. А. Салова.** 1

II. УСАДЬБА ТОРПА. Повѣсть Тора Гедберга. Переводъ со шведскаго **В. М. С.** *Окончаніе* 38

III. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—**А. П. Чехова.** 77

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**А. М. Федорова** 115

V. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — **М.** 116

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**М. М. Гербановскаго** 140

VII. ДУХОВИДЦЫ.—**А. И. Эртеля.** 144

VIII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 171

IX. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. *Окончаніе.*— **В. И. Семевскаго.** . 1

X. ИЗЪ ИСТОРІИ СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.— **А. С. Хаханова** 19

XI. ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПОЛОВЪ. (По поводу статьи г. Фойницкаго: «Женщина-преступница»). — **Е. Н. Тарновскаго** 33

XII. КЪ ВОПРОСУ О МЕЛІОРАТИВНОМЪ КРЕДИТѢ.— **М. Я. Герценштейна** 65

XIII. ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОЙ КНИГИ.—**В. Е. Ермилова** 101

XIV. ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.—**М. А. А.** 112

XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Итоги IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ.— **М. С. Корелина** 140

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1893.

Стр.

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.—Отмѣна 165 статьи положенія о выкупѣ, какъ мѣра, охраняющая земельную общину. — Еще о выгодныхъ сторонахъ общиннаго землевладѣнія.—Что должно быть предпринято, дабы усилить дѣйствіе закона, препятствующаго обезземеленію.—Проектъ новаго устава крестьянскаго банка.—Отклоненіе дѣятельности банка отъ цѣлей, поставленныхъ при его основаніи.—Новости учебнаго дѣла 159

XVII. АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮССЕ.—**И. К—ной** 179

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 203

XIX. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ.—**М. А. Протопопова** 210

XX. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 229

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Бѣшеныя деньги,* комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго; *Кручина,* драма въ 5-ти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго; *Я играю большую роль,* шутка въ 1-мъ дѣйствіи Д. Гарина; *Сельская честь,* сцены изъ итальянской народной жизни Джіованни Верга, пер. А. А. Веселовской.—Большой театръ: *Орлеанская дѣва,* трагедія Шиллера.—Выставки картинъ: проф. Айвазовскаго и произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ.—**Ан.** . . 261

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги. — Техническія книги. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники и книги для дѣтскаго чтенія. — Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *ноябрь.*—«Русское Богатство», *октябрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь.*—«Русское Обозрѣніе», *ноябрь.*—«Русскій Вѣстникъ», *ноябрь.*—«Міръ Божій», *октябрь и ноябрь.* III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1893 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1893 г.** 571

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ

26 ноября 1893 года.

Принимая въ соображеніе, что въ статьѣ «Соціологія на экономической основѣ», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журала *Русская Мысль,* изложены крайне вредныя ученія соціализма, причемъ авторъ этой статьи, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками, очевидно, имѣетъ цѣлью пропагандировать ихъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ. Свод. Зак. т. XIV (изд. 1890 г.) и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ:* объявить этому журналу *второе* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, потомственнаго почетнаго гражданина Вукола Лаврова.

МАМЗЕЛЬ *).

(Разсказъ стараго пріятеля).

Болѣзнь мамзели продолжалась съ мѣсяцъ. Наконецъ, она начала поправляться, и Григорій Харитонычъ разрѣшилъ ей выходить изъ комнаты, прогуливаться и даже купаться. Встрѣтилась она со мной очень любезно, объявила, что соскучилась обо мнѣ и очень рада со мной увидаться. Она подробно разсказала мнѣ перенесенныя ею страданія, расхваливала медицинскую опытность Григорія Харитоныча, восторгалась его манерами и умѣньемъ держать себя и сердечно сожалѣла, что, ему, какъ крѣпостному человѣку, отрѣзаны всѣ дальнѣйшіе пути... Мы, попрежнему, въ сообществѣ съ барышней, начали кататься на лодкѣ, собирать грибы и ягоды, гулять по парку, удить рыбу, и опять зажили тою жизнью, которою жили прежде. Разница заключалась въ томъ только, что теперь мамзель уже не метала на меня своихъ страстныхъ взглядовъ, не пожимала мнѣ тайкомъ руку и не назначала мнѣ таинственныхъ свиданій. За то про Стешу—ни полслова,—словно она не знала даже о ея существованіи, а равно ни полслова и о нашемъ послѣднемъ свиданіи, послѣ котораго она слегла въ постель.

Нечего говорить, что за время мамзелиной болѣзни, каждый день видѣвшись съ Стешей, я привязался къ ней еще болѣе и еще болѣе полюбилъ ее. Не чаяла во мнѣ души и Стеша. Любовь эта дошла до того, что намъ тяжело было жить другъ безъ друга. Нечего говорить также, что, сблизившись съ Стешей, я убѣдился, что это была дѣвушка вполнѣ достойная уваженія, съ любящимъ нѣжнымъ сердцемъ и добрыми честными правилами, а частыя бесѣды съ мамзелью развили ея умъ и взгляды на жизнь. Изъ этихъ бесѣдъ, благодаря добрымъ своимъ инстинктамъ, она съумѣла по-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

черпнуть все хорошее, а все дурное отвергнуть. Такъ иногда самое крошечное насѣкомое брезгливо отворачивается отъ всего ядовитаго и съ жадностью хватаетъ здоровую пищу. Долго думалъ я о томъ, что мнѣ дѣлать? Какъ закончить свой романъ? И, наконецъ, порѣшилъ закончить его такъ, какъ заканчиваются они въ дѣйствительности, т.-е. жениться. Я обсуждалъ этотъ вопросъ очень строго, разбиралъ его съ нѣсколькихъ сторонъ, рисовалъ его себѣ въ самомъ худшемъ видѣ и, все-таки, пришелъ къ тому заключенію, что лучшей жены и лучшей подруги мнѣ не найти и что лучше Стеши никто не съумѣетъ составить мое счастье. Оба мы были безъ претензій, оба не избалованы, оба выросли почти въ одной средѣ, сжились другъ съ другомъ и оба горячо другъ друга любили. Насъ даже связывало наше сиротство. Мы оба сироты и ни у кого изъ насъ не было ни родныхъ, ни близкихъ людей... И вотъ однажды я высказалъ все это Стешѣ.

Она даже въ ужасъ пришла.

— Что?—переспросила она, словно не вѣря своимъ ушамъ и поблѣднѣвъ, какъ полотно.—Что вы сказали?

Я повторилъ сказанное.

Мертвая блѣдность покрыла ея лицо. Она пристально и долго смотрѣла мнѣ въ глаза, какъ бы желая прочесть мои мысли,—смотрѣла серьезнымъ, пронзающимъ взглядомъ, котораго я никогда не забуду, и, какъ бы убѣдившись, что я не шучу, молча и отрицательно покачала головой.

— Что это значитъ?—вскрикнулъ я, испугавшись этого движенія и увидавъ мертвенное лицо ея.

— А то,—проговорила она, вздохнувъ,—что этому не бывать

— Ты съ ума сошла, Стеша?

— Ничуть.

— Ты не хочешь быть моею женой?

— Нѣтъ,—словно отрѣзала она.

— Но почему же?

— Потому, что такъ надо.

— А говоришь, что любишь!

— Люблю,—проговорила она,—такъ люблю, что и разсказать не умѣю, а быть вашею женой не соглашусь. Лучше и не говорите мнѣ про это.

Такого отвѣта я не ожидалъ.

Стеша замѣтила мое смущеніе и, словно сжалившись надо мной, обняла меня и проговорила:

— Ну, какая я вамъ жена? Сами подумайте... Развѣ вамъ та-

кая нужна? Вѣдь, я простая дворовая дѣвка... Ни грамотѣ не умѣю, ни поговорить, ни стать, ни сѣсть... Ну, какая же я барыня? Сами подумайте...

— А я-то, Стеша, большой баринъ, что ли?

— Не большой, положимъ, не такой, какъ нашъ, а, все-таки, баринъ... У васъ и крѣпостные есть.

— Да хочешь я завтра же дамъ имъ вольную?—вскрикнулъ я.

— И, все-жь-таки, будете бариномъ,— перебила она.— Будь вы мѣщанинъ какой-нибудь, либо дворовый... Господи!... Да я бы и не задумалась тогда... на край свѣта за вами пошла бы, въ огонь и въ воду... А теперь какъ я пойду?... Вѣдь, это теперь я нравлюсь вамъ,— заговорила она, быстро перемѣнивъ тонъ, теперь, покуда я простая дворовая дѣвка, покуда на мнѣ вотъ это доморощенное платье, да на головѣ вотъ этотъ платочекъ, а нарядите-ка меня въ шелковое платье, да въ чепчикъ, да посадите-ка на диванъ рядомъ съ другими барынями... Господи, да чего мнѣ дѣлать тогда?... Умру я со стыда, да и вамъ-то покажусь я въ тѣ поры хуже Богъ знаетъ чего... Вы тогда и себя-то проклянете, и меня-то тоже. На васъ будутъ всѣ господа гнѣваться, что вы на простой холопкѣ женились, а надо мной не токма что господа, даже вся наша дворня-то смѣяться будетъ.

— Мы не будемъ съ господами знаться, Стеша,— перебилъ я ее,—будемъ жить скромно, уединенно.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Но я жить не могу безъ тебя...

— А я-то могу, думаете?

— Что же намъ дѣлать?

— Такая видно наша судьба...

— Вѣдь, нельзя же всю жизнь такъ.

— Извѣстно, нельзя.

— Такъ что же дѣлать-то?

— Нелегкая свела,—прошептала она задумчиво,—нелегкая и разведетъ...

— Нѣтъ, ты совсѣмъ меня не любишь!—вскрикнулъ я.—Кабы любила, у тебя бы языкъ не повернулся проговорить то, что ты сейчасъ сказала.

— Я, я не люблю васъ?

— Конечно.

— Грѣшно вамъ говорить такъ.

И потомъ вдругъ, вскочивъ на ноги и словно рѣшившись на

что-то ужасное, она проговорила задыхавшимся отъ волненія голосомъ:

— Не люблю, говорите?... Такъ слушайте же...

— Стеша, что съ тобой? Успокойся...

— Не люблю?... Ступайте же къ барину и покупайте меня... Не бойтесь, за меня дорого не запросятъ... большихъ денегъ я не стою... дешево продадутъ... Покупайте... Я вамъ заслужу ваши деньги... Женою вашей я не буду, а служить вамъ по гробъ жизни буду вѣрой и правдой... Надоѣмъ я вамъ—въ коровницы прогоните... Покрайности тогда я буду знать, что не загубила васъ и что вамъ не за что будетъ плакаться на меня.

— Стеша, Стеша! — вскрикнулъ я. — Да откуда у тебя такія слова берутся?

— И сама знаю, что не хорошія, — перебила она меня, — да видно такъ тому дѣлу и быть...

— И ты думаешь, что у меня хватитъ на это совѣсти?— вскрикнулъ я, закрывъ лицо руками.—Ахъ, Стеша, Стеша!... Вѣдь, я люблю тебя не такою любовью, какою ты думаешь... Кабы я этакъ-то любилъ тебя, ты давно бы была моею... Выкинулъ бы деньги и прислалъ бы за тобой подводу... Но мнѣ не этого надо, Стеша... Не такой любви прошу я у тебя...

— Ну... — прошептала она, — есть воля ваша, а женой быть не могу...

— Стеша,—вскрикнулъ я,—да пожалѣй же меня!...

— Жалѣючи васъ и дѣлаю...

На слѣдующій день я опять было завелъ съ нею разговоръ на ту же тему, но Стеша была непреклонна и объявила мнѣ то же самое, что и наканунѣ. Я обѣщалъ было покинуть деревню, продать ее, переселиться въ городъ, купить, наконецъ, другое имѣніе, подальше отъ Зыкова, гдѣ бы насъ никто не зналъ, но все напрасно. Она даже привела въ примѣръ исторію мамзели съ бариномъ и замѣтила:

— Ну, что же хорошо вышло?

— Да, вѣдь, они и повѣнчаны не были,—возразилъ я.

— А ежели бы были?—перебила Стеша.—Лучше бы нешто?... Теперь у нихъ хоть руки развязаны...

Слова эти навели меня на мысль, что всѣ разсужденія Стеши по поводу моихъ намѣреній жениться суть ничто иное, какъ ухищренія мамзели, желающей во что бы то ни стало разстроить эту свадьбу. Я принялся укорять Стешу въ легкомыслiи, замѣтилъ ей, что она напрасно откровенничаетъ съ мамзелью и напрасно под-

дается такъ сильно ея вліянію, но Стеша забожилась и заклялась, что мамзель тутъ не причемъ, что она ни слова не говорила съ нею обо мнѣ и что все это она, Стеша, порѣшила сама, своимъ умомъ-разумомъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и никому не заикнувшись даже о моемъ предложеніи.

Долго раздумывалъ я, что̀ мнѣ дѣлать и какъ мнѣ быть, и, наконецъ, порѣшилъ кое-что продать, сколотить деньжонокъ и купить Стешу. Все это кажется теперь очень дикимъ, но въ то время почиталось дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и ни въ комъ никакого удивленія не производило. Посмѣются, бывало, надъ человѣкомъ, что купилъ себѣ дѣвку, поглумятся, позубоскалятъ, вспрыски устроятъ, только и всего. По правдѣ сказать, подобные фокусы продѣлываются и въ настоящее время, но такъ какъ нынѣшніе фокусники искуснѣе прежнихъ, то все это и выходитъ у нихъ и ловчѣе, и изящнѣе.

Порѣшивъ купить Стешу, я надѣялся, однако, что она, поогляднѣвшись и попривыкнувъ къ своему новому положенію, всенепремѣнно измѣнитъ свои взгляды и сдѣлается моею женой.

И такъ, мнѣ оставалось только ѣхать къ Окатову и приступить къ торгамъ.

Откровенно сказать, приступъ этотъ я совершилъ не сразу. Нѣсколько дней подрядъ мнѣ осѣдлывали лошадь, я вскакивалъ на нее, стремглавъ летѣлъ въ Зыково, но стоило только показаться усадьбѣ, какъ рука невольно задерживала поводъ, и я чуть не шагомъ подъѣзжалъ къ дому. Нѣсколько дней подрядъ, изловивъ Окатова, я уводилъ его въ паркъ, ходилъ съ нимъ по самымъ отдаленнымъ аллеямъ, чтобы съ глазу-на-глазъ повѣдать ему причину моего пріѣзда, и каждый разъ робѣлъ, терялся, конфузился и откладывалъ объясненіе до слѣдующаго дня. Мнѣ было и стыдно, и страшно, и я даже забывалъ ту рѣчь, которую заранѣе сочинилъ по этому поводу и которую задолбилъ наизусть отъ слова до слова.

Но вотъ однажды, улучивъ минуту, когда Окатовъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ длинною трубкой во рту и, вдоволь насмотрѣвшись на свои поля, обѣщавшія обильный урожай, былъ въ самомъ наилучшемъ настроеніи духа, я заговорилъ съ нимъ про Стешу и про свое желаніе купить ее.

— Стешку, говоришь ты?—спросилъ онъ, видимо, забывъ даже о ея существованіе.

Я напомнилъ ему про нее.

— Это съ которой ты тогда на кладбищѣ-то разгуливалъ?

— Да, которая теперь у мамзели...

— На что же она тебѣ понадобилась?—удивился онъ.

Я не зналъ, что отвѣтить.

— Приглянулась, что ли?—продолжалъ онъ, подмигивая.

Я хорошо чувствовалъ, что покраснѣлъ до ушей, но поспѣшилъ разъубѣдить его и чуть не поклялся ему, что покупаю Стешу для того только, чтобы она научила моихъ двухъ дѣвченокъ плести кружева.

— Въ кружева нарядиться хочешь...— проговорилъ онъ, расхохотавшись на весь кабинетъ. И потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, мое смущеніе, прибавилъ:—Да чего же ты, братецъ, краснѣешь-то?... Чего же конфузишься?... Ничего тутъ нѣтъ предосудительнаго... дѣло житейское... Ты молодъ, она—дѣвчонка смазливенькая...

— Ради Бога, не говорите такъ,—перебилъ я.—Клянусь, что ничего подобнаго у меня и въ мысляхъ не было...

— Ну, ладно, ладно, братецъ, — перебилъ меня Окатовъ съ насмѣшливою улыбкой.—Это дѣло твое, а я въ чужія дѣла вмѣшиваться не охотникъ... Только вотъ что, другъ любезный,—прибавилъ онъ, принявъ дѣловой видъ.—Вѣроятно, тебѣ не безъизвѣстно, что въ настоящее время дарованныя дворянству права значительно нарушены... Я бы съ удовольствіемъ исполнилъ твое желаніе и уступилъ бы тебѣ Стешку, но, вѣдь, теперь продать дѣвку я не могу... я могу только дать тебѣ такъ называемое «выводное письмо» для выдачи ее въ замужство...

— И я долженъ буду выдать ее замужъ?—спросилъ я, чувствуя, въ то же время, что кровь стынетъ въ моихъ жилахъ и что сердце мое перестаетъ биться.

— По смыслу закона?—да.

— Въ такомъ случаѣ,—проговорилъ я,—мнѣ остается только открыть вамъ всю сущую правду, какъ родному отцу.

И я подробно разсказалъ ему все то, что вамъ уже извѣстно, окончивъ разсказъ намѣреніемъ жениться на Стешѣ.

Окатовъ даже съ мѣста всталъ, оперся одною рукой на письменный столъ, вытянулся во весь ростъ и, устремивъ на меня молніеносный взглядъ, попросилъ повторить сказанное, на томъ основаніи, что будто не понялъ хорошенько, чего именно я добиваюсь.

Я предчувствовалъ грозу, но, скрѣпя сердце, все-таки, повторилъ ему о своемъ намѣреніи жениться.

— Ты... самъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Ты говоришь это сознательно... не въ бреду?

— Нѣтъ.

— Ну, братецъ,—крикнулъ Окатовъ, зашагавъ по кабинету,—такъ знай же, что этому не бывать!

Слова эти поразили меня какъ громомъ.

— Послушайте, Андрей Степанычъ,—проговорилъ я робко.—Не вы ли говорили мнѣ сейчасъ, что не любите вмѣшиваться въ чужія дѣла... а, вѣдь, я привыкъ вѣрить словамъ вашимъ.

— То говорилъ вамъ я, Окатовъ,—вскрикнулъ онъ, ударяя себя въ грудь,—а теперь вамъ говоритъ предводитель дворянства, представитель того сословія, къ которому вы имѣете честь принадлежать и пачкать которое я вамъ не позволю!

— Андрей Степанычъ!...—вскрикнулъ я.

— Мы кончили-съ,—перебилъ меня Окатовъ и, указавъ рукою на дверь, прибавилъ:—Вотъ вамъ Богъ, а вотъ и порогъ.

Я былъ въ отчаяніи. Молча вышелъ я изъ кабинета, молча сѣлъ на лошадь и молча же возвратился домой. На меня напалъ какой-то столбнякъ и я ничего не могъ ни понять, ни сообразить. Я только чувствовалъ, что сердце мое словно оторвалось, словно исчезло куда-то и что въ головѣ у меня какой-то хаосъ, разобраться въ которомъ не было возможности. Я сознавалъ одно только, что все потеряно, все скомкано, разрушено и что Стеша для меня на вѣкъ утрачена. У меня словно выхватили изъ-подъ ногъ почву, на которой я стоялъ, и я куда-то лечу теперь, не зная, за что бы ухватиться. Такъ прошелъ день, приближались сумерки... и вдругъ мнѣ пришло на умъ ѣхать къ Окатовой и просить ея заступничества. «Она барыня добрая,—соображалъ я,—ласковая, сердечная, она пойметъ мое горе, сжалится надо мной и уговоритъ мужа согласиться на мою просьбу». Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и я ухватился за эту мысль.

Мнѣ опять подсѣдлали лошадь и я опять поскакалъ въ Зыково. На мое счастье, Окатова была совершенно одна въ домѣ. Она, по обыкновенію, сидѣла въ угольной комнатѣ, на своемъ любимомъ креслѣ возлѣ окна, и читала псалтырь. Ей успѣлъ уже разсказать Окатовъ про мое «сумасшествіе» и, увидавъ меня, она всплеснула ками, покачала головой, поахала и принялась затѣмъ журить я.

— Какъ тебѣ не стыдно,—говорила она,—какъ не стыдно?

Но журила она меня не долго и, увидавъ мое отчаяніе и сле, расплакалась и сжалилась надъ моею судьбой. Я стоялъ пе ъ нею на колѣняхъ, цѣловалъ ея руки и ноги и молилъ о заничествѣ. Старуха плакала, ласкала меня по головѣ, назы-

вала меня «несчастенькимъ» и, наконецъ, дала слово поговорить обо мнѣ съ мужемъ.

На этотъ разъ я не видалъ ни барышни, ни Окатова, ни мамзели, но за то встрѣтилъ Стешу и ужаснулся при видѣ ея. На нее было страшно взглянуть. Поджидая меня и прижавшись въ углу сѣней, она вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и слезы градомъ катились по ея щекамъ.

— Что вы надѣлали,—шептала она, прикрывая лицо руками,— что вы надѣлали?

Оказывается, что и Стеша знала уже про неудачу моихъ переговоровъ съ Окатовымъ и теперь упрекала меня за упоминаніе про женитьбу.

— Кабы не говорили,—продолжала она,—продалъ бы... слова бы не сказалъ.

Я объяснилъ ей причину, почему именно необходимо было открыть Окатову цѣль моей покупки, и, насколько могъ, увѣрилъ ее, что дѣло наше не совсѣмъ проиграно, что за насъ будетъ хлопотать барыня, которая вполнѣ сочувствуетъ намъ и ходатайство которой, конечно, будетъ уважено. Но Стеша, слушая меня, молчала и, въ то же время, видимо, не раздѣляла моихъ надеждъ.

Я не помню, какъ разстался съ нею и какъ возвратился домой. За то я помню очень хорошо, что, войдя въ свою комнату, я потребовалъ водки, и, дотолѣ никогда не упивавшійся виномъ, надрызгался, какъ говорится, въ дребезги. Сперва все шло довольно благополучно, но, проглатывая рюмку за рюмкой, я сталъ приходить въ какое-то ясновидѣніе и мнѣ стало представляться, что виновницей всѣхъ моихъ неудачъ является одна только мамзель и больше никто. Мнѣ стало яснымъ, что, желая во что бы то ни стало сдѣлаться моею женой, она пустила въ ходъ всю свою женскую хитрость, чтобы помѣшать моимъ намѣреніямъ жениться на другой. Я былъ убѣжденъ, что съ этою именно цѣлью она сдѣлала Стешу своею горничной, съ этою же цѣлью разъяснила ей всѣ тяжкія будто бы послѣдствія неравныхъ браковъ и, наконецъ, постаралась развить въ ней тѣ безнравственныя идеи, которыя мнѣ пришлось услыхать отъ Стеши за послѣднее время. Я былъ убѣжденъ, что не будь этой ехидной мамзели, задумавшей свить себѣ гнѣздо на пепелищѣ чужого счастья, Стеша никогда бы не отказала мнѣ въ своей рукѣ, сочла бы за великое блаженство быть моею женой и ужь ни въ какомъ случаѣ не согласилась бы сдѣлаться какою-то любовницей. Одновременно съ тѣмъ я былъ убѣжденъ, что та же самая мамзель не дремала и по отношенію къ Окатову.

Она одна только могла возстановить его противъ меня и заставить, какъ предводителя, разстроить этотъ бракъ, посрамляющій честь всего дворянскаго сословія. Дѣло дошло даже до того, что въ каждомъ сказанномъ ею словѣ, въ каждомъ ея движеніи, взглядѣ, улыбкѣ я началъ видѣть одно лишь коварство и какое-то злорадное глумленіе надъ моимъ полнѣйшимъ разгромленіемъ. Я проклиналъ ее, клялся жестоко отомстить ей, настоять, чтобы ее выгнали изъ дома, какъ наизловреднѣйшее существо, а въ случаѣ неудачи, застрѣлить, какъ негодную собаку. Подвернись она мнѣ въ то время, я не задумался бы привести этотъ планъ въ исполненіе, но такъ какъ она не подвернулась, то вся эта горячка кончилась тѣмъ, что, пропьянствовавши далеко за полночь, я какимъ-то образомъ свалился со стула и угодилъ подъ столъ. Надо думать, что я такъ бы подъ столомъ и проспалъ, ежели бы только, заслышавъ мое паденіе, не вошелъ въ комнату мой единственный слуга и, въ то же время, единственный же борзятникъ Алешка Чугуновъ. Онъ вытащилъ меня изъ-подъ стола, кое-какъ уложилъ въ постель и я проспалъ до девяти часовъ утра.

Когда я проснулся, въ комнату вбѣжалъ Алешка и подалъ мнѣ письмо.

— Это еще отъ кого?—спросилъ я.

— Отъ барыни, отъ Окатовой,—проговорилъ онъ какимъ-то испуганнымъ голосомъ.—Съ нарочнымъ прислали, приказали изъ рукъ въ руки передать.

Писемъ я вообще никогда ни отъ кого не получалъ, а потому письмо Окатовой, да еще въ столь тревожное для меня время, испугало и меня не менѣе Алешки. Дрожавшими руками распечаталъ я конвертъ и прочиталъ слѣдующія каракули:

«Ну, голубчикъ, какъ я ни хлопотала за тебя, какъ ни упрашивала мужа продать тебѣ Стешку, но онъ объ этомъ и слышать не хочетъ. Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь, совѣтую и тебѣ позабыть про это дѣло».

Письмо выпало изъ рукъ, а что было дальше, я не помню.

Когда я очнулся, я увидалъ передъ собою Григорія Харитоныча, прикладывавшаго мнѣ къ головѣ холодные компрессы.

— Это что же такое?—прошепталъ я.—Болѣнъ, что ли?

— А вы не извольте безпокоиться,—говорилъ онъ ласково.—Богъ дастъ, все пройдетъ-съ.

Но продолжать разговоръ я не могъ. Силы меня оставили и я опять впалъ въ безпамятство.

Очнулся я только на слѣдующій день и опять увидалъ передъ

собою тщательно выбритаго и щепетильно одѣтаго Григорія Харитоныча.

— Значитъ, я дѣйствительно болѣнъ?—спросилъ я.

— Да-съ, нездоровы-съ.

— Опасно?

— Нѣтъ-съ.

— А долго пролежу?

— Зачѣмъ же долго-съ?—успокоилъ меня Григорій Харитоновичъ.—Черезъ недѣльку выпустимъ-съ.

Однако, черезъ недѣльку меня не выпустили, а продержали въ постелѣ втрое дольше. Оказалось, что со мною была нервная горячка, и настолько злая, что одно время Григорій Харитонычъ серьезно побаивался за мою жизнь. Онъ каждый день аккуратно навѣщалъ меня, а когда мнѣ было особенно тяжко и когда я находился въ постоянномъ бреду, даже по ночамъ не отходилъ отъ меня. Какъ теперь помню, придешь, бывало, въ себя, очнешься на минуту, откроешь глаза и видишь, сидитъ въ креслѣ и что-нибудь читаетъ. Картина эта почему-то осталась у меня въ памяти, тогда какъ ничего другого я не помню. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что меня навѣстила однажды старуха Окатова, что я разговаривалъ съ нею, но у меня рѣшительно испарилось это изъ головы... Да, я былъ очень болѣнъ, но тѣлесныя страданія мои были ничто въ сравненіи съ душевными. Больше всего мучила меня неизвѣстность о судьбѣ Стеши. Что съ ней? гдѣ она? все ли въ Зыковѣ, или не удалена ли, ради моего спокойствія, въ какую-либо захолустную деревушку? Всѣ эти вопросы терзали меня и не давали покоя. Долго собирался я разспросить обо всемъ этомъ Григорія Харитоныча, но почему-то не рѣшался и откладывалъ отъ одного дня до другого. Наконецъ, я рѣшился. Началъ я, конечно, издалека. Спросилъ прежде объ Окатовыхъ, здоровы ли они, какъ поживаетъ мамзель и нѣтъ ли въ домѣ чего-либо новаго?

— Нѣтъ-съ, все по-старому,—проговорилъ онъ своимъ обычнымъ мягкимъ тономъ.—Господа, слава Богу, здоровы-съ, мамзель Дюваль то же самое...

— А Стеша?—спросилъ я, покраснѣвъ до ушей.

— Степанида Петровна все еще у мамзели-съ... Только очень за нее обидно-съ,—прибавилъ онъ.

— Почему?—спросилъ я и чувствовалъ, что дыханіе спирается у меня въ груди и что я вотъ-вотъ задохнусь.

Григорій Харитонычъ помолчалъ немного, посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Могу я, сударь, говорить съ вами откровенно?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, ужь извините, ежели у меня сорвется съ языка что-либо лишнее или неумѣстное.

— Пожалуйста, говорите все,—чуть не вскрикнулъ я.—Все, все и чѣмъ больше, тѣмъ лучше... Я очень о ней безпокоюсь.

— Прекрасное у васъ сердце, сударь, — проговорилъ онъ, вздохнувъ.—Ежели бы всѣ были награждены такими сердцами, то Степанидѣ Петровнѣ было бы несравненно легче переносить свое горе...

— Развѣ къ ней относится кто-либо недружелюбно?

Онъ пожалъ плечами.

— Господа, что ли?

— Нѣтъ-съ, господа ничего-съ.

— Ужь не мамзель ли?—вскрикнулъ я.

— Нѣтъ-съ, помилуйте,—перебилъ онъ меня,—мамзель Дюваль настолько образована и воспитана, что она никогда не рѣшится оскорбить дѣвушку.

— Стало быть, ее оскорбляютъ?

— Шуточками, сударь... Но, — прибавилъ онъ,— шуточки иногда тягостнѣе самыхъ серьезныхъ оскорбленій.

— Кто же насмѣхается?

— Конечно, дворня-съ. Народъ необразованный, невѣжественный... а въ особенности подруги... Подруги не даютъ ей прохода... величаютъ ее барыней, вскакиваютъ передъ ней, просятъ позволенія поцѣловать у нея ручку и т. д. въ этомъ родѣ... Имъ, изволите ли видѣть, завидно, что ни одна изъ нихъ не удостоилась вашего вниманія, и вотъ...

— Да развѣ извѣстно?...

— Что вы просили у господъ разрѣшенія жениться на Степанидѣ Петровнѣ?—перебилъ онъ меня.

— Да.

— Помилуйте, давнымъ-давно-съ... въ тотъ же день-съ.

— Стало быть, ей плохо живется?

— Не хорошо-съ,—замѣтилъ Григорій Харитонычъ.—Бѣдняжка перестала даже въ церковь ходить... Да оно и понятно: всѣ мѣются, всѣ издѣваются, не даютъ прохода... Сами посудите...

И, нѣсколько помолчавъ, онъ добавилъ:

— Напрасно, сударь, изволили пояснить барину свое намѣреніе... Не надо бы говорить про женитьбу... Они бы тогда продали имъ Степаниду Петровну.

— Но, вѣдь, нельзя, говорятъ...

Григорій Харитонычъ улыбнулся.

— Дѣйствительно,—проговорилъ онъ,—столь благодѣтельный законъ существуетъ, но,— прибавилъ онъ, вздохнувъ,— его обходятъ, какъ и многіе другіе, и торговля, все-таки, продолжается. Выдается «выводное письмо», дѣвушка переходитъ въ другія руки, а затѣмъ новый владѣлецъ можетъ дѣлать съ нею все, что ему заблагоразсудится... Можетъ и замужъ выдать, а можетъ и не выдавать... Если бы изволили и вы поступить такъ же, то Степанида Петровна давно бы была вашей.

— Я даже не подозрѣвалъ этого...

— Мало ли что творится, сударь...

И, нѣсколько помолчавъ, прибавилъ:

— Вотъ послѣ этого и судите, сударь, каково наше положеніе. На господъ своихъ никто изъ насъ роптать не дерзнетъ. Господа наши, дѣйствительно, обходятся съ нами по-человѣчески и заботятся о насъ съ отеческою любовью... Насъ обучаютъ и грамотѣ, и ремесламъ разнымъ... Меня, какъ видите, облагодѣтельствовали даже, обучивъ медицинѣ... Имѣются у насъ живописцы, портные, столяры, слесаря... Мы получаемъ небольшое жалованье и, смѣло могу сказать, живемъ несравненно лучше многихъ вольныхъ людей... А, все-таки, мы связаны крѣпостными узами...

И, какъ-то испытующе посмотрѣвъ на меня и словно опасаясь, какъ бы чѣмъ-либо не оскорбить меня, онъ добавилъ:

— Извольте какъ-нибудь обратить вниманіе на птичку, запертую въ клѣтку. Чего ей недостаетъ? У нея и корма вдоволь, и воды... сахарцемъ даже угощаютъ... Домикъ у нея хорошенькій, уютный, для спанья жердочки приспособлены... Она предохранена отъ холода, отъ непогоды, защищена отъ нападенія хищныхъ птицъ... а попробуйте-ка отворить клѣтку...—проговорилъ онъ, глубоко вздохнувъ.—Такъ-то и мы, сударь.

— Меня одно только удивляетъ, Григорій Харитонычъ,—замѣтилъ я,— какъ это вы до сихъ поръ не откупились...

Онъ опять посмотрѣлъ на меня, горько улыбнулся и, пожавъ плечами, проговорилъ:

— На это нужны средства, сударь.

— А вы пробовали говорить съ Окатовымъ?

— Не скрою, говорилъ-съ.

— И что же?

— Они, въ сущности, не противъ этого-съ... Но потребованнаго выкупа достать негдѣ-съ.

— Слишкомъ великъ?

— Не малый-съ... Впрочемъ,—добавилъ онъ,—я, все-таки, не смѣю роптать на нихъ. Будь я на ихъ мѣстѣ, я поступилъ бы точно также... Вѣдь, они и сами не мало потратили денегъ на мое обученіе... Вѣдь, я цѣлыхъ пять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ... а это чего-нибудь да стоитъ-съ. Кромѣ того, справедливость требуетъ принять въ соображеніе и то обстоятельство, что я для нихъ человѣкъ нужный, а иногда и небезполезный... За что же роптать на нихъ?

И вдругъ, что-то вспомнивъ, прибавилъ:

— А вотъ я зналъ такой случай, который, дѣйствительно, заслуживаетъ порицанія. Живя въ Москвѣ, я очень пристрастился къ театру и, мало того, что часто посѣщалъ его, но даже успѣлъ перезнакомиться съ актерами. Это все были люди очень хорошіе, остроумные, веселые и съ прекрасными душевными качествами. Въ числѣ ихъ былъ у меня одинъ пріятель и тоже крѣпостной человѣкъ. Это былъ очень талантливый человѣкъ, развитой и въ душѣ артистъ. Ему страстно хотѣлось откупиться на волю и сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Нашлись добрые люди и собрали ему значительную сумму денегъ... Но, какъ онъ ни хлопоталъ, а, все-таки, остался крѣпостнымъ... Вотъ такой случай, дѣйствительно, возмутителенъ... На мое обученіе, все-таки, былъ затраченъ капиталъ, а, вѣдь, тамъ ровно никакого. Это былъ просто талантливый самородокъ, ничего не стоившій своему господину, но нужный ему потому только, что баринъ получалъ съ него значительный оброкъ...Тамъ уже,—замѣтилъ онъ,—проглядываетъ совсѣмъ иное, похожее на пользованіе чужимъ капиталомъ.

Когда ушелъ отъ меня Григорій Харитонычъ, на меня напала такая тоска, которую я никогда еще не испытывалъ и испытать которую не дай Богъ никому. Я приходилъ въ какое-то отчаяніе и не зналъ, что мнѣ дѣлать и куда дѣваться. Причиною этой тоски было, конечно, то ужасное положеніе, въ которое поставилъ я ни въ чемъ неповинную дѣвушку. Сердце мое разрывалось на части и угрызеніямъ совѣсти не было конца. Я представлялъ себѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ эти насмѣшки, оскорблявшія ее своими пошлостями и низостями, и, въ то же время, не могъ отдѣлаться отъ мысли, чтобы во всемъ этомъ не была главною виновницей мамзель. Какъ ни старался разубѣдить меня въ этомъ Григорій Харитонычъ, но я ему плохо довѣрялъ по одному тому уже, что, не зная ихъ отношеній къ мамзели, онъ могъ и ошибиться. Тоска моя была тѣмъ болѣе мучительна, что я ничѣмъ не могъ помочь Сте-

шѣ... Не могъ утѣшить ее даже словомъ сочувствія и ласки, по той простой причинѣ, что не могъ еще встать съ постели. Мнѣ оставалось только ждать выздоровленія и ѣхать къ Окатову, чтобы снова просить о снисхожденіи. Но я былъ настолько слабъ, что ждать выздоровленія мнѣ приходилось долго. Все это волновало меня, терзало и я нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Бывали такія минуты, что смерть была для меня единственнымъ желаніемъ, такъ какъ только смертью я думалъ искупить всю мою вину передъ Стешей.

Такъ мучился я нѣсколько дней, и вотъ въ одну изъ такихъ-то минутъ пришелъ ко мнѣ Григорій Харитонычъ. Онъ какъ только вошелъ, такъ сейчасъ же замѣтилъ во мнѣ перемѣну къ худшему.

— Вамъ, кажется, не хорошо сегодня?—спросилъ онъ, щупая пульсъ.—И жарокъ есть, и пульсикъ пошаливаетъ...

Я обрадовался его приходу и высказалъ ему все, что̀ мучило и тяготило меня.

— Послушайте, сударь, — проговорилъ онъ, выслушавъ меня.—Такъ нельзя-съ... Я очень хорошо понимаю, что всѣ ваши тревоги не вполнѣ зависятъ отъ васъ, а частью отъ вашихъ разстроенныхъ нервовъ, но, все-таки, старайтесь быть болѣе мужественнымъ и не помогать имъ очень-то волноваться.

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнулъ я.—Но какъ удержу я ихъ, какъ?

— Здравыми размышленіями, сударь. Васъ безпокоитъ участь Степаниды Петровны,— продолжалъ онъ,— и вотъ вы волнуетесь. А разсудите-ка хладнокровно, поможете ли вы ей своими волненіями? Нисколько-съ. Вы только замедляете ими выздоровленіе, а, слѣдовательно, и возможность продолжать начатое вами дѣло... Старайтесь поправиться скорѣе, окрѣпнуть, снова сдѣлаться бодрымъ и поѣзжайте къ барину. Они человѣкъ положительно добрый-съ и, можетъ быть, успѣли за это время одуматься и измѣнить свое рѣшеніе... Вотъ вамъ о чемъ надо думать и, повѣрьте, такого рода размышленія помогутъ вамъ лучше всякихъ нашихъ капель и микстуръ.

Такимъ образомъ онъ пробесѣдовалъ со мною довольно долго и до того успокоилъ и ободрилъ меня, что я словно воскресъ и тѣломъ, и душою. Наконецъ, онъ сталъ собираться. Передъ прощаньемъ я снова высказалъ ему свои подозрѣнія относительно мамзели и онъ опять сталъ горячо заступаться за нее, доказывая, что всѣ мои подозрѣнія, во-первыхъ, неосновательны, а, во-вторыхъ, недостойны порядочнаго человѣка. Послѣднюю фразу онъ прогово-

рилъ, предварительно испросивъ моего разрѣшенія и заранѣе извинившись, что, можетъ быть, скажетъ что-либо непріятное.

— Выбросьте это изъ головы, сударь,—добавилъ онъ.—Смѣю вамъ доложить, что въ послѣднее время я очень часто бесѣдовалъ съ мамзель Дюваль и хорошо изучилъ ее. Дѣвушка эта достойна полнаго уваженія, съ прекраснымъ добрымъ сердцемъ и возвышенною душой... Напротивъ-съ,—продолжалъ онъ,—Степанида Петровна имъ очень нравится и онѣ не разъ высказывали мнѣ свое сожалѣніе, что столь достойная дѣвушка находится въ крѣпостной зависимости.

— Не вѣрится что-то.

— Вѣрьте моей опытности, сударь.

И, проговоривъ это, онъ раскланялся и вышелъ.

А дней черезъ пять, часовъ въ одиннадцать вечера, совершенно неожиданно вбѣжала ко мнѣ Стеша. Увидавъ меня все еще лежавшимъ въ постелѣ, она бросилась мнѣ на шею и принялась крѣпко цѣловать меня.

— Господи, похудѣли-то какъ!—удивлялась она.—Краше въ могилу кладутъ...

Я лежалъ, смотрѣлъ на Стешу и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Не только не вѣрилъ, но даже испугался, думая, что со мной опять бредъ и опять галлюцинаціи. Я молча ощупывалъ ея руки, плечи, поправлялъ ей растрепавшіеся волосы, свалившійся съ головы платочекъ и пристально смотрѣлъ въ глаза. Стеша разсмѣялась даже.

— Не вѣрится, что ли?—спросила она.

— Стеша, дорогая моя!... Какими судьбами?—вскрикнулъ я, убѣдившись, наконецъ, что передо мной была она, дѣйствительно она, а не сновидѣніе и не бредъ.—Какими судьбами? Садись сюда на постель и разсказывай скорѣе все, все... Я такъ давно не видалъ тебя, не говорилъ съ тобой... Боже мой,—продолжалъ я, объятый восторгомъ,—это было такъ давно, какъ будто цѣлая вѣчность прошла послѣ того!... Садись же, милая, садись и разсказывай.

Стеша усѣлась на кровать и, обнявъ меня одною рукой, принялась разсказывать, какими именно судьбами она попала сюда. Оказалось, что все это произошло по милости мамзели и что не будь ея, не видать бы мнѣ и Стеши... Ночь была лунная, свѣтлая, какъ день, тихая, теплая и вотъ мамзели вздумалось гулять.

— Ужь очень ей ночь понравилась, — говорила Стеша. — А какъ только господа покушали и ушли почивать, она и говоритъ:

«Пойдемъ, Стеша, прогуляемся». И пошли... Сперва все по парку ходили, а потомъ, когда вышли на дорогу, она и говоритъ:

— Пойдемъ, больного провѣдаемъ. Это васъ-то то-есть. Я такъ и замерла отъ радости. Сперва, не повѣрила, думала, смѣется, шутитъ, а она взаправду. Вотъ мы и пошли, рощу березовую миновали... идемъ дальше, смотримъ, огонекъ у васъ засвѣтился. У меня индо сердце задрожало... Все еще не вѣрится мнѣ... Подошли, наконецъ, къ вашему полисадничку. Смотрю, сѣла мамзель на скамейку и говоритъ мнѣ. «Сбѣгай-ка, узнай». Вотъ я и прибѣжала. Теперь сказывайте, лучше ли вамъ иль нѣтъ?— прибавила она и весело засмѣялась.

— Значитъ, и мамзель съ тобой?—вскрикнулъ я.

— Здѣсь, со мной.

— Гдѣ-жь она?

— Говорю же, что на лавочкѣ сидитъ.

— Стало быть, она одна осталась? Но, вѣдь, у меня собаки.

— А Григорій Харитонычъ-то?—вскрикнула она.

— Да развѣ онъ съ вами?

— А я нешто не говорила?

— Ни полслова.

— Ну, значитъ, на радостяхъ, забыла,—проговорила она.— Съ нами, съ нами... все время съ нами былъ, подъ ручку съ мамзелью шелъ.

— Что же онъ-то не заглянулъ?

— И хотѣлъ было,—подхватила Стеша,—да мамзель не отпустила... Я, говоритъ, собакъ боюсь. Ну, вотъ мы такъ и порѣшили, что сперва онъ съ ней побудетъ, а потомъ я.

Прогулка мамзели съ Григоріемъ Харитонычемъ, да еще подъ ручку, мнѣ показалось крайне подозрительною, но тогда мнѣ было не до подозрѣній... Возлѣ меня была Стеша, я держалъ въ своихъ рукахъ ея руки, не спускалъ глазъ съ ея раскраснѣвшагося личика и мнѣ не было дѣла до остальныхъ. Только она одна, и никто больше не интересовалъ меня. Я принялся разспрашивать ее про ея житье-бытье въ Зыковѣ, хорошо ли ей живется, и на всѣ эти вопросы получилъ самые прискорбные отвѣты. Оказалось, что все разсказанное Григоріемъ Харитонычемъ было сущею правдой и что насмѣшки прислѣдуютъ ее повсюду.

— Загрызли, совсѣмъ загрызли,—говорила она.—Никуда показаться нельзя... Такъ все время и сижу въ мамзелиной комнатѣ. Спасибо она еще кое-когда беретъ съ собой... при ней-то не смѣютъ... ну, вотъ и промнешься немного... Купаться хожу съ ней...

а намедни съ барышней и съ ней въ лѣсъ за малиной ходили. Ужь такъ-то хорошо въ лѣсу было... птички пѣли... Вспомнила, какъ тогда за ландышами ходила. Для меня тотъ день замѣсто праздника показался... Ужь я плакала, плакала съ радости-то.

И, вдругъ перемѣнивъ тонъ и что-то вспомнивъ, она быстро заговорила:

— А, вѣдь, я забыла... Вѣдь, я вамъ радостную вѣсточку принесла.

— Какую?

— Барина молодого ждутъ... Скоро будетъ, вишь.

Вѣсть эта, дѣйствительно, была для меня очень радостною: Борисъ былъ мой пріятель, и мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что черезъ него я скорѣе всего куплю Стешу, что онъ упроситъ отца сдѣлать это и что отецъ непремѣнно исполнитъ его просьбу. Въ томъ же самомъ была убѣждена и Стеша.

Немного погодя она начала со мной прощаться.

— Ну, прощайте,—говорила она,—выздоравливайте, да поскорѣе къ намъ пріѣзжайте!...

Я обнялъ ее, расцѣловалъ и она быстро выбѣжала изъ комнаты, а на мѣсто ее явился Григорій Харитонычъ съ сіяющимъ лицомъ и довольною улыбкой.

— Вотъ вы все мамзель Дюваль подозрѣвали,—говорилъ онъ, забывъ прибавить даже столь часто употребляемое имъ слово «сударь».—Ну-съ, не правда ли, я докладывалъ вамъ, что это не такого сорта дѣвушка, которая рѣшилась бы на что-нибудь гнусное и позорное...

Я находился въ такомъ восторженномъ состояніи, что мнѣ было не до возраженій. Я только молча обнялъ его и расцѣловалъ, какъ говорится, на обѣ корки. Но этимъ еще не кончилось. Не прошло и пяти минутъ послѣ прихода Григорія Харитоныча, какъ въ двери моей комнаты раздался чей-то стукъ, а вслѣдъ за нимъ и голосъ мамзели... Этого я никакъ не ожидалъ.

— Можно мене войти?—спрашивала она.

Я отвѣтилъ, что можно, и въ комнату въ сопровожденіи Стеши вошла мамзель.

— О, бѣдный мальчикъ!—ужаснулась она, пристально смотря мнѣ въ лицо.—Узнать никакъ не можно... Только кожа и кости, и больше нѣтъ ничего: И носъ,—прибавила она,—совсѣмъ сталъ, какъ у птица...

Но замѣчаніе это нисколько даже не огорчило меня, такъ какъ я весь былъ преисполненъ восторженными чувствами и никакими

больше. Я позвалъ своего Алешку и приказалъ было ставить самоваръ, но мамзель отказалась отъ чая. Она объявила, что имъ пора домой, что и безъ того они опаздали и что ежели-бъ я, вмѣсто чая, далъ имъ какую-нибудь лошадку и телѣгу, то это было бы въ тысячу разъ лучше.

— Я очень, очень устала,—добавила она,—и ноги мои совсѣмъ не хотятъ меня слушать.

Я приказалъ запречь тарантасъ и черезъ полчаса онъ стоялъ уже у крыльца моего домика.

— Ну, вотъ и отлично,—говорила мамзель, собираясь въ путь,—мы сейчасъ поѣдемъ, но близко къ дому ѣхать нельзя... могутъ увидать и будетъ скандалъ... Мы будемъ далеко останавливаться и пѣшкомъ идти домой... Когда кто увидитъ, подумаетъ, что мы просто гуляли.

И, весело засмѣявшись, она протянула мнѣ руку. Все это время почтительно стоявшая въ углу Стеша подала ей какую-то мантилью и они уѣхали.

Я опять остался одинъ, но на этотъ разъ я испытывалъ не тоску, не отчаяніе, а, напротивъ, какое-то неизъяснимо-радостное чувство. Я дождался возвращенія кучера, узналъ отъ него, что гостей онъ доставилъ благополучно, что близко къ усадьбѣ они не подъѣзжали, что остановились не подалеку отъ больницы и что всѣ приказали мнѣ кланяться и благодарить.

Я загасилъ свѣчу и на этотъ разъ уснулъ богатырскимъ и, въ то же время, сладкимъ сномъ.

Григорій Харитонычъ навѣщалъ меня почти каждый день. Онъ былъ очень доволенъ благопріятнымъ ходомъ болѣзни и вскорѣ послѣ разсказаннаго вечера разрѣшилъ мнѣ встать съ постели и понемногу пріучать себя къ воздуху. Просиживалъ онъ у меня довольно подолгу и подробно сообщалъ всѣ зыковскія новости. Изъ разсказовъ его я узналъ, что, по случаю ожидаемаго пріѣзда молодого барина, въ Зыковѣ происходитъ великая суматоха. Въ домѣ все моютъ, обметаютъ. Въ паркѣ чистятъ, вырубаютъ сушникъ. Самъ Окатовъ каждый день на конномъ заводѣ, присутствуетъ при выводкѣ и проѣздкѣ лошадей, каждый день заглядываетъ на псарный дворъ, и словно забылъ про поля и гумно, гдѣ происходила поспѣшная уборка созрѣвшихъ хлѣбовъ. Урожай оказался превосходнымъ и громадное гумно Окатова заставлялось скирдами, словно село строеніемъ.

Отъ того же Григорія Харитоныча узналъ я, что Борисъ проживетъ въ Зыковѣ не долго, а затѣмъ отправится скупать ло-

шадей по ярмаркамъ и по заводамъ, которыхъ въ нашей мѣстности насчитывалось въ то время не малое количество.

Поскорѣе увидать Бориса было тогда единственнымъ моимъ желаніемъ. Нетерпѣніе мое росло съ каждымъ днемъ, и такъ какъ путь ему лежалъ какъ разъ мимо моей усадьбы, то я по нѣскольку разъ въ день выходилъ на дорогу и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться экипажъ. Однако, дни проходили, а его все не было.

Однажды какъ-то, будучи въ хорошемъ расположеніи духа и чувствуя себя какъ-то особенно легко, я задумалъ навѣстить Окатовыхъ и, кстати, повѣрнѣе узнать о времени пріѣзда Бориса. Не скрою, что хотѣлось повидаться и со Стешей. Окатовъ принялъ меня по-родственному, обнялъ меня, расцѣловалъ, подивился моей перемѣнѣ и сердечно порадовался тому, что я, наконецъ, поправился и что онъ снова видитъ меня здоровымъ. За то старуха Окатова чуть не расплакалась, увидавъ мою перемѣну. Она даже руками всплеснула и во всемъ принялась обвинять мужа, не исполнившаго ея просьбы и ходатайствъ.

— Ну, а теперь-то забылъ, что ли?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Вотъ горе-то!—замѣтила она.

Но она, также какъ и я, всѣ свои надежды возлагала на Бориса, который, конечно, устроитъ это дѣло лучше всѣхъ.

Я провелъ у нихъ цѣлый день, узналъ, что Бориса ждутъ со дня на день, и даже видѣлся съ Стешей, съ которой поговорилъ довольно долгое время. Она даже успѣла разсказать мнѣ, какъ горничныя, завидѣвъ меня, прибѣжали объявить ей, что пріѣхалъ женихъ и чтобъ она шла поскорѣе встрѣчать меня.

Уѣхалъ я отъ нихъ вскорѣ послѣ ужина, но каково было мое удивленіе, когда, проѣзжая мимо парка, я вдругъ увидалъ на одной изъ его дорожекъ Григорія Харитоныча и мамзель. Они сидѣли на скамейкѣ и о чемъ-то говорили. Я хотѣлъ было остановить лошадь и подойти къ нимъ, но, убѣдившись, что они меня не замѣчаютъ, раздумалъ и поѣхалъ дальше.

Однако, таинственная бесѣда эта меня очень заинтересовала и, сказать откровенно, возбудила во мнѣ много разныхъ соображеній.

Разъ какъ-то, часу въ пятомъ вечера, я вышелъ на крылечко и увидалъ густое облако пыли, поднимавшееся по дорогѣ. Мнѣ почему-то тотчасъ же пришло въ голову, что это ѣдетъ Боря. Я вышелъ на дорогу и началъ вглядываться. Облако быстро приближалось, а немного погодя я могъ разглядѣть уже тарантасъ, за-

пряженный пятерикомъ почтовыхъ лошай и быстро мчавшійся по гладкой проселочной дорогѣ. Я даже разглядѣлъ, что въ тарантасѣ сидѣло двое офицеровъ въ высокихъ бѣлыхъ картузахъ, а на козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, рослый солдатъ въ бѣлой же фуражкѣ, надѣтой на бекрень. Не было сомнѣнія, что то былъ Боря. Лошади летѣли карьеромъ и тарантасъ замѣтно приближался.

— Стой, стой!—кричалъ я, когда онъ поравнялся со мной, и, снявъ фуражку, принялся махать ею въ воздухѣ.

Одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ меня, вскочилъ на ноги и тоже закричалъ: «Стой, стой!» Но разскакавшихся лошадей остановили не скоро и мнѣ пришлось бѣжать за тарантасомъ.

— Боря!—кричалъ я,—постой, погоди!...

Онъ на ходу выскочилъ изъ тарантаса и бросился обнимать меня.

— Здравствуй!—кричалъ онъ.—Какъ поживаешь? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—но, не дождавшись отвѣта, заговорилъ о родителяхъ.—Ну, что, какъ старики мои? отецъ, мать?... Сестра какъ?

— Всѣ здоровы и ждутъ тебя.

— Ну, еще бы, въ особенности мать... Плачетъ, небось?

И, вдругъ схвативъ меня за талію, подтащилъ къ тарантасу.

— Постой-ка, я тебя съ товарищемъ познакомлю...

И, познакомивъ меня съ сидѣвшимъ въ тарантасѣ усастымъ офицеромъ лѣтъ сорока, заговорилъ съ нимъ по-французски.

— Ты вотъ что сдѣлай,—говорилъ онъ.—Поѣзжай шашкомъ, а я съ пріятелемъ немного пѣшкомъ пройдусь. Кстати и лошади немного вздохнутъ, а то мы ихъ совсѣмъ загнали.

И, сбросивъ на руки соскочившему съ козелъ деньщику свою шинель, онъ крикнулъ: «Ступайте шагомъ!»

Лошади тронулись, а мы пошли вслѣдъ за тарантасомъ. Я не сводилъ глазъ съ Бориса и положительно залюбовался имъ. Это былъ молодой человѣкъ, стройный, высокій, съ розовымъ, совсѣмъ еще юнымъ лицомъ и только что пробившимися усиками. Красивый форменный сюртукъ съ эполетами, стройно обрисовывавшій его талію, бѣлый картузъ и ботфорты, съ пристегнутыми къ нимъ шпорами, придавали ему еще болѣе красоты и щеголеватости. Онъ положительно засыпалъ меня вопросами, и, не давъ отвѣтить на одинъ, задавалъ уже другой. Говорилъ онъ быстро, торопливо, перескакивая съ предмета на предметъ и изрѣдка сопровождая свои слова хохотомъ.

— Да что это ты такъ осунулся, братецъ? — спросилъ онъ,

пристально посмотрѣвъ на меня.—Словно старикъ какой-то. Блѣдный, худой... Хворалъ, что ли?

— Да, прихворнулъ, немного.

— То-то!—вскрикнулъ онъ, вынувъ изъ кармана какую-то машинку.—А я ужь испугался... Думалъ, живетъ человѣкъ въ деревнѣ, какъ разъ омужичится...

— Отчасти и такъ,—засмѣялся я.

— Ну, полно, братецъ, какъ тебѣ не стыдно?

И, щелкнувъ, какъ-то, машинкой, закурилъ объ нее сигару.

— Видалъ?—спросилъ онъ, показывая мнѣ машинку.

— Нѣтъ.

— Новое, братецъ, огниво.

И, тотчасъ же захохотавъ, спросилъ:

— А вы здѣсь все еще, небось, объ сальныя свѣчки трубки закуриваете... Ну, что отецъ?... Попрежнему, трубку сосетъ? И, попрежнему, козачекъ ихъ набиваетъ?

— Попрежнему.

Борисъ захохоталъ.

— Чудакъ! А, все-таки, хорошій старикъ, денегъ не жалѣетъ. Ну, а какъ урожай въ нынѣшнемъ году? Хорошій, да?

— Хорошій.

— И отлично... а то деньги потребуются... Въ картишки, братецъ, продулся немного.

— Зачѣмъ же ты играешь?—замѣтилъ я.

Но Борисъ уже не слушалъ меня, а, схвативъ за плечи, принялся поворачивать меня во всѣ стороны.

— А препотѣшный ты, братецъ, въ этомъ костюмѣ... Небось, все знаменитый Николай Иванычъ обшиваетъ васъ? Живъ онъ?

— Живъ.

— Кудрявый, съ вострымъ носомъ и всегда мотокъ нитокъ за ухомъ... Помню, помню... Болванъ битый, а, все-таки, преполезный хамъ оказался... Онъ же и отца обшиваетъ?

— И отца, и всю прислугу,—отвѣтилъ я,—да и всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ.

— Воображаю, какими вы здѣсь уродами ходите... Ну, а попъ? Все тотъ же Василій Давыдычъ?

— Все тотъ же.

— Вотъ это ужь несчастіе!

— А что?

— Начнетъ теперь щами разными кормить, кишками фаршированными, битками, ватружками... Ахъ, да... горничныя есть хо-

рошенькія?... Ты по этой части, вѣроятно, ходокъ теперь... первый ловеласъ?

— Ошибаешься,—отвѣтилъ я сухо, а у самого сердце такъ и замерло.

Но Борисъ даже и вниманія не обратилъ на мой отвѣтъ и уже разспрашивалъ про мамзель, которую еще не видалъ и о существованіи которой зналъ лишь по письмамъ.

— Старуха, говорятъ?

— Лѣтъ тридцати слишкомъ...

— О, чортъ бы ее побралъ!... Ну, а какъ собаки?—спросилъ онъ, быстро перемѣнивъ тонъ. — Въ порядкѣ?

— Кажется, въ порядкѣ.

— Есть рѣзвыя?

— Есть.

— И злобныя?

— Да.

— А гончія?

— Гончія отличныя.

— Ну, слава Богу!... Наслу-то кое-что хорошее нашлось!

И онъ, словно уставъ отъ разспросовъ, замолчалъ. Я воспользовался этимъ и спросилъ его о пріѣхавшемъ съ нимъ офицерѣ. Борисъ даже расхохотался.

— А это, братецъ, ротмистръ, маркизъ Лятуръ де-ля-Грену́ль, товарищъ по полку, отличный малый, но запивоха темная,—проговорилъ онъ.—Раза по три въ день напивается... Теперь у насъ въ полкахъ этихъ французовъ эмигрантовъ нетолченая труба. И графы, и маркизы, и дюки,— всего, чего хочешь... Революція-то не по вкусу пришлась, они и пожаловали къ намъ... Теперь они у насъ въ модѣ... Я взялъ его съ собой потому, во-первыхъ, что онъ большой знатокъ въ лошадяхъ, а, во-вторыхъ, все-таки, вдвоемъ веселѣе... Вѣдь, я пріѣхалъ сюда ремонтъ покупать. Ну, вотъ онъ мнѣ и пригодится, Грену́ль-то этотъ...

И онъ опять захохоталъ.

— Однако, пора,—проговорилъ онъ.—Не мѣшаетъ и къ родителямъ поторопиться. Заждались, я думаю.

И, снова обнявъ меня, онъ прибавилъ:

— Ты пріѣзжай поскорѣй, поболтаемъ, старинку вспомнимъ.

— Непремѣнно.

— Ну, а пока до свиданія.

И, взглянувъ на меня, снова расхохотался.

— Не могу, братецъ, безъ смѣха смотрѣть на тебя. И откуда

только этотъ знаменитый Николай Ивановъ такіе вамъ фасоны откапываетъ?

И, вдоволь нахохотавшись, прибавилъ:

— Нѣтъ, ради Бога, не уродуй себя... Ну, что за охота?... Вѣдь, это уродство, прямо уродство. Въ Петербургѣ тебя ни въ одинъ порядочный домъ не пустили бы.

— Одѣваюсь, какъ и всѣ,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, мы вотъ что сдѣлаемъ,—перебилъ онъ.—Я отлично умѣю мѣрки снимать... Я сниму съ тебя мѣрку и закажу тебѣ платье въ Петербургѣ.

И онъ крикнулъ ямщику, чтобы тотъ остановился.

Мы подошли къ тарантасу. Деньщикъ успѣлъ уже соскочить съ козелъ и держалъ въ поднятыхъ рукахъ развернутую шинель Бориса. Онъ подставилъ спину и, поймавъ шинель плечами, однимъ прыжкомъ очутился въ тарантасѣ. Ротмистръ маркизъ Лятуръ де-ля-Гренуль спалъ и храпѣлъ отчаяннымъ образомъ.

Тарантасъ полетѣлъ дальше, а я повернулъ назадъ и медленно направился домой. Встрѣча съ другомъ дѣтства пришлась мнѣ не по сердцу и я возвратился домой подъ весьма непріятнымъ впечатлѣніемъ.

Слѣдующій день я пропустилъ, очень хорошо понимая, что въ Зыковѣ теперь идетъ суматоха и что Окатовымъ будетъ, пожалуй, не до меня, а спустя сутки отправился. Чтобы не казаться смѣшнымъ, я надѣлъ лучшую пару, которую только къ Пасхѣ сшилъ мнѣ крѣпостной окатовскій портной Николай Ивановъ, побрился, пригладился и на этотъ разъ былъ вполнѣ увѣренъ, что не возбужу собою хохота.

Однако, переговорить съ Борисомъ по поводу своего дѣла мнѣ удалось не скоро, ибо пріѣздъ его ознаменовался цѣлымъ рядомъ торжествъ и празднествъ. Положимъ, онъ привезъ намъ не мало тревожныхъ извѣстій относительно завоевательныхъ плановъ Наполеона,—Наполеошки, какъ называли его тогда,—но всѣ эти вѣсти не особенно безпокоили насъ, во-первыхъ, потому, что Наполеошка въ Россію еще не собирался, а, во-вторыхъ, намъ лично никакого не было до него дѣла. Наполеошка безпокоилъ въ то время помѣщиковъ тѣмъ только, что по милости его производились усиленные наборы, крайне для нихъ обременительные. И такъ, поговоривъ немного о Наполеошкѣ, мы махнули на него рукою и принялись за веселенія. Они продолжались цѣлую недѣлю и затѣмъ долгое время служили еще темою всевозможныхъ разговоровъ. Въ Зыково съѣхались не только всѣ окрестные помѣщики съ своими семьями,

но даже и помѣщики всего уѣзда. Дворъ былъ заставленъ всевозможными экипажами, а людскіе флигеля переполнены пріѣхавшею съ господами прислугой.

Празднество началось, конечно, молитвой. Была отслужена парадная обѣдня, затѣмъ благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ прибытіи въ Зыково боярина Бориса и, наконецъ, торжественное же поминовеніе усопшихъ, покоившихся на «господскомъ кладбищѣ». Послѣ этого начались увеселенія. Открылись они народнымъ праздникомъ, на который были приглашены какъ свои, такъ и окрестные крестьяне, а равно бабы и дѣвки. Для нихъ былъ устроенъ на дворѣ обѣдъ, а затѣмъ разныя увеселенія, состоящія изъ качелей и подарковъ, развѣшанныхъ по высокимъ шестамъ. Народный праздникъ продолжался только одинъ день, а господскіе, какъ я сказалъ выше, цѣлую недѣлю. Они состояли изъ ежедневныхъ завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ, въ промежуткахъ которыхъ устраивались маленькіе пикнички, катанье на лодкахъ, кавалькады, а по вечерамъ танцы. Окатовъ былъ счастливъ, какъ никогда. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своего «молодца сына» и не могъ достаточно налюбоваться имъ. Гладко выбритое лицо его сіяло радостью и пріятная улыбка не сходила съ его розовыхъ губъ. Онъ былъ со всѣми ласковъ, предупредителенъ и не зналъ, какъ и чѣмъ угодить гостямъ, пріѣхавшимъ раздѣлить съ нимъ его семейную радость. Были отъ него въ восторгѣ и гости, особливо барышни, которымъ давно уже не приводилось такъ много танцовать и такъ весело проводить время. Борисъ и товарищъ его маркизъ де-Лятуръ положительно не отходили отъ нихъ и одинъ передъ другимъ изощрялись въ придумываніи разныхъ забавъ и развлеченій. Не отставала отъ нихъ мамзель и, встрѣтившись съ своимъ соотечественникомъ, оживилась еще болѣе. Только одна старушка Окатова, которой были въ тягость всѣ эти наряды и празднества и едва таскавшая ноги отъ утомленія, не совсѣмъ-то была довольна происходившимъ въ домѣ. Она нѣсколько разъ ловила меня за рукавъ, уводила въ свою комнату и, усѣвшись въ кресло, принималась жаловаться на мужа, затѣявшаго весь этотъ «содомъ», какъ выражалась она.

— Помилуй,— говорила она, — вотъ цѣлую недѣлю живетъ здѣсь Боря, а мнѣ еще ни разу путемъ поговорить съ нимъ не пришлось... все урывками да ущипками...

Грѣшное дѣло, не нравился и мнѣ этотъ «содомъ». Мало того, мнѣ не нравился даже и самъ Борисъ. Я даже сталъ бояться его, и, ждавшій его съ такимъ нетерпѣніемъ прежде, я началъ столь же

нетерпѣливо ожидать его отъѣзда. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Разъ какъ-то Стеша сообщила мнѣ, что встрѣтилась съ «молодымъ бариномъ» въ корридорѣ; онъ остановилъ ее, спросилъ, какъ зовутъ и, приласкавъ, подарилъ ей яблоко. А затѣмъ, встрѣтившись въ другой разъ, обнялъ и поцѣловалъ ее. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но... я былъ уже самъ не свой и, взамѣнъ дружбы, въ ту же секунду почувствовалъ къ Борису ненависть. Я не замедлилъ обо всемъ этомъ сообщить мамзели, прося ее защитить какъ-нибудь Стешу отъ дальнѣйшихъ покушеній петербургскаго ловеласа. Мамзель была очень возмущена этимъ поступкомъ и дала мнѣ слово оберегать Стешу.

— За нее я ручаюсь,— говорила она мнѣ по-французски,— я убѣдилась, что это честная и порядочная дѣвушка, что любитъ тебя, но въ честности и порядочности молодого Окатова не убѣждена... Но теперь я буду зорко слѣдить за нимъ и не дамъ ему Стешу въ обиду.

Это меня нѣсколько успокоило, но, тѣмъ не менѣе, отношенія мои къ Борису измѣнились къ худшему.

Наконецъ, наступилъ послѣдній день торжества.

Этотъ день былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ.

Утромъ — охота съ гончими по волкамъ. Въ полдень — завтракъ въ лѣсу и привалъ. Послѣ привала—возвращеніе домой въ наѣздку съ борзыми. Въ четыре часа—обѣдъ въ домѣ. Въ десять—фейерверкъ, или, какъ называли тогда, «потѣшные огни» въ паркѣ и затѣмъ ужинъ. Программа эта была объявлена гостямъ наканунѣ и всѣ пришли въ восторгъ, только барышни упросили, чтобы между обѣдомъ и потѣшными огнями были вставлены танцы. Окатовъ исполнилъ желаніе барышень и танцы были включены.

День этотъ удался какъ нельзя лучше. Охота съ гончими по волкамъ превзошла ожиданія, ибо весь выводокъ, состоявшій изъ двухъ старыхъ, одного перетока и пяти волчатъ, былъ взятъ цѣликомъ. Одного стараго затравилъ Борисъ, котораго и сострюнилъ живьемъ одинъ изъ подоспѣвшихъ борзятниковъ. Перетокъ хотѣлъ было переплыть рѣку и перебраться на противуположную сторону, но былъ на-плыву задавленъ сворою Окатова. Другого стараго затравилъ маркизъ, а молодыхъ волчатъ словили гончія. Удачная охота и довольное расположеніе духа охотниковъ содѣйствовали и успѣху завтрака. Завтракали на полянкѣ, въ лѣсу... много пили, много говорили, еще больше смѣялись и шутили и, наконецъ, отдохнувъ и наговорившись, сѣли на коней и, прямо степью, отправились въ наѣздку съ борзыми, по направленію къ дому. Переѣздъ былъ не-

большой; однако, все-таки, затравили лису и двухъ зайцевъ, и охота была бы вполнѣ счастливою, ежели бы только съ маркизомъ не случилось маленькаго приключенія. Оказалось, что, изрядно выпивши за завтракомъ, онъ заснулъ на лошади, для чего-то запутавъ свору за поясъ. Выскочилъ русакъ, собаки рванулись и злосчастный маркизъ полетѣлъ съ лошади. Однако, онъ такъ удачно упалъ, что даже не ушибся, и потому все это приключеніе кончилось лишь однимъ смѣхомъ.

За то потѣшные огни, дѣйствительно, оказались препотѣшными. Приготовлялъ ихъ домашній пиротехникъ, онъ же и кузнецъ, и, какъ видно, либо не доложилъ чего-нибудь, либо переложилъ. Ракеты его, изрыгая цѣлые фонтаны искръ, почему-то летѣли не вверхъ, а въ сторону и прямо въ публику, среди которой и начинали метаться въ разныя стороны. Публика эта, состоявшая изъ дворовыхъ людей и крестьянскихъ бабъ и дѣвокъ, неистово визжала, орала и, въ то же время, хохотала до упаду. Изрѣдка раздавались остроты, насмѣшки и веселью не было конца. Хохотали и господа, стоявшіе поодаль и въ безопасномъ мѣстѣ. Только одному пиротехнику было не до смѣха. Онъ метался, какъ угорѣлый, опалилъ себѣ всѣ волосы и усы и, весь перепачканный сажей, чуть не проклиналъ своего помощника, испортившаго будто бы все дѣло прибавленіемъ пороха. То же самое произошло и съ колесами, и съ фонтанами, и съ остальными номерами потѣшныхъ огней, такъ какъ всѣ они были набиты однимъ и тѣмъ же составомъ и всѣ, какъ нарочно, направлялись прямо въ публику. Тѣмъ не менѣе, однако, труды пиротехника были награждены громкими рукоплесканіями и было приказано даже поднести ему большой стаканъ водки.

Послѣ ужина всѣ разошлись спать, а я отправился домой.

Но оказалось, что домой я попалъ не скоро и что, прежде чѣмъ попасть домой, мнѣ пришлось пережить нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ. Дѣло было такъ.

Только что спустился я съ крыльца, какъ увидалъ прижавшуюся за уголъ Стешу. На ней не было лица и вся она нервно дрожала. Завидѣвъ меня, она выскочила изъ своей засады и упала ко мнѣ на грудь.

— Вы не уѣзжайте,—говорила она взволнованнымъ голосомъ,—ради Бога, не уѣзжайте!...

— Что такое?—вскрикнулъ я, впередъ догадываясь, въ чемъ дѣло.—Опять развѣ?

— Онъ мнѣ прохода не даетъ... Два раза въ паркѣ ловилъ.. «Не отстану, говоритъ, отъ тебя. Приходи непремѣнно». Коли не

вѣрите, Григорія Харитоныча спросите, онъ, должно быть, видѣлъ и слышалъ. Мало того, солдата своего подсылалъ ко мнѣ. Тотъ мнѣ деньги давалъ даже. «Приходите, говоритъ, въ бесѣдку, онъ будетъ тамъ ждать васъ». Ужь я мамзелѣ жаловалась... Ради Господа, не уѣзжайте!

Кровь хлынула мнѣ въ голову и я возвратился въ домъ.

Въ парадныхъ комнатахъ огни были погашены. Я прошелъ залу, гостиную и, осторожно отворивъ балконную дверь, спустился въ паркъ. Я направился прямо къ бесѣдкѣ... Я чувствовалъ, какъ клокотала во мнѣ кровь и какъ дыханіе спиралось у меня въ груди... Я нарочно замедлялъ свои шаги, чтобы дать успокоиться нервамъ и чтобы хоть сколько-нибудь овладѣть собою. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до бесѣдки, я услыхалъ голосъ Бориса.

— Дуракъ!—горячился онъ.

— Ничего не подѣлаешь, ваше благородіе,—раздался голосъ деньщика.—Даже денегъ не взяла.

— Ступай и тащи!—закричалъ Борисъ.

— Слушаю-съ, ваше благородіе.

— Охотой не пойдетъ, силой приволоки, а чтобъ была...

— Слушаю-съ.

И солдатъ вышелъ изъ бесѣдки и направился къ дому.

Я едва устоялъ на ногахъ, ухватился за дерево и насилу могъ опомниться. Такъ простоялъ я минуты двѣ. Наконецъ, мнѣ какъ будто стало легче и я вошелъ въ бесѣдку.

Борисъ сидѣлъ за небольшимъ столикомъ, на которомъ горѣла сальная свѣча, и курилъ сигару. Увидавъ меня, онъ вскочилъ на ноги и удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Вѣдь, ты простился, кажется?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я и немощно опустился на диванъ.

Борисъ, какъ видно, замѣтилъ мою блѣдность и, подбѣжавъ ко мнѣ, спросилъ:

— Что съ тобой, братецъ? Ты болѣнъ?

— Да.

И, нѣсколько собравшись съ силами, я проговорилъ:

— Послушай, Борисъ. Я къ тебѣ съ просьбой.

— Сдѣлай милость, братецъ, очень радъ.

— Оставь, пожалуйста, эту дѣвушку...

— Какую?—удивился онъ.

— Не притворяйся, ради Бога, вѣдь, я все знаю... Ту, за которой ты сейчасъ солдата послалъ.

— Ты что же, неравнодушенъ, что ли, къ ней?... Ухажива-

ешь? Вотъ ужь никакъ не ожидалъ,—вскрикнулъ онъ, засмѣявшись,—встрѣтить въ тебѣ соперника!

— Не соперникъ я, а по-пріятельски прошу.

— А препикантная, чортъ возьми... аппетитная... Такихъ не уступаютъ.

— Это будетъ подло съ твоей стороны,—заговорилъ я, чувствуя, что кровь хлынула мнѣ въ голову.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности!

— Борисъ,—вскрикнулъ я,—давно ли ты сталъ такимъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ познался женщинъ. Совѣтую и тебѣ не пренебрегать ими... На то и молодость... Нѣтъ, ты вотъ что скажи,—спросилъ онъ, перемѣнивъ тонъ:—ты въ интригѣ съ ней?

— Не въ интригѣ, а люблю ее.

— Что-о?

— Мало того, жениться хочу.

Этого Борисъ не ожидалъ и, всплеснувъ руками, вскрикнулъ:

— На Стешкѣ?! На той самой, за которой я солдата послалъ?

— Да, на той самой.

— Да ты въ умѣ, что ли?

— Въ полномъ.

— Да, вѣдь, это же простая дѣвка.

— Знаю.

— И, вдобавокъ, крѣпостная.

— Знаю и это.

— Вѣдь, ее на конюшнѣ пороть можно...

— Замолчи, Борисъ, умоляю тебя!

— Вѣдь, ее такъ же, какъ любую собаку, купить и продать можно.

— Продай,—подхватилъ я.—Продай мнѣ ее, ради Бога, продай, прошу тебя... Я только объ этомъ и хлопочу... Твой отецъ отказалъ мнѣ въ этомъ, но онъ боготворитъ тебя и ты можешь уговорить его... Уговори, прошу тебя, какъ друга дѣтства.

Борисъ задумался, прошелся раза два по бесѣдкѣ и затѣмъ, подсѣвъ ко мнѣ, обнялъ меня одною рукой.

— Послушай, дружище,—проговорилъ онъ,—ну, хорошо, брошу я ее... чортъ съ ней... не стоитъ она того, чтобы ради нея с тобой ссориться. Но только, прошу тебя, выкинь ты изъ головы эту дурь. Ну, какая она тебѣ пара? Какая она тебѣ жена? Сдѣлать ее своею любовницей,—это я еще допускаю, хотя и въ этомъ немало мерзости, но... женой! Фи!... Вѣдь, это позоръ, тебя ни одинъ

порядочный человѣкъ къ себѣ въ домъ не пуститъ!... Опомнись! Неужели ты до такой степени омужичился, что способенъ даже жениться на мужичкѣ?

— Послушай, Борисъ!—вскрикнулъ я, вскочивъ съ мѣста и отстраняя его руку.—Я пришелъ къ тебѣ не за совѣтами... Скажи прямо: упросишь ты отца продать мнѣ Стешу? Да или нѣтъ?

— Ты ставишь вопросъ ребромъ?

— Да или нѣтъ?

— И ты женишься?

— Понятно.

— Въ такомъ случаѣ, нѣтъ. А чтобы окончательно излечить тебя отъ твоей дурацкой идеи,—продолжалъ онъ, видимо, разгорячившись,—нынѣче же ночью твоя невѣста будетъ у меня, тогда я посмотрю, какъ ты женишься на ней.

— Ты не сдѣлаешь этого!—вскрикнулъ я.

— Сдѣлаю!

— Нѣтъ!

— Даю тебѣ слово!

Но тутъ я уже не выдержалъ. Сердце замерло, въ глазахъ помутилось. Я сжалъ кулаки и ринулся на стоявшаго передъ мной Бориса. Онъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, схватилъ стулъ и, замахнувшись имъ на меня, вскрикнулъ:

— Пи съ мѣста, милостивый государь, иначе я раскрою вамъ черепъ!

Но въ эту самую минуту дверь распахнулась и на порогѣ показалась мамзель.

— Какъ!—вскричала она.—И вы рѣшитесь на такой гнусный поступокъ? Вы—русскій дворянинъ... вы, носящій на себѣ этотъ мундиръ, вы—почти еще юноша, сердце котораго не могло еще ни очерстветь, ни опошлиться?... Опомнитесь и возьмите ваши слова назадъ... Не онъ запятнаетъ честь русскаго дворянства, женившись на крѣпостной дѣвушкѣ, а тотъ, кто лишитъ ее добраго имени, воспользовавшись ея беззащитнымъ положеніемъ и своею грубою
ой. Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, иначе вы не имѣете права
ть дворяниномъ и носить этотъ мундиръ. Сбросьте его съ себя
объявите, что вы мужикъ!

— Мамзель Дюваль, вы забываетесь!—вскрикнулъ Борисъ, за-
тучавъ стуломъ.

— Нѣтъ, мамзель Дюваль знаетъ, что говоритъ, и на этотъ разъ
забывается... Но знайте впередъ, что я, дочь свободной Фран-

ціи, не дозволю вамъ посягнуть на доброе имя дочери крѣпостной Россіи...

И, обратясь ко мнѣ, она прибавила:

— Пойдемъ, мой бѣдный мальчикъ... Намъ здѣсь дѣлать нечего.

И почти силой вывела меня изъ бесѣдки.

Немного погодя мы чуть не бѣжали съ нею по темной аллеѣ парка и направлялись въ совершенно противуположную сторону дома. Я опомнился только тогда, когда, миновавъ паркъ, мы вышли на дорогу, ведущую къ моей усадьбѣ.

— Куда же мы идемъ?—вскрикнулъ я.

— Молчи... Я знаю, куда.

— Но, вѣдь, тамъ осталась она... что будетъ съ нею?

— Молчи и иди скорѣе... Мѣшкать нельзя...

Мы чуть не бѣжали. Ночь была темная и я съ трудомъ различалъ мелькавшіе мимо насъ предметы. Однако, я разсмотрѣлъ, все-таки, что мы шли лугами и что кое-гдѣ встрѣчались намъ стога сѣна. Мамзель шла молча, заставивъ молчать и меня. Я не смѣлъ нарушить ея распоряженій и слѣпо отдался ей. Но неизвѣстность, все-таки, мучила меня и я, все-таки, старался разгадать ее. Но нервы мои были такъ напряжены и такъ истерзаны, что голова моя положительно не могла работать. Наконецъ, показалась и березовая роща. Я чувствовалъ, что подо мной подкашивались ноги и что я насилу передвигаю ихъ. Все мною пережитое за это время и недавняя болѣзнь значительно поубавили во мнѣ силъ.

— Давайте отдохнемъ,—говорилъ я.

Но мамзель была неумолима и быстро продолжала путь.

Наконецъ, мы вошли въ рощу. Тамъ было еще темнѣе и трудно было разсмотрѣть что-либо. Я спотыкался на каждомъ шагу, зацѣпляя за корни деревъ, тогда какъ мамзель свободно разглядывала ихъ и еще свободнѣе черезъ нихъ перепрыгивала. Такъ прошли мы половину рощи. Вдругъ въ лѣсу послышался какой-то шорохъ и трескъ. Мамзель быстро остановилась и, вся превратившись въ слухъ, начала прислушиваться. Шорохъ повторился. Она прикашлянула и въ отвѣтъ послышался такой же кашель.

— Вы?—спросила мамзель.

— Мы,—отозвался кто-то.

И, въ то же время, передъ нами словно изъ земли выросли Стеша и Григорій Харитонычъ.

— Стеша!—вскрикнулъ я и бросился въ ея объятія.

Немного погодя мы сидѣли уже въ той самой лощинкѣ, близь родничка, въ которой Стеша собирала весной ландыши. Усѣлись мы

въ кружокъ. Но я все еще не понималъ, зачѣмъ мы сюда пришли, что̀ будемъ дѣлать и какъ очутился здѣсь Григорій Харитонычъ. Я только сидѣлъ, держалъ Стешу за руку и былъ безмѣрно счастливъ, имѣя ее возлѣ себя.

— Ну, что-съ? Какъ-съ?—допрашивалъ тѣмъ временемъ Григорій Харитонычъ.—Чѣмъ покончились, мамзель Дюваль, ваши объясненія съ молодымъ бариномъ-съ?

Мамзель, вмѣсто отвѣта, только плюнула.

— Я такъ и ожидалъ-съ,—замѣтилъ онъ.—Придется, вѣрно, сдѣлать по-моему. Другого выхода нѣтъ-съ.

— Слушай!—вскрикнула вдругъ мамзель, обращаясь ко мнѣ.—У тебя есть такія хорошія лошади, которыя бы могли, какъ птицы, проскакать верстъ десять?

— Есть,—отвѣтилъ я.—Но зачѣмъ же вамъ лошади?

— Это не твое дѣло.

Григорій Харитонычъ даже расхохотался.

— Какъ же не ихнее-то, мамзель Дюваль?—спросилъ онъ.

— Конечно, не его. Его дѣло только заложить лошадей, сѣсть, посадить меня и Стешу и ѣхать вмѣстѣ съ нами туда, куда я прикажу... Даже и тамъ, куда мы пріѣдемъ, ему тоже нечего будетъ дѣлать... Все устрою я, а не онъ, потому что онъ не съумѣетъ устроить такъ, какъ съумѣю устроить я. Онъ еще совершенно неопытный и его надо водить на помочахъ. Значитъ, его дѣло только стать подъ вѣнецъ и повѣнчаться,—только и всего.

Григорій Харитонычъ опять разсмѣялся и, видя мое недоумѣніе, поспѣшилъ разъяснить дѣло.

— Вотъ изволите ли видѣть, сударь,—началъ онъ обычнымъ мягкимъ тономъ.—Предвидя отказъ барина уступить вамъ Степаниду Петровну, я далъ совѣтъ поступить слѣдующимъ образомъ, а именно: повѣнчать васъ, вопреки волѣ господина-съ...

— Меня повѣнчать?—вскрикнулъ я.—Да, вѣдь, я о томъ только и хлопочу... Но возможно ли это?

— Позвольте-съ, выслушайте меня...

— Не перебивай!—крикнула мамзель.

— Продолжайте, продолжайте...

— Собственно говоря,—началъ Григорій Харитонычъ,—невозможнаго на свѣтѣ очень немного-съ. Разница въ томъ только, что одно дается легче, а другое труднѣе. Ваше дѣло, сударь, не особенно трудное, но къ нему примѣшивается одно очень серьезное обстоятельство...

— Какое же?—спросилъ я.

— А вотъ извольте выслушать...

— Не перебивай!—крикнула опять мамзель.

— Я уже докладывалъ прежде мамзель Дюваль, принимающей столь живое участіе въ судьбѣ вашей,—продолжалъ Григорій Харитонычъ,—а передъ вашимъ приходомъ сюда сообщилъ и Степанидѣ Петровнѣ, что въ мордовскомъ вольномъ селѣ Пишляѣ у меня имѣется знакомый священникъ, отецъ Григорій, который съ удовольствіемъ повѣнчаетъ васъ и безъ разрѣшенія господина. Въ мордвахъ браки всегда совершаются тайно, ибо тамъ считается позоромъ, ежели женихъ не украдетъ свою невѣсту. И такъ, тамошнему духовенству это не въ диковину и оно къ подобнымъ бракамъ относится весьма хладнокровно-съ. Я знакомъ съ этимъ священникомъ, лечу его и все его семейство, мы съ нимъ пріятели и вотъ-съ, не дальше, какъ третьяго дня, будучи у него, я намекнулъ ему про ваше дѣло-съ...

— Ну, и что же онъ?

— Молчи!—разсердилась мамзель.—Ты все перебиваешь!

— Сначала,—продолжалъ Григорій Харитонычъ,—онъ, конечно, заупрямился, но потомъ, переговоривши съ матушкой и причетниками, пригласилъ меня въ садикъ пить чай. И вотъ тамъ-то, сидя на скамеечкѣ, началъ чертить посошкомъ на пескѣ цифру 100. Сначала, признаться, я и вниманія не обратилъ на его рисованіе, но потомъ, замѣтивъ, что онъ упорно продолжаетъ выписывать эту цифру, я догадался, взялъ у него посошокъ и начертилъ 50. Онъ захохоталъ, стеръ мою цифру и, снова выставивъ 100, объявилъ, что меньше ни гроша.

Въ то время сто рублей ассигнаціями, конечно, составляли большую сумму, у меня таковой не было, добиться было негдѣ, и потому я невольно вздохнулъ и поникъ головой.

— Вотъ въ этой-то цифрѣ, — прибавилъ Григорій Харитонычъ,—и состоитъ то затрудненіе, о которомъ я упомянулъ.

— У тебя есть сто рублей?—спросила мамзель.

— Нѣтъ.

— Можешь добыть гдѣ-нибудь?

— Сейчасъ гдѣ же добыть? Надо ждать, когда мужики оброкъ принесутъ.

— Жаль-съ,—замѣтилъ Григорій Харитонычъ,—а будь у васъ эта сумма, вы были бы сегодня же повѣнчаны.

Мамзель подумала немного и вдругъ спросила:

— А когда отдашь?

Я не понялъ ее.

— Когда отдашь, ежели я заплачу за тебя?

— Сейчасъ-же, какъ только получу оброкъ,—вскрикнулъ я, не смѣя вѣрить ушамъ.

— Не обманешь?

— Нѣтъ.

— Честное слово?

— Честное...

— Бѣги, запрягай лошадей!—вскрикнула опять мамзель.—Только кучера не надо... Самъ садись, вмѣсто кучера... Кучеръ можетъ разболтать, а это надо въ секретѣ держать... Бѣги и пріѣзжай сюда; домой не надо показываться... Чтобы никто не видалъ...

Я бросился было бѣжать, но Стеша остановила меня:

— Постойте, господа. Позвольте промолвить слово...

— Ну, зачѣмъ это?—вскрикнула мамзель.—Какое такое слово? Теперь слово говорить некогда, надо ѣхать скорѣй.

— Отчего же?—перебилъ ее Григорій Харитонычъ.—Пускай выскажется и Степанида Петровна... Дѣло серьезное-съ.

— Ничего серьезнаго нѣтъ,—разсердилась мамзель,—деньги у меня здѣсь, въ карманѣ... значитъ, и нѣтъ серьезнаго...

— Вы мнѣ вотъ что скажите, Григорій Харитонычъ,—заговорила Стеша, оборотясь къ нему.—Что послѣ-то будетъ? Когда повѣнчаемся-то мы?

— Будешь его жена, только и всего,—продолжала сердиться мамзель.—Чего же тебѣ еще?

— Не про то я хочу спросить,—перебила ее Стеша.—Не хуже ли будетъ?... Вы вотъ мнѣ что скажите. Теперь я знаю, чего ждать: ну, косу отрѣжутъ мнѣ, свиней пасти заставятъ, на конюшнѣ отдерутъ... Все это дѣло обыкновенное... Коса отростетъ, свиней пасти не велика хитрость, а израненное тѣло заживетъ... Но что будетъ послѣ свадьбы-то? Вотъ этого-то я и не знаю. Себя-то я выгорожу, это вѣрно, а какъ бы мнѣ своего милаго барина подъ отвѣтъ не подвести?... Ну, какъ онъ изъ-за меня-то несчастнымъ сдѣлается? Каково мнѣ въ тѣ поры смотрѣть-то будетъ на него... [illegible]дѣть его горе?... Вѣдь, это хуже, чѣмъ безъ косы ходить, хуже [illegible]огъ всякихъ...

— Не знаю,—вскрикнула мамзель,—что можетъ быть хуже [illegible]огъ! Лучше эшафотъ...

— Вотъ я и прошу васъ разсказать мнѣ,—продолжала Стеша, не слушая мамзели и обратясь къ Григорію Харитонычу,—что [illegible]-то будетъ за такое дѣло?

— Да, въ самомъ дѣлѣ,— перебила ее мамзель,— что ему-то будетъ?

Григорій Харитонычъ подумалъ нѣсколько и затѣмъ проговорилъ, пожимая плечами:

— Вотъ, изволите ли видѣть, законовъ я, признаться, не изучалъ, но такъ какъ основаніемъ ихъ, безъ сомнѣнія, служитъ, во-первыхъ, справедливость, а, во-вторыхъ, здравый смыслъ, то надо думать, что повѣнчанныхъ развѣнчать нельзя.

— А выпороть его можно?— спросила мамзель.

— Помилуйте, мамзель Дюваль,— возразилъ Григорій Харитонычъ,— дворянское сословіе отъ тѣлеснаго наказанія изъято.

— А ее?— спросила она, указавъ головой на Стешу.

— Тоже самое-съ. Вѣдь, выйдя замужъ за дворянина, онѣ дѣлаются тоже дворянкой.

— Нельзя, значитъ?

— Никоимъ образомъ-съ.

— Ну, разговаривать больше, значитъ, не надо... Довольно,— проговорила мамзель и, обратясь ко мнѣ, прибавила: — Бѣги за лошадями и скорѣе пріѣзжай за нами.

Я забылъ про свою усталость, забылъ про болѣзнь и чуть не бѣгомъ пустился по направленію къ своей усадьбѣ.

Запречь въ тарантасъ лошадей было дѣломъ одной минуты, и потому немного погодя я подъѣзжалъ уже къ рощѣ.

Они шли мнѣ на встрѣчу.

— Молодецъ, скоро!— крикнула мамзель.

Первою вскочила въ тарантасъ мамзель, а потомъ Стеша.

— Ну-съ,— говорилъ Григорій Харитонычъ, усаживая ее,— теперь моя миссія кончена. Все, что могъ, я сдѣлалъ. Желаю успѣха и заранѣе поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ. А теперь и моя къ вамъ покорнѣйшая просьба...

И, снявъ съ головы картузъ, онъ почтительно наклонилъ голову и проговорилъ не безъ волненія:

— Убѣдительнѣйше прошу васъ всѣхъ,— и васъ, сударь, и васъ, Степанида Петровна, и васъ, мамзель Дюваль,— никому не говорить о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что вы сдѣлали бы это и безъ моей просьбы, но, вѣдь, въ разговорахъ можно какъ-нибудь и проговориться. Пожалуйста, будьте осторожны... Это можетъ дойти до моего господина, а переносить на себѣ его гнѣвъ мнѣ было бы весьма непріятно.

Мы всѣ, конечно, поклялись, что будемъ молчать, и онъ, низко

поклонившись, пошелъ домой, а мы помчались въ село Пишляй. Застоявшіяся во время моей болѣзни лошади мчались вихремъ, и мнѣ оставалось только сдерживать ихъ, чтобы не давать имъ слишкомъ много воли. Дорога была ровная, гладкая, тарантасъ легонькій, а потому нѣтъ ничего мудренаго, что черезъ полчаса мы были уже въ Пишлянѣ. Мамзель обдѣлала все живою рукой. Она разбудила попа, разбудила причетниковъ, расплатилась съ ними и насъ повѣнчали.

Передъ разсвѣтомъ мы подъѣзжали уже къ Зыкову.

— Ну,— крикнула мамзель,— стой! Теперь я пѣшкомъ побѣгу...

Я остановилъ лошадей.

Мамзель расцѣловалась со мной, со Стешей, поздравила насъ и, пожелавъ намъ полнаго счастья и довольства, благословила обоихъ. Затѣмъ она выскочила изъ тарантаса и побѣжала по направленію къ парку, а мы повернули назадъ и помчались домой. Когда мы подъѣзжали къ усадьбѣ, начинала заниматься заря... Заря эта была предвѣстницей наступающаго яснаго дня и, въ то же время, зарей моей новой счастливой жизни. Въ тотъ же день мы узнали, что какъ Григорій Харитонычъ, такъ и мамзель возвратились домой никѣмъ незамѣченными. Первый возвратился часу въ первомъ ночи, а мамзель на зарѣ, когда въ барскомъ домѣ все еще спало. Она пробралась въ свою комнату, раздѣлась и, какъ ни въ чемъ не бывало, улеглась въ постель.

Когда въ домѣ узнали о случившемся ночью, переполохъ былъ страшный. Не успѣвшіе еще разъѣхаться гости были возмущены моимъ позорнымъ поступкомъ и требовали исключенія меня изъ списка дворянъ, имѣющихъ право присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ. Были и такіе, которые предлагали предать меня суду за тайный увозъ крѣпостной дѣвки и окончательно исключить меня изъ дворянскаго сословія, а другъ дѣтства, Борисъ, тотъ пошелъ еще дальше... Онъ просто-на-просто порѣшилъ собрать конюховъ, псарей, выжлятниковъ, разгромить мой домъ, а меня и эту «подлую Стешку» выпороть на конюшнѣ. За меня было только двое. Это были маркизъ де-Лятуръ де-ля-Гренуль и самъ старикъ атовъ. Первый пришелъ въ восторгъ отъ моего поступка и далъ во лично пріѣхать ко мнѣ и поздравить съ молодою женой, а второ хотя поступкомъ моимъ и не восторгался, но за то публично явилъ, что онъ никогда не допуститъ сына совершить такую ость.

— Ежели ты посмѣешь только сдѣлать это,— говорилъ онъ,—

то знай, что ты мнѣ не сынъ, а я тебѣ не отецъ. Дворянинъ, прежде всего, долженъ показывать собою примѣръ порядочности, благородства и великодушія. Драться и буйствовать,—это дѣло хамья, а не дворянина. Все, что требовали отъ меня мой долгъ и моя совѣсть, я сдѣлалъ. Я былъ противъ этого постыднаго брака... но онъ совершился и я умываю руки... Я свое дѣло сдѣлалъ... Но... мстить за этотъ поступокъ, преслѣдовать виновныхъ я считаю для себя унизительнымъ и позорнымъ... Я не дозволю этого ни себѣ, ни тебѣ... Ты это знай и заруби себѣ на носу. Я ограничиваюсь тѣмъ только, что двери моего дома будутъ на вѣкъ для него закрыты.

Все это передалъ намъ Григорій Харитонычъ, который какъ разъ во время этихъ разговоровъ находился зачѣмъ-то въ лакейской и все слышалъ собственными своими ушами.

И такъ, все обошлось благополучно. Изъ списка господъ дворянъ я выключенъ не былъ, усадьба моя осталась не разгромленной, ни меня, ни жену на конюшнѣ не пороли, никто изъ моихъ соучастниковъ отвѣтственности не подвергался, и я могъ бы положить перо и успокоиться, но... я думаю, что разсказъ мой былъ бы не законченъ, если бы я умолчалъ о дальнѣйшей судьбѣ Григорія Харитоныча и мамзели.

Не прошло и полугода послѣ моей свадьбы, какъ Григорію Харитонычу удалось, наконецъ, откупиться на волю. Въ этомъ случаѣ ему очень много помогъ Борисъ, снова проигравшійся въ карты и каждую почту писавшій отцу о немедленной высылкѣ денегъ. Сумма требовалась большая и почерпать ее приходилось изъ разныхъ источниковъ. Вспомнили и про Григорія Харитоныча. Откуда досталъ онъ денегъ — неизвѣстно, но онъ уплатилъ все, что требовалось съ него по оцѣнкѣ, и, какъ говорится, даже не поморщился. Получивъ документы, онъ отправился проститься съ бывшими своими господами. Окатову онъ поклонился въ ноги, барынѣ тоже, а у барышни поцѣловалъ ручку. Со слезами на глазахъ онъ благодарилъ ихъ за всѣ оказанныя благодѣянія, просилъ ихъ не забывать его своими милостями и клялся по гробъ жизни молиться объ ихъ здравіи и долголѣтіи. Затѣмъ онъ распростился со всею дворней, устроилъ ей дружескую пирушку и, собравъ всѣ свои пожитки, переѣхалъ на жительство въ губернскій городъ. Тамъ онъ снялъ себѣ приличную квартиру, обзавелся лошадками и началъ практиковать. Ему помогли въ этомъ, во-первыхъ, его познанія, а, во-вторыхъ, рекомендательныя письма Окатова ко всѣмъ вліятель-

нѣйшимъ лицамъ города. Такъ прошла зима, а весной въ городъ переѣхала мамзель и они повѣнчались.

И такъ, дочь свободной Франціи сдѣлалась русскою мѣщанкой.

Какъ-то, будучи въ городѣ, мы съ женой навѣстили ихъ. Молодые супруги приняли насъ чисто по-родственному и, узнавъ, что мы остановились на постояломъ дворѣ, тотчасъ же перетащили насъ къ себѣ и отвели намъ цѣлыхъ двѣ комнаты, въ которыхъ мы и прожили почти двѣ недѣли. Мы не могли достаточно налюбоваться на ихъ житье-бытье. Жили они въ полномъ согласіи, любили другъ друга и во всемъ другъ другу помогали. Онъ занимался практикой, а она бѣгала по городу (ѣздить на лошадяхъ она ни за что не соглашалась) и давала уроки музыки и французскаго языка. Работали они почти цѣлый день, за то вечеромъ, попавъ, наконецъ, домой, они садились за чайный столъ и, видимо, были довольны и судьбой, и другъ другомъ.

— Да-съ,— проговорилъ однажды Григорій Харитонычъ, когда мы всѣ собрались за этимъ чайнымъ столомъ,— я совершенно счастливъ. Живемъ мы, какъ сами изволите видѣть, по-господски, ни въ чемъ недостатка не имѣемъ... квартира у насъ теплая, сухая, свѣтлая... меблировка приличная... имѣется прислуга, лошади, кучеръ... практика у меня порядочная... съ благодѣтелемъ своимъ, Андреемъ Степанычемъ Окатовымъ, за дарованное мнѣ образованіе и вѣчный кусокъ хлѣба я, благодаря Бога, расплатился и... кажется, можно бы успокоиться?... Но вотъ бѣда,— прибавилъ онъ, взглянувъ на жену,— съ Окатовымъ я расплатился, а когда расплачусь съ другою благодѣтельницей, выкупившей меня изъ крѣпостной зависимости, съ теперешнею моею супругой... этого ужь я положительно опредѣлить не могу.

Мамзель даже съ мѣста вскочила.

— Ну, вотъ, чего еще придумалъ говорить,— чуть не вскрикнула она.— Зачѣмъ мнѣ слушать такой глупость?... Мнѣ совсѣмъ не надо твои деньги... Я сама себѣ сдѣлала счастье... такъ говорить совсѣмъ не надо и не хорошо... А знаешь,— прибавила она, взглянувъ на мужа и весело засмѣявшись,—знаешь русскую послов[illegible]у: мужъ и жена одинъ шортъ...

Мы всѣ расхохотались и долго не могли умолкнуть.

И. Саловъ.

УСАДЬБА ТОРПА *).

Повѣсть Тора Гедберга.

VIII.

Цѣлую недѣлю Экъ не имѣлъ извѣстій отъ Эльзы. Его уже начало брать безпокойство, когда онъ получилъ, наконецъ, письмо, написанное ея рукой. Онъ вскрылъ его и удивился, увидавъ четыре тѣсно исписанныхъ страницы. Прежде она никогда не писала ему такъ много.

Стало быть, ей весело, если у нея нашлось столько матеріала для сообщеній.

Онъ усѣлся поудобнѣе на стулѣ и принялся читать:

«Торстенъ!»

Торстенъ и ничего болѣе! Это обращеніе показалось ему страннымъ, ему чего-то недоставало. Ну, это не важно!

«Торстенъ!

«Я знаю, что то, что я пишу тебѣ теперь, я должна была бы сказать тебѣ, сказать откровенно, съ глазу-на-глазъ, но я не могла, повѣрь мнѣ. Много разъ я пыталась сказать тебѣ это, но не могла. И когда я уѣзжала, я ничего не знала навѣрное, я ничего не могла рѣшить, я почти потеряла способность мыслить и чувствовать и все отодвигала въ будущее. Но повѣрь мнѣ, прошу тебя, Торстенъ: когда я уѣзжала, я не имѣла намѣренія уѣхать навсегда, по крайней мѣрѣ, я обманывала и себя, какъ обманывала тебя».

Онъ опустилъ письмо на колѣни, охваченный мучительнымъ чувствомъ, стѣснившимъ ему грудь. Что это за штуки, что такъ у нея на умѣ? Навсегда? Помѣшалась она, что ли? Или она хочетъ пошутить? Ну, да вѣрно дальше есть объясненіе! Конечно, должн

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

быть объясненіе! Онъ снова взялъ въ руки письмо и сталъ поспѣшно читать дальше.

«Ахъ, я опять начинаю съ того же, я, вѣдь, не хотѣла оправдывать себя, не хотѣла защищать себя; вѣдь, я знаю, что ты все равно долженъ презирать меня за мою трусость...»

«Что это за слова! Презирать, трусость! Этакое фантазёрство!»— подумалъ онъ съ натянутымъ смѣхомъ.

«Но теперь, когда я очутилась наединѣ съ собою, совсѣмъ, совсѣмъ одна, я думала и ломала голову... ахъ, что пользы думать и ломать голову! Вѣдь, я знаю, что это, все-таки, должно совершиться, я не могу иначе, Торстенъ, не могу, и должна сказать тебѣ это. Прости мнѣ мою жестокость, но я такъ несчастна! Я не люблю тебя больше, Торстенъ, и не могу жить съ тобою».

Кровь стремительно прилила къ его головѣ, такъ что въ ушахъ у него зазвенѣло. Онъ сталъ лихорадочно читать дальше, боясь остановить свою мысль на томъ, что прочелъ.

«Какъ это случилось, я не знаю... хотя, можетъ быть, и знаю, но мнѣ не зачѣмъ было бы говорить тебѣ это, потому что ты не понялъ бы меня. Ты, вѣдь, никогда не понималъ меня, ты презиралъ во мнѣ ту, какая я есть, и воображалъ, что я другая, и ту ты и пытался любить. Но я не могу быть другой, а потому ты любить меня и не можешь... Такъ возврати же мнѣ свободу! Еслибъ ты только зналъ, что я выстрадала въ это лѣто, ты возвратилъ бы мнѣ свободу и простилъ бы меня,—у тебя, вѣдь, такое доброе сердце! Но лучше-бъ ты не говорилъ со мной никогда!...»

Онъ читалъ машинально, ничего не понимая,—слова уже не имѣли для него никакого смысла. Только одна фраза запечатлѣлась въ его памяти, что Эльза требуетъ себѣ свободы, хочетъ разойтись съ нимъ. Онъ опять опустилъ письмо на колѣни и сталъ неподвижно смотрѣть въ пространство, точно эти слова были начертаны въ воздухѣ и онъ старался вдуматься въ нихъ. Разойтись съ нимъ! Но почему же? Должна же она, по крайней мѣрѣ, указать какую-нибудь причину! Онъ опять взялся за письмо, но, не успѣвъ еще найти то мѣсто, на которомъ остановился, онъ порывисто отбросилъ его отъ себя и безпокойнымъ взоромъ обвелъ комнату, показавшуюся ему какою-то странной и незнакомой и до того чужой, что ему трудно было въ ней дышать. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ, стараясь собраться съ мыслями, потомъ громко воскликнулъ: «Этакія идеи!»—опять засмѣялся и быстрыми шагами вышелъ изъ дому.

Рабочіе вспахивали въ этотъ день ближайшее къ усадьбѣ поле.

Онъ совсѣмъ не помнилъ этого, и, тѣмъ не менѣе, машинально направился въ эту сторону. Но какъ только онъ увидалъ передъ собою поле, онъ круто повернулъ назадъ, къ дому, прошелъ въ дровяной сарай, схватилъ топоръ и принялся рубить дрова съ такою неистовою силой, что щепки летѣли кругомъ.

Но все это время письмо не выходило у него изъ головы, и мало-по-малу въ немъ сложилась увѣренность, что Эльза въ самомъ дѣлѣ говоритъ серьезно, что она дѣйствительно хочетъ разойтись съ нимъ. При этой мысли онъ почувствовалъ въ сердцѣ жгучую боль. Но почему же? Почему?—спрашивалъ онъ себя въ внезапномъ взрывѣ отчаянія. Онъ съ отвращеніемъ швырнулъ топоръ, вернулся домой, дрожащими руками поднялъ съ полу письмо и опять началъ читать. Но онъ не въ силахъ былъ перечитывать то, что уже раньше прочелъ, и сталъ искать то мѣсто, на которомъ остановился, съ слабою надеждой, что продолженіе заключаетъ въ себѣ другую развязку.

«Но лучше-бъ ты не говорилъ со мной никогда!»...—Да, вотъ эти слова. Онъ задумался на мгновенье, ему вспомнился ихъ первый разговоръ, и изъ глазъ его чуть не брызнули слезы. Но онъ овладѣлъ собою и сталъ читать дальше:

«Былъ ли то одинъ самообманъ, когда мы думали, что любимъ другъ друга, или чѣмъ-нибудь другимъ можно объяснить, что мы пришли къ тому, передъ чѣмъ стоимъ теперь? О, какъ это ужасно, что подобное чувство можетъ угаснуть и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно стало теперь! Помнишь ли ты, какъ ты хотѣлъ вернуть мнѣ обручальное кольцо? Можешь ли ты себѣ представить, что это одно изъ моихъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній? А потомъ... потомъ я вижу только мракъ и пустоту, и мнѣ кажется, будто я со дня на день дѣлалась все хуже и бѣднѣе. Ты, конечно, былъ по-своему добръ ко мнѣ, я ни въ чемъ не могу упрекнуть тебя, не могу сказать, чтобъ ты умышленно и сознательно сдѣлалъ мнѣ какое-нибудь зло, и, все-таки, всѣ эти годы мнѣ такъ тяжко жилось у тебя, что...»

Онъ не сталъ читать дальше, багровая краска залила его лицо, онъ чувствовалъ себя до такой степени опозореннымъ, такъ глубоко оскорбленнымъ и униженнымъ, что боль и испугъ уступили мѣсто холодному, жестокому и, въ то же время, неистовому гнѣву. Онъ зажегъ свѣчку и поднесъ къ огню письмо, слѣдя съ наслажденіемъ, какъ пламя его истребляло, и сказалъ затѣмъ громко и рѣзко:

— Такъ пусть же будетъ, какъ ей угодно!

Послѣ того онъ почувствовалъ себя болѣе спокойнымъ и со-

всѣмъ хладнокровнымъ, какъ ему казалось, но имъ овладѣло желаніе сдѣлать что-нибудь неслыханное, что-нибудь такое, что испугало и удивило бы всѣхъ. Онъ взялъ шляпу и трость и снова вышелъ изъ дому.

Куда же ему идти? Въ Бинесъ!—мелькнуло у него въ головѣ, и, ни минуты не колеблясь, онъ отправился въ путь. Онъ самъ еще не зналъ, что̀ будетъ тамъ дѣлать, но лишь бы ему придти туда, а тамъ онъ посмотритъ.

Такъ вотъ какъ! Ей тяжко жилось у него, тяжко жилось, тяжко жилось!—Онъ безпрестанно повторялъ про себя эти слова и всякій разъ при этомъ смѣялся, все болѣе и болѣе ускоряя шаги, пока не сталъ, наконецъ, бѣжать, какъ сумасшедшій.—Пусть, пусть они увидятъ теперь! Они еще не знаютъ его, не знаютъ!

Кто это идетъ тамъ ему на встрѣчу? А, это Эрика! Ну, такъ тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

Онъ остановился возлѣ небольшой группы деревьевъ, сталъ дожидаться свояченицы и съ хладнокровіемъ, которое радовало его самого, озирался кругомъ, чтобы видѣть, нѣтъ ли на дорогѣ прохожихъ. Но, насколько простирался его взоръ, онъ не могъ замѣтить, кромѣ Эрики, ни одного человѣческаго существа. Тѣмъ лучше! Вотъ онъ скажетъ ей сейчасъ! Онъ стоялъ совсѣмъ спокойный, съ злобною усмѣшкой на губахъ, но внутри его все кипѣло и клокотало.

Эрика, погруженная въ мысли, медленно шла по дорогѣ. Потомъ она подняла голову и, увидавъ Эка, сразу остановилась какъ бы въ нерѣшимости. Онъ сдѣлалъ ей знакъ рукой и крикнулъ:

— Поди-ка сюда! Поди-ка!

Она удивленно пошла ему на встрѣчу и, приблизившись къ нему, испугалась выраженія его лица.

— Что такое? что случилось?—со страхомъ спросила она.

— Я имѣю сообщить тебѣ нѣчто объ Эльзѣ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ ей.

— Съ ней что-нибудь случилось?—воскликнула она, вся поблѣднѣвъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ горькимъ озлобленіемъ.

— Случилось! Нѣтъ, ровно ничего не случилось, она пишетъ т ько, что не любитъ меня больше, что хочетъ быть свободна, что м должны разстаться.

Она взглянула на него въ нѣмомъ изумленіи.

Раздраженный ея молчаніемъ, онъ ближе подошелъ къ ней.

— Ну, не понимаешь ты развѣ, что мы должны развестись?

Вѣдь, это очень просто! Она пишетъ, что не любитъ меня больше, что... что...—Потокъ словъ готовъ былъ сорваться съ его губъ, словъ безумныхъ, бѣшеныхъ, безсвязныхъ, но душевное волненіе пересилило Эка, и онъ могъ только пролепетать:—что ей тяжко жилось у меня!

И вдругъ онъ зашатался, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, прислонился къ дереву и громко зарыдалъ.

Эрика не двигалась и смотрѣла на него. Яркій румянецъ окрасилъ постепенно ея щеки. Сердце ея неудержимо билось отъ тайной радости, которой она не могла подавить, но затѣмъ эта радость исчезла или, скорѣе, перешла въ другое чувство—всепоглощающую, блаженную потребность утѣшить его. Она подошла къ нему, тихо положила ему руку на плечо и, когда она почувствовала, какъ онъ весь трясется отъ рыданій, у нея тоже задрожала рука.

— Торстенъ!—промолвила она, и глубокое волненіе, охватившее ее, придало ея голосу мягкіе, ласкающіе звуки.

Какъ только онъ почувствовалъ прикосновеніе ея руки, онъ тотчасъ же овладѣлъ собою и снова сталъ спокоенъ. Онъ поднялъ голову и взоры ихъ встрѣтились. Какъ бы внезапно прозрѣвъ, онъ понялъ тогда, что̀ выражалъ ея взоръ, прочелъ въ немъ всю ея нѣжность, ея желаніе утѣшить его и уловилъ въ немъ лучъ радости, придавшій ея глазамъ необычный блескъ.

Порывистымъ жестомъ отвращенія онъ оттолкнулъ ее отъ себя. Это она хочетъ утѣшить его, она? Онъ не нуждался въ ея утѣшеніи, онъ стыдился теперь своей вспышки, стыдился того, что выдалъ ей свою скорбь. Его лицо сдѣлалось жестко и непроницаемо.

Она вдругъ поблѣднѣла, отступила на одинъ шагъ и точно преступница потупила передъ нимъ взоръ. Ни онъ, ни она не произнесли ни слова.

Но молчаніе внезапно было прервано стукомъ экипажа, проѣзжавшаго по дорогѣ. Экъ торопливо оглядѣлся кругомъ, затѣмъ сказалъ грубымъ тономъ:

— Передай отцу, что я скоро приду къ нему потолковать.

И, не взглянувъ на нее, онъ отправился обратно въ Торпу.

Эрика сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, но стукъ экипажа раздавался все громче и громче, и она поспѣшно повернула и скрылась между деревьями. Она не стыдилась униженія, которое претерпѣла, и не испытывала гнѣва противъ Эка, а только ощущала жестокую, надрывающую душу боль; она сдѣлала печальное открытіе, быть можетъ, самое печальное изъ всѣхъ уроковъ житейскаго опыта, что любовь и сочувствіе одного человѣка могутъ сд

заться почти ненавистны другому, и что можно оскорбить чужое горе своимъ желаніемъ утѣшить его.

Въ тотъ же вечеръ, когда Экъ сидѣлъ въ своей комнатѣ у письменнаго стола, онъ вдругъ услыхалъ, что къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ. Но въ тупомъ равнодушіи, которое овладѣло имъ, онъ не тронулся съ мѣста, нисколько не интересуясь знать, кто бы это могъ быть. Немного погодя послышались шаги въ гостиной, и Экъ съ досадой подумалъ:

«Ну вотъ, не дадутъ посидѣть спокойно!»

Дверь отворилась и вошелъ Гольмеръ. Экъ нахмурился, увидавъ его, но всталъ и сказалъ спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ:

— А, это ты!

Гольмеръ шелъ къ нему на встрѣчу съ распростертыми объятіями; онъ схватилъ обѣ его руки и сталъ порывисто трясти ихъ.

— Скажи, ради Бога, что значитъ эта исторія, которую мнѣ разсказала Эрика?

— Вотъ какъ, она уже говорила объ этомъ?—сказалъ Экъ и опять нахмурился.—Ну, да, впрочемъ, все равно!

Гольмеръ взглянулъ на него, совсѣмъ озадаченный.

— Такъ это, стало быть, правда? Я думалъ, что это просто вздорная выдумка.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Экъ,—это правда.

Гольмеръ съ озабоченною миной вытянулъ губы, взъерошилъ свои волосы и прошелся по комнатѣ. Потомъ онъ опять остановился передъ Экомъ, снова завладѣлъ его руками и сталъ ихъ трясти.

— Вотъ что, голубчикъ, не принимай это такъ близко къ сердцу! Господи Боже! Развѣ же такія вещи рѣдкость? Отнесись только къ дѣлу спокойно, и все пройдетъ само собой!

— О чемъ это ты толкуешь? — сказалъ Экъ, высвобождая свои руки.

— Господи Боже! Ну, люди ссорятся и опять мирятся. Не съ вами одними это случалось, но, вѣдь, не разводиться же изъ-за этого!

— Мы не ссорились,—сухо отвѣтилъ Экъ, садясь на диванъ.

— Но что же такое было между вами?

— Ей тяжко жилось у меня.

Въ его тонѣ было столько жесткости, а въ выраженіи лица столько самообладанія, что Гольмеръ теперь встревожился не на

шутку. Совсѣмъ разстроенный, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Его присутствіе тяготило Эка и онъ мучительно желалъ отъ него избавиться.

— Можно мнѣ видѣть ея письмо?—спросилъ, наконецъ, Гольмеръ.

Экъ вздрогнулъ, взглянулъ на него и покраснѣлъ.

— Нѣтъ! —рѣзко отвѣтилъ онъ.—Да, впрочемъ, я его сжегъ.

Въ ту самую минуту, какъ эти слова сорвались съ его губъ, онъ уже раскаялся въ своей откровенности, и присутствіе Гольмера сдѣлалось ему еще несноснѣе, чѣмъ прежде.

Гольмеръ, совершенно сбитый съ толку, принялся опять шагать по комнатѣ. Дѣло оказывалось гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ когда-либо могъ ожидать. Наконецъ, ему пришла идея.

— Послушай! Я поѣду завтра въ Стокгольмъ и обѣщаю тебѣ, что дня черезъ два я привезу ее съ собой сюда!

Экъ всталъ, подошелъ къ столу и опустилъ сжатую въ кулакъ руку на приготовленное письмо.

— Можешь дѣлать, какъ тебѣ угодно, но я говорю тебѣ заранѣе, что это ни къ чему не послужитъ. Потому что теперь *я* не хочу! Я уже написалъ ей!

— Ты отослалъ письмо?—торопливо спросилъ Гольмеръ.

— Нѣтъ, вотъ оно.

— Дай-ка мнѣ его. Вѣдь, можешь же ты оставить себѣ хоть два дня сроку на размышленіе.

Экъ посмотрѣлъ на него съ злобною усмѣшкой и не снялъ руки съ письма.

— Я отошлю его нынѣче же вечеромъ... я написалъ ей, что совершенно раздѣляю ея мнѣніе и немедленно переговорю съ адвокатомъ, чтобы приступить къ необходимымъ формальностямъ. Что касается приданаго, я, конечно, возвращу его ей нетронутымъ.

Онъ проговорилъ это, какъ затверженный урокъ, не спуская съ Гольмера настойчиваго взгляда, выражавшаго холодный, сдержанный гнѣвъ.

Гольмеръ не зналъ, что ему сказать. Что-то въ его зятѣ сильнѣе всякихъ словъ убѣждало его, что всѣ увѣщанія будутъ напрасны.

— Ну, устраивайте свои дѣла, какъ сами знаете!—вскр чалъ онъ, наконецъ, теперь уже совсѣмъ разсердившись. — умываю руки!

И съ этимъ онъ ушелъ.

Оставшись одинъ, Экъ облегченно вздохнулъ и почувствовал

грустное удовлетвореніе при мысли, что избавилъ Эльзу отъ вмѣшательства отца, хотя самъ негодовалъ на себя за свою слабость.

Спустя нѣсколько минутъ онъ самъ повезъ письмо на станцію.

Дня черезъ два послѣ этого онъ получилъ письмо отъ Эльзы, заключавшее въ себѣ лишь вопросъ о томъ, каково будетъ его рѣшеніе насчетъ ихъ дѣвочки.

Ихъ дѣвочки! Онъ еще не подумалъ о ней, не подумалъ о своей маленькой Аннѣ, которую больше не увидитъ! Да, не увидитъ, потому что не хочетъ видѣть ея! Одна уже мысль о томъ, что дитя останется у него, какъ вѣчное напоминаніе, была ему нестерпима. И, притомъ же, гордость побуждала его устроить все къ выгодѣ Эльзы.

Это было послѣднее письмо, полученное имъ отъ жены; все остальное было улажено между ними черезъ посредниковъ. Но этого письма онъ не сжегъ, а спряталъ его съ другими бумагами въ свою конторку.

Они не видались во время процедуры развода. Дѣвочка осталась у Эльзы, и Экъ обязался ежегодно выплачивать извѣстную сумму на ея содержаніе и назначить Анну своею наслѣдницей въ томъ случаѣ, если ни одна изъ сторонъ не вступитъ вторично въ бракъ.

Семья Эльзы до самой послѣдней минуты старалась воспрепятствовать разводу, а Луиза даже ѣздила въ Стокгольмъ, чтобы переговорить съ сестрой. Но она возвратилась, не достигнувъ никакого результата. Эльза на всѣ ея увѣщанія отвѣчала грустнымъ, но твердымъ «нѣтъ». Съ той поры въ семьѣ всячески избѣгали говорить о ней, и никогда не было и рѣчи о томъ, чтобы пригласить ее вернуться подъ кровлю родительскаго дома. Несмотря на всю свою доброту, Луиза была въ этомъ отношеніи непреклонна, ея понятія о долгѣ были слишкомъ глубоко оскорблены; она считала, что Эльза навлекла на нихъ всѣхъ неизгладимый позоръ и что единственное, что имъ теперь остается, это постараться ее забыть. Она не была больше членомъ семьи.

Когда спустя нѣсколько времени она получила письмо отъ Эльзы, то передала его не распечатаннымъ Эрикѣ, сама же не хотѣла ни читать его, ни отвѣчать. Эрика отвѣтила вмѣсто нея и съ тѣхъ поръ постоянно, хотя и не особенно часто, переписывалась съ Эльзой.

Прошла зима, и рана Эка стала постепенно заживать. Первое время онъ ощущалъ вокругъ себя пустоту, но мало-по-малу снова привыкъ къ одиночеству.

Для Лиссы разводъ между господами былъ тяжелымъ ударомъ. Она долго раздумывала о томъ, кто изъ нихъ виноватъ. Ея привязанность къ Эльзѣ заставляла вѣсы сильно склониться на сторону послѣдней, а когда старая няня вспоминала о маленькой Аннѣ, то ей слышался точно голосъ, призывавшій ее тоже оставить Торпу и послѣдовать за своею госпожей. Но она такъ сроднилась съ усадьбой и такъ сжилась съ своимъ хозяиномъ, что такое побужденіе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ простою фантазіей, и осуществить его было бы для Лиссы такъ же невозможно, какъ начать съизнова свою жизнь. Притомъ же, она помнила послѣднія слова Эльзы: «Хорошенько ходи за патрономъ!» Она видѣла въ нихъ какъ бы завѣтъ, который она должна исполнить. Ей, простой служанкѣ, не подобало судить.

Поэтому она старалась не судить, а только исполнять лежавшій на ней долгъ: хорошенько ходить за патрономъ. Она и дѣлала это, но ея заботы о немъ дали новую пищу ея привязанности къ Эку и, по мѣрѣ того, какъ эта привязанность усиливалась, она стала все больше и больше обвинять отсутствующую Эльзу. Она забыла мало-по-малу всѣ доводы, которые прежде приводила въ ея пользу, забыла совершенно, что сама когда-то стояла на ея сторонѣ, и вскорѣ Эльза осталась въ ея памяти лишь неблагодарною женой, покинувшею ея хозяина и отнявшею у нихъ малютку. Въ особенности этой послѣдней вины она не могла ей простить.

Но Лина, кухарка, утверждала, что покойная мамзель Томпсонъ была вовсе не такъ глупа, какъ думали люди. Развѣ она не вѣрно предсказала еще тогда, когда видѣла бубновую даму на черной дорогѣ? Это превращеніе трефовой дамы въ бубновую она придумала, какъ реабилитацію памяти мамзель Томпсонъ, и съ тѣхъ поръ упрямо стояла на томъ, что покойница называла бубновую даму.

Съ полгода Экъ держался въ сторонѣ отъ Гольмеровъ, но потомъ опять началъ отъ времени до времени ѣздить въ Бинесъ, играть въ шашки со старикомъ и лакомиться вкусными блюдами, которыя Луиза приготовляла къ ужину. Однако, съ Эрикой онъ былъ постоянно холоденъ, сухъ и неприступенъ.

Но разъ вечеромъ, когда онъ стоялъ одинъ въ передней, дожидаясь экипажа, чтобы ѣхать домой, Эрика подошла къ нему.

— У меня есть къ тебѣ порученіе отъ Эльзы, — сказала она неувѣреннымъ голосомъ и съ блѣднымъ, покорнымъ лицомъ.

Онъ поспѣшно отвернулся отъ нея.

— Она спрашиваетъ, не хочешь ли ты повидать маленькую Анну, не желаешь ли ты взять ее къ себѣ погостить? Ее могла бы привезти крестная мать Эльзы. Или, можетъ быть, ты самъ пріѣдешь въ Стокгольмъ? Съ Эльзой ты не встрѣтишься.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ жесткимъ тономъ, и, не взглянувъ на нее, спустился съ лѣстницы.

Но послѣ того онъ, все-таки, сталъ отъ времени до времени спрашивать Эрику объ Эльзѣ и, благодаря этому, между ними начали возстанавливаться прежнія дружелюбныя отношенія. Эрика разсказывала ему все, что сама знала объ Эльзѣ, ради него стала чаще писать сестрѣ и въ этой безмолвной жертвѣ находила себѣ отраду. Да, хотя онъ грубо оттолкнулъ ее тогда, она, тѣмъ не менѣе, оставалась ему вѣрна и не ставила ему въ счетъ его холодности и непріязни, между тѣмъ какъ сама не разъ отталкивала отъ себя людей, обходившихся съ ней самымъ привѣтливымъ образомъ. Она любила тою любовью, которая только ростетъ, когда ее отвергаютъ. Но она не питала никакихъ надеждъ,— послѣ долгой, жестокой, никому невѣдомой борьбы она смирилась и несла свою долю, какъ и все другое, съ безмолвною горечью, но не жалуясь, твердо, хотя и сурово смотря ей въ лицо.

Прошло два года. И вотъ Экъ узналъ однажды, что Эльза вступила во второй бракъ съ молодымъ живописцемъ, которому предсказывали блестящую карьеру, и что они думаютъ жить въ Парижѣ. Тогда онъ испыталъ совсѣмъ особое чувство, которое не могъ и не старался себѣ уяснить, но подъ напоромъ котораго онъ нѣсколько разъ собирался разыскать Эльзу, лишь для того, чтобы явиться передъ ней и сказать ей,— что̀ именно, онъ самъ не зналъ, но что-нибудь такое, что̀ могло бы обидѣть ее и огорчить. Однако, онъ остался при одномъ намѣреніи и мало-по-малу время притупило и это чувство.

Но съ того дня онъ никогда уже больше не разспрашивалъ Эрику объ Эльзѣ, и его холодность снова погасила возникшую было между ними пріязнь.

IX.

Пятнадцать лѣтъ миновало съ того дня, какъ Эльза оставила Торпу.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вторично вышла замужъ, Экъ только

два раза имѣлъ о ней извѣстія. Въ первый разъ она прислала ему черезъ Эрику портретъ ихъ дочери, снятый съ нея, когда ей было десять лѣтъ. Сначала онъ хотѣлъ было отказаться отъ него, но потомъ поспѣшно схватилъ портретъ и сунулъ его въ карманъ.

Вернувшись домой, онъ долго сидѣлъ и разсматривалъ его.

Подумать только, что это его дитя, эта дѣвочка въ коротенькомъ платьицѣ, съ пушистыми волосами и обязательною для портрета торжественною миной, за которою, однако, какъ будто притаилась улыбка! Это было такъ странно, что онъ едва могъ этому вѣрить, и горькою насмѣшкой казалось ему, что все, что ему оставлено отъ нея судьбой, это лишь нѣмое, безжизненное изображеніе—портретъ, жалкій портретъ! Ему страстно захотѣлось видѣть ее, слышать ея говоръ и смѣхъ, потому что она умѣла смѣяться, онъ видѣлъ это по выраженію ея личика. Его дочь—большая десятилѣтняя дѣвочка!

Но чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на портретъ, тѣмъ больше стушевывались дѣтскія черты, и другое лицо выдвигалось на ихъ мѣсто, блѣдное лицо, обрамленное свѣтлыми, гладко причесанными волосами, съ вопрошающимъ взглядомъ большихъ, глубокихъ глазъ, съ легкимъ изгибомъ стройной шеи, вслѣдствіе чего маленькая складочка образовалась на тонкой кожѣ. Онъ вздрогнулъ, сердце его внезапно ожесточилось, и онъ отложилъ въ сторону портретъ.

И потомъ, всякій разъ, какъ онъ смотрѣлъ на него, это другое лицо выступало опять и заслоняло собой настоящее, такъ что они совершенно сливались, и онъ не могъ ихъ больше различить. Тогда онъ откладывалъ въ сторону портретъ и больше не смотрѣлъ на него.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ, что Эльза овдовѣла и возвратилась съ дочерью въ Швецію. Отъ второго брака у нея не было дѣтей.

Тогда нѣсколько дней подрядъ онъ находился въ какомъ-то безпокойномъ и возбужденномъ состояніи, не могъ двухъ минутъ остаться на мѣстѣ, безостановочно ходилъ то туда, то сюда. Но это продолжалось не долго. Съ годами онъ сдѣлался порядочно вялъ и инертенъ и впечатлѣнія быстро скользили по немъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Однажды онъ прочелъ въ газетѣ объявленіе о кончинѣ Эльзы. «Послѣ продолжительной болѣзни», «оплакиваемая дочерью»,—гласило оно. Это извѣстіе глубоко потрясло его, но его печаль проявилась, главнымъ образомъ, въ сильной, непреодолимой тоскѣ по дочери,—тоскѣ, побудившей его, въ концѣ-концовъ, достать ея адресъ, написать ей и предложить ей

поселиться у него. Два дня онъ ждалъ ея отвѣта, все болѣе и болѣе поддаваясь унынію, чѣмъ долѣе длилось ожиданіе. Наконецъ, онъ получилъ отвѣтъ; она благодарила его и принимала его предложеніе, на первое время.

И вотъ онъ пріѣхалъ теперь на станцію встрѣтить эту дочь, которую онъ не видалъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

Никто бы не подумалъ, что ему пошелъ шестой десятокъ. Спина его еще не согнулась, лишь, лицо, съ широкими, крупными чертами, дышало здоровьемъ и уже успѣло покрыться загаромъ, хотя только еще былъ конецъ мая, борода, начинавшаяся теперь почти подъ самыми глазами, чуть-чуть серебрилась сѣдиной. На немъ была толстая синяя куртка, сѣрыя панталоны изъ домашняго сукна, засунутыя въ сапоги съ высокими голенищами, и грубая суконная фуражка съ козырькомъ; въ этомъ костюмѣ онъ походилъ на зажиточнаго крестьянина. Бѣлый воротникъ тѣсно примыкалъ къ шеѣ, которая вздувалась надъ нимъ, красная и полнокровная, видимо, стѣсненная этими непривычными оковами.

Онъ боялся оставить лошадь, молодую, красивую буланку, которую онъ самъ выростилъ и которою очень гордился, а потому стоялъ возлѣ нея и держалъ ее за поводъ, дожидаясь прибытія поѣзда. Двое землевладѣльцевъ, его сосѣдей, тоже пріѣхавшихъ къ поѣзду, пробовали было заговорить съ нимъ, но онъ упрямо отмалчивался. Затѣмъ явился начальникъ станціи со свернутымъ флагомъ въ рукѣ и подошелъ къ Эку. Они были старые знакомые, не мало выпили вмѣстѣ стакановъ грогу, не мало сыграли вмѣстѣ робберовъ.

— А, здравствуй, Экъ! И ты здѣсь?

— Да, какъ видишь,—угрюмо отвѣтилъ Экъ.

— Гостей, что ли, ждешь къ себѣ?

Экъ кинулъ на него сердитый взглядъ. То-то начнутъ теперь удивляться, пустомелить и любопытничать! Ну, и пусть! Ему это нисколько не страшно, и лучше ужь онъ сразу дастъ имъ это понять, чтобъ они не воображали, будто онъ стыдится того, что сдѣлалъ.

— Я жду свою дочь,—сказалъ онъ.

Начальникъ станціи былъ такъ озадаченъ, что невольно свистну[л]ъ.

— Ну, что же изъ этого?—запальчиво крикнулъ Экъ.—Что-жь в[ъ] томъ такого особеннаго, что ты счелъ нужнымъ свистнуть?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, ровно ничего! Я только удивился! — у[с]тливо отвѣтилъ начальникъ станціи.

— Чему же ты удивился? — спросилъ Экъ, впиваясь въ него глазами.

— Да вовсе ничему,—еще болѣе смутившись, отвѣтилъ тотъ.

Въ эту минуту въ отдаленіи послышался свистокъ локомотива, и начальникъ станціи побѣжалъ по платформѣ, очень довольный тѣмъ, что разговоръ по необходимости долженъ былъ прерваться.

Экъ свирѣпо посмотрѣлъ ему вслѣдъ, но такъ какъ грохотъ поѣзда раздавался все ближе и ближе, то мысли его приняли совсѣмъ другой оборотъ. Съ той минуты, какъ онъ получилъ письмо Анны, онъ находился въ состояніи тревожнаго ожиданія, и теперь волненіе окончательно пересилило его, но оно выражалось, собственно говоря, въ какомъ-то страхѣ; ему казалось, что онъ боится этой встрѣчи, и онъ радъ былъ бы сѣсть въ шарабанъ и, пока не поздно, уѣхать отсюда. Когда поѣздъ остановился, онъ почувствовалъ, какъ у него точно стянуло горло, и поспѣшно разстегнулъ воротникъ, такъ что пуговица отлетѣла.

Онъ увидалъ молодую дѣвушку, выходившую изъ вагона третьяго класса, и въ то мгновенье, какъ взоръ его упалъ на нее, сердце его дрогнуло и онъ весь поблѣднѣлъ: вѣдь, это Эльза, — Эльза, когда она еще была его невѣстой! Это сходство произвело на него страшно мучительное впечатлѣніе, и пока дѣвушка стояла у дверцы вагона, иллюзія была такая полная, что онъ забылъ дѣйствительность и совершенно перенесся въ минувшее время.

Дѣвушка стояла и озиралась вокругъ; она держала въ рукѣ небольшой саквояжъ, и лицо ея, на фонѣ чернаго траурнаго платья и приподнятаго вуаля, было такъ блѣдно, что Эку сдѣлалось больно. Затѣмъ она увидала его и направилась къ нему медленными, нерѣшительными, боязливыми шагами. Но онъ стоялъ неподвижно, не сводя съ нея взора; однако, по мѣрѣ того, какъ она приближалась, иллюзія все больше разсѣивалась, Экъ очнулся, и сознаніе дѣйствительности вернулось къ нему.

Нѣтъ, это не Эльза, это кто-то другой...

Да, правда, это его дочь!

Онъ почувствовалъ въ этотъ мигъ что-то вродѣ разочарованія.

Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и ждала; но такъ какъ онъ все еще не трогался съ мѣста, она заговори а слегка дрожавшимъ голосомъ:

— Это?...

Она смолкла, очевидно, не зная, какъ ей продолжать.

Тогда онъ вышелъ, наконецъ, изъ своего оцѣпенѣнія; онъ замѣтилъ, что начальникъ станціи смотритъ на нихъ съ любопыт-

ствомъ, и вдругъ имъ овладѣло нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Онъ подошелъ къ дочери, взялъ изъ ея рукъ саквояжъ и угрюмо сказалъ:

— Да, это я, намъ надо торопиться!

Его грубый, неувѣренный голосъ, повидимому, удивилъ ее, какъ удивлялъ всѣхъ, кто его слышалъ въ первый разъ.

Онъ не далъ ей времени отвѣтить, обхватилъ рукой ея талію и, почти поднявъ ее на воздухъ, посадилъ въ шарабанъ, положилъ ей въ ноги саквояжъ и хотѣлъ уже самъ садиться, но вдругъ замѣшкался.

— Еще есть?... Ты... Въ багажѣ не осталось вещей? — спросилъ онъ.

— Остался чемоданъ.

Онъ хотѣлъ было пойти за нимъ, но ему попался на глаза начальникъ станціи и онъ передумалъ.

— Ну, мы послѣ пришлемъ за нимъ, — сказалъ онъ и такъ быстро вскочилъ въ шарабанъ, что рессоры подъ нимъ затрещали. Усѣвшись, онъ дернулъ вожжи, лошадь взвилась на дыбы и, сдѣлавъ красивый курбетъ, пошла скорою рысью.

Лишь тогда, когда вокзалъ совсѣмъ скрылся изъ вида, Экъ украдкой взглянулъ на дочь и увидалъ, что въ глазахъ ея стоятъ слезы. Она почувствовала его взглядъ и поспѣшно опустила вуаль. Но тогда онъ разомъ понялъ, каково у нея должно быть на душѣ, какой странной и мучительной должна ей была показаться вся эта сцена, и сердце его загорѣлось состраданіемъ къ ней и нѣжностью. Онъ тихо и осторожно тронулъ ее за руку и сказалъ ей голосомъ, на этотъ разъ уже безъ труда нашедшимъ выраженіе для наполнявшихъ его чувствъ и звучавшимъ еще ласковѣе отъ низкаго тембра:

— Ну, теперь здравствуй! Надѣюсь, что тебѣ хорошо будетъ у меня!

Она покраснѣла и бросила на него благодарный взглядъ. Нѣсколько времени они ѣхали молча, но мало-по-малу ея волненіе улеглось и она стала внимательнѣе всматриваться въ громаднаго, дюжаго мужчину, сидѣвшаго рядомъ съ нею,—въ своего отца.

Онъ, дѣйствительно, ужасно великъ ростомъ, она едва достаетъ его плеча, и какимъ онъ говоритъ ужаснымъ басомъ! А потомъ и борода... Но взглядъ его казался ей добрымъ, хотя немного печальнымъ, и внушалъ ей довѣріе. Сидя возлѣ него, она уже начала испытывать чувство спокойствія и безопасности. Теперь ей было на кого опереться, а еще такъ недавно она считала себя совсѣмъ одинокой на бѣломъ свѣтѣ.

Онъ сидѣлъ и правилъ, устремляя взоръ впередъ, какъ только замѣчалъ, что Анна смотритъ на него. Онъ былъ полонъ необыкновенно радостнаго чувства, къ которому примѣшивалась и нѣкоторая гордость. Когда ему казалось, что Анна глядитъ въ сторону, онъ искоса взглядывалъ на нее.

— Какая славная лошадка! — сказала она, когда молчаніе стало, наконецъ, дѣлаться тягостнымъ.

— Да, неправда ли?—отвѣтилъ Экъ, совсѣмъ очарованный.— А ты знаешь толкъ въ лошадяхъ?

На этотъ разъ ему совсѣмъ легко было сказать ей «ты», тогда какъ раньше это слово едва могло сойти у него съ языка.

— Нѣтъ,—засмѣялась она,—вовсе нѣтъ, но мнѣ нравится ея мастъ.

Экъ такъ обрадовался этому милому смѣху, что даже не сталъ спорить съ ней насчетъ масти, хотя вообще держался того мнѣнія, что никогда не слѣдуетъ обращать вниманія на масть въ лошадяхъ, а только на спину и на ноги.

— Да,—подтвердилъ онъ съ убѣжденіемъ,—это превосходная лошадь.

Опять водворилось молчаніе, потомъ онъ сказалъ:

— Ты бы подняла... этотъ... ну, какъ его... вуаль.

— Сейчасъ,—отвѣтила она, нѣсколько удивленная, но затѣмъ, какъ будто понявъ его, съ легкою улыбкой подняла вуаль.

— Такъ-то будетъ лучше! —воскликнулъ Экъ, теперь совсѣмъ довольный, и усѣлся повыше на сидѣньѣ. Можно было подумать, что этотъ вуаль до сихъ поръ отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга.

Былъ чудный вечеръ; солнце только что зашло и спускавшійся сумракъ былъ окрашенъ мягкими красноватыми переливами, особенно ближе къ западу, гдѣ небо прорѣзали полоски освѣщенныхъ солнцемъ облаковъ. Березы качали своими нѣжными, тонкими сережками и совсѣмъ еще молодыми листьями; кленъ и осина еще не утратили своихъ темно-красныхъ весеннихъ колеровъ, а хвойныя деревья пустили мелкіе, свѣтлые побѣги, оживлявшіе ихъ мрачную зелень. На нивахъ пробивались нѣжные весенніе всходы, коровы щипали траву на краю дороги, пастушокъ взгромоздился на заборъ и сидѣлъ тамъ, болтая голыми ногами, а вдали раздавалось звонкое пѣніе ранняго дрозда, пріютившагося гдѣ-нибудь на верхушкѣ сосны.

Молодая дѣвушка откинулась назадъ.

— Ахъ, какъ хорошо! —тихо сказала она.

Экъ вздрогнулъ и сдвинулъ брови. Ея интонація поразительно

напоминала мать и онъ испыталъ тягостное, мучительное чувство. Онъ почти гнѣвно взглянулъ на дочь, но его раздраженіе тотчасъ же исчезло, и когда онъ посмотрѣлъ кругомъ, то ощутилъ въ своемъ сердцѣ какую-то смутную отраду.

Да, хорошо было вокругъ. То былъ дѣйствительно прелестный, настоящій весенній вечеръ.

Немного погодя онъ сказалъ про себя: «Анна!» — и потомъ промолвилъ вслухъ:

— Тебя зовутъ Анна?

— Да, — отвѣтила она, нѣсколько удивленная вопросомъ, такъ какъ она уже начала понемногу свыкаться съ мыслью, что возлѣ нея сидитъ дѣйствительно ея отецъ, и ей такъ странно было, что она должна назвать ему свое имя.

— Да, Анна-Маргарета-Эльза! — прибавила она, чтобы сдѣлать, такимъ образомъ, менѣе неестественнымъ его вопросъ.

Снова Экъ нахмурилъ брови.

— Да, но зовутъ тебя Анной! — почти сердито воскликнулъ онъ.

— Да, — отвѣтила она и взглянула на него, изумленная его тономъ.

Онъ сталъ повторять про себя это имя «Анна! Анна!» — точно стараясь запечатлѣть его въ своей памяти.

Дорога сдѣлала поворотъ, съ одной стороны открылась длинная аллея, а въ глубинѣ ея мелькнулъ бѣлый одноэтажный домъ.

— Вотъ и Торпа! — крикнулъ Экъ, указывая на усадьбу бичомъ. И въ ту же минуту его поразила мысль, что въ тотъ день, когда онъ везъ сюда Эльзу, онъ не испытывалъ этой гордости, этого сознанія богатства и счастья, какое испытывалъ теперь, когда ѣхалъ домой съ своею дочерью. По крайней мѣрѣ, онъ не могъ этого вспомнить. Или, можетъ быть, и тогда въ немъ было это чувство, но только онъ забылъ его теперь? Онъ старался припомнить, но вдругъ его взяла досада на самого себя. Зачѣмъ онъ постоянно оглядывается на то, что̀ миновало, зачѣмъ позволяетъ образу Эльзы ежеминутно выступать передъ нимъ и омрачать его радость?

Онъ принялся съ жаромъ описывать Аннѣ всѣ мѣста въ усадьбѣ, пока они проѣзжали по аллеѣ.

— Вотъ это конюшня, а тамъ, наверху, мельница, слышишь ли шумъ плотины? А вотъ тамъ... а посмотри сюда...

Она смотрѣла вокругъ, и мѣстность казалась ей знакомой, но, въ то же время, во многихъ отношеніяхъ такою чужой, точно она видѣла ее раньше во снѣ. Вѣдь, ей было всего четыре года, когда

ее увезли отсюда, но правда, что мать не разъ разсказывала ей о Торпѣ. Что особенно привлекло ея вниманіе, это садъ, совершенно запущенный, между тѣмъ какъ все другое было въ образцовомъ порядкѣ и свидѣтельствовало о заботливомъ уходѣ.

Когда они подъѣхали къ дому, на крыльцѣ показалась изумительно маленькая, совсѣмъ сгорбленная старушка, съ лицомъ, представлявшимъ цѣлую сѣть морщинъ.

— Это Лисса,— сказалъ Экъ.

— Ахъ, неужели это Лисса?— воскликнула дѣвушка, и ея личико внезапно просіяло.

— Да развѣ ты помнишь ее?— спросилъ Экъ, крайне удивленный.

— Ахъ, нѣтъ,— сказала она, краснѣя,— но мама разсказывала мнѣ о ней.

Эти слова поразили Эка, какъ нѣчто такое, о чемъ онъ никогда не могъ бы и подумать. Такъ она говорила о Лиссѣ? Въ такомъ случаѣ, можетъ статься... можетъ статься, она говорила и о немъ! При этой мысли онъ, въ свою очередь, покраснѣлъ, но не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что онъ собственно чувствуетъ, раздраженіе... или же... что-нибудь другое.

Лисса одна оставалась въ живыхъ изъ всѣхъ старухъ Торпы. И кухарка Лина, и Анна птичница, и старая Болла,—всѣ онѣ отошли въ вѣчность и другія заступили ихъ мѣсто. Но за то ужь Лисса и пользовалась безграничнымъ почетомъ и, несмотря на свои годы, умѣла поддерживать его съ большимъ достоинствомъ. Спина ея, какъ мы уже сказали, сильно согнулась, но, все-таки, Лисса была еще проворна и расторопна и, въ особенности, когда она была чѣмъ-нибудь разсержена, работа, попрежнему, кипѣла у нея въ рукахъ. Теперь она нарядилась въ свое лучшее платье, то самое, которое было на ней двадцать лѣтъ тому назадъ, на свадьбѣ патрона; такъ какъ она съ тѣхъ поръ порядочно съежилась, то оно было ей немножко велико и издавало пронзительный запахъ камфары, но казалось совсѣмъ новымъ, потому что она надѣла его нынче всего только въ третій или четвертый разъ.

Она была очень взволнована и вслѣдствіе этого немножко сухо встрѣтила Анну и совсѣмъ забыла поздравить ее съ пріѣздомъ. Но за то, когда они вошли въ переднюю, она сочла своимъ непремѣннымъ долгомъ собственноручно снять съ барышни пальто и ни за что не хотѣла разстаться съ ея саквояжемъ, которымъ завладѣла съ первой минуты. Потомъ она повела Анну въ приготовленную

для нея комнату, бывшую спальню, а Экъ пошелъ къ себѣ переговорить съ конторщикомъ, который дожидался его въ кабинетѣ.

Показавъ Аннѣ ея комнату и выпустивъ, наконецъ, изъ своихъ рукъ ея саквояжъ, Лисса еще разъ оглядѣла столъ, накрытый въ залѣ съ часъ тому назадъ, а затѣмъ отправилась въ кухню, то и дѣло покачивая головой и бормоча про себя: «Боже милостивый, Боже милостивый!»

Конторщикъ немного задержалъ Эка, такъ что, когда онъ вошелъ въ залу, Анна была уже тамъ. Она стояла спиною къ нему, возлѣ окна, и теперь, въ сумракѣ, наполнявшемъ большую, высокую комнату съ мелкими окнами, и, притомъ же, не видя лица дочери, онъ опять поразился доходившимъ почти до иллюзіи сходствомъ ея съ матерью. Онъ подошелъ прямо къ столу, сталъ зажигать свѣчи и сказалъ:

— Садись-ка. Тебѣ надо немножко подкрѣпиться.

— Благодарю,—отвѣтила она,—мнѣ что-то не очень хочется ѣсть.

Рука Эка задрожала, когда онъ сталъ зажигать послѣднюю свѣчу.

— Ну, ну!—сказалъ онъ жесткимъ тономъ.—Это не такъ ужь плохо! Тебѣ не придется жаловаться, что тебѣ тяжко живется у меня!

Этихъ словъ онъ никогда не забывалъ, они были какъ бы острымъ буравомъ, постоянно сверлившимъ его душу, и вся горечь, скопившаяся въ немъ за эти годы, готова была излиться у него въ потокѣ безсвязныхъ рѣчей. Ему казалось, будто Эльза стоитъ тамъ, у окна. Теперь онъ можетъ, наконецъ, сказать ей... да, но что, что такое хотѣлъ онъ ей сказать?

Анна уловила въ его словахъ скрытый намекъ и догадалась, что онъ направленъ противъ матери. И въ тотъ же мигъ исчезло начавшее было вкрадываться въ ея душу ощущеніе чего-то родного, и она раскаялась въ томъ, что рѣшилась пріѣхать сюда.

Экъ, сильно взволнованный, ходилъ по комнатѣ, пока, наконецъ, глубокое молчаніе не принудило его остановиться и взглянуть на дочь.

Она выпрямилась, лицо ея было блѣдно, губы крѣпко сжаты, и, когда онъ встрѣтился съ ней глазами, то невольно потупилъ передъ нею взоръ. Нѣсколько минутъ онъ боролся съ собою, потомъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и смиренно сказалъ:

— Ну, пойдемъ же! Ты такъ огорчишь меня, если откажешься хоть что-нибудь скушать въ первый же вечеръ, какъ пріѣхала ко мнѣ.

И потомъ въ теченіе всего вечера онъ съ застѣнчивою и немного угловатою ласковостью старался загладить свои оскорбительныя слова, и когда ему, наконецъ, удалось согнать съ ея лица недовѣрчивое выраженіе, онъ весь засіялъ радостью и раза два заставилъ даже Анну вторить его громкому, неудержимому смѣху.

Тогда онъ узналъ дѣтское личико на портретѣ, это личико, которому такъ трудно было оставаться серьезнымъ, но все же ему казалось, что Анна очень измѣнилась съ тѣхъ поръ.

Съ боязливымъ нетерпѣніемъ сталъ онъ искать на ея лицѣ сходства съ Эльзой, но, прослѣдивъ его черта за чертой, не нашелъ его, однако. Скорѣе чѣмъ-то въ выраженіи лица, по крайней мѣрѣ, временами, въ фигурѣ, въ жестикуляціи и затѣмъ своею манерой открывать ротъ немного раньше, чѣмъ она начинала говорить, Анна напоминала мать. Ея черты были грубѣе и не такъ правильны, ротъ больше, хотя съ тою же тонкою линіей, волосы темнѣе и жестче, а надъ глазами явственно обозначалась энергическая складка, которой у матери не было.

Казалось, это личико стремилось смотрѣть весело и смѣло на міръ Божій, хотя въ настоящее время оно носило по большей части полугрустное, полувдумчивое выраженіе съ вопрошающимъ взглядомъ, который нерѣдко встрѣчается у дѣтей, рано начавшихъ дѣлить со старшими ихъ горести и заботы.

Когда они стали прощаться послѣ ужина, онъ удержалъ ея пальчики въ своей громадной рукѣ.

— Какая ты хорошенькая!—сказалъ онъ, смотря на нее съ восхищеніемъ.

Онъ помолчалъ и затѣмъ нерѣшительно прибавилъ:

— Если бы ты...

Онъ думалъ было сказать ей: «если бы ты поцѣловала меня!»— но запнулся и только слегка провелъ рукой по ея волосамъ, а потомъ поспѣшно отошелъ отъ нея.

Онъ долго ходилъ по комнатѣ въ какой-то тревогѣ, прежде чѣмъ рѣшился, наконецъ, лечь въ постель. Онъ находился въ такомъ настроеніи, которое ему самому казалось страннымъ,—онъ не могъ бы сказать, радостно у него на душѣ или грустно. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ глубоко взволнованъ и совершенно утратилъ душевное равновѣсіе. И въ эту ночь онъ спалъ такъ дурно, какъ не спалъ уже много, много лѣтъ.

X.

Тѣмъ не менѣе, на слѣдующее утро онъ поднялся до восхода солнца. Онъ сталъ одѣваться съ радостнымъ нетерпѣніемъ, съ торопливостью, которую усиливало сознаніе, что жизнь его пріобрѣла новый, богатый интересъ, и что даже и одѣться для наступающаго дня было истинною радостью. Онъ надѣлъ на себя все, кромѣ сапогъ, и съ ними въ рукахъ пошелъ, осторожно ступая, черезъ залу въ гостиную, остановился тамъ у двери въ бывшую спальню, превратившуюся теперь въ «комнату его дочери», и сталъ прислушиваться. Все было тихо, но мало-по-малу, быть можетъ, лишь въ силу воображенія, онъ какъ будто разслышалъ ровное и спокойное дыханіе. Съ счастливою улыбкой онъ пробрался въ переднюю, тамъ надѣлъ сапоги, отворилъ дверь въ сѣни и вышелъ на дворъ.

Разсвѣтъ былъ свѣжій и ясный, полный зарождающейся жизни, распускающихся почекъ, новыхъ ростковъ на деревьяхъ и травахъ, короткихъ, словно пробующихъ свои силы, трелей изъ сотни горлышекъ, еще не успѣвшихъ по-настоящему распѣться послѣ зимняго молчанія. Этотъ разсвѣтъ раскрывалъ глаза, какъ хорошо выспавшійся младенецъ, и посылалъ улыбку на встрѣчу прекрасному весеннему дню, сулившему много наслажденій и не мало хлопотъ. Но пока еще можно было немножко понѣжиться въ полудремотѣ и на короткое время забыться; безмолвіе минувшей ночи еще сдерживало до нѣкоторой степени звонкость веселыхъ звуковъ, и вся эта жизнь была лишь подготовленіемъ, все ожидало солнца, чтобы тогда по-настоящему приняться за дѣло.

Экъ сначала обошелъ дворъ, а потомъ сталъ бродить вокругъ дома, гдѣ его привлекало одно окно со спущенною гардиной. Но при этомъ ему бросились въ глаза разные изъяны, которыхъ онъ раньше не видалъ: здѣсь отвалилась штукатурка, тамъ почти совсѣмъ сошла краска на фронтонѣ окна, а на крышѣ нѣсколькихъ черепицъ не хватаетъ. Все это надо будетъ подновить.

И, полный плановъ на будущее время, онъ направился къ проѣзжей дорогѣ. Надо будетъ основательно подновить и самую жизнь Торпѣ,—очень ужь она сдѣлалась вялая и апатичная, какъ-то заѣсневѣла съ годами. Но теперь въ ней опять проснется жизнь и адость, такъ что дѣвочкѣ не придется скучать здѣсь. Ей нуженъ ѣхъ и веселье, и онъ ей дастъ и то, и другое, теперь она всѣмъ имъ будетъ обязана ему, только и только ему.

Но затѣмъ въ немъ возникло грустное опасеніе, что, пожалуй, уже не съумѣетъ быть веселымъ, какъ прежде, что онъ слиш-

комъ старъ, что то время прошло и никогда не вернется. Какая-то тяжесть легла ему на сердце, но вскорѣ онъ своенравно стряхнулъ ее съ себя.

Слишкомъ старъ! Да, вѣдь, ему только пятьдесятъ лѣтъ, и онъ здоровъ и силенъ, сильнѣе любого юнца! Нѣтъ, нѣтъ, онъ вовсе не слишкомъ старъ! Не надо ему только оглядываться назадъ, надо бодро смотрѣть впе[illegible]едъ, эти постоянныя размышленія о прошломъ— вотъ что заставляетъ его чувствовать себя старикомъ. Но онъ забудетъ его, забудетъ навѣки.

Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ онъ уже испугался, что отошелъ слишкомъ далеко отъ дому, и поспѣшно повернулъ назадъ. Взошло солнце, и онъ еще ускорилъ шаги; ему казалось, что время совсѣмъ ускользаетъ у него изъ рукъ.

Въ залѣ онъ засталъ Лиссу, собиравшуюся накрывать на столъ.

— Встала она?—шепотомъ спросилъ онъ.

— Да нѣтъ же, она спала, какъ невинный младенецъ, когда я входила къ ней за полусапожками.

— А, такъ она спала!

Онъ сѣлъ на стулъ и сталъ смотрѣть, какъ Лисса разставляла кофейный приборъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, потомъ Лисса сказала:

— Ужь какъ же она похожа на патрона!

Лицо Эка засіяло блаженною улыбкой.

— Правда, похожа?—переспросилъ онъ неувѣреннымъ голосомъ.

Лисса утвердительно кивнула головой, и они опять смолкли, занятые своими мыслями, двигавшимися, какъ они это чувствовали, въ одномъ и томъ же направленіи. Одинъ только разъ Экъ прервалъ молчаніе, сказавъ Лиссѣ, чтобы она не гремѣла такъ посудой, и очень добродушно отнесся къ ея довольно сварливому отвѣту.

Но ему стало слишкомъ тѣсно въ комнатѣ, и онъ опять вышелъ изъ дому, заглянулъ въ конюшню, на скотный дворъ, сдѣлалъ въ полголоса кое-какія распоряженія рабочимъ,—они не понимали, что это съ нимъ дѣлается, почему онъ говоритъ все шепотомъ,—и нѣсколько разъ возвращался къ дому, чтобы посмотрѣть, не под нята ли гардина въ завѣтномъ окнѣ.

Наконецъ, когда часы пробили восемь, онъ началъ сердиться Когда же она проснется? Вѣдь, этакъ они потеряютъ даромъ весь день, а, между тѣмъ, ему такъ много надо показать ей, такъ мно го плановъ у него намѣчено на сегодня. Онъ сѣлъ, чтобы соста

вить подробное распредѣленіе дня, но вскорѣ отказался отъ этой мысли; лучше ужь все предоставить случаю, притомъ же, они все равно не успѣютъ сдѣлать всего того, что было у него въ виду.

Лисса тоже суетилась, безпокоясь, что кофе слишкомъ ужь долго варится. И она находила, что пора бы барышнѣ встать. Или, можетъ быть, въ домѣ теперь заведется манера лежать въ постели до девяти часовъ? Но когда она замѣтила, что патронъ теряетъ терпѣніе, она сдѣлала ему строгій выговоръ, упрекнувъ его за то, что онъ не можетъ дать дѣточкѣ поспать спокойно даже и въ первый день, что она проводитъ дома.

Наконецъ, въ половинѣ девятаго Анна вышла, и дурное расположеніе духа Эка какъ рукой сняло. Въ первыя минуты, однако, между ними господствовала нѣкоторая принужденность и они чувствовали себя довольно чужими другъ другу.

Сегодня на щекахъ Анны игралъ болѣе живой румянецъ, чѣмъ наканунѣ, и она показалась еще красивѣе Эку, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему сказали, что она похожа на него. Онъ едва могъ усидѣть на мѣстѣ, ему нетерпѣлось скорѣе пойти съ ней гулять; онъ не зналъ, о чемъ говорить съ Анной, а потому такъ и стремился ознакомить ее со всѣми подробностями своего хозяйства, чтобы найти тему для разговора и избавиться отъ этого тягостнаго ощущенія натянутости.

Тотчасъ послѣ кофе они отправились осматривать усадьбу. Солнце уже высоко стояло на небѣ и разливало яркій, проникнутый весеннею радостью блескъ. Анна, жмурясь отъ свѣта, остановилась на порогѣ.

— Ахъ, какъ хорошо! И что за прелесть деревня!

— А развѣ ты раньше не бывала въ деревнѣ?

— Бывала, но только не послѣдніе годы; съ тѣхъ поръ, какъ мы возвратились въ Швецію, у насъ не было настолько средствъ, чтобы жить лѣтомъ на дачѣ.

Ея голосъ звучалъ такъ печально, почти укоризненно, какъ показалось Эку, и его больно кольнуло въ сердце.

— Но за то теперь ты можешь въ волю наслаждаться деревенск жизнью,—съ жаромъ сказалъ онъ ей.

на кивнула съ оттѣнкомъ грусти.

— Ахъ, еслибъ только...

«Еслибъ только мама...»—хотѣла она сказать, но вдругъ запн лась, и слезы выступили на ея глазахъ.

нъ смотрѣлъ на нее и угадалъ ея мысль.

— Ну, пойдемъ!—сердито крикнулъ онъ и пошелъ впереди ея къ конюшнѣ.

Во время осмотра усадебныхъ построекъ это непріятное впечатлѣніе мало-по-малу разсѣялось. Экъ пришелъ въ восторгъ отъ интереса, который обнаруживала Анна, отъ толковости, съ какою она относилась ко всѣмъ этимъ вещамъ, хотя чуть ли не въ первый разъ ихъ видѣла. «Это она отъ меня унаслѣдовала»,—съ гордостью думалъ онъ.

Они пошли посмотрѣть и мельницу, попрежнему, работавшую безъ устали. Старый мельникъ былъ еще живъ; все такой же здоровый и бодрый, онъ только еще больше растолтѣлъ, да волосы его были теперь бѣлы уже не отъ одной только мучной пыли. Несмотря на свои годы, онъ сохранилъ свои старые пріемы и сталъ шутливо любезничать съ дочерью, подобно тому, какъ когда-то любезничалъ съ матерью.

На обратномъ пути Анна спросила отца:

— Но почему же садъ такъ запущенъ?

— Садъ?—пробормоталъ Экъ.

— Да. Вѣдь, какой онъ могъ бы быть чудесный! Тебѣ бы надо заняться имъ.

Теперь они уже безъ всякаго затрудненія говорили другъ другу «ты».

Экъ стиснулъ зубы и его лицо приняло жесткое выраженіе.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ такъ коротко и рѣзко, что разговоръ сейчасъ же оборвался.

Послѣ прогулки и осмотра усадьбы Анна сѣла за столъ съ такимъ хорошимъ аппетитомъ, что Экъ пришелъ въ самое радужное настроеніе и предложилъ ей послѣ обѣда поѣхать въ Бинесъ къ ея теткамъ.

За послѣдніе годы тамъ произошли большія перемѣны. Гольмеръ умеръ и помѣстьемъ управлялъ теперь одинъ изъ его зятьевъ, женатый на второй съ конца дочери. Обѣ другія, бывшія моложе Эльзы, тоже вышли замужъ и покинули родительскій домъ. Только Луиза и Эрика остались въ дѣвушкахъ и жили у зятя, держа его и сестру подъ довольно-строгою опекой. Положимъ, Луиза была все такъ же добра, какъ и прежде, но ея доброта приняла съ годами болѣе деспотическій характеръ, и, по мѣрѣ того, какъ съуживался кругъ ея дѣятельности, всѣ заботы и попеченія, которыя она раньше расточала тремъ младшимъ сестрамъ, сосредоточились теперь на единственной, оставшейся подъ ея крылышкомъ, и та находила, что этихъ заботъ можно было бы, пожалуй, и убавить.

Доброта Луизы какъ бы окружала ее крѣпкою стѣной, которая порою имѣла свою пріятность, но представляла то неудобство, что въ ней совершенно отсутствовали двери. Разъ или два она дѣлала попытку перелѣзть черезъ нее, но тогда, несмотря на свой невинный видъ, эта ограда оказывалась обладательницей такихъ острыхъ зубцовъ, что молодая женщина предпочла не покидать больше ея предѣловъ. Единственное право, признававшееся за ней безъ всякихъ ограниченій, было рождать и вскармливать дѣтей, и она имъ пользовалась въ полной мѣрѣ. Каждый годъ являлся на свѣтъ новый младенецъ.

Она сидѣла съ меньшимъ ребенкомъ на рукахъ, когда пріѣхали Экъ и Анна. Когда ей представили племянницу, она, видимо, смутилась и приняла ее съ нѣсколько-сомнительною привѣтливостью, просила извинить ее, что не можетъ исполнить, какъ должно, свои обязанности хозяйки, такъ какъ занята маленькимъ, и поспѣшила послать за Луизой, хлопотавшей въ кухнѣ. До появленія Луизы прошло, однако, добрыхъ четверть часа, и за это время хорошее расположеніе духа Экa чуть было совсѣмъ не измѣнило ему, потому что свояченица, казалось, не хотѣла видѣть ничего замѣчательнаго въ томъ, что его дочь пріѣхала къ нему жить; ее такъ пріучили исключительно интересоваться ея собственными дѣтьми, что все другое мало-по-малу сдѣлалось для нея безразличнымъ.

Еще хуже пошло дѣло, когда вошла Луиза. Ея предразсудки все росли, а принципы становились все болѣе односторонними, чѣмъ больше ей переходило за сорокъ, и теперь она видѣла въ Аннѣ лишь дочь той сестры, которая была виновницей единственнаго позорнаго пятна, лежавшаго на ихъ семьѣ, и приняла ее поэтому съ церемонною и чопорною вѣжливостью, тѣмъ болѣе бросавшеюся въ глаза, что она совершенно противорѣчила ея натурѣ и вовсе не гармонировала съ ея добродушнымъ лицомъ, принявшимъ съ годами грубовато-красный оттѣнокъ, и съ ея пріятно-округлою фигурой. Анна, уже разочарованная пріемомъ, оказаннымъ ей первою теткой, тоже становилась все болѣе натянутой и холодной, а Экъ сидѣлъ, не разжимая рта, и бросалъ озлобленные взгляды на Луизу, между тѣмъ какъ гнѣвъ въ его груди все разростался и грозилъ вскорѣ прорваться наружу.

Вдругъ вошла Эрика. Хотя она и догадалась о намѣреніи Экa, когда онъ спрашивалъ у нея адресъ Анны, но вовсе не была приготовлена къ этому посѣщенію и, изумленная, остановилась въ дверяхъ.

Она казалась теперь значительно старше Луизы. Ея фигура,

никогда не отличавшаяся привлекательностью, сдѣлалась еще худощавѣе и костлявѣе, а волосы сильно посѣдѣли. Ея маленькіе, сѣро-голубые глазки переходили отъ Анны къ Эку и опять устремлялись на Анну, потомъ она взглянула на Луизу и сразу поняла ситуацію. Ея лицо просвѣтлѣло и сдѣлалось почти красивымъ; она быстро подошла къ Аннѣ, схватила обѣ ея руки и сказала:

— Добро пожаловать къ намъ, милое дитя! Я тетя Эрика!

Съ минуту она колебалась, какъ бы стыдясь своей чувствительности, но потомъ обняла племянницу и поцѣловала ее.

Вслѣдъ за этимъ она обратила на отца ея взоръ, просившій прощенія, но давнишняя вражда его къ Эрикѣ растаяла, наконецъ, въ одинъ короткій мигъ и онъ отвѣтилъ ей благодарною улыбкой и теплымъ рукопожатіемъ; тогда ея лицо еще больше просвѣтлѣло и, благодаря ей, визитъ окончился гораздо лучше, чѣмъ начался. Даже Луиза мало-по-малу смягчилась; ее, все-таки, немножко мучила совѣсть за ея непривѣтливое обхожденіе съ Анной, да кстати и всегдашнее ея уваженіе къ Эрикѣ способствовало перемѣнѣ въ ея чувствахъ.

На обратномъ пути въ Торпу Анна сообщила отцу, что Эрика совсѣмъ плѣнила ея сердце. Экъ съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти отвѣтилъ ей, что она дѣйствительно замѣчательная дѣвушка, и при этомъ далъ себѣ обѣщаніе постараться загладить свою суровость къ Эрикѣ. Вѣдь, все это были глупости, стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ вспоминать о нихъ, когда оба они такъ состарились?

Послѣ ужина, прежде чѣмъ разойтись по своимъ комнатамъ, они посидѣли вмѣстѣ въ гостиной. Сначала они разговаривали о теткахъ Анны, но потомъ бесѣда стала постепенно обрываться и водворилось молчаніе, которое ни отецъ, ни дочь не рѣшались нарушить. Анна захватила съ собой работу, и теперь принялась шить. Но ея мысли были поглощены нежданною перемѣной, наступившею въ ея судьбѣ; ей вдругъ съ такою силой представилась вся странность того факта, что она сидитъ теперь рядомъ съ своимъ отцомъ,—отцомъ, котораго едва знаетъ. Что онъ такое на самомъ дѣлѣ? Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе человѣка добраго, честнаго, вселяющаго довѣріе, она уже была готова его полюбить, а, между тѣмъ, ея мать когда-то покинула его. Почему? Что за тайна кроется подъ этимъ, и почему ея мать никогда не хотѣла ей ничего повѣдать? Эти мысли часто мучили ее съ тѣхъ поръ, какъ она настолько созрѣла, чтобы понимать, но никогда не мучили такъ сильно, какъ сегодня. Неужели эта тайна никогда не откроется ей?

Она торопливо взглянула на отца.

Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку стула и полузакрывъ глаза. Но она все же уловила въ его взорѣ задумчивое, почти мечтательное выраженіе, какого раньше никогда въ немъ не видала. Быть можетъ, и онъ думаетъ о томъ же, о чемъ думаетъ она?

Она такъ пытливо смотрѣла на него, что онъ вдругъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея взглядъ и выпрямился, точно застигнутый въ чемъ-то противузаконномъ. Глаза ихъ встрѣтились, и его взоръ мгновенно сдѣлался холоднымъ и жесткимъ.

— Ну, теперь пора идти спать!—сказалъ онъ и торопливо поднялся со стула.

Эти крутые переходы въ его обращеніи съ ней удивляли ее первое время и тягостно дѣйствовали на нее, но мало-по-малу она къ нимъ привыкла и стала меньше замѣчать ихъ. Помимо этого, они превосходно уживались другъ съ другомъ и вскорѣ начали чувствовать себя старыми знакомыми.

Подъ вліяніемъ деревенскаго воздуха, весны, новой обстановки и множества развлеченій, которыя Экъ придумывалъ для нея сообща съ Эрикой, сдѣлавшейся вскорѣ чуть ли не ежедневною гостьей въ Торпѣ и теперь отлично ладившей съ зятемъ, къ молодой дѣвушкѣ началъ постепенно возвращаться ея веселый отъ природы нравъ, на щекахъ ея появился здоровый румянецъ, и она стала выказывать жажду дѣятельности, наполнявшую радостью сердце Эка. «Это,—думалъ онъ,—она унаслѣдовала отъ меня!»

И тогда его ласковость къ ней дѣлалась почти трогательной въ своихъ шумныхъ, неуклюжихъ проявленіяхъ.

Но вдругъ съ ея устъ срывалось какое-нибудь замѣчаніе, напоминавшее ему Эльзу, или же она обнаруживала сходство съ ней лишь въ какомъ-нибудь жестѣ, въ интонаціи, выраженіи глазъ,—и его обращеніе съ ней дѣлалось тогда нетерпѣливымъ, почти сердитымъ, между тѣмъ какъ во взорѣ, который онъ на нее устремлялъ, являлось что-то пытливое, недоумѣвающее.

И какъ скоро онъ не былъ вмѣстѣ съ ней, онъ дѣлался сумраченъ и погружался въ какія-то думы; тогда образъ Эльзы неотступно стоялъ передъ нимъ, и онъ чувствовалъ въ душѣ тревогу, которую не въ силахъ былъ преодолѣть.

Объ Эльзѣ они никогда не говорили, какъ бы по безмолвному соглашенію. Но мысль о ней, ежедневно и ежечасно вызываемая въ нихъ всѣмъ тѣмъ, что было связано съ нею, уже одними отношеніями, въ которыхъ они находились другъ къ другу, фразами, которыя не договаривались, и взорами, которые внезапно уклонялись

въ сторону, траурнымъ платьемъ Анны и грустью, внезапно находившею на нее и заставлявшею ее умолкать въ самомъ разгарѣ веселаго смѣха,—эта мысль раздѣляла ихъ, какъ стѣна, и не допускала между ними полнаго, безусловнаго довѣрія.

XI.

Чѣмъ лучше Аннѣ жилось у отца, чѣмъ больше Торпа дѣлалась для нея роднымъ домомъ, тѣмъ труднѣе, однако, становилось ей хоронить, такимъ образомъ, минувшее подъ покровомъ забвенія, тѣмъ сильнѣе она испытывала потребность освободить эту перемѣну въ своей жизни отъ всего, что носило характеръ разрыва, и, взамѣнъ того, слить прошлое и настоящее въ одномъ и томъ же чувствѣ. Основнымъ поводомъ къ этому стремленію было въ ней желаніе соблюсти справедливость, не сдѣлаться измѣнницей передъ тѣми, кому ея любовь принадлежала прежде, изъ-за того, что теперь ихъ мѣсто долженъ былъ занять другой, и, въ то же время, не заграждать этому другому доступа въ тотъ уголокъ ея сердца, гдѣ она хранила память о нихъ. По мѣрѣ того, какъ она привязывалась къ отцу, ей все больше хотѣлось, чтобъ и онъ полюбилъ все то, что нѣкогда наполняло ея жизнь, и въ душѣ ея блѣднѣло впечатлѣніе того, что̀ стояло между ними преградой, его развода съ матерью и вызвавшихъ этотъ разводъ неизвѣстныхъ причинъ. Ей казалось совершенно естественнымъ, что она должна имѣть право говорить съ нимъ непринужденно о своей прежней семьѣ, и, такъ какъ ею двигало ничто иное, какъ чувство довѣрія, то она и не могла понять, что, слѣдуя своему побужденію, она часто бываетъ жестока къ отцу.

Всякій разъ, какъ у нея вырывался подобный намекъ на прошедшее, она причиняла Эку нестерпимую боль. Его охватывала въ эти минуты неистовая ревность ко всему, что отнимало у него часть ея сердца; ему хотѣлось вычеркнуть все это изъ памяти Анны или сдѣлать ей ненавистнымъ, такъ, чтобы она лишь одного его имѣла въ цѣломъ мірѣ и чтобы сердце ея безраздѣльно принадлежало ему. Первое время эта ревность обращалась противъ Эльзы, такъ какъ безсознательнымъ усиліемъ воли онъ изгонялъ изъ свойхъ мыслей отчима дочери, словно онъ не игралъ никакой роли в ея жизни; но когда она начала говорить и о немъ, его образъ мало-по-малу выступилъ на первый планъ и сдѣлался главнымъ объектомъ его ревности.

И что болѣе всего угнетало его, это то, что онъ чувствовалъ

себя безсильнымъ передъ нимъ, сознавалъ, что не можетъ бороться съ нимъ. Онъ умеръ, этотъ человѣкъ, и своею смертью онъ упрочилъ за собою навѣки и право, и побѣду. При всякой попыткѣ похитить у него привязанность Анны Экъ чувствовалъ, что совершаетъ неблагородный, низкій поступокъ,—это было все равно, что ограбить трупъ.

Сначала онъ пробовалъ прекращать при самомъ началѣ разсказы дочери, притворяясь, будто не слышитъ ихъ, или круто обрывая разговоръ, какъ скоро онъ грозилъ свернуть на ненавистную ему тему, но такъ какъ это не удавалось ему, то однажды, во вспышкѣ гнѣва, онъ напрямикъ сказалъ Аннѣ, что не хочетъ больше слышать объ этомъ ни слова и разъ навсегда запрещаетъ ей заговаривать объ этихъ вещахъ. Съ той минуты и она не стала больше касаться этой темы, но зародившаяся было въ ней привязанность къ отцу потерпѣла отъ этого, и отношенія между ними стали уже не такъ хороши, какъ прежде.

Онъ это чувствовалъ и скорбѣлъ объ этомъ, но, въ силу какого-то страннаго противорѣчія, еще больше страдалъ отъ молчанія дочери. Оно сдѣлалось для него гораздо мучительнѣе, чѣмъ ея прежніе намеки. Теперь уже онъ самъ испытывалъ потребность разспрашивать ее, чтобы проникнуть до самаго дна въ ту жизнь, которую вели она и Эльза, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались чужими ему, эту жизнь, о которой онъ имѣлъ пока лишь нѣсколько смутныхъ представленій, постоянно занимавшихъ его мысли и терзавшихъ его своею неопредѣленностью.

И вотъ, всего черезъ недѣлю послѣ того, какъ между ними произошла только что упомянутая сцена, разъ вечеромъ, когда они сидѣли вдвоемъ въ гостиной, онъ вдругъ спросилъ ее, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— Ты, стало быть, очень любила его?

Она взглянула на него съ изумленіемъ и съ легкимъ оттѣнкомъ недовѣрія. Онъ принудилъ себя улыбнуться ей, и тогда ея лицо просвѣтлѣло. Все это время она жаждала примиренія и теперь вопросъ отца поспѣшила истолковать, какъ первый шагъ съ его стороны. Сначала она хотѣла было спросить его, о комъ онъ собственно говоритъ, хотя отлично поняла его, но затѣмъ нашла это недостойнымъ и отвѣтила прямо и твердо:

— Да, очень!

Онъ продолжалъ улыбаться, но не смѣлъ отвести отъ нея взоровъ, боязни тотчасъ же потерять власть надъ выраженіемъ своего лица.

— Что-жь... онъ былъ какой-нибудь необыкновенный человѣкъ?

Она на секунду наморщила лобъ, какъ и самъ онъ часто дѣлалъ, и отвѣтила:

— Необыкновенный? Нѣтъ, но онъ былъ очень добръ и ко мнѣ, и къ мамѣ.

Экъ кивнулъ, но ничего не могъ промолвить. Только глаза его просили ее продолжать.

Она поняла его и облегченно вздохнула. Ей казалось, что она давно жаждала этой минуты и что теперь она вступаетъ въ болѣе счастливую фазу своей жизни, такъ какъ все, что до сихъ поръ мучило и разстраивало ее, должно, наконецъ, разрѣшиться въ полной гармоніи. И съ безотчетнымъ эгоизмомъ она старалась убѣдить себя, что и отецъ ея долженъ испытывать то же чувство.

Она откинулась на спинку кресла и смотрѣла прямо передъ собою съ тою особенною улыбкой, которую воспоминанія, какъ радостныя, такъ и печальныя, вызываютъ на лицѣ человѣка.

— Я помню... ахъ, какъ это было странно! Первые годы я его совсѣмъ не любила, порой я почти готова была вообразить, что его ненавижу. Вѣдь, я была тогда такая крошка, я, конечно, никакого понятія не имѣла о томъ, что значитъ ненавидѣть! — прибавила она въ видѣ объясненія, какъ будто теперь она глубоко искусилась въ этомъ тяжеломъ опытѣ.

— Я думаю, что это собственно было изъ-за мамы... Мнѣ казалось, что она любитъ его больше, чѣмъ меня... Я помню, что по вечерамъ, когда она, бывало, уложитъ меня и простится со мною, я иногда долго не спала и все плакала, потому что знала, что тогда она уходила къ нему.

Экъ сѣлъ къ самому окну и дѣлалъ видъ, будто смотритъ на дворъ. Но глаза его ничего не видѣли, это было для него лишь предлогомъ отвернуться отъ Анны, чтобъ лицо его не выдало ей отражавшихся на немъ душевныхъ движеній. При первыхъ словахъ ея онъ почувствовалъ злобную радость, но она скоро угасла, и въ душѣ его стремленіе остановить разсказъ вступило въ борьбу съ мучительнымъ желаніемъ узнать больше, больше...

— Я такъ была рада каждому случаю обойтись съ нимъ ка ъ можно грубѣе, потому что видѣла, что это огорчаетъ его. Ма а пробовала уговаривать меня, стыдила меня за то, что я такая зла , но я всегда упрямо отвѣчала ей, что терпѣть его не могу. Мнѣ к жется, она понимала причину и страдала отъ необходимости дѣл. ъ себя между нимъ и мною, но я вбила себѣ въ голову, что не люб ю

его, и ничего не могла съ собою подѣлать. Но вотъ, одинъ разъ, я помню...

Она смолкла и задумалась. Никогда еще не вызывала она такъ живо образъ Эльзы передъ Экомъ, какъ теперь, когда онъ, не глядя на ея лицо, слышалъ ея голосъ. Она точно выучилась разсказывать у матери—у нея была совершенно та же способность всѣмъ существомъ своимъ сливаться съ разсказомъ, такъ что онъ производилъ такое впечатлѣніе, будто она думаетъ вслухъ, та же манера внезапно умолкать и улыбаться чему-то, что мелькало у нея въ умѣ, прежде чѣмъ она успѣвала выразить это въ словахъ. Онъ бросилъ на нее торопливый взглядъ,—да, она тоже улыбалась, но ея взоръ былъ гораздо спокойнѣе и опредѣленнѣе и въ немъ не было того разсѣяннаго, мечтательнаго выраженія, которое было у Эльзы. И имъ овладѣло такое чувство, точно онъ напрасно чего-то искалъ.

— Ну?— сказалъ онъ хриплымъ голосомъ и опять отвернулся.

— Ахъ, это такъ странно... вѣдь, это былъ, собственно говоря, совсѣмъ незначительный эпизодъ, а, тежду тѣмъ, онъ произвелъ на меня такое глубокое впечатлѣніе!... Мнѣ было десять лѣтъ, не больше, но я такъ живо это помню. Онъ никогда не ласкалъ меня, хотя иногда мнѣ казалось, что онъ и хотѣлъ бы, да не смѣетъ. И какъ я гордилась тогда! Я это отлично помню! Я все воображала, будто онъ меня боится! — Она засмѣялась.— Такъ вотъ, мама была разстроена, какъ это часто съ ней случалось, и я видѣла, что онъ тщетно старается утѣшить ее. Это было, кажется, вечеромъ... да, я стояла у окна и смотрѣла на улицу, гдѣ начинали зажигать фонари. Мама сидѣла съ нимъ въ сосѣдней комнатѣ и они о чемъ-то говорили шепотомъ, такъ что я ничего не могла разслышать, и такой я чувствовала себя забытой и заброшенной! Вдругъ я услыхала, что онъ подходитъ ко мнѣ, но я не обернулась, пока онъ не очутился совсѣмъ возлѣ меня. Тогда онъ взялъ въ обѣ руки мою голову и поцѣловалъ меня въ волосы. «Поди къ мамѣ, утѣшь ее!»—сказалъ онъ и толкнулъ меня къ двери. Въ ег голосѣ было что-то такое, что заставило меня на него взгля-
нуть, и тогда... я всегда думала, что онъ безобразенъ, но тогда онъ м показался настоящимъ красавцемъ. Я пошла къ мамѣ и тамъ ра плакалась такъ, что не я ее, а она меня должна была утѣшать. Н въ тотъ вечеръ,—я такъ хорошо это помню,—мнѣ позволили ос аться до десяти часовъ и съ тѣхъ поръ... да, съ тѣхъ поръ я такъ ж сильно полюбила его, какъ прежде думала, что его ненавижу.

— А развѣ... твоя мать... грустила?—чуть слышно спросилъ Экъ.

— Ахъ, да!—отвѣтила она.

— Стало быть, они не были счастливы?—Онъ сидѣлъ въ такомъ напряженіи, что руки его конвульсивно сжимались.

— Нѣтъ, были!—горячо отвѣтила она.—Это не его была вина,—онъ дѣлалъ все для нея, что только во власти человѣка. И, вѣдь, я ревновала маму къ нему, потому именно, что она такъ сильно любила его. Нѣтъ, это было нѣчто другое...—Она совсѣмъ забыла, съ кѣмъ говоритъ, и стала безъ утайки открывать отцу все, что она видѣла и о чемъ догадывалась по поводу отношеній между матерью и отчимомъ, какъ можетъ видѣть и догадываться дитя.—Тогда я не совсѣмъ ясно понимала это, но послѣ я поняла многое, хотя и не все. Мнѣ кажется, мама никогда не могла быть вполнѣ счастлива, у нея были слишкомъ высокія требованія... Не то чтобъ она была чѣмъ-нибудь недовольна... Она умѣла довольствоваться самыми скудными средствами, а иногда намъ очень трудно было перебиваться, когда папѣ долго не удавалось продать какую-нибудь картину, и, притомъ же, онъ совсѣмъ не зналъ счету деньгамъ, онѣ у него такъ и таяли въ рукахъ. Но мама никогда не жаловалась на это, никогда. Нѣтъ, но въ совсѣмъ другомъ смыслѣ... отъ самой себя, напримѣръ, она слишкомъ ужь много требовала и... ахъ, я не умѣю это хорошенько объяснить, но она постоянно осыпала себя упреками и какъ будто думала, что она для него только лишнее бремя, она воображала, что только заставляетъ страдать другихъ... подумай, какая странная фантазія!... а, между тѣмъ, добрѣе ея нельзя было бы съискать человѣка, и для того, кого она любила, она была готова сдѣлать все на свѣтѣ! Случалось, что у папы работа не шла на ладъ или онъ не былъ доволенъ тѣмъ, что писалъ, и тогда онъ бывалъ самъ не свой, дѣлался совсѣмъ какъ дитя, такой бывалъ нервный и раздражительный, отъ всякой бездѣлицы приходилъ въ отчаяніе. И тогда мама бывала такъ терпѣлива съ нимъ, и только она одна и умѣла вдохнуть въ него мужество. Нѣтъ, я знаю, они были такъ счастливы, хотя по временамъ такъ какъ-то странно бывало!

Она опять погрузилась въ молчаніе, котораго они не прерывали, пока не стали прощаться. Но этотъ разговоръ возобновлялся еще сколько вечеровъ подрядъ и въ мелкихъ подробностяхъ Анна изобразила отцу всю жизнь своей прежней семьи.

Экъ жадно внималъ ея словамъ и часто цѣлыми днями раз-

мывалъ о какомъ-нибудь мелкомъ эпизодѣ, полномъ, какъ ему казалось, таинственнаго смысла, который онъ усиливался разгадать.

Однажды онъ спросилъ ее:

— А что за вещи онъ рисовалъ?

— По большей части ландшафты,—отвѣтила Анна,—а иногда и портреты... Разъ онъ написалъ портретъ мамы,—прибавила она съ особеннымъ удареніемъ.

Экъ измѣнился въ лицѣ и бросилъ на нее неувѣренный взглядъ.

— И хорошо онъ рисовалъ?—рѣзко спросилъ онъ.

— Да, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ. Первое время послѣ того, какъ мы переѣхали въ Парижъ, у него очень быстро распродавались картины, одинъ разъ онъ получилъ медаль въ Салонѣ. Но въ послѣдніе годы его дѣла пошли хуже, публика стала говорить, что онъ повторяется. У него былъ одинъ мотивъ, къ которому онъ постоянно возвращался, должно быть, потому, что никогда не оставался имъ доволенъ. Его можно было встрѣтить почти во всѣхъ его картинахъ.

Она остановилась, ожидая отъ него вопроса о томъ, что̀ это былъ за мотивъ, но такъ какъ онъ сидѣлъ молча и задумавшись, то она стала разсказывать безъ его просьбы.

— Это былъ вечерній мотивъ, послѣ захода солнца, такъ что все уже было окутано сумракомъ. Обыкновенно на переднемъ планѣ была вода съ высокою травой по берегамъ, а позади старыя ивы и затѣмъ пурпурное вечернее небо. Другія детали онъ еще измѣнялъ, но ивы и пурпурное небо повторялись вездѣ. Онъ самъ зналъ, что это надоѣдаетъ публикѣ, и нѣсколько разъ пробовалъ написать что-нибудь другое, но новыя картины онъ никогда не оканчивалъ, а все принимался съизнова за старый мотивъ. Онъ самъ думалъ, что его карьера кончена и что онъ больше ничего не можетъ написать. Это началось одновременно съ тѣмъ, какъ онъ сталъ страдать легкими.

— Легкими?

— Да, онъ умеръ отъ чахотки,—тихо сказала она.

Нѣсколько минутъ они просидѣли молча, потомъ она при-
ила:

— У меня сохранились его эскизы, хочешь ихъ посмотрѣть?

Нѣсколько секундъ онъ оставался въ нерѣшимости, потомъ
тилъ короткимъ «да» и пошелъ за ней въ ея комнату.

Она вынула изъ выдвижного ящика большой портфель, поло-

жила его на столъ, раскрыла и стала выкладывать одинъ за другимъ эскизы и показывать ихъ отцу. Большинство ихъ онъ нашелъ какими-то странными, но два или три, совершенно залитыхъ солнцемъ, понравились ему.

— Вотъ этотъ ужасно нравился мамѣ!—сказала она, подавая ему болѣе крупный этюдъ.

На немъ была изображена проселочная дорога, окутанная почти непроницаемою ночною тьмой. Съ одной стороны ее окаймляла стѣна, надъ которой мелькали крыши домовъ, съ другой—рядъ на половину облетѣвшихъ деревьевъ. Вдали, въ самомъ углу, гдѣ дорога дѣлала поворотъ, стоялъ одинокій фонарный столбъ съ масляннымъ фонаремъ, какіе водились встарину, изливавшимъ тусклый мерцающій свѣтъ на ближайшіе сучья съ ихъ полузавядшими листьями и бросавшимъ слабые лучи на дорогу и на каменную ограду. На заднемъ планѣ все совершенно тонуло во мракѣ. Эта маленькая картинка была проникнута настроеніемъ, напоминавшимъ нѣкоторыя сказки Андерсена.

Экъ долго разсматривалъ ее.

— Такъ твоя мать любила эту картину?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Да,—отвѣтила Анна,—ужасно любила!

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее и потомъ молча положилъ на столъ, не высказавъ о ней никакого сужденія.

— А это что такое?—спросилъ онъ, протянувъ руку къ довольно большой рамкѣ, лежавшей въ самой глубинѣ портфеля.

— Это портретъ мамы,—тихо промолвила она.

Его лицо поблѣднѣло, и рука его, державшая портретъ, задрожала. Онъ опустилъ его на дно портфеля, отвернулся и медленно вышелъ изъ комнаты.

Спустя нѣсколько дней, когда Анна разсказывала отцу, какъ отчимъ ея долго скрывалъ свою болѣзнь отъ Эльзы, Экъ запальчиво крикнулъ:

— Нехорошо это было съ его стороны!

— Онъ не хотѣлъ тревожить маму, — отвѣтила она почти враждебнымъ тономъ, который являлся у нея всякій разъ, какъ она считала себя обязанной вступиться за отчима.

Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой съ какимъ-то странным блескомъ въ глазахъ.

— Значитъ, онъ не понималъ ея,—сказалъ онъ и въ ту же минуту вспыхнулъ до корня волосъ.

Она удивленно взглянула на него, хотѣла что-то возразить, но почувствовала, что не вправѣ отвѣчать ему.

Въ тотъ же день онъ подошелъ къ Аннѣ и безъ всякихъ предисловій сказалъ ей:

— Покажи-ка мнѣ этотъ портретъ!

— Портретъ мамы?—спросила она и лицо ея просвѣтлѣло.

Онъ кивнулъ головой, не глядя на дочь.

Они пошли въ ея комнату и Анна вынула портретъ.

Передавъ его отцу, она отвернулась, чувствуя, что ея взоры стѣсняютъ его.

Портретъ былъ написанъ въ послѣдніе годы пребыванія Эльзы съ мужемъ въ Парижѣ. Сначала она ему показалась до того измѣнившеюся, до того чужою, что онъ едва могъ узнать ее, но, по мѣрѣ того, какъ онъ вглядывался въ ея черты, имъ стало овладѣвать такое чувство, будто онъ никогда не видалъ ее другою. Образъ ея, который онъ хранилъ въ воспоминаніи, образъ Эльзы, какою она была пятнадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣлался мало-по-малу похожимъ на тотъ, что теперь стоялъ передъ нимъ, и, наконецъ, они слились между собою и стали какъ бы объяснять другъ друга. Онъ уже не видѣлъ на ея лицѣ слѣдовъ, оставленныхъ годами и печалями, не видѣлъ, что линія щекъ была уже не такъ мягка, какъ прежде, и что вокругъ рта появилась складка, которой не было раньше,—онъ видѣлъ, въ сущности, только взоръ, видѣлъ только его выраженіе, и оно говорило съ нимъ на языкѣ столь новомъ для него и, въ то же время, такомъ родномъ! Онъ осторожно выпустилъ изъ рукъ портретъ и печально, почти торжественно покачалъ головой.

— Да,—сказалъ онъ искреннимъ голосомъ,—это прекрасный портретъ.

Молодая дѣвушка поняла, что въ этихъ словахъ было примиреніе,—примиреніе и съ тѣмъ, кто написалъ портретъ,—и взглянула на отца съ радостною и благодарною улыбкой.

— Зачѣмъ ты прячешь его въ портфель?—сказалъ онъ, и такъ какъ она не отвѣчала ему, онъ нагнулся, поцѣловалъ ее въ лобъ и прибавилъ:—Мы повѣсимъ его въ гостиной,—это была ея любимая комната.

XII.

Разъ утромъ, выйдя въ садъ, Анна сильно изумилась, увидѣвъ, отецъ вскапываетъ совсѣмъ почти заросшую грядку. Онъ былъ

такъ поглощенъ своею работой, что не замѣтилъ дочери, пока она не очутилась возлѣ него. Тогда онъ поспѣшно воткнулъ заступъ въ землю и, чтобы скрыть свое замѣшательство, сдѣлалъ видъ, будто вытираетъ потъ съ лица.

— Ты рѣшилъ-таки привести въ порядокъ садъ? — весело спросила Анна.

— Да,— отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.— Что-жь хорошаго, если онъ совсѣмъ заростетъ?

— Но почему ты принялся такъ поздно? Вѣдь, теперь уже половина іюля, лѣтомъ ничего не успѣетъ вырости.

— А, такъ ты думаешь, что теперь уже поздно?—нерѣшительно спросилъ онъ, и лицо его омрачилось.

— Ну, да отчего же не попробовать? — сказала она, чтобъ его ободрить.

Онъ взялся за заступъ и опять принялся копать. Но вскорѣ онъ бросилъ его и промолвилъ, уныло смотря передъ собой:

— Ахъ, нѣтъ! Теперь, конечно, уже поздно!

Онъ отеръ лобъ рукавомъ и отошелъ отъ Анны. Она огорченно посмотрѣла ему вслѣдъ. Она не понимала, что съ нимъ такое происходитъ; онъ сдѣлался за послѣднее время такой нервный и пугливый. По вечерамъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть вмѣстѣ съ нею въ гостиной, какъ это было прежде, онъ всякій разъ отговаривался теперь дѣлами и приходилъ лишь тогда, когда уже пора было ложиться. Она чувствовала, что онъ удаляется отъ нея, видѣла, что онъ постоянно размышляетъ о чемъ-то, чего не хочетъ ей открыть, а когда она старалась приблизиться къ нему, онъ отстранялъ ее, не гнѣвно и не жестко, но, что еще сильнѣе печалило ее, съ какимъ-то грустнымъ и смиреннымъ видомъ, точно прося у нея въ чемъ-то прощенія.

А какой онъ сгорбленный идетъ теперь! Онъ точно постарѣлъ въ нѣсколько дней!

Анна говорила объ этомъ съ тетей Эрикой, но и та ничего не могла объяснить, а только посовѣтовала ей ждать и уповать на время.

— Это—все, что мы можемъ сдѣлать, — прибавила она со вздохомъ.

Но Эрика хорошо замѣтила, что эта перемѣна въ Экѣ наступила съ того дня, какъ въ гостиной былъ повѣшенъ портретъ Эльзы, и у нея были свои собственныя мысли на этотъ счетъ, которыхъ, однако, она не хотѣла повѣдать Аннѣ, старыя мысли, которыя она столько разъ и въ теченіе столькихъ лѣтъ переворачивала въ своей

головѣ, что онѣ почти утратили всю свою горечь. Но это не мѣшало ей искренно думать, что имъ слѣдуетъ уповать на время,— увы, Эрика состарилась и вѣрила теперь въ воздѣйствіе времени.

Но каждый вечеръ, прежде чѣмъ лечь въ постель, Экъ сидѣлъ у стола и перечитывалъ старое, пожелтѣвшее письмо, послѣднее письмо, которое ему написала Эльза и которое онъ сохранилъ. Въ немъ было лишь нѣсколько строкъ и онъ зналъ ихъ всѣ наизусть.

«Торстенъ!

«Я пишу тебѣ на этотъ разъ лишь для того, чтобы узнать, какъ ты рѣшишь насчетъ нашей малютки. Я ни о чемъ не стану просить тебя, я знаю, что не имѣю на это права, и готова подчиниться твоему рѣшенію. Но только не отнимай ея у меня совсѣмъ! Будь милосердъ, Торстенъ, если ты когда-нибудь любилъ меня!

«Эльза».

«Если ты когда-нибудь любилъ меня!» Такъ странны казались ему эти слова послѣ предъидущаго и такъ странны въ особенности отъ нея. Онъ понималъ, какъ истерзано должно было быть ея сердце, какимъ страхомъ и тоской оно должно было сжиматься, разъ она рѣшилась прибѣгнуть къ подобной мольбѣ. Они возмущали его, эти слова, сильнѣе, чѣмъ смиреніе предшествующихъ строкъ. Онъ чувствовалъ за нее, какъ нестерпимо была унижена ея гордость необходимостью написать ему это. Точно кто-то посторонній оскорбилъ ее!

Такой смыслъ принимали они для него, когда онъ читалъ ихъ на ряду съ другими строками письма. Но обособленныя, выдѣленныя изъ связи съ предъидущимъ, они преслѣдовали его цѣлыми днями, и тогда ему казалось, что они относятся только къ нему одному, и въ нихъ ему слышались тогда вопросъ и обвиненіе.

Разъ вечеромъ, когда Анна сидѣла въ своей комнатѣ, Экъ вошелъ къ ней, молча сѣлъ у окна и, посидѣвъ такъ нѣсколько минутъ, тихо сказалъ:

— Разскажи мнѣ, какъ... какъ умерла твоя мать?

Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту она смѣша-
л ь, но что-то въ голосѣ отца сдѣлало для нея невозможнымъ от-
к ать ему въ его просьбѣ. Она отложила въ сторону книгу, кото-
р читала, когда онъ вошелъ, и стала разсказывать.

Въ томъ, что она имѣла сообщить ему, не было ничего необы-
ч наго. Это была исторія предсмертныхъ страданій, какими они все-
г ще бываютъ,—съ внезапно вспыхивающею надеждой и страст-

ною тоской, исторія агоніи, цѣплявшейся за жизнь, пока силы не изсякли, пока не смирилась душа, пока усталыя мысли не пошли на встрѣчу смерти, быть можетъ, видя въ ней скорѣе конецъ, чѣмъ избавленіе. Тутъ не было ничего грандіознаго, не было величественнаго самоотреченія, не было твердаго упованія или стоической покорности. Это былъ лишь разсказъ о мучительномъ разставаньи съ жизнью, заключавшей въ себѣ большія надежды и богатые задатки, немножко счастья и горькія разочарованія, но жизнью, которая, все-таки, была мила и за которую цѣплялись съ отчаянною силой, пока руки не ослабѣли, пока смерть не выступила впередъ и не сдѣлалась единственною цѣлью для чувствъ и мыслей, искавшихъ себѣ точки опоры и покинутыхъ жизнью.

И все же, переживая теперь свои воспоминанія объ этомъ, молодая дѣвушка отдалась во власть почти торжественнаго настроенія, и ей казалось, что своими словами она воздвигаетъ самый прекрасный памятникъ матери и возстановляетъ ея имя во всей его незапятнанной чистотѣ. Быть можетъ, это было потому, что она разсказывала это отцу, быть можетъ, и потому еще, что она чувствовала, что говоритъ одну правду, и что правда только потерпѣла бы отъ прикрасъ.

Онъ сидѣлъ молча и слушалъ ее; она ни разу не слыхала, чтобы онъ сдѣлалъ движеніе. Лишь тогда, когда она кончила разсказъ, она посмотрѣла въ его сторону и увидала, что онъ плачетъ. Она встала и подошла къ нему, но тогда онъ тоже поднялся съ мѣста и, отстранивъ ее жестомъ руки, вышелъ изъ комнаты.

Войдя въ переднюю, онъ остановился, вытеръ лицо, чтобы уничтожить слѣды слезъ, потомъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дому. Онъ прошелъ черезъ садъ и сталъ пересѣкать поля, направляясь къ опушкѣ лѣса. Дойдя до нея, онъ свернулъ съ дороги и устремился въ чащу, идя все впередъ и впередъ, спотыкаясь о камни, ломая сучья, ничего не видя передъ собой. Лишь тогда, когда онъ убѣдился, что онъ совсѣмъ одинъ, что ничей взоръ не можетъ подстеречь его, онъ сѣлъ на камень, опустилъ голову на руки и весь отдался волненію, клокотавшему внутри его.

Онъ только что сдѣлалъ открытіе, совершенно сломившее его, онъ понялъ, что любитъ ее, любитъ свою умершую жену. Съ ко[рыхъ] поръ? Съ той ли минуты, какъ въ лицѣ дочери онъ увида[ее] вновь, или съ того еще дня, какъ онъ прочелъ впервые это пис[мо], навѣки отнявшее ее у него? Или, быть можетъ, самъ того [зная], онъ любилъ ее всегда? Онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отч[та], но сейчасъ, когда онъ слушалъ разсказъ объ ея смерти, см[ерть]

ныя, неопредѣленныя чувства, волновавшія его послѣдніе дни, внезапно стали ему ясны, и, какъ молнія, поразила его мысль, что *теперь* онъ любитъ ее,—любитъ ее такою, какою она теперь стояла передъ нимъ, не молчаливую, безличную Эльзу, которую онъ видѣлъ когда-то, а ее, ее самоё, со всѣми ея порывами, сомнѣніями и слабостями. Внезапный свѣтъ озарилъ то, чего онъ тогда не понималъ, потому что не хотѣлъ это понять, и что ихъ раздѣляло, и образъ ея предсталъ передъ нимъ въ ореолѣ новой, самобытной, живой красоты.

Онъ вспомнилъ тотъ день, когда они шли вмѣстѣ по этому лѣсу, и на него напало жгучее раскаяніе и тоска. Онъ понялъ, что счастье было тогда близко, и что онъ слѣпо оттолкнулъ его прочь, оттолкнулъ это счастье, которое, быть можетъ, тоже увяло бы и поблекло, но котораго никогда нельзя бы было вырвать съ корнями, потому что оно представляло собой самое истинное и глубокое счастье въ жизни, рѣдкое растеніе, сосредоточившее въ себѣ всю ея красоту—любовь къ другому существу и союзъ съ другимъ существомъ.

И вотъ, она умерла, и того, что онъ потерялъ, никогда уже ему не вернуть!

При этой мысли бѣшенство обуяло его; онъ вскочилъ и опять пошелъ прямикомъ черезъ лѣсъ, пробивая себѣ путь черезъ препятствія, въ неудержимой потребности заглушить движеніемъ свои мысли. Какъ только онъ останавливался, опять являлась му́ка и раскаяніе, нестерпимое раскаяніе, и онъ шелъ опять, не глядя, куда, какъ человѣкъ, который боится мрака и не смѣетъ остановиться и прислушаться къ отголоску собственныхъ шаговъ.

Только въ полночь онъ возвратился, наконецъ, домой, смертельно усталый и тѣломъ, и душой. Онъ ощупью пробрался въ свою комнату, бросился, не раздѣваясь, на постель и впалъ мгновенно въ тяжелый, безчувственный сонъ.

Когда онъ очнулся, былъ уже день, и солнце свѣтило въ комнату. Все та же ужасная тяжесть лежала на сердцѣ Эка, и первою мыслью его было: она умерла!

Онъ всталъ съ чувствомъ горькаго отвращенія ко всему на свѣтѣ и подошелъ къ окну.

Садъ былъ весь залитъ яркими, ослѣпительными лучами утренняго солнца, такъ что темные круги завертѣлись передъ утомленными глазами Эка. Нѣсколько минутъ онъ ничего не могъ разли-

чить, но вдругъ его взоръ упалъ на дочь, шедшую къ дому по одной изъ аллей.

Его дочь! О ней онъ забылъ!

Онъ взглянулъ на нее и смутно почувствовалъ, что въ ней произошла какая-то перемѣна, какъ будто что-то, раньше мучившее его своимъ диссонансомъ, теперь разрѣшилось въ гармоніи. Онъ задумался, стараясь разгадать, что̀ это собственно было. Этотъ диссонансъ, терзавшій его, заключался, вѣдь, въ томъ, что порой онъ, какъ живую, видѣлъ въ ней ея мать, порой совсѣмъ другое, чуждое ей существо. Теперь этого диссонанса не было больше, теперь оба образа слились въ одинъ, теперь онъ видѣлъ, что къ нему приближается Эльза, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не она, новое существо, но плоть отъ ея плоти—ея дочь!

«Его и ея дочь!»

Внезапная мысль блеснула передъ нимъ: въ лицѣ ея, этой дочери, которая ему осталась, завоевать вновь сердце жены, которую онъ потерялъ!

И эта мысль стала расти, дѣлалась все прекраснѣе и все богаче содержаніемъ, все болѣе исполнялась утѣшенія и примиренія.

Весь проникнутый этою новою радостью, но дрожа, какъ дитя, пошелъ онъ навстрѣчу Аннѣ.

В. С.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ *).

(Изъ путевыхъ записокъ).

VI.

Разсказъ Егора.

Докторъ, у котораго я квартировалъ, уѣхалъ на материкъ вскорѣ послѣ увольненія отъ службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошаго человѣка. У него была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изрѣдка, этакъ разъ въ день, навѣдывался къ нему каторжный Егоръ, дровотаскъ, который прислугою его не считался, но «изъ уваженія» приносилъ дровъ, убиралъ помои на кухнѣ и вообще исполнялъ обязанности, которыя были не подъ силу старушкѣ. Бывало, сидишь и читаешь, или пишешь что-нибудь, и вдругъ слышишь какой-то шорохъ и пыхтѣнье, и что-то тяжелое ворочается подъ столомъ около ногъ; взглянешь— это Егоръ, босой, собираетъ подъ столомъ бумажки или вытираетъ пыль. Ему лѣтъ подъ сорокъ и представляетъ онъ изъ себя человѣка неуклюжаго, неповоротливаго, какъ говорится, увальня, съ простодушнымъ, на первый взглядъ глуповатымъ лицомъ и съ широкимъ, какъ у налима, ртомъ. Онъ рыжій, бородка у него жидкая, глаза маленькіе. На вопросъ онъ сразу не отвѣчаетъ, а сначала искоса посмотритъ и спроситъ: «чаво?» или «кого ты?» Величаетъ вашимъ высокоблагородіемъ, но говоритъ *ты*. Главную черту его х[арак]тера и, вѣроятно, смыслъ его жизни составляетъ его необычайная трудолюбіе. Онъ не можетъ сидѣть безъ работы ни одной минуты, [всегда] находитъ ее всюду, куда бы ни пришелъ. Говоритъ съ вами, а самъ ищетъ глазами, нѣтъ ли чего убрать или починить. Онъ спитъ два-три часа въ сутки, потому что ему некогда спать. Въ

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

праздники онъ обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, въ пиджакѣ поверхъ красной рубахи, выпятивъ впередъ животъ и разставивъ ноги. Это называется «гулять».

Дома у себя, въ Новгородской губ., онъ занимался хлѣбопашествомъ; самъ построилъ себѣ избу, дѣлаетъ ведра, столы, неуклюжіе шкафы. Умѣетъ дѣлать всякую мебель, но только «про себя», т.-е. для собственной надобности. Самъ никогда не дрался и битъ не бывалъ; только когда-то въ дѣтствѣ отецъ высѣкъ его за то, что горохъ стерегъ и пѣтуха впустилъ.

Однажды у меня съ нимъ происходилъ такой разговоръ:

— За что тебя сюда прислали?—спросилъ я.

— Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородіе?

— За что тебя прислали на Сахалинъ?

— За убійство.

— Ты разскажи мнѣ съ самаго начала, какъ было дѣло.

Егоръ сталъ у косяка, заложилъ назадъ руки и началъ:

— Ходили мы къ барину Владиміру Михайлычу, рядились о дровахъ, о пилкѣ и поставкѣ на станцію. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этакъ не далеко отошедши отъ села, послалъ меня народъ въ контору съ условіемъ—засвидѣтельствовать. Я былъ на лошади. По дорогѣ къ конторѣ Андрюха воротилъ меня: былъ большой разливъ, нельзя было проѣхать. «Завтра, говоритъ, я поѣду въ контору объ землѣ своей рендовой и это условіе засвидѣтельствую». Ладно. Отсюда пошли мы вмѣстѣ: я на лошади, а кумпанія пѣшкомъ. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закуривать къ кабаку, мы съ Андрюхой сзади остались на тротуарѣ около трактира. Онъ и говоритъ: «Нѣтъ ли у тебя, братко, пятачка? Выпить, говоритъ, хотно». А я ему: «Да ты, братъ, говорю, такой человѣкъ: зайдешь выпить за пятачокъ, да тутъ и запьянничаешь». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли къ мужикамъ; сговорили на четверть, собрали на четверть, въ кабакъ зашли, четверть водки купили. Сѣли за столъ пить.

— Ты покороче,—замѣчаю я.

— Постой, не перебивай, ваше высокоблагородіе. Роспили мы эту водку, вотъ онъ, Андрюха то-есть, еще взялъ перцовки с[illegible] ковку. По стакану налилъ себѣ и мнѣ. Мы по стакану вмѣстѣ [illegible] нимъ и выпили. Ну, вотъ тутъ пошли весь народъ домой изъ ка[illegible] ка, и мы съ нимъ сзади пошли тоже. Меня переломило верхомъ [illegible] ѣхать, я слѣзъ и сѣлъ тутъ на бережку. Я пѣсни пѣлъ да шутил[illegible]. Разговору не было худого. Потомъ этого встали и пошли.

— Ты разскажи мнѣ про убійство,—перебиваю я.

— Постой. Дома я легъ и спалъ до утрія, пока не разбудили: «Ступай, кто изъ васъ побилъ Андрея?» Тутъ ужь и Андрея привезли, и урядникъ пріѣхалъ. Урядникъ сталъ допрашивать насъ всѣхъ, никто мы не признаемся къ этому дѣлу. А Андрей еще живой былъ и говоритъ: «Ты, Сергуха, ударилъ меня стягомъ, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы всѣ такъ и думали, что Сергуха, и начали глядѣть за нимъ, чтобы не сдѣлалъ себѣ чего. Черезъ сутки Андрей померъ. Сергѣя и подучи тамъ свои, сестра да тесть: «Ты, Сергѣй, не отпирайся, тебѣ все равно. Признавайся, да подтягивай, кого ближе захватилъ. Тебѣ влегота будетъ». Какъ только что померъ Андрей, мы весь народъ и собрались къ старостѣ и Сергѣя оповѣстили. Сергѣя допрашиваемъ, а онъ не признается. Потомъ пустили его къ себѣ ночевать въ свой домъ. Нѣкоторые его здѣсь стерегли, не сдѣлалъ бы себѣ чего. У него тутъ ружьишко было. Опасно. Поутру хватились—его нѣтъ, тутъ соскорили у него обыскъ дѣлать, и по деревнѣ искали, и въ поле бѣгали, искали его. Потомъ ужь пришли изъ стану и объявили, что Сергѣй уже тамъ. Тутъ насъ начали забирать. А Сергѣй, знашь, прямо къ становому, да къ уряднику, на колѣнки сталъ и говоритъ на насъ, что Ефремовы дѣти уже года три нанимали побить Андрюху. «Дорогой, говоритъ, шли мы втроемъ — Иванъ, да Егоръ, да я—и сговорились вмѣстѣ побить. Я, говоритъ, корчовочкой ударилъ Андрюху, а Иванъ да Егоръ схватились бить его, а я испужался, да назадъ, говоритъ, побѣжалъ, за задними мужиками». Потомъ насъ — Ивана, Киршу, меня и Сергѣя—забрали и въ тюрьму въ городъ.

— А кто такіе Иванъ и Кирша?

— Братья мои родные. Въ тюрьму пришелъ купецъ Петръ Михайлычъ и взялъ насъ на поруки. И были на порукахъ у него до Покрова. Жили мы хорошо, сохранно. На другой день Покрова насъ судили въ городѣ. У Кирши были свидѣтели—задніе мужики выправили, а меня такъ, братъ, и влопало. Я на судѣ говорилъ то, что тебѣ вотъ сказываю, какъ есть, а судъ не вѣритъ: «Тутъ всѣ такъ говорятъ и глаза крестятъ, а все неправда». Ну, осудили, да вт[illegible]строгъ. Въ острогѣ жили подъ замкомъ, но только былъ я па[illegible]ьникомъ, подметалъ камеры и обѣдъ подносилъ. Давали мнѣ за[illegible]это каждый по пайку хлѣба въ мѣсяцъ. Фунта три будетъ съ ч[illegible]овѣка. Какъ заслышали выходъ, телеграмму домой послали. П[illegible]редъ Николой было дѣло. Женка и братъ Кирша пріѣхали насъ п[illegible]вѣдать и кое-чего тутъ привезли изъ платья, да и еще кое-чего... Ж[illegible]на плакала-выла, да ничего не подѣлаешь. Какъ поѣхала, я ей

туда домой два пайка хлѣба далъ въ гостинцы. Поплакали и поклонъ послали дѣтямъ и всѣмъ крещенымъ. Дорогой мы были скованы нарушнями. По два человѣка шли. Я шелъ съ Иваномъ. Въ Новгородѣ съ насъ карточки снимали, тутъ заковали насъ и головы брили. Потомъ въ Москву погнали. Въ Москвѣ, когда сидѣли, на помилованіе прошеніе посылали. Какъ ѣхалъ въ Одессъ, не помню. Хорошо ѣхалъ. Въ Одессѣ насъ выспрашивали въ докторской, скидывали одежу всю, оглядывали. Я не оказывалъ ничего вреду. Собрали насъ и погнали на пароходъ. Тутъ козаки и солдаты насъ рядомъ вели по ступенькамъ и посадили насъ въ нутро. Сидимъ на нарахъ, да и все. Всякъ на свое мѣсто. На верхней нарѣ пять человѣкъ насъ сидѣло. Сперва мы не понимали, а потомъ говорятъ: «Поѣхали, поѣхали!» Ѣхали, ѣхали, а потомъ начало качать. Жаръ такой, голые стояли народъ. Кто блевалъ, а другой—ничего. Тутъ, конечно, больше лежали. А штормъ гораздъ былъ. Во всѣ стороны кидало. Ѣхали, ѣхали, потомъ и наѣхали. Насъ такъ и толконуло. День туманливый. Сталось темно. Какъ толконуло, и установилось, качается, знашь, на скалахъ; думали, что рыбина это качаетъ подъ низомъ, ворочаетъ пароходъ *). Наперед дергали, дергали—не сдернутъ, да назадъ зачали дергать. Назадъ стали дергать, посередкѣ и проломило снизу. Начали парусомъ дыру затягивать; затягивали, затягивали—ничего способу нѣтъ. Вода накопилась до самаго полу, гдѣ народъ сидитъ, и стала подъ народъ выходить вода на полъ. Народъ проситъ: «Не дайте погибнуть, ваше благородіе!» И онъ сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дамъ погибнуть ничего». Потомъ стало накопляться подъ нижнія нары. Крещеные стали проситься да ломиться. Баринъ и говоритъ: «Ну, ребята, выпущу васъ, только чтобъ не бунтовать, а нѣтъ—всѣхъ перестрѣляю». Потомъ выпустилъ. Сдѣлали богомоленіе, чтобы Господь усмирилъ, не погибнуть бы. Молились на колѣнкахъ. Послѣ богомоленія выдавали намъ галеты, сахаръ и море засмирилось. На другой день стали вывозить народъ на баржахъ на берегъ. На берегу было богомоленіе. Потомъ насъ перегрузили на другое судно, турецкое **), и привезли сюда въ Александровскъ. Сняли насъ засвѣтло на пристань, да тутъ долго насъ продержали, и отправились мы съ пристани уже въ потемушкахъ. Крещеные такъ плетнемъ и ш[illegible], а тутъ еще навалилась куриная слѣпота. Другъ за дружку держатся; кто видитъ, а кто и нѣтъ—вотъ и цѣплялись. Я за собой десятокъ крещеныхъ велъ. Пригнали въ тюрьму на дворъ и с[illegible]

*) Рѣчь идетъ о крушеніи „Костромы“ у западнаго берега Сахалина въ 188[illegible].
**) Пароходъ добровольнаго флота „Владивостокъ“.

ли разбирать по казармамъ, кого куда. Ужинали передъ сномъ, что было у кого, а утромъ намъ начали выдавать, что слѣдуетъ. Дня два отдыхали, на третій въ баню, а на четвертый работать погнали. Перво-на-перво копали канавы подъ зданіе, гдѣ лазаретъ теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее — этакъ недѣлю или двѣ, а, можетъ, и съ мѣсяцъ. Потомъ мы возили бревна изъ-подъ Михайловки. Таскомъ тащили версты за три и въ груды у моста сваливали. Потомъ на огородъ погнали ямы для воды копать. А какъ наступилъ сѣнокосъ, стали собирать крещеныхъ: спрашиваютъ, кто косить умѣетъ,—ну, кто признавался, того и писали. Выдали намъ на всю артель хлѣбъ, крупу, мясо и погнали съ надзирателемъ на сѣнокосъ въ Армуданы. Жилъ я ничего, Богъ здоровья давалъ, и косилъ я хорошо. Другихъ надзиратель колотилъ, а я дурного слова не слыхивалъ. Ругается только народъ, зачѣмъ бойко идешь,—ну, да ничего. Въ слободное время или когда дождь, я плелъ себѣ ступни. Люди спать съ работы, а я сижу да плету. Ступни продавалъ, двѣ порціи говядины за ступни, а это четыре копѣйки стоитъ. Сѣнокосъ выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли насъ въ тюрьму. Потомъ взяли меня къ поселенцу Сашкѣ на Михайловку въ работники. У Сашки я дѣлалъ все по хрестьянской работѣ: жалъ, убиралъ, молотилъ, картошку копалъ, а Сашка за меня въ кòзну бревна возилъ. Ѣли все свое, что получали изъ кòзны. Отработалъ я два мѣсяца и четыре дня. Обѣщалъ Сашка денегъ, да не далъ ничего. Только и далъ, что пудъ картошки. Привезъ меня Сашка въ тюрьму и сдалъ. Выдали мнѣ топоръ и веревку—дрова таскать. Семь печей отоплялъ. Я въ юртѣ жилъ, за камарщика воду носилъ и подметалъ. У татарина магзы *) майданъ сторожилъ. Какъ приду съ работы, мнѣ онъ свой майданъ увѣрялъ, я продавалъ, а онъ мнѣ за это 15 копѣекъ въ сутки платилъ. Весной, когда дни стали подолже, я сталъ плесть лапти. Бралъ по десять копѣекъ. А лѣтомъ рѣкой дрова гонялъ. Накопилъ я ихъ кучу большую и потомъ этого продалъ жиду баньщику. Накопилъ я также лѣсу 60 деревъ и продалъ по 15 копѣекъ. Вотъ и живу поналеньку, какъ Богъ даетъ. А только, ваше высокоблагородіе, разговаривать мнѣ съ тобой некогда, надо по воду идти.

— Въ поселенцы скоро выйдешь?

Лѣтъ черезъ пять.

— Скучаешь по дому?

— Нѣтъ. Одно вотъ только—дѣтей жалко. Глупы.

*) Китаецъ манза.

— Скажи, Егоръ, о чемъ ты думалъ, когда тебя въ Одессѣ на пароходъ вели?

— Бога молилъ.

— О чемъ?

— Чтобы дѣтямъ ума-разума послалъ.

— Отчего ты жену и дѣтей не взялъ съ собой на Сахалинъ?

— Потому что имъ и дома хорошо.

VII.

Маякъ.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція.— Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.— Потемкинъ.— Экспалачъ Терскій.—Красный-Яръ.—Бутаково.

Прогулки по Александровску и его окрестностямъ съ авторомъ *Сахалина* оставили во мнѣ пріятное воспоминаніе. Чаще всего мы ходили къ маяку, который стоитъ высоко надъ долиной, на мысѣ Жонкіеръ. Днемъ маякъ, если посмотрѣть на него снизу,—скромный бѣлый домикъ съ мачтой и съ фонаремъ, ночью же онъ ярко свѣтитъ въ потемкахъ и кажется тогда, что каторга глядитъ на міръ своимъ краснымъ глазомъ. Дорога къ домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокругъ горы, мимо старыхъ лиственицъ и елей. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ свободнѣе дышется; море раскидывается передъ глазами, приходятъ мало-по-малу мысли, ничего общаго не имѣющія ни съ тюрьмой, ни съ каторгой, ни съ ссыльною колоніей, и тутъ только сознаешь, какъ скучно и трудно живется внизу. Каторжные и поселенцы изо дня въ день несутъ наказаніе, а свободные отъ утра до вечера говорятъ только о томъ, кого драли, кто бѣжалъ, кого поймали и будутъ драть; и странно, что къ этимъ разговорамъ и интересамъ самъ привыкаешь въ одну недѣлю и, проснувшись утромъ, принимаешься, прежде всего, за печатные генеральскіе приказы — мѣстную ежедневную газету, и потомъ цѣлый день слушаешь и говоришь о томъ, кто бѣжалъ, кого подстрѣлили и т. п. На горѣ же въ виду моря и красивыхъ овраговъ все это становится до-нельзя пошло и грубо, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, что по дорогѣ на маякъ когда-то стояли скамьи, но что ихъ вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулокъ писали на нихъ и вырѣзывали ножами грязные пасквили и всякія сальности. Любителей такъ называемой заборной литературы много и на волѣ, но на каторгѣ цинизмъ превосходитъ всякую мѣру и не идетъ въ сравненіе ни съ

чѣмъ. Здѣсь не только скамьи и стѣны задворковъ, но даже любовныя письма отвратительны. Замѣчательно, что человѣкъ пишетъ и вырѣзываетъ на скамьѣ разныя мерзости, хотя, въ то же время, чувствуетъ себя потеряннымъ, брошеннымъ, глубоко несчастнымъ. Иной уже старикъ и толкуетъ, что ему свѣтъ постылъ и умирать пора, у него жестокій ревматизмъ и плохо видятъ глаза, но съ какимъ аппетитомъ произноситъ онъ безъ передышки извощичью брань, растянутую въ длинную вязь изъ всякихъ отборныхъ ругательныхъ словъ и вычурную, какъ заклинаніе отъ лихорадки. Если же онъ грамотенъ, то въ уединенномъ мѣстѣ ему бываетъ трудно подавить въ себѣ задоръ и удержаться отъ искушенія нацарапать на стѣнѣ хотя бы ногтемъ какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цѣпи злая собака. Пушка и колоколъ; говорятъ, что скоро привезутъ и поставятъ здѣсь ревунъ, который будетъ ревѣть во время тумановъ и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя въ фонарѣ маяка, поглядѣть внизъ на море и на «Трехъ Братьевъ», около которыхъ пѣнятся волны, то кружится голова и становится жутко. Не ясно видѣнъ Татарскій берегъ и даже входъ въ бухту де-Кастри; смотритель маяка говоритъ, что ему бываетъ видно, какъ входятъ и выходятъ изъ де-Кастри суда. Широкое, сверкающее отъ солнца море глухо шумитъ внизу, далекій берегъ соблазнительно манитъ къ себѣ, и становится грустно и тоскливо, какъ будто никогда уже не выберешься изъ этого Сахалина. Глядишь на тотъ берегъ и кажется, что будь я каторжнымъ, то бѣжалъ бы отсюда непремѣнно, несмотря ни на что.

За Александровскомъ вверхъ по теченію Дуйки слѣдуетъ селеніе *Корсаковское*. Основано оно въ 1881 году и названо въ честь М. С. Корсакова, бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалинѣ даютъ названія селеніямъ въ честь сибирскихъ губернаторовъ, смотрителей тюремъ и даже фельдшеровъ, но совершенно забываютъ объ изслѣдователяхъ, какъ Невельской, морякъ Корсаковъ, Бошнякъ, Поляковъ и многіе другіе, память которыхъ, полагаю, заслуживаетъ большаго уваженія и вниманія, чѣмъ какого-нибудь смотрителя Дербина, убитаго за жестокость *).

---

*) Для ссыльной колоніи до настоящаго времени больше всѣхъ сдѣлали, въ смыслѣ созиданія и отвѣтственности за нее, два человѣка: М. С. Мицуль и М. П. Галкинъ-Враскій. Въ честь перваго названо маленькое селеніе изъ десяти дворовъ, бѣдное и недолговѣчное, а въ честь второго—селеніе, которое уже имѣло старое и прочное мѣстное названіе Сіянцы, такъ что только на бумагахъ, да и то не на всѣхъ, оказывается Галкино-Враское. Между тѣмъ, имя М. С. Корсакова носятъ на

Въ Корсаковѣ жителей 272 : 153 м. и 119 ж. Всѣхъ хозяевъ 58. По составу своихъ хозяевъ, изъ которыхъ 26 имѣютъ крестьянское званіе и только 9 — каторжные, по количеству женщинъ, сѣнокоса, скота и проч. Корсаковка мало отличается отъ зажиточной Александровской слободки. 8 хозяевъ имѣютъ по два дома и на каждые 9 домовъ приходится одна баня. Впрочемъ, о зажиточности здѣшнихъ жителей лучше всего судить по количеству зернового хлѣба, посѣяннаго въ 1890 году: пшеницы 1,223 пуда, ячменя 187½ п., овса 222 п., озимой ржи 15½ п., яровой 12 п., т.-е. въ среднемъ каждое хозяйство засѣяло 30 п. Картофеля насажено 2,830 п., капусты 772 гряды, огурцовъ 165 грядъ. Лошадей имѣютъ 45 хозяевъ, коровъ—49. Многіе изъ нихъ имѣютъ по 2 лошади и по 3 — 4 коровы. По количеству старожиловъ Корсаковка занимаетъ на Сѣверномъ Сахалинѣ едва ли не первое мѣсто. 43 хозяина сидятъ на своихъ участкахъ съ самаго основанія селенія. Переписывая жителей, я встрѣтилъ 8 человѣкъ, которые прибыли на Сахалинъ до 1870 г., а одинъ изъ нихъ присланъ даже въ 1866 году. А высокій процентъ старожиловъ въ колоніи—это добрый знакъ.

Внѣшностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и, притомъ, глухую, которой еще не коснулась цивилизація. Я тутъ былъ въ первый разъ въ воскресенье послѣ обѣда. Была тихая, теплая погода и чувствовался праздникъ. Мужики спали въ тѣни или пили чай; у воротъ и подъ окнами бабы искали другъ у друга въ головахъ. Въ палисадникахъ и въ огородахъ цвѣты, въ окнахъ герань. Много дѣтей, всѣ на улицѣ и играютъ въ солдаты или въ лошадки и возятся съ сытыми собаками, которымъ хочется спать. А когда пастухъ, старый бродяга, пригналъ стадо больше чѣмъ въ полтораста головъ и воздухъ наполнился лѣтними звуками,—мычанье, хлопанье бича, крикъ бабъ и дѣтей, загоняющихъ телятъ, глухіе удары босыхъ ногъ и копытъ по пыльной унавоженной дорогѣ,—и когда запахло молокомъ, то иллюзія получилась полная. И даже Дуйка здѣсь привлекательна. Мѣстами течетъ она по задворкамъ, мимо огородовъ; тутъ берега у нея зеленые, поросшіе тальникомъ и осокой; когда я видѣлъ ее, на ея совершенно гладкую поверхность ложились вечернія тѣни; она была тиха и, казалось, дремала.

Здѣсь, какъ и въ богатой Александровской слободкѣ, мы на-
димъ высокій процентъ старожиловъ, женщинъ и грамотныхъ, бо-

Сахалинѣ селеніе и большой постъ не за какія-либо особенныя заслуги или жер-
а только потому, что онъ былъ генералъ-губернаторомъ и могъ нагнать страху

шое число женщинъ свободнаго состоянія и почти ту же самую «исторію прошлаго», съ тайною продажей спирта, кулачествомъ и т. п.; разсказываютъ, что въ былое время тутъ въ устройствѣ хозяйствъ также игралъ замѣтную роль фаворитизмъ, когда начальство легко давало въ долгъ и скотъ, и сѣмена, и даже спиртъ, и тѣмъ легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиканами и даже самыхъ маленькихъ чиновниковъ величали вашимъ превосходительствомъ. Но, въ отличіе отъ Александровской слободки, здѣсь главною причиной зажиточности являются, все-таки, не продажа спирта, не фаворитизмъ или близость сахалинскаго Парижа, а несомнѣнные успѣхи въ хлѣбопашествѣ. Въ то время, какъ въ слободкѣ четверть хозяевъ обходится безъ пахотной земли, а другая четверть имѣетъ ея очень мало, здѣсь, въ Корсаковкѣ, всѣ хозяева пашутъ землю и сѣютъ зерновые хлѣба; тамъ половина хозяевъ обходится безъ скота и, все-таки, сыта, здѣсь же почти всѣ хозяева находятъ нужнымъ держать скотъ. По многимъ причинамъ, нельзя относиться къ сахалинскому земледѣлію иначе, какъ скептически, но что оно въ Корсаковкѣ поставлено серьезно и даетъ сравнительно хорошіе результаты, признать необходимо. Нельзя же, вѣдь, допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно въ землю двѣ тысячи пудовъ зерна только изъ упрямства или изъ желанія угодить начальству. У меня нѣтъ точныхъ цифръ относительно урожаевъ, а показаніямъ самихъ корсаковцевъ вѣрить нельзя, но по нѣкоторымъ признакамъ, какъ, напримѣръ, большое количество скота, внѣшняя обстановка жизни и то, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ, хотя давно уже имѣютъ на это право, слѣдуетъ заключить, что урожаи здѣсь не только кормятъ, но и даютъ нѣкоторый избытокъ, располагающій поселенца къ осѣдлой жизни.

Почему корсаковцамъ удается хлѣбопашество въ то время, какъ жители сосѣднихъ селеній терпятъ крайнюю нужду отъ цѣлаго ряда неудачъ и уже отчаялись кормиться когда-либо своимъ хлѣбомъ, объяснить не трудно. Тамъ, гдѣ расположилась Корсаковка, долина рѣки Дуйки наиболѣе широка, и корсаковцы уже съ самаго начала, к[illegible]а садились на участки, имѣли въ своемъ распоряженіи громад[illegible] площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. Въ [illegible]тоящее время 20 хозяевъ имѣютъ подъ пашней отъ 3 до 6 и [illegible]ко кто меньше 2 десятинъ. Если читатель пожелаетъ сравнить з[illegible]шніе участки съ нашими крестьянскими надѣлами, то онъ долж[illegible]ъ еще имѣть въ виду, что пахотная земля здѣсь не ходитъ подъ п[illegible]ъ, а ежегодно засѣвается вся до послѣдняго вершка, и потому

здѣшнія двѣ десятины въ количественномъ отношеніи стоютъ нашихъ трехъ. Пользованіе исключительно большими участками земли и составляетъ весь секретъ успѣха корсаковцевъ. При сахалинскихъ урожаяхъ, колеблющихся въ среднемъ между самъ-другъ и самъ-три, земля можетъ дать достаточно хлѣба только при одномъ условіи: когда ея много. Много земли, много сѣмянъ и дешевый, ничего не стоющій трудъ. Въ тѣ годы, когда зерновой хлѣбъ совсѣмъ не родится, корсаковца выручаютъ овощи и картофель, которые занимаютъ здѣсь тоже солидную площадь—33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колонія со своимъ маленькимъ подвижнымъ населеніемъ еще не созрѣла для статистики; при томъ скудномъ цифровомъ матеріалѣ, какой она до сихъ поръ успѣла дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на однихъ намекахъ и догадкахъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ. Если не бояться упрека въ поспѣшности вывода и данными, относящимися къ Корсаковкѣ, воспользоваться для всей колоніи, то выводъ будетъ такой: при ничтожныхъ сахалинскихъ урожаяхъ, чтобы не работать въ убытокъ и быть сытымъ, каждый хозяинъ долженъ имѣть болѣе двухъ десятинъ пахотной земли, не считая сѣнокосовъ и земли подъ овощами и картофелемъ. Установить болѣе точную норму въ настоящее время невозможно, но, по всей вѣроятности, она равняется четыремъ десятинамъ. Между тѣмъ, по *Отчету о состояніи сельскаго хозяйства въ 1889 году*, на Сахалинѣ на каждаго владѣльца приходится пахотной земли въ среднемъ только полдесятины (1,555 кв. саж.).

Въ Корсаковкѣ есть домъ, который своими размѣрами, красною крышей и уютнымъ садомъ напоминаетъ помѣщичью усадьбу средней руки. Хозяинъ этого дома, завѣдующій медицинскою частью, д-ръ П. И. Супруненко, уѣхалъ весною, чтобъ экспонировать на тюремной выставкѣ и потомъ навсегда остаться въ Россіи, и въ опустѣвшихъ комнатахъ я засталъ только остатки роскошной зоологической коллекціи, собранной докторомъ. Я не знаю, гдѣ теперь эта коллекція и кто изучаетъ по ней фауну Сахалина, но по немногимъ оставшимся экземплярамъ, въ высшей степени изящнымъ, и по разсказамъ я могъ судить о богатствѣ коллекціи и о томъ, сколько знанія, труда и любви затрачено докторомъ Супруненко на это полезное дѣло. Онъ началъ собирать коллекцію въ 1881 г. и за десять лѣтъ успѣлъ собрать почти всѣхъ позвоночныхъ, встрѣчаемыхъ на Сахалинѣ, а также много матеріала по антропологіи и этнографіи. Его коллекц

еслибъ она осталась на островѣ, могла бы послужить основаніемъ для превосходнаго музея.

При домѣ находится метеорологическая станція. До послѣдняго времени она находилась въ вѣдѣніи д-ра Супруненко, теперь же завѣдуетъ ею инспекторъ сельскаго хозяйства. При мнѣ наблюденія производилъ писарь, ссыльно-каторжный Головацкій, толковый и обязательный человѣкъ, снабдившій меня метеорологическими таблицами. Уже можно сдѣлать выводъ изъ наблюденій за девять лѣтъ и я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о климатѣ Александровскаго округа, хотя, признаюсь, это очень скучно. Владивостокскій городской голова какъ-то сказалъ мнѣ, что у нихъ во Владивостокѣ и вообще по всему восточному побережью «нѣтъ никакого климата», про Сахалинъ же говорятъ, что климата здѣсь нѣтъ, а есть дурная погода, и что этотъ островъ — самое ненастное мѣсто въ Россіи. Не знаю, насколько вѣрно послѣднее; при мнѣ было очень хорошее лѣто, но метеорологическія таблицы и краткіе отчеты другихъ авторовъ даютъ въ общемъ картину необычайнаго ненастья. Климатъ Александровскаго округа морской и отличается своимъ непостоянствомъ, т.-е. значительными колебаніями средней температуры года, числа дней съ осадками и проч. *); низкая средняя температура года, громадное количество осадковъ и пасмурныхъ дней составляютъ его главныя особенности. Для сравненія я возьму среднія мѣсячныя температуры Александровскаго округа и Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, гдѣ «суровый, сырой, непостоянный и неблагопріятный для здоровья климатъ» **):

	Алекс. окр.	Черепов. уѣздъ.
Январь	—18,9	—11,0
Февраль	—15,1	— 8,2
Мартъ	—10,1	— 1,8
Апрѣль	+ 0,1	+ 2,8
Май	+ 5,9	+12,7
Іюнь	+11,0	+17,5
Іюль	+16,3	+18,5
Августъ	+17,0	+13,5

*) Средняя температура года колеблется между +1,2 и —1,2, число дней съ [о]садками между 102 и 209; тихихъ безвѣтренныхъ дней въ 1881 г. было только 35, [а] 1884 г. въ три раза больше—112.

**) *П. Грязновъ:* „Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда", 1880 г. Градусы по реомюру [п]о г. Грязнова я перевожу на Цельсія.

Сентябрь	+11,4	+ 6,8
Октябрь	+ 3,7	+ 1,8
Ноябрь	— 5,5	— 5,7
Декабрь	—13,8	—12,8

Средняя годовая температура въ Александровскомъ округѣ равна +0,1, т.-е. почти 0, а Череповецкаго уѣзда +2,7. Зима въ Александровскомъ округѣ суровѣе, чѣмъ въ Архангельскѣ, весна и лѣто какъ въ Финляндіи и осень какъ въ Петербургѣ, средняя годовая температура какъ въ Соловецкихъ островахъ, гдѣ она тоже равна нулю. Въ долинѣ Дуйки наблюдается вѣчная мерзлота. Поляковъ нашелъ ее 20 іюня на глубинѣ $^3/_4$ аршина. Онъ же 14 іюля нашелъ подъ кучами мусора и въ ложбинахъ около горъ снѣгъ, который растаялъ только въ концѣ іюля. 24 іюля 1889 г. на горахъ, которыя здѣсь не высоки, выпалъ снѣгъ и всѣ нарядились въ шубы и тулупы. Вскрытія Дуйки за 9 лѣтъ наблюдались: самое раннее 23 апрѣля и самое позднее 6 мая. За всѣ девять зимъ ни разу не было оттепели. 181 день въ году бываетъ морозъ и въ 151 дуетъ холодный вѣтеръ. Все это имѣетъ важное практическое значеніе. Въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ лѣто теплѣе и продолжительнѣе, по Чернову, не могутъ хорошо вызрѣвать греча, огурцы и пшеница, а въ Александровскомъ округѣ, по свидѣтельству здѣшняго инспектора сельскаго хозяйства, ни въ одинъ годъ не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полнаго вызрѣванія овса и пшеницы.

Наибольшаго вниманія со стороны агронома и гигіениста заслуживаетъ здѣшняя чрезмѣрная влажность. Въ году бываетъ дней съ осадками въ среднемъ 189: 107 со снѣгомъ и 82 съ дождемъ (въ Череповецкомъ уѣздѣ 81 день съ дождемъ и 82 со снѣгомъ). Небо по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ сплошь покрыто свинцовыми облаками и безотрадная погода, которая тянется изо дня въ день, кажется жителямъ безконечною. Такая погода располагаетъ къ угнетающимъ мыслямъ и унылому пьянству. Быть можетъ, подъ ея вліяніемъ многіе холодные люди стали жестокими и многіе добряки и слабые духомъ, не видя по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь. Поляковъ пишетъ про іюнь 1881 г., что не было ни одного яснаго дня въ [illegible]ченіе всего мѣсяца, а изъ отчета инспектора сельскаго хозяйст[illegible]а видно, что за четырехлѣтній періодъ въ промежутокъ отъ 18 мая [illegible]о 1 сентября число ясныхъ дней въ среднемъ не превышаетъ 8. Тума[illegible]ы здѣсь довольно частое явленіе, особенно на морѣ, гдѣ они представл[illegible]-ютъ для моряковъ настоящее бѣдствіе; соленые морскіе туманы, ка[illegible]ь

говорятъ, дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селеніяхъ, жители которыхъ, благодаря, главнымъ образомъ, этимъ туманамъ, уже перестали сѣять зерновые хлѣба и всю свою пахотную землю пускаютъ подъ картофель. Однажды въ ясную солнечную погоду я видѣлъ, какъ съ моря надвигалась стѣна тумана совершенно бѣлаго, молочнаго цвѣта; походило на то, какъ будто съ неба на землю опустился бѣлый занавѣсъ.

Метеорологическая станція снабжена инструментами, провѣренными и пріобрѣтенными въ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Библіотеки при ней нѣтъ. Кромѣ вышеупомянутаго писаря Головацкаго и его жены, на станціи я еще записалъ шесть работниковъ и одну работницу. Что они тутъ дѣлаютъ, не знаю.

Въ Корсаковкѣ есть школа и часовня. Былъ и больничный околотокъ, гдѣ вмѣстѣ помѣщались 14 сифилитиковъ и 3 сумасшедшихъ; одинъ изъ послѣднихъ заразился сифилисомъ. Говорятъ также, что сифилитики приготовляли для хирургическаго отдѣленія морской канатъ и корпію. Но я не успѣлъ побывать въ этомъ средневѣковомъ учрежденіи, такъ какъ въ сентябрѣ оно было закрыто молодымъ военнымъ врачомъ, исправлявшимъ временно должность тюремнаго врача. Если бы здѣсь сумасшедшихъ сожигали на кострахъ по распоряженію тюремныхъ врачей, то и это не было бы удивительно, такъ какъ мѣстные больничные порядки отстали отъ цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти.

Въ одной избѣ уже въ сумеркахъ я засталъ человѣка лѣтъ сорока, одѣтаго въ пиджакъ и въ брюки на выпускъ; бритый подбородокъ, грязная, некрахмаленная сорочка, подобіе галстука—по всѣмъ видимостямъ привилегированный. Онъ сидѣлъ на низкой скамеечкѣ и изъ глиняной чашки ѣлъ солонину и картофель. Онъ назвалъ свою фамилію съ окончаніемъ на *кій* и мнѣ почему-то показалось, что я вижу передъ собой одного бывшаго офицера, тоже на *кій*, который за дисциплинарное преступленіе былъ присланъ на каторгу.

— Вы бывшій офицеръ?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я священникъ.

Не знаю, за что его прислали на Сахалинъ, да и не спраши[ва]ть я объ этомъ; когда человѣкъ, котораго еще такъ недавно звали о[тц]омъ Іоанномъ и батюшкой и которому цѣловали руку, стоитъ п[ре]дъ вами на вытяжку, въ жалкомъ поношенномъ пиджакѣ, то д[у]маешь не о преступленіи. Въ другой избѣ я наблюдалъ такую с[це]ну. Молодой каторжный, брюнетъ съ необыкновенно грустн[ым] лицомъ, одѣтый въ щегольскую блузу, сидитъ у стола,

подперевъ голову обѣими руками, хозяйка каторжная убираетъ со стола самоваръ и чашки. На мой вопросъ, женатъ ли онъ, молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что за нимъ на Сахалинъ прибыла добровольно его жена съ дочерью, но что вотъ уже два мѣсяца какъ она уѣхала съ ребенкомъ въ Николаевскъ и не возвращается, хотя онъ послалъ ей уже нѣсколько телеграммъ. «И не вернется,—говоритъ хозяйка съ какимъ-то злорадствомъ.—Что ей тутъ дѣлать? Сахалина твоего не видала, что ли? Легко ли дѣло!» Онъ молчитъ, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная,—чего ей? Залетѣла какъ птица—и была такова, ни слуху, ни духу. Вотъ не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигалъ, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вотъ сиди и жди вѣтра въ полѣ, свою женушку, да пускай вотъ твое сердце кровью обливается»... Онъ страдаетъ, на душѣ у него, повидимому, свинецъ, а она пилитъ его и пилитъ; выхожу изъ избы, а голосъ ея все слышно.

Въ Корсаковкѣ вмѣстѣ со мной ходилъ по избамъ каторжный Кисляковъ, довольно странный человѣкъ. Судебные репортеры, вѣроятно, еще не забыли его. Это тотъ самый Кисляковъ, изъ военныхъ писарей, который въ Петербургѣ на Николаевской убилъ молоткомъ свою жену и самъ явился къ градоначальнику объявить о своемъ преступленіи. По его разсказу, жена у него была красавица и онъ очень любилъ ее, но какъ-то разъ, повздоривъ съ ней, онъ поклялся передъ образомъ, что убьетъ ее, и съ этого времени до самаго убійства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «убей, убей!» До суда онъ сидѣлъ въ больницѣ св. Николая; вѣроятно, поэтому, самъ считаетъ себя психопатомъ, такъ какъ не разъ просилъ меня похлопотать о томъ, чтобы его признали сумасшедшимъ и заточили въ монастырь. Вся его каторга заключается въ томъ, что въ тюрьмѣ ему поручено дѣлать колышки для прикрѣпленія привѣсковъ къ хлѣбнымъ порціямъ—работа, кажется, не трудная, но онъ нанимаетъ вмѣсто себя другого, а самъ «даетъ уроки», т.-е. ничего не дѣлаетъ. Одѣтъ онъ въ пиджачный костюмъ изъ парусинки и наружность имѣетъ благообразную. Парень не далекій, но говорунъ и философъ. «Гдѣ блохи, тамъ и дѣти»,—говорилъ онъ сладкимъ бархатнымъ баритономъ всякій разъ при видѣ дѣтей. Когда спрашивали при немъ, зачѣмъ я дѣлаю переписи, онъ говорилъ: «Затѣмъ, чтобы всѣхъ насъ отправить на луну. Знаешь, гдѣ луна?» А когда мы поздно вечеромъ возвращались пѣшкомъ въ Александровскъ, онъ нѣсколько разъ, что называется, и къ селу, ни къ городу, повторилъ: «Месть есть самое благородное чувство».

Дальше вверхъ по Дуйкѣ слѣдуетъ селеніе *Ново-Михайловское*, основанное въ 1872 г. и названное такъ потому, что Мицуля звали Михаиломъ. У многихъ авторовъ оно называется Верхнимъ Урочищемъ, а у здѣшнихъ поселенцевъ—Пашней. Жителей въ селеніи 520: 287 м. и 233 ж. Хозяевъ 133 и изъ нихъ двое имѣютъ совладѣльцевъ. Пахотные участки показаны въ подворной описи у всѣхъ хозяевъ, крупный скотъ имѣется у 84, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, избы, за немногими исключеніями, поражаютъ своею бѣдностью и жители въ одинъ голосъ заявляютъ, что на Сахалинѣ не проживешь «никакимъ родомъ». Разсказываютъ, что въ прежніе годы, когда бѣдность въ Ново-Михайловкѣ была вопіющая, изъ селенія вела въ Дуэ тропинка, которую протоптали каторжныя и свободныя женщины, ходившія въ Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантамъ за мѣдные гроши. Могу удостовѣрить, что тропинка эта не заросла еще и до сихъ поръ. Тѣ изъ жителей, которые, подобно корсаковцамъ, имѣютъ большіе пахотные участки, отъ 3 до 6 и даже 8 десятинъ, не бѣдствуютъ, но такихъ участковъ мало и съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и въ настоящее время больше половины хозяевъ владѣютъ участками отъ $^1/_8$ до $1^1/_2$ дес., а это значитъ, что хлѣбопашество даетъ имъ одни только убытки. Хозяева-старожилы, искушенные опытомъ, сѣютъ только ячмень и свои пахотные участки стали пускать подъ картофель.

Земля здѣсь не служитъ приманкой и не располагаетъ къ осѣдлой жизни. Изъ тѣхъ хозяевъ, которые сѣли на участки въ первые четыре года послѣ основанія селенія, не осталось ни одного; съ 1876 г. сидятъ 9, съ 1877 г.—7, съ 1878 г.—2, съ 1879 г.—4, а всѣ остальные—новички.

Въ Ново-Михайловкѣ телеграфная станція, школа, казарма для богадѣльщиковъ и остовъ недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, гдѣ пекутъ хлѣбъ для каторжныхъ, занятыхъ дорожными работами въ районѣ Ново-Михайловки; пекутъ, должно быть, безъ всякаго контроля со стороны начальства, такъ какъ хлѣбъ здѣсь отвратительный.

Каждому «благородному», проѣзжающему черезъ Ново-Михайло[illegible]у, не миновать познакомиться съ живущимъ здѣсь крестьяни[illegible]ъ изъ ссыльныхъ Потемкинымъ. Когда на Сахалинъ пріѣзжаетъ ка[illegible]е-нибудь важное лицо, то Потемкинъ подноситъ ему хлѣбъ-со[illegible]; когда хотятъ доказать, что сельско-хозяйственная колонія уд[illegible]лась, то указываютъ обыкновенно на Потемкина. Въ подворной оп[illegible]и у него показано 20 лошадей и 9 головъ рогатаго скота, но го[illegible]ятъ, что лошадей у него вдвое больше. Нѣкоторые корреспон-

денты описываютъ, какое они ѣли у него масло и какой вкусный хлѣбъ, съ такимъ жизнерадостнымъ чувствомъ, какъ будто у себя дома они никогда не ѣли ничего подобнаго. Онъ имѣетъ лавочку, и есть у него еще лавочка въ Дуэ, гдѣ торгуетъ его сынъ. Впечатлѣніе производитъ онъ дѣлового, умнаго и зажиточнаго раскольника. Въ комнатахъ у него чисто, стѣны оклеены обоями и есть картина: *Маріенбадъ, морскія купанья близъ Либавы;* самъ онъ и его жена старушка степенны, разсудительны и въ разговорѣ политичны. Когда я пилъ у него чай, то онъ и его жена говорили мнѣ, что жить на Сахалинѣ можно и земля хорошо родитъ, но что все горе въ томъ, что нынѣче народъ облѣнился, избаловался и не старается. Я спросилъ его: правду ли говорятъ, что онъ угощалъ одну важную особу арбузами и дынями изъ собственныхъ огородовъ? Онъ не моргнулъ глазомъ и отвѣтилъ: «Это точно, дыни здѣсь, случается, поспѣваютъ» *).

Въ Ново-Михайловкѣ проживаетъ еще одна сахалинская знаменитость—поселенецъ Терскій, бывшій палачъ. Онъ кашляетъ, держится за грудь блѣдными, костлявыми руками и жалуется, что у него животъ надорванъ. Сталъ онъ чахнуть съ того дня, какъ по приказанію начальства за какую-то провинность былъ наказанъ теперешнимъ александровскимъ палачомъ Комелевымъ. Комелевъ такъ постарался, что «чуть души не вышибъ». Но скоро провинился въ чемъ-то Комелевъ—и наступилъ праздникъ для Терскаго. Этотъ далъ себѣ волю и въ отместку отодралъ коллегу такъ жестоко, что у того, по разсказамъ, до сихъ поръ гноится тѣло. Говорятъ, что если двухъ ядовитыхъ пауковъ посадить въ одну банку, то они заѣдятъ другъ друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была послѣднимъ селеніемъ по Дуйкѣ, теперь же есть еще *Красный Яръ* и *Бутаково*. Къ этимъ селеніямъ отъ Ново-Михайловки проводятъ дорогу. Первую половину пути къ Красному Яру, версты три, мнѣ пришлось ѣхать по новой, гладкой и прямой, какъ линейка, дорогѣ, а вторую по живописной тайговой просѣкѣ, на которой пни уже выкорчеваны и ѣзда легка и пріятна, какъ по хорошей проселочной дорогѣ. Крупные строевые экземпляры деревьевъ по пути почти вездѣ уже сру[illegible]ены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, о-

*) Потемкинъ прибылъ на Сахалинъ уже богатымъ. Д-ръ Августиновичъ, [illegible]вшій его черезъ три года послѣ его прибытія на Сахалинъ, пишетъ, что „лучше всѣхъ домъ ссыльнаго Потемкина". Если за трехлѣтній періодъ каторжный Потемкинъ [illegible]спѣлъ построить себѣ хорошій домъ, завести лошадей и выдать дочь за сахалинск[illegible]го чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тутъ не причемъ.

поли, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышникъ, а между ними трава въ ростъ человѣка и выше; гигантскіе папоротники и лопухи, листья которыхъ имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ, вмѣстѣ съ кустарниками и деревьями сливаются въ густую непроницаемую чащу, дающую пріютъ медвѣдямъ, соболямъ и оленямъ. По обѣ стороны, гдѣ кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стѣной стоятъ хвойные лѣса изъ пихтъ, елей и лиственицъ, выше ихъ опять лиственный лѣсъ, а вершины горъ лысы или покрыты кустарникомъ. Такихъ громадныхъ лопуховъ, какъ здѣсь, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Россіи, и они-то, главнымъ образомъ, придаютъ здѣшней чащѣ, лѣснымъ полянамъ и лугамъ оригинальную физіономію. Я уже писалъ, что ночью, особенно при лунномъ свѣтѣ, они представляются фантастическими. Въ этомъ отношеніи декорацію пополняетъ еще одно великолѣпное растеніе изъ семейства зонтичныхъ, которое, кажется, не имѣетъ на русскомъ языкѣ названія: прямой стволъ вышиною до десяти футовъ и толщиною въ основаніи три дюйма, пурпурово-красный въ верхней части, держитъ на себѣ зонтикъ до одного фута въ поперечникѣ; около этого главнаго зонта группируются 4—6 зонтовъ меньшаго размѣра, придающіе растенію видъ канделябра. По-латыни это растеніе называется angelophyllum ursinum *).

Красный Яръ существуетъ только второй годъ. Въ немъ одна широкая улица, но дороги еще нѣтъ, и отъ избы къ избѣ ходятъ по кочкамъ, по кучамъ глины и стружкамъ и прыгаютъ черезъ бревна, пни и канавы, въ которыхъ застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Одинъ хозяинъ дѣлаетъ кирпичи, другой мажетъ печку, третій тащитъ черезъ улицу бревно. Всѣхъ хозяевъ 51. Изъ нихъ трое—и между ними китаецъ Пен-Оги-Цой—побросали свои начатыя избы, ушли и неизвѣстно никому, гдѣ они теперь. А кавказцы, ихъ здѣсь семеро, уже прекратили работы, сбились всѣ въ одну избу и жмутся отъ холода, хотя еще только второе августа. Что селеніе еще молодо и едва начинаетъ свою жизнь, видно также изъ цифръ. Жителей 90, причемъ мужчины относятся къ женщинамъ, какъ 2 къ 1; законныхъ семей—3, а свободныхъ—20, и дѣтей до пятилѣтняго возраста только 9. Лошадей имѣютъ 3 хозя-

*) Большинству авторовъ здѣшній пейзажъ не нравится. Это оттого, что они пр[illegible]жали на Сахалинъ, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ цейлонской и ян[illegible]ской или амурской природы, и оттого, что они начинали съ Александровска и Ду[illegible] гдѣ природа въ самомъ дѣлѣ жалка. Виновата въ этомъ и здѣшняя погода. Ка[illegible]ъ бы ни былъ красивъ и оригиналенъ сахалинскій пейзажъ, но если онъ по нед[illegible]ь прячется въ туманѣ или въ дождѣ, то трудно оцѣнить его по достоинству.

ина, коровъ 9. Въ настоящее время всѣ хозяева получаютъ арестантскій паекъ, но чѣмъ они будутъ питаться впослѣдствіи, пока неизвѣстно; на хлѣбопашество же, во всякомъ случаѣ, надежды плохія. До сихъ поръ успѣли найти и раскорчевать подъ пашню и картофель только $24^1/_4$ дес., т.-е. меньше чѣмъ $^1/_2$ дес. на хозяйство. Сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. А такъ какъ долина здѣсь узка и съ обѣихъ сторонъ стиснута горами, на которыхъ ничего не родится, и такъ какъ администрація не останавливается ни передъ какими соображеніями, когда ей нужно сбыть съ рукъ людей, и навѣрное ежегодно будетъ сажать сюда на участки десятки новыхъ хозяевъ, то пахотные участки останутся такими же, какъ теперь, т.-е. въ $^1/_8$, $^1/_4$ и $^1/_2$ дес., а пожалуй и меньше. Я не знаю, кто выбиралъ мѣсто для Краснаго Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентныхъ, никогда не бывавшихъ въ деревнѣ, а, главное, меньше всего думавшихъ о сельско-хозяйственной колоніи. Тутъ даже порядочной воды нѣтъ. Когда я спросилъ, откуда берутъ воду для питья, то мнѣ указали на канаву.

Всѣ избы здѣсь на одинаковый фасонъ, 8×8 или 7×7 арш., двухъоконныя, строются изъ плохого и сырого лѣса, съ единственнымъ разсчетомъ—отбыть какъ-нибудь поселенческій срокъ и уѣхать на материкъ. Контроля надъ постройками со стороны администраціи нѣтъ, вѣроятно, по той причинѣ, что между чиновниками нѣтъ ни одного, который зналъ бы, какъ нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочемъ, на Сахалинѣ полагается архитекторъ, но при мнѣ его не было, да и завѣдуетъ онъ, кажется, одними только казенными постройками. Веселѣе и привѣтливѣе всѣхъ смотритъ казенный домъ, гдѣ живетъ надзиратель Убіенныхъ, маленькій, тщедушный солдатикъ, съ выраженіемъ, которое вполнѣ подходитъ къ его фамиліи; на лицѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то убіенное, горько-недоумѣвающее. Быть можетъ, это оттого, что съ нимъ въ одной комнатѣ живетъ высокая и полная поселка, его сожительница, подарившая его многочисленнымъ семействомъ. Онъ состоитъ уже на старшемъ надзирательскомъ окладѣ и вся служба его заключается только въ докладахъ пріѣзжающимъ, что все на этомъ свѣтѣ обстоитъ благополучно, но и ему не нравится Красный Яръ и хочется вонъ изъ Сахалина. Онъ меня спрашивалъ: пустятъ ли его сожительницу съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ выйдетъ въ запасъ и пойдетъ на материкъ? Этотъ вопросъ его очень безпокоитъ.

Въ Бутаковѣ*) я не былъ. По даннымъ подворной описи, тамъ

*) Названо такъ селеніе въ честь А. М. Бутакова, начальника Тымовского округа.

которыхъ я могъ провѣрить и дополнить по исповѣдной книгѣ священника, всѣхъ жителей тамъ 39. Взрослыхъ женщинъ только 4. Хозяевъ 22. Готовы пока 4 дома, а у остальныхъ хозяевъ стоятъ еще срубы. Земли подъ пашней и картофелемъ всего 4½ дес. Скота и птицы пока нѣтъ еще ни у одного хозяина.

Покончивъ съ долиной Дуйки, перехожу къ небольшой рѣчкѣ Аркай, на которой стоятъ три селенія. Избрана долина Аркая для поселеній не потому, чтобы она была лучше другихъ изслѣдована или удовлетворяла потребностямъ колоніи, а просто случайно, только потому, что она находится къ Александровску ближе другихъ долинъ.

VIII.

Рѣка Аркай.—Арковскій кардонъ.—Первое, Второе и Третье Арково.—Арковская долина.—Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.—Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуэ.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольныя копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ.

Рѣчка Аркай впадаетъ въ Татарскій проливъ, верстъ на 8—10 сѣвернѣе Дуйки. Еще недавно она была настоящею рѣкой и въ ней ловили рыбу горбушу, теперь же, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ, она обмелѣла и къ лѣту пересыхаетъ совершенно. Впрочемъ, во время сильныхъ дождей она разливается по-весеннему, бурно и шумно, и тогда даетъ себя знать. Уже случалось не разъ, что она смывала съ береговъ огороды и уносила въ море сѣно и весь поселенческій урожай. Уберечься отъ такой бѣды невозможно, такъ какъ долина узка и уйти отъ рѣки можно только на горы *).

У самаго устья Аркая при поворотѣ на долину стоитъ гиляцкая деревушка Аркай-во, давшая названіе арковскому кардону и тремъ селеніямъ: Первому, Второму и Третьему Арково. Изъ Александровска въ арковскую долину ведутъ двѣ дороги: одна—горная, по которой при мнѣ не было проѣзда, такъ какъ во время лѣсныхъ пожаровъ на ней сгорѣли мосты, и другая—по берегу моря; по этой

*) Лѣтъ пять назадъ одинъ важный человѣкъ, бесѣдуя съ поселенцами о сельскомъ хозяйствѣ и давая имъ совѣты, сказалъ, между прочимъ: „Имѣйте въ виду, что въ Финляндіи сѣютъ хлѣбъ по склонамъ горъ“. Но Сахалинъ — не Финляндія; климатическія, а главнымъ образомъ почвенныя условія исключаютъ какую бы то ни было культуру на здѣшнихъ горахъ. Инспекторъ сельскаго хозяйства въ своемъ отчетѣ совѣтуетъ завести овецъ, которыя могли бы „съ выгодою использовать тѣ скудныя многочисленные выгоны по склонамъ горъ, на которыхъ крупный скотъ не наѣется“. Но совѣтъ этотъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ овцы могли бы „использовать“ выгоны только въ теченіе короткаго лѣта, а въ длинную зиму онѣ околѣвали бы съ голоду.

послѣдней ѣзда возможна только во время отлива. Въ первый разъ я выѣхалъ къ Аркаю 31 іюля въ 8 часовъ утра. Отливъ начинался. Пахло дождемъ. Пасмурное небо, море, на которомъ не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берегъ были суровы; глухо и печально шумѣли волны. Съ высокаго берега смотрѣли внизъ чахлыя, больныя деревья; здѣсь на открытомъ мѣстѣ каждое изъ нихъ въ одиночку ведетъ жестокую борьбу съ морозами и холодными вѣтрами, и каждому приходится осенью и зимой въ длинныя страшныя ночи качаться неугомонно изъ стороны въ сторону, гнуться до земли, жалобно скрипѣть,—и никто не слышитъ этихъ жалобъ.

Арковскій кардонъ находится около гиляцкой деревушки. Прежде онъ имѣлъ значеніе сторожевого пункта, въ немъ жили солдаты, которые ловили бѣглыхъ, теперь же здѣсь живетъ надзиратель, исполняющій должность, кажется, смотрителя поселеній. Верстахъ въ двухъ отъ кардона расположилось *Первое Арково*. Оно имѣетъ одну только улицу и, благодаря условіямъ мѣста, можетъ расти только въ длину, но не въ ширину. Когда современемъ всѣ три Арково сольются вмѣстѣ, то Сахалинъ будетъ имѣть очень большое село, состоящее изъ одной только улицы. Основано Первое Арково въ 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяевъ 28 и всѣ они живутъ семейно, кромѣ каторжной Павловской, католички, у которой недавно умеръ сожитель, настоящій хозяинъ дома; она убѣдительно просила меня: «Назначь мнѣ хозяина!» Трое имѣютъ по два дома. *Второе Арково* основано въ 1884 г. Въ немъ жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяевъ 24, всѣ живутъ семейно. Изъ нихъ двое имѣютъ по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторымъ, и изъ этого видно, какъ спѣшили заселить арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяевъ 10 и при нихъ одинъ совладѣлецъ. Семейно живутъ 9.

Въ трехъ Арково пахотная земля показана у всѣхъ хозяевъ и величина участковъ колеблется между $^1/_2$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сѣютъ въ немаломъ количествѣ пшеницу, ячмень и рожь, сажаютъ картофель. У большинства есть скотъ и домашняя птица. Если судить по даннымъ подворной описи, собраннымъ смотрителемъ поселеній, то можно придти къ выводу, что всѣ т и Арково въ короткій срокъ своего существованія значительно п - успѣли въ сельскомъ хозяйствѣ; не даромъ одинъ анонимный авто ь пишетъ про здѣшнее земледѣліе: «Трудъ этотъ съ избыткомъ в - награждается, благодаря почвеннымъ условіямъ этой мѣстност которыя весьма благопріятны для земледѣлія, что сказывается ь

силѣ лѣсной и луговой растительности». На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Всѣ три Арково принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ селеніямъ Сѣвернаго Сахалина. Здѣсь есть пахотная земля, есть скотъ, но ни разу не было урожая. Помимо неблагопріятныхъ условій, общихъ для всего Сахалина, здѣшніе хозяева встрѣчаютъ серьезнаго врага еще въ особенностяхъ арковской долины и, прежде всего, въ почвѣ, которую такъ хвалитъ только что цитированный авторъ. Почва здѣсь вершковый слой перегноя, а подпочва—галька, которая въ жаркіе дни нагрѣвается такъ сильно, что сушитъ корни растеній, а въ дождливую пору не пропускаетъ влаги, такъ какъ лежитъ на глинѣ; отъ этого корни гніютъ. На такой почвѣ, повидимому, безъ вреда для себя могутъ уживаться только растенія съ крѣпкими, глубоко-сидящими корнями, какъ, напримѣръ, лопухи, а изъ культурныхъ только корнеплоды, брюква и картофель, для которыхъ, къ тому же, почва обрабатывается лучше и глубже, чѣмъ для злаковъ. О бѣдствіяхъ, причиняемыхъ рѣкой, я уже говорилъ. Сѣнокосовъ совсѣмъ нѣтъ, сѣно косятъ на клочкахъ въ тайгѣ или жнутъ его серпами, гдѣ попадется, а кто побогаче, тѣ покупаютъ его въ Тымовскомъ округѣ. Разсказываютъ про цѣлыя семьи, которыя въ теченіе зимы не имѣли ни куска хлѣба и питались одною только брюквой. Не задолго до моего пріѣзда во Второмъ Арковѣ умеръ съ голода поселенецъ Скоринъ. По разсказамъ сосѣдей, онъ въ продолженіе трехъ дней съѣдалъ только одинъ фунтъ хлѣба, и такъ очень долгое время. «Всѣхъ насъ ждетъ та же участь»,—говорили мнѣ сосѣди, напуганные его смертью. Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. Въ одной избѣ безъ мебели, съ темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы-хозяйки плакали дѣти и пищали цыплята; она на улицу—дѣти и цыплята за ней. Она, глядя на нихъ, смѣется и плачетъ, и извиняется передо мной за плачъ и писк; говоритъ, что это съ голоду, что она ждетъ не дождется, когда вернется мужъ, который ушелъ въ городъ продавать голубику, чтобы купить хлѣба. Она рубитъ капустные листья и даетъ цыплятамъ, тѣ съ жадностью бросаются и, обманутые, поднимаютъ еще бо́льшій писк. Въ одной избѣ помѣщается мужикъ, мохнатый, какъ паукъ, съ нависшими бровями, каторжный, грязный, и съ нимъ другой такой же мохнатый и грязный; у обоихъ бо́льшія семьи, а въ избѣ, какъ говорится, срамота и злыдни—даже гвоздя нѣтъ. А кромѣ плача, писка и такихъ фактовъ, какъ смерть Скорина, сколько всякаго рода косвенныхъ выраженій нужды и голода! Въ Третьемъ Арковѣ изба поселенца Петрова сто-

итъ заперта, потому что самъ онъ «отправленъ, за нерадѣніе къ хозяйству и самовольный зарѣзъ на мясо телка, въ Воеводскую тюрьму, гдѣ и находится». Очевидно, теленокъ зарѣзанъ изъ нужды и проданъ въ Александровскѣ. Сѣмена, взятыя изъ казны въ долгъ для посѣва, значатся въ подворной описи посѣянными, на самомъ же дѣлѣ они на половину съѣдены, и сами поселенцы въ разговорѣ не скрываютъ этого. Скотъ, какой есть, взятъ изъ казны въ долгъ и кормится на казенный счетъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: всѣ арковцы должны, задолженность ихъ ростетъ съ каждымъ новымъ посѣвомъ, съ каждою лишнею головой скота, а у нѣкоторыхъ она простирается уже до неоплатной цифры—двухъ и даже трехъ сотъ рублей на душу.

Между Вторымъ и Третьимъ Арково находится *Арковскій Станокъ*, гдѣ мѣняютъ лошадей, когда ѣдутъ въ Тымовскій округъ. Это почтовая станція или постоялый дворъ. Если мѣрить на нашъ русскій аршинъ, то при здѣшней довольно скромной гоньбѣ достаточно было бы на Станкѣ двухъ-трехъ работниковъ при одномъ надзирателѣ. Но на Сахалинѣ любятъ все на широкую ногу. Кромѣ надзирателя, на Станкѣ живутъ еще писарь, разсыльный, конюхъ, два хлѣбопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ, отвѣтили мнѣ: «Ношу сѣно».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалинѣ, то рекомендую его вниманію арковскую долину. Это мѣсто, помимо красоты положенія, чрезвычайно богато красками, такъ что трудно обойтись безъ устарѣвшаго сравненія съ пестрымъ ковромъ или калейдоскопомъ. Вотъ густая сочная зелень съ великанами-лопухами, блестящими отъ только что бывшаго дождя, рядомъ съ ней на площадкѣ не больше, какъ сажени въ три, зеленѣетъ рожь, потомъ клочокъ съ ячменемъ, а тамъ опять лопухъ, за нимъ клочокъ земли съ овсомъ, потомъ грядка съ картофелемъ, два недоросля подсолнуха съ поникшими головами, затѣмъ клинушкомъ входитъ густо-зеленый конопляникъ, тамъ и сямъ гордо возвышаются растенія изъ семейства зонтичныхъ, похожія на канделябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками отъ мака. По дорогѣ встрѣчаются бабы, которыя укрылись отъ дождя большими листьями лопуха, какъ косынками, и г того похожи на зеленыхъ жуковъ. А по сторонамъ горы, хотя и не Кавказскія, но, все-таки, горы.

По западному побережью, выше устья Аркая, имѣются шесть незначительныхъ селеній. Я не былъ ни въ одномъ изъ нихъ и относящіяся къ нимъ цифры взяты мною изъ подворной описи и

исповѣдной книги. Основывались они на выдающихся въ море мысахъ или у устьевъ небольшихъ рѣчекъ, отъ которыхъ и получили свои названія. Началось со сторожевыхъ пикетовъ, иногда изъ 4—5 человѣкъ, съ теченіемъ же времени, когда однихъ этихъ пикетовъ оказалось недостаточно, рѣшено было (въ 1882 г.) заселить самые большіе мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цѣль учрежденія этихъ селеній и кордоновъ при нихъ: «дать возможность проѣзжающей изъ Николаевска почтѣ, пассажирамъ и каюрамъ имѣть пріютъ и охрану во время пути и установить общій полицейскій надзоръ за береговою линіей, представляющею изъ себя единственный (?) возможный путь для бѣглыхъ арестантовъ, а равно провоза запрещеннаго для вольной продажи спирта». Дорогъ къ береговымъ поселеніямъ еще нѣтъ, сообщеніе возможно только пѣшкомъ по берегу во время отлива, а зимою на собакахъ. Возможно также сообщеніе на лодкахъ и паровыхъ катерахъ, но только въ очень хорошую погоду. Въ направленіи съ юга на сѣверъ эти селенія расположены въ такомъ порядкѣ:

Мгачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяевъ 14. Семейно живутъ 13, незаконныхъ семей только 2. Пахотной земли всѣ имѣютъ около 12 дес., но вотъ уже три года, какъ не сѣютъ зерновыхъ хлѣбовъ и пускаютъ всю землю подъ картофель. 11 хозяевъ сидятъ на участкѣ съ самаго основанія селенія и 5 изъ нихъ уже имѣютъ крестьянское званіе. Есть хорошіе заработки, чѣмъ и объясняется, что крестьяне не спѣшатъ на материкъ. 7 человѣкъ занимаются каюрствомъ, т.-е. держатъ собакъ, на которыхъ въ зимнее время возятъ почту и пассажировъ. Одинъ занимается охотой, какъ промысломъ. Что касается рыбныхъ ловель, о которыхъ говорится въ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія за 1889 г., то ихъ тутъ нѣтъ совсѣмъ.

Танги. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяевъ 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, какъ въ Мгачахъ, вслѣдствіе частыхъ морскихъ тумановъ, мѣшающихъ росту зерновыхъ хлѣбовъ, сажаютъ на ней только картофель. Два хозяина имѣютъ лодки и занимаются рыболовствомъ.

Хоэ, на мысѣ того же названія, который сильно выдается въ мо[illegible]е и видѣнъ изъ Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хо[illegible]евъ 13. Тутъ еще не совсѣмъ разочаровались и продолжаютъ сѣ[illegible]ть пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаусъ. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селеніе, гдѣ жи[illegible]инъ больше, чѣмъ мужчинъ. Хозяевъ 3.

Віахты, на рѣкѣ Віахту, соединяющей озеро съ моремъ и въ этомъ отношеніи напоминающей Неву. Говорятъ, что въ озерѣ ловятся сиги и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяевъ 7.

Ванги—самое сѣверное селеніе. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяевъ 8.

По описаніямъ ученыхъ и путешественниковъ, чѣмъ выше къ сѣверу, тѣмъ природа бѣднѣе и печальнѣе. Начиная съ Трамбауса, вся сѣверная треть острова представляетъ изъ себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздѣльный хребетъ, идущій вдоль всего Сахалина, имѣетъ видъ невысокихъ волнообразныхъ возвышенностей, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По краснобурой болотистой равнинѣ тамъ и сямъ тянутся полоски кривого хвойнаго лѣса; у лиственицы стволъ не выше одного фута и крона ея лежитъ на землѣ въ видѣ зеленой подушки, стволъ кедроваго кустарника стелется по землѣ, а между полосками чахлаго лѣса лишайники и мхи и, какъ и на русскихъ тундрахъ, встрѣчается здѣсь всякая грубая кислаго или сильно вяжущаго вкуса ягода—моховка, голубика, костеника, клюква. Только на самомъ сѣверномъ концѣ равнины, гдѣ мѣстность вновь дѣлается холмистою, природа на небольшомъ пространствѣ, у преддверія въ вѣчно холодное море, точно хочетъ улыбнуться на прощанье; на картѣ Крузенштерна, относящейся къ этой мѣстности, изображенъ стройный лиственичный лѣсъ.

Но какъ ни сурова и ни бѣдна природа, жителямъ береговыхъ селеній, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, все-таки, живется сравнительно лучше, чѣмъ, напримѣръ, арковцамъ или александровцамъ.

Объясняется это тѣмъ, что ихъ мало, и тѣ блага, какія имѣются въ ихъ распоряженіи, приходится дѣлить между немногими. Для нихъ не обязательны хлѣбопашество и урожаи, они предоставлены самимъ себѣ и сами выбираютъ для себя занятія и промыслы. Черезъ селенія проходитъ зимняя дорога изъ Александровска въ Николаевскъ; сюда пріѣзжаютъ зимою гиляки и якуты-промышленники для торговыхъ операцій и поселенцы продаютъ имъ и мѣняютъ безъ посредства коммиссіонеровъ. Здѣсь нѣтъ лавочниковъ, майданщиковъ, жидовъ-перекупщиковъ и нѣтъ канцеляристо[illegible], которые вымѣниваютъ за спиртъ роскошные лисьи мѣха и пото[illegible] съ блаженною улыбкой показываютъ ихъ своимъ гостямъ.

По направленію къ югу новыхъ селеній не основываютъ. К[illegible]нѣе Александровска по западному побережью есть только од[illegible] населенный пунктъ—*Дуэ*, страшное, безобразное и во всѣхъ [illegible]-

ношеніяхъ дрянное мѣсто, въ которомъ по своей доброй волѣ могутъ жить только святые или глубоко испорченные люди. Это постъ; населеніе называетъ его портомъ. Основанъ онъ въ 1857 г., названіе же его Дуэ или Дуи существовало раньше и относилось вообще къ той части берега, гдѣ находятся теперь дуйскія копи. Въ узкой долинѣ, гдѣ онъ расположенъ, протекаетъ мелкая рѣчка Хойнджи. Изъ Александровска въ Дуэ ведутъ двѣ дороги: одна—горная, а другая—по берегу моря. Мысъ Жонкіеръ всею своею массой навалился на береговую отмель и проѣздъ по ней былъ бы невозможенъ вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посовѣтовавшись съ инженеромъ, безъ затѣй, и въ результатѣ вышло темно, криво и грязно. Сооруженіе это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужнымъ, такъ какъ при существованіи хорошей горной дороги нѣтъ нужды ѣздить по береговой, проѣздъ по которой стѣсненъ условіями отлива и прилива. На этомъ туннелѣ превосходно сказалась склонность русскаго человѣка тратить послѣднія средства на всякаго рода выкрутасы, когда не удовлетворены самыя насущныя потребности. Рыли туннель, завѣдующіе работами катались по рельсамъ въ вагонѣ съ надписью «Александровскъ-Пристань», а каторжные въ это время жили въ грязныхъ, сырыхъ юртахъ, потому что для постройки казармъ не хватало людей.

Тотчасъ по выходѣ изъ туннеля у береговой дороги стоятъ солеварня и кабельный домикъ, изъ котораго спускается по песку въ море телеграфный кабель. Въ домикѣ живетъ каторжный столяръ, полякъ, со своею сожительницей, которая, по разсказамъ, родила, когда ей было 12 лѣтъ, послѣ того, какъ какой-то арестантъ изнасиловалъ ее въ этапѣ. На всемъ пути къ Дуэ обрывистый, отвѣсный берегъ представляетъ осыпи, на которыхъ тамъ и сямъ чернѣютъ пятна и полосы шириною отъ аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здѣсь, по описанію спеціалистовъ, сдавлены пластами песчанниковъ, глинистыхъ сланцевъ, сланцевыхъ глинъ и глинистыхъ песковъ, приподнятыхъ, изогнутыхъ, сдвинутыхъ или сброшенныхъ породами базальтовыми, діоритовыми и порфировыми, вышедшими во многихъ мѣстахъ большими массами. Должно бы[illegible]ь, это своеобразно красиво, но предубѣжденіе противъ мѣста з[illegible]ло такъ глубоко, что не только на людей, но даже на растенія с[illegible]тришь съ сожалѣніемъ, что они ростутъ именно здѣсь, а не въ д[illegible]гомъ мѣстѣ. Верстахъ въ семи берегъ прерывается разщелиной. Э[illegible] Воеводская падь; здѣсь одиноко стоитъ страшная Воеводская т[illegible]ьма, въ которой содержатся тяжкіе преступники и между ними п[illegible]ованные къ тачкамъ. Около тюрьмы ходятъ часовые; кромѣ

нихъ, кругомъ не видно ни одного живого существа и кажется, что они стерегутъ въ пустынѣ какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, въ верстѣ, начинаются каменноугольныя ломки, потомъ съ версту еще ѣдешь голымъ, безлюднымъ берегомъ и, наконецъ, другая разщелина, въ которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. Въ первыя минуты, когда въѣзжаешь на улицу, Дуэ даетъ впечатлѣніе небольшой старинной крѣпости: ровная и гладкая улица, точно плацъ для маршировки, бѣлые чистенькіе домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатлѣнія не хватаетъ только барабанной дроби. Въ домикахъ живутъ начальникъ военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священникъ, офицеры и проч. Тамъ, гдѣ короткая улица кончается, поперекъ ея стоитъ сѣрая деревянная церковь, которая загораживаетъ отъ зрителя неоффиціальную часть порта; тутъ разщелина двоится въ видѣ буквы «игрекъ», посылая отъ себя канавы направо и налѣво. Въ лѣвой находится слободка, которая прежде называлась жидовской, а въ правой всякія тюремныя постройки и слободка безъ названія. Въ обѣихъ, особенно въ лѣвой, тѣсно, грязно, неуютно; тутъ уже нѣтъ бѣлыхъ чистенькихъ домиковъ; избушки ветхія, безъ дворовъ, безъ зелени, безъ крылецъ, въ безпорядкѣ лѣпятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горѣ. Участки усадебной земли, если только въ Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы; у четырехъ хозяевъ въ подворной описи показано ея только по 4 кв. саж. Тѣсно, яблоку упасть негдѣ, но въ этой тѣснотѣ и вони дуйскій палачъ Толстыхъ, все-таки, нашелъ мѣстечко и строитъ себѣ домъ. Не считая команды, свободнаго населенія и тюрьмы, въ Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяевъ 46 и при нихъ совладѣльцевъ 6. Большинство хозяевъ—каторжные. Что побуждаетъ администрацію сажать на участки ихъ и ихъ семьи именно здѣсь, въ разщелинѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, понять невозможно. Пахотной земли въ подворной описи показано на все Дуэ только ⅛ дес., а сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. Допустимъ, что мужчины заняты на каторжныхъ работахъ, но что же дѣлаютъ 80 взрослыхъ женщинъ? На что уходитъ у нихъ время, которое здѣсь, благодаря бѣдности, дурной погодѣ, непрерывному звону цѣпей, постоянному зрѣлищу пустынныхъ горъ и шуму моря, благодаря стонамъ и плачу, которые часто доносятся изъ надзирательской, гдѣ наказываютъ плетьми и розгами, кажется длиннѣе и мучительнѣе во много разъ, чѣмъ въ Россіи? Это время женщины проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ одной избѣ, состоящей чаще всего изъ одной комнаты, вы застаете семью каторжнаго, съ нею солдатскую семью,

двухъ-трехъ каторжныхъ жильцовъ или гостей, тутъ же подростки, двѣ-три колыбели по угламъ, тутъ же куры, собака, а на улицѣ около избы отбросы, лужи отъ помоевъ; заняться нечѣмъ, ѣсть нечего, говорить и браниться надоѣло, на улицу выходить скучно— какъ все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечеромъ съ работъ возвращается мужъ каторжный; онъ хочетъ ѣсть и спать, а жена начинаетъ плакать и причитывать: «Погубилъ ты насъ, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дѣти!» — «Ну, завыла!»—проворчитъ на печкѣ солдатъ. Уже всѣ позаснули, дѣти переплакали и тоже угомонились давно, а баба все не спитъ, думаетъ и слушаетъ, какъ реветъ море; теперь ужь ее мучаетъ тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же исторія.

Если судить только по одному Дуэ, то сельско-хозяйственная колонія на Сахалинѣ обременена излишкомъ женщинъ и семейныхъ каторжныхъ. За недостаткомъ мѣста въ избахъ, 27 семействъ живутъ въ старыхъ, давно уже обреченныхъ на сносъ постройкахъ, въ высшей степени грязныхъ и безобразныхъ, которыя называются «казармами для семейныхъ». Тутъ уже не комнаты, а камеры съ нарами и парашами, какъ въ тюрьмѣ. По составу своему населеніе этихъ камеръ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ одной камерѣ съ выбитыми стеклами въ окнахъ и съ удушливымъ запахомъ отхожаго мѣста живутъ: каторжный и его жена свободнаго состоянія; каторжный, жена свободнаго состоянія и дочь; каторжный, жена поселка и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ полякъ и его сожительница каторжная; всѣ они со своимъ имуществомъ помѣщаются въ одной камерѣ и спятъ рядомъ на одной сплошной нарѣ. Въ другой: каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжная татарка и ея дочь; каторжный татаринъ, его жена свободнаго состоянія и двое татарчатъ въ ермолкахъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; поселенецъ, бывшій на каторгѣ 35 лѣтъ, но еще молодцеватый, съ черными усами, за неимѣніемъ сапогъ ходящій босикомъ, но страстный картежникъ *); рядомъ съ нимъ на нарахъ его любовница ка-[illegible]жная — вялое, сонное и жалкое на видъ существо; далѣе ка-

*) Онъ говорилъ мнѣ, что во время игры въ штоссъ у него „въ жилахъ элек-[illegible]ество“: отъ волненія руки сводитъ. Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній [illegible]го то, какъ онъ когда-то въ дни молодости вытащилъ часы у самого полицей-[illegible]тера. Про игру въ штоссъ разсказываетъ онъ съ азартомъ. Помню фразу: [illegible]ешь, не туда попало!“— проговорилъ онъ съ отчаяніемъ охотника, сдѣлавшаго [illegible]ахъ. Для любителей я записалъ нѣкоторыя его выраженія: транспортъ скушанъ! [illegible]перипѐ! уголъ! по рублю очко мазъ! въ цвѣтъ и въ масть! артиллерія!

торжный, жена свободнаго состоянія и трое дѣтей; каторжный несемейный; каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; поселенецъ, каторжный, чистенькій старичокъ съ бритымъ лицомъ; тутъ же по камерѣ ходитъ поросенокъ и чавкаетъ; на полу осклизлая грязь, воняетъ клопами и чѣмъ-то кислымъ; отъ клоповъ, говорятъ, житья нѣтъ. Въ третьей: каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; каторжный, жена свободнаго состоянія и дочь; каторжный, жена свободнаго состоянія и семеро дѣтей: одна дочь 16, другая 15 лѣтъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и четверо дѣтей. Въ четвертой: надзиратель унтеръ-офицеръ, его жена 18 лѣтъ и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ; каторжный и т. д. По этимъ варварскимъ помѣщеніямъ и ихъ обстановкѣ, гдѣ дѣвушки 15 и 16 лѣтъ вынуждены спать рядомъ съ каторжниками, читатель можетъ судить, какимъ неуваженіемъ и презрѣніемъ окружены здѣсь женщины и дѣти, добровольно послѣдовавшія на каторгу за своими мужьями и отцами, какъ здѣсь мало дорожатъ ими и какъ мало думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи.

Дуйская тюрьма меньше, старѣе и во много разъ грязнѣе Александровской. Здѣсь тоже общія камеры и сплошныя нары, но обстановка бѣднѣе и порядки хуже. Стѣны и полы одинаково грязны и до такой степени потемнѣли уже отъ времени и сырости, что едва ли станутъ чище, если ихъ помыть. По даннымъ медицинскаго отчета за 1889 г., на каждаго арестанта приходится здѣсь воздуха 1,12 куб. саж. Если лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, пахнетъ помоями и отхожимъ мѣстомъ, то, воображаю, какой адъ бываетъ здѣсь зимою, когда внутри тюрьмы по утрамъ находятъ иней и сосульки. Смотрителемъ тюрьмы здѣсь бывшій военный фельдшеръ изъ поляковъ, состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя. Кромѣ Дуйской, онъ завѣдуетъ также еще Воеводскою тюрьмой, рудниками и постомъ Дуэ. Дистанція совсѣмъ не по чину.

Въ дуйскихъ карцерахъ содержатся тяжкіе преступники, большею частью рецидивисты и подслѣдственные. На видъ это самые обыкновенные люди съ добродушными и глуповатыми физіономіями, которыя выражали только любопытство и желаніе отвѣтить мнѣ возможно почтительнѣе. И преступленія у большинства и нихъ не умнѣе и не хитрѣе ихъ физіономій. Обыкновенно присылаются за убійство въ дракѣ лѣтъ на 5—10, потомъ бѣгутъ; и ловятъ, они опять бѣгутъ, и такъ, пока не попадутъ въ б

срочные и неисправимые. Преступленія почти у всѣхъ ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшней занимательности, и я нарочно привелъ выше *Разсказъ Егора,* чтобы читатель могъ судить о безцвѣтности и бѣдности содержанія сотни разсказовъ, автобіографій и анекдотовъ, какіе мнѣ приходилось слышать отъ арестантовъ и людей, близкихъ къ каторгѣ. Впрочемъ, одинъ сѣдой старикъ, лѣтъ 60—65, по фамиліи Тереховъ, сидящій въ темномъ карцерѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе настоящаго злодѣя. Наканунѣ моего пріѣзда онъ былъ наказанъ плетьми и, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, показалъ мнѣ свои ягодицы, сине-багровыя отъ кровоподтековъ. По разсказамъ арестантовъ, этотъ старикъ убилъ на своемъ вѣку 60 человѣкъ; у него будто бы такая манера: онъ высматриваетъ арестантовъ-новичковъ, какіе побогаче, и сманиваетъ ихъ бѣжать вмѣстѣ, потомъ въ тайгѣ убиваетъ ихъ и грабитъ, а чтобы скрыть слѣды преступленія, рѣжетъ трупы на части и бросаетъ въ рѣку. Въ послѣдній разъ, когда его ловили, онъ отмахивался отъ надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, на половину бритый, угловатый, какъ булыжникъ, черепъ, я готовъ былъ вѣрить всѣмъ этимъ разсказамъ. Одинъ хохолъ, сидящій тоже въ темномъ карцерѣ, тронулъ меня своею откровенностью; онъ обратился съ просьбой къ смотрителю — возвратить ему 195 рублей, отобранные у него при обыскѣ. «А гдѣ ты взялъ эти деньги?» — спросилъ смотритель. — «Выигралъ въ карты» — отвѣтилъ онъ и побожился, и, обращаясь ко мнѣ, сталъ увѣрять, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ почти вся тюрьма играетъ въ карты и между картежниками-арестантами не рѣдкость такіе, которые располагаютъ суммами въ двѣ и три тысячи рублей. Въ карцерахъ же я видѣлъ бродягу, который отрубилъ себѣ два пальца; рана повязана грязною тряпочкой. У другого бродяги сквозная огнестрѣльная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязною тряпкой *).

Въ Дуэ всегда тихо. Къ мѣрному звону кандаловъ, шуму морского прибоя и гудѣнью телеграфныхъ проволокъ скоро привыкаетъ ух и отъ этихъ звуковъ впечатлѣніе мертвой тишины становится сн ѣе. Печать суровости лежитъ не на однихъ только полосатыхъ ст ібахъ. Если бы на улицѣ кто-нибудь невзначай засмѣялся гр ко, то это прозвучало бы рѣзко и неестественно. Съ самаго ос ванія Дуэ здѣшняя жизнь вылилась въ форму, какую можно

*) Я встрѣчалъ не мало раненыхъ и страдающихъ язвами, но ни разу не слышалъ за одоформа, хотя на Сахалинѣ ежегодно расходуется его больше полупуда.

передать только въ неумолимо-жестокихъ, безнадежныхъ звукахъ, и свирѣпый холодный вѣтеръ, который въ зимнія ночи дуетъ съ моря въ разщелину, только одинъ поетъ именно то, что нужно. Бываетъ поэтому странно, когда среди тишины раздается вдругъ пѣніе дуйскаго чудака Шкандыбы. Это каторжный, старикъ, который съ перваго же дня пріѣзда своего на Сахалинъ отказался работать и передъ его непобѣдимымъ, чисто-звѣринымъ упрямствомъ спасовали всѣ принудительныя мѣры; его сажали въ темную, нѣсколько разъ сѣкли, но онъ стоически выдерживалъ наказаніе и послѣ каждой экзекуціи восклицалъ: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились съ нимъ и, въ концѣ-концовъ, бросили. Теперь онъ гуляетъ по Дуэ и поетъ *).

---

*) У публики Дуэ пользуется преувеличенно-дурною репутаціей. На Байкалѣ мнѣ разсказывали, что одинъ пассажиръ, человѣкъ уже пожилой и чиновный, когда пароходъ остановился на дуйскомъ рейдѣ, долго всматривался въ берегъ и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же тутъ на берегу столбъ, на которомъ вѣшаютъ каторжниковъ и потомъ бросаютъ ихъ въ воду?

Дуэ — колыбель сахалинской каторги. Существуетъ мнѣніе, что мысль избрать это мѣсто для ссыльной колоніи пришла впервые самимъ каторжнымъ: будто бы нѣкій Иванъ Лапшинъ, осужденный за отцеубійство и отбывавшій каторгу въ г. Николаевскѣ, попросилъ у мѣстныхъ властей позволенія переселиться на Сахалинъ и въ сентябрѣ 1858 г. былъ доставленъ сюда. Поселившись недалеко отъ Дуйскаго поста, онъ сталъ заниматься огородничествомъ и хлѣбопашествомъ и, по словамъ г. Власова, отбывалъ тутъ каторжные уроки. Вѣроятно, онъ былъ доставленъ на островъ не одинъ, такъ какъ въ 1858 г. уголь близъ Дуэ добывался уже при участіи каторжныхъ (см. *Съ Амура и береговъ Великаго океана* въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 207). Вышеславцевъ въ своихъ *Очеркахъ перомъ и карандашомъ* пишетъ, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ засталъ въ Дуэ около 40 человѣкъ и при нихъ двухъ офицеровъ и одного инженернаго офицера, завѣдующаго работами. „Какіе славные огороды,— восторгается онъ,— окружаютъ ихъ уютные, чистенькіе домики! А овощи вызрѣваютъ два раза въ лѣто".

Время возникновенія настоящей сахалинской каторги относится къ шестидесятымъ годамъ, когда неустройства нашей депортаціонной системы достигли своего высшаго напряженія. Время было таково, что начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, коллежскій совѣтникъ Власовъ, пораженный всѣмъ, что онъ встрѣтилъ на каторгѣ, прямо заявилъ, что строй и система нашихъ наказаній служатъ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность. Приблизительное изслѣдованіе каторжныхъ работъ на мѣстѣ привело его къ убѣжденію, что ихъ въ Россіи *почти не существуетъ* (см. его *Краткій очеркъ неустройствъ, существующихъ на каторгѣ*). Главное тюремное управленіе, давая въ своемъ дес ятилѣтнемъ отчетѣ критическій обзоръ каторги, замѣчаетъ, что въ описываемое вр мя каторга перестала быть высшею карательною мѣрой. Да, то была высочайшая м ра безпорядка, какой когда-либо создавали невѣжество, равнодушіе и жестокость. Е го главныя причины бывшихъ неустройствъ: а) Ни составители законовъ о ссыльныхъ ни исполнители ихъ не имѣли яснаго представленія о томъ, что такое каторга, въ ч мъ она должна заключаться и для чего она нужна. И практика, несмотря на с ю продолжительность, не дала не только системы, но даже матеріала для юридичес го

Добыча каменнаго угля, какъ я уже сказалъ, производится въ верстѣ отъ поста. Я былъ въ рудникѣ, меня водили по мрачнымъ, сырымъ корридорамъ и предупредительно знакомили съ постановкой дѣла, но очень трудно описать все это, не будучи специали-

---

опредѣленія каторги. b) Исправительныя и уголовныя цѣли наказанія приносились въ жертву разнаго рода экономическимъ и финансовымъ соображеніямъ. На каторжнаго смотрѣли какъ на рабочую силу, которая должна была приносить доходъ государственному казначейству. Если его трудъ не давалъ выгоды или шелъ въ убытокъ, то предпочитали держать его въ тюрьмѣ безъ всякаго дѣла. Убыточному бездѣлью отдавалось предпочтеніе передъ убыточною работой. Приходилось также считаться еще съ колонизаціонными цѣлями. c) Незнакомство съ мѣстными условіями и потому отсутствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и сущность работъ, что видно хотя бы изъ недавно упраздненнаго дѣленія на работы въ рудникахъ, заводахъ и крѣпостяхъ. На практикѣ безсрочный, приговоренный къ работамъ въ рудникахъ, сидѣлъ безъ дѣла въ тюрьмѣ, приговоренный къ четырехлѣтней каторгѣ на заводахъ работалъ въ рудникѣ, а въ тобольской каторжной тюрьмѣ арестанты занимались переноскою съ одного мѣста на другое ядеръ, пересыпкой песка и т. п. Въ обществѣ и отчасти въ литературѣ установился взглядъ, что настоящая, самая тяжкая и самая позорная каторга можетъ быть только въ рудникахъ. Если бы въ *Русской женщинѣ* Некрасова герой, вмѣсто того, чтобы работать въ рудникѣ, ловилъ для тюрьмы рыбу или рубилъ лѣсъ, то многіе читатели остались бы неудовлетворенными. d) Отсталость нашего устава о ссыльныхъ. На очень многіе вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, онъ совсѣмъ не даетъ отвѣта, отсюда широкое поле для произвольныхъ толкованій и незаконныхъ дѣйствій; въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ является часто совершенно безполезною книгой, и отчасти поэтому, вѣроятно, г. Власовъ въ нѣкоторыхъ управленіяхъ при каторжныхъ тюрьмахъ совсѣмъ не нашелъ устава. e) Отсутствіе единства въ управленіи каторгой. f) Отдаленность каторжныхъ работъ отъ Петербурга и полное отсутствіе гласности. Оффиціальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учрежденія главнаго тюремнаго управленія. g) Немалою помѣхой къ упорядоченію ссылки и каторги служило также настроеніе нашего общества. Когда у общества нѣтъ опредѣленныхъ взглядовъ на что-нибудь, то приходится считаться съ его настроеніемъ. Общество всегда возмущалось тюремными порядками и, въ то же время, всякій шагъ къ улучшенію быта арестантовъ встрѣчало протестомъ, вродѣ, напримѣръ, такого замѣчанія: „Не хорошо, если мужикъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ будетъ жить лучше, чѣмъ дома“. Если мужикъ часто живетъ дома хуже, чѣмъ на каторгѣ, то по логикѣ такого замѣчанія каторга должна быть адомъ. Когда арестантамъ давали въ вагонахъ, вмѣсто воды, квасъ, то это называлось „няньчиться съ убійцами и поджигателями“ и т. п. Впрочемъ, какъ бы въ противовѣсъ такому настроенію, у лучшихъ русскихъ писателей замѣчалось стремленіе къ идеализаціи каторжныхъ, бродягъ и бѣглыхъ.

Въ 1863 г. былъ высочайше утвержденъ комитетъ, имѣвшій цѣлью изыскать и указать мѣры для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ. Комитетъ призналъ, что необходимо „высылать тяжкихъ преступниковъ въ отдаленную колонію для употребленія тамъ въ принудительныя работы съ преимущественною цѣлью водворенія въ мѣстѣ ссылки“. И, выбирая между отдаленными колоніями, комитетъ остановился на Сахалинѣ. А priori онъ призналъ за Сахалиномъ слѣдующія достоинства: 1) географическое положеніе, обезпечивающее материкъ отъ побѣговъ; 2) наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною; 3) просторъ для дѣятельности преступника, рѣшившаго начать новую трудовую жизнь; 4) съ точки зрѣнія государственной колонизаціи сосредоточеніе ссыльныхъ на Сахалинѣ представляется залогомъ для упроченія

стомъ. Я воздержусь отъ техническихъ подробностей и тотъ, кто интересуется ими, пусть прочтетъ спеціальное сочиненіе горнаго инженера г. Кеппена, когда-то завѣдывавшаго здѣшними копями*).

Въ настоящее время дуйскія копи находятся въ исключительномъ пользованіи частнаго общества «Сахалинъ», представители котораго живутъ въ Петербургѣ. По контракту, заключенному въ 1875 г. на 24 года, общество пользуется участкомъ на западномъ берегу Сахалина на двѣ версты вдоль берега и на одну версту вглубь острова; ему предоставляются безплатно свободныя удобныя мѣста для склада угля въ Приморской области и на прилегающихъ къ ней островахъ; нужный для построекъ и работъ строительный матеріалъ общество получаетъ также безплатно; ввозъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для техническихъ и хозяйственныхъ работъ и устройства рудниковъ, предоставляется безпошлинно; за каждый пудъ угля, покупаемый морскимъ вѣдомствомъ, общество получаетъ отъ 15 до 30 коп.; ежедневно въ распоряженіе общества командируется для работъ не менѣе 400 каторжныхъ; если же на работы будетъ выслано меньше этого числа, то за каждаго недостающаго рабочаго казна платитъ обществу штрафу одинъ рубль въ день; нужное обществу число людей можетъ быть отпускаемо и на ночь.

Чтобъ исполнять принятыя на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержитъ около рудниковъ двѣ тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду въ 340 человѣкъ, что ежегодно обходится ей въ 150 тысячъ рублей. Стало быть, если, какъ говорятъ, представителей общества, живущихъ въ Петербургѣ, только пять, то охраненіе доходовъ каждаго изъ нихъ обходится ежегодно казнѣ въ 30 тысячъ, не говоря уже о томъ, что изъ-за

обладанія нашего островомъ; 5) угольныя залежи могутъ быть съ выгодою эксплуатируемы въ виду громадной потребности въ углѣ. Предполагалось также, что сосредоточеніе на островѣ всего контингента ссыльно-каторжныхъ сократитъ расходы на содержаніе ихъ.

*) *Островъ Сахалинъ, его каменноугольныя мѣсторожденія и развивающаяся на немъ каменноугольная промышленность*, 1875 г. Объ углѣ, кромѣ г. Кеппена, писали еще горные инженеры: *Носовъ І:* „Замѣтки объ островѣ Сахалинѣ и каменноугольныхъ ломкахъ, на немъ производимыхъ". *Горный Журналъ* 1859 г., №1. *И. А. Лопатинъ:* „Извлеченіе изъ письма". Приложеніе къ отчету Сибирскаго отдѣла И. Р. Географ. общества за 1868 г. *Его же:* „Рапортъ къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири". *Горный Журналъ* 1870 г., № 10. *Дейхманнъ:* „Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи". *Горный Журналъ* 1871 г., № 3. *К. Скальковскій:* „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ", 1883 г. О качествахъ сахалинскаго угля писали въ разное время командиры судовъ сибирской флотиліи въ своихъ рапортахъ, которые печатались въ *Морскомъ Сборникѣ*. Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьяхъ *Я. Н. Бутковскаго*: „Островъ Сахалинъ", *Историческій Вѣстникъ* 188[illegible]., X, и *Сахалинъ и его значеніе*, *Морской Сборникъ* 1874 г., № 4.

этихъ доходовъ приходится, вопреки задачамъ сельско-хозяйственной колоніи и точно въ насмѣшку надъ гигіеной, держать болѣе 700 каторжныхъ, ихъ семьи, солдатъ и служащихъ въ такихъ ужасныхъ ямахъ, какъ Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о томъ, что, отдавая каторжныхъ въ услуженіе частному обществу за деньги, администрація исправительныя цѣли наказанія приноситъ въ жертву промышленнымъ соображеніямъ, т.-е. повторяетъ старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, съ своей стороны, отвѣчаетъ тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйскихъ копей правильно и держать въ Дуэ горнаго инженера, который наблюдалъ бы за правильностью разработки; аккуратно два раза въ годъ взносить арендную плату за уголь и плату за трудъ каторжныхъ; при разработкѣ копей пользоваться исключительно трудомъ каторжныхъ по всѣмъ видамъ работъ, соединенныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Всѣ эти три обязательства существуютъ только на бумагѣ и, повидимому, давно уже забыты. Разработка копей ведется недобросовѣстно, на кулаческихъ началахъ. «Никакихъ улучшеній въ техникѣ производства или изысканій для обезпеченія ему прочной будущности не предпринималось,—читаемъ въ докладной запискѣ одного оффиціальнаго лица,—работы въ смыслѣ ихъ хозяйственной постановки имѣли всѣ признаки хищничества, о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдній отчетъ окружнаго инженера». Горнаго инженера, котораго общество обязано имѣть по контракту, нѣтъ и копями завѣдуетъ простой штейгеръ. Что касается платежей, то и тутъ приходится говорить только о томъ, что въ своемъ докладѣ только что упомянутое оффиціальное лицо именуетъ «признаками хищничества». И копями, и трудомъ каторжныхъ общество пользуется безплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платитъ; представители другой стороны, въ виду такого явнаго правонарушенія, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлятъ и, мало того, продолжаютъ еще расходовать 150 тысячъ въ годъ на охрану доходовъ общества, и обѣ стороны ведутъ себя такъ, что трудно сказать, когда будетъ конецъ этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Общество засѣло на Сахалинѣ такъ же крѣпко, какъ Ѳома въ селѣ Степанчиковѣ, и неумолимо оно, какъ Ѳома. Къ 1 января 1890 оно состояло должнымъ казнѣ 194,337 р. 15 к.; десятая же часть этихъ денегъ по закону приходится на долю каторжныхъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Когда и какъ разсчитываются съ дуйскими каторжниками, кто имъ платитъ и получаютъ ли

они что-нибудь, мнѣ неизвѣстно, да и какъ-то страшно было разспрашивать объ этомъ.

Ежедневно назначается на работы 350—400 каторжныхъ, остальные же 350—400 изъ живущихъ въ Дуйской и Воеводской тюрьмахъ составляютъ резервъ. Безъ резерва же не обойтись, такъ какъ въ контрактѣ оговорены на каждый день «способные къ труду» каторжные. Назначенные на работы въ рудникѣ въ пятомъ часу утра, на такъ называемой раскомандировкѣ, поступаютъ въ вѣдѣніе рудничной администраціи, т.-е. небольшой группы частныхъ лицъ, составляющихъ «контору». Отъ усмотрѣнія этой послѣдней зависитъ назначеніе на работы, количество и степень напряженія труда на каждый день и для каждаго отдѣльнаго каторжнаго; отъ нея, по самой постановкѣ дѣла, зависитъ наблюдать за тѣмъ, чтобы арестанты несли наказаніе равномѣрно; тюремная же администрація оставляетъ за собой только надзоръ за поведеніемъ и предупрежденіе побѣговъ, въ остальномъ же, по необходимости, умываетъ руки.

Имѣются два рудника: старый и новый. Каторжные работаютъ въ новомъ; тутъ вышина угольнаго пласта около 2 аршинъ, ширина корридоровъ такая же; разстояніе отъ выхода до мѣста, гдѣ теперь происходитъ разработка, равняется 150 саж. Рабочій съ санками, которыя вѣсятъ пудъ, взбирается ползкомъ вверхъ темнымъ и сырымъ корридоромъ: это самая тяжкая часть работы; потомъ, нагрузивъ сани углемъ, возвращается назадъ. У выхода уголь нагружается въ вагонетки и по рельсамъ доставляется въ склады. Каждый каторжный долженъ подняться вверхъ съ санками не менѣе 13 разъ въ день—въ этомъ заключается урокъ. Въ 1889—90 г. каждый каторжный добывалъ, въ среднемъ, 10,8 п. въ день, на 4,2 пуда менѣе нормы, установленной рудничною администраціей. Въ общемъ, производительность рудника и рудничныхъ каторжныхъ работъ не велика: она колеблется между $1^1/_2$ и 3 тыс. пудовъ въ день.

Въ Дуйскихъ копяхъ работаютъ также поселенцы по вольному найму. Поставлены они въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ каторжные. Въ старомъ рудникѣ, гдѣ они работаютъ, пластъ не выше аршина, мѣсто разработки находится въ 230 саж. отъ выхода, верхній слой пласта даетъ сильную течь, отчего работать приходится въ постоянной сырости; живутъ они на собственномъ продовольствіи, въ помѣщеніи, которое во много разъ хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, трудъ ихъ гораздо производительнѣе каторжнаго—на 70 и даже на 100%. Таковы преимущества вольнонаемн

труда передъ принудительнымъ. Наемные рабочіе выгоднѣе для общества, чѣмъ тѣ, которыхъ оно обязано имѣть по контракту, и потому, если, какъ здѣсь принято, каторжный нанимаетъ, вмѣсто себя, поселенца или другого каторжнаго, то рудничная администрація охотно мирится съ этимъ безпорядкомъ. Третье обязательство давно уже трещитъ по швамъ. Съ самаго основанія Дуэ ведется, что бѣдняки и простоватые работаютъ за себя и за другихъ, а шулера и ростовщики въ это время пьютъ чай, играютъ въ карты или безъ дѣла бродятъ по пристани, позвякивая кандалами, и бесѣдуютъ съ подкупленнымъ надзирателемъ. На этой почвѣ здѣсь постоянно разыгрываются возмутительныя исторіи. Такъ, за недѣлю до моего пріѣзда одинъ богатый арестантъ, бывшій петербургскій купецъ, присланный сюда за поджогъ, былъ высѣченъ розгами будто бы за нежеланіе работать. Это человѣкъ, глуповатый, не умѣющій прятать деньги, неумѣренно подкупавшій, наконецъ, утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и какъ-то въ недобрый часъ наотрѣзъ отказалъ обоимъ. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вотъ-де такой-то не хочетъ работать, этотъ приказалъ дать 30 розогъ и палачъ, разумѣется, постарался. Купецъ, когда его сѣкли, кричалъ: «Меня еще никогда не сѣкли!» Послѣ экзекуціи онъ смирился, заплатилъ надзирателю и палачу и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ нанимать вмѣсто себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничныхъ работъ заключается не въ томъ, что приходится работать подъ землей въ темныхъ и сырыхъ корридорахъ, то ползкомъ, то согнувшись; строительныя и дорожныя работы подъ дождемъ и на вѣтрѣ требуютъ отъ работника бо́льшаго напряженія физическихъ силъ. И кто знакомъ съ постановкой дѣла въ нашихъ донецкихъ шахтахъ, тому дуйскій рудникъ не покажется страшнымъ. Вся исключительная тяжесть не въ самомъ трудѣ, а въ обстановкѣ, въ тупости и недобросовѣстности всякихъ мелкихъ чиновъ, когда на каждомъ шагу приходится терпѣть отъ наглости, несправедливости и произвола; богатые чай пьютъ, а бѣдняки работаютъ, надзиратели у всѣхъ на глазахъ обманываютъ свое начальство, неизбѣжныя столкновенія рудничной и тюремной адми-
нистрацій вносятъ въ жизнь массу дрязгъ, сплетней и всякихъ мелкихъ безпорядковъ, которые ложатся своею тяжестью, прежде всего, на людей подневольныхъ, по пословицѣ: паны дерутся—у хлопцевъ чубы болятъ. А, между тѣмъ, каторжникъ, какъ бы глубоко онъ былъ испорченъ и несправедливъ, любитъ всего больше справедливость и, если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе.

Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ, угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходитъ смѣшно. Работа въ дуйскихъ рудникахъ тяжела также потому, что каторжникъ здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ перерыва видитъ только рудникъ, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его какъ бы ушла въ эту узкую береговую отмель между глинистымъ берегомъ и моремъ.

Около рудничной конторы стоитъ баракъ для поселенцевъ, работающихъ въ копяхъ, небольшой старый сарай, кое-какъ приспособленный для ночовки. Я былъ тутъ въ 5 часовъ утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченныя, точно всю ночь у этихъ людей происходила драка, лица желто-сѣрыя и, съ просонья, выраженія какъ у больныхъ или сумасшедшихъ. Видно, что они спали въ одежѣ и въ сапогахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кто на нарѣ, а кто и подъ нарой, прямо на грязномъ земляномъ полу. По словамъ врача, ходившаго со мной въ это утро, здѣсь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человѣка. Между тѣмъ, это было какъ разъ то время, когда на Сахалинѣ ожидали холеру и для судовъ былъ назначенъ карантинъ.

Въ это же утро я былъ въ *Воеводской тюрьмѣ*. Она была построена въ семидесятыхъ годахъ и для образованія площади, на которой она теперь стоитъ, пришлось срывать гористый берегъ на пространствѣ 480 кв. саж. Въ настоящее время изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ это самая безобразная, которая уцѣлѣла отъ реформъ вполнѣ, такъ что можетъ служить точною иллюстраціей къ описаніямъ старыхъ порядковъ и старыхъ тюремъ, возбуждавшихъ когда-то въ очевидцахъ омерзеніе и ужасъ. Воеводская тюрьма состоитъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ и одного малаго, въ которомъ помѣщаются карцеры. Конечно, о кубическомъ содержаніи воздуха или вентиляціяхъ говорить не приходится. Когда я входилъ въ тюрьму, тамъ кончали мыть полы и влажный, промзглый воздухъ еще не успѣлъ разрѣдиться послѣ ночи и былъ тяжелъ. Полы были мокры и непріятны на видъ. Первое, что я услышалъ здѣсь, это—жалобы на клоповъ. Отъ клоповъ житья нѣтъ. Прежде ихъ изводили хлорною известью, вымораживали во время сильныхъ морозовъ но теперь и это не помогаетъ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ живутъ надзиратели, тоже тяжкій запахъ отхожаго мѣста и кислоты и жалоб на клоповъ.

Въ Воеводской тюрьмѣ содержатся прикованные къ тачкамъ. Всѣхъ ихъ здѣсь восемь человѣкъ. Живутъ они въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ прочими арестантами и время проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. По крайней мѣрѣ, въ «Вѣдомости о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по родамъ работъ» прикованные къ тачкамъ показаны въ числѣ неработающихъ. Каждый изъ нихъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; отъ середины ручныхъ кандаловъ идетъ длинная цѣпь аршина въ 3—4, которая прикрѣпляется ко дну небольшой тачки. Цѣпи и тачка стѣсняютъ арестанта, онъ старается дѣлать возможно меньше движеній, и это, несомнѣнно, отражается на его мускулатурѣ. Руки до такой степени привыкаютъ къ тому, что всякое даже малѣйшее движеніе сопряжено съ чувствомъ тяжести, что арестантъ послѣ того ужь, какъ, наконецъ, разстается съ тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствуетъ въ рукахъ неловкость и дѣлаетъ безъ надобности сильныя, рѣзкія движенія; когда, напримѣръ, берется за чашку, то расплескиваетъ чай, какъ страдающій chorea minor. Ночью во время сна арестантъ держитъ тачку подъ нарой и, чтобы это было удобнѣе и легче сдѣлать, его помѣщаютъ обыкновенно на краю общей нары.

Всѣ восемь человѣкъ—рецидивисты, которые на своемъ вѣку судились уже по нѣскольку разъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ 60 лѣтъ, прикованъ за побѣги или, какъ самъ онъ говоритъ, «за глупости». Онъ болѣнъ, повидимому, чахоткой и бывшій смотритель тюрьмы изъ жалости распорядился помѣстить его поближе къ печкѣ. Другой, когда-то служившій кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, присланъ за святотатство и на Сахалинѣ попался въ поддѣлкѣ 25-ти рублевыхъ бумажекъ. Когда кто-то изъ ходившихъ вмѣстѣ со мной по камерамъ сталъ журить его за то, что онъ ограбилъ церковь, онъ сказалъ: «Что-жь? Богу деньги не нужны». И, замѣтивъ, что арестанты не смѣются и что эта фраза произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, онъ добавилъ: «За то я людей не убивалъ». Третій, бывшій военный матросъ, присланъ на Сахалинъ за дисциплинарное преступленіе: онъ бросился на офицера съ поднятыми кулаками. На каторгѣ онъ точно также бросался на кого-то; въ послѣдній изъ бросился на смотрителя тюрьмы, когда тотъ приказалъ наказать его розгами. Его защитникъ на военно-полевомъ судѣ объяснялъ эту его манеру бросаться на людей болѣзненнымъ состояніемъ; судъ приговорилъ его къ смертной казни, а баронъ А. К. Корфъ замѣнилъ это наказаніе пожизненною каторгой, плетьми и прикованіемъ къ тачкѣ. Остальные всѣ прикованы за убійство.

Утро было сырое, пасмурное, холодное. Безпокойно шумѣло мо-

ре. Помнится, по дорогѣ отъ стараго рудника къ новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежалъ на пескѣ въ глубокомъ обморокѣ; два земляка держали его за руки, безпомощно и растерянно поглядывая по сторонамъ. Старикъ былъ блѣденъ, руки холодныя, пульсъ слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подавъ ему медицинской помощи. Врачъ, который сопровождалъ меня, когда я замѣтилъ ему, что не мѣшало бы дать старику хоть валеріановыхъ капель, сказалъ, что у фельдшера въ Воеводской тюрьмѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ.

Антонъ Чеховъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* *
*

Милый другъ мой, не вѣрь этимъ знойнымъ ночамъ,
Такъ безумно зовущимъ куда-то,
Этимъ звѣздамъ живымъ, этимъ луннымъ лучамъ,
Этимъ вѣчно тоскующимъ синимъ волнамъ,
Соловьямъ и струямъ аромата!

Тѣни ночи плывутъ, какъ туманъ отъ ручья,
Опьяняютъ волшебными снами,
И волнуютъ, и жгутъ, и подъ пѣснь соловья
Увлекаютъ съ собой въ золотые края,
Трепеща надъ душою крылами.

О, не вѣрь имъ, не вѣрь! Миръ души не тревожь,
Не ввѣряйся мечтѣ необъятной!
Двери сердца закрой и страданья не множь:
Эти ночи—обманъ, эти призраки—ложь;
Это—грёзы земли ароматной.

Лишь склони къ нимъ въ тиши очарованный слухъ,
О несбыточномъ пѣть онѣ станутъ,
Обольстятъ, оживятъ твой тоскующій духъ,
Въ грудь, ласкаясь, вольютъ тайной страсти недугъ
И бездушно, жестоко обманутъ.

Да, обманутъ, какъ рабъ, какъ безсмысленный рокъ,
Какъ предъ бурей волна въ океанѣ,
Какъ пропитанный ядомъ роскошный цвѣтокъ,
Какъ игра облаковъ, какъ ночной огонекъ,
Промелькнувшій въ болотномъ туманѣ.

Милый другъ мой, не вѣрь этимъ знойнымъ ночамъ,
Такъ безумно зовущимъ куда-то,
Этимъ звѣздамъ живымъ, этимъ луннымъ лучамъ,
Этимъ вѣчно тоскующимъ синимъ волнамъ,
Соловьямъ и струямъ аромата!

А. Ѳедоровъ.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Удобный случай.

Разсказъ Леона де-Тенсо.

Въ послѣднихъ числахъ мая, только что мы вышли изъ-за стола, я, моя жена и моя теща, удостоивающая обѣдать у насъ разъ въ недѣлю, какъ намъ подали письмо, пришедшее въ этотъ день изъ Америки.

— Вѣсти отъ Жоржа,—проговорила моя жена, вскрывая конвертъ вынутою изъ волосъ шпилькой.

Жоржъ, племянникъ моей тещи, женился въ Филадельфіи на богатой наслѣдницѣ подъ условіемъ, что онъ никогда уже не покинетъ Америки. Мы считаемъ его человѣкомъ навсегда для насъ исчезнувшимъ и нами потеряннымъ, но всякій разъ, когда дѣло доходитъ до сравненія его богатства съ нашимъ весьма скромнымъ достаткомъ, мы невольно поддаемся чувству своего рода восхищенія Жоржемъ. Къ этому особенно склонна мадамъ де-Шанневиль, моя теща, и хотя сама дала за дочерью ничтожное приданое, никогда не пропускаетъ случая поставить мнѣ на видъ ловкость кузена моей супруги, съумѣвшаго сдѣлать блестящую партію, чѣмъ порою порядочно-таки раздражаетъ меня.

— Ахъ, чортъ возьми!—не выдержалъ я однажды.—Если бы я задался цѣлью жениться непремѣнно на обладательницѣ милліоновъ, я не имѣлъ бы счастья называться вашимъ зятемъ.

Мнѣ поручено было прочесть вслухъ письмо Жоржа въ то время, какъ моя жена разливала кофе. Съ тѣмъ лаконизмомъ, въ которомъ уже чувствовалось вліяніе его новаго отечества, кузенъ писалъ:

«Энидъ отправляется въ Европу съ слѣдующимъ пакетботомъ, чтобы присутствовать на байрейтскихъ представленіяхъ. До Пари

жа, гдѣ она остановится на мѣсяцъ, она доѣдетъ съ нашими хорошими знакомыми. Будьте добры, милая Антуанета, встрѣтьте ее на вокзалѣ Сенъ-Лазаръ и проводите до гостиницы, гдѣ вы приготовите для нея помѣщеніе. А за симъ моя свояченица стѣснять васъ своею особой не будетъ. Она привыкла обходиться безъ посторонней помощи и, навѣрное, найдетъ сотни друзей. Единственное затрудненіе въ томъ, чтобы хорошо устроиться съ перваго раза, что и сдѣлается, благодаря вамъ, въ наилучшемъ видѣ. Когда вы отправитесь на станцію, держите въ рукахъ нумеръ *Фигаро*, чтобы Энидъ по этому могла васъ узнать. Мы всѣ здоровы и обнимаемъ васъ такъ же, какъ и вашу матушку. Жерому наши рукопожатія.

Преданный вамъ Жоржъ».

Порученіе не представляло собой ничего особенно труднаго. Въ Парижѣ нѣтъ недостатка въ хорошихъ отеляхъ, и мы отлично знали, что Энидъ Вальтонъ, не задумываясь, можетъ тратить въ день на квартиру и столъ четыре или пять полуимперіаловъ. По письмамъ Жоржа, получаемымъ довольно рѣдко, намъ уже было извѣстно, что его свояченицѣ двадцать четыре года, что собою она не хороша, но очень мила, обожаетъ шумъ, балы, флиртъ, всякія развлеченія и все, что ей полагается въ качествѣ американки. Она широко пользуется свободой, по скольку то дозволяютъ ея крупное состояніе, ея воспитаніе, обычаи ея родины и, въ особенности, независимое положеніе одинокой дѣвушки. Словомъ, для любителей женщинъ такого сорта она должна быть очаровательнымъ въ своемъ родѣ экземпляромъ.

Надо замѣтить, что сами мы принадлежимъ къ числу французовъ, держащихся старыхъ завѣтовъ. До того времени, когда я покинулъ родительскій домъ, чтобы вольноопредѣляющимся отбыть воинскую повинность, я отправлялся спать не иначе, какъ зайдя предварительно поцѣловать мою матушку,—привычка рѣшительно несовмѣстимая съ бурною жизнью. Что же касается моей жены, то я въ первый разъ говорилъ съ нею наединѣ лишь по выходѣ изъ церкви. Мадамъ де-Шанневиль неотступно удручала насъ своимъ присутствіемъ во весь вечеръ, слѣдовавшій за совершеніемъ брака ь мэріи. Я скажу даже, что надзоръ ея за нами никогда не былъ астолько подозрительнымъ, какъ въ это именно время, подъ тѣмъ ѣдлогомъ, будто это особенно требуется «приличіями», что дало ѣ поводъ заподозрить покойного господина де-Шанневиль въ рьезномъ отступленіи отъ «приличій», при такихъ же точно обоятельствахъ.

Моя теща ни словечка не проронила, когда мы читали письмо

ея племянника. Мы съ женою обсуждали вопросъ о выборѣ отеля, наиболѣе подходящаго для Энидъ, принимая въ соображеніе и наши собственныя удобства. Отель *Вашингтонъ*, на бульварѣ Гаусмана, гдѣ останавливаются самые богатые американцы, имѣлъ за собою очень серьезныя преимущества. Но одно важное неудобство побудило меня устранить его безъ всякихъ колебаній: онъ расположенъ рядомъ съ домомъ, въ которомъ я живу.

— Эта эмансипированная дѣвица станетъ являться сюда по двадцати разъ на день,—сказалъ я женѣ.—Простись тогда съ тишиной и спокойствіемъ... Благодарю покорно! Лучше пристроимъ ее на порядочномъ разстояніи. Что вы скажете относительно отеля *Континенталь*, до котораго отъ насъ минутъ двадцать ѣзды?

Рѣшеніе тотчасъ же состоялось въ пользу отеля *Континенталь*, причемъ теща не попыталась даже поставить на видъ преимущества *Grand-Hôtel'я*. Такое необычное воздержаніе отъ спора должно было бы побудить меня держаться на-сторожѣ. Но я остался спокоенъ, убаюканный мнимою безопасностью. Мадамъ де-Шанневиль отбыла отъ насъ очень рано, вопреки своей привычкѣ держать насъ на ногахъ до полночи. И этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для меня праздниковъ за долгое время,—теща выбрала для обѣдовъ у насъ воскресенье на томъ основаніи, что ея кухарка выговорила себѣ право отлучаться изъ дому каждую недѣлю.

На слѣдующій день къ концу нашего завтрака мадамъ де-Шанневиль опять явилась, что совсѣмъ не согласуется съ установленнымъ *modus vivendi*. Въ обычной повседневной жизни мы не проявляемъ большого стремленія видаться часто. Въ первую минуту я подумалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ сцена. На этотъ разъ я, однако, ошибся: вышло нѣчто похуже сцены.

— Во всю ночь я глазъ не сомкнула,—проговорила теща съ потеряннымъ видомъ, чуть не падая въ кресло.

Я въ первый разъ слышалъ жалобу на нездоровье этой почтенной дамы, способной своею несокрушимостью заткнуть за поясъ любого тирольскаго горца. Слегка взволнованный инстинктивною тревогой, я вѣжливо выразилъ ей мое участіе.

— Ничуть я не больна,—возразила она далеко не нѣжно.— Вамъ, по всей вѣроятности, неизвѣстно, что можно провести безсонную ночь подъ вліяніемъ заботы о чужомъ счастьи. Со вчерашняго вечера я только и дѣлала, что думала о моемъ Жеромѣ... и о миссъ Вальтонъ.

Мамаша никогда не упускаетъ случая выставить Жерома де-

Шанневиль примѣрнѣйшимъ изъ сыновей и изъ артиллерійскихъ поручиковъ. И на самомъ дѣлѣ онъ никогда и ни въ чемъ не прекословилъ почтенной, но своенравной дамѣ, носившей его младенцемъ подъ сердцемъ своимъ. Примѣрнымъ онъ былъ мальчикомъ въ улицѣ Почтъ, примѣрнымъ—въ Политехнической школѣ, примѣрнымъ—на высшихъ курсахъ, будетъ примѣрнымъ мужемъ, когда придержащая власть пріищетъ ему достойную подругу жизни. Предоставленный самому себѣ, онъ способенъ до старости сохранить во всей неприкосновенности младенческую чистоту безбрачія. Онъ не пьетъ кофе, не знаетъ вкуса вина, презираетъ табакъ. Въ обществѣ это самый вѣжливый, самый благовоспитанный, самый изящный изъ молодыхъ людей нынѣшняго времени. Мы находимся съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Я люблю его, очень цѣню его достоинства, очень уважаю, дивлюсь ему и не могу превозмочь нѣкотораго раздраженія, когда мы бываемъ вмѣстѣ. Слишкомъ большое совершенство, какъ чрезмѣрно яркое солнце, непріятно дѣйствуетъ на мои глаза.

— Если не ошибаюсь,—сказалъ я,—вамъ было бы желательно сопричислить миссъ Вальтонъ къ артиллеріи, ее и ея милліоны?

— А почему бы и не такъ?—возразила теща, снимая перчатки, что всегда служило признакомъ предстоящаго жаркаго сраженія.—Ужь не разбираетъ ли васъ зависть къ богатству Жерома?

— На это, какъ вамъ извѣстно, я весьма способенъ, уважаемая моя теща. Только въ данную минуту мнѣ это представляется нѣсколько преждевременнымъ. Пока я довольствуюсь лишь тѣмъ, что слегка забавляюсь, вспоминая, съ какимъ отвращеніемъ вы относились къ женитьбѣ Жоржа. Слышали мы въ ту пору, какъ вы раздѣлывали американокъ вообще и Вальтоновъ въ частности.

— Жоржъ продалъ себя за ихъ деньги. Онъ бросилъ семью, покинулъ родину, друзей, переселился въ Филадельфію жить на хлѣбахъ у жены. Что-жь, по-вашему, того же я желаю для моего Жерома?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Предположить это можетъ лишь тотъ, кто васъ совсѣмъ не знаетъ. Я непоколебимо убѣжденъ въ томъ, го миссъ Вальтонъ, какъ милости, будетъ просить позволенія нааждаться гарнизонною жизнью въ Буржѣ. Если позволите мнѣ ть уже вполнѣ откровеннымъ, то я всегда полагалъ, что и во анцію-то она ѣдетъ исключительно ради этого.

Глаза мадамъ де-Шанневиль изо лба лѣзли отъ злости. Жаль, было въ столовой ни одного дерева, такъ какъ я имѣю не мало чованій думать, что любезная моя теща вскарабкалась бы на

него и затѣмъ почувствовала бы нѣкоторое облегченіе. Моя жена, не сказавшая еще ни слова, проговорила тихо:

— Какой вы несносный человѣкъ!

Въ дѣйствительности же, я, быть можетъ, подпустилъ только небольшую шпилечку. Не желая доводить дѣло до апоплексическаго удара, я имѣлъ неосторожность начать успокоивать тещу:

— Какъ бы то ни было,—обратился я къ ней,—не можете же вы предполагать, что я стану мѣшать Жерому жениться на миссъ Вальтонъ, если она почувствуетъ хоть малѣйшую къ тому склонность?

Мамаша и дочка пустились въ разговоры въ то время, какъ я курилъ сигаретку и любовался гримасами мадамъ де-Шанневиль: дымъ моего табака постоянно вызываетъ у нея покушенія чхнуть, чего ей никогда не удается исполнить. Антуанета обожаетъ своего брата, такъ и должно,—это ея святая обязанность; она восхищается имъ и имѣетъ на то неоспоримое право. Я слушалъ, какъ тутъ разрабатывался цѣлый планъ кампаніи съ такою легкостью и глубиной соображеній, которыя, поистинѣ говоря, приводили меня въ восторгъ. Первый и капитальный пунктъ состоялъ въ томъ, чтобы съ минуты пріѣзда Энидъ ее, такъ сказать, конфисковать, ибо на парижскихъ улицахъ нѣтъ недостатка въ холостыхъ молодцахъ, забитыхъ фортуной и всегда готовыхъ ринуться на богатую невѣсту, только что прибывшую изъ-за океана. Мои заговорщицы привели тому очень недавній и блестящій примѣръ: ловцы отправились подкарауливать жертву на набережной Гавра.

— Мы бы могли,—замѣтилъ я шутя, — перехватить миссъ Вальтонъ въ открытомъ морѣ, воспользовавшись паровою шлюпкой, которую высылаютъ брать депеши съ пакетботовъ.

Порѣшили, однако, ограничиться дебаркадеромъ Сенъ-Лазарской станціи. Мнѣ поручено было въ тотъ же день занять помѣщеніе въ отелѣ *Вашингтонъ*, чтобъ имѣть на глазахъ и подъ руками дѣвицу, которая, съ Божьею помощью, должна сдѣлаться моею невѣсткой.

Съ краскою въ лицѣ я признаюсь въ томъ, насколько простъ я былъ, что не сообразилъ, какъ далеко должна была завести меня эта первая уступка. Въ тотъ же вечеръ я выбралъ прелестный номеръ, не торгуясь въ цѣнѣ. Я люблю роскошь и комфортъ и, если себѣ въ нихъ отказываю изъ года въ годъ, то дѣлаю это, вынужденный моимъ бюджетомъ. На слѣдующее утро моя жена и теща осмотрѣли нанятое помѣщеніе въ сопровожденіи маркиза де-ла-Перадъ.

Здѣсь я нахожу нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе и объяснить, что терпѣть я не могу этого Фернанда де-ла-Перада, что̀ ничуть не мѣшаетъ ему вѣчно торчать у насъ въ домѣ. Маркизъ холостъ, довольствуется заявленіемъ, будто ему тридцать шесть лѣтъ, хотя имѣетъ несомнѣнное право на значительно большее ихъ число. Во всякомъ разѣ, онъ былъ товарищемъ веселой жизни моего покойнаго тестя, по-королевски жуировавшаго до конца дней своихъ, какъ-то извѣстно Богу, да и мнѣ тоже, такъ какъ часть приданаго Антуанеты ушла на ликвидацію оставленныхъ имъ въ наслѣдство долговъ.

Фернандъ,—подъ предлогомъ, что онъ разорился *для* господина де-Шанневиль, тогда какъ онъ, вѣрнѣе сказать, прокутился *съ нимъ*,—завладѣлъ довѣріемъ моей тещи, и она ничего теперь не дѣлаетъ безъ его совѣта. Его нельзя, впрочемъ, назвать человѣкомъ окончательно замотавшимся въ общепринятомъ значеніи этого слова. Если онъ вынужденъ былъ забыть дорогу въ свой клубъ, то лишь потому, что не уплатилъ членскаго взноса. Число людей, у которыхъ онъ занималъ по пяти золотыхъ, безконечно, но онъ никогда не отпирался ни отъ одного изъ своихъ долговъ. Нравятся въ немъ мнѣ двѣ вещи, но симпатіи моей ничуть не возбуждаютъ: я во всемъ Парижѣ не знаю ни одного человѣка, который одѣвался бы лучше его и былъ бы забавнѣе его. По-моему, въ его положеніи пристойнѣе было бы острить менѣе усердно и носить жакетки менѣе щегольскія.

Онъ повсюду кричитъ, что умретъ холостякомъ, и никто въ этомъ не сомнѣвается, — всѣ говорятъ, что разстрѣлялъ онъ свои послѣдніе патроны, какой бы смыслъ кто ни придавалъ этому выраженію. Благодаря такой репутаціи, онъ уже никого не можетъ компрометировать. Появляйся онъ въ публикѣ съ одною и тою же женщиной хоть двадцать дней сряду, никакой сплетни изъ этого не выйдетъ. По этой части онъ—внѣ конкурса. За то надъ нимъ подтруниваютъ, и самъ онъ не стѣсняется посмѣяться. Словомъ сказать, такого повѣсить не жаль. Перейдя зрѣлый возрастъ, онъ весьма кстати похудѣлъ, а потому и видъ имѣетъ довольно моло-
вый. Онъ ѣздитъ верхомъ, катается на конькахъ, вытанцовы-
тъ котильоны, играетъ въ теннисъ, декламируетъ монологи,
граиваетъ благотворительные базары, домашніе спектакли, ка-
тья за городъ, слыветъ за человѣка, всегда и вездѣ настолько
елаго̀, что можетъ «мертваго разсмѣшить». Не знаю, удавалось
ему это когда-нибудь, но онъ несомнѣнно продѣлываетъ почти
ія же поразительныя, по нашему времени, чудеса—умудряется

смѣшить живыхъ. Въ томъ не мало помогаетъ ему и его внѣшность: его всѣми признанное безобразіе забавно и, съ тѣмъ вмѣстѣ, изящно. Но, при всемъ этомъ, ни разу въ жизни онъ не вызвалъ моей улыбки. Происходитъ же это, я полагаю, отъ того, что очень ужь имъ восхищается моя теща. Льщу себя надеждой, что меня поймутъ многіе изъ прочитавшихъ эту исповѣдь.

Ла-Перадъ удостоилъ одобрить сдѣланный мною выборъ помѣщенія для миссъ Вальтонъ, но все въ немъ перевернулъ вверхъ дномъ, переставилъ мебель, замѣнилъ мягкія кресла качалками, уставилъ столы вазами, самыхъ разнообразныхъ формъ, въ которыхъ къ пріѣзду Энидъ красовались цѣлые снопы розъ, купленныхъ на мой счетъ, разумѣется. Нельзя мнѣ было,—говорятъ,—поступить иначе, не нарушивши самыхъ элементарныхъ правилъ приличія и не подорвавши съ первой же минуты шансовъ моего шурина.

Когда скорый поѣздъ завизжалъ всѣми своими тормазами на Сенъ-Лазарской станціи, я и моя жена стояли уже на платформѣ съ поднятыми вверхъ нумерами *Фигаро*, точно собирались торговать газетами. Высокая молодая дѣвушка, не красивая, но граціозная и необыкновенно стройная, направилась прямо къ намъ, подала намъ руку и спросила о нашемъ здоровьѣ на совершенно чистомъ французскомъ языкѣ. Можно было подумать, что мы вчера только разстались съ нею. Потомъ она заявила, что готова слѣдовать за нами, предоставивши своей горничной вѣдаться съ таможенными при осмотрѣ багажа. Но служанка настолько же не понимала языка Расина, насколько Расинъ не понялъ бы ея говора, если бы вернулся къ намъ съ того свѣта.

— *You stupid thing! How provoking!*—проговорила американка, топая ногой.

Вдругъ, точно съ облаковъ свалился, предсталъ самою судьбой посланный намъ человѣкъ. Въ двѣ минуты времени онъ пожалъ мнѣ руку, точно мы невзначай встрѣтились, поздоровался съ моею женой, спросилъ, за чѣмъ мы очутились на вокзалѣ, устроилъ свое представленіе миссъ Вальтонъ. Онъ говоритъ по-англійски, нашъ молодчина де-ла-Перадъ! Разспросивши, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ:

— А я пріѣхалъ встрѣтить одного пріятеля, который, вѣроятно, не попалъ въ этотъ поѣздъ. Позвольте, миссъ Вальтонъ, помочь вашей дѣвушкѣ. Поѣзжайте отдохнуть... Да, кстати, вы гд остановитесь?

Дамы пошли впередъ, а онъ проговорилъ мнѣ на ухо:

— Меня мадамъ де-Шанневиль выслала развѣдчикомъ. Вотъ... помчусь сообщить ей, что невѣстка у нея будетъ премиленькая!

Условлено было, что миссъ Вальтонъ обѣдаетъ въ этотъ день у насъ, за-просто, втроемъ. Но такъ она, миссъ Вальтонъ, была тронута услужливостью маркиза, такъ желала выразить ему свою благодарность, что оказалось необходимымъ телеграфировать ла-Пераду и просить его превратить тріо въ квартетъ. Надо признаться, что, благодаря ему, наша гостья хохотала весь вечеръ, рта не закрывая. Не желая погрѣшить противъ правды, я считаю своею обязанностью сказать, что паразитъ нашъ явилъ себя тонкимъ дипломатомъ. Онъ до небесъ превозносилъ мою тещу. Онъ передавалъ умилительныя черты изъ дѣтства и юности Жерома, который, по его словамъ, у него на глазахъ родился. Послѣ этого институтка-француженка промечтала бы всю ночь о красивомъ артиллеристѣ. Но Энидъ была не француженка и ужь совсѣмъ не институтка. На слѣдующій день, когда мы пришли къ ней завтракать, на ея цвѣтущемъ здоровомъ лицѣ не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда безсонницы. Едва ли нужно добавлять, что она пригласила и маркиза. Фернандъ сказалъ ей что-то по-англійски и почти тотчасъ же она выразила желаніе быть представленной моей тещѣ. Я догадался, что такое желаніе подсказано ей нашимъ другомъ маркизомъ. Другъ неоцѣнимый!

II.

Я не замедлилъ восчувствовать прискорбныя послѣдствія близости къ намъ отеля *Вашингтонъ*. Когда Энидъ не было у насъ, то она мыкалась по городу съ моею женой, сдѣлавшеюся неразлучнымъ ея другомъ, опять-таки ради заманчивой будущности Жерома. Сказать правду, лично я не могу пожаловаться на то, что онѣ трепали мою особу. Обязанность быть ихъ проважатымъ всецѣло была возложена на Фернанда де-ла-Перада. Я не знаю, какъ ухитряется этотъ человѣкъ вѣчно имѣть въ карманахъ пачки билетовъ въ театры, на художественныя выставки и вообще во всѣ мѣста, почитаемыя любопытными.

Американка завтракала и обѣдала у насъ при малѣйшемъ къ ну поводѣ, а по мнѣнію моей жены, весьма неудобно было уго ть супомъ и зеленью богатую наслѣдницу, привыкшую къ рос ши страны долларовъ,—особливо, когда дѣло идетъ о томъ, что эту самую наслѣдницу усватать за брата. Просмотрѣвши счета шей кухарки, всякій подумалъ бы, что не наслѣдницу только за учили мы изъ Америки, а самое наслѣдство. Но, какъ бы то

ни было, всегда полезно имѣть шуриномъ обладателя огромнаго состоянія. Къ тому же, надо ужь все договаривать: перспектива насладиться тѣмъ, какъ теща сцѣпится съ чистокровною американкой, могла меня заставить принести самыя тяжелыя жертвы.

Состоялось и представленіе жениха. Жеромъ де-Шанневиль явился къ намъ *неожиданно*, въ полной парадной формѣ, какъ разъ къ обѣду. Мундиръ онъ на себя напялилъ по совѣту мамаши, находившей сынка особенно красивымъ въ военныхъ доспѣхахъ. Сразу выяснилось, однако, что эффектъ совсѣмъ не удался. Миссъ Вальтонъ съ сокрушительною откровенностью балованнаго дитяти объяснила намъ, что на ея родинѣ военные, въ низшихъ чинахъ, по крайней мѣрѣ, находятся въ полномъ презрѣніи. Будь эта дѣвушка склонна къ робости, она просто застыла бы отъ одного вида этого вытянутаго, холоднаго молодого человѣка, отъ его чопорной манеры, съ которою онъ черезъ-чуръ ужь почтительно приложился къ концамъ ея пальцевъ. Въ разговорѣ произошелъ плачевный перерывъ, и въ первый разъ я въ теченіе долгой четверти часа не слыхалъ веселаго смѣха Энидъ. Я видѣлъ, съ какимъ изумленіемъ ея глаза останавливались на чистѣйшей водѣ, налитой въ стаканъ Жерома. У насъ за это время, съ начала до конца обѣда, пилось только шампанское, по американской модѣ.

Чтобы поправить дѣла шурина, я постарался навести разговоръ на музыку, въ томъ соображеніи, что Жеромъ замѣчательный піанистъ. А онъ, злодѣй, сразу такъ и выпалилъ жестокимъ нападеніемъ на Вагнера. Ла-Перадъ, державшій, само собою разумѣется, нашу руку, поспѣшилъ исправить столь огромный промахъ и заявилъ, что Вагнеръ одинъ изъ всѣхъ музыкантовъ, отъ самаго сотворенія міра, вполнѣ овладѣлъ искусствомъ оркестровки.

Доподлинно зная, что маркизъ рѣшительно не способенъ отличить віолончели отъ тромбона, я такъ и ждалъ, что вотъ-вотъ мой шуринъ въ прахъ разразитъ противника. Но Шанневиль умѣетъ держать себя примѣрно, какъ примѣренъ онъ и во всемъ остальномъ. И въ данномъ случаѣ онъ ограничился лишь тѣмъ, что поднялъ глаза къ небу въ то время, какъ взоры миссъ Вальтонъ съ новою симпатіей обратились въ сторону лже-вагнеріанца. Къ концу обѣда они договорились до полнаго согласія въ томъ, что великій Рихардъ сдѣлалъ одну ошибку: онъ продолжаетъ придавать слишкомъ большое значеніе человѣческому голосу въ операхъ.

— Остатокъ рутины!—вздохнулъ Фернандъ.—Продолжатели дѣла великаго Вагнера, болѣе смѣлый, чѣмъ онъ, совсѣмъ упразднитъ современемъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Отъ такого удара Жеромъ такъ никогда и не въ силахъ былъ оправиться. Онъ было попробовалъ, какъ я подсказалъ ему, затронуть вопросъ о лошадяхъ. Но лошадей у насъ подъ руками не оказалось и все дѣло поневолѣ ограничилось чисто-теоретическими эффектами. За то у насъ имѣлось піанино. Несчастный имъ воспользовался затѣмъ, чтобы сыграть варіаціи на *Волшебную флейту* Съ миссъ Вальтонъ чуть дурно не сдѣлалось отъ отвращенія.

Начало кампаніи, направленной противъ сердца миссъ Вальтонъ, оказалось мало удачнымъ. Правда, артиллерія не была сбита съ позиціи, но и она, съ своей стороны, ровно ничего не сдѣлала. Мы имѣли удовольствіе констатировать, что Жерому больше посчастливилось при второй стычкѣ въ слѣдующее воскресенье. Мой шуринъ, видимо, не могъ противустоять чарамъ молодой американки. Онъ далъ это и ей замѣтить, что было принято вполнѣ благосклонно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Шанневиль былъ очень красивъ собою. Только, по мѣрѣ того, какъ росло его увлеченіе, онъ становился все почтительнѣе, и выраженія его уваженія напоминали фрукты, застуженные въ мороженицѣ, что продаются въ кондитерскихъ. Энидъ съ премилою готовностью подала первый сигналъ къ флирту. Но Жеромъ, французъ до мозга костей, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія объ этомъ спеціально американскомъ искусствѣ. Онъ вздыхалъ на виду у всѣхъ, кидалъ нѣжные взгляды, вмѣсто того, чтобъ уединиться и смѣяться съ миссъ Вальтонъ въ укромномъ уголкѣ, нарочно для того устроенномъ многоопытнымъ маркизомъ за ширмочкой и пальмой.

Самъ ла-Перадъ не разъ попользовался этимъ пріютомъ въ то время, когда служебныя занятія удерживали Шанневиля въ Буржѣ. Съ Энидъ, въ этихъ исключительныхъ случаяхъ, маркизъ говорилъ по-англійски, и намъ совершенно неизвѣстнымъ оставалось, о чемъ идетъ между ними бесѣда. Но, по частымъ взрывамъ смѣха, не трудно было угадать, что американка забавляется отъ всей души.

Молодая чужеземка была вообще наивна безъ жеманства, и за это приходилось снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недочеты въ ея воспитаніи и въ манерѣ держать себя. Я припоминаю одну енку, на которую кое-кто можетъ посмотрѣть, пожалуй, болѣе рого, чѣмъ я. Признаюсь, меня она очень позабавила, и не мѣаетъ добавить, что наибольшее удовольствіе доставило мнѣ искаенное, свирѣпое и отчаянное лицо моей тещи въ то время, какъ зыгрывалось это маленькое приключеніе. Миссъ Вальтонъ доставила мнѣ и другія радости въ томъ же родѣ, и... я не изъ числа знамятливыхъ на добро.

И такъ, мы только что вышли изъ-за стола,—у меня, разумѣется. Былъ тутъ Жеромъ де-Шанневиль, была и моя теща съ своимъ маркизомъ. Вслѣдствіе какой-то шутки Энидъ, ла-Перадъ и мой шуринъ подали свои бумажники молодой американкѣ. На бумажникѣ Жерома были только его иниціалы J. C., такъ какъ фамилія Шанневилей старая и хорошая дворянская, но не титулованная. А на записной книжкѣ маркиза красовалась корона такихъ размѣровъ, что въ нее хоть салфетку продѣвай. На нее-то и обратила вниманіе миссъ Вальтонъ.

Такія штуки пока еще мало извѣстны въ Заатлантической республикѣ, но... поживемъ, увидимъ! Энидъ пришла въ восторгъ отъ изящества такого геральдическаго украшенія и отъ того, какъ эффектно оно на бѣльѣ, такъ какъ ла-Перадъ, опьяненный успѣхомъ, предъявилъ намъ и свой носовой платокъ. Благодареніе Богу, по части бѣлья онъ этимъ и ограничился, но затѣмъ пошли въ ходъ поочередно: его портмоне, часы, дно его шляпы, запонки въ рукавахъ, набалдашникъ трости. Появленіе каждой коронки вызывало крикъ восторга у миссъ Вальтонъ въ то время, какъ брови мадамъ де-Шанневиль сдвигались все больше и больше. Въ первый разъ я видѣлъ,—не безъ удовольствія,—какъ моя теща окончательно обозлилась на своего любимца. Быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ господинъ этотъ тянулъ веревочку въ свою сторону болѣе, чѣмъ то согласовалось съ интересами Жерома.

Тѣмъ временемъ Энидъ замѣтила, что лицо «старой лэди» дѣлается мраморнымъ отъ выступающихъ на немъ пятенъ, и предположила, будто осуждаютъ ея энтузіазмъ, черезъ-чуръ плебейскій.

— Мнѣ это извинительно,—проговорила она очень мило.—Мнѣ въ диковинку короны маркизовъ.

— И ла-Перадамъ такъ же точно, какъ вамъ, мадемуазель,—отвѣтила мадамъ де-Шанневиль презрительно.—Вотъ почему они такъ и носятся съ этимъ украшеньицемъ.

Слѣдуетъ пояснить, что первый изъ ла-Перадовъ получилъ титулъ, да и самую фамилію, лишь въ 1829 году, въ лицѣ дѣда нашего гостя, о чемъ весьма не любитъ вспоминать этотъ эх-молодой человѣкъ. Нашъ маркизъ ничего не отвѣтилъ, ибо отвѣтить ему было нечего, но по глазамъ его я видѣлъ, что не такъ-то скоро онъ проститъ царапину, нанесенную его самолюбію. Вечеръ закончился довольно холодно. Съ тѣхъ поръ мы стали много рѣже видать господина съ коронками, хотя настоящей ссоры между нами не произошло. Что же касается миссъ Вальтонъ, то она успѣла ознакомиться съ Парижемъ какъ нельзя лучше и уже не безпокоила мою

жену просьбами сопутствовать ей, что нисколько не удивительно, когда рѣчь идетъ объ американкѣ.

Прошла первая половина іюня. Мой шуринъ получилъ отпускъ и пользовался имъ, по мѣрѣ силъ своихъ, стараясь окончательно покорить сердце Энидъ. Мадамъ де-Шанневиль была довольна.

— Дѣла Жерома идутъ на ладъ,—говорила она намъ часто.— Теперь надо только не пропустить удобнаго случая, чтобъ объясниться. Съ американками все зависитъ отъ удобнаго случая.

Насчетъ того, насколько «идутъ на ладъ» дѣла Жерома, я былъ иного мнѣнія, чѣмъ моя теща. Шло на ладъ, да не то, что было желательно,— я хочу сказать, что Жеромъ безъ памяти влюблялся въ молодую дѣвушку. Онъ доходилъ до настоящаго обожанія, съ обычными поклоненіями, вздохами и самозабвеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ бы образцовымъ влюбленнымъ для юной француженки временъ Мюссе. Но вопросъ заключался въ томъ, могъ ли онъ быть образцомъ молодого человѣка для американской дѣвицы, выросшей на родинѣ Эдиссона.

Само собою разумѣется, что я не преминулъ подѣлиться моими опасеніями съ почтенною тещей.

— Любезный зять, — отвѣтила она мнѣ,— вы разсуждаете, какъ мужчина, то-есть какъ существо, не имѣющее никакого понятія о чувствахъ. Я готова согласиться съ вами, что чувство неизвѣстно въ отечествѣ миссъ Вальтонъ. Но сама-то она на то и женщина, чтобы быть тронутой истиннымъ чувствомъ, разъ она встрѣчаетъ его на своемъ пути.

Я не выдержалъ и возразилъ:

— Какъ! По вашему мнѣнію, въ Америкѣ не сантиментальны? Какое заблужденіе! Сантиментальны въ десять разъ больше, чѣмъ во Франціи. Но за то... какъ бы вамъ это выразить?... тамъ дремать не любятъ. А нашъ артиллеристъ необыкновенно медленно настраиваетъ свои батареи. Мнѣ уже давно желательно было услыхать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Мадамъ де-Шанневиль опять вернулась къ тому, съ чего начала, и стала жаловаться на то, что не представляется удобнаго случая для Жерома.

— Съ этимъ нельзя согласиться,—возразилъ я.—Чего вамъ [illegible] недостаетъ? Не далѣе, какъ вчера, я препроводилъ ихъ па[illegible]кой на Эйфелеву башню! Не прикажете ли мнѣ устроить ка[illegible]ье на лодкѣ, во время котораго миссъ Вальтонъ станетъ тонуть [illegible]утится потомъ на берегу, безъ чувствъ, въ объятіяхъ вашего [illegible]а?

Теща выносить не могла моихъ ироническихъ фразъ и, обыкновенно, съ первой же преподнесенной порціи обращалась въ бѣгство, дрожа отъ злости. На этотъ разъ она отвѣтила съ спокойнымъ укоромъ:

— Быть можетъ, вы лучше поступили бы, еслибъ устроили хотя крошечный танцовальный вечерокъ, чтобы позабавить молодую дѣвушку. Она не разъ говорила вамъ, что обожаетъ танцы, а вы знаете, Жеромъ вальсируетъ какъ очень немногіе. Вотъ какъ поступили бы вы, если бы на самомъ дѣлѣ были расположены къ брату вашей жены. Но...

И за симъ—вздохъ, многозначительное покачиваніе головой, глаза, устремленные въ потолокъ, докончили не высказанную мысль. Не трудно было уразумѣть, что меня обвиняютъ въ самомъ постыдномъ эгоизмѣ. Теща мастерски умѣетъ не договаривать! Надо испытать это на себѣ, чтобъ узнать, до какого нервнаго состоянія она можетъ довести человѣка. Едва сдерживая бѣшенство, я отвѣтилъ:

— Хорошо, сударыня! Танцовальный вечерокъ вамъ будетъ. Безъ этого до скончанія вѣка мы будемъ слышать, что никто иной, какъ я, помѣшалъ вашему сыну жениться на его американкѣ, если она,—неровенъ грѣхъ,—не растрогается его «истиннымъ чувствомъ».

На этотъ разъ мадамъ де-Шанневиль мимо ушей пропустила иронію. Одно изъ могучихъ ея средствъ заключается въ томъ, что она придаетъ очень мало значенія формѣ, разъ добилась уступки по существу. Вечерокъ былъ ей обѣщанъ, и ей дѣла не было до моихъ улыбокъ и минъ. Въ злосчастной наивности я представить себѣ не могъ, къ чему приведетъ меня данное мною обѣщаніе.

Деликатность доведена была съ ихъ стороны до того, что со мною посовѣтовались относительно выбора дня. Потомъ все какъ будто мирно задремало въ обманчивомъ покоѣ. Очнулся я совершенно внезапно, присутствуя въ одно прекрасное утро при вскрытіи увѣсистой пачки литографированныхъ пригласительныхъ билетовъ.

— Это что такое?—возопилъ я, сразу прозрѣвши истину.

Мадамъ де-Шанневиль сидѣла у насъ и ринулась въ бой, не давши дочери сказать ни слова.

— Надѣюсь, вы не забыли, что даете вечеръ. Вотъ изъ литографіи и принесли приглашенія.

— Начать съ того, — заговорилъ я, приготовляясь къ серьезному сраженію,—рѣчь шла о танцовальномъ вечеркѣ, а не о веч-

рѣ. Наши знакомые вообразятъ, что ихъ ждетъ ужинъ на маленькихъ столикахъ, при двадцати музыкантахъ, съ ворохомъ дорогихъ бездѣлушекъ для котильона, если вы разошлете литографированныя приглашенія, точно на балъ.

— О, Боже мой, что же это за человѣкъ! — сказала теща съ медовою улыбкой.—Будьте покойны. Таперъ съ двумя музыкантами, нѣсколько графиновъ оранжада, нѣсколько букетиковъ величиной въ кулакъ для танцующихъ дамъ,—вотъ все, что требуется отъ васъ. Такъ, вѣдь, Антуанета? Не угодно ли тебѣ повторить это мужу. Надѣюсь, тебѣ-то онъ повѣритъ.

— Это все, что требуется,—повторила Антуанета, какъ эхо.— Къ тому же, миссъ Вальтонъ уѣзжаетъ на слѣдующій день послѣ вечера. Она сама намъ это сказала.

Моя жена не ошиблась въ своемъ предположеніи, что такое извѣстіе можетъ меня смягчить. Отбытіе миссъ Вальтонъ сулило возвратъ спокойствія въ нашей домашней жизни и возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ.

— Ну, хорошо, — отвѣтилъ я, собираясь уходить. — Но посовѣтуйте Жерому ужь не промахнуться въ этотъ разъ. Не то онъ такъ и умретъ съ флеръ-д'оранжевою вѣточкой, если вздумаетъ разсчитывать, что я стану помогать ему очаровывать другую американку.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней у насъ было тихо, какъ въ спокойныя времена. Даже Энидъ стала появляться рѣже, что, конечно, приводило Жерома въ отчаяніе. Если случалось ему упрекнуть молодую дѣвушку,— самымъ деликатнымъ образомъ, разумѣется, — въ томъ, что не видно ее по цѣлымъ днямъ, она отвѣчала:

— Я не выхожу отъ Ворта. Этотъ противный человѣкъ страшно задерживаетъ мои платья. А вы знаете, я уѣзжаю.

— Увы!— стоналъ артиллеристъ съ такими вздохами, отъ которыхъ тотчасъ же улетала его американка.

Такъ порывъ вѣтра уноситъ лепестки розы.

Однажды я сказалъ шурину:

— Отчего вы не ѣздите къ Ворту съ миссъ Вальтонъ?

— О!— ужаснулась моя теща и стыдливо покраснѣла.

— Ахъ, мой Богъ! — возразилъ я, пожимая плечами. — Вѣдь, не требую, чтобы Жеромъ смотрѣлъ, какъ платья примѣриваютъ. имъ есть салоны, въ которыхъ дамы часами ждутъ своей очереди.

— Какъ вы хорошо освѣдомлены! Я не знала, что ваша жена казываетъ туалеты у Ворта, — ѣхидно инсинуировала мадамъ Шанневиль.

— Я съ Жеромомъ говорю,—отвѣтилъ я хладнокровно.—Слушайте, другъ любезный, вамъ, поистинѣ, необходимо прибодриться. А потому передъ знаменитымъ вечеромъ я приглашаю васъ на обѣдъ съ шампанскимъ безъ единой капли воды. Кой чортъ! На этотъ разъ нельзя уже пропускать случая. Я хочу, чтобы вы держали себя настоящимъ гусаромъ,—гусаромъ старой школы, разумѣется.

Съ утра нашего торжественнаго дня въ домѣ начался настоящій погромъ. Выносились ковры, натирались полы, двѣ фуры отъ Белльуара привезли стулья, пюпитры, эстраду. Два метръ-д'отеля устраивали нѣчто вродѣ буфета въ моей столовой, бра съ безчисленными свѣчами появились на стѣнахъ, группы зеленыхъ растеній воздвигались, точно по мановенію волшебнаго жезла. Онѣ красовались даже въ сѣняхъ и на лѣстницѣ. Оказывалось, что я даю не вечеринку съ танцами и даже не танцовальный вечеръ, а форменный балъ.

Человѣку всегда непріятно сознавать, что его обработали, а въ особенности, когда обработала его теща. Разозлился я невообразимо, а такъ какъ мадамъ де-Шанневиль налицо не было, чтобы задать ей, какъ слѣдовало,—на это ее не заманишь,—то я и накинулся на ея дочку, которая съ первыхъ же словъ ударилась въ слезы при цѣлой ордѣ чужихъ людей. Всѣ они смотрѣли на меня съ выраженіемъ насмѣшки и негодованія, потомъ ихъ глаза обращались къ Антуанетѣ. На всѣхъ губахъ я угадывалъ одну и ту же фразу:

— Вотъ дамочка, которой частенько приходится оплакивать тотъ день, въ который она отвѣтила ему «да»!

Но весь этотъ взрывъ злости не могъ уже ни къ чему привести. Я очутился передъ «совершившимся фактомъ», излюбленнымъ дипломатами, и не было у меня Англіи, которая бы поддержала меня. Схватить шляпу, убѣжать въ клубъ, чтобы скрыть бѣшенство, приказать подать завтракъ,—вотъ все, что могъ я предпринять. Весь день я не показывался домой и пообѣдалъ съ однимъ пріятелемъ. Но, въ концѣ-концовъ, надо же было соблюсти приличія передъ обществомъ, и я вернулся переодѣться въ десятомъ часу.

Меня ждало письмо, принесенное нѣсколькими часами ранѣе. Я прочелъ его, и вдругъ стѣны моей комнаты огласились раскатами хохота, неистоваго, дикаго, отвратительнаго, по всей вѣроятности. Потомъ, напѣвая про себя бравурныя аріи, я переодѣлся, ожидая съ нетерпѣніемъ влюбленнаго наступленія счастливой минуты. Къ десяти часамъ я уже шагалъ по моей пріемной не съ философски-

покорнымъ видомъ хозяина, поджидающаго приглашенныхъ гостей, а съ кошачьими ухватками тигра, высматривающаго у источника газель, которая придетъ напиться. Газель... то была моя теща.

Явилась она, наконецъ, въ сопровожденіи сына, своего непреодолимаго Жерома. Съ улыбкой, весьма неожиданной, насколько я могъ судить по изумленію почтенной тещи, я предложилъ ей руку. Мы прошли всѣ три комнаты, залитыя яркимъ свѣтомъ. Моя жена была уже въ гостиной, восхитительная, въ совершенно новомъ туалетѣ. Я затворилъ двери изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ предстоявшему мнѣ наслажденію. Свидѣтели этой сцены посматривали на меня съ тревожнымъ любопытствомъ, предугадывая сенсаціонное сообщеніе. А я сталъ у камина и, не спуская глазъ съ моей тещи, въ осанкѣ которой еще чувствовался вызовъ, импровизировалъ слѣдующую роль:

— Мадамъ, вамъ извѣстно, по какому поводу все мое существованіе перебудоражено за послѣднія шесть недѣль. Вы знаете, ради чего мой столъ уподобился Ротшильдовскому, ради чего я сорю деньгами въ театрахъ и въ модныхъ ресторанахъ. А тѣмъ паче вы знаете, несомнѣнно, для чего я даю эту маленькую вечеринку, которая обойдется мнѣ въ четыре тысячи франковъ. Все это—на тотъ конецъ, чтобы воспрепятствовать миссъ Вальтонъ и ея милліонамъ уплыть обратно въ Америку. Порадуйтесь же, сударыня, дѣло обдѣлано какъ нельзя удачнѣе. Обворожительная американка станетъ очаровательною француженкой. Сейчасъ мы ее поздравимъ. Я только что получилъ отъ нея записку, которую и прошу васъ послушать, прежде чѣмъ гости не отвлекутъ насъ къ исполненію иныхъ обязанностей. Вотъ что пишетъ миссъ Вальтонъ:

«Cher monsieur, вы были все время такъ хороши ко мнѣ, вы и всѣ ваши, что вамъ первому я хочу сообщить о моей помолвкѣ съ маркизомъ де-ла-Перадъ. Благоволите передать это вашему семейству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы просимъ васъ, мой женихъ и я, не оглашать этого теперь, по крайней мѣрѣ, дабы мы могли быть у васъ на балѣ, что почитаемъ для себя истиннымъ праздникомъ.

Искренно преданная вамъ Энидъ Вальтонъ».

Бѣдняга Жеромъ такъ поблѣднѣлъ, что мнѣ стало жаль его отъ всей души. Что же касается моей тещи, то она совершенно растерялась и опѣшила въ первый разъ съ той поры, какъ я имѣю удовольствіе быть ея зятемъ. Но почти тотчасъ же въ глазахъ ея засверкалъ воинственный огонь славнѣйшихъ дней. Губы ея зашевелились, она же открывала ротъ, чтобы заговорить. И Богу одному извѣстно, какія милыя вещи пришлось бы мнѣ выслушать...

Но сама судьба ополчилась на нее: двѣ руки въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ растворили двери и громовой голосъ слуги выкрикнулъ:

— Миссъ Вальтонъ!... Господинъ маркизъ де-ла-Перадъ!

Самоубійство въ улицѣ Четвертаго-Сентября.

Разсказъ Жоржа Фери.

I.

Господинъ де-Карлемонъ слыветъ за человѣка ничѣмъ не занятаго, за одного изъ тѣхъ праздношатающихся людей, которые вѣчно ищутъ удовольствій, вся жизнь которыхъ есть лишь длинный рядъ приключеній, — тѣхъ людей, которые съ легкимъ сердцемъ никогда не испытали серьезной любви потому, что она отняла бы у нихъ слишкомъ много времени. Во всемъ онъ поддается только своимъ капризамъ. Встрѣча съ хорошенькою женщиной зажигаетъ цѣлый пожаръ въ его душѣ, но пожаръ этотъ ничто иное, какъ вспышка соломы, и угасаетъ онъ самъ собою.

Мѣсяца три назадъ, около четырехъ часовъ дня, де-Карлемонъ переходилъ улицу Ришельё, гдѣ и увидалъ даму, которая сразу привлекла его вниманіе изяществомъ фигуры. Встрѣчавшіеся ей прохожіе оглядывались на нее, слѣдовательно, она, должно быть, хорошенькая. Де-Карлемонъ поспѣшилъ обогнать ее и заглянуть ей въ лицо. Издали стройность незнакомки обѣщала многое, вблизи — все обѣщанное оказывалось вполнѣ осуществленнымъ. Ротъ былъ прелестный, глаза пламенные, цвѣтъ лица чистоты поразительной.

Молодая женщина не подозрѣвала, повидимому, что за нею слѣдятъ. Она повернула за уголъ улицы Четвертаго-Сентября и скоро исчезла въ воротахъ одного дома. Де-Карлемонъ поджидалъ ее нѣкоторое время и, такъ какъ она долго не выходила, порѣшилъ, что здѣсь она и живетъ. Оставалось узнать, кто она, въ виду того, что де-Карлемону она рѣшительно понравилась. Такого рода справки навести не долго въ Парижѣ, особливо тому, кто знаетъ средство развязать языкъ привратницѣ. Де-Карлемону потребовалось не болѣе четверти часа времени и одного полуимперіала расходовъ, чтобъ узнать, что молодая женщина живетъ дѣйствительно въ этомъ домѣ, что она замужемъ и что мужъ ея служитъ въ одной банкирской конторѣ.

— А какого вы мнѣнія о ней?—спросилъ де-Карлемонъ.

— О, это очень хорошая женщина, очень миленькая, очень

кроткая. Мужъ получаетъ, кажется, довольно хорошее жалованье. Она рѣдко выходитъ изъ дому, у нихъ почти никто не бываетъ и ничего дурного о ней не слышно.

Я уже сказалъ, что о Карлемонѣ сложилось такое мнѣніе, будто онъ не способенъ полюбить. Вѣрно ли оно было? До этой встрѣчи онъ и самъ не предполагалъ, что въ его сердце можетъ запасть сколько-нибудь продолжительное чувство. Пришлось, однако же, сознаться, что съ перваго взгляда эта молодая женщина произвела на него сильное впечатлѣніе, что ему страстно хотѣлось бы увидать ее опять, и хотя онъ повторялъ себѣ: «Пустяки все это, не болѣе, какъ капризъ!»—въ такомъ желаніи крылось нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ мимолетная прихоть, въ немъ сказывалась почти настоящая любовь.

Достовѣрно, впрочемъ, одно, что де-Карлемонъ въ теченіе нѣсколькихъ дней много разъ проходилъ мимо дома улицы Четвертаго-Сентября, и заводила его туда не какая-нибудь случайность, а собственная, вполнѣ сознательная воля. Такое постоянство было вознаграждено: въ одинъ прекрасный день онъ увидалъ, какъ молодая женщина вышла изъ дому.

Де-Карлемонъ—человѣкъ благовоспитанный и вполнѣ приличный. Онъ отлично сознавалъ, что нельзя ни съ того, ни съ сего подойти къ интересовавшей его женщинѣ, что это было бы очень дерзко и крайне грубо. Онъ ограничился тѣмъ, что пошелъ слѣдомъ за нею.

Влюбленнымъ сама судьба покровительствуетъ. Молодая женщина направлялась по улицѣ Риволи черезъ дворъ Лувра на ту сторону Сены и очутилась среди цѣлой сутолоки экипажей. Испуганная готовыми наѣхать на нее лошадьми омнибуса, она вскрикнула. Карлемонъ быстро схватилъ ея руку и помогъ выбраться на тротуаръ.

— О, какъ я испугалась!—проговорила незнакомка и улыбкой поблагодарила де-Карлемона.

— Волненіе сдѣлало васъ только еще болѣе очаровательною,—сказалъ онъ.

Отъ такой нѣсколько рѣзкой любезности молодая женщина сильно покраснѣла и продолжала свой путь, не отвѣтивши ни слова.

Де-Карлемонъ понялъ, что она оскорбилась, и хотѣлъ извиниться. Онъ догналъ ее и,—странное дѣло!—этотъ парижанинъ, потерявшій счетъ своимъ приключеніямъ, знавшій, при всей своей вѣжливости, что смѣлость бываетъ порою необходима, на этотъ

разъ не нашелся сказать ничего, кромѣ одного слова: «простите», и, снявши шляпу, остановился, пропустивъ мимо себя молодую женщину.

II.

Дни проходили за днями.

Де-Карлемонъ не разъ возвращался въ улицу Четвертаго-Сентября и подолгу простаивалъ передъ знакомымъ ему домомъ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что сердце непостояннаго парижанина увлечено не на шутку. И молодая женщина, съ своей стороны, не могла не замѣтить его частыхъ появленій.

Разъ утромъ, когда она вышла изъ дому, на улицѣ Друо къ ней подбѣжалъ мальчишка и подалъ письмо. Она машинально взяла его. Потомъ, одумавшись, хотѣла вернуть мальчика и возвратить ему письмо, но тотъ уже скрылся. Очень удивленная и немного встревоженная, она вернулась домой и прочла письмо, въ которомъ было написано:

«Милостивая государыня!

«Я знаю, кто вы, и знаю также, что моя любовь къ вамъ безнадежна. И, слѣдовательно, признаться въ ней—единственное мнѣ утѣшеніе. Простите, что въ этомъ я не въ силахъ былъ отказать себѣ. Я всегда готовъ исполнить всякое желаніе ваше и величайшимъ счастьемъ для меня было бы оказать вамъ услугу, при какакихъ бы то ни было обстоятельствахъ и въ чемъ бы таковая ни заключалась.

Пьеръ де-Карлемонъ».

Ниже де-Карлемонъ написалъ свой адресъ.

Отвѣта молодой человѣкъ не ждалъ, разумѣется, но слегка надѣялся на что-то въ будущемъ, мечталъ о возможности маленькаго романа, составлялъ различные планы, въ которыхъ молодая женщина занимала первое мѣсто.

На слѣдующій день де-Карлемонъ былъ вызванъ телеграммой къ больному отцу и около мѣсяца пробылъ въ провинціи.

III.

Забылъ ли онъ молодую женщину за это время?

На это я не съумѣю отвѣтить.

На другой день по его возвращеніи, часу въ первомъ, слуга доложилъ, что какая-то дама настоятельно желаетъ его видѣть.

— Какого сорта дама?—спросилъ де-Карлемонъ.

— Не могу знать, сударь. Повидимому, она сильно взволнована. Здѣсь, кажется, никогда не бывала.

— Хорошенькая?

— Хорошенькая, сударь. И, должно быть, чѣмъ-нибудь очень разстроена. Горе на лицѣ написано.

— Хорошо, попроси ее въ гостиную.

Это была молодая женщина улицы Четвертаго-Сентября. Очень хорошенькая, несомнѣнно, но, какъ вѣрно сказалъ слуга, на лицѣ ея отражалось тяжелое страданіе. Когда появился де-Карлемонъ, она подошла къ нему и тихимъ, обрывающимся голосомъ проговорила:

— Вы помните письмо, которое мнѣ писали?... Вы говорили въ немъ, что счастливы были бы оказать мнѣ услугу, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ... Такъ вотъ теперь... вы можете насъ спасти!

Де-Карлемонъ не сразу пришелъ въ себя отъ удивленія. Сомнѣнія не могло быть въ томъ, что не по доброй волѣ явилась сюда, была здѣсь эта женщина. Что же такое случилось, какое страшное несчастье заставило ее побороть всякій стыдъ и рѣшиться придти предлагать ему себя?

Я говорилъ въ началѣ, что Карлемонъ—легкомысленный человѣкъ, но онъ и честный человѣкъ также. А, впрочемъ, возможно и то, что страсть его къ этой женщинѣ успѣла погаснуть и онъ не хотѣлъ вновь разжигать ее. Какъ бы то ни было, онъ понялъ, что передъ нимъ несчастное существо, что тутъ приносится страшная жертва и что преступленіемъ было бы принять подобную жертву. Онъ забылъ о красотѣ посѣтительницы: въ эту минуту дѣло шло не объ удовлетвореніи прихоти, а о томъ, чтобы помочь въ несчастьи. Онъ взялъ обѣ руки молодой женщины и сказалъ:

— Если вы пришли сюда, то несомнѣнно вамъ грозитъ какая-то ужасная опасность, такъ какъ не могу же я обольщаться предположеніемъ, будто въ вашемъ сердцѣ есть мѣсто для любви ко мнѣ. Такъ позвольте же прямо вамъ сейчасъ сказать, успокоить васъ, что я счелъ бы себя послѣднимъ изъ негодяевъ, если бы, [illegible]здившись, что васъ завело ко мнѣ несчастье, я подло воспользо[illegible]ся такимъ случаемъ. Забудьте мое признаніе въ любви и вѣрь[illegible] что въ настоящую минуту я хотѣлъ бы быть вашимъ другомъ. [illegible]жите мнѣ всю правду: что случилось съ вами?

Деликатность де-Карлемона глубоко тронула молодую женщину, [illegible]ъ порывѣ признательности она проговорила:

— Благодарю!

Яркая краска залила ея щеки. Въ одну минуту лицо ея преобразилось, теперь оно сіяло радостью.

— Вы сказали, что я могу спасти васъ,—продолжалъ де-Карлеманъ,—что нужно сдѣлать?

Она какъ будто колебалась нѣсколько, потомъ быстро заговорила:

— Да, наша участь въ вашихъ рукахъ... Если вы захотите, мой мужъ не будетъ опозоренъ, не убьетъ себя, и я останусь жива... Вѣдь, умри онъ—и я умру.

— Вы очень любите его?

— Я-то люблю-ли?... Такъ люблю, что для спасенія его не задумалась собою пожертвовать и къ вамъ пришла... Да, люблю его, люблю даже послѣ его проступка, послѣ того, какъ онъ нарушилъ всѣ данныя мнѣ клятвы, и когда его вина губитъ насъ, я чувствую, что не въ силахъ буду жить безъ него!

— Какой же проступокъ онъ совершилъ?

— О, несчастный онъ... Онъ страстный игрокъ... И эта страсть довела его до...

У бѣдной женщины не хватило духу выговорить сразу.

— Довела до подлога,—продолжала она.—А, если бы вы знали, что я выстрадала съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что онъ играетъ, пропадаетъ по клубамъ, честью своею рискуетъ за картами... И всего ужаснѣе было сознаніе, что играетъ онъ ради меня. Онъ любитъ меня и желалъ бы окружить меня довольствомъ, роскошью, богатствомъ. Сдѣлать это на его жалованье нѣтъ никакой возможности... Тогда онъ пустился въ игру.

Чѣмъ дальше шелъ разсказъ, тѣмъ прерывистѣе становился голосъ молодой женщины.

— Я много разъ пыталась остановить его, умоляла не ходить въ игорные дома, откуда онъ возвращался блѣдный, разстроенный, съ глазами, полными слезъ, проигравшись въ конецъ... Я увѣряла его, что вполнѣ довольна нашею скромною жизнью, что ничего мнѣ не нужно, кромѣ его любви... Но онъ былъ уже на такомъ скользкомъ пути, на которомъ нѣтъ возврата... Онъ занималъ деньги у нашихъ родныхъ, у своихъ пріятелей, и проигрывалъ, постоянно проигрывалъ... Тогда...

— Ну, и что же потомъ?—спросилъ де-Карлемонъ.

— Вы угадываете, конечно... Онъ совсѣмъ потерялъ голову и такъ какъ денегъ на игру достать уже негдѣ было, такъ какъ наши средства были окончательно истощены и занять больше не у кого онъ укралъ... И захватилъ онъ ваши деньги..

— Мои деньги?—спросилъ де-Карлемонъ растерянно.

— Да, ваши деньги... Мой мужъ служитъ въ банкирской конторѣ братьевъ Бланшаръ, гдѣ хранятся ваши фонды... Мой несчастный мужъ скралъ чековую книжку, выписалъ нужную ему сумму и поддѣлалъ вашу подпись, которую видалъ много разъ. Получить деньги онъ попросилъ одного изъ пріятелей.

Де-Карлемонъ скоро оправился отъ изумленія, раздумывая о необычайной странности случая, роковымъ образомъ приведшаго къ нему хорошенькую женщину, которую онъ не думалъ никогда уже встрѣтить.

— Правда, мои деньги есть на текущемъ счету у Бланшаровъ,—сказалъ онъ, помолчавши немного.—Не можете ли вы сказать, какъ велика сумма, взятая вашимъ мужемъ?

— Шесть тысячъ франковъ.

— Какъ же вамъ-то онъ сообщилъ объ этомъ?

— Пріятель, помогавшій ему въ этомъ дѣлѣ, арестованъ за многочисленные противузаконные поступки, онъ-то и выдалъ моего мужа... Вчера, когда онъ пришелъ въ контору, г. Бланшаръ позвалъ его къ себѣ, сталъ разспрашивать... Мужъ далъ, повидимому, удовлетворительныя объясненія, завѣрилъ, что все это не болѣе, какъ клевета, но, вернувшись домой, признался мнѣ во всемъ... Тутъ же онъ сказалъ мнѣ ваше имя... И надо же было, чтобы захватилъ онъ ваши, именно ваши деньги!... «Я погибъ,—сказалъ онъ мнѣ,—обратятся теперь къ г. де-Карлемонъ и откроется, что подпись на чекѣ подложная»... Какъ передать вамъ мое отчаяніе! Все существованіе наше рушилось въ ужасающую грязь. О, какая мучительная ночь! Что предпринять? Гдѣ добыть шесть тысячъ франковъ? Мужъ метался по комнатѣ, рвалъ на себѣ волосы, повторялъ, что ничего ему больше не остается, какъ покончить самоубійствомъ... Я вспомнила про ваше письмо и сказала мужу: «У меня есть подруга дѣтства, она, навѣрное, не откажется помочь намъ, я пойду къ ней!»

Молодая женщина страшно поблѣднѣла и, лихорадочно, съ рѣшимостью отчаянія, продолжала:

— И вотъ я пришла сюда... Видите, сопротивленіе мое не при[illegible]ло ни къ чему, я вынуждена сдаться, мнѣ суждено было очу[illegible]ться въ вашей власти... О, я знаю, насколько ужасно то, что я [illegible]лаю, я знаю, что мерзость это... Но я должна спасти мужа, [illegible]лжна помѣшать его самоубійству!

Въ то время, какъ несчастная, обезумѣвшая женщина выска[illegible]вала эти тяжелыя признанія, де-Карлемомъ глубоко задумался.

— Сударыня,— заговорилъ онъ, наконецъ,— идите вы къ вашему мужу. Черезъ нѣсколько минутъ я буду у васъ. Я скажу, что, извѣщенный Бланшарами о его дурномъ поступкѣ, я собралъ и навелъ справки о вашемъ мужѣ, узналъ, что онъ былъ жертвою страсти къ игрѣ, и что если онъ дастъ слово никогда больше не играть, я готовъ простить ему, готовъ заявить, коли то потребуется, что чекъ подписанъ мною.

— О, какъ вы добры!—воскликнула молодая женщина.—Сможемъ ли мы когда отблагодарить васъ?

На лицѣ де-Карлемона скользнула улыбка.

— Вы дали мнѣ случай убѣдиться въ томъ, что я немного лучше, чѣмъ думалъ о себѣ, — сказалъ онъ, — а за это стоитъ принести маленькую жертву.

IV.

Часъ спустя де-Карлемонъ подходилъ къ знакомому дому въ улицѣ Четвертаго-Сентября.

Тамъ тѣснилась довольно большая толпа людей. Всѣ, казалось, были взволнованы, говорили о какомъ-то несчастьи, о преступленіи.

Де-Карлемонъ началъ разспрашивать, потомъ поднялъ глаза на домъ, передъ которымъ все разросталась толпа, и поблѣднѣлъ.

Въ этомъ домѣ жила та хорошенькая женщина, что приходила къ нему всего часъ назадъ.

Де-Керлемонъ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ, протѣснился впередъ и узналъ, наконецъ, что одинъ изъ жильцовъ дома выбросился изъ окна и убился до смерти.

Охваченный тревогой, молодой человѣкъ бросился къ двери и вошелъ въ домъ. На лѣстницѣ была давка. Вдругъ послышались голоса.

— А, вотъ и полицейскій приставъ!

Явился чиновникъ полиціи для производства установленнаго дознанія.

Де-Керлемонъ обратился съ вопросомъ къ швейцару и, узнавши, въ чемъ дѣло, быстро взбѣжалъ на лѣстницу. На площадкѣ пятаго этажа онъ очутился передъ группой изъ нѣсколькихъ человѣкъ, суетившихся вокругъ молодой женщины, лежавшей на полу въ глубокомъ обморокѣ. То была недавняя гостья де-Карлемона.

Не трудно было угадать подробности только что разыгравшейся драмы.

Въ то время, какъ жена отправилась къ де-Карлемону, мужъ воспользовался ея отсутствіемъ и рѣшилъ покончить съ собою. Онъ открылъ окно и бросился на мостовую. Когда несчастная вернулась домой, было уже поздно. Скрыть отъ нея страшное событіе не оказывалось никакой возможности, и она упала безъ чувствъ въ нервномъ припадкѣ.

«Бѣдняжка!» Дрожь пробѣжала по тѣлу де-Карлемона. Въ головѣ пронеслась мысль, что онъ могъ воспользоваться самопожертваніемъ молодой женщины, и тогда ему представилась эта несчастная переживающею жестокія мученія напрасно принятаго на себя позора, раскаянія въ безполезномъ паденіи.

«И выходитъ,—думалъ онъ про себя,—что хорошо бываетъ поступить великодушно!»

Въ то время, какъ одинъ изъ жильцовъ дома сообщалъ ему кое-какія подробности, де-Карлемонъ прошелъ въ квартиру самоубійцы, дверь въ которую оставалась отворенною. На виду лежащая на столѣ бумага тотчасъ же привлекла его вниманіе. Онъ взялъ ее и прочелъ нижеслѣдующія строки:

«Я укралъ деньги. Возвратить присвоенную сумму не имѣю возможности. Меня должны арестовать, и я убиваю себя. Прошу мою бѣдную, дорогую жену простить мнѣ все причиненное ей мною горе. О ней моя послѣдняя мысль».

— Поздно пришелъ я, чтобы спасти его,—проговорилъ самъ себѣ де-Карлемонъ,—но я могу, по крайней мѣрѣ, спасти честь его и имя, которое онъ оставилъ своей вдовѣ.

И онъ положилъ въ карманъ записку самоубійцы.

— Пусть думаютъ,—прибавилъ де-Карлемонъ,—что несчастный убилъ себя въ припадкѣ умопомѣшательства.

М.

Ясь не дождался.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Въ убогую избу явился гость желанный:
Весенній, майскій лучъ, пробившись сквозь стекло,
Раскинулъ по стѣнамъ коверъ золототканный
И по землѣ снопомъ разсыпался свѣтло;
Стрѣлою золотой онъ палъ на столъ сосновый,
На грязный, въ дырахъ весь, изъ старыхъ досокъ полъ,
На сломанный «тапчанъ» *) съ заплатанной панёвой,
На печь, гдѣ вѣтерокъ остывшій пепелъ мѣлъ,
И образъ, что сіялъ немеркнущею славой
И ярко такъ сверкалъ подъ кровомъ бѣдняка,
Какъ будто бы могъ Тотъ, чья чудная рука
Спасаетъ бѣдняковъ, Господь благій и правый,
Сокровища собравъ, предстать у алтаря
Въ игрѣ дневныхъ лучей и свѣтломъ облаченьи
Передъ толпой людей, чья жизнь—одно мученье,
Кому тяжка и ночь, и ясная заря!...

* *
*

То былъ воскресный день... Съ поникшей головою
Сидѣлъ столяръ въ избѣ, прижавшися къ стѣнѣ,—
Въ ней капли сырости то искрились росою,
То струйкой по стѣнамъ катилися онѣ.
Разбуженный отъ думъ весенними лучами,
Услышалъ онъ возню задорныхъ воробьевъ,
Потомъ обвелъ избу потухшими глазами,
На солнце поглядѣлъ, на яркій блескъ кустовъ

---

*) *Тапчанъ*—широкая лавка въ крестьянскихъ избахъ, замѣняющая кроват

И тихо прошепталъ, печально и устало:
«Весны не встрѣтилъ Ясь!»
И, на сосновый столъ рукой облокотясь,
Отеръ съ рѣсницъ слезу, что очи застилала,—
Большую, мутную, тяжелую слезу,—
Какъ будто бы она не каплей водяною
Скатилась изъ очей, а камнемъ, что душою
Наружу выброшенъ въ ненастье и грозу.

* *
*

Суровая зима минула... Хлопья снѣга,
Какъ духи свѣтлые, межь небомъ и землей
Носились цѣлый день, закрывши даль собой...
Морозный вихрь крѣпчалъ, и отъ его набѣга
Дрожали въ часъ ночной и стѣны, и изба,
Въ которыхъ рѣдко сытъ бѣднякъ тяжелой пищей,—
Меньшихъ дѣтей своихъ не балуетъ судьба!—
Гдѣ, наготу прикрывъ отрепьемъ, полунищій,
Онъ принужденъ всю жизнь работать на семью,—
Морозу подставлять и вьюгамъ грудь свою.
Суровая зима была!... Въ печи холодной
Огонь не каждый день могъ развести столяръ,
Не каждый день вился надъ теплой пищей паръ...
Съ работы возвратясь, усталый и голодный,
Не въ силахъ ужь владѣть пилой и топоромъ,
На лавку отдыхать, какъ мертвый, онъ валился...
А Ясь больной, межь тѣмъ, блѣднѣе съ каждымъ днемъ
И тише съ каждымъ днемъ замѣтно становился;
Онъ таялъ, какъ свѣча, и постепенно гасъ...
Усѣвшись на полу и хлѣбъ держа руками,
Ясь не спускалъ съ отца своихъ печальныхъ глазъ,
Какъ тѣ, что просятъ ѣсть лишь взглядомъ—не словами!

* *
*

Ясь скоро слегъ совсѣмъ; отца улыбкой онъ
Издалека встрѣчалъ, безсильный приподняться...
Испуганный столяръ не зналъ, за что и браться...
Давила жалость грудь, изъ сердца рвался стонъ...
Въ объятья сына взявъ, онъ грѣлъ его дыханьемъ,—
Казалося ему, что холодѣетъ Ясь...
То къ Богу онъ взывалъ и падалъ ницъ, молясь,

То бился объ стѣну съ мучительнымъ рыданьемъ;
И слабо искрилась обмерзшая стѣна,
Какъ перлами, росой холодной убрана.

* *
*

Поутру заложилъ столяръ пилу и столъ онъ
На части разрубилъ, въ печи огонь развелъ,
Потомъ призвалъ врача... Врачъ молодой нашелъ,
Что вреденъ воздухъ здѣсь, что воздухъ гнилью полонъ,
И сырость страшная въ избѣ гнѣздо свила,
Что за больнымъ уходъ возможно лучшій нуженъ,
Просторная изба, поболѣе тепла,
Удобная постель, да пища чтобъ была
Свѣжа и горяча, на завтракъ и на ужинъ.
Не зналъ, коль Ясю дни судьба еще продлитъ,
То солнышко весной больного исцѣлитъ,
И, повторивъ отцу: «тутъ холодъ невозможный»,
Врачъ вышелъ изъ избы... Въ тоскѣ стоялъ отецъ
И тупо вслѣдъ глядѣлъ, безъ жизни, какъ мертвецъ...
А вѣтеръ, между тѣмъ, струей неосторожной
Гасилъ въ печи огонь и бился такъ въ окно,
Какъ будто бы въ избу хотѣлъ ворваться смѣло.
Отъ холода лицо ребенка посинѣло...
Онъ протянулъ къ отцу рученки, но темно
Какъ будто сдѣлалось, онъ вздрогнулъ, заметался...
И, въ бѣлый саванъ вся закутана, его
Смерть тихо унесла изъ царства своего...
Ни солнца, ни весны ребенокъ не дождался!

* *
*

Въ могилѣ Ясь лежитъ, и солнца жгучій лучъ
Не оживитъ его, какъ ни былъ бы могучъ,
И не увидитъ онъ чудесъ живой природы,
И не подниметъ онъ отяжелѣвшихъ вѣкъ...
Ни знаній яркій свѣтъ, ни чудный свѣтъ свободы
Не скажетъ никогда ему: «ты человѣкъ!»

* *
*

Ахъ, сколько есть такихъ могилъ на бѣломъ свѣтѣ!
Ихъ сторожитъ печаль... Намъ надо много силъ,
А жертвы смерть слѣдитъ и ставитъ всюду сѣти,

И больше съ каждымъ днемъ безвременныхъ могилъ.
Вѣдь, этотъ рядъ гробовъ, великій и ужасный,
Пытливые умы смущающій давно,
Вѣдь, это—пустоцвѣтъ, вѣдь, это—сѣвъ напрасный,
Отъ стужъ и холодовъ погибшее зерно!
По трупамъ бѣдныхъ жертвъ, чрезъ раннія могилы,
Въ молчаньи гробовомъ, проходятъ племена,
Народы вдаль идутъ, въ дорогѣ тратя силы,
Такъ гордо, точно имъ въ грядущемъ цѣль видна...
О, братья, неужель въ томъ вашей нѣтъ вины,
Что не дождался Ясь весны?

Мих. Горбановскій.

ДУХОВИДЦЫ.

I.

Передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться совѣтникомъ губернскаго правленія, Игнатій Васильевичъ едва не одичалъ въ своей глухой деревнюшкѣ. Въ молодости онъ затѣвалъ и то, и сё; потомъ подвергся внезапному сокращенію и впалъ въ мечтательность,—говорили, что устремился въ сферу разныхъ ядовитыхъ проблемъ и странныхъ настроеній до такой даже степени, что хотѣлъ обратиться въ простеца, по Толстому. Но тогда будто бы вмѣшалась энергичная и съ общественною жилкой жена его, Нина Аркадьевна. Въ одно время она рѣшительно опустошила его кабинетъ отъ всякаго рода философскихъ книгъ и литографированныхъ тетрадокъ, привезла мужа въ городъ и, съ помощью своего отца, вліятельнаго въ министерствѣ, безъ всякихъ проволочекъ опредѣлила на службу. Въ результатѣ вышелъ пріятный домъ, гдѣ собирались по четвергамъ, гдѣ всему давала тонъ умная, красивая и предпріимчивая хозяйка, а хозяинъ, если находилъ подходящаго собесѣдника, сиднемъ сидѣлъ въ кабинетѣ или съ разсѣяннымъ видомъ слонялся между гостей, какъ необходимая, но безполезная декоративная принадлежность.

Обыкновенно въ четвергъ у нихъ обѣдали пять-шесть избранныхъ знакомыхъ, а часамъ къ девяти собиралась и остальная публика. Я опишу одинъ изъ такихъ четверговъ, начавшійся какъ будто и безъ всякихъ предзнаменованій, но имѣвшій послѣдствіемъ страшное и неожиданное событіе, на-дняхъ взволновавшее нашъ городъ.

Еще за десертомъ, когда мужчины закурили, а Нина Аркадьевн
ушла переодѣваться, податной инспекторъ Алексѣй Ивановичъ,-
миловидный и толстощекій малый, слегка смахивающій на откор
леннаго кота,—круто оборвалъ тягучую бесѣду о задачахъ предп

лагаемаго министерства земледѣлія и завелъ рѣчь о магахъ, о символистахъ, о новѣйшей вѣрѣ въ чудесное и чрезвычайное. Мало-по-малу разговоръ принялъ столь любезное для Игнатія Васильевича направленіе, что онъ вышелъ изъ своей декоративной неподвижности и необыкновенно оживился. Я видѣлъ, что Алексѣй Ивановичъ внутренно помираетъ со смѣху: онъ посматривалъ на насъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто завелъ игрушку съ курьезнымъ и занимательнымъ механизмомъ. Кое-кто улыбался, кое-кто возражалъ Игнатію Васильевичу, болѣе, впрочемъ, для того, чтобы раззадорить. Горничная объявила, что поданъ кофе, и мы перешли въ кабинетъ.

— Вотъ вы не вѣрите, а я вамъ истинно говорю, что существуютъ такія мистическія мѣста, — сказалъ Игнатій Васильевичъ и, точно въ подтвержденіе этихъ словъ, придалъ добрымъ и разсѣяннымъ глазамъ своимъ какое-то таинственное выраженіе. Алексѣй Ивановичъ придвинулся съ своею чашкой къ пылавшему камину и воскликнулъ, небрежно улыбаясь:

— Докажите, докажите!

— Да что доказывать?—продолжалъ Игнатій Васильевичъ, избѣгая смотрѣть на податного инспектора и обращаясь ко всѣмъ намъ.—Это, милостивые государи, чувствуется, а не доказывается. Болотце какое-нибудь въ чистомъ полѣ, курганъ надъ рѣкою, лощинка съ порыжѣвшею осокой,—ну, самый что ни на есть ничтожнѣйшій штрихъ, и вдругъ... вѣетъ на тебя чѣмъ-то, жутко, страшно. Да вотъ не далеко ходить...

— Вы, Игнатій Васильевичъ, опять за ваши сказки? — строго произнесла, появляясь въ дверяхъ, нарядная Нина Аркадьевна.

Онъ бѣгло взглянулъ на насъ, смѣшался, въ рыхлыхъ чертахъ его мелькнуло что-то страдальческое. Потомъ проговорилъ какимъ-то заученымъ голосомъ:

— Хе, хе... да, дѣйствительно... Неугодно ли, милостивые государи, составить винтикъ?

Трое изъ нашей компаніи съ явнымъ удовольствіемъ поднялись съ мѣстъ и направились съ своими чашками въ другія комнаты. Хотѣлъ было присоединиться къ нимъ и Алексѣй Ивановичъ и, какъ кажется, тоже съ удовольствіемъ, но, вмѣсто того, нерѣшительно потоптался, похлопалъ Игнатія Васильевича по плечу и ласково назвалъ его «баснописцемъ». Меня поразило несоотвѣтствіе дружелюбной улыбки, сдѣланной Игнатіемъ Васильевичемъ, съ тою болѣзненною гримасой, которая мимолетно пробѣжала по его лицу.

— Останьтесь, Алексѣй Ивановичъ, разскажите намъ что-ни-

будь интересное, — сказала Нина Аркадьевна, располагаясь въ креслѣ.

— Но какже безъ четвертаго?—возразилъ податной инспекторъ.

— Ничего, сыграютъ съ открытымъ. Вы, m-r Раичъ, конечно, не станете винтить?

Раичъ... Но объ этомъ господинѣ по преимуществу необходимо разсказать. Онъ былъ человѣкъ новый въ нашемъ губернскомъ городѣ. Говорили, что у него прекрасное имѣніе, лишь отчасти разстроенное невыгоднымъ контрактомъ съ крестьянами; затѣмъ говорили, что онъ семь лѣтъ провелъ въ ссылкѣ. Жилъ онъ теперь странно и глухо; почти нигдѣ не бывалъ, никого не принималъ,— впрочемъ, имѣлъ собственный экипажъ и одѣвался щегольски. Онъ былъ молчаливъ до неприличія, а иногда до неприличія рѣзокъ и вообще не обладалъ пріятными въ общежитіи качествами. Однако, ему все это прощалось, отчасти оттого, что онъ былъ богатъ и вновѣ, отчасти за интересное прошлое, главнымъ же образомъ—за его дѣйствительно замѣчательное лицо. Вообразите себѣ почти голый черепъ, уста безъ улыбки, безукоризненно правильныя черты и мрачный, пристальный, холодный взглядъ. Чувствовалась въ этомъ лицѣ какая-то крупная, насильственно скованная сила, и эта сила невольно внушала уваженіе мужчинамъ и волновала самыхъ безпардонныхъ женщинъ. Конечно, можетъ быть, и оттого, что къ нему не привыкли, что рѣзкіе штрихи его фигуры еще не обтерлись въ безпрестанномъ вращеніи по клубамъ и гостинымъ, что нивеллирующій лакъ губернскаго общежитія еще не успѣлъ облицевать его. Онъ появился у насъ три года тому назадъ, изъ которыхъ мѣсяцевъ шесть, во время голода, пропадалъ неизвѣстно гдѣ.

И такъ, Раичъ молча взглянулъ на Нину Аркадьевну и затѣмъ, повернувшись къ Игнатію Васильевичу, спокойно произнесъ:

— Вы изволили остановиться на словахъ: вотъ недалеко ходить?

Тотъ растерянно взмахнулъ бровями и притворился, что не слышитъ.

— Кофейку бы намъ еще, Нина Аркадьевна,—сказалъ онъ.— Алексѣй Ивановичъ, разскажите, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь интересное.

— Что же, развѣ посплетничать? — отвѣтилъ податной инспекторъ.

— Но у васъ большой запасъ наблюденій,— быстро и внушительно перебила его Нина Аркадьевна, — вы открывали столовыя спасали, поднимали духъ, бодрость, вѣру въ добро...

Вдругъ лицо Раича выразило неописуемое отвращеніе.

— Вы изволили остановиться на словахъ: вотъ не далеко ходить?—повторилъ онъ, снова обращаясь къ Игнатію Васильевичу.

Хозяйка переглянулась съ Алексѣемъ Ивановичемъ и едва замѣтно повела плечами; тотъ смѣшливо скривилъ ротъ. Странное дѣло! Въ чертахъ добрѣйшаго Игнатія Васильевича я опять подмѣтилъ страданіе.

— Вы наете Грачи, рощу за городомъ?—вскрикнулъ онъ даже съ какимъ-то отчаяніемъ, стараясь не смотрѣть на жену. — Ну, такъ вотъ-съ: я боюсь этого мѣста. Вѣетъ чѣмъ-то, тоска въ этомъ пейзажѣ, тайна-съ. Вы думаете, случайность, что не проходитъ пяти лѣтъ, какъ кто-нибудь либо застрѣлится, либо удавится въ этой рощѣ? Врядъ ли случайность. Легко, конечно, смѣяться, но есть мистическія мѣста, есть-съ!... Я, душенька, пойду распоряжусь насчетъ кофе.

Послѣднія слова Игнатій Васильевичъ проговорилъ точно опомнившись и тотчасъ же выбѣжалъ.

Нина Аркадьевна молчала, насупивъ брови; податной инспекторъ безпечно замурлыкалъ и еще больше сталъ походить на кота. Я чувствовалъ себя неловко.

— Вотъ вамъ результатъ деревенской жизни!—сказала, наконецъ, Нина Аркадьевна, болѣе обращаясь къ Раичу.—А какъ меня винили, когда, десять лѣтъ назадъ, я оставила Игнатія Васильевича одного и переѣхала для воспитанія дѣтей въ Москву. Я не спорю, дѣятельность въ народѣ необходима, но дайте же свободно дышать, дайте общество, средства, возможности. И, притомъ, не въ такой же деревнѣ жить, какъ наша. Представьте, уединенный хуторъ; кругомъ степь; рѣка въ двухъ верстахъ, за рѣкою лѣса и опять степь. Лѣтомъ ничего себѣ; весною даже хорошо. Но Игнатій Васильевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ самымъ ужаснымъ временамъ года. Возвратившись изъ Москвы, я руками всплеснула. Вѣтеръ, дождь, ненастье или свирѣпая вьюга, а онъ въ восторгѣ. Уходитъ, уѣзжаетъ, запирается въ своемъ кабинетѣ, — крыша гремитъ, въ трубѣ воетъ, ставни хлопаютъ. И вы думаете онъ охотникъ, хозяинъ, культурный дѣятель, наконецъ? Да, всего было понемногу, а кончилось... видите чѣмъ? Право, я боялась душевной болѣзни. У него вошло въ потребность раздражать нервы разнымъ вздоромъ. На крышахъ развелъ семейство совъ. Въ осеннія ночи ходилъ въ развалившійся кирпичный сарай... говоритъ, какая-то особенная музыка вѣтра. Но чего я суевѣрно боялась—это его одинокихъ прогулокъ къ рѣкѣ. Тамъ есть плёсъ,— называютъ его Θединымъ,—

по-моему самое обыкновенное мѣсто, какъ и вотъ эти Грачи, но когда-то тамъ провалился конюхъ его отца вмѣстѣ съ табуномъ лошадей, и вотъ Игнатій Васильевичъ все чаще сталъ уходить туда и возвращался на себя не похожій. Въ первые годы нашей деревенской жизни объ этомъ плёсѣ помину не было: весело дѣлалась трезвая, культурная работа. Послѣ явились «независящія обстоятельства»... потомъ странности, парадоксы, скептическое отношеніе къ общественности, истерическое настроеніе. Вотъ тутъ-то, между прочими раздраженіями, понадобилось намъ вспомнить и это старое происшествіе, увидѣть въ немъ какое-то memento mori. О, до чего я страдала, возвратившись изъ Москвы въ деревню! Повѣрите ли, я хотѣла оставить Игнатія Васильевича, бѣжать, всецѣло отдать себя какому-нибудь общественному предпріятію,—дѣвочки мои были уже въ институтѣ. Но вотъ при немъ скажу,—она указала на податного инспектора, который въ это мгновеніе даже зажмурился отъ удовольствія,—онъ меня спасъ, онъ напомнилъ мнѣ мои обязанности. Мы напали на Игнатія Васильевича, убѣждали, доказывали... убѣдили, наконецъ, переѣхать въ городъ и поступить на службу. Службу посовѣтовалъ N.,—она назвала знаменитаго психіатра.—Я знаю, меня нѣкоторые обвиняютъ. И будто я испугалась его увлеченія Толстымъ и что раздастъ имѣніе. Какой вздоръ! Во-первыхъ, имѣніе давно перешло ко мнѣ и, во-вторыхъ, Игнатій Васильевичъ болѣе раздражалъ Толстымъ свои нервы, нежели умъ, такъ же, какъ музыкой вѣтра въ сараѣ... Насилу-то я ожила. Я успѣла здѣсь, съ помощью Алексѣя Ивановича, осуществить кое-что. Вотъ познакомимтесь ближе, m-r Раичъ: право же, я не совсѣмъ похожа на губернскую даму. Алексѣй Ивановичъ слишкомъ скромный человѣкъ... Другъ мой, не перебивайте меня; всегда скажу, что вы вводите въ заблужденіе вашею внѣшнею безпечностью. Но вы, m-r Раичъ, сойдитесь и съ нимъ, оцѣните его,—увѣряю васъ, пріобрѣтете союзника на все серьезное.

Нина Аркадьевна остановилась и, съ преувеличенно любезною улыбкой, въ которой сквозило, однако, затаенное безпокойство, взглянула на Раича. Но онъ упорно молчалъ. Тогда я замѣтилъ, какъ затрепетали углы ея губъ и въ глазахъ мелькнуло выраженіе непритворной горечи.

— У насъ, конечно, собираются и не серьезные люди. Вотъ, напримѣръ, играютъ въ карты,—произнесла она упавшимъ голосомъ.—Но, вѣдь, безъ компромисса невозможно. Въ наше съ вами время, м-г Раичъ, это-то и забывали, что безъ компромисса невозможно.

— Компромиссъ компромиссомъ,—вмѣшался съ несвойственною ему живостью податной инспекторъ,—но въ нашей подлой дѣйствительности столько мрази, запаховъ и проблемъ, что ей-Богу же надо и развлечься. Самъ Бѣлинскій отдыхалъ за преферансомъ.

Нина Аркадьевна покраснѣла.

— И это...—нерѣшительно выговорила она.

Горничная внесла кофе, а за нею появился Игнатій Васильевичъ.

— Мазараки пріѣхали,—сказалъ онъ Нинѣ Аркадьевнѣ и съ напускною развязностью добавилъ:—каковъ нашъ Владиміръ Петровичъ: безъ трехъ въ маленькомъ шлемѣ остался!

— Не можетъ быть!—воскликнулъ, вскакивая съ мѣста, податной инспекторъ и устремился къ игрокамъ. Нина Аркадьевна еще разъ взглянула на Раича,—какое смущеніе и вмѣстѣ какой вызовъ сказались въ этомъ взглядѣ!—и пошла встрѣчать Мазараки.

Насъ осталось трое. Въ каминѣ, попрежнему, горѣлъ огонь. Игнатій Васильевичъ подозрительно взглянулъ въ дверь, притворилъ ее, потомъ потушилъ лампы и, погрузивши такимъ образомъ комнату въ полумракъ, подсѣлъ къ намъ.

— Такъ-то вотъ лучше,—прошепталъ онъ, лукаво подмигивая и потирая руки. Раичъ серьезно кивнулъ ему головою.

— Теперь съѣзжаться станутъ,—продолжалъ Игнатій Васильевичъ тѣмъ же интимнымъ полушепотомъ,—сначала: «тыръ-тыръ-тыръ»... все сплетни, да какъ поднять агрикультуру; потомъ музыка... это я люблю издали; потомъ госпожа Селезёнкова споетъ... а тамъ и ужинъ... Хе, хе, а мы вотъ посидимъ до ужина въ потемочкахъ... въ забвеніи!

— Вы изволите говорить, въ Грачахъ регулярно происходятъ самоубійства?—спросилъ Раичъ.

— Ага, васъ это интересуетъ?—подхватилъ Игнатій Васильевичъ.—Да-съ, очень регулярно. И нельзя-съ. Вы только подойдите къ рощѣ, тотчасъ же заноетъ сердце. Стоитъ на обрывѣ, по опушкамъ сосны, внизу мрачный прудъ, кругомъ жидкія поля, пески, кустарникъ... Нѣтъ, существуютъ такія мистическія мѣста. Знаете что я вамъ доложу?—въ нѣдрахъ природы скрыто великое страдніе. Вы полагаете, ей какъ съ гуся вода губить, разлагать, здѣйствовать... и зачѣмъ, зачѣмъ? Ахъ, милостивые государи, ей-богъ какъ съ гуся вода, она бы безпрерывно ликовала. Анъ не ликуетъ! Вѣтеръ жалобно плачетъ, обнаженный лѣсъ содрогается отъ стенаній, осеннія тучи исходятъ слезами... О чемъ же, о чемъ?... Вы скажете: эта ипохондрія находитъ на нее временами...

Вѣрно-съ; но мѣста, о которыхъ я говорю, круглый годъ ужасны. Все равно какъ человѣчество. Сколько страданій! Весь внутренній смыслъ его существованія напоенъ ядомъ... да-съ, а глядишь—оно ликуетъ себѣ, влюбляется, плодится, поетъ, пляшетъ. И только прозорливѣйшіе знаютъ, что это сонъ, тщета, тѣнь отъ бѣгущаго дыма, что страшно жить.

— Да-съ, милостивые государи, истина въ томъ, что страшно жить,—и Игнатій Васильевичъ неожиданно всхлипнулъ.—Нина Аркадьевна, конечно, съ своей точки зрѣнія... Алексѣй Ивановичъ тоже... Перевезли вотъ меня... служу... Гм... гм... О чемъ бишь? Ага! съ человѣчествомъ тоже случается всеобщая ипохондрія, ноябрь. Вообразите вы глушь и темень среднихъ вѣковъ, костры, разбои, пытки, злодѣйства, походы дѣтей въ Палестину; или еще ближе—какую-нибудь традцатилѣтнюю войну: люди дичали и бродили въ лѣсахъ, не убранные трупы валялись по дорогамъ, волки рыскали въ опустѣвшихъ деревняхъ... Но это прошлое; вообразите теперь грядущее, то, что̀ предсказано въ откровеніи Іоанна и что̀ сбудется, сбудется... Вотъ что произойдетъ не нынѣче, завтра. Храмы, галлереи, дворцы—въ развалинахъ; чудеса искусства—въ дыму пожаровъ, и всюду опьяняющій запахъ крови, расторгнутыя связи, разнузданныя страсти. Взрывы, выстрѣлы, зловѣщій грохотъ барабановъ... Народъ на народъ, классъ на классъ, братъ на брата... И съ какими дьявольскими средствами истребленія!... Тогда-то восплачетъ земля голосами обезчещенныхъ женщинъ, замученныхъ дѣтей, осиротѣлыхъ старцевъ... Въ семьдесятъ первомъ году это грядущее слегка отдернуло завѣсу, глянуло на насъ кровавымъ своимъ окомъ... Но глупые тѣмъ-то и глупы, что смѣлы: никто не оледенѣлъ отъ ужаса, никто не опомнился. Будетъ имъ за это ноябрь, тридцатилѣтній, столѣтній!... Хе, хе, вамъ смѣшно, что совѣтникъ русской службы дерзаетъ пророчествовать? Ничего-съ, всякое случается. Но не въ томъ дѣло. Кто это сказалъ Пушкину, что природа—равнодушная? Хе, хе, равнодушная!... Или еще толкуютъ: природа, молъ, зеркало человѣка; что въ человѣкѣ, то и въ ней; она, молъ, только отражаетъ его настроеніе. Отчего же, какое ни будь у меня настроеніе, а въ Грачахъ я самъ не свой отъ тоски? Впрочемъ, что тамъ Грачи! Ступайте въ степь позднимъ лѣтомъ, или въ ясный осенній денекъ, на скошенныя поля... Бывали? Тишь эта беззвучность, печаль... Пыль пробѣжитъ столбомъ на горизонтѣ.. Журавлиная стая протянетъ въ прозрачныхъ небесахъ... Одинокій путникъ обозначится вдали... Плакивалъ я, милостивые государи надъ этою картиной!... Или случалось ли вамъ быть въ лѣсу ти

химъ октябрьскимъ утромъ? Случалось ли прислушиваться къ этимъ воздыханіямъ, къ этому предсмертному лепету, видѣть эту резиньяцію, хватающую за сердце?... Листикъ, какой-нибудь золотой листикъ съ березы вдругъ надломится на омертвѣвшемъ стебелькѣ и, покачиваясь въ воздухѣ, падаетъ тихо, тихо... То-то вотъ и оно-то!—Игнатій Васильевичъ опять всхлипулъ и громко высморкался. А что касательно связи человѣка съ природой, тутъ не вліяніе, не отраженіе, но самостоятельная жизнь въ обоихъ и тайное созвучіе. Да какое созвучіе! Страдальческое сердце такъ и льнетъ къ этимъ вотъ страдальческимъ пейзажамъ! Одни ли Грачи?... Народъ понимаетъ это: вотъ, говоритъ, недоброе мѣсто. И, глядишь, точно: въ этомъ недобромъ мѣстѣ если не совершилась трагедія, такъ, будьте увѣрены, совершится. И трепетно бываетъ, милостивые государи, когда своимъ собственнымъ глазомъ, еще безъ всякой предварительной молвы, набредешь на такое мѣсто. Точно заглянешь въ лицо Изиды, по ту сторону «вещей»... Содрогнешься отъ ужаса.

Раичъ кивнулъ своимъ обнаженнымъ черепомъ.

— Ага!—съ живостью продолжалъ Игнатій Васильевичъ, несмотря на свое возроставшее возбужденіе, замѣтившій этотъ сочувственный кивокъ,—вы, значитъ, испытали это, знаете? А они говорятъ—мистицизмъ!... Я несчастенъ этимъ огульнымъ непониманіемъ... Я мучаюсь, хочу доказать имъ... Я смѣюсь въ лицо ихъ знаменитостямъ, психіатрамъ, цѣлителямъ... Я молю ихъ объ одномъ: свободу, дайте мнѣ свободу... и хоть немножечко любви!... Ага! имъ это невыгодно,—я мѣшаю имъ... Ну, хорошо, лечите же отъ мистицизма, будемъ служить, притворяться, подписывать бумаги...

II.

— Но не въ этомъ дѣло. Было мнѣ восемнадцать лѣтъ. Выключили меня изъ Петербургскаго университета, право, ужь не помню за что, и препроводили къ отцу, на исправленіе. Первый разъ въ жизни, если не считать ранняго дѣтства, провелъ я тогда зиму въ деревнѣ... И полюбилась мнѣ зима. Начиная съ того, когда вдругъ упадетъ молодой снѣжокъ и въ комнатахъ станетъ свѣжо, ясно, свѣтло, а въ душу такъ и хлынетъ какая-то волнующая сила,—начиная вотъ съ этого, и потомъ—янтарныя зори, скрипъ саней по морозцу, серебряные, тихіе лѣса... А вьюги! —влюбился я въ нихъ. Крутитъ, мететъ, воетъ,—то ли дѣло быть въ полѣ, испытывать

эти колючія ощущенія опасности, одиночества, чувствовать близость ревущей гдѣ-то около тебя смерти! Однако, дѣло не въ томъ. Надо вамъ сказать, мой покойный отецъ изрядно зашибалъ. Вотъ ѣдетъ онъ разъ на базаръ, верстъ за двѣнадцать,—кажется, нужно было продать какой-то хлѣбъ. Уѣхалъ и нѣтъ его. Настали сумерки—нѣтъ! А погода понесла съ самаго обѣда и къ ночи разыгралась въ настоящую. Тоска меня взяла... до слезъ. Я-таки любилъ моего старика. Домашніе тоже безпокоятся, но все говорятъ: ночуетъ Василій Кирилловичъ. Я же зналъ отца: какъ только попадетъ ему въ голову, ни за что не ночуетъ, а въ базарномъ селѣ, съ купцами и съ мелкими помѣщиками, онъ обязательно напивался. Простъ былъ въ своихъ знакомствахъ. Вотъ пробило десять часовъ, выхожу на крыльцо, вижу—адъ. И потянуло меня, милостивые государи, въ этотъ адъ, помимо даже того предлога, что жаль отца. Надѣлъ я полушубчикъ, валенки, башлыкъ,—все тайно отъ тетушки, которая замѣняла намъ покойницу мать,—и отправился въ конюшню, къ закадычному другу моему Ѳедькѣ. «Ѳедя, говорю, отецъ погибаетъ; коли ты не трусъ, поѣдемъ разыскивать». Вмигъ осѣдлали мы лошадей,—у меня былъ отличный меренокъ Пѣмка,—и отправились въ походъ. То-то жестокость юности: я и не подумалъ предупредить тетушку.

Сдѣлаю отступленіе. Отецъ мой былъ богатъ. Въ то время ему принадлежали два имѣнія и отличный конный заводъ. Мы жили въ томъ имѣніи, что побольше; въ маленькомъ, за рѣкою, въ степи, былъ устроенъ хуторъ. Это все, что у насъ теперь осталось, то-есть не у меня, но дѣло не въ томъ. Весною на хуторъ перегонялись табуны, а въ началѣ зимы, какъ только станетъ рѣка, ихъ пригоняли обратно. Излагаю вамъ эти подробности для ясности разсказа. И еще прибавлю для ясности: мой другъ Ѳедька былъ прелестнѣйшій паренекъ. Знаете, этакій дѣвушникъ, лихачъ-кудрявичъ, смѣльчакъ, и, къ тому же, нѣжное и преданное сердце. Размѣется, я дружилъ съ нимъ въ секретѣ. Отецъ держался хотя и просто, но на счетъ мужиковъ выработалъ себѣ понятіе опредѣленное. Точь-въ-точь какое нынѣ распространено. Обыкновенно я бѣгалъ къ моему другу по ночамъ, когда отецъ ложился спать, и вотъ тутъ-то бывали у насъ восхитительные часы. Во-первыхъ—сказки, осенью—посидѣлки, сговоры, свадьбы. Въ довершеніе, были у насъ и «сударки» въ деревнѣ, но, смѣшно сказать, ей-Богу, платоническія. Вѣдь, деревня гораздо цѣломудреннѣе, чѣмъ о ней думаютъ разные цѣломудренные люди.

И такъ, мы пустились въ путь. Надо сказать, главная наша

задача была въ томъ, чтобы добраться до рѣки. Базарное село стояло вверхъ по ея теченію, и доберись мы до рѣки, сбиться было почти невозможно: справа—крутой берегъ, на луговой сторонѣ—лѣса. Правда, такимъ путемъ до села насчитывалось добрыхъ восемнадцать верстъ, но прямая дорога пролегала чистымъ полемъ и съ ней мы легко могли сбиться. Признаюсь, садясь на коня, я одно мгновеніе поколебался: слишкомъ ужь грозно гремѣла буря по желѣзнымъ крышамъ усадьбы. Но когда мы выѣхали за усадьбу и, намѣтивъ направленіе вѣтра, быстро стали удаляться въ бушующее поле, не могу выразить, какъ мнѣ сдѣлалось жутко и сладко. Кругомъ никакихъ признаковъ человѣческой жизни. Въ сѣдой мглѣ метели рисуются странныя очертанія, знакомая мѣстность преображена во что-то несбыточное. Вьюга голоситъ; снѣгъ бьетъ сплошною тучей въ лицо или вдругъ утихаетъ; пристально устремленному въ пространство взгляду чудятся какіе-то просвѣты, горы, лѣса. Минутъ десять провожалъ насъ отъ дома равномѣрный, торжественный гулъ,—вѣрите ли, въ этомъ гулѣ чувствовалось какое-то дружелюбное напутствіе: это шумѣлъ нашъ старый садъ; но потомъ все пошло новое, внезапное и чужое. Ахъ, до чего такъ называемая дѣйствительность бываетъ не похожа на себя! Соломенная вѣшка, курганъ, межа, заросшая бурьяномъ, одинокій стогъ сѣна представлялись мнѣ вовсе не въ томъ значеніи, какъ въ обыкновенное время... Гдѣ мы ѣхали, сколько часовъ ѣхали,—право, невозможно отвѣтить. Въ направленіи своемъ мы сбивались нѣсколько разъ. Вѣтеръ вертѣлъ со всѣхъ сторонъ. Сначала мы заговаривали съ Ѳедькой, и, насколько помню, о самыхъ посторонникъ вещахъ; покурили подъ стогомъ, посмѣялись даже, когда лошадь подъ Ѳедькой споткнулась и онъ упалъ въ сугробъ. Но съ теченіемъ времени совершенно замолкли и только поторапливали коней. Куда?—мы сами не знали. Я отдалъ повода и неутомимый Пѣгика добросовѣстно мѣсилъ снѣгъ, лишь изрѣдка навастривая уши и подымая морду. Но что онъ идетъ куда слѣдуетъ, было очень сомнительно. Напротивъ, ясно было, что мы дѣлаемъ запутанные зигзаги. Вѣтеръ билъ намъ и въ глаза, и въ одну щеку, и в другую, и даже въ спину. И сообразно съ этимъ круговращеимъ мѣнялись голоса вьюги. То безъ конца тянулась жалобная, зпомощная, надтреснуто-звенящая нотка, то вырывался яростій, сердитый визгъ, то наступалъ какой-то зловѣщій, негромкій, лвой шорохъ. И вдругъ опять равномѣрно-кипящій гулъ, но на готъ разъ безъ всякаго дружелюбія... Вотъ тутъ-то меня и схвало за сердце.

— Это, вѣдь, насъ къ саду прибило? — кричу я Ѳедькѣ, хотя и слышу, что гулъ совсѣмъ не такой. Ѳедька молчитъ; ѣдемъ. Мгла впереди насъ начинаетъ темнѣть, складывается въ какія-то очертанія; шумъ возростаетъ и, безъ преувеличенія скажу, становится ужаснымъ.

— Лѣсъ шумитъ на островахъ, — кричитъ Ѳедька, — рѣка!

Теперь мы были почти въ безопасности, но я нисколько не обрадовался. Напротивъ, вся моя безпечность пропала; какой-то странный трепетъ охватилъ меня; предчувствіе чего-то страшнаго овладѣло душою... И все отъ того шума.

Ѳедька подъѣхалъ ко мнѣ вплотную.

— Давай поѣдемъ на хуторъ, а то лошади притомились, — сказалъ онъ, — я тутъ съ завязанными глазами найду дорогу. А на хуторѣ либо дождемся утра, либо смѣнимъ лошадей.

— Поѣдемъ, куда знаешь, — отвѣтилъ я и послѣдовалъ за нимъ. Мы спустились въ долину; вѣтеръ вокругъ насъ утихалъ. Разнообразные голоса замолкли и тѣмъ страннѣе было слышать трагическій гулъ лѣса. Разсвѣтъ, должно быть, близился; я могъ ясно различать Ѳедькино лицо. Тоска моя все прибывала... Мы ѣхали какимъ-то кустарникомъ, потомъ пошелъ камышъ. Вдругъ пустынная поляна открылась передъ нами. Вообразите круглый, обширный плёсъ, похожій на озеро, окруженный со всѣхъ сторонъ высокимъ осинникомъ и ольхою. Озеро было сковано льдомъ, а на льду лежала ровная, пушистая, мертвая пелена снѣга. Только и всего, но меня такъ и пронзило. Чѣмъ-то невыразимымъ повѣяло на меня отъ этой блѣдной поляны, затерянной въ мрачномъ лѣсу, отъ этой печальной тишины, отъ кладбищенскаго спокойствія. Лѣсъ весь курился снѣжною пылью... Въ немъ совершалось нѣчто чрезвычайное. Я не могу передать вамъ странную выразительность его стенаній, его угрожающаго ропота, рыдающихъ, всхлипывающихъ звуковъ. И вдругъ... Ага! вы опять не повѣрите, но я вамъ говорю правду, правду!...Вдругъ въ чащѣ раскатился иной гулъ, — топотъ, ржаніе, трескъ и отчаянный крикъ о помощи... Въ то же время, ровная гладь плёса заколебалась въ моихъ глазахъ; въ мутномъ воздухѣ произошло какое-то смятеніе.

— Слышишь? — прошепталъ я Ѳедькѣ.

— Жутко, Игнатій Васильевичъ, — отвѣтилъ онъ. Нижняя челюсть тряслась у него какъ въ лихородкѣ. Самъ не свой отъ страха, я еще разъ обвелъ взглядомъ окрестность. Бѣлая, молчаливая поляна; кругомъ стѣна деревьевъ, голыя вершины которыхъ точно дымились, только и всего... Да, милостивые государи, кромѣ тѣхъ

тайнъ природы, о которыхъ хлопочутъ въ лабораторіяхъ, у ней есть и другія тайны; есть мѣста, звуки и очертанія, въ которыхъ трагическая сущность такъ называемой матеріи обнаруживается съ изумительною очевидностью. Я это понялъ тогда, я это почувствовалъ.

Однако, дѣло не въ томъ. Не буду говорить о томъ, что мы, словно сговорившись, пустились вскачь, благополучно достигли хутора и такъ далѣе. Дѣло въ томъ, что, спустя полгода, я совершенно охладѣлъ къ своему другу. Вотъ что случилось... Или, нѣтъ, погодите, отвѣтьте мнѣ, можно ли помирить порядокъ и процвѣтаніе общежитія съ состраданіемъ, съ жалостью, съ любовью? Какая мечта, милостивые государи, какая иллюзія!... Ага? вы опять киваете головою?... Одно время я, дѣйствительно, увлекался,— я думалъ, можно измѣнить человѣчество, измѣнить его путь, облагородить тотъ историческій процессъ, въ которомъ отливаются его формы. Смѣйтесь! Я мечталъ, что «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе», а если до сихъ поръ все напротивъ, такъ это оттого, что исторія семь тысячъ лѣтъ кряду все ошибалась... Теперь я не мечтаю, не увлекаюсь. Теперь я знаю, что въ самой природѣ существуетъ этотъ трагическій разладъ, что самый корень существованія зараженъ ядомъ безсмыслія, что примиренія нѣтъ нигдѣ, нигдѣ... даже въ смерти. Что такое смерть? Ахъ, милостивые государи, это, вѣдь, переходное состояніе, не болѣе! Некуда дѣться сознанію, некуда, и вотъ почему страшно жить и страшно умирать. Еслибъ имѣть утѣшеніе нирванны... Но ея нѣтъ, не можетъ быть, не будетъ. Впереди несомнѣнная вѣчность, и это самое горькое и самое вѣрное, что только можно придумать.

— Я въ это не вѣрю,— внезапно проговорилъ Раичъ съ кривою усмѣшкой.

— Ага! вы, значитъ, не боитесь смерти?— спросилъ Игнатій Васильевичъ, понижая голосъ до шепота и съ любопытствомъ заглядывая Раичу въ глаза. Потомъ разсѣянно улыбнулся и добавилъ: — Я вамъ завидую.— И еще добавилъ послѣ непродолжительнаго молчанія: — Сколько разъ я хотѣлъ умереть и не могъ, но вы... застрѣлитесь?

Раичъ опять усмѣхнулся.

Я первый еще разъ наблюдалъ Игнатія Васильевича въ столь преображенномъ видѣ. До того я никакъ не подозрѣвалъ въ этомъ добродушномъ человѣчкѣ, съ незначительными чертами лица, столько способности излагать свои впечатлѣнія, столько затаенной муки страсти. Но что онъ съ такими странностями, этого я тоже не по-

дозрѣвалъ. Еще поразительнѣе дѣйствовалъ на меня Раичъ. До тѣхъ поръ мы встрѣчались съ нимъ неоднократно; я даже имѣлъ случай оказать ему услугу, въ сущности, пустую, но за которую онъ сталъ относиться ко мнѣ съ особеннымъ благоволеніемъ. Однако, онъ и со мною избѣгалъ говорить кромѣ какъ о вещахъ обыкновенныхъ. Правда, онъ и теперь молчалъ... Но по глазамъ его, по выраженію твердо сжатыхъ губъ, по наклоненію головы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа, я въ первый разъ увидѣлъ, куда склоняются его мысли, каковы его взгляды на жизнь. Какъ описать мое настроеніе? Откровенно говоря, мнѣ стало жутко. Странныя рѣчи, возбужденныя лица, освѣщенныя багровымъ огнемъ камина, а тамъ, за анфиладой комнатъ, звуки музыки,— все это опьяняло меня, уносило въ какой-то иной міръ, но не могло побѣдить той тяжелой мысли, что я сижу едва ли не съ сумасшедшими. И когда Игнатій Васильевичъ сказалъ, что Раичъ застрѣлится, а тотъ усмѣхнулся на это, меня точно толкнуло; я насильственно засмѣялся и воскликнулъ нарочно громко:

— Ну, господа, мы договорились до чортиковъ!

Оба взглянули на меня ничего не понимающими глазами; я думаю, даже удивились, что между ними есть посторонній.

— Вы изволили остановиться...— произнесъ Раичъ.

— Я охладѣлъ къ своему другу,— сказалъ Игнатій Васильевичъ,—и знаете почему? Потому, что не можетъ быть дружбы между тѣмъ, кто говоритъ «подай!», и тѣмъ, кто принужденъ слушаться. Обыкновенно, кто слушается, тотъ внутри презираетъ повелѣвающаго. То-есть теперь; прежде слушались и по совѣсти, безъ высокомѣрія: историческое оправданіе рабства... Но дѣло не въ томъ. Ближе къ осени онъ сталъ избѣгать моего сообщества: одинъ уходилъ на посидѣлки, льнулъ къ деревенскимъ парнямъ... Объяснялось это тѣмъ, что въ его жизни наступало серьезное, я же мечталъ продолжать мою барскую игру въ ощущенія и авантюры. Онъ засылалъ сватовъ и не хотѣлъ компрометировать себя въ глазахъ деревни близостью съ барчукомъ. Охъ, какъ меня это оскорбило! Я ушелъ въ себя, сталъ готовиться къ университету,— срокъ моего остракизма исходилъ,—а, между тѣмъ, язва самолюбія сочилась себѣ да сочилась. Да и грустно было: выйдешь вечеромъ на крыльцо,— изъ деревни доносятся пѣсни, шумъ, смѣхъ, звуки жилѣекъ. Видишь, что течетъ живая рѣка, а не можешь вступить въ нее, стоишь на скучномъ берегу и клянешь свое одиночество... Ага! и вамъ знакомо это робинзоновское чувство?... Позднѣе въ усадьбу стали доноситься «величальныя» пѣсни, и такимъ путемъ я узналъ

однажды, что Ѳедя сосватался... Я даже заплакалъ отъ злости и обиды.

Только, вдругъ, лежу я на диванѣ, зубрю какую-то гиль и слышу, что въ передней кашляютъ, потомъ кто-то спросилъ барина. Я вышелъ: оказывается — мѣщанинъ, арендующій нашъ садъ. «Что нужно?» — «Да вотъ въ ночи вора поймали; въ бунты залѣзъ; мѣру самой лучшей антоновки насыпалъ». — «Кто такой?» — «Конюхъ вашъ, Ѳедька». Боже, еслибъ я опомнился на ту пору! Вѣдь, въ моей власти было уговорить садовника, не допустить его до отца, затушить... Вѣдь, зналъ же я, что эти яблоки для дѣвокъ, — когда мы ходили вмѣстѣ на посидѣлки, я постоянно носилъ туда яблоки. У Ѳеди ихъ не было и не на что было купить — и вотъ происхожденіе воровства... Но я ничего не сказалъ садовнику. Я даже какое-то наслажденіе ощутилъ и позвалъ отца. У отца въ подобныхъ случаяхъ разговоръ былъ короткій. Онъ терпѣть не могъ судебной процедуры. Онъ былъ нынѣшнихъ вотъ мнѣній на этотъ счетъ: выпороть и съ колокольни долой. Зачѣмъ, говорилъ онъ, протоколы и аппеляціи: длинно и дорого; то ли дѣло матушка розга: быстро, дешево и больно. Такъ было поступлено и съ моимъ другомъ. Въ волость написали повелительную записку, въ первое же воскресенье собрался судъ, вызвали Ѳедю и высѣкли. Конечно, я умолялъ пощадить его, но отецъ бытъ твердъ въ этихъ своихъ принципахъ. Ѳедю высѣкли, свадьба его, конечно, разстроилась, а я уѣхалъ въ университетъ. Передъ отъѣздомъ я видѣлъ Ѳедю, имѣлъ даже наглость попросить у него прощенія; но онъ такъ непріятно засмѣялся и съ такимъ циническимъ ухарствомъ затянулся цыгаркой, что язва моя опять засочилась. А лицо у него сдѣлалось такое темное и, право же, загадочное. Впрочемъ, въ конюхахъ онъ остался попрежнему.

Въ декабрѣ я получилъ отъ отца ошеломившее меня письмо. Когда замерзла рѣка, съ хутора погнали табунъ. Холостыхъ матокъ, коньковъ, кобылокъ набралось штукъ до шестидесяти. Провожали табунъ Ѳедя и старикъ Матвѣичъ. На самомъ томъ плёсѣ ледъ треснулъ. Испуганныя лошади сбились въ кучу и всѣ пошли ко дну. Ѳедя тоже. Матвѣичъ спасся какимъ-то чудомъ. Такъ кончился знаменитый нашъ заводъ.

Лѣтомъ я пріѣхалъ на вакаціи. Отецъ обрюзгъ, опустился; о гибели табуна не могъ говорить равнодушно. Что было причиною той погибели, мнѣ не удалось узнать. Матвѣичъ сгоряча разсказалъ кое-кому, будто видѣлъ скважину, прорубленную во льду, но теперь онъ упорно отрицалъ это. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ

могъ видѣть? Не правда ли? И потомъ кому нужно было прорубать, а?—Игнатій Васильичъ посмотрѣлъ на насъ жалкими глазами и торопливо добавилъ:—Но дѣло не въ томъ. Трагедія совершилась именно тамъ, гдѣ я предугадалъ ее. Съ тѣхъ поръ Θединъ плёсъ назвали недобрымъ мѣстомъ и я увѣренъ, что онъ еще не разъ притянетъ къ себѣ какого-нибудь несчастливца.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Однако, интересно, случайность это была или...—сказалъ я, и, только проговоривши эти слова, увидалъ, какъ они некстати. Игнатій Васильевичъ быстро взглянулъ на меня; никогда не забуду этихъ обыкновенно добродушныхъ глазъ, вдругъ засверкавшихъ огнемъ ненависти и нестерпимою болью.

— Не въ этомъ дѣло!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я вамъ разскажу,—неожиданно произнесъ Раичъ и, взявъ въ руки щипцы, медленно сталъ разбивать тлѣющій въ каминѣ уголь.—Я знаю, я *вижу* это.

Напрасно я старался прочитать въ его неподвижномъ лицѣ шутку или иронію: оно было серьезно и значительно, какъ всегда.

— Вы, вы?—вскрикнулъ Игнатій Васильевичъ съ необыкновеннымъ видомъ смятенія, и вдругъ точно окаменѣлъ и весь превратился въ слухъ.

III.

— Въ воскресенье собрались судьи,—однообразно заговорилъ Раичъ, какъ будто читая въ синеватыхъ струйкахъ пламени, перебѣгавшихъ въ каминѣ,—еще до засѣданія писарь предъявилъ имъ записку Василія Кирилловича, и, конечно, всѣ согласились, что надо поучить. Вотъ они сидятъ за столомъ, эти почтенные, сивобородые люди. Умные лбы, библейскія фигуры, отъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сильно разитъ водкой. Вызываютъ къ столу обвинителя и вора. Вмѣсто свидѣтелей, барская записка. Воръ и самъ не отрекается: взялъ дѣвкамъ на гостинцы, положите, что стóитъ, праведные судьи. Одинъ патріархъ зѣваетъ, креститъ ротъ и добродушно говоритъ: «Надоть постегать!» — «Что - жь, — рѣшаетъ другой, не менѣе добродушный,—пиши, Авдѣй Вукóлычъ, пятнадцать розокъ»; третій съ сердечнымъ участіемъ произноситъ нравоученіе: «То-то вотъ, паря, ходи, отряся ножку... Яблоки-то, они тово... а ты тово... а дѣвки-то и тово... Ступай теперь, Варвара, на расправу!» Приговоръ написанъ, прочитанъ. Старшина мигнулъ сторожамъ... Только въ это мгновеніе подсудимый опомнился; замк-

нутый до тѣхъ поръ голосъ вырвался жалкимъ воплемъ; прежнее соображеніе о томъ, что какое же это воровство, и кто же не беретъ украдкой съѣстного,—это соображеніе вмигъ исчезло и его охватилъ неразсуждающій ужасъ. Онъ упалъ судьямъ въ ноги, заплакалъ, какъ плачутъ взрослые мужики: хрипло, непріятно, неумѣло. «Веди!—сказалъ старшина, отмахиваясь отъ него рукой,—подходите судимые, чья очередь!» Публично сѣчь гуманный законъ не дозволяетъ, Ѳедора уводятъ въ отдѣльную комнату. Но туда набрались уже любители: кабатчиковъ сынъ, дьяконовъ сынъ; мужички заглядываютъ въ двери; даже какая-то пригорюнившаяся бабенка. Ѳедоръ разозлился, онъ отпихнулъ сторожей, хотѣлъ вырваться... Зрители моментально оживились. «Братцы, подсобляй!»—кричитъ кабатчиковъ сынъ, вцѣпляясь Ѳедѣ въ загривокъ; мужички навалились; сторожъ больно толкнулъ его подъ ребра, другой схватилъ пучекъ прутьевъ. Ѳедоръ кусаетъ кого-то за руку, раздается подлое ругательство, слышится хрипѣніе, звукъ раздираемой холстины... И вотъ это «преданное и нѣжное сердце», этотъ славный паренекъ съ веселымъ и чистымъ взглядомъ, корчится на полу подъ тяжестью навалившихся на него потныхъ, взъерошенныхъ, озлобленныхъ борьбою, ничего не понимающихъ людей. Лица его не видно, оно прижато къ грязнымъ, вонючимъ, осклизлымъ доскамъ, но каждый мускулъ его тѣла содрогается отъ невыносимаго стыда и злобы; онъ все еще усиливается бороться; тѣло его извивается; напряженныя лопатки судорожно вздрагиваютъ, пытаясь сбросить тяжесть... Но сторожъ трясущимися отъ торопливости руками спѣшитъ отдернуть разорванную холстину, другой взмахиваетъ розгами... Раздается тотъ свистящій, мерзкій, влажный звукъ, услыхать который хоть разъ въ жизни довольно, чтобы ненавидѣть и презирать человѣчество. На тѣлѣ мелкими каплями выступаетъ кровь... Молчаніе. Только слышно, какъ утопленно, съ выпученными глазами дышатъ тѣ, кто навалился на ноги и плечи, и какъ равномѣрно, съ тѣмъ же омерзительнымъ звукомъ, хлещутъ розги.

Я тронулъ Раича за плечо. Игнатій Васильевичъ впился въ него какими-то безумными глазами и трепеталъ точно въ лихорадкѣ. Но Раичъ едва взглянулъ на насъ и продолжалъ:

— Слышите? Странный, не человѣческій визгъ... точно притворный... Вотъ еще, рѣзче... И, къ стыду человѣческой природы, смѣшнѣе, потому что весь состоитъ изъ какихъ-то нелѣпыхъ, зачастыхъ дребезжаній. А! Вотъ хохочетъ кто-то, безъ всякаго злорадства, но потому что очень весело. Даже бабенка улыбнулась.

Вопль переходитъ въ унизительныя слова,—совсѣмъ не Ѳедины, а того животнаго, что съ позорно-обнаженнымъ, окровавленнымъ тѣломъ, съ ошеломленнымъ сознаніемъ корчится отъ нестерпимой боли. «Братцы... отцы родные... не буду... не буду!...»—«Пятнадцать... шестнадцать!... Это тебѣ за то, что не кусайся... Семнадцать... восемнадцать!...» Бросаютъ; отираютъ потъ съ лица съ такимъ добродушнымъ видомъ, точно молотили. Кто-то проситъ закурить. «Эй, ты, безтыдникъ, вставай!»—кричитъ сторожъ, толкая Ѳедю ногой и, въ то же время, свертывая цыгарку. Тотъ поднимается, трясется точно въ ознобѣ. Губы его искусаны въ кровь, лицо ужасно,—каждая черточка бьется; побѣлѣвшіе, тоскливые глаза растерянно бѣгаютъ по сторонамъ; онъ всхлипываетъ, какъ ребенокъ; хочетъ непослушными руками застегнуть платье и все трясется, все дрожитъ мелкою дрожью.

Раичъ замолчалъ и на нѣсколько минутъ сдѣлалось страшно тихо. Издали доносилось какое-то смутное жужжаніе, да отчетливо выдѣлялись дѣловые голоса игроковъ: «четыре пики!»—«безъ козырей!»—«пять въ трефахъ!»—но то было совсѣмъ изъ другого міра. Въ нашемъ замиравшее пламя камина освѣщало неподвижную фигуру Раича, закрывшаго руками лицо; въ тѣни неясно обозначался Игнатій Васильевичъ, свернувшійся въ глубокомъ кожаномъ креслѣ. И чѣмъ-то жуткимъ, печальнымъ, несбыточнымъ вѣяло отъ этихъ фигуръ, отъ этого полумрака въ комнатѣ, отъ этого тускло-рдѣвшаго камина.

Вдругъ Раичъ открылъ лицо и, не могу выразить, какая лежала на немъ безконечная грусть.

— Убійство!—сказалъ онъ.—Да знаете ли, что это хуже убійства? Мы убили въ немъ самое чистое, самое свѣтлое... Мы грязными руками своими замутили и опоганили тотъ прозрачный источникъ, въ которомъ отражался для него образъ Бога... Да, станемъ радоваться: мы сравняли его съ собою.

Въ тѣни послышались истерическія всхлипыванія. Раичъ взглянулъ туда и сухо разсмѣялся.

— Утѣшьтесь,—сказалъ онъ,—вы въ этомъ также не виноваты, какъ не виноватъ вашъ отецъ, не виноваты судьи, палачи и даже эстетикъ истязанія: кабатчиковъ сынъ. Все идетъ точно машина, въ которой безъ нашего вѣдома развели пары. И потомъ... Ѳедоръ остался живъ. Онъ гдѣ-то пропадалъ до поздней ночи, послѣ пришелъ домой, легъ на печь, лежалъ цѣлые сутки. Гдѣ онъ пропадалъ? Кто слышалъ его стоны, быть можетъ, изступленные крики, проклятія, богохульства? Никто. Можетъ быть, онъ лежалъ

ничкомъ гдѣ-нибудь въ степи, «въ лощинкѣ съ порыжѣвшею осокой», и плакалъ, плакалъ... отъ обиды, отъ стыда, отъ горя. Кто отомститъ за этихъ поруганныхъ дѣтей, за эти чистыя сердца, за изнасилованныя души?—Никто. Да и кому мстить, когда все замыкается въ такой безхитростный, простой кругъ, когда нѣтъ злодѣйства, какъ таковаго, нѣтъ добра и зла, а есть только цѣпь причинъ и слѣдствій, неизвѣстно гдѣ принявшая начало и исчезающая въ вѣчности?

Однако, Ѳедоръ затаилъ месть. Онъ равнодушно отнесся къ тому, что его свадьба разстроилась, и нѣсколько дней спустя опять явился на барскій дворъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и не думалъ о мести; можетъ быть, онъ хотѣлъ уйти въ напускное ухарство, въ цинизмъ, въ обязательную работу, наконецъ, хотѣлъ забыть ту язвительную рану, что горѣла въ его душѣ; можетъ быть, онъ и забылъ бы ее. Мало ли насильно лишенныхъ чести кончаютъ нравственнымъ отупѣніемъ, если не развратомъ... Но онъ съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ видѣлъ «недоброе мѣсто», вспоминалъ вьюгу и зимнюю ночь, и это мѣсто, дѣйствительно, тянуло его къ себѣ, манило своею мистическою печалью, тѣмъ созвучіемъ тоски человѣческой съ тоскою очертаній, красокъ и тоновъ, что̀ чувствуется простецами сильнѣе, нежели нами. Кто знаетъ, быть можетъ, въ таинственныхъ голосахъ той ночи онъ увидѣлъ предопредѣленіе, судьбу? Да это и точно была его судьба. И онъ до мелочей обдумалъ подробности. Это онъ, когда наканунѣ рѣшили гнать табунъ, вышелъ до свѣта съ топоромъ въ рукахъ, прорубилъ и заметалъ снѣгомъ узкую скважину по серединѣ плёса. Онъ зналъ, что лошади, когда ледъ треснетъ и этотъ трескъ ружейнымъ выстрѣломъ раскатится въ лѣсу, непремѣнно бросятся въ кучу и пойдутъ ко дну... Именно все такъ и произошло, какъ почудилось Матвѣичу... можетъ быть, во снѣ.

Раичъ опять замолчалъ и минуты двѣ спустя добавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ какъ было дѣло.

— Вы недурной беллетристъ,—отвѣтилъ я, стараясь повернуть в шутку этотъ, конечно, вымышленный разсказъ и тѣмъ измѣнить невыносимое настроеніе. Раичъ какъ будто понялъ меня.

— Не правда ли?—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ подобіемъ улыбки.—Я писалъ въ свое время... Разумѣется, бросилъ въ печку... Черезъ-чуръ достаточно печатной бумаги. Пусть пишетъ тотъ, кто думаетъ, что открылъ Америку; къ своему несчастію, я столь-

ко же не вѣрю въ открытія, какъ и во все другое... А съ какимъ фанатизмомъ вѣрилъ, если бы вы изволили знать!

— Зачѣмъ же жить, если не вѣрить?—возразилъ я съ досадой.

— Вы совершенно правы: не зачѣмъ. Когда начинался голодъ, я, признаюсь, надулъ себя: старыя дрожжи забродили. Не то, чтобы проснулись прежнія мечты, знаете,—«на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе»,—нѣтъ, къ этому первоисточнику я не обращался; но вспыхнула крошечная, крошечная надежда на нѣкоторыя комбинаціи и перспективы. Личныя, личныя, спѣшу добавить. Какъ-нибудь пристроиться, выйти изъ комическаго положенія пятаго колеса и такъ далѣе.

— И что же?

— Да все вздоръ. Впрочемъ, именины справилъ, имѣлъ это малодушіе.

— Я васъ не понимаю.

— Полноте! Развѣ это не были именины для нашего брата? Развѣ часто въ русской исторіи, что на насъ случился спросъ, что мы почувствовали себя людьми, а не «обсѣвками у Господа Бога», какъ говорятъ мужики? Но вотъ бенефисъ кончился и теперь я, дѣйствительно, согласенъ съ вами: жить не зачѣмъ. И надо торопиться... Избави Богъ, дойдешь до такого же вывода, какъ нашъ любезный Игнатій Васильевичъ, — вы все нервничаете, любезнѣйшій? Будетъ вамъ, лучше зажгите лампы, каминъ совсѣмъ потухаетъ,—дойдешь до того вывода, что умереть не значитъ умереть, а значитъ снова приниматься за склады... Впрочемъ,—продолжалъ онъ задумчиво,—я долженъ просить у васъ извиненія. Я вамъ совралъ и насчетъ именинъ, и о томъ, что хотѣлъ пристроиться. Къ чему пристроиться?... Просто скотская привычка жить.

Онъ всталъ и, не обращая никакого вниманія на Игнатія Васильевича, все сидѣвшаго комочкомъ въ своемъ креслѣ, вышелъ изъ кабинета. Я тоже поднялся. Вдругъ Игнатій Васильевичъ позвалъ меня.

— Послушайте,—зашепталъ онъ, хватая меня за руки и быстро пожимая ихъ, — не оставляйте меня, посидите со мной... Я боюсь... Я его боюсь... Онъ все видѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ. Или нѣтъ... идите за нимъ... не спускайте съ него глазъ... Застрѣлится, застрѣлится!...

— Богъ съ вами, Богъ съ вами!—бормоталъ я.

Игнатій Васильевичъ порывисто оттолкнулъ меня и съ отчаяніемъ схватился за голову.

— Ѳедюшенька!—воскликнулъ онъ какимъ-то причитающимъ голосомъ,—гдѣ ты?... Простишь ли меня, злодѣя?

Я не на шутку испугался. Зажегъ свѣчи, принялся успокоивать бѣднаго совѣтника. Напрасно: его возбужденіе возростало, рыданія усиливались, ни съ чѣмъ несообразныя слова вырывались съ какимъ-то истерическимъ взвизгиваніемъ. Его насильно увезли изъ деревни. Тамъ онъ былъ на мѣстѣ, тутъ мучаютъ. Тамъ онъ уже достигалъ утѣшенія: земное отходило отъ него; дѣйствительность утрачивала свою плоть и кровь, превращалась въ грезы. Еще немного—и онъ осмѣлился бы... умеръ бы, гдѣ и Ѳедя. Но тутъ ему больно, больно... потому что тутъ онъ не можетъ умереть. А все Нина Аркадьевна. Ей это нужно. Ей нужно мужа, чтобы маскировать... Онъ ненавидитъ *ихъ*, ненавидитъ...

Къ счастью, въ это время происходили танцы и было шумно. Но все же я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Какъ вдругъ вошла встревоженная Нина Аркадьевна... Лучше бы не входила. Растрепанный, съ дикими глазами, съ перекосившимся лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, Игнатій Васильевичъ затопалъ на нее, разразился невозможными упреками.

— Ведите его въ спальню,—сказала она мнѣ, бѣлая, какъ полотно. Въ спальнѣ удалось нѣсколько успокоить его и уложить въ постель. Къ новому моему изумленію, онъ какъ легъ, такъ и заснулъ моментально, и съ такимъ кроткимъ и спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, будто наигравшійся ребенокъ; даже коротенькія ножки свои по-дѣтски поджалъ калачикомъ.

Я хотѣлъ оставить Нину Аркадьевну одну.

— Подождите,—сказала она и залпомъ выпила стаканъ воды; потомъ произнесла съ горькою усмѣшкой: — вотъ, что называется жизнью!

— Онъ болѣнъ,—сказалъ я.

— Да, онъ болѣнъ... Но поймите же, я-то здорова! Мнѣ, вѣдь, жить, жить хочется.—Она съ видомъ отчаянія заломила руки, но тотчасъ же пришла въ себя.—Пойдемте. Не замѣтно, что я выдержала семейную бурю? Надѣюсь, останется между нами? Скажите, что такое произошло?

Я разсказалъ.

— Все то же,—проговорила она.—Эта исторія вѣчный его кошмаръ. Господи, какъ опротивѣли эти ощущенія, вмѣсто чувствъ, эта ервическая сумятица, вмѣсто дѣла... и вездѣ, вездѣ. Но не грѣхъ ли Раичу? А я еще думала... Впрочемъ, онъ, кажется, такой же ронутый; а какой былъ человѣкъ, какой дѣятель!

— Нина Аркадьевна,— сказалъ я, — не лучше было бы оставить ему службу? Можетъ быть, жизнь въ деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ...

— А вы завтра пойдите въ присутствіе и посмотрите на него. Вѣдь, это же образцовый чиновникъ. Неужто, вы думаете, я желаю ему зла? Нѣтъ словъ выразить, какъ мнѣ дорого его здоровье. Но знаете, что сказалъ мнѣ N.? (она опять назвала знаменитаго психіатра). Вотъ что онъ сказалъ: опредѣлите его въ чиновники; ихъ будто бы дѣятельность очень пригодна для людей съ разстроеннымъ воображеніемъ; это не то что дисциплинируетъ, но одеревеняетъ, и, притомъ, незамѣтно что съ психіатрическими цѣлями. И еще такъ сказалъ,—онъ, вѣдь, порядочный-таки циникъ,—пусть себѣ жуетъ папье-маше, думая, что питается хлѣбомъ насущнымъ, это ему полезно.—Нина Аркадьевна чуть-чуть усмѣхнулась и потомъ добавила, слегка краснѣя:—Пожалуйста, прошу васъ... Впрочемъ, я увѣрена въ вашей скромности.

Я понялъ, въ чемъ по преимуществу требуется скромность, и молча поклонился.

IV.

— Вы скоро?—спросилъ меня Раичъ, когда въ столовой загремѣли посудой.

— Да хоть сейчасъ.

— Выйдемте вмѣстѣ.

Мы вышли, по принятому здѣсь обычаю, не прощаясь. Стояла лунная, туманная, сырая ночь. Широкая улица, обсаженная по бокамъ липами, съ которыхъ уже на половину облетѣли листья, была какъ-то особенно пустынна.

— Послушайте, сдѣлайте мнѣ одолженіе, — сказалъ Раичъ, останавливаясь на крыльцѣ,—пройдемте пѣшкомъ за городъ... Куда-нибудь. Возвращаться домой, остаться одному такъ не хочется... Сегодня въ особенности.

Меня удивилъ трогательный тонъ его просьбы, да еще по поводу столь ничтожнаго обстоятельства.

— Куда вамъ угодно!—сказалъ я.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и приказалъ кучеру ѣхать домой. Мы повернули въ противуположную сторону, по мокрымъ тротуарамъ, въ томъ направленіи, въ которомъ улица выходила на загородное шоссе. Одна за другою выступали намъ на встрѣчу мокрыя, молчаливыя липы; одинъ за другимъ выдѣлялись молчаливые дома, оглядывая насъ своими тусклыми, съ мертвымъ блескомъ гла-

зами, и тотчасъ же измѣняли свои очертанія, расплываясь въ блѣдномъ туманѣ въ какія-то блѣдныя пятна, въ странныя массы и фигуры.

— Это все притворство,—пробормоталъ Раичъ.

— Вы о журъ-фиксѣ?

— Да... о жизни. Что будто бы у всѣхъ есть дѣло и всѣ довольны.

— Не хотите ли вы сказать, что правъ несчастный Игнатій Васильевичъ?

— Во всякомъ случаѣ, онъ прозорливѣйшій изъ нихъ. Великая тайна коснулась его, потрясла... Онъ чувствуетъ изнанку этой плохой игры... ея гнусную ложь. Встарину этихъ потрясенныхъ называли юродивыми и почитали за святыхъ; нынѣ они—чудаки или сумасшедшіе. Истина... Она ближе къ этимъ чудакамъ, нежели къ тѣмъ, къ уравновѣшеннымъ.

— А вы... вы познали истину?—спросилъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ шутливаго тона.

— Нѣтъ, но я ее чувствую,—просто отвѣтилъ онъ,—я стою на пути къ ней. Устранить изъ центра размышленій человѣчество, понять навсегда его ничтожность въ массѣ вселенской жизни, догадаться, что отвѣтъ не внутри насъ и не впереди, когда будто бы изумительно процвѣтетъ прогрессъ, а «по ту сторону вещей», убѣдиться въ безсиліи логики, въ томъ, что всѣ наши открытія есть ничто иное, какъ тавтологія,—вотъ единственный путь.

— Онъ приведетъ къ стѣнѣ... и къ отчаянію.

Раичъ не отвѣчалъ; очевидно, онъ и не слышалъ моихъ словъ и нѣсколько минутъ шелъ молча, погруженный въ задумчивость.

— Надо смѣть,—продолжалъ онъ. — Не во что вѣрить кромѣ какъ въ неизвѣстное, — надо смѣть вѣрить въ него. Нужно смѣть до такой степени, чтобы въ каждый моментъ быть готовымъ слиться съ нимъ,—глянуть въ очи Изидѣ... Ложи, раёкъ, балконы ужасно какъ заинтересованы. И пусть. Для нихъ пьеса нова. Они ищутъ въ ней поученій, наслажденій, открытій, идеаловъ... Находятъ даже. Но избранная публика партера до тошноты затвердила пьесу. То же, досмотримъ, если лѣнь выйти, если тѣшитъ мельканіе разрисованныхъ лицъ, если не надоѣли звуки, огни, костюмы, улыбки, жесты, слезы. Но думать, что вдругъ мы узнаемъ изъ пьесы нѣчто новое, что уловимъ въ ней какой-то особый смыслъ, что она раздвинетъ границы нашего пониманія, освѣтитъ непроглядную ночь, со всѣхъ сторонъ обнимающую театръ, думать такъ—смѣшное и глубокое заблужденіе.

Мы миновали городъ и долго шли въ молчаніи по шоссе. Туманъ рѣдѣлъ, но лунный свѣтъ застилался непроницаемыми облаками. Въ воздухѣ, насыщенномъ влагою, не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтра; однако, тамъ и сямъ совершалось непрерывное движеніе. Сѣдая пелена тумана колыхалась, какъ живая, надъ пустынными полями. Высокія травы, кустарникъ, телеграфные столбы, одинокія ракиты то и дѣло разрывали эту пелену, и тогда она распадалась въ лохмотья, цѣплялась ими за препятствія, потомъ таяла и исчезала. Видно было далеко, хотя въ этой дали нельзя было различить подробности: пространство развертывалось въ смутныя и неопредѣленныя перспективы. Волны какой-то блѣдной мглы, точно дымъ, беззвучно и быстро обгоняли насъ... Прямая стрѣла шоссе бѣлѣлась сквозь туманъ, точно молочная рѣка... И какъ загадочны казались берега этой рѣки!

Раичъ остановился и долго смотрѣлъ, скрестивши на груди руки.

— Вотъ удивительная музыка!—воскликнулъ онъ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Развѣ вы не слышите звуковъ?—сказалъ онъ.—Развѣ вамъ недоступны эти голоса захваченной врасплохъ природы, этотъ интимный разговоръ вещей?... Впрочемъ, вы не понимаете меня, вы считаете меня безумнымъ.

Я пробормоталъ, что̀ пришло въ голову. Въ это время въ полуверстѣ отъ дороги показался монастырь, внезапно выступивъ изъ разсѣявшагося тумана.

— Смотрите,—сказалъ Раичъ,—судите, какъ ничтожны люди въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ они имѣютъ дерзость называть неодушевленною матеріей. Вотъ стѣны, башни, столѣтніе дубы, вотъ темныя щели бойницъ, огонекъ лампадки надъ воротами... Ничего больше. Но смотрите же пристальнѣе. Какая значительность очертаній! Сколько задумчивости, важности, тайны въ этихъ линіяхъ, въ этихъ мрачныхъ дубахъ съ распростертыми руками, въ этихъ поросшихъ мхомъ стѣнахъ, башняхъ, въ кроткомъ сіяніи лампады! И какое созвучіе съ туманомъ, съ лунною ночью, съ линіей шоссе, съ тѣми вонъ перелѣсками въ отдаленіи!... Всмомните теперь о людяхъ за этими стѣнами. Вообразите ихъ жизнь не въ романтическомъ освѣщеніи, а какъ описалъ бы ее Глѣбъ Успенскій или нарисовалъ бы Теньеръ. Скучно, плоско, мелочи, мелочи... Нѣтъ, то, что вы зовете матеріей, въ милліонъ разъ значительнѣе, въ милліонъ разъ красивѣе и выше вашей жалкой жизни. Вонъ обозначается сквозь туманъ шапка лѣса. Рядомъ есть деревушка, я знаю ее. Неужто, вы думаете, страсти, интересы, заботы, мысли

этой деревушки могутъ идти въ какое-нибудь сравненіе съ величіемъ этого лѣса, съ важностью его тайны, съ необыкновенною красотой его стихійной печали? А городъ?... Мы видѣли его сейчасъ и внутри, и снаружи. Что не имѣетъ тѣни пошлости? Что напоено содержаніемъ, смысломъ, раздумьемъ? Люди или стѣны? Конечно, стѣны. Люди только копируютъ, и прескверно, то, что прозорливѣйшіе изъ нихъ случайно подслушаютъ или подсмотрятъ въ этой огромной лабораторіи стихій. Да, съ логикой не далеко уйдешь. Надо присоединиться къ вещамъ, чтобы познать ихъ тайну. Надо разорвать эту условность изъ крови и плоти; надо разбить эти надоѣдливыя очки, формы, категоріи, эти мучительныя колодки времени и пространства. Есть виды безумія, гдѣ къ этому приближаются. Кто слишкомъ, того сажаютъ въ желтый домъ; кто слегка и моментами, того называютъ Бетховеномъ, Буонаротти, Шекспиромъ. Онъ говоритъ, сознанію некуда дѣться. Но что такое сознаніе? Вѣдь, то, что называется такъ, именно и есть результатъ условностей. Онъ говоритъ, впереди вѣчность, и это страшно. Но что такое вѣчность? Я день и ночь слышу могущественный голосъ, призывающій меня туда, я чую шелестъ завѣсы, готовой приподняться передо мною. Прелесть дерзости волнуетъ меня, чары неизвѣстнаго увлекаютъ. Я хочу, наконецъ, проникнуть за кулисы, въ ту настоящую и страшную дѣйствительность, содержаніе которой мы только отчасти символизируемъ въ нашемъ искусствѣ, въ нашей религіи. И потомъ — отчего страшно? Развѣ менѣе страшно изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ быть свидѣтелемъ безпрерывныхъ злодѣйствъ, повальнаго сумасшествія, видѣть, какъ въ любую секунду истязуется то или иное живое существо: розгами ли, какъ Ѳедя, или школой, судомъ, капитализмомъ, милитаризмомъ, патріотизмомъ?... И, замѣтьте, истязуется по совѣсти, по душѣ, по убѣжденію, нѣкоторые даже увѣрены, что по справедливости. Вы обратили вниманіе, что прорицалъ этотъ юродивый? Онъ укралъ у Герцена, но, все равно, истина остается истиной. Ахъ, эти мертвыя души, эти каменныя сердца!... Знаете ли, если ежесекундный вопль истязуемаго человѣчества никого до сихъ поръ не разжалобилъ, если милліарды неописуемыхъ мученій не нашли до сихъ поръ отзвука, никого не ошеломили, не образумили, то отсюда слѣдуетъ непререкаемый выводъ... какъ это у Пушкина?...« Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ. Но правды нѣтъ и выше...» Да, это, дѣйствительно, такъ же ясно, какъ «простая гамма». Особенно раздираютъ мое сердце тѣ уединенныя муки, о которыхъ никто и никогда не узнаетъ. Гдѣ-

нибудь въ казематахъ короля-Бомбы, въ венеціанскихъ пломбьерахъ, въ дремучей тайгѣ подъ ножомъ убійцы, въ погребахъ какого-нибудь ужаснаго Измайлова... что совершалось тамъ?—никто и никогда не узнаетъ. Вникните въ эти слова, подумайте о нихъ... Всмомните, сколько проклятій, вздоховъ, рыданій, жалобъ безплодно замерли въ безучастномъ лѣсу или подъ тяжелыми сводами. Замерли, не оставивъ жертвамъ даже того удовлетворенія, что имена ихъ не забудутъ, страданія ихъ вспомнятъ въ день судный. Молчаливая смерть самоубійцы гдѣ-нибудь въ глухомъ оврагѣ; смерть раненаго, забытаго на полѣ битвы; безконечная агонія осужденнаго на одиночное заключеніе,—одно только это представляется мнѣ достаточнымъ, чтобы возненавидѣть жизнь, потому что никакіе аллюминіевые дворцы, никакое «царство Божіе на землѣ» не искупятъ милліонной доли этихъ одинокихъ мученій, этихъ никѣмъ не услышанныхъ криковъ о помощи, этого предсмертнаго рыданія, разсѣяннаго въ пространствѣ...Вамъ никогда не хотѣлось молиться? Мнѣ ужасно, ужасно... Знаю, что это иллюзія, но въ душѣ такая смертельная скорбь, такъ мучительно переполняется сердце невысказаннымъ, не переводимымъ на человѣческій языкъ, не поддающимся сознанію, что... Впрочемъ, вамъ совѣстно меня слушать? Иллюзія!... Есть еще одна, обаяніе которой неистребимо: иллюзія свободы. Сказать ли, я въ нее вѣрю даже теперь, даже наканунѣ этого ненастнаго дня... Я вѣрю, что заря возсіяетъ, что солнце взойдетъ, наконецъ, и радостно взыграютъ волны жизни. На одинъ мигъ, конечно, потому что врожденная дикость не замедлитъ заслонить это солнце. Но такой «мигъ» стоило бы испытать, стоило бы сгорѣть въ немъ. Однако, я не вижу и признаковъ разсвѣта; ждать его долго и скучно... Смотрите, наступаетъ иной разсвѣтъ!... Вы устали? браните меня?... Простите, больше никогда не буду, какъ говорятъ наказанныя дѣти. Я забылъ упомянуть еще объ одной сладкой мечтѣ, — мечтѣ любви. Этотъ «мигъ» я испыталъ, это не задержитъ меня. Бѣдняга Игнатій Васильевичъ: ему кажется, что страхъ смерти — выводъ изъ его разсужденій, а, въ сущности, онъ боится смерти оттого, что очень любитъ и очень ревнуетъ. Вы замѣтили, конечно? Съ такимъ багажомъ, дѣйствительно, не легко пускаться въ дорогу... Да, я тоже любилъ... Странная вещь — сердце! Вѣдь, кажется, все истлѣло, а лишь представлю себѣ... точно ножъ въ него вонзится и опять оно истекаетъ свѣжею кровью. Ея нѣтъ, кого я любилъ; она умерла одиноко... вотъ такъ же, какъ и тѣ, о кото-

рыхъ я столько печалюсь. Но я ее помню. Я не забуду этихъ глазъ, этой тихой улыбки...

Въ голосѣ Раича послышались какіе-то рыдающіе звуки, но онъ тотчасъ же оправился и съ несвойственною ему застѣнчивостью произнесъ:

— Простите, пожалуйста...

Разсвѣтъ, дѣйствительно, наступилъ, но какой печальный! На мгновеніе съ востока засквозилъ румянецъ зари: въ воздухѣ, насыщенномъ испареніями, точно мелькнула болѣзненная улыбка... Потомъ облака нависли гуще и ниже, и только потому, какъ въ пространствѣ возникали неразличимыя прежде подробности и все сдѣлалось сѣрымъ, обнаженнымъ, скучнымъ, можно было догадаться, что луна погасла и свѣтитъ солнце. Отовсюду вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и безпріютнымъ. Мокрая пашня, мокрыя ракиты при дорогѣ, мокрыя избы далекой деревушки, одинокая птица съ мокрыми крыльями, беззвучно перелетѣвшая съ ракиты на ракиту,— все это внушало невыразимое уныніе.

Раичъ говорилъ медленно, съ длинными паузами. Казалось, что внутри онъ читаетъ какую-то большую книгу: всю свою жизнь съ ея мыслями и чувствами, и только короткіе отрывки изъ этой книги произноситъ вслухъ.

Мнѣ было такъ жаль его, что хотѣлось плакать. Быть можетъ, потому, что я въ первый еще разъ видѣлъ его такимъ мягкимъ, кроткимъ, задумчивымъ; въ первый еще разъ замѣтилъ въ его взглядѣ столько нѣжности, въ его голосѣ столько тихой грусти.

Я не возражалъ ему, да онъ, конечно, и не услышалъ бы моихъ возраженій. Оттого-то мнѣ и хотѣлось плакать, что я былъ поставленъ въ свидѣтели того, какъ изнемогала душа подъ бременемъ мучительной дѣйствительности, и ничѣмъ не могъ помочь.

«Домой, домой!»—думалъ я. Услышать звонкіе голоса дѣтей, увидѣть кипящій самоваръ на столѣ, ощутить теплоту хорошо убранныхъ комнатъ, снова извѣдать прелесть обывательскихъ дѣлъ и заботъ... И Богъ съ ними, съ этими странными людьми, которымъ нельзя помочь!

Я долго не рѣшался, но, видя, что спутникъ мой и не думаетъ звращаться, сказалъ:

— Пора домой, Раичъ,—меня ждутъ.

Онъ, съ удивленіемъ взглянувъ на меня, пробормоталъ: «Простите, пожалуйста!»—и покорно послѣдовалъ за мной. У заставы мы разстались. Прощаясь, я былъ пораженъ выраженіемъ его глазъ, тремленныхъ на меня съ особенною пристальностью: такое чув-

ство сосредоточенной любви свѣтилось въ нихъ, какъ будто я былъ въ этотъ моментъ самымъ для него близкимъ, самымъ дорогимъ существомъ. «Застрѣлится!»—вспомнилъ я прорицаніе совѣтника.

— Знаете что?—сказалъ я, удерживая его руку въ своей.— Пойдемте къ намъ. Посидимъ, позавтракаемъ... поговоримъ еще на вашу тему...

Онъ кротко улыбнулся и произнесъ:

— Спасибо вамъ! Нѣтъ, мнѣ нужно уснуть. Я слишкомъ, слишкомъ усталъ.

Что было дѣлать? Сердце мое сжималось отъ тягостнаго предчувствія. Я крѣпко обнялъ этого несчастнаго человѣка, еще разъ пожалъ его руку и побрелъ домой.

Затѣмъ вы уже догадываетесь, что произошло. Дома я нѣсколько отрезвѣлъ и отогрѣлся отъ фантастически-холодной ночи; безпокойство мое за Раича почти улеглось. Правда, послѣ завтрака я хотѣлъ послать къ нему на квартиру узнать, воротился ли онъ, но вдругъ почувствовалъ такое утомленіе, что легъ на диванъ, моментально заснулъ и проспалъ до вечера. А когда проснулся, разбуженный яркимъ свѣтомъ лампы, надо мною съ встревоженнымъ лицомъ стояла жена.

— Гдѣ ты оставилъ этого господина? — спросила она. — Его никакъ не могутъ найти, приходили уже два раза.

Я вскочилъ, одѣлся, бросился на квартиру Раича (тутъ только узналъ, что съ нимъ жила старушка, мать той, которая «умерла одиноко») и тотчасъ же распорядился послать за полиціей и идти съ фонарями въ Грачи.

Онъ, дѣйствительно, кончилъ самоубійствомъ, и въ Грачахъ. Нашъ городъ, вотъ уже недѣля, какъ на всѣ лады обсуждаетъ это происшествіе и любопытные не даютъ мнѣ проходу...

А. Эртель.

25 ноября 1893 г.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XVIII.

Поланецкій бѣжалъ къ пани Эмиліи съ опасеніемъ, застанетъ ли въ живыхъ Литку, потому что, на пути, слуга сообщилъ ему, что съ паненкой сдѣлались конвульсіи и она была при смерти. Но пани Эмилія сама дожидалась его и крикнула:

— Лучше, лучше!

— Докторъ здѣсь?—спросилъ Поланецкій.

— Здѣсь.

— А дѣвочка?

— Спитъ.

Въ лицѣ пани Эмиліи остатки испуга боролись съ надеждой и радостью. Поланецкій замѣтилъ, что губы ея почти бѣлы, глаза сухи и красны, на лицѣ пятна. Она была смертельно утомлена, потому что не спала цѣлыя сутки.

Докторъ, человѣкъ молодой и энергичный, находилъ, что опасность пока миновала. Пани Эмилію въ особенности ободрило то, что онъ сказалъ ей при Поланецкомъ:

— Мы не должны допустить ее до новаго припадка,—и не допустимъ.

Въ этомъ крылось дѣйствительное утѣшеніе,—очевидно, докъ допускалъ возможность отстраненія новаго припадка, но, вмѣ съ тѣмъ, и намекалъ на то, что онъ можетъ быть смертельмъ. Но теперь пани Эмилія цѣплялась за каждую надежду, какъ овѣкъ, падающій въ пропасть, хватается за каждую вѣтку куарника, ростущаго надъ обрывомъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

— Не допустимъ, не допустимъ! —повторяла она, лихорадочно стискивая руку доктора.

Поланецкій глянулъ ему въ глаза, желая прочитать въ нихъ, говоритъ ли онъ только для успокоенія матери, или высказываетъ истинную правду, и потомъ спросилъ на пробу:

— Вы останетесь при больной сегодня?

— Не вижу ни малѣйшей надобности,—отвѣтилъ докторъ.— Ребенокъ истощенъ и, по всей вѣроятности, будетъ спать долго и крѣпко. Завтра я приду, но сегодня совершенно спокойно могу идти домой.

Потомъ онъ опять обратился къ пани Эмиліи:

— Вы также должны отдохнуть. Всякая опасность миновала; теперь нужно, чтобы больная не видала на вашемъ лицѣ ни тѣни утомленія или безпокойства, потому что и сама можетъ встревожиться, а она черезъ-чуръ слаба для этого.

— Я не могла бы заснуть,—отвѣтила пани Эмилія.

Докторъ устремилъ на нее свои блѣдно-голубые глаза, властно посмотрѣлъ на нее и сказалъ медленно:

— Черезъ часъ вы ляжете и тотчасъ же уснете. Часовъ шесть - восемь вы будете спать непробуднымъ сномъ. Скажемъ, восемь... Завтра вы будете себя чувствовать бодрою и сильною. А теперь покойной ночи.

— А капли на случай, если дѣвочка проснется?

— Капли дастъ кто-нибудь другой. Вы будете спать. Покойной ночи.

Поланецкій хотѣлъ было идти за докторомъ, чтобы съ глазу-на-глазъ выпытать его о состояніи здоровьи Литки, но подумалъ, что такое длинное совѣщаніе можетъ обезпокоить пани Эмилію, и отказался отъ своего намѣренія, причемъ далъ себѣ слово завтра же пойти къ доктору на домъ и обо всемъ разспросить его.

Оставшись съ пани Эмиліей, онъ сказалъ:

— Послушайтесь совѣта доктора. Нужно отдохнуть. Я объявляю вамъ, что сейчасъ иду въ комнату Литки и не тронусь съ мѣста во всю ночь.

Всѣ мысли пани Эмиліи были при дѣвочкѣ и, вмѣсто того, чтобы прямо отвѣтить Поланецкому, она сказала:

— Знаете, послѣ припадка, передъ тѣмъ, какъ уснуть, она спрашивала о васъ нѣсколько разъ... И о Маринѣ также. И уснула съ вопросомъ: «Гдѣ панъ Стахъ?»

— Крошка моя бѣдная! Я и такъ бы пришелъ тотчасъ послѣ обѣда. Летѣлъ сюда, сколько духу хватило. Когда начался припадокъ?

— Около полудня. Съ утра она была грустна, какъ будто что предчувствовала. Вы знаете, она меня всегда увѣряетъ, что здорова, но теперь чувствовала себя плохо, потому что передъ самымъ припадкомъ сѣла возлѣ меня и просила держать ее за руку. Еще вчера,—я забыла вамъ сказать,—она задала мнѣ такой странный вопросъ: правда ли, о чемъ больной ребенокъ ни попроситъ, ему никогда не отказываютъ? Я сказала, что да, развѣ только онъ будетъ просить невозможнаго. Видимо, у нея было что-то въ головѣ, потому что вечеромъ, когда Мариня завернула къ намъ на минутку, она снова задала намъ такой же вопросъ. Спать она пошла веселая, но сегодня съ утра жаловалась на тяжесть дыханія. Къ счастью, передъ самымъ припадкомъ я послала за докторомъ и онъ сейчасъ же пришелъ.

— Самое лучшее то, что онъ ушелъ съ такою увѣренностью, что припадокъ не повторится. Я совершенно увѣренъ, что таково его убѣжденіе,—отвѣтилъ Поланецкій.

Пани Эмилія подняла глаза къ небу.

— Господь Богъ такъ милосердъ, что...

И, несмотря на всѣ усилія, она зарыдала. Затаенная тревога и отчаяніе смѣнились въ ней радостью и искали выхода въ слезахъ. Въ этой благородной и одухотворенной натурѣ врожденная экзальтація вѣчно нарушала спокойствіе равновѣсія, вслѣдствіе чего пани Эмилія никогда не отдавала себѣ отчета въ истинномъ положеніи вещей, и теперь не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія, что болѣзнь Литки этимъ послѣднимъ припадкомъ кончилась навсегда и теперь ей предстоятъ долгіе годы полнаго здоровья.

У Поланецкаго не хватало духа и не было ни малѣйшаго желанія указывать ей на дорогу, среднюю между отчаяніемъ и радостью. Сердце его было переполнено жалостью къ пани Эмиліи; на него нашла одна изъ такихъ минутъ, когда онъ чувствовалъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, какъ глубоко, хотя и безкорыстно, онъ привязанъ къ этой экзальтированной и идеальной женщинѣ. Еслибъ она была его сестрой, то онъ обнялъ бы ее и прижалъ къ своей груди, а теперь только поцѣловалъ ея тонкія, исхудалыя руки и сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу! Дорогая пани Эмилія, подумайте ебѣ, а я пойду къ Литкѣ и не тронусь съ мѣста, пока она не оснется.

И онъ ушелъ. Въ комнатѣ Литки царилъ мракъ,—жалюзи были ущены, а на дворѣ солнце уже заходило. Кое-гдѣ только пробрались красноватые лучи, слабо освѣщавшіе комнату, но и тѣ ·но исчезли,— на небо начинали находить тучи. Литка спа-

ла глубокимъ сномъ. Поланецкій сѣлъ около нея, началъ всматриваться въ ея уснувшее лицо и какъ-то сразу его сердце сжалось отъ болѣзненнаго чувства. Литка лежала навзничь, съ головою, запрокинутою къ потолку. Блѣдныя, худенькія ея ручонки безпомощно лежали на одѣялѣ, глаза были закрыты, а подъ глазами чернѣли глубокія тѣни отъ рѣсницъ. Цвѣтъ ея лица, который въ этомъ красноватомъ полусумракѣ принималъ оттѣнокъ воска, ея открытыя губы, и въ особенности глубокій сонъ придавалъ ея личику выраженіе такого покоя, какой бываетъ только на лицѣ умершихъ. И только легкое колебаніе оборокъ, которыми была обшита ея ночная кофта, показывало, что ребенокъ живетъ и дышетъ. Поланецкій долго всматривался въ это больное лицо и еще разъ почувствовалъ то, что чувствовалъ часто, когда размышлялъ о себѣ,—что онъ созданъ для роли отца, что, рядомъ съ любимою женщиной, дѣти могли бы явиться источникомъ неизмѣримаго счастья его жизни, его главною цѣлью и сутью его существованія. Онъ понялъ это, благодаря состраданію и любви, которую онъ питалъ въ настоящую минуту къ Литкѣ,—чужая ему по крови, въ настоящую минуту она была дорога ему, какъ свой ребенокъ. «Еслибъ мнѣ отдали ее,—подумалъ онъ,—еслибъ у нея не было матери, я взялъ бы ее навсегда и зналъ бы, что мнѣ есть для чего жить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что если бы было возможно торговаться со смертью, то онъ отдалъ бы ей самого себя безъ малѣйшаго колебанія, чтобы выкупить этого «котенка», надъ которымъ безжалостная смерть, казалось, кружилась, какъ хищная птица надъ голубемъ. Его охватила жалость, до сихъ поръ не свойственная ему, и этотъ человѣкъ, по характеру скорѣе рѣзкій и стремительный, готовъ былъ цѣловать руки и голову этого ребенка съ нѣжностью, на которую способно не всякое женское сердце.

Начинало темнѣть. Въ комнату вошла пани Эмилія, прикрывая ладонью свѣтъ голубой ночной лампочки.

— Спитъ?—спросила она тихо и поставила лампу на столикѣ за изголовьемъ Литки.

— Спитъ,—такъ же тихо отвѣчалъ Поланецкій.

Пани Эмилія посмотрѣла на спящую дѣвочку.

— Видите, — шепнулъ Поланецкій, — какъ ровно и спокойно она дышетъ. Завтра она будетъ чувствовать себя крѣпкой и здоровой.

— Да!—улыбнулась пани Эмилія.

— Теперь очередь мамаши. Спать, спать, а то я разворчусь!

Ея глаза все смотрѣли на него съ благодарною усмѣшкой. Въ

мягкомъ голубомъ свѣтѣ ночника она казалась какимъ-то видѣніемъ. Поланецкій, при видѣ ея ангельскаго лица, невольно подумалъ, что и она, и Литка—совсѣмъ какія-то неземныя существа, которыя по какой-то случайности забрели на этотъ свѣтъ.

— Да, — отвѣтила пани Эмилія. — Теперь я отдохну. Пришли Мариня и Васковскій. Мариня во что бы то ни стало хочетъ остаться.

— Тѣмъ лучше. Она такъ хорошо ухаживаетъ за больной. Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Поланецкій остался одинъ и началъ думать о паннѣ Маринѣ. При одномъ извѣстіи, что онъ увидитъ ее сейчасъ, онъ не могъ уже думать о чемъ-нибудь другомъ и вновь задавалъ себѣ вопросъ, въ чемъ заключается тайна природы,—почему онъ не полюбилъ пани Эмилію,—вѣдь, она безспорно красивѣе Марини, добрѣе ея, мягче, болѣе способна любить,—а полюбилъ дѣвушку, которую и зналъ гораздо меньше, и уважалъ меньше, основательно или неосновательно, все равно? Но, все-таки, при каждомъ приближеніи Марини въ немъ тотчасъ же пробуждались тѣ порывы, которые пробуждаются въ мужчинѣ при видѣ его избранницы, тогда какъ истинно-женственная фигура пани Эмиліи производила на него такое же впечатлѣніе, какъ картина или статуя... Почему это и зачѣмъ, чѣмъ больше культуренъ человѣкъ, чѣмъ нервы его становятся тоньше, а впечатлительность больше, тѣмъ большее различіе дѣлаетъ онъ между одною женщиной и другою? У Поланецкаго не было другого отвѣта, кромѣ того, который далъ докторъ, влюбленный въ панну Краславскую: «Я смотрю на нее трезво, только души не могу оторвать отъ нея». Это было скорѣе подтвержденіе явленія, чѣмъ отвѣтъ на вопросъ, да у Поланецкаго и времени для этого не было, потому что въ ту же минуту въ комнату тихо вошла панна Мариня.

Они обмѣнялись поклономъ. Поланецкій приподнялъ стулъ, тихо поставилъ его у постели Литки и сдѣлалъ знакъ паннѣ Маринѣ, чтобъ она садилась. Она заговорила первая, вѣрнѣе, шепнула:

— Идите пить чай. Тамъ профессоръ Васковскій.

— А пани Эмилія?

— Она не могла сидѣть больше. Говоритъ, что ей самой странно она должна идти спать.

— Я знаю, почему. Докторъ загипнотизировалъ ее, и хорошо сдѣлалъ. Дѣвочкѣ въ самомъ дѣлѣ лучше.

Панна Мариня посмотрѣла ему прямо въ глаза, но онъ поморщился:

— Правда, лучше... если припадокъ не повторится, а есть надежда, что онъ не повторится...

— Слава Богу! Пожалуйста, идите пить чай.

Но ему болѣе хотѣлось такъ близко и дружески перешептываться съ ней и онъ отвѣтилъ:

— Хорошо, хорошо... потомъ... Намъ нужно сговориться такъ, чтобъ и вы могли отдохнуть. Я слышалъ, что вашъ отецъ былъ болѣнъ. Вѣроятно, вы и за нимъ ухаживали?

— Папа теперь выздоровѣлъ, а я во что бы то ни стало хочу замѣнить Эмилію. Она сказала мнѣ, что ея прислуга тоже не спала прошлую ночь, потому что положеніе дѣвочки передъ припадкомъ внушало опасенія... Нужно, чтобы кто-нибудь неотступно наблюдалъ за ней, нужно устроить такъ, чтобы я, вы и Эмилія перемѣнялись по очереди.

— Хорошо. Но сегодня останусь я. Если не здѣсь, то въ сосѣдней комнатѣ, чтобы быть готовымъ на посылки. Когда вы узнали о припадкѣ?

— Я не знала ничего. Я пришла, какъ всегда, вечеромъ, узнать, какъ тутъ дѣло.

— А ко мнѣ прибѣжалъ слуга пани Эмиліи во время моего обѣда. Можете себѣ представить, какъ я летѣлъ сюда; я не былъ даже увѣренъ, застану ли ее въ живыхъ. Но что въ особенности странно, такъ это то, что мы почти въ теченіе всего обѣда говорили о Литкѣ съ Букацкимъ и Васковскимъ, пока не пришелъ Машко и не объявилъ, что онъ женится.

— Панъ Машко женится?

— Да. Новость эта не распространилась, но онъ самъ торжественно объявилъ ее намъ. На паннѣ Краславской, — помните?— на той, которая бывала у Бигелей. Хорошая партія для Машко.

Наступила минута молчанія. Панна Мариня не любила Машко, отвергла его исканія, не одинъ разъ обвиняла себя, что ея поведеніе привело его къ страданію и разочарованію, и должна была бы радоваться при извѣстіи, что молодой адвокатъ перенесъ ударъ такъ легко. Но извѣстіе это удивило ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уязвило. Женщины если сочувствуютъ кому-нибудь, то хотятъ, во-первыхъ, чтобъ этотъ кто-нибудь былъ дѣйствительно несчастенъ, а во-вторыхъ, хотятъ сами умиротворить его несчастіе, а если окажется, что помощь явилась съ другой стороны, испытываютъ нѣкоторое разочарованіе. Самолюбіе панны Марини было уязвлено вдвойнѣ. Она не думала, чтобъ о ней можно было забыть такъ легко, и, притомъ, должна была сознаться, что е

мнѣніе о Машко, какъ о выдающемся человѣкѣ, не имѣло ни малѣйшаго основанія. Онъ былъ чѣмъ-то вродѣ туза въ игрѣ противъ Поланецкаго, а теперь пересталъ быть тузомъ. Какъ бы то ни было, она чувствовала себя до нѣкоторой степени обиженною. Правда, это не помѣшало ей объявить Поланецкому, не безъ оттѣнка искренности въ голосѣ, что это извѣстіе очень радуетъ ее, но въ глубинѣ души Мариня отчасти сердилась и на него,—зачѣмъ онъ сообщилъ ей это извѣстіе.

Поланецкій въ послѣднее время велъ себя съ нею очень сдержанно и ничѣмъ не выдавалъ того, что̀ дѣлается въ немъ самомъ. Онъ не былъ черезъ-чуръ холоденъ,—имъ приходилось такъ часто сталкиваться,—въ обращеніи съ нею онъ проявлялъ даже дружеское расположеніе, но потому-то она и гнѣвалась на него, что онъ пересталъ любить ее. Такова ужь натура человѣческая: хотя давняя обида не только жила, но увеличивалась въ душѣ дѣвушки, хотя ея разочарованіе обратилось въ источникъ вѣчной горечи,—одна мысль, что онъ равнодушно относится къ ея негодованію, оскорбляла панну Мариню. Теперь ей казалось, что Поланецкій торжествуетъ при видѣ ея ошибки въ исторіи съ Машко, и, какъ тамъ ни смотри, у нея прежде былъ выборъ между Машко и имъ, Поланецкимъ, а теперь никакого выбора нѣтъ, и она остается въ оскорбительномъ положеніи покинутаго существа.

Но Поланецкій былъ далекъ отъ такихъ мыслей. Правда, онъ былъ радъ, что Мариня, отдавая Машко преимущество надъ нимъ, жестоко ошибалась, но ему и во снѣ не грезилось радоваться ея безпомощности, потому что теперь, и даже болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, онъ готовъ былъ открыть ей свои объятія, прижать къ груди и любить. Правда, онъ усердно и даже энергично старался сломить въ себѣ это чувство, но дѣлалъ это потому, что не видалъ передъ собой никакой надежды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ унизительнымъ для своей чести, чести мужчины, влагать всѣ силы души и сердца въ чувство, не оплачиваемое тою же монетой. По его собственному выраженію, ему хотѣлось «не поддаваться»,—онъ и не поддавался, какъ умѣлъ, но понималъ отлично, что такая борьба омляетъ, истощаетъ силы, и даже если и кончится побѣдой, , вмѣсто счастья, принесетъ пустоту. Да, кромѣ того, ему и до обѣды было далеко. При помощи величайшихъ усилій онъ дошелъ того, что его чувство смѣшалось съ горечью. Положимъ, этотъ рментъ разлагаетъ любовь по той простой причинѣ, что отравляетъ , современемъ онъ могъ разложить ее и въ сердцѣ Поланецкаго. пока-то—что это за ничтожный результатъ! А вотъ теперь,

сидя вблизи Марини и смотря на ея лицо и голову, освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ ночника, онъ говорилъ себѣ: «еслибъ только она хотѣла!» Эта мысль злила его, но онъ хотѣлъ быть искреннимъ передъ самимъ собою и долженъ былъ признаться, что еслибъ она хотѣла, онъ преклонился бы къ ея ногамъ съ величайшею готовностью. Что это за ничтожный результатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—нѣтъ тебѣ никакой дороги! Да, да, онъ чувствовалъ, что недоразумѣніе между ними такъ возросло, что если бы Мариня даже и захотѣла вернуть тѣ минуты, которыя они провели въ Кшеменѣ, то самолюбіе и опасеніе не впасть въ противорѣчіе съ самой собою замкнетъ ея уста. Отношенія ихъ такъ исковеркались, что они скорѣе вновь еще разъ могли бы полюбить другъ друга, чѣмъ объясниться.

Тишина, царящая въ комнатѣ, нарушалась только дыханіемъ больного ребенка да унылымъ стукомъ дождя, барабанившаго въ стекла оконъ. На дворѣ—сырая, осенняя ночь, приносящая съ собою угнетеніе, грусть, пессимизмъ и апатію. Такою же унылою казалась и эта комната, въ неосвѣщенныхъ углахъ которой, казалось, притаилась смерть. Часъ шелъ за часомъ, все тише, все медленнѣе. И вдругъ на Поланецкаго нахлынули недобрыя предчувствія. Посмотрѣлъ онъ на Литку и ему представилось чистымъ безуміемъ предположеніе, что она можетъ жить. Тщетны заботы! тщетны надежды! тщетны самообольщенія! Этотъ ребенокъ долженъ умереть,—долженъ тѣмъ болѣе, что онъ такъ дорогъ всѣмъ, такъ прелестенъ, такъ любимъ всѣми! За ней пойдетъ пани Эмилія—и потомъ будетъ ужь совсѣмъ безнадежная пустыня! Что за жизнь! Вотъ у него, Поланецкаго, только и есть на свѣтѣ, что эти два существа, которыя любятъ его, для которыхъ онъ представляетъ что-то, и онъ несомнѣнно долженъ утратить ихъ! При нихъ можно было бы за что-нибудь цѣпляться къ жизни,—безъ нихъ остается одно ничто, какое-то будущее, слѣпое, глухое, безсмысленное, съ идіотскимъ обличьемъ.

Самый энергичнѣйшій человѣкъ требуетъ, чтобы кто-нибудь любилъ его, иначе онъ чувствуетъ въ себѣ смерть и его энергія обращается противъ жизни. Такая минута нашла и на Поланецкаго. «Я положительно не знаю, почему бы мнѣ не выпалить себѣ въ лобъ,—подумалъ онъ,—не отъ скорби по нихъ, но отъ грозящей мнѣ пустоты безъ нихъ. Если жизнь должна быть безсмыслицей, то нѣтъ лучшаго средства, какъ дозволить себѣ другую безсмыслицу,—хотя бы изъ любопытства, до какой степени это можетъ дойти».

Но эта мысль явилась у него не какъ намѣреніе,—такъ человѣкъ, скованный несчастіемъ, рветъ цѣпь, которая душитъ его,—это минута гнѣва, ищущаго возмездія кому бы то ни было. И гнѣвъ Поланецкаго мгновенно обратился на Мариню. Самъ онъ не зналъ, почему, но ему вдругъ показалось, что все злое творится по ея винѣ, что она внесла въ ихъ кружокъ недружелюбіе, котораго раньше не было, угнетеніе, котораго раньше не было, что она бросила какой-то камень въ ихъ тихія воды и теперь волны, расходящіяся все дальше и дальше, охватываютъ не только его, но и пани Эмилію, и Литку. Какъ человѣкъ, руководимый разсудкомъ, не нервами, онъ понималъ всю нелѣпость этихъ упрековъ, и, все-таки, не могъ освободиться отъ воспоминанія, что пока Мариня не пріѣхала сюда, все было лучше,—настолько лучше, что тотъ періодъ онъ могъ считать счастливымъ въ своей жизни. Тогда онъ любилъ Литку такою ясною, отцовскою любовью, которая не приносила и не могла принести ему ни малѣйшей капли горечи. Кто знаетъ, можетъ быть, современемъ онъ съумѣлъ бы полюбить и пани Эмилію? Вѣрно, она не питала къ нему никакихъ чувствъ, кромѣ пріязни, но, можетъ быть, потому, что другихъ онъ и не требовалъ. Очень часто недюжинныя женщины отрекаются отъ чувствъ, заходящихъ за границы пріязни для того, чтобы не портить и не искажать жизнь того, кто могъ бы быть дорогимъ для нихъ, но не хочетъ. Тогда въ глубинѣ ихъ души поселяется тихая, скрытая грусть, и всѣ силы уходятъ на проявленія нѣжности, дозволяемой пріязнью.

Поланецкій увидалъ Мариню и сразу отдалъ ей лучшую часть своихъ чувствъ. За что? Зачѣмъ? Только на горе самому себѣ. Теперь, къ довершенію несчастія, та Литка, которая была единственнымъ солнечнымъ проблескомъ въ его жизни, умираетъ или можетъ умереть каждую минуту. Поланецкій снова посмотрѣлъ на нее и сказалъ ей въ глубинѣ своей души:

«Останься хоть ты. Ты не знаешь, насколько ты нужна и мнѣ, и твоей матери. Господи, что за жизнь будетъ безъ тебя!»

И вдругъ онъ замѣтилъ, что глаза дѣвочки смотрятъ на него.

Съ минуту онъ думалъ, что ошибается, и не смѣлъ тронуться ь мѣста, но дѣвочка начала улыбаться и, наконецъ, прошептала:

— Панъ Стахъ...

— Это я, Литусь. Какъ ты чувствуешь себя?

— Хорошо... а гдѣ мама?

— Сейчасъ придетъ. Мы страшно воевали съ нею, чтобъ она ошла спать, и еле ее уговорили.

Литка повернула голову и замѣтила панну Мариню.

— А! это тетя Мариня?

Теперь она называла ее тетей.

Панна Мариня встала, при свѣтѣ лампочки накапала изъ пузырька капель на ложку, подала ихъ Литкѣ, а когда дѣвочка выпила лѣкарство, прильнула губами къ ея лбу.

Наступила минута молчанія, потомъ дѣвочка сказала какъ бы сама про себя:

— Не нужно будить маму.

— Нѣтъ; никто и не станетъ будить, — отвѣтилъ Поланецкій.—Все будетъ такъ, какъ Литусь хочетъ.

И онъ началъ гладить ея ручонку, лежащую на одѣялѣ.

А она посмотрѣла на него и сказала по своему обычаю:

— Панъ Стахъ... панъ Стахъ...

Казалось, Литка хочетъ заснуть, но, видимо, она съ величайшимъ усиліемъ думала о чемъ-то, потому что брови ея то и дѣло поднимались кверху. Наконецъ, она открыла глаза и начала поочередно посматривать то на Поланецкаго, то на панну Мариню.

Въ комнатѣ слышенъ былъ только стукъ дождя о стекла оконъ.

— Что съ тобой, дѣточка?—спросила панна Мариня.

Литка сложила руки и прошептала еле слышнымъ голосомъ:

— У меня большая, большая просьба къ вамъ, тетя Мариня... но я не смѣю сказать.

Панна Мариня наклонила къ ней свое кроткое лицо.

— Говори, любовь моя, все я сдѣлаю, что ты захочешь.

Дѣвочка схватила ея руку и, прижавшись къ ней губами, прошептала:

— Чтобы вы любили пана Стаха.

Въ тишинѣ, которая наступила послѣ этихъ словъ, слышно было только учащенное дыханіе дѣвочки; наконецъ, раздался спокойный голосъ панны Марини:

— Хорошо, любовь моя.

У Поланецкаго горло сжалось спазматическимъ рыданіемъ. Все, все, не исключая панны Марини, исчезло изъ его кругозора, за исключеніемъ этой дѣвочки... Въ такую минуту, больная, безсильная, стоящая передъ лицомъ смерти, она думала только о немъ.

А Литка спрашивала дальше:

— И вы выйдете замужъ за пана Стаха?

При слабомъ свѣтѣ голубого ночника лицо панны Марини казалось очень блѣднымъ, губы дрожали, но она отвѣтила безъ колебанія:

— Да, Литусь.

Тогда дѣвочка во второй разъ поднесла къ своимъ губамъ ея руку. Голова ея упала на подушку и нѣсколько минутъ она лежала съ закрытыми глазами, но потомъ двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

И опять настала тишина. Дождь все барабанилъ въ стекла. Поланецкій и панна Мариня сидѣли безъ малѣйшаго движенія, ни разу не взглянули другъ на друга, точно заснули. Они оба чувствовали только, что судьба ихъ рѣшилась въ эту ночь, и были оглушены тѣмъ, что произошло. Въ хаосѣ мыслей и чувствъ ни тотъ, ни другая не могли ни сознавать, ни уяснить, что происходитъ внутри ихъ.

Оставалось одно — какъ бы не взглянуть другъ на друга. И вновь потянулся часъ за часомъ. Часы пробили полночь, потомъ часъ. Около двухъ часовъ пани Эмилія, какъ тѣнь, проскользнула въ комнату.

— Спитъ?—спросила она.

— Нѣтъ, мамочка,—отвѣтила Литка.

— Хорошо тебѣ?

— Хорошо, мамочка.

И когда пани Эмилія сѣла на ея кроватку, дѣвочка обняла ручонками ея шею и, прижимаясь русою головкой къ ея груди, сказала:

— Теперь, мамочка, я знаю, что о чемъ больной ребенокъ ни попроситъ, ему никогда не отказываютъ.

Долго прижималась она къ матери, но потомъ, растягивая каждое слово, какъ это дѣлаютъ полусонныя или очень ослабѣвшія дѣти, проговорила:

— Панъ Стахъ теперь не будетъ грустный и я тебѣ скажу, мамочка, отчего...

Тутъ голова ея отяжелѣла на груди матери. Пани Эмилія почувствовала, какъ на вискахъ и рукахъ ребенка выступаетъ холодный потъ.

— Литусь!—воскликнула она тихимъ, испуганнымъ голосомъ.

Дѣвочка продолжала говорить:

— Странно какъ-то мнѣ... какая-то слабость...

Мысли ея, видимо, начинали путаться, потому что она прибавила потомъ:

— О! море плыветъ! какое большое! и мы всѣ плывемъ по немъ... Мама, мама!...

И снова наступилъ припадокъ, страшный, немилосердный. Тѣло дѣвочки искривилось въ конвульсіи, глаза закатились подъ лобъ.

Теперь нечего было обманываться: приближалась смерть... чувствовалась она и въ блѣдномъ свѣтѣ ночника, и въ темныхъ углахъ комнаты, и въ звукѣ стеколъ подъ напоромъ дождя, и въ шумѣ вѣтра, полномъ рыдающихъ звуковъ.

Поланецкій вскочилъ и побѣжалъ за докторомъ. Черезъ четверть часа они возвратились оба и въ тяжеломъ ожиданіи стояли у дверей затворенной комнаты Литки. Докторъ, съ минуты, какъ его подняли съ постели, повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Волненіе или испугъ?

Здѣсь же толпилась и прислуга съ заспанными лицами. Во всей квартирѣ царствовала тишина, долгая, тяжелая, какъ свинецъ.

Тишину эту нарушила Мариня, которая первая вышла изъ затворенной комнаты, съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно, и дрожащимъ голосомъ поспѣшно проговорила:

— Воды барынѣ... барышня скончалась!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ пятидесятыхъ годахъ *).

V.

Размѣръ заработковъ рабочихъ. — Величина додачи. — Случай неаккуратной расплаты. — Недоразумѣнія при разсчетѣ. — Должники. — Возвращеніе рабочихъ. — Разсчетъ съ ними въ кабакахъ. — Какъ охраняли рабочихъ отъ пьянства.

Показанія современниковъ значительно расходятся относительно того, сколько рабочіе зарабатывали на промыслахъ въ разсматриваемое время. К—въ, авторъ уже извѣстной намъ статьи о рабочей платѣ на промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы, приходитъ къ выводу, что въ теченіе лѣтней операціи, т.-е. 5 мѣсяцевъ, рабочіе могли тамъ заработать около ста рублей **), но разсчетъ нашего автора, по его словамъ, относится только къ промысламъ наиболѣе благоустроеннымъ. «Если нѣтъ остановки въ дѣйствіяхъ машины,—говоритъ онъ,—если лошади исправны и перевозка песковъ недалека и удобна, въ такомъ случаѣ работа идетъ скоро, и часто одинъ рабочій успѣваетъ за двухъ въ сравненіи съ тѣми промыслами, гдѣ менѣе порядка или удобства... Тамъ, гдѣ соблюдается строгій порядокъ, рабочій, исполнивъ хозяйскій урокъ, имѣетъ довольно времени для «старанія» и для отдыха, но гдѣ машина неисправна и лошади плохи или голодны, тамъ рабочіе *не только почти не имѣютъ времени на «ста-*

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) По его разсчету рабочій, въ будній день на урочной и старательской работѣ могъ получить 60 коп. (что для будняго дня слишкомъ много). Беря въ разсчетъ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ и считая въ каждомъ изъ нихъ 25 рабочихъ дней, онъ получаетъ всего 125 такихъ дней, но считаетъ необходимымъ исключить изъ нихъ 10—15 дней, во время которыхъ рабочій увольняется отъ урочныхъ занятій на отдыхъ, для ...вопусканія или подъ предлогомъ именинъ и нездоровья. Такимъ образомъ, за 110 ...бочихъ дней работникъ долженъ получить 66 рублей. Затѣмъ въ теченіе этого же ...мени авторъ насчитываетъ 28 праздничныхъ дней; выключивъ 8 праздниковъ на ...ыхъ, онъ полагаетъ, что въ остальные 20 праздничныхъ дней каждый рабочій мо...ъ получить на „старанія" при снятіи турфа или промывки песковъ, считая ежеди...но по $^1/_2$ сажени или по 1 р. 75 к., всего 35 р. с. Итого, за будничныя и праздничныя работы придется за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 101 рубль или по 20 р. въ мѣсяцъ. ...адобно замѣтить,—прибавляетъ авторъ, — что есть много рабочихъ, которые въ ...аздникъ зарабатываютъ вдвое болѣе".

раніе», но даже не всегда успѣваютъ исполнять хозяйскіе уроки. Отсюда происходитъ то, что рабочіе, находящіеся на небогатыхъ, но исправныхъ промыслахъ, получаютъ гораздо болѣе тѣхъ, которые работаютъ на пріискахъ богатыхъ по достоинству розсыпей, но дурно устроенныхъ».

Въ другомъ мѣстѣ статьи авторъ вновь возвращается къ этому вопросу. «Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—не всѣ золотопромышленники ведутъ дѣла свои правильно и благонамѣренно; многіе, не понимая дѣла или имѣя въ виду свои разсчеты, дѣйствуютъ такъ, что рабочій, явившійся на пріискъ получить вознагражденіе за трудъ, по справедливости тяжелый, *удаляется изъ тайги съ пустымъ карманомъ, а иногда и въ долгу.* Это происходитъ сколько отъ распоряженія золотопромышленника, на пріискѣ котораго находится рабочій, столько и отъ различныхъ удобствъ самаго пріиска. На это послѣднее весьма важное обстоятельство рабочій обращаетъ особенное вниманіе. При встрѣчѣ съ работниками, вышедшими изъ другихъ пріисковъ, рабочіе обыкновенно освѣдомляются другъ у друга и передаютъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутся дѣла у того и у другого хозяина, каковы условія, распоряженія, удобства и неудобства мѣстности, добросовѣстно ли разчитываются съ рабочими, тяжелы или легки уроки?... Рабочіе очень хорошо знакомы съ состояніемъ промысловъ и, соображаясь съ обстоятельствами, стараются поступать, разумѣется, туда, гдѣ имъ лучше. Часто они охотно нанимаются на пріискъ, хотя и бѣдный по добычѣ золота, но гдѣ существуютъ правильное устройство, удобства жизни, хорошее содержаніе, гдѣ обращеніе съ рабочими благоразумно, гдѣ справедливо и скоро разсчитываются и гдѣ даютъ средства къ заработкѣ».

Такимъ образомъ, К—въ не могъ не признать, что на нѣкоторыхъ пріискахъ рабочіе не только не имѣли времени на «стараніе», но даже не всегда успѣвали исполнить хозяйскіе уроки, что имъ случалось уходить съ пріисковъ не только съ пустымъ карманомъ, но и въ долгу, однако, эти признанія лишь мимоходомъ срываются у него съ пера, самъ же онъ рисуетъ положеніе рабочихъ въ весьма прикрашенномъ видѣ.

Ближе къ истинѣ выводъ Севастьянова (1859 г.), тѣмъ болѣе, что онъ принимаетъ во вниманіе разность заработка различныхъ разрядовъ рабочихъ. По его словамъ, рабочіе, занимающіеся добычею, свалкою и промывкою песковъ, получали контрактной, старательской и праздничной платы въ среднемъ 70 к. въ день, рабочіе, вскрывавшіе турфъ и возчики, 60 к., прочіе чернорабочіе до 40 к. Если мы примемъ, какъ и К—въ, въ лѣтнюю операцію 130 рабочихъ дней, то первый разрядъ рабочихъ могъ заработать въ лѣто 91 рубль, второй 78 рублей и третій 52 рубля.

По разсчету автора статьи, напечатанной въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1859 г. за подписью «Оппонентъ», пріисковые рабочіе въ $4^1/_3$ лѣтніе мѣсяца могли заработать отъ 72 до 78 руб. *), но и онъ ука

*) К—въ принимаетъ для своего разсчета 5 рабочихъ мѣсяцевъ лѣтней операціи а *Оппонентъ* $4^1/_3$ (съ 1 мая по 10 сентября), но за то К—въ, кромѣ 8 праздниковъ, допускаетъ 15 прогульныхъ дней.

зываетъ на то, что, вслѣдствіе полученія значительнаго задатка, рабочему сплошь и рядомъ приходится уходить съ промысловъ съ пустымъ карманомъ или даже оставаясь въ долгу.

Что касается заработка въ зимнюю операцію, то, по словамъ К—ва, рабочимъ платили тогда отъ 5 до 15 руб. въ мѣсяцъ (мы видѣли, что послѣднее вознагражденіе получали только немногіе мастеровые и конюхи). Принявъ средній размѣръ жалованья 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ (?), онъ вычисляетъ, что за семь мѣсяцевъ рабочій получитъ 52 руб. 50 к., что составитъ, по его разсчету, вмѣстѣ съ лѣтнимъ заработкомъ около 150 р. с. въ годъ на хозяйскомъ продовольствіи. «Эта цифра,—увѣряетъ К—въ,—можетъ служить мѣрою самою меньшей (??) заработка простого работника, не знающаго никакого мастерства, а плотники, кузнецы, конюхи и другіе ремесленники легко могутъ пріобрѣтать до 200 р. с. и даже болѣе. На каждаго годового работника, по валовому разсчету пріисковой конторы, приходится обыкновенно въ выдачу отъ 160 до 180 р. с.». Но мы увидимъ, что этого отнюдь нельзя принять не только за средній, но даже за болѣе или менѣе частый заработокъ.

Выводы К—ва о заработкѣ рабочихъ относятся къ Енисейскому округу и Бирюсинской системѣ, Севастьянова—также къ Енисейскому округу; къ южной части этого округа относится и новѣйшая статья г. Саввиныхъ *Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ* *), въ которой онъ сравниваетъ бытъ рабочихъ въ началѣ 50-хъ и въ концѣ 80-хъ годовъ. Выводы этого автора основаны на документахъ Удерейской компаніи (южно-енисейской системы). Изъ разсчетной книги компаніи Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева 1852 г. авторъ беретъ данныя о заработкѣ рабочихъ и указываетъ на то, что заработокъ 3 годовыхъ рабочихъ колеблется между 40 и 77 рублями (въ среднемъ 59 руб.), а заработокъ 7 лѣтнихъ рабочихъ колеблется между 27 и 42 руб. (въ среднемъ безъ малаго 34 р.). Общій выводъ автора изъ данныхъ о 10 рабочихъ тотъ, что средній ихъ заработокъ равнялся 41 руб. На основаніи отчета 1854 г. той же компаніи авторъ вычисляетъ, что рабочіе (379 человѣкъ) за урочную работу и старательскую работу въ будни и праздники получили въ среднемъ въ теченіе всей операціи около 37 руб. на человѣка, слѣдовательно, плата была не болѣе, чѣмъ въ 1852 году. Между тѣмъ, «добыча золота по отношенію къ расходамъ была настолько блестящая, что было изъ чего улучшать вознагражденіе рабочихъ».

Выводъ г. Саввиныхъ относительно 1852 г. могъ бы возбуждать сомнѣнія, такъ какъ онъ основанъ на данныхъ о слишкомъ небольшомъ количествѣ, если бы онъ не подтверждался выводомъ о 1854 годѣ, основаномъ на свѣдѣніяхъ о всѣхъ рабочихъ Удерейской компаніи. Но, кромѣ того, благодаря любезности А. А. Саввиныхъ, мы могли провѣрить и его первый выводъ, такъ какъ въ нашихъ рукахъ находится первая часть той

*) *Сибирскій Вѣстникъ* 1890 г., №№ 64 и 66.

же самой разсчетной книги компаніи Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева, изъ которой онъ заимствовалъ данныя для своей статьи; съ этою цѣлью мы взяли свѣдѣнія о гораздо болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, а именно о 45 годовыхъ и 39 лѣтнихъ (всего 84 человѣка). Мы брали тѣхъ рабочихъ, которые работали все время, т.-е. не бѣжали, не умерли и не были разсчитаны прежде срока по какимъ-либо причинамъ. При такихъ условіяхъ мы получаемъ даже наибольшіе, а не собственно средніе заработки, какіе мы будемъ имѣть, если возьмемъ всѣхъ находившихся на пріискѣ рабочихъ.

Прежде всего, мы должны отмѣтить, что въ среднемъ на каждаго изъ 45 годовыхъ рабочихъ приходится около 280 рабочихъ дней. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые начали работу лишь въ первыхъ числахъ октября, то это вовсе не мало; впрочемъ, это и естественно, такъ какъ мы взяли для разсчета людей, остававшихся на промыслахъ весь годъ, т.-е. наиболѣе постоянныхъ и усердныхъ рабочихъ *). Весь средній годовой заработокъ на каждаго изъ 45 рабочихъ (т.-е. мѣсячная плата, вознагражденіе за подрядныя работы, за праздничную работу и за стараніе на золотѣ и турфахъ) окажется всего по 60 руб. 80 коп. (maximum заработка 150 руб., minimum—20 руб.), и это не такъ называемая «додача», т.-е. чистая получка въ концѣ операціи за вычетомъ задатка и забора на промыслахъ, а весь валовой заработокъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что хотя выводъ г. Саввиныхъ о годовомъ заработкѣ сдѣланъ на основаніи данныхъ всего о 3 рабочихъ, но онъ весьма близокъ къ нашему: очевидно, г. Саввиныхъ удачно выбралъ дѣйствительно типичныхъ рабочихъ. Менѣе удачно онъ опредѣлилъ средній заработокъ лѣтнихъ рабочихъ на основаніи данныхъ о 7 человѣкахъ: по нашему разсчету, 39 лѣтнихъ рабочихъ, начавшіе работать въ апрѣлѣ и маѣ и кончившіе 6—9 сентября 1852 г., проработавъ среднимъ числомъ по 94 дня, заработали въ среднемъ по 43 р. 40 к. (maximum заработка 64 р., minimum—13 руб.) **), но главная характерная черта, поразившая г. Саввиныхъ, т.-е. сравительная незначительность заработка, подтверждается.

Относительно Митрофановскаго промысла той же компаніи Бенардаки мы имѣемъ еще «разсчетъ съ рабочими жалованья и старательскаго разнаго рода работъ» 1850 г., изъ котораго видно, что въ эту операцію средній заработокъ всѣхъ 284 рабочихъ равняется 155 руб. *асс.* или 44 р. сер. (maximum 615 руб. асс., minimum 5 р. асс.). Въ 1846—1847 г. средній заработокъ рабочихъ той же Удерейской компаніи равнялся 267 руб. асс. (76 р. с.), слѣдовательно, былъ значительно болѣе.

Наконецъ, въ 1858 г. заработокъ 354 рабочихъ Митрофановскаго и Воскресенскаго пріисковъ Удерейской компаніи былъ нѣсколько выше 1850 г.,

*) Пищиковъ въ своей статьѣ о пріисковыхъ рабочихъ (*Сынъ Отечества* 1861 г.) говоритъ, что, считая мѣсяцъ въ 30 рабочихъ дней, на пріискахъ „въ году рабочихъ мѣсяцевъ насчитываютъ меньше 9“.

**) У г. Саввиныхъ средній лѣтній заработокъ 33 р. 76 к.

а именно около 71 р. *сер.* (maximum 380 р., minimum 1 р. с.), т.-е., все-таки, средній заработокъ 1858 г. нѣсколько менѣе заработка 1846—1847 г. (считая 1 р. сер. равнымъ 3½ р. асс.).

На промыслахъ компаніи Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) въ 1858 г. 312 рабочихъ *получили* въ среднемъ по 59 руб. сер. (*заработали* же менѣе, по 50 р.: тутъ за рабочими остался значительный долгъ).

На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ операцію 1851—52 г. 44 рабочихъ, работая въ среднемъ приблизительно по 246 дней, заработали среднимъ числомъ по 67 руб. сер. (высшій заработокъ 140 рублей, низшій 38 коп.). Въ 1847 году средній заработокъ 207 рабочихъ Казанскаго промысла былъ нѣсколько ниже (200 рублей асс., около 57 руб. сер.), но нужно замѣтить, что въ числѣ 44 рабочихъ этого пріиска въ 1851—1852 г. *) намъ пришлось взять преимущественно цеховыхъ рабочихъ, вознагражденіе которыхъ выше.

Слѣдовательно, на промыслахъ южной части Енисейскаго округа средній заработокъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ колебался между 44 и 71 р. с., а въ 40-хъ годахъ средній заработокъ въ этой же системѣ промысловъ колебался между 57 и 76 руб. сер. (въ среднемъ около 70 р.). Если мы на основаніи данныхъ относительно пріисковъ Удерейской компаніи (1850, 1852 и 1858 гг.) сдѣлаемъ выводъ за 3 года, то окажется, что средній заработокъ за это время равнялся 56 р., на промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 г.—59 р. и на Казанскомъ промыслѣ Асташева—67 р.; слѣдовательно, заработокъ 50-хъ годовъ на разныхъ промыслахъ колеблется между 56 и 67 р. Такъ какъ по объясненнымъ причинамъ заработъ рабочихъ Асташева выше нормальнаго, то можно признать, что абсолютная величина среднихъ заработковъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ южно-енисейской системѣ почти одинакова, причемъ, однако, заработки первой половины 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ значительно менѣе заработковъ 40-хъ годовъ. Но нужно при этомъ замѣтить, что количество рабочихъ дней въ 50-хъ годахъ весьма увеличилось сравнительно съ сороковыми. На Прокопьевскомъ пріискѣ въ 1843 г. въ среднемъ на каждаго рабочаго приходилось всего 176 рабочихъ дней, на Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. на каждаго рабочаго въ среднемъ—153 рабочаго дня, между тѣмъ, на томъ же Казанскомъ промыслѣ въ 1851—52 году мы считаемъ приблизительно по 246 рабочихъ дней, на пріискѣ Удерейской компаніи въ 1852 г. по 280 дней. Если принять это во вниманіе, то нельзя признать, что въ дѣйствительности вознагражденіе за трудъ въ 50-хъ годахъ вообще значительно уменьшилось сравнительно съ сороковыми годами **).

*) Годовая операція на золотыхъ промыслахъ считается отъ осени до осени.

**) Въ 1858 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа въ своемъ донесеніи совѣту главнаго управленія Восточной Сибири утверждалъ, что „общая сложность заработка каждаго рабочаго въ продолженіе всей годичной операціи простир-

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверно-енисейской системы) въ операцію 1851 г. заработокъ рабочихъ былъ значительно выше, чѣмъ на извѣстныхъ намъ промыслахъ южно-енисейской системы, несмотря на то, что большинство рабочихъ начало работать въ мартѣ и апрѣлѣ и лишь весьма немногіе въ январѣ и февралѣ, такъ что здѣсь была собственно лишь лѣтняя операція, каждый изъ 126 рабочихъ, принятыхъ нами въ разсчетъ, заработалъ по 108 р. с. (наибольшій заработокъ 230 р. с., наименьшій 80 к., кромѣ задатка). Значительные заработки на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ объясняются, во-первыхъ, тѣмъ, что тамъ было много отрядныхъ рабочихъ для вскрыши турфа, а отрядные, какъ мы видѣли, получали болѣе значительное вознагражденіе, и, во-вторыхъ, большимъ богатствомъ золота на пріискахъ этой компаніи *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что указанный К—вымъ средній заработокъ въ 100 р. сер. въ лѣтнюю операцію оказался возможнымъ лишь на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа), на другихъ же промыслахъ онъ былъ гораздо менѣе, а именно въ разные годы колебался между 44 и 71 руб. средняго заработка въ годовую операцію.

Мы указали размѣръ всего заработка, теперь посмотримъ, какъ велика была одна изъ его составныхъ частей—заработокъ на старательскихъ работахъ.

Старательскія работы на промыслахъ Удерейской компаніи, а именно вознагражденіе за старательскую добычу турфа, песку и праздничные дни доставили въ 1852 г. годовымъ рабочимъ 28% заработка, а лѣтнимъ—70%; при общемъ выводѣ относительно *всѣхъ* рабочихъ въ 1850 и 1858 гг.—46%, между тѣмъ какъ въ 1846—47 гг. на пріискѣ той же компаніи старательская работа доставила всего 18% заработка.

На промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 году старательская плата (вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за золото) составляла 53% всего заработка **).

рается до 100 р. с. и болѣе", но неизвѣстно, какъ онъ пришелъ къ этому выводу: быть можетъ, онъ сдѣлалъ вычисленіе относительно рабочаго, трудящагося чуть ли не 365 дней въ году, чего, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности не бывало. Но этому свидѣтельству горнаго исправника южно-енисейской системы можно противупоставить показаніе енисейскаго жандармскаго офицера, что въ 1859 г. „большое количество рабочихъ" вышло съ промысловъ „безъ денегъ и даже съ долгами".

*) Въ архивѣ А. П. Кузнецова, въ Красноярскѣ, мы нашли два реестра *поисковой партіи* (1855 и 1856 гг.), манскихъ пріисковъ (рѣка Мана, притокъ Енисея выше Красноярска); въ 1855 г. каждый изъ 50 рабочихъ, проработавъ въ среднемъ 149 дней, получилъ среднимъ числомъ 54 р., а въ 1856 г., проработавъ 120 дней, получилъ 40 р., т.-е. весь средній ежедневный заработокъ равнялся 33—37 коп.

**) На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ 1851—52 г. вознагражденіе за старательскую работу составляло всего 24% заработка. Но этотъ процентъ, выведенный изъ данныхъ о 44 рабочихъ, вѣроятно ниже дѣйствительнаго, вслѣдствіе того, что

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (1851 г.) вознагражденіе за старательскія работы (распредѣленное на слѣдующія рубрики: «за общественное золото», т.-е. общія старанія на пескахъ, «за почвенное золото», т.-е. подъемное, «за вскрышу турфа»—общее стараніе на турфахъ, «за выработку песка», быть можетъ, артелями или въ одиночку и «поденчыхъ») вмѣстѣ съ небольшою суммой «наградныхъ» составляли 55% заработка.

Слѣдовательно, если не считать Казанскаго пріиска, процентъ старательскаго заработка въ общемъ заработкѣ на енисейскихъ промыслахъ въ 50-хъ годахъ колебался между 43 и 55, между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ на промыслахъ южно-енисейской системы составлялъ въ среднемъ отъ 12 до 66%.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, какую часть своего заработка рабочій забиралъ до разсчета деньгами и натурою (такъ называемая *додача*) и какую часть вознагражденія онъ получалъ деньгами и какую натурою, то мы увидимъ, что въ 50-хъ годахъ на двухъ промыслахъ южно-енисейской системы заборъ *до разсчета* составлялъ 68 и 87% всего заработка, а въ 40-хъ годахъ—32—63% всего заработка. Изъ всего забора *до разсчета* заборъ вещами и припасами составлялъ въ 50-хъ годахъ 46—62%, а въ 40-хъ годахъ 27—44%. Такимъ образомъ, въ 50-хъ годахъ рабочіе меньшую долю заработка выносили съ промысловъ.

Такъ какъ продовольствіе рабочій получалъ готовое, то естественно, что, какъ оказывается, на одежду шла большая часть заработка, чѣмъ на съѣстные припасы. Если принять для южно-енисейской системы, что годовой заработокъ равнялся 60 руб. и что заборъ вещами вдвое превосходилъ заборъ припасами*), то окажется, что вещами на разныхъ пріискахъ этой системы рабочій бралъ въ среднемъ на сумму отъ 8 до 15 руб., а припасами отъ 4 до 7 руб. въ теченіе цѣлаго года. Если затѣмъ навести справку въ разсчетныхъ книжкахъ о цѣнахъ на промыслахъ Енисейскаго округа, то мы убѣдимся, что на указанныя маленькія суммы средній рабочій не могъ много раскупиться, такъ какъ одна пара бродней стоила отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 80 к., пара кунгурскихъ сапоговъ отъ 2 до 3 р., армякъ или азямъ второго сорта отъ 3 р. до 4 р. 50 к., полушубокъ отъ 2 р. 43 к. до 3 р. 50 к., гарусные кушаки, которые любятъ носить рабочіе, 50—60 к., рукавицы 30 и 40 к., табакъ черкасскій 20—25 к., фунтъ сахара 42—50 к., кирпичъ чернаго кирпичнаго чая 1 р. 15 к.—1 р. 80 к.

...чительная часть этихъ рабочихъ принадлежала къ числу цеховыхъ, имѣющихъ ...ѣе времени для старанія; въ 1847 г. на этомъ пріискѣ старательская плата со...авляла половину заработка.

*) Въ 1850 г. на промыслахъ Удерейской компаніи заборъ припасами и вещами ...ставлялъ около 37% всего заработка (въ томъ числѣ „аммуничными“ и другими ...цами 24% и съѣстными припасами болѣе 12%); на промыслахъ Кузнецова и Щеева въ 1858 г. заборъ вещами и припасами 22% всего заработка (вещами 17%, ...пасами 5%).

Законъ предписываетъ изъ заработка ссыльно-поселенцевъ удерживать 1/3 часть наемной платы и передавать ее для сохраненія артельному старостѣ, но это правило никогда не соблюдалось, такъ какъ оно совершенно противорѣчило желаніямъ рабочихъ.

Въ 1850 г. администраціи Восточной Сибири пришлось обратить вниманіе на неисправность нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ въ уплатѣ денегъ рабочимъ: въ этомъ году комп. Зотовыхъ и комп. Красильникова, Бобковыхъ и Ярлыкова поставили въ крайнее положеніе рабочихъ, нанятыхъ ими для работъ на пріискахъ, вслѣдствіе невысылки денегъ, нужныхъ для разсчета съ рабочими. Подобныя же обстоятельства обнаружились у комп. Горохова и комп. Лерхе и Мошарова. Вышедшіе осенью съ пріисковъ рабочіе цѣлыми тысячами стекались въ промысловое управленіе, обращались и къ мѣстному начальству, требуя заработанныхъ денегъ. Такъ какъ неудовлетвореніе ихъ совершенно законныхъ требованій могло вызвать безпорядки *), то енисейскій губернаторъ прибѣгнулъ къ займу (подъ обезпеченіе золота, добытаго на пріискахъ вышеупомянутыхъ компаній) въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ красноярской и енисейской городскихъ думахъ и другихъ учрежденіяхъ. Въ виду подобныхъ фактовъ, Муравьевъ считалъ необходимымъ принять мѣры для того, чтобы рабочіе не ставились впредь въ столь затруднительное положеніе. 14 января 1852 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ удовлетворенія денежныхъ взысканій, предъявляемыхъ на золотопромышленниковъ, которымъ было постановлено слѣдующее: состоящіе на золотопромышленникахъ частные долги должно было предъявлять ко взысканію въ присутственныя мѣста тѣхъ губерній, гдѣ находятся пріиски этихъ промышленниковъ. Эти учрежденія, немедленно истребовавъ отъ мѣстной промысловой конторы должника разсчетъ того, сколько нужно денегъ для дальнѣйшаго производства работъ, сносятся съ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ о высылкѣ ихъ въ означенную контору, остальная же часть денегъ за обезпеченіемъ работъ обращается на удовлетвореніе предъявленныхъ исковъ **).

Въ сентябрѣ 1852 г. оказался на частныхъ промыслахъ Енисейской губерніи недостатокъ денегъ въ количествѣ 86,427 р. для разсчета съ рабочими и служащими. Такъ какъ вслѣдствіе этого рабочіе должны были выйти съ промысловъ безъ всякихъ средствъ, то енисейскій губернаторъ опять принужденъ былъ занять эту сумму изъ учрежденій различныхъ вѣдомствъ съ обезпеченіемъ займа золотомъ, добытымъ на тѣхъ промыслахъ,

---

*) Енисейскій земскій судъ донесъ губернатору, что рабочіе комп. Красильникова, въ числѣ 700 человѣкъ, вслѣдствіе неполученія слѣдующихъ имъ денегъ, проживая въ тайгѣ около пріиска Красильникова и близъ деревни Нифантьевой, приходятъ партіями въ эту деревню, пьянствуютъ и производятъ разныя буйства.

**) Если же остающейся суммы недостанетъ на уплату всѣхъ долговъ и кредиторы на ихъ разсрочку не изъявятъ согласія, то надъ пріискомъ должника или принадлежащей ему части учреждается опека.

гдѣ оказался недостатокъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, енисейскій губернаторъ, «убѣдившись изъ трехлѣтняго опыта», что недостатокъ денегъ для разсчета съ рабочими «увеличивается съ каждымъ годомъ», представилъ въ декабрѣ 1852 г. свое мнѣніе о необходимости принятія мѣръ къ отвращенію недостатка въ деньгахъ для разсчета съ рабочими и могущихъ произойти вслѣдствіе этого безпорядковъ со стороны рабочихъ, а пока, 5 августа того же 1852 года, енисейскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы управляющіе промыслами доводили своевременно до свѣдѣнія горнаго исправника, если они предвидятъ недостатокъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы не исполнившіе этого предписанія «подвергались отвѣтственности, установленной за ослушаніе въ исполненіи законныхъ требованій начальства». Объ исполненіи этого циркуляра пришлось напомнить и въ 1858 г.

При разсчетѣ рабочихъ дѣло не обходилось иной разъ безъ серьезныхъ недоразумѣній. Осенью 1859 г. ачинскій *земскій* исправникъ донесъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, что рабочіе на ачинскихъ промыслахъ, въ особенности Цыбульскаго и Озерова, «обращались съ жалобами на разныя стѣсненія по разсчету». Кромѣ того, было сообщено, что изъ числа рабочихъ, находившихся на промыслахъ Цыбульскаго по общему контракту, 9 человѣкъ «насильственно оставлены были» Цыбульскимъ для зимнихъ работъ и что при этомъ Цыбульскій «произвольно наказалъ (рабочихъ) розгами не менѣе 500 ударовъ каждаго и содержалъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ съ 11 до 25 сентября, т.-е. до того времени, когда прибылъ горный исправникъ Михайловъ и освободилъ ихъ». На запросъ по этому поводу енисейскаго губернатора *горный* исправникъ ачинскихъ и минусинскихъ промысловъ отвѣчалъ, что на Ѳедоровскомъ промыслѣ купца Цыбульскаго дѣйствительно были арестованы 9 сентября 8 крестьянъ Каинскаго округа по слѣдующему поводу. Наканунѣ Цыбульскій узналъ, что рабочіе въ количествѣ 50 человѣкъ, обязанные по контракту находиться въ работѣ по 1 декабря, намѣреваются просить себѣ разсчета вмѣстѣ со всѣми другими 10 сентября и рѣшили, во всякомъ случаѣ, уйти съ пріиска. Тогда хозяинъ прочелъ имъ контрактъ, причемъ «дѣлались должныя внушенія»; 42 рабочихъ подчинились требованію золотопромышленника, а 8 «остались при своемъ убѣжденіи, что они по условію обязывались работать до общаго разсчета (10 сентября)», и потому оставаться на пріискѣ долѣе не желаютъ. Тогда, чтобы дѣло не дошло до «общаго волненія въ рабочей командѣ», 9 сентября, козакъ, представляющій собою полицейскую власть на пріискѣ, и купецъ Цыбульскій арестовали 8 рабочихъ, заковали ихъ въ ножные кандалы и послали донесеніе горному исправнику. По прибытіи послѣдняго на пріискъ арестованные настаивали на томъ, что въ работу они нанимались до 10 сентября, а почему въ контрактѣ назначенъ срокъ 1 декабря, не знаютъ, и на всѣ улики нанимателей остались неуличенными». Тогда Цыбульскій выразилъ желаніе этихъ 8 человѣкъ, «какъ негодныхъ работниковъ въ продолженіе всего лѣта, прежде условленнаго срока уволить съ пріиска».

Горный исправникъ Михайловъ, по его собственнымъ словамъ, «сдѣлалъ съ виновныхъ за упомянутый поступокъ надлежащее взысканіе», а именно наказалъ розгами «главнаго зачинщика» 70-ю, а прочихъ отъ 25 до 50 ударовъ и приказалъ уволить ихъ. При этомъ никто, по словамъ исправника, не наказывалъ рабочихъ 500 ударами розогъ и не заковывалъ ихъ въ ручные кандалы.

Но если даже признать, что писавшій по слухамъ ачинскій земскій исправникъ былъ введенъ въ заблужденіе, то, все-таки, едва ли слѣдуетъ признать вполнѣ правильными и дѣйствія горнаго исправника. Дѣло въ томъ, что 10 сентября былъ общепринятый срокъ разсчета; правда, намъ встрѣтились договоры съ комп. Рязанова, Горохова и Машарова (сѣверно-енисейской системы) съ *отрядными* рабочими, гдѣ срокъ работъ назначенъ былъ 20 ноября или 1 декабря, но за то по договорамъ этимъ и работа начиналась съ 10 сентября того же года, т.-е. послѣ общаго разсчета; къ тому же, это были отрядные рабочіе, во всѣхъ же извѣстныхъ намъ *общихъ* контрактахъ 50-хъ годовъ срокъ назначенъ былъ 10 сентября и лишь въ немногихъ 1 октября, но не далѣе. Если принять во вниманіе, какъ производилась наемка на сибирскіе золотые промыслы, то весьма вѣроятно, что рабочимъ не былъ прочитанъ контрактъ и что они были дѣйствительно введены въ заблужденіе, полагая, что нанимаются на обычныхъ условіяхъ.

Случались также недоразумѣнія при разсчетѣ и относительно выдачи рабочимъ денегъ *).

Имѣя въ виду небольшіе заработки пріисковыхъ рабочихъ и разныя злоупотребленія золотопромышленниковъ, авторъ статьи въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, за подписью «Оппонентъ», считалъ совершенно естественнымъ, что «бытъ крестьянъ и поселянъ не только не улучшается отъ развитія золотопромышленности, но еще годъ отъ году клонится къ упадку», и потому онъ выразилъ надежду, что правительство «въ скоромъ времени обратитъ особенное вниманіе на этотъ предметъ и приметъ рѣшительныя и благотворныя мѣры». Авторъ желаетъ, чтобы, «сообразно мѣстнымъ условіямъ и времени года», правительство «съ точностью» опредѣлило бы «норму посильной работы, а также норму для совершенія найма (т.-е., вѣроятно, образецъ контракта), чтобы разъ навсегда оградить рабочихъ отъ произвола нанимателей, недобросовѣстно пользующихся крайнею нуждой наемника, заставляющей его соглашаться на всѣ условія. Если условія договора будутъ съ точностью обозначены въ наемномъ явочномъ листкѣ, то наемникъ будетъ положительно знать свои обязанности, а мѣст-

*) Такъ, въ 1856—57 гг. на пріискахъ компаніи Рязановыхъ, Горохова и Машарова была почему-то задержана выдача денегъ, заработанныхъ однимъ поселенцемъ (51 р.), и тотъ жаловался енисейскому губернатору Падалкѣ. Объясненія, данныя по этому дѣлу пріисковымъ управленіемъ, были признаны неудовлетворительными и горному исправнику велѣно было вытребовать эти деньги и выслать по принадлежности, что тотъ и исполнилъ.

ная полиція будетъ имѣть возможность на положительныхъ данныхъ защищать наемника отъ притѣсненій и несправедливости. Нынѣ эти условія договора,—продолжаетъ авторъ,—такъ разнородны, неопредѣленны и сбивчивы (*весьма часто ихъ вовсе не бываетъ*), что, я полагаю, и самимъ золотопромышленникамъ весьма трудно опредѣлить, гдѣ именно начинается нарушеніе договора и гдѣ оканчивается его исполненіе». Авторъ требуетъ на будущее время увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія уроковъ, чтобы оставить рабочему болѣе времени на старательскія работы.

Многіе рабочіе (на промыслѣ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. даже 64%) оставались должными золотопромышленникамъ, Средній размѣръ долга на разныхъ пріискахъ колебался между 7 и 15 руб. на каждаго изъ должниковъ и только на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ комп. Рязановыхъ дошелъ до 30 р. Главное управленіе Восточной Сибири сдѣлало въ 1853 г. распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали взятыхъ у промышленника денегъ (по причинѣ болѣзни, неявки на промыслы или побѣга съ нихъ), *если заборъ деньгами и вещами не превышалъ ихъ годовой платы*, не было даваемо дозволенія для найма къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ этихъ денегъ у прежнихъ хозяевъ или не заплатятъ имъ долга.

Въ контрактахъ съ рабочими золотопромышленники старались оговорить всевозможные способы возвращенія долга *). Иногда пріисковое управленіе брало съ рабочихъ долговую росписку, формально засвидѣтельствованную, съ обязательствомъ уплатить долгъ по первому требованію.

Въ нѣкоторыхъ разсчетныхъ книгахъ отмѣчается, взысканъ или нѣтъ долгъ, оставшійся за рабочимъ, причемъ не взысканное немедленно записывалось на счетъ «неблагонадежныхъ долговъ» **). У должниковъ, остающихся на работахъ на томъ же промыслѣ или поступавшихъ на него и

*) Въ контрактѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. сказано: „Кто изъ насъ учинитъ съ пріиска самовольный побѣгъ или по неспособности, буйству и подозрительности будетъ съ пріиска удаленъ или по продолжительной болѣзни забранныхъ имъ денегъ и вещей не отработаетъ и чрезъ то останется должнымъ, то съ таковымъ хозяинъ или управляющій имѣютъ право въ удостовѣреніе себя поступить начально посредствомъ отобранія найденнаго имущества, а потомъ посредствомъ употребленія таковыхъ въ другія работы". По договору съ Асташевымъ (1853 г.), должникъ обязывался безъ всякихъ отговорокъ остаться для отработки долга на новую операцію. По контракту съ комп. Рязановыхъ (1856 г.), ей предоставлялось право требовать высылки должниковъ для отработки долга чрезъ начальство или просить объ описи ихъ имущества; по договору съ нею же 1851 г., устанавливалась круговая за долги порука, по контракту 1854 г. рабочіе-должники обязывались уплатить долгъ даже въ томъ случаѣ, если работы на пріискѣ будутъ прекращены самимъ промысловымъ управленіемъ по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ.

**) На Митрофановскомъ пріискѣ комп. Бенардаки (1850 г.) такіе „неблагонадежные долги" составляли болѣе 6% всей выданной въ эту операцію суммы; на промыслахъ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. за рабочими осталось въ долгу даже 16% всей суммы.

позднѣе, вычитался изъ заработка старый долгъ. Нѣкоторымъ рабочимъ бывали должны и пріисковыя управленія: это были обыкновенно такіе, которые оставались и на слѣдующую операцію и для большей сохранности не брали у хозяевъ своей додачи *).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири въ 1852 г. предписалъ, чтобы по возвращеніи ссыльно-поселенцевъ съ пріисковъ въ село Кію (нынѣ г. Маріинскъ, Томской губ.), гдѣ обыкновенно золотопромышленники нанимали ихъ для работъ на будущій годъ, находящійся въ Кіи ревизоръ немедленно высылалъ оттуда всѣхъ окончившихъ разсчеты съ золотопромышленниками ссыльно-поселенцевъ, не дозволяя жить имъ въ этомъ селѣ безъ всякой пользы и пропивать заработанныя деньги и выдаваемые имъ задатки. Въ Восточной Сибири мѣры для охраненія рабочихъ при выходѣ ихъ съ пріисковъ были установлены Муравьевымъ еще въ 1848 году. Горный исправникъ сѣверно-енисейской системы далъ въ 1858 г. циркулярное предписаніе промысловымъ управленіямъ, чтобы рабочіе были окончательно разсчитаны и удовлетворены деньгами къ 11 сентября и продовольствовались до самаго выхода съ пріисковъ на счетъ компаніи. Для надзора за работами при ихъ возвращеніи при партіи до 300 человѣкъ долженъ быть 1 староста, а при большомъ количествѣ онъ выбиралъ себѣ и помощниковъ. Къ этому времени должны быть разсчитаны и козаки (значитъ, они, какъ и теперь, получали жалованье отъ пріисковыхъ управленій). Рабочихъ старыхъ и слабыхъ предписывалось выслать на пріиски подъ особымъ надзоромъ, снабдивъ ихъ, если они не могутъ идти, лошадью **). Принимались при этомъ нѣкоторыя мѣры и для медицинской помощи рабочимъ. По словамъ енисейскаго губернатора въ его отчетѣ за 1855 годъ, съ этою цѣлью при возвращеніи рабочихъ съ промысловъ Енисейскаго округа командированы были фельдшера и медики; но Кривошапкинъ говоритъ о сопровожденіи партіи рабочихъ лишь фельдшерами, да и то только до пріисковой границы.

Раздавалось очень много жалобъ на повальное пьянство рабочихъ по выходѣ ихъ съ промысловъ, но не малая доля отвѣтственности за это печальное явленіе должна пасть на самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ золотопромышленное и откупное дѣло нерѣдко соединялись въ однѣхъ рукахъ. Противъ этого зла старался бороться генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, и мѣры, установленныя имъ въ 1848 г. для

*) Въ 1851 г. компанія Рязановыхъ осталась должна 6 рабочимъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ 281 р., т.-е. почти по 47 руб.

**) Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ своемъ отчетѣ за 1859 г. сообщаетъ, что „для продовольствія рабочихъ, выходящихъ послѣ разсчета съ промысловъ, на каждомъ зимовьѣ устроенъ запасъ сухарей“. До того времени сухари выдавались на промыслахъ; это крайне обременяло рабочихъ, увеличивая ихъ ноши, и дѣлало неразсчетливыми; случалось нерѣдко, что, истрятивъ продовольственные запасы въ началѣ пути, они въ послѣдніе дни оставались вовсе безъ хлѣба, и пособить этому было невозможно. Новымъ распоряженіемъ неудобство это было устранено.

недопущенія чрезмѣрнаго разгула рабочихъ и излишней траты ими денегъ, принимались и въ пятидесятыхъ годахъ, но, какъ видно, онѣ не достигали цѣли. Однако, въ виду небольшихъ размѣровъ заработка рабочихъ и особенно получаемой ими додачи *), слѣдуетъ признать легендами разсказы о прокучиваніи сотенъ рублей чуть не большинствомъ рабочихъ. Такихъ денегъ они вовсе не получали: весь заработокъ на енисейскихъ промыслахъ обыкновенно ограничивался нѣсколькими десятками рублей, а додачу получали даже не всѣ рабочіе. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что откупщикамъ-золотопромышленникамъ удавалось значительную часть додачи пріисковыхъ рабочихъ возвращать опять въ свои карманы, какъ это указывалось и въ мѣстной печати.

Авторъ одной корреспонденціи, появившейся въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1859 г., прежде всего, обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе лишь малую часть своего заработка приносятъ домой, а большую часть оставляютъ въ кабакахъ, «расположенныхъ съ стратегическимъ знаніемъ дѣла у всѣхъ выходовъ изъ тайги. Ближайшій къ пріиску кабакъ является для нихъ раемъ обѣтованнымъ, мѣстомъ, съ котораго начинается ихъ ежегодный періодическій запой, продолжающійся до пропитія ими всего заработаннаго въ лѣто или до возвращенія на мѣсто постояннаго ихъ жительства. Не многіе счастливцы доходятъ трезвыми домой и приносятъ въ семейства часть заработка, нѣкоторые же, пропивъ все въ первомъ кабакѣ, возвращаются на оставленный ими пріискъ и обзадачиваются снова у хозяевъ, которые не упускаютъ случая воспользоваться такимъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. Сильному пьянству рабочихъ, возвращающихся съ пріисковъ, весьма можетъ способствовать соединеніе содержанія откупа съ занятіемъ разработкою золотыхъ промысловъ въ рукахъ одного лица или въ лицѣ компаніи-пайщицы во множествѣ такихъ пріисковъ. При такой двойной монополіи, кабаки, расположенные на пути пріисковыхъ рабочихъ при возвращеніи ихъ домой, вслѣдствіе «тождества интересовъ откупщиковъ съ интересами золотопромышленниковъ, *превращаются для рабочихъ въ разсчетныя конторы или кассы.* При посредствѣ ихъ и при учетѣ въ деньгахъ, производимомъ цѣловальниками разныхъ наименованій, рабочимъ весьма трудно хоть сколько-нибудь денегъ принести домой».

Авторъ указываетъ любопытный обращикъ разсчета съ рабочими подобныхъ хозяевъ, общеизвѣстный между золотопромышленниками, такъ какъ онъ былъ сдѣланъ въ большомъ размѣрѣ. Одному богатому золотопромышленнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откупщику однажды осенью предстояло уплатить рабочимъ его пріиска «чуть ли не болѣе 100 тысячъ руб. сер.», а въ кассѣ у него было едва 10 тысячъ рублей. Распорядитель на промыслахъ убѣдилъ рабочихъ удовольствоваться, пока, полученіемъ малой части

*) Среднія додачи на разныхъ промыслахъ колебались въ 50-хъ годахъ между 58 руб., а самая большая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ додачъ этого времени равнялась 115 руб.; выносимыя съ пріисковъ суммы могли, впрочемъ, нѣсколько увеличиваться тайнымъ хищеніемъ золота.

денегъ на руки. «Всѣ попутные кабаки были объявлены для нихъ мѣстами разсчета, послѣдній же кабакъ, въ томъ пунктѣ пути, гдѣ должны были расходиться рабочіе, назначенъ былъ мѣстомъ окончательнаго разсчета», причемъ вино меньшей крѣпости, чѣмъ опредѣлено, продавалось по возвышеннымъ цѣнамъ, даже выше 10 р. с. за ведро. Такимъ образомъ, «нашъ откупщикъ-золотопромышленникъ не только расплатился съ рабочими, но даже успѣлъ не малое число ихъ обзадачить на будущій годъ и, что особенно замѣчательно, наличная сумма, выданная на эту двойную операцію, осталась почти нетронутою» *).

Справедливость показаній корреспондента *Иркутскихъ Вѣдомостей* подтверждается циркуляромъ южно-енисейскаго горнаго исправника, вызваннаго новымъ распоряженіемъ Муравьева о принятіи мѣръ къ охранѣ отъ растраты пріисковыми рабочими ихъ трудовыхъ денегъ. Въ маѣ 1859 г. исправникъ южно-енисейской системы разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ говоритъ: до свѣдѣнія генералъ-губернатора дошло, что «пьянство въ народѣ усиливается, чернорабочіе тратятъ на вино послѣднія трудовыя деньги, нисколько не заботясь о сбереженіи ихъ, и разительнѣе всего это выказывается между рабочими, находящимися на золотыхъ промыслахъ...» Много способствуютъ «этому злу недобросовѣстныя дѣйствія откупщиковъ. Извѣстно, что лица, имѣющія золотые промысла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержащія винные откупа въ Сибири, при разсчетахъ съ рабочими на промыслахъ, часто не выдаютъ на мѣстѣ всей заработанной платы, назначая окончательную выдачу денегъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, предпочтительно же въ питейныхъ домахъ. Само собою разумѣется, что при таковомъ разсчетѣ большая часть рабочихъ, если не всѣ, денегъ не получаютъ нисколько, по невоздержанности пропивая ихъ въ разсчетныхъ пунктахъ, и откупщики и золотопромышленники, сберегая этимъ огромныя суммы, подлежавшія къ выдачѣ, находятъ съ тѣмъ вмѣстѣ незатруднительный сбытъ вину въ разореніе и развращеніе простого народа. Такая система дѣйствій не можетъ быть терпима, а потому... генералъ-губернаторъ проситъ гражданскаго губернатора обратить на означенное обстоятельство вниманіе и принять участіе къ неотложному устраненію слабаго надзора и недобросовѣстныхъ дѣйствій, отъ коихъ поддерживается и увеличивается зло».

---

*) Для предотвращенія пьянства рабочихъ авторъ статьи предлагаетъ немедленно принять слѣдующія мѣры: 1) воспретить кабаки и вообще всякія питейныя заведенія превращать въ разсчетныя конторы; 2) предложить золотопромышленникамъ вмѣсто выдачи всѣхъ денегъ на руки рабочимъ посылать ихъ на мѣста жительства рабочихъ, гдѣ они по разсчетнымъ листамъ, подписаннымъ хозяевами или управляющими пріисковъ, и могутъ получить ихъ отъ сельскихъ или земскихъ властей; а путевые же расходы рабочимъ нужно весьма немного денегъ. Къ сожалѣнію, авторъ не разработалъ своего предложенія подробнѣе и не указалъ на то, какимъ образомъ возможно гарантировать при предложенномъ имъ способѣ исправное полученіе рабочими ихъ заработка и предупредить возможность растратъ и присвоеніе его тѣми представителями земской и сельской власти, черезъ руки которыхъ должны были бы при такомъ порядкѣ проходить эти деньги.

Горный исправникъ просилъ поэтому золотопромышленниковъ исполнить слѣдующее: 1) Отслужить на каждомъ пріискѣ обѣдню или молебенъ въ присутствіи всѣхъ рабочихъ, причемъ онъ просилъ промысловыхъ священниковъ принять участіе въ распространеніи трезвости «посредствомъ назидательнаго слова». Исправникъ выразилъ желаніе присутствовать на каждомъ богослуженіи и «лично убѣдиться чрезъ спросъ рабочихъ въ пользѣ общаго нашего въ ихъ дѣлѣ участія. 2) Хотя разъ въ недѣлю при раскомандировкѣ или послѣ окончанія работъ въ казармахъ прочитывать рабочимъ изъ газетъ, напримѣръ, изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, случаи развитія трезвости въ Россіи, а также постановленія и приговоры о томъ сельскихъ обществъ». 3) Полезно было бы предложить рабочимъ, оставивъ при себѣ необходимую для дороги часть денегъ, остальное «передавать въ конторы для пересылки чрезъ почту по назначенію рабочихъ или прямо на имя ихъ родныхъ, или же на имя волостного правленія для выдачи имъ по прибытіи на мѣсто жительства*). Если же которыя изъ промысловыхъ конторъ не согласятся оказать въ этомъ дѣлѣ пособіе рабочимъ, то прошу объяснить имъ, что онѣ могутъ отсылать деньги чрезъ мою канцелярію и что за всякое злоупотребленіе въ волостныхъ правленіяхъ при выдачѣ имъ посланныхъ денегъ они могутъ обращаться къ мнѣ съ жалобами, и я буду входить съ представленіями къ начальнику губерніи объ удовлетвореніи ихъ жалобъ и о наложеніи строгаго взысканія на виновныхъ. Этою мѣрой многіе изъ рабочихъ предохранятъ свои заработки отъ неизбѣжныхъ всегда почти или растраты въ кабакахъ, или отъ покражи злыми товарищами; это послѣднее обстоятельство сдѣлалось зломъ, развившимся въ высшей степени между рабочими. Тѣ изъ рабочихъ, которые послѣ разсчета выходятъ въ жилыя мѣста только для кратковременнаго отдыха и послѣ найма возвращаются на промыслы, могутъ ввѣрить всѣ свои заработныя деньги или часть ихъ для храненія во время ихъ отлучки гг. управляющимъ лично подъ собственныя ихъ росписки или кому они пожелаютъ, но, во всякомъ случаѣ, съ вѣдома гг. управляющихъ; чтобы отстранить впослѣдствіи всякій поводъ къ сомнѣнію и претензіямъ со стороны рабочихъ, полезно получаемыя отъ нихъ для храненія деньги записывать въ особыя памятныя тетради и выдавать имъ въ полученіи росписки за подписью управляющихъ и печатью конторъ». 4) При выдачѣ рабочимъ порціи вина замѣнять ее для желающихъ соотвѣтственною денежною наградой. «Въ промысловые праздники устраивать для рабочихъ качели, пріохочивать ихъ къ разнаго рода играмъ и увеселеніямъ въ замѣнъ одного грубаго удольствія опохмѣленіями, ссорами и драками». Въ заключеніе исправникъ ɔсилъ объявить это всѣмъ рабочимъ**).

*) Мѣра эта, очевидно, навѣяна вышеупомянутою корреспонденціей *Иркутскихъ Вѣдомостей* 1859 г., № 12.

**) Кривошапкинъ упоминаетъ о томъ, что въ 1859 г. въ южно-енисейской симѣ священникъ произносилъ проповѣди противъ пьянства и исправникъ бесѣдовалъ о томъ же съ рабочими.

Но увѣщанія, разумѣется, не дѣйствовали, о разумныхъ увеселеніяхъ рабочихъ золотопромышленники не заботились *), и все оставалось по-старому. Мы полагаемъ, что рабочіе не потому проживали свои заработки, что они были слишкомъ велики, а наоборотъ потому, что они были очень малы: что дѣлать было съ додачею въ 8—12 руб., какъ не пропить ее? Золотопромышленники много кричали о пьянствѣ рабочихъ и тѣмъ надолго направили вниманіе высшей мѣстной администраціи на ложный путь. Нужно было, прежде всего, улучшить положеніе рабочихъ на промыслахъ, дать имъ возможность увеличить свои заработки регулированіемъ ихъ отношеній къ хозяевамъ, и тогда они сами стали бы бережливѣе. Мы видѣли, что уже и въ мѣстной печати въ 1859 г. раздался голосъ, требовавшій принятія правительствомъ мѣръ для увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія этихъ работъ, но онъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вотъ какъ описываетъ возвращеніе рабочихъ съ енисейскихъ промысловъ въ пятидесятыхъ годахъ одинъ мѣстный писатель: «Когда ополченіе рабочихъ распускалось съ промысловъ, то при обратномъ движеніи его край какъ бы находился на военномъ положеніи. Мало того, что все городское и сельское населеніе вооружалось ночью трещетками, дубинами, перекликались между собою патрули, но верховые козаки и вооруженные винтовками и «дробовиками» сельскіе обыватели разъѣзжали денно и нощно, пока эта «стеклянная посуда» не «проваливала» за черту извѣстной мѣстности. Тогда нельзя было хорошенько распознать, для кого и для чего вооружались мѣстныя силы, какого непріятеля они готовились встрѣтить. Обыкновенно, какъ теперь, такъ и тогда, возвращавшіеся съ промысловъ рабочіе *пробирались* (въ полномъ смыслѣ этого слова) на родину безъ особенныхъ скандаловъ, далеко скромнѣе, чѣмъ въ передній путь. Такъ какъ почти каждый изъ нихъ выносилъ съ промысловъ деньжонки, которыхъ въ передній путь у него не было, то они старались скорѣе проѣхать черезъ очень ужь гостепріимныя мѣста. Собственно вооруженныя силы обязаны были имѣть охранительный характеръ по отношенію къ проходящимъ рабочимъ», но на дѣлѣ «выходило совершенно иначе: онѣ представляли изъ себя что-то оборонительное. Простому мужику или полицейскому солдату никогда въ голову не приходило, по его взглядамъ на вещи, чтобы «варнака» слѣдовало охранять; напротивъ, эта охранительная сила понимала, что она вооружается для того, чтобы ихъ бить; такъ на самомъ дѣлѣ по большей части и было. Идутъ обнявшись трое подгулявшихъ рабочихъ; на нихъ плисовыя поддевки, такіе же шаровары; шапк котиковыя, опушенныя и всенепременнѣйшія шали; одинъ изъ товарище охмѣлѣвшій падаетъ, тѣ его поднимаютъ и силятся дотащить до квартиры Вдругъ «охранители» подхватываютъ опьянѣвшаго подъ руки и... въ от

*) Качелей я и въ 1891 году не видалъ ни на одномъ изъ посѣщенныхъ мно пріисковъ Западной и Восточной Сибири.

раннюю. Товарищи по прежнему опыту очень хорошо знаютъ, какія послѣдствія ждутъ павшую жертву. Мало того, что онъ въ «клоповникѣ» окажется переодѣтымъ и избитымъ, но еще «вспрыснутъ» его за нетрезвость; поэтому они не выдаютъ злополучнаго, завязывается споръ «варнаковъ» съ «охранителями»: одни тащутъ жертву къ себѣ, другіе противятся. Кончается тѣмъ, что всѣхъ трехъ варнаковъ забираютъ въ кутузку, по выходѣ изъ которой на утро узнать нельзя вошедшихъ въ нее промысловыхъ щеголей. Въ изодранныхъ азямишкахъ или армячишкахъ, въ такихъ же поношенныхъ дабовыхъ штанахъ и въ дырявой шапченкѣ выпускаются злополучные золотари. Протестовать на это некуда и не для чего, ибо всякіе въ этомъ родѣ протесты безполезны въ силу установившагося мнѣнія о репутаціи промысловыхъ рабочихъ. Кто-жь ему, «варнаку», повѣритъ, что онъ не пропилъ все съ себя въ первомъ попавшемся кабакѣ? Неудивительно послѣ этого, если, освободившись изъ-подъ охраны, плѣненный безъ оглядки улепетывалъ поскорѣе, куда глаза глядятъ».

Вотъ во что на дѣлѣ превратились муравьевскія мѣры объ охранѣ рабочихъ, о благотворномъ вліяніи которыхъ и тщательномъ ихъ исполненіи ежегодно посылались донесенія въ Петербургъ. Изъ этого разсказа мы видимъ также, дѣйствительно ли рабочій всегда пропивалъ остатки своего небольшого заработка, или часть его перепадала и въ руки тѣхъ или другихъ «охранителей».

Относительно выхода рабочихъ съ пріисковъ Олекминскаго округа въ Мачинское селеніе на Ленѣ (Витимской волости, Киренскаго округа) мы имѣемъ свѣдѣнія въ одной газетной корреспонденціи (1858 г.). Киренскіе купцы привозили въ это селеніе ко времени выхода рабочихъ большой запасъ товаровъ, такъ называемыхъ на «крестьянскую руку», особенно готовое платье—теплое и холодное, рубашки и прочее, все это приготовленное въ Киренскѣ «изъ самыхъ низкосортныхъ товаровъ, изъ залежавшихся и даже подгнившихъ, которые уже непригодны къ аршинной продажѣ». Рабочихъ выходило на Мачу, по словамъ автора, тысячъ до трехъ, если не болѣе *). «Этотъ народъ, измученный работою, обносившійся, полунагой, получивъ осенью свободу, первою обязанностью по приходѣ на Мачу считаетъ—пріобрѣсти по полъ-осьминѣ вина на брата и имъ залить все минувшее горе. Послѣ выпивки идутъ покупать все необходимое. Купцы давно уже на-сторожѣ: они радушно встрѣчаютъ первыхъ покупателей, зазываютъ ихъ въ лавку, ласкаютъ, угощаютъ и этимъ все продаютъ почти по своей цѣнѣ безъ барыша, прося ихъ только посылать къ нимъ и другихъ покупателей. Рабочіе, разгоряченные виномъ и довольные выгодною покупкой, кричатъ въ одинъ голосъ: «Эй, ребята, сюда! Вали валомъ, здѣсь товары дешевле!» Ну, и дѣйствительно, валятъ валомъ, человѣкъ по 50 въ разъ, народъ все подъ хмѣлькомъ, требуютъ всего: и нуж-

*) На промыслахъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ было служащихъ и рабочихъ въ 1856 году 3,515, въ 1857 г.—4,708.

ное, и ненужное; увидятъ сигары и папиросы, — подавай имъ сигаръ и папиросъ и т. д.; три и четыре прикащика едва успѣваютъ удовлетворить требованіе каждаго изъ покупателей. Гдѣ тутъ ужь торговаться! Купецъ напѣваетъ: «Не торгуйтесь! Лишняго не возьмемъ-съ! что вамъ только угодно-съ?»—а, между тѣмъ, самъ все соображаетъ, сколько у рабочаго денегъ, когда остановиться. Затѣмъ, купецъ сводитъ счеты и забираетъ у рабочихъ наличныя денежки... Назидательно узнать, какую цѣну тутъ берутъ купцы за свой товаръ: казанскій полушубокъ, купленный, напримѣръ, на Киренской ярмаркѣ не дороже 5 р. 50 к., продается здѣсь отъ 8 до 15 руб. сер., киргизскій, стоившій на ярмаркѣ 3 р. и 3 р. 50 к., здѣсь продается отъ 7 до 10 р. с., и въ такомъ же точно размѣрѣ берется за все». Иные рабочіе, прокутивъ въ Мачѣ весь свой заработокъ, принуждены были возвратиться на пріиски и вновь наняться на работы. За то киренскіе купцы сильно наживались: авторъ полагаетъ, что рабочій выносилъ въ среднемъ съ Олекминскихъ промысловъ до 40 р.,—слѣдовательно, у всѣхъ ихъ на рукахъ въ это время бывало до 120,000 руб. сер. Изъ послѣднихъ словъ видно, что мѣстные наблюдатели находили и у рабочихъ Олекминскихъ пріисковъ не особенно крупныя додачи.

В. Семевскій.

Изъ исторіи современной грузинской литературы.

(Посвящается И. Ф. Тхоржевскому и В. Л. Величко).

А. Казбекъ.

Исторія, этнографія и археологія Грузіи давно уже обратили на себя вниманіе русскихъ и западно-европейскихъ изслѣдователей. Одна только грузинская словесность, за исключеніемъ очень немногихъ ея образцовъ, остается у нихъ въ неизвѣстности и пренебреженіи.

Грузія исторически живетъ болѣе двадцати вѣковъ. Уже въ началѣ IV столѣтія она, принявъ христіанство, стала въ непосредственныя культурныя сношенія съ Византіей, хранительницей священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Со времени просвѣщенія Грузіи ученіемъ Христа, оторвавшимъ ее отъ вліянія языческаго Востока и поставившимъ подъ благотворное воздѣйствіе христіанскаго Запада, въ ней развивается переводная литература церковно-богослужебныхъ книгъ и духовно-нравственныхъ сочиненій. За этимъ подготовительнымъ періодомъ грузинской письменности (съ IV до X в.) слѣдуетъ блестящій разсвѣтъ оригинальной (грузинской) литературы въ эпоху Багратидовъ съ X до XIII в. Грузинская образованность достигаетъ высшаго апогея въ царствованіе царицы Тамары *) (1184—1211 гг.), доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азіи и на Кавказѣ. Водворившійся затѣмъ миръ благотворно отразился на развитіи науки, искусства и литературы, создавшихся подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ: арабской, персидской и византійской. При дворѣ царицы Тамары собирается цѣлая плеяда славныхъ писателей, доведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства. Вѣкъ ея ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославленіе царицы, нѣчто вродѣ державинской *Фелицы*. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ М. Хонели и Саргисъ Тмогвели, произведенія которыхъ, по словамъ Вордропа, автора *The Kingdom*

*) Не нужно смѣшивать строго засвидѣтельствованной исторической цар. Тамары съ легендарною Тамарой.

of Georgia, могутъ занять почетное мѣсто и въ европейской литературѣ. Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ памятью поэта Шота Руставели, имя котораго каждымъ грузиномъ произносится съ чувствомъ благоговѣнія. Его поэма *Барсова кожа*, современница русскому *Слову о полку Игоревѣ*, сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія. На пространствѣ семи сотъ лѣтъ она служитъ воспитательною книгой для чтенія наравнѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ; многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣсколько ея мудрыхъ изреченій. Ш. Руставели завершаетъ собою золотой вѣкъ грузинской литературы.

Классическій періодъ грузинской образованности смѣняется эпохой упадка художественнаго творчества вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій, обрушившихся на Грузію: въ XIII в. она испытываетъ страшное нашествіе монголовъ, въ началѣ XV в. подвергается варварскому нашествію Тамерлана, XVII в. печально ознаменованъ неистовствами Аббаса I, шаха персидскаго. Поистинѣ нужно удивляться, что эта горсть народа, въ виду постоянныхъ волненій и нашествій разноплеменныхъ ордъ, съумѣла отстоять свою національную самобытность, вѣру, литературу, языкъ. Грузія непрерывно была наводняема врагами и порабощаема; ея почву безпощадно попирали; ея святыни подвергали поруганію; ея жителей частью избивали на мѣстѣ, частью выселяли. При всемъ томъ, она пережила самыя сильныя націи; она съумѣла организоваться; она имѣла свою систему управленія, свой судъ и расправу, свои учебныя и воспитательныя заведенія. Четыре вѣка тяжкихъ испытаній (XIII—XVII ст.), имѣвшихъ естественнымъ послѣдствіемъ культурный упадокъ и политическое раздробленіе Грузіи (въ 1469 г.) на три царства и пять княжествъ, отдѣляютъ классическій періодъ грузинской литературы отъ эпохи ея возрожденія въ XVII ст. Но даже отъ этой четырехвѣковой тревожной эпохи осталось у насъ значительное количество переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, изъ которыхъ болѣе 15 памятниковъ письменности на «ані»,—окончаніе идентичное съ «адой» (*Петріада, Генріада*),—таковы: *Даннисіани, Камардіани, Небротіани, Амузіани* и проч.

Эпоха возрожденія грузинской письменности открывается литературною дѣятельностью царственныхъ особъ: царей Арчила, Теймураза I и II, Вахтанга VI — законодателя, католикоса Антонія и царевича Вахушта, автора исторіи и географіи Грузіи. Этотъ періодъ,— серебряный вѣкъ грузинской литературы,—завершается прекрасною поэмой Д. Гурамишвили, являющейся іереміадой надъ бѣдственнымъ положеніемъ Грузіи отъ поочереднаго разоренія ея Персіей и Турціей.

Новая фаза грузинской литературы ведетъ начало со времени русскаго владычества на Кавказѣ. Грузія стала медленно оправляться отъ ужаснаго нашествія въ 1795 г. персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана, нанесшаго послѣдній роковой ударъ ея независимому существованію. Раны, оставленныя на ея политическомъ организмѣ, были слишкомъ глубоки, чтобы мож-

но было залечить въ короткое время эти зараженныя язвы. Однако, подъ защитой сѣверной державы Грузія предалась давно желанному мирному культурному развитію. Уже сынъ полномочнаго министра грузинскаго царя Георгія XII при русскомъ дворѣ, кн. Гарсевана Чавчавадзе, оказавшаго сильное вліяніе при рѣшеніи вопроса о добровольномъ присоединеніи Грузіи къ Россіи, Александръ Чавчавадзе *) (1786—1846), первый настраиваетъ грузинскую лиру то на веселые мотивы, то на грустные тоны. Съ этого времени Грузія отчасти непосредственно, отчасти черезъ призму русскаго вліянія широко пріобщается къ европейской образованности. Сантиментализмъ, романтизмъ, байронизмъ, реализмъ, народничество, — словомъ, всѣ смѣняющіяся направленія въ европейской литературѣ отражаются въ творчествѣ грузинскихъ писателей. Романтизмъ, съ его неопредѣленными стремленіями въ туманное прошедшее, порываніями отъ земли къ небу, и байронизмъ, съ разочарованіемъ и пессимизмомъ, находятъ явные отголоски въ поэзіи кн. Н. Бараташвили (1816—1846). Въ подкрѣпленіе нашей мысли назовемъ элегію этого даровитаго поэта «О, Мтацминда! о ты, гора святая!» гдѣ, между прочимъ онъ съ грустью восклицаетъ:

Глядишь въ твою лазурь, забывъ судьбу земную,—
Предчувствіе манитъ туда, за твой предѣлъ,
Въ обитель вѣчности—искать тамъ жизнь иную...
Увы! не суждено знать смертнымъ свой удѣлъ!

Цѣлый рядъ другихъ его стихотвореній: *Сиротство души*, *Суровый вѣтеръ налетѣлъ*, *Гіацинтъ и чужестранецъ*, *Конь*—свидѣтельствуютъ о разладѣ и недовольствѣ, поселившемся въ душѣ поэта. Тоска и разочарованіе, овладѣвшія поэтомъ, достигаютъ своего зенита въ стихотвореніи *Пегасъ*. Обращаясь къ нему, онъ проситъ улетѣть далеко изъ ненавистной ему среды и развѣять по вѣтру тяжелый гнетъ его души. Далѣе онъ продолжаетъ:

Пусть кину край родной, въ душѣ по немъ тоскуя,
И не увижу вновь ни милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣетъ тьму, тамъ родину найду я,
Тамъ звѣздамъ разскажу всѣ тайны чувствъ моихъ...

Пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не припадетъ въ слезахъ,
Пусть воронъ выклюетъ глаза мои и, воя,
Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жалкій прахъ.

Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
На встрѣчу смерти самъ, безстрашный, онъ пойдетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Предпославъ это небольшое введеніе, я считаю теперь возможнымъ перейти къ очерку дѣятельности романиста А. Мочхубаридзе (Казбекъ).

---

*) На дочери кн. Александра Чавчавадзе, Нинѣ, былъ женатъ авторъ безсмертной комедіи *Горе отъ ума*, А. С. Грибоѣдовъ.

Александръ Казбекъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Мочхубаридзе *),— одинъ изъ лучшихъ современныхъ грузинскихъ писателей. Онъ одинаково силенъ во всѣхъ трехъ родахъ поэзіи: онъ романистъ, лирическій поэтъ, творецъ историческихъ драмъ и бытовыхъ комедій. Въ повѣстяхъ изъ жизни грузинъ-горцевъ у него нѣтъ соперника. Близкое знакомство автора съ бытомъ горцевъ, рѣдкая его наблюдательность, горячая любовь къ издревле идущимъ народнымъ обычаямъ снабдили его богатымъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній, послужившихъ основой и фономъ его художественныхъ повѣстей. Если присоединить къ сказанному, что А. Казбекъ отъ природы одаренъ большимъ поэтическимъ талантомъ, дающимъ ему возможность создавать яркія картины горной природы во всемъ ихъ величіи, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ легкимъ, выразительнымъ языкомъ, то станетъ вполнѣ яснымъ, почему имя Казбека-Мочхубаридзе стало наиболѣе популярнымъ и дорогимъ для грузинскаго читателя. Страсти самыя благородныя, чувства самыя возвышенныя воодушевляютъ А. Казбека до такого поэтическаго созерцанія, благодаря которому образы, имъ создаваемые, вырисовываются во всемъ блескѣ своихъ чарующихъ красотъ. Своими произведеніями онъ доказалъ, что ему равно доступны таинственные уголки человѣческаго сердца и причудливо своеобразныя черты нравовъ какъ своихъ соплеменниковъ грузинъ-горцевъ (мтіуловъ и мохевцевъ), такъ и чужеплеменниковъ — ингушей и чеченцевъ.

Но надъ всѣми произведеніями А. Казбека повисло, какъ бы въ противовѣсъ чуднымъ картинамъ природы, доминирующее безутѣшное настроеніе самого автора: на лицѣ его нельзя никогда уловить свѣтлой улыбки, глубокія морщины сковываютъ его высокій лобъ, мрачная скорбь ни на минуту не покидаетъ его. Такимъ настроеніемъ писателя, вѣрно воспроизведеннымъ и на фотографической его карточкѣ, можно объяснить трагическій финалъ всѣхъ его повѣстей. Явная несправедливость, грубое давленіе, оскорбленіе человѣческаго достоинства и чести женщины наполняютъ сердце автора неудержимою злобой и негодованіемъ, волнуютъ его до глубины души, чувствительные нервы напрягаются до того, что на 35 году писатель сталъ уже терять силы, хандрить и проявлять признаки умопомѣшательства, а въ настоящее время онъ сидитъ уже въ домѣ душевно-больныхъ. Такова участь писателя, которому каждый мигъ святого вдохновенія стоилъ слезъ, невидимыхъ для людей,—

Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи людей.

Пусть авторъ говоритъ о себѣ отрывками, извлеченными нами изъ его произведеній: лучшихъ доказательствъ нами сказаннаго и не потребуется.

Двѣ раннія повѣсти А. Казбека *Элуджа* и *Убійца отца* относятся ко времени вступленія русскихъ войскъ въ Грузію въ началѣ текущаго

*) Четыре тома его сочиненій вышло въ концѣ прошлаго года въ Тифлисѣ. Остается еще издать его стихотворенія и драматическія произведенія.

столѣтія. Горцы не могли примириться съ разрушеніемъ обычнаго порядка вещей: любовь къ отчизнѣ и свободѣ воодушевляли ихъ на продолжительную неравную борьбу съ сѣвернымъ колоссомъ. Горцы—стражи старины и независимости. Каждый изъ нихъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ пожертвовать имуществомъ, любимою женой, собственною жизнью для защиты своей скалистой родины. Такую мысль авторъ даетъ высказывать Свимону, одному изъ симпатичнѣйшихъ героевъ повѣсти *Элгуджа*. Во время возстанія Карталиніи, вскорѣ послѣ объявленія Грузіи присоединенной къ Россіи, горцы всѣ единодушно, какъ одинъ человѣкъ, изъявили готовность поднять оружіе въ пользу грузинскаго царевича Александра, бѣжавшаго въ Персію. Стали составляться отряды партизановъ и небольшія группы удалыхъ молодцовъ, посредствомъ такъ называемаго союза «побратимства» дававшихъ аннибалову клятву предъ священными знаменами общины, въ присутствіи высокочтимыхъ жрецовъ «деканози», до послѣдней капли крови отстаивать неприкосновенность и интересы своего свободолюбиваго народа. Обрядъ заключенія этого союза носитъ религіозный характеръ. Горецъ, увѣрившись въ преданности своего друга, предлагаетъ ему вступить въ вѣчное побратимство. Получивъ отъ послѣдняго согласіе, оба снимаютъ шапки, обмѣниваются пулями и, призывая проклятіе ангела «цверскаго», произносятъ: «Твоя рука будетъ служить моей, твой глазъ—моему глазу, твое колѣно—моему колѣну, а измѣнника да караетъ безжалостно св. Георгій Ломисскій, да сдѣлается онъ мужемъ своей матери и переломится у него кинжалъ, поднятый на врага». Сила этого заговора неотразима для горца: съ этого времени друзья сливаются въ единое непреклонное и неумолимое существо; враги и пріятели, горе и радость дѣлаются у нихъ общими; одни и тѣ же интересы и побужденія становятся цѣлью ихъ существованія; никакія опасности и угрозы не могутъ заставить ихъ стать предателями своего собрата; дружба ихъ выше и дороже кровнаго родства. Такой союзъ заключаетъ Элгуджа и Матіа и съ безупречною честностью исполняютъ данное слово. Дружба получаетъ большую цѣну, когда она основывается на необходимости общими силами похитить любимую дѣвушку или защитить ея честь отъ легкомысленныхъ покушеній. Горецъ, принявъ подъ свое покровительство женщину, устраняетъ всѣ земныя страсти и одни «братскіе» помыслы и готовность постоять за ея цѣломудріе воодушевляютъ и питаютъ въ немъ богатый запасъ рыцарскихъ чувствъ. Сама женщина, своимъ умѣніемъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое цѣломудріе противъ насилія, двигаетъ горца на отчаянную борьбу съ напителями установленной чистоты нравовъ. Женщина вооружается не ько въ своихъ видахъ, но въ интересахъ своей родины, для поднятія а и усиленія бодрости въ отстаиваніи свободы страны *). Эта способность

*) Нѣжное сердце Нуну (ром. *Убійца*) наполняется необыкновенною энергіей, вавою враждой; она выростаетъ въ равнаго мужчинѣ, по своей смѣлости, героя, колько не уступая ему въ ловкости владѣть мечомъ для защиты чести и свободы вы.

женщины проникаться общими интересами ставитъ ее на тотъ пьедесталъ почитанія, какимъ она пользуется у горцевъ. Въ Романѣ *Циціа* выступаетъ женщина въ другой роли, именно посредницы примиренія двухъ ищущихъ кровной мести. Ея чистота, непорочность и красота—обыкновенный сюжетъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. Измѣна же долгу, подозрительныя сношенія и отлучка изъ дому даютъ обильную пищу сатирическимъ четверостишіямъ о ней. Попасть въ такой «лекси»—самый чувствительный позоръ, пятно котораго ложится на всю семью женщины: отецъ предпочитаетъ гибель дочери такой уничтожающей горделивую честь участи женщины.

Послѣ примиренія враждебныхъ фамилій (наприм., въ романѣ *Духовникъ*) кровная месть у нихъ замѣняется вѣчною и теплою дружбой, равною по силѣ союзу побратимства. Съ этихъ поръ горецъ дѣлается нѣжнымъ и исполненнымъ любви ко всѣмъ членамъ предъ тѣмъ враждебной ему семьи. Одно мѣсто изъ романа *Элгуджи* даетъ ясное представленіе о глубинѣ чувствъ горца, рыцаря безъ страха и упрека, въ борьбѣ съ врагомъ и о силѣ поэтическаго полета мысли и фантазіи самого писателя. Матіа проникся какъ-то незамѣтно для себя чувствомъ нѣжной привязанности къ возлюбленной друга своего Элгуджа. Союзъ, заключенный между ними, однако, не позволялъ Матіа давать мѣсто въ своемъ сердцѣ другимъ страстямъ за исключеніемъ однимъ «братскихъ» помысловъ. Чувство же, разъ закравшееся, все росло въ немъ: красавица Мзаго въ видѣ тѣни почти стала преслѣдовать его всюду, заняла все его воображеніе и существо. Онъ начинаетъ таять, какъ «восковая свѣча», не рѣшаясь заикнуться предъ Мзаго о своей любви. Цѣлые дни проводитъ Матіа въ глубокой тоскѣ, въ непонятной печали... «Былъ чудный вечеръ, блѣдное сіяніе луны и чарующая природа увлекали человѣка къ уединеннымъ мечтаніямъ. Матіа вышелъ изъ комнаты, тихо миновалъ поле и подошелъ къ берегу Арагвы, плескъ которой какъ будто убаюкивалъ задремавшую природу. Журчанье рѣчки въ этой мертвой тишинѣ пробудило такую нѣгу и сладость въ душѣ Матіа, что даже его закаленное желѣзное сердце смягчилось и наполнилось тысячью различныхъ думъ, вытѣсняющихъ другъ друга новою силой прелести, очаровательности и необъятности. Онъ погрузился въ розовыя грезы и вообразилъ себя тѣмъ счастливцемъ, котораго въ тотъ моментъ услаждала Мзаго своими страстными ласками. Онъ увѣрилъ себя, что эта гордая красавица любитъ только его одного во всемъ мірѣ, что онъ служитъ единственнымъ предметомъ ея неотвязныхъ сердечныхъ томленій. Мечта увлекла его такъ далеко, что онъ любимое существо со всею ея небесною красотой воплотилъ предъ собою; онъ уже обнялъ ея нѣжный станъ, стра[с]но вглядывался въ ея прекрасные, томные глаза и такъ приблизилъ [к] ней свои горячія уста, что сталъ чувствовать и упиваться ея дыханіемъ. Предъ нимъ стали отчетливо вырисовываться ея черные, какъ смоль, во[ло]сы, которые дуновеніемъ вѣтерка робко задѣвали ея алыя ланиты своимъ прикосновеніемъ возбуждали иллюзію неизъяснимаго блаженства. Он... шепотомъ, подобно тихому вѣянію, тономъ, исполненнымъ страха, благ-

говѣнія и чистоты, клялась ему въ вѣчной любви и преданности... Матіа все болѣе убѣждался, что образъ, создаваемый его фантазіей, не есть одинъ пустой плодъ его розовыхъ грезъ,—пылкое сердце такъ покорило себѣ омраченный страстью разсудокъ, что воображаемыя картины встали предъ нимъ въ живыхъ, осязательныхъ формахъ».

О Мзаго мечтаетъ вдали отъ нея на смертномъ одрѣ Элгуджа, изнывающій отъ тяжелыхъ ранъ. Одно утѣшеніе теперь облегчаетъ грызущую все его существо боль,—онъ послалъ ей прощальный поклонъ, «его привѣтъ дойдетъ до Мзаго, она вспомнитъ о немъ и своими розовыми устами произнесетъ имя Элгуджы. Можно ли представить для влюбленнаго болѣе высокое блаженство? Онъ такъ погрузился въ эти пріятныя думы, что прелестное лицо Мзаго, нѣжныя ея уста, томные глаза промелькнули съ быстротой молніи въ его умѣ, онъ всматривался жаднымъ, упивающимся взоромъ, съ замираніемъ сердца, въ воображаемый образъ Мзаго, ласкалъ и цѣловалъ ее, и не было конца ихъ земному блаженству».

Красоты природы не могутъ успокоить взволнованное чувство горца. Контрастъ между душевными тревогами и внѣшними очаровательными картинами раздражаетъ его еще больше, усиливаетъ въ немъ недовольство и сознаніе своего одиночества. Матіа хорошо знаетъ, что Мзаго принадлежитъ его другу, Элгуджѣ, и эта горькая мысль вытѣсняетъ у него всѣ другіе помыслы и усвоенную привычку погружаться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ у подошвы снѣжныхъ вершинъ живописной долины. «Овцы постепенно шли впередъ, удаляясь отъ своего пастуха, который неподвижно оставался на мѣстѣ и безсознательно устремилъ взоры въ бѣлое облачко, разлучавшееся съ сѣдовласымъ Кавказомъ. Удивительно, что Матіа, извѣстный своею блительностью пастухъ, ни на шагъ не отступающій отъ стада, сегодня такъ невнимателенъ къ нему, погруженъ въ какія-то думы, точно прикованный къ своему пастушескому посоху. Быть можетъ, его увлекла прелестная природа, оживленная журчащимъ потокомъ? Нѣтъ! Онъ теперь не видитъ ни гордо упирающихся въ небеса снѣжныхъ горъ, ни густо разросшихся лѣсовъ, ни горныхъ водопадовъ, которые молочными брызгами низвергались съ высокихъ скалъ, разсыпаясь въ милліоны разноцвѣтныхъ звѣздъ, ни зеленыхъ луговъ, усѣянныхъ тысячами различныхъ благоухающихъ травъ. Нѣтъ! Онъ самъ еще не отдаетъ себѣ отчета въ смутныхъ грызущихъ его сердце мечтахъ о красавицѣ Мзаго»...

Какъ горецъ всецѣло проникается чувствомъ любви къ одной, тая его до [illegible]робовой доски, такъ и женщина любитъ твердо и непреклонно разъ из[illegible]аннаго друга своего сердца. Она не умѣетъ мѣнять или дѣлить свои чу[illegible]тва. Она можетъ любить только одного и никакія угрозы, никакія ст[illegible]данія не могутъ вырвать изъ ея души разъ загорѣвшей искры лю[illegible]ви,—искры, охватившей неугасаемымъ пламенемъ все ея женское, чувст[illegible]тельное существо. «Я предпочту умереть,—говоритъ Нуну въ романѣ У[illegible] *отца*,—чѣмъ забыть когда-нибудь его. Я сохну и вяну въ ожи-

даніи его и нѣтъ отрады, утѣшенія для меня!» Не даромъ поэзія горцевъ имѣетъ своимъ центромъ вѣрную, постоянную любовь женщины. Женщина пользуется у нихъ большимъ почетомъ, является нравственною силой, сдерживающею своимъ платкомъ кровопролитное столкновеніе двухъ ищущихъ мести фамилій. Въ женѣ грузинъ-горецъ видитъ не рабыню, а равнаго себѣ друга и помощника. Онъ эту мысль о равноправности выражаетъ довольно фигурально въ одномъ прекрасномъ, трудно переводимомъ четверостишіи: «Порожденіе льва остается львомъ, все равно, какого бы пола оно ни было». Уваженіе къ женщинѣ у грузинъ имѣетъ свое историческое оправданіе: Грузію ввела въ кругъ христіанскихъ народовъ женщина—св. Нина; Грузію возвела на ступень политическаго могущества и культурной славы женщина—царица Тамара; грузинка-мать являлась вдохновительницей воина на полѣ брани, въ борьбѣ съ врагами родной земли и Христова креста.

Гордая красавица мохевка служитъ предметомъ горькихъ вздыханій молодого пастуха, ей посвящаются задушевныя пѣсни, слава объ ея красотѣ распространяется далеко среди горцевъ; на праздникѣ взоры всѣхъ обращены на нее; является толпа искателей ея руки, и заканчивается тайное ухаживаніе открытымъ похищеніемъ красавицы вооруженною силой изъ родной хижины. Интересны характеристическія черты идеала красавицы по народнымъ пѣснямъ: красавица должна быть высокаго роста, какъ чинаръ, бѣлаго цвѣта, какъ «известь», съ румяными ланитами, какъ алое вино, съ волосами черными, какъ смоль, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами. Однимъ изъ ея украшающихъ качествъ считается спокойная, мѣрная походка. Застѣнчивость и скромность при постороннихъ, внимательность и вѣрность мужу, «языкъ ласточки» въ бесѣдѣ довершаютъ идеалъ красавицы. Пѣсни, воспѣвающія красоту женщины, разбросаны въ романахъ А. Казбека, но тутъ же мы встрѣчаемъ отрывки, которые даютъ общее представленіе о поэзіи горцевъ. Сюжетъ ихъ пѣсенъ составляютъ разсказы объ отважныхъ подвигахъ, о благородномъ гостепріимствѣ, объ уваженіи къ старѣйшимъ, о защитѣ слабыхъ и оскорбленныхъ. Блестящее оружіе, жажда мщенія, любовь къ родинѣ, свободѣ и женщинѣ одушевляютъ горца поэтическимъ настроеніемъ, въ которомъ сама собою слагается у него пѣсня. Послѣдняя сопровождается и описаніемъ природы: бѣлоснѣжныя горы, дѣвственные лѣса, непроницаемый туманъ, журчащій потокъ, стремительный водопадъ, веселыя трели жаворонка, унылый крикъ совы—вотъ матеріалъ изъ внѣшней природы для поэзіи горцевъ. Каждое ихъ четверостишіе много говоритъ и уму, и чувству, каждая ихъ пѣсня согрѣта теплою любовью къ родинѣ, свободѣ, красотѣ.

Въ горахъ нѣтъ соціальной розни, сословныхъ градацій, не существуетъ общественныхъ предразсудковъ: здѣсь всѣ равны, нравы дышатъ простотой и патріархальностью. Двери хаты свободно открыты для странника; гость — неприкосновенное лицо, посланникъ Бога. Часто поднимаются споры, кому пригласить случайно показавшагося странника. Появленіе гостя—торжество для всѣхъ: дѣти начинаютъ отъ радости пры-

гать, собираются юноши и дѣвушки, чтобы пѣніемъ, танцами и играми доставить удовольствіе новому другу цѣлой деревни. Любовь здѣсь не стѣсняется внѣшними условіями положенія героевъ. Дочь состоятельнаго горца Корюко, Циція, влюбляется въ пастуха своего отца Бежіа. Циція, единственная дочь и гордость старика-отца, сама носитъ въ поле пастуху провизію, здѣсь они встрѣчаются, угощаются парнымъ молокомъ, постепенно зарождается въ нихъ на лонѣ роскошной природы чувство любви, которое сначала находитъ исходъ въ робкихъ взглядахъ, а потомъ и въ чистыхъ сердечныхъ изліяніяхъ.

Корюко не согласится выдать за Бехіа свою дочь; есть одно спасительное средство—похитить любимую дѣвушку. Циція сама намекаетъ на этотъ обычный способъ разрѣшенія любовной интриги, и тутъ только Бежіа убѣждается, что онъ любимъ: онъ обнялъ ее и припалъ къ ея сердцу, учащенное біеніе котораго электрическимъ токомъ пробѣгало по ея напряженнымъ нервамъ. «Она не сопротивлялась; искры одного огня одинаково охватили ихъ; оба были въ забвеніи, были объяты однимъ чувствомъ, и это чувство было желаніе соединиться въ одно, перелить свою душу, вложить свое сердце и слиться въ одно нераздѣльное существо. Влюбленные не замѣчали, какъ день близился къ вечеру, какъ луна озарила всю природу лучами, возбуждающими страсти въ человѣкѣ. Ночь была тихая, объятая таинственнымъ молчаніемъ, какъ будто горы и лѣса, утомленные дневнымъ зноемъ, погрузились въ желанный сонъ и покой. Только съ горъ бѣгущіе ручьи неумолкаемо звенѣли по камнямъ, словно напѣвая чудную пѣсню задремавшей природѣ»...

Но судьба разстроила мечты влюбленной пары. Циція была похищена въ отсутствіе отца не Бежіей, а какимъ-то чеченцемъ, который видѣлъ ее на похоронахъ Эпхіа. «Когда ты ударила,—говорилъ ей чеченецъ,—своими маленькими ручками по алымъ ланитамъ съ едва замѣтною бородавкой, я далъ себѣ слово поцѣловать тебя какъ-разъ въ то мѣсто». Съ этими словами онъ обнялъ дрожащую въ его крѣпкихъ рукахъ Цицію, привлекъ къ сердцу и жадно впился въ ея блѣдныя уста...» Чрезъ нѣсколько минутъ по свистку похитителя прилетѣлъ его сотоварищъ и они, умчавшись на двухъ коняхъ вмѣстѣ съ Циціей, пропали во мракѣ ночи. Но здѣсь выступаетъ свойственная горцу черта: онъ не пользуется беззащитнымъ положеніемъ женщины, онъ не посягаетъ на ея цѣломудріе, не прибѣгаетъ къ насилію. Циція на всѣ ласки похитителя отвѣчаетъ молчаніемъ, отказывается отъ пищи, горючія слезы текутъ ручьями изъ ея темныхъ глазъ. «Сердце горца тронуло. Безстрашный воинъ, съ улыбкой встрѣчавшій тысячу смертельныхъ опасностей, стоитъ взволнованный, блѣдный и со слезами на глазахъ, едва переводя дыханіе, умоляетъ ее пощадить, полюбить хотя бы на моментъ общей гибели въ пропасти съ высокихъ скалъ. Циція смягчилась; она видѣла статнаго красавца, опьяненнаго страстью, который, не употребляя насилія, палъ къ ея ногамъ и, какъ повелительницу свою, умолялъ о любви. Но въ ея чистой, не покрытой нравственною ржавчиной, душѣ два чув-

ства еще не уживались. Она любила Бежію, и ей оставалось своему новому безумному поклоннику предложить братскую дружбу: «Я люблю другого,—говоритъ Циціа,—ты—братъ, я—сестра!» — «О-охъ!» — вздохнулъ чеченецъ такъ сильно, какъ будто сердце вырвалось вонъ изъ глубины, и разразился страшнымъ, мучительнымъ плачемъ. Но онъ быстро оправился, отеръ, быть можетъ, впервые на его глазахъ навернувшіяся слезы и, обратившись къ ней, сказалъ: «Сестра моя, куда тебя вести?» Съ этого времени онъ дѣлается преданнымъ, безкорыстнымъ ея другомъ. Чеченецъ не жалѣетъ силъ, не останавливается предъ угрожающими ему опасностями, чтобы доставить страстно любимую дѣвушку въ обладаніе счастливому своему сопернику. Голосъ совѣсти, сознаніе нравственнаго долга заглушаютъ въ немъ бурный потокъ его страстныхъ чувствъ. Послѣ цѣлаго ряда приключеній чеченецъ съ Циціей отыскиваетъ Бежію. Послѣдній, считая свою подругу уже опозоренною похитителемъ, готовъ броситься на него съ кинжаломъ, чтобы кровью отомстить за честь женщины. Чеченецъ также обнажаетъ оружіе для самообороны и недалекъ уже, по недоразумѣнію, шагъ къ кровопролитію, какъ вдругъ слышится крикъ Циціи, платокъ ея «мандили» неожиданно появляется между разъяренными борцами и въ ту же минуту взбѣшенные львы смиряются, опустивъ неподвижно сверкающіе мечи. Враги опомнились при видѣ «мандили»,—святыни, чрезъ которую не можетъ переступить не одинъ горецъ: «мандили» обезоруживаетъ и Бежію, и чеченца.

Романъ *Элисо* заимствованъ изъ эпохи насильственнаго выселенія чеченцевъ въ Турцію. Славный наибъ Шамиля, Анзора, имя котораго гремѣло нѣкогда въ горахъ Кавказа, пожертвовавшій тремя своими сыновьями на защиту родины, теперь на старости лѣтъ съ единственною дочерью Элисо прощается съ дорогимъ пепелищемъ. «На открытомъ роскошномъ полѣ, близъ Владикавказа, стояли полукругомъ арбы, наполненныя домашнею рухлядью. Посреди ихъ были разведены костры, предъ которыми усѣлись старики и въ глубокомъ молчаніи курили кальянъ. Ихъ мужественныя опечаленныя лица при свѣтѣ мерцающаго огня представляли какую-то фантастическую картину. Эта необыкновенная тишина у вѣчно подвыпившихъ горцевъ, среди роскошной природы въ теплый чудный вечеръ, была прервана тихими звуками чіануры *) и тяжело-грустнымъ напѣвомъ. Голосъ пѣвца вырывался изъ глубины сердца, которое воспламенялось, клокотало, жгло и самого пѣвца, и слушателей. Пѣсня разсыпалась далеко по полю, гдѣ легкое вѣяніе приносило ея звуки къ каждому дереву, кустику, травкѣ и, прикоснувшись къ нимъ, какъ будто давала такъ рѣзко чувствовать свою силу, что они начинали дрожать подъ этимъ жгучимъ отголоскомъ. Скоро вопль одного пѣвца обратился въ общій вой и вся равнина наполнилась мучительнымъ ропотомъ и завываніемъ. Это пѣніе безъ словъ выражало такую глубокую грусть, наполняло сердце такою тоской и мела

*) Родъ скрипки.

холіей, что заставляло человѣка невольно сочувствовать постигшему ихъ горю. Это была ихъ лебединая пѣсня, прощаніе умирающаго, вѣчная разлука съ любимыми родителями, ласкъ которыхъ лишаетъ сына неумолимая и немилосердная судьба. Эти стоны и вздохи казались тѣмъ болѣе горькими, что они были рыданіемъ не одного несчастнаго лица, а выражались въ нихъ общая грусть, общая тоска, общее мученіе; здѣсь бился общій нервъ и въ стонѣ одного воплощались чувство и горе цѣлаго народа. Эти вѣрные сыны своей страны, готовые на безмолвное для нея самопожертвованіе, разставались съ дорогими ихъ сердцу горами и полями, для укрѣпленія которыхъ за собою отецъ не жалѣлъ сына, жена — мужа, и послѣ всѣхъ этихъ жертвъ они должны покинуть родину. «Господи, гдѣ ты? воззри на насъ!»—говорили ихъ обращенные къ небу глаза и, не получая отвѣта, грустно опускались къ сырой землѣ. Каждый кустъ, каждое мѣстечко и уголокъ напоминали ихъ мужественную борьбу, въ которой ихъ кровь лилась рѣкой. Прикосновеніе къ каждому камню и каждый шагъ способны были воскресить въ нихъ минувшія картины жизни, которыя раскаленными иглами терзали ихъ сердце и лишали словъ для выраженія тоски. Бываютъ минуты, когда слова безсильны для выраженія горести...»

Анзора, отецъ Элисо, съ ускореннымъ біеніемъ сердца и съ глубокими морщинами на высокомъ челѣ слушалъ, опершись на кинжалъ, эту унылую пѣсню. Онъ нѣсколько разъ дрожащею рукой отеръ уже выступавшій на лбу холодный потъ, но грусть все не покидала его и пробудившіяся воспоминанія о прошломъ горько жгли его сердце. «Онъ вспомнилъ свою юность, удалые набѣги на русскія войска, захватъ у нихъ добычи и коней и радость при этомъ молодыхъ чеченокъ; вспомнилъ, когда онъ, подобно вѣтру, носился неустанно то тамъ, то здѣсь, и пѣсня за пѣсней слагались въ честь и прославленіе его. Вспомнилъ онъ юную жену, нѣжно ласкающую его, вспомнилъ онъ своихъ сыновей — отраду на старости, которые предъ его глазами, при отраженіи враговъ, были подняты на штыки. Вспомнилъ все это, еще разъ сильнѣе провелъ рукою по лбу и грустно произнесъ: «Лай, Лай, Илъ, Аллахъ!»

Этотъ нѣкогда суровый воинъ, закаленный въ бояхъ и мщеніяхъ, таитъ свѣтлый потокъ неизсякаемой любви и нѣжности къ своей красивой дочери Элисо. Молодая дѣвушка, вдали отъ другихъ, на берегу рѣчки, давно уже сидитъ, погруженная въ глубокія думы. Ея нѣжное блѣдное лицо прислонилось къ маленькимъ ручкамъ, а томные глаза устремились въ неопредѣленную даль. Она предавалась тутъ двойному постигшему ее горю: вмѣстѣ съ родиной она теряла и своего друга, грузина-христіанина Важіа. Религія и вражда къ грузинамъ, гіярамъ-проводникамъ русскихъ въ горы, служила препятствіемъ въ глазахъ Анзоры къ ихъ браку. Но отецъ былъ увѣренъ, что Элисо такъ легко не разстанется съ избранникомъ своего юнаго сердца: чеченка рѣдко полюбитъ, но разъ похитившему ея сердце она отдается всецѣло, вѣчно... Отецъ тихо, украдкой приблизился къ лю-

бимой дочери, объятой одною тяжелою мыслью — борьбою между чувствомъ и долгомъ предъ старцемъ-родителемъ.

«Я постараюсь забыть того, кого люблю!—говоритъ отцу Элисо.—«Ты должна забыть, если можешь: Важіа христіанинъ, а ты чеченка» (мусульманка),—отвѣчаетъ Анзора. Отецъ не довольствуется этимъ краткимъ лаконическимъ заявленіемъ, почему Элисо должна заглушить чувство любви къ Важіа. Онъ посвящаетъ ее въ перипетіи своей мрачной судьбы, такъ тяжело наказавшей его по милости гіяровъ. Она должна забыть ихъ. «Слушай, Элисо!—восклицаетъ отецъ.—Я имѣлъ свой табунъ лошадей, свободно разгуливавшій по полямъ Чечни,—пришли гіяры и отняли его... Я имѣлъ стада барановъ, и не проходилъ предъ моимъ домомъ странникъ, чтобъ я не пригласилъ и не зарѣзалъ ему овечки,—напали гіяры и отняли... Я имѣлъ домъ, и онъ былъ пріютомъ всѣхъ несчастныхъ и нуждающихся,—пришли гіяры и сожгли.., Остались у меня три сына, ты и оружіе мое. Я бѣжалъ въ горы и хотѣлъ отмстить за эту несправедливость, но и сюда пришли гіяры и сыновей моихъ одного за другимъ убили предъ моими глазами. Боже мой! Какой это былъ страшный день!... Одно только утѣшало меня, что они геройски пали: у нихъ было пробито сердце,—видно, они не показывали тыла врагамъ. Остался живъ я одинъ, чтобъ адскій огонь водворился въ моемъ сердцѣ. Теперь я удрученъ годами, ослабѣлъ и, когда нуждаюсь въ покоѣ, я разстаюсь съ родиной, съ прахомъ моихъ сыновей. Только ты теперь моя отрада, ты должна закрыть мои глаза, но... если точно любишь Важіа, скажи... и этимъ послѣднимъ утѣшеніемъ я пожертвую».— «Нѣтъ, отецъ, я не оставлю тебя, если бы даже сто разъ больше я его любила. Пройдетъ время... Я забуду... Правда, вѣдь, отецъ, забуду?»

Задушевное объясненіе отца съ дочерью прерывается неожиданнымъ появленіемъ Важіа во мракѣ ночи. Важіа не скрываетъ, что «любитъ Элисо такъ, какъ рыба—воду, птица—воздухъ». «Элисо! слышишь? Отвѣчай ему!...» Элисо стояла молча и по ея блѣдному лицу замѣтно было, что въ ея душѣ происходила мучительная борьба двухъ противуположныхъ чувствъ: съ одной стороны были отецъ и долгъ дочери,, съ другой — избранникъ сердца и необходимость пожертвовать имъ. За минуту предъ тѣмъ для нея былъ рѣшенъ вопросъ о подчиненіи чувства долгу, но теперь какая-то невѣдомая сила пробѣжала по ея нервамъ и вся она превратилась въ чувствительное женское существо. Она упорно молчала; сердце старика, въ ожиданіи отвѣта, сжималось отъ страха, а сердце Важіа усиленно билось при видѣ своей возлюбленной...» Анзора понимаетъ, что теряетъ послѣднюю опору въ дочери, и начинаетъ просить Важіа оставить ему дочь-единственную его отраду на старости лѣтъ.

«Умоляетъ тебя Анзора, который никогда ни къ кому не обращалс съ просьбой: не лишай меня, старца, единственной надежды и отрады. Т молодъ, у тебя есть домъ, родные, я же волей судьбы потерялъ все, все!... Здѣсь душой старца овладѣло сильное волненіе, онъ сталъ издавать пре

рывистые тяжелые вздохи, только жестомъ и мимикой выражая мучительное страданіе»... Нѣтъ необходимости прибавлять къ этому отрывку, насколько вѣрно схвачена психологическая черта борьбы въ душѣ Элисо и ея отца. Авторъ безъ скачковъ, не упуская изъ вида отдѣльныхъ сценъ и моментовъ для развитія этой душевной драмы, показалъ намъ не горца въ его сердечной жизни, а человѣка съ его внутреннимъ міромъ и страстями, остающимися одними и тѣми же во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Анзора, потративъ тщетно свои моленія, уступаетъ молодой парѣ, но, по недоразумѣнію, столкновеніе съ властью кладетъ безвременный конецъ не отвѣдавшему счастья Важіа, и вмѣстѣ съ Анзорой онъ падаетъ отъ козацкихъ пуль.

Пушкинъ и Лермонтовъ первые изъ русскихъ писателей воспѣли Кавказъ. Время, къ которому относятся ихъ произведенія, отмѣчено упорною, отчаянною борьбой горцевъ съ русскимъ оружіемъ. Пушкинъ въ поэмахъ, а въ особенности въ своемъ *Путешествіи въ Эрзерумъ*, представилъ горцевъ въ односторонникъ черныхъ краскахъ, а Лермонтовъ ярко, въ *Герои нашего времени*, изобразилъ нравы и бытъ кавказцевъ въ дикомъ состояніи. Бѣлинскій, словами Максима Максимыча, говоритъ, что «азіаты (т.-е. горцы) всѣ большіе плуты и что самая ихъ храбрость есть отчаянная *удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа*». По моему мнѣнію, такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Горсть кавказскихъ горцевъ вступила въ продолжительное кровавое столкновеніе съ могущественнымъ русскимъ оружіемъ. Сила для этой упорной и отчаянной войны въ теченіе 60 лѣтъ черпалась въ теплой привязанности къ свободѣ и родинѣ. Горцы были побуждаемы къ поголовному вооруженію не хищническими интересами, а сознательною идеей защиты своей самостоятельности. «Онъ ждетъ, не крадется-ль козакъ, ночной ауловъ разоритель», говоря словами поэта. Онъ оборонялся, а не нападалъ, онъ стойко защищалъ свои трущобы и кровью мстилъ за вторженіе въ его мирную обитель. Любовь къ независимости—стихійное чувство горцевъ, и это чувство воодушевляло ихъ къ геройскимъ подвигамъ. Они заблуждались только относительно результатовъ этой неравномѣрной борьбы, но побужденія къ ней были всегда искренни и чужды матеріальныхъ соображеній.

Присоединеніе Кавказа теперь — совершившійся фактъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали о горцахъ въ періодъ возбужденія народныхъ страстей, и потому ихъ взгляды на характеръ кавказцевъ отличается недостаточною наблюдательностью и спокойствіемъ. Грузинскій писатель А. Каз[illegible]ъ поставленъ въ болѣе выгодное положеніе: Кавказъ умиротворенъ, неніе улеглось, писатель, близко стоящій къ его обитателямъ, имѣ возможность представить ихъ бытъ и культуру съ большею ясностью азносторонностью. А. Казбекъ первый бросилъ лучъ въ глубь сердца ца, проникъ въ его сокровенные изгибы, раскрылъ предъ нами бо ый внутренній міръ мохевца, мтіула, чеченца. Онъ показалъ намъ, горецъ—не дикій хищникъ, а человѣкъ съ чувствами и помыслами,

какъ всѣ другіе, онъ далъ возможность заглянуть въ сердце горца, въ которомъ клокочетъ бурный потокъ и нѣжности, и пылкости. Онъ положительно увѣрилъ насъ въ томъ, что въ душѣ горца также происходитъ борьба между страстью и долгомъ, разыгрывается мучительная драма при столкновеніи безсильнаго праваго съ всесильнымъ неправымъ. А. Казбеку принадлежитъ честь установленія правильнаго взгляда на нравы и съ виду жестокія дѣянія горцевъ, вызываемыя необходимостью самообороны, защиты женской чести и свободы родины. Изъ чтенія этихъ романовъ еще разъ можно убѣдиться, что родина, какъ бы она мала ни была, всегда занимаетъ большое и почетное мѣсто въ сердцѣ благороднаго человѣка. Необыкновенная теплота и искренность отношенія автора къ горцамъ заражаетъ и читателя: послѣдній начинаетъ съ біеніемъ сердца входить въ интересы героевъ повѣстей, мучится и радуется за одно съ ними. Пастухъ въ бараньемъ полушубкѣ выростаетъ въ истиннаго героя, исполненнаго благородства, свѣтлыхъ помысловъ, глубины чувствъ, постоянства въ дружбѣ и любви. Горы и лѣса, туры и собаки, рѣчки и травка заговорили своимъ особымъ языкомъ, выражая сочувствіе правому дѣлу и соболѣзную жертвѣ несправедливости и гоненія. Авторъ въ нашъ вѣкъ вѣроломства и эгоизма какъ будто зоветъ насъ поучиться у горцевъ сознанію общаго дѣла, общихъ интересовъ, позаимствовать у нихъ похвальный навыкъ быть вѣрнымъ данному честному слову, не гнуть шею предъ грозою, а ждать всякую опасность готовымъ къ ея отраженію. Этотъ призывъ не есть возвращеніе къ первобытному состоянію, бѣганью на четверенькахъ, какъ бы сказалъ Вольтеръ, а только голосъ въ порицаніе существующему злу, призывъ къ братству и любви.

А. Хахановъ.

Вопросы сравнительной преступности половъ.

(По поводу статьи г. Фойницкаго: *Женщина-преступница* *).

I.

Изслѣдованія въ области нравственной, въ частности уголовной, статистики и въ настоящее время представляютъ несомнѣнный соціологическій интересъ, при усовершенствованіи же и развитіи пріемовъ собиранія и способовъ разработки цифроваго матеріала изслѣдованія эти должны получить величайшее значеніе для изученія психологіи народныхъ массъ и обширныхъ соціальныхъ группъ вообще. Дѣйствительно, что, главнымъ образомъ, ставится въ упрекъ современнымъ статистическимъ изысканіямъ въ сферѣ нравственной жизни обществъ? Это—недостаточность произведеннаго анализа въ опредѣленіи индивидуальныхъ отличій и особенностей нравственныхъ явленій, нерасчлененность данныхъ и вслѣдствіе этого огульность выводовъ, грубость и неточность въ оцѣнкѣ изслѣдуемой среды. Но это вина совсѣмъ не статистическаго метода изслѣдованія самого по себѣ, а лишь несовершеннаго пріема собиранія сырого матеріала; малая детальность первичныхъ данныхъ и отсутствіе комбинацій признаковъ изучаемаго явленія со всѣхъ доступныхъ количественному наблюденію сторонъ не даютъ возможности произвести анализъ съ достаточною глубиной и заставляютъ отказаться отъ ближайшаго опредѣленія порождающихъ данное явленіе причинъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ: положимъ, по даннымъ уголовной статистики, мы знаемъ, что на 10,000 холостыхъ и незамужнихъ приходится 30 осужденныхъ, на 10,000 состоящихъ въ бракѣ—20, а на 10,000 вдовыхъ только 10 осужденныхъ. Если бы мы, на основаніи этихъ цифръ, пришли къ тому заключенію, что наименьшая преступность мѣчается среди вдовыхъ (и разведенныхъ), а наибольшая—среди холо-ыхъ, то впали бы въ жестокую ошибку, такъ какъ упустили бы изъ виду іяніе пола и возраста на преступность каждой группы семейнаго состоія. А половой и возрастный составъ всѣхъ трехъ группъ весьма разлиенъ, и дѣйствительный коэффиціентъ преступности (отношеніе осужденныхъ

*) *Сѣверный Вѣстникъ* 1893 г., №№ 2 и 3.

къ массѣ населенія) можетъ быть вычисленъ лишь при расчлененіи группъ семейнаго состоянія по полу и возрасту. Такія таблицы, однако же, въ которыхъ комбинируются данныя по полу, возрасту и семейному состоянію, мы находимъ только въ новѣйшей германской уголовной статистикѣ (съ 1882 г.); подобнаго рода многостороннія таблицы есть и въ нашихъ сводахъ по дѣламъ уголовнымъ. Но во французскихъ, наприм., comptes de la justice criminelle такихъ комбинаціонныхъ таблицъ совершенно нѣтъ. Статистическія данныя сгруппированы отдѣльными таблицами по каждому признаку особо, что, конечно, затрудняетъ изслѣдованіе и объясненіе ихъ.

Что касается, въ частности, русской уголовной статистики, то работы по «сводамъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ», несмотря на сравнительную полноту и детальность этихъ сводовъ, встрѣчаютъ почти непреодолимое затрудненіе въ отсутствіи у насъ данныхъ общей статистики населенія. Не имѣя свѣдѣній о числѣ населенія, нельзя вычислить отношенія между извѣстными категоріями преступниковъ и соотвѣтствующими имъ классами населенія. Довольствоваться же одними процентными отношеніями разныхъ группъ осужденныхъ между собою, не относя ихъ къ общему населенію, значитъ во многихъ случаяхъ отказаться отъ самой цѣли поставленнаго себѣ труда: всякое статистическое изслѣдованіе преступности, прежде всего, имѣетъ въ виду опредѣлить *частость* преступленій въ данной средѣ, и затѣмъ, путемъ количественнаго анализа, постараться выяснить причины, дѣйствующія въ томъ или другомъ смыслѣ на развитіе преступныхъ дѣяній. Означенное затрудненіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, и послужило причиной того, что въ нашей научной литературѣ почти не имѣется болѣе или менѣе обширныхъ и систематическихъ изслѣдованій по уголовной статистикѣ. Единственное исключеніе составляетъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ вышедшій въ свѣтъ трудъ Е. Анучина, основанный, притомъ же, на устарѣвшихъ данныхъ 1827—46 годовъ, имѣющихъ для насъ только историческое значеніе. Тѣмъ съ большимъ интересомъ читается довольно обширная статья г. Фойницкаго *Женщина-преступница*, посвященная, какъ самое заглавіе указываетъ, вопросу о женской преступности. Интересъ усиливается еще тѣмъ, что изслѣдованіе произведено профессоромъ уголовнаго права, занимающимъ выдающееся положеніе и въ судебномъ вѣдомствѣ,—слѣдовательно, лицомъ, которому болѣе всего можетъ быть извѣстенъ міръ преступности какъ со стороны индивидуальной природы преступника, такъ и соціально-бытовыхъ причинъ, способствующихъ или задерживающихъ развитіе преступленій. И дѣйствительно, анализъ приведенныхъ г. Фойницкимъ въ его статьѣ данныхъ отличается глубиной и тонкостью по отношенію къ юридической сторонѣ вопроса. Но что касается собственно статистическихъ пріемовъ доказыванія автора, то нельзя не замѣтить, что эта часть изслѣдованія является менѣе солидною и во многомъ не достаточно обоснованною. Нѣкоторые статистическіе отношенія и выводы, дѣлаемые изъ нихъ г. Фойницкимъ, какъ будетъ видно при дальнѣйшемъ изложеніи, произведены не согласно съ требованіями теоріи стати-

стическаго метода и заключаютъ въ себѣ не мало неточностей и недоразумѣній. Общіе выводы о характерѣ и особенностяхъ женской преступности, по недостаточности приведенныхъ статистическихъ доказательствъ, представляются спорными и даютъ мѣсто соображеніямъ, противорѣчащимъ основнымъ положеніямъ автора.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться съ самою цѣлью, поставленною г. Фойницкимъ руководящимъ началомъ при изученіи уголовной статистики. Г. Фойницкій говоритъ о трудности найти статистическимъ путемъ критерій сравнительной оцѣнки нравственности различныхъ народовъ или даже отдѣльныхъ классовъ населенія одной и той же страны, указываетъ на ошибки, дѣлавшіяся при такого рода опредѣленіяхъ нравственнаго уровня разныхъ общественныхъ группъ, и въ заключеніе высказываетъ слѣдующее: «Если такія попытки опредѣленія сравнительнаго нравственнаго уровня разныхъ народовъ или общественныхъ классовъ и имѣютъ какое-нибудь значеніе, то только со стороны соціальной, а не юридической, для публициста, а не для юриста. Мы интересуемся опытными данными статистическихъ таблицъ для выясненія и опредѣленія преступности не какъ общественнаго явленія... а какъ признака извѣстнаго, преимущественно психическаго (сознательнаго и волевого) состоянія личности. Съ этой точки зрѣнія совершенно нѣтъ мѣста раздачѣ аттестатовъ о степени нравственности или безнравственности групповымъ единицамъ, каковы различные общественные классы и даже цѣлые народы».

Намъ кажется, во-первыхъ, что для выясненія преступленія, какъ признака психическаго состоянія *личности*, уголовная статистика можетъ дать очень мало: при помощи количественнаго статистическаго метода наблюдаются и изслѣдуются явленія не индивидуальныя, а *массовыя*, подвергаются группировкѣ и анализу по возможности большія числа, выводятся законосообразности, имѣющія значеніе только для обширныхъ группъ населенія, а не для отдѣльныхъ личностей. Затѣмъ, для изученія причинъ возникновенія и развитія преступности вообще, мы необходимо должны сравнивать, по возможности, частость или силу напряженія преступности въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ, будутъ ли то соціальные классы, или даже цѣлые народы. Естественно, что насъ при этомъ интересуетъ различіе въ развитіи преступности (предполагается по однороднымъ даннымъ) въ той или другой общественной средѣ; при помощи доступныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ способовъ сравненія предполагаемыхъ или дѣйствующихъ общественныхъ причинъ, обнаруживающихъ свою силу неравномѣрно въ каждомъ отдѣльномъ слоѣ населенія, мы стараемся объяснить тотъ или иной уровень преступности сравниваемыхъ классовъ. Трудно исполнимою, но возможною, при развитіи статистическихъ наблюденій, представляется и мысль объ опредѣленіи нравственнаго уровня различныхъ общественныхъ классовъ. Неоднородность собираемыхъ статистическихъ свѣдѣній составляетъ главное препятствіе для сравнительной криминальной статистики отдѣльныхъ государствъ, и, къ сожалѣнію, эта причина еще долго, вѣроятно, будетъ суще-

ствовать, но въ предѣлахъ одной и той же страны дѣло не представляетъ совершенной невозможности, при достаточно внимательномъ и осторожномъ оперированіи съ статистическими данными. Только при этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что на основаніи данныхъ одной уголовной статистики нельзя еще опредѣлить «нравственность» извѣстнаго класса. Въ понятіе нравственности входитъ не одна преступность, представляющая, да и то не вполнѣ, одни отрицательныя явленія нравственной среды: требуется для соотвѣтственнаго дополненія сравниваемыхъ величинъ указать и на положительныя явленія или стороны жизни того или другого народнаго слоя. Это, конечно, сдѣлать весьма трудно, потому что мы имѣемъ статистику преступленій, но не имѣемъ статистики добрыхъ дѣлъ или, по крайней мѣрѣ, общественно-полезныхъ дѣйствій въ каждомъ классѣ. Но на необходимость подобнаго рода статистическихъ свѣдѣній указываетъ намъ настоятельное стремленіе всѣхъ изслѣдователей по нравственной статистикѣ проводить параллель между отдѣльными общественными группами. Самъ г. Фойницкій, въ концѣ-концовъ, не строго придерживается или, лучше сказать, вовсе не придерживается поставленнаго имъ себѣ правила не входить въ оцѣнку нравственнаго уровня того или другого общественнаго класса, и, съ одной стороны, весьма подробно останавливается на вопросѣ о томъ, нравственнѣе ли женщина мужчины, или нѣтъ, а, съ другой, при сравненіи женской преступности въ разныхъ профессіяхъ, не воздерживается и отъ выдачи «похвальныхъ» и непохвальныхъ «аттестатовъ» той или иной группѣ занятій. И это понятно: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ признать одинаковыми условія нравственной жизни въ двухъ соціальныхъ группахъ, если въ одной изъ нихъ, при уравненіи неодинаковыхъ условій (возрастнаго и полового состава), преступность оказывается вдвое или втрое сильнѣе, чѣмъ въ другой. Статистика самоубійствъ—тоже патологическаго общественнаго явленія—всегда обращала особое вниманіе на различіе тенденціи къ самоубійству въ различныхъ общественныхъ классахъ и у различныхъ народовъ и, путемъ сравнительнаго метода изслѣдованія, достигла многихъ прочно обоснованныхъ выводовъ, чѣмъ выгодно отличается отъ статистики преступленій.

Мы упомянули, что преступленія сами по себѣ не вполнѣ выражаютъ и отрицательныя стороны человѣческой дѣятельности: дѣйствительно, трудно изучать преступленіе, какъ проявленіе патологическаго состоянія общественной среды и выдѣляемыхъ ею нравственно-дефектныхъ личностей, не касаясь, въ то же время, сходныхъ по характеру производящихъ причинъ болѣзненныхъ явленій, каковы алкоголизмъ, проституція, сумасшествіе, самоубійство. Всѣ эти формы нравственнаго или вообще психическаго разстройства, негодности или неуравновѣшенности личности, неприспособленности ея къ окружающей средѣ и условіямъ борьбы за существованіе, тѣсно связаны между собою, нерѣдко переходятъ одна въ другую и часто развиваются параллельно одна съ другою. Поэтому изученіе преступности различныхъ общественныхъ группъ необходимо должно имѣть въ виду и

родственныя преступленію явленія и изслѣдовать ихъ во взаимной ихъ связи. Между тѣмъ, у г. Фойницкаго, помимо краткаго упоминанія, въ одномъ случаѣ, о проституціи среди женщинъ, мы не находимъ указаній на соотношеніе между преступностью и алкоголизмомъ или формами психическаго разстройства, нервными болѣзнями и тенденціей къ самоубійству. Вообще, при объясненіи количественныхъ данныхъ, нашъ авторъ почти никогда не обращается къ количественному же методу доказыванія, не сопоставляетъ цифръ преступности съ данными другого порядка, экономическаго или общественно-психологическаго. Отсюда предположительность, неопредѣленность его выводовъ, такъ какъ ими объясняются статистическія данныя гадательными, приблизительными соображеніями, что въ статистическомъ изслѣдованіи допустимо только при полной невозможности добыть числовыя свѣдѣнія по данному вопросу.

Сдѣлавъ эти краткія предварительныя замѣчанія, мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію работы г. Фойницкаго по существу ея содержанія.

II.

Въ первой части своей статьи (*Сѣверный Вѣстникъ*, № 2) г. Фойницкій всецѣло останавливается на извѣстномъ фактѣ слабаго участія женщинъ въ общей преступности сравнительно съ мужчинами. Въ Россіи за 1876—85 гг., по даннымъ, разработаннымъ г. Фойницкимъ, среди осужденныхъ общими судебными установленіями женщины составляли только $9_{,1}$%, среди осужденныхъ мировыми установленіями (по наиболѣе тяжкимъ проступкамъ)—$11_{,7}$%, въ Австріи, Италіи, Франціи и Бельгіи женщинъ среди осужденныхъ (или обвиняемыхъ) около 15—16%, въ Германіи около 18%, въ Англіи около 20%. Однимъ словомъ, среднее участіе женщины въ преступности культурныхъ странъ выражается дробью $^1/_6$, или преступность мужчины въ пять разъ (въ среднемъ) выше, чѣмъ преступность женщины. При этомъ мы, съ своей стороны, должны сдѣлать маленькое замѣчаніе: дѣйствительная преступность женщины еще ниже, чѣмъ насколько она выражается въ пропорціи къ общему числу осужденныхъ или подсудимыхъ, во-первыхъ, потому, что въ большинствѣ европейскихъ странъ (за исключеніемъ южныхъ) женщины преобладаютъ надъ мужчинами; во-вторыхъ, потому, что въ возрастѣ до 10 лѣтъ (не участвующемъ въ преступленіи) мужской полъ перевѣшиваетъ женскій, или разница въ пользу перваго слабѣе, чѣмъ въ старшихъ возрастахъ, и, въ-третьихъ, наконецъ, потому, что изъ мужского населенія въ настоящее время не малая ія, въ самомъ цвѣтущемъ и съ максимальною тенденціей къ преступію возрастѣ, находится на военной службѣ, является, слѣдовательно, изъятой изъ общей подсудности и должна быть отброшена при вычисленіи коэфиціента преступности. При такомъ способѣ исчисленія пропорціи женщинъ среди преступниковъ, когда предварительно приняты во вниманіе всѣ вышеуказанныя обстоятельства, процентъ ихъ замѣтно понижается. Такъ,

въ Германіи за 1882 по 1887 г. разница между неисправленнымъ % женщинъ среди осужденныхъ и исправленнымъ составляетъ отъ 1½ до 2%. Но, какъ видно, разница эта, все-таки, небольшая, поэтому мы на ней настаивать не будемъ и удовлетворимся отношеніями, приведенными г. Фойницкимъ. Во всякомъ случаѣ, и изъ нихъ видно, что преступленія вообще въ пять разъ чаще среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ. Г. Фойницкій высказываетъ въ своей статьѣ то мнѣніе, что представленныя цифры должны быть признаны значительно ниже дѣйствительнаго участія женщины въ преступленіи; хотя при этомъ авторъ и не рѣшается утверждать, что скрытая женская преступность можетъ уравновѣсить явную мужскую, но приводитъ, однако, все время соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ, что женская нравственность отнюдь не выше мужской. Слабое же участіе женщины въ преступности объясняется г. Фойницкимъ на основаніи слѣдующихъ положеній: 1) различіемъ репрессіи уголовныхъ судовъ по отношенію къ обоимъ поламъ; 2) развитіемъ проституціи среди женщинъ; 3) своеобразнымъ характеромъ женской преступности, предпочтеніемъ женщины къ формамъ скрытаго соучастія и подстрекательства, неуловимаго для уголовной юстиціи; 4) различіемъ въ психо-физической организаціи половъ, закрывающимъ возможность для женщины совершенія многихъ преступленій, хотя и при наличности одинаковой степени безнравственности съ мужчиной; 5) различіемъ въ общественномъ положеніи, замкнутостью въ кругу семейныхъ и домашнихъ отношеній. Мы разсмотримъ въ отдѣльности каждое изъ этихъ положеній въ томъ видѣ, какъ они изображены у г. Фойницкаго.

Что касается болѣе мягкой репрессіи суда (какъ присяжныхъ, такъ и коронныхъ) по отношенію къ женщинамъ, то на ней нечего долго останавливаться: различіе между отношеніемъ женщинъ среди обвиняемыхъ и среди осужденныхъ составляетъ всего 1½% (по русскимъ даннымъ), т.-е. среди обвиняемыхъ женщинъ на 1½% болѣе, чѣмъ среди осужденныхъ, такъ что тамъ, гдѣ имѣются свѣдѣнія только объ осужденныхъ, нужно накинуть 1½% на долю женщинъ. Но такъ какъ г. Фойницкій, какъ уже было указано, допустилъ ошибку именно въ размѣрѣ 1½ или 2% къ невыгодѣ женщинъ, то эти два маленькихъ различія взаимно погашаютъ другъ друга и пропорція осужденныхъ женщинъ должна остаться неизмѣнной.

«Другое обстоятельство,—говоритъ г. Фойницкій,—которое должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи дѣйствительнаго участія женщины въ картинѣ общественной безнравственности, составляетъ наполненіе ею рядовъ проституціи, родной сестры преступности». И только. Между тѣмъ, вопросъ этотъ заслуживалъ бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Правда, : примѣчаніи г. Фойницкій ссылается еще на замѣчаніе г-жи П. Тарновско которая говоритъ, что проститутки по ремеслу восполняютъ этимъ свои ремесломъ слишкомъ широкій пробѣлъ, устанавливаемый уголовною стат стикой въ пользу женщинъ. Но мнѣніе это ничѣмъ рѣшительно не подтверя дено, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно представлено у нашег автора, поэтому намъ слѣдуетъ подвергнуть его болѣе внимательному ра

бору, тѣмъ болѣе, что утвержденія подобнаго рода довольно распространены и высказываются обыкновенно въ такой же общей и неопредѣленной формѣ. Положимъ, что проституція есть своего рода проступокъ противъ нравственности (хотя и не преслѣдуемый уголовнымъ закономъ), но является вопросъ, присущъ ли этотъ проступокъ исключительно однимъ женщинамъ и нѣтъ ли вины самихъ мужчинъ въ проституціи женщинъ? Не говоря о содержателяхъ публичныхъ домовъ, развѣ мало мужчинъ, живущихъ отъ проституціи своихъ любовницъ и женъ? Разные альфонсы, сутенёры, Zuhälter,—все это классъ людей, у насъ сравнительно менѣе извѣстный, но въ западно-европейскихъ большихъ городахъ довольно многочисленный и уголовному наказанію не подлежащій. О послѣднихъ законодательныхъ мѣрахъ въ Германіи противъ этихъ эксплуататоровъ проституціи мы не говоримъ, такъ какъ данныя г. Фойницкаго не идутъ далѣе 1885 г. Да и сами проститутки, кѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, они столкнуты на дорогу позора и преждевременной старости и смерти? Паранъ-Дюшатлэ (Parent-Duchâtelet) въ своемъ сочиненіи о проституціи, оставшемся классическимъ въ этой области литературы до сего времени, не оставляетъ насъ по этому вопросу въ сомнѣніи *). Изъ 5,183 публичныхъ женщинъ, прошлое которыхъ было имъ документально дознано, 2,397, т.-е. около половины, предались проституціи, будучи оставлены своими любовниками, изъ нихъ 289 горничныхъ, соблазненныхъ своими господами, 280—оставлены любовниками въ состояніи беременности. Въ этихъ цифрахъ виновность мужчинъ, хотя бы и косвенная, въ нравственномъ паденіи женщинъ очевидна, но и изъ остальныхъ женщинъ, изученныхъ Parent-Duchâtelet, почти всѣ занялись своимъ позорнымъ ремесломъ лишь вслѣдствіе крайней нужды и безпомощности (2,696 ж.), а 89 женщинъ даже по мотивамъ, возбуждающимъ невольное сожалѣніе къ ихъ участи,—для прокормленія престарѣлыхъ родителей или малолѣтнихъ членовъ семьи, такъ что несчастная Соня Мармеладова не только художественный образъ, созданный талантливымъ романистомъ, но имѣетъ соотвѣтствующій ей, хотя, конечно, и рѣдкій, типъ въ дѣйствительной жизни. Всѣ эти и подобныя имъ данныя указываютъ, главнымъ образомъ, на то, что проституція вообще въ весьма малой мѣрѣ можетъ быть поставлена въ вину женщинамъ и что это того рода печальное явленіе, въ которомъ всѣ виноваты и никто не правъ.

Но положимъ, что все это мало измѣняетъ существо дѣла и что проституція можетъ быть приравнена къ преступленію,—остается все же открытымъ вопросъ, насколько число публичныхъ женщинъ можетъ восполнить разность между числомъ осужденныхъ женщинъ и числомъ осужденныхъ мужчинъ, какъ то полагаетъ, повидимому, г-жа Тарновская. Число зарегистрованныхъ проститутокъ весьма сравнительно не велико. Въ Италіи, наприм., по даннымъ правительственнаго санитарнаго надзора **), во

*) Цитируемъ по *Этингену*: „Moralstatistik“, 1882, стр. 220.

**) *Annuario statistico italiano per l'anno 1884.*

всемъ королевствѣ къ 31 декабря 1881 г. числилось только 10,422 проститутки. Между тѣмъ, число осужденныхъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ Итальянскаго королевства достигало въ среднемъ за 1881—85 гг. громадной цифры 431,432, изъ нихъ женщинъ около 72,000,—перевѣсъ, слѣдовательно, мужчинъ надъ женщинами выражается въ солидной цифрѣ 287,000; за вычетомъ 10 или 12,000 публичныхъ женщинъ, все-таки, остается внушительная разность въ 275,000, а процентъ женщинъ среди осужденныхъ повышается лишь очень немного. На это, правда, можно возразить, что число тайныхъ, незарегистрованныхъ проститутокъ въ нѣсколько разъ больше числа зарегистрованныхъ и можетъ восполнить недостающій пробѣлъ. Но въ такомъ случаѣ мы вступаемъ въ область догадокъ и предположеній, для которыхъ нельзя подыскать сколько-нибудь солидныхъ основаній. Проституція, тайная и явная, преимущественно сосредоточивается въ большихъ городахъ, въ сельскомъ населеніи она, какъ промыселъ, почти неизвѣстна,—слѣдовательно, цифры ея въ земледѣльческихъ странахъ, какъ, напримѣръ, у насъ, не могутъ быть значительными. Число зарегистрованныхъ публичныхъ женщинъ и въ столичныхъ городахъ сравнительно не велико: въ Петербургѣ (по переписи 1882 г.)—2,084, въ Москвѣ (по переписи 1882г.)—1,538, въ Парижѣ (1880 г.)—3,582. Если даже признать, что число тайно промышляющихъ развратомъ втрое или вчетверо болѣе приведенныхъ цифръ, то, все-таки, числа получаются не особенно большія, а разность въ числѣ осужденныхъ мужчинъ и женщинъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Италіи, выражается въ сотняхъ тысячъ. И это не въ одной Италіи, конечно: въ Германіи за 1887 г. число осужденныхъ мужчинъ (по всѣмъ преступленіямъ) превысило число женщинъ на 212,761. У насъ, въ Россіи, разность между числомъ подсудимыхъ (или и осужденныхъ) мужчинъ и женщинъ должна быть не менѣе 300 или 400 тысячъ. Такую огромную пропасть, раздѣляющую мужскую преступность отъ женской, никакая проституція восполнить не въ состояніи. Притомъ же, если причислять тайныхъ проститутокъ къ цифрамъ женской преступности, то по справедливости слѣдуетъ отнести къ числу преступныхъ мужчинъ и тайныхъ, успѣвшихъ скрыться отъ слѣдствія и суда преступниковъ, среди которыхъ % мужчинъ, какъ увидимъ далѣе, выше, чѣмъ среди осужденныхъ или подсудимыхъ, и, въ такомъ случаѣ, снова возстановится въ прежней мѣрѣ перевѣсъ мужской преступности надъ женской.

Но допустимъ даже и то, чего послѣ предъидущихъ соображеній допустить нельзя,—допустимъ, что проституція тайная, явная и предполагаемая, дѣйствительно, болѣе или менѣе уравновѣшиваетъ преступность половъ: у насъ все же остается весьма тяжелое орудіе въ защиту женщинъ противъ мужчинъ, дѣйствіе котораго крайне губительно: это—алкоголизмъ. Если проституція—«родная сестра преступности», то алкоголизмъ—родной его братъ, и очень жаль, что г. Фойницкій, упомянувъ о сестрѣ, совершенно умолчалъ о братѣ, который, какъ извѣстно, является важнымъ двигателемъ и пособникомъ какъ преступленія, такъ и вообще различныхъ формъ

психо-физическаго разстройства. Значительная доля преступленій, какъ и самоубійства, сумасшествій и т. п., тѣсно связана съ неумѣреннымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ,—фактъ этотъ настолько извѣстный, что излишне было бы здѣсь приводить тому статистическія доказательства. Между тѣмъ, алкоголизмъ несравненно сильнѣе свирѣпствуетъ среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ, и, что замѣчательно, почти въ той же мѣрѣ, въ какой мужская преступность выше женской. Вотъ нѣсколько примѣровъ: во Франціи за 1881—1885 гг. среди умершихъ отъ алкоголизма *) женщинъ было 15,1%, въ Россіи **) за 1870—1874 гг. еще менѣе—8,4%, въ Баваріи ***) (1869—1873 гг.)—7,0%; значительно выше процентъ женщинъ, умершихъ отъ пьянства, въ Англіи ****) за 1869—1878 гг., именно 34,2%; это наивысшее участіе женщины въ алкоголизмѣ, извѣстное по статистическимъ даннымъ, но въ Англіи и процентъ женщинъ среди осужденныхъ—наиболѣе высокій. Абсолютное число алкоголиковъ или вообще злоупотребляющихъ спиртными напитками, однако, нельзя опредѣлить въ точности по каждой странѣ; нѣкоторыя указанія даютъ свѣдѣнія о числѣ арестованныхъ или судимыхъ за пьянство: такъ, во Франціи, въ среднемъ, за 1881—1885 гг. производилось 54,286 дѣлъ о пьянствѣ въ публичномъ мѣстѣ *****). Въ Англіи за 1872—1875 гг. арестовано за пьянство и нарушеніе общественной тишины, въ среднемъ, около 180,000, причемъ въ одномъ Лондонѣ около 30,000 *****). У насъ въ Россіи число алкоголиковъ должно быть весьма велико, но свѣдѣній о немъ, хотя бы и косвенныхъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ, да и нельзя ихъ добыть, такъ какъ у насъ не региструются случаи осужденія за пьянство, и пьянство само по себѣ (хотя и есть осуждающая его ст. 42 въ уст. нак.) почти вовсе не преслѣдуется. Изъ свѣдѣній о смертности въ Москвѣ сравнительно съ другими европейскими столицами *******) мы видимъ, что въ первопрестольной смертность отъ алкоголизма выше, чѣмъ въ Берлинѣ и Парижѣ. Какъ бы то ни было, мы не думаемъ впасть въ ошибку, утверждая, что число алкоголиковъ-мужчинъ, во всякомъ случаѣ, не меньше числа проститутокъ, а у насъ, въ Россіи, навѣрное больше. Если же такъ, то проституція среди женщинъ и алкоголизмъ среди мужчинъ взаимно уравновѣшиваются и покрываютъ другъ друга; мы исключаемъ ихъ изъ сравненія, и у насъ остается то же отношеніе мужской преступности къ женской, равное отношенію 5:1.

Однако (мы приступаемъ къ третьему основанію, въ силу котораго женская преступность считается не уступающею мужской), женская пре-

---

*) По даннымъ *Comptes généraux de la Justice criminelle.*

**) *Статист. Временникъ*, вып. XIX.

***) *Baer*: „Der Alcoholismus", стр. 291.

****) *Oettingen*: „Moralstatistik", стр. 695.

*****) Число обвиняемыхъ не показано; оно должно быть больше числа дѣлъ.

******) *Oettingen*, стр. 689.

*******) *Смертность населенія города Москвы*, 1891 г., стр. 69.

ступность имѣетъ своеобразный характеръ, вслѣдствіе котораго она лишь видимо ниже преступности мужчинъ, имѣя, въ дѣйствительности, болѣе высокій уровень, чѣмъ какой обнаруживается уголовною статистикой. Нѣкоторые спеціальные виды преступленій для женщины недоступны, какъ-то: служебныя, бродяжество и т. п., но за то женщина отдаетъ предпочтеніе различнымъ видамъ скрытаго участія, неуловимаго для уголовной юстиціи. «Женщина,—говоритъ г. Фойницкій,—часто является дѣйствительною подстрекательницей, всецѣло опредѣлившею преступленіе мужчины, но дѣйствовавшею лишь намеками или даже только взглядами, въ которыхъ самый искусившійся судья не найдетъ состава преступленія. Далѣе проводится авторомъ мысль, выражаемая въ шутливой формѣ французскою поговоркой: «cherchez la femme!» Въ подтвержденіе своихъ выводовъ, г. Фойницкій ссылается, между прочимъ, на работы Joly о преступленіи, приводитъ мѣсто изъ книги этого автора, въ которомъ тотъ, опираясь на довольно-таки поверхностныя и не основанныя на статистическихъ данныхъ наблюденія, утверждаетъ, что женщина часто является нравственною виновницей разныхъ преступленій, въ особенности кражъ, мошенничествъ и т. п., побуждая мужчину преступными способами доставлять ей различные предметы роскоши для удовлетворенія ея тщеславія и, въ то же время, умѣя ловко оставаться въ сторонѣ, не прилагая рукъ къ совершенію преступленія, бремя котораго цѣликомъ лежитъ на мужчинѣ.

Что въ отдѣльныхъ случаяхъ такое скрытое участіе женщины въ преступленіи, дѣйствительно, бываетъ и при этомъ женщина можетъ и избѣжать уголовнаго преслѣдованія,—этого мы отрицать не станемъ, но при этомъ необходимо оговориться, что такого рода случаи никоимъ образомъ не могутъ повысить уровень женской преступности сравнительно съ мужской или вообще измѣнить ихъ взаимное отношеніе. Дѣло въ томъ, что такіе случаи развращающаго вліянія женщинъ на мужчинъ несомнѣнно уравновѣшиваются обратнымъ явленіемъ—совращеніемъ женщинъ мужчинами на дорогу разврата и преступленія. Есть даже полное основаніе полагать, что число случаевъ послѣдняго рода гораздо больше. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, «мужъ—владыка семьи», «жена должна повиноваться мужу», «femina semper minor»—эти и подобныя имъ формулы права и обычныхъ, традиціонныхъ воззрѣній выражаютъ не только юридическую зависимость и подчиненное положеніе женщины въ семьѣ, но, въ то же время, соотвѣтствуютъ и занимаемому ею положенію во всемъ жизненномъ строѣ вообще. Всею прошедшею исторіей выработался такой порядокъ вещей, что почти во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности главнымъ, преобладающимъ лицомъ является мужчина. Отсюда бо́льшая энергія мужчины, бо́льшая способность къ иниціативѣ, къ активной дѣятельности вообще. Конечно, есть исключенія, и за послѣднее время не малочисленныя, но не о нихъ рѣчь: все время мы, говоря о «женщинѣ», имѣемъ въ виду средній типъ, составляющій главную массу населенія. Преобладаніе мужчины надъ женщиной во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности

признаетъ и г. Фойницкій, и даже въ одномъ мѣстѣ чрезмѣрно на не ь настаиваетъ, для насъ же данное положеніе имѣетъ здѣсь то значеніе, го имъ несомнѣнно устанавливается фактъ большаго вліянія и воздѣйствія мужчины на женщину, чѣмъ наоборотъ, какъ въ другихъ сторонахъ жизни, такъ и въ преступленіи. «Жена слѣдуетъ за мужемъ» (ст. 103 нашего X тома) не только въ случаяхъ перемѣны жительства, но нерѣдко и, притомъ, не всегда добровольно, и по скользкому пути, ведущему въ тюрьму и ссылку. Женщина, какъ существо болѣе впечатлительное и способное къ увлеченію, обладающее менѣе крѣпкою волей, менѣе яснымъ сознаніемъ своей личной нравственной жизни, легко подчиняется вліянію мужа или вообще любимаго, тѣсно связаннаго съ ней мужчины, безповоротно и слѣпо повинуется его словамъ и увѣщаніямъ, хотя бы вначалѣ они и возбуждали въ ней нравственную тревогу и опасеніе. Поэтому-то мы и видимъ, что женщина является преимущественно въ видѣ участницы въ преступленіи, уступая главную роль мужчинѣ. Не особенно удачно здѣсь выраженіе, употребляемое оффиціальною уголовною статистикой, что «женщина отдаетъ предпочтеніе косвенному участію, избѣгая непосредственной дѣятельности въ преступленіи». Это нѣсколько напоминаетъ того поросенка, который «любитъ», чтобы его подавали съ кашей. Не потому женщина принимаетъ только косвенное участіе въ преступленіи, что сама «предпочитаетъ» эту роль и сознательно выбираетъ ее, какъ бы отстраняя отъ нея мужчину, а потому, что такое пассивное положеніе въ преступной дѣятельности создаетъ ей мужчина; онъ непосредственно прилагаетъ руку къ дѣлу, а своей подругѣ предоставляетъ, такъ сказать, домашнія хлопоты объ укрывательствѣ похищеннаго или о сокрытіи слѣдовъ преступленія. Это положеніе укрывательницы похищеннаго для замужней женщины, наприм., разъ ея мужъ сталъ воромъ, является естественнымъ и даже какъ бы обязательнымъ по народной поговоркѣ: «жена на мужа не докащица». Эта пассивность женщины въ преступленіи, большая ея зависимость отъ главнаго виновника — мужчины, очевидно, обусловливаетъ и большую къ ней мягкость суда (какъ короннаго, такъ и присяжныхъ). Не подъ вліяніемъ какихъ-либо чуждыхъ цѣли правосудія видовъ судьи почти всегда и вездѣ больше оправдываютъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, а вслѣдствіе убѣжденія въ меньшей виновности женщины. Мужчина, по закону и по общественному положенію своему получивъ попеченіе надъ женщиной, связавшей съ нимъ свою судьбу, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность по охраненію ея нравственной жизни. Если же амъ мужчина эту ввѣренную закономъ его охранѣ и заботамъ человѣческую личность развращаетъ и ведетъ за собой къ преступленію, то ся тяжесть отвѣтственности за совершенныя его несчастною подругой ыя дѣла должна пасть на этого «попечителя». Что плохіе мужья чаще стрѣчаются, чѣмъ дурныя жены, на это намъ укажетъ статистика разводовъ, изъ которой мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ нѣкоторыя данныя, но a priori, зная, что преступность вообще въ пять разъ выше среди муж-

чинъ и въ столько же болѣе развитъ среди нихъ алкоголизмъ, безъ труда можно заключить, что въ смыслѣ развращенія и побужденія къ преступленію гораздо сильнѣе и чаще должно быть воздѣйствіе мужчины на женщину, чѣмъ обратно.

Здѣсь кстати еще будетъ замѣтить, что какое бы тамъ «скрытое» участіе въ преступленіи женщина ни принимала, а мужчина имѣетъ гораздо больше средствъ бѣжать, скрыться отъ преслѣдованія правосудія и при непосредственномъ совершеніи преступленія, а не при участіи только. На эту мысль наводятъ уже и соображенія самого г. Фойницкаго по поводу того, что женщина совершаетъ преступленіе чаще въ порывѣ увлеченія, чѣмъ по холодному разсчету, что она не въ состояніи дѣйствовать по обдуманному плану и со строгимъ разсчетомъ всѣхъ деталей, а, слѣдовательно, прибавимъ отъ себя, должна и относительно чаще, чѣмъ мужчина, попадаться въ руки правосудія, ибо меньше умѣетъ скрыть слѣды преступленія, рѣже удается ей утаить отъ постороннихъ взоровъ совершенное злодѣяніе или сопутствующія ему чувства и общее состояніе психо-физическаго организма. Да, кромѣ того, и общая сравнительная пассивность женщины, меньшее участіе ея въ круговоротѣ жизни, даетъ ей меньшую возможность быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, способности перемѣнить среду, перенестись въ новую обстановку и тѣмъ избѣжать преслѣдованія. Эти апріорныя заключенія вполнѣ подтверждаются и статистическими данными. Такъ, по даннымъ французской уголовной статистики за 1876—1880 гг., женщинъ среди обвиняемыхъ въ ассизахъ было 16%, а изъ числа обвиняемыхъ заочно (par contumace) преступниковъ, успѣвшихъ скрыться отъ суда, женщины составляли только 6%, т.-е. въ два съ половиной раза менѣе. Указаніе на вообще бо́льшую способность мужчины бѣжать и скрываться отъ правосудія даетъ намъ и итальянская статистика побѣговъ изъ тюремъ *): въ теченіе 1870—80 гг. изъ мѣстъ заключенія бѣжало 3,353 мужчины и только 43 женщины; изъ нихъ успѣли скрыться (остались неразысканными) 1,090 мужчинъ и 12 женщинъ или на 1 бѣжавшую женщину приходится 78 мужчинъ, а на 1 скрывшуюся—91, между тѣмъ, въ тюрьмахъ на 1 заключенную женщину приходится только 14 мужчинъ. Данныя подобнаго рода весьма легко увеличить примѣрами изъ другихъ странъ, но дѣло ясно само по себѣ, и на основаніи приведенныхъ фактовъ и соображеній мы должны придти къ тому заключенію, что среди преступниковъ, совершенно оставшихся неизвѣстными суду или съумѣвшихъ бѣжать и остаться необнаруженными, женщинъ должно быть, сравнительно, еще менѣе, чѣмъ среди виновниковъ преступленій, такъ или иначе обнаруженныхъ подлежащею властью. Отсюда прямой выводъ тотъ, что никакое скрытое участіе женщины не измѣняетъ процента ея преступности въ пользу сильнѣйшаго пола, ибо болѣе чѣмъ уравновѣшивается скрытіемъ преступленій виновными мужчинами и ихъ воздѣйствіемъ на развитіе порочныхъ и преступныхъ сторонъ въ женщинѣ.

*) *Annuario per 1884.*

III.

До сихъ поръ, однако, мы еще не коснулись самаго существа вопроса о причинахъ столь слабаго сравнительно съ мужскимъ населеніемъ развитія женской преступности, говоря все время только о томъ, насколько эта преступность можетъ быть замаскирована разными посторонними явленіями и причинами. Оставаясь въ области данныхъ, зарегистрованныхъ цифрами, г. Фойницкій задается самымъ капитальнымъ въ этомъ отношеніи вопросомъ, не зависитъ ли малая женская преступность отъ болѣе высокой нравственности женщинъ сравнительно съ мужчинами, и разрѣшаетъ его отрицательно, согласно мнѣнію Эттингена, Вагнера, Ломброзо и друг., и противъ выводовъ Бонневиль де-Марсанжи, Тарда, Файэ и Валентини.

Г. Фойницкій, упомянувъ еще разъ о трудности опредѣленія уровня нравственности или безнравственности того или другого класса населенія, заявляетъ, что женщина, какъ средній типъ, не можетъ быть поставлена выше мужчины, и что указанія нѣкоторыхъ моралистовъ на историческіе образы нравственныхъ женщинъ не имѣютъ основанія, такъ какъ свидѣтельства современниковъ-лѣтописцевъ опровергаютъ представленіе о болѣе высокой нравственности женщины прошлыхъ вѣковъ. Въ подтвержденіе г. Фойницкій приводитъ выдержку изъ писателя XV в. Конрада Кельтскаго,— выдержку, производящую тяжелое впечатлѣніе на читателя и, притомъ, какъ разъ обратное тому, какое имѣлъ въ виду авторъ. Описывая мучительныя казни, которымъ подвергали осужденныхъ женщинъ въ его время, Конрадъ Кельтскій говоритъ: «Всѣ эти наказанія и всѣ эти пытки не мѣшаютъ имъ (женщинамъ) совершать преступленіе за преступленіемъ; ихъ развращенный умъ изобрѣтателенъ гораздо болѣе на новыя злодѣянія, чѣмъ умъ судей на новыя пытки». Нѣтъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному лѣтописцу, мы думаемъ, что онъ ошибся и слишкомъ низко оцѣнилъ изобрѣтательность судей XV и около того вѣковъ: вѣдь, посредствомъ пытокъ они вымучивали у женщинъ сознаніе и въ совершенно невозможныхъ преступленіяхъ, какъ, наприм., чародѣйство, колдовство, половая связь съ дьяволомъ и т. п. Нѣтъ, свидѣтельствамъ лѣтописцевъ, въ особенности монаховъ, о состояніи женской нравственности въ средніе вѣка довѣрять особенно не приходится. Во всякомъ случаѣ, если мы въ прошедшемъ, что̀ весьма вѣроятно, и не найдемъ нравственность женщины стоящею выше, чѣмъ въ настоящее время, за то съ увѣренностью можемъ сказать, что во всѣхъ тѣхъ злодѣяніяхъ и жестокостяхъ, которыми такъ богата исторія прошлыхъ вѣковъ, женщина принимала лишь самое слабое участіе: ей приходилось несравненно болѣе самой терпѣть отъ жестокости и насильничества мужчины, чѣмъ проявлять надъ кѣмъ-либо привитую въ ней тѣмъ же мужчиной злобу или мстительность.

Оставляя въ сторонѣ прошедшее, остановимся на статистическихъ данныхъ современности. Г. Фойницкій указываетъ на тотъ извѣстный фактъ, что нѣкоторыя тяжкія преступленія, не предполагающія значительной фи-

зической силы, какъ-то: преступленія противъ жизни ребенка, супруга (убійство соннаго), отравленіе, поджогъ и др., сравнительно болѣе распространены среди женщинъ, и нѣкоторыя изъ нихъ (дѣтоубійство, отравленіе) совершаются даже чаще женщинами, чѣмъ мужчинами. Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что слабую наклонность женщинъ къ другимъ преступленіямъ, въ особенности требующимъ значительной силы (какъ-то: драка, разбой и грабежъ и др.), слѣдуетъ объяснять не высшею степенью нравственности женщины, а отсутствіемъ благопріятныхъ для того условій. Разница въ физической организаціи въ связи съ многовѣковымъ подчиненнымъ положеніемъ женщины необходимо должна была выработать между нею и мужчиною разницу въ силахъ психическихъ. Отвага и натискъ замѣняются у женщины лукавствомъ и осторожностью, внезапная рѣшимость — раздумьемъ. Но, въ то же время, женщина въ дѣятельности своей обнаруживаетъ большее вліяніе порыва, увлеченія, страсти. По характеру дѣятельности она приближается къ мужчинѣ въ юношескомъ возрастѣ. Эта черта видна изъ бо́льшаго ея участія въ преступленіяхъ по страсти и увлеченію, а равно и въ большемъ процентѣ женщинъ среди обвиняемыхъ въ покушеніи, что указываетъ на порывистость женщины при исполненіи, недостатокъ у нея хладнокровія, необходимаго для обезпеченія удачи. «Такимъ образомъ, ближайшее объясненіе различій въ относительной преступности мужчины и женщины лежитъ въ различіи физическихъ и психическихъ силъ каждаго пола, которыми объясняются также и формы предпочитаемой каждымъ изъ нихъ дѣятельности».

Нельзя, конечно, спорить противъ того, что проявленіе преступности возможно лишь при благопріятныхъ для того условіяхъ, но возможно сомнѣніе въ томъ, чтобы благопріятныя для совершенія преступленія условія для женщины встрѣчались въ 5 или 10 разъ рѣже, чѣмъ для мужчины. Такъ, въ преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, разбоѣ и грабежѣ, кражѣ со взломомъ и убійствѣ въ дракѣ женщина у насъ, въ Россіи, занимаетъ всего отъ 3 до 6% осужденныхъ. Но, вѣдь, не въ 10 же и не въ 20 разъ женщина слабѣе мужчины, и чрезвычайно малое ея участіе въ преступленіяхъ, предполагающихъ схватку съ противникомъ, вовсе не соотвѣтствуетъ отношенію ея физическихъ силъ къ силамъ мужчины. Притомъ же, если бы даже нанесеніе, наприм., тѣлесныхъ поврежденій взрослому мужчинѣ было невозможно для женщины, то ей остается широкое поле примѣненія насилія по отношенію къ лицамъ одного пола и дѣтямъ, а также подросткамъ мужского пола. Физическую силу взрослой женщины (въ особенности рабочихъ классовъ) можно считать приблизительно равной си[illegible] юношей отъ 14 до 20 года, однако же, число обвиняемыхъ въ нанесен[illegible] побоевъ этой возрастной группы мужчинъ какъ у насъ, такъ и во Фра[illegible]ціи *), значительно превышаетъ общее число женщинъ, обвиняемыхъ в[illegible] этомъ преступленіи, всѣхъ возрастовъ вмѣстѣ взятыхъ. Такое рѣзкое ра[illegible]

*) Для группы мужчинъ отъ 16—21 г.

личіе въ числѣ обвиняемыхъ нельзя объяснить одною разницей физическихъ силъ: гораздо удовлетворительнѣе оно объясняется бо́льшимъ потребленіемъ алкоголя среди мужчинъ, подъ вліяніемъ котораго и совершаются многія изъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ участіе женщины минимально, какъ-то: нанесеніе побоевъ, убійство въ дракѣ, а также многіе случаи грабежа.

Обращаясь затѣмъ къ спеціально-женскому преступленію — лишенію жизни ребенка, мы, прежде всего, должны имѣть въ виду, что въ этомъ преступленіи косвеннымъ и совершенно скрытымъ отъ судебнаго преслѣдованія участникомъ является мужчина. Большинство дѣтоубійцъ—дѣвушки, соблазненныя и затѣмъ брошенныя на произволъ судьбы своими любовниками. Вѣдь, и Гретхенъ, которую г. Фойницкій считаетъ идеальнымъ образомъ поэтической фантазіи, стоящимъ выше средней женщины, въ концѣ-концовъ, тоже преступница—дѣтоубійца, казненная за свое преступленіе. Формальное правосудіе исполнило свое дѣло, отрубило голову преступницѣ, и судьи, подписавшіе смертный приговоръ Гретхенъ, могли при этомъ хладнокровно разсуждать объ испорченности и безнравственности осужденной. Но въ глазахъ читателей великой драмы Гёте отвѣтственность за совершонное преступленіе едва ли не всецѣло падаетъ на высокоумнаго и ученаго доктора Фауста. Не иначе смотрѣлъ на дѣло и самъ Гёте: не даромъ же онъ заключаетъ драму апоѳеозомъ Гретхенъ и словами: das ewig Weibliche zieht uns hinan. Основныя же черты любви Гретхенъ къ Фаусту и ея несчастнаго конца чрезвычайно просты и общи большинству романтическихъ связей, не скрѣпленныхъ бракомъ, причемъ самый типъ Гётевской Маргариты вовсе не стоитъ высоко надъ обыкновеннымъ представленіемъ о кроткой, сантиментальной и не обладающей самостоятельнымъ характеромъ нѣмецкой дѣвушкѣ.

Относительно другого преступленія, въ которомъ женщина принимаетъ большое участіе — супругоубійства (а также отравленія, направленнаго преимущественно противъ супруговъ и семейныхъ), мы должны войти въ разсмотрѣніе семейнаго положенія женщины и выяснить, что женщина имѣетъ особыя побудительныя причины къ совершенію этихъ преступленій, которыхъ мужчина (совершающій ихъ, однако, въ той же или бо́льшей мѣрѣ) не имѣетъ. Въ сферѣ семейныхъ отношеній женщина вообще находится въ болѣе тяжелыхъ, подчасъ невыносимыхъ условіяхъ, которыя и наталкиваютъ ее на преступленіе. Чтобы не казаться голословнымъ, обратимся къ статистикѣ разводовъ: она намъ даетъ ясное свидѣтельство о печальномъ положеніи многихъ и многихъ замужнихъ женщинъ. Почти во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ имѣются статистическія данныя о разводѣ *), женщины гораздо чаще обращаются въ судъ съ требова-

*) Мы пользовались извлеченіемъ изъ работы Ж. Бертильона о разводѣ въ *Journal de la Société statistique de Paris* за 1884 г. и обширнымъ сводомъ, составленнымъ американскою „статистикой труда“,— *Report of marriage and divorce in the United States*, 1889. Въ *Appendix* къ этому *Report*'у есть данныя и о разводахъ въ Россіи, безъ различія пола супруговъ.

ніемъ о разводѣ, и имъ чаще даютъ его, признавая мужа виновнымъ. Изъ собранныхъ имъ данныхъ о разводѣ Ж. Бертильонъ выводитъ то заключеніе, что женщины вообще вдвое или втрое чаще мужчинъ просятъ развода и что во столько же разъ мужчины являются худшими супругами, чѣмъ женщины. Это положеніе онъ подтверждаетъ тѣмъ соображеніемъ, что частость разводовъ имѣетъ тѣсную связь съ развитіемъ въ населеніи самоубійствъ, алкоголизма и психическихъ разстройствъ; виновными въ расторженіи брака обыкновенно оказываются лица дурно уравновѣшенныя (detraqués), невыносимыя какъ въ общественной, такъ и семейной жизни; среди нихъ весьма повышена наклонность къ самоубійству и преступленію.

Съ своей стороны мы можемъ замѣтить, что вѣрность заключенія Ж. Бертильона о большей виновности мужчинъ въ расторженіи браковъ подтверждается уже и тѣмъ простымъ соображеніемъ, что разъ преступность, алкоголизмъ и наклонность къ самоубійству (какъ патологическое явленіе) въ 4 или 5 разъ чаще среди мужчинъ, то очевидно, что семейное положеніе женщинъ, которымъ чаще приходится связывать свою судьбу съ порочными и безнравственными субъектами, должно чаще побуждать ихъ къ подачѣ прошенія о разводѣ. При этомъ Бертильонъ основательно замѣчаетъ, что женщины еще чаще прибѣгали бы къ разводу, еслибъ ихъ не удерживало опасеніе остаться безъ всякихъ средствъ и безъ возможности найти себѣ скоро заработокъ. Болѣе же всего выясняютъ намъ картину разложенія семейной жизни мотивы разводовъ. Лучше и полнѣе всего статистика причинъ разводовъ разработана въ Соединенныхъ Штатахъ *): данныя собраны за 20-ти лѣтній промежутокъ, съ 1867 по 1886г., и касаются внушительной цифры 328,716 бракоразводныхъ дѣлъ. При этомъ важно то обстоятельство, что мотивы разводовъ, допускаемые законами отдѣльныхъ штатовъ, весьма разнообразны и многочисленны, въ нѣкоторыхъ штатахъ (Kentucky, Washington) суду даже предоставлено право признавать бракъ расторженнымъ по причинамъ, не указаннымъ въ законѣ, если только судъ придетъ къ убѣжденію, что совмѣстная жизнь супруговъ, тяжущихся о разводѣ, невозможна. Такимъ образомъ, опредѣленіе причинъ расторженія браковъ не съужено въ С. Америкѣ рамками закона, какъ, наприм., во Франціи, гдѣ для разлученій (и разводовъ съ 1884 г.) законъ признаетъ только три возможныхъ основанія, съ которыми и должны сообразоваться желающіе развода супруги. Въ виду этого, а также по интересу, который они представляютъ, мы и приводимъ данныя бракоразводной статистики С.-Американскихъ Штатовъ. Изъ 100 разводовъ каждой группы, разобранныхъ судебнымъ порядкомъ, было совершено

по причинѣ:	Со стороны мужа	Со стороны жены
прелюбодѣянія	43,6	56
жестокаго обращенія (cruelty)	88,1	11

*) *Report of the marriage and divorce.*

оставленія (преднамѣреннаго и безв. отлучки) .	59,4	40,6
пьянства	89,7	10,3
отказа въ содержаніи	100,0	—
по нѣсколькимъ причинамъ вмѣстѣ *) . . .	81,3	18,7
по остальнымъ причинамъ **).	62,6	37,4
Всѣ причины	65,8	34,2

Эта таблица для насъ очень поучительна: оказывается, что, по всѣмъ причинамъ вообще, мужья вдвое чаще являются виновными въ разводѣ, чѣмъ жены. По отдѣльнымъ мотивамъ перевѣсъ вездѣ оказывается на сторонѣ мужчинъ, за исключеніемъ только прелюбодѣянія, которое вообще легче доказать относительно жены, чѣмъ мужа. По наиболѣе же безнравственнымъ мотивамъ расторженія брака—жестокому обращенію и пьянству—мужья въ 8 и 9 разъ виновнѣе женъ. Эти данныя какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно уже о большемъ развитіи преступности и алкоголизма среди мужчинъ, и на основаніи ихъ нельзя не придти къ тому заключенію, что семейное положеніе женщины несравненно хуже, чѣмъ мужчины. А если такъ, то и основаній къ совершенію преступленій въ сферѣ семейныхъ отношеній гораздо больше у женщины, чѣмъ у мужчины, хотя, какъ видно изъ данныхъ, напримѣръ, французской статистики, и въ этой области преступленія женщина уступаетъ мужчинѣ. Въ 1881—85 гг. во Франціи женщины составляли только 21,8% супругоубійцъ, а женоубійцы остальные 78,7%. Изъ таблицъ мотивовъ убійствъ (изъ которыхъ мы привели и сейчасъ указанныя цифры) за 1876—85 гг. видно, что среди убійцъ, совершившихъ преступленіе вслѣдствіе прелюбодѣянія, семейныхъ ссоръ и половыхъ страстей, женщины составляютъ всего-навсего 15%, что равно ихъ среднему участію въ преступленіи. Выше процентъ женщинъ среди осужденныхъ за супругоубійство и родственное у насъ въ Россіи (до 45% по даннымъ г. Фойницкаго), но это крайне высокое участіе женщинъ въ супругоубійствѣ несомнѣнно зависитъ отъ необыкновенно тяжелаго положенія русской женщины въ семьѣ, при сильномъ стѣсненіи развода, для сельскаго класса нашего почти недоступнаго. Что наша женщина изъ рабочаго класса, въ особенности крестьянка, зачастую находится въ невыносимой семейной обстановкѣ, связанная до гробовой доски съ мужемъ алкоголикомъ и буяномъ, въ этомъ врядъ ли кто станетъ сомнѣваться,—настолько это фактъ общеизвѣстный и засвидѣтельствованный много разъ въ нашей литературѣ.

И такъ, женщина совершаетъ преступленія, въ которыхъ ея участіе выше средняго, подъ давленіемъ исключительно тяжелыхъ семейныхъ и обственныхъ условій, гораздо менѣе чувствительныхъ для сильнѣйшаго

*) Комбинаціи одной или двухъ причинъ изъ вышеуказанныхъ съ какою-либо ростепенною или между собою.

**) Осужденіе за преступленіе, лишающее чести (infamous crime), половое безе, сумасшествіе и пр.

пола. Преступная же энергія женщины, находящейся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ существованія съ мужчиной, несравненно слабѣе. Это видно, между прочимъ, уже изъ того, что рецидивизмъ значительно менѣе развитъ среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ. Г. Фойницкій дѣлаетъ этотъ выводъ на основаніи русскихъ статистическихъ данныхъ; то же явленіе наблюдается во Франціи и Германіи. Во Франціи въ 1876—80 гг. рецидивисты составляли 53% осужденныхъ мужчинъ и только 21% осужденныхъ женщинъ (въ ассизныхъ судахъ). Правда, что сложный рецидивизмъ встрѣчается чаще у женщинъ, но самъ г. Фойницкій признаетъ, что причины рецидивизма (развращающее вліяніе тюрьмы и трудность возврата къ честной жизни на свободѣ) должны оказывать большее вліяніе на женщину, чѣмъ на мужчину, въ виду меньшей ея энергіи и малосамостоятельнаго соціальнаго положенія. Если же, несмотря на такое свое невыгодное положеніе, женщина, все-таки, въ общемъ менѣе впадаетъ въ рецидивизмъ, чѣмъ мужчина, то объясненіе можетъ быть найдено только въ меньшей испорченности женщины вообще, въ меньшемъ развитіи среди нея профессіональной преступности и меньшемъ процентѣ такъ называемыхъ «неисправимыхъ» преступниковъ. Нѣкоторое указаніе на то, что и среди преступницъ сохраняется относительно больше, чѣмъ у преступниковъ, чувство нравственнаго достоинства или, по крайней мѣрѣ, сдержанности и покорности судьбѣ, даетъ намъ итальянская тюремная статистика. За 11 лѣтъ съ 1870 по 1880 г. имѣлись такія свѣдѣнія о «поведеніи» заключенныхъ въ уголовныхъ тюрьмахъ (case di pena): до осужденія изъ $100_{,0}$ мужчинъ были поведенія: дурного—$30_{,7}$, посредственнаго—$26_{,8}$, хорошаго—$42_{,0}$; изъ 100 женщинъ дурного поведенія—$25_{,8}$, посредственнаго—$28_{,5}$, хорошаго—$45_{,3}$. При выходѣ изъ тюрьмы изъ $100_{,0}$ мужчинъ были дурного поведенія—$7_{,2}$, посредственнаго—$25_{,0}$, хорошаго—$67_{,8}$; изъ $100_{,0}$ женщинъ дурного поведенія только $2_{,7}$, посредственнаго—$20_{,0}$, хорошаго—$77_{,3}$. Нѣсколько иныя данныя о поведеніи половъ въ исправительныхъ тюрьмахъ за то же время въ продолженіе заключенія, гдѣ поведеніе мужчинъ и женщинъ оказывается приблизительно одинаковымъ, но, все-таки, процентъ мужчинъ «дурного поведенія» ($4_{,0}$) выше, чѣмъ женщинъ ($3_{,0}$). Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками данныхъ этого рода по другимъ государствамъ кромѣ Италіи, почему мы и не рѣшаемся утверждать, что вообще женщины ведутъ себя лучше въ тюрьмахъ, чѣмъ мужчины, хотя есть основаніе полагать, что это должно быть такъ, а не иначе (алкоголизмъ мужчинъ). Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ довольно важенъ для сужденія о степени сравнительной безнравственности половъ, и изучающему данныя уголовной статистики необходимо имѣть его въ виду.

Въ видѣ опроверженія теоріи, объясняющей меньшую преступность женщины ея большею нравственностью, мы встрѣчаемъ у г. Фойницкаго ея слѣдующее соображеніе: еслибъ эта теорія была вѣрна, то изъ нея слѣдовало бы, что чѣмъ слабѣе преступность женщины даннаго народа и общественнаго класса, тѣмъ она нравственнѣе и наоборотъ, и тогда англ

чанку слѣдовало бы признать болѣе безнравственною, чѣмъ француженку или итальянку, женщину Западной Европы вообще, болѣе безнравственною, чѣмъ русскую, а выше ихъ всѣхъ по нравственному уровню слѣдовало бы поставить восточныхъ женщинъ, магометанокъ, японокъ и др. «Невозможность принять выводы,—заключаетъ г. Фойницкій,—вытекающіе изъ разсматриваемаго взгляда, доказываетъ несостоятельность послѣдняго и заставляетъ искать иного объясненія женской преступности».

На это положеніе можно замѣтить слѣдующее: 1) изъ пропорціи женщинъ среди осужденныхъ еще нельзя опредѣлить высоту ихъ преступности. Это статистическая ошибка, въ которую не разъ впадаетъ г. Фойницкій и которую мы еще встрѣтимъ въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ. Положимъ, что изъ осужденныхъ въ Италіи женщины составляютъ 16%, а въ Англіи 21%, отсюда, однако же, нельзя заключать, какъ то дѣлаетъ г. Фойницкій, будто бы преступность итальянки ниже, чѣмъ англичанки: если общая преступность въ Италіи окажется, напримѣръ, вдвое выше, чѣмъ въ Англіи (по болѣе или менѣе однороднымъ преступленіямъ), то и преступность итальянки будетъ выше, чѣмъ англичанки, хотя и нѣсколько менѣе, чѣмъ вдвое; 2) еслибъ имѣлись и точные коэффиціенты преступности женщинъ разныхъ народовъ (т.-е. отношенія числа осужденныхъ къ извѣстной массѣ населенія), то и въ такомъ случаѣ по одному этому признаку, какъ мы упомянули въ началѣ статьи, нельзя судить о степени нравственности или безнравственности даннаго народа или общественнаго класса. Для этого необходимо имѣть извѣстный комплексъ данныхъ, служащихъ выраженіемъ коллективной нравственной жизни изслѣдуемаго слоя населенія, какъ отрицательнаго, такъ по возможности и положительнаго характера. Къ первому ряду относятся преступленія, алкоголизмъ, проституція, самоубійство, психическія болѣзни и др.; ко второму—степень участія въ общей соціальной, политической и экономической жизни, развитіе общественно-полезныхъ, соціальныхъ чувствъ, выражающееся въ дѣлахъ благотворительности, взаимопомощи, солидарности въ трудовыхъ и иныхъ предпріятіяхъ и др. Только при наличности такихъ, охватывающихъ по возможности больше сторонъ нравственной дѣятельности, данныхъ могли бы мы судить объ относительномъ уровнѣ нравственности какъ общей, такъ и женской въ различныхъ европейскихъ странахъ. Пока же этихъ данныхъ нѣтъ или они имѣются въ недостаточномъ количествѣ, и самаго вопроса о сравнительной нравственности ставить нечего: при помощи однѣхъ цифръ уголовной статистики, его, конечно, разрѣшить нельзя и легко можно придти къ выводамъ, противорѣчащимъ дѣйствительности. До производства возможно точнаго учета положительныхъ и отрицательныхъ нравственныхъ явленій совмѣстно, слѣдуетъ воздерживаться отъ всякихъ по данному вопросу предположеній, а потому, для доказательства или опроверженія какой то ни было теоріи, гипотезы объ одинаковомъ или неодинаковомъ уровнѣ нравственности женщинъ разныхъ народовъ, основанныя на данныхъ одной уголовной статистики, значенія имѣть не могутъ.

IV.

Но, помимо различія въ физическихъ и психическихъ силахъ каждаго пола, г. Фойницкій указываетъ еще на разницу по тому общественному положенію, которое принадлежитъ каждому полу, причемъ фактъ меньшей преступности женщины объясняется авторомъ тѣмъ, что женщина вращается въ болѣе тѣсной сферѣ дѣятельности, чѣмъ мужчина: кругъ ея потребностей уже и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для нея меньше шансовъ впасть въ преступленіе при несоотвѣтствіи суммы наличныхъ потребностей съ имѣющимися для ихъ удовлетворенія средствами. «Для мужчины открыты сферы жизни политической, общественной и домашней; женщина почти всецѣло сосредоточена въ рамкахъ послѣдней». Естественно, что и сферъ проявленія преступности для мужчины несравненно больше, чѣмъ для женщины. Но чѣмъ болѣе расширяется сфера женской жизни и дѣятельности, тѣмъ вѣроятнѣе становится для нея и расширеніе преступности. Этимъ объясняется, между прочимъ (по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно), болѣе высокая преступность западно-европейской женщины передъ русской и ничтожная относительная преступность магометанки, вообще женщины болѣе замкнутой, неподвижной жизни. Въ то же время, г. Фойницкій отрицаетъ паденіе относительной женской преступности, замѣченное въ Англіи, Германіи и Франціи, такъ какъ такое паденіе противорѣчитъ принятому авторомъ положенію о расширеніи сферы женской преступности параллельно съ увеличеніемъ участія женщины въ общей соціальной жизни. Но, тѣмъ не менѣе, г. Фойницкій впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, утверждая, что развитіе женскаго труда не можетъ увеличивать женской преступности. Почтенный профессоръ не допускаетъ той мысли, будто бы удаленіе женщины отъ домашняго очага въ сторону самостоятельнаго труда можетъ увеличить шансы ея преступности. «Данныя русской уголовной статистики блистательно опровергаютъ эту мысль»,—говоритъ онъ. Насколько «блистательно», увидимъ ниже, а пока разберемся въ изложенныхъ выводахъ и положеніяхъ.

Остановимся, прежде всего, на томъ утвержденіи, что женщина, какъ замкнутая въ сферѣ домашней дѣятельности, вслѣдствіе этого и имѣетъ менѣе случаевъ проявить свою преступную энергію, тогда какъ мужчина, при одинаковомъ уровнѣ нравственности, можетъ скорѣе впасть въ преступленіе при большей суммѣ его потребностей и большемъ количествѣ совершаемыхъ имъ вообще дѣйствій какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера. Мнѣніе это не совсѣмъ безосновательно само по себѣ, но оно высказывается обыкновенно въ слишкомъ общей и неопредѣленной формѣ, въ виду чего его доказательность представляется недостаточной. Для провѣрки его необходимо было бы вычислить коэффиціентъ преступности отдѣльно какъ для самодѣятельныхъ мужчинъ и самодѣятельныхъ женщинъ, такъ и для несамодѣятельныхъ *) обоего пола. Н

*) Самодѣятельными въ статистикѣ населенія называются лица, самостоятельно занимающіяся какою-либо профессіей; несамодѣятельные суть члены ихъ семействъ

такъ какъ, при современномъ состояніи уголовной статистики, сдѣлать этого нельзя, то мы ограничимся лишь указаніемъ, какой процентъ занимаетъ женщина среди самодѣятельнаго населенія, и сравнимъ эту пропорцію съ участіемъ женщины въ преступленіи. Во Франціи среди самодѣятельныхъ всѣхъ профессій (со включеніемъ прислуги, но безъ лицъ, не имѣющихъ занятій) женщины по переписи 1881 г. составляли ровно треть—33,3%, въ Бельгіи (всѣ профессіи по переписи 1880 г.) женщинъ изъ числа самодѣятельныхъ—34,9%, въ Австріи (1880 г. всѣ профессіи, безъ прислуги)—37,8%, въ Италіи (1881 г. всѣ профессіи)—38,7%, въ Англіи (1881 г. всѣ профессіи)—менѣе чѣмъ въ указанныхъ выше странахъ—30,5%. У насъ, въ Россіи, статистики занятій населенія по всей Имперіи не имѣется, но по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ можно предположить, что и у насъ женщина участвуетъ въ общемъ трудѣ населенія не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Западной Европѣ: такъ, въ Москвѣ (по переписи 1882 г.) женщины среди самодѣятельныхъ дали 31,5%, несмотря на то, что въ Москвѣ вообще мужчинъ относительно гораздо больше, чѣмъ женщинъ (вслѣдствіе наплыва пришлаго населенія). Въ Варшавѣ (1882 г.) изъ числа самодѣятельныхъ женщинъ 34,3%, тогда какъ въ Берлинѣ (1881 г.) нѣсколько менѣе—31,9%, т.-е. столько же, сколько и въ Москвѣ, но при большемъ равновѣсіи половъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ вытекаетъ то заключеніе, что женщина въ производительномъ трудѣ участвуетъ въ *третьей* долѣ или вдвое менѣе, чѣмъ мужчина, но за то въ преступленіи участіе ея выражается лишь въ одной *шестой*, т.-е. женщины вдвое менѣе выдѣляютъ изъ своей среды преступницъ, чѣмъ того слѣдовало ожидать по степени ихъ участія въ самостоятельномъ трудѣ. Очевидно также, что нельзя говорить, будто бы женщина всецѣло замкнута въ рамкахъ домашней жизни: приведенныя нами сейчасъ цифры разрушаютъ это положеніе. Женщина, даже въ настоящее время, далеко не такъ мало участвуетъ въ общей жизни народа, какъ то предполагаютъ на основаніи данныхъ уголовной статистики. Въ качествѣ самостоятельной главы семейства женщина является даже чаще, чѣмъ мужчина, въ хозяйствахъ одинокихъ, такъ какъ вдовъ больше, чѣмъ вдовцовъ: такъ, въ Москвѣ (по переписи 1882 г.) хозяйствъ съ одною женщиной во главѣ — 23,2%, съ однимъ мужчиной — 13,3%. Мы не говоримъ здѣсь, конечно, о дѣятельности политической, литературной или художественной, въ которыхъ участіе женщины слабѣе, но эти группы и сами по себѣ не многочисленны. Среди же либеральныхъ профессій вообще пропорція женщинъ не можетъ быть названа низкой: такъ, среди самодѣятельныхъ лицъ названныхъ профессій во Франціи (безъ рантье) женщины составляли 16,3%, въ Италіи — 18,3%. Въ другихъ государствахъ, какъ, наприм., Сѣв.-Американскихъ Штатахъ, эта доля, вѣроятно, гораздо выше. Въ особенности много самодѣятельныхъ женщинъ среди учащихъ (до половины этой группы), какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

Выше мы упомянули о томъ, что г. Фойницкій отрицаетъ уменьшеніе

пропорціи женщинъ среди обвиняемыхъ съ теченіемъ времени, замѣченное во Франціи, Германіи и Англіи, находя, что оно только кажущееся и что во Франціи, наприм., въ ассизныхъ судахъ процентъ обвиняемыхъ женщинъ остается съ 1826 по 1880 г. приблизительно одинаковымъ. Однако, новѣйшія данныя по французской уголовной статистикѣ подтверждаютъ именно паденіе доли женщинъ среди обвиняемыхъ: въ 1871—75 гг. изъ обвиняемыхъ въ ассизахъ женщинъ было 17%, въ 1876—80 г.—16%, а въ 1881—85 г. только 14%; такого низкаго процента не было ни разу во все время регистраціи уголовныхъ свѣдѣній, а въ началѣ періода съ 1826 года процентъ женщинъ былъ вообще выше, поднимаясь по пятилѣтіямъ до 18 и 19%. Съ другой стороны, въ Германіи уменьшеніе пропорціи женщинъ замѣчено не однимъ Штарке, свѣдѣнія котораго доходятъ только до 1878 года, и то по Пруссіи собственно, но и позднѣйшею общегерманскою уголовною статистикой съ 1882 по 1887 г.: на 100 обвиненныхъ мужчинъ было обвиненныхъ женщинъ послѣдовательно по годамъ за этотъ періодъ—25, 25, 24, 23, 23, 22. При этомъ оффиціальная статистика разъясняетъ и причины этого явленія *). Съ одной стороны, это есть слѣдствіе увеличенія числа обвиняемыхъ въ нанесеніи побоевъ и оскорбленій дѣйствіемъ (возростаніе потребленія алкоголя), въ которыхъ женщина менѣе всего участвуетъ, а также имѣются и другія соображенія, которыя для нашей цѣли имѣютъ большую важность. Нѣмецкій оффиціальный статистикъ говоритъ слѣдующее: «Какъ показываютъ вообще относительныя числа, женщина съ большимъ трудомъ рѣшается на преступленіе, чѣмъ мужчина, и принуждается ко этому, въ большинствѣ, случаевъ только нуждою. Когда же, съ улучшеніемъ условій заработка, связанныя съ дѣйствительною хозяйственною нуждой преступленія противъ собственности уменьшаются, то это явленіе обнаруживается преимущественно въ уменьшеніи этого рода преступности среди женщинъ». Говоря другими словами, улучшеніе экономическихъ условій жизни вообще отражается благопріятнѣе на нравственности женщины, чѣмъ мужчины. Это же явленіе было замѣчено ранѣе Штарке, о чемъ упоминаетъ и г. Фойницкій, но онъ не согласенъ съ нимъ, находя его мнѣніе будто бы слишкомъ лестнымъ для мужчины, «такъ какъ оно доказывало бы, что чѣмъ культурнѣе мужчина, тѣмъ болѣе онъ ограждаетъ свою женщину отъ треволненій и нуждъ ежедневной жизни, принимая тяжесть ихъ исключительно на свои плечи». Мы думаемъ, что это полуироническое замѣчаніе г. Фойницкаго ближе къ истинѣ, чѣмъ то кажется его автору, и гораздо болѣе подтверждается цифровыми данными, чѣмъ можно судить по нѣсколько запутаннымъ соображеніямъ почтеннаго профессора.

Дѣло въ томъ, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, уменьшается ли относительная преступность женщины съ развитіемъ культуры или нѣтъ, г. Фойницкій, какъ это ни странно, проводитъ въ своей статьѣ

*) *Criminalstatistik für das Jahr 1887.*

два, въ сущности, совершенно противуположныхъ взгляда: съ одной стороны, онъ признаетъ, что съ развитіемъ формъ общественной жизни, при увеличеніи участія женщины въ сферѣ соціальныхъ отношеній, шансы преступности должны для нея увеличиться, хотя бы и не въ той мѣрѣ, въ какой возросла общая сумма ея дѣятельности; но, съ другой стороны, на основаніи исключительно русскихъ статистическихъ данныхъ, нашъ авторъ приходитъ къ заключенію, что всякій «правильный трудъ» (т.-е. участіе въ общей народной культурѣ) есть могучая сила, сдерживающая преступность не только относительно, но и абсолютно, такъ что даже женщина, занятая исключительно домашнимъ хозяйствомъ, оказывается преступнѣе фабричной. Это положеніе у г. Фойницкаго статистически обосновано очень слабо. Вотъ на какихъ цифрахъ покоится положеніе г. Фойницкаго о нравственной силѣ труда:

«На 100 осужденныхъ обоего пола каждой группы занятій за всѣ преступленія у насъ за разработанный десятилѣтній періодъ времени было осуждено женщинъ:

Занимавшихся:	Въ окружныхъ судахъ.	Въ мировыхъ судахъ
1. Сельскимъ хозяйствомъ	5,59	5,21
2. Промышленностью	4,16	4,98
3. Торговлею.	7,58	9,29
4. Поденною и черною работой . . .	13,20	15,66
5. Нематеріальнымъ производствомъ. .	5,09	20,34
6. По личному найму.	41,23	54,15
7. Неопредѣленныхъ занятій.	50,72	51,53
8. Проституціей.	95,26	99,17
9. Безъ занятій.	9,10	26,43

Объясненія, даваемыя г. Фойницкимъ этимъ цифрамъ, съ первыхъ же словъ обнаруживаютъ въ авторѣ недостаточный навыкъ въ обращеніи со статистическимъ матеріаломъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ высокое относительное участіе женской личной прислуги въ преступности: 1) «тѣмъ, что среди лицъ этой категоріи женскій элементъ многочисленъ; 2) большею легкостью совершенія соотвѣтствующихъ преступленій, особенно кражъ, для прислуги, и 3) крайне неорганизованнымъ положеніемъ у насъ личной прислуги». Для всякаго очевидно, что между п. 1 и 2 разъясненія нѣтъ логической связи: на ряду съ дѣйствительными причинами высокой преступности женской прислуги выставляется и такая, которая необходимо должна быть выяснена въ самой таблицѣ количественнымъ анализомъ, иначе и остальныя причины теряютъ всякое значеніе. Ну, а если окажется, что «женскій элементъ» среди личной прислуги втрое многочисленнѣе мужского? Въ такомъ случаѣ его реальная преступность (а не относительная) будетъ втрое ниже мужской, и не зачѣмъ уже приводить соображенія, объясняющія «высокій» уровень преступности женской прислуги. Вообще объясненія, подобныя приведенному, основанныя на однѣхъ пропорціяхъ

среди самихъ осужденныхъ, безъ отношенія къ населенію, заключаютъ въ себѣ явную логическую ошибку, но г. Фойницкій не колеблется на такого рода данныхъ строить самыя капитальныя свои положенія и выводы. На основаніи приведенной таблицы и частныхъ отъ нея слѣдствій онъ заключаетъ слѣдующее: «По роду занятій самую высшую преступность проявляетъ у насъ женщина-проститутка, а непосредственно за нею (за исключеніемъ личной прислуги) стоитъ женщина неопредѣленныхъ занятій, а именно отнесенная къ этой группѣ женщина, занимающаяся домашнимъ хозяйствомъ; напротивъ, женщины всякаго правильнаго честнаго труда (а домашнее хозяйство—это уже не честный трудъ?!), не исключая женщинъ фабричныхъ, о которыхъ сложились не лестные для нихъ отзывы, отличаются замѣчательно низкою относительно преступностью. Домашній очагъ, такимъ образомъ, отнюдь не ограждаетъ женщину отъ преступленій, лучшимъ средствомъ противъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, при современныхъ условіяхъ нашей жизни, оказывается для нея именно трудъ».

И такъ, сомнѣнія нѣтъ: нашъ авторъ въ приведенныхъ имъ пропорціональныхъ отношеніяхъ женщинъ къ общему числу осужденныхъ, безъ отношенія къ числу населенія, видитъ дѣйствительное выраженіе преступности женщинъ извѣстныхъ общественныхъ группъ. Но въ такомъ случаѣ необходимо выяснить, что же такое значитъ «преступность» въ статистическомъ смыслѣ этого слова? Преступностью, подобно тому, какъ смертностью, заболѣваемостью и т. п., называется интензивность, иначе «частость» преступныхъ явленій въ извѣстной группѣ населенія. Частостью же или интензивностью (напряженностью) всякаго явленія называется отношеніе абсолютнаго числа наблюденныхъ случаевъ къ соотвѣтственной, точно вычисленной массѣ населенія, но отнюдь не какія-либо пропорціональныя отношенія абсолютныхъ чиселъ наблюдаемыхъ явленій между собою. Вотъ что говоритъ по этому поводу Эттингенъ *), и слова его какъ нельзя болѣе подходятъ къ настоящему случаю: «Большія затрудненія будетъ встрѣчать опредѣленіе интензивности соціально-этическихъ явленій вездѣ, гдѣ дѣло будетъ касаться такихъ группъ населенія, численность которыхъ не опредѣлена точно. Такъ, наприм., данныя Файе о преступности, т.-е. о фактическомъ наступленіи преступныхъ дѣяній въ отдѣльныхъ профессіональныхъ классахъ, которыхъ онъ различаетъ 9, не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ они не даютъ специфической преступности каждой отдѣльной профессіональной группы; вслѣдствіе того, что число жителей, принадлежащихъ къ нимъ, не опредѣлено съ точностью». Какъ видимъ, это совершенно случай г. Фойницкаго: у насъ, въ Россіи, нѣтъ свѣдѣній о числѣ жителей не только по профессіямъ, но даже и по семейнымъ или возрастнымъ классамъ, а потому всѣ выводы г. профессора по русской уголовной статистикѣ основаны на пескѣ, т.-е. на пропорціональныхъ отношеніяхъ, вовсе не выражающихъ реальной преступности женщинъ того или

*) *Исторія и теорія статистики*, проф. Янсона, 1879 г., стр. 197.

другого класса. Что же касается спеціально «высокой» якобы преступности женщинъ, занятыхъ домашнимъ хозяйствомъ, то дѣло объясняется весьма просто: въ группу: «занятые домашнимъ хозяйствомъ» (Angehörige) профессіональная статистика относитъ живущихъ при главѣ дома незанятыхъ самостоятельною работой членовъ семейства—женщинъ и дѣтей обоего пола. Такимъ образомъ, въ этой категоріи лицъ взрослыхъ мужчинъ весьма мало, не болѣе 1 или 2%, а при такомъ половомъ составѣ этой группы ничего нѣтъ удивительнаго, если среди осужденныхъ, ею поставляемыхъ, женщины составляютъ половину. Реальная же преступность (коэффиціентъ) этой группы гораздо ниже, чѣмъ остальныхъ классовъ населенія. Точно также по пропорціональному отношенію нельзя судить о дѣйствительной преступности женщины, занятой въ промышленности, ибо если, наприм., общая преступность этой группы окажется втрое или вчетверо выше, чѣмъ въ прочихъ, то и женская преступность соотвѣтственно окажется больше въ этомъ классѣ. Да и a priori разсуждая, неужели трудъ на фабрикѣ, при современной его обстановкѣ, можетъ въ какомъ-либо отношеніи воздѣйствовать благотворно на нравственность женщины? Не здѣсь ли, или вообще въ центрахъ городской жизни, женщина болѣе подчиняется деморализирующему вліянію среды, состоящей изъ необезпеченнаго, недовольнаго и прогорѣвшаго душой и тѣломъ пролетаріата?

Для нѣкотораго разъясненія вопроса о вліяніи занятій на преступность вообще и женскую въ частности мы приведемъ данныя французской уголовной статистики, разработанныя нами за періодъ 1876—1885 гг. Хотя французскіе comptes généraux не отличаются полнотой и подробностью русскихъ уголовныхъ сводовъ, но за то интензивность преступности по отдѣльнымъ классамъ населенія во Франціи можетъ быть вычислена вполнѣ точно, что и сдѣлано нами по переписи 1881 г., приходящейся почти посреди̇нѣ изслѣдуемаго періода. Правда, что и приводимыя ниже цифры еще далеко не совершенны, ибо слѣдовало бы предварительно, по примѣру германской уголовной статистики, исключить дѣтское населеніе до 10 или 12 лѣтъ, занимающее неодинаковую долю въ разныхъ профессіяхъ, но по французскимъ даннымъ этого сдѣлать было нельзя. За то мы на ряду съ коэффиціентомъ мужской и женской преступности выставляемъ процентъ женщинъ среди самодѣятельныхъ соотвѣтственной группы, для сужденія о томъ, насколько участіе въ профессіональномъ трудѣ задерживаетъ или усиливаетъ женскую преступность. Данныя касаются только обвиняемыхъ въ ассизахъ, такъ какъ свѣдѣнія объ обвиняемыхъ въ исправительныхъ трибуналахъ очень кратки и не обнаруживаютъ профессіи судившихъ.

Вотъ наша таблица:

Занятія.	На 100,000 жит. каждой группы и пола приходится обвиняемыхъ.		% женщинъ среди самодѣятельныхъ.
	Женщинъ.	Мужчинъ.	
1. Армія, жандармерія и полиція (force publique)	—	7,„	—

2. Перевозочная промышленность	0,2	34,3	7,2
3. Живущіе съ доходовъ и пенсій	0,6	5,6	45,9
4. Либеральныя профессіи . .	1,9	27,9	26,8
5. Торговля	2,2	22,3	30,1
6. Земледѣліе	2,8	15,1	26,3
7. Обрабатывающая и трактирн. промышл.	3,2	26,1	33,1
8. Личная прислуга	8,6	14,3	58,9
9. Лица безъ занятій *) . . .	17,8	48,6	
Среднее для Франціи .	3,5	18,6	

Изъ этой таблицы для насъ интересны слѣдующіе выводы: если исключимъ изъ сравненія лицъ безъ занятій, то легко усмотримъ, что особенной связи между степенью участія женщины въ промышленномъ трудѣ и уровнемъ ея преступности не замѣчается, а если она и есть, то скорѣе въ смыслѣ противуположномъ мнѣнію г. Фойницкаго. Дѣйствительно, въ группѣ № 1 не было обвиняемо ни одной женщины за 10 лѣтъ и въ этой же группѣ женщины не появляются въ качествѣ самодѣятельныхъ лицъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы ихъ тамъ вовсе не было: ихъ въ этой группѣ до 77,000 занятыхъ домашнимъ хозяйствомъ; гораздо меньшія массы по другимъ профессіямъ выдѣлили изъ себя десятки преступницъ за 10 лѣтъ. Далѣе идетъ перевозочная промышленность съ весьма слабою женскою преступностью и наименьшимъ процентомъ самодѣятельныхъ женщинъ. Среди живущихъ доходами и пенсіей, класса со слабою преступностью, женщинъ много, но можно ли ихъ, строго говоря, назвать «самостоятельными»? Эта группа почти сплошь состоитъ изъ стариковъ, людей, отжившихъ свой вѣкъ и не занятыхъ никакимъ производительнымъ трудомъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ профессіональныхъ классахъ преступность женщинъ все повышается, при возростаніи и участіи ихъ въ самостоятельномъ трудѣ. Женщины, занятыя въ обрабатывающей и трактирной промышленности, вопреки выводамъ г. Фойницкаго, обнаруживаютъ высокую преступность, наконецъ, личная прислуга, съ наивысшимъ коэффиціентомъ женской преступности, почти на $^3/_5$ и состоитъ изъ женщинъ. Такимъ образомъ, говорить о задерживающей преступность нравственной силѣ труда, при современной его организаціи и условіяхъ, можно лишь съ большою осторожностью и по отношенію только къ нѣкоторымъ группамъ населенія, такъ какъ характеръ и обстановка трудовой жизни въ различныхъ классахъ общества далеко не одинаковы и весьма не рѣдко сопряжены съ такими невзгодами и лишеніями, что о морализирующей ихъ силѣ не можетъ быть и рѣчь.

Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведе еще маленькую табличку, показывающую преступность отдѣльныхъ ли

*) Уличные паяцы (saltimbanques), нищіе, проститутки, лица, не показавшія пятій (gens sans aveu).

ральныхъ профессій во Франціи за 1876—85 гг. Такой подробной группировки этого класса, какъ во Франціи, въ уголовной статистикѣ другихъ странъ не имѣется, а, между тѣмъ, нравственная жизнь этого общественнаго слоя безспорно представляется наиболѣе интересной съ точки зрѣнія ея сложности и разнообразія составныхъ элементовъ. Расположимъ цифры въ томъ же порядкѣ возростанія женской преступности, какъ и для всѣхъ профессій въ предъидущей таблицѣ:

Виды либеральныхъ занятій.	На 100,000 каждаго пола и группы обвиняемыхъ.		Изъ 100 самодѣятельныхъ сколько женщинъ.
	Женщинъ.	Мужчинъ.	
Духовенство	—	12,3	51,4
Судебныя профессіи	—	60,4	0,9
Артисты и ученые (спец. образ.).	0,4	26,0	20,6
Чиновники и служащіе	0,4	23,5	18,6
Учащіе	3,2	83,0	48,9
Врачебныя занятія	16,5	16,6	31,1
Среднее .	1,9	27,9	26,6

Что прежде всего бросается въ глаза въ этой таблицѣ, это крайняя пестрота ея, сильныя измѣненія преступности отъ одного вида либеральныхъ занятій къ другому. Женская преступность измѣняется особенно сильно отъ 0 до величины почти въ 9 разъ превосходящей средній коэффиціентъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ группой лицъ крайне впечатлительныхъ, измѣнчивыхъ, неустойчивыхъ въ нравственномъ отношеніи; относительно этого класса менѣе всего можно руководствоваться средними величинами, скрывающими собою самыя несходныя и разнообразныя числовыя отношенія. Невольно обращаетъ на себя вниманіе необыкновенно высокая преступность мужчинъ судебныхъ профессій (clercs, avocats, notaires, avoués etc.) и учащихъ, превышающая преступность бездомныхъ скитальцевъ безъ занятій (gens sans aveu). Но мы не входимъ въ разсмотрѣніе мужской преступности въ настоящее время; что же касается женской, то вообще она низка въ либеральныхъ профессіяхъ, за исключеніемъ только женщинъ, занятыхъ медицинскимъ дѣломъ (акушерки—faiseuses des anges *), и учащихъ. Довольно значительныя группы женщинъ духовнаго званія (103,000 ж.) и въ судебныхъ профессіяхъ (53,000) не дали ни одной подсудимой въ ассизахъ въ теченіе 10 лѣтъ. Если оставимъ въ сторонѣ женщинъ, посвятившихъ себя богослуженію, какъ живущихъ совершенно особою и замкнутою жизнью, то въ группѣ либеральныхъ профессій мы я) увидимъ несостоятельность мнѣнія г. Фойницкаго, будто бы семейный о ть не предохраняетъ женщину отъ преступленія. Женщина судебныхъ и фессій почти всецѣло занята дѣломъ домашняго хозяйства, не выступ въ своей группѣ конкуррентомъ мужчины въ его трудѣ, и преступле- за 10 лѣтъ не вырвало изъ ея среды ни одной жертвы; наоборотъ,

*) *Chaussinand:* „Statistique criminelle au point de vue medico-légal" 1881.

максимальная женская преступность замѣчается въ группахъ, гдѣ женщина занимаетъ наибольшій процентъ самодѣятельныхъ (учащіе и медицинскія занятія).

Въ общемъ же, какъ мы сказали, преступность женщинъ либеральныхъ занятій сравнительно съ мужскою—слабая, относительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ, въ которыхъ женщина участвуетъ въ производительномъ трудѣ въ равной мѣрѣ, какъ и среди интеллигенціи. Во всей Франціи женщинъ среди обвиняемыхъ въ ассизахъ за 1876—85 гг.—15%, а изъ обвиняемыхъ либеральныхъ профессій только 6%. Также и у насъ (по даннымъ 1874—79 гг.) среди обвиняемыхъ «нематеріальнаго производства» (безъ личныхъ услугъ) женщины составляли въ окружныхъ судахъ только $1_{,2}$% осужденныхъ, въ мировыхъ судахъ то же отношеніе—$1_{,1}$%. Между тѣмъ, женщины въ этой группѣ, самодѣятельныя и не самодѣятельныя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины соотвѣтственнаго населенія. Это обстоятельство, наравнѣ съ замѣтнымъ относительнымъ паденіемъ женской преступности во Франціи, Германіи и Англіи, наводитъ насъ на мысль, что съ развитіемъ культуры, по крайней мѣрѣ, въ цивилизованныхъ государствахъ, преступность женщины обнаруживаетъ наклонность къ относительному уменьшенію какъ среди самостоятельныхъ, такъ и несамостоятельныхъ лицъ этого пола. Но это уменьшеніе, главнымъ образомъ, происходитъ среди интеллигентныхъ женщинъ, въ массѣ же народа, хотя бы женщина и несла на своихъ плечахъ большее бремя самостоятельнаго труда, чѣмъ въ высшихъ классахъ, одно это обстоятельство само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ содѣйствовать поднятію ея нравственнаго уровня. Скорѣе наоборотъ: отрывая ее отъ семьи, подчиняя новымъ заботамъ, лишеніямъ, чрезмѣрному напряженію силъ и всевозможнымъ столкновеніямъ и непріятностямъ вовсе не идиллическаго характера, самостоятельное участіе въ промышленномъ трудѣ, при современномъ его неказистомъ положеніи, естественно должно увеличивать шансы женской преступности. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и семейный очагъ, въ большинствѣ случаевъ, представлялъ изъ себя надежное пристанище для женщины отъ житейскихъ бурь и невзгодъ (см. статистику разводовъ), но, вѣдь, и участвуя самостоятельно въ промышленномъ трудѣ, гдѣ-нибудь на фабрикѣ или мастерской, женщина не избѣгаетъ вліянія семейнаго очага, который, все-таки, у нея остается въ томъ или иномъ видѣ. Разница лишь въ томъ, что къ семейной тягостной обстановкѣ (если она уже разъ создалась) присоединяются и внѣшнія удручающія заботы о тяжеломъ добываніи насущнаго хлѣба, и все это въ той же безотрадной тьмѣ умственнаго невѣжества и застоя. Немудрено, что среди самодѣятельныхъ женщинъ рабочаго кла а въ сильнѣйшей мѣрѣ начинаютъ развиваться проституція, алкоголизмъ и преступность. Но разъ свѣтъ истинной культуры или вообще духовныхъ, нематеріальныхъ потребностей коснется женщины,—превосходство ея нр ственной природы, большая тонкость и нѣжность ея нравственнаго «я» медленно сказываются, и преступность, еще неизгладимымъ клеймомъ пятна

щая классъ интеллигентныхъ мужчинъ, почти исчезаетъ среди женщинъ, которымъ стало доступно образованіе. Это положеніе подтверждаетъ и г. Фойницкій, говоря о вліяніи образованія на женскую преступность, но, къ сожалѣнію, данныя его (исключительно русскія) мало способны разъяснить этотъ вопросъ съ надлежащею полнотой и убѣдительностью.

V.

Мы не будемъ останавливаться на частныхъ вопросахъ о вліяніи разнаго рода общественныхъ и индивидуальныхъ условій на женскую преступность, изслѣдованію которыхъ посвящена вторая часть работы г. Фойницкаго (*Сѣверный Вѣстн.*, № 3). Съ однимъ изъ нихъ (вліяніе занятій на преступность) мы уже познакомились и убѣдились, что данныя, на которыхъ основываетъ свои выводы нашъ авторъ, имѣютъ мало цѣны, такъ какъ исключительно взяты изъ русской уголовной статистики и не могутъ быть отнесены къ населенію, по нимъ нельзя вычислить коэффиціентовъ преступности. То же самое можетъ быть сказано и относительно всѣхъ другихъ частей изслѣдованія г. Фойницкаго, повторяющаго при этомъ и тѣ же ошибки, какія были уже отмѣчены нами по вопросу о преступности по профессіямъ. Такъ, наприм., по вопросу о преступности въ связи съ семейнымъ положеніемъ, авторъ, какъ на причины высокой (по пропорціональному отношенію) преступности лицъ, состоящихъ въ бракѣ, у насъ, въ Россіи, указываетъ 1) на то, что эта группа семейнаго состоянія у насъ занимаетъ большій процентъ въ населеніи, чѣмъ въ Западной Европѣ; 2) на родовой характеръ брака, не доразвившагося до индивидуальнаго института; 3) на вліяніе отхожихъ промысловъ. Очевидно, это та же ошибка, которую мы видѣли въ объясненіяхъ автора о преступности прислуги. Не выяснено еще, насколько въ дѣйствительности преступность состоящихъ въ бракѣ выше преступности холостыхъ (и вдовыхъ), такъ какъ не вычисленъ еще и самый коэффиціентъ преступности, а изслѣдователь уже предлагаетъ свои объясненія не установленнаго еще статистически факта, не подозрѣвая, что всѣ эти объясненія должны пасть сами собою, какъ скоро математически будетъ доказано, что преступность женатыхъ и у насъ, какъ въ Западной Европѣ, ниже чѣмъ среди холостыхъ и вдовыхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе другихъ частныхъ выводовъ автора, мы можемъ перейти къ заключенію нашей статьи.

Каковъ же будетъ нашъ заключительный выводъ? Неужели женщина в четыре или пять разъ нравственнѣе мужчины? Нѣтъ, мы не имѣли на и енія утверждать это, и изъ приведенныхъ нами соображеній такое за- ченіе и не вытекаетъ. Несомнѣнно, по нашему мнѣнію, только то, что щина (средняя), уступая мужчинѣ въ силѣ ума и энергіи характера, п осходитъ его въ тонкости нравственнаго чувства, въ почти инстинктив-

помъ отвращеніи къ грубому, насильственному нарушенію чужихъ правъ, но опредѣлить степень и мѣру этого превосходства на основаніи того скуднаго и случайнаго матеріала, который имѣлся у насъ подъ руками, почти невозможно. Раньше мы уже видѣли, что сфера самостоятельнаго труда женщины вообще менѣе относительна, чѣмъ у мужчины, но, все-таки, ея участіе въ производительномъ трудѣ гораздо выше, чѣмъ въ преступленіи. Если допустимъ, что во всѣхъ сферахъ соціальной жизни женщина вдвое или даже втрое менѣе проявляетъ дѣятельности, чѣмъ мужчина, то и тогда относительный, хотя и небольшой, перевѣсъ нравственныхъ или общественно-полезныхъ дѣяній надъ безнравственными будетъ на ея сторонѣ. Положимъ, что на 1,000 мужчинъ ежегодно приходится 100 дѣйствій нравственнаго или же хотя и нравственно-безразличнаго, но общественно-полезнаго характера; на 1,000 женщинъ такихъ дѣйствій придется, допустимъ, только 30. Безнравственныхъ же или общественно-вредныхъ поступковъ среди мужчинъ происходитъ, положимъ, 40, среди женщинъ—въ 5 разъ менѣе или 8. Очевидно, что перевѣсъ нравственной дѣятельности относительно выше для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ, выше въ той мѣрѣ, насколько отношеніе 30:8 болѣе отношенія 100:40. Это отношеніе, хотя и совершенно примѣрное, не особенно далеко отъ истиннаго. Что нравственность женщины вообще стоитъ выше мужской, это до нѣкоторой степени допускаетъ въ одномъ мѣстѣ и г. Фойницкій, говоря: «Женщина, подъ вліяніемъ историческихъ традицій и многовѣкового подчиненнаго положенія своего пола, выработала въ себѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ мужчина, чувство стыдливости и духъ консерватизма, что въ связи съ нерѣшительностью препятствуетъ ей такъ быстро рѣшаться на преступленіе, какъ мужчинѣ». Къ этому надо еще добавить, что, на ряду съ духомъ консерватизма, подъ вліяніемъ тѣхъ же историческихъ традицій, средняя женщина сохранила въ себѣ болѣе сильное религіозное чувство, которое, въ его чистомъ видѣ, представляетъ могущественную нравственную силу. Подъ воздѣйствіемъ религіознаго чувства создались тѣ нравственно-прекрасные образы женщинъ среднихъ вѣковъ,—Елизаветы Тюрингенской на Западѣ и Ульяны Осорьиной у насъ,—на которые историки указываютъ какъ на образцы «добрыхъ людей» давно прошедшаго времени. Спеціально женскія добродѣтели (кротость, смиреніе, милосердіе) преимущественно добродѣтели христіанскія, и это преобладаніе христіанскихъ чертъ въ характерѣ женщины замѣтно не только въ натурахъ исключительныхъ, но и въ народной массѣ; оно можетъ быть провѣрено не только личнымъ опытомъ, но выражается и въ статистическихъ данныхъ. Такъ, по вопросу о меньшемъ участіи женщины въ самоубійствѣ, авторъ извѣстнаго изслѣдованія *Il Suicidio*, Морселли, такъ опредѣляетъ различіе мужского и женскаго характера (цитирую по нѣмецкому переводу) *): «Самоотреченіе есть преимущественно женская добродѣтель, въ то время какъ честолюбіе служитъ отличительно о

*) *Der Selbstmord*, v. Morselli, 1881, стр. 185.

чертой мужчины; самоотреченіе даетъ женщинѣ необходимую силу сопротивленія ударамъ судьбы и разочарованіямъ жизни, а честолюбіе имѣетъ тѣмъ болѣе роковое значеніе для мужчины, что онъ вообще выказываетъ менѣе постоянства и терпѣнія при столкновеніяхъ и препятствіяхъ на своемъ жизненномъ пути; эти препятствія оказываютъ на него болѣе глубокое и тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ на подругу его жизни».

Для насъ особенно интересны выводы того же автора о силѣ различныхъ мотивовъ при совершеніи самоубійства у обоихъ половъ; эти данныя вполнѣ подтверждаютъ наши предположенія о большей силѣ нравственнаго чувства у женщины. Приведемъ заключенія, полученныя Морзелли на основаніи данныхъ о самоубійствахъ въ Швеціи, Норвегіи, Пруссіи, Саксоніи, Вюртембергѣ, Франціи и Италіи *): «У самоубійцъ мужского пола, сравнительно съ женщинами, преобладаютъ слѣдующіе мотивы: порочныя наклонности (алкоголизмъ), денежныя потери, а также утомленіе жизнью, т.-е. именно группы наиболѣе эгоистичныхъ мотивовъ. У женщинъ же относительно чаще на ряду съ душевными болѣзнями мотивы самоубійства по увлеченію страстью, семейные раздоры, угрызенія совѣсти и чувство стыда (эта послѣдняя категорія пополняется женщинами, забеременѣвшими внѣ брака). Такимъ образомъ, женщины впадаютъ въ самоубійство преимущественно подъ вліяніемъ тѣхъ причинъ, въ которыхъ выражаются характеризующія ихъ черты способности къ самопожертвованію и тонкой нравственной чувствительности; въ особенности сильны для нихъ такіе мотивы къ самоубійству, какъ утрата мужа и дѣтей, оставленіе родными,—однимъ словомъ, мотивы, отличающіеся болѣе благороднымъ характеромъ». Вотъ вѣскія слова вполнѣ компетентнаго изслѣдователя по данному вопросу, которыя необходимо помнить и при изученіи женской преступности. Они объясняютъ намъ въ гораздо большей степени, чѣмъ всякія предположенія о «скрытой» женской преступности, слабое развитіе преступленій среди женщинъ вообще, несмотря на ихъ во многихъ отношеніяхъ невыгодное и униженное положеніе, въ особенности въ странахъ мало-культурныхъ, какъ, наприм., въ Россіи.

Фактъ большаго развитія среди женщинъ нравственныхъ началъ, хотя бы и не оформленныхъ и выработанныхъ сознательною мыслью, и a priori можно установить, принимая во вниманіе только различіе въ сферѣ ихъ дѣятельности, насколько оно опредѣлилось въ теченіе безконечнаго ряда прошедшихъ вѣковъ. Какія занятія выпадали и въ настоящее время выпадаютъ на долю женщинъ у самыхъ различныхъ народовъ? Заняты по домашнему хозяйству, воспитаніе и уходъ за дѣтьми, уходъ и леніе больныхъ, престарѣлыхъ родственниковъ и т. д. Эти занятія естественно должны были подавить въ женщинѣ рѣзко-эгоистическія стремленія развить въ ней въ большей степени способность къ альтруизму, что и мѣчено, между прочимъ, Морзелли. Наоборотъ, мужчина вынесъ на сво-

*) *Sellstmord*, стр. 276.

ихъ плечахъ всю тяжесть исторіи, а исторія эта была далеко не безгрѣшная: уже одно постоянное и исключительное участіе мужского пола въ веденіи войнъ въ теченіе неопредѣлимо долгаго періода времени должно было наложить на сильнѣйшую половину человѣческаго рода особый отпечатокъ жесткости, суровости характера, пренебреженія къ страданіямъ ближняго, должно было развить исключительное поклоненіе передъ успѣхомъ, духъ гордости и честолюбія, что замѣчается и въ настоящее время, хотя уже воинственные чувства и инстинкты начинаютъ угасать въ современномъ обществѣ. И вмѣстѣ съ угасаніемъ всепожирающаго духа войны начинаютъ возростать въ обществѣ значеніе и роль женщины, мирной труженицы по преимуществу, не обагрившей рукъ своихъ въ томъ морѣ крови, которое пролили наши предки и въ которое еще будутъ пролиты обильные потоки, быть можетъ, на нашихъ глазахъ. Но въ тотъ моментъ, когда женщина будетъ уравнена въ политическихъ правахъ съ мужчиной, пробьетъ и послѣдній часъ милитаризма, временно усилившагося теперь вопреки общему желанію народовъ, но несомнѣнно доживающаго свои послѣдніе въ историческомъ смыслѣ дни. Мы можемъ считать сравнительно короткимъ тотъ промежутокъ, который отдѣляетъ насъ отъ эпохи глубокаго замиренія между народами, — эпохи, когда не будетъ и рѣчи о подчиненности женщины, объ ея «коварной мстительности, какъ слабѣйшаго зависимаго существа».

Е. Тарновскій.

Къ вопросу о меліоративномъ кредитѣ.

I.

Неурожай послѣднихъ двухъ лѣтъ выдвинулъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ состояніемъ земледѣлія. Къ числу такихъ вопросовъ относится организація у насъ меліоративнаго кредита по образцу того, который издавна практикуется въ другихъ странахъ. Въ виду этого считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ организаціей меліоративнаго кредита, указать на тѣ условія, безъ которыхъ невозможно его развитіе, и выяснить, какимъ путемъ наши сосѣди добываютъ средства для поднятія сельскаго хозяйства.

Въ настоящей статьѣ мы ограничиваемся вопросомъ объ организаціи искусственнаго орошенія и осушенія, такъ какъ они захватываютъ болѣе или менѣе обширные районы, затрогиваютъ интересы широкихъ слоевъ сельскаго населенія и имѣютъ гораздо большее право на вниманіе законодателя, чѣмъ кредитъ для покупки сѣмянъ, орудій, скота и другіе виды меліоративнаго кредита.

Въ этомъ отношеніи огромный интересъ представляютъ въ настоящее время Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ, благодаря орошенію, обширныя площади до сего времени пустынной и безплодной земли обращены въ плодотворныя поля. Юго-восточная часть Калифорніи, Аризона, Невада, Идао, восточный Орегонъ, Вашингтонъ, Монтана, Колорадо, Ута, Техасъ и не мало другихъ мѣстностей страдало отъ засухъ; почти вездѣ предприняты опыты орошенія, частью уже законченные и почти вездѣ съ полнымъ успѣхомъ. Особенно блестящіе примѣры хорошо выполненныхъ ирригаціонныхъ работъ въ крупномъ стилѣ находимъ мы въ средней и южной Калифорніи, въ Аризонѣ и въ Утѣ. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ южную Калифорнію считали непригодною для земледѣлія; въ лучшемъ случаѣ она давала въ дождливое время кормъ для мелкаго скота, въ сухое же время года она напоминала азіатскія равнины, по которымъ номады кочуютъ со своими стадами. На горизонтѣ не видно было ни деревца, кругомъ голыя равнины со скудною травой, вся страна имѣла грустный однообразный видъ. Съ введеніемъ искусственнаго орошенія все перемѣнилось. Теперь въ западной части горной Калифорніи пустыни исчезли, дороги

окаймлены апельсинными и лимонными рощами, глазъ отдыхаетъ на оливковыхъ и персиковыхъ садахъ, на виноградникахъ и поляхъ люцерны. Даже на пескѣ, благодаря водѣ и удобренію, нѣмецкіе колонисты въ Анагеймѣ устроили образцовые виноградники и культивируютъ маисъ. Въ этой колоніи, какъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ, есть поля, которыя десять лѣтъ тому назадъ не стоили и цента, а теперь продавались по 1,000 долларовъ акръ *).

Ничто такъ убѣдительно не доказываетъ значенія ирригаціи, какъ ростъ Калифорніи въ теченіе истекшаго десятилѣтія, обнаруженный именно въ графствахъ, въ которыхъ введена ирригація **). Населеніе въ общемъ увеличилось на 39%, отъ 864,552 чел. въ 1880 г. до 1.203,939 ч. въ 1990 году; хотя въ 13 графствахъ оно уменьшилось, но въ 15 графствахъ, въ которыхъ введено орошеніе, населеніе возростаетъ съ поразительною быстротой. Въ графствѣ Los Angeles въ 1870 г. было 15,309 чел., въ 1890 году—101,410 ч., въ San Diego населеніе возросло отъ 4,951 до 34,878, въ San Bernandino—отъ 3,988 до 25,484, въ Kern—отъ 2,925 до 10,031, въ Tulare — отъ 4,533 до 24,875, въ Fresno — отъ 6,336 до 31,877, въ Mercecl—отъ 2,807 до 8,162 человѣкъ. Богатство этихъ графствъ возростаетъ также съ поразительною быстротой; въ Los Angeles отъ 6.918,074 долларовъ оно возросло за 20 лѣтъ до 67.121,610 дол., въ San Diego — отъ 2.539,957 до 27.703,520 дол., въ San Bernandino—отъ 1.202,482 до 22.490,440 дол. Аналогичный ростъ замѣчается и въ другихъ графствахъ; девятью десятыми этого увеличенія они обязаны ирригаціи. Значеніе ирригаціи не только въ Калифорніи, но и въ другихъ штатахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «arid region», выяснится, если мы обратимъ вниманіе на тѣ обширныя площади новыхъ земель, по которымъ проводятся каналы. Въ 1886 году насчитывали 5.500,000 акровъ; въ 1890 году площадь, на которой проведены каналы, достигла уже 15.112,106 акровъ; въ 1891 г. она возросла до 18.533,107 акровъ, а съ присоединеніемъ площади, на которой производятся работы, получимъ до 25 милл. акровъ, могущихъ пользоваться ирригаціей.

Раздѣленіе этой площади по отдѣльнымъ штатамъ и территоріямъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы; въ ней приведены также свѣдѣнія о земляхъ, уже поступившихъ подъ обработку.

Штаты и территоріи.	Площадь подъ каналами.	Площадь подъ культурой.	Число артез. колодцевъ.
Аригона.	660,000 акр.	315,000 акр.	42
Калифорнія . .	4.500,000 »	3.550,000 »	3,500
Колорадо . . .	3.007,050 »	1.800,000 »	4,500
Идао.	1.200,000 »	330,000 »	12

*) *Fr. Oetken:* „Die Landwirthschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerica". Berlin, 1893, стр. 205—213.

**) *Annual Report of Stale Board of holticulture of the Stale of Californie for 1892.* Sacramento, 1892, стр. 43—45.

Канзасъ	990,900	акр.	120,000	акр. 50
Монтана	1.250,000	»	419,000	» 36
Небраска	200,000	»	40,000	» 100
Невада	150,900	»	75,000	» 76
Нью-Мексика . .	700,000	»	405,000	» 10
Сѣверная Дакота.	2,500	»	2,000	» 970
Орегонъ	125,000	»	45,000	» 6
Южная Дакота .	100,000	»	54,000	» 950
Техасъ	350,000	»	160,000	» 1,000
Ута	735,000	»	423,000	» 2,524
Вашингтонъ . . .	175,000	»	75,000	» 10
Уомингъ	3.031,484	»	185,000	» 6
	17.177,834	акр.	7.998,000	акр. 13,492

Изъ годичнаго обзора объ успѣхахъ ирригаціи въ отдѣльныхъ штатахъ, помѣщеннаго въ *Irrigation Age* *), видно, что въ Аризонѣ въ сравнительно короткій промежутокъ времени устроено 72 ирригаціонныхъ канала съ протяженіемъ въ 653 мили, орошающихъ около 600,000 акровъ. Для постройки каналовъ образовались особыя акціонерныя компаніи, которыя по окончаніи работъ продаютъ землевладѣльцамъ право на полученіе воды или же остаются собственниками и получаютъ ежегодно опредѣленную плату. Финансовый успѣхъ большинства предпріятій побуждаетъ строить новые каналы и распространять искусственное орошеніе все дальше и дальше. Линкольнъ Фаулеръ сообщаетъ, между прочимъ, о трехъ компаніяхъ, затратившихъ вмѣстѣ капиталъ въ 75,000 долл., распредѣленныхъ на 200 паевъ, т.-е., въ среднемъ, по 375 долл. на пай. Биржевая цѣна паевъ, вслѣдствіе блестящихъ результатовъ ирригаціи, достигла 3,000 долларовъ.

Виноградники и апельсинныя рощи Калифорніи, слава о которыхъ распространилась по всему свѣту, возникли только послѣ устройства искусственнаго орошенія, безъ котораго о Калифорніи знали бы только какъ о золотомъ штатѣ. Можно сказать, что ирригаціи этотъ штатъ обязанъ тремя четвертями своего теперешняго развитія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ фермеры жалуются, что имъ трудно прожить отъ 320 и даже отъ 640 акровъ, но рядомъ съ ними имѣются такіе, которые получаютъ съ затратой меньшаго капитала и труда отъ 20 или 30 акровъ въ десять разъ бо̀льшій урожай. Разница эта объясняется ирригаціей и только ею. Огромное значеніе имѣютъ здѣсь артезіанскіе колодцы, изъ которыхъ многіе даютъ въ сутки отъ 2 до 3 милл. галлоновъ воды. Въ четырехъ миляхъ отъ Санъ-Бернардино устроена группа колодцевъ, которая не имѣетъ себѣ равной во всемъ свѣтѣ; они орошаютъ площадь около 5,000 акровъ. Безъ воды отъ колодцевъ земля ровно ничего не стоила, за нее не стоило бы заплатить и 10 долл. за акръ, тогда какъ теперь каждый акръ приноситъ ежегодно доходъ

*) Журналъ этотъ издается въ Salt Lake City, Denver и San Francisco и посвященъ исключительно вопросамъ, связаннымъ съ ирригаціею.

отъ 150 до 500 долл. и можетъ приносить еще больше. А расходы на вырытіе колодцевъ не велики: колодецъ въ 250 фут. глубиной обходится въ 500—600 долл., а при глубинѣ въ 500 фут.—отъ 1,500 до 2,000 долл.

Въ силу акта Райта, съ которымъ мы ниже познакомимъ читателей, устраиваются особые водные округа, въ которыхъ землевладѣльцы составляютъ отдѣльныя товарищества для ирригаціонныхъ работъ. Въ 1891 г. возникло 38 такихъ товариществъ; они обнимаютъ площадь въ 2.285,600 акровъ. На введеніе искусственнаго орошенія предположена затрата капитала свыше 15 милл. долл.

Помимо этихъ товарищескихъ работъ, въ теченіе года возникло еще не мало частныхъ предпріятій. Они бываютъ двухъ видовъ. Одни выполняютъ работы и потомъ продаютъ воду землевладѣльцамъ, другіе скупаютъ земли, орошаютъ ихъ и продаютъ по повышеннымъ цѣнамъ. Самымъ крупнымъ предпріятіемъ послѣдняго рода является Kern County Land Company, въ которой участвуютъ богатѣйшіе капиталисты Санъ-Франциско и которая владѣетъ полумилліономъ акровъ земли. Компанія провела 300 миль главныхъ каналовъ, изъ которыхъ одинъ шириною въ 120 футовъ и глубиною въ 6 футовъ; кромѣ того, проведено на 1,100 миль боковыхъ распредѣлительныхъ каналовъ шириною отъ 10 до 25 футовъ и множество узкихъ каналовъ, приводящихъ воду къ полямъ. Компанія сама воздѣлываетъ поля, занимается разведеніемъ скота, устраиваетъ фермы, которыя продаетъ; нѣсколько тысячъ акровъ обращено въ фруктовые сады. Чтобы обратить пустыню въ цвѣтущій садъ, потребовалась затрата нѣсколькихъ милліоновъ долларовъ, которые въ первые годы не приносили дохода. Предпріятію этому предсказывали неудачу, но искусственное орошеніе сдѣлало здѣсь чудеса: земля, стоившая нѣсколько центовъ, стоитъ теперь отъ 40 до 400 долл. акръ и представляетъ лучшую иллюстрацію того, на что можетъ разсчитывать капиталъ, затраченный на крупныя ирригаціонныя работы.

Другого рода предпріятія имѣютъ цѣлью снабжать водой землевладѣльцевъ, занимающихъ земли на условіяхъ Desert act'a. Въ силу этого акта, въ графствѣ Lassen въ сѣверо-западной части штата и на восточномъ склонѣ Сіерра-Невады раздаются земли подъ условіемъ устройства искусственнаго орошенія. Обширная долина плодородной земли нуждается только въ ирригаціи, чтобы давать прекрасные урожаи. Для снабженія землевладѣльцевъ водой возникла Eagle Lake Land & Irrigation Company, которая устраиваетъ водохранилища и проводитъ каналы. На основаніи вышеприведеннаго акта, земля отводится желающимъ только тогда, когда они въ теченіе трехъ лѣтъ затрачиваютъ въ годъ не менѣе одного доллара на акръ и примѣняютъ орошеніе на площади въ 40 акровъ. Компанія заключаетъ договоры съ переселенцами; за 5 долларовъ съ акра, выплачиваемыхъ по мѣрѣ выполненія работъ, она принимаетъ на себя проведеніе воды, согласно требованіямъ акта.

Помимо артезіанскихъ колодцевъ, въ Калифорніи примѣняются самы

разнообразные способы полученія воды для ирригаціи, а именно проведеніе воды изъ горныхъ потоковъ, устройство плотинъ и т. д. Примѣромъ послѣдняго рода работъ можетъ служить плотина въ Pacoima въ графствѣ Los Angeles. Рѣка протекала въ сухомъ песчаномъ руслѣ и достаточно было нѣсколькихъ тысячъ долларовъ для устройства плотины, чтобы получить воду для орошенія нѣсколькихъ тысячъ акровъ. Далѣе, въ Калифорніи для ирригаціи пользуются паровыми помпами, вѣтренными мельницами, устраиваютъ водохранилища. Въ Санъ-Бернардино въ Bear Valley устроено водохранилище, не имѣющее себѣ подобнаго на свѣтѣ по смѣлости замысла. Плотина построена въ видѣ арки, состоитъ изъ каменной стѣны толщиной въ 20 футовъ въ основаніи и три фута въ вершинѣ. Отъ одного конца стѣны до другого 300 фут., радіусъ арки—335 фут., а высшее мѣсто плотины—64 фута. На высшемъ пунктѣ плотина покрываетъ водой 2,812 акровъ и собираетъ 21.189.000,000 галлоновъ воды. Теперь предприняты работы по расширенію этой плотины, воздвигается новая плотина вышиной въ 80 фут., вслѣдствіе чего водохранилище будетъ вмѣщать въ четыре раза больше воды.

Въ Канзасѣ одиннадцатью компаніями проведены каналы, изъ которыхъ главные на протяженіи 423½ мили, боковые на 526 миль. На устройство этихъ каналовъ затрачивается капиталъ свыше 4 милл. долл.; они должны оросить 256,000 акровъ, изъ которыхъ 35,800 уже орошены. Кромѣ того, частными лицами орошено около 18,000 акровъ и организуется еще 17 компаній для орошенія.

Въ другихъ штатахъ орошеніе также разростается съ поразительною быстротой. Въ Нью-Мексикѣ орошеніе захватило 700,000 акровъ. Въ мартѣ 1892 года губернаторъ штата созвалъ съѣздъ для ирригаціи, на который были приглашены делегаты по два отъ каждаго графства по назначенію графства, по пяти отъ каждаго города по назначенію городского управленія, по пяти отъ каждаго торговаго бюро или коммерческаго клуба, по три отъ каждой ирригаціонной комиссіи, пять отъ территоріальнаго иммиграціоннаго бюро, по одному отъ каждой газеты, пять отъ земледѣльческой коллегіи и, сверхъ того, всѣ интересующіеся вопросомъ объ ирригаціи.

Въ Утѣ ирригаціонныя работы начаты еще въ 1847 году мормонами безъ всякихъ научныхъ техническихъ пріемовъ. Изъ послѣдняго ценза видно, что мормоны къ срединѣ 1890 года устроили орошеніе на пространствѣ 263,473 акровъ или 411,68 кв. миль, на которыхъ имѣются 9,724 фермы съ орошеніемъ. Издержки на проведеніе воды въ этомъ штатѣ въ среднемъ составляютъ 10,55 шил. на акръ, причемъ всѣ работы произведены безъ предпринимателей, а въ основаніе разсчетовъ принята поденная плата отъ 1½ до 2 долл. пѣшему и 4 долл. конному работнику. Но, кромѣ единовременныхъ расходовъ по устройству водныхъ сооруженій, ежегодно приходится нести расходы деньгами или трудомъ для поддержанія плотинъ, каналовъ и другихъ сооруженій. Если сосчитать расходы по разработкѣ земли, кромѣ расходовъ на проведеніе воды, получается 14,85 долл. на акръ, а присоединяя 1,25, взимаемую правительствомъ при продажѣ зем-

ли, и 10,55 за воду, получимъ, что на акръ земли израсходовано 26,65 долл. Въ дѣйствительности земля стоитъ теперь 84,25 долл. акръ и приноситъ въ среднемъ доходъ въ 18,03 долл., изъ которыхъ надо отнять 0,91 долл. на поддержаніе ирригаціи. Вся площадь, пользующаяся орошеніемъ, вызвала расходъ въ 2.779,639 долл., а съ расходами по обработкѣ и приготовленію полей для земледѣлія 6.692,401 долл., тогда какъ стоимость земли доходитъ въ настоящее время до 22.197,600 долл., включая въ послѣднюю сумму стоимость построекъ и другихъ улучшеній. Эти цифры показываютъ, что можетъ дать искусственное орошеніе даже при такихъ элементарныхъ пріемахъ, къ какимъ прибѣгали мормоны.

Въ штатѣ Уомингъ, съ введеніемъ закона, регулирующаго пользованіе водами для ирригаціи, искусственное орошеніе стало быстро прогрессировать. Въ этомъ штатѣ для орошенія пользуются водою изъ 630 потоковъ, каналы проведены длиною въ 5,464 мили, площадь орошенія 2.172,781 акръ. Считая по 3,62 долл. на акръ (по вычисленіямъ ценза), всѣ расходы къ концу 1890 года достигаютъ 7.865,467 долл. Въ силу дѣйствующихъ законовъ о водѣ, всѣ новыя работы должны быть утверждены правительственными инженерами, которые контролируютъ планъ и финансовыя смѣты работы. Поэтому въ точности можно знать, что предпринято въ теченіе года. Въ 1891 году взято 210 разрѣшеній на новыя работы по проведенію воды и 12 на расширеніе существующихъ сооруженій; предприняты работы на протяженіи 970 миль стоимостью въ 3.464,269 долл. для орошенія 856,700 акровъ.

Изъ вышеприведеннаго видно, какіе огромные капиталы затрачиваются въ Соединенныхъ Штатахъ на искусственное орошеніе и какими путями выполняются грандіозныя сооруженія, имѣющія своею цѣлью возвышеніе производительности земли.

Переходя отъ Соединенныхъ Штатовъ къ Австраліи, мы видимъ, что борьба съ засухой посредствомъ искусственнаго орошенія получаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее развитіе. Въ 1890—91 гг. въ Викторіи орошено 250,000 акровъ, въ Южномъ Валлисѣ 50,000, въ Южной Австраліи 20,000, въ Тасманіи и Новой Зеландіи 15,000. Правительство подняло вопросъ объ ирригаціи въ 1881 г. и произвело тогда изслѣдованіе, возобновленное королевскою коммиссіей въ 1885 г. Въ Австраліи можно указать на двѣ системы производства работъ: въ Южномъ Валлисѣ ирригація предоставлена частной иниціативѣ, въ Викторіи правительство взяло ирригаціонныя работы подъ свое покровительство и поставило ихъ на ряду съ крупными общественными работами. Затраты колоніальнаго правительства на сохраненіе воды для сельскаго хозяйства достигали въ 1889 году 35 милл. рублей. Для поощренія ирригаціи законъ создаетъ особыя товарищества землевладѣльцевъ для постройки и управленія ирригаціонными сооруженіями (trusts) и открываетъ имъ государственный кредитъ съ обезпеченіемъ недвижимостью; для образованія товарищества и пользованія государственными средствами нужно согласіе представителей поло-

вины земли, предназначенной для орошенія. Въ Викторіи установлено общее правило, что вода во всѣхъ потокахъ есть публичная собственность, что всѣ водохранилища должны принадлежать государству и владѣльцы береговъ не имѣютъ никакихъ преимущественныхъ правъ на воду. Въ 1890 г. насчитывали 44 водныхъ товарищества, которые выработали планъ орошенія 6.656,788 акровъ съ затратою капитала въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Въ Индіи *) англійское правительство поставило своею культурною миссіей развитіе издавна существовавшаго искусственнаго орошенія. Для борьбы съ голодомъ лучшимъ средствомъ является ирригація; на нее правительство не жалѣло денегъ и поставило водное хозяйство въ такое положеніе, какъ желѣзно-дорожное сообщеніе, почту и телеграфъ. Въ Индіи вода можетъ добываться изъ трехъ большихъ рѣкъ: Инда, Ганга и Брамапутры. Государство есть общій поземельный собственникъ и контролируетъ снабженіе водою изъ рѣкъ, всѣ пустопорожнія земли находятся въ вѣдѣніи правительсва и ирригація даетъ возможность получать съ нихъ доходъ; кромѣ того, правительственные чиновники вѣдаютъ распредѣленіе воды и собираютъ плату за нее съ частныхъ владѣльцевъ. Центральное управленіе водами находится въ Калькуттѣ, откуда назначаются правительственные инженеры, чиновники, сборщики платы за воду на всю страну. По всей странѣ разсѣяны ключи и водохранилища, пользованіе которыми предоставлено свободному распоряженію частныхъ лицъ. Правительство свободно открываетъ кредитъ для займовъ на ирригаціонныя работы; оно выдаетъ для этихъ цѣлей до 75% стоимости земли. По правительственному отчету, въ 1890 году въ Индіи насчитывали 131.232,180 акровъ культурной земли; изъ нихъ около четверти пользуется ирригаціею, которая особенно распространена въ Мадрасѣ, Синдѣ и Пенджабѣ, въ провинціяхъ, страдавшихъ до ирригаціи отъ голодовокъ. Въ Мадрасѣ произведены самыя капитальныя работы; онѣ дѣлятся на производительныя, выполняемыя на счетъ правительственныхъ займовъ съ уплатою процентовъ, работы для защиты отъ голода, мѣстныя работы и сооруженія для навигаціи. Только перваго рода работы носятъ преимущественно характеръ финансовыхъ предпріятій и организованы такимъ образомъ, что приносятъ доходъ, достаточный для уплаты процентовъ по займамъ. Остальныя работы выполняются на счетъ бюджетныхъ доходовъ Индіи и приносятъ незначительный доходъ. На первыя къ 1890 г. затрачено 25.840,000 долл., на вторыя—768,000, на послѣдніе два вида работъ—5.880,000, всего 32.488,000 долл.; площадь орошенія составляетъ въ Мадрасѣ 6.000,000 акровъ. До англійскаго владычества орошалось не болѣе 750,000 акровъ. Въ Бенгалѣ на искусственное оро-

*) *I. L. Powell:* „Twelsth annual Report of the United States Geological Survey to the Secretary of the Interior 1890—91". Part II. „Irrigation Washington 1891, Irrigation in India", by Herbert M. Wilson, стр. 375—414. *Irrigation A e* отъ 10 октября 1892 г. *André de Llauradó:* „Projet de loi de secours etc. въ отчетѣ междун. земледѣл. конгресса въ Гаагѣ въ 1891 г.

шеніе 2½ милл. акровъ затрачено 28 милл. долл. Работы начались въ 1870 г., когда орошено было только 900,000 акровъ. Каналы первоначально принадлежали частнымъ лицамъ, потомъ выкуплены правительствомъ, которое закончило ихъ. Въ Нижнемъ Бенгалѣ орошено 560,000 акровъ. Система каналовъ Ганга представляетъ самую крупную работу въ Индіи; въ Верхнемъ Гангѣ она занимаетъ 890 миль главныхъ каналовъ, 3,700 распредѣлительныхъ и имѣетъ 31 шлюзъ, 202 моста и 17 плотинъ. Работы были проектированы въ 1842 г. и окончены въ 1884 г. и обошлись въ 14.644,000 долл. Въ Нижнемъ Гангѣ сооружено главныхъ каналовъ длиною 531 милю, распредѣлительныхъ 1,854, для навигаціи 428; они обошлись въ 7.000,000 долларовъ.

Въ Бомбеѣ орошено 839,000 акровъ; всѣ сооруженія обошлись въ 10.792,000 долл. Въ Мадрасѣ работы начаты были частными компаніями, но правительство выкупило ихъ за 10.367,260 долл. и въ теченіе пятилѣтія отъ 1882 по 1887 г. установило даровую раздачу воды, а отъ 1887 до 1892 г. установило таксу въ половинномъ размѣрѣ. Помимо крупныхъ сооруженій, правительство поддерживаетъ издавна существующія водохранилища. Въ настоящее время насчитывается до 60,000 прудовъ глубиною 6 футовъ. Если растянуть стѣны прудовъ въ одну линію, получимъ полосу, въ полтора раза превосходящую окружность земли.

Англійское правительство предпочло самостоятельно строить каналы, чѣмъ давать акціонернымъ товариществамъ гарантію процентовъ. Затраты правительства вполнѣ окупаются платою за воду. По свѣдѣніямъ за 1875—76 гг., правительство затратило 15.562,655 фунт. стерл., доходъ отъ продажи воды составлялъ 1.228,993 ф. ст., содержаніе стоило 396.750 ф. ст., проценты по займамъ изъ 4½% составляли 700,319 ф. ст. и чистый остатокъ 131,924 ф. ст. Къ 1888 году затраты правительства превышали уже 128 милл. долл., а когда будутъ закончены всѣ проектированныя работы, затраты будутъ достигать 142½ милл. долл. Площадь, на которую распространяется орошеніе, почти равна половинѣ Франціи и всей Италіи. Отдѣльные каналы приносятъ баснословно высокій доходъ. Такъ, ирригаціонныя сооруженія въ Canvery даютъ, при затратѣ въ 133,964 ф. ст., чистаго дохода, за вычетомъ процентовъ и содержанія, 108,923 ф. ст. или 81,3%; въ Восточной Джумнѣ, при затратѣ въ 231,743 ф. ст., доходъ 47,945 ф. ст., или 20,68%; въ Западной Джумнѣ, при затратѣ въ 432,764 ф. ст., доходъ 84,010 ф. ст. или 19,42%, многія предпріятія даютъ убытокъ, но въ общемъ, все-таки, получается чистая прибыль. Надо принять во вниманіе, что каналы начинаютъ въ Индіи окупаться лишь черезъ десять лѣтъ послѣ постройки.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Австраліи, въ Индіи всѣ работы направлены на искусственное орошеніе; такія же цѣли преслѣдуются въ Испаніи, во Франціи, въ Сѣверной Италіи. Но на ряду съ этимъ въ другихъ странахъ выдвинутъ на первый планъ совершенно противуположный вопросъ,— вопросъ объ осушеніи болотъ. Вопросъ этотъ имѣетъ не менѣе серьезное

значеніе и важенъ не только для расширенія площади производительной земли, но и для оздоровленія мѣстностей, страдающихъ отъ излишней влаги. Наиболѣе интересными въ этомъ отношеніи странами являются Нидерланды и средняя и южная Италія.

Въ Нидерландахъ *) одною изъ самыхъ крупныхъ работъ было осушеніе Гарлемскаго озера пространствомъ въ 18,000 гектаровъ; оно было начато въ 1839 и окончено въ 1852 году. Издержки на эту работу вмѣстѣ съ процентами и расходами по займу простираются до 13.789,377 фл.; продажа земли дала 9.377,262 фл., но земли, проданныя по 473 фл. гектаръ, стоютъ теперь отъ 1,500 до 2,000 фл., а расходы на управленіе составляютъ въ годъ отъ 8 до 10 флор. на гектаръ. Такіе же результаты дало осушеніе Luidplas (4,420 гект.), польдера принца Александра (2,729 гект.), польдеровъ д'У (5,000 гект.). Гидравлическія работы, заключающіяся въ устройствѣ плотинъ для защиты отъ моря, въ осушеніи озеръ и болотъ, начались еще въ XVII вѣкѣ и продолжаются до нашихъ дней. Голландцы съ каждымъ годомъ отвоевываютъ у моря новыя площади и уничтожаютъ огромные озера внутри страны. Отъ 1612 до 1644 года осушено 34 озера, занимающія площадь въ 24,250 гект., съ помощью 43 вѣтреныхъ мельницъ и съ затратою 2 милл. фл. Прежде Сѣверное море было въ прямомъ соприкосновеніи съ Южнымъ моремъ—Зюдерзее и во время урагановъ вода поднималась выше плотинъ. Чтобы устранить это, была устроена между двумя островами Huysduinen и Callantsoog плотина, существующая понынѣ. Обычный типъ гидравлическихъ работъ въ сѣверной Голландіи заключается въ слѣдующемъ: озера въ нѣсколько сотъ гектаровъ, окруженныя плотинами и осушенныя, называются польдерами. Земля въ нихъ на нѣсколько дециметровъ, иногда даже до 5 метровъ ниже поверхности воды въ окружающихъ ихъ каналахъ. Дождевая вода, попадающая въ польдеры, выкачивается вѣтреными мельницами или паровыми машинами въ каналы. Польдеры управляются дирекціею, избираемою собственниками; она должна поддерживать плотину, машины для выкачиванія воды (дождевой или почвенной), собирающейся въ канавахъ польдера. Воды выкачиваются въ бассейнъ, который обыкновенно образуетъ болѣе или менѣе длинный каналъ, служащій для внутренней или морской навигаціи. Нѣсколько польдеровъ, выкачивающихъ свою воду въ одинъ и тотъ же каналъ и имѣющихъ поэтому общіе интересы для содержанія канала и его уровня, соединяются общимъ управленіемъ, носящимъ названіе Heemraadschap. Управленіе заботится объ устройствѣ сооруженій, служащихъ для выкачиванія водъ бассейна въ море и въ рѣки.

При оцѣнкѣ этихъ работъ не слѣдуетъ ограничиваться финансовыми результатами, такъ какъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія общіе интересы страны сильно выигрываютъ даже въ томъ случаѣ, когда работы

*) Congrès international d'agriculture à La Haye 1891. La Haye 1892, докладъ генера J. de Koning.

не вполнѣ окупаются какъ финансовыя предпріятія. Такъ какъ осушеніе возможно лишь при участіи многихъ землевладѣльцевъ, то они соединяются въ особые синдикаты или товарищества, съ организаціею которыхъ мы познакомимъ ниже.

Изъ европейскихъ странъ наибольшій интересъ представляетъ безспорно Италія *), такъ какъ въ ней одинаково примѣняется какъ орошеніе, такъ и осушеніе. Безъ искусственнаго орошенія Ломбардія, Піемонтъ, Венеція, Эмилія и Лигурія не имѣли бы того вида, какой представляютъ теперь поля, а безъ осушенія средняя и южная Италія были бы недоступны для земледѣлія и представляли бы самыя нездоровыя мѣстности. Еще въ 1880 году площадь орошенія въ Италіи составляла $1^1/_2$ милліона гектаровъ, а такъ какъ расходъ по проведенію воды изъ каналовъ на поля составляетъ въ среднемъ 250 лиръ на акръ, то орошеніе потребовало расхода въ 375 милл. лиръ, расходы же по устройству каналовъ въ одной Ломбардіи достигаютъ милліарда лиръ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Ломбардіи, какъ въ Миланѣ, орошено 82,3% всей площади, въ Кремонѣ 60,2%, въ Павіи 41,1%. Главные каналы принадлежатъ государству; длина ихъ достигаетъ 796,414 километровъ; нѣкоторые каналы служатъ не только для орошенія, но и для судоходства. Окупаются ли каналы, какъ финансовыя предпріятія, это трудно утверждать, но косвенныя выгоды для правительства такъ велики, что каналы не должны считаться убыточными даже въ томъ случаѣ, когда плата за воду не покрываетъ процентовъ на затраченный капиталъ. Каналъ Кавура, купленный правительствомъ отъ акціонерной компаніи, обошелся въ 60.800,000 лиръ и давалъ доходъ 2.100,000 лиръ, что составляетъ 3,45% на капиталъ. Возвышеніе благосостоянія населенія, увеличеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ съ избыткомъ покрываютъ недоборъ въ доходахъ отъ каналовъ. Широкое распространеніе орошенія въ Италіи объясняется не только заботливымъ отношеніемъ государства, но и дѣятельностью меліоративныхъ товариществъ.

Осушительныя работы издавна составляютъ предметъ заботы правительства; на первый планъ выступаетъ въ данномъ случаѣ оздоровленіе мѣстности. До 1877 г. на осушеніе болотъ было затрачено въ Италіи 146 милл. лиръ, изъ которыхъ 74 милл. затрачены государствомъ. Кромѣ того, частными лицами и общинами произведены осушительныя работы, не распространяющіяся на обширный районъ; онѣ поглотили около 18 милл. лиръ, а съ вышеприведенными 146 милл. всѣ затраты въ 1877 году составляли около 164 милл. На поддержаніе работъ ежегодно тратится 2.870,000 лиръ, а на десятилѣтіе 1881—1890 гг. правительство предложило ежег

*) *Eduard Markus*, Meliorations Ingenieur: „Das landw. Meliorationswesen l liens". Wien, 1881. *André de Llauradó*: „Projet de loi de secours aux entreprisses Canaux et réservoirs d'irrigation Exposé des Motifs" въ отчетѣ междун. землед. к гресса въ Гаагѣ. *D-r Emil Perels*: „Hangbuch des landw. Wasserbaus". Berlin, 18 *Friedrich Wilgelm Toussaint*: „Die Bodencultur und das Wasser". Breslau, 18 *D-r K. Th. Eheberg*: „Agrarische Zustände in Italien". Leipzig", 1886.

но вносить въ смѣту 31 милл. лиръ на новыя осушительныя работы. Финансовые результаты нѣкоторыхъ изъ нихъ поразительны. Такъ, на осушеніе большихъ болотъ Вероны и Остиліи было израсходовано 6.174,000 лиръ; осушенная площадь ровняется 28,564 гектарамъ, а новый доходъ отъ осушенія составляетъ 1.218,000 лиръ въ годъ. Арендная плата за землю возвысилась отъ 6—10 лиръ до 100—120 лиръ, а общее увеличеніе стоимости земли отъ осушенія достигаетъ 40 милл. лиръ. Осушеніе озеръ и болотъ въ Біентинѣ обошлось въ 12 милл. лиръ; одновременно съ ходомъ работъ получаются площади земли, аренда которыхъ ростетъ съ поразительною быстротой. Одинъ участокъ, дававшій въ 1860 г. 8,370 лиръ, давалъ въ 1875 г. арендnаго дохода 195,620 лиръ, другой, дававшій 1,176 лиръ до осушенія, началъ давать послѣ осушенія 232,000 лиръ. Законодательство въ Италіи заботится о томъ, чтобы полезныя улучшенія не терпѣли неудачи вслѣдствіе противодѣйствія отдѣльныхъ землевладѣльцевъ. Всѣ работы этого рода дѣлятся на четыре категоріи: 1) работы, выполняемыя самимъ государствомъ; 2) работы, въ которыхъ подъ управленіемъ государства въ расходахъ принимаютъ также участіе провинція и заинтересованныя лица; 3) работы, выполняемыя товариществами, и 4) частныя предпріятія отдѣльныхъ заинтересованныхъ землевладѣльцевъ. Если дѣло касается улучшенія, затрогивающаго общее благо, большинство заинтересованныхъ можетъ принудить меньшинство къ участію. Законъ объ общественныхъ работахъ отъ 20 марта 1865 г. регулируетъ взаимныя отношенія землевладѣльцевъ, имѣющихъ общіе интересы въ устройствѣ искусственнаго орошенія или осушенія, а по закону 27 іюня 1882 г. всѣ сооруженія, которыя доставляли болѣе 3,000 литровъ воды въ секунду, должны выполняться правительствомъ, которое принимаетъ на себя половину расходовъ; восьмая часть была возложена на общины, восьмая на провинцію и четверть на собственниковъ. Вскорѣ послѣ изданія закона выяснилось, что для практическаго проведенія его правительству пришлось бы затратить не менѣе 1 милліарда лиръ. Тогда были изданы, въ отмѣну этого закона, законы 25 декабря 1883 г. и 28 февраля 1886 г. Въ силу послѣдняго закона, вмѣсто затраты капитала, правительство принимаетъ на себя гарантію извѣстнаго дохода въ теченіе 30 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ правительство гарантируетъ для работъ первой категоріи (свыше 3,000 литровъ) 3% на затраченный капиталъ и 2% для работъ второй категоріи (отъ 100 до 3,000 литровъ въ секунду), изъ которыхъ $^1/_{10}$ падаетъ на провинцію и общины; въ теченіе второго десятилѣтія субсидія ставляетъ $^2/_3$ нормы предъидущаго періода, а послѣдніе годы она составляетъ только $^1/_3$. Въ силу этого закона, возникло 9 синдикатовъ для орошенія 126,725 гекторовъ съ затратою 25 милл. лиръ; субсидія правительства, общины и провинціи въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ составляетъ около $6^1/_2$ милліоновъ, на второе десятилѣтіе 4.380,878 лиръ, а на третье десятилѣтіе 2.190,439 лиръ.

Во Франціи *) обычная форма предпріятій—это акціонерныя компаніи, которымъ правительство приходило на помощь то субсидіями, то гарантіею процентовъ по займамъ, то дарованіемъ какихъ-нибудь льготъ. Крупнѣйшіе каналы потребовали отъ правительства огромныхъ жертвъ. Такъ, при постройкѣ канала Вердонъ правительство выдало акціонерной компаніи субсидію въ 3½ милл. фр., департаментъ 1 милл. и городъ Э—1½ милл., всего 6 милл. фр. Каналъ Сенъ-Мантори былъ выстроенъ компаніею для орошенія 32,000 гектаровъ въ долинѣ Гароны у верховья Тулузы съ субсидіею въ 3 милл. фр. и съ правомъ взимать плату за воду въ теченіе 50 лѣтъ по утвержденному тарифу. Оба эти канала, какъ и каналъ Ладоанъ въ Нижнихъ Пиренеяхъ, построены акціонерною компаніей земледѣльческихъ каналовъ (Compagnie des canaux agricoles), которая при собственномъ капиталѣ въ 6 милл. выпустила 5% облигацій на 13 милл.; стоимость всѣхъ трехъ каналовъ опредѣлена свыше 27½ милл. фр. Каналъ Bourne орошаетъ 22,000 гектаровъ къ югу отъ Изеры между Роною и послѣдними отрогами Альповъ; субсидія на него была выдана въ 2.900,000 фр. Каналъ du Forez и Лоаре былъ выстроенъ съ субсидіею свыше 1 милл. фр., каналъ du Drac 2 милл. фр., каналъ de la Vésubie (Морскія Альпы), недалеко отъ Ниццы, потребовалъ субсидію правительства въ 2.400,000 фр. Имѣется во Франціи не мало работъ, предпринятыхъ издавна существующими синдикатами. Правительство и департаменты поддерживаютъ ихъ, принимая на себя часть ежегодныхъ расходовъ, размѣръ которыхъ неодинаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Мы могли бы перечислить не одинъ десятокъ подобныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью устроить постоянное искусственное орошеніе, кольмотажъ, потопленіе, осушеніе болотъ, облѣсеніе, исправленіе русла рѣкъ, укрѣпленіе береговъ, устройство плотинъ. Особенно много синдикатовъ сформировалось для защиты береговъ и устройства плотинъ. Благодаря укрѣпленію подвижныхъ дюнъ, площадь 100,000 гектаровъ, покрытая прежде горами переноснаго песку, теперь обращена въ культурную землю и стоитъ свыше 120 милл. фр. Плодотворные результаты дали во Франціи, какъ и въ Голландіи, устройство польдеровъ и защита береговъ отъ морскихъ разливовъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ вида, что во Франціи гораздо болѣе сдѣлано для исправленія русла рѣкъ, предупрежденія наводненій, для внутренняго судоходства, чѣмъ для земледѣлія. Всѣмъ памятно, какія огромныя суммы затрачены были при министерствѣ Фрейсинэ; усовершенствованіе водныхъ путей поставлено было на первый планъ.

Въ Пруссіи **) также издавна производились затраты на осушеніе болотъ. Фридрихъ Великій исправленіемъ русла Одера съ затратою 520,000 тал.

---

*) *Aristide Dumont*: „Des travaux publics dans leurs rapports avec l'agriculture". Paris, 1848. *Nadault de Buffon*: „Du concours de l'état dans les entreprises d'intérêt agricole". Paris, 1879. *W. Frauenholz*: „Das Wasser mit Bezug auf neizthschaliche Aufgaben der Gegenwart". München, 1881.

**) *A. Buchenberger*: „Agrarwesen u. Agrarpolitik". Leipzig, 1892, 1 Band. *Schober*: „Die Landeskulturrentenbauhen in Reussen, Sachsen u. Hessen". Berlin, 18

пріобрѣлъ 225,620 моргеновъ удобной земли, на которой очень скоро возникли 43 новыя деревни и колоніи; цѣна земли теперь достигаетъ 1,800—2,400 мар., аренда 48—60 м. Регулированіе Варты обошлось въ 1 милл. тал. и дало 122,622 морг. удобной земли. Аналогичныя затраты нерѣдки и въ другихъ частяхъ Германіи; одно регулированіе теченія Рейна (для предупрежденія наводненій) стоило въ Баденѣ отъ 1816 по 1888 г.— 57,6 м. м., въ Эльзасъ-Лотарингіи отъ 1791 по 1888 г. — 48,8 м. м., въ Баваріи отъ 1840 — 1880 г. — 7,2 милл., на устройство плотинъ затрачено 11 милл. м., всего 124,6 милл. марокъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Пруссіи была поднята сильная агитація въ пользу дренажныхъ работъ. Появившаяся въ сельско-хозяйственномъ изданіи *Neue Landwirth. Zeitung* въ 1868 г. статья D-r Fühling'a съ вызывающимъ заглавіемъ: *Drainiren oder Hungern* подготовила почву для мелиоративныхъ банковъ. Авторъ приписывалъ голодъ въ Прусской провинціи и голодный тифъ въ Верхней Силезіи въ 1847 году отсутствію дренажа, обилію влаги и настойчиво доказывалъ, что если не будетъ произведено осушенія низкихъ мѣстъ, голодъ будетъ появляться все чаще и чаще.

Намъ хотѣлось бы, прежде чѣмъ перейти къ условіямъ, необходимымъ для успѣшнаго развитія мелиоративнаго кредита, остановить вниманіе читателей на странѣ, которая безъ орошенія потеряла бы и ту степень благосостоянія, которая сохранилась въ настоящее время, именно на Испаніи, въ которой мавры въ средніе вѣка примѣняли всѣ тѣ пріемы ирригаціи, на которыхъ была основана цивилизиція восточныхъ народовъ. Въ этой странѣ,—говоритъ Maurice Aymard *), совершившій въ 1862 г. поѣздку въ Испанію для изученія ирригаціи въ видахъ устройства воднаго хозяйства въ Алжирѣ,—все, что касается практики ирригаціи, нѣкогда единственнаго источника богатствъ, осталось до сихъ поръ предметомъ главнаго интереса. Исторія ирригаціи очень популярна, имена королей, извѣстныхъ постройкой каналовъ, знакомы каждому крестьянину, хотя бы постройки были совершены въ XIII вѣкѣ; надписи на памятникахъ повсюду напоминаютъ о благодѣтеляхъ, устраивавшихъ искусственное орошеніе. Ирригація почти вездѣ составляетъ истинную гидравлическую общину, имѣетъ своихъ представителей, своего нотаріуса, свои суды; архивы охраняются съ религіозною заботливостью. Въ однихъ мѣстахъ вода связана неразрывно съ землею, продажа земли безъ воды невозможна; въ другихъ мѣстахъ вода составляетъ собственность однихъ, земля принадлежитъ другимъ и землевладѣльцы должны покупать воду.

II.

Такъ какъ мелиораціи связаны съ затратою значительныхъ капиталовъ, т весьма важно выяснить какъ источники, служащіе для доставленія ре-

*) *Maurice Aymard*: „Irrigations du Midi de l'Espagne". Paris, 1864.

дита землевладѣльцамъ, такъ и тѣ особенныя условія, въ которыя поставленъ мелiоративный кредитъ законодательствомъ.

Какъ мы имѣли случай показать *), мелiоративный кредитъ носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ земельный или ипотечный. Послѣдняго рода кредитъ—это кредитъ подъ залогъ земли, независимо отъ употребленія капитала, полученнаго въ ссуду. Капиталы, получаемые изъ земельныхъ банковъ, совершенно въ землю не попадаютъ, они служатъ либо для выдѣла наслѣдственныхъ долей, либо для покупки земли лицами, не обладающими достаточными собственными средствами, либо для личныхъ цѣлей владѣльца; всего меньше этотъ кредитъ предназначается для поднятія культуры, для улучшенія хозяйства. Вся та сумма, въ которой выражается ипотечная задолженность, представляетъ для землевладѣнія величину отрицательную, а не положительную, потому что ипотечный залогъ не имѣетъ своимъ послѣдствіемъ вложеніе капиталовъ въ землю, а, напротивъ, ведетъ къ ея обремененію новыми платежами. Земля отъ залога нисколько не выигрываетъ, потому что изъ ея доходовъ отвлекается опредѣленная часть въ пользу постороннихъ лицъ. Милліарды, въ которыхъ выражается задолженность землевладѣнія, представляютъ ту часть стоимости земли, которая принадлежитъ не землевладѣльцамъ, а капиталистамъ. Полученные подъ залогъ земли капиталы не получили такого назначенія, при которомъ могла бы повыситься доходность земли, слѣдовательно, не могли привести къ тому, чтобы былъ созданъ источникъ для платежа процентовъ. Земля приноситъ ровно столько же, сколько приносила до залога. Совсѣмъ другое дѣло при мелiоративномъ кредитѣ: онъ самъ создаетъ источникъ, изъ котораго будетъ производиться уплата процентовъ и погашеніе долга—онъ оплодотворяетъ землю, создаетъ новый доходъ, возвышаетъ производительность земли. Платежи падаютъ не на доходъ, существовавшій до производства мелiораціи, а на тотъ дополнительный доходъ, который созданъ мелiораціей. Этимъ характеромъ мелiорацій объясняется особое покровительство, которымъ пользуется мелiоративный кредитъ со стороны законодательства въ различныхъ странахъ.

Обращаясь къ законодательству Калифорніи, въ которой ирригація получила наибольшее развитіе, мы должны остановить вниманіе на ирригаціонномъ актѣ Райта 1887 года. Этотъ актъ **) основанъ на двухъ принципахъ: во-первыхъ, онъ даетъ всѣмъ землевладѣльцамъ, земля которыхъ нуждается въ ирригаціи отъ одного и того же источника, возможность организовать изъ себя *муниципальную корпорацію*; во-вторыхъ, онъ даетъ возможность такой корпораціи получать воду съ уплатою лишь тѣхъ расходовъ, съ которыми связано проведеніе воды отъ источника къ полямъ. Такимъ образо[м], собственность на землю совпадаетъ съ собственностью на воду, между тѣ[мъ]

*) *Мелiоративныя товарищества и мелiоративный кредитъ*. Докладъ, напеч[а]ный въ отчетѣ о совѣщаніяхъ по общественнымъ работамъ. Москва, 1893 г.

**) *C. C. Wright*: „Irrigation on popular principles", см. въ *Irrigation Age* о[т] 1 февраля 1892 г.; въ этой статьѣ изложены основныя начала закона.

какъ до изданія акта вода для ирригаціи составляла обыкновенно собственность акціонерныхъ компаній. Общественное мнѣніе настойчиво требовало регулированія вопроса о водѣ; задача сводилась не только къ тому, чтобы предоставить землевладѣльцамъ право пренебречь протестомъ прибережнаго владѣльца, если только ирригація можетъ быть распространена на всѣ сосѣднія владѣнія, но и къ тому, чтобы ослабить силу акціонернаго капитала, угрожавшаго интересамъ землевладѣльцевъ. Въ силу ирригаціоннаго акта 1887 г., образуются особые ирригаціонные округа. Если земли могутъ пользоваться ирригаціею отъ одного общаго источника, если ирригація имъ необходима, не менѣе 50 землевладѣльцевъ или большинство должны ходатайствовать объ организаціи округа предъ бюро инспекторовъ (Board of Supervisors) графства, въ которомъ расположена большая часть владѣній; о предположеніи образовать округъ предварительно помѣщается публикація въ газетѣ того же графства. Бюро обязано разсмотрѣть ходатайство не позже четырехъ недѣль послѣ подачи его, можетъ выслушать заинтересованныхъ лицъ, исключить то или иное владѣніе изъ округа. Оно обязано такъ установить границы округа, чтобы въ него включены были только тѣ земли, которые могутъ пользоваться водою изъ общаго источника. Если по этому поводу возникаетъ недоразумѣніе, бюро имѣетъ право поручить инженерамъ изслѣдованіе и требовать дополненій и измѣненій проекта. По окончаніи изслѣдованія бюро извѣщаетъ петиціонеровъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть утвержденъ округъ; петиціонеры же обязаны для рѣшенія вопроса созвать общее собраніе владѣльцевъ путемъ публикаціи за три недѣли до дня собранія въ газетахъ всѣхъ тѣхъ графствъ, въ которыхъ находятся владѣнія. Если большинство $^2/_3$ голосовъ высказывается за организацію округа, бюро инспекторовъ объявляетъ образованіе округа обязательнымъ; на собраніи избирается правленіе изъ пяти директоровъ, ассесора, сборщика податей и казначея. Такимъ путемъ создается муниципальная корпорація, снабженная всѣми правами, необходимыми для доставленія округу воды для ирригаціонныхъ цѣлей; она дѣйствуетъ по тому же плану и обладаетъ такими же широкими правами, какими пользуется графство при выполненіи какой-нибудь общественной работы для нуждъ графства.

Правленіе собирается не меньше, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ, въ первый вторникъ каждаго мѣсяца; оно обладаетъ весьма широкими правами, аналогичными правамъ бюро инспекторовъ графства. Оно имѣетъ право (и это, въ то же время, его обязанность) вести всѣ дѣла округа, заключать всѣ необходимые договоры, нанимать служащихъ и агентовъ, возлагать на нихъ поученія, издавать правила для пользованія водою и распредѣленія ея между землевладѣльцами и вообще дѣлать все то, что необходимо для ирригаціи. Оно имѣетъ также право пріобрѣтать земли и воды и другую собственность, необходимую для постройки, пользованія, поддержанія, исправленія и улучшенія каналовъ и сооруженій, воздвигнутыхъ частными собственниками, пріобрѣтать участки земли для водохранилищъ и другихъ не-

обходимыхъ приспособленій для сохраненія воды; оно можетъ строить плотины и другія сооруженія и издавать постановленія для равномѣрнаго распредѣленія воды между всѣми землевладѣльцами ирригаціоннаго округа. На ряду съ этими административными функціями ему предоставлено для осуществленія ирригаціи добывать необходимыя для этого средства посредствомъ выпуска бумагъ отъ имени округа. Какъ только округъ организованъ, правленіе приглашаетъ инженеровъ для составленія проекта работъ и смѣты. Когда вполнѣ выяснилось, сколько денегъ необходимо для выполненія работъ, правленіе назначаетъ общее собраніе и предлагаетъ ему утвердить смѣту расходовъ и сумму предстоящаго займа; по утвержденіи большинствомъ заемъ выпускается на двадцатилѣтній срокъ изъ 6% годовыхъ роста, съ погашеніемъ въ десять годовыхъ сроковъ, начиная съ конца одиннадцатаго года. Для покрытія же текущихъ расходовъ и уплаты процентовъ по займу, правленіе взимаетъ особый налогъ со всѣхъ земель округа. Ассессоръ, сборщикъ податей и казначей выполняютъ тѣ же функціи, какія законъ возлагаетъ на такихъ же чиновниковъ графства; въ способѣ обложенія и взиманія налоговъ, ихъ храненія и расходованія установлены тѣ же правила, какія кодексъ Калифорніи устанавливаетъ для графства. Такимъ образомъ, водный округъ, какъ муниципальная корпорація, приближается къ организаціи управленія графствомъ. Графству нужны присутственныя мѣста, общественные мосты, тюрьма, проѣзжія большія дороги,—съ этою цѣлью устроено Board of Supervisors. Для ирригаціи нужны каналъ, плотина и другія приспособленія ирригаціонной системы,—объ этомъ должно заботиться бюро директоровъ. Это есть самоуправленіе, обладающее для спеціальныхъ цѣлей такими же широкими правами, какими обладаютъ органы политическаго управленія.

Изъ вышеприведеннаго видно, что въ Калифорніи пришли къ необходимости создать товарищество землевладѣльцевъ общественно-принудительнаго характера. Безъ традицій, какія существуютъ почти во всѣхъ европейскихъ странахъ, безъ союзовъ, синдикатовъ, ассоціацій и всякаго рода корпорацій, которые сохранились въ Германіи, Италіи, Франціи, Испаніи еще отъ среднихъ вѣковъ, американцы самою жизнью вынуждены были создать учрежденія, аналогичныя тѣмъ, которыя существуютъ въ странахъ со старою культурой. Вмѣсто того, чтобы отдавать приносимые ирригаціей плоды ирригаціоннымъ акціонернымъ компаніямъ, актъ Райта группируетъ землевладѣльцевъ въ округа и снабжаетъ ихъ полномочіями, при которыхъ они могутъ вытѣснить акціонерныя компаніи. Если ирригація находится въ рукахъ компаніи, землевладѣльцамъ приходится платить сверхъ ежег ной платы за извѣстное количество воды еще за самое право на воду. Та , напримѣръ, въ долинѣ Санъ-Іоакимъ единовременная плата составляетъ с 5 до 10 дол. за акръ, а ежегодная плата отъ 62½ центовъ до 1 долла съ акра въ теченіе періода, на который заключенъ договоръ. При эт землевладѣлецъ вполнѣ подчиняется финансовой компаніи, и если дѣла приходятъ почему-либо въ упадокъ, онъ рискуетъ остаться совершенно бе

воды. Во всякомъ случаѣ, при возобновленіи договора, онъ снова долженъ былъ дѣлать крупный единовременный взносъ и принять на себя ежегодную уплату по опредѣленію компаніи.

Совершенно иначе поставлено дѣло при организаціи водныхъ округовъ и устройствѣ ирригаціи самими землевладѣльцами: за воду приходится платить столько, сколько нужно для поддержанія ирригаціонныхъ сооруженій, а въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ и сумму, необходимую для уплаты процентовъ и погашенія по займу. Эти преимущества акта Райта дали возможность президенту Гаррисону заявить въ своемъ посланіи, что если бы вопросъ этотъ не былъ упорядоченъ, акціонерныя компаніи пріобрѣли бы неограниченное право на одинъ изъ элементовъ жизни, и лица, имѣющія права на землю въ сухихъ районахъ, были бы обращены въ арендаторовъ, цѣликомъ зависящихъ отъ воли акціонерныхъ ирригаціонныхъ компаній.

О значеніи акта Райта правительственный отчетъ *) говоритъ слѣдующее: изданіе акта Райта 7 марта 1887 г., по которому составляются ирригаціонные округа и подъ залогъ земли выпускаются обязательства для покупки правъ на воду и устройства водныхъ сооруженій, дало толчокъ къ развитію ирригаціи; большое число округовъ уже образовалось на основаніи закона и большія суммы уже затрачены. Тридцать три ирригаціонныхъ округа обнимаютъ площадь въ 2.106,775 акровъ, нѣкоторые изъ нихъ объединяютъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ площадью свыше 300,000 акровъ. Самое крупное товарищество захватываетъ 363,400 акровъ, самое незначительное 3,000 акровъ. Сумма, выпущенная товариществами для ирригаціонныхъ сооруженій, достигаетъ 11.197,000 долл., причемъ нѣкоторыя изъ товариществъ еще не приступили къ выпуску займовъ; средняя затрата на акръ достигаетъ 8 долл. 4 центовъ. Законъ этотъ функціонируетъ уже достаточно времени для того, чтобы обнаружились его благодѣтельныя стороны; подъ его вліяніемъ значительная часть сухихъ земель Калифорніи обращается въ производительную землю, пригодную для садоводства.

Въ Австраліи, въ Викторіи, законодательство также облегчаетъ возникновеніе товариществъ землевладѣльцевъ для ирригаціонныхъ цѣлей. Victoria Water Supply System ставитъ основнымъ принципомъ, что вода во всѣхъ потокахъ есть публичная собственность, что владѣльцы побережья не имѣютъ преимущественныхъ правъ на воду, что большія сооруженія (какъ устройство водохранилищъ) должны быть произведены государствомъ и должны принадлежать государству и что для проведенія воды и управленія водою въ округахъ должны быть образованы *мѣстные союзы или товарищества*. Если половина землевладѣльцевъ округа, земля которыхъ должна быть орошена, высказывается за образованіе товарищества, послѣднее пріобрѣтаетъ принудительный характеръ и получаетъ право на государственный кредитъ. Въ 1883 г. было 14 такихъ союзовъ, въ 1889 г. — 31, а

*) *Annual Report of the State Board of horticulture of the State of California for 92.* Sacramento, 1892, стр. 46—47. См. тоже *Irrigation Age*, февраль 1893 г.

въ 1890 году уже 38 союзовъ, а сумма расходовъ на сооруженія достигала уже 20 милл. руб. Въ 1891 г. 24 союза устроили ирригацію на пространствѣ 6.300,000 акровъ; 6 союзовъ имѣютъ въ виду произвести ирригацію на площади въ 356,788 акровъ и 14 союзовъ на 2 милл. акровъ. Такимъ образомъ, союзами землевладѣльцевъ въ Викторіи предприняты работы, частью уже выполненныя, на 8.656,788 акрахъ; отъ ирригаціи земля должна возвыситься въ цѣнѣ на 140 милл. рублей. Законодательство въ Викторіи имѣло въ виду созданіемъ союзовъ или товариществъ землевладѣльцевъ доставить имъ воду на самыхъ льготныхъ условіяхъ безъ посредничества компаній. Принудительная организація товариществъ служитъ въ глазахъ правительства лучшею гарантіей для кредита на ирригаціонныя работы.

Если организація товариществъ для меліоративныхъ цѣлей оказалась необходимою въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, то тѣмъ большее примѣненіе должны имѣть меліоративныя товарищества въ европейскихъ странахъ, гдѣ частные капиталисты не такъ предпріимчивы и гдѣ только при товарищеской организаціи землевладѣльцы пріобрѣтаютъ новую кредитоспособность.

Въ Англіи правительство издавна содѣйствовало учрежденію товариществъ для меліоративныхъ цѣлей. Если только часть землевладѣльцевъ изъявляетъ желаніе произвести дренажъ или другое улучшеніе и правительственный комиссаръ признаетъ улучшеніе желательнымъ, учреждается особое товарищество, участіе въ которомъ не зависитъ уже отъ воли заинтересованныхъ лицъ, а носитъ принудительный характеръ *). Основной принципъ всего законодательства, это—*принудительный характеръ товариществъ*, приводящій къ тому, что землевладѣлецъ, имѣніе котораго затрогивается меліораціей, не только не можетъ воспрепятствовать выполненію работы, но принужденъ принять на себя уплату процентовъ и погашенія по займу, совершенному товариществомъ для выполненія меліораціи.

Гораздо болѣе разработано законодательство о товариществахъ въ Германіи. Устройство плотинъ во многихъ случаяхъ способствуетъ болѣе правильному распредѣленію воды, препятствуетъ обмеленію рѣкъ; устройство осушительныхъ или обводнительныхъ каналовъ часто служитъ не только для экономическихъ, но и санитарныхъ цѣлей; отсюда цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій относительно пользованія водами и множество корпорацій, товариществъ, союзовъ, носящихъ общественно-принудительный характеръ, но созданныхъ не для общихъ цѣлей, входящихъ въ кругъ вѣдомства политической общины, а для спеціальныхъ цѣлей. Эти союзы носятъ у Гирке **) общее названіе Gemeindeähnliche Verbände für besondere Zwecke.

---

*) *А. Посниковъ*: „Общинное землевладѣніе". Выпускъ I. Ярославль, 1875 г. В этомъ трудѣ, на примѣрѣ Англіи, Пруссіи и Франціи, съ полною убѣдительностью доказано, какое огромное значеніе имѣютъ товарищества для развитія меліораціи

**) *Gierke*: „Das deutsche Genossenschaftsrecht", I, стр. 765—779.

Они, какъ общины, носятъ территоріальный характеръ, участіе въ нихъ не добровольное, а принудительное, но каждый видъ союзовъ учреждается для спеціальной цѣли. Къ такимъ союзамъ относятся *плотинные союзы* (Deichgenossenschaften, Deichachten, Deichgemeinden) и *товарищества для обводненія и осушенія* (Zwangsgenossenschaften für Bewässerungs u. Entwässerungsanlagen, Wiesengenossenschaften, Meliorationsverbände, Stromregulirungsverbände, Entwässerungsgenossenschaften и т. д.». Плотинный союзъ является государственнымъ установленіемъ, территоріальнымъ союзомъ принудительнаго характера для защиты береговъ; его возникновеніе покоится на государственной волѣ; самостоятельное образованіе его является случайнымъ и второстепеннымъ признакомъ. Платежи на устройство и поддержаніе плотинъ приравниваются государственнымъ налогамъ и повинностямъ; поэтому освобожденіе отъ нихъ, измѣненіе договорами невозможно; взысканіе ихъ производится такимъ же порядкомъ, какимъ производится взысканіе налоговъ; они устанавливаются такимъ же административнымъ порядкомъ соотвѣтственно выгодамъ и преимуществамъ, которыя получаетъ отъ плотинныхъ сооруженій каждый изъ членовъ союза. Управленіе и организація союза приближается къ организаціи общины, съ тою только разницей, что представители союза являются преимущественно въ качествѣ органовъ государственной власти.

Аналогичный характеръ носятъ современныя принудительныя товарищества для осушенія и орошенія. Когда какое-нибудь сооруженіе (устройство канала), могущее принести пользу цѣлому округу или цѣлой группѣ владѣльцевъ, можетъ быть произведено лишь при совмѣстной дѣятельности группы владѣльцевъ, эти законы, исходя отъ естественной общности интересовъ прилегающихъ владѣній, даютъ государству право административнымъ порядкомъ создать союзъ для производства и поддержанія необходимыхъ работъ. Большая часть законодательствъ устанавливаетъ право большинства принудить несогласное меньшинство къ участію въ союзѣ, въ Пруссіи же и Саксоніи возможно возникновеніе союзовъ даже противъ воли всѣхъ участниковъ. Расходы по содержанію сооруженій или меліорацій распредѣляются между землевладѣльцами по количеству принадлежащей имъ земли, если всѣ они имѣютъ одинаковую выгоду отъ меліораціи, или по пользѣ, которую каждый изъ нихъ извлекаетъ отъ меліораціи: платежи эти приравниваются государственнымъ налогамъ.

Соединеніе многихъ владѣльцевъ въ союзъ помимо воли нѣкоторыхъ участниковъ, реальный характеръ вытекающихъ изъ меліораціи сборовъ, отождествленіе платежей по займамъ, заключеннымъ для производства меліораціи и ея содержанія, государственнымъ налогамъ, — все это создаетъ весьма прочную основу для организаціи кредита, безъ котораго невозможно приступить къ болѣе или менѣе серьезнымъ улучшеніямъ. Если отъ отдѣльнаго землевладѣльца мелиоративное кредитное учрежденіе требуетъ отдачи въ залогъ имѣнія, если онъ можетъ пользоваться кредитомъ только подъ условіемъ ипотечнаго обремененія своего имѣнія и потому въ случаѣ за-

должности почти лишенъ возможности пользоваться кредитомъ для мелiорацiи, то соединеніе многихъ землевладѣльцевъ въ союзъ или товарищество общественно-принудительнаго характера, приравнивающее его политической общинѣ, даетъ имъ возможность пользоваться кредитомъ безъ ипотечнаго обезпеченія на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ такимъ кредитомъ пользуются городскія и сельскія общины, округа, провинціи.

Въ виду огромнаго значенія принудительныхъ товариществъ, въ Пруссіи былъ изданъ 1 апрѣля 1879 года законъ, вносящій однообразіе въ существовавшія издавна законодательныя нормы. Въ этомъ законѣ высказался взглядъ на товарищества, преслѣдующія интересы земледѣлія. Товарищества на почвѣ аграрныхъ вопросовъ,—говоритъ Франкъ (*Arnold Nieberdings Wasserrecht und Wasserpolizei im preuss. Staate*, стр. 37),—имѣютъ за себя историческое оправданіе и являются возрожденіемъ того товарищескаго элемента, который когда-то характеризовалъ германское право; они возстановляютъ тѣ древне-германскія нормы, которыя считались давно забытыми. Законъ этотъ создаетъ общія нормы для Пруссіи; онъ различаетъ *публичныя товарищества отъ свободныхъ*. Въ то время, какъ первыя основываются государственною властью даже противъ воли нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, особенно если цѣлью товарищества являются дренажныя работы, послѣднія основываются по простому нотаріальному договору безъ участія правительственной власти. Законъ этотъ пріобрѣлъ большое значеніе, главнымъ образомъ, потому, что облегчаетъ основаніе новыхъ мелiоративныхъ товариществъ. Онъ является, въ то же время, предвѣстникомъ закона 3 мая 1879 г. объ учрежденіи Landeskulturrentenbanken, разсчитанныхъ, главнымъ образомъ, на операціи съ принудительными мелiоративными товариществами.

Въ Пруссіи по закону 1 апрѣля 1879 г. для образованія товарищества необходимо большинство участниковъ по площади земли и величинѣ налоговъ. Въ Саксоніи принудительное право существуетъ для регулированія потоковъ (по законамъ 15 августа 1855 г. и 23 іюля 1861 г.). Въ Баваріи для образованія осушительныхъ и оросительныхъ товариществъ необходимо согласіе $^2/_3$ участниковъ. Подобныя постановленія существуютъ въ Баденѣ, Гессенѣ, Виртембергѣ и другихъ нѣмецкихъ государствахъ.

О развитіи мелiоративныхъ товариществъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ Пруссіи отъ 1846 по 1866 г. было улучшено 2.926,922 моргена съ затратою около 48 милл. марокъ; мелiораціи выполнены 265 осушительными и оросительными товариществами и 94 плотинными союзами. Въ 1881—1887 гг. учреждено 516 мелiоративныхъ товариществъ (Ent-Bewäss. und Drainagegenossenschaften); улучшено 205,461 гектаръ съ затратою $12^1/_4$ милл. м. Въ Баваріи отъ 1852 по 1888 г. предпринято 1,710 товарищескихъ мелiорацій на пространствѣ 80,000 гект. съ затратою около 6 милл. марокъ. Въ 1884 — 88 возникло 314 водныхъ товариществъ. Въ Баденѣ до 1888 г. возникло 92 водныхъ товарищества; отъ 1870 до 1888 г. предпринято 1,300 товарищескихъ мелiорацій на 11,000 гект. съ затратою $3^1/_2$

милл. м. Въ Эльзасѣ отъ 1876—89 гг. возникло 251 мелiоративныхъ товарищества; они затратили свыше 4 милл. м. на 8,300 гект.

Такiя товарищества для орошенiя и осушенiя издавна существуютъ и въ Голландiи. При осушенiи озеръ часто примѣнялся пріемъ, изложенный инженеромъ Де-Конингомъ на международномъ земледѣльческомъ конгрессѣ въ Гаагѣ въ 1891 году со словъ инженера Коревара. Земля подъ водою съ прилегающими участками принадлежала многимъ землевладѣльцамъ (въ данномъ случаѣ 62). Они образовали изъ себя товарищество, избрали правленiе и приступили къ осушенiю на слѣдующихъ основанiяхъ: вся собственность временно передана товариществу, которое взамѣнъ того выдало каждому собственнику свидѣтельство съ указанiемъ имени собственника, площади владѣнiя, стоимости, разсчитанной по 1,000 фл. гектаръ луговъ, по 300 фл. гектаръ болотной земли и по 100 фл. гектаръ земли подъ водою. Послѣ осушенiя каждый собственникъ можетъ требовать 90% площади своей первоначальной собственности по уплатѣ соотвѣтственной части расходовъ предпрiятiя, остальные 10% земель предназначены частью для устройства дорогъ, каналовъ и другихъ сооруженiй, частью для продажи съ торговъ. Каждый собственникъ пользуется своимъ участкомъ, если же онъ не можетъ имъ пользоваться на время производства работъ, ему выплачивается 5% стоимости земли. Распредѣленiе осушенной площади производится по плану, утвержденному до начала осушенiя. Если послѣ осушенiя окажутся торфяныя залежи, то они достаются не новому, а первоначальному собственнику, новый же собственникъ вознаграждается за убытки, связанные съ эксплуатацiею торфа. Первый урожай поступаетъ въ пользу товарищества. По окончанiи работъ собственники осушаемыхъ земель должны были уплатить за гектаръ земли, бывшiй подъ водою, по 740 фл., а за прежде болотную землю по 540 фл., владѣльцы же луговъ получали отъ товарищества по 160 фл. за гектаръ. Остатокъ земли отъ 10% былъ проданъ отъ 1,100 до 1,400 фл. гектаръ; это была земля низшаго качества. По окончанiи всѣхъ работъ товарищество обратилось въ обыкновенный польдеръ и получило организацiю, необходимую для предупрежденiя затопленiя, для поддержанiя каналовъ отъ засоренiя и проч. Въ Голландiи, кромѣ товариществъ, организующихся для поддержанiя польдеровъ, и синдикатовъ для постройки второстепенныхъ каналовъ (Waterschapen), существуютъ болѣе обширныя организацiи, состоящiя изъ цѣлаго ряда второстепенныхъ товариществъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ старыхъ синдикатовъ является синдикатъ Rijnland, обнимающiй 105,721 кт., изъ которыхъ 77,237 занято польдерами. Этотъ синдикатъ состоитъ ъ большого числа польдеровъ, имѣющихъ каждый свою отдѣльную торищескую организацiю, но соединенныхъ общимъ центральнымъ управлеомъ. Польдеры отдѣлены одинъ отъ другого плотинами; каждый изъ нихъ ѣетъ свой уровень воды, соотвѣтствующiй уровню земли; внѣшнiя воды льдеровъ являются, въ то же время, внутренними для центральнаго синката, который поддерживаетъ ихъ на извѣстномъ уровнѣ. Синдикатъ

имѣетъ въ различныхъ пунктахъ сооруженія съ паровою силой (въ Спардамѣ, Галфегѣ, Катвикѣ и Гудѣ) для выкачиванія излишней воды, а во время засухи, когда въ польдерахъ мало воды, синдикатъ накачиваетъ воду изъ рѣки въ польдеры въ количествѣ, необходимомъ для луговъ, для скота и проч.

Во Франціи *), по закону 26 іюля 1865 г., были созданы особыя ассоціаціи (синдикаты) землевладѣльцевъ для меліоративныхъ работъ, но большинству дано было право принудить несогласное меньшинство къ производству работъ, только въ весьма немногихъ, точно обозначенныхъ случаяхъ, и законъ обратился въ мертвую букву, несмотря на то, что еще съ начала вѣка правительство сочувственно относилось къ меліоративнымъ предпріятіямъ. Точно также небольшую услугу въ смыслѣ крупныхъ улучшеній оказали земледѣльческіе синдикаты, получившіе въ послѣдніе годы такое большое распространеніе: не нося принудительнаго характера, они не представляютъ достаточной гарантіи для кредита. Чтобы развить меліоративный кредитъ, оказалось необходимо порвать съ принципомъ индивидуальной свободы и внести въ законъ 1865 года измѣненія въ духѣ германскаго законодательства о меліоративныхъ товариществахъ. По закону 23 декабря 1888 года, синдикаты организуются для защиты береговъ, углубленія рѣкъ, устройства и улучшенія каналовъ, осушенія болотъ, устройства прудовъ, оздоровленія мѣстности, обводненія, заселенія, дренажа и т. д.; для нѣкоторыхъ видовъ улучшенія достаточно постановленія большинства заинтересованныхъ, владѣющихъ, по крайней мѣрѣ, $^2/_3$ площади земли, или $^2/_3$ заинтересованныхъ, владѣющихъ болѣе чѣмъ половиною площади; для другихъ необходимо согласіе $^3/_4$ замлевладѣл., владѣющихъ болѣе $^2/_3$ площади и платящихъ болѣе $^2/_3$ поземельныхъ налоговъ, или болѣе $^2/_3$ заинтересованныхъ, владѣющихъ болѣе $^3/_4$ площади и платящихъ болѣе $^3/_4$ налоговъ.

Законодательство о водныхъ товариществахъ получило также развитіе въ Австріи; законы отъ 30 мая 1869 г. и 7 іюня 1883 г. исходнымъ моментомъ своимъ ставятъ принципъ принужденія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ общественныхъ интересахъ необходима совмѣстная дѣятельность всѣхъ владѣльцевъ и когда противодѣйствіе одного изъ нихъ могло бы послужить препятствіемъ для осуществленія того или иного воднаго сооруженія, плотины, канала и т. д. Въ водныхъ товариществахъ,—читаемъ мы у Карла Пейрера **),—опредѣляющимъ моментомъ является мѣстность, такъ какъ цѣлью ихъ

---

*) *A. Ronna:* „Les Irrigations". Tome III. Paris, 1890. Въ этомъ томѣ собра обширный матеріалъ, касающійся исторіи ирригаціи, законодательства и управле водою у различныхъ народовъ какъ древней культуры, такъ и современныхъ. *Alfr Durand-Claye*: „Hydravlique Agricole et génie rural". Tome second. Paris, 18 *Michel Tardit*: „Organisation législative des assotiations cooperatives agricoles", . кладъ на междун. конгр. въ Гаагѣ.

**) *Karl Peyrer*: „Das Oesterrechische Wasserrecht". Vien, 1880, стр. 439—4 Venden Wassergenossenschaften.

служатъ возстановленіе, поддержаніе или улучшеніе опредѣленнаго воднаго потока; членами ихъ могутъ быть только владѣльцы прилежащихъ участковъ, но за то всѣ они должны принимать участіе въ товариществѣ, Отсюда вытекаетъ необходимость принудительнаго участія, отсюда же особое покровительство законодательства (erhöhter Rechtsschutz) и всякаго рода льготы, отличающія водныя товарищества отъ добровольныхъ союзовъ и организацій. Въ Австріи существуетъ огромное число водныхъ товариществъ и союзовъ древнѣйшаго происхожденія, частью имѣющихъ уставы, частью дѣйствующихъ по древнимъ обычаямъ. Такъ, въ Тиролѣ издавна существуютъ союзы для обводненія, осушенія, снабженія водою, защиты береговъ, для регулированія теченія потоковъ, совпадающіе съ цѣлями, опредѣленными закономъ 1869 г.; нѣкоторые изъ нихъ существуютъ уже нѣсколько вѣковъ и пользуются правомъ обложенія и] взысканія платежей порядкомъ, установленнымъ для государственныхъ налоговъ. Преимущества товариществъ, организованныхъ на основаніи новѣйшихъ законодательныхъ актовъ, заключаются въ томъ, что въ нихъ точно опредѣлены права и обязанности участниковъ, указанъ порядокъ внутренняго управленія и представительства, что въ свою очередь пріобрѣтаетъ особенное значеніе для кредитоспособности. Содержаніе той части закона 30 мая 1869 года, которая относится къ воднымъ товариществамъ, сводится къ слѣдующему. Для выполненія построекъ, которыя имѣютъ цѣлью защиту поземельной собственности или регулированіе потока, для обводнительныхъ и осушительныхъ работъ образуются водныя товарищества либо по свободному соглашенію, либо по административному распоряженію, состоявшемуся по постановленію большинства участниковъ. Если для производства работы необходимо распространеніе ея на участки меньшинства, послѣднее можетъ быть вынуждено примкнуть къ товариществу; число голосовъ опредѣляется не по числу собственниковъ, а по размѣру владѣній. Несогласные владѣльцы обязаны, если не желаютъ примкнуть къ товариществу, подчиниться сервитуту или же продать участокъ. Для образованія принудительнаго товарищества, имѣющаго цѣлью оросительныя работы, нужно большинство $^2/_3$, а для товарищества, имѣющаго цѣлью осушеніе, защиту береговъ и регулированіе потоковъ, достаточно простаго большинства. Въ товариществахъ для орошенія и осушенія голоса опредѣляются величиною владѣній; въ товариществахъ для защиты береговъ и регулированія потоковъ голоса опредѣляются цѣнностью подлежащаго защитѣ владѣнія. Кто пріобрѣтаетъ участокъ, входящій въ составъ товарищескаго района, становится, вслѣдст) этого, членомъ товарищества и принимаетъ на себя всѣ обязанности, ле: щія на участкѣ. Обязанности носятъ характеръ не личный, а связанны съ землею; платежи товариществу за три послѣднихъ года пользуются ст: шинствомъ предъ другими вещными долгами и слѣдуютъ непосредственно за государственными и публичными налогами; они прекращаются только съ ыдѣленіемъ участка изъ товарищества или съ прекращеніемъ само товарищества. Расходы на постройку сооруженій для орошенія

и осушенія и ихъ поддержаніе распредѣляются по уставу или по особому соглашенію участниковъ; если соглашенія не послѣдовало, распредѣленіе производится правительственнымъ органомъ. При распредѣленіи принимается во вниманіе площадь владѣнія, а если не всѣ участки пріобрѣтаютъ одинаковую выгоду отъ товарищескихъ сооруженій, участки дѣлятся на классы. Расходы на защиту береговъ и регулированіе распредѣляются сообразно выгодѣ каждаго участника или по цѣнности ихъ участковъ. Если въ составъ товарищества входятъ общины, падающіе на нихъ платежи составляютъ общинный расходъ; общины сами вносятъ причитающіеся платежи товариществу, разлагая ихъ на членовъ общины порядкомъ, установленнымъ для всѣхъ налоговъ. Взысканіе недоимокъ производится по требованію товарищества тѣми же органами и тѣмъ же порядкомъ, какимъ производится взысканіе недоимокъ въ государственныхъ налогахъ.

Въ классической странѣ искусственнаго орошенія, въ Италіи, мы находимъ повсюду обиліе синдикатовъ или товариществъ для ирригацій (Consorzi per l'irrigazione). По закону 25 декабря 1883 года, дополненному закономъ 28 февраля 1886 г., синдикатъ образуется либо по соглашенію всѣхъ заинтересованныхъ, либо по постановленію большинства, утвержденному судебною властью; въ послѣднемъ случаѣ меньшинство должно принимать участіе во всѣхъ работахъ и расходахъ синдиката. Всѣ права и обязанности членовъ носятъ вещный характеръ и переходятъ на новыхъ владѣльцевъ земли; въ расходахъ принимаютъ участіе всѣ члены либо по соглашенію, либо на основаніи общихъ законовъ. Взысканіе платежей въ пользу синдиката пользуется тѣми же преимуществами, какъ взысканіе прямыхъ налоговъ. Cassa dei depositi e dei prestiti выдаетъ ссуды синдикатамъ, провинціямъ и общинамъ; платежи по займамъ распредѣляются между членами синдиката, между общинами и провинціями, получившими ссуду. Цѣль закона была не создать новый институтъ, а санкціонировать многочисленные разсѣянные по всей странѣ союзы, регулировать ихъ права, открыть имъ кредитъ и государственную помощь. Кромѣ синдикатовъ для ирригаціи, подчиненныхъ министерству земледѣлія, имѣется множество смѣшанныхъ синдикатовъ, подчиненныхъ управленію публичныхъ работъ. Смѣшанные синдикаты (ихъ насчитывали 46) Сѣверной Италіи состоятъ изъ 16,894 собственниковъ; они орошаютъ болѣе 20,000 гектаровъ. Нѣкоторые изъ нихъ возникли еще въ 12—13 вѣкѣ.

Законъ признаетъ шесть видовъ товариществъ: товарищества для защиты отъ наводненія, для орошенія, для осушенія, для земельныхъ улучшеній, для пользованія водяною силой и смѣшанныя товарищества. Незначительныя товарищества въ свою очередь соединяются въ болѣе крупныя. Такъ, Associazione generale d'Irrigatione all'Ovest della Sesia насчитываетъ 9,000 членовъ, составляющихъ 60 отдѣльныхъ товариществъ. Безъ товарищеской организаціи землевладѣльцы не имѣли бы возможности пользоваться водою даже въ томъ случаѣ, когда устроены большіе каналы. Про-

веденіе воды отъ каналовъ къ полямъ связаны съ такими затратами, что только при товарищеской организаціи можно практически воспользоваться водою изъ каналовъ. Нѣкоторыя товарищества сами принимаютъ на себя выполненіе крупныхъ ирригаціонныхъ работъ. Для поощренія землевладѣльцевъ къ составленію товариществъ правительство понижаетъ для послѣднихъ плату за воду. Число товариществъ въ 1880 году доходило до 882; площадь, на которую распространялась ихъ дѣятельнось, до 1.552,666 гект., принадлежавшихъ 291,000 владѣніямъ; расходы на управленіе и поддержаніе товарищескихъ работъ въ годъ составляли 4.318,050 лиръ.

Если бы не существовало сильной ипотечной задолженности, не было бы нужды создавать для матеріальнаго кредита особыя привилегіи. Но земля уже обременена долгами, и никто не согласится выдать мелiоративную ссуду подъ заложенное имѣніе, если не будутъ созданы особыя привилегіи для мелiоративныхъ платежей. Привилегія эта заключается въ отождествленіи платежей по мелiоративной ссудѣ налогамъ, въ дарованіи имъ пріоритета предъ ипотечными долгами, хотя бы послѣдніе возникли до полученія мелiоративной ссуды, въ предоставленіи мелiоративнымъ кредиторамъ права административнаго взысканія наравнѣ съ государственными налогами.

Пока старшинство взысканій будетъ опредѣляться временемъ наложенія запрещенія, мелiоративный кредитъ не можетъ получить надлежащаго развитія. И дѣйствительно, примѣръ Англіи показываетъ, что мелiоративный кредитъ получилъ съ самаго начала надлежащее развитіе, главнымъ образомъ, потому, что мелiоративная рента пользуется пріоритетомъ даже помимо воли кредиторовъ. Опытъ скоро доказалъ, что мелiораціи дѣйствительно не нарушаютъ интересовъ ипотечныхъ кредиторовъ и съ ихъ стороны поступаетъ все меньше и меньше возраженій. Въ Австріи и Германіи имѣютъ успѣхъ тѣ мелiораціи, которыя пользуются покровительствомъ законодательства, а именно улучшенія, производимыя водными товариществами, мелiораціи же на земляхъ частныхъ владѣльцевъ не имѣютъ успѣха въ Германіи. Особенно наглядно это видно, если разсмотрѣть составъ кліентовъ рентныхъ банковъ: изъ $15^1/_2$ милл., выданныхъ Саксонскимъ банкомъ до 1891 года, около 10 мил. выдано для водныхъ сооруженій, для большинства которыхъ не испрашивается согласіе кредиторовъ. Напротивъ, на земляхъ частныхъ владѣльцевъ рентные банки не могли принести пользы не потому, что недоставало для этого капиталовъ, а потому, что при задолженности землевладѣнія капиталы могутъ получить доступъ къ землѣ лишь при существованіи пріоритета предъ ипотечными [illegible]гами. Если бы мелiораціи были приравнены затратамъ, вызваннымъ [illegible]кращеніемъ барщинныхъ повинностей, а платежи по мелiоративнымъ [illegible]дамъ приравнены рентѣ, выплачиваемой рентнымъ банкамъ, тогда ме[illegible]раціи могли бы производиться тѣмъ же порядкомъ, какимъ произво[illegible]ся выкупъ повинностей. Такой взглядъ установился только на нѣкото[illegible]я улучшенія. Такъ, въ Австріи такою привилегіей пользуются водныя [illegible]варищества; не только капитальная сумма долга, но и недоимка за три

года пользуются старшинствомъ предъ ипотечными долгами въ случаѣ принудительной продажи. Въ Пруссіи платежи публичныхъ и лѣсныхъ товариществъ, плотинныхъ союзовъ приравнены налогамъ, а въ случаѣ коллизіи взносы на содержаніе плотинъ пользуются даже преимуществомъ предъ государственными налогами. Въ Баваріи это имѣетъ мѣсто для орошенія и осушенія, въ Саксоніи — для регулированія потоковъ, въ Гессенѣ — для водныхъ и мелліоративныхъ товариществъ. Единственная страна въ Германіи, въ которой произведены значительныя улучшенія на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, это Ольденбургъ; причина весьма ясная: законъ 1855 года разрѣшаетъ и частнымъ владѣльцамъ заключать займы безъ разрѣшенія ипотечныхъ кредиторовъ для осушенія и устройства плотинъ, если только планъ работы утвержденъ правительствомъ. Это обстоятельство привело къ тому, что землевладѣльцы не встрѣчаютъ затрудненій въ пріисканіи капиталовъ: вдовьи, сиротскія кассы, сберегательныя кассы охотно выдаютъ имъ деньги на улучшенія. Въ Англіи принципъ пріоритета мелліоративныхъ взносовъ установленъ еще въ сороковыхъ годахъ. Во Франціи Наполеонъ I закономъ 1807 года предоставляетъ мелліоративной рентѣ преимущество предъ раньше возникшими долгами; право это, впрочемъ, не безграничное, а опредѣляется только приращеніемъ, возникшимъ отъ мелліораціи. Въ 1856 г. Наполеонъ III установилъ абсолютный пріоритетъ для дренажныхъ работъ. Въ Италіи, по закону 23 мая 1887 г. и 28 іюля 1888 г., преимущественное право распространяется на ту часть мелліораціи, которая осталась въ моментъ принудительнаго отчужденія имѣнія. Въ Венгріи, по закону 1889 г., мелліоративные платежи приравниваются налогамъ и пользуются старшинствомъ взысканія предъ всѣми ипотечными долгами.

И такъ, мы видимъ, что нѣкоторыя страны установили безграничное право старшинства платежей, вытекающихъ изъ мелліораціи. Этотъ принципъ строго проведенъ въ Англіи, въ Венгріи, въ Ольденбургѣ, въ австрійскомъ и германскомъ законодательствѣ о мелліоративныхъ товариществахъ. Въ этихъ странахъ мелліоративный кредитъ получилъ самое блестящее развитіе. Въ другихъ странахъ нѣтъ такого твердаго принципа; именно во Франціи и Италіи пріоритетъ установленъ не абсолютно, а лишь по отношенію къ приращенію стоимости земли. Правда, установленіе безусловнаго пріоритета опасно въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя мелліораціи могутъ не удасться и въ результатѣ наложатъ только новое бремя на землевладѣльца къ прямому ущербу ипотечнаго кредитора, но предупреждать подобныя послѣдствія нетрудно: стоитъ только приступать къ такимъ мелліораціямъ, успѣхъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Если планъ работъ утвержденъ правительствомъ, если она производится подъ наблюденіе правительственныхъ инженеровъ и техниковъ и предпринимаются только особенно производительныя улучшенія, если приняты мѣры къ поддержанію мелліораціи, — тогда нѣтъ опасности устанавливать старшинство для мелліоративной ренты особенно по отношенію къ наиболѣе производительнымъ мелліораціямъ и къ работамъ, производимымъ товариществами обществен

принудительнаго характера. По крайней мѣрѣ, примѣръ Англiи и другихъ странъ не далъ повода сожалѣть о томъ, что законодательство поставило мелiорацiи подъ свое особое покровительство.

Въ этомъ спецiальномъ покровительствѣ платежей, падающихъ на землевладѣльцевъ за произведенныя на ихъ земляхъ улучшенiя, заключается одно изъ основныхъ требованiй для правильной организацiи и успѣшнаго развитiя мелiоративнаго кредита.

III.

Разсмотрѣвъ въ первыхъ двухъ главахъ успѣхи мелiоративныхъ предпрiятiй и нѣкоторыя изъ условiй, признанныхъ законодательствами необходимыми для развитiя мелiорацiи, перейдемъ къ разсмотрѣнiю источника, изъ котораго добываются средства для производства земельныхъ улучшенiй.

Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло это находится въ рукахъ акцiонерныхъ компанiй; онѣ принимаютъ на свой рискъ оросительныя и осушительныя работы, дѣлаютъ огромныя затраты изъ своихъ средствъ и потомъ берутъ на себя проведенiе воды къ полямъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, взимая за это, кромѣ единовременной платы, еще ежегодные платежи за опредѣленное количество воды. Тамъ нѣтъ недостатка въ капиталахъ, какъ бы много ихъ ни требовалось; десятки милiоновъ находятъ себѣ помѣщенiе въ ирригацiонныхъ предпрiятiяхъ, если только такимъ путемъ можно возвысить доходность земель и ихъ стоимость. Землевладѣльцу незачѣмъ думать о кредитѣ для мелiорацiй,—это составляетъ предметъ заботъ акцiонерныхъ компанiй,—и если въ Калифорнiи явились протесты противъ этой формы, то исключительно въ виду желанiя связать собственность на землю съ правомъ на воду путемъ передачи всѣхъ ирригацiонныхъ предпрiятiй, соединеннымъ въ товарищества землевладѣльцамъ. Въ послѣднемъ случаѣ товарищества дѣлаютъ то же самое, что дѣлаютъ акцiонерныя компанiи, т.-е. выпускаютъ займы на сумму предстоящихъ затратъ. Вообще, Соединенные Штаты, съ своимъ обилiемъ свободныхъ, ищущихъ помѣщенiя капиталовъ, съ своею предпрiимчивостью, занимаютъ совершенно исключительное положенiе. Для насъ гораздо интереснѣе познакомиться съ западноевропейскими странами, въ которыхъ, за отсутствiемъ частной предпрiимчивости, явилась необходимость въ организацiи мелiоративнаго кредита и въ которыхъ практика выработала пріемы, необходимые для развитiя мелiорацiй.

Во Францiи, собственно говоря, до сихъ поръ нѣтъ организованнаго ліоративнаго кредита, несмотря на то, что правительство всегда сочувювало улучшенiю хозяйства. Въ виду отсутствiя спецiальныхъ кредитъ учрежденiй во Францiи выработалась особая организацiя для работъ, имающихъ обширный районъ, а именно учреждаются особыя товарище- заинтересованныхъ землевладѣльцевъ или акцiонерныя компанiи. Они зуются правомъ выпуска бумагъ каждый разъ съ разрѣшенiя прави-

тельства, получаютъ субсидію отъ правительства, департаментовъ, общинъ и городовъ. Правительство не отказываетъ въ субсидіяхъ, когда предпринимаются работы, имѣющія значеніе для сельскаго хозяйства. Въ 50-хъ годахъ возникло предположеніе организовать кредитъ для дренажа при посредствѣ Crédit foncier, но выпускъ дренажныхъ займовъ не удался (предполагалось сдѣлать нѣсколько послѣдовательныхъ выпусковъ по 100 милл. франковъ), хотя Наполеонъ III очень увлекался примѣромъ Англіи, съ которымъ онъ познакомился на мѣстѣ. Такъ же неудачно окончилась попытка организовать кредитъ при посредствѣ Crédit agricole, кредитнаго учрежденія, основаннаго банкиромъ Субейраномъ; этотъ банкъ увлекся египетскими фондами и вынужденъ былъ прекратить свое существованіе. Въ настоящее время Crédit foncier выдаетъ ссуды для мелioративныхъ цѣлей только синдикатамъ, департаментамъ и общинамъ; учрежденій же, которыя открывали бы кредитъ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ или товариществамъ, во Франціи въ настоящее время не существуетъ. Къ тому же, законодательство о товариществахъ очень слабо было развито, и только по закону 1865 г., дополненному въ 1888 г., для нѣкоторыхъ работъ установленъ принципъ принудительнаго участія.

Въ Англіи правительство взяло на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи мелioративнаго кредита. Въ 1846 году правительство открыло изъ государственныхъ средствъ кредитъ въ размѣрѣ 2 милл. ф. для Англіи и 1 милл. ф. для Ирландіи для выдачи ссудъ на улучшеніе хозяйства, преимущественно для дренажныхъ работъ, отдѣльнымъ лицамъ и товариществамъ. Впослѣдствіи для этой цѣли было ассигновано еще 3 милл. и 2 милл. ф., такъ что общая сумма правительственнаго кредита была доведена до 8 милл. фунтовъ.

По свѣдѣніямъ, приведеннымъ у Нассе *), сумма открытаго отъ 1846 по 1881 годъ правительствомъ и компаніями кредита опредѣляется въ 13.597,620 фунтовъ. Сумма эта израсходована на слѣдующія улучшенія:

на дренаж. хозяйства. .	8.259,404
на постройки	3.397,133
жилища для рабочихъ. .	823,190
укрѣпленіе береговъ . .	192,830
пути сообщенія	124,202
огораживаніе	237,846

Въ 1891 году, по Louis Durand **), правительственный кредитъ опредѣляется уже въ 8 милл. ф., кредитъ компаній также въ 8 милл. и кредитъ частныхъ лицъ около ½ милл., такъ что кредитъ для мелioративныхъ цѣлей достигаетъ 16½ милл. фунтовъ или 170 милл. рублей.

Когда выяснилось, что мелioраціи, совершенныя на счетъ открытаго правительствомъ кредита, съ избыткомъ окупаютъ затраты на уплату п

*) *E. Nasse*: „Agrarische Zustände in England“. Leipzig, 1884.

**) *Louis Durand*: „Le crédit agricole“. Paris, 1891.

центовъ и погашеніе, въ Англіи стали возникать строительныя и мелліоративныя акціонерныя общества, поставившія своею задачей открывать для улучшеній кредитъ на такихъ же условіяхъ, на которыхъ его открывало государство. Не располагая собственнымъ значительнымъ капиталомъ, общества продаютъ свое право на полученіе опредѣленнаго дохода, соотвѣтствующаго расходамъ на улучшеніе, переуступаютъ свое право капиталистамъ, банкамъ, страховымъ обществамъ или сберегательнымъ кассамъ, возвращаютъ себѣ свои затраты съ присоединеніемъ утвержденнаго комиссарами вознагражденія и получаютъ, такимъ образомъ, возможность снова приступить къ работамъ. Судя по имѣющимся у насъ проспектамъ General Land Drainage and Improvement Company, въ которыхъ изложены условія выдачи ссудъ, при выдачѣ ссудъ на 31 годъ взимается при ссудахъ до 500 фунтовъ 6 ф. 7 шилл. 7 пенс. (роста 5%), при ссудахъ сверхъ 500 фунт. 5 ф. 13 шилл. 2 п. (роста 4%). Работы дѣлятся на два разряда: по первому собственникъ самъ выполняетъ на свой счетъ работы, а по утвержденіи ихъ Board of Agriculture и установленіи ренты компанія выплачиваетъ собственнику его расходы. По второму разряду всѣ работы выполняетъ компанія. Нѣкоторыя общества выдаютъ ссуды не только для земледѣльческихъ улучшеній, но и для санитарныхъ цѣлей и улучшенія общественныхъ зданій въ городахъ. Такъ, изъ правилъ для выдачи ссудъ, изданныхъ въ декабрѣ 1890 г. Land Improvement Company, видно, что компанія строитъ также рынки, доки, мостовыя и проч. При ссудахъ на 25 лѣтъ взимается при ссудѣ до 200 ф. 6 ф. 12 шилл. 4 п., до 500 ф. 6 ф. 10 шил. 8 п., свыше 500 ф. 6 ф. 7 шилл. 4 п. The Improvement of landestates принимаетъ на себя даже такія работы, какъ конки, водопроводы и проч.; сроки и условія тѣ же.

Въ Австріи и Венгріи мелліоративный кредитъ входитъ въ кругъ обычныхъ операцій земельныхъ банковъ. Въ уставахъ Oesterreiche Bodencreditanstalt, Ungarische Hypothekenbank, Ungarisches Bodencreditinstitut и другихъ банковъ въ кругъ операцій входитъ выдача ссудъ не только муниципіямъ, городамъ, общинамъ и юридическимъ лицамъ, имѣющимъ право заключать займы, но и предпріятіямъ или обществамъ, которыя имѣютъ своею цѣлью улучшеніе земли, постройку и эксплуатацію водныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія, выполненіе различныхъ сооруженій; имъ выдаются ссуды, обезпеченныя залогомъ или ипотекой, или же съ гарантіей общинъ. Обезпеченіемъ въ такихъ случаяхъ служатъ налоги и общіе доходы общины, гарантирующей заемъ (п. 3 и 4 ст. устава Ungarische Hypothekenbank). Весьма развита эта операція въ Ungarisches Bodencreditinstitut *),—обществѣ, основанномъ на круговой порукѣ. Кромѣ ипотечнаго кредита, оно поставило своею задачей развитіе мелліоративнаго кредита и отдаетъ послѣдняго рода кредитъ преимущественно товариществамъ. Въ случаѣ несвоевременной уплаты причитающихся взносовъ, общество можетъ

*) *Statuten des Ungarischen Bodenkreditinstutes.* Budapest, 1890.

требовать удовлетворенія не только отъ заложенной ипотечнымъ порядкомъ земли, но отъ всякаго движимаго или недвижимаго имущества должника. Для насъ представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, законъ 30 іюля 1889 г. о ссудахъ для регулированія потоковъ и меліорацій (Wasserregulirungs und Amelioratiousanlehen). Ссуда водному товариществу не должна превышать двѣнадцатикратнаго чистаго дохода, опредѣленнаго по кадастру. Если этой ссуды будетъ недостаточно, она можетъ быть возвышена до 50% спеціальной оцѣнки земли, входящей въ водный районъ товарищества (Inundationsterrains). Въ оцѣнкѣ могутъ принимать участіе какъ представители правительства, такъ и товарищества, но имъ не предоставлено право вліять на оцѣнку или ограничивать ее. Въ случаѣ продажи имѣнія, меліоративная рента переходитъ на покупателя, а недоимки за три года пользуются старшинствомъ, т.-е. обществу даровано то, чѣмъ пользуются въ Германіи государственные банки для меліоративнаго кредита. Тотъ же порядокъ примѣняется при взысканіи; рента приравнена прямымъ налогамъ и при желаніи банка или общества, получившаго ссуду изъ банка, платежи поступаютъ чрезъ посредство министра финансовъ. Если же взысканіе недоимокъ замедляется или сопряжено съ затрудненіями, министерство финансовъ выплачиваетъ банку причитающіеся взносы изъ государственныхъ средствъ, а потомъ обращаетъ взысканіе на получившихъ ссуду заемщиковъ. Поэтому меліоративная рента ни въ какомъ случаѣ не погибаетъ, какъ не погибаютъ государственные налоги. До погашенія ссуды установленъ правительственный контроль; правительственные инженеры и чиновники провѣряютъ планъ работъ, а министерство земледѣлія обязано принять мѣры къ тому, чтобы ссуда была употреблена для предназначенной цѣли; въ этихъ видахъ работа выполняется подъ наблюденіемъ культуръ-инженеровъ и деньги выдаются частями по мѣрѣ исполненія работъ. Средства для выдачи ссудъ общество получаетъ посредствомъ выпуска особыхъ закладныхъ меліоративныхъ листовъ. Въ первый же годъ, въ 1890 г., воспользовались кредитомъ десять товариществъ для регулированія воды на 14.115,000 флор.; для этого выпущены 4% листы, которыми и были выданы меліоративныя ссуды.

Наибольшій интересъ въ вопросѣ объ организаціи меліоративнаго кредита, безъ сомнѣнія, представляетъ Германія, гдѣ для этой цѣли созданы спеціальныя кредитныя учрежденія. Мы не станемъ приводить тѣхъ многочисленныхъ учрежденій, которыя, преслѣдуя совершенно другія задачи, удѣляютъ часть своихъ средствъ на меліоративный кредитъ; объ этихъ учрежденіяхъ, къ числу которыхъ мы относимъ страховыя общества, сберегательныя кассы, государственные провинціальные земельные банки, банки мелкаго сельскаго кредита, мы имѣли уже случай говорить. Въ настоящей статьѣ мы упомянемъ лишь о тѣхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ, которыя издавна имѣли цѣлью поддержаніе и развитіе общеполезныхъ работъ, имѣющихъ значеніе для сельскаго хозяйства *), и о банкахъ, основанныхъ исключительно для выдачи меліоративныхъ ссудъ.

*) *F. Frank*: „Gesetze, betreffend Wasserrecht und Wasserpolizei im Preu

Помощь сельскому хозяйству оказывается въ Германiи въ трехъ видахъ. Во-первыхъ, правительство приходитъ на помощь мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ наводненiя, посредствомъ выдачи субсидiй для устройства плотинъ и устраненiя бѣдствiй, причиненныхъ разрушительною силой воды. Въ такихъ случаяхъ издаются спецiальныя постановленiя и ассигнуются опредѣленныя суммы. Во-вторыхъ, государственное и провинцiальное управленiе получаетъ опредѣленныя суммы по бюджету для содѣйствiя земледѣлiю. Наконецъ, въ-третьихъ, для этой же цѣли созданы особыя кредитныя учрежденiя.

Приведемъ нѣсколько случаевъ, когда правительство въ Пруссiи приходило на помощь населенiю. Въ 1872 г. для устраненiя бѣдствiй, вызванныхъ бурею у береговъ Сѣвернаго моря, и для устройства плотинъ и защиты береговъ въ Поммеранiи и Шлезвигъ-Голштейнѣ было ассигновано 7½ милл. марокъ; часть этой суммы выдана безвозвратно, другая—въ видѣ ссуды. Въ 1881 году правительству открытъ кредитъ въ 16 милл. марокъ, большая часть которыхъ предназначалась для работы по орошенiю и осушенiю, по регулированiю потоковъ въ округѣ Оппельнъ. Капиталъ этотъ выданъ былъ преимущественно для ссудъ водянымъ и мелiоративнымъ товариществамъ, организованнымъ согласно закону 1 апрѣля 1879 года о публичныхъ товариществахъ; часть его была употреблена на разверстанiе угодiй и на регулированiе верхняго теченiя Одера и Ользы. Въ началѣ 1883 года было ассигновано 3 милл. марокъ для устраненiя бѣдствiй, причиненныхъ сельскому хозяйству разливомъ Рейна осенью 1882 года; изъ этой суммы 1.200,000 м. выдано безвозвратно, а остальные 1.800,000 м. въ видѣ ссуды для исправленiя плотинъ и защиты береговъ. Въ 1888 году было снова ассигновано 34 милл. марокъ для устраненiя бѣдствiй, причиненныхъ весеннимъ наводненiемъ въ 1888 г.; при этомъ имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, помочь общинамъ исправить и возстановить водныя сооруженiя.

Болѣе правильную помощь оказываютъ въ Пруссiи провинцiальные союзы. Съ 1868 года изъ бюджетныхъ средствъ ассигнуется ежегодно 1½ милл. марокъ для провинцiальныхъ союзовъ Ганновера, а съ 1873 года другимъ провинцiямъ ежегодно ассигновано изъ бюджета 6 милл. марокъ; въ 1875 году сумма эта увеличена до 13.440,000 марокъ, которые распредѣляются между провинцiальными союзами прусскихъ провинцiй для различныхъ цѣлей, а также для мелiорацiй, которыя не распространяются за предѣлы провинцiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, провинцiальнымъ союзамъ были переданы 7½ милл. марокъ, назначенные въ 1847 году для у[illegible]ежденiя провинцiальныхъ вспомогательныхъ кассъ въ 8 старыхъ про-

---

s[illegible]en Staate". Breslau, 1888. *Arnold Niederding's*: „Wasserrecht und Wasserpolizei und F[illegible]nischen Staate von F. Frank". Breslau, 1889. Въ первой книгѣ приведенъ текстъ з[illegible]оновъ, во второй—систематически изложено законодательство. *D-r Walter Schiff*: „[illegible]r Frage der Organisation des Landes-Kredites in Deutschland u. Oesterreich". L[illegible]pzig, 1892.

винціяхъ. Наконецъ, имъ же переданы были меліоративные фонды отдѣльныхъ провинцій. Въ Пруссіи въ чрезвычайный бюджетъ министерства земледѣлія ежегодно вносится сумма, какъ свободный фондъ для меліорацій. Отъ 1850 до 1867 г. сумма эта возвысилась отъ 150,000 м. до 750,000 м., отъ 1870 до 1875 г. она возвысилась отъ 859,350 м. до 3.224,850 м. Съ 1864 г. часть ея вносится въ ординарный бюджетъ въ суммѣ 750,000 м. въ годъ. Къ концу 1875 года изъ этого фонда выданы были ссуды на сумму свыше 9 милл. марокъ; сумма эта числилась долгомъ за землевладѣльцами и меліоративными товариществами. Съ 1875 г. капиталы эти перешли въ распоряженіе провинціальныхъ союзовъ. При выдачѣ субсидій и ссудъ изъ провинціальныхъ средствъ или изъ суммы, вносимой ежегодно въ бюджетъ министерства земледѣлія, особенное вниманіе удѣляется сельскимъ общинамъ, округамъ и товариществамъ для орошенія и осушенія, плотиннымъ союзамъ и воднымъ товариществамъ.

Правда, суммы, которыми располагаютъ провинціальные союзы, не велики и только часть ихъ предназначается на меліораціи, но эта помощь сельскому хозяйству достойна упоминанія на ряду съ другими видами помощи.

Благодаря особенному покровительству воднымъ и меліоративнымъ товариществамъ принудительнаго характера, нѣкоторые акціонерные банки выразили готовность послѣ изданія закона 1 апрѣля 1879 года, регулирующаго положеніе товариществъ и отождествляющаго платежи по меліоративнымъ товарищескимъ займамъ прямымъ налогамъ, дарующаго меліоративнымъ ссудамъ старшинство предъ ипотечными, раньше совершенными займами, открыть кредитъ общинамъ и товариществамъ для меліоративныхъ цѣлей. Въ 1886 году прусское центральное акціонерное общество поземельнаго кредита, самый крупный изъ прусскихъ земельныхъ банковъ, обратилось къ министру земледѣлія съ предложеніемъ познакомить меліоративныя товарищества съ условіями, на которыхъ имъ можетъ быть открытъ кредитъ изъ банка. Министерство признало эти условія настолько выгодными, что сочло необходимымъ обратить вниманіе общинъ и товариществъ на это кредитное учрежденіе. Банкъ взимаетъ по ссудамъ общинамъ, союзамъ и товариществамъ, пользующимся правомъ обложенія и правомъ заключать займы, на ростъ не болѣе 3½% (государственный кредитъ нѣсколько дороже) и погашеніе, соотвѣтственно сроку займа; сверхъ того, банкъ взимаетъ на покрытіе расходовъ по управленію ⅛% въ годъ. Для покрытія потери на курсѣ вслѣдствіе реализація 3½% облигацій ниже нарицательной цѣны банкъ отодвигаетъ погашеніе на шесть лѣтъ и по ссудамъ, выданнымъ въ 1892 г., погашеніе начинается съ 1898 г. (циркул ъ банка отъ мая 1892 г.). Банкъ выдалъ такихъ ссудъ на сумму свыше 0 милл. марокъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ вида, что операція а не даетъ банку никакого барыша. Какъ намъ объяснялъ президентъ эт о банка, такого рода ссуды не покрываютъ даже всѣхъ расходовъ, но ъ стараются развивать въ виду полной ихъ обезпеченности и благодѣт -

наго значенія ихъ для крестьянскаго населенія. Нѣкоторое развитіе получила эта операція и въ другихъ земельныхъ банкахъ, причемъ большинство изъ нихъ смотритъ на такого рода сдѣлки какъ на средство поднять хозяйство крестьянскаго населенія. Такой же взглядъ на мелиоративныя ссуды общинамъ и товариществамъ установился и на югѣ Германіи. Д-ръ Феликсъ Гехтъ, директоръ рейнскаго и пфальцскаго банковъ, смотритъ на такого рода ссуды точно такъ, какъ президентъ центральнаго банка; онъ думаетъ, что банки идутъ на встрѣчу правительству и открываютъ дешевый кредитъ въ виду общеполезнаго характера предпринимаемыхъ на занятыя деньги работъ.

Перейдемъ теперь къ рентнымъ банкамъ для культуры земель. Первый банкъ былъ основанъ въ Саксоніи *) еще въ 1861 году, восемнадцатью годами раньше изданія прусскаго закона 1 апрѣля 1879 г. о товариществахъ и 13 мая того же года о рентныхъ банкахъ. Саксонскій банкъ основанъ для содѣйствія къ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя положены въ основу закона 15 августа 1855 года объ исправленіи теченія потоковъ и устройствѣ сооруженій для орошенія и осушенія; благія цѣли закона не могли быть осуществлены за отсутствіемъ кредита. Точно такъ, какъ послѣ изданія закона 17 марта 1832 г. о выкупѣ барщинныхъ повинностей явилась необходимость въ банкахъ для выкупной операціи и съ этою цѣлью былъ основанъ Landrentenbank, выдававшій выкупную сумму рентными $3^1/_2\%$ свидѣтельствами, погашаемыми въ 55-ти лѣтній періодъ, точно такъ нельзя было разсчитывать на успѣхъ мелиорацій и на развитіе мелиоративныхъ товариществъ, пока не будетъ открытъ мелиоративный кредитъ при посредствѣ Landeskulturrentenbank'a. По закону 26 ноября 1861 года, банкъ первоначально выдавалъ ссуды для исправленія водныхъ потоковъ товариществамъ и для сельско-хозяйственныхъ работъ по орошенію и осушенію, потомъ по закону 1 іюля 1872 г. дѣятельность банка распространена на осушительныя работы, имѣющія публичный интересъ, и на устройство дорогъ.

Банкъ выпускаетъ 4% рентныя свидѣтельства и взимаетъ по ссудамъ ренту въ размѣрѣ 5%, раздѣленную на четыре части и погашаемую въ 41 годъ. При выдачѣ ссудъ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ необходимо согласіе ипотечныхъ кредиторовъ, при выдачѣ же ссудъ товариществамъ для исправленія теченія потоковъ, осушенія или устройства дорогъ такое согласіе кредиторовъ не представляется необходимымъ. Платежи банку, ренты, приравниваются поземельному налогу и подчиняются тому же порядку ысканія, а именно, при продажѣ имѣнія съ торговъ, удовлетвореніе кроторовъ совершается слѣдующимъ образомъ: прежде всего, покрываются

*) *G. Frassinet*: „Landwirtschaftliche Meliorationen und Wasserwirthschaft". esden, 1890. *G. Schober*: „Die Landeskultur-Rentenbanken in Preussen, Sachsen u. ssen". Berlin, 1887. *D-r K. C. Leuthold*: „Das Wasserrecht im Königreich Sachsen". ipzig, 1892. *Richard Kraft*: „Das Meliorationswesen in Sachsen. Metteilungen der konomischen Gesellschaft im Königreich Sachsen 1883—1884". Dresden, 1884.

судебныя издержки, потомъ недоимки въ налогахъ и страховая недоимка, за ними Landrenten и Landerkulturrenten за послѣдніе три года до торговъ. Если на покрытіе всѣхъ недоимокъ не хватаетъ средствъ, удовлетвореніе производится въ пропорціональныхъ доляхъ. Для болѣе успѣшной дѣятельности банкъ пользуется слѣдующими учрежденіями: при выдачѣ ссудъ для меліорацій ходатайства о назначеніи ссудъ разсматриваются особымъ управленіемъ въ Дрезденѣ (Kreishauptmannschaft), являющимся въ качествѣ генеральной коммиссіи для разверстанія угодій и выкупа барщинныхъ повинностей (für Ablösungen и Gemeinheitstheilungen); при выдачѣ ссудъ товариществамъ для регулированія водныхъ потоковъ на помощь приходятъ особые, назначенные для этой цѣли коммисары; при ссудахъ на осушеніе и устройство дорогъ являются Kreishauptmannschaften. Послѣдняго рода ссуды выдаются не иначе, какъ при участіи общинныхъ управленій и за ихъ отвѣтственностью. Ссуды выдаются по предварительномъ разсмотрѣніи вышеозначенными учрежденіями плановъ работъ; генеральная коммиссія должна предварительно удостовѣриться, приведетъ ли проектируемая работа къ увеличенію доходности и можетъ ли заемъ считаться обезпеченнымъ.

Привлекая общинное управленіе къ разсмотрѣнію проектовъ меліорацій, законъ имѣетъ въ виду предупредить злоупотребленіе банкомъ. Ссуды выдаются изъ банка вышепоименованнымъ учрежденіямъ или общиннымъ управленіямъ для передачи по назначенію, причемъ при выполненіи крупныхъ работъ деньги выдаются частями по мѣрѣ исполненія работъ. Что касается результатовъ дѣятельности банка, то въ періодъ отъ 1862 по 1885 г. было выдано для осушенія 23,368 гект. 6.925,527 марокъ, для обводненія 1,246 гект. — 998,951 мар., для исправленія теченія потоковъ товариществами — 784,637 мар. и для осушенія мѣстности и устройства дорогъ — 1.973,368 мар., а всего 10.682,485 мар. Въ періодъ отъ 1880 до 1885 г. ежегодно при посредствѣ банка выполнялось въ среднемъ 89 работъ, средняя затрата на каждую меліорацію—6,107 мар., для осушенія каждаго гектара затрачено 300 мар., для орошенія 758 мар.

При изданіи закона 13 мая 1879 г. о рентныхъ банкахъ для культуры земель имѣлось въ виду создать для другихъ провинцій такіе же банки, какой существовалъ въ Саксоніи съ 1861 года. Банки учреждаются провинціальными союзами или правительствомъ. Что касается средствъ банковъ, то имъ предоставлено право выпуска бумагъ на предъявителя, рентныхъ свидѣтельствъ въ суммѣ выданныхъ ссудъ. Банкамъ предоставлена чрезвычайно важная привилегія, заключающаяся въ отождес леніи платежей налогамъ. При оцѣнкѣ принимается во вниманіе стоимость имѣнія, которая будетъ результатомъ меліораціи. Ссуды бе ипотечнаго обезпеченія выдаются: городскимъ и сельскимъ общинамъ, пу личнымъ воднымъ товариществамъ, основаннымъ согласно закону 1 апр ля 1879 года, плотиннымъ товариществамъ, обладающимъ корпорати

ными правами и имѣющимъ утвержденный правительствомъ уставъ, товариществамъ для защиты и устройства лѣсовъ, организованныхъ согласно закону 6 іюля 1875 г. Въ другихъ случаяхъ ссуды обезпечиваются запрещеніемъ, налагаемымъ на недвижимость. При выдачѣ ссудъ общинамъ и товариществамъ банкъ можетъ дѣйствовать совмѣстно съ провинціальными союзами. Послѣдніе не располагаютъ большими средствами, но они могутъ затрачивать часть своихъ средствъ и часть провинціальныхъ меліоративныхъ фондовъ безвозвратно въ видѣ субсидій по уплатѣ рентъ банку въ теченіе первыхъ лѣтъ или всего періода займа. Въ такихъ случаяхъ капиталы выдаются банкомъ, платежи же вносятся провинціальными союзами изъ средствъ, которыми они располагаютъ à fonds perdu. При изданіи закона правительство не рѣшилось отступить отъ дѣйствующаго законодательства и допустило старшинство предъ ипотечными долгами только при ссудахъ общинамъ и принудительнымъ товариществамъ, при ссудахъ же частнымъ лицамъ соблюдается порядокъ, существующій для ипотечныхъ кредиторовъ. Даже при дренажныхъ займахъ законъ допускаетъ возраженія со стороны ипотечныхъ кредиторовъ и ссуда подъ заложенное имѣніе выдается только тогда, когда не послѣдуетъ съ ихъ стороны протеста.

Не будемъ утруждать вниманія читателей дальнѣйшимъ изложеніемъ уставовъ отдѣльныхъ банковъ. Всѣ они построены на тѣхъ же началахъ и различіе между ними слишкомъ незначительно, чтобы стоило на нихъ останавливаться. Въ Баваріи такой банкъ находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Гессенѣ, въ вѣдѣніи коммиссіи государственныхъ долговъ, въ Силезіи въ вѣдѣніи силезскаго провинціальнаго союза и т. д. Такіе банки основаны еще въ Пруссіи, Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Познани.

Какъ видно изъ приведеннаго, рентные банки разсчитаны, главнымъ образомъ, на товарищескія предпріятія или улучшенія, затрогивающія интересы цѣлой общины; только для нихъ признано возможнымъ отступить отъ основного требованія ипотечнаго права—отъ старшинства взысканій. Что касается результатовъ дѣятельности рентныхъ банковъ, то они прекрасно доказали, какъ трудно получить благопріятные результаты при существованіи принципа старшинства взысканій. Опытъ доказалъ, что на земляхъ частныхъ владѣльцевъ учучшеній произведено очень мало, такъ какъ отъ нихъ требуютъ представленія уступки преимущественнаго права со стороны ипотечныхъ кредиторовъ. Напротивъ, товарищескія предпріятія развиваются весьма успѣшно, и если сумма выданныхъ рентными банками ссудъ не очень ика, то это объясняется отчасти тѣмъ, что товарищества общественно-инудительнаго характера легко могутъ пользоваться кредитомъ и безъ итныхъ банковъ.

Въ настоящей статьѣ мы познакомили съ различными видами содѣйія государства сельскому хозяйству, указали, какія огромныя суммы рачиваются ежегодно на субсидіи общеполезнымъ предпріятіямъ, какъ

организованъ кредитъ для мелiоративныхъ цѣлей, какъ заботливо относятся правительства къ разработкѣ законодательства о водныхъ и мелiоративныхъ товариществахъ и какiя преимущества установлены для займовъ, вызванныхъ затратами на осушенiе, орошенiе и другiя улучшенiя. Мы сочли тѣмъ болѣе своевременнымъ познакомить съ этими фактами изъ практики другихъ странъ, что вопросъ объ организацiи мелiоративнаго кредита стоитъ у насъ на очереди и въ скоромъ времени долженъ получить практическое осуществленiе.

М. Герценштейнъ.

Юбилей великой книги *).

Въ числѣ любопытныхъ мыслей Жанъ-Поля есть такая: истина требуетъ ста лѣтъ, чтобы быть понятой, и еще ста лѣтъ, чтобы быть проведенной въ жизнь.

Многіе, быть можетъ, не согласны съ этою мыслью и найдутъ ее преувеличеніемъ. Въ интересахъ безпристрастія слѣдовало бы, мнѣ кажется, провѣрить на фактахъ справедливость ея.

Кстати, у насъ есть и достаточно уважительный поводъ для такой работы: въ настоящемъ году миновало именно двѣсти лѣтъ со дня появленія знаменитой книги Джона Локка о воспитаніи.

Было бы весьма не безъинтересно разсмотрѣть, много ли мы двинулись впередъ въ области воспитанія за два столѣтія, протекшія со времени выхода въ свѣтъ педагогическаго трактата, принадлежащаго великому англійскому философу. Можно ли, положа руку на сердце, со всею справедливостью и безпристрастіемъ сказать, что истины, провозглашенныя этимъ мыслителемъ, въ наше время уже проведены въ жизнь и пользуются полнымъ примѣненіемъ въ приктикѣ?

Прежде всего, обратимъ вниманіе на основное положеніе всего трактата,—положеніе, которое для той эпохи, когда жилъ Локкъ, было неслыханною новостью, а для нашего времени оно относится къ одному изъ самыхъ свѣжихъ и, такъ сказать, животрепещущихъ вопросовъ дня. Его книга начинается словами: «Здравый духъ въ здравомъ тѣлѣ». Совмѣщая въ себѣ два спеціальныхъ вѣдѣнія,—будучи хорошимъ и уважаемымъ врачомъ и въ то же время педагогомъ, воспитавшимъ въ семействѣ Щефтсбюри представителей цѣлыхъ двухъ поколѣній,—Локкъ прекрасно понималъ и внушалъ читателямъ, что ни одною изъ этихъ двухъ сторонъ человѣческаго существа,—физической и духовной,—пренебрегать не слѣдуетъ. По словамъ, человѣку, желающему играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ, высшей степени потребенъ сильный организмъ, способный переносить

*) Читано въ публичномъ засѣданіи учебнаго отдѣла общества распространенія ническихъ знаній въ Москвѣ.

невзгоды и усталость. Онъ возмущается тѣмъ, что въ культурномъ классѣ общества большинство дѣтскихъ натуръ или портится, или, по крайней мѣрѣ, терпитъ вредъ отъ баловства и изнѣживанія. И онъ совѣтовалъ вести дѣтей такъ, какъ это дѣлаютъ «честные фермеры и зажиточные поселяне», которые дѣйствуютъ въ духѣ того принципа, что «наше тѣло можетъ переносить все, къ чему пріучатъ его съ самаго начала».

Всѣ правила физическаго воспитанія, предлагаемыя Локкомъ, можно назвать словомъ, которое теперь такъ употребительно въ устахъ врачей, именно: «закаливаніе». Все дѣло здѣсь заключается въ сообщеніи ребенку полезныхъ привычекъ: выносливости по отношенію къ теплу и холоду, перемѣнѣ погоды и т. п. Эти привычки должны вкореняться постепенно и систематически.

Я не буду распространяться о различныхъ подробностяхъ, которыми переполненъ тотъ отдѣлъ, гдѣ говорится объ уходѣ за тѣломъ. Читая ихъ, иногда кажется, будто имѣешь дѣло съ просвѣщеннымъ человѣкомъ нашего времени. Для примѣра, укажу на одинъ изъ вопросовъ, который только въ послѣдніе дни стали затрогивать авторы сочиненій по дѣтской гигіенѣ. Вопросъ этотъ относится къ роли плаванія, которому, какъ орудію физическаго воспитанія, Локкъ придаетъ большое значеніе. «Плаваніе спасетъ жизнь многимъ людямъ,—говоритъ онъ,—и римляне считали его столь необходимымъ, что ставили на ряду съ науками; обычною фразой у нихъ для обозначенія дурно воспитаннаго и ни на что негоднаго человѣка было, что онъ не выучился ни читать, ни плавать: Nec litteras didicit, nec natare». Къ сожалѣнію, даже теперь рѣдко гдѣ въ Европѣ приходится видѣть со стороны педагоговъ надлежащее вниманіе къ этому способу укрѣпленія силъ и здоровья дѣтей. Чтобы покончить съ вопросомъ о физическомъ воспитаніи, укажу на одно изъ правилъ, на которыхъ такъ энергически настаиваетъ нашъ авторъ. Правило это, къ великому нашему смущенію, невольно наводитъ на грустныя сравненія того, что есть, съ тѣмъ, что быть должно. Это правило не многословно, но за то слишкомъ многозначительно: *слѣдуетъ быть какъ можно болѣе на чистомъ воздухѣ.* При этомъ авторъ, какъ англичанинъ, конечно, стоитъ за подвижныя игры.

Къ великимъ послѣдствіямъ привели эти мысли Локка. Дѣло въ томъ, что въ его время царилъ аскетическій взглядъ на воспитаніе, и тѣло было въ полномъ пренебреженіи у тогдашнихъ педагоговъ. Локкъ первый съ компетентностью врача и педагога громко поднялъ вопросъ объ уходѣ за физическимъ здоровьемъ, какъ необходимомъ условіи для духовной крѣпости человѣка. Идею Локка повторилъ, добросовѣстно ссылаясь на него, и Руссо въ своемъ *Эмилѣ*. Съ тѣхъ поръ ученіе англійскаго мыслителя создало эпоху. Оно внесло въ наши воззрѣнія и привычки новое плодотворное начало не только въ дѣлѣ воспитанія, но и во всѣхъ областяхъ жизни. За воспитателями быстро послѣдовали врачи, и вотъ въ 1796 года явилась знаменитая книга Гуфеланда *Макробіотика или искусство продлить жизнь*. Посредствомъ этой книги Гуфеландъ сталъ отцомъ новой науки—

гигіены. Благодарное человѣчество не должно, однако, забывать, что Локкъ былъ въ развитіи этой науки славнымъ предшественникомъ Гуфеланда *).

Закаливанію физическому соотвѣтствуетъ духовное. «Какъ сила тѣла заключается, главнымъ образомъ, въ его способности переносить невзгоды и лишенія, — говоритъ Локкъ, — такъ и сила духа состоитъ въ томъ же». Поэтому главная основа нравственности и всяческихъ добродѣтелей заключается въ томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ во всякую минуту отказываться отъ тѣхъ своихъ желаній и наклонностей, которыя идутъ въ ущербъ его пользѣ. Однако, объ этомъ условіи, т.-е. о закаливаніи духа и развитіи воли и характера, слишкомъ мало заботятся лица, воспитывающія своихъ дѣтей. Не стараясь во-время, съ самаго ранняго возраста, приняться за пріученіе ребенка къ разумной дисциплинѣ, родители часто балуютъ и изнѣживаютъ его, а впослѣдствіи сами же удивляются, что имъ приходится пить горькую воду, между тѣмъ какъ они сами отравили источникъ. Кто не привыкъ сдерживать свою волю въ дѣтствѣ, тотъ на всю жизнь останется безхарактернымъ, безвольнымъ, либо необузданнымъ человѣкомъ. Такова сила привычки: «Онъ командовалъ своею няней, прежде чѣмъ началъ говорить или ходить; онъ сдѣлался господиномъ своихъ родителей съ той минуты, какъ получилъ способность болтать; съ какой же стати теперь, когда онъ выросъ, сдѣлался крѣпче и разумнѣе, чѣмъ былъ тогда,—съ какой стати теперь онъ внезапно долженъ сдѣлаться сдержаннымъ и покорнымъ?»

Поэтому съ дѣтскими капризами слѣдуетъ бороться съ самой колыбели. Боже сохрани уступать крикамъ или слезамъ ребенка, когда онъ настойчиво требуетъ того, чего, по вашему убѣжденію, ему совсѣмъ не нужно. Въ этомъ отношеніи требуется неумолимая послѣдовательность и отсутствіе малѣйшей поблажки. Тогда ребенокъ скоро пріучится сдерживать свои вожделѣнія, идущія въ разрѣзъ съ волей и желаніемъ руководителя, который для него, особенно въ первые годы его жизни, долженъ быть безусловный авторитетъ. Авторитетность въ глазахъ дѣтей — вотъ то, чего мы должны добиться прежде всего, если хотимъ имѣть въ своемъ дѣлѣ какой-нибудь успѣхъ. Постепенно власть, основанная на безусловномъ повиновеніи чужой волѣ, должна уменьшаться такимъ образомъ, чтобы къ юношескому возрасту ребенка его отецъ или воспитатель обратился въ его лучшаго и любимаго друга.

Разсматривая различныя мѣры дисциплины, Локкъ считаетъ самою неудачною и самою жалкой—тѣлесное наказаніе. По его словамъ, «рабская дисциплина создаетъ и рабскій характеръ».

---

*) Правдивость и точность исторіи требуютъ, впрочемъ, отмѣтить и ту истину, что и до Локка не разъ провозглашались то тутъ, то тамъ мысли о необходимости ухода за физическимъ развитіемъ человѣка, но то были голоса менѣе авторитетные, съ исключеніемъ, однако, Рабле, который въ знаменитой книгѣ о Гаргантуа и Пантагрюэлѣ съ глубокимъ талантомъ истиннаго сатирика и педагога ополчается противъ школы своего времени (XVI вѣка) и защищаетъ идею гармоническаго развитія духа и тѣла.

Строгія наказанія подавляютъ личность ребенка, разслабляютъ его волю и вообще душевныя силы и вырабатываютъ изъ него «слабоумное, жалкое созданіе». Забитый суровою дисциплиной ребенокъ можетъ «своимъ неестественнымъ спокойствіемъ нравиться недальновиднымъ людямъ, любящимъ тихихъ и неподвижныхъ дѣтей за то, что они не шумятъ и не причиняютъ никакого безпокойства». Едва ли что-либо путное можетъ выйти изъ такихъ дѣтей.

Единственное наказаніе, которое считаетъ Локкъ безусловно разумнымъ, заключается въ причиненіи чувства стыда. Боязнь вызвать неудовольствіе—главное средство исправленія.

Тамъ, гдѣ существуетъ правильное отношеніе между родителями и дѣтьми, наказанія и награды являются мѣрами почти излишними. Нельзя же придираться къ дѣтямъ за ихъ невинныя шалости, за ихъ шумъ и возню, которую они невольно подымаютъ, предаваясь такому естественному занятію, какъ игры и забавы. Тутъ необходимо имъ предоставлять какъ можно больше простора и свободы, относясь къ нимъ съ величайшею снисходительностью. Если же дѣти злоупотребляютъ своею свободой, то воспитателю, который заручился авторитетностью, достаточно будетъ *одного слова или взгляда* для того, чтобы расходившіеся шалуны въ одинъ мигъ присмирѣли и чтобы снова водворился въ ихъ средѣ надлежащій порядокъ. Не преслѣдовать должно эту естественную наклонность дѣтей къ играмъ,—она составляетъ насущную потребность ихъ природы,—ее, напротивъ, должно всѣми мѣрами поощрять: эти игры, по справедливому замѣчанію Локка, необходимы «для поддерживанія ихъ духовныхъ силъ и улучшенія ихъ крѣпости и здоровья». Мало того: онъ даже совѣтуетъ стараться, чтобы всякая работа была для нихъ такъ же пріятна, какъ развлеченіе и игры. Этотъ совѣтъ послужилъ великимъ толчкомъ къ новому движенію въ области педагогики. Это—та самая мысль, которую впослѣдствіи примѣнялъ въ практикѣ Фребель и на основаніи которой началась въ Европѣ борьба противъ педантическаго и схоластическаго духа, господствовавшаго въ дѣлѣ ученія. Этотъ духъ, какъ мы увидимъ, еще далеко не испарился въ наше время, и потому теорія внесенія элемента увлекательности въ область воспитанія должна, мнѣ кажется, и теперь провозглашаться усердно и съ безустанною энергіей.

Въ ряду тѣхъ скучныхъ и безплодныхъ педантическихъ пріемовъ воспитанія, противъ которыхъ вооружался Локкъ, слѣдуетъ отмѣтить обычай многихъ родителей обременять память дѣтей огромнымъ количествомъ правилъ и предписаній. Эти правила такъ же скоро забываются, какъ и да ются. Конечно, для воспитателя гораздо легче требовать, чѣмъ учить,—с иронією замѣчаетъ нашъ мыслитель. Но надо же и пожалѣть дѣтей, кот рыя, почувствовавъ себя не въ силахъ помнить и понимать всякую м лочь, въ концѣ-концовъ, махаютъ рукой и перестаютъ обращать вниман на слова старшихъ. Однимъ словомъ, правилъ должно быть какъ можн меньше, но выполняться должны они какъ можно строже

Локкъ горячо настаиваетъ на той мысли, что дѣтей надо учить не правилами, которыя, по его словамъ, всегда ускользаютъ изъ ихъ памяти. Упражненія, повторенія, навыки и привычки — вотъ основная пружина воспитанія. Тутъ онъ предлагаетъ гуманное начало, сплошь и рядомъ нарушаемое педагогами: не дозволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ упрековъ, брани и гнѣва за нарушеніе того или иного правила, а предпочитать этому ласковыя слова и кроткія увѣщанія. При этомъ слѣдуетъ добродушно и въ простыхъ словахъ напоминать ребенку то, что онъ позабылъ, и спокойно и терпѣливо до тѣхъ поръ упражнять его въ извѣстномъ навыкѣ, пока онъ не усвоитъ его себѣ окончательно.

Нельзя не удивляться, что еще двѣсти лѣтъ назадъ Локкъ затронулъ вопросъ, составляющій въ наше время весьма чувствительное и даже больное мѣсто новѣйшей педагогіи. Именно, какъ врачъ, онъ не упустилъ изъ вида необходимости сообразовать требованія, предъявляемыя къ ребенку, съ его природными задатками, способностями, наклонностями и со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ организмъ человѣка *). Конечно, никакая педагогика не въ состояніи измѣнить темпераментъ и природныя свойства человѣка, съ которыми онъ родился. Бороться съ коренными чертами человѣка иногда безплодно, а часто и вредно. *Приспособленіе къ индивидуальности*, этотъ великій девизъ нашей новѣйшей медицины, а равно и педагогики, провозглашенъ былъ, такимъ образомъ, еще два вѣка тому назадъ. Въ дѣлѣ воспитанія этотъ принципъ остается и до сихъ поръ пока только въ теоріи.

По мнѣнію Локка, нельзя сдѣлать изъ каждаго ребенка то, что намъ хочется, а только то, на что способна его натура. Не насиловать ее, предъявляя къ ней непосильныя для данной индивидуальности требованія, а извлекать наибольшую пользу изъ наличнаго матеріала, ослаблять тѣ пороки и недостатки, къ которымъ тотъ или иной человѣкъ особенно склоненъ, и развивать тѣ способности, которыхъ не чужда его природа,—вотъ въ чемъ заключается принципъ, который называется теперь индивидуализаціей. «Прирожденные задатки каждаго, — говоритъ авторъ, — должно развивать сколько возможно; но стараться привить къ нему другіе—работа безплодная». Изъ этихъ словъ Локка явствуетъ, насколько ненормальна

*) Въ этой мысли Локка нѣтъ ничего противорѣчиваго высказанному имъ въ философскомъ трактатѣ взгляду на душу новорожденнаго, какъ на tabula rasa, и его опроверженію врожденныхъ идей. Онъ утверждалъ, что ни одинъ человѣкъ не рождается съ готовыми идеями, взглядами, понятіями, потому что всѣ они пріобрѣтаются опытомъ каждаго индивидуума. Но онъ, въ то же время, былъ увѣренъ, что у каждаго человѣка существуетъ особая организація, въ силу которой люди различаются между собою по характеру и степени воспріимчивости къ тѣмъ или инымъ впечатлѣніямъ, стало быть, по талантамъ, способностямъ, наклонностямъ и т. п.,—словомъ, по тѣмъ свойствамъ, которыя называются природными задатками человѣка. Такимъ образомъ,—выражаясь фигурально,—на каждой „tabula rasa“ можно написать все, что угодно, но только такое, что не шло бы въ разрѣзъ съ устройствомъ данной доски.

такая система воспитанія, гдѣ ко всѣмъ дѣтямъ примѣняются одни и тѣ же пріемы, одно и то же обращеніе, одни и тѣ же требованія, гдѣ предполагается, что каждый долженъ быть одинаково способенъ и прилеженъ въ отношеніи къ любому предмету обученія, гдѣ думаютъ, будто всѣмъ и каждому одинаково легко въ одинъ и тотъ же срокъ усвоить то или иное свѣдѣніе и умѣнье, тотъ или иной навыкъ или привычки.

Этотъ принципъ обязываетъ воспитателя внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ относится ученикъ къ нашимъ требованіямъ. Если мы замѣчаемъ, что иной разъ у него нѣтъ охоты или склонности къ тому или иному занятію, то мы должны попытаться найти средство такъ или иначе заинтересовать его въ предметѣ. Насильно же засаживать его за работу опасно потому, что эта мѣра можетъ вызвать въ немъ нежелательное раздраженіе, озлобленіе, чувство скуки и преждевременную усталость. Если же наши старанія не увѣнчаются успѣхомъ, то лучше намъ остановиться и отложить работу до болѣе удобнаго настроенія воспитанника. Замѣчательно, что только въ послѣднее время въ педагогической литературѣ приходится встрѣчаться съ этого рода мнѣніемъ, да и то его высказываютъ пока не столько педагоги, сколько медики. Они обращаютъ вниманіе на то, что въ связи съ ростомъ и развитіемъ организма у каждаго ребенка бываютъ особые періоды то подъема, то упадка духовныхъ силъ, и что въ этихъ случаяхъ примѣненіе къ индивидуумамъ обязательно, если мы хотимъ сохранить ихъ силы и здоровье, какъ физическое, такъ равно и духовное. Къ сожалѣнію, и это условіе на практикѣ до сихъ поръ не можетъ выполняться, такъ какъ оно мыслимо только при полномъ измѣненіи всего духа воспитанія въ современномъ обществѣ.

Мы до сихъ поръ еще не прониклись тѣмъ счастливымъ и подкрѣпленнымъ нашею новѣйшею наукой принципомъ Локка, что «ребенокъ выучитъ въ 3 раза больше, когда онъ въ хорошемъ настроеніи, чѣмъ при удвоенномъ количествѣ времени и труда, въ ту пору, когда онъ берется за дѣло съ отвращеніемъ или его принуждаютъ къ тому насильно». При нормальныхъ условіяхъ постановки дѣла, ученіе должно служить отдыхомъ отъ игры, а игра отдыхомъ отъ ученія: трудъ одинаковъ и тутъ, и тамъ; и тутъ, и тамъ, въ концѣ-концовъ, получается утомленіе, требующее смѣны одного времяпровожденія другимъ. Идеалъ воспитанія—поставить дѣло такъ, чтобы не учитель заставлялъ учениковъ учиться, а скорѣе чтобъ они сами обращались къ нему съ просьбою учить ихъ, какъ они часто просятъ о томъ своихъ товарищей. Тогда,—и только тогда,—всѣ будутъ учиться съ искреннимъ, неподдѣльнымъ удовольствіемъ, думаетъ Локкъ.

Противникъ всякаго баловства и потворства дурнымъ началамъ, Локк не любилъ доводить своей мысли до крайности. Хотя и слѣдуетъ считать съ личными наклонностями и вкусами каждаго воспитанника,—разсуждалъ онъ,—тѣмъ не менѣе, не надодавать никому распускаться. Если ученик не умѣетъ настолько владѣть собою и своими страстями, что, увлекшис чѣмъ-нибудь однимъ, не хочетъ и знать чего-нибудь другого, то въ нем

необходимо всѣми силами подавить такую слабость воли и пріучать постепенно къ умѣнью господствовать надъ собой. Плохъ тотъ человѣкъ, который руководствуется въ выборѣ своихъ занятій не чувствомъ долга, а однимъ стремленіемъ къ наслажденіямъ и не можетъ перейти отъ веселой работы во всякую данную минуту, когда только потребуется, къ менѣе пріятному занятію. По словамъ нашего мыслителя, въ этомъ случаѣ заботы объ укрѣпленіи воли въ молодомъ человѣкѣ гораздо выгоднѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ знакомство съ латинскимъ языкомъ и иными школьными предметами.

Вызвать въ дѣтяхъ охоту къ труду значитъ выполнить только половину задачи. Надо, чтобы дѣти до конца работали съ потребною энергіей. Локкъ жалуется, что мы сами себѣ портимъ дѣло и, благодаря этому, не достигаемъ цѣли: за каждою работой мы держимъ дѣтей дольше, чѣмъ нужно, доводя ихъ до полнаго утомленія. Какъ видите, Локкомъ не былъ обойденъ и тотъ жгучій вопросъ школы, изъ-за котораго въ средѣ педагоговъ и врачей XIX вѣка переломлено столько копій, — вопросъ о такъ называемомъ «переутомленіи».

Рекомендуя разумныя и кроткія мѣры обращенія съ дѣтьми, Локкъ руководился чувствомъ уваженія къ личности ребенка. Изъ того же источника беретъ начало и та драгоцѣнная мысль великаго философа, которую до сихъ поръ не многіе могутъ себѣ усвоить. Локкъ совѣтуетъ не бояться разсуждать съ дѣтьми. «Они начинаютъ понимать разсужденіе, — говоритъ онъ,—такъ же рано, какъ языкъ, и если мои наблюденія меня не обманываютъ, они любятъ, чтобы съ ними начинали обращаться, какъ съ разумными существами, раньше, чѣмъ многимъ это кажется. Это—гордость, которую должно поддерживать въ нихъ и, насколько возможно, дѣлать важнѣйшимъ орудіемъ для ихъ исправленія». Къ сожалѣнію, даже Руссо не могъ отнестись съ достаточнымъ безпристрастіемъ къ этимъ словамъ нашего автора. Вотъ что говоритъ французскій мыслитель въ своемъ *Эмилѣ*: «Что касается меня, то я ничего не знаю глупѣе ребенка, съ которымъ много разсуждаютъ... Идеаломъ хорошаго воспитанія должно считать умѣнье сдѣлать человѣка разумнымъ; а тутъ имѣютъ претензію воспитывать ребенка помощью разума. Это значитъ начинать съ конца, изъ слѣдствія дѣлать причину».

Руссо, очевидно, не обратилъ вниманія на то, какого рода разсужденія съ дѣтьми разумѣетъ Локкъ. Англійскій философъ говоритъ, что если гдѣ можно, то слѣдуетъ доводами разума, примѣняясь къ возрасту и развитію ребенка, убѣждать его, почему онъ обязанъ поступать такъ или иначе. Если же чего нельзя ребенку, по его малолѣтству, объяснить по существу, и тутъ можно прибѣгнуть къ доводу разума, приведя такое, напримѣръ, соображеніе, что такимъ-то поступкомъ ребенокъ навлечетъ на себя ваше неудовольствіе. Совершенно подобное же сужденіе, но еще въ болѣе рѣзкой и категорической формѣ, высказывалъ еще раньше Локка Монтэнь, который вообще оказывалъ на Локка свое вліяніе. Философія, по словамъ

Монтэня, научаетъ насъ, какъ жить. Безъ уроковъ этого рода не можетъ обойтись не только взрослый, но и ребенокъ. Такъ почему же философія должна обойти дѣтей? Мы научаемся жить, когда жизнь уже прожита,—съ горечью замѣчаетъ Монтэнь. И онъ указываетъ, какимъ образомъ воспитатель можетъ примѣнить къ дѣлу эту мысль: возьмите наиболѣе ясныя философскія положенія, сдѣлайте изъ нихъ надлежащій выборъ и сообщите ихъ дѣтямъ. Право, эти положенія будутъ болѣе понятны, чѣмъ иной разсказъ Боккачіо. Ребенокъ способенъ къ ихъ воспріятію чуть не съ колыбели, и, притомъ, даже болѣе, чѣмъ къ урокамъ грамоты или письма (?). Таково разсужденіе Монтэня. До такой крайности Локкъ не доводилъ своей мысли: онъ, все-таки, живому, наглядному примѣру чужихъ поступковъ придавалъ большее значеніе, чѣмъ какимъ бы то ни было разсужденіямъ и правиламъ.

Знаменитый поборникъ опыта, какъ основы научнаго и философскаго мышленія, Локкъ, какъ извѣстно, провозгласилъ, что душа новорожденнаго есть въ своемъ родѣ tabula rasa, т.-е. доска, на которой ничего не написано заранѣе, и, стало быть, никакихъ картезіанскихъ «врожденныхъ идей»: непосредственныя наблюденія и размышленія самого индивидуума будутъ постепенно записываться на этой доскѣ, постепенно образовывая его духовный багажъ. При этомъ непосредственному опыту онъ придавалъ такое значеніе, что настаивалъ, гдѣ только можно, не пускаться въ словесныя толкованія и изъясненія, а показывать самыя вещи такъ, какъ онѣ есть. Поэтому онъ считалъ недоконченнымъ такое воспитаніе, въ которомъ не было мѣста личному, опытному ознакомленію юноши съ жизнью и людьми. Онъ утверждалъ, что «умѣнье правильно судить о людяхъ и благоразумно вести дѣла съ ними полезнѣе знанія греческаго языка и латыни»; мало того, оно «полезнѣе даже основательнаго знакомства съ греческими и римскими писателями».

Что же касается преподаваемыхъ дѣтямъ научныхъ свѣдѣній, то тутъ Локкъ высказываетъ мысль, которую впослѣдствіи проводилъ и Руссо и лучшіе изъ позднѣйшихъ педагоговъ и которая, все-таки, не встрѣчала себѣ примѣненія въ школьныхъ программахъ, изъ вѣка въ вѣкъ составлявшихся для различныхъ учебныхъ заведеній вплоть до нашихъ послѣднихъ дней. Цѣлью школьныхъ занятій должно служить не полное усвоеніе каждаго предмета во всевозможныхъ его подробностяхъ, но развитіе умственныхъ способностей, пріученіе къ труду и понятіе о томъ, въ чемъ юноша долженъ, когда встрѣтится надобность, пополнить свое образованіе, и какимъ способомъ достигнуть этого. «Ибо кто можетъ ожидать,— остр умно спрашиваетъ авторъ, — что подъ руководствомъ воспитателя молод джентльменъ сдѣлается прекраснымъ критикомъ, ораторомъ или логикомъ дойдетъ до самой глубины метафизики, натуральной философіи или ма матики, или достигнетъ совершенства въ исторіи или хронологіи,—хотя к чему изъ всѣхъ этихъ наукъ онъ и выучится? Нужно только отворять е дверь, чтобъ онъ могъ кидать взглядъ внутрь и, такъ сказать, только

вязать тамъ знакомство, но не оставаться на жительство». И онъ жалуется, что дѣтскія головы набиты «хламомъ, о большей части котораго они обыкновенно не вспоминаютъ и, конечно, не встрѣчаютъ надобности вспоминать во все продолженіе жизни».

Ни система образованія, ни методы обученія, которые повсюду практиковались на глазахъ Локка, не могли его удовлетворить. Мало того, онъ не могъ говорить о нихъ равнодушно, потому что на себѣ испыталъ весь гнетъ школьнаго строя того времени. Какъ извѣстно изъ его біографіи, онъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ отзывался о той школьной схоластикѣ, въ которой заключалось все образованіе, получавшееся юношами въ вестминстерской школѣ, гдѣ онъ учился самъ. За то какимъ же сарказмомъ отплатилъ онъ ей впослѣдствіи, когда, наприм., въ знаменитомъ своемъ трактатѣ *Объ умѣ* онъ говоритъ про «ученыхъ невѣждъ», которые притупляли ясные и здравые умы молодежи посредствомъ безплодной діалектики, въ которой гораздо ревностнѣе искали словъ, чѣмъ истины. Онъ съ негодованіемъ говорилъ, что эти люди извращаютъ высокія орудія образованія,—мышленіе и даръ слова,—эту великую силу, устанавливающую соціальное единеніе между людьми.

Въ связи съ этимъ, онъ горячо нападаетъ на преобладавшее всюду царство школьной грамматики. «Когда я вижу,—говоритъ онъ,—какой шумъ поднимаютъ изъ-за латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на нихъ и сколько тревоги и работы вызывается ими безъ цѣли, то съ трудомъ могу не быть того мнѣнія, что родители постоянно живутъ подъ страхомъ розги учителя, на которую они смотрятъ какъ на единственное орудіе воспитанія, находя также, что весь предметъ его составляютъ одинъ-два языка. Иначе какъ было бы возможно, чтобы ребенка приковывали къ скамьѣ въ теченіе семи-восьми или десяти лѣтъ его жизни для ознакомленія его съ однимъ-двумя языками, выучиться которымъ возможно бы, по моему мнѣнію, при гораздо меньшемъ расходованіи времени и труда и почти играя?»

Способъ, по которому Локкъ считаетъ наиболѣе разумнымъ обучать латыни, заключается въ разговорѣ и чтеніи авторовъ на этомъ языкѣ. «Не слѣдуетъ мучить ребенка грамматикой»,—категорически заявляетъ нашъ авторъ. Если англійская дѣвушка въ годъ-два,—соображаетъ онъ,—научается при помощи практическаго метода французскому языку, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ этотъ способъ не примѣняется по отношенію къ древнему языку. Локкъ, вѣроятно, имѣлъ при этомъ въ виду и слова Монтэня, который въ своихъ *Essais* разсказываетъ, что онъ такимъ способомъ быстро научился латинскому языку. На 7-мъ году возраста онъ принялся учиться латыни безъ учебника грмматики и какихъ бы то ни было правилъ, безъ розогъ и слезъ, а уже между семью и восемью годами онъ уклонялся отъ разныхъ удовольствій для того, чтобъ упиваться чтеніемъ *Метаморфозъ* Овидія, которыя онъ понималъ словно онѣ были написаны на родномъ языкѣ.

Если учитель не умѣетъ говорить на обучаемомъ языкѣ, то пусть онъ преподаетъ его посредствомъ чтенія авторовъ, а, все-таки, отнюдь не посредствомъ грамматики,—настаиваетъ нашъ философъ. Грамматика, по его мнѣнію, можетъ понадобиться для болѣе взрослаго человѣка, и то, когда онъ намѣревается узнать языкъ научнымъ образомъ, а этимъ рѣдко кто занимается, развѣ профессіональный ученый. «Я хотѣлъ бы,—восклицаетъ Локкъ,—чтобы мнѣ кто-нибудь назвалъ языкъ, которому можно выучиться или на которомъ можно говорить надлежащимъ образомъ при помощи грамматическихъ правилъ». И онъ замѣчаетъ далѣе: китаецъ, узнавши о грамматическомъ методѣ обученія латыни, могъ бы, пожалуй, подумать, что всѣ наши молодые люди предназначаются быть преподавателями мертвыхъ языковъ, а не готовятъ изъ себя будущихъ полезныхъ гражданъ отечества. Любопытно, что эту же мысль—о возможности научиться древнимъ языкамъ, обходясь безъ грамматическаго метода преподаванія,—высказывали въ наше время такіе компетентные люди, какъ Бэнъ (психологъ), Блэкки (филологъ-классикъ), Шлиманнъ (археологъ) и др.

Гонитель пустой болтовни и безплодной діалектики, Локкъ возставалъ противъ тѣхъ отвлеченныхъ темъ, какія задавались—увы, задаются и теперь—учащимся для сочиненій. Таковы, наприм., разсужденія на пословицы или изреченія вродѣ: «Omnia vincit amor» или «Non licet in bello bis peccare», т.-е. «Любовь все побѣждаетъ» или «Ошибаться на войнѣ два раза не дозволяется». Съ грустью говоритъ авторъ, что «бѣдный мальчикъ, не имѣющій никакого знакомства съ вещами, о которыхъ ему приходится говорить,—знакомства, пріобрѣтаемаго только временемъ и наблюденіемъ,—долженъ подвергать пыткѣ всю свою изобрѣтательность, чтобы сказать *что-нибудь*, когда онъ не знаетъ *ничего;* вѣдь, это нѣчто вродѣ египетской тиранніи—заставлять дѣлать кирпичи тѣхъ, у кого для этого нѣтъ еще никакого матеріала».

Съ проницательностью глубокаго психолога, который въ своемъ философскомъ трактатѣ провозгласилъ теорію ассоціаціи идей, Локкъ выражаетъ несочувствіе къ традиціонному взгляду, опирающемуся на ученіе наизусть, какъ на главнѣйшее орудіе развитія памяти. Механическое заучиваніе едва ли можетъ оказать учащимся пользу. По остроумному замѣчанію нашего философа, если бы заучиваніе цѣликомъ чужой рѣчи развивало память, тогда самою колоссальною памятью отличались бы актеры. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, они весь свой вѣкъ проводятъ въ заучиваніи пьесъ.

Чтобы показать, насколько широко простирается горизонтъ педагогической мысли Локка, замѣтимъ, что онъ не обходилъ молчаніемъ и тѣхъ вопросовъ, которые у насъ стали занимать умы только въ послѣднее врем Такова, наприм., идея обученія дѣтей ручному труду, который, по е словамъ, развиваетъ въ насъ ловкость и умѣніе и, кромѣ того, полезен для нашего здоровья, особенно, если занятія ремеслами ведутся на воздух

Чтеніе книги Локка невольно приводитъ насъ къ мысли о томъ, ч чемъ долженъ заключаться идеалъ педагога: подобно тому, какъ въ свѣт

лой личности Локка, въ немъ должны совмѣщаться, въ извѣстной степени, и врачъ, и воспитатель, и философъ. Только тогда, когда педагогика и медицина, руководимыя философскою идеей, вступятъ въ неразрывный союзъ между собою,—только тогда и возродится истинное воспитаніе, основанное на здравыхъ и разумныхъ началахъ.

Мы кончили и думаемъ, что многіе теперь могутъ придти къ положительному заключенію о томъ, правъ ли былъ Жанъ-Поль, сказавшій, что для торжества истины требуется выждать два столѣтія. Пусть только тотъ, кого интересуетъ этотъ вопросъ, сравнитъ идеи, провозглашенныя Локкомъ, съ нашею дѣйствительностью и скажетъ, получили эти идеи полное примѣненіе на практикѣ или нѣтъ? И если окажется, что нѣтъ, то не должны ли мы снять съ Жанъ-Поля укоръ въ преувеличеніи фактовъ и признать его слова, напротивъ, слишкомъ скромно выражающими обычное явленіе? Въ концѣ настоящаго вѣка и, такъ сказать, въ преддверіи XX в., горячо желалось бы утѣшать себя мыслью, что онъ, этотъ предстоящій новый вѣкъ, разрѣшитъ всѣ наши больные вопросы и недоумѣнія и поставитъ дѣло воспитанія на тѣхъ здравыхъ и благородныхъ началахъ, объ осуществленіи которыхъ такъ пламенно мечтали лучшіе умы цѣлаго ряда вѣковъ вплоть до нашихъ дней.

В. Ермиловъ.

Чарльзъ Дарвинъ и его теорія*).

(Life and Letters of Charles Darwin including an authobiographical chapter. Edited by his son Francis Darwin. In three volumes. London. John Murray. 1887).

Появленіе въ печати книги Дарвина *Origin of Species* (1859 г.) произвело такой эффектъ, какъ будто въ толпу публики упала и разорвалась начиненная бомба. Все всполошилось и пришло въ движеніе: на книгу мгновенно устремились любопытные испытующіе взоры и ученыхъ, и всей образованной публики. Да и понятно; это была не спеціальная ученая работа по какой-нибудь ограниченной области знанія, интересная и доступная для немногихъ, вродѣ монографіи о *Cirripedia* того же Дарвина, но хотя и ученый, за то общедоступный трактатъ о предметѣ, охватывающемъ нѣсколько обширныхъ областей знанія и имѣющемъ философскую подкладку. Дѣло шло о вопросѣ, интересномъ не для однихъ только ученыхъ спеціалистовъ; каждый образованный человѣкъ желалъ и долженъ былъ такъ или иначе разрѣшить для себя этотъ вопросъ, чтобы согласовать съ этимъ рѣшеніемъ свое общее міровоззрѣніе. И самъ авторъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, и такихъ читателей, разсчитывалъ на нихъ и старался болѣе или менѣе приспособить къ нимъ тонъ и изложеніе своей книги. Она всякаго читателя задѣвала за живое и всякій долженъ былъ опредѣлить свое отношеніе къ ней, т.-е. или бѣжать отъ нея, дунуть и плюнуть на нее, какъ на зловредную ересь, или броситься къ ней и воспринять ее какъ новую благотворную истину.

Первое впечатлѣніе, однако, было далеко не въ пользу книги, хотя необычайно быстрая распродажа ея въ одинъ день, повидимому, говорила о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ книгою, объ ея успѣхѣ. по всей вѣроятности, въ числѣ покупателей книги «читатели-друзья» ставляли незначительное меньшинство, а большинство состояло изъ «чи телей-ненавистниковъ». Новая теорія какъ по своей сущности, такъ и о своимъ подробностямъ и по способу аргументаціи до того рѣзко и кр о

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

противорѣчила давнишнимъ, привычнымъ, утвержденнымъ великими авторитетами доктринамъ, имѣвшимъ обаяніе непреложныхъ догматовъ, что она съ перваго же раза возбуждала къ себѣ недовѣріе и нерасположеніе. Читателямъ, да еще англичанамъ, усерднымъ поклонникамъ и охранителямъ всякой традиціи и всего изстари принятаго, невольно могло казаться, что это что-то ужь черезъ-чуръ смѣлое и новаторское, не въ мѣру заносчивое и бросающее ужь слишкомъ дерзкій вызовъ общепринятымъ догматамъ, а потому съ перваго же раза шокирующее всякаго. Такое поведеніе несвойственно солидной теоріи, а скорѣе говоритъ о заносчивомъ и самоувѣренномъ фантазерствѣ, легко и сильно все разрушающемъ, такъ же легко и самонадѣянно все созидающемъ, хотя все созидаемое имъ эфемерно и фантастично. Такое впечатлѣніе невольно закрадывалось даже въ болѣе или менѣе солидные умы. Такъ, наприм., Бри, ученый не изъ послѣднихъ, произнесъ такой приговоръ о теоріи Дарвина: «Изученіе прежнихъ сочиненій Дарвина едва ли доставляетъ кому-нибудь большее удовольствіе, чѣмъ мнѣ, и едва ли кто-нибудь чувствуетъ столь сильное сожалѣніе, какъ я, по поводу того, что онъ повредилъ своей репутаціи изданіемъ своего трактата объ *Origin of Species*» (v. II, p. 358). Его ересь считалась даже оскорбленіемъ общественнаго мнѣнія; знакомые Ляйелля часто говорили ему, что Дарвина они считаютъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ, и спрашивали, сильно ли онъ мучится, бѣдняжка, терзаемый угрызеніями совѣсти за такое оскорбленіе, нанесенное общественному мнѣнію (v. III, p. 62)? Вѣдь, это были знакомые Ляейлля, значитъ, не полуграмотные невѣжды, а болѣе или менѣе интеллигентные люди! Не только сущность теоріи, но почти всякая подробность въ ней поражала рѣзкою, кричащею оригинальностью и дерзкимъ противорѣчіемъ традиціи. Наприм., всѣ споконъ вѣку были убѣждены, что географическое распредѣленіе растеній и животныхъ зависитъ исключительно отъ климата, и что если животныя и растенія нѣсколько измѣняются, то это измѣненіе тоже вызывается климатомъ. И вдругъ въ этой книгѣ проповѣдуется, что въ дѣлѣ какъ распредѣленія организмовъ, такъ и ихъ измѣненія климатъ играетъ второстепенную и даже третьестепенную роль и главное дѣло далеко не въ климатѣ. Мы видѣли, какъ эта ересь смутила даже Гексли, уже расположеннаго къ новой теоріи, и какъ онъ по этому поводу возражалъ Дарвину. Другихъ, столь же солидныхъ людей и тоже расположенныхъ въ пользу теоріи, смущали даже не самыя положенія и мысли книги, а только формулировка ихъ, такъ сказать, одни только слова. Въ послѣдней заключительной главѣ книги у Дарвина

но написано: «На первый взглядъ можетъ показаться въ высшей степени труднымъ допустить, чтобы, наприм., такой органъ, какъ глазъ, былъ веденъ до настоящей степени своего совершенства не средствами, аналогическими съ человѣческимъ разумомъ, хотя и превышающими его, но накопленіемъ безчисленныхъ легкихъ измѣненій, изъ которыхъ каждое ыло полезно для особи, обладавшей имъ. Но это затрудненіе мы не мо-

жемъ считать существеннымъ, если допустимъ» и т. д. Этотъ «глазъ» сильно шокировалъ и смутилъ Ляйелля и Аза Грея. Послѣдній, какъ мы видѣли, считалъ самымъ слабымъ пунктомъ въ книгѣ эту попытку объяснить происхожденіе совершеннаго глаза естественнымъ подборомъ. А Ляйелль писалъ Дарвину по этому же поводу: «Первая же страница этой самой важной заключительной главы даетъ вашему противнику преимущество, выставляя ex abrupto и рѣзко такое поразительное возраженіе, какъ образованіе *глаза* не способами, аналогичными съ человѣческимъ разумомъ, и не какою-нибудь силою, неизмѣримо превышающею человѣческій разумъ, а накопленіемъ измѣненій, подобныхъ тѣмъ, которыми пользуется скотоводъ. Нужны были бы цѣлыя страницы, чтобы развить это возраженіе и опровергнуть его. Въ вашихъ цѣляхъ лучше было бы ничего не говорить. Выкиньте нѣсколько фразъ и въ слѣдующемъ изданіи развейте ихъ полнѣе. Между этимъ камнемъ преткновенія, брошеннымъ подъ ноги читателю, и переходомъ къ рабочимъ муравьямъ тоже нужны были бы цѣлыя страницы. И эти муравьи покажутся ему переходомъ отъ великаго къ смѣшному, такъ какъ онъ еще не оправился отъ потрясшаго его удара, когда его заставляли вѣрить, будто глазъ отъ состоянія слѣпоты или полуслѣпоты дошелъ до совершенства путемъ измѣненій, подобныхъ тѣмъ, которыя и намъ часто приходится видѣть. Я думаю, что если бы кое-что выпустить, то это значительно уменьшило бы уязвимость этихъ фразъ, если у васъ нѣтъ времени передѣлывать и распространять» (v. II, p. 207). Очевидно, Ляйелль говоритъ здѣсь о возможныхъ чувствахъ читателей по собственному впечатлѣнію; его самого это мѣсто шокировало своею рѣзкостью и крайностью. А, между тѣмъ, казалось бы, что сравнительно со всѣмъ остальнымъ эта фраза о глазѣ самая невинная. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; кто согласился съ Дарвиномъ въ самомъ главномъ, въ томъ, что отъ какой-нибудь одной первичной органической клѣтки произошли всѣ растенія и животныя, такъ что, значитъ, львы, слоны, обезьяны и т. д. имѣютъ одного общаго родоначальника, тому должно казаться ужь самымъ легкимъ дѣломъ образованіе глаза путемъ постепеннаго совершенствованія грубой первичной формы его. А вотъ, однако же, «глазъ» смутилъ двухъ ученыхъ, а другихъ-то, конечно, смутилъ еще болѣе. Дарвинъ согласился съ Ляйеллемъ, вычеркнулъ въ корректурѣ «глазъ» и замѣнилъ его словами «самые сложные органы», причемъ, однако, написалъ Ляйеллю, что въ своемъ будущемъ подробномъ сочиненіи онъ покажетъ градаціи въ структурѣ глаза (v. II, p. 208). Все это показываетъ, до какой степени Дарвинъ былъ правъ, когда стремился къ тому, чтобъ его теорія явила въ свѣтъ въ полномъ вооруженіи, чтобы не только каждая мысль, кажд отдѣльное положеніе, но даже каждое слово было подкрѣплено фактами убѣдительными доводами. Выпуская свою книгу въ сокращенномъ вид безъ подробныхъ аргументовъ, цитатъ и ссылокъ, Дарвинъ боялся имен перваго впечатлѣнія, опасался того, что съ перваго раза книга не уб дитъ читателей, а только шокируетъ ихъ, покажется имъ слишкомъ г

обычною, экстравагантною. И онъ не ошибся въ своихъ предчувствіяхъ: первое впечатлѣніе было не въ пользу теоріи.

Гексли говоритъ, что если бы въ 1860 г. былъ созванъ ученый вселенскій соборъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на немъ Дарвинъ былъ бы осужденъ, какъ научный еретикъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ (v. II, p. 186); на его сторонѣ были бы только его ближайшіе ученые друзья. Гукеръ утѣшалъ Дарвина и предсказывалъ скорый поворотъ въ сужденіяхъ объ его книгѣ. Но самъ Дарвинъ не раздѣлялъ такихъ надеждъ; твердо вѣруя въ будущее торжество своей теоріи и разсчитывая на новое поколѣніе, онъ мало ожидалъ отъ настоящаго отживающаго поколѣнія. Онъ писалъ Гукеру: «Вы возлагаете слишкомъ большія надежды на поворотъ въ сужденіяхъ о происхожденіи видовъ. Есть большая масса людей, въ особенности натуралистовъ, которыхъ не интересуетъ никакой общій вопросъ, и, во-вторыхъ, это почти все люди, перешедшіе за средній возрастъ или по числу лѣтъ, или по умственному развитію неспособные смотрѣть на факты съ новой точки зрѣнія» (v. II, p. 291). И въ письмѣ къ Ляйеллю онъ не весело смотрѣлъ на настоящее: «Что бы я ни дѣлалъ, но меня будутъ сильно бранить... Ватсонъ сообщилъ мнѣ объ одномъ зоологѣ, который говоритъ, что прочтетъ мою книгу, но ни за что не повѣритъ ей. Для чего же тогда и читать книги? Крауфордъ пишетъ мнѣ, что его разборъ будетъ враждебенъ, но что онъ не будетъ бранить автора. Онъ прислалалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній и совѣтовъ довольно неважныхъ, и они показали мнѣ, что я несомнѣнно повредилъ дѣлу, напечатавши извлеченіе... N. прислалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній очень вѣжливыхъ, но мало рѣшительныхъ; говоритъ, что выскажется противъ меня не иначе, какъ послѣ тщательнаго размышленія, а, можетъ быть, и вовсе ничего не скажетъ о предметѣ. X. говоритъ, что пойдетъ въ часть ада, предназначенную, по словамъ Данте, для тѣхъ, которые не стоятъ ни на сторонѣ Бога, ни на сторонѣ діавола» (v. II, p. 235—6). Въ настоящемъ Дарвинъ утѣшалъ себя не количествомъ, но качествомъ обратившихся къ его теоріи. Къ одному изъ писемъ къ Гукеру, написанному спустя около 4 мѣсяцевъ послѣ появленія книги въ свѣтъ, онъ приложилъ списокъ обратившихся ученыхъ съ указаніемъ степени ихъ обращенія. Въ этомъ спискѣ 15 ученыхъ. Изъ нихъ 4 геолога: Ляйелль, Рамзай, Джуксъ и Роджерсъ, 4 зоолога и палеонтолога: Гексли, Леббокъ, Дженинсъ (до большой степени), С. Вудъ, 2 физіолога: Карпентеръ и сэръ Г. Голлендъ (до большой степени) и Твайтсъ (v. II, p. 293). Но былъ бы, очевидно, безконечно длиннѣе списокъ ученыхъ, не принимавшихъ его теоріи и враждебно относившихся къ ней. И, притомъ, противники теоріи дѣйствовали гораздо открытѣе, смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ ея защитники. Послѣдніе, въ интересахъ дѣла, не отваживались прямо и категорически заявлять печатно о своемъ обращеніи къ теоріи и тѣмъ менѣе проповѣдывать ее, а предпочитали держаться осторожной политики болѣе или менѣе загорасположеннаго нейтралитета и потому печатно не пропагандировали

ее, а только рекомендовали, какъ достойную вниманія и подробнаго серьезнаго разсмотрѣнія. Такъ, какъ мы видѣли, дѣйствовалъ Аза Грей; такъ же дѣйствовали сначала, какъ увидимъ дальше, и англійскіе друзья теоріи. И это обстоятельство давало большое преимущество врагамъ ея.

Вскорѣ по выходѣ книги, во всѣхъ почти большихъ журналахъ, выражаясь по-нашему, и въ еженедѣльныхъ газетахъ появились враждебныя ей статьи. Такова, напримѣръ, была статья въ *Athenaeum*, очень пристрастная и не вполнѣ добросовѣстная и справедливая въ своихъ нападкахъ; въ статьѣ не было приведено ни одного новаго возраженія противъ теоріи и не сказано ни слова ни объ одномъ благопріятномъ для нея обстоятельствѣ или фактѣ. Дарвинъ близко принялъ къ сердцу высказанный въ статьѣ упрекъ ему въ самомнѣніи и самодовольствѣ и въ письмѣ къ Гукеру самъ сталъ упрекать себя въ томъ, что писалъ свою книгу заносчивымъ и высокомѣрнымъ тономъ и что онъ самъ теперь стыдится этого (v. II. 224). Затѣмъ появился разборъ въ *Gardener Chronicle*, который даже Дарвинъ находилъ ужь слишкомъ рѣзкимъ и строгимъ. Статья въ *Saturday Review* (декабрь 1859 г.) тоже была рѣзка и относилась крайне враждебно не только къ теоріи, но и къ самому Дарвину. Авторъ статьи очень зло и ѣдко издѣвался надъ тѣмъ, что Дарвинъ безъ всякаго зазрѣнія распоряжается временемъ въ свою пользу и, ничѣмъ не стѣсняясь, принимаетъ для существованія организмовъ на землѣ милліоны лѣтъ и даже милліоны вѣковъ, если это нужно было для какой-нибудь части его аргумента. Смиренный Дарвинъ и въ этомъ призналъ себя виновнымъ и опять началъ каяться передъ Гукеромъ и сознаваться, что эти ѣдкія насмѣшки надъ нимъ вполнѣ заслуженны, хотя самъ тутъ же прибавилъ, что эти милліоны лѣтъ нисколько не касаются главнаго аргумента, который поэтому не теряетъ своей силы, даже если принимать меньшія числа лѣтъ (v. II, p. 260). Враждебная статья въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи* (*Edinburgh Review*, april 1860) тоже была очень зла и ѣдка; она, какъ мы уже видѣли выше, сначала смутила было Дарвина и онъ даже хотѣлъ отвѣчать на нее, но потомъ раздумалъ и ограничился только тѣмъ, что написалъ нѣсколько краткихъ возраженій и послалъ ихъ въ письмѣ къ Аза Грею. Какъ образчикъ, можно привести одно изъ нихъ: «Критикъ поступаетъ не по-рыцарски, увѣряя, будто бы я требую признанія теоріи на основаніи несовершенства геологической лѣтописи, тогда какъ я много разъ повторялъ, что для меня самого это несовершенство представляетъ большую трудность» (v. II, p. 313). Дарвину, какъ видно изъ писемъ, извѣстно было, кто авторъ этой статьи; но сынъ его, издатель писемъ, ведѣ вычеркнулъ въ письмахъ фамилію этого автора, вѣроятно, еще здравствующаго. Ужь не есть ли это пресловутый герцогъ Аргайль, и до сихъ поръ продолжающій дѣлать ехидныя вылазки противъ теоріи Дарвина дарвинистовъ съ тѣми ловкими, хотя и не совсѣмъ безукоризненными пріемами, какими отличается разсматриваемая критика? Нѣкоторые ученые противники теоріи, не надѣясь на силу и дѣйствительность своихъ аргуме

товъ въ серьезномъ опроверженіи, старались вышучивать ее и изображать въ комическомъ видѣ. Профессоръ ботаники въ Дублинскомъ университетѣ Гарвей напечаталъ противъ теоріи нѣсколько статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и, не довольствуясь этимъ, сочинилъ, напечаталъ и прочелъ въ собраніи зоологическаго и ботаническаго общества при своемъ университетѣ «серьезно-комическую сатиру» (serio-comic squib) и въ ней осмѣивалъ теорію, хотя, впрочемъ, Дарвинъ находилъ комичными и его серьезныя критическія статьи. Такъ, про одну изъ нихъ онъ говорилъ въ письмѣ къ Гукеру, что ему очень забавно было читать, какъ Гарвей старается вывести родословную видовъ отъ Ноева ковчега, и отчасти въ пользу Дарвина говоритъ, что подобно тому, какъ во время потопа были уничтожены не всѣ люди, такъ и во времена геологическихъ катаклизмовъ погибали не всѣ виды животныхъ. По этому поводу Дарвинъ выразился: вотъ ужь я никакъ не ожидалъ, что мнѣ подадутъ руку помощи съ этой стороны (v. II, p. 376). Какое дѣйствіе произвела на Дарвина комическая выходка Гарвея, видно изъ слѣдующаго. Воспользовавшись какимъ-то благопріятнымъ случаемъ, онъ послалъ ему въ подарокъ свою книгу съ надписью *«отъ автора съ раскаяніемъ»* и, кромѣ того, написалъ ему очень любезное письмо и свой поступокъ мотивировалъ въ письмѣ къ Гукеру такимъ образомъ: «Я нисколько не жалѣю, что мнѣ представился благопріятный случай писать Гарвею, такъ какъ это должно было показать ему, что я нисколько не обидѣлся тѣмъ, что онъ представилъ въ смѣшномъ видѣ меня и мою книгу и что я считаю его поступокъ съ моей стороны незаслуженнымъ, а съ его стороны недостойнымъ его» (v. II, p. 314).

Но вотъ появилась статья объ *Origin of Species* въ самомъ *Times* (декабрь 26) и Дарвинъ съ жадностью набросился на нее; читаетъ, приходитъ въ изумленіе и не вѣритъ своимъ глазамъ. Газетный разборъ какъ небо отъ земли отличался отъ критикъ въ толстыхъ журналахъ и разныхъ ученыхъ изданіяхъ, повидимому болѣе компетентныхъ по вопросу о происхожденіи видовъ, чѣмъ не ученый, большею частью консервативный и рутинный органъ Сити. Дарвинъ терялся въ догадкахъ, кто бы могъ быть авторъ статьи, и, по обыкновенію, сообщилъ свои впечатлѣнія друзьямъ и просилъ у нихъ разъясненій. Онъ писалъ Гукеру: «Видали ли вы блестящую статью и разборъ моей книги въ *Times*? Я имѣю сильное подозрѣніе, что это статья Гексли; но, однако, я никогда не слыхалъ, что онъ пишетъ въ *Times*. Она окажетъ намъ большую услугу» (v. II, p. 252). А самому Гексли вотъ что онъ писалъ: «Вчера вечеромъ, читая *Times* предшествующаго дня, я былъ изумленъ, встрѣтивъ въ немъ блестящую статью и разборъ меня. Кто бы могъ быть авторъ? Очень любопытно было бы узнать это. Она восхваляетъ меня, что очень тронуло меня, хотя я не настолько тщеславенъ, чтобы считать ея похвалы заслуженными. Авторъ статьи литературный человѣкъ и знатокъ нѣмецкаго языка. Онъ прочиталъ мою книгу весьма внимательно, но, что всего замѣчательнѣе, онъ самъ глубокій натуралистъ. Онъ знаетъ мою книгу объ усоногихъ и цѣнитъ ее слишкомъ высоко.

Наконецъ, онъ пишетъ и мыслитъ съ необыкновенною силой и ясностью и, что еще рѣже встрѣчается, его статья отличается милымъ остроуміемъ. Мы всѣ отъ души смѣялись надъ нѣкоторыми замѣчаніями... Кто бы это могъ быть? Я прямо сказалъ бы, что въ Англіи есть только одинъ человѣкъ, который въ состояніи былъ бы написать эту статью и что этотъ человѣкъ вы. Но я, можетъ быть, ошибаюсь и, можетъ быть, существуетъ еще какой-нибудь неизвѣстный геній большого калибра. Потому что какимъ же образомъ вы могли бы повліять на Юпитера Олимпійскаго и заставить его удѣлить чистой наукѣ три съ половиною столбца? Старички скажутъ, что наступило свѣтопреставленіе. Но кто бы ни былъ авторъ, онъ оказалъ большую услугу дѣлу,—гораздо бо́льшую, чѣмъ оказали бы десятки разборовъ въ обыкновенныхъ періодическихъ изданіяхъ. Его раціональное философское отношеніе къ обыкновеннымъ религіознымъ предразсудкамъ и допущеніе такихъ взглядовъ въ *Times* я считаю въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ, совершенно независимо отъ вопроса о видахъ. Если вамъ случится узнать автора, ради Бога скажите мнѣ, кто онъ такой» (v. II, p. 254). Гексли отзывался невѣдѣніемъ и отказывался отъ авторства; но статья дѣйствительно была написана имъ, и проницательность Дарвина блестяще подтвердилась. И случилось это вотъ какъ. Редакція *Times* поручила своему присяжному рецензенту Люкасу написать разборъ книги Дарвина, какъ и другія редакціи дѣлали, конечно, подобныя порученія своимъ рецензентамъ. Эти рецензенты были смѣлы и самонадѣянны и, ни мало не смущаясь, писали о книгѣ что Богъ на душу положитъ, нисколько не конфузясь того, что предметъ былъ имъ мало извѣстенъ, а, можетъ быть, и вовсе неизвѣстенъ. Люкасъ же былъ не изъ такихъ рецензентовъ и сильно затруднялся исполненіемъ редакціоннаго порученія, такъ какъ въ естественныхъ наукахъ онъ, по выраженію Гексли, былъ невиненъ, какъ дитя. О своемъ затруднительномъ положеніи онъ сообщилъ знакомымъ, а тѣ посовѣтовали ему обратиться къ Гексли, который можетъ помочь ему въ его затрудненіи. Онъ такъ и сдѣлалъ и поручилъ Гексли написать разборъ книги, но выговорилъ себѣ право обставить статью газетнымъ гарниромъ и прибавить къ ней отъ себя надлежащее введеніе, для котораго, конечно, требовалась спеціальная газетная техника. И вотъ такимъ образомъ, благодаря случайности, статья Гексли подъ чужимъ флагомъ попала къ Юпитеру Олимпійскому. Враждебное настроеніе противъ новой теоріи было такъ сильно, что Гексли не отважился догматически проповѣдывать ее и требовать принятія ея, а предпочелъ слѣдовать политикѣ благопріятнаго нейтралитета. Онъ рекомендовалъ публикѣ теорію, какъ серьезную и заслуживающую внимательнаго изученія и безпристрастнаго обсужденія. По его словамъ, это была остроумная гипотеза, удовлетворительно объяснявшая многія аномаліи въ распредѣленіи живыхъ существъ въ пространствѣ и во времени и не противорѣчащая ни одному изъ крупныхъ явленій жизни и организаціи. Онъ совѣтовалъ публикѣ относительно новой гипотезы держаться дѣятельнаго скепсиса (thätige Skepsis), т.-е. такого сомнѣнія, которое настолько любитъ истину, что не

можетъ обречь себя на вѣчное сомнѣніе, но и не гаснетъ въ слѣпомъ довѣріи. Въ статьѣ, между прочимъ, говорилось: «Путь, по которому авторъ книги приглашаетъ насъ слѣдовать за нимъ, есть не воздушная настилка, сдѣланная изъ идеалистической паутины, а солидный и широкій мостъ фактовъ. А если это такъ, то она безопасно переведетъ насъ черезъ пропасть знанія и приведетъ въ страну, свободную отъ сѣтей тѣхъ привлекательныхъ, но безплодныхъ дѣвъ, causae finales, противъ которыхъ такъ справедливо предостерегалъ насъ одинъ высокій авторитетъ» (v. II, p. 254).

Но какъ бы нарочно для того, чтобы парализовать благопріятное впечатлѣніе, произведенное статьею въ *Times*, въ *Quarterly Review* (July 1860) появилась обширная и громоносная критика, имѣвшая цѣлью во что бы то ни стало сокрушить новую теорію. Статья написана была заносчивымъ тономъ, рѣзко и даже грубо, по мѣстамъ съ злою ироніей и съ насмѣшками; часто попадались въ ней и неприличныя выходки противъ личности автора. И при всемъ этомъ статья была еще крайне недобросовѣстна и невѣжественна, такъ какъ авторъ ея былъ вовсе не компетентенъ, чтобы судить о новой теоріи. Критика явилась безъ подписи, но впослѣдствіи стало извѣстно, что авторомъ ея былъ его преосвященство оксфордскій епископъ Уильберфорсъ, руководимый какимъ-то неизвѣстнымъ суфлеромъ. Статья пришла къ тому выводу, что способъ обращенія Дарвина съ фактами природы составляетъ крайній позоръ для естественныхъ наукъ. Вотъ какъ справедливо была оцѣнена его преосвященствомъ крайняя добросовѣстность и беззавѣтная нравдивость Дарвина и его благоговѣніе передъ фактами! Гексли говоритъ, что высокомѣрный, наглый и бранчивый тонъ статьи былъ бы непристоенъ даже со стороны человѣка, равнаго Дарвину по уму и познаніямъ, а, между тѣмъ, такимъ тономъ писалъ человѣкъ, у котораго, какъ замѣчаетъ Гексли, до того не хватало или ума, или добросовѣстности, или того и другой вмѣстѣ, что онъ въ видѣ возраженія спрашиваетъ, «можно ли говорить, чтобы всѣ благопріятныя разновидности рѣпы стремились сдѣлаться людьми», который до того невѣжественъ въ палеонтологіи, что можетъ говорить о цвѣткахъ и плодахъ каменноугольной эпохи, до того невѣжественъ въ сравнительной анатоміи, что пресерьезно утверждаетъ, что ядоносный аппаратъ змѣй есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ обыкновенныхъ законовъ животной жизни, до того невѣжественъ въ элементарной физіологіи, что можетъ спрашивать, какая выгода для жизни животнаго могла бы измѣнить форму тѣлецъ, которыя получаются при выпариваніи крови (v. II, p. 183). Самого Дарвина эта критика только позабавила и онъ послалъ ее Ляйеллю, чтобы и его позабавить ею. При этомъ онъ писалъ ему: «Посылаю вамъ имѣющійся у меня лишній экземпляръ *Quarterly Review*, такъ какъ онъ можетъ позабавить васъ. Ироническая часть критики очень меня позабавила. Критика полна ошибокъ, и Гукеръ думаетъ отвѣчать на нее. Есть даже одна вырѣзанная и перепечатанная страница; любопытно было бы знать, какая гигантская нелѣпость содержалась въ ней. Гукеръ

говоритъ, что «N. игралъ на епископѣ и извлекалъ изъ него звуки, какіе ему угодно; онъ этою статьей хотѣлъ сдѣлать и вамъ какъ можно большую непріятность» (v. II, p. 331). И дѣйствительно, статья, между прочимъ, имѣла въ виду подѣйствовать на Ляйелля, льстила ему и застращивала его, съ цѣлью удержать его отъ признанія новой ненавистной теоріи, и для этого лукаво проводила такую мысль: что Дарвинъ сбился съ большой дороги фактовъ природы въ дебри фантастическихъ предположеній, это еще не велика бѣда; но какъ бы онъ не увлекъ за собою и Ляйелля. Нужно думать, что Дарвинъ ошибается, разсчитывая на обращеніе Ляйелля и соблазняя его на это, такъ какъ Ляйелль былъ самымъ рѣшительнымъ и самымъ послѣдовательнымъ защитникомъ неизмѣняемости видовъ, и, притомъ, замѣчаетъ статья съ ехидствомъ, не въ началѣ своей ученой карьеры, но въ ея полномъ разцвѣтѣ и зрѣлости, когда, дескать, ученому уже неприлично мѣнять свои коренныя убѣжденія.

Но, не удовольствовавшись критикой, его преосвященство рѣшился дать дарвинистамъ генеральное устное сраженіе, устроить публичный диспутъ съ ними и полемъ сраженія избралъ съѣздъ британской ассоціаціи въ Оксфордѣ (іюнь 1860). Собственно самъ епископъ былъ только орудіемъ и внушительнымъ представителемъ, а за спиной его стояли и подсказывали ему какіе-то неизвѣстные суфлеры. Было двѣ схватки, и въ первой изъ нихъ епископъ не участвовалъ, а во второй онъ былъ главнымъ героемъ. На этихъ схваткахъ Гексли и Гукеръ въ первый разъ публично заявили себя рѣшительными и безусловными послѣдователями и апостолами новой теоріи. На засѣданіи одной изъ секцій съѣзда профессоръ Даубени сдѣлалъ сообщеніе «о конечныхъ причинахъ существованія половъ въ растеніяхъ по поводу сочиненія Дарвина о происхожденіи видовъ». Предсѣдатель секціи предлагалъ Гексли принять участіе въ преніяхъ, но онъ отказался, ссылаясь на то, что присутствующая на засѣданіи публика не такова, чтобы въ ея присутствіи можно было вести ученые диспуты и чтобы она не увлеклась чувствомъ въ ущербъ разсудку. По поводу сообщенія сталъ говорить зоологъ Р. Овенъ и, между прочимъ, сказалъ, что есть нѣсколько фактовъ, которые могли бы привести публику къ невѣрному заключенію о вѣроятности теоріи Дарвина. Въ дальнѣйшей рѣчи онъ высказалъ такое положеніе, что головной мозгъ гориллы по сравненію съ мозгомъ человѣка представляетъ гораздо больше различій, чѣмъ по сравненію его съ мозгами самыхъ низшихъ и проблематическихъ четверорукихъ. Гексли не удержался, рѣшительно и категорически заявилъ, что это положеніе совершенно невѣрно и что онъ докажетъ это въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. И дѣйствительно, впослѣдствіи онъ доказалъ это въ своемъ сочиненіи *Положеніе человѣка въ природѣ*. Этимъ инцидентъ и кончился. На слѣдующее засѣданіе назначено было сообщеніе Дрепера изъ Нью-Йорка «объ умственномъ развитіи Европы съ точки зрѣнія взглядовъ Дарвина». Ученая и неученая публика предчувствовала, что произойдетъ горячее сраженіе, и массами ломилась на засѣданіе; обширная зала засѣ-

данія была набита биткомъ: собралось около тысячи человѣкъ. Передъ началомъ преній предсѣдательствовавшій на засѣданіи профессоръ Генсло предупредилъ, что тѣ, которые не имѣютъ солидныхъ аргументовъ *за* или *противъ*, не получатъ слова; и дѣйствительно, онъ остановилъ четырехъ ораторовъ, занимавшихся не аргументами, а пустыми разглагольствованіями. Наконецъ, дошла очередь до епископа. Онъ говорилъ болѣе полутора часа, но въ блестящей рѣчи его не было дѣльности и серьезности. Видно было, что кто-то настрочилъ и подъучилъ его и что онъ ничего не знаетъ изъ первыхъ рукъ; онъ не привелъ ни одного новаго аргумента, котораго бы не было въ его статьѣ въ *Quarterly Review*. Онъ неловко смѣялся надъ Дарвиномъ и зло издѣвался надъ Гекели, но все это самымъ сладкимъ тономъ, плавно, въ округленныхъ періодахъ и изысканныхъ выраженіяхъ и риторически вполнѣ безукоризненно, такъ что публика невольно заслушалась его. Къ сожалѣнію, его преосвященство слишкомъ увлекся потокомъ своего краснорѣчія и позволилъ себѣ такую выходку. Обращаясь къ Гекели, онъ спросилъ его, съ чьей стороны онъ считаетъ себя потомкомъ обезьяны, съ отцовской или съ материнской? Эта наглая выходка взбѣсила Гекели, но онъ сдержался и далъ епископу кончить. Затѣмъ, отвѣчая ему, онъ говорилъ только о предметѣ спора, и говорилъ серьезно, не сходя съ чисто-научной почвы, и авторитетно, съ полнымъ знаніемъ дѣла разбивалъ аргументы противника. Подъ конецъ же и онъ не выдержалъ и на выходку епископа отвѣчалъ слѣдующею выходкою: «Я,—сказалъ онъ,—утверждалъ и повторяю, что человѣку нѣтъ резона стыдиться того, что въ числѣ его предковъ была обезьяна. Я, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ бы стыдъ при воспоминаніи о предкѣ только въ такомъ случаѣ, если бы моимъ предкомъ былъ *человѣкъ*, человѣкъ безпокойнаго и изворотливаго ума, который, не довольствуясь двусмысленнымъ успѣхомъ въ спеціальной сферѣ своей дѣятельности, вмѣшивается въ научные вопросы, съ которыми вовсе незнакомъ, единственно только для того, чтобы затемнять ихъ ненужною риторикой и отвлекать вниманіе своихъ слушателей отъ дѣйствительнаго предмета спора краснорѣчивыми отступленіями и ловкими обращеніями къ религіозному предразсудку» (v. II, p. 322). Ужь это было не въ бровь, а въ самый глазъ. Эффектъ получился необыкновенный; публика заволновалась; поднялся шумъ и крикъ; нѣсколько голосовъ кричали Гукера; дамы падали въ обморокъ. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ публика успокоилась и можно было продолжать засѣданіе. Предсѣдатель пригласилъ Гукера изложить свой взглядъ на новую теорію съ ботаниче ской точки зрѣнія. Изложивъ свой взглядъ, Гукеръ сталъ затѣмъ доказывать, что епископъ вовсе не усвоилъ принциповъ опровергаемой имъ теоріи и что, какъ видно изъ его словъ, онъ абсолютный невѣжда въ элементахъ ботаники. Его преосвященство не нашелся ничего отвѣтить; пренія окончились и засѣданіе было закрыто. Но и послѣ засѣданія пренія, разсужденія и горячіе споры продолжались въ частныхъ вечернихъ собраніяхъ и бесѣдахъ.

Дарвинъ и оба бойца имѣли полное право считать сраженіе выигранным; этими двумя схватками они пріобрѣли не одинъ десятокъ послѣдователей. Дарвинъ глубоко былъ тронутъ и торжествовалъ. Гукеру онъ писалъ: «Я былъ болѣнъ; цѣлые двое сутокъ страдалъ непрерывною головною болью и былъ въ самомъ тоскливомъ настроеніи и начиналъ думать, что я составляю безполезное бремя для себя и для всѣхъ другихъ, какъ вдругъ приходитъ ваше письмо и оно сразу же развеселило меня; ваша доброта и ваша дружеская привязанность растрогали меня до слезъ. Не говорите о славѣ, почестяхъ, удовольствіяхъ, богатствѣ,—все это ничто въ сравненіи съ дружескою привязанностью; вотъ доктрина, съ которою вы, какъ я вижу изъ вашего письма, согласитесь отъ всей души. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ вами въ Оксфордѣ, если бы позволило здоровье, и какъ хотѣлось бы еще больше видѣть и слышать ваше торжество надъ епископомъ! Я удивляюсь вашему успѣху и вашей смѣлости. Для меня рѣшительно непостижимо, какъ это люди могутъ говорить публично, какъ ораторы. И я никогда не думалъ, что вы обладаете такою способностью. Я столько встрѣчалъ враждебныхъ взглядовъ, что начиналъ думать, что я, можетъ быть, ошибаюсь и что N. былъ правъ, когда говорилъ, что весь этотъ предметъ будетъ забытъ черезъ десять лѣтъ; но теперь, когда я слышу, что вы и Гексли ратуете публично (чего я никогда не былъ бы въ состояніи сдѣлать), во мнѣ укрѣпляется увѣренность, что наше дѣло рано или поздно восторжествуетъ. Я радъ, что не былъ въ Оксфордѣ, такъ какъ при настоящемъ состояніи моего здоровья я былъ бы тамъ совсѣмъ разстроенъ» (v. II, p. 323). По тому же поводу онъ писалъ Гексли: «Я получилъ изъ Оксфорда письмо отъ Гукера, сообщающее мнѣ о роковыхъ битвахъ, свирѣпствовавшихъ тамъ изъ-за видовъ. Онъ разсказываетъ, какъ вы благородно сразились съ Овеномъ (но подробностей я не знаю) и какъ вы ловко отвѣтили оксфордскому епископу. Я часто думаю, что мои друзья (и вы въ особенности) имѣютъ полное основаніе ненавидѣть меня за то, что я намутилъ такъ много грязи и причинилъ имъ много непріятныхъ безпокойствъ. Если бы я былъ моимъ другомъ, я бы ненавидѣлъ себя (ужь и не знаю, ловко ли по-англійски выходитъ эта фраза). Но имѣйте въ виду, что если бы я не замутилъ грязи, то непремѣнно замутилъ бы кто-нибудь другой. Я цѣню ваше мужество; я скорѣе умеръ бы, чѣмъ отважился отвѣчать епископу въ такомъ собраніи». Спустя нѣсколько дней онъ писалъ ему же въ другомъ письмѣ: «По всему, что я слышу съ разныхъ сторонъ, мнѣ кажется, что Оксфордъ принесъ большую пользу нашему дѣлу. Чрезвычайно важно было показать всѣмъ, что нѣкоторые первоклассные люди не побоялись высказать свои мнѣнія» (v. II, p. 324).

Нужно, однако, сказать къ чести англійскаго клира, что и въ среді его находились люди, которые относились къ Дарвину и его теоріи должнымъ уваженіемъ и изучали ее не сквозь очки предразсудковъ. Такъ былъ, наприм., Кингсли, богословъ и очень извѣстный англійскій писатель беллетристъ, нравописатель и историкъ. Получивши отъ Дарвина *Orig*

онъ написалъ ему: «Я такъ слабъ (умственно), что едва ли прочту ваше сочиненіе тотчасъ же, какъ бы слѣдовало. Все, что я вижу въ немъ, пугаетъ меня; съ одной стороны масса фактовъ и престижъ вашего имени, съ другой — ясное сознаніе, что если вы правы, то я долженъ буду отказаться отъ всего, во что я вѣрилъ и что писалъ. Но это не бѣда. Одинъ Богъ истиненъ, а всякъ человѣкъ ложь... Но при сужденіи о вашей книгѣ я буду свободенъ отъ двухъ обыкновенныхъ предразсудковъ: 1) наблюдая скрещиванія домашнихъ животныхъ и растеній, я уже давно научился не вѣрить въ догматъ постоянства видовъ; 2) я постепенно пришелъ къ убѣжденію, что столь же правильно и возвышенно то представленіе о Божествѣ, что Оно создало только первичныя формы, способныя къ самостоятельному развитію во всѣ формы, необходимыя по требованіямъ мѣста и времени, какъ и то, по которому каждый разъ требовался новый актъ Его вмѣшательства для пополненія пробѣловъ, которые Оно само же допустило. Я даже думаю, не возвышеннѣе ли первая мысль» (v. II, p. 287—288). Это послѣднее мѣсто Дарвинъ, какъ извѣстно, привелъ въ концѣ своей книги, не назвавши, однако, Кингсли, а сказавши только, что это ему пишетъ «знаменитый писатель и богословъ».

Послѣ блистательной побѣды надъ оксфордскимъ епископомъ Дарвинъ вполнѣ успокоился и у него не бывало даже минутныхъ сомнѣній въ торжествѣ его теоріи въ самомъ близкомъ будущемъ, и ко всякимъ враждебнымъ нападкамъ онъ сталъ относиться еще благодушнѣе, чѣмъ прежде. Судя по страшному ожесточенію противниковъ, слѣдовало думать, что они сказали противъ теоріи все, что могли, высказали всѣ возраженія, какія только возможно было найти и придумать, и сдѣлали энергическія нападенія уже рѣшительно на всѣ ея слабые пункты. Но во всей массѣ написаннаго противъ теоріи и внимательно прочтеннаго Дарвиномъ не нашлось ни одного страшнаго и непреодолимаго возраженія и не было указано ни одной непоправимой слабости. Въ письмѣ къ Гексли онъ писалъ: «Мнѣ надоѣли до тошноты враждебные разборы. Тѣмъ не менѣе, они были полезны тѣмъ, что показали мнѣ, гдѣ нужно нѣсколько распространиться и гдѣ ввести нѣсколько новыхъ разсужденій. Я вполнѣ согласенъ съ вами, что трудности, встрѣчаемыя моею теоріей, имѣютъ устрашающій видъ; однако, прочитавши все, что мои обозрѣватели сказали противъ меня, я получилъ еще бо́льшую, чѣмъ прежде, увѣренность въ истинѣ моей доктрины въ общемъ. Мою увѣренность подкрѣпляетъ еще то обстоятельство, что тѣ, которые слѣдовали за мной только на полдюйма, теперь слѣдуютъ гораздо дальше, и т которые ожесточенно возставали противъ меня, теперь возстаютъ съ м ньшимъ ожесточеніемъ» (v. II, p. 354—355). И Гукеру онъ писалъ въ т ъ же смыслѣ: «Моя книга имѣла успѣхъ гораздо большій, чѣмъ о ка мъ я позволялъ себѣ мечтать въ дни самыхъ розовыхъ надеждъ. Мы с оро будемъ составлять массу работающихъ людей и я убѣжденъ, что на ш ей сторонѣ будутъ всѣ молодые и прогрессирующіе натуралисты» (II, p. 243).

Такимъ натуралистомъ былъ, прежде всего, Гекели. Ему принадлежитъ та честь, что онъ былъ первымъ, самымъ горячимъ, неутомимымъ и вмѣстѣ самымъ успѣшнымъ апостоломъ новой теоріи. Для пропаганды ея онъ писалъ блестящія статьи, остроумныя антикритики, читалъ публичныя лекціи, велъ частные и публичные диспуты, занимался самостоятельными изслѣдованіями для ея подтвержденія и, наконецъ, основалъ свой журналъ, не имѣвшій, впрочемъ, успѣха. Большое преимущество и большую силу Гекели составляло то обстоятельство, что онъ былъ не простымъ только ученикомъ теоріи, но и самостоятельнымъ учителемъ ея, имѣвшимъ возможность находить въ своей спеціальности новые аргументы въ пользу ея и новыя точки зрѣнія на нее. Дарвинъ высоко цѣнилъ эти заслуги Гекели и съ нѣжностью называлъ его «главнымъ агентомъ» своей теоріи и «моимъ милымъ и добрымъ агентомъ для пропаганды евангелія, т.-е. евангелія сатаны» (v. II, p. 331). Но это не былъ безусловный послѣдователь, покорно и безъ всякой критики принимавшій всякое слово учителя. Дарвинъ для объясненія нѣкоторыхъ явленій воспроизведенія, наслѣдственности, атавизма и т. п. придумалъ гипотезу такъ названнаго имъ пангенезиса, по которому въ организмѣ не признавалось спеціальныхъ клѣтокъ, исключительно предназначенныхъ для воспроизведенія новыхъ организмовъ, такъ что всякая клѣтка въ организмѣ могла сдѣлаться воспроизводительнымъ элементомъ. Дарвинъ отдалъ эту гипотезу на разсмотрѣніе Гекели, который раскритиковалъ и совершенно забраковалъ ее, утверждая, что это не больше, какъ повтореніе гипотезы, высказанной еще Бюффономъ. Какъ ни отстаивалъ Дарвинъ пангенезисъ, который называлъ своимъ «любимымъ, но несчастнымъ дѣтищемъ», сколько ни приводилъ соображеній въ его пользу, но никакъ не могъ убѣдить Гекели, который рѣшительно отвергалъ пангенезисъ. Дарвинъ на критику Гекели отвѣчалъ такъ: «Искренно вамъ благодаренъ за то, что вы тщательно обсудили мою рукопись о пангенезисѣ. Было бы, конечно, очень непріятно для меня перепечатывать взгляды Бюффона, о которыхъ я, впрочемъ, ничего не зналъ. Я не сомнѣваюсь, что ваше сужденіе вполнѣ справедливо, и я попробую убѣдить себя не печатать рукописи» (v. III, p. 44). И въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему: «Я прочелъ Бюффона; цѣлыя страницы до смѣшного похожи на мои... Тѣмъ не менѣе, есть существенная разница между взглядами Бюффона и моими» (v. III, p. 45). Дарвинъ стоялъ на своемъ, но Гекели не перемѣнилъ своего мнѣнія. Такъ же отнесся къ пангенезису и Гукеръ. Все это доказываетъ, если въ этомъ случаѣ еще нужны какія-нибудь доказательства, что первые послѣдователи и распространители новаго ученія не были идолопоклонниками своего учителя, не считали святымъ и непроложнымъ всякое слово, сказанное имъ, но относились къ нему критически и къ его ученіямъ съ «дѣятельнымъ скепсисомъ», какъ совѣтовалъ Гекели поступать и всѣмъ.

Затѣмъ вскорѣ же явились молодые работающіе натуралисты, о которыхъ предсказывалъ Дарвинъ. Таковъ, наприм., былъ извѣстный натуралистъ путешественникъ Бетсъ. Изучая насѣкомыхъ Бразиліи, онъ нашелъ

между ними множество случаевъ такъ называемаго мимстизма, когда весь внѣшній видъ насѣкомаго до того обманчивъ и до того похожъ на какіе-нибудь посторонніе предметы изъ его обстановки, что невозможно было не ошибиться и съ перваго взгляда трудно было признать въ немъ насѣкомое. Очевидно, насѣкомое постепенно пріобрѣло такую обманчивую наружность потому, что она была для него полезна, такъ какъ болѣе или менѣе скрывала его отъ жадныхъ взоровъ его враговъ. Такихъ случаевъ и слѣдовало ожидать по теоріи Дарвина. Затѣмъ, въ статьяхъ Бетса было описано много видовъ борьбы за существованіе и случаевъ измѣненія организмовъ въ изучаемой имъ странѣ. Все это было какъ нельзя болѣе на руку Дарвину и самъ Бетсъ немедленно же сдѣлался дарвинистомъ. Дарвинъ высоко цѣнилъ ученыя заслуги Бетса и восторженно восхвалялъ его не только въ письмахъ къ нему самому, но и къ другимъ лицамъ. Такъ, въ письмѣ къ Аза Грею онъ писалъ: «Одинъ изъ лучшихъ моихъ послѣдователей, хотя до сихъ поръ неизвѣстный мнѣ, есть Бетсъ. Пожалуйста, прочитайте его *Путешествіе по Амазонской рѣкѣ,* когда оно явится; это будетъ прекрасная книга, судя по рукописи первыхъ двухъ главъ» (v. II, p. 387). Далѣе нѣкоторые натуралисты, индифферентно относившіеся къ теоріи Дарвина, а иногда даже нерасположенные къ ней, оказывались вынужденными заявлять, что въ области своей спеціальности они дѣйствительно находятъ факты, подтверждающіе тѣ или другія частныя положенія новой теоріи. Въ числѣ указанныхъ самимъ Дарвиномъ трудностей, необъяснимыхъ по его теоріи, были электрическіе органы у нѣкоторыхъ рыбъ. Если эти рыбы произошли отъ одного предка и отъ него получили эти органы, то между электрическими рыбами должно было бы быть близкое родство, какъ между потомками одного родоначальника. На дѣлѣ же оказывается не то: эти рыбы по родству очень далеки однѣ отъ другихъ и, притомъ, у однѣхъ эти органы находятся около головы, а у другихъ—у хвоста и, кромѣ того, снабжены совершенно различными нервами, такъ что невозможно предполагать, чтобы эти органы у всѣхъ электрическихъ рыбъ произошли изъ одного источника и путемъ послѣдовательныхъ измѣненій. Этотъ вопросъ очень заинтересовалъ зоолога Макъ-Доннеля, и, подстрекаемый врагами новой теоріи, онъ взялся за изслѣдованіе его, задавшись такою мыслью: если Дарвинъ правъ, то у другихъ родственныхъ неэлектрическихъ рыбъ должны быть у головы и хвоста органы гомологичные съ электрическими. «Онъ принялся за работу,—пишетъ Дарвинъ Ляйеллю,—и ей-Богу же нашелъ эти органы, такъ что трудность до нѣкоторой степени устранена. И какъ это пріятно, что мои гипотетическіе взгляды подали къ интереснымъ открытіямъ. Макъ-Доннель, какъ видно, очень осторженъ; онъ говоритъ, что должны пройти еще многіе годы, прежде чѣмъ онъ признаетъ себя послѣдователемъ моей доктрины, но въ тѣхъ отдѣлахъ, которые ему извѣстны, т.-е. въ морфологіи и эмбріологіи, мои взгляды вполнѣ согласуются съ фактами и проливаютъ свѣтъ на весь предметъ» (v. II, p. 353). Дарвину этого только и нужно было; онъ и по собствен-

ному опыту, и по другимъ зналъ, что трудъ только первый шагъ, отреченіе отъ старой теоріи, затѣмъ хотя бы человѣкъ принялъ только маленькую частичку теоріи, онъ по непреодолимой логикѣ придетъ къ принятію всей теоріи. Палеонтологъ Фальконеръ, не принимавшій теоріи Дарвина, напечаталъ мемуаръ о мамонтѣ, и Дарвинъ ожидалъ, что онъ сдѣлаетъ на новую теорію сильное и сокрушительное нападеніе. Между тѣмъ, прочитавши мемуаръ, Дарвинъ писалъ Ляйеллю о Фальконерѣ: «Къ великому моему удовольствію, онъ ограничился тѣмъ, что указалъ одну ошибку, а затѣмъ прибавилъ: «Заключенія, которыя я вывожу изъ этихъ фактовъ, не противорѣчатъ одному изъ главныхъ положеній теоріи Дарвина. Вмѣстѣ съ нимъ и я не думаю, чтобы мамонтъ и другіе вымершіе слоны явились внезапно. Самый раціональный взглядъ по-моему тотъ, что они суть видоизмѣненные потомки болѣе раннихъ предковъ». Вотъ это важно. Скоро не будетъ ни одного дѣльнаго палеонтолога, который бы вѣрилъ въ неизмѣняемость видовъ» (v. II, p. 389). И другой палеонтологъ, тоже не принимавшій новой теоріи, Т. Давидсонъ, своею работой также далъ Дарвину новое подтвержденіе нѣкоторыхъ пунктовъ его теоріи. Дарвинъ обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ: «Надѣюсь, вы извините меня, если я осмѣлюсь сдѣлать вамъ предложеніе, которое, впрочемъ, едва ли будетъ принято вами. Я не знаю, читали ли вы мою книгу *Origin of Species;* въ ней я сдѣлалъ замѣчаніе, которое, я думаю, будетъ принято всѣми, что фауна всякой формаціи, разсматриваемая въ цѣломъ, представляетъ по своему характеру промежуточное звено между фаунами формаціи нижележащей и вышележащей. Но нѣкоторые компетентные люди замѣтили мнѣ, что было бы желательно, чтобы это положеніе было разъяснено примѣрами и разработано въ подробностяхъ на какой-нибудь отдѣльной группѣ животныхъ. А всѣмъ извѣстно, что относительно брахіоподъ никто лучше васъ не можетъ этого сдѣлать. Результатъ можетъ оказаться очень неблагопріятнымъ для моихъ взглядовъ, но это будетъ тѣмъ лучше для тѣхъ, которые не согласны со мною. Я же расположенъ думать, что онъ будетъ благопріятенъ для ученія о потомственномъ происхожденіи съ измѣненіемъ... Очень можетъ быть, что у васъ нѣтъ свободнаго времени или вы не интересуетесь этимъ предметомъ и не расположены къ нему; въ такомъ случаѣ, будьте добры, извините меня, что я обратился къ вамъ съ настоящимъ предложеніемъ. Если же, по счастью, вы примете мою мысль, то я просилъ бы васъ прочитать мою X главу о геологической преемственности. И, въ такомъ случаѣ, я просилъ бы васъ позволить мнѣ прислать вамъ экземпляръ только что вышедшаго новаго изданія, въ которомъ я сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія и измѣненія въ IX и X главахъ» (v. II, p. 366—3[illegible]). Давидсонъ принялъ предложеніе, принялся за работу и напечаталъ ему [illegible] о британскихъ брахіоподахъ, вполнѣ оправдавшій ожиданія Дарвина. [illegible]видсонъ доказалъ въ своемъ мемуарѣ, что не менѣе 15 формъ, признаваемыхъ всѣми за отдѣльные виды, относятся къ одному типу, будучи [illegible]заны между собою длиннымъ рядомъ переходныхъ формъ. Ботаникъ Твай[illegible],

первоначально не соглашавшійся съ Дарвиномъ и не принимавшій его теоріи, написалъ ему изъ Цейлона: «Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ вашими взглядами въ связи съ разными явленіями природы, тѣмъ болѣе располагается въ ихъ пользу мой умъ» (v. II, p. 347).

Второе изданіе *Origin of Species* въ 3,000 экземпл. вышло въ свѣтъ въ январѣ 1860 г. Это изданіе было почти только перепечаткой перваго; въ немъ было сдѣлано немного измѣненій, да и то неважныхъ. Исправлены были нѣкоторыя ошибки и кое-гдѣ были прибавлены короткія фразы. Дарвинъ не считалъ нужнымъ много заниматься исправленіемъ и дополненіемъ книги, имѣя въ виду посвятить всѣ свои силы и вполнѣ отдаться своему большому, предполагавшемуся въ 3 томахъ, сочиненію, изъ котораго она составляла только извлеченіе и потому имѣла въ его глазахъ только временное значеніе предварительнаго краткаго сообщенія. Второе изданіе расходилось тоже бойко и на этотъ разъ въ числѣ покупателей, вѣроятно, было уже гораздо больше читателей-друзей. Дарвину разсказывали, что его книгу спрашиваютъ даже на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и одинъ изъ продавцовъ на требованіе книги отвѣчалъ, что она вся распродана и нужно ждать новаго изданія, причемъ прибавилъ, что онъ самъ не читалъ книги, но слышалъ, что она очень замѣчательна (v. II, p. 266). Аза Грею Дарвинъ писалъ: «Продажа моей книги идетъ быстро и множество враждебныхъ разборовъ не остановили продажи, такъ что мнѣ приходится опять приниматься за поправки къ новому изданію» (v. II, p. 354). И дѣйствительно, въ концѣ 1860 г. издатель сообщилъ Дарвину, что остается очень немного непроданныхъ экземпляровъ и что нужно поскорѣе готовиться къ третьему изданію. За второе изданіе Дарвинъ получилъ 636 фунтовъ ст. (около 5,000 руб.). И въ третьемъ изданіи онъ рѣшилъ сдѣлать всевозможныя исправленія и передѣлки, но не хотѣлъ расширять и дополнять его, все еще не теряя надежды на изданіе большого сочиненія. Онъ писалъ Гекели: «Я сегодня слышалъ отъ Мюррея, что мнѣ сейчасъ же нужно приняться за приготовленіе новаго (3-го) изданія. Если вы можете дать мнѣ какія-нибудь серьезныя указанія или сдѣлать критическія замѣчанія по поводу какой-нибудь части *Origin,* то я былъ бы вамъ очень благодаренъ за нихъ. Потому что я думаю исправлять, насколько могу, но не расширять. Какъ вамъ, должно быть, надоѣлъ этотъ предметъ и какъ вы его должны ненавидѣть и Богъ да благословитъ васъ, если вы еще не пришли къ тому, чтобы ненавидѣть и меня» (v. II, p. 351). И къ издателю онъ писалъ: «Мнѣ было бы пріятно узнать, сколько экземпляровъ вы рѣшите
чатать; для меня чѣмъ больше, тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ, сколько
зможно безъ риска, потому что я уже никогда не сдѣлаю такъ много
правокъ или лучше добавокъ, сдѣланныхъ мною теперь съ тою цѣлью,
бы мои безтолковые критики могли, наконецъ, понять, что́ я говорю. Я
дѣюсь и думаю, что значительно улучшу книгу» (v. II, p. 356). Самымъ
щественнымъ дополненіемъ къ 3-му изданію былъ помѣщенный въ началѣ
чги краткій историческій очеркъ развитія воззрѣній о происхожденіи

видовъ, помѣщавшійся затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Въ немъ Дарвинъ съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ воздалъ должное всѣмъ своимъ предшественникамъ, не пропустивъ даже П. Матью, который не имѣлъ почти никакихъ правъ на честь предшественника Дарвину. Но и этотъ очеркъ не избавился отъ ѣдкихъ и злостныхъ нападеній критиковъ. Такъ, наприм., въ *Athenaeum* напечатано было объ этомъ очеркѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ немъ не приведено ни одного изъ враждебныхъ мнѣній. Это очень знаменательный фактъ. Такимъ образомъ, этотъ историческій очеркъ походитъ на тѣ исторіи царствованія Людовика XVIII, которыя издавались послѣ реставраціи и въ которыхъ были выпущены республика и имперія, Робеспьеръ и Буонапарте» (v. III, p. 109). Хотя это и несправедливо, но, все-таки, очень ѣдко. Вѣдь, Дарвинъ имѣлъ въ виду изложить ученія, родственныя съ его теоріей, указать и оцѣнить своихъ предшественниковъ, такъ что враждебныя ученія стояли внѣ его задачи.

Третье изданіе явилось въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1861 года въ 2,000 экземпляровъ и его хватило на цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ это время слава Дарвина быстро росла и число его послѣдователей множилось къ каждымъ днемъ. Даже оффиціальные англійскіе ученые, старики и научные консерваторы, состоявшіе членами королевскаго общества, не могли не признать, что Дарвинъ представляетъ крупную, первостепенную научную величину и вполнѣ достоинъ почетной научной награды. Поэтому когда въ 1864 году явилась мысль дать отъ общества Дарвину коплеевскую медаль, самую высшую и самую почетную ученую награду въ Англіи, то правовѣрные академики ничего не могли возразить противъ этой мысли и Дарвину была присуждена эта медаль. Но имъ крайне было непріятно, что эта медаль послужитъ въ пользу еретической теоріи, которая въ глазахъ публики явится увѣнчанной высшимъ и оффиціальнымъ ученымъ обществомъ страны. И потому они всевозможнымъ способомъ старались представить дѣло такимъ образомъ, что будто медаль присуждена Дарвину не за его теорію, а за прежнія его другія сочиненія. Генералъ Сабинъ, президентъ общества, былъ настолько безтактенъ, что прямо высказалъ въ своей рѣчи на годичномъ собраніи: «Хотя мнѣнія объ его послѣднемъ сочиненіи *On the Origin of Species* и могутъ раздѣляться и быть нерѣшительными относительно его заслугъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, однако, всѣ согласятся, что оно содержитъ массу наблюденій о нравахъ, строеніи, родствѣ и распредѣленіи животныхъ, что свидѣтельствуетъ о необыкновенной тщательности, терпѣливости въ наблюденіяхъ и интересѣ къ нимъ. Нѣкоторые изъ насъ могутъ быть расположены принять теорію, указываемую заглавіемъ сочиненія, между тѣмъ какъ другіе могутъ быть расположены отвергнуть ее или, по крайней мѣрѣ, отложить ее до будущаго времени, когда увеличившаяся масса знаній дастъ болѣе сильныя основанія для окончательнаго принятія или отрицанія. Говоря вообще и коллективно, мы намѣренно исключили это сочиненіе изъ числа основаній, принятыхъ нами для присужденія медали» (v. III, p. 29). Сынъ Дарвина увѣряетъ, напротивъ, что многимъ членамъ

общества очень непонравилось, что президентъ представилъ дѣло въ такомъ видѣ. Послѣ засѣданія, на которомъ было объявлено о присужденіи медали Дарвину, ученые устроили обѣдъ, замѣчательный тѣмъ, что въ своемъ спичѣ, произнесенномъ на этомъ обѣдѣ, Ляйелль въ первый разъ публично и торжественно заявилъ, что онъ отрекся отъ своей давнишней вѣры въ неизмѣняемость видовъ.

Во все это время Дарвинъ продолжалъ заниматься изложеніемъ своего большого сочиненія, именно разработкой предмета, который въ *Происхожденіи видовъ* составлялъ первую главу, т.-е. измѣненіемъ животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи. При этомъ онъ увидѣлъ, что при той подробности изложенія, какая принята имъ для большого сочиненія, одна эта первая глава разростется въ цѣлый томъ, и потому, вѣроятно, сталъ убѣждаться, что ему не удастся окончить своего большого сочиненія. Да это ему теперь и не представлялось особенно важнымъ и нужнымъ; его теорія и въ сокращенномъ изложеніи пробила себѣ дорогу, а для кого она покажется неудовлетворительной въ краткомъ изложеніи, тотъ едва ли найдетъ ее убѣдительною, если она представится ему въ многотомномъ видѣ. Вслѣдствіе такихъ соображеній Дарвинъ хотя и не оставлялъ своихъ работъ по большому сочиненію, за то обращалъ больше вниманія на *Происхожденіе видовъ*. Въ одномъ изъ писемъ къ Гукеру (1864 г.) онъ писалъ: «Я началъ просматривать мои старыя рукописи, и они мнѣ показались новыми, какъ будто бы не я писалъ ихъ; нѣкоторыя части поразительно плохи, хотя, по моему мнѣнію, все-таки, стоятъ печати, а другія части показались мнѣ прекрасными. Я настоящій милліонеръ по количеству мелкихъ и интересныхъ фактовъ и, прочитывая мои главы о наслѣдственности и подборѣ, я просто удивляюсь своему прилежанію. Богъ знаетъ, удастся ли мнѣ когда-нибудь довести до конца мое сочиненіе, такъ какъ я теперь очень слабѣю и въ самые лучшіе дни могу работать не больше часу и ужь самое большее полтора часа. Это гораздо труднѣе, чѣмъ писать о моихъ милыхъ вьющихся растеніяхъ» (v. III, 27). Четвертое изданіе *Происхожденіе видовъ* съ значительными измѣненіями и дополненіями явилось въ 1866 году въ 1,250 экземпляровъ и дало автору 238 фунтовъ стерлинговъ. Въ это время Уоллесъ совѣтовалъ Дарвину замѣнить неудовлетворительный, по его мнѣнію, терминъ «естественный подборъ» другимъ, болѣе точнымъ терминомъ—«переживаніемъ способнѣйшаго». На этотъ совѣтъ Дарвинъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «Я вполнѣ согласенъ съ вами относительно преимуществъ прекраснаго выраженія Спенсера «переживаніе способнѣйшаго». Мнѣ самому это не приходило въ голову, пока я не прочиталъ вашего письма. Однако, этотъ терминъ представляетъ то большое неудобство, что онъ не можетъ быть употребляемъ какъ существительное, управляющее глаголомъ; и что это дѣйствительное неудобство, видно изъ того, что самъ Спенсеръ постоянно употребляетъ слова «естественный подборъ». Я прежде думалъ, можетъ быть, и въ преувеличенной степени, что было бы очень полезно поставить въ связь естественный и искусственный

подборъ; это и заставило меня для того и другого употреблять одинъ терминъ, и я думаю и теперь, что это представляетъ нѣкоторую выгоду. Если бы я получилъ ваше письмо мѣсяцами двумя раньше, то я чаще бы употреблялъ «переживаніе» въ новомъ изданіи *Origin,* которое уже почти готово и экземпляръ котораго я, конечно, пришлю вамъ. Я буду употреблять этотъ терминъ въ моей слѣдующей книгѣ о *Домашнихъ животныхъ* и проч., отъ которой вы, какъ я вижу, ожидаете слишкомъ много. Терминъ «естественный подборъ» такъ часто употреблялся за границей и у насъ, что я колеблюсь, можно ли отказаться отъ него; при всѣхъ его недостаткахъ я бы не сочувствовалъ попыткѣ изъять его изъ употребленія. Будетъ ли онъ отвергнутъ, это зависитъ, конечно, отъ «переживанія способнѣйшаго» (v. III, p. 45—46).

Въ это время Дарвинъ окончилъ свою работу объ измѣненіяхъ домашнихъ животныхъ и растеній и, къ ужасу и огорченію своему, услыхалъ отъ издателя, что она составитъ въ печати два большихъ тома, которые и явились въ свѣтъ въ 1868 году. Теперь Дарвинъ окончательно убѣдился, что о продолженіи большого сочиненія нечего и думать; если для подробнаго изложенія предмета одной главы *Происхожденія видовъ* понадобилось два тома, то на всѣ 15 главъ этого послѣдняго нужно было бы около 30 томовъ. Поэтому онъ оставилъ мысль о большомъ сочиненіи и съ тѣмъ большимъ усердіемъ занялся исправленіемъ и дополненіемъ *Происхожденія видовъ*. Вслѣдствіе этого пятое изданіе, явившееся въ 1869 году въ 2,000 экземпляровъ, было еще больше исправлено и дополнено. О немъ онъ писалъ Уоллесу; «Моя регулярная работа была прервана приготовленіемъ новаго изданія *Origin*, которое стоило мнѣ большого труда и которое, мнѣ кажется, я значительно улучшилъ въ двухъ или трехъ важныхъ пунктахъ. Я всегда считалъ индивидуальныя особенности болѣе важными, но я былъ слѣпъ и воображалъ, будто расовыя особенности могутъ сохраняться гораздо чаще, чѣмъ это я считаю теперь возможнымъ или вѣроятнымъ» (v. III, p. 107). Объ успѣхахъ своей теоріи въ это время Дарвинъ писалъ Геккелю: «Принятіе моей теоріи мало-по-малу распространяется въ Англіи даже между тѣми, которые не могутъ представить никакихъ основаній для этого принятія. На первыхъ порахъ едва ли кто относился къ моимъ взглядамъ такъ враждебно, какъ члены лондонскаго энтомологическаго общества; но меня увѣряютъ, что теперь, за исключеніемъ двухъ или трехъ стариковъ, всѣ члены согласны со мною до извѣстной степени» (v. III, p. 69). А Уоллесу онъ сообщалъ: «Варрингтонъ прочиталъ недавно въ Victoria Institute великолѣпное и одушевленное извлеченіе изъ *Origin*, и такъ какъ это самое ортодоксальное общество, то его прозвали адвокатомъ дьявола. Вызванныя этимъ пренія, длившіяся въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ засѣданій, очень богаты высказанными во время ихъ нелѣпостями» (v. III, p. 69).

Въ то время, когда Дарвинъ и его послѣдователи, считая себя побѣдителями и почивая на лаврахъ, воображали, что они уже безопасны о

непріятельскихъ нападеній, такъ какъ всевозможныя нападенія уже были выдержаны и отражены ими, вдругъ въ 1871 году послѣдовало новое и серьезное нападеніе на Дарвиновскую теорію и ужо не въ видѣ статьи, но въ видѣ цѣлой значительной книги, и сдѣланное не какимъ-нибудь невѣждой по естествознанію, вродѣ епископа оксфордскаго, а спеціалистомъ зоологомъ, хотя, впрочемъ, тоже пропитаннымъ сильно теологическою ревностью и клерикальнымъ духомъ. Это было сочиненіе Мивара *Genesis of Species*. Въ немъ авторъ собралъ всѣ возраженія противъ новой теоріи, высказанныя какъ самимъ Дарвиномъ, такъ и его противниками, но, главное, подробно мотивировалъ и развилъ ихъ и ловко иллюстрировалъ многими интересными примѣрами изъ своей спеціальности, такъ что его возраженія имѣли внушительный видъ настоящей учености и убѣдительности. Самымъ опаснымъ для обыкновенной публики возраженіемъ была ловко и ехидно проведенная Миваромъ мысль, что тѣ, только что начинающіяся, мелкія и едва замѣтныя измѣненія въ строеніи разныхъ частей организма, которыми, по Дарвину, начинается измѣненіе видовъ, не могутъ по своей незначительности быть полезными организму въ борьбѣ за существованіе, а потому и не могутъ подвергаться дѣйствію естественнаго подбора, который, по Дарвину, сохраняетъ только полезное, уничтожая вредное. Книга произвела необыкновенный эффектъ, по сознанію самого Дарвина и его послѣдователей. И какъ бы для того, чтобы поддержать и усилить этотъ эффектъ, вскорѣ появилась тоже очень серьезная и рѣзкая статья противъ Дарвина въ *Quarterly Review* (іюль 1871), которая, какъ догадывался Дарвинъ, принадлежала перу того же Мивара. По обыкновенію, книга и статья съ перваго раза очень смутили Дарвина, особенно книга. Но внимательно изучивши ее и уяснивши себѣ ловкій пріемъ, посредствомъ котораго противникъ сообщилъ такой страшный видъ своимъ возраженіямъ, онъ успокоился, такъ какъ книга не представляла ничего существенно новаго и ни одного неустранимаго возраженія. Въ письмѣ къ Уоллесу онъ писалъ: «Вы можете счесть меня ослѣпленнымъ фанатикомъ, когда я вамъ скажу, что я никогда прежде не былъ такъ убѣжденъ въ истинѣ моихъ воззрѣній въ *Origin* (т.-е. въ общемъ, а не въ подробностяхъ), какъ послѣ изученія Мивара» (v. III, p. 144). Дѣйствіе, произведенное книгою Мивара, было такъ сильно, что Дарвинъ рѣшился отвѣчать на нее; но онъ отложилъ это дѣло до новаго изданія *Origin*, въ которое и хотѣлъ вставить разборъ возраженій ея. Но послѣдователи Дарвина были болѣе нетерпѣливы и желали дѣйствовать немедленно. Американецъ Ч. Райтъ (Wrigth) напечаталъ въ *North merican Review* (іюль 1871) статью по поводу *Genesis of Species,* въ оторой, опровергая Мивара, защищалъ новую теорію съ философской точки ѣнія. Хотя статья эта не особенно понравилась Дарвину, однако, по вѣту съ друзьями, онъ напечаталъ ее на свой счетъ въ видѣ отдѣльной юшюры. Гексли же взялся отвѣтить на статью въ *Quarterly Review,* о мъ и сообщилъ Дарвину. По этому поводу Дарвинъ писалъ ему: «Мнѣ ше письмо понравилось во многихъ отношеніяхъ и въ высшей степени.

Что вы за удивительный человѣкъ, что можете бороться съ этими старыми метафизическо-теологическими книгами. Я въ восторгѣ, что вы думаете дать нѣкоторый отпоръ Мивару и на него самого сдѣлать нападеніе. Его книга, какъ вы говорите, произвела большой эффектъ; еще вчера я замѣтилъ отраженіе его даже изъ Италіи. Это и заставило меня просить у Ч. Райта позволенія напечатать на мой счетъ его статью, которая кажется мнѣ дѣльной, хотя она очень дурно написана. Онъ не имѣетъ достаточныхъ знаній для того, чтобы сразиться съ Миваромъ въ подробностяхъ. Мнѣ кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ же авторъ статьи въ *Quarterly Review*... Я теперь занимаюсь приготовленіемъ новаго изданія *Origin* и прибавлю въ немъ новую главу, въ которой буду отвѣчать на разныя возраженія и больше всего на то возраженіе Мивара, что начинающіяся измѣненія въ организмѣ безполезны для него; и я нахожу, что это легко будетъ сдѣлать. Онъ никогда не формулируетъ своихъ возраженій добросовѣстнымъ образомъ и дѣлаетъ удивительныя ошибки... Маятникъ откачнулся теперь отъ насъ, но я увѣренъ, что онъ скоро опять будетъ на нашей сторонѣ; и никто изъ смертныхъ не сдѣлаетъ и половины того, что сдѣлаете вы для того, чтобы привести его въ надлежащее положеніе. Да проститъ меня Богъ, что я пишу такое длинное и эгоистическое письмо; но это ваша вина, что вы привели меня въ такой восторгъ. Я никогда не мечталъ, что у васъ найдется время сказать слово въ защиту дѣла, которое вы такъ часто уже защищали. Будетъ еще продолжительная борьба послѣ того, какъ мы помремъ и исчезнемъ...» (v. III, p. 148—149). Статья Гекели въ отвѣтъ на критику въ *Quarterly Review* явилась въ *Contemporary Review* (ноябрь 1871 г.). Она, подобно всѣмъ его журнальнымъ статьямъ, была ловка, остроумна и убѣдительна. Не ограничиваясь научнымъ разборомъ серьезныхъ возраженій, Гекели разсматриваетъ и философско-теологическую часть критики. Авторъ ея обвиняетъ Дарвина въ томъ, что онъ безъ всякой надобности сталъ дѣлать оппозицію первымъ принципамъ философіи и религіи и свелъ ихъ къ нулю. Это обвиненіе дало поводъ Гекели обратиться къ книгѣ Мивара, который тоже утверждалъ тамъ, что ортодоксальные авторитеты римско-католической церкви признавали производное сотвореніе видовъ, т.-е. ихъ происхожденіе однихъ отъ другихъ, такъ что, значитъ, ихъ ученія вполнѣ гармонируютъ со всѣмъ, чего можетъ требовать новая наука, и въ доказательство ссылается на сочиненія ученаго іезуита Суареза. Гекели, изучивши спеціально для этого сочиненія іезуита, доказалъ, что Миваръ говоритъ неправду, увѣряя, будто этотъ іезуитъ держался эволюціонныхъ взглядовъ: что онъ былъ, напротивъ, врагомъ эволюціи и держался такихъ же взглядовъ на отдѣльное сотвореніе каждаго вида, какъ и всѣ ортодоксальные католики. Эта часть статьи производила забавный эффектъ, такъ какъ Гекели оказывался побѣдителемъ Мивара даже на почвѣ католической теологіи. «Такимъ образомъ я,—писалъ онъ Дарвину,—явился въ новой для меня роли защитника католической ортодоксіи и побѣдилъ Мивара уста

его же собственнаго пророка» (v. III, p. 147). Въ заключеніи своей статьи Гексли высказалъ слѣдующее: «Въ настоящее время насъ отдѣляютъ отъ перваго появленія *Origin of Species* нѣсколько болѣе десяти лѣтъ и что бы кто ни думалъ и ни говорилъ о доктринахъ Дарвина или о томъ способѣ, какимъ онъ высказалъ ихъ, но одно несомнѣнно, что въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ *Origin of Species* произвело такую же полную революцію въ біологической наукѣ, какую *Principia* (Ньютона) произвели въ астрономіи, и оно сдѣлало это тѣмъ, что содержало въ себѣ, выражаясь словами Гельмгольца, существенно новую творческую мысль. И по мѣрѣ того, какъ время шло, произошла счастливая перемѣна съ критиками Дарвина. Смѣсь невѣжества и наглости, характеризовавшая бо́льшую часть нападеній, сдѣланныхъ въ первое время на Дарвина, уже не составляетъ дурного признака антидарвинистскаго критицизма» (v. III, p. 132).

Книга Мивара и его статья представляютъ собою поразительное и краснорѣчивое свидѣтельство объ этой революціи. Въ первое время никто и слышать не хотѣлъ объ измѣнчивости видовъ, объ эволюціи; это была злая ересь. А теперь даже закоренѣлый противникъ Дарвина нападаетъ только на естественный подборъ, а противъ измѣняемости видовъ не только не смѣетъ сказать ни единаго слова, но самъ выставляетъ себя эволюціонистомъ и старается со всякими натяжками сдѣлать эволюціонистами даже католиковъ іезуитовъ, какъ бы ставя это имъ въ честь и заслугу, такъ какъ, признавая эволюцію, они гармонируютъ съ требованіями новой науки, и, наконецъ, проводитъ мысль, что между эволюціей, съ одной стороны и философіей и религіей—съ другой, нѣтъ антагонизма и противорѣчія и что Дарвинъ напрасно поставилъ ихъ въ оппозицію между собою. Вотъ какой чести удостоилась эволюція, ославленная было сначала какъ антирелигіозная и безнравственная система!

Шестое изданіе *Origin of Species* явилось въ 1872 году со множествомъ поправокъ и значительныхъ дополненій. Съ внѣшней стороны оно невыгодно отличалось отъ предшествующихъ изданій; было напечатано компактно, болѣе мелкимъ шрифтомъ и на худшей бумагѣ, вѣроятно, въ видахъ дешевизны. Самымъ существеннымъ дополненіемъ была цѣлая глава (VII), посвященная разбору разныхъ возраженій Бронна, Брока, Негели и др.; большая же часть главы занята опроверженіемъ возраженій Мивара. Разбору ихъ Дарвинъ предпослалъ слѣдующія замѣчанія: «Замѣчательный зоологъ, С. Ж. Миваръ, собралъ недавно всѣ возраженія, высказанныя мною и другими противъ теоріи естественнаго подбора, какъ она была предложена Уоллесомъ и мною, и иллюстрировалъ ихъ съ удивительнымъ искусствомъ и силою. Представленные въ такомъ видѣ, они кажутся страшнымъ боевымъ строемъ; и такъ какъ въ планы Мивара не входило приводить разные факты и соображенія, противорѣчащія его заключеніямъ, то требуется не малыхъ усилій ума и памяти со стороны читателя, который пожелалъ бы взвѣсить доказательства обѣихъ сторонъ. Разбирая частные случаи, Миваръ проходитъ молчаніемъ дѣйствія усиленнаго употребленія или не-

употребленія частей организма, которымъ я вездѣ придавалъ большое значеніе и въ моемъ сочиненіи *Измѣненія домашнихъ животныхъ и растеній* изложилъ ихъ съ большею подробностью, чѣмъ какой-либо другой авторъ. Такъ же точно онъ часто полагаетъ, будто я не придаю никакого значенія измѣненіямъ самимъ по себѣ, независимо отъ естественнаго подбора, между тѣмъ какъ я въ упомянутомъ сочиненіи собралъ прочно установленныхъ случаевъ такого измѣненія гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ можно найти въ какомъ-либо другомъ извѣстномъ мнѣ сочиненіи. Конечно, мое сужденіе, можетъ быть, не заслуживаетъ довѣрія, но, внимательно прочитавши книгу Мивара и сравнивши каждый отдѣлъ ея съ тѣмъ, что я говорилъ о томъ же предметѣ, я тверже, чѣмъ когда-либо прежде, убѣдился въ общей истинѣ моихъ заключеній, въ которыхъ, конечно, при такой сложности предмета неизбѣжны частныя ошибки» (*Origin of Species,* 6 ed., p. 176—177). Въ этомъ же шестомъ изданіи Дарвинъ счелъ нужнымъ упомянуть о той же революціи во взглядахъ натуралистовъ, о которой говорилъ Гексли. Въ заключеніи книги онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Для свидѣтельства о прежнемъ положеніи вещей я удержалъ въ предшествующемъ параграфѣ и въ другихъ мѣстахъ нѣсколько фразъ, имѣющихъ значеніе только при томъ предположеніи, что натуралисты вѣрятъ въ особое сотвореніе каждаго вида; и меня много порицали за то, что я выражался такимъ образомъ. Но, вѣдь, несомнѣнно же, что таково было общее убѣжденіе въ то время, когда явилось первое изданіе этой книги. Я прежде говорилъ объ эволюціи съ весьма многими натуралистами и ни разу не встрѣтилъ сочувственнаго согласія. Вѣроятно, нѣкоторые и тогда признавали эволюцію, но или молчали, или выражались такъ двусмысленно, что не легко было понять смыслъ ихъ словъ. Теперь же дѣло совершенно измѣнилось и почти всякій натуралистъ принимаетъ великій принципъ эволюціи» (*Or. of Sp.,* p. 724). Это шестое изданіе было послѣднее, исправленное авторомъ; затѣмъ въ послѣдующіе годы, какъ по смерти автора, такъ и при жизни его, это изданіе перепечатывалось безъ всякихъ измѣненій. При жизни автора до 1882 года напечатано было въ разное время 14 тысячъ экземпляровъ, а по его смерти до 1889 года еще 13 тысячъ; такъ что всѣ изданія, начиная съ перваго, составляютъ всего 36 тысячъ экземпляровъ.

Наконецъ, та революція въ біологическихъ взглядахъ, о которой говорили Гексли и Дарвинъ, была засвидѣтельствована слѣдующимъ торжественнымъ актомъ: на съѣздѣ британской ассоціаціи въ Оксфордѣ въ 1860 году теорія Дарвина, какъ начинающій новичокъ, должна была бороться и съ трудомъ пробивать себѣ дорогу, поддерживаемая немногими бойцами окруженная многочисленными врагами. Но вотъ что произошло на съѣзд той же ассоціаціи въ Бельфастѣ въ 1874 году. Тиндалль, въ качеств предсѣдателя, произнесъ здѣсь блестящую рѣчь, въ которой представил очеркъ исторіи эволюціи и закончилъ ее краснорѣчивымъ анализомъ *Origi of Species* и его блестящаго успѣха, при всеобщемъ сочувствіи сл

шателей. Ляйелль, поздравляя Дарвина, говорилъ, что это была настоящая овація ему и его теоріи. А подъ конецъ жизни Дарвинъ составляетъ уже предметъ національной гордости англичанъ и онъ былъ погребенъ, какъ извѣстно, рядомъ съ Ньютономъ, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, этомъ пантеонѣ англійскихъ знаменитостей. Какъ обращикъ того, какъ теперь говорятъ о Дарвинѣ англичане даже не изъ ученой среды, можно привести одно мѣсто изъ рѣчи, произнесенной лордомъ Дерби на актѣ въ одномъ учебномъ заведеніи. Сказавши, что, на основаніи своихъ наблюденій надъ разными профессіями, онъ пришелъ къ тому заключенію, что самые счастливые люди тѣ, которые посвятили себя наукѣ, лордъ продолжалъ: «Каждый шагъ здѣсь интересенъ и достигнутые результаты прочны. Какой полководецъ или ораторъ, какой государственный человѣкъ или литераторъ могутъ надѣяться оставить по себѣ такую память, какую оставилъ Дарвинъ? Слабый здоровьемъ, рѣдко отлучавшійся изъ дома и до послѣднихъ лѣтъ мало извѣстный публикѣ, онъ, однако, изъ своего тихаго кабинета революціонировалъ мысль Европы и будетъ памятенъ такъ же долго, какъ Ньютонъ или Беконъ. Если бы слава стоила того, чтобы для нея работать,—я не говорю она стоитъ,—то несомнѣнно, что этого рода слава самая прочная и самая желательная» (*Nature,* October 2 1890, № 1092).

Успѣхъ книги Дарвина въ Англіи соблазнилъ американскихъ издателей и тотчасъ по появленіи *Origin of Species* въ Англіи оно было перепечатано въ С. Америкѣ. И здѣсь теорія Дарвина на первыхъ порахъ была встрѣчена очень враждебно. Злостныя или пренебрежительныя и насмѣшливыя критики посыпались массами. Противниковъ теоріи возбуждалъ и поощрялъ примѣръ такого высокаго и общепризнаннаго авторитета, какъ Агассицъ. Въ своемъ разборѣ книги Дарвина (въ *American Journal of Science and Arts,* July 1860) онъ на основаніи, главнымъ образомъ, теологическихъ и метафизическихъ соображеній произнесъ надъ теоріей слѣдующій рѣшительный приговоръ: «Аргументы, представленные Дарвиномъ въ пользу всеобщаго происхожденія отъ одной первичной формы всѣхъ особенностей, существующихъ нынѣ между живыми существами, не произвели на мой умъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. А потому до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что относительно фактовъ природы ошибались именно тѣ, которые собрали ихъ, и что эти факты имѣютъ совершенно другое значеніе, чѣмъ какое придается имъ всѣми,—я буду считать теорію измѣняемости научною ошибкой, невѣрной въ своихъ фактахъ, не[ч]ной по своему методу и зловредной по своей тенденціи» (v. II, p. 184). [И] въ Америкѣ, такъ же какъ въ Англіи, самыми жестокими противни[ка]ми теоріи были не ученые спеціалисты по естествознанію, а оффиціальные представители другихъ областей знанія. Такъ, напримѣръ, въ *North American Review* (April 1860) былъ напечатанъ очень враждебный разборъ [без] подписи автора; но Дарвинъ узналъ, что авторъ есть Боуэнъ, профессоръ естественной религіи и моральной философіи въ Гарвардскомъ уни-

верситетѣ. Самое существенное возраженіе его было таково. Если Дарвинъ правъ, то мы должны были бы находить въ геологическихъ пластахъ «безчисленное множество другихъ разновидностей—неуклюжихъ, грубыхъ, нецѣлесообразныхъ—безсмысленныхъ созданій безсознательной причины» (v. II, p. 304). Объ этомъ разборѣ Дарвинъ писалъ Гукеру: «А. Грей прислалъ мнѣ статью изъ Соединенныхъ Штатовъ, очень ловкую и до смерти враждебную мнѣ. Но одинъ ея аргументъ забавенъ. Авторъ говоритъ, что если моя теорія вѣрна, то геологическіе пласты должны быть переполнены чудовищами, которыхъ, однако, мы не находимъ. Ясное же понятіе имѣетъ онъ о борьбѣ за существованіе» (v. II, p. 304). Не довольствуясь этою статьей, профессоръ естественной религіи напечаталъ противъ Дарвина еще обширный мемуаръ въ изданіяхъ American Academy of Arts and Sciences. По поводу этой критики Дарвинъ писалъ А. Грею: «Благодарю васъ за присылку разбора Боуэна in 4-to. То хладнокровіе, съ какимъ онъ всѣхъ животныхъ лишаетъ ума, просто нелѣпо. А какая чудовищность на стр. 103: онъ споритъ противъ возможности накопленія измѣненій и при этомъ совершенно упускаетъ изъ вида естественный подборъ. Случай, чтобы улучшенный тортонскій скотъ или улучшенный голубь дутышъ получились вслѣдствіе накопленія измѣненій безъ подбора со стороны человѣка, составляетъ почти невозможность; то же и съ естественными видами безъ естественнаго подбора» (v. II, p. 354). И въ другомъ письмѣ къ нему же онъ такъ выражается о своемъ неумолимомъ критикѣ: «Вы когда-то говорили мнѣ о проф. Боуэнѣ, какъ о весьма дѣльномъ человѣкѣ. Судя по его сочиненіямъ, я считаю его совсѣмъ ненаблюдательнымъ человѣкомъ. Вѣроятно, ему никогда не приходилось видѣть много животныхъ, а иначе онъ замѣтилъ бы разницу между старыми умными и молодыми собаками. Но верхъ совершенства его статья о наслѣдственности. Скажите животноводу, что, выбирая самыхъ худшихъ особей изъ своихъ животныхъ и оставляя ихъ для развода, онъ навѣрное можетъ разсчитывать на полученіе призовъ, — онъ сочтетъ васъ сумасшедшимъ» (v. II, p. 372). Другой профессоръ Гарвардскаго университета, юристъ Парсонъ, тоже явился критикомъ Дарвина и поправлялъ и передѣлывалъ его теорію (въ *Amer. Jour. of Scien. a. Ar.*). Но и объ его критикѣ Дарвинъ выразился въ письмѣ къ Ляйеллю, что она «ничего не стоитъ». Наконецъ, и геологъ Лоуэлль написалъ разборъ теоріи Дарвина съ всевозможными возраженіями и поправками. И о немъ Дарвинъ отозвался такимъ образомъ: «Его разборъ написанъ мило; но сейчасъ видно, что авторъ не натуралистъ» (v. II, p. 319).

Но въ газетахъ Дарвину и въ Америкѣ посчастливилось также, как и въ Англіи. Въ американскомъ *New York Times* (мартъ 1860) была напечатана объ его теоріи статья, хотя и не очень солидная и глубокая въ научномъ отношеніи, но очень живая и эффектная, отнесшаяся къ тео и безпристрастно и даже благожелательно. По мнѣнію Дарвина, она дол а была произвести значительное впечатлѣніе на публику. Единственн ъ защитникомъ теоріи и ея пропагандистомъ въ Америкѣ былъ А. Грей. ъ

былъ въ Америкѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ въ Англіи Гекели: главнымъ агентомъ по распространенію новаго ученія, несмотря на то, что самъ не вполнѣ раздѣлялъ его; такъ что и этотъ американскій апостолъ эволюціи, подобно англійскому, не былъ слѣпымъ и безотчетнымъ послѣдователемъ учителя, покорно принимавшимъ всякое его слово. Его первая статья о новой теоріи (въ *Amer. Jour. of Scien. a. Ar.*, march. 1860) была написана въ такомъ же духѣ и съ такимъ же расположеніемъ къ ней, какъ и статья Гекели въ *Times*; не раздѣляя ея вполнѣ, онъ очень высоко цѣнилъ ее и признавалъ, что есть множество сильнѣйшихъ аргументовъ въ ея пользу и что она вполнѣ соотвѣтствуетъ духу естествознанія. Выставляя контрастъ между взглядами Дарвина и Агассица, А. Грей говоритъ, между прочимъ: «Теорія Агассица смотритъ на происхожденіе видовъ и на ихъ настоящее распредѣленіе по земному шару, какъ на фактъ первичный и сверхъестественный; теорія же Дарвина представляетъ его, какъ фактъ производный и естественный» (v. II, p. 286). И нужно замѣтить, что А. Грей былъ послѣдователемъ новой теоріи въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Гекели, который только первое время и только для сохраненія критическаго безпристрастія сдержанно относился къ ней, а въ глубинѣ души безусловно принималъ ее; а А. Грей и въ глубинѣ души принималъ не всю теорію, не во всемъ ея объемѣ. На первыхъ порахъ, да и потомъ долго, онъ не могъ согласиться съ Дарвиномъ въ томъ, что измѣненіе и развитіе видовъ идетъ какъ ни попало, въ какую угодно сторону, безпринципно, безъ всякаго опредѣленнаго и, притомъ, уже напередъ существовавшаго плана. Самъ онъ признавалъ такой планъ, руководившій измѣненіемъ видовъ, и видѣлъ доказательства его предсуществованія во всѣхъ органическихъ цѣлесообразностяхъ. А затѣмъ и самый естественный подборъ не казался ему достаточнымъ объясненіемъ измѣненія видовъ и пути, пройденнаго измѣненіемъ; онъ представлялъ себѣ, что естественнымъ подборомъ, аналогично съ человѣческимъ подборомъ, должна руководить особая сила, не разысканная и не разъясненная Дарвиномъ. Дарвинъ открылъ и разъяснилъ только машину или механизмъ, производящій измѣненіе видовъ; сила же, приводящая въ дѣйствіе этотъ механизмъ, остается неизвѣстною. Поэтому онъ говорилъ, что ученіе Дарвина не заслуживаетъ названія *теоріи*, а должно называться только *гипотезой*. На это Дарвинъ возражалъ въ письмѣ къ нему: «Указанное вами различіе между гипотезой и теоріей весьма остроумно; но, мнѣ кажется, оно никогда не дѣлается. Всѣ говорятъ о волнообразной *теоріи* свѣта; однако, самый эѳиръ есть вещь ипотетическая и объ его волнообразныхъ движеніяхъ мы заключаемъ изъ того, что они объясняютъ намъ явленія свѣта. Даже въ *теоріи* тяготѣнія притягательная сила намъ тоже неизвѣстна или извѣстна только тѣмъ, что она объясняетъ намъ паденіе яблока и движенія планетъ. По моему мнѣнію, гипотеза *развивается* до степени теоріи въ томъ случаѣ, если она объясняетъ большую массу фактовъ» (v. II, p. 286). По поводу этихъ возраженій Дарвинъ былъ обрадованъ слѣдующимъ пріятнымъ сюрпризомъ,

о которомъ онъ разсказалъ въ письмѣ къ Ляйеллю: «Въ виду возраженія Бронна, что мы не можемъ сказать, какъ возникла жизнь, а также до нѣкоторой степени и замѣчанія А. Грея, что естественный подборъ не есть vera causa, мнѣ интересно было прочитать случайно въ *Life of Newton* (Жизнь Ньютона) Брьюстера, что Лейбницъ возражалъ противъ закона тяготѣнія тѣмъ, что Ньютонъ не можетъ показать, что̀ такое само тяготѣніе. По случайному совпаденію я пользовался въ своихъ письмахъ этимъ самымъ аргументомъ, ничего не зная, возражалъ ли дѣйствительно кто-нибудь такимъ образомъ противъ закона тяготѣнія. Ньютонъ на это возраженіе отвѣтилъ, что если бы кто-нибудь объяснилъ движенія механизма часовъ, то это было бы научное физическое объясненіе, хотя бы мы и не знали, отчего гири опускаются внизъ» (v. II, p. 289 и 290). Но, несмотря на неполное согласіе съ теоріей, А. Грей былъ столь же горячимъ, дѣятельнымъ и успѣшнымъ проповѣдникомъ ея, какъ Гексли; и чѣмъ подробнѣе онъ изучалъ ее, тѣмъ больше втягивался въ нее. И онъ, подобно Гексли, писалъ антикритики, велъ устныя пренія, говорилъ рѣчи и хлопоталъ о второмъ американскомъ изданіи *Origin of Species*. Дарвинъ писалъ Гукеру: «Битва яростна свирѣпствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Грей говоритъ, что онъ приготовляетъ рѣчь, которая займетъ полтора часа и которая, какъ онъ разсчитываетъ, произведетъ ошеломляющее дѣйствіе. Онъ сражается блистательно и на собраніяхъ вступалъ въ большія пренія съ Агассицомъ и другими» (v. II, p. 314). Эти пренія происходили на засѣданіяхъ американской академіи и были напечатаны въ ея протоколахъ (1860 въ апрѣлѣ). При посредничествѣ Дарвина эти пренія были перепечатаны въ англійскомъ *Athenaeum*. Дарвинъ былъ въ восторгѣ и удивлялся аргументамъ, возраженіямъ и опроверженіямъ Грея, находя ихъ сжатыми, сильными, ясными и оригинальными.—Затѣмъ Грей напечаталъ подробный разборъ и опроверженіе въ *Atlantic Monthly* (іюль—октябрь 1860) враждебныхъ статей Агассица, Боуэна и Парсона. Этотъ разборъ былъ изданъ въ Лондонѣ отдѣльною брошюрой. Не одинъ Дарвинъ, а и другіе знатоки дѣла высоко цѣнили это сочиненіе Грея и считали его дѣйствительнымъ противуядіемъ противъ безчисленныхъ нападокъ на Дарвина. Былъ такой случай, сообщенный Дарвиномъ въ письмѣ къ А. Грею. Лондонскій епископъ ехидно и съ злорадствомъ спросилъ Ляйелля, что онъ думаетъ о разборѣ въ Quarterly, написанномъ, какъ мы видѣли, оксфордскимъ епископомъ зло и заносчиво, но невѣжественно. На вопросъ епископа Ляйелль отвѣтилъ: а прочитайте-ка А. Грея въ *Atlantic*. Вѣроятно, и самъ епископъ въ душѣ подумалъ, что оксфордскому епископу далеко до А. Грея и что послѣдній гораздо компетентнѣе его преосвященства въ данномъ вопросѣ.

Благодаря отчасти пропагандѣ А. Грея, а главнымъ образомъ, конечно, своей внутренней силѣ и убѣдительности, новая теорія и въ Америк дѣлала столь же быстрыя и обширныя завоеванія, какъ и въ Англіи. Вскорѣ потребовалось новое второе изданіе *Origin* и трое издателей одновременно принялись за перепечатку; но А. Грей убѣдилъ двоихъ изъ ни

отказаться отъ перепечатки, а для третьяго взялся внести въ изданіе всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя во второмъ англійскомъ изданіи и въ рукописи, приготовленной для третьяго изданія. Американскій издатель расщедрился и за эти дополненія заплатилъ Дарвину 22 фунта стерлинговъ, что просто растрогало Дарвина, и онъ написалъ Грею: «Если вы еще будете имѣть сношеніе съ Апльтономъ (издателемъ), то, пожалуйста, передайте мою признательность за его благородство; потому что, по моему мнѣнію, это, дѣйствительно, благородство» (v. II, p. 310). Американскія ученыя общества тоже почтили Дарвина своимъ вниманіемъ и онъ избранъ былъ (1860 г.) корреспондентомъ академіи естественныхъ наукъ въ Филадельфіи, и писалъ по этому поводу Ляйеллю: «Это показываетъ, что тамъ нѣкоторые натуралисты не считаютъ меня такимъ научнымъ убожествомъ, какъ нѣкоторые считаютъ меня здѣсь» (v. II, p. 307). Противники теоріи, ведшіе борьбу съ ней, складывали оружіе и становились ея послѣдователями. Таковъ былъ, наприм., извѣстный американскій натуралистъ Лескере, по поводу котораго Дарвинъ писалъ Гукеру: «Я получилъ громадное письмо отъ Лео Лескере о каменноугольной флорѣ. Онъ написалъ нѣсколько отличныхъ статей въ *Silliman* (*Journal of Sciences*) противъ взглядовъ *Origin*; но теперь,—говоритъ онъ,—перечитавши мою книгу, онъ обратился!» (v. III, p. 31—32). А, наконецъ, съ теченіемъ времени, и въ Америкѣ новая теорія восторжествовала и добилась всеобщаго признанія. Бѣдный Агассицъ еще дожилъ до того времени, когда въ сознаніи своего пораженія вынужденъ былъ сказать своему торжествующему противнику: vicisti Galilee! Незадолго передъ смертью въ разговорѣ съ Тиндалемъ онъ съ грустью и болью въ сердцѣ долженъ былъ сдѣлать такое досадное признаніе: «Я никакъ не ожидалъ, чтобы эта теорія была такимъ образомъ принята лучшими умами нашего времени; ея успѣхъ превосходитъ все, что я могъ себѣ вообразить» (Krause, S. 172).

М. А.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Итоги IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ.

Ученые съѣзды, получившіе у насъ, повидимому, безспорное право гражданства, принадлежатъ къ числу наиболѣе отрадныхъ явленій въ русской жизни. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что простое личное общеніе дѣятелей науки уже имѣетъ благотворное вліяніе на ея развитіе, усиливая въ изслѣдователѣ интересъ къ чужой работѣ и возбуждая желаніе облегчить посильнымъ содѣйствіемъ чужой трудъ. Еще важнѣе объективные результаты съѣздовъ: они не только даютъ возможность провѣрить выводы собственной работы критическимъ обмѣномъ мыслей со спеціалистами, но и наглядно знакомятъ съ современнымъ состояніемъ различныхъ отраслей той или другой науки. Но, помимо научнаго значенія, съѣзды имѣютъ и культурную важность. Матеріальное и моральное содѣйствіе съѣздамъ со стороны представителей власти, радушный пріемъ городского самоуправленія, сочувственное отношеніе мѣстнаго населенія,—словомъ, всѣ проявленія безкорыстнаго уваженія къ чистой наукѣ со стороны государства и общества должны имѣть важное воспитательное вліяніе особенно въ той средѣ, гдѣ обскурантизмъ имѣетъ еще нѣкоторые шансы на успѣхъ, и въ такія времена, когда реакція всячески старается заподозрить науку и просвѣщеніе. Археологическіе съѣзды, помимо этого, имѣютъ еще особое значеніе по самому свойству интересующей ихъ науки: археологія часто имѣетъ дѣло съ неподвижнымъ монументальнымъ матеріаломъ, который необходимо изучать на мѣстѣ его пребыванія; поэтому съѣзды въ различныхъ пунктахъ нашего обширнаго отечества разными способами вызываютъ изученіе мѣстныхъ древностей. Подготовка къ съѣзду часто имѣетъ результатомъ обширныя изданія мѣстныхъ матеріаловъ, а новый матеріалъ всегда в - буждаетъ ученый интересъ, и изданія источниковъ или сопровождаю я спеціальными монографіями, или ихъ вызываютъ. Кромѣ того, пріѣзж е археологи получаютъ возможность, благодаря съѣзду, обстоятельно озн - комиться съ мѣстною стариной и сдѣлать ее предметомъ своихъ изслѣ - ваній. Но, что особенно важно, археологическіе съѣзды въ состояніи в - буждать въ мѣстномъ населеніи не только пассивный, но и активный и -

тересъ къ наукѣ. Археологія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, предъявляетъ своимъ адептамъ менѣе суровыя требованія относительно научной подготовки, чѣмъ многія другія науки. Здѣсь уже простое коллекціонерство не пустая забава, а если собиратель составитъ тщательное иллюстрированное описаніе своей коллекціи, то такой каталогъ имѣетъ уже научное значеніе. Кромѣ того, даже только диллетантизмъ въ этой сферѣ имѣетъ культурную цѣну: онъ развиваетъ уваженіе къ монументальнымъ остаткамъ старины, какъ къ объекту научнаго изученія, и предохраняетъ ихъ отъ варварскаго разрушенія и отъ неумѣлой реставраціи, которая, къ сожалѣнію, весьма часто отличается тоже варварскимъ характеромъ. Наконецъ, интересъ къ старинѣ не только научаетъ лучше понимать прошлое, но и разумнѣе любить его, отличать въ немъ культурныя силы отъ тѣхъ преградъ, которыя мѣшали ихъ развитію. Археологическіе съѣзды, собирая въ извѣстномъ пунктѣ на совмѣстную работу спеціалистовъ, имѣютъ важное значеніе и съ этой точки зрѣнія. Рефераты спеціалистовъ и вызванныя ими пренія знакомятъ съ научными методами изслѣдованія, служатъ хорошею школой для мѣстныхъ любителей; съ другой стороны, объективное изслѣдованіе прошлаго, составляющее характерный признакъ настоящаго ученаго, научаетъ любителя правильно понимать старину, не преклоняться передъ всѣмъ, что было и быльемъ поросло, и не дѣлать изъ науки слѣпое орудіе личныхъ вожделѣній. Эта благотворная связь между спеціалистами и любителями, начинаясь на съѣздахъ, можетъ и не оканчиваться съ ихъ закрытіемъ, такъ какъ постоянныя учрежденія, вродѣ московскаго археологическаго общества, никогда не отказываютъ въ поддержкѣ и содѣйствіи мѣстнымъ изслѣдователямъ старины. Вслѣдствіе всего этого послѣдній археологическій съѣздъ въ Вильнѣ имѣетъ право на общественное вниманіе не только по своимъ научнымъ результатамъ, но и по тому впечатлѣнію, которое онъ долженъ былъ оставить въ нѣкоторыхъ слояхъ мѣстнаго населенія.

Виленскій съѣздъ работалъ очень усердно: въ 11 дней, находившихся въ его распоряженіи, состоялось 30 засѣданій, во время которыхъ было сдѣлано болѣе 80 докладовъ и сообщеній. Это обиліе работъ не даетъ возможности познакомить читателя съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности; намъ даже недостало бы мѣста для подробнаго анализа и наиболѣе значительныхъ рефератовъ. Поэтому мы ограничимся краткою характеристикой ученыхъ докладовъ и сообщеній по тѣмъ отраслямъ археологической науки, какія были представлены на съѣздъ, и попытаемся дать общій эскизъ со[ѣ]стной работы собравшихся въ Вильнѣ археологовъ.

По богатству рефератовъ и по обилію и живости вызваннаго ими об[м]ѣна мнѣній первое мѣсто на съѣздѣ занимала секція первобытныхъ древ[н]остей. Сдѣланныя здѣсь сообщенія отличались разнообразіемъ содержанія: [н]есть докладовъ сообщала результаты новыхъ раскопокъ; иные давали из[с]лѣдованія по частнымъ вопросамъ, иные пытались систематизировать до[с]тный матеріалъ и такимъ путемъ подготовить его для болѣе широкихъ

выводовъ. Предметомъ особаго интереса археологовъ служила могила. Рефератъ проф. Завитневича—*Формы погребальнаго обряда въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ, Минской губерніи*,—основанъ на раскопанныхъ авторомъ 627 курганахъ; основаніемъ для доклада проф. Антоновича—*Погребальный типъ могилъ радимичей*—послужили данныя 262 кургановъ, изъ которыхъ авторомъ раскопано 115. Г. Фурсовъ докладывалъ о могилахъ, раскопанныхъ въ 5 уѣздахъ Могилевской губерніи, г. Люба-Радзиминскій—о могилахъ западной Волыни, г. Житинскій—о кладбищѣ въ селѣ Рыкань, Дубенскаго уѣзда, г. Селивановъ — о Борковскомъ могильникѣ близъ Рязани (болѣе 111 могилъ), г. Татуръ — о курганахъ Минской губерніи, графъ де-Флери — о ятвяжскихъ кладбищахъ. Двѣ характерныхъ черты, свидѣтельствующихъ о развитіи научности въ этой отрасли археологіи, составляютъ принадлежность большинства рефератовъ по курганнымъ древностямъ,—тщательное обслѣдованіе памятниковъ и осторожность выводовъ. Нѣкоторые референты, какъ г. Житинскій, ограничивались почти исключительно обстоятельнымъ описаніемъ добытаго матеріала; другіе шли дальше, но старательно обосновывали каждый шагъ впередъ. Совершенно естественно, что ближайшій выводъ изъ могильныхъ раскопокъ—выясненіе различныхъ формъ погребальнаго обряда и ихъ взаимное отношеніе. Этому вопросу посвятили свои рефераты гг. Завитневичъ и Антоновичъ, причемъ первый попытался рѣшить его статистическимъ путемъ. Опираясь на цифровыя данныя, указывающія на отношенія между могилами различныхъ погребальныхъ типовъ, проф. Завитневичъ доказывалъ, что трупосожженіе не было господствующимъ обрядомъ въ изслѣдуемой имъ мѣстности, что оно занесено на правый берегъ Днѣпра съ бассейна Десны, что наибольшее распространеніе имѣло погребеніе, причемъ чаще всего покойниковъ клали на поверхности земли, тогда какъ погребеніе въ насыпи кургана и въ ямахъ подъ курганомъ имѣло второстепенное значеніе и послѣдній обрядъ былъ занесенъ изъ древлянскихъ поселеній. Эти выводы не встрѣтили возраженій со стороны съѣзда, тѣмъ не менѣе, референтъ счелъ нужнымъ оговориться, что относительно «сравнительной древности отдѣльныхъ погребальныхъ типовъ и ихъ предполагаемаго взаимодѣйствія—обо всемъ этомъ въ рефератѣ говорится въ условномъ смыслѣ». Въ рефератѣ проф. Антоновича погребальный типъ у радимичей описанъ съ такою документальною точностью, что присутствовавшіе спеціалисты могли только съ благодарностью констатировать безупречную строгость научныхъ пріемовъ референта. Вѣроятно, этимъ желаніемъ довести до подобающей научной высоты чисто-археологическое изслѣдованіе об ясняется отсутствіе попытокъ у археологовъ привести въ связь монуме тальныя данныя съ старинными взглядами на загробную жизнь и путе широкаго историко-культурнаго сравненія освѣтить исторію погребальна обряда. Такой пріемъ можетъ казаться пока преждевременнымъ, такъ ка далеко не всѣ детали похороннаго обряда достаточно выяснены наличн ми археологическими источниками. Таковъ, наприм., вопросъ о происхо

деніи полуобожженныхъ скелетовъ, затронутый рефератомъ г. Татура, или объ окрашенныхъ скелетахъ, которымъ посвященъ интересный рефератъ проф. Антоновича.

Крайняя осторожность въ выводахъ, гарантирующая имъ значительную степень научной достовѣрности, обусловливается также трудностью хронологическаго и этнографическаго опредѣленія курганныхъ древностей. При современномъ состояніи археологіи, по самому памятнику въ огромномъ большинствѣ случаевъ нельзя точно опредѣлить ни время его происхожденія, ни народность его творца. Такъ, гг. Завитневичъ и Антоновичъ ограничиваются только хронологическими указаніями монетъ, находимыхъ въ курганахъ, хотя добытыя такимъ путемъ даты устанавливаютъ только самый древній предѣлъ происхожденія данной могилы, да и въ этомъ отношеніи имѣютъ абсолютное значеніе только для тѣхъ немногихъ кургановъ, въ которыхъ монеты встрѣчаются. Г. Селивановъ въ упомянутомъ докладѣ и г. Сизовъ въ рефератѣ: *О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ* опредѣляютъ хронологію найденныхъ ими памятниковъ по ихъ собственнымъ признакамъ, но эти по существу правильные пріемы пока еще не приводятъ къ безспорнымъ заключеніямъ. Прежде всего, даже общее наблюденіе г. Селиванова, что предметы, находимые въ могилахъ съ погребенными покойниками, гораздо древнѣе тѣхъ, которые встрѣчаются при трупосожженіи, такъ какъ обработка послѣднихъ несравненно выше, имѣло бы несомнѣнное хронологическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что оба типа могилъ созданы однимъ народомъ. За ближайшими хронологическими опредѣленіями самъ авторъ признаетъ только «нѣкоторую вѣроятность», и дѣйствительно, методъ изслѣдованія въ данномъ случаѣ и не можетъ привести къ другимъ результатамъ. Г. Селивановъ считаетъ позднѣйшею датой предметовъ, найденныхъ въ Борковскомъ могильникѣ, VIII — IX вѣка нашей эры, такъ какъ къ этой эпохѣ относятся найденныя тамъ монеты, хотя такое заключеніе, особенно въ виду сравнительной рѣдкости монетъ въ могилахъ, не имѣетъ строго-научной обязательности. Что касается основаній, по которымъ дѣлается выводъ о древнѣйшей датѣ этихъ памятниковъ, то они отличаются еще большею шаткостью. Г. Селивановъ принимаетъ «за первоначальную дату Борковскаго могильника V — VI вѣка нашей эры», такъ какъ, во-первыхъ, найденныя тамъ крестообразныя и арбалетныя фибулы указываютъ на римское вліяніе и «на время, близкое къ эпохѣ гето-дакійской колонизаціи послѣ покоренія римлянами царства даковъ,—стало быть, къ I—II вѣкамъ по Р. Х.»; во-вторыхъ, нѣкоторыя серебряныя бляшки Борковскаго могильника тождественны съ найденными въ одной осетинской могилѣ вмѣстѣ съ монетой Хозроя I (531 — 579 гг.); въ-третьихъ, «присутствіе желѣзныхъ топоровъ съ отверстіемъ вдоль и отсутствіе боевыхъ топоровъ обычнаго курганнаго типа также указываетъ на эпоху, когда въ памяти населенія еще жило представленіе о древнѣйшихъ бронзовыхъ кельтахъ», и въ-четвертыхъ, двѣ бронзовыя фибулы «относятся къ одному типу съ

человѣкообразными чудскими идолами, находимыми въ костищахъ Перискої губерніи и относимыми къ V и VI в. по Р. Х.». Едва ли нужно доказывать, что подобнаго рода доводы представляютъ собою только слабый намекъ на научную аргументацію. Г. Сизовъ опредѣляетъ хронологическіе предѣлы памятниковъ Дьякова городища (VI—VII столѣтія нашей эры, съ одной стороны, и X — съ другой) по стекляннымъ бусамъ, сходнымъ съ осетинскими, и по одной подковообразной фибулѣ съ эмалью, и его оппоненты на съѣздѣ вполнѣ справедливо называли эту хронологію недостаточно обоснованною. До какой степени спорны еще хронологическіе выводы, основанные на внѣшнихъ признакахъ находимыхъ предметовъ, лучше всего показываютъ пренія по поводу упомянутаго доклада г. Татура. Референтъ на основаніи своихъ находокъ доказывалъ принадлежность нѣкоторыхъ изъ раскопанныхъ имъ могилъ къ бронзовому вѣку, что рѣшительно отрицалъ проф. Завитневичъ, а проф. Антоновичъ относилъ даже эти памятники къ самому концу желѣзнаго вѣка.

Еще болѣе затрудненій встрѣчается при опредѣленіи національности народа, которому принадлежали тѣ или другіе курганные памятники. Проф. Завитневичъ даже и не поставилъ подобнаго вопроса относительно минскихъ могилъ; г. Сизовъ доказывалъ, на основаніи особенностей орнамента глиняныхъ сосудовъ, сходства костяныхъ издѣлій съ предметами, находимыми въ волжско-камскихъ городищахъ, и характера бронзовыхъ издѣлій, что Дьяково городище—созданіе финской народности, но на съѣздѣ оспаривали всѣ его аргументы: кн. Путятинъ находилъ аналогичный орнаментъ у лужницкихъ славянъ, г. Спицынъ отрицалъ сходство съ камскими городищами, а г. Жизневскій, на основаніи аналогичныхъ находокъ въ Тверскомъ краѣ, настаивалъ на смѣшанномъ характерѣ культуры Дьякова городища. Г. Селивановъ говорилъ о народности населенія, оставившаго Борковскій могильникъ, съ большою осторожностью; онъ только нашелъ на древнѣйшихъ предметахъ могильника вліяніе западно-славянской и литовской культуры, а на позднѣйшихъ — «слѣды иныхъ культурныхъ вліяній». Но въ преніяхъ по этому вопросу были высказаны самыя разнообразныя воззрѣнія: г. Спицынъ предполагалъ вліяніе готской культуры, г. Иловайскій допускалъ принадлежность могильника вятичамъ, гг. Самоквасовъ и Антоновичъ — финнамъ. Эти разногласія ясно показываютъ, что научность выводовъ, основанныхъ на археологическихъ данныхъ, зависитъ отъ детальнаго сравнительнаго изученія монументальныхъ памятниковъ, а для этого, прежде всего, необходимо систематическое описаніе результатовъ многочисленныхъ раскопокъ. Такую задачу и поставилъ себѣ г. Спицынъ в своемъ рефератѣ: *Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ дре ностей.* Но общая характеристика памятниковъ, найденныхъ на тѣ мѣстахъ, гдѣ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, жили различныя славянс племена, вызвали рядъ возраженій, которыя ясно показали, что полн разрѣшеніе и этой задачи принадлежитъ неблизкому будущему. Оказало что многія цѣнныя археологическія коллекціи еще не изданы, что о многи

раскопкахъ ничего неизвѣстно, не говоря уже о томъ, что масса матеріала еще находится въ землѣ. Кромѣ того, и наличные источники еще не даютъ возможности составить ихъ твердую и опредѣленную классификацію: степень и характеръ иноземныхъ вліяній еще подлежатъ изслѣдованію; цѣлую группу памятниковъ, какъ полянскія древности, приходится, по словамъ референта, пока обходить молчаніемъ, такъ какъ они не подходятъ къ славянскому типу, и т. д. Гораздо богаче выводами рефераты западно-европейскихъ ученыхъ: кенигсбергскаго профессора Бецценбергера и пражскаго Пича. Въ докладѣ перваго изъ нихъ—*О доисторическихъ древностяхъ восточной Пруссіи*—изложена геологическая ея исторія, констатировано существованіе тамъ человѣка палеолитической эпохи, причемъ авторъ доказываетъ, что литовцы жили здѣсь уже въ неолитическій періодъ и въ очень древнія времена распались на двѣ вѣтви: прусскую и литовскую. Далѣе проф. Бецценбергеръ указываетъ два послѣдовательные періода бронзоваго вѣка, причемъ первый характеризуется трупосожженіемъ, второй — погребеніемъ, и отмѣчаетъ тогдашнія культурныя связи съ Шлезвигомъ и Помераніей; въ заключеніе, по свойствамъ памятниковъ, желѣзный вѣкъ дѣлится на три періода и на основаніи археологическаго матеріала выясняется распространеніе торговли янтаремъ. Выводы проф. Пича, приславшаго на съѣздъ свои *Замѣтки о чешской археологіи*, гораздо смѣлѣе: опираясь на антропологическія и археологическія данныя, авторъ рѣшительно опровергаетъ литературныя показанія. По историческимъ свидѣтельствамъ, Чехію населяли первоначально боіи, потомъ маркоманы, наконецъ, съ VI в., чехи; по даннымъ раскопокъ, исконное населеніе—какіе-то долихоцефалы, потомъ появляются одновременно два народа: одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ. Первый хоронитъ своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи и пользуется преимущественно каменными орудіями; онъ остается здѣсь до начала нашей эры; у второго — преимущественно бронзовыя орудія и господствуетъ трупосожженіе; онъ живетъ до начала римской имперіи. Затѣмъ на сѣверѣ появляются боіи, которые хоронятъ покойниковъ въ лежачемъ положеніи и обладаютъ обильными бронзовыми и желѣзными предметами; но уже во II в. начинается на сѣверѣ колонизація чеховъ, которые сожигаютъ своихъ покойниковъ; къ VI в. они составляютъ главную массу населенія. Въ *Трудахъ* съѣзда будетъ, вѣроятно, изданъ интересный рефератъ проф. Пича съ болѣе обстоятельною аргументаціей автора; но, судя по современному состоянію сравнительной исторіи культуры, ему едва ли удастся опровергнуть историческія данныя литературныхъ источниковъ.

Изъ отдѣльныхъ эпохъ доисторическаго періода предметомъ особенно внимательнаго изученія былъ каменный вѣкъ. Посвященные ему рефераты распадаются на двѣ категоріи: одни изслѣдуютъ мѣста стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка и описываютъ найденные тамъ предметы, другіе мѣютъ цѣлью классифицировать орудія этой эпохи и выяснить постепенныя измѣненія отдѣльныхъ памятниковъ. Къ первой категоріи принадлежатъ

доклады: г. Люба-Радзиминскаго—*Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни,* графа Флери—*О неолитической стоянкѣ въ Кемпѣ* (Гродненской губерніи) и весьма обстоятельный рефератъ г-жи Мельникъ—*О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра,* въ которомъ авторъ характеризуетъ 40 мастерскихъ, раздѣливши ихъ на 3 географическія группы. Совершенно естественно, что за описаніемъ обильнаго матеріала, добытаго многочисленными раскопками, должны послѣдовать его классификація и историческое изученіе. Двѣ попытки въ этомъ направленіи представляютъ собою рефераты кн. Путятина: *Къ вопросу о дѣленіяхъ каменнаго вѣка въ Россіи* и *Каменный ножъ и его измѣненія.* Въ первомъ докладѣ авторъ предлагаетъ классифицировать памятники по 4 поясамъ: поясъ полярный съ населеніемъ не особенно древнимъ, поясъ сѣверныхъ лѣсовъ, поясъ центральный съ палеолитическими памятниками и степной поясъ. Эта скромная попытка вызвала характерное возраженіе барона де-Бай, который, считая всѣ классификаціи преждевременными, утверждаетъ, что «онѣ отстранили и продолжаютъ отстранять отъ доисторической археологіи многихъ серьезныхъ историковъ». Мы думаемъ, что то недовѣріе, о которомъ говоритъ де-Бай, обусловливается не классификаціями памятниковъ, а отсутствіемъ строго-научнаго метода ихъ изученія и незрѣлостью основанныхъ на нихъ выводовъ. Второй докладъ кн. Путятина не вызвалъ возраженій со стороны съѣзда. Бронзовому вѣку посвященъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ докладовъ на съѣздѣ, рефератъ проф. Антоновича—*О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра.* Основная мысль автора заключается въ томъ, что большая часть Европейской Россіи, все ея пространство отъ Днѣстра и Западнаго Буга до бассейна Камы, а также Финляндія, Прибалтійскій край, Литва и Бѣлоруссія не знали бронзоваго вѣка и отъ каменной эпохи прямо перешли къ желѣзнымъ орудіямъ. Чтобы обосновать это положеніе, г. Антоновичъ устанавливаетъ три категоріи существенныхъ признаковъ бронзоваго періода: во-первыхъ, такіе предметы изъ бронзы, которые должны были быстро исчезнуть и дѣйствительно исчезли послѣ ознакомленія съ желѣзомъ, какъ оружіе, а также топоры, ножи, серпы и бритвы, причемъ только обиліе такихъ предметовъ указываетъ самостоятельность бронзовой культуры, такъ какъ спорадическое ихъ нахожденіе можетъ обусловливаться торговыми сношеніями людей каменнаго вѣка съ обладателями бронзовой культуры или иммиграціей этихъ послѣднихъ въ среду желѣзныхъ орудій. Второй, болѣе прочный признакъ бронзоваго вѣка — присутствіе мастерскихъ съ орудіями производства и послѣдній признакъ составляетъ наличность гробницъ бронзоваго вѣка. Всѣ эти признаки совершенно отсутствуютъ въ указанныхъ предѣлахъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Новороссіи. Не ограничиваясь доказательствами этого общаго положенія, референтъ, на основаніи тщательнаго изученія памятниковъ бронзовой культуры, излагаетъ исторію ея появленія въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ встрѣчаются ея несомнѣнные признаки, устанавливаетъ два исходныхъ пункта ея распространенія. Одинъ центръ

бронзовой культуры находился въ центральной Азіи, и по финскимъ могиламъ можно прослѣдить ея распространеніе отъ Алтая до Урала, перешедши который, она достигла наивысшаго развитія въ бассейнѣ Камы, но дальше не пошла. Другимъ исходнымъ пунктомъ бронзовой культуры была передняя Азія, откуда финикіяне разнесли ее по всему бассейну Средиземнаго моря, а отсюда европейскіе проводники распространили ее до Восточной Европы, но ея границами остались здѣсь Днѣстръ, Смотричъ и Западный Бугъ. Откуда распространилась бронзовая культура Новороссійскаго края, которую, по характеру памятниковъ, нельзя отнести ни къ восточному, ни къ западному типу,— рѣшеніе этого вопроса проф. Антоновичъ ставитъ въ зависимость отъ раскопокъ въ области Дона, совершенно не изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи, такъ какъ тамъ можно предполагать открытіе переходныхъ формъ бронзовой культуры, которыя покажутъ, слѣдуетъ ли искать ея центра въ центральной Азіи или на Кавказѣ. Несмотря на всю осторожность выводовъ г. Антоновича, его рефератъ вызвалъ рядъ замѣчаній, которыя хотя и не подорвали заключеній референта, показали, однако, что появленіе новаго матеріала и болѣе обстоятельное ознакомленіе съ наличнымъ можетъ значительно видоизмѣнить его положенія. Такъ, проф. Анучинъ считалъ возможнымъ и теперь уже допустить на ряду съ двумя указанными центрами бронзовой культуры третій—кавказскій и весьма расширялъ сферу распространенія восточной культуры, находя ея значительные слѣды въ Вятской, Казанской, Уфимской, Самарской и даже Владимірской губерніяхъ. Что касается до Новороссіи, то, по его мнѣнію, находимые здѣсь памятники носятъ на себѣ вліяніе и восточнаго, и западнаго центровъ. Проф. Завитневичъ подвергъ нѣкоторому сомнѣнію надежность самихъ признаковъ, которыми референтъ доказывалъ отсутствіе самостоятельной бронзовой культуры въ данной мѣстности. Рѣдкость бронзовыхъ памятниковъ, типичныхъ для эпохи, можно объяснить тѣмъ, что ихъ передѣлывали позже въ украшенія; можно прибавить къ этому, что и въ бронзовый вѣкъ предметы изъ этого металла не имѣли такого распространенія, какъ раньше каменныя и позже желѣзныя орудія, и по причинѣ ихъ дороговизны. Кромѣ того, г. Завитневичъ замѣтилъ, что между Припетью и Западною Двиной съ одной стороны, Нѣманомъ и Днѣпромъ — съ другой встрѣчаются бронзовыя орудія, совершенно аналогичныя по формѣ съ многочисленными орудіями каменнаго вѣка, что наводитъ на мысль о ихъ мѣстномъ происхожденіи. Правда, всѣ эти соображенія не уничтожаютъ большой вѣроятности выводовъ проф. Антоновича, но они ясно показываютъ, что, при современномъ состояніи доисторической археологіи, и высокая тщательность пріемовъ изслѣдованія не приводитъ еще къ безспорнымъ заключеніямъ.

Весьма многочисленные и очень разнообразные рефераты по историческимъ эпохамъ затрогивали почти всѣ стороны быта и культуры. На первомъ планѣ стояла, конечно, русская археологія и тѣ вопросы западноевропейскаго прошлаго, которые имѣютъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ

русскою стариной. Западно-европейскому искусству былъ посвященъ только рефератъ барона де-Бай—*Объ Асторіскомъ ковчежцѣ для мощей,* въ которомъ авторъ далъ обстоятельное описаніе этого вестготскаго памятника IX вѣка и показалъ на немъ нѣкоторыя особенности варварской техники. Остальные доклады по западно-европейской исторіи касались прямо или косвенно также и Россіи. Таковъ обстоятельный рефератъ проф. Успенскаго: *Къ вопросу о готахъ,* въ которомъ авторъ, выясняя роль готовъ въ Византійской имперіи, особенно подробно останавливается на готской дружинѣ и отмѣчаетъ въ ея составѣ славянскій элементъ. По мнѣнію г. Успенскаго, извѣстія византійскихъ писателей «широкими чертами выясняютъ германскій дружинный бытъ» и могутъ служить дополненіемъ къ сообщеніямъ Тацита. Во время преній по поводу этого доклада, съ весьма авторитетной стороны было высказано мнѣніе, что готская дружина, вопреки взгляду референта, не играла значительной исторической роли, и теперь, до появленія въ печати реферата, трудно сказать, кто правъ въ этомъ спорѣ. Во всякомъ случаѣ, изъ показаній византійскихъ писателей, знавшихъ преимущественно наемную дружину и въ сравнительно позднее время, едва ли можно извлечь много надежныхъ данныхъ для характеристики Тацитовскаго comitatus, слагавшагося при совершенно иныхъ условіяхъ. Академикъ Васильевскій въ своемъ рефератѣ: *Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ,* на основаніи новыхъ данныхъ, окончательно установилъ, что знаменитый слагатель церковныхъ пѣсней, вошедшихъ въ составъ и нашего богослуженія, жилъ при Анастасіи I (491—518 г.). Рефератъ проф. Штерна—*Замѣтки по исторіи Ольвіи*—сообщалъ, на основаніи эпиграфическихъ данныхъ, нѣсколько новыхъ фактовъ изъ различныхъ эпохъ прошлаго этой греческой колоніи на русской почвѣ. Проф. Кирпичниковъ въ докладѣ: *О палладіумѣ Константинополя* показалъ, что въ языческую эпоху покровительницей города считалась статуя Судьбы, а позже такое же значеніе получили статуи Константина и Юстиніана, и въ преніяхъ по поводу реферата роль палладіумовъ въ русскихъ городахъ приписывалась не только чудотворнымъ иконамъ, но даже и каѳедральнымъ соборамъ (?).

Названными рефератами исчерпываются занимавшіе съѣздъ вопросы, которые относились къ византійскому и западно-европейскому прошлому Главная масса докладовъ касалась русской старины и затронула ее почти со всѣхъ сторонъ. Изученіе монументальныхъ памятниковъ, составляющихъ главный объектъ археологіи, ставитъ ее въ ближайшую связь съ исторіей искусства, и искусству, связанному съ Россіей или географически, или этнографически, былъ посвященъ на съѣздѣ цѣлый рядъ рефератовъ. Такъ докладъ г. Слуцкаго: *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ,* прочитанный на съѣздѣ только въ извлеченіи, представляетъ собою попытку опредѣлить различные типы этого памятника первобытнаго искусства, который чаще всего встрѣчается на русской территоріи, хотя районъ его распространенія далеко заходитъ за предѣлы Россіи. Профессоръ Кулаковскій въ своемъ рефератѣ: *О керченскихъ катакомбахъ съ фресками,* истолковалъ нѣсколь-

изображеній въ могилахъ древняго Пантикопея, опредѣливъ ихъ хронологію, стиль и значеніе. Наибольшее количество рефератовъ этого отдѣла посвящено древне-русской иконографіи: сюда относятся два доклада проф. Петрова — о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора и *О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энкоміонами*, докладъ г. Троицкаго: *Пѣснь Пѣсней въ фрескахъ тульскаго Успенскаго собора* и сдѣланное проф. Покровскимъ обстоятельное истолкованіе интереснаго памятника XII вѣка—фресокъ Спасо-Преображенскаго собора въ псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ. Весьма интересный вопросъ въ исторіи русской иконографіи затронулъ г. Истоминъ въ своемъ докладѣ: *Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи*. Предполагая участіе въ росписаніи лаврской соборной церкви итальянца Фредериче и его вліяніе на монастырскую иконописную школу, референтъ справедливо замѣчаетъ, что «параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси дастъ богатый матеріалъ для исторіи искусства съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ — византійско-русской и западно-латинской». Назначеніе съѣзда въ Вильнѣ должно было вызвать такое сравнительное изученіе иконографіи, но, къ крайнему сожалѣнію, не было представлено ни одного реферата подобнаго содержанія.

Весьма слабо затронута была на съѣздѣ древне-русская архитектура и нумизматика. Первой посвященъ былъ только одинъ докладъ г. Суслова объ упомянутомъ соборѣ Мирожскаго монастыря, въ которомъ онъ видитъ воспроизведеніе типа греко-византійскихъ церквей IX—XI вѣковъ. Профессору Петрову принадлежитъ единственный рефератъ по нумизматикѣ — *О монетахъ великаго кіевскаго князя Изяслава Ярославича*, которыя до сихъ поръ приписывались Ярославу I. Гораздо обильнѣе количество рефератовъ, основанныхъ на письменныхъ источникахъ или на данныхъ языка и касающихся различныхъ вопросовъ русской исторіи и древне-русскаго быта. Такъ, по исторической географіи г. Поповъ представилъ рефератъ, посвященный старому вопросу—*Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркелъ*, причемъ авторъ, обстоятельно изложивши исторію этого вопроса, самъ воздерживался отъ его рѣшенія. Нѣсколько докладовъ, посвященныхъ этнографіи, по своему содержанію не имѣютъ первостепеннаго значенія. Проф. Соболевскій совершенно справедливо настаивалъ на томъ, что названія поселеній съ окончаніями на *ово, овка, ино,* какъ Литвиновка или Мещерино, не имѣютъ этнографическаго значенія и произошли отъ фамилій владѣльцевъ. Проф. Маркевичъ безъ замѣтнаго успѣха старался опредѣлить національность населенія «восточнаго Черноморія» по изображеніямъ на грехъ памятникахъ, а проф. Филевичъ съ такими же результатами доказывалъ исконность русскаго населенія при Карпатахъ, сближая слова: «карпаты», «горбаты», «хорваты». Точно также не встрѣтила сочувствія неудачная попытка г. Виссендорфа вывести Русь съ береговъ притока Нѣмана, рѣки Руси. Посвященный славянской миѳологіи рефератъ г. Довнара-Запольскаго: *Къ вопросу о Лемѣ* имѣетъ цѣлью доказать на основаніи од-

ной свадебной пѣсни существованіе этого сомнительнаго божества, но проф. Соболевскій думаетъ, что въ единственной пѣснѣ, упоминающей это имя, слово «Лель» — сокращенное собственное имя жениха, котораго звали Фалелей. Юридическому и общественному быту древней Руси посвящено нѣсколько рефератовъ весьма различнаго значенія. Читателямъ *Русской Мысли* знакомъ интересный докладъ г-жи Ефименко: *О копныхъ судахъ* *), вызвавшій на съѣздѣ оживленныя и въ общемъ весьма лестныя для автора пренія. Проф. Платоновъ въ своемъ рефератѣ: *Объ огнищанахъ* сдѣлалъ предположеніе, что подъ огнищаниномъ слѣдуетъ разумѣть «то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго», и что по новгородскому употребленію слово «огнищане» обозначало дворянъ. Такое толкованіе вызвало оживленныя пренія, мало подвинувшія впередъ рѣшеніе этого вопроса. Докладъ проф. Чижова: *Нѣкоторыя черты брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губерніи* представляетъ собою сводъ по большей части давно уже извѣстныхъ фактовъ, хотя у автора встрѣчаются и оригинальныя соображенія, причемъ онъ даетъ символизму невѣроятно широкое приложеніе. Такъ, наприм., въ праздничныхъ гуляньяхъ молодежи на берегу рѣки и въ вѣчно-юномъ стремленіи отдѣльныхъ паръ уединиться въ сосѣдній лѣсокъ г. Чижовъ усматриваетъ преданіе сѣдой старины, безсознательный символъ первобытнаго похищенія невѣстъ... Нѣкоторые доклады, посвященные различнымъ сторонамъ древне-русскаго быта, представляютъ интересъ для исторіи отношеній Россіи къ Западу и Востоку. Такъ, кенигсбергскій профессоръ Штида въ своемъ весьма спеціальномъ докладѣ— *О наименованіяхъ мѣховъ въ ганзейской торговлѣ* — даетъ нѣсколько новыхъ деталей для исторіи древне-русской внѣшней торговли. Г. Лонгиновъ въ генеологическомъ трактатѣ— *О родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ*—представляетъ сводъ внѣшнихъ фактовъ, не безъинтересныхъ для исторіи раннихъ сношеній Россіи съ Западомъ. Проф. Веселовскій сдѣлалъ чрезвычайно интересное и важное сообщеніе, что русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго цѣликомъ сложился подъ татарскимъ вліяніемъ.

Цѣлый рядъ рефератовъ касался вопросовъ языка, народной словесности и памятниковъ древне-русской письменности. Проф. Богородицкій сдѣлалъ интересное сообщеніе: *Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ*. Подъ «смѣшанными языками» референтъ разумѣетъ три класса говоровъ, образующихся при соприкосновеніи или двухъ разныхъ языковъ (наприм., русскаго и нѣмецкаго или чувашскаго), или двухъ близко-родственныхъ языковъ (наприм., русскаго и польскаго), или двухъ нарѣчій одного и того же языка. Изложивъ нѣсколько наблюденій относительно процесса образованія смѣшанныхъ нарѣчій (того, что называютъ обыкновенно ломаннымъ русскимъ языкомъ), референтъ настаивалъ на важности ихъ всесторонняго

*) *Народный судъ въ Западной Руси. Русская Мысль* 1893 г., кн. VIII.

изученія, такъ какъ оно можетъ бросить свѣтъ не только на русскую діалектологію, но и на исторію колонизаціи русской народности въ инородческихъ мѣстностяхъ. Посвященный народной поэзіи рефератъ г. Тиховскаго—*Паденіе народной пѣсни*—затрогиваетъ весьма важную сторону современной духовной жизни русскаго народа. Референтъ высказалъ безусловно вѣрное положеніе, что «народная пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ», хотя, судя по отчету, въ концѣ реферата впалъ въ нѣкоторое самопротиворѣчіе, высказавши опасеніе, что «нашъ народъ разучится пѣть». Мы думаемъ, что бояться за совершенное исчезновеніе пѣсни не представляется никакихъ основаній; вопросъ только въ томъ, какое будетъ ея содержаніе. Г. Тиховскій справедливо замѣчаетъ, что «пѣсня обрядовая держится пока только силою народнаго консерватизма», но едва ли можно согласиться съ другимъ его замѣчаніемъ, что вымираніе исторической пѣсни естественно. Ослабленіе народнаго творчества въ этой сферѣ—явленіе временное, его объясненія слѣдуетъ искать отчасти въ томъ, что народъ теперь разными «средостѣніями» болѣе отдѣленъ отъ крупныхъ историческихъ событій, чѣмъ это было прежде, отчасти усложненіемъ исторической жизни, невсегда доступной народному пониманію. Такое положеніе дѣлъ не можетъ оставаться постояннымъ, и историческая пѣсня, которая и теперь знаетъ, наприм., Скобелева, пріобрѣтетъ современемъ болѣе широкое содержаніе. Особенно огорчаетъ референта паденіе старой бытовой пѣсни, которую вытѣсняетъ пѣсня фабрично-заводская или, правильнѣе говоря, городская, и онъ совершенно вѣрно объясняетъ это явленіе перемѣнами въ самомъ бытѣ. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что новая пѣсня, проникающая въ нашу деревню, носитъ на себѣ и по языку, и по содержанію несомнѣнные слѣды фабрично-заводскихъ нравовъ и лакейско-кабацкой пошлости. Въ одной изъ нихъ, наприм., съ полупьянымъ пафосомъ изображается такое положеніе, довольно частое въ фабричной жизни:

Суди гробъ, суди могила,
Суди матушка родима,
Суди батюшка родной,
Что гуляю не съ одной.

Такимъ же характеромъ отличается и юморъ современной пѣсни вродѣ слѣдующаго:

У меня милашка есть—
Срамъ по улицѣ провесть:
Ротъ обширный до ушей,
Хоть завязочки пришей.

Оппоненты г. Тиховскаго, профессора Соболевскій и Соколовъ, говорили ъ утѣшеніе, что «пошлыя пѣсни представляютъ временное наслоеніе», что ѕновная народная старая пѣсня переживаетъ ихъ», что «народъ вовсе з усвояетъ той грязи, какую поетъ въ народныхъ пѣсняхъ полусознатель», что «онѣ скоро выходятъ изъ моды и народъ возвращается къ ста пѣснѣ». Мы думаемъ, что можно согласиться только съ одною поло-

виной этихъ замѣчаній, именно, что опошленіе народной пѣсни—явленіе временное, потому что оно результатъ низкаго уровня культуры; но возвращеніе къ старой бытовой пѣснѣ едва ли возможно, такъ какъ старый бытъ, на почвѣ котораго она сложилась, отходитъ въ область невозвратнаго прошлаго, и г. Тиховскій справедливо полагаетъ, что народную пѣсню должна исправить та самая культура, которая подорвала ея прежнее основаніе. Средствомъ для этого референтъ считаетъ, между прочимъ, народную книгу вообще и въ частности пѣсенникъ, который «будетъ руководствомъ для народнаго учителя и другихъ». Трудно возразить что-нибудь существенное противъ такой точки зрѣнія. Проф. Соколовъ, присоединяясь къ этому мнѣнію, замѣтилъ, что «пѣсенники не поддержатъ народнаго творчества, но могутъ сохранять пѣсни». Но можно думать, что они пріобрѣтутъ и болѣе широкое значеніе, послужатъ проводникомъ въ народную среду доступныхъ ей произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, которые не только вытѣснятъ пошлую пѣсню, но и улучшатъ народное творчество, облагородивъ эстетическое чувство народной массы. Къ сожалѣнію, изданіе хорошаго пѣсенника въ настоящее время дѣло довольно трудное. «Дать полезные пѣсенники,— справедливо говорилъ референтъ,— можетъ только этнографъ, вникнувшій въ то, почему именно поетъ пѣвецъ данную пѣсню, какъ онъ ее понимаетъ». А для этого необходимо обстоятельное изученіе современной народной пѣсни, а оно еще почти не началось.

Характеристикѣ русскаго былиннаго эпоса посвятилъ проф. Созоновичъ докладъ: *Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ*, въ которомъ онъ старался доказать, что извѣстный эпизодъ о возвращеніи Добрыни во время пира на свадьбѣ его жены съ Алешей Поповичемъ попалъ въ нашу былину довольно своеобразнымъ путемъ. Источникъ этого разсказа, по мнѣнію референта, возвращеніе Одиссея въ поэмѣ Гомера, а оттуда онъ перешелъ въ Эдду, изъ Эдды въ средневѣковую рыцарскую литературу, затѣмъ изъ письменной литературы въ устную поэзію всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, причемъ черезъ славянъ или черезъ Скандинавію сюжетъ перешелъ къ намъ, а черезъ посредство ново-грековъ въ Малую Азію и на Кавказъ. Авторъ собралъ изъ разныхъ литературъ массу эпизодовъ аналогичнаго содержанія, но не убѣдилъ этимъ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ оппонентовъ. Нѣсколько рефератовъ посвящено было памятникамъ древне-русской письменности. Такъ, проф. Соболевскій указалъ лексическія примѣты, по которымъ можно отличать переводы до-монгольскаго періода, и перечислилъ произведенія, переводъ которыхъ по такимъ признакамъ можно отнести къ этому времени. Проф. Владиміровъ характеризо[вал]ъ два памятника XVI вѣка—слово о лѣнивомъ и сонливомъ и западно-[русс]кій апостолъ 1500 года, и сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ неизвѣстн[ыхъ] ранѣе переводахъ кн. Курбскаго. Проф. Соколовъ представилъ докл[адъ]: *Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха.*

На ряду съ докладами, посвященными общерусской старинѣ, вилен[скій] съѣздъ вызвалъ цѣлую массу рефератовъ, многосторонне разрабат[ывав]-

щихъ мѣстныя древности. Доклады касались почти всѣхъ эпохъ исторіи края, почти всѣхъ сторонъ его до-историческаго и историческаго прошлаго. Выше мы видѣли, что значительная часть докладовъ по курганнымъ древностямъ основана на раскопкахъ, произведенныхъ въ этой мѣстности. Такое же обиліе рефератовъ было посвящено и позднѣйшимъ эпохамъ. По недостатку отведеннаго намъ мѣста, мы ограничимся только краткимъ указаніемъ представленныхъ работъ, но и простого ихъ перечисленія было бы достаточно для того, чтобы составить представленіе о благотворномъ вліяніи виленскаго съѣзда на изученіе мѣстной старины. Такъ, вещественнымъ памятникамъ исторической эпохи посвятилъ г. Авенаріусъ рефератъ: *О дрогичинскихъ пломбахъ*, въ которыхъ авторъ видѣлъ печати съ изображеніями славянскихъ буквъ, привѣшивавшіяся къ документамъ. Докладъ вызвалъ весьма оживленныя пренія, которыя ясно показали, что этотъ археологическій вопросъ еще не созрѣлъ для окончательнаго рѣшенія. Гр. Флери сдѣлалъ интересное сообщеніе о церкви св. Михаила въ Ломжѣ, и, къ крайнему сожалѣнію, это былъ единственный докладъ о многочисленныхъ памятникахъ, оставленныхъ въ краѣ католическою культурой. Гораздо обильнѣе рефераты, касавшіяся чисто-историческихъ вопросовъ и составленные преимущественно на основаніи архивнаго матеріала. Прежде всего, самымъ архивамъ было посвящено три доклада. Г. Львовъ познакомилъ съ архивомъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, находящимся при архивѣ св. синода; г. Площанскій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ виленскаго центральнаго архива, относящихся къ Люблинской губерніи; г. Самоквасовъ характеризовалъ современное печальное состояніе центральныхъ архивовъ Западнаго края (въ Кіевѣ, въ Витебскѣ и въ Вильнѣ), ознакомилъ съ проектированными мѣрами для ихъ улучшенія, и на съѣздѣ былъ сдѣланъ по этому поводу рядъ цѣнныхъ замѣчаній со стороны лицъ, практически знакомыхъ съ архивною службой. Опираясь на архивные источники, г. Сторожевъ сдѣлалъ сообщеніе объ управленіи Вильною московскаго воеводы кн. Шаховского въ XVII в., а г. Бережковъ представилъ рефератъ о дочери Іоанна III Еленѣ, которая была замужемъ за польскимъ королемъ Александромъ Казиміровичемъ и въ біографіи которой референтъ видитъ интересный эпизодъ изъ исторіи русско-польскихъ отношеній конца XV и начала XVI вѣка. Весьма интересный вопросъ затронула г-жа Ефименко въ своемъ рефератѣ: *Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*. Исходя изъ того факта, что въ названныхъ мѣстностяхъ существовало пользованіе землей на извѣстныхъ условіяхъ, и называя это явленіе феодализаціей поземельной собственности, г-жа Ефименко подняла старый и спорный вопросъ о существованіи въ Литвѣ феодализма, а акад. Васильевскій предложилъ [не]нь ясное и опредѣленное его рѣшеніе. «Если мы опредѣлимъ феодализмъ,— [сказ]ворилъ оппонентъ,—какъ его опредѣляютъ нѣкоторые англійскіе ученые ([Сп]энъ, наприм.), т.-е. какъ смѣну общинныхъ отношеній частно-имущественными съ подчиненіемъ населенія владѣльцу въ нѣкоторыхъ отноше[ніяхъ], то придется признать, что феодализмъ въ Литвѣ былъ. Если же мы

примемъ опредѣленіе феодализма, дѣлаемое нѣмецкими, по преимуществу, учеными (крупная земельная собственность, передача владѣльцу земли политическихъ правъ и вмѣсто союза подданничества по отношенію къ королю союзъ вассальности), то слѣдуетъ признать, что феодализма въ Литвѣ не было».

Отдѣльные рефераты были посвящены почти всѣмъ сторонамъ мѣстной старины. Такъ, г. Лонгиновъ представилъ рефератъ по литовской генеалогіи: *О князѣ Любартѣ—Ѳеодорѣ Ольгердовичѣ и его потомкахъ князьяхъ Санушкахъ*, гдѣ доказывалъ, что, кромѣ названнаго Любарта, существовалъ другой соименный ему князь Любартъ—Димитрій Гедиминовичъ. Общественно-юридическому быту былъ посвященъ интересный докладъ г. Линниченко: *Общины на валашскомъ правѣ въ юго-западной Руси*, въ которомъ авторъ далъ подробное описаніе организаціи валашскихъ поселеній. Большой интересъ въ методологическомъ отношеніи представляетъ блестящій рефератъ проф. Павинскаго: *О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніи*, въ которомъ авторъ, съ помощью планиметра Амслера, точно вычислилъ площадь территоріи воеводства и на основаніи неизданнаго матеріала привелъ цифровыя данныя о количествѣ населенія этой мѣстности и о распредѣленіи тамъ поземельной собственности. Нѣсколько рефератовъ было посвящено мѣстному языку и литературѣ. Проф. Кочубинскій, ставя въ связь литовское слово друзка (соль), съ названіемъ прусскаго города Truso, старался на основаніи данныхъ языка, освѣтить древнѣйшія культурныя сношенія литовцевъ. Г. Карскій въ рефератѣ: *Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?* выяснилъ его характерные признаки и отмѣтилъ дѣйствовавшія на него вліянія. Г. Ящуржинскій отыскивалъ слѣды миѳическихъ воззрѣній въ бѣлорусскихъ сказкахъ, г. Фурсовъ—въ бѣлорусскомъ праздникѣ «свѣча». Капитальное значеніе для литовской религіи имѣетъ рефератъ проф. Мѣржинскаго: *О Криве*, одинъ изъ лучшихъ на съѣздѣ какъ по важности содержанія, такъ и по критическимъ пріемамъ. Авторъ доказалъ, что единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ въ этомъ вопросѣ служитъ Дюсбургъ, писавшій между 1275 и 1326 годами. Раньше Дюсбурга никто не упоминаетъ о Криве; позже о немъ говоритъ только въ XVI вѣкѣ Грунау, писатель поздній и недостовѣрный, и показанія Грунау были приняты позднѣйшими изслѣдователями. Обращаясь къ анализу извѣстій Дюсбурга, референтъ не видитъ основанія сомнѣваться въ сообщаемыхъ имъ фактическихъ данныхъ, что въ Romowe, въ Надровіи, проживалъ жрецъ огня Криве, но строго отдѣляетъ факты отъ мнѣній сообщающаго ихъ писателя. Проф. Мѣржинс[illegible] рѣшительно отрицаетъ показаніе Дюсбурга, что Криве принадлежала в[illegible] ховная религіозная власть и огромное политическое вліяніе во всей Лит[illegible] такъ какъ на основаніи историческихъ фактовъ и прочныхъ данныхъ [illegible] литовской религіи можно утверждать, что тогда въ Литвѣ не было и [illegible] могло быть единой верховной власти ни въ религіозной, ни въ полити[illegible] ской сферѣ. Референтъ думаетъ, что Дюсбургъ, можетъ быть, потому пр[illegible]

увеличилъ значеніе вліятельнаго въ Надровіи и вообще между жрецами, гадателями Криве, что онъ, производя Romowe отъ Roma, сблизилъ роль мѣстнаго жреца огня съ значеніемъ папы для католическаго міра. Самое названіе Criwe проф. Мѣржинскій считаетъ собственнымъ именемъ послѣдняго жреца огня въ Ромове, что же касается до выраженія «криве кривейто», то впервые пустилъ его въ употребленіе Грунау въ формѣ Krywo Krywaite и въ значеніи жрецъ надъ жрецами, но это выраженіе, какъ и еще болѣе позднее—Kriwe Kriweita, не имѣетъ никакого смысла и невѣрно грамматически. Современные знатоки литовскаго языка пишутъ Krivu Krivaitis, что исправляетъ грамматическую форму этого выраженія, но не создаетъ для него реальнаго значенія. Рефератъ проф. Мѣржинскаго вызвалъ весьма оживленныя пренія, но ни одному изъ его многочисленныхъ оппонентовъ не удалось подорвать основныхъ выводовъ автора.

Если къ названнымъ рефератамъ прибавить еще нѣсколько по бо́льшей части краткихъ сообщеній по исторіи и древностямъ нѣкоторыхъ городовъ Западнаго края (таковы сообщенія г. Орловскаго по исторіи Гродно, свящ. Паевскаго по исторіи Бреста, г. Гуковскаго по древностямъ Ковно, г. Крачковскаго по исторіи Вильны и акад. Васильевскаго по топографіи этого города), то мы перечислимъ почти всѣ доклады, выслушанные въ Вильнѣ. Но этимъ не исчерпывается вызванная съѣздомъ научная работа. *Труды виленскаго отдѣленія московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда* (Вильна, 1893 г.) заключаютъ въ себѣ, кромѣ археологической карты Виленской губерніи и многочисленныхъ библіографическихъ указаній для исторіи Западнаго края, цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по мѣстной археологіи. Такія же изслѣдованія были изданы къ съѣзду въ разныхъ мѣстахъ Россіи различными учрежденіями, должностными лицами, учеными обществами и частными лицами. Такъ, тверская архивная коммиссія издала изслѣдованіе прот. Успенскаго о литовскихъ пограничныхъ городкахъ; могилевскій губернаторъ издалъ дневникъ курганныхъ раскопокъ Фурсова и Чолоковскаго; общество лѣтописца Нестора разработало вопросъ о Болоховѣ и болоховцахъ, г. Довнаръ-Запольскій издалъ очеркъ Кривичской и Дреговичской земель до конца XII вѣка; г. Татуръ напечаталъ очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи; свящ. Будиловичъ—два изслѣдованія о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери и о Малавской Параскевіевской церкви; г. Теодоровичъ приготовилъ описаніе приходовъ и церквей Волынской епархіи; свящ. Горбачевскій издалъ книгу: *Русскія древности Холмско-Гдляшской Руси*; г. Орловскій напечаталъ изслѣдованіе о Гроднѣ, г. Карс й—о бѣлорусскомъ нарѣчіи, г. Струкалисъ—о Литвѣ и Бѣлоруссіи. Когда п вятся въ печати труды виленскаго съѣзда, на изданіе которыхъ пожал аны обильныя средства Государемъ Императоромъ, Наслѣдникомъ Цесар вичемъ и Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, то совокупность в хъ этихъ работъ представитъ собою цѣнный вкладъ въ науку и не ост ется безслѣдной въ ея развитіи. Нужно надѣяться, что съѣздъ произве-

детъ на мѣстное населеніе также и нѣкоторое культурное воздѣйствіе. Прежде всего приподнятый имъ интересъ къ мѣстной старинѣ усилитъ, можетъ быть, уваженіе къ памятникамъ прошлаго, независимо отъ ихъ происхожденія, а царское вниманіе къ археологіи увеличитъ, можетъ быть, заботливость мѣстныхъ властей о сохраненіи памятниковъ. А такой результатъ съѣзда былъ бы весьма и весьма желателенъ. Въ Вильнѣ около главной улицы находится закрытый теперь костелъ св. Михаила, бывшій нѣкогда усыпальницей Сапѣгъ. Въ настоящее время этотъ храмъ производитъ подавляющее впечатлѣніе: ободранныя стѣны, разрушенные алтари, соръ и грязь на полу, покачнувшійся мраморный бюстъ одной изъ Сапѣгъ, почему-то сохранившійся въ стѣнной нишѣ, грязный склепъ подъ поломъ съ безпорядочно-наставленными полуоткрытыми гробами, въ которыхъ цѣлы еще останки нѣкогда крупныхъ государственныхъ дѣятелей,—словомъ, истинная мерзость запустѣнія на мѣстѣ, гдѣ ей не должно быть. Подобнаго рода состояніе христіанской церкви и драгоцѣннаго памятника старины, одинаково оскорбительное и для религіи, и для науки, не можетъ и не должно быть терпимо въ культурномъ обществѣ. Или другой примѣръ. Не далеко отъ Ковно, на берегу Нѣмана, въ мѣстечкѣ Сапѣжинки, находится костелъ, основанный, по преданію, на мѣстѣ языческаго храма и, во всякомъ случаѣ, существующій уже много столѣтій. Въ настоящее время этотъ памятникъ сѣдой старины близокъ къ разрушенію и совсѣмъ не поддерживается, такъ какъ, по словамъ компетентныхъ людей, мѣстные прихожане только тогда могутъ потратить нужныя суммы на поддержку своего храма, если предварительно уплатятъ всѣ лежащія на нихъ подати и недоимки. Отчего бы не придти на помощь къ этимъ бѣднымъ людямъ мѣстнымъ любителямъ старины и ревнителямъ христіанскаго благочестія?

Археологическій съѣздъ, возбуждая любовь къ старинѣ, далъ авторитетное указаніе, какъ слѣдуетъ изучать ея памятники, въ чемъ заключается научное къ нимъ отношеніе. Въ *Трудахъ* предварительнаго комитета напечатана, между прочимъ, «инструкція московскаго археологическаго общества для изслѣдованія кургановъ, городищъ и другихъ памятниковъ древности сѣверо-западнаго края»; нѣкоторые доклады на съѣздѣ, какъ, наприм., чтенія гг. Антоновича, Мѣржинскаго, Павинскаго и многихъ другихъ, могутъ служить образцомъ строго-научнаго метода, публичною школой правильныхъ пріемовъ изслѣдованія старины. Но, кромѣ научной техники, съѣздъ далъ превосходный примѣръ *истинно научнаго отношенія* къ памятникамъ прошлаго. Изученіе старины такихъ мѣстностей, въ которыхъ остались наслоенія различныхъ культуръ, созданныхъ въ разное время нѣкогда враждебными народами, требуетъ большой осторожности; иначе археологія легко можетъ перейти въ политику и такимъ образомъ потерять характеръ науки. Западный край представлялъ большую опасность въ этомъ отношеніи. Старые счеты тамъ еще далеко не покончены, и легко могло возникнуть опасеніе, что у спорящихъ партій явится желаніе найти моральную поддержку въ прошломъ и вовлечь въ злобу дня культурную с-

торію края. Это опасеніе было тѣмъ естественнѣе, что слои мѣстной культуры весьма различны и ихъ взаимное отношеніе недостаточно выяснено. Литовское или русское населеніе было исконнымъ въ краѣ? Польшѣ или Россіи обязанъ онъ своей культурой? Естественно или насильственно было ослабленіе здѣсь сначала русскихъ, а потомъ польскихъ культурныхъ вліяній?—все это спорные вопросы, рѣшенію которыхъ въ ту или другую сторону приписывалась несвойственная имъ политическая важность. Уваженіе къ наукѣ, привычка ставить добытыя ею вѣчныя истины выше эфемерныхъ партійныхъ счетовъ и всяческихъ злобъ дня—далеко еще не составляютъ принадлежности всѣхъ слоевъ нашего общества, и у одной части мѣстнаго населенія явился страхъ, какъ бы противники не сдѣлали изъ археологіи новаго орудія своей политики. Отсюда недовѣріе къ съѣзду обнаружилось раньше, чѣмъ онъ состоялся, и это недовѣріе ограничило его успѣхъ. «Ни одинъ съѣздъ,—говорилъ предсѣдатель IX съѣзда, графиня П. С. Уварова,—не возбуждалъ такъ много толковъ, переговоровъ и докладовъ, какъ нынѣ заканчивающій свою дѣятельность IX археологическій съѣздъ. Ни одинъ съѣздъ не возбуждалъ такъ много опасеній, ни объ одномъ не распространялось такъ много разсказовъ, предположеній и проч. Основаніемъ для этихъ слуховъ, страховъ и опасеній послужило то, что, во-первыхъ, филіальныя отдѣленія комитета во многихъ городахъ края не могли основаться; во-вторыхъ, описанія церквей и костеловъ не сдѣлано; въ-третьихъ, содѣйствіе со стороны славянскихъ музеевъ не достигнуто; въ-четвертыхъ, мѣстныхъ коллекцій края не доставлено и, въ-пятыхъ, къ работамъ съѣзда многіе относились съ недовѣріемъ». Результатомъ этого недовѣрія былъ замѣтный пробѣлъ въ работахъ съѣзда: рефераты по исторіи польской культуры въ краѣ почти совсѣмъ отсутствовали, что совершенно не входило и не могло входить въ соображенія устроителей съѣзда, который преслѣдовалъ исключительно научныя цѣли и вполнѣ понималъ культурную важность научнаго безпристрастія. «Если не произвело никакого внѣшняго смятенія,—говорила графиня Уварова въ своей заключительной рѣчи,—когда проф. Мѣржинскій развѣнчалъ Криве, а проф. Бецценбергеръ сдѣлалъ предположеніе, что не русскіе, а литовцы сидятъ въ мѣстномъ краю уже болѣе 7000 лѣтъ, то археологическіе съѣзды могутъ впредь быть увѣрены въ чистотѣ ихъ намѣреній и никакихъ сомнѣній больше въ этомъ быть не можетъ». Это заявленіе ясно показываетъ, что лучшіе представители русскаго образованнаго общества уже твердо держатся того принципа, что научная истина, какова бы она ни была, никогда не можетъ стоять въ противорѣчіи съ правильно-понятымъ патріотизмомъ, что въ уничтоженіи мрака и въ усиленіи свѣта среди данной національности, чему она всегда содѣйствуетъ, и заключается истинно-патріотическая дѣятельность. Къ крайнему сожалѣнію, польская часть населенія Западнаго края, вѣроятно, имѣла мало случаевъ убѣдиться въ распространеніи этого сознанія среди русскаго общества, иначе она не скрыла бы отъ съѣзда сокровища культуры, созданной ихъ предками, потому что

это ни для кого не выгодно. Будемъ надѣяться, что время разсѣетъ это печальное недоразумѣніе, которое не мало препятствуетъ дружной совмѣстной культурной работѣ различныхъ національностей нашего обширнаго отечества, и есть основаніе думать, что виленскій съѣздъ оказалъ извѣстное вліяніе на великое дѣло національнаго объединенія на прочной почвѣ науки и культуры. Открывая съѣздъ, графиня Уварова выразила надежду, что его работы примирятъ съ нимъ его недоброжелателей, а въ заключительной рѣчи она констатировала слѣдующій интересный фактъ: «хотя католическое духовенство и отсутствовало на съѣздѣ, но мѣстный епископъ обѣщалъ доставить московскому археологическому обществу описаніе костеловъ». Будемъ надѣяться, что для предстоящаго X археологическаго съѣзда, который состоится въ Ригѣ, всѣ нужныя описанія и изслѣдованія будутъ доставлены болѣе своевременно.

М. Корелинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.—Отмѣна 165 статьи положенія о выкупѣ, какъ мѣра, охраняющая земельную общину.—Еще о выгодныхъ сторонахъ общиннаго землевладѣнія.—Что должно быть предпринято, дабы усилить дѣйствіе закона, препятствующаго обезземеленію.—Проектъ новаго устава крестьянскаго банка.—Отклоненіе дѣятельности банка отъ цѣлей, поставленныхъ при его основаніи. — Новости учебнаго дѣла.

Законодательныя работы надъ мѣрами, способными предупредить отчужденіе крестьянскихъ земель, уже оконченныя въ государственномъ совѣтѣ, занимаютъ первое мѣсто среди трудовъ, которымъ была посвящена за послѣдніе годы дѣятельность нашего законодательнаго учрежденія. Поводомъ къ началу этихъ работъ послужили обнаружившіеся къ концу 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ случаи отчужденія надѣльныхъ участковъ, выкупленныхъ крестьянами на основаніи 165 статьи положенія о выкупѣ, а также случаи продажи земель цѣлыми крестьянскими обществами. Вслѣдствіе этого еще въ 1884 году въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ выработанъ проектъ закона, которымъ предполагалось признать надѣльныя земли неотчуждаемыми. Этотъ проектъ, сообщенный на заключеніе различныхъ вѣдомствъ, былъ измѣненъ, и въ 1888 г. были выработаны новыя правила, главные пункты которыхъ состояли въ томъ, что 1) надѣльныя земли воспрещается отчуждать въ руки лицъ не крестьянскаго сословія и 2) что отмѣняется вторая часть 165 статьи положенія о выкупѣ, разрѣшающая отдѣльнымъ домохозяевамъ досрочный выкупъ надѣловъ безъ согласія общества. Коммиссія, работавшая, подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве, надъ пересмотромъ этого проекта, редактировала нѣсколько положеній, которыя и внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Этими правилами министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется пересмотрѣть дѣйствующія узаконенія о порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла и внести въ государственный совѣтъ соображенія по этому предмету. До окончанія пересмотра предположены слѣдующія временныя мѣры: 1) допустить отчужденіе надѣльныхъ земель, пріобрѣтенныхъ цѣлыми сельскими обществами, не иначе, какъ съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; 2) разрѣшить отчужденіе надѣльныхъ участковъ, пріо-

обрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами или состоящихъ въ ихъ подворно-наслѣдственномъ пользованіи, только въ руки членовъ того же общества; 3) воспретить сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ залогъ надѣльной земли; 4) освободить эти земли отъ обращенія на нихъ всякаго рода частныхъ взысканій и 5) пріостановить дѣйствіе 165 статьи положенія о выкупѣ.

Не нужно пространныхъ толкованій, дабы понять чрезвычайную важность всего этого дѣла. Со времени освобожденія крѣпостныхъ впервые ставится на очередь цѣлая система крупныхъ вопросовъ, касающихся всей области крестьянскаго землевладѣнія. Рѣшеніе этихъ вопросовъ, въ какомъ бы смыслѣ ни состояло оно, уже потому имѣетъ очень большое практическое значеніе, что создаетъ новыя основанія для аграрной политики нашего правительства. Общій пересмотръ законодательства о крестьянахъ представляетъ задачу очень сложную и обширную. Вѣроятно, онъ обниметъ всѣ стороны сельскаго быта, затронетъ наиболѣе существенные интересы крестьянскаго населенія. Онъ потребуетъ не мало лѣтъ. Вѣроятно, къ нему будутъ привлечены самыя разнообразныя общественныя силы. Но и временныя мѣры, предположенныя для ближайшаго будущаго, требуютъ внимательной и серьезной оцѣнки.

Идея цѣлесообразности побуждаетъ признать необходимость многихъ ограниченій въ правѣ распоряженія земельною собственностью. Продажа любого имущества часто бываетъ слѣдствіемъ не свободнаго соглашенія сторонъ, а необходимости для собственника продать. Покупатель же, совершая сдѣлку, руководствуется не только надеждой пріобрѣсти это имущество на средне-выгодныхъ условіяхъ, но и разсчетомъ, что стѣсненное положеніе продавца обѣщаетъ крупные, исключительные барыши. Послѣдствія такой несвободной купли-продажи движимыхъ вещей, съ одной стороны, и земельныхъ участковъ—съ другой, не могутъ быть признаны однородными. Въ первомъ случаѣ положеніе лица можетъ становиться болѣе или менѣе неблагопріятнымъ, но продавецъ не выходитъ изъ общественной группы, къ которой принадлежалъ. Во второмъ случаѣ, и особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о мелкихъ земельныхъ собственникахъ, не только матеріальное положеніе продавца измѣнится къ его невыгодѣ, но онъ становится въ иное общественное положеніе, рѣзко отличное отъ того, къ которому принадлежалъ ранѣе. Кусокъ земли, домъ, дворъ, домашній очагъ, представляя даже очень малую цѣнность, имѣютъ для собственника большое значеніе и съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, и въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Современное производство работаетъ на отдаленные рынки и неизвѣстныхъ потребителей; оно изготовляетъ продукты преимущественно для обмѣна, оно зависитъ отъ многихъ разнообразныхъ условій, которыя колеблютъ рыночныя цѣны и не обезпечиваютъ работнику сколько-нибудь устойчиваго положенія. Очень важно, поэтому, чтобы бѣднѣйшіе классы населенія владѣли землею, производили часть продуктовъ не для обмѣна, а для своего домашняго быта, и не зависѣли въ удовлетвореніи важнѣйшихъ нуждъ отъ тѣхъ потрясеній,

рымъ часто подвергается всемірный рынокъ. Вотъ соображенія, которыя заставляютъ оправдать законодательныя нормы, ограничивающія подвижность земельной собственности. И какъ одна идея личной свободы не даетъ прочнаго основанія для возраженія противъ узды, налагаемой закономъ на лѣсовладѣльцевъ, при пользованіи лѣсами, или рыбопромышленниковъ, при пользованіи рыбными богатствами, такъ не выдвигаетъ она достаточно убѣдительныхъ аргументовъ противъ ограниченія сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ или залогу земельныхъ участковъ, разъ доказано, что эти сдѣлки создаютъ многочисленный безземельный и бездомный людъ и нарушаютъ правильное, гармоническое развитіе всѣхъ общественныхъ классовъ.

Принципъ не вызываетъ возраженій. Но не всѣ формы его осуществленія одинаково пригодны: однѣ создаютъ достаточную гарантію того, что законъ предупредитъ сдѣлки, разорительныя для крестьянскаго хозяйства, но не помѣшаетъ тѣмъ, которыя вызываются дѣйствительными потребностями крестьянской семьи; другія, затрудняя обезземеленіе, ставятъ преграды на пути и въ тѣхъ случаяхъ отчужденія земли, когда они не нарушаютъ интересовъ народнаго хозяйства.

Первая мѣра—продажа земель цѣлыми крестьянскими обществами только съ разрѣшенія министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ и министерства государственныхъ имуществъ—не вызываетъ противъ себя возраженій по существу; но представляется цѣлесообразнымъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстныя учрежденія. Какъ въ настоящее время, при переселеніяхъ, по поводу переселенцевъ сносятся вѣдомства губерній, откуда выходятъ переселяющіеся, и тѣхъ, гдѣ они водворяются, такъ и въ будущемъ могли бы поддерживаться сношенія между губернскими крестьянскими учрежденіями той и другой губерніи. Наши крестьяне пользуются очень ограниченною свободой передвиженія, переселенія гораздо чаще затрудняются, нежели поощряются, а потому нѣтъ основанія думать, что мѣстныя учрежденія будутъ относиться очень легко къ продажѣ сельскими обществами надѣльной земли. Мы скорѣе предполагаемъ противное и считаемъ цѣлесообразнымъ разрѣшать сельскимъ обществамъ, въ случаѣ запрещенія имъ продать землю, обжаловать постановленіе мѣстныхъ властей въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Вторая мѣра, предполагаемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, касается порядка отчужденія надѣльныхъ земель, принадлежащихъ отдѣльнымъ крестьянамъ-домохозяевамъ. Припомнимъ, оцѣнивая эту мѣру, что дѣйствующій законъ не ограничиваетъ крестьянъ въ распоряженіи надѣльными участками, которые пріобрѣтены въ личную собственность и не обременены выкупнымъ долгомъ. По 33 статьѣ общаго положенія, каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать, отдавать ихъ въ залогъ. А статьи 165 и 69 положенія о выкупѣ предусматриваютъ продажу отдѣльными крестьянами надѣльныхъ участковъ, обремененныхъ долгомъ по выкупной ссудѣ. В новыхъ правилахъ предположено воспретить продажу надѣльныхъ участ-

ковъ, пріобрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами или состоящихъ въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи кому-либо, кромѣ членовъ того же общества.

Эта ограничительная мѣра въ такомъ видѣ не создаетъ достаточныхъ гарантій, что крестьяне не будутъ лишаться земли, и что земли, утрачиваемыя ими, не будутъ переходить въ руки лицъ, чуждыхъ интересамъ крестьянскаго хозяйства. Запрещая переходъ земель къ лицамъ не крестьянскаго сословія, руководствуются тою мыслью, что такія лица имѣютъ мало общаго съ крестьянскимъ сельско-хозяйственнымъ бытомъ. Эти лица покупаютъ крестьянскую землю, дабы устроить кабакъ, лавку, приблизиться къ крестьянской средѣ и заниматься ростовщичествомъ. Эти предположенія часто соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Однако, напрасно думать, что всѣ лица крестьянскаго сословія представляютъ сплошную, однородную массу, имѣютъ одни и тѣ же интересы, руководствуются одинаковыми побужденіями. Думать такъ—значитъ забывать о фактахъ, которые въ такомъ изобиліи накопила наша земская статистика. Она обнаружила въ деревняхъ три различныя слоя. Первую группу образуютъ средніе исправные крестьяне, ядро здороваго земледѣльческаго класса. Они работаютъ только силами семьи, безъ помощи наемнаго труда; покрывая свои скудныя потребности, они не накопляютъ недоимокъ, но не имѣютъ и сбереженій, которыя позволили бы имъ расширить надѣлъ и хозяйство. Они крѣпко держатся за землю, не уступаютъ безъ крайней надобности ни одного вершка, но не имѣютъ средствъ для увеличенія надѣла. Вторую группу образуетъ зажиточное меньшинство, стоящее по матеріальной обезпеченности выше средняго уровня. Этимъ знакомъ наемный трудъ; у нихъ есть сбереженія, если не въ деньгахъ, такъ въ лишней лошади, коровѣ, десяткѣ-другомъ овецъ, запасныхъ концахъ холста, въ хлѣбѣ и сѣнѣ. Они знаютъ, какъ велика сила этихъ сбереженій; имъ извѣстно, что каждый рубль, пущенный на селѣ въ оборотъ, приноситъ къ концу года цѣлый рубль. Они не упускаютъ случая прикупить земли, чтобы расширить свое хозяйство. Третью группу образуютъ тѣ крестьяне-неудачники, которые потеряли свое равновѣсіе и неудержимо клонятся къ хозяйственному упадку. Первая группа охраняетъ сельско-хозяйственный обликъ деревни; третья—составляетъ кадры, которые и пополняютъ ряды сельскаго пролетаріата, а вторая, расширяя земельный надѣлъ на счетъ третьихъ, содержитъ элементы, изъ которыхъ и выростаютъ деревенскіе ростовщики. Эти люди только по внѣшности проникнуты общинными, мірскими интересами; по существу же они носители началъ, которыя разлагаютъ общину и поглощаютъ мелкое крестьянское землевладѣніе чистаго типа. Преграда этому теченію можетъ быть положена вовсе не тѣмъ, что лица крестьянскаго сословія будутъ лишены права покупать надѣльную землю, а тѣмъ, что будетъ запрещено сосредоточеніе въ рукахъ одного двора больше извѣстной площади земли, наприм., 2—3 надѣловъ. И при такомъ порядкѣ и благопріятное положеніе дѣлъ будетъ побуждать многихъ крестьянъ не

давать надѣлы; но все же будетъ ослаблено теченіе, которое стремится выработать въ каждомъ сельскомъ обществѣ 1—2—3 самыхъ крупныхъ хозяйства, способныхъ постепенно поглотить всѣхъ самостоятельныхъ односельчанъ, первоначально мелкихъ и неустойчивыхъ, а позднѣе среднихъ и исправныхъ. Это теченіе, дѣлая двухъ-трехъ лицъ распорядителями судебъ цѣлаго сельскаго общества, будетъ понижать цѣну земельныхъ надѣловъ и доставлять самую ничтожную денежную выручку лицамъ, которыя были вынуждены продать землю. Между двумя-тремя лицами всегда возможно соглашеніе, устраненіе соперничества и установленіе монопольно-низшихъ цѣнъ за отчуждаемые участки. Разъ будетъ установленъ высшій предѣлъ крестьянскаго землевладѣнія, выдающаяся имущественная сила будетъ принадлежать въ каждомъ сельскомъ обществѣ не одному-двумъ лицамъ, а довольно многимъ, а это ослабитъ всѣ указанныя нами невыгодныя послѣдствія сосредоточенія надѣловъ въ однѣхъ рукахъ.

И кредитъ часто служитъ источникомъ обезземеленія крестьянъ. Разъ надѣльныя земли становятся предметомъ частныхъ залоговыхъ сдѣлокъ, то, въ виду преобладанія ростовщичьяго кредита, наступаетъ обезземеленіе и разореніе должниковъ. Опасность для крестьянъ частнаго залоговаго кредита заключается въ заманчивой легкости, которою сопровождается заключеніе залоговой сдѣлки. Крестьянинъ рѣшается на отчужденіе земли только при крайнихъ обстоятельствахъ. Продавая ее, онъ знаетъ заранѣе всѣ послѣдствія этой продажи; на временный же залогъ земли онъ идетъ гораздо легче, разсчитывая, что будущіе доходы позволятъ ему выполнить залоговое обязательство. Но дурной урожай или понизившаяся цѣна продуктовъ на рынкѣ часто обманываютъ самые предусмотрительные разсчеты: залоговое обязательство не выполняется и наступаетъ принудительная продажа надѣла, которая всегда менѣе выгодна для должника, нежели добровольное отчужденіе земли. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ сложилось убѣжденіе, что было бы рискованно поставить залоговыя сдѣлки въ зависимость отъ крестьянскихъ учрежденій; разрѣшая залогъ крестьянской земли, эти учрежденія не всегда могутъ предусмотрѣть послѣдствія такого залога. Имущественныя условія крестьянъ, благопріятныя при заключеніи такой сдѣлки, могутъ неожиданно измѣниться къ худшему, всѣ сдѣланные разсчеты не осуществятся, и надзоръ правительственныхъ учрежденій не предотвратитъ разоренія заемщиковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ предположено освободить крестьянскія надѣльныя земли и отъ частныхъ взысканій по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ.

Отмѣтимъ, что вопросы, разсмотрѣнные въ нашемъ законодательномъ учрежденіи, были за послѣднее время предметомъ усиленной разработки и а Западѣ Европы. Въ мартѣ текущаго года въ Берлинѣ было нѣсколько асѣданій соціально-политическаго союза. Эти засѣданія были посвящены опросамъ о дробленіи поземельной собственности и объ охраненіи мелкаго землевладѣнія (см. *Schriften des Vereins für Socialpolitik*, LVIII, 393). Одинъ изъ выдающихся участниковъ этого союза, проф. Зееринъ,

особенно настойчиво указывалъ на залогъ земель, какъ на сдѣлку, которая служитъ первымъ шагомъ къ обезземеленію. Считая необходимымъ обезпеченіе долгосрочныхъ ссудъ залогомъ земельныхъ участковъ, Зееринъ не счелъ возможнымъ высказаться въ пользу воспрещенія мелкимъ собственникамъ закладывать землю, а предложилъ такой компромиссъ: расчлененіе всего дохода, доставляемаго земельнымъ участкомъ, на заработную плату, прибыль и ренту и обремененіе земли, при ея залогѣ, долгомъ лишь такой высоты, какая соотвѣтствуетъ капитализированной рентѣ. Если, поэтому, въ общемъ земельномъ доходѣ крестьянскаго двора средняя рента составляетъ 50 рублей въ годъ, то, капитализируя ее изъ 4%, получаемъ 1,250 рублей—maximum долга, который можетъ быть обезпеченъ залогомъ даннаго земельнаго участка. Допуская такой компромиссъ, руководствуются соображеніемъ о томъ, что изъ дохода отъ земли остается еще свободная часть, которая можетъ покрывать потребности крестьянской семьи, позволяетъ ей сохранить обычное положеніе и не вынуждаетъ къ продажѣ заложеннаго участка, т.-е. не ведетъ къ обезземеленію.

Такое среднее рѣшеніе вопроса, всегда сопряженное съ практическими трудностями, возможно въ Западной Европѣ: свобода передвиженія позволяетъ сельскимъ классамъ распредѣляться равномѣрно по территоріи государства и препятствуетъ искусственному повышенію земельной ренты въ однѣхъ мѣстностяхъ и искусственному же пониженію въ другихъ. Наша паспортная система, трудности, которыми обставлено передвиженіе крестьянъ, ведутъ къ тому, что въ доходѣ земельныхъ участковъ часто нѣтъ признаковъ ренты, нѣтъ прибыли; весь доходъ составляетъ только очень скудную заработную плату и залогъ земли въ обезпеченіе даже очень скромнаго долга можетъ вести къ принудительной продажѣ крестьянскаго надѣла. Поэтому среднее рѣшеніе вопроса у насъ невозможно; во многихъ и многихъ губерніяхъ нельзя отыскать тотъ свободный доходъ земли, который могъ бы, безъ крайняго обремѣненія крестьянскаго двора, быть употребляемъ на платежи по долгу, лежащему на данномъ земельномъ участкѣ.

Не выработаетъ ли сама жизнь такихъ формъ, посредствомъ которыхъ будетъ обходиться запрещеніе закона обезпечивать долги залогомъ земельныхъ надѣловъ? Мы опасаемся, что предположенное ограниченіе не достигнетъ цѣли. Представимъ себѣ, что слабосильное крестьянское хозяйство потрясено неурожаемъ, падежомъ скота, уменьшеніемъ рабочей силы семьи. Такое хозяйство будетъ вынуждено обращаться къ дорогому деревенскому кредиту, въ результатѣ котораго, при неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ совершиться отчужденіе надѣльной земли. Невозможность продать землю должника за долги сдѣлаетъ ростовщиковъ очень осторожными при выдачѣ ссудъ. А такъ какъ хозяйство, потерпѣвшее большую невзгоду, не можетъ обойтись безъ кредита, то, по обоюдному согласію деревенскихъ ростовщиковъ и массы крестьянъ, пользующихся кредитомъ изъ этого источника, вырабатываются формы обезпеченія долга, которыя

по своему существу являются отчужденіемъ надѣльной земли. Кредитная сдѣлка будетъ облекаться въ форму арендованія земли, причемъ арендаторомъ будетъ ростовщикъ, арендною платой—сумма, взятая въ долгъ, арендуемою землей—надѣльная земля должника, арендным срокомъ—срокъ, на который выдана ссуда. При такой сдѣлкѣ отчужденіе надѣловъ будетъ совершаться въ формѣ сдачи ихъ въ аренду ростовщикамъ, и самостоятельные хозяева будутъ, вслѣдствіе задолжанія, переходить въ разрядъ батраковъ, обрабатывающихъ за ничтожную плату собственные надѣлы въ пользу арендаторовъ-заимодавцевъ. Уже и теперь извѣстно не мало случаевъ такого отношенія между заимодавцами и должниками. Преграды, поставленныя отчужденію и залогу надѣльной земли, сдѣлаютъ эти случаи обычными явленіями. Напрасно надѣяться на то, что законъ въ состояніи воспрепятствовать всѣмъ сдѣлкамъ этого рода. Можно помѣшать совершенію этихъ сдѣлокъ въ письменной формѣ, можно запретить волостному начальству и другимъ мѣстамъ и лицамъ утвержденіе договоровъ, которые содержатъ хотя бы только намекъ на залогъ надѣльной земли, но все это будетъ побуждать къ совершенію преимущественно словесныхъ сдѣлокъ. Вѣковая зависимость бѣднѣйшихъ крестьянъ отъ болѣе зажиточныхъ и сильныхъ сообщинниковъ, увѣренность, что и впредь можетъ понадобиться «помощь» сосѣда-ростовщика, поведетъ къ точному исполненію словесныхъ сдѣлокъ и уменьшитъ случаи, когда наличность оформленной бумаги облегчаетъ преслѣдованіе людей, которые вырабатываютъ разнообразные способы обхода закона. Вотъ соображенія, которыя побуждаютъ насъ сказать, что только широкое развитіе кредита, доступнаго всѣмъ слоямъ деревенскаго населенія, можетъ дать практическое значеніе мѣрамъ, которыя запрещаютъ залогъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Послѣдняя мѣра заключается въ пріостановкѣ дѣйствія 165 статьи положенія о выкупѣ. Эта статья первою своею половиной ставитъ выдѣлъ изъ общинной земли участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ въ зависимость отъ согласія общества. Во второй же части 165 статьи дѣлается исключеніе изъ этого нормальнаго порядка: домохозяинъ, желающій выдѣлиться, взноситъ въ казначейство выкупную ссуду за участокъ и можетъ требовать, чтобы общество выдѣлило ему соотвѣтствующій участокъ земли, по возможности, къ одному мѣсту. Статистическія данныя показываютъ, что выдѣлъ участковъ изъ общинной земли принимаетъ все большіе размѣры: съ 1862 по 1881 годъ было выкуплено всего 47,000 душевыхъ надѣловъ въ количествѣ 178,000 десятинъ, а за 6 лѣтъ съ 1882 по 1887 годъ было выкуплено 101,413 душевыхъ надѣловъ въ количествѣ 394,504 десятинъ. Наблюденія показываютъ, что досрочный выкупъ не вызывается стремленіемъ крестьянина улучшить обработку участка, выдѣленнаго въ его личную собственность. Общество, вслѣдствіе малаго количества надѣльной земли и черезполосицы, обыкновенно не имѣетъ возможности выдѣлить выкупленный участокъ къ одному мѣсту,—сплошь и рядомъ выкупившійся домохозяинъ продолжаетъ владѣть своимъ надѣломъ на основаніяхъ, оди-

наковыхъ съ прочими общинниками, и выкупленный участокъ поступаетъ въ общій передѣлъ надѣльной земли. Крестьянъ побуждаютъ къ выкупу совершенно иные разсчеты: къ нему обращаются какъ самые неимущіе, нерадивые хозяева, такъ, съ другой стороны, наиболѣе рачительные и трудолюбивые. Въ первомъ случаѣ выкупающійся является обыкновенно фиктивнымъ пріобрѣтателемъ надѣла: выкупной долгъ вносится за него сторонним лицомъ, которое часто не заботится объ обработкѣ пріобрѣтеннаго участка, а имѣетъ въ виду эксплуатированіе сельскаго общества. Состоятельные и предпріимчивые крестьяне также обращаются къ выкупу не для того, чтобъ улучшать выкупленный участокъ,—они идутъ на выкупъ исключительно съ цѣлью освободиться отъ обременяющей ихъ круговой поруки по выкупной ссудѣ.

И такъ, предположенныя мѣры имѣютъ въ виду воспрепятствовать обезземеленію крестьянъ: однѣ удерживаютъ землю въ собственности общины, а другіе затрудняютъ ея отчужденіе для отдѣльныхъ лицъ. Наша оцѣнка предположенныхъ мѣръ была бы поверхностна, если бы мы одобрили ихъ только потому, что онѣ направлены къ охраненію крестьянскаго землевладѣнія, къ защитѣ общины, или возражали бы на нихъ только въ виду давленія, которое онѣ оказываютъ на личную свободу. Нужно привести эти мѣры въ связь съ задачами народнаго хозяйства, нужно оцѣнивать ихъ по тому, насколько онѣ могутъ способствовать росту благосостоянія русской деревни.

Во-первыхъ, охрана, доставляемая общинѣ отмѣной 165 статьи положенія о выкупѣ. До настоящаго времени эта статья не имѣла большого практическаго значенія: сомнительно, чтобы общинное владѣніе потеряло больше ½% всей площади земли. Но два неурожайные года нанесли крестьянскому хозяйству ударъ, который теперь еще не поддается сколько-нибудь точному учету. Послѣдствіемъ неурожаевъ будетъ усиленіе власти ростовщиковъ и уступка имъ, при помощи 165 статьи, значительнаго числа земельныхъ надѣловъ слабѣйшими членами общины. Очень вѣроятно, что наблюденія, произведенныя чрезъ 2—3 года, обнаружатъ гораздо большее развитіе этого процесса послѣ 1891 года, нежели то было за предъидущія 30 лѣтъ. Поэтому отмѣна 165 статьи должна быть разсматриваема не столько какъ мѣра, пресѣкающая зло, которое уже успѣло распространиться, сколько какъ мѣра, способная предупредить грозящую опасность. Есть ли, однако, основанія признать опасное для общины опаснымъ и для всего народнаго хозяйства? Въ пользу и противъ общины было написано такъ много, что излагать здѣсь приведенные доводы значило бы повторять то, что давно извѣстно. Есть, однако, выгодныя стороны земельной общ ны, которыя не всегда привлекаютъ къ себѣ достаточное вниманіе. Пр тивники общины дѣлаютъ то возраженіе, что она препятствуетъ успѣхам сельскаго хозяйства и, затрудняя переходъ къ подворному владѣнію зем лею, связываетъ по рукамъ и ногамъ тѣхъ предпріимчивыхъ людей, кото рые могли бы внѣ общины развернуть свои силы и сдѣлать крупныя эк

номическія улучшенія. Факты, наблюденные во многихъ мѣстахъ, особенно въ Московской, Смоленской, Тверской губерніяхъ, убѣждаютъ, что общинники переходятъ къ улучшеннымъ пріемамъ сельскаго хозяйства, травосѣянію, фосфоритному удобренію, молотилкамъ, лучшимъ сортамъ сѣмянъ и проч., *разъ въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ обнаружилась польза такихъ нововведеній.* Можетъ быть споръ не о томъ, слѣдуютъ ли крестьяне-общинники такимъ примѣрамъ, которые полезны для ихъ хозяйства, а лишь о томъ, насколько они склонны вводить новыя оригинальныя улучшенія, имъ вовсе неизвѣстныя или же незнакомыя въ данной странѣ. Такое направленіе въ хозяйствѣ предполагаетъ три условія: 1) изобрѣтательность ума, которая или помогаетъ человѣку создать что-нибудь новое или же воспользоваться существующимъ, но неизвѣстнымъ въ данномъ мѣстѣ, и приспособить изобрѣтеніе къ мѣстнымъ условіямъ; 2) полную свободу производить опыты надъ новыми пріемами труда, внѣ всякой зависимости отъ установившихся обычаевъ, отъ направленія, которому слѣдуютъ всѣ, образующіе данную общественную группу, и 3) часто значительныя денежныя средства, необходимыя для производства опытовъ. Таковы, наприм., опыты съ малоиспытанными удобреніями и машинами. Первое условіе — личныя качества ума и воли — не стоитъ въ связи съ формой владѣнія землею: природа распредѣляетъ въ людяхъ творчество согласно съ законами, которые еще мало изслѣдованы. Третьяго условія обыкновенно не имѣютъ изобрѣтатели, которые принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія,—часто встрѣчаешь людей, которымъ недостаетъ сотни-другой рублей, дабы испытать изобрѣтеніе, которое долгіе годы владѣетъ ихъ умомъ. Такъ какъ крестьяне-собственники и крестьяне-общинники образуютъ бѣднѣйшій классъ народа, то одинаково неблагопріятно поставлены относительно этого условія. Есть основаніе думать, что относительно второго условія крестьяне-общинники поставлены менѣе благопріятно, нежели частные собственники. Общинникъ вывозитъ на поле навозъ и удобряетъ его съ достаточнымъ стараніемъ, но онъ затрудняется произвести опытъ съ каинитомъ или люпиномъ въ виду того, что поле, потребовавшее значительной затраты, можетъ отойти отъ него при ближайшемъ передѣлѣ. Община—слишкомъ цѣнная форма народнаго быта, чтобы нужно было доказывать ея преимущество и въ этомъ отношеніи. Но это преимущество мелкой частной земельной собственности можетъ обнаруживаться въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. При грубомъ состояніи техники, отличавшемъ народное хозяйство нашихъ предковъ, достаточно было просто изобрѣтательнаго ума, бы вносить нѣкоторыя улучшенія въ орудія, матеріалы и способы производства: не было особаго класса людей, который спеціально работалъ надъ этимъ дѣломъ, и не было приспособленій, которыя брали бы на ія трудъ по производству опытовъ. Наше время развертываетъ совсѣмъ ую картину. Технологія сдѣлала столь большіе успѣхи, ко всѣмъ отрасмъ промышленности примѣнено такъ много новыхъ орудій и пріемовъ уда, что одной изобрѣтательности недостаточно для открытія чего-либо

новаго, вовсе неизвѣстнаго. Изобрѣтенія новѣйшаго времени получаются только на почвѣ глубокой и многосторонней научной подготовки. Простой, малообразованный человѣкъ можетъ быть талантливымъ самоучкой, можетъ придумать маловажныя новинки въ данной сферѣ труда, но не въ состояніи сдѣлать крупное техническое изобрѣтеніе. Новое время представляетъ и ту особенность, что умножились способы провѣрять годность разныхъ новинокъ: борьба за рынки дѣлаетъ каждаго предпріимчиваго промышленника производителемъ опытовъ надъ многими новостями технологіи. Ростъ просвѣщенія и любознательности побуждаетъ многихъ лицъ,— и въ сельскомъ хозяйствѣ чаще, нежели въ другихъ отрасляхъ,— совершенно безкорыстно производить разные опыты. Наконецъ, правительство и земство устраиваютъ опытныя фермы, агрономическія станціи, лабораторіи, гдѣ производятся опыты надъ разными вещами, свойства которыхъ еще мало познаны. Результаты этихъ изслѣдованій становятся общимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, крестьянское хозяйство даже въ малой мѣрѣ не страдаетъ отъ того, что одинъ самородокъ изъ милліоновъ среднихъ людей, быть можетъ, затрудненъ въ производствѣ опытовъ надъ вещами или пріемами труда, которые вовсе неизвѣстны: крестьянское хозяйство имѣетъ готовые образцы, которымъ часто можно слѣдовать съ большою пользой для народнаго благосостоянія. А если мѣстами и нѣтъ такихъ образцовъ, то они легко могутъ быть созданы развитіемъ грамотности, распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній и устройствомъ опытныхъ станцій, привлекавшихъ за послѣдніе годы большое вниманіе нѣкоторыхъ земствъ.

И такъ, есть одинъ, хотя маловажный, пунктъ, на которомъ поземельная община уступаетъ въ производствѣ частному владѣнію землей. Но изъ-за этой совершенно незначительной невыгоды забываютъ о преимуществахъ, которыя она представляетъ для равномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Что толку въ томъ, что каждая общественная группа выдѣлитъ нѣсколько лицъ, достигшихъ высшихъ точекъ матеріальнаго благополучія, если огромное большинство не имѣетъ свого угла и крова, не имѣетъ на земномъ шарѣ точки, гдѣ оно могло бы чувствовать себя какъ дома? Если бы цѣлью общежитія было достиженіе небольшимъ числомъ людей (даже абсолютно большимъ) высшаго матеріальнаго развитія и равнодушіе къ тому, какъ слагается жизнь массы, слабѣйшаго большинства, то вдохновеніе, труды, печали, самопожертвованіе лучшихъ друзей человѣчества были бы не дѣломъ важнымъ и великимъ, а только забавой, торжественнымъ пустякомъ. Доводомъ противъ общины служитъ также и тотъ фактъ, что подворная собственность на землю позволяетъ западно-европейскимъ крестьянамъ жить лучше, чѣмъ живутъ наши поселяне. Да, это такъ, но возражающіе съ помощью этого довода упускаютъ изъ вида, что сельское населеніе Западной Европы, при личной свободѣ, которою оно пользуется, при его уровнѣ общаго образованія и техническихъ знаній, достигло бы гораздо большаго матеріальнаго довольства, если бы сохранило земельную общину.

Приведемъ въ пользу общины и еще одинъ доводъ. Законъ разви-

общества состоитъ въ томъ, что индивидуумъ, для достиженія своихъ хозяйственныхъ, государственныхъ и культурныхъ цѣлей, становится членомъ все бо́льшаго и бо́льшаго числа союзовъ. Чѣмъ болѣе разнообразны запросы частной и общественной жизни, тѣмъ острѣе становится потребность людей въ основаніи разныхъ союзовъ. Это влеченіе встрѣчаетъ на своемъ пути различныя преграды: рѣдкость населенія, дурные пути, недостаточное развитіе политической жизни, суровое отношеніе законодательства и администраціи къ союзамъ и собраніямъ, — вотъ главныя препятствія. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Западная Европа, при необычайномъ развитіи обществъ, союзовъ и ассоціацій, при легкости, съ какою любая задача общественной жизни находитъ людей, готовыхъ образовать замкнутую группу и дѣйствовать во имя поставленной цѣли, можетъ относиться равнодушно къ исчезновенію старыхъ формъ, но мы, русскіе, должны смотрѣть на это совсѣмъ иначе. Мы должны дорожить исторически сложившимися союзами; мы должны помнить о трудностяхъ, съ которыми у насъ связано образованіе новыхъ общественныхъ группъ; мы должны знать, что если общеніе, окрѣпшее на русской почвѣ, несовершенно, не удовлетворяетъ многихъ потребностей, то оно важно, какъ готовая форма, привычная всѣмъ, освященная обычаемъ, завоевавшая себѣ опредѣленное мѣсто предъ лицомъ закона и исполнительной власти. Такова именно община. Есть недостатки въ ея строеніи и дѣятельности, но развивающаяся умственная жизнь не оставитъ и общины незатронутою; она станетъ богаче содержаніемъ, будетъ полнѣе удовлетворять потребности членовъ. Возьмемъ такой простой примѣръ. Нѣсколько десятковъ лицъ хотятъ образовать производительную артель. Если они составляютъ общину, то могутъ безъ всякихъ затрудненій приложить артельное начало къ веденію сельскаго хозяйства, чему мы и находимъ примѣры въ разныхъ мѣстахъ Россіи. А сколько нужно хлопотъ, заботъ, хожденій по дѣламъ, бумаги и чернилъ для группы ремесленниковъ, которые хотятъ основать артель! И эта разница коренится вовсе не въ особенностяхъ того и другого промысла, а только въ томъ, что община образуетъ устойчивый и обширный союзъ, въ предѣлахъ котораго безпрепятственно возникаютъ союзы и для единичныхъ хозяйственныхъ или культурныхъ цѣлей. Во второмъ же случаѣ недостатокъ готовой организаціи заставляетъ видѣть въ каждой формѣ общенія нѣчто новое, необычное, преслѣдующее, помимо главныхъ, быть можетъ, какія-либо сторонніе цѣли, а потому требующее очень сложнаго надзора со стороны администраціи.

Признавая въ этомъ отношеніи полезною отмѣну 165 статьи положенія выкупѣ, мы должны отвѣтить и на второй вопросъ: что сдѣлать, дабы трудненія, поставленныя на пути къ продажѣ надѣловъ, не отразились благопріятными послѣдствіями на хозяйственномъ бытѣ крестьянъ? Нужно слишкомъ поверхностно относиться къ важнымъ фактамъ общественной жизни, чтобы считать сдѣланнымъ все дѣло, какъ скоро поставлены преграды обезземеленію крестьянства. Ограниченіе права продавать надѣльную

землю, отмѣна права отдѣльныхъ общинниковъ требовать выдѣла участка изъ общинной земли ведетъ къ двумъ несомнѣннымъ послѣдствіямъ: 1) прикрѣпляетъ крестьянъ къ землѣ и 2) облегчаетъ финансовое управленіе, такъ какъ круговая порука охватываетъ бо́льшую массу населенія, нежели то возможно при подвижности земельной собственности. Но эти оба послѣдствія не имѣютъ никакой связи съ благополучіемъ крестьянства, съ возможностью для него удовлетворять необходимыя потребности хотя бы въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, которые установляются низшими требованіями гигіены. Невозможность для крестьянина получить выдѣлъ изъ общинной земли и невозможность продать надѣлъ, кому вздумается, еще не даетъ крестьянину никакихъ условій для увеличенія земельнаго дохода. Сохраненіе круговой поруки во всей ея неприкосновенности не только не можетъ служить для крестьянина источникомъ хотя бы малѣйшихъ улучшеній его быта, но прямо выражаетъ сомнѣніе, что благосостояніе крестьянъ поднимется и позволитъ финансовому механизму дѣйствовать безъ круговой поруки и что система финансовъ будетъ исправлена, болѣе приноровлена къ платежнымъ средствамъ отдѣльныхъ группъ населенія. Можно указать даже на большую группу крестьянъ, которыхъ затрудненная отчуждаемость надѣловъ поставитъ въ менѣе выгодныя условія, нежели въ настоящее время. Таковы всѣ малоземельные; ихъ насчитывается болѣе 8 милліоновъ душъ обоего пола въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ надѣлъ не превышаетъ 1½ десятины на ревизскую душу; въ этой массѣ можно насчитать болѣе 2 милліоновъ съ надѣломъ менѣе 1 десятины на душу. И въ малоземельныхъ селеніяхъ найдутся отдѣльные домохозяева, пользующіеся нѣкоторымъ достаткомъ. Но въ общемъ населеніе такихъ деревень отличается убожествомъ, которое заставляетъ желать сосредоточенія земли въ сравнительно немногихъ рукахъ. Если при 400 домохозяевъ общество имѣетъ только 600 десятинъ земли, то желательно не удержаніе надѣловъ въ рукахъ всѣхъ домохозяевъ по 1½ десятины на дворъ, а сосредоточеніе этой площади въ собственности гораздо меньшаго числа крестьянъ, наприм., 100 домохозяевъ, и чрезъ то повышеніе средняго владѣнія до 6 десятинъ на дворъ. Такому сельскому обществу оказывается услуга не затрудненіемъ отчуждать надѣлы, ибо малоземелье, развившись до крайнихъ предѣловъ, дѣлаетъ населеніе почти безземельнымъ; такое общество тѣмъ больше выигрываетъ, чѣмъ скорѣе выдѣляется изъ его среды значительная часть членовъ. А это можетъ быть достигнуто только правильнымъ организованіемъ переселеній.

Наконецъ, возьмемъ и все крестьянство въ массѣ. Кто изучалъ русск деревню, кто, не преувеличивая умственнаго развитія простыхъ русски людей, не впадалъ въ прискорбное заблужденіе, что нашъ крестьянин нуждается въ опекѣ на каждомъ шагу и не можетъ руководствоваться п вильнымъ личнымъ разсчетомъ даже при обсужденіи несложныхъ хоз ственныхъ дѣлъ, тотъ знаетъ, что поселянинъ не продаетъ и не закла ваетъ земли безъ крайней необходимости. Пока хозяйство сколько-нибу

исправно, до тѣхъ поръ крестьянинъ самъ охраняетъ свою земельную собственность и не нуждается въ содѣйствіи закона. Законъ получаетъ реальное значеніе только относительно тѣхъ крестьянъ, которые, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, вынуждаются продать землю или ея залогомъ обезпечить долгъ. Конечно, положеніе этихъ крестьянъ можетъ быть измѣнено къ лучшему не тѣмъ, что имъ запрещаютъ закладывать землю или отчуждать ее въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ сельскому состоянію, а только такими мѣрами, которыя дѣлаютъ ихъ хозяйство болѣе устойчивымъ и избавляютъ отъ необходимости искать ростовщичьяго кредита. При аргументаціи въ пользу неотчуждаемости надѣловъ принято ссылаться на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ забываютъ, что американскій законъ о homestead'ахъ изданъ въ общественной обстановкѣ, не сходной съ условіями жизни нашего отечества: напомнимъ о развитой гражданской свободѣ, о широкомъ самоуправленіи, о легкости, съ которою американцы могутъ передвигаться по всей территоріи государства; припомнимъ въ особенности то, что законы о неотчуждаемости земельныхъ надѣловъ, изданные въ отдѣльныхъ штатахъ, закрѣпляютъ за поселянами не тѣ значительные участки или клочки земли, которые принадлежатъ фермерамъ, а исходятъ отъ крупной нормы въ 160 акровъ, т.-е. болѣе 60 десятинъ. А разъ аграрная политика направлена такъ, что дѣлаетъ легкимъ пріобрѣтеніе семьею столь значительной площади, то, признавая ее не подлежащею залогу и неотчуждаемою, не только удовлетворяетъ формальное требованіе о преградахъ на пути къ обезземеленію поселянъ, но и прикрѣпляетъ крестьянина къ участку, вполнѣ достаточному, дабы обезпечить его благосостояніе.

При нынѣшнихъ условіяхъ русской общественной жизни, неотчуждаемость надѣльныхъ земель важна, но она является оболочкою, которой еще должно быть дано содержаніе. Правильная постановка переселенческаго дѣла, и, притомъ, на широкомъ основаніи, общедоступный народный кредитъ кратко-и долгосрочный и крупныя перемѣны въ системѣ финансовъ— вотъ три мѣропріятія, непосредственно связанныя съ крестьянскимъ хозяйствомъ, которыя усилятъ значеніе закона о неотчуждаемости надѣловъ.

За послѣдніе годы въ дѣятельности крестьянскаго земельнаго банка обнаружилось много слабыхъ сторонъ: сумма выданныхъ ссудъ уменьшилась; заемщики банка должны были, при покупкѣ земли, приплачивать $^1/_3$ цѣны и болѣе, а нерѣдко получали эту добавку въ долгъ на очень тягостныхъ условіяхъ; каждый годъ за банкомъ, вслѣдствіе неисправности з ищиковъ, оставалась значительная площадь земли, превысившая въ и гѣ 100,000 десятинъ. Все это побудило министерство финансовъ вы р отать проектъ новаго устава банка. Банкъ, согласно съ новымъ уста в ъ, задается цѣлью содѣйствовать развитію мелкой частной земельной с ственности крестьянъ, а также удешевить и облегчить имъ арендное п ьзованіе землею. Для достиженія этой цѣли банкъ 1) выдаетъ ссуды к стьянамъ на покупку земли, а также на возведеніе строеній при устрой-

ствѣ усадебной осѣдлости на земляхъ, выкупленныхъ или пріобрѣтенныхъ ими въ частную собственность, и при образованіи сельскими обществами новыхъ селеній или поселковъ на принадлежащей симъ обществамъ землѣ, и 2) пріобрѣтаетъ земли за свой счетъ для продажи ихъ крестьянамъ отдѣльными участками или для отдачи ихъ въ арендное содержаніе. Ссуды на покупку земли выдаются: 1) отдѣльнымъ крестьянамъ, 2) товариществамъ крестьянъ, въ числѣ не менѣе трехъ и не болѣе тридцати домохозяевъ, и 3) сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ поселеніямъ незначительнаго размѣра (не болѣе 50 домохозяевъ) и такимъ же обществамъ, выдѣленнымъ изъ состава болѣе крупныхъ. Обществамъ ссуды выдаются только на покупку земель, заселяемыхъ или заселенныхъ ихъ членами, или смежныхъ съ общественнымъ надѣломъ, или отстоящихъ отъ усадебной осѣдлости не далѣе 2 верстъ. Разрѣшеніе ссудъ сельскимъ обществамъ составляетъ позднѣйшее дополненіе: первоначально предполагалось открывать кредитъ только отдѣльнымъ крестьянамъ и товариществамъ. Наибольшій размѣръ участка или доли въ земельной собственности товарищества, пріобрѣтаемыхъ при содѣйствіи банка, не долженъ на каждаго домохозяина превышать количества десятинъ, дающихъ, по ст. 24 пол. о земск. учр. 12 іюня 1890 г., право участія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ земскія учрежденія не введены,— количества десятинъ по росписанію, утвержденному министерствомъ финансовъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Ссуды выдаются по нормальной или спеціальной оцѣнкѣ закладываемыхъ земель. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше 60% нормальной оцѣнки и 75% спеціальной, но при покупкахъ, совершаемыхъ отдѣльными домохозяевами или товариществами, пріобрѣтающими землю въ участковое, каждаго товарища, отмежеванное владѣніе, размѣръ ссуды можетъ быть возвышаемъ до 90% спеціальной оцѣнки въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщики, до выдачи ссуды, устроили свою усадебную осѣдлость на пріобрѣтаемыхъ участкахъ. До 90% могутъ быть увеличиваемы и ссуды, уже выданныя въ размѣрѣ 75% спеціальной оцѣнки, въ тѣхъ случаяхъ, когда одиночный заемщикъ устроитъ на купленной землѣ, уже послѣ полученія ссуды, свою усадебную осѣдлость, или когда товарищество, по полученіи ссуды, окончательно раздѣлитъ пріобрѣтенную землю на отмежеванные, въ отдѣльное каждаго товарища владѣніе, участки, и на сихъ участкахъ владѣльцы устроютъ свою усадебную осѣдлость. Оставленіе нѣкоторыхъ угодій или оброчныхъ статей, какъ-то: мельницъ, выгоновъ, водопоевъ, лѣсныхъ участковъ въ общемъ пользованіи всего товарищества, не служитъ преп ствіемъ къ увеличенію размѣра ссуды до 90%, если на то послѣдуетъ согла двухъ третей членовъ совѣта банка и управляющаго. Въ зависимости указаннаго отношенія ссудъ къ стоимости закладываемой земли, наиб шій размѣръ ссуды на каждаго домохозяина опредѣляется по ссудамъ, даваемымъ по нормальной оцѣнкѣ, не выше 900 р., по ссудамъ въ 7 спеціальной оцѣнки—1,125 р. и при ссудахъ въ 90%—1,350 р. Та

образомъ, максимальная стоимость участка, покупаемаго съ содѣйствіемъ банка, опредѣляется въ 1,500 р.

Составители проекта не скрывали отъ себя, что предположенное ограниченіе контингента заемщиковъ, съ устраненіемъ крупныхъ сельскихъ обществъ и товариществъ, а также всѣхъ крестьянъ малоимущихъ, оказавшихся наименѣе благонадежными должниками, будетъ имѣть послѣдствіемъ значительное сокращеніе операцій банка, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время, а потому, «въ предвидѣніи» этого сокращенія «основной операціи банка», стараются расширить сферу его дѣятельности «предоставленіемъ ему новыхъ способовъ къ удовлетворенію сознанной потребности въ облегченіи крестьянамъ доступа къ самостоятельному пользованію землею». Такимъ способомъ представляется покупка земли самимъ банкомъ; въ этихъ видахъ банкъ покупаетъ земли, отъ владѣльцевъ или на торгахъ, для распродажи крестьянамъ, имѣющимъ право на пріобрѣтеніе земли, съ содѣйствіемъ банка, а также для сдачи въ арендное содержаніе сельскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Покупка совершается или самимъ банкомъ непосредственно, или чрезъ посредство земскихъ учрежденій. Самъ банкъ совершаетъ покупки по постановленіямъ совѣта и съ согласія управляющаго (на покупку свыше 45,000 р. требуется разрѣшеніе министра), при достаточной обезпеченности постояннаго дохода отъ покупаемой земли въ размѣрѣ не менѣе 6% съ суммы, затрачиваемой на ея пріобрѣтеніе. Земскимъ учрежденіямъ банкъ, по ходатайству о томъ подлежащихъ земскихъ собраній, выдаетъ на покупку земли ссуды изъ $4^1/_2$% годовыхъ, съ погашеніемъ соразмѣрно сроку ссуды, и подъ обезпеченіе какъ пріобрѣтаемою землей, такъ и общею отвѣтственностью земства, а при выдачѣ ссудъ уѣзднымъ земствамъ, сверхъ того, за поручительствомъ губернскаго земства. Купленныя банкомъ или земскими учрежденіями земли продаются крестьянамъ на наличныя деньги или со ссудою банка на общемъ основаніи. Продажа и сдача въ аренду такихъ земель лицамъ не-крестьянскаго сословія допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при необходимости оградить банкъ или земство отъ убытковъ, непредотвратимыхъ инымъ способомъ, и могутъ быть совершаемы не иначе, какъ по постановленію двухъ третей голосовъ совѣта банка и съ утвержденія министра финансовъ. Этимъ послѣднимъ, по соглашенію съ подлежащими министрами, распространяются операціи банка по покупкѣ земель и выдачѣ ссудъ земству на отдѣльныя мѣстности и опредѣляются ближайшія правила ихъ производства.

Другая новая операція крестьянскаго банка заключается въ выдачѣ с дъ на возведеніе необходимыхъ въ крестьянскомъ быту потроекъ: отд ьнымъ крестьянамъ — для устройства усадебной осѣдлости на принадле я щихъ имъ участкахъ, выкупленныхъ или пріобрѣтенныхъ въ частную с ственность; сельскимъ обществамъ, раздѣляющимся на два или нѣс лько селеній,— для устройства усадебной осѣдлости домохозяевъ, образ ющихъ новыя селенія или поселки. Ссуды этого рода выдаются или

самимъ банкомъ, чрезъ посредство его отдѣленій или учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, или земскими учрежденіями, которымъ банкъ, по ихъ ходатайствамъ, открываетъ кредитъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и на покупку земли. При ходатайствѣ о ссудѣ земскія учрежденія должны представить проектъ правилъ дѣйствій земства по выдачѣ ссудъ, заключающій въ себѣ: означеніе предѣльнаго для каждой мѣстности размѣра ссуды на крестьянскій дворъ въ полномъ составѣ, или на отдѣльныя постройки; условія, при которыхъ ссуды могутъ быть выдаваемы; сроки и порядокъ погашенія ссудъ; порядокъ разрѣшенія и выдачи ссудъ, надзора за употребленіемъ выданныхъ заемщикамъ денегъ, а также отсрочки или разсрочки платежей въ случаѣ бѣдствій. Въ управленіе банкомъ уставъ также вводитъ существенныя перемѣны.

Къ проекту устава были пріобщены объяснительныя записки, освѣщающія мотивы, которыми руководились при измѣненіи строя и дѣятельности банка. Отдавая предпочтеніе отдѣльнымъ крестьянамъ и товариществамъ предъ сельскими обществами, проектъ основывался на томъ фактѣ, что сельскія общества были чаще неисправными заемщиками, нежели отдѣльные крестьяне или товарищества: по 617 имѣніямъ, назначавшимся къ продажѣ до 1891 года, приходится недоимочныхъ (на 100 выданныхъ ссудъ) 3 выданныхъ отдѣльнымъ крестьянамъ, 10—товариществамъ и 14—сельскимъ обществамъ. Въ общей массѣ сдѣлокъ товарищескія получили наибольшее развитіе: до 1 января 1893 года выдано ссудъ: товариществамъ—5,309, обществамъ—2,704 и отдѣльнымъ крестьянамъ—1,883. Это навело на мысль, что товарищескія сдѣлки наиболѣе соотвѣтствуютъ условіямъ кредита, который открывается банкомъ. Эти сдѣлки потому болѣе прочны, нежели общественныя, что товарищества составляются обыкновенно изъ лицъ, соединившихся добровольно; члены занимаютъ приблизительно одинаковое имущественное положеніе. Составители проекта и потому считаютъ товарищества болѣе надежными заемщиками, что они вносятъ въ покупную сумму болѣе крупную доплату (до 1 января 1893 года общества внесли въ доплату 14,1% покупной цѣны, а товарищества—24,4%), а недоимочность обратно пропорціональна доплатѣ. Такъ какъ статистическія данныя обнаруживаютъ тѣмъ большую склонность сельскихъ обществъ къ неисправности въ платежахъ, чѣмъ болѣе многолюдны общества, то проектъ устанавливаетъ наибольшій размѣръ ихъ состава. Наконецъ, наблюденіе, что въ неисправныхъ сдѣлкахъ состояло относительно наибольшее количество земли, несмежной съ надѣломъ скупщиковъ, побуждаетъ ввести то ограниченіе, что сельскія общества получаютъ ссуды на покупку только тѣхъ [illegible] мель, которыя отстоятъ не дальше 2 верстъ отъ ихъ усадебной осѣдло[illegible]

Ставя себѣ главною задачей выдачу ссудъ отдѣльнымъ, болѣе с[illegible] стоятельнымъ, крестьянамъ и немногочисленнымъ товариществамъ, прое[illegible] имѣетъ въ виду оказывать нѣкоторое содѣйствіе бѣднѣйшимъ крестьяна[illegible] которые не въ состояніи сдѣлать какую-либо доплату изъ своихъ нал[illegible] ныхъ средствъ, а потому и не могутъ быть исправными заемщиками. П[illegible]

полагается помогать крестьянамъ этого разряда посредствомъ отдачи имъ земель въ срочную аренду; она можетъ служить переходною ступенью къ пріобрѣтенію земли въ собственность. Для достиженія этой цѣли поставлено на очередь образованіе земельнаго фонда, предназначеннаго какъ постепенно удовлетворять потребности крестьянъ въ расширеніи ихъ земельной собственности, такъ и облегчать имъ арендованіе земли. Въ пользу этой мѣры приводятся, главнымъ образомъ, тѣ соображенія, что банкъ можетъ пріобрѣтать землю дешевле, нежели покупаютъ крестьяне при его содѣйствіи, а потому и можетъ сдавать имъ въ пользованіе на выгодныхъ условіяхъ. Составители проекта, предпочитая подворное владѣніе землею, считаютъ своею обязанностью способствовать развитію этой формы. Они убѣждены, что общинный бытъ создаетъ преграды для успѣховъ сельскаго хозяйства. Но община еще слишкомъ крѣпка, и прямыя мѣры къ ея устраненію являются преждевременными. Съ тѣмъ вмѣстѣ желательно все то, что содѣйствуетъ развитію частной земельной собственности. Вотъ почему проектируется выдача крестьянамъ ссудъ для перенесенія или устройства усадебной осѣдлости на выкупленныхъ участкахъ, окончательно выдѣленныхъ въ ихъ подворное владѣніе. Развитіе личной земельной собственности будетъ давать толчокъ сельскому хозяйству и поднимать благосостояніе сельскихъ классовъ.

Этотъ проектъ, выработанный еще въ началѣ текущаго года, вызвалъ при обсужденіи въ комиссіи разныя замѣчанія и былъ замѣненъ новымъ проектомъ, который, въ существѣ дѣла, сходенъ съ первымъ. Онъ отличается отъ первоначальнаго, главнымъ образомъ, въ томъ, что устраняетъ выдачу ссудъ на возведеніе усадебныхъ построекъ при устройствѣ крестьянами усадебной осѣдлости на земляхъ, которыя выкуплены ими или пріобрѣтены въ частную собственность. Операція по покупкѣ земель на счетъ банка упорядочена болѣе подробно, причемъ устранена выдача земскимъ учрежденіямъ суммъ на покупку земли.

Ограничиваясь изложеніемъ важнѣйшихъ пунктовъ проекта новаго устава, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что банкъ въ преобразованномъ видѣ вовсе не будетъ соотвѣтствовать идеѣ, которая была первоначально положена въ его основаніе. Предполагалось оказывать содѣйствіе исключительно малоземельнымъ крестьянамъ. При возникновеніи крестьянскаго банка, заботились о томъ, чтобы не поколебать земельной общины. Поэтому былъ начертанъ такой планъ ссудной операціи, согласно съ которымъ въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ общинный строй, ссуды должны были выдаваться только сельскимъ обществамъ и товариществамъ; отдѣльные крестьяне могли получать ссуды только въ мѣстахъ съ подворнымъ владѣніемъ землею. Уставъ 1882 года во многихъ отношеніяхъ отклонился отъ первоначальнаго проекта; однако, дѣятельность банка имѣла въ общемъ такой характеръ, что онъ помогалъ своимъ кредитомъ преимущественно беззе-мельному крестьянству. Преобразованный на началахъ, которыя мы излагаемъ, банкъ совершенно разорветъ со своими традиціями. Выдавая ссуды

единичнымъ, наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ и принимая на себя обязанность насадить въ Россіи подворное землевладѣніе, банкъ устанавливаетъ для отдѣльныхъ заемщиковъ крупныя льготы сравнительно съ условіями, на которыхъ будутъ пользоваться кредитомъ цѣлыя сельскія общества: въ послѣднемъ случаѣ размѣръ ссуды составляетъ 60% покупной цѣны при нормальной оцѣнкѣ и 75% при спеціальной, а если крестьяне устроили на пріобрѣтенныхъ участкахъ усадебную осѣдлость, то, при спеціальной оцѣнкѣ, размѣръ ссуды можетъ достигать 90%.

Можно ли, однако, найти въ доселѣшней дѣятельности крестьянскаго банка факты, которые объясняли бы такую рѣзкую перемѣну въ самой идеѣ этого учрежденія? Такими фактами считаютъ обыкновенно недоимки на заемщикахъ банка. Въ теченіе 9 лѣтъ (1884—92) недоимки составляли отъ 4,4% всей суммы причитавшихся платежей въ 1884 году, до 26,8% въ 1886 г. Эти недоимки не представляются чрезмѣрными, если сравнить ихъ съ недоимками въ другомъ государственномъ кредитномъ учрежденіи—дворянскомъ банкѣ. За 1891 годъ недоимки составляли по дворянскому банку 7,6% платежей, а по крестьянскому—4,6%. Сходныя съ этимъ цифры, болѣе благопріятныя для крестьянскаго банка, находимъ мы и для конца 80-хъ годовъ. Дѣлая обзоръ недоимщиковъ крестьянскаго банка по губерніямъ, мы видимъ, что наибольшее число недоимокъ падаетъ на губерніи, пострадавшія отъ мѣстныхъ неурожаевъ въ 1885—89 годахъ,—неурожаевъ, которые не поразили всего государства, но серьезно потрясли крестьянское хозяйство отдѣльныхъ губерній.

И такъ, неисправность нѣкоторыхъ заемщиковъ крестьянскаго банка объясняется отнюдь не тѣмъ фактомъ, что, будто бы, самые мелкіе крестьяне не обладаютъ кредито-способностью, а только тѣмъ, что было много неблагопріятныхъ причинъ, которыя помѣшали своевременнымъ платежамъ. Ставя себѣ цѣлью выдавать ссуды до предѣловъ земельнаго владѣнія, которые соотвѣтствуютъ полному цензу по земскому положенію, банкъ будетъ служить развитію не крестьянской земельной собственности, а средней, далеко отклоняющейся отъ чистаго типа крестьянскаго двора. Такое направленіе въ дѣятельности крестьянскаго банка, оставляя безъ серьезной поддержки самыхъ мелкихъ земледѣльцевъ, является противорѣчіемъ только что обнаружившемуся теченію воспрепятствовать отчужденію земельныхъ надѣловъ.

Въ хроникѣ нашего школьнаго дѣла обращаютъ на себя вниманіе данныя, относящіяся до Рязанскаго уѣзда. Докладъ о народномъ образованіи, представленный послѣднему земскому собранію, производитъ хорошее в чатлѣніе. Въ уѣздѣ всего 67 училищъ, изъ которыхъ только 4 долж быть признаны не совсѣмъ удовлетворительными; учителя получаютъ 2 рублей въ годъ и, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, соотвѣтствую прибавки. Каждое училище получаетъ 50 рублей на учебныя пособі библіотеку. Изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста 76% посѣщаютъ шко

Земство тратитъ на народное образованіе 1/7 всѣхъ своихъ расходовъ. Земское собраніе, дабы доставить учащимся и населенію хорошій выборъ книгъ, ассигновало 500 рублей на устройство книжнаго склада. Успѣхи школьнаго дѣла тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что учителю приходится вести жизнь, полную лишеній. Вотъ что пишутъ объ учителяхъ Лукояновскаго уѣзда въ газету *Комаръ*: «Насколько жалка доля бѣдныхъ тружениковъ-учителей, всѣмъ понятно, да если еще прибавить къ этому обычную задержку въ полученіи жалованья, то остается только удивляться ихъ мужественному терпѣнію: положеніе ихъ нерѣдко хуже, чѣмъ любого нищаго, который всегда можетъ испросить себѣ въ любомъ домѣ и кусокъ хлѣба, и заплату къ своему сермяжному зипуну; учителя же должны почтительнѣйше ожидать получки жалованья, для расплаты съ кредиторами, которые чуть не каждый день являются съ требованіемъ денегъ, а кредитъ, конечно, уже давно закрыли. На бѣду, поѣдетъ по школамъ инспекторъ, потребуетъ отъ школъ и письма, и чтенія, а, между тѣмъ, въ школы не выслано ни книгъ, ни бумаги; какъ хотите, такъ, молъ и учите, а ученики все должны знать, что требуется». Ужь вѣрно не легка доля народныхъ учителей, если увеличеніе имъ жалованья до 15 рублей въ мѣсяцъ (до нынѣшняго года они получали 12½) разсматривается въ Лукояновскомъ уѣздѣ, какъ существенное улучшеніе ихъ матеріальнаго быта. Укажемъ еще на авторитетный источникъ, откуда слышатся самые одобрительные отзывы о земскихъ учителяхъ. *Русскія Вѣдомости* (1893 г., № 315) передаютъ, что членъ мокшанскаго училищнаго совѣта князь С. С. Волконскій представилъ уѣздному земскому собранію подробный отчетъ объ осмотрѣнныхъ школахъ. Отчетъ называетъ смѣшаннымъ общее впечатлѣніе, произведенное школами. Преподаваніе еще удержалось на высотѣ своихъ задачъ; совмѣстными усиліями учителей и учениковъ удается пока, несмотря на всѣ препятствія, достигать цѣли первоначальнаго образованія. Но мѣстами замѣчаются неудобства, которыя проистекаютъ изъ буквальнаго исполненія программы: «ученикъ, напримѣръ, отчетливо передаетъ разсказъ о болѣзни царя Навуходоносора, вообразившаго себя домашнимъ животнымъ, но яснаго представленія о домашнихъ животныхъ тотъ же ученикъ сплошь и рядомъ не имѣетъ». Въ заключеніе докладъ свидѣтельствуетъ объ усердіи учительскаго персонала, которому приходится работать въ тяжелыхъ условіяхъ. Исполненіе важнаго служебнаго долга учителемъ, при этихъ условіяхъ, заставляетъ съ особенною отрадой остановиться на фактѣ празднованія 25-ти лѣтняго юбилея въ качествѣ народнаго учителя. *Русская Жизнь* передаетъ о такомъ юбилеѣ народнаго учителя Д. И. Полякова въ селѣ Питерки, Новоузенскаго уѣзда. Среди крестьянъ производилась подписка для поднесенія юбиляру иконы. Кромѣ того, питерское сельское общество составило приговоръ, въ которомъ, отъ лица всѣхъ крестьянъ, выразило юбиляру благодарность за многолѣтнюю плодотворную педагогическую дѣятельность. Въ селѣ Питеркѣ г. Поляковъ служитъ уже 22 года и воспитываетъ второе поколѣніе: теперь учатся дѣти быв-

шихъ учениковъ. Г. Поляковъ пріобрѣлъ горячую любовь крестьянъ и всеобщее уваженіе не только какъ учитель, но и какъ общественный дѣятель: онъ близко принималъ къ сердцу всякое народное горе.

Отмѣтимъ среди мѣропріятій послѣдняго времени выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ главному обществу. Этотъ выкупъ ведетъ къ тому, что большая половина нашей желѣзно-дорожной сѣти сосредоточивается въ собственности государства. Желательно, чтобъ этотъ переходъ вызвалъ усиленное сооруженіе подъѣздныхъ путей и пониженіе пассажирскаго и товарнаго тарифовъ, въ чемъ такъ нуждается народное хозяйство нашего отечества.

По министерству финансовъ приказомъ отъ 6 ноября напоминается банкамъ 20 статья кредитнаго устава, на основаніи которой лица, занимающія административныя должности въ одномъ банкѣ, не имѣютъ права занимать должность въ другомъ кредитномъ учрежденіи. Циркуляръ министерства финансовъ направленъ противъ совмѣстительства, которое очень распространено въ нашемъ торговомъ мірѣ. Пріуроченіе человѣка къ какому-либо одному дѣлу приноситъ несомнѣнную пользу уже потому, что связываетъ исключительно съ этимъ дѣломъ и матеріальныя выгоды лица, и его дѣловую репутацію. Однако, совмѣстительствомъ страдаютъ не одни частныя предпріятія, но и многія отрасли государственной службы: желательно, чтобы въ этой сферѣ лицо занимало только одну должность и посвящало себя исключительно одному занятію.

Альфредъ де-Мюссе.

I.

Книга Арведа Барина *) *Alfred de Musset* имѣетъ для насъ чисто-біографическій интересъ. Здѣсь нѣтъ ни блестящихъ характеристикъ, ни серьезнаго разбора его сочиненій,—это исторія жизни поэта, разсказанная во всѣхъ ея подробностяхъ. Мюссе по преимуществу лирикъ, поэтъ личныхъ настроеній и ощущеній, и потому намъ не безъинтересно знать, при какихъ условіяхъ сложилась и развилась эта нервная, болѣзнено-впечатлительная натура. Исторія его жизни дастъ намъ ключъ къ пониманію общаго тона его поэзіи.

Альфредъ де-Мюссе родился въ Парижѣ 11 декабря 1810 г. въ интеллигентной семьѣ, которая изобиловала въ прошломъ поэтами и писателями. Правда, никто изъ Мюссе не достигъ такой громкой извѣстности, какъ авторъ *Ночей*, но въ свое время и они имѣли нѣкоторое значеніе. Отъ нихъ онъ унаслѣдовалъ искру таланта, а отъ матери—пылкую душу, страстный темпераментъ и живое воображеніе. Это былъ необыкновенно нервный, впечатлительный ребенокъ. Всякая радость и печаль отзывались на немъ болѣзненно; нетерпѣніе доводило его до конвульсій. Еще въ дѣтствѣ бывали съ нимъ какіе-то странные припадки бѣшенства, когда онъ приходилъ въ изступленіе, рвалъ и ломалъ все, что попадалось подъ руку. Въ одномъ изъ такихъ припадковъ,—разсказываетъ его братъ,—онъ разбилъ великолѣпное зеркало, изрѣзалъ новыя занавѣски, а потомъ каялся и плакалъ. Этотъ фактъ освѣщаетъ намъ всѣ неровности характера Мюссе, которыя остались у него на всю жизнь. Нужна была опытная рука, чтобы руководить этою сложною, неуравновѣшенною натурой. Отецъ Мюссе, остроумный весельчакъ, милый собесѣдникъ и снисходительный отецъ, мало занимался дѣтьми, продоставивъ ихъ на попеченіе матери. Они, впрочемъ, не много потеряли отъ этого. Ученье Мюссе началось подъ руководствомъ домашняго учителя. Сперва оно шло недурно, но въ одинъ прекрасный день ему попалась подъ руку *Тысяча и одна ночь*—и юная головка закружи-

*) Псевдонимъ извѣстной французской публицистки.

лась. Онъ бредилъ по ночамъ героями волшебныхъ сказокъ, искалъ потайныхъ ходовъ въ домѣ своихъ родителей и ждалъ чуда. Для успокоенія ему дали *Донъ-Кихота;* онъ успокоился немного, но ничто не могло изгладить впечатлѣнія этихъ чудныхъ сказокъ. Жизнь казалась ему заколдованнымъ лѣсомъ, полнымъ таинственныхъ чудесъ, и юный мечтатель просиживалъ по цѣлымъ часамъ, погружаясь въ свои думы. Картинка изъ дѣтской жизни Валентина (*Deux maitresses*) — личное воспоминаніе Мюссе. «Десяти или двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ Валентинъ спалъ въ маленькомъ кабинетѣ рядомъ со спальней своей матери. Въ этомъ кабинетѣ, довольно невзрачномъ на видъ, между остальною рухлядью находился старинный портретъ въ большой золоченой рамѣ. Когда яркіе лучи солнца врывались въ комнату и ударяли въ портретъ, ребенокъ вскакивалъ на своей кроваткѣ и съ восторгомъ тянулся къ нему. Опершись лбомъ объ уголъ рамы, онъ грезилъ на яву; имъ овладѣвалъ какой-то странный экстазъ. И чѣмъ ярче свѣтило солнце, тѣмъ свѣтлѣе становилось у него на душѣ».

Годы гимназическаго ученія прошли почти незамѣтно. Окончивъ блистательно курсъ, Мюссе отказался поступить въ политехническую школу, куда его готовили родители, и принялся за изученіе права. Нравственная физіономія Мюссе за этотъ періодъ выступаетъ особенно ярко въ одномъ изъ его писемъ къ Полю Фуше: «Мнѣ скучно и грустно, — пишетъ онъ изъ замка своего дяди,—да и тебѣ не веселѣе; у меня нѣтъ даже энергіи работать. Что выйдетъ изъ меня? Пойду ли я по избитой дорогѣ, или, вопреки судьбѣ, создамъ что-нибудь оригинальное? Съ тѣхъ поръ, какъ я читаю журналы (это мое единственное развлеченіе здѣсь), все мнѣ кажется такимъ мизернымъ. Не знаю, виною ли тому глупая придирчивость комментаторовъ, или мелкая злоба критиковъ, но у меня нѣтъ охоты писать. Я хотѣлъ бы быть только Шекспиромъ или Шиллеромъ. Вотъ почему я ничего не дѣлаю и нахожу, что величайшее несчастье человѣка съ страстнымъ темпераментомъ, это—отсутствіе страстей. Я не влюбленъ, ничего не дѣлаю, ничто не привязываетъ меня здѣсь.

«Я далъ бы двадцать пять франковъ за одну пьесу Шекспира на англійскомъ языкѣ. Эти журналы до того пошлы, эти критики до того плоски! Создавайте системы, друзья мои, находите новыя правила, а не стройте на обломкахъ стараго! Явится геній и онъ разрушитъ ваши зданія, насмѣется надъ вашею поэзіей. Я чувствую подчасъ потребность испортить листъ-другой бумаги, но первая же неудача раздражаетъ меня, я закрываю глаза и простираю руки... Зачѣмъ меня держатъ здѣсь? Мнѣ нужно видѣть красивую женщину, хорошенькую ножку, тонкую талію, мнѣ нужно любить... Я влюбился бы въ свою кузину, старую и безобразную, если бы она не была такъ педантична и скупа». Затѣмъ слѣдуютъ опять изліянія тоски, жалобы на право, которое ему приходится изучать, и въ заключеніе лучъ надежды: «Нѣтъ, мой милый,—восклицаетъ онъ въ концѣ письма,—я имѣю смѣлость думать, что мы съ тобою не созданы для скромной роли адвокатовъ! Я еще вѣрю въ счастье, хотя я очень несчастливъ в

данный моментъ». Грустный тонъ этого письма указываетъ на душевное состояніе Мюссе до вступленія его въ жизнь, а апатія, преждевременное разочарованіе, непонятная тоска — преобладающіе въ немъ мотивы. И таково настроеніе всей эпохи, а Мюссе только сынъ своего вѣка. Гдѣ же причины этого страннаго явленія? Стендаль, да и самъ Мюссе приписываютъ его упадку общественной жизни въ періодъ реставраціи. За страшнымъ подъемомъ силъ въ эпоху революціи и наполеоновскихъ войнъ наступила реакція. Общество очутилось въ сторонѣ отъ жизни; молодежь была оторвана отъ дѣла. Настоящее въ сравненіи съ блескомъ прошедшихъ событій казалось такимъ жалкимъ и будничнымъ. Всюду чувствовалось глухое недовольство и крайняя неудовлетворенность. «Чувство невыразимой тоски охватило юныя сердца, — говоритъ намъ авторъ *Confession d'un enfant du siècle.* — Молодежь, обреченная на бездѣйствіе сильными міра сего и предоставленная праздности и скукѣ, ощутила въ своей душѣ страшную пустоту». Болѣзнь носила эпидемическій характеръ. Вотъ что разсказываетъ Максимъ Дюканъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ: «Предшествовавшее мнѣ поколѣніе артистовъ и писателей (онъ былъ на двѣнадцать лѣтъ моложе Мюссе) было поголовно заражено какою-то стихійною, непонятною, безпричинною тоской». Среди молодежи процвѣтала манія самоубійства, и это была не только мода, а результатъ общаго настроенія вѣка. Бѣдный авторъ письма къ Фуше вступалъ въ жизнь съ зачатками этой заразы. Отсутствіе вѣры въ какой-либо идеалъ подкосило его душу на зарѣ ея дней. «У меня была эта скверная болѣзнь—болѣзнь сомнѣнія»,—писалъ онъ много лѣтъ спустя герцогинѣ Костри. Разумѣется, она не имѣла ничего общаго съ философски-обоснованнымъ скептицизмомъ; но какъ бы тамъ ни было, она посѣтила Мюссе именно въ тотъ моментъ, когда его неокрѣпшая душа нуждалась въ устояхъ, когда нужно было вѣрить во что-нибудь.

Два слѣдующихъ года по выходѣ изъ гимназіи имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу поэта, хотя онъ, повидимому, ничего не дѣлалъ, предаваясь легкимъ развлеченіямъ. Въ обществѣ начиналось броженіе. Не удовлетворяясь настоящимъ, оно обратилось къ прошедшему и создало культъ среднимъ вѣкамъ. Это теченіе извѣстно въ литературѣ подъ названіемъ романтизма. Прямо со школьной скамьи Мюссе попалъ въ романтическій «cénacle», во главѣ котораго находился тогда Викторъ Гюго. Вскорѣ онъ сдѣлался общимъ любимцемъ корифеевъ новой школы. Тамъ онъ услышалъ впервые, что поэтъ долженъ подражать природѣ и брать изъ нея все: и красивое и уродливое, и смѣшное и великое, преслѣдуя одну цѣль — истину. Тамъ онъ познакомился также съ основными правилами новаго стихосложенія. Романтическая школа рекомендовала легкій, свободный стихъ, пересѣченный цезурою, enjambement, вмѣсто inversion, и богатую риѳму. Мюссе былъ прилежнымъ, но строптивымъ ученикомъ. Онъ позволялъ себѣ спорить съ самимъ Викторомъ Гюго и рѣшительно возставалъ противъ богатой риѳмы. Муза посѣтила его впервые въ Булон-

скомъ лѣсу во время одинокихъ прогулокъ въ 1828 году. Первые стихи Мюссе не представляютъ ничего оригинальнаго,— это все больше подражанія. Тутъ и драмы à la Викторъ Гюго, и романтическія баллады, и элегіи во вкусѣ Шенье. Учителя восторгались своимъ талантливымъ ученикомъ, носились съ нимъ, предсказывали ему великое будущее. Драма à la Викторъ Гюго произвела фуроръ. *Don Paez,* читанный на литературномъ вечерѣ у одного изъ членовъ кружка, вызвалъ большую сенсацію. Но Сентъ-Бёвъ нашелъ дебютанта слишкомъ скороспѣлымъ. Онъ, несмотря на свою тонкую проницательность, не понялъ, что Мюссе былъ рожденъ классикомъ и только случайно попалъ въ ряды романтиковъ, поддавшись вліянію окружавшей среды. Мюссе никогда не скрывалъ своей симпатіи къ XVIII в., своего благоговѣнія къ Вольтеру, но въ кружкѣ на это смотрѣли какъ на ребяческое увлеченіе, которое пройдетъ. Я привожу эти подробности,—говоритъ Баринъ,—потому, что впослѣдствіи романтическая школа упрекала его въ отступничествѣ, а тутъ было простое недоразумѣніе. Вліяніе cénacle'я на Мюссе парализовалось вліяніемъ его семьи, которая предпочитала строгую школу. «У меня нѣтъ пока установившагося метода,—пишетъ онъ своему дядѣ при посылкѣ ему стиховъ,—я, вѣроятно, перемѣню его еще не разъ... Интересно услышать твое мнѣніе. Друзья расточали мнѣ похвалы, но я не придаю имъ большого значенія. Нѣсколько споровъ съ тобою перемѣнили мои взгляды на многіе предметы; я уже многое передумалъ съ тѣхъ поръ, хотя и не дошелъ еще до поклоненія Расину» (1830 г.). Но такъ какъ новый путь не былъ еще выработанъ, а вдохновеніе било ключомъ, онъ написалъ *Contes d'Espagne et d'Italie.* Друзья нашли въ нихъ возростающій протестъ противъ классическихъ предразсудковъ и рукоплескали ему. За пѣснями послѣдовали *Marrons du feu, Partia, Ballade à la lune* и *Mardoche.* Около этого же времени Мюссе рѣшился издать собраніе своихъ сочиненій, чтобъ избавиться отъ мѣста, которое рекомендовалъ ему отецъ. Томикъ его стихотвореній появился въ 1830 г. Мюссе шелъ двадцатый годъ. Это былъ стройный бѣлокурый юноша съ нѣсколько задумчивымъ лицомъ. Такимъ видѣлъ его Ламартинъ въ салонѣ у Нодье. Прижавшись въ уголъ дивана, онъ не принималъ участія въ общей болтовнѣ. Ламартинъ замѣтилъ его растрепанные волосы, его мечтательные глаза и прошелъ мимо. Но современники поэта знали еще другого Мюссе, съ искрящимся взглядомъ, съ расширенными ноздрями, съ вдохновенною рѣчью на устахъ. Это былъ Мюссе, полный жизни и страсти. Въ его натурѣ уживалась масса крайностей. Отзывчивый и добрый, онъ могъ быть жестокъ; довѣрчивый и нѣжный, онъ бывалъ грубъ и подозрителенъ. Въ обществѣ о былъ свѣтскій человѣкъ, остроумный и блестящій денди, Донъ-Жуанъ и с цедъ. *Contes d'Espagne et d'Italie* испугали классиковъ. Никто еще не с ялся такъ надъ ними. Критики схватились за оружіе и поднялась тревога. П вый заговорилъ *Universel* (1830 г.). Критикъ Ф., извинившись передъ пуб кой за то, что онъ утомляетъ ея вниманіе поэзіей г. Мюссе, отнесся дов но презрительно къ тому его стихотвореній. Ошибки въ языкѣ его возму

ютъ, термины оскорбляютъ его эстетику. *Figaro* недоумѣваетъ. Что это—породія? Насмѣшка или правда? И, допустивъ послѣднее, газета обрушивается на автора за крайности и преувеличенія, хотя и не отрицаетъ въ немъ таланта. *Temps* находитъ въ его стихахъ оригинальность и истинное вдохновеніе. Есть прелестныя картинки,—говоритъ она,—но характеры не выдержаны. *Quotidienne* сравнительно благосклонна. Она видитъ въ авторѣ поэта и безумца, артиста и мальчишку. *Contes d'Espagne et d'Italie,* по ея мнѣнію, необыкновенно странная книга, смѣсь поэзіи и грязи, изящныхъ идей и возмутительныхъ картинъ, образныхъ выраженій и барбаризмовъ. Автору предстоитъ великая будущность,—говоритъ она въ заключеніе,—но ему слѣдуетъ поучиться. Газета *Globe* возвѣщаетъ о нарожденіи новой партіи, для которой существуетъ только одинъ поэтъ — Мюссе. Критикъ признается, что первое впечатлѣніе было скверное: его покоробили сперва грязь содержанія и развязность тона. Но потомъ онъ замѣтилъ «кое-какія красоты», которыя все больше и больше росли, покрывая собой недостатки, и, наконецъ, онъ очутился подъ обаяніемъ автора, его искренности и вдохновенія. Мюссе терпѣливо слушалъ нападки газетъ, увѣряя, что справедливая критика только возбуждаетъ писателя, а несправедливой нечего бояться. Публика относилась къ поэту довольно холодно, обративъ главнымъ образомъ вниманіе на *Ballade à la lune*. Его оцѣнила только молодежь и женщины, да еще старые знатоки поэзіи подмѣтили здѣсь свѣжую струю. Отъ Мюссе вѣяло реализмомъ древнихъ и, въ то же время, чѣмъ-то современнымъ, близкимъ и роднымъ,—говоритъ Баринъ. Романтизмъ получилъ у него новую окраску. Эти стихи disloqués, это обиліе метафоръ ставили его въ первые ряды революціонной арміи. Въ *Mardoche* онъ объявилъ войну романтической школѣ; въ *Ballade à la lune* насмѣялся надъ ней. Она задумчиво глядѣла вдаль, облекшись въ траурную тогу,—онъ былъ веселъ и смѣялся, когда ему хотѣлось смѣяться. Онъ не обманывалъ ее. Онъ самъ не зналъ, что будетъ завтра, напишетъ ли онъ Кандида, или Манфреда. И у него не было никого, кто бы могъ указать ему настоящій путь. Сентъ-Бёвъ говоритъ, что *Contes d'Espagne et d'Italie* предложили трудную загадку о характерѣ, размѣрахъ и судьбѣ этого таланта. Авторъ молчалъ и предавался размышленіямъ. Это былъ поворотный пунктъ въ его поэзіи. Въ іюльскомъ номерѣ *Revue de Paris* (1830 г.) появился, наконецъ, его литературный манифестъ, озаглавленный *Secrètes pensées de Rafaël*. Здѣсь доставалось и классикамъ, и романтикамъ. Члены cénacle'я обвинили его въ измѣнѣ и съ тѣхъ поръ ихъ отношенія замѣтно охладились. Мюссе отказался отъ всякой школы; это слово казалось ему лишеннымъ смысла: «Мы много споримъ,—пишетъ онъ брату,—тратимъ время о пустому на теоріи и разсужденія. Но подвинулись ли мы хоть на шагъ передъ? Стала ли лучше отъ этихъ споровъ хоть одна строка въ нашей оэмѣ, хоть одинъ штрихъ въ нашей картинѣ? У каждаго изъ насъ есть ь груди свои звуки, которые онъ извлекаетъ оттуда, какъ изъ скрипки кларнета. Поэту и артисту нужно, прежде всего, вдохновеніе».

Держась этихъ взглядовъ, Мюссе готовилъ для печати свою новую поэму *La coupe et les lèvres*. Друзья, собравшіеся у него наканунѣ Рождества, отнеслись къ ней довольно холодно. Это былъ полный разрывъ съ романтическою школой,—Мюссе нашелъ свой путь. Новый томъ его стихотвореній появился въ 1832 году подъ заглавіемъ: *Un spectacle dans un fauteuil*. Сентъ-Бёвъ подвергъ его серьезному разбору въ *Revue des Deux Mondes* (1833 г.) и причислилъ автора къ самымъ крупнымъ художникамъ вѣка. Остальная критика обошла его молчаніемъ, публика почти не замѣтила. Эта книга Мюссе нуждалась какъ нельзя болѣе въ комментаріяхъ,—первая поэма *La coupe et les lèvres* поражала, прежде всего, своею странною формой. Здѣсь фигурировалъ хоръ, позаимствованный изъ древней трагедіи, для выраженія самыхъ современныхъ взглядовъ. Основная идея не была ясна. Поэтъ перебѣгалъ съ предмета на предметъ. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ, Эмиль Фаге, пролилъ свѣтъ на это произведеніе, придавъ ему цѣльность и единство. Это исторія человѣка, тронутаго развратомъ въ лучшую пору его жизни, который жаждетъ подняться, жаждетъ любить со всей чистотой первой любви и не можетъ, призракъ разврата стоитъ передъ нимъ и манитъ его:

> Ah! malheur à celui qui laisse la débauche
> Planter le premier clou sous sa mamelle gauche!
> Le coeur d'un homme vierge est un vase profond:
> Lorsque la première eau qu'on y verse est impure,
> La mer y passerait sans laver la souillure;
> Car l'abîme est immense et la tache est au fond.

(Горе тому, чьей души коснулся развратъ! Душа чистаго человѣка — глубокій сосудъ, и если первая-вода была нечиста, цѣлое море не смоетъ грязи, такъ какъ прòпасть велика, а пятно на днѣ).

Мюссе возвращался не разъ къ этой темѣ и всегда въ его словахъ сквозило какое-то горькое сожалѣніе, какая-то безъисходная тоска. Онъ, вѣроятно, думалъ о себѣ, о дняхъ своей безпутной юности и страдалъ вмѣстѣ со своими героями. На этой поэмѣ сильно сказалось вліяніе Байрона. Хотя Мюссе и отрекся отъ романтической школы, но онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ байронизма. Романтизмъ крайняго разочарованія имѣлъ надъ нимъ страшную власть и проявился во всей своей силѣ въ *Rolla* и *Confession d'un enfant du siècle*. Публика не поняла глубокаго трагизма, скрытаго въ *La coupe et les lèvres*, не оцѣнила также и второго произведенія Мюссе: *A quoi rèvent les jeunes filles*, этого перла поэзіи и чистой любви. *Namouna* повергла ее въ крайнее недоумѣніе. Здѣсь то
постоянно мѣняется: то циничный, то краснорѣчивый и страстный, то м
кій и ласкающій, онъ былъ полонъ противорѣчій, какъ и сложная нат
Мюссе. Въ свѣтломъ образѣ Донъ-Жуана выступалъ самъ поэтъ съ е
культомъ чувственной любви и жаждой высшаго идеала. Онъ понялъ сли
комъ поздно, что Донъ-Жуаны тѣ же Роллы, и могъ только плакать с
зами отчаянія. Со стороны формы книга Мюссе представляла компроми

между старою и новою школой. Онъ былъ здѣсь самъ собой, и этотъ отпечатокъ субъективизма легъ на всѣ произведенія Мюссе.

II.

Мы приближаемся къ роковому періоду въ жизни поэта, когда пора юношескихъ увлеченій прошла и онъ полюбилъ впервые со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры. Эта любовь имѣла большое вліяніе на всю жизнь поэта и сообщила мрачный колоритъ его поэзіи. Мы говоримъ объ отношеніяхъ Мюссе къ Жоржъ Зандъ. Начало этой знаменитой связи относится къ концу 1833 г. Въ одномъ изъ писемъ къ Сентъ-Бёву Жоржъ Зандъ заявляетъ, что она любовница Мюссе, что онъ можетъ сказать объ этомъ всему міру, такъ какъ она не дѣлаетъ изъ этого тайны. «Меня опьяняетъ эта чистота, искренность, нѣжность,— пишетъ она ему.— Это любовь юноши и преданность друга,— то, о чемъ я не имѣла никакого понятія, чего не ожидала встрѣтить нигдѣ, а тѣмъ болѣе здѣсь. Сперва я не повѣрила этой привязанности, я оттолкнула ее, а потомъ отдалась и счастлива, что поступила такъ». Вотъ прологъ къ драмѣ. Исторія этой любви не можетъ быть пройдена молчаніемъ въ біографіи Мюссе,—говоритъ авторъ книги,—она положила слишкомъ большой отпечатокъ на личность поэта и, сверхъ того, дала намъ блестящій примѣръ романтической экзальтаціи. Мы видимъ здѣсь какое-то неестественное взвинчиваніе чувствъ, жажду подняться на высоту романтическихъ героевъ и жить въ мірѣ Лелій и Эрнани. Баринъ старается возсоздать исторію ихъ любви по перепискѣ Мюссе и Жоржъ Зандъ. Эта исторія неизвѣстна публикѣ, хотя о ней говорили очень много. Книга Жоржъ Зандъ *Elle et Lui* и отвѣтъ Поля Мюссе *Lui et Elle* носятъ чисто-полемическій характеръ.

Первый періодъ этой связи описанъ самимъ Мюссе въ *Confession d'un enfant du siècle,* и насколько правдивъ его разсказъ, объ этомъ можно судить по письму Жоржъ Зандъ къ г-жѣ Agoult. «Это *Confession d'un enfant du siècle* сильно взволновало меня,— пишетъ она.— Малѣйшія детали нашей несчастной любви переданы здѣсь такъ вѣрно, такъ добросовѣстно съ перваго до послѣдняго момента, начиная съ *сестры милосердія* и кончая *безумною гордячкой,* что я расплакалась, какъ дура, закрывая книгу» (1836 г.). Мюссе здѣсь не щадитъ себя. Онъ весь передъ нами, со всѣми своими достоинствами и недостатками, со своею безграничною любовью и болѣзненною подозрительностью. Здѣсь разсказаны всѣ стадіи этой роковой страсти, здѣсь становится понятнымъ, почему все, что случилось впослѣдствіи, должно было случиться. И Мюссе, и Жоржъ Зандъ желали невозможнаго. Онъ имѣлъ прошлое и страдалъ за свою грязь. Онъ мечталъ о высшей любви, о культѣ любимому существу и увлекался земною любовью, упрекая за то и Жоржъ Зандъ, и себя. Онъ страстно хотѣлъ вѣрить и не могъ. Онъ молился ей и осыпалъ ее грубыми подозрѣніями, а затѣмъ рыдалъ у ея ногъ. «Послѣ упрековъ я былъ на колѣняхъ,— говоритъ онъ въ своей исповѣди,— я уже не обвинялъ, а просилъ

прощенія,— не язвилъ, а плакалъ. Какой-то небывалый восторгъ, лихорадка любви охватывали меня; я терялъ голову отъ счастья; я не зналъ, что сказать, что сдѣлать, что придумать, чтобы загладить свою вину. Я схватывалъ Бригитту въ свои объятія и заставлялъ ее сотни, тысячи разъ повторять, что она меня любитъ и прощаетъ. Этотъ экстазъ длился цѣлыми ночами,— я говорилъ, плакалъ, валялся въ ногахъ Бригитты и упивался безумною, безграничною любовью». День возвращалъ сомнѣнія, божество обращалось въ женщину, у которой также было прошлое. Жоржъ Зандъ, со своей стороны, также не была вполнѣ безупречна. Она создала себѣ по отношенію къ Мюссе идеалъ полуматеринской привязанности и слишкомъ давала ему чувствовать свое превосходство. Нужно замѣтить, что Жоржъ Зандъ была на шесть лѣтъ старше Мюссе и относилась къ нему немного сверху внизъ, какъ къ милому, но неразумному мальчику. Ея снисходительная нѣжность, ея вѣчная правота сильно раздражали его. Онъ не могъ сдержать иронической улыбки, злого намека, когда она читала ему нотацію, и буря начиналась. Но они не тяготились еще своими цѣпями. Пребываніе въ Фонтенебло было такъ полно прелести, а миръ такъ сладокъ послѣ ссоры, что они даже не помышляли о разрывѣ. Въ декабрѣ 1833 г. Жоржъ Зандъ вмѣстѣ съ Мюссе предприняла поѣздку въ Италію. Въ Венеціи произошла ихъ первая крупная ссора. Мюссе былъ грубъ и жестокъ. Онъ огорчилъ свою подругу, заставилъ ее плакать и не пришелъ просить прощенія. Болѣзнь примирила все: Мюссе серьезно заболѣлъ. Жоржъ Зандъ проводила дни и ночи у кровати больного, ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ молодымъ итальянскимъ врачомъ Пажелло. Имъ онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Лишь только Мюссе оправился, онъ сталъ опять фантазировать. Замѣтивъ, что Пажелло поддался обаянію его подруги и она благоволила къ нему, онъ рѣшилъ пожертвовать собою ради ихъ счастья. Они вознаградили его за эту добровольную жертву «святою дружбой» и зажили въ мірѣ фантазіи и идеальныхъ привязанностей. Жоржъ Зандъ съ восторгомъ вспоминаетъ это счастливое время и ту ночь, когда онъ соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Вы любите другъ друга, но вы любите также и меня». Они увлекли и Пажелло своими безумными бреднями,—Пажелло, который даже не имѣлъ понятія о романтизмѣ. И онъ повторялъ за ними: «Il nostro amore per Alfredo» (наша любовь для Альфреда), а Мюссе плакалъ отъ умиленія. Впрочемъ, Пажелло не совсѣмъ потерялъ здравый смыслъ. Увидѣвъ, какъ эта вѣчная экзальтація скверно отзывается на здоровьѣ поэта, онъ отправилъ его во Францію. «Мы разстались на время,— писала Жоржъ Зандъ одному изъ своихъ друзей,— а, можетъ быть, и навсегда». Отъ Мюссе летѣли восторженныя посланія къ Жоржъ Зандъ. Они полны страсти и краснорѣчія. Онъ казнитъ себя за всѣ свои безумства. Онъ говоритъ, что справедливо наказанъ: онъ не умѣлъ цѣнить ее, заставлялъ страдать. Онъ плачетъ по ночамъ, но онъ почти счастливъ, наслаждаясь своею жертвой. Онъ оставилъ ее въ рукахъ хорошаго человѣка, который дастъ ей счастье, и онъ благодаренъ ему. Онъ

ее любитъ, онъ не можетъ сдержать своихъ слезъ при мысли о ней. Она останется для него неизмѣнною подругой. «Не думай, не думай, Альфредъ, что я могу быть счастлива, потерявъ тебя,—пишетъ Жоржъ Зандъ Мюссе (15 апрѣля).—Не все ли равно, была ли я твоею любовницей или матерью, внушала ли я тебѣ страсть или дружбу, была ли я счастлива или несчастна съ тобою,—не все ли равно, вѣдь это не измѣнитъ моихъ настоящихъ страданій. Я знаю одно, что люблю тебя». Дальше она удивляется, какъ такая привязанность, какъ ея, могла доставить ему столько страданій: «Почему я, готовая отдать всю свою жизнь за одну ночь твоего покоя, обратилась для тебя въ мученіе, въ кошмаръ? Когда эти ужасныя воспоминанія встаютъ передо мной (а они не покидаютъ меня), я схожу съ ума и обливаю слезами подушку. Я слышу твой голосъ въ ночной тиши, онъ зоветъ меня. Кто будетъ звать меня теперь? Кому понадобятся мои заботы? Куда я дѣну эти силы, которыя сберегла для тебя? Дитя мое, дитя мое, какъ мнѣ нужна твоя нѣжность и твое прощеніе! Не говори, что ты виновенъ предо мною,—мы оба были несчастны. Я вѣрю, я знаю, что мы будемъ любить другъ друга всю жизнь. Чувство, связывающее насъ, такъ исключительно, такъ не похоже на другія. Никто не пойметъ насъ—тѣмъ лучше,— мы будемъ любить другъ друга и смѣяться надъ ними»... «Я живу почти одна,—П. приходитъ только обѣдать. Лучшія мои минуты съ нимъ — это воспоминанія о тебѣ. Онъ нѣженъ и добръ, онъ понимаетъ мою тоску и такъ свято чтитъ ее». Эти письма разжигали только страсть Мюссе. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ старался развлечься, забыться въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій и не могъ: образъ Жоржъ Зандъ вставалъ передъ нимъ и не давалъ ему покоя. Онъ пишетъ ей, что отказался отъ удовольствій и этимъ онъ обязанъ ей, своей «великой Жоржѣ». Она подняла его душу, смыла съ нея грязь прошлаго, зажгла въ ней вѣру и любовь. Онъ сообщаетъ ей, что собирается писать романъ, исторію ихъ любви. «Это излечитъ меня, воскреситъ мою душу. Я долженъ воздвигнуть тебѣ алтарь, хотя бы изъ своихъ костей». Этотъ проектъ облекся впослѣдствіи въ *Confession d'un enfant du siècle*. Письма изъ Венеціи продолжали подливать масло въ огонь и только растравляли незажившую рану Мюссе. Жоржъ Зандъ не скрывала отъ него, что бурная и жгучая страсть поэта была ей больше по душѣ, чѣмъ будничная идиллія съ Пажелло. «Я привыкла къ энтузіазму,—пишетъ она къ нему,—а его здѣсь нѣтъ. Я здѣсь не г-жа Зандъ: Петро не читалъ даже Леліи, да, вѣроятно, и не понялъ бы ее... Въ первый разъ я люблю безъ страсти... О, зачѣмъ я не могу быть вмѣстѣ съ вами, съ нимъ и тобою, зачѣмъ не могу васъ сдѣлать обоихъ счастливыми, не принадлежа ни тому, ни другому?» Страстные вопли любви были отвѣтомъ на это письмо. «Я гибну,—пишетъ Мюссе,—все рушится вокругъ меня, я плачу цѣлыми часами, цѣлую твой портретъ, зову твою тѣнь. Парижъ мнѣ кажется пустыней». Онъ хочетъ бѣжать на Востокъ и опять казнитъ себя: «Я не зналъ тебя, плохо любилъ,—восклицаетъ онъ.—У меня есть только одна жажда, одна потребность —

знать, что ты счастлива». Въ отвѣтъ на это письмо Мюссе получилъ извѣстіе, что Жоржъ Зандъ вмѣстѣ съ Пажелло собираются въ Парижъ. Это была большая безтактность съ ихъ стороны. Лишь только они пріѣхали, душою Мюссе овладѣло страшное безпокойство. Въ немъ проснулась прежняя страсть и горькое сознаніе, что все потеряно. Онъ пишетъ Жоржъ Зандъ, что слишкомъ понадѣялся на себя, захотѣвъ ее видѣть, и теперь все погибло. Онъ уѣзжаетъ и проситъ ее о послѣднемъ свиданіи. Ей нечего бояться: въ немъ нѣтъ ни ревности, ни самолюбія, ни оскорбленной гордости; онъ жалкій безумецъ, разбившій свое счастье, глупо, безполезно, потому что и она несчастна». Она, дѣйствительно, была несчастна. Пажелло, очутившись въ Парижѣ въ другой обстановкѣ, понялъ всю нелѣпость ихъ положенія. Ему случалось не разъ видѣть двусмысленные взгляды по адресу этого знаменитаго «тріо», и онъ сдѣлался золъ, подозрителенъ, несправедливъ. Жоржъ Зандъ оплакивала свои иллюзіи. Она не допускала, чтобъ эти отношенія можно было судить съ точки зрѣнія узкой морали, а, между тѣмъ, читала на всѣхъ лицахъ одно только осужденіе. Пришлось разстаться съ Мюссе. «Я шлю тебѣ свое послѣднее прости, моя дорогая, любимая,—пишетъ онъ,—шлю его съ тоской, но безъ отчаянія. Страшная борьба, жгучая боль и горькія слезы смѣнились въ моей душѣ желанною гостьей, задумчивою и грустною меланхоліей. Я уже видѣлъ ее у изголовья своей кровати съ кроткою улыбкой на блѣдныхъ устахъ. На ея челѣ горитъ твой послѣдній поцѣлуй... Мнѣ нечего скрывать... Развѣ онъ не былъ такъ же чистъ и святъ, какъ и твоя прекрасная душа? Дорогая, ты не можешь упрекнуть меня за эти два часа, проведенныхъ со мною. Они пролили бальзамъ на мою душу... Дитя мое, наша дружба освящена передъ Богомъ, очищена потокомъ нашихъ слезъ, она неуязвима, какъ и онъ. Я не боюсь ничего, не жду ничего... У меня не будетъ бо́льшаго счастья». Спокойный тонъ этого письма былъ обманчивъ. Поѣздка въ Баденъ не спасла Мюссе. Оттуда летятъ къ Жоржъ Зандъ самыя безумныя письма. «Никто не можетъ такъ любить, какъ я!—восклицаетъ онъ.—Я гибну, тону, захлебываюсь отъ любви»... «Я люблю тебя, жизнь моя, кровь моя! Я умираю отъ любви безумной, безконечной, безграничной, безнадежной. Ты любима, обожаема, боготворима... Нѣтъ, я не излечусь отъ нея никогда, да я и не хочу жить: умереть, любя тебя, лучше, чѣмъ жить. Мнѣ все равно, что́ скажутъ. Скажутъ, что ты любишь другого, я это знаю,—я умираю, но люблю, люблю». Жоржъ Зандъ старалась всѣми силами образумить своего несчастнаго друга, но ничто не помогало,—онъ рвался во Францію, жаждалъ ее видѣть и она, наконецъ, уступила. Пажелло, узнавъ о намѣреніи Мюссе вернуться на родину, рѣшилъ, что самое лучшее уѣхать изъ Парижа и предоставить имъ вдвоемъ разыгрывать драму, которая ему такъ страшно надоѣла. Въ октябрѣ Жоржъ Зандъ и Мюссе свидѣлись, и началась старая исторія. Они хотѣли вѣрить другъ въ друга и не могли. Посреди клятвъ любви Мюссе осыпалъ ее самыми грубыми упреками и оскорбленіями, рвалъ ея душу на части, а потомъ

казнилъ себя и плакалъ у ея ногъ. Жоржъ Зандъ предложила разойтись. Онъ умолялъ ее простить его вспышку; конечно, онъ недостоинъ ея прощенія, но онъ такъ несчастливъ, что она пожалѣетъ его. Онъ готовъ на все, лишь бы не потерять ее... Она поддалась на его просьбы и простила. Онъ безумствовалъ отъ счастья, но экстазъ проходилъ, мрачныя мысли лѣзли въ голову и бурныя сцены возобновлялись. «Можемъ ли мы любить другъ друга?—спрашиваетъ Жоржъ Зандъ въ письмѣ къ Мюссе.—Ты сказалъ, что да, и я хочу этому вѣрить... Но возможна ли наша совмѣстная жизнь?... Если я не уйду, я чувствую, что полюблю тебя, какъ прежде. Я убью и тебя, и себя. Подумай объ этомъ серьезно. Судьба свела насъ,—не знаю, благословлять ли ее, или проклинать. Бываютъ минуты, когда во мнѣ говоритъ ужасъ сильнѣе любви». Мюссе первый усталъ. Разрывъ былъ имъ продиктованъ. Казалось бы, что все уже кончено, а, между тѣмъ, драма еще впереди. «Я не могу никакъ оправиться,—пишетъ Жоржъ Зандъ Мюссе спустя нѣкоторое время,—я предаюсь своему отчаянію. Оно меня гложетъ, давитъ». Ей хочется бѣжать къ нему, броситься ему на шею и сказать: «Ты меня еще любишь, ты краснѣешь за это, страдаешь, но ты меня слишкомъ жалѣешь, чтобъ не любить. Когда ты почувствуешь въ себѣ раздраженіе, гони меня, третируй меня, но не говори этого ужаснаго слова: въ послѣдній разъ!» Ея экзальтація доходила до крайнихъ предѣловъ: она готова была рыдать у его ногъ, молить о пощадѣ, лишь бы вернуть его. Мюссе все еще ее любилъ. Онъ не могъ устоять и они сошлись снова (1835 г.). Все, что послѣдовало затѣмъ, было ужасно. Они старались забыть свое прошлое, свое неизгладимое прошлое, и зажить новою жизнью, полною счастья и любви. Но никогда ихъ вспышки не достигали такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ теперь,—нужно было разстаться. Жоржъ Зандъ заявила, что она не можетъ больше, не въ силахъ дать ему счастье, и бѣжала въ Ноганъ 7 марта 1835 г. Въ первый моментъ оба почувствовали облегченіе. Затѣмъ она успокоилась, онъ излечился отъ своей страсти; но внутри у него что-то оборвалось, оставивъ неизгладимый слѣдъ на всю его жизнь. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ началѣ разрыва они не питали другъ къ другу злобы и только впослѣдствіи ихъ отношенія обострились. «Миръ и прощеніе»,—сказала Жоржъ-Зандъ Сентъ Бёву, перебирая это ужасное прошлое. «Миръ и прощеніе»,—скажемъ и мы, добавляетъ отъ себя Баринъ.

III.

Послѣ этого жестокаго нравственнаго потрясенія жизнь Мюссе потекла о ычнымъ путемъ. «Оставшись одинъ,—говоритъ онъ въ *Poète déchu* (839 г.),—я не чувствовалъ ни сожалѣнія, ни горя. Я гордо ушелъ, и т лько когда оглянулся кругомъ, то увидѣлъ вокругъ себя пустыню. Мною с ладѣла невыразимая тоска. Мнѣ казалось, что всѣ мои мысли разлетѣл сь, какъ сухіе листья, а въ душѣ поднялось какое-то страшно-мучитель-

ное, ноющее чувство. Я былъ не въ силахъ бороться и безнадежно предался горю». Но современемъ слезы изсякли. «Успокоившись, я оглянулся назадъ, на все, что оставилъ когда-то. Первая же попавшаяся подъ руку книга показала мнѣ, какъ все измѣнилось. Прошлаго какъ бы не существовало,—до того оно не походило на настоящее. Старая картина, знакомая трагедія, избитый романъ, бесѣда съ пріятелемъ,—все мнѣ казалось новымъ: я не находилъ въ нихъ обычнаго смысла». Мюссе былъ другой человѣкъ. Все, что напоминало прошлое, раздражало его, даже предметы въ его комнатѣ. Онъ началъ съ переборки библіотеки. Прежніе кумиры полетѣли на полъ, а на ихъ мѣстѣ появились: Софоклъ, Плутархъ, Аристофанъ, Горацій, Рабле, Монтень, Ренье, Шекспиръ, Гёте, Байронъ, Боккачіо, великіе итальянскіе поэты и ни одного французскаго писателя XXIII в., за исключеніемъ Шенье, ни Вольтера, ни Руссо, ни Кребильона. Разобравъ свою библіотеку, Мюссе взялся за перо; онъ давно не писалъ. Послѣднее его произведеніе *Rolla* появилось въ печати въ 1833 г., т.-е. въ самомъ началѣ его связи съ Жоржъ Зандъ. Это произведеніе Мюссе заслуживаетъ полнаго вниманія,—говоритъ Баринъ,—и потому вернемся нѣсколько назадъ. Ни одна изъ поэмъ Мюссе не создала ему такой громкой извѣстности среди молодежи, какъ *Rolla*. Даже ея нѣсколько напыщенный тонъ не помѣшалъ успѣху. Молодежь ею зачитывалась, знала ее наизусть, декламировала на литературныхъ вечерахъ. Тэнъ говоритъ, что это «самая страстная изъ поэмъ», чудное сочетаніе вымысла и правды, обожженное солнцемъ поэзіи и блещущее, какъ фейерверкъ. По силѣ этого страстнаго вдохновенія можно судить о томъ, что происходило въ душѣ поэта. Страсть нахлынула, какъ потокъ, схватила и смяла его. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ почти не писалъ. Теперь это былъ уже не тотъ Мюссе, не тотъ прелестный юноша, которымъ восторгались члены cénacle'я, а совершенно другой человѣкъ, измученный жизнью, разбитый горемъ. И характеръ его поэзіи принялъ другой оттѣнокъ. По пріѣздѣ изъ Италіи онъ написалъ, кромѣ незначительныхъ стихотвореній (*Une bonne fortune* и *Lucie*) *Ночь — Nuit de Mai* (*Revue des Deux Mondes*, 1835 г.). За нею послѣдовали очень скоро три остальныя «ночи», *Письмо къ Ламартину* и *Стансы Малибранъ*. Въ 1838 г. появилось его послѣднее стихотвореніе изъ этого цикла, *Espoir en Dieu*, и потомъ онъ замолчалъ. Въ этомъ же году были окончены всѣ его лучшія пьесы и новеллы. Великій поэтъ проснулся еще только одинъ разъ въ 1841 г. и подарилъ міру свой прелестный *Souvenir*. За блестящимъ разцвѣтомъ таланта Мюссе не послѣдовало періода упадка. Его лучшія произведенія явились продуктомъ десятилѣтняго творчества; въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни онъ почти не писалъ. Произведенія Мюссе за этотъ періодъ не имѣютъ ничего общаго съ романтическою школой, разумѣется, со стороны формы. По духу онъ тотъ же романтикъ. Все лучшее, что дало это новое направленіе, осталось у него. Романтизмъ, по опредѣленію Брюнетьера, представляетъ смѣсь свободной фантазіи и субъективизма,—другими словами, романтизмъ то

же лиризмъ. Это опредѣленіе точно создано для Мюссе,—такъ оно подходитъ къ нему. Всѣ его произведенія носятъ отпечатокъ его личности. Онъ любилъ всегда говорить о своихъ чувствахъ и настроеніяхъ, а послѣ несчастной любви эта потребность сдѣлалась еще сильнѣе. Онъ могъ только говорить о своемъ страданіи, о своей тоскѣ. Возвращеніе къ классической формѣ сопровождалось романтизмомъ чувствъ. *Nuit de Mai* была написана черезъ нѣсколько недѣль послѣ разрыва съ Жоржъ Зандъ. Она дышетъ страшною грустью и усталостью. Въ его отвѣтахъ на предложеніе музѣ воспѣвать весну, любовь, счастье, славу нѣтъ даже злобы, это—стонъ больного, жалобный и безнадежно-печальный:

Je ne chante ni l'espérance,
Ni la gloire, ni le bonheur,
Helas! pas même la souffrance.
La bouche garde le silence
Pour écouter parler le coeur.

(Я не пою ни надежду, ни славу, ни счастье,—увы, даже ни страданіе. Мои уста молчатъ, прислушиваясь къ стонамъ сердца). Эта грусть такъ понятна послѣ всего, что было. Стремясь очистить свою душу огнемъ истинной страсти, Мюссе, какъ романтическій герой, поставилъ девизомъ своей жизни—любовь, и когда эта опора рухнула, онъ ощутилъ въ душѣ страшную пустоту. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ *Майской ночи* появилось *Nuit de Décembre*. Этотъ перерывъ былъ посвященъ его грустной исповѣди *Confession d'un enfant du siècle*, гдѣ въ нѣсколько замаскированномъ видѣ выступаетъ исторія его несчастной любви. Тотъ же тонъ и тѣ же мотивы преобладаютъ въ *Nuit de Décembre*. За ними слѣдуетъ *Письмо къ Ламартину* (1836 г.). Оно представляетъ особый интересъ для біографа,—говоритъ авторъ книги,—такъ какъ въ концѣ этого письма изложена вѣра Мюссе. Поэтъ начинаетъ съ того, что принимаетъ цѣликомъ бога Ламартина.

Quel qu'il sait c'est le mien; il n'est pas deux croyances.
Je ne sais pas son nom, j'ais regardé les cieux;
Je sais qu'ils sont à lui, je sais qu'ils sont immenses,
Et que l'immensité ne peut pas être à deux.

(Кто-бъ онъ ни былъ, онъ мой богъ, я вѣрю въ него одного. Я не знаю его имени, но я вижу небеса, они принадлежатъ ему, они безконечны, а безконечность не можетъ принадлежать двоимъ). Дальше онъ говоритъ о безсмертіи души, подымаясь надъ всѣми земными страданіями:

Créature d'un jour qui t'agites une heure,
De quoi viens tu te plaindre et qui te fait gémir?
Ton âme t'inquiète, et tu crois qu'elle pleure:
Ton âme est immortélle et tos pleurs vont tarir.

Ton corps est abattu du mal de ta pensée;
Tu sens ton front peser et tes genoux fléchir,
Tombe, agenouille—toi, créature insensée:
Ton âme est immortelle, et la mort va venir.

Tes os dans le cercuil vont tomber en poussière;
Ta mémoire, ton nom, ta gloire vont périr,
Mais non pas ton amour, si ton amour t'est chère:
Ton âme est immortélle, et va s'en souvenir.

(На что ты жалуешься, о чемъ ты стонешь? Твоя душа томится, а ты думаешь, что она плачетъ,—твоя душа безсмертна и твои слезы высохнутъ. Больная мысль гнететъ твое тѣло, голова твоя клонится, ноги сгибаются, пади на колѣни, жалкое созданіе: твоя душа безсмертна и смерть придетъ. Твои кости въ гробу обратятся въ пыль, твое имя, слава,—все умретъ, но не твоя любовь: твоя душа безсмертна и не забудетъ ее, если она дорога тебѣ).

Присоединивъ еще къ этимъ строфамъ отрывокъ изъ стихотворенія *Espoir en Dieu*: *Malgré moi l'infini me tourmente* (помимо моей воли мысль о безконечности меня тревожитъ), мы получимъ представленіе о религіи Мюссе,—говоритъ Баринъ,—Мюссе, излечившагося отъ своей «скверной болѣзни—сомнѣнія». Правда, эта религія не стѣснительна: она ни къ чему не обязываетъ, ничего не требуетъ. Послѣ философскаго настроенія, которымъ проникнуто письмо къ Ламартину, поэтомъ вновь овладѣваетъ страстная жажда земныхъ наслажденій. *Nuit d'août*—это гимнъ любви:

O, Muse! que m'importe ou la mort ou la vie?
J'aime et je veux pâlir; j'aime et je veux souffrir;
J'aime et pour un baiser je donne mon génie;
J'aime et je veux sentir sur ma joue amaigrie
Ruisseler une source impossible à tarir.

J'aime et je veux chanter la joie et la paresse,
Ma folle espérience et mes soucis d'un jour,
Et je veux raconter et répéter sans cesse,
Qu'après avoir juré de vivre sans maîtresse,
J'ai fait serment de vivre et de mourir d'amour.

Depouille devant tous l'orgueil qui te dévore,
Coeur gonflé d'amertume et qui t'es cru fermé.
Aime, et tu renaîtras; fais-toi fleur pour éclore;
Après avoir souffert, il faut souffrir encore,
Il fout aimer sans cesse, après avoir aimé.

(Муза, какое мнѣ дѣло до жизни и смерти? Я люблю и хочу блѣднѣть; я люблю и хочу страдать; я люблю и за поцѣлуй отдамъ свой геній; я люблю и хочу ощущать на своей исхудалой щекѣ неизсякаемый потокъ слезъ. Я люблю и хочу пѣть веселье и лѣнь, свой безумный опытъ и мимолетныя печали; я хочу повторять безъ конца, что, давъ клятву жить безъ милой, я поклялся жить и умереть отъ любви. Сердце, исполненное горечи, сбрось свою гордость! Люби и ты возродишься; развернись, какъ цвѣтокъ; ты страдало, ты любило,—нужно еще страдать и любить безъ конца.) Но это настроеніе удерживается не надолго. Передъ поэтомъ встаютъ опять картины прошлаго, исторія его несчастной любви. Вотъ тема лучшей изъ его ночей,—какъ говоритъ Баринъ,—*Nuit d'octobre* (1837 г.). Поэтъ ут-

ряетъ музу, что душа его перестала болѣть и онъ можетъ говорить покойно о своихъ прошлыхъ страданіяхъ.

Vous saurez tout, et je vais vous conter
Le mal que peut faire une femme.

(Вы узнаете все, я хочу вамъ разсказать, какое зло можетъ сдѣлать женщина). Разсказъ начинается съ описанія прошлой ночи. Онъ ждетъ невѣрную, она не идетъ. Буря приближается. Вдругъ шаги на пескѣ, — это она. Поэтъ начинаетъ метать громы и молніи; муза старается его успокоить, но напрасно. Цѣлый градъ упрековъ сыплется на его милую:

Honte à toi qui la première
M'as appris la trahison,
Et d'horreur et de colère
M'as fait perdre la raison.
Honte à toi, femme à l'oeil sombre,
Dont les funestes amours
Ont enseveli dans l'ombre
Mon printemps et mes beaux jours!

(Стыдись, ты первая научила меня измѣнѣ, довела до злобы и отчаянія. Стыдись, темноокая женщина, твоя роковая любовь омрачила тѣнью свѣтлую весну моей жизни). Послѣ страшнаго взрыва негодованія, злоба стихаетъ мало-по-малу; поэтъ старается изгнать изъ своей памяти остатки этой несчастной любви и съ горечью прощаетъ ей. Но истинное прощеніе явилось позднѣе, вылившись въ прелестномъ стихотвореніи *Souvenir* (1841 г.). Проѣзжая какъ-то черезъ лѣса Фонтенебло, Мюссе предался сладкимъ воспоминаніямъ о дняхъ своего счастья и какая-то тихая грусть снизошла на его душу. *Souvenir* навѣяно этими воспоминаніями. Основная его мысль слѣдующая: всякое искреннее и горячее чувство прекрасно само по себѣ, несмотря на тѣ радости и печали, какія оно несетъ съ собою. Дидро говорилъ, что «первая клятва была дана двумя смертными у подножія разсыпающейся скалы. Они брали въ свидѣтели своего постоянства вѣчно движущееся небо; все смѣнялось въ нихъ и вокругъ нихъ, а они вѣрили въ неизмѣнность своихъ сердецъ. О, дѣти, вѣчно дѣти!» Мюссе какъ бы возражаетъ Дидро:

Oui, les premiers baisers, oui, les premiers serments
Que deux êtres mortels échangèrent sur terre,
Ce fut au pied d'un arbre effeuillé pas les vents
Sur un roc en poussière.

Ils prirent à témoin de leur joie éphémère
Un ciel toujours voilé qui change à tout moment,
Et des astres sans nom que leur propre lumière
Dévore incessamment.

Tous mourait autour d'eux, l'oiseau dans le feuillage
La fleur entre leurs mains, l'insecte sous leurs pieds,
La source desséchée ou vacillait l'image
De leurs traits oubliés.

Et sur sous ces débris joignant leur mains d'argile,
Etourdis des éclairs d'un instant de plaisir,
Ils croyaient échapper à cet Être immobile,
Qui regarde mourir!

Insensés! dit le sage.--Heureux! dit le poète.
Et quels tristes amours as-tu donc dans le coeur,
Si le bruit du torrent te trouble et t'inquiète,
Si le vent te fait peur!

La foudre maintenant peut tomber sur ma tête,
Jamais ce souvenir ne peut m'être arraché;
Comme le matelot brisé par la tempête,
Je m'y tiens attaché.

Je ne veux rien savoir, ni si les champs fleurissent,
Ni ce qu'il adviendra du simulacre humain,
Ni si ces vastes cieux éclaireront demain
Ce qu'ils ensevelissent.

Je me dis seulement: A cette heure, en ce lieu,
Un jour je fus aimé, j'aimais, elle était belle.
J'enfouis ce trésor dans mon âme immortelle,
Et je l'emporte à Dieu!

(Да, первые поцѣлуи, первыя клятвы были даны двумя смертными у подножья осыпающагося дерева на развалившейся скалѣ. Свидѣтелями ихъ эфемернаго счастья были вѣчно измѣнчивое небо, окутанное облаками, и миріады меркнущихъ звѣздъ. Все умирало вокругъ нихъ: запоздавшая птица въ кустахъ, цвѣтокъ въ ихъ рукѣ, насѣкомое подъ ногами, высохшій ручей, гдѣ отражались ихъ теперь забытыя черты. И на этихъ обломкахъ жизни стояли они рука объ руку, упоенные минутнымъ блаженствомъ; они не думали тогда, что подчинены общему закону смерти. Безумцы!—сказалъ мудрецъ. Счастливые!—сказалъ поэтъ. И какъ же жалка твоя любовь, если ее можетъ смутить шумъ ручья, испугать шелестъ вѣтра! Пусть громы теперь разразятся,—это воспоминаніе будетъ со мною, я уцѣплюсь за него, какъ матросъ, застигнутый бурей. Мнѣ все равно, что̀ будетъ съ нами, будутъ ли цвѣсти поля, будутъ ли завтра сіять небеса надъ тѣмъ, что̀ они покрываютъ. Я буду помнить лишь одно, что въ этомъ мѣстѣ, въ этотъ часъ я былъ любимъ когда-то,—она была прекрасна. Я сохраню воспоминаніе въ своей безсмертной душѣ и унесу его къ Богу). Перечисленныя нами стихотворенія представляютъ эпилогъ къ драмѣ, разыгравшейся въ Венеціи и Парижѣ. Это самыя оригинальныя изъ произведеній Мюссе; мы не видимъ здѣсь посторонннихъ вліяній. Вдохновеніе бьетъ ключомъ изъ его груди, не подчиняясь условіямъ моды. Онъ весь передъ нами съ открытой душой, со слезами горя и жаждой счастья. Эта смѣсь настроеній, смѣсь отчаянія и страшныхъ порывовъ къ жизни, и составляетъ всю прелесть Мюссе,— говоритъ Сентъ-Бёвъ. Мюссе - лирикъ не имѣетъ соперниковъ во Франціи,—добавляетъ Баринъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ поэмахъ Мюссе изъ *Poes*

nouvelles; ни одно изъ нихъ не сравнится съ *Ночами*. Общій тонъ его поэзіи понятенъ и безъ того. На первомъ планѣ у него чувство: источникъ вдохновенія у Мюссе сердце, а не голова. «De ton coeur ou de toi le quel est le poéte?» (кто изъ васъ двухъ поэтъ, ты или твое сердце?)—спрашиваетъ онъ свою музу и отвѣчаетъ за нее: «C'est ton coeur» (твое сердце). Потому-то его поэзія дышетъ такою искренностью, такимъ истиннымъ горемъ и беззавѣтнымъ весельемъ. У Мюссе не было высшихъ идеаловъ, цѣлью всей своей жизни онъ поставилъ наслажденіе, обоготворилъ его и съ первыхъ же шаговъ почувствовалъ всю горечь пресыщенія, такъ какъ душа его «небеснаго искала». Отсюда грустный тонъ его поэзіи, преобладающій надъ остальными мотивами.

Слѣдуетъ упомянуть еще о драматическихъ произведеніямъ Мюссе. Первая его пьеса *Nuit venitienne*, хорошенькая остроумная вещица, потерпѣла жестокое фіаско на сценѣ Одеона въ 1830 г. Съ тѣхъ поръ оскорбленный авторъ поклялся не писать для театра и сдержалъ свое слово. Не подчиняясь сценическимъ правиламъ, онъ писалъ по вдохновенію, схватывая на лету свои образы и занося ихъ на бумагу. У Мюссе есть одна драма въ шекспировсомъ вкусѣ и нѣсколько варіацій на одну и ту же тему—любовь. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ его произведеніяхъ, слышны тотъ же смѣхъ и тѣ же слезы. Идея драмы *Lorenzaccio* зародилась у Мюссе еще во время пребыванія во Флоренціи въ 1833 г. Мрачный видъ города, обнесеннаго зубчатою стѣной, которая сохранилась еще со временъ республики, развилъ его поэтическую фантазію. Перелистывая флорентинскія хроники, онъ нашелъ сюжетъ для своей драмы: убійство Александра Медичи его двоюроднымъ братомъ Лоренцо и безплодные результаты этого убійства—вотъ канва, по которой вышитъ блестящій узоръ *Lorenzaccio*. Нѣсколько историческихъ подробностей и личныхъ воспоминаній дополнили остальное. *Lorenzaccio* открываетъ передъ нами не удавшуюся революцію XVI вѣка во Флоренціи, со всѣми ея кознями и интригами. На этомъ фонѣ выступаетъ трагическая фигура Лоренцо Медичи. Въ душѣ его цѣлая драма, мотивы все тѣ же: разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Это старая тема — исторія человѣка, развращеннаго въ дни своей юности, который жаждетъ подняться и не можетъ. Здѣсь она получила особенно яркое выраженіе. Лоренцо — утопистъ, мечтатель. Онъ вѣритъ въ добродѣтель, въ прогрессъ, въ величіе человѣческаго духа, въ магическую силу словъ. Демонъ искуситель является ему въ обольстительномъ образѣ. «Онъ прекраснѣе Гавріила, при его приближеніи слова: свобода, отечество, человѣческое счастье звучатъ, какъ пѣніе лиры: это шелестъ его блистающихъ крыльевъ, его слезы оплодотворяютъ землю, а въ рукахъ у него вѣнецъ мученика». Этотъ чудный образъ явился Лоренцо въ тиши кабинета, гдѣ онъ сидѣлъ надъ книгой, и смутилъ его покой. Онъ не можетъ работать, онъ долженъ убить тирана и возвратить свободу Флоренціи. На тронѣ господствуетъ надъ толпою рабовъ жестокій развратникъ Александръ Медичи. Чтобы привести задуманный планъ въ исполне-

ніе, нужно заручиться его довѣріемъ и симпатіей. Лоренцо не останавливается передъ средствами. Онъ приближается къ герцогу и превосходитъ его въ развратѣ. Но часъ насталъ, пора сбросить маску: смерть тирану и свобода Флоренціи! Вотъ онъ у цѣли, его завѣтныя мечты сбылись, а, между тѣмъ, въ душѣ Лоренцо страшная тоска. Онъ не находитъ въ себѣ ни прежней вѣры, ни прежней чистоты: развратъ коснулся его своимъ тлетворнымъ дыханіемъ и убилъ въ немъ лучшія чувства. Онъ научился презирать людей, онъ уже не вѣритъ въ то великое дѣло, за которое готовъ былъ отдать всю свою жизнь. Что же будетъ дальше?—думаетъ онъ. Я убью тирана, освобожу народъ отъ рабства,—и этотъ же народъ кинется въ объятія другого тирана. Но онъ, все-таки, намѣренъ привести задуманный планъ въ исполненіе, намѣренъ убить герцога, но уже по другимъ мотивамъ: эта мысль родилась въ его мозгу въ тотъ моментъ, когда онъ былъ «чистъ, какъ лилія», и кровь тирана смоетъ его грязь. Совершивъ убійство, Лоренцо ощущаетъ минутное блаженство; но вотъ встаетъ передъ нимъ мрачный призракъ разврата; онъ чувствуетъ, что грязь его душитъ, порокъ отравляетъ кровь, ему нѣтъ спасенія... Онъ добровольно отдается въ руки наемныхъ убійцъ, а Флоренція привѣтствуетъ воцареніе новаго Медичи. Это любимая тема Мюссе; она затронута имъ впервые въ *La coupe et les lèvres* и доведена до максимума развитія въ *Lorenzaccio*. Нечего и сомнѣваться, что Лоренцо—самъ Мюссе: душевный разладъ его героя мучилъ и его всю жизнь.

Въ отдѣльныхъ пьесахъ Мюссе (*Le chandelier*, *Caprices de Marianne*, *Fantasio*, *On ne badine pas avec l'amour*, *Il ne faut jurer de rien*, *Caprice*, *Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée* и др.) фигурируетъ любовь во всѣхъ ея видахъ, любовь молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, записныхъ кокетокъ, вѣрныхъ женъ и любовь Альфреда Мюссе во всѣхъ возрастахъ и настроеніяхъ; любовь чистаго юноши и пресыщеннаго развратника, веселаго, грустнаго, язвительнаго, страстнаго и т. д. Въ образѣ всѣхъ своихъ героевъ выступаетъ онъ самъ, во всемъ разнообразіи своихъ чувствъ и ощущеній. Мюссе никогда не уставалъ говорить о любви,—это былъ его богъ и онъ молился ему съ набожностью вѣрующаго. Судьба его пьесъ необыкновенно оригинальна. При своемъ появленіи въ *Revue des Deux Mondes*, а затѣмъ изданныя отдѣльною книжкой въ 1840 г. онѣ почти не были замѣчены публикой; о нихъ скоро совсѣмъ забыли. Одна французская артистка, г-жа Алланъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, слышала со всѣхъ сторонъ восторженные отзывы о маленькой пьескѣ, которая шла на сценѣ русскаго театра. Увидѣвъ ее, она до того была ею очарована, что просила даже перевести эту пьеску на французскій языкъ. Кто-то изъ ея почитателей прислалъ ей, вмѣсто перевода, томъ *Comedies et Proverbes* Альфреда Мюссе: маленькая русская пьеска была *Caprice*, г-жа Алланъ имѣла въ ней громадный успѣхъ въ Петербургѣ и по возвращеніи въ Парижъ сыграла ее на сценѣ Comédie Française, несмотря на всѣ протесты дирекціи (1847 г.).

Никто не зналъ, откуда эта пьеска. На слѣдующій день заговорили о ней всѣ газеты. «Эта маленькая пьеска,—возвѣщалъ Теофилъ Готье въ своемъ драматическомъ фельетонѣ,—цѣлое литературное событіе. Со временъ Мариво въ Comédie-Française не было ничего болѣе изящнаго, тонкаго, остроумнаго, чѣмъ этотъ прелестный chef d'oeuvre, похороненный на страницахъ журнала и открытый русскими» (*Presse* 1847 г.) *Illustration* живо описывала восторги публики. Неслыханное событіе совершилось вчера въ Comedie-Française: маленькая одноактная комедія имѣла блестящій, оглушительный, гигантскій успѣхъ». Затѣмъ слѣдовали похвалы Мюссе, какъ поэту, и рецензія пьесы: «Слова блещутъ, какъ бриллианты; каждая сцена—феерія и, въ то же время, это правда, жизнь» (1847 г.). Этотъ восторгъ нѣсколько удивляетъ насъ,—замѣчаетъ Баринъ. Правда, *Caprice*—прелестная вещица, но одна изъ самыхъ ничтожныхъ у Мюссе. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, этотъ блестящій дебютъ способствовалъ распространенію и другихъ его пьесъ. Ихъ ставили одну за другой и публика выходила очарованною изъ зала театра. Этотъ успѣхъ объясняется тѣмъ,—говоритъ авторъ книги,—что Мюссе явился новаторомъ и реалистомъ въ области комедіи. Его пьесы не были созданы по опредѣленному шаблону, по рецепту классической или романтической школы. Въ нихъ была своя оригинальность: «каждая сцена—феерія и, въ то же время, правда, жизнь». Такое же впечатлѣніе выносила и публика отъ пьесъ Мюссе. Нѣкоторые, изъ критиковъ старались охладить ея восторги; Сентъ-Бёвъ, никогда не придававшій большого значенія драматическимъ произведеніямъ Мюссе, былъ возмущенъ, когда публика стала смотрѣть на нихъ не какъ на милую шутку, а какъ на нѣчто серьезное. «Я видѣлъ вчера, — писалъ онъ, — въ Comédie-Française маленькую пьеску Мюссе: *Il ne faut jurer de rien.* Тамъ есть недурныя вещи, но меня поразила ея крайняя несуразность и отсутствіе здраваго смысла. Типъ взятъ изъ какого-то страннаго міра: этотъ дядя—угрюмый резонеръ, кончающій пьянствомъ; этотъ изящный молодой человѣкъ—какой-то наглый фатъ; эта дѣвушка—маленькая шельма, модистка съ улицы Вивьенъ въ образѣ Клариссы; эта надменная и чопорная баронесса въ роли нѣжной матери,—все это не выдержано, неестественно, непослѣдовательно. Это какой-то фантастическій міръ... Случайные эпизоды и блестки остроумія прикрываютъ прорѣхи на каждомъ шагу... А, между тѣмъ, есть люди, которые до того увлеклись жанромъ Мюссе, что проводятъ его въ жизнь и стараются подражать ему. Оригиналъ явился здѣсь послѣ копіи, и вовсе не оригиналъ... Альфредъ Мюссе—капризъ развратной и пресыщенной эпохи» (1848 г.). Но что бы ни говорилъ Сентъ-Бёвъ, публика его не слушала, она была подъ обаяніемъ Мюссе. *Caprice* создалъ ему громкую извѣстность. Въ нѣсколько дней онъ сдѣлался популяренъ; его читали на-расхватъ и возносили до небесъ. Какъ это ни грустно, но Мюссе-прозаикъ проложилъ путь поэту.

Изъ остальныхъ сочиненій въ прозѣ у Мюссе есть новеллы, сказки и его знаменитая *Confession d'un enfant du siècle* (1836 г.). Какъ мы уже

говорили раньше, послѣдняя посвящена почти цѣликомъ его роману съ Жоржъ Зандъ, начиная съ первой встрѣчи и кончая разрывомъ. Въ литературномъ отношеніи это немного напыщенное, мѣстами утомительное, мѣстами художественное произведеніе. Для насъ оно представляетъ интересъ, какъ искренняя, правдивая исповѣдь поэта, страничка изъ личной жизни Мюссе.

Его сказки и новеллы—прехорошенькіе разсказы, безъ всякихъ претензій, остроумные и задушевные. Всѣ эти произведенія Мюссе, какъ мы уже замѣтили выше, были имъ окончены къ 1838 году; въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни онъ почти не писалъ. Эти годы были ужасны: нравственныя и физическія страданія убивали въ немъ всякую способность къ работѣ; въ 1839 году онъ пытался даже покончить съ собой.

Маленькое стихотвореніе, набросанное карандашомъ, рисуетъ намъ какъ нельзя лучше мрачное настроеніе поэта:

J'ai perdu ma force et ma vie,
Et mes amis et ma gaieté;
J'ai perdu jusqu'à la fierté
Qui faisait croire à mon génie.

(Я потерялъ свою жизнь и силу, своихъ друзей и свою веселость, я потерялъ даже гордость, дававшую мнѣ вѣру въ мой геній).

Причины этой преждевременной смерти крайне печальны. Мюссе былъ всегда слабаго здоровья; еще въ дѣтствѣ онъ страдалъ сильными нервными припадками. Если принять во вниманіе дни его безпутной юности, душевныя потрясенія послѣ потери любимой женщины, развратную жизнь, которую онъ велъ, стараясь забыться, мучительныя угрызенія совѣсти, страстную жажду и невозможность подняться, то станетъ понятнымъ его физическое и нервное состояніе. Онъ страшно опустился. Лучшій другъ поэта, г-жа Жоберъ, которую онъ называлъ своею прелестною матерью, старалась поднять и образумить его. Тогда онъ открылъ ей свою душу и она заплакала надъ нимъ. «Я не могу вамъ передать всего, что̀ онъ говорилъ мнѣ,—сказала она потомъ Полю Мюссе,—это свыше моихъ силъ. Но знайте, что онъ разбилъ меня по всѣмъ пунктамъ». На другой день Мюссе послалъ ей слѣдующій сонетъ:

Qu'un sot me calomnie, il ne m'importe guère.
Que sous le faux semblant d'un interêt vulgaire,
Ceux même dont hier j'aurai serré la main
Me proclamen, ce soir, ivrogne et libertin.

Ils sont moins mes amis que le verre de vin,
Qui pendant un quart d'heure étourdit ma misère,
Mais vous, qui connaissez mon âme tout entière,
A qui je n'ai jamais rien tu, même un chagrin,

Est ce à vous de me faire une telle injustice,
Et m'avez vous si vite à ce point oublié?
Ah! ce qui n'est qu'un mal, n'en faites pas un vice.

Dans ce verre où je cherche à noyer mon supplice,
Laissez plutôt tomber quelques pleurs de pitié
Qu'à d'anciens souvenir de vrait votre amitié.

(Пусть глупцы на меня клевещутъ, пусть тѣ, кому я жалъ вчера руку, назовутъ меня сегодня, подъ маской пошлаго сочувствія, пьяницей и развратникомъ, мнѣ все равно. Стаканъ вина, заглушающій на время боль, мнѣ большій другъ, чѣмъ они. Но вы, знающая всю мою душу, вы, отъ кого я не скрываю никогда ни малѣйшей печали, неужели вы можете мнѣ бросить подобный упрекъ? Развѣ вы меня не знаете? О, не называйте несчастья порокомъ! А лучше въ стаканы вина, гдѣ я топлю свое горе, пролейте слезу участія; на нее васъ обязываетъ память прошлаго). Отъ общества Мюссе не ждалъ пощады. «Люди,—говорилъ онъ съ горечью,—умѣютъ сочувствовать только тѣмъ страданіямъ, отъ которыхъ умираютъ». Но передъ родными поэтъ не скрывалъ своей тоски. Какъ онъ ни старался заглушить ее разгуломъ, она становилась все ужаснѣе и ужаснѣе. «Можно напиваться до-пьяна, отрѣшаться отъ внѣшняго міра, подавлять свои мысли усиліемъ воли, а душа вѣчно будетъ ныть»,—пришелъ онъ къ заключенію. И эта нравственная агонія длилась слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Въ обществѣ Мюссе старался казаться веселымъ; его необыкновенная живость и подвижность спасала его. Онъ, какъ ребенокъ, тѣшился всякими пустяками. Его, напримѣръ, необыкновенно занимали столкновенія съ національною гвардіей; они давали богатую пищу его остроумію. Правда, ему приходилось не разъ ночевать въ тюрьмѣ, но поэтъ только смѣялся надъ этимъ. Послѣ вспышекъ веселья наступала реакція: онъ опять становился мраченъ. Полное равнодушіе публики къ его произведеніямъ усиливало еще больше тоску Мюссе. Онъ никогда не былъ тщеславенъ, онъ даже не любилъ похвалъ, увѣряя, что изъ десяти комплиментовъ девять ему противны. Но какъ бы онъ ни былъ скроменъ, это полное равнодушіе публики убивало въ немъ жажду писать. Несмотря на блестящій дебютъ, авторъ *Ночей* былъ почти неизвѣстенъ и, главнымъ образомъ, потому, что не принадлежалъ къ грушѣ новомодныхъ писателей. Онъ разорвалъ съ романтическою школой именно въ тотъ моментъ, когда романтизмъ пользовался наибольшею славой. Печать не занималась Мюссе, толпа имъ не интересовалась и его лучшія произведенія прошли незамѣченными. Генрихъ Гейне былъ пораженъ этимъ равнодушіемъ публики. «Въ свѣтскомъ обществѣ,—писалъ онъ въ 1835 г.,—Мюссе-поэтъ также мало извѣстенъ, какъ какой-нибудь китайскій писатель». М-me Жоберъ подтверждаетъ, что въ парижскихъ салонахъ знали одну только *Ballade à la lune*, и когда однажды одинъ изъ ея гостей прочелъ публикѣ отрывокъ изъ *Don Paez*'а, изумленіе было всеобщее: никто не читалъ его.

Никому неизвѣстный, оторванный отъ общественной жизни, отъ дѣла, Мюссе велъ самое праздное существованіе, ощущая въ душѣ страшную пустоту. Его погубили салоны и женщины. Онъ размѣнялъ свой талантъ на мелочи, слагая куплеты для свѣтскихъ красавицъ, отвыкъ думать, пересталъ работать и падалъ все ниже и ниже. Жизнь Мюссе за этотъ періодъ—какое-то жалкое прозябаніе, оживляемое слегка путешествіями и любовными приключеніями. Онъ какъ будто нарочно старался создать себѣ репутацію Донъ-Жуана. И въ

этотъ моментъ полнаго нравственнаго оскудѣнія слава улыбнулась ему. Въ обществѣ произошла эволюція, оно устало отъ романтизма. Посредственная пьеса Понсара *Lucrèce* произвела всеобщую сенсацію лишь потому, что она не была написана по рецепту романтической школы. Наступила очередь и за Мюссе. Его забытая поэзія всплыла на сцену и послѣ успѣха *Caprice* онъ сдѣлался самымъ популярнымъ и любимымъ изъ поэтовъ. Въ концѣ 1849 г. Сентъ-Бёвъ писалъ: «У насъ все преувеличиваютъ. Въ поклоненіи Мюссе есть доля правды и масса утрировки. Въ немъ любятъ не только одно изящное и прекрасное, а также и свои пороки. Эта распущенная молодежь находитъ особенную прелесть въ бѣшеныхъ взрывахъ его страсти, когда онъ похожъ на безумнаго... *Они принимаютъ безчеловѣчность за признакъ силы*». Но что бы ни говорилъ Сентъ-Бёвъ, онъ не имѣлъ уже власти надъ умами. Слава Мюссе росла все больше и больше. Его поэзія восхищала всѣхъ своею необыкновенною простотой и искренностью. Ходульныя чувства такъ надоѣли публикѣ, что она отдыхала душою надъ сочиненіями Мюссе. Онъ сдѣлался самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ изъ поэтовъ, котораго всѣ читаютъ и знаютъ наизусть. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ господствовалъ надъ сердцами. Чѣмъ былъ Мюссе для молодыхъ поколѣній, можно судить по словамъ Тэна (1864 г.): «Мы всѣ его знаемъ наизусть. Онъ умеръ, но его голосъ звучитъ еще у насъ въ ушахъ. Онъ никогда не лгалъ. Онъ говорилъ только то, что чувствовалъ, и говорилъ такъ, какъ чувствовалъ. Онъ думалъ вслухъ,—это была исповѣдь всему міру. Ему не поклонялись, его любили, онъ былъ больше, чѣмъ поэтъ, онъ былъ человѣкъ. Каждый изъ насъ находилъ у него отголосокъ въ своихъ самыхъ сокровенныхъ, самыхъ неуловимыхъ чувствахъ. Онъ увлекался, любилъ, у него были лучшія наши качества — великодушіе и искренность. У него былъ неоцѣненный даръ плѣнять это одряхлѣвшее общество, у него была юность. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ любовь, ревность, жажду наслажденій, эти чувства, рвавшіяся наружу изъ глубины его юнаго сердца! Развѣ кто-нибудь пережилъ ихъ такъ, какъ онъ? Онъ отдался имъ цѣликомъ и они опьянили его. Онъ хотѣлъ однимъ жаднымъ глоткомъ испить всю жизнь; но онъ не зналъ ея, не насладился ею. Онъ сорвалъ ее, какъ цвѣтокъ, скомкалъ, смялъ его и замаралъ только руки, но не утолилъ своей жажды. Тогда раздались его рыданія. Муза съ ея свѣтлою красотой, вѣчно юная природа, любовь съ ея лучезарною улыбкой, весь рой божественныхъ видѣній едва промелькнулъ передъ нимъ, какъ посреди стоновъ и криковъ проклятій встаетъ уже призракъ разврата и смерти.

«Онъ никогда не лгалъ», онъ пережилъ тѣ страданія, которыя воспѣлъ «онъ былъ больше, чѣмъ поэтъ, онъ былъ человѣкъ»,—вотъ за что мы любили Мюссе,—говоритъ Баринъ,—и никто не замѣнитъ его намъ.

Мюссе вкусилъ славы, но она уже не радовала его такъ, какъ могла бы радовать десять лѣтъ тому назадъ. Съ 1840 г. болѣзни осаждали его. Воспаленіе въ легкихъ и нервная горячка окончательно подломили его силы. Онъ становился все нервнѣе и раздражительнѣе, его томила безъ

исходная тоска. Онъ не могъ забыться ни въ вихрѣ удовольствій, ни за книгой. Но онъ былъ, все-таки же, милъ въ свои хорошія минуты, какъ и прежде, только лицо его приняло отпечатокъ холодной серьезности и грусти. Онъ вообще сдѣлался серьезенъ. «Если мое перо не навсегда замолкло,— говорилъ онъ молодежи,—то уже не Сюзеттъ и Сюзанъ я буду воспѣвать»' И когда молодые поклонники поэта восторгались его стихотвореніемъ *Espoir en Dieu,* онъ сказалъ имъ съ горечью: «Я пилъ изъ этого источника поэзіи, но пилъ слишкомъ мало». Страданія его все усиливались, настроеніе дѣлалось все мрачнѣе. Только одна скромная монахиня, сестра Марселина, умѣла облегчать его нравственные и физическіе недуги. Миръ сходилъ на душу поэта, когда она была возлѣ, и покидалъ его вмѣстѣ съ нею. Послѣдніе годы Мюссе невыносимо тягостны, несмотря на возростающій успѣхъ. Онъ не могъ даже насладиться своею славой, всякое волненіе вредно отражалось на немъ. Смерть явилась истиннымъ освобожденіемъ. Вечеромъ 1 мая 1857 года онъ почувствовалъ себя хуже обыкновеннаго. Сестры Марселины не было съ нимъ, но ея кроткій образъ промелькнулъ передъ его глазами и далъ ему отраду въ послѣдній разъ. «Спать, наконецъ, я буду спать!»— проговорилъ онъ и закрылъ глаза навѣки. Слава Мюссе пережила его; она достигла своего апогея во времена второй имперіи. Тогда уже не было вопроса, ставить ли его на ряду съ Ламартиномъ и Викторомъ Гюго,—въ этомъ никто не сомнѣвался. Слава Мюссе распространилась даже за предѣлы Франціи. Извѣстный англійскій писатель, Франсисъ Пальгравъ, посвятилъ ему критическій очеркъ. Онъ сравниваетъ Мюссе съ Шелли и Теннисономъ, ставитъ его выше Ламартина и Виктора Гюго и въ заключеніе говоритъ, что въ геніи Мюссе есть нѣчто оригинальное, чего не встрѣчалось еще въ исторіи французской поэзіи. Нѣмецкая критика отнеслась къ Мюссе не менѣе благосклонно. Поль Линдау посвятилъ ему цѣлую книгу.

«Никто не сравнится съ Мюссе,— говоритъ онъ,— по силѣ поэтической интуиціи; ни у кого нѣтъ такой искренности и правдивости. Хотя его чувства и болѣзненны, но онъ ихъ испыталъ и выражаетъ вполнѣ правдиво. Онъ ненавидитъ комедію чувства. Онъ вѣчно боится обмануть самого себя. Онъ предпочитаетъ презрѣніе къ себѣ, чѣмъ ложь передъ собой. Насъ плѣняетъ въ немъ эта честность, эта искренность; она захватываетъ насъ и потому-то онъ такъ намъ дорогъ». И въ заключеніе Линдау приводитъ слова Гейне, который называлъ Мюссе «первымъ лирическимъ поэтомъ Франціи». Мюссе имѣлъ послѣдователей, но, къ счастію, ихъ произведенія давно уже забыты, такъ какъ это все больше жалкія подражанія. Авторъ *Ночей* не могъ имѣть учениковъ,— ему нечего было передать имъ: у него не было метода, не было школы,— это былъ субъективнѣйшій изъ поэтовъ. Онъ писалъ «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ», у него было вдохновеніе, былъ геній, а этого не передашь. Новая школа, развивающаяся на обломкахъ натурализма, школа декадентовъ или символистовъ, относится отрицательно къ Мюссе. Она любитъ все вычурное, а

онъ такъ простъ. Современной молодежи онъ тоже не нравится. Она не можетъ понять этихъ сильныхъ чувствъ, этихъ бѣшеныхъ страстей, этихъ личныхъ страданій. У нея умъ господствуетъ надъ сердцемъ и она относится съ легкимъ презрѣніемъ къ этой поэзіи, сотканной изъ чувствъ и страстей. Но его часъ придетъ,— говоритъ Баринъ.— Потомство произнесетъ надъ нимъ свой судъ. На листкахъ его книги оно увидитъ душу всей эпохи, которая рыдала вмѣстѣ съ Мюссе, — тогда оно пойметъ его господство и повторитъ за Тэномъ: «Онъ былъ больше, чѣмъ поэтъ, онъ былъ человѣкъ».

И. К.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ произошелъ рядъ динамитныхъ покушеній. Въ Барселонѣ взрывъ былъ произведенъ въ театрѣ, причемъ убито и ранено много лицъ изъ зрителей; въ Парижѣ начиненная взрывчатымъ веществомъ и гвоздями коробка брошена была въ залѣ палаты депутатовъ. На этотъ разъ, къ счастію, убитыхъ не оказалось, но раненыхъ много. Чѣмъ вызваны эти злодѣйскія покушенія, кѣмъ они совершаются? Самыя крайнія политическія партіи, въ томъ числѣ и соціалисты, рѣшительно и съ негодованіемъ отвергаютъ какую-либо солидарность съ этими преступниками. Послѣдніе принадлежатъ къ анархистамъ, для которыхъ цѣлью служитъ разрушеніе современнаго строя, уничтоженіе какого бы то ни было государства, а средствами являются убійства заранѣе намѣченныхъ лицъ (читатели знаютъ, что въ Испаніи было недавно произведено покушеніе на маршала Мартинецъ-Кампоса) или убійства массовыя. Эта группа анархистовъ-разрушителей полагаетъ такимъ способомъ запугать общество, внести въ него полное смятеніе; но разсчеты эти, конечно, не оправдаются. Можно ожидать усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ виновниковъ безчеловѣчныхъ и безумныхъ покушеній, но лучшимъ пріемомъ борьбы (мы не говоримъ, разумѣется, объ увеличеніи предосторожностей) будетъ нравственное осужденіе со стороны общественнаго мнѣнія, то глубокое негодованіе и отвращеніе, которыя возбуждаются подобными злодѣяніями во всѣхъ общественныхъ классахъ. Новое правительство Французской республики, съ Казиміромъ Перье во главѣ, намѣрено провести въ парламентѣ нѣсколько репрессивныхъ законовъ, но отнюдь не намѣрено смѣшивать законныхъ, хотя, быть можетъ, и преувеличенныхъ, желаній рабочихъ классовъ съ тою разрушительною борьбой, которую ведутъ противъ государства и общества анархисты. Въ декларацiи новаго кабинета сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Никогда еще Франція съ большею силой не подтверждала своей преданности республикѣ, своего отвращенія къ режиму реакціи, своего уваженія къ свободѣ мысли и совѣсти, своей вѣры въ прогрессъ; никогда всеобщее голосованіе не выражало болѣе опредѣленно осужденія политики абстрактныхъ формулъ, неоснова-

тельныхъ предубѣжденій и произвольныхъ классификацій, и никогда оно не требовало съ большею энергіей, въ виду теорій извѣстной школы, охраны порядка и защиты принциповъ, установленныхъ французскою революціей для современнаго общества: личной свободы и личной собственности. Внести въ управленіе общественными дѣлами единство и опредѣленность взглядовъ, которыя одни образуютъ правительство, достойное этого имени, служить демократіи безъ задней мысли, съ преданностью и довѣріемъ; соціалистическимъ доктринамъ, которыя, раздаваясь съ парламентской трибуны, непремѣнно заявляютъ о своемъ уваженіи къ народному верховенству, противопоставлять не презрѣніе, а благородную и благотворную дѣятельность общественныхъ властей,—дѣйствовать такимъ образомъ—значитъ отвѣчать желаніямъ Франціи» *).

Эта спокойная, опредѣленная и достойная декларація выгодно отличается отъ того вызывающаго заявленія, съ которымъ выступилъ было предшественникъ Казиміра Перье, Шарль Дюпюи. Новый кабинетъ обѣщаетъ серьезныя экономическія и финансовыя реформы. «Мы полагаемъ,—говорилъ министръ-президентъ,—что необходимо справедливѣе распредѣлить бремя налоговъ, что нужно принять во вниманіе измѣненія, происшедшія въ теченіе столѣтія въ распредѣленіи общественнаго богатства и въ относительномъ значеніи его составныхъ элементовъ, и преобразовать систему прямого обложенія такъ, чтобы сообщить ей тотъ характеръ, который имѣло въ виду учредительное собраніе, и въ особенности коснуться пріобрѣтеннаго богатства». Перье обѣщаетъ умѣренное повышеніе налога на наслѣдства, устройство пенсіонной кассы для рабочихъ и т. п. Въ подобныхъ реформахъ давно уже нуждается французское законодательство, и новый кабинетъ, избирая этотъ путь, т.-е. намѣреваясь удовлетворить, по иниціативѣ правительства и парламента, справедливымъ требованіямъ рабочихъ классовъ, всего лучше положитъ предѣлъ разрушительнымъ стремленіямъ. Слѣдуетъ надѣяться, что примирительная программа Казиміра Перье будетъ содѣйствовать внутреннему успокоенію Франціи, крѣпости ея правительства, росту ея духовныхъ и экономическихъ силъ, а слѣдовательно и международнаго значенія.

Кризисъ, переживаемый Австро-Венгріей, далекъ отъ разрѣшенія. Коалиціонное министерство Виндишгреца-Плснера, опирающееся на нѣмецко-либеральную партію, на консервативныя группы и на поляковъ, встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны другихъ славянъ, въ особенности чеховъ. Когда пишутся эти строки, телеграфъ принесъ извѣстіе, что законопроектъ объ осадномъ положеніи въ Прагѣ, внесенный графомъ Таафе и поддержанный новымъ министерствомъ, принятъ въ рейхсратѣ большинствомъ 186 голосовъ противъ 75 (нѣсколько парламентскихъ группъ воздержались, слѣдовательно отъ голосованія). Этою мѣрой, однако, правительству и нѣмецко-польскому

*) Беремъ эту выдержку изъ *Русскихъ Вѣдомостей* ноября (27.)

большинству не удастся сломить чеховъ. Въ послѣднее время младочешская партія одержала много новыхъ побѣдъ на областныхъ и городскихъ выборахъ въ Богеміи. Бывшій бургомистръ Праги, старо-чехъ, долженъ былъ уступить мѣсто лицу, которое относится къ младо-чехамъ не непріязненно, а товарищемъ ему избранъ сторонникъ этой послѣдней партіи. Моравскіе чехи сближаются съ своими соплеменниками въ Богеміи; южные славяне также тѣснѣе примыкаютъ къ младо-чехамъ. Австро-нѣмецкіе демократы продолжаютъ агитировать за всеобщую подачу голосовъ и министерству Виндишгреца-Пленера придется прибѣгать къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которыми долго пользовался графъ Таафе: оттягивать время, вступать въ компромиссы, прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ (къ осадному положенію, къ стѣсненію печати и т. п.). Выиграть при такихъ условіяхъ могутъ преимущественно поляки, но нельзя поздравить ихъ съ успѣхами, которые достигаются подобными средствами: соединяясь съ австро-нѣмецкими централистами противъ законныхъ стремленій чеховъ и южныхъ славянъ къ самоуправленію, поляки измѣняютъ и общеславянскому дѣлу, и требованіямъ справедливости, и поступаютъ, наконецъ, близоруко, потому что побѣду славянъ и демократіи въ Австріи можно отсрочить, но нельзя окончательно предотвратить. Польская аристократія и шляхта, принесшія такъ много зла польскому народу, и теперь сослужатъ ему недобрую службу.

Германская печать продолжаетъ слѣдить съ живѣйшимъ вниманіемъ за ходомъ политической борьбы въ Австро-Венгріи. Она не можетъ отрицать успѣховъ младо-чешской партіи. *National-Zeitung* признаетъ, напримѣръ, устраненіе пражскаго бургомистра Шольца и избраніе на его мѣсто Грегора, вслѣдствіе компромисса старо-чеховъ съ младо-чехами (Грегоръ получилъ поэтому 79 голосовъ изъ 82), весьма серьезною побѣдой партіи, предводимой Грегромъ. Результатомъ новыхъ выборовъ будетъ перемѣщеніе большинства въ пражской думѣ со стороны старо-чеховъ въ сторону ихъ противниковъ. Мы признаемъ поэтому возможнымъ, что вѣнское правительство, получивши со стороны парламентскаго большинства одобреніе суровой и несправедливой мѣры, принятой имъ по отношенію къ Богеміи, въ скоромъ времени само сниметъ тамъ осадное положеніе, такъ какъ, собственно говоря, оно явилось лишь свидѣтельствомъ неумѣнья графа Таафе управлять государствомъ.

Внутреннія дѣла Габсбургской монархіи косвенно послужатъ дѣлу европейскаго мира: рискованно было бы начинать войну такому государству, въ которомъ половина населенія недовольна, въ которомъ интересы отдѣльныхъ народностей поставлены враждебно. При такихъ условіяхъ для Австро-Венгріи еще болѣе трудно становится нести бремя милитаризма, разоряющаго также Италію и Германію. Поучительенъ разсчетъ, сдѣланный въ *Freisinnige Zeitung*, числа голосовъ (по избирателямъ), которые были поданы при общихъ парламентскихъ выборахъ за и противъ новаго усиленія арміи. *Противъ* военнаго законопроекта вотировали слѣдующія партіи: 1) соціалъ-демократы (1.786,738 голосовъ); 2) центръ (1.468,501 гол.);

3) свободомыслящіе (666,439 гол.); 4) датчане, эльзасцы, вельфы (234,827 гол.); 5) южно-германская народная партія (166,757 гол.). Всего—4.323,362 гол. *За* законопроектъ подали голоса: 1) нѣмецко-консервативная партія (1.083,353 гол.); 2) національ-либералы (996,980 гол.); 3) имперская партія (438,435 гол.); 4) антисемиты (263,861 гол.); 5) отдѣлившіеся отъ Рихтера свободомыслящіе (258,481 гол.); 6) поляки (229,531 гол.). Всего—3.225,641. Перевѣсъ голосовъ противъ усиленія милитаризма далеко превышаетъ, такимъ образомъ, милліонъ избирателей. Если бы перебаллотировки не измѣнили нѣсколько этого соотношенія партій, если бы, въ особенности въ Германіи, было введено представительство меньшинства, то правительственный законопроектъ не могъ бы пройти въ парламентѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній германскій парламентъ принялъ торговые договоры съ Испаніей, Румыніей и Сербіей. Аграріи рѣзко нападали на правительство и страстно противились принятію этихъ трактатовъ. Рѣшеніе рейхстага является какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ нѣмецкой таможенной политикѣ. Оно служитъ благопріятнымъ признакомъ и для предстоящаго обсужденія торговаго договора Германіи съ нашимъ отечествомъ. Если въ удовлетворительномъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, если и въ Германіи, и въ Россіи будетъ, такимъ образомъ, положенъ предѣлъ протекціоннымъ вожделѣніямъ крупной промышленности, то общее положеніе Европы къ концу года представится въ гораздо болѣе утѣшительномъ видѣ, чѣмъ оно было въ началѣ этого года. Улучшеніе русско-германскихъ экономическихъ и политическихъ отношеній явится новымъ и чрезвычайно важнымъ залогомъ европейскаго мира. А въ этомъ мирѣ нуждаются, конечно, всѣ культурныя государства. Для Италіи въ частности нѣкоторое сближеніе между Россіей и Германіей было бы истиннымъ счастьемъ: оно позволило бы этому разоряющемуся на армію и флотъ государству сократить военныя издержки. Паденіе министерства Джіолитти и порученіе Криспи сформировать новый кабинетъ свидѣтельствуютъ, насколько тяжелъ кризисъ, переживаемый Италіей. Криспи, какъ извѣстно, принадлежалъ, покуда стоялъ у власти, къ числу самыхъ рѣшительныхъ враговъ Франціи. Онъ втянулъ Италію въ тѣсный союзъ съ Германіей и Австро-Венгріей, потребовавшій страшныхъ пожертвованій для усиленія милитаризма. Послѣ паденія кабинета, во главѣ котораго находился Криспи, онъ въ нѣсколькихъ публичныхъ рѣчахъ признавалъ свои политическія ошибки и высказывалъ болѣе дружелюбныя чувства по отношенію къ Франціи. Принимая въ соображеніе выдающіяся дарованія этого государственнаго человѣка, можно надѣяться, что онъ будетъ въ силахъ исправить отчасти тотъ вредъ, который принесла Италіи ея великодержавная политика, ея соперничество съ Франціей, таможенная покровительственная система и колоніальныя затѣи. Африканскія владѣнія итальянцевъ требуютъ большихъ затратъ со стороны метрополіи. Присоединеніе Франціей Туниса сильно задѣло и торговые интересы, и національное тщеславіе итальянскаго народа. Потребуется рядъ осторожныхъ мѣръ, чтобы сгладить враждебность

этихъ интересовъ и умиротворить тѣ недобрыя чувства, которыя въ настоящее время питаютъ другъ къ другу итальянцы и французы.

Колоніальныя африканскія владѣнія принесли затрудненія и для Испаніи. Пограничныя полудикія племена, подвластныя марокканскому султану, произвели набѣги на испанскую территорію. Въ отплату за это Испанія готовитъ военную экспедицію. Съ султаномъ ведутся въ это время переговоры, которые, быть можетъ, приведутъ къ безкровному соглашенію. Въ виду европейскаго интереса, который вновь пріобрѣтаетъ Марокко, мы помѣстимъ объ этой странѣ статью въ ближайшей книжкѣ журнала. Теперь не лишними будутъ слѣдующія свѣдѣнія.

Французы оказали въ этомъ столкновеніи нѣкоторыя услуги испанцамъ: генералъ-губернаторъ Алжира немедленно разрѣшилъ снарядить суда съ припасами для испанскаго гарнизона, осажденнаго въ Мелиллѣ. Было оказано содѣйствіе испанскимъ офицерамъ при закупкѣ ими лошадей и т. п. По счастью, на этотъ разъ оба европейскія государства не обнаружили, слѣдовательно, другъ къ другу никакой зависти, никакого соперничества, и разбойничьи нападенія будутъ прекращены, хотя «наказаніе» этихъ разбойничьихъ племенъ и затруднительно, потому что они занимаютъ малодоступныя горныя области. Не слѣдуетъ упускать изъ вида и страшный фанатизмъ кабиловъ, у которыхъ слѣпая преданность магометанской религіи господствуетъ надъ всѣми остальными чувствами и интересами. По отношенію къ христіанамъ они считаютъ все дозволительнымъ. Ненависть къ европейцамъ простирается до того, что каждаго изъ нихъ, если онъ проникнетъ въ какое-либо магометанское святилище, ждетъ неминуемая смерть. Не мало вреда эти племена принесли уже Франціи и Испаніи и не скоро они могутъ быть приведены въ удовлетворительное культурное состояніе. Еще недавно марокканскій султанъ отвѣчалъ бывшему тогда французскимъ посланникомъ Ордего на предложеніе провести по марокканской территоріи желѣзную дорогу такими словами: «Я не вижу возможности согласиться съ вашимъ предложеніемъ. Мои предки никогда не знали желѣзныхъ дорогъ и я не долженъ дѣлать того, чего они не дѣлали».

Въ противуположность Франціи, Англія не прочь воспользоваться испано-марокканскимъ столкновеніемъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Французскія газеты сообщаютъ, что въ Гибралтарѣ сосредоточена уже англійская эскадра, готовая отплыть къ берегамъ Марокко, противолежащимъ Гибралтару, произвести высадку и овладѣть Танжеромъ. Если это дѣйствительно случится, то неизбѣжно въ высшей степени опасное столкновеніе Испаніи и Франціи съ Великобританіей.

Религіозный фанатизмъ готовитъ много затрудненій для европейцевъ и въ Азіи. Въ послѣднее время происходили серьезные безпорядки въ Британской Индіи. Вызваны они были враждою между индусами-магометанами и индусами-язычниками (первые составляютъ около четвертой части населенія Индіи). Главнымъ предметомъ раздора явилась... *корова:* для индусовъ-язычниковъ, это—священное животное. Нѣкоторыя секты признаютъ даже,

что достаточно умирающему подержать въ рукахъ коровій хвостъ, чтобы получить вѣчное блаженство. Англійское правительство нѣсколько лѣтъ тому назадъ создало въ Мадрасѣ городской совѣтъ, отчасти выборный. Однимъ изъ первыхъ его постановленій было безусловное запрещеніе убоя коровъ. Губернаторъ Мадраса отмѣнилъ это постановленіе. Съ тѣхъ поръ началась агитація для признанія неприкосновенности коровы. Она ведется страстно, привела уже къ кровавымъ столкновеніямъ и грозитъ англичанамъ большими опасностями, такъ какъ фанатиковъ-индусовъ до двухсотъ милліоновъ человѣкъ. Просвѣщеніе, конечно, разгоняетъ безумный фанатизмъ, но ему предстоятъ долгіе еще годы самыхъ энергическихъ усилій, чтобъ устранить наиболѣе вопіющіе и злые предразсудки. Стоитъ упомянуть о томъ, напримѣръ, что въ Индіи до сихъ поръ вдовы лишены возможности выходить опять замужъ *). Этого мало: религіозный законъ предписываетъ вдовѣ тяжелый постъ и разнообразныя лишенія на всю жизнь. Англичане въ 1856 году отмѣнили запрещеніе выходить вторично замужъ, но сила вѣкового предразсудка такова, что никто не пользуется этимъ разрѣшеніемъ. Изъ 81.600,000 индусскихъ женщинъ-язычницъ замужнихъ считается сорокъ милліоновъ, вдовъ — шестнадцать милліоновъ. Эти странныя цифры объясняются тѣмъ, что бракъ, въ религіозномъ смыслѣ, заключается у индусовъ очень часто въ дѣтскомъ и даже младенческомъ возрастѣ, такъ что безчеловѣчное предписаніе становится окончательно безсмысленнымъ: въ числѣ *вдовъ* находится 63,000 дѣвочекъ, не достигшихъ еще девяти лѣтъ. Противъ такого возмутительнаго суевѣрія ведетъ энергическую пропаганду современный индусскій писатель Малабари и, повидимому, можно надѣяться, что въ скоромъ времени будетъ осуществлена, по крайней мѣрѣ, одна важная реформа: запрещеніе отдавать дѣвочекъ замужъ ранѣе двѣнадцати лѣтъ.

Въ Парижѣ недавно вышла брошюра о положеніи Италіи **). Въ ней заключаются интересныя цифровыя данныя. Въ 1882 году, до вступленія въ союзъ съ Германіей и Австро-Венгріей, государственные долги Италіи равнялись 8.318.724,000 лиръ, военные расходы — 293.306,449 лиръ; въ нынѣшнемъ году первая сумма возросла до 12.838.000,000 лиръ, вторая — до 347.619,000 лиръ (въ 1887 году военные расходы Италіи достигали даже 445.439,849 лиръ). За то же время ввозъ въ Италію упалъ съ 1.289.671,520 до 1.170.328,304 лиры, а вывозъ съ 1.165.516,247 лиръ до 957.895,000 (замѣтимъ, что государственные долги Германіи въ теченіе этихъ одиннадцати лѣтъ превратились изъ семи милліардовъ марокъ въ одиннадцать, австро-венгерскій долгъ съ четырехъ съ половиною милліардовъ флориновъ въ 6.165.000,000.)

---

*) Ихъ сожженіе на кострѣ умершаго мужа прекращено въ 1829 году лордомъ Бентинкомъ.

) *La vérité sur l'Italie*, par **.

Эти цифры ясно показываютъ, какъ быстро падаетъ благосостояніе Италіи. Увеличивать при этомъ непроизводительные расходы, даже поддерживать ихъ на той страшной высотѣ, на какой они теперь находятся, значитъ въ корнѣ подтачивать производительныя силы народа, приносить въ жертву честолюбивымъ разсчетамъ даннаго момента историческое будущее страны *). Прекращеніе таможенной борьбы съ Франціей и вообще сближеніе съ Французскою республикой при такихъ условіяхъ является для Италіи наилучшимъ исходомъ.

---

*) Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сициліи населеніе окончательно разорено и дошло до отчаянія. Тамъ происходятъ теперь бунты, сопровождающіеся убійствомъ правительственныхъ чиновниковъ, и т. п.

Письма о литературѣ.

Письмо седьмое.

Ужъ и полно вамъ, ребята, чужо пиво пити,
Не пора ли вамъ, ребята, свое затирати?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ.
Ужь и что же вы, ребята, пріуныли?
Аль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Старинная пѣсня.

I.

Очень недавно, даже, можно сказать, на-дняхъ, русская журналистика праздновала именины своего сердца. Это было не только красивое зрѣлище, но и грандіозное событіе, которое, безъ сомнѣнія, составитъ эру въ исторіи нашей литературы, которая отнынѣ будетъ раздѣляться на два главныхъ періода: періодъ до именинъ и періодъ послѣ именинъ. Переворотъ совершился неслыханный. Мы, русскіе литераторы, какъ одинъ изъ героевъ Достоевскаго, «помаленечку живемъ, потихонечку живемъ». День прошелъ—и слава Богу, проходи скорѣе другой,—вотъ, строго говоря, вся сущность нашихъ требованій отъ жизни. Одинъ изъ умнѣйшихъ и *потому самому* одинъ изъ скромнѣйшихъ русскихъ писателей, покойный Салтыковъ, протестуя противъ чьего-то намѣренія перевести его сочиненія на французскій языкъ, говорилъ: «Что я такое для французовъ? Писатель семнадцатаго столѣтія!» Въ глубинѣ души мы всѣ чувствуемъ или, по крайней мѣрѣ, должны чувствовать себя именно писателями семнадцатаго столѣтія. Положимъ, мы отнюдь не сознаемъ себя «варварами», намъ не чужды привычки культуры, намъ не недоступны какія угодно вершины европейской мысли, но, за всѣмъ тѣмъ, мы «потихонечку» и «помаленечку» проповѣдуемъ идеи, которымъ не меньше ста и двухсотъ лѣтъ отъ роду. Какъ понятно послѣ этого откровенное и горькое заявленіе одного изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ нашихъ: «я не слишкомъ-то горжусь своею литературною дѣятельностью!»

Этотъ взглядъ или эту мѣрку мы естественно прилагаемъ не только къ самимъ себѣ и къ кругу своей дѣятельности, но и къ жизни вообще, к

той жизни, среди условій которой воспитались не только мы, но и всѣ наши соотечественники. Оно, конечно, *Западъ тлѣетъ*, по увѣренію иныхъ нашихъ мыслителей, но, все-таки, язвительная пословица о калачномъ рядѣ и суконномъ рылѣ какъ-то невольно вспоминается каждый разъ, когда наши «делегаты» выступаютъ передъ европейскою публикой. «Охъ, осрамятся, сердечные!» — съ невольною боязнью думаешь про себя. Хорошо разглагольствовать тѣмъ «гнилымъ» господамъ: они съ малыхъ лѣтъ дышатъ воздухомъ самой широкой общественности, у нихъ вошло въ плоть и въ кровь сознаніе своей личности, они исторически пріучены опираться на собственныя силы и вѣрить въ нихъ, они сжились и сроднились съ культурой и пользуются ея благами не по двунадесятымъ праздникамъ, а ежедневно, всегда, какъ воздухомъ и пищей. «Поступь гордая, голосъ увѣренный; что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша». Съ чѣмъ можемъ выступить мы? «А вотъ я-то взойду какъ потерянный и ударится въ пятки душа».

Такъ обстояло дѣло еще до самаго послѣдняго времени. Теперь—не то. Читатель помнитъ, конечно, тѣ чудные дни, когда всѣ наши газеты были переполнены восторженными повѣствованіями о томъ, какой фуроръ производятъ въ Парижѣ русскіе «делегаты печати», какъ они обѣдаютъ съ «безсмертными», братаются съ французскими литературными знаменитостями и обмѣниваются дружескими привѣтствіями съ французскими министрами. «Ну, что, братъ, Дюпюи?»—«Да такъ, братъ, Гайдебуровъ, такъ какъ-то все»... Въ высшей степени было отрадно читать такіе или приблизительно такіе діалоги. Литературные «делегаты» наши не только не ударили въ грязь лицомъ, но и покорили себѣ всѣ сердца, обворожили французовъ своею любезностью, удивили весь міръ своею бойкостью и развязностью. Г. Суворинъ съ достоинствомъ возложилъ вѣнокъ на могилу Гамбетты, г. Гайдебуровъ звучнымъ голосомъ пѣлъ марсельезу, г. Комаровъ съ страстнымъ воодушевленіемъ кричалъ: Vive la république! (Остальныхъ двухъ делегатовъ, гг. Татищева и де-Роберти, можно не считать, потому, во-первыхъ, что оба они представляютъ собою нѣчто сверхштатное,—г. Татищевъ сверхштатный дипломатъ, а г. де-Роберти сверхштатный философъ,—а, во-вторыхъ—нѣчто интернаціональное,—это офранцузившіеся русскіе люди). Нужно замѣтить, что судьба на этотъ разъ поблагопріятствовала русской литературѣ: ея представителями явились въ Парижѣ хотя не самые уважаемые у насъ, за то самые подходящіе къ роли «делегатовъ» литературные дѣятели. Громадная опытность, пріобрѣтенная г. Гайдебуровымъ въ качествѣ многолѣтняго и безсмѣннаго оберъ-церемоніймейстера на всякихъ литературныхъ процессіяхъ и торжествахъ—обѣденныхъ, юбилейныхъ, коммеморативныхъ, погребальныхъ, вокально-инструментальныхъ и проч.,—ручалась за его тактъ на парижскихъ празднествахъ. Г. Суворинъ предсталъ въ качествѣ издателя *Новаго Времени*, не той, хорошо знакомой намъ, *откровенной* газеты, а газеты *Le Nouveau Temps*, самымъ названіемъ своимъ свидѣтельствующей о своихъ прогрессивныхъ тенденціяхъ. Еще выгоднѣе было положеніе г. Комарова, издающаго,

какъ извѣстно, чрезвычайной яркости *Свѣтъ*. La Lumière! Какое слово! *C'est du Nord que nous vient la lumière*,—эти знаменитыя слова неминуемо приходили на память всякому, кто имѣетъ счастье встрѣтить г. Комарова и освѣдомиться о его дѣятельности. Помимо этихъ индивидуальныхъ преимуществъ, наши делегаты въ одинаковой степени обладали одною общею, типическою чертой, сослужившею имъ въ данномъ случаѣ хорошую службу. Гг. Гайдебуровъ, Суворинъ и Комаровъ—это отнюдь не люди холоднаго разума, а люди пылкаго сердца, люди не убѣжденія, а настроенія. При всемъ томъ, они очень осторожны, очень себѣ на умѣ и никогда не увлекутся черезъ край, но если публикѣ (т.-е. подписчику) пріятно и если нѣтъ внѣшнихъ препятствій, то они всегда готовы и имъ очень даже лестно идти, что называется, «во главѣ», представительствовать, обѣдать, танцовать, проливать слезы и выкрикивать то, что въ данную минуту требуется. «Шумимъ, братецъ, шумимъ»... Какъ ухитряются эти люди, какіе душевные и мозговые процессы происходятъ въ нихъ—трудно сказать; но лично для меня несомнѣнно, что они почти одинаково искренни и тогда, когда поклоняются тому, что сжигали, и тогда, когда сжигаютъ то, чему поклонялись. Эта способность въ мигъ настраиваться по чужому камертону, эта готовность бѣжать пѣтушкомъ-пѣтушкомъ за всякою тріумфальною колесницей, это умѣнье во всякое время поступаться своею личностью,—всѣ эти свойства, столь несимпатичныя, представляютъ большое удобство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется не дѣло, а парадъ, нуженъ не человѣкъ, а приличный манекенъ. Въ этомъ смыслѣ выборъ нашихъ делегатовъ былъ въ высшей степени удаченъ.

Мы сказали: *выборъ*. Но дѣло въ томъ, что никакого серьезнаго выбора и не было, да и не могло быть, въ виду очевидной несерьезности всей этой несчастной затѣи. Г. Суворинъ, уже приготовивши свои чемоданы, спохватился и написалъ: «Я не совсѣмъ хорошо понимаю представительство русской печати во время парижскихъ празднествъ. Какую роль будутъ играть эти делегаты, въ числѣ которыхъ и я состою? Спичи говорить, выражать свои чувства, благодарить парижскую печать отъ имени русскихъ за хлѣбосольство, которое она оказываетъ русскимъ морякамъ? Но въ такомъ случаѣ и петербургская дума должна бы отправить своихъ делегатовъ, и пербургскіе театры, и петербургскіе музыканты» и пр. Какъ жаль, что эти благоразумныя соображенія осѣнили г. Суворина не *до*, а *послѣ* такъ называемыхъ выборовъ! А, впрочемъ... впрочемъ, и жалѣть нечего, потому что г. Суворинъ во всякомъ случаѣ поѣхалъ бы. Пусть нѣтъ никакого смысла въ роли какихъ-то делегатовъ «русской печати», т.-е. собственно двухъ десятковъ петербургскихъ газетъ, газетокъ и газетчонокъ, о пріятно поговорить, пошумѣть, посуетиться, такъ пріятно, что устоять противъ соблазна нѣтъ силъ.

Если наши «делегаты», какъ это весьма явственно выражается въ ихъ самодовольныхъ разсказахъ о своихъ парижскихъ тріумфахъ, воображаютъ, что они послужили достоинству нашей литературы и даже возвысили

«престижъ», то они находятся въ самомъ плачевномъ заблужденіи. Не чувство гордости, а чувство какого-то конфуза и стыда овладѣвало *настоящими* русскими литераторами, когда они читали объ ораторскихъ, кулинарныхъ и другихъ подвигахъ своихъ мнимыхъ «делегатовъ». Еще ранѣе всякаго анализа, инстинктивно, чувствовалась во всемъ этомъ какая-то ложь, что-то декоративно-фальшивое и демонстративно-вздутое. Да, конечно, почему петербургская дума ограничилась нѣсколькими любезными телеграммами, а петербургская печать распорядилась послать какихъ-то «делегатовъ», которые фигурировали въ качествѣ представителей *русской* печати? Г. Суворинъ не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ, но онъ очевиденъ: потому что Репетиловы, жаждущіе пошумѣть, не такъ многочисленны и не такъ вліятельны въ думѣ, какъ въ петербургской журналистикѣ.

«Къ чорту политику!»—воскликнулъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ. Нѣтъ, конечно, не къ чорту политику. Политика есть внутренняя и внѣшняя жизнь государства, политика — это совершающаяся на нашихъ глазахъ исторія, равнодушіе къ которой было бы непростительно. Но дешевое политиканство, ничего общаго съ историческими цѣлями не имѣющее, дѣйствительно свободно можетъ быть послано «къ чорту». Наши делегаты» слишкомъ опытные литераторы и, главное, опытные издатели, чтобы заблуждаться относительно истиннаго значенія у насъ печатнаго слова. Роль нашей литературы, какъ прежде, такъ и теперь, вполнѣ исчерпывается ея воспитательнымъ вліяніемъ на общество и отчасти (за самое послѣднее время) на самый народъ. Тамъ, гдѣ общественное мнѣніе только формируется и отнюдь еще не представляетъ собою внушительной силы, печать, какъ органъ этого мнѣнія, можетъ дѣйствовать плодотворно въ политической сферѣ только путемъ уясненія основоначалъ политическаго катехизиса, тѣхъ элементарныхъ политическихъ аксіомъ, безъ предварительнаго усвоенія которыхъ не можетъ быть ни политическаго пониманія, ни политической жизни.

Нигдѣ и никогда суетливая репетиловщина не служила, да по своему существу и не можетъ служить возвышенію достоинства чего бы то ни было. Въ прототипѣ всевозможныхъ Репетиловыхъ есть симпатичныя или хоть только смягчающія черты. Такъ, онъ, даже съ преувеличенною скромностью, говоритъ Чацкому:

Не любишь ты меня—естественное дѣло,
Съ другими я и такъ, и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

Онъ же говоритъ далѣе: «Способностями Богъ меня не наградилъ, далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ. Совру — простятъ...» Конечно, отчего не простить человѣку, искренно раскаявшемуся въ содѣянной имъ глупости. Но если Репетиловъ преисполненъ гордыни, если онъ настаива-

ет, что онъ не глупость сдѣлалъ, а чуть ли не патріотическій подвигъ совершилъ? Наши «делегаты» именно такъ и поступили. Въ отвѣтъ на кое-какія ироническія замѣчанія нѣкоторыхъ «толстыхъ журналовъ» нашихъ «делегаты» отвѣтили упреками въ отсутствіи сердца, патріотизма и еще чего-то, затѣмъ въ юдофильствѣ и, наконецъ, къ общему изумленію, въ какихъ-то «штучкахъ». Это былъ конецъ, достойно увѣнчавшій дѣло.

II.

Переходъ отъ «делегатовъ» къ Льву Толстому не такъ рѣзокъ, какъ это можетъ показаться читателю. Виднѣйшіе изъ «делегатовъ»—гг. Гайдебуровъ и Суворинъ—давно уже состоятъ въ штатѣ признанныхъ поклонниковъ знаменитаго писателя. Я съ умысломъ говорю *поклонниковъ*, а не *учениковъ*, потому что это совсѣмъ различныя понятія. Трудно быть ученикомъ, не будучи, въ то же время, поклонникомъ учителя, но для людей извѣстнаго типа очень даже легко числиться поклонникомъ, не только не руководствуясь, но даже мало и интересуясь сущностью самаго ученія. Послѣднее (хронологически) слово, которое возвѣстилъ міру Толстой, таково: «Трудъ не только не есть добродѣтель, но въ нашемъ ложно организованномъ обществѣ есть, большею частью, нравственно-анестезирующее средство, вродѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни... Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религіи? — мнѣ надо издавать ежедневную газету съ полмилліономъ подписчиковъ, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать двадцать восьмой томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу. Не будь у людей нашего времени отговорки постояннаго, поглощающаго ихъ всѣхъ труда, они не могли бы жить, какъ живутъ теперь. Только благодаря тому, что они пустымъ и большею частью вреднымъ трудомъ скрываютъ отъ себя тѣ противорѣчія, въ которыхъ они живутъ, только благодаря этому и могутъ люди жить такъ, какъ они живутъ». Немного подальше Толстой прибавляетъ: «Людямъ стоитъ только остановиться въ своей суетѣ, и они тотчасъ увидятъ безсмысленность своей дѣятельности». Платоническіе поклонники Толстого будутъ апплодировать этимъ словамъ, какъ и всему, что скажетъ всемірно-популярный писатель, но, конечно, эти апплодисменты будутъ свидѣтельствовать не о согласіи съ писателемъ, а только о желаніи доказать, что и мы не лыкомъ шиты и можемъ разсуждать «о камерахъ, присяжныхъ, о Байронѣ,—ну, о матерьяхъ важныхъ». Несчастіе Толстого, какъ писателя, въ томъ именно и состоитъ, что у него очень много поклонниковъ и клакеровъ и очень мало учениковъ и послѣдователей. Для искренняго и не тщеславнаго писателя, озабоченнаго распространеніемъ своей идеи, а не расширеніемъ своей извѣстности, это—одно изъ худшихъ несчастій, одна изъ обиднѣйшихъ неудачъ. Для такого писателя должна быть несравненно пріятнѣе даже самая придирчивая

запальчивая критика, нежели эти безсмысленные, ни къ чему не обязывающіе апплодисменты, это неизмѣнное и торопливое согласіе съ каждымъ его даже плохо обдуманнымъ словомъ. Такая критика свидѣтельствуетъ о страстномъ вниманіи къ тому, что̀ для настоящаго писателя всего дороже—къ его идеямъ, тогда какъ литературное клакерство происходитъ отъ глубочайшаго равнодушія ко всевозможнымъ идеямъ. Безъ этого удобнаго равнодушія нельзя апплодировать писателю и тогда, когда онъ утверждаетъ, и тогда, когда онъ отрицаетъ одинъ и тотъ же принципъ. Можетъ ли издатель «ежедневной газеты съ полмилліономъ подписчиковъ» апплодировать писателю, который называетъ его дѣятельность «пустымъ и вреднымъ трудомъ»? Не только можетъ, но и съ удовольствіемъ напечатаетъ направленныя противъ него изобличенія въ своей собственной газетѣ: бичуй насъ сколько угодно, — съ насъ взятки гладки, — только дай на наши листы свое популярное, ходкое, звонкое имя. Ниже мы представимъ этому доказательства, не далеко за ними ходя: на примѣрѣ того самаго журнала (*Сѣвернаго Вѣстника*), въ которомъ Толстой помѣстилъ свою статью, и даже той самой книжки журнала, въ которой помѣщена статья.

Прежде надо поговорить по существу вопроса. Толстой, полемизируя съ Золя, который указываетъ на трудъ, какъ на «эмпирическое средство для того, чтобы честно прожить свою жизнь», приравниваетъ трудъ къ «нравственно-анестезирующимъ средствамъ, вродѣ куренія или вина». О какомъ трудѣ идетъ рѣчь? Не о физическомъ,—извѣстная, наприм., санитарная дѣятельность знаменитаго Акима попрежнему остается внѣ критики,— а объ умственномъ, о трудѣ издателя, инженера, технолога, писателя, художника, композитора. Этимъ несчастнымъ *некогда*, какъ говорятъ, будто бы, они, разсуждать о философіи, нравственности и религіи. Со стороны Толстого этотъ упрекъ не новъ; не ново, поэтому, будетъ и наше простое возраженіе: развѣ самъ Толстой не писатель? И развѣ хотя бы свою статью *Не-дѣланіе* онъ написалъ безъ всякаго умственнаго труда? Развѣ мыслящій художникъ не затрогиваетъ въ своихъ картинахъ вопросовъ нравственности и религіи, которые волнуютъ и мучатъ его? И почему мы не имѣемъ права предположить, что въ «двадцать восьмомъ томѣ своихъ сочиненій» писатель будетъ разбирать именно вопросы философіи? Толстой осуждаетъ трудъ и, въ то же время, онъ рекомендуетъ намъ думать о философіи, нравственности и религіи. Но развѣ *думать* объ этихъ вещахъ не значитъ умственно трудиться? Ясно, что, по мысли Толстого, спасеніе не въ «не-дѣланіи», а, наоборотъ, въ *дѣланіи*, но лишь въ дѣланіи того, что кажется Толстому настоятельно-нужнымъ. Допуская, что Толстой не ошибается въ указаніи на это настоятельно-нужное дѣло, мы не понимаемъ, все-таки, въ чемъ же собственно заключается его разногласіе съ Золя? Вотъ подлинныя слова Золя, въ которыхъ резюмируется весь смыслъ его извѣстной рѣчи на банкетѣ студентовъ: «Юноши, молодые люди, беритесь же за дѣло. Пусть каждый изъ васъ берется за свой урокъ, который долженъ наполнить его жизнь. Какъ ни скромно бы было это дѣло, оно, тѣмъ

не менѣе, будетъ полезно; въ чемъ бы оно ни состояло, только бы оно поднимало васъ. Какое здоровое и великое общество людей было бы то общество, въ которое каждый членъ его вносилъ бы свою логическую долю труда! Человѣкъ, который работаетъ, всегда бываетъ добръ». Это разсудительныя и спокойныя слова человѣка, который знаетъ, чего требуетъ. Золя говоритъ: «трудитесь», но онъ не предрѣшаетъ содержанія вашего будущаго труда, не навязываетъ вамъ никакихъ спеціальныхъ задачъ и устанавливаетъ только *одно* условіе, какъ гарантію производительности вашего труда,—то условіе, чтобъ этотъ вашъ трудъ *поднималъ васъ*. Что значитъ здѣсь это слово *поднималъ?* Поднималъ, конечно, не по лѣстницѣ общественной іерархіи, а въ смыслѣ вашего духовнаго совершенствованія, укрѣплялъ бы васъ умственно и очищалъ нравственно. Это—привилегія не всякаго труда, а лишь такого, который и по силамъ, и по душѣ человѣку,— такого труда, который есть не только трудъ-обязанность, но и трудъ-наслажденіе. Такимъ образомъ, мысль Золя, въ ея очищенномъ видѣ и упрощенной формулировкѣ, заключается въ слѣдующемъ: выберите себѣ дѣло, сообразное съ своими способностями, дѣлайте его какъ можно лучше, и вы исполните свою обязанность и въ этомъ же обрѣтете и свое личное счастіе.

Какъ видите, Золя совсѣмъ не доктринеръ и не фанатикъ: лично ему кажется, что наиболѣе производительный трудъ возможнѣе всего на почвѣ излюбленнаго имъ позитивизма (не въ смыслѣ извѣстной философской школы, а въ смыслѣ широкаго житейскаго принципа, исключающаго всякое стремленіе къ «насъ возвышающимъ обманамъ»), но онъ на этомъ не настаиваетъ,—по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемой рѣчи. Толстой гораздо нетерпимѣе. Онъ прямо говоритъ о современныхъ людяхъ и дѣятеляхъ, что «имъ не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что они дѣлаютъ, сосредоточиться и подумать». Инженеръ, писатель, художникъ должны бросить свои занятія и сосредоточить свои силы на томъ, что̀ нашему моралисту лично представляется особенно важнымъ и неотложнымъ. Это ли еще не верхъ нетерпимости? Далѣе, эти инженеръ, писатель и художникъ могли бы сказать своему совѣтнику: неужели вамъ не извѣстно, что бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ? Неужели вы не признаете раздѣленія труда и спеціализаціи способностей? Вашъ совѣтъ намъ настолько же разуменъ, насколько былъ бы разуменъ совѣтъ художника писателю оставить свои книги и предаться писанію картинъ, или мой, инженера, совѣтъ художнику «подумать» о мостахъ и «сосредоточиться» на нихъ постройкѣ. Представьте, что мы поступили бы по вашему рецепту, т.-е. оставили бы свои обычныя занятія и погрузились въ философскія, моральныя и религіозныя размышленія: по нашей неподготовленности къ этому дѣлу, ничего путнаго изъ нашихъ размышленій не вышло бы и въ послѣднемъ результатѣ оказалось бы, что мы отъ дѣла (вашего) не бѣгаемъ, а дѣла (нашего) не дѣлаемъ. Нако-

нецъ, вашъ совѣтъ «ничего не дѣлать, а сосредоточиться и подумать» грѣшитъ самою крайнею непрактичностью, граничащею съ прямою невозможностью. Намъ надо зарабатывать свою жизнь, многоуважаемый Левъ Николаевичъ. Если мы сегодня будемъ *только* «сосредоточиваться», завтра будемъ *только* «думать», то послѣ-завтра, пожалуй, и безъ обѣда останемся. Вашъ совѣтъ — благожелательный, но неудобоисполнимый совѣтъ «во Христѣ барствующаго» человѣка, по остроумному выраженію одного изъ вашихъ *платоническихъ поклонниковъ*. Мы, пожалуй, согласны питаться акридами и дикимъ медомъ, но, вѣдь, и эти нероскошныя яства «купить надобе, ку-у-упить ихъ надобе... во-отъ что есть главное, а купить-то ихъ надо на де-е-нежки, охъ, на денежки, миланчикъ мой», какъ говоритъ у Глѣба Успенскаго одинъ деревенскій кулакъ.

Основное возраженіе Толстого заключается въ слѣдующемъ: «Г. Золя,— говоритъ Толстой,—считаетъ какъ будто совершенно рѣшеннымъ и не подлежащимъ сомнѣнію вопросъ о томъ, что есть та наука, въ которую надо не переставать вѣрить. Трудиться во имя науки! Но въ томъ-то и дѣло, что слово «наука» имѣетъ широкое и мало опредѣленное значеніе, такъ что то, что одни люди считаютъ наукой, т.-е. дѣломъ очень важнымъ, считается другими, и самымъ большимъ количествомъ людей, всѣмъ рабочимъ народомъ, ненужными глупостями. И нельзя сказать, чтобъ это происходило только отъ необразованія рабочаго народа, не могущаго понять всего глубокомыслія науки: сами ученые постоянно отрицаютъ другъ друга. Одни ученые считаютъ наукой изъ наукъ философію, богословіе, юриспруденцію, политическую экономію; другіе ученые—естественники—считаютъ все это пустымъ, ненаучнымъ дѣломъ, и, наоборотъ, то, что позитивисты считаютъ самыми важными науками, считается спиритуалистами, философами и богословами если не вредными, то безполезными занятіями. Но мало того, въ одной и той же области всякая система среди самихъ жрецовъ своихъ имѣетъ своихъ горячихъ защитниковъ и противниковъ, одинаково компетентныхъ, утверждающихъ діаметрально противуположное. Мало того, въ каждой области постоянно являются такія научныя положенія, которыя, просуществовавъ иногда годъ, иногда десятки лѣтъ, оказываются вдругъ заблужденіями и поспѣшно забываются тѣми самыми, которые ихъ пропагандировали». Мысль Толстого ясна: не стоитъ трудиться во имя науки, потому что наука не абсолютна, наше знаніе не достовѣрно. Пусть такъ; но много ли абсолютнаго и достовѣрнаго въ тѣхъ сферахъ познаванія, на изученіи которыхъ Толстой предлагаетъ намъ «сосредоточить» свое вниманіе? Эти сферы, какъ мы видѣли,—философія, нравственность и религія. Относительно философіи, во-первыхъ, самъ Толстой только что сказалъ, что «одни ученые считаютъ наукой изъ наукъ философію», тогда какъ «другіе ученые—естественники—считаютъ это самымъ пустымъ, ненаучнымъ дѣломъ». Если это разногласіе доказываетъ, по мнѣнію Толстого, относительность науки, то развѣ оно не доказываетъ въ равной мѣрѣ и относительность философіи? Вѣдь, отрицаніе обоюдно! Во-вторыхъ,

указаніе Толстого на многочисленность враждующихъ между собою научныхъ школъ точно также совсѣмъ не на руку философіи: если научныя школы многочисленны, то философскія школы безчисленны, причемъ вражда между послѣдними несравненно острѣе, нежели борьба между научными школами. Между геологами-нептунистами и геологами-вулканистами происходила, наприм., упорная борьба, но представители обѣихъ этихъ школъ стояли на одной и той же научной почвѣ, на почвѣ научной *методологіи* обязательной для всякаго ученаго, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ. Но не угодно ли указать что-нибудь общее между, наприм., философскою школой матеріалистовъ и философскою школой спиритуалистовъ: взаимное отрицаніе касается тутъ не какой-нибудь, хотя бы и очень важной частности, а основныхъ принциповъ ученій, ихъ исходныхъ положеній, такъ что жизнь одной школы есть смерть для другой. Или не угодно ли какъ-нибудь примирить и согласить реалиста и идеалиста (употребляемъ эти термины не въ литературномъ, а въ метафизическомъ ихъ значеніи), эпикурейца и стоика, сенсуалиста и аскета, пессимиста и оптимиста и т. п. Нѣтъ, очевидно, отъ аргументаціи Толстого не поздоровится гораздо больше защищаемой имъ философіи, нежели унижаемой имъ наукѣ.

Послѣ философіи Толстой поставляетъ мораль, *нравственность*. Опять мы ищемъ у него доказательствъ того, что наука болѣе относительна и менѣе всеобща, нежели мораль, и, разумѣется, опять не находимъ, потому что такихъ доказательствъ и не существуетъ. Не говоря уже о далеко неодинаковомъ пониманіи морали различными національностями, также какъ и различными историческими эпохами, мы просто укажемъ Толстому на дѣйствительную жизнь, на живыхъ людей или, еще лучше, напомнимъ ему его собственные геніально-художественные типы: неужели мораль Пьера Безухаго и мораль Анатолія Курагина была одна и та же? «О, подлая, безсердечная порода!»—вотъ какъ, прямо въ лицо Анатолю, характеризовалъ Пьеръ всю семью Курагиныхъ, въ томъ числѣ и свою жену, которая, въ свою очередь, называетъ Пьера «дуракомъ» за то, что онъ имѣетъ строгія понятія о супружеской чести. Развѣ въ нравственномъ отношеніи это не представители совершенно различныхъ міровъ? Подобныхъ примѣровъ каждый можетъ найти сколько угодно въ предѣлахъ даже только своего личнаго жизненнаго опыта, и въ такомъ случаѣ гдѣ же единство морали, гдѣ ея абсолютизмъ? Не бывало людей, которые, оставаясь въ твердомъ умѣ и памяти, рѣшились бы отрицать таблицу умноженія и другія подобныя научныя истины (а ихъ безчисленное множество), но были, есть и будутъ очень неглупые люди, которые съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ отвергаютъ обязательность какой бы то ни было морали. Просимъ Толстого вспомнить хоть о Ницше, кругъ послѣдователей котораго не съуживается, а постепенно расширяется.

Читатель понимаетъ, что буквально такія же соображенія примѣнимы къ третьему члену формулы Толстого — къ религіи. Научно-образованный буддистъ, христіанинъ, іудей, магометанинъ мирно встрѣтятся на общей имъ

всѣмъ научной почвѣ, но если они люди вѣрующіе и не сойдутся между собою въ одинаково рѣшительномъ отрицаніи, то, спрашиваемъ мы, можетъ ли образоваться между ними хоть подобіе религіозной солидарности? Если много научныхъ школъ (ихъ, впрочемъ, вовсе не такъ много, какъ думаетъ Толстой), то еще несравненно больше различныхъ системъ вѣрованій. Сколько религій на землѣ? Изъ числа этихъ религій на сколько вѣроисповѣданій раздѣляется только одна христіанская религія? Изъ числа этихъ вѣроисповѣданій на сколько сектъ и толковъ дробится, наприм., протестантское вѣроисповѣданіе? Не беру на себя смѣлости давать совѣты «великому писателю земли Русской», но отъ души желаю ему «сосредоточиться и подумать» надъ этого рода статистикой. Результаты будутъ поучительны.

Мы разсмотрѣли формулу Толстого въ ея составныхъ частяхъ. Нельзя ли найти рѣшительнаго возраженія противъ общаго смысла всей формулы,— такого возраженія, которое бы сдѣлало ненужнымъ анализъ деталей? Не только можно, но и очень нетрудно, благодаря тому, что противъ Льва Толстого, автора статьи *Не-дѣланіе,* мы имѣемъ могущественнаго союзника въ лицѣ Льва Толстого, автора статьи *Такъ что-жъ намъ дѣлать?* Въ видахъ полной критической обстоятельности, приведемъ формулу автора *Не-дѣланія* цѣликомъ: «Страданія людей, вытекающія изъ ложнаго пониманія жизни, такъ назрѣли, благо, даваемое истиннымъ пониманіемъ жизни, такъ стало всѣмъ ясно и очевидно, что для того, чтобы люди измѣнили свою жизнь сообразно своему сознанію, имъ не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что они дѣлаютъ, сосредоточиться и подумать». За девять лѣтъ передъ этимъ Толстой говорилъ слѣдующее: «Только тѣ, для которыхъ важны и дороги нравственныя истины, знаютъ, какъ важно, драгоцѣнно и какимъ длиннымъ трудомъ достигается уясненіе, упрощеніе нравственной истины — переходъ ея изъ туманнаго, неопредѣленно-сознаваемаго предположенія, желанія, изъ неопредѣленныхъ, несвязныхъ выраженій въ твердое и опредѣленное выраженіе, неизбѣжно требующее соотвѣтствующихъ ему поступковъ. Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не можетъ быть ничего новаго и интереснаго, а, между тѣмъ, вся жизнь человѣческая, со всѣми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми отъ нравственности, дѣятельностями,— и государственная, и научная, и художественная, и торговая,— не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины».

Сопоставивъ эти двѣ цитаты и вдумавшись въ нихъ, нельзя не проникнуться глубочайшимъ удивленіемъ къ невѣроятному прогрессу, совершенному нами за послѣднія девять лѣтъ. Въ 1884 году постиженіе нравственной истины было возможно для насъ только путемъ «длиннаго труда»; государство, наука, искусство, торговля не имѣли въ то недалекое время иной цѣли, какъ «уясненіе, утвержденіе и упрощеніе нравственной истины». Въ 1893 году нравственная истина оказывается уясненной,

утвержденной и упрощенной въ такой степени, что всѣ прежніе, окольные, пути, какъ наука, искусство и пр., оказываются ненужными: «благо, даваемое истиннымъ пониманіемъ жизни, такъ стало всѣмъ ясно и очевидно, что людямъ не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать». Можетъ ли быть чудо больше этого? То, чего человѣчеству не удалось достичь въ теченіе всего историческаго своего существованія, какъ объ этомъ справедливо говорилъ Толстой въ 1884 году, оказывается достигнутымъ теперь въ такой степени, что намъ, людямъ, и дѣлать ничего не остается. На вопросъ: «Такъ что-жь намъ дѣлать?»—поставленный девять лѣтъ назадъ, мы дождались теперь отвѣта: ничего не дѣлать, ничего не предпринимать, надо только сосредоточиться.

Очень трудно разсуждать съ философствующимъ художникомъ. Отказаться отъ своей натуры, стать выше самого себя никому не дано, и отсюда возникаетъ иногда рядъ недоразумѣній и даже иллюзій. Какъ художникъ, Толстой привыкъ почерпать образы и типы изъ таинственныхъ глубинъ своей субъективности, своей художнической личности. Такіе же точно пріемы онъ практикуетъ и въ области отвлеченнаго мышленія, гдѣ, однако, вмѣсто образовъ, онъ встрѣчается съ понятіями, вмѣсто типовъ, имѣетъ дѣло съ идеями, съ теоретическими абстракціями. Роль творческой личности въ искусствѣ и въ философіи совсѣмъ не одна и та же роль. Художникъ можетъ и вправѣ воплощать свою личность въ своихъ произведеніяхъ, изображать самого себя во всякихъ позахъ, положеніяхъ и возрастахъ, какъ это мы и видимъ у Толстого, который въ образахъ мальчика Иртеньева, юнкера Оленина, графа Пьера Безухаго, помѣщика Левина представилъ, несомнѣнно, одно и то же лицо въ различныхъ фазисахъ нравственнаго развитія. Если натура художника богата и разнообразна, мы можемъ только радоваться этому обилію субъективности въ его произведеніяхъ. Разсказывая о себѣ, онъ, въ то же время, разсказываетъ и о насъ, помогаетъ нашему самосознанію, уясняетъ намъ самихъ себя: вѣдь, въ его впечатлительной и разносторонней личности, какъ лучи въ оптическомъ фокусѣ, собрались и отразились всѣ тѣ нравственные мотивы и силы, которые въ насъ, людяхъ толпы, существуютъ только въ зачаточномъ или отрывочномъ состояніи. Но если истинный художникъ *чувствуетъ* всегда заодно съ роднымъ обществомъ,—только сильнѣе и тоньше его,—истинный философъ очень рѣдко *думаетъ* заодно съ обществомъ. Художникъ никогда не бываетъ одинокъ,—сердце сердцу вѣсть даетъ,—но философъ—зачастую. Художникъ, имѣя въ виду только себя, тѣмъ не менѣе, имѣетъ право говорить отъ лица многихъ; философъ и ученый могутъ говорить только отъ лица истины, въ ея объективномъ выраженіи.

На основаніи этихъ соображеній, мы можемъ видоизмѣнить формулу Толстого слѣдующимъ образомъ: «мои, Льва Толстого, страданія, вытекающія изъ ложнаго пониманія жизни, такъ назрѣли, благо, даваемое истиннымъ пониманіемъ жизни, такъ стало для меня ясно и очевидно, что для того, чтобъ я измѣнилъ свою жизнь сообразно своему сознанію, мнѣ

нужно уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что я дѣлаю, сосредоточиться и подумать». Такая формула была бы понятна, для всѣхъ любопытна, а для нѣкоторыхъ даже и поучительна. Въ жизни человѣчества девять лѣтъ—то же, что девять секундъ въ жизни человѣка, но отдѣльная личность можетъ пережить въ этотъ небольшой промежутокъ времени самые крутые нравственные переломы. По отношенію къ Толстому можно сказать, что его приглашеніе къ «не-дѣланію» и не знаменуетъ собою никакого особеннаго переворота, а представляетъ собою лишь логическій результатъ его общихъ взглядовъ: если прогрессъ человѣчества—вздорная выдумка, если наука—пустяки, если искусство—иллюзія, если учрежденія и вообще формы и нормы жизни ровно ничего не значатъ, то возможность дѣятельности исчезаетъ и необходимость «не-дѣланія» устанавливается сама собой. Кромѣ того, мы понимаемъ, что въ жизни каждаго много пожившаго и много потрудившагося человѣка долженъ, наконецъ, наступить моментъ, когда онъ скажетъ себѣ: «Довольно! Пора остановиться, сосредоточиться и подумать!» Въ почтительномъ молчаніи и съ живѣйшимъ сердечнымъ участіемъ выслушали бы мы это заявленіе и не омрачили бы закатъ дней этого лучшаго между нами человѣка никакими замѣчаніями и протестами. Мы забыли бы всѣ его ошибки и вспомнили бы всѣ его заслуги; вполнѣ понимая всю торжественность наступившаго момента, мы призвали бы другъ друга къ той сдержанности, къ тому благоговѣнію, которыя приличествуютъ такимъ минутамъ. Но если насъ приглашаютъ послѣдовать примѣру какой-нибудь индійской вдовицы, заживо сожигающей себя на кострѣ вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго мужа, если насъ призываютъ къ «не-дѣланію», т.-е. къ небытію,—мы не только не соглашаемся, но и негодуемъ. «Не трудившійся да не ястъ»,—это сказалъ тотъ, чей авторитетъ стоитъ незыблемо почти уже двѣ тысячи лѣтъ.

Свое «истинное пониманіе жизни» Толстой завѣщеваетъ намъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Для того, чтобы осуществилось царство Божіе, нужно, чтобы всѣ люди начали любить другъ друга безъ различія личностей, семей, народностей. Для того, чтобы люди могли такъ любить другъ друга, нужно, чтобъ измѣнилось ихъ жизнепониманіе. Для того, чтобъ измѣнилось ихъ жизнепониманіе, нужно, чтобъ они опомнились, а чтобъ они могли опомниться, имъ нужно, прежде всего, остановиться хоть на время въ той горячечной дѣятельности, во имя дѣлъ, требуемыхъ языческимъ пониманіемъ жизни, которой они предаются; нужно хоть на время освободиться отъ того, что индѣйцы называютъ «сансара», отъ той суеты жизни, которая болѣе всего другого мѣшаетъ людямъ понять смыслъ ихъ существованія. А стоитъ проявиться этой любви христіанской въ людяхъ, и сами собой, безъ малѣйшаго усилія, распадутся старыя и сложатся тѣ новыя формы благой жизни, отсутствіе которыхъ представляется людямъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію того, чего уже давно требуютъ ихъ разумъ и сердце». Проще этого рѣшенія, конечно, ничего и придумать

нельзя. Со стороны логической округленности и законченности оно также не оставляетъ ничего желать. Въ самомъ дѣлѣ: 1) нужно начать любить другъ друга; 2) для этого нужно измѣнить наше жизнепониманіе; 3) для измѣненія жизнепониманія нужно опомниться; 4) чтобъ опомниться, нужно оставить всякія текущія практическія дѣла, уединиться и сосредоточиться. Знаете ли, это даже трогательно!... Если смотрѣть на совѣтъ Толстого, какъ на выраженіе убѣжденія, основаннаго на знаніи, то намъ останется только изумляться: до такой степени этотъ совѣтъ не сообразованъ ни съ логикой, ни съ исторіей, ни съ психологіей человѣка, ни съ природой общества. Но онъ прелестенъ какъ поэтическая фикція, какъ пророческое прозрѣніе отдаленнаго будущаго, какъ выраженіе чистой и несокрушимой вѣры хорошаго, можно сказать, праведнаго человѣка. Можетъ быть, это и есть единственно-правильная точка зрѣнія по отношенію къ Толстому, какъ моралисту и проповѣднику. Выслушаемъ этого человѣка *не отъ міра сего,* но что же съ нимъ спорить? Мы *знаемъ,* что «безъ малѣйшаго усилія» со стороны людей старыя формы нигдѣ и никогда не распадались, а новыя формы всегда и вездѣ слагались путемъ медленнаго и труднаго процесса. Толстой, конечно, тоже это знаетъ не хуже насъ,— нельзя этого образованному человѣку не знать,— но онъ поручаетъ себя не своему знанію, а своей вѣрѣ: положимъ, такъ не бывало, но такъ «буди, буди!»—какъ восклицаютъ пророки Достоевскаго. Мы тоже вѣримъ, что это будетъ, придетъ, но только сомнѣваемся насчетъ срока. Толстой надѣется, что этого можно добиться путемъ «не-дѣланія» очень скоро, намъ же сдается, что не только мы, но и наши потомки долго еще не завоюютъ и не устроятъ себѣ самой возможности любить другъ друга, а только приблизятся къ ней—путемъ жертвъ, борьбы, усилій и вообще самаго энергическаго *дѣланія.* Къ одному изъ видовъ этого дѣланія насъ и зоветъ Золя.

Въ спорѣ между Золя и Толстымъ, какъ знаютъ читатели, принялъ участіе Дюма, въ которомъ Толстой усматриваетъ союзника себѣ—и совершенно напрасно. Если раціоналистъ и позитивистъ Золя, съ одной стороны, вѣрующій христіанинъ и мечтательный идеалистъ Толстой—съ другой представляютъ собою два противуположныхъ полюса, то позиція Дюма находится какъ разъ на экваторѣ, т.-е. одинаково близко или одинаково далеко отъ обоихъ противниковъ. Вотъ, наприм., одно мѣсто изъ письма Дюма, которое какъ будто умышленно направлено противъ нашего моралиста: «Вотъ уже давно, при каждой станціи движенія человѣчества, новые люди выходятъ изъ мрака все въ большемъ и большемъ количествѣ, въ особенности за послѣднія сто лѣтъ, и люди эти, во имя разума, науки, наблюденія, отрицаютъ истины (религіозныя), объявляютъ ихъ относительными и хотятъ разрушить тѣ формулы, которыя ихъ содержатъ. Кто правъ въ этомъ спорѣ? Всѣ—до тѣхъ поръ, покуда всѣ ищутъ, и никто—какъ только начинаютъ угрожать. Никакой ударъ кулака, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не докажетъ ни существованія, ни несуществованія Бога. Наконецъ, та сила, какая бы она ни была, которая сотворила міръ, такъ какъ онъ, какъ

мнѣ кажется, все-таки, не могъ сотвориться самъ, сдѣлавъ насъ своими орудіями, удержала за собой право знать, зачѣмъ она насъ сдѣлала и куда она насъ ведетъ. Сила эта, несмотря на всѣ намѣренія, которыя ей приписывали, и на всѣ требованія, которыя къ ней предъявляли, какъ кажется, желаетъ удерживать свою тайну, и потому (я скажу здѣсь все, что думаю) мнѣ кажется, что человѣчество начинаетъ отказываться отъ желанія проникнуть ее. Человѣчество обращалось къ религіямъ, которыя ничего не доказывали ему, потому что онѣ были различны, обращалось къ философіямъ, которыя не болѣе того разъяснили ему, потому что онѣ были противурѣчивы, оно постарается теперь управиться одно съ своимъ простымъ инстинктомъ и своимъ здравымъ смысломъ, и такъ какъ оно живетъ на землѣ, не зная, зачѣмъ и какъ, оно постарается быть настолько счастливымъ, насколько это возможно, тѣми средствами, которыя представляетъ ему наша планета». Золя, конечно, обѣими руками подписался бы подъ этимъ отрывкомъ, ничуть не измѣняя себѣ: развѣ онъ не защищаетъ свободы изслѣдованія, развѣ онъ призываетъ силу на защиту своихъ воззрѣній, развѣ онъ не оставляетъ широкаго простора каждому при выборѣ себѣ труда? Но Толстому, который убѣждаетъ насъ оставить всѣ дѣла и погрузиться въ философское и религіозное созерцаніе,—Толстому этотъ отрывокъ становится прямо поперекъ дороги: вѣдь, Дюма совсѣмъ недвусмысленно говоритъ, что человѣчество извѣрилось какъ разъ въ тѣ пути, которые намъ рекомендуетъ Толстой. Люди,—говоритъ Дюма,—постараются обойтись собственнымъ здравымъ смысломъ, съ помощью *тѣхъ средствъ, которыя предоставляетъ намъ наша планета*. Какія это средства? Это, конечно, силы нашей природы и естественныя богатства нашей земли,—силы и богатство, въ умѣньи находить и эксплуатировать которыя у насъ нѣтъ другого учителя, кромѣ науки. И такъ, резюме мысли Дюма таково: постараемся быть счастливыми на этой планетѣ, съ помощью своего смысла и съ помощью науки, потому что намъ положиться болѣе не на кого и не на что. «Совершенно справедливо»,—скажетъ Золя. Что скажетъ и что можетъ сказать тутъ Толстой?

Однако, Дюма и съ Золя не по дорогѣ, какъ не по дорогѣ ему съ Толстымъ. Въ томъ же письмѣ находимъ мы другое значительное мѣсто, смыслъ котораго симпатиченъ для Толстого, а для Золя не болѣе какъ мѣдь звенящая: «Пусть,—говоритъ Дюма,—работаетъ человѣкъ своими мускулами или своимъ умомъ, все-таки, никогда не можетъ быть его единственной заботой пріобрѣтеніе пищи, наживаніе состоянія или пріобрѣтеніе славы. Всѣ тѣ, которые ограничиваютъ себя этими цѣлями, чувствуютъ и тогда, когда они достигли ихъ, что имъ еще недостаетъ чего-то: дѣло въ томъ, что,—что бы ни производилъ человѣкъ, что бы ни говорилъ, что бы ему ни говорили,—онъ состоитъ не только изъ тѣла, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развить, у него несомнѣнно есть еще и душа, которая еще заявляетъ свои требованія. Эта-то душа находится въ непересѣкающемъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ.

До тѣхъ поръ, пока она не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину, она будетъ мучить человѣка». Это одинаково далеко какъ отъ «недѣланія» Толстого, какъ и отъ позитивизма. Въ изложеніи Дюма, однако, его формула является не синтезомъ противуположныхъ ученій, а искусственнымъ, чисто-механическимъ сопоставленіемъ ихъ на совершенно равныхъ правахъ. Съ одной стороны, Дюма увѣряетъ, что «человѣчество начинаетъ отказываться отъ желанія проникнуть тайну»; но потребность проникнуть эту тайну есть первая потребность нашей души, «которая еще заявляетъ свои требованія» и будетъ насъ мучить, «пока не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину». Отсюда слѣдуетъ, что, *отказываясь*, человѣчество тѣмъ самымъ осуждаетъ свою душу на вѣчный голодъ, а такъ какъ, по Дюма, душа имѣетъ такое же значеніе для человѣка, какъ и его умъ и его тѣло, то ясно, что заботы людей объ устроеніи своего счастія на землѣ совершенно тщетны. Между тѣмъ, Дюма вѣритъ въ это счастіе и обѣщаетъ намъ его. Цѣль и смыслъ всей заботы человѣчества, великаго *дѣланія* его лучшихъ представителей, заключается въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе расширять кругъ людей, умѣющихъ *мыслить* и умѣющихъ *чувствовать*, т.-е. способныхъ стремиться къ идеалу и жаждать его. Ни «наука» Золя, ни «здравый смыслъ и простой инстинктъ» Дюма, ни «не-дѣланіе» съ цѣлью «одуматься и сосредоточиться» Толстого не представляютъ собою такихъ панацей, которыя бы могли удовлетворить насъ. Цѣль такъ высока и отдаленна, что только при пользованіи *всѣми* доступными для насъ средствами, только при неустанномъ напряженіи всѣхъ наличныхъ силъ человѣчества, черезъ страданія и жертвы, въ мукахъ сомнѣній и неизбѣжныхъ ошибокъ, мы можемъ надѣяться достигнуть или хоть только приблизиться къ завѣтной цѣли.

III.

Мы обѣщали читателю показать на примѣрѣ *Сѣвернаго Вѣстника*, украсившагося статьею Толстого, до какой степени отвлеченная проповѣдь прямолинейной морали остается внѣ всякаго серьезнаго воздѣйствія на практическую жизнь. Если бы не было поздно, я взялъ бы назадъ это обѣщаніе: исполнить его въ литературномъ смыслѣ не трудно, но крайне тяжело и непріятно въ нравственномъ отношеніи. Отъ писателей-мыслителей намъ придется перейти къ «скрибентамъ», изъ міра чистыхъ идей спуститься въ мірокъ журнальныхъ дрязгъ, съ его двухвершковыми героями, съ его непомѣрной силы муравьями и раздувающимися до в[illegible] лягушками. Но, видно, такъ тому и быть. Постараемся, по крайней мѣ[illegible] даже изъ этой непріятной экскурсіи извлечь какой - нибудь, не лишенн[illegible] значенія, идейный результатъ.

Моральная проповѣдь Толстого, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ въ св[illegible] основѣ главнѣйшія заповѣди христіанскаго ученія. Можно сказать, что То[illegible]стой, какъ моралистъ, ничего иного не дѣлалъ, какъ представлялъ, по[illegible]

угломъ своего освѣщенія (слишкомъ понятно, что онъ не могъ избѣгнуть *самочиннаго умствованія* по извѣстному искаріотскому выраженію), христіанскія истины въ примѣненіи къ историческимъ и бытовымъ условіямъ нашей дѣйствительности. Горячо вѣрующимъ христіаниномъ является онъ и въ статьѣ *Не-дѣланіе*, въ которой не разъ съ религіознымъ воодушевленіемъ говорится о Христѣ и Его ученіи. И вотъ, въ той же (сентябрьской) книжкѣ журнала и почти рядомъ со статьей Толстого красуется статья г. Волынскаго: *Наука, философія и религія*, имѣющая, для большей внушительности, латинскій подзаголовокъ Cogitata metaphysica. Какъ все, что пишетъ г. Волынскій, эта статья, тотчасъ по своемъ появленіи, возбудила въ журналистикѣ смѣхъ, и она дѣйствительно смѣшна. Возьмите одно изъ самыхъ фразистыхъ стихотвореній плохенькаго поэта, переложите его въ прозу, съ сохраненіемъ всѣхъ его персидскихъ метафоръ и турецкихъ гиперболъ, и вы получите нѣчто очень напоминающее писанія г. Волынскаго вообще и его Cogitata въ частности. Тутъ есть сравненіе общественной жизни съ маленькимъ ручейкомъ, который, «зародившись у подножія высокой скалы, медленно катитъ свои неглубокія воды на недлинномъ и узкомъ пути своемъ, затѣмъ, на опредѣленномъ пунктѣ своего теченія, внезапно пропадаетъ, углубляется подъ почву, несется многія сотни верстъ подъ землею—и вдругъ опять вырывается на поверхность земли въ видѣ широкой, многоводной и глубокой рѣки». Вотъ какія геологическія или гидрографическія чудеса бываютъ на свѣтѣ! Далѣе, г. Волынскій становится въ своей статейкѣ и приглашаетъ встать читателя «у порога того храма, въ которомъ вѣетъ духъ Божій, гдѣ человѣкъ соприкасается съ безконечностью». Ставши у порога и соприкоснувшись съ безконечностью, г. Волынскій задался такимъ вопросомъ: «что мы хотимъ сказать, когда говоримъ, что ударъ какимъ-нибудь предметомъ по головѣ причиняетъ намъ острую боль?» Да, это вопросъ! Для рѣшенія его оказывается «нужна новая точка зрѣнія, поднятая выше показаній внѣшняго опыта и дающая возможность видѣть истинное направленіе силъ, сплетенныхъ въ такую сложную, широкую сѣть, нуженъ яркій свѣтъ, чтобъ придать жизнь этому туманному, волнующемуся рисунку природы» и пр., и пр. Далѣе объявляется, что «духъ свободы проснулся. Въ человѣкѣ возстали силы свѣта, силы любви къ безконечному, жажда безграничнаго, стремленіе въ высоту». Проснувшись, духъ свободы собирается, въ свою очередь, разбудить науку: «близится время, когда воспрянетъ настоящая наука, съ критическимъ методомъ, съ тонкимъ чутьемъ къ идеальнымъ потребностямъ человѣка, съ другими отправными посылками». Отъ науки г. Волынскій переходитъ къ философіи и ставитъ вопросъ: «что такое ощущеніе»? Связь этого философскаго вопроса съ научнымъ вопросомъ относительно «удара какимъ-нибудь предметомъ по головѣ» совершенно очевидна. И такъ, что же такое ощущеніе? Иными словами, что такое ударъ по головѣ? «Это,—отвѣчаетъ г. Волынскій,—внезапный проблескъ солнца, лучъ, вырвавшійся изъ-подъ тучи и разсыпавшійся въ

безчисленныхъ искоркахъ свѣта». Не говоря о другихъ достоинствахъ этого опредѣленія, оно даетъ удовлетворительное объясненіе ходячему выраженію: искры изъ глазъ посыпались. Это выраженіе означаетъ, что человѣкъ получилъ «ощущеніе». Далѣе мы узнаемъ, что «волна познанія достигла предѣла и, отразивъ въ себѣ краски неба, полилась обратно». Это дѣйствительно замѣчательное открытіе до того восхитило г. Волынскаго, что чрезъ нѣсколько строкъ онъ съ восторгомъ восклицаетъ: «мы достигли послѣдняго слова пониманія». Дѣйствительно, дальше идти некуда...

Вся эта вздорная и напыщенная болтовня до того несерьезна, съ такою очевидностью сама себя выдаетъ головою, что останавливаться на ней, конечно, не стоило бы. Но къ своему набору восточныхъ метафоръ г. Волынскій придѣлываетъ такое заключеніе, которое не только комично, но и возмутительно. Надъ статьей г. Волынскаго много смѣялись въ журналистикѣ, но, сколько мнѣ извѣстно, на ея возмутительное заключеніе никто не обратилъ вниманія. Приведемъ его цѣликомъ: «Мы сказали, что религія спасала и спасаетъ человѣчество. Возрождаясь, религіозное чувство приводитъ въ движеніе основы прогресса и свидѣтельствуетъ о приближающейся нравственной реформѣ. Когда заглушится гражданская энергія людей, когда случится банкротство съ политическими стремленіями общества, тогда является на помощь религія—и духъ высшей правды проливается на всѣхъ и каждаго. Общество не умретъ въ бездѣйствіи, свобода не погибнетъ. Свершится только переломъ въ исторіи, который выведетъ людей на новую и болѣе широкую дорогу. Свершится только обновленіе силъ въ животворящемъ источникѣ истины. Свершится только великій актъ перерожденія Ветхаго Завѣта въ непоколебимый законъ добра и свѣта. Съ нами Богъ...»

Это ужь не смѣшно.

Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля;
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.

IV.

Прочитавши то, что я только что написалъ о г. Волынскомъ, я припомнилъ *Письмо въ редакцію* одной журнальной салопницы-приживалки, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* же и напечатанное. Салопница, какъ это ей и подобаетъ, расточаетъ въ своемъ *Письмѣ* умильные комплименты *Сѣверному Вѣстнику* вообще и г. Волынскому въ частности, и, между прочимъ, говоритъ, что г. Волынскій «оживляетъ нашу сонную журналистику». А, вѣдь, салопница (зовутъ ее—г. Чуйко) права, подумалъ я теперь по крайней мѣрѣ, я вотъ уже второй разъ *касаюсь* г. Волынскаго, *касаются* г. Волынскаго и мои журнальные коллеги, такъ что въ самомъ дѣлѣ эта полемическая струйка какъ будто оживляетъ журналистику. Э

было бы хорошо, но бѣда въ томъ, что это оживленіе имѣетъ специфическій характеръ. Оно напоминаетъ то оживленіе общественной жизни нашей, которое въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было вызвано извѣстными избіеніями евреевъ въ южно-русскихъ городахъ. Нездоровое это оживленіе и ни избивавшіе, ни избиваемые отнюдь не могли поставить его себѣ въ заслугу. Съ гг. Волынскими (говорю во множественномъ числѣ, потому что въ нашей журналистикѣ ихъ теперь не мало насчитывается) дѣло обстоитъ еще гораздо хуже: по ихъ увѣреніямъ, они «достигли послѣдняго слова пониманія», а, въ сущности, не понимаютъ простыхъ, ясныхъ, какъ солнце, вещей. Не понимаютъ они ни духа народа, среди котораго живутъ, ни характера общества, передъ лицомъ котораго дѣйствуютъ. Русскіе люди—люди простые, искренніе и чуткіе. Имъ противна всякая поза, ихъ отталкиваетъ фразерство и они какъ будто инстинктивно, но быстро и почти непогрѣшимо угадываютъ всякую ложь и фальшь. Изученною жестикуляціей ихъ нельзя обмануть; самовосхваленіемъ ихъ нельзя убѣдить въ своихъ мнимыхъ достоинствахъ; наглость, даже тонко разсчитанная, въ концѣ-концовъ, встрѣчаетъ съ ихъ стороны только юмористическое отношеніе къ себѣ. Синица, похвалившаяся зажечь море, нигдѣ не почувствовала бы себя такъ плохо, какъ въ русскомъ обществѣ.

Передо мной лежитъ книга *Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи*. Первоначально эти *Письма* печатались въ *Вѣстникѣ Европы* и читались чуть не на-расхватъ, но, собранныя въ отдѣльную книгу, они остались какъ-то въ тѣни, не вызвали большихъ разговоровъ ни въ печати, ни въ обществѣ. Между тѣмъ, это истинно-замѣчательная книга, въ особенности съ той точки зрѣнія, которую я указывалъ выше. Какая безпритязательность формы, какая естественность и простота языка, какая славная и честная искренность! Боткинъ не былъ писателемъ по призванію; самыя *Письма* свои онъ врядъ ли предназначалъ для печати, въ то время, по крайней мѣрѣ, когда писалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, книга его производитъ сильное впечатлѣніе, потому что на каждой страницѣ ея вы бесѣдуете не только съ умнымъ и наблюдательнымъ, но и глубоко-серьезнымъ человѣкомъ. Никогда, или почти никогда, Боткинъ не возвышаетъ голоса и ужь рѣшительно никогда не кричитъ; въ минуты сильнѣйшаго негодованія онъ говоритъ такъ, что въ его словахъ вы слышите гораздо болѣе скорби, чѣмъ гнѣва. Вотъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ письма отъ 4 сентября: «Въ то время, когда у меня на душѣ кипѣло негодованіе, скорбь, мнѣ начинаютъ предлагать *взглянуть* «интересныхъ» больныхъ. Погодите, я еще не опомнюсь отъ этихъ криковъ массы голодныхъ людей, у меня голова неспособна совмѣщать интересъ медицинскаго случая съ фактомъ истребленія людей—вслѣдствіе неряшества, злоупотребленія... Дайте опомниться, тогда и посмотрю ваши «интересные» случаи, но прежде накормите не интересныхъ»... Это, кажется, самое сильное мѣсто въ книгѣ. Отъ такого выраженія негодованія ваша барабанная перепонка не затрещитъ, но негодовать вмѣстѣ съ авторомъ вы будете искренно. Чисто-русскій и, притомъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей,

Боткинъ никогда не рисуется и не выставляетъ себя, хотя, при нѣкоторомъ желаніи, могъ бы найти сколько угодно поводовъ для этого. Наоборотъ, онъ то съ негодованіемъ, то, еще чаще, съ чисто-великороссійскимъ юморомъ осмѣиваетъ всякій карьеризмъ, всякое желаніе выскочить какъ-нибудь впередъ. Такъ, въ письмѣ отъ 3 августа онъ пишетъ: «Въ военномъ мірѣ ничего не слышно,—полное затишье. Н—кій отмалчивается (уставляя глубокомысленно глаза); Л. чаще обыкновеннаго поправляетъ очки и пыхтитъ сильнѣе прежняго. Вообще, герои какъ-то попріѣлись, потеряли свой ароматъ, разъ воочію всякому стало ясно, что отдѣльный героизмъ ни къ чему не ведетъ. По манерѣ себя держать, по серьезности и честности отношенія къ дѣлу, самыми симпатичными личностями для меня остаются Государь и Милютинъ. Только глядя на нихъ, ты не встрѣчаешь этого «я», которое такъ и пробивается въ большей части другихъ выступающихъ дѣятелей; скромность и серьезность Милютина внушаютъ къ нему величайшее почтеніе; онъ весь отданъ своему дѣлу, которому охотно готовъ даже жертвовать своимъ «я». Если взглянуть на теперешняго воротилу Л., то въ немъ, прежде всего, натыкаешься именно на это «я», а уже изъза него только мелькаетъ дѣло; вотъ лицо, которое мнѣ вовсе не внушаетъ довѣрія. Про Н. сложилось, повидимому, въ здѣшней публикѣ такое убѣжденіе, что онъ слишкомъ старъ для подобнаго высокаго поста, что ему измѣняютъ его способности, что онъ многое забываетъ и только драпируется при этомъ въ мантію таинственности...»

Не имѣя въ виду разбирать содержаніе книги Боткина, мы на этомъ и остановимся. Для насъ нужно было найти иллюстрацію къ тому положенію, что отличительною особенностью русскихъ писателей и русскихъ интеллигентныхъ людей вообще является простота въ соединеніи съ серьезностью и глубиною. Эту черту *простоты*, т.-е. естественности и непринужденности, какъ извѣстно, Толстой приписываетъ, главнымъ образомъ, нашему народу (Каратаевъ), но эта черта—не сословная, а вполнѣ національная. Что можетъ быть проще художественныхъ произведеній самого Толстого? И развѣ Толстой не членъ и не представитель нашей интеллигенціи, сколько бы онъ ни открещивался отъ этой роли? Всѣ наши лучшіе писатели, безъ исключенія, питали отвращеніе къ «героямъ», вѣчно стоящимъ на пьедесталѣ или карабкающимся на него,—къ героямъ, у которыхъ что ни движеніе, то жестъ, что ни положеніе, то поза, что ни слово, то фраза. Въ добродушно-юмористической формѣ то же отвращеніе выражаетъ и нашъ народъ, говоря, что пустая бочка громко гремитъ и пустой колосъ высоко свою голову поднимаетъ. Вотъ почему такъ тяжело дѣйствуетъ на насъ всякое муссированье нашего личнаго или національнаго достоинства, всякая реклама и самовосхваленіе. Истинное достоинство скромно и просто, не забудемъ этого. Услужливые друзья русскаго народа и русской литературы, вродѣ нашихъ юркихъ «делегатовъ», опаснѣе враговъ.

М. Протопоповъ.

Очерки провинціальной жизни.

Есть въ Россіи небольшой городокъ, съ населеніемъ въ 22 тысячи человѣкъ и съ бюджетомъ въ 60 тысячъ рублей. Этимъ скромнымъ бюджетомъ онъ пользуется такъ умѣло для пользы и нуждъ своего населенія, что можетъ вполнѣ служить образцомъ для многихъ другихъ городовъ нашего отечества. Городъ этотъ—Чистополь, Казанской губерніи. Изданный недавно отчетъ о дѣятельности чистопольской городской управы производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Изъ отчета видно, какъ внимательно относится общественное управленіе къ важнѣйшемъ нуждамъ города: къ обезпеченію народнаго продовольствія, къ народному образованію, къ охраненію здоровья жителей, къ внѣшнему благоустройству. Рука объ руку съ общественнымъ управленіемъ дѣйствуетъ здѣсь и благотворительное общество, оказывающее разнаго рода помощь бѣднымъ и больнымъ людямъ. Общество помѣщаетъ бѣдныхъ въ благотворительныя заведенія и дома призрѣнія, снабжаетъ бѣдняковъ пищею, одеждою, бѣльемъ и т. п. необходимыми предметами и выдаетъ имъ пособіе деньгами, а для оказанія врачебной помощи бѣднымъ больнымъ имѣетъ амбулаторные покои и больницы. На народное образованіе чистопольское общественное управленіе израсходовало въ 1892 году около пятой доли своего годичнаго бюджета. Городъ содержитъ также публичную библіотеку, читальню и предполагалъ устроить народныя чтенія. Но чтенія не были разрѣшены, такъ какъ, по правиламъ о народныхъ чтеніяхъ, послѣднія могутъ быть устраиваемы лишь въ губернскихъ городахъ.

И, правду сказать, большинство губернскихъ городовъ съ усердіемъ воспользовалось этимъ правомъ. Рядомъ съ наростаніемъ числа школъ развивается также организація народныхъ чтеній, каковыя являются наиболѣе желательнымъ типомъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій. Сообщенія отовсюду свидѣтельствуютъ о значительномъ успѣхѣ народныхъ чтеній, объ усердномъ посѣщеніи ихъ низшими слоями населенія. Вотъ нѣсколько свѣжихъ данныхъ, заимствуемыхъ нами изъ *Русской Жизни*, *Русскихъ Вѣдомостей* и *Одесскаго Листка*, о ходѣ дѣла народныхъ чтеній въ городахъ: Харьковѣ, Астрахани, Орлѣ, Николаевѣ, Самарѣ и Одессѣ.

Въ Харьковѣ народныя чтенія происходятъ въ трехъ частяхъ города. Они всегда сопровождаются туманными картинами, а иногда и физическими опытами. Съ посѣтителей взимается за входъ на чтеніе по 3 коп. Желающимъ выдаются въ кассѣ безплатные билеты, за которыми почти исключительно обращаются дѣти школьнаго возраста. Въ теченіе 1892 года, съ конца октября до конца апрѣля, было произнесено 76 чтеній, на которыхъ присутствовало болѣе 8,000 человѣкъ. Главнымъ источникомъ, доставлявшимъ денежныя средства коммиссіи по народнымъ чтеніямъ, служили пособія, назначенныя городскимъ общественнымъ управленіемъ и другими харьковскими учрежденіями.

Въ то же время, въ Харьковѣ устроена недавно большая народная читальня-библіотека мѣстнаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Иниціатива ея принадлежитъ Л. Е. Ефимовичъ, которая, по словамъ корреспондента *Недѣли,* представила глубоко прочувствованный докладъ названному обществу о крайней необходимости читальни. Собраніе согласилось съ докладомъ и подъ предсѣдательствомъ проф. В. Я. Данилевскаго былъ избранъ комитетъ для устройства ея. Распорядительницей читальни была назначена Л. Е. Ефимовичъ.

На другой день послѣ этого постановленія въ комитетъ стали поступать пожертвованія какъ деньгами, такъ и книгами для добраго дѣла. Большинство пожертвованій состояло изъ скромныхъ рублевокъ, а подчасъ и просто серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Жертвовались разрозненные томики дешевыхъ изданій русскихъ классиковъ, зачитанныя дѣтскія и такъ называемыя копѣечныя «народныя» книжки, иллюстрированныя изданія и т. п. Работа въ комитетѣ закипѣла. Нужно было разобрать книги, выработать правила, получить разрѣшеніе отъ трехъ вѣдомствъ: учебнаго, духовнаго и министерства внутреннихъ дѣлъ, приспособить помѣщеніе, безплатно отведенное обществомъ въ одномъ изъ принадлежащихъ ему домовъ, собрать денежныя средства для необходимой обстановки и книгъ, а также пригласить персоналъ сотрудницъ.

Наконецъ, 1 декабря 1891 г. читальня была открыта и стала быстро богатѣть и общественнымъ сочувствіемъ, и деньгами.

Читальня открывается ежедневно съ 11 часовъ утра до 8 час. вечера круглый годъ. Въ прошломъ году ее посѣтило 3,475 человѣкъ, сдѣлавшихъ 28,830 посѣщеній. Этимъ посѣтителямъ въ продолженіе отчетнаго года было выдано до 30 т. книгъ, 11 т. иллюстрированныхъ изданій и до 7 т. газетъ.

Главный составъ читателей—дѣти и подростки изъ мѣщанъ и крестьянъ, обучающіеся дома и въ народныхъ школахъ, ремесленники и рабочіе на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ. Зимою преобладаютъ малолѣтки, а лѣтомъ—взрослые.

Надо замѣтить, что въ Харьковѣ давно существуетъ превосходная общественная библіотека съ *безплатнымъ* кабинетомъ для чтенія. Доступъ въ этотъ кабинетъ не сопряженъ ни съ какими затрудненіями даже для

простонародья: онъ бываетъ биткомъ набитъ, но посѣщаютъ его, главнымъ образомъ, студенты и профессора, чиновники, учителя, военные, дамы и проч. Изрѣдка, какъ исключеніе, среди этой публики виднѣется разночинецъ, но ни блузы фабричнаго рабочаго, ни грубыхъ рукъ мастерового, ни покрытой платочкомъ головы молоденькой швеи вы здѣсь никогда не встрѣтите.

Эту-то публику и заманила къ себѣ народная читальня.

Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ внутреннюю жизнь читальни.

Вечеръетъ. Наплывъ посѣтителей увеличивается. Входныя двери поминутно хлопаютъ. Сторожъ еле успѣваетъ выдавать марки на оставляемое верхнее платье и шапки. Шумъ въ первой комнатѣ увеличивается. Постороннему посѣтителю кажется, что нѣтъ никакой возможности разобраться въ этомъ хаосѣ поднятыхъ рукъ, вооруженныхъ книжками, толпящихся головъ... Та живая работа, которая идетъ по вечерамъ въ читальнѣ, дѣйствительно только и по плечу молодежи идейной, отдающей дѣлу свою энергію, свои еще не надорванныя физическія силы.

Въ Астрахани народныя чтенія устраиваются въ трехъ аудиторіяхъ: въ реальномъ училищѣ, въ городскомъ училищѣ и въ воробьевской дешевой столовой. Сосѣдство съ послѣднею аудиторіей такихъ учрежденій, какъ городской ночлежный домъ и дешевыя квартиры для бѣдняковъ, даетъ большой процентъ желательной для народныхъ чтеній простонародной публики. Чтенія во всѣхъ перечисленныхъ аудиторіяхъ происходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ текущемъ году было устроено 66 чтеній, на которыхъ присутствовало 16,266 человѣкъ или по 246 человѣкъ въ среднемъ на каждомъ чтеніи.

Народныя чтенія въ Орлѣ начались съ 1877 года и съ тѣхъ поръ постоянно развивались. Въ ноябрѣ 1887 г. образовался въ городѣ комитетъ, который выбралъ изъ своей среды лицъ, компетентныхъ въ завѣдываніи и руководствѣ народными чтеніями. Намѣренія комитета встрѣтили сочувствіе среди городского общественнаго управленія, а изъ мѣстнаго населенія тотчасъ же стали записываться въ комитетъ члены со взносами не менѣе 1 рубля. Городской голова предоставилъ для чтеній залъ городской думы. Кромѣ взносовъ членовъ комитета, необходимыя для веденія дѣла матеріальныя издержки оплачивались пособіями отъ городской думы и уѣзднаго земства. Такимъ образомъ, это просвѣтительное предпріятіе въ самомъ началѣ своемъ получило необходимую поддержку. Расходы комитета были особенно значительны въ первый годъ, такъ какъ пришлось пріобрѣтать на наличныя деньги почти всѣ приборы и приспособленія для чтеній. Чтенія были открыты 22 ноября 1887 г. рѣчью орловскаго епископа Симеона, который въ сочувственныхъ словахъ выразилъ передъ аудиторіей великое значеніе народныхъ чтеній и благословилъ это «доброе дѣло». За 4 лѣтъ было произнесено 235 чтеній (изъ нихъ 111 духовно-нравственныхъ). Обязанности лекторовъ несли какъ лица духовнаго званія, такъ и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній. Что касается успѣха народ-

ныхъ чтеній среди городского населенія, то его можно назвать болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ: на каждомъ чтеніи среднимъ числомъ присутствовало болѣе 125 слушателей. При этомъ въ отчетѣ замѣчено, что посѣтители народныхъ чтеній вообще относятся къ нимъ серьезно, съ интересомъ и строго соблюдаютъ необходимую тишину.

Комитетъ по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Николаевѣ устраиваетъ чтенія въ театрѣ г. Монте. За входъ взимается небольшая плата. Въ теченіе отчетнаго періода 1891—1892 г. устроено было 22 чтенія, на которыхъ перебывало 12,523 человѣка, что составляетъ среднимъ числомъ по 544 человѣка на каждое чтеніе. По содержанію чтенія можно раздѣлить на историческія, литературныя и географическія.

Въ прошломъ году небольшой кружокъ лицъ, преимущественно педагоговъ и врачей, предпринялъ устройство въ Самарѣ народныхъ чтеній. Благодаря сочувствію думы, разрѣшившей воспользоваться для чтеній зданіемъ городского театра и сверхъ того ассигновавшей 300 р. на расходы, народныя чтенія пошли весьма успѣшно. Обширное зданіе театра часто не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ. Всѣхъ посѣтителей на бывшихъ до настоящаго дня 13 чтеніяхъ записано 10,820. Но въ дѣйствительности число это было гораздо больше, такъ какъ многіе слушатели впускались въ театръ безъ билетовъ и безъ счета. Видя такой большой успѣхъ народныхъ чтеній въ Самарѣ, устроители ихъ рѣшили распространить свою дѣятельность на всю губернію, учредивъ для этой цѣли «общество поощренія образованія въ Самарской губерніи» для устройства не только народныхъ чтеній, но и воскресныхъ школъ, библіотекъ и пр. Въ октябрѣ текущаго года въ помѣщеніи губернской земской управы обсуждался проектъ устава этого общества, который въ непродолжительномъ времени будетъ представленъ въ министерство на утвержденіе.

О распространеніи просвѣщенія въ народныхъ массахъ города Одессы всего болѣе заботится тамошнее общество имени свв. Кирилла и Меѳодія. Чтенія, устраиваемыя правленіемъ этого общества въ Одессѣ, происходили въ 1892 г. въ двухъ аудиторіяхъ: въ городской и на слободкѣ Романовкѣ. Въ обѣихъ аудиторіяхъ было произнесено 51 чтеніе, на которыхъ присутствовало до 17,000 посѣтителей, изъ числа ихъ болѣе 12,000 безплатныхъ.

Кромѣ народныхъ чтеній, обществомъ устроено было 20 литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ присутствовало болѣе 10,000 человѣкъ. Сдѣланный въ 1892 г. опытъ устройства литературно-музыкальныхъ вечеровъ и на слободкѣ Романовкѣ, гдѣ главный контингентъ публики состоитъ изъ малограмотнаго или вовсе неграмотнаго чернорабочаго люда увѣнчался полнымъ успѣхомъ: въ первый же вечеръ аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ на немъ присутствовать. Литературная часть вечеровъ состояла въ чтеніи отрывковъ изъ *Женитьбы* и изъ *Ревизора* Гоголя и драматическихъ произведеній Островскаго (*Не такъ живи, какъ хочется, Не все коту масляница*). Музыкальная часть народныхъ чтеній въ городской аудиторіи и литературныхъ вечеровъ устраивалась благодар

любезности высшаго военнаго начальства, по распоряженію котораго присылался оркестръ военной музыки, и энергической дѣятельности А. А. Цѣновскаго, съумѣвшаго организовать весьма приличный оркестръ любителей.

Мѣсяцъ назадъ, а именно 10 октября, происходило въ Одессѣ, при огромномъ стеченіи гражданъ, открытіе сооруженной на средства города обширной аудиторіи для народныхъ чтеній. Торжественный характеръ открытія этого учрежденія подробно описанъ въ *Одесскомъ Листкѣ*. На торжество съѣхались всѣ высшіе чины города. Товарищъ городского головы, г. Лигинъ, въ рѣчи, обращенной къ собранію, сообщилъ исторію учрежденія зданія для народныхъ чтеній. Возникновеніемъ, развитіемъ и упроченіемъ въ Одессѣ важнаго дѣла народныхъ чтеній,—говорилъ г. Лигинъ,—мы обязаны всецѣло славянскому благоворительному обществу имени свв. Кирилла и Меѳодія. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ было исходатайствовано разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній при славянскомъ обществѣ. Съ 1888 года, вслѣдствіе переполненія аудиторіи на Ямской улицѣ, общество вынуждено было открыть еще другую, въ слободкѣ Романовкѣ, въ которой чтенія продолжаются и понынѣ съ постояннымъ успѣхомъ. Нѣкоторые члены общества отдавали всѣ свои досуги на устройство и улучшеніе дѣла; профессора университета читали публичныя лекціи для сбора необходимыхъ средствъ. Другія лица жертвовали деньги и разныя пособія. Самыя чтенія пріобрѣтали постепенно все большую популярность. За 10-ти лѣтній періодъ (съ 1882 по 1892 г.) было устроено 479 чтеній, на которыхъ перебывало около 200 тыс. человѣкъ, не считая 20 чтеній для нижнихъ воинскихъ чиновъ, привлекшихъ около 10 т. слушателей.

Въ 1886 году общество открыло Кирилло-Меѳодіевскій складъ дешевыхъ изданій и основало при немъ небольшую библіотеку для даровой выдачи книгъ на домъ. Въ какой мѣрѣ этотъ складъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности, можно судить по тому, что въ теченіе 6 лѣтъ было продано около 6 тыс. книгъ, а библіотека имѣла 2,157 абонентовъ, взявшихъ для чтенія 35,622 названія. Послѣдніе годы Кирилло-Меѳодіевскій складъ еще расширилъ свою дѣятельность выпускомъ собственныхъ общедоступныхъ изданій: до сихъ поръ выпущено 9 брошюръ въ количествѣ 27 тыс. экземпляровъ, которые нынѣ почти всѣ уже распроданы. Какъ естественнѣйшее и полезнѣйшее дополненіе къ народнымъ чтеніямъ, славянское общество ввело въ кругъ своей образовательной дѣятельности еще устройство общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Вечера эти имѣли полный успѣхъ. Пятьдесятъ пять вечеровъ, устроенныхъ до этого года, привлекли 30 тыс. посѣтителей, что составляетъ среднимъ числомъ болѣе 540 чел. въ вечеръ. Указанные въ краткихъ чертахъ результаты десятилѣтней дѣятельности славянскаго общества на пользу развитія и просвѣщенія одесскихъ гражданъ показали воочію, какъ велика потребность въ такихъ образовательныхъ средствахъ, какъ народныя чтенія, общедоступные музыкальные вечера и распространеніе хорошихъ дешевыхъ книгъ. Сознаніе этой потребности

побудило одесскую городскую думу придти на помощь славянскому обществу назначеніемъ ему ежегоднаго денежнаго пособія.

Видя же, однако, что дальнѣйшее развитіе этой существенной отрасли народнаго образованія задерживается отсутствіемъ подходящей и обширной аудиторіи, городское общественное управленіе стало останавливаться все болѣе и болѣе ня мысли о сооруженіи собственнаго зданія для этой цѣли.

Сдѣлавъ, далѣе, краткій историческій очеркъ по поводу сооруженія аудиторіи, г. Лигинъ продолжалъ: «Оглядываясь назадъ на длинный рядъ усилій и трудовъ, понесенныхъ при сооруженіи и устройствѣ открываемаго нынѣ зданія, городское управленіе съ особенною признательностью должно упомянуть о томъ горячемъ содѣйствіи, которое оказывали ему постоянно и словомъ, и дѣломъ члены славянскаго благотворительнаго общества во главѣ съ ихъ почтеннымъ предсѣдателемъ С. И. Знаменскимъ. Члены славянскаго общества были для насъ не только опытными совѣтниками, но и дѣйствительными сотрудниками, не жалѣвшими ни труда, ни времени для наилучшаго разрѣшенія множества вопросовъ, постоянно возникавшихъ при сооруженіи столь своеобразнаго по своимъ требованіямъ зданія, какъ настоящее. За эту помощь общему дѣлу мы приносимъ имъ наше сердечное спасибо. Мы желаемъ, чтобы ихъ просвѣтительная дѣятельность, въ начинающихся нынѣ новыхъ и лучшихъ условіяхъ, росла и развивалась, проливая все болѣе и болѣе свѣтъ вѣры и добра и знанія въ народонаселеніе дорогой намъ Одессы».

Затѣмъ слѣдовала рѣчь предсѣдателя одесскаго славянскаго общества г. Знаменскаго.

Сдѣлавъ краткій очеркъ дѣятельности славянскаго благотворительнаго общества по развитію дѣла народныхъ чтеній въ Одессѣ, г. Знаменскій съ удовольствіемъ констатировалъ, что идея славянскаго общества—ввести народныя чтенія въ жизнь Одессы—восторжествовала: народныя чтенія развились, окрѣпли и получили право гражданства. «Этотъ фактъ, — замѣтилъ лекторъ,—и вызываетъ радость и торжество славянскаго общества.

«Въ этотъ радостный и торжественный день привѣтствуемъ васъ, гг. представители одесскаго городского общественнаго управленія, съ окончаніемъ добраго и полезнаго дѣла. Приносимъ вамъ нашу душевную благодарность за помощь, оказанную городомъ народнымъ чтеніямъ во все время ихъ существованія, и за пріютъ, который городское общественное управленіе нынѣ предоставляетъ народнымъ чтеніямъ.

«Привѣтствуемъ и благодаримъ представителей нашего университета, которые не только своими знаніями и авторитетомъ способствовали развитію народныхъ чтеній и литературныхъ вечеровъ, но неоднократно оказывали намъ значительную матеріальную помощь.

«Привѣтствуемъ васъ, почтенные и безкорыстные дѣятели народныхъ чтеній и литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Въ новой аудиторіи вы съ большею пользой и удобствами будете примѣнять ваши силы, знаніе и искусство. Привѣтствуемъ васъ, присутствующіе и отсутствующіе, усердны

и постоянные посѣтители нашей аудиторіи. Въ новой аудиторіи вы будете имѣть тѣ удобства, какихъ не могла вамъ предоставить старая аудиторія. Приходите, слушайте и поучайтесь. Здѣсь каждый изъ васъ найдетъ для себя полезный и пріятный духовный матеріалъ».

При разъѣздѣ начальствующихъ лицъ и представителей одесскаго городского общественнаго управленія собравшаяся вокругъ зданія аудиторіи толпа народа шумно ихъ привѣтствовала.

Въ 8 час. пополудни состоялся въ аудиторіи первый литературно-музыкальный вечеръ при многочисленномъ стеченіи публики.

Среди лачужекъ «базара» зданіе народныхъ чтеній производитъ впечатлѣніе настоящаго дворца. Просторный залъ, хорошо освѣщенный керосиновыми лампами, производитъ выгодное впечатлѣніе. Обстановка удобная и изящная. Занавѣсь на сценѣ исполнена художественно. На ней написанъ видъ площади между фасадомъ городской думы и памятникомъ Пушкина, а въ перспективѣ видъ одесской гавани, съ ея многочисленными судами разныхъ типовъ. Видъ взятъ, очевидно, въ одинъ изъ іюльскихъ дней и площадь, оживленная многочисленною публикой изъ всѣхъ слоевъ Одессы, залита яркими лучами южнаго солнца.

Хоръ «народнаго дворца» состоитъ весь изъ студентовъ и считаетъ въ своемъ составѣ около 25 человѣкъ. Оркестръ состоитъ изъ любителей, среди которыхъ также не мало студентовъ; число участвующихъ доходитъ до 40 чел.

Настоящею новинкой для «народныхъ чтеній» является исполненіе драматическихъ пьесъ при полной театральной обстановкѣ. До сихъ поръ драматическія произведенія только читались, а теперь уже играются.

Дирекція «народныхъ чтеній» задалась обширною программой. Судя по энергіи и добрымъ желаніямъ ея членовъ, можно предсказать, что ей удастся провести свою программу. Въ новомъ зданіи предполагается устраивать, кромѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ обычнаго типа, еще и симфоническіе вечера, давать цѣлыя пьесы и читать популярныя лекціи на научныя темы. И надо думать, что одесскій «народный дворецъ» хотя отчасти приблизится къ тому «people palace», который устроенъ въ Лондонѣ для темнаго люда.

Да,—заключаетъ газета,—Одесса не можетъ не сказать теплаго «спасибо» устроителямъ «народныхъ чтеній», вносящимъ свѣтлый лучъ въ темное царство.

На-дняхъ въ *Русскія Вѣдомости* доставленъ проектъ устава «тифлисскаго общества попеченія о народномъ образованіи и просвѣщеніи». [ѣль этого новаго общества опредѣляется въ первыхъ двухъ §§ проекта:

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью оказывать посильное содѣйствіе распространенію образованія и просвѣщенія въ городѣ Тифлисѣ всѣми закономъ дозволенными средствами и способами.

§ 2. Сообразно съ этою цѣлью, общество 1) открываетъ школы грамотности, платныя и безплатныя; 2) устраиваетъ для взрослыхъ воскресныя школы и вечернія классы; 3) устраиваетъ публичныя лекціи и народныя чтенія; 4) основываетъ деше-

выя библіотеки, книжные склады и народныя читальни; 5) устраиваетъ общедоступныя литературныя и музыкальныя утра и народные спектакли; 6) оказываетъ матеріальную поддержку бѣднымъ ученикамъ въ своихъ школахъ, и 7) вообще принимаетъ всѣ дозволенныя закономъ мѣры, способствующія осуществленію цѣлей общества.

Примѣчаніе. На ряду съ заботой объ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей общество ставитъ одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ и физическое воспитаніе; для сего устраиваются при школахъ гимнастическія упражненія, безплатныя бани, прогулки для дѣтей и лѣтнія колоніи для дѣтей слабаго здоровья.

Общество открываетъ первоначально свои дѣйствія въ самомъ Тифлисѣ, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія матеріальныхъ средствъ, оно имѣетъ право распространить дѣятельность на весь Закаспійскій край.

Напечатавъ проектъ устава, газета сопровождаетъ его слѣдующими замѣчаніями. Нельзя не пожелать скорѣйшаго утвержденія этого общества, нельзя не пожелать полнаго успѣха въ достиженіи его полезныхъ цѣлей. У насъ есть уже не мало подобныхъ обществъ въ различныхъ провинціальныхъ городахъ и эти общества оказали и оказываютъ существенную поддержку дѣлу народнаго просвѣщенія.

Дѣятельность новаго тифлисскаго общества будетъ тѣмъ полезнѣе, что въ обширномъ районѣ его будущей дѣятельности нѣтъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, которымъ бы была поручена забота о сельскихъ школахъ.

Одновременно съ указаннымъ обществомъ, въ Тифлисѣ, по словамъ газеты *Сѣверный Кавказъ*, организуется еще другое общество, преслѣдующее экономическія задачи. Общество это возникаетъ стараніями небольшого кружка мѣстной интеллигентной молодежи. Цѣлью общества, организуемаго по примѣру петербургскихъ и другихъ, будетъ служить: доставленіе нуждающимся работы, открытіе мастерскихъ, обученіе ремесламъ, оказаніе денежной помощи больнымъ, неимущимъ и неспособнымъ къ труду и проч. Уставъ общества уже представленъ чрезъ подлежащія инстанціи на утвержденіе.

Столь же почтенное общество открыло въ текущемъ году свои дѣйствія въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ той части города, къ которой примыкаютъ заселенныя бѣдняками окраины, — сообщаетъ газета *Волгарь*, — стоитъ небольшой деревянный чистенькій домикъ, съ лаконическою надписью «Ясли». Это—дневной пріютъ для дѣтей нижегородскихъ бѣдняковъ, открытый въ самое недавнее время. Каждое утро, въ самый ранній часъ, какъ только распахнутся двери пріюта, сюда сходятся отовсюду бѣдныя городскія работницы: швейки, прачки, поденщицы, съ малыми дѣтьми на рукахъ... Начиная съ грудныхъ малютокъ 3 мѣсяцевъ до дѣтей 5-ти лѣтняго возраста—всѣхъ можно встрѣтить сдѣсь, въ этой пестрой толпѣ. Дѣтей приносятъ и приводятъ въ пріютъ бѣдныя ихъ матери или кто-нибудь изъ семейныхъ—для дневного призрѣнія.

Въ бѣдной семьѣ малыя дѣти для матери-работницы—большая помѣха. Отъ нихъ она не можетъ уйти днемъ на работу, а если уйдетъ, то дѣти остаются полуголодныя, безъ ухода и присмотра, на попеченіи чужихъ людей. Сиротливо и тяжело дѣтямъ на такихъ рукахъ, да и бѣдная мать [illegible]

покойна за нихъ, работая гдѣ-нибудь на противуположномъ концѣ города или на судовомъ каравансѣ, чтобы принести къ вечеру 30—40 к., составляющихъ дневной заработокъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы обрекать дѣтей на ежедневныя лишенія, бѣдная мать-работница несетъ ихъ въ «Ясли». Здѣсь осмотрятъ ребенка и, если онъ здоровъ, принимаютъ его на день. Въ «Ясляхъ» есть надзирательница, есть няньки. Дѣтей всѣхъ вообще одѣваютъ въ чистое бѣлье и платье, грудныхъ кладутъ въ колыбельки; тѣхъ, кто побольше, ведутъ въ свѣтлый просторный залъ, гдѣ есть всякія игры и занятія для дѣтей. Дѣтей накормятъ, займутся съ ними, устроятъ имъ игры. И дѣти, видя кругомъ себя ласковыхъ добрыхъ людей, весело проводятъ день, ни въ чемъ не нуждаясь, ничего не претерпѣвая, а, напротивъ, видя только любовный уходъ, ласку и довольство.

Каждый день въ «Ясли» пріѣзжаютъ дежурныя дамы, принадлежащія къ мѣстному интеллигентному обществу. Дежурства раздѣлены по часамъ и по днямъ; каждая знаетъ свой часъ и день; одна смѣняетъ другую. Дежурныя дамы наблюдаютъ за порядками въ «Ясляхъ», за правильностью ухода за дѣтьми. Въ «Ясли» пріѣзжаетъ очередной докторъ; на его обязанности осмотрѣть всѣхъ малютокъ и тѣмъ, кто болѣнъ, подать помощь.

Дѣтей принимаютъ въ «Ясли» лишь на время дня. Вечеромъ, въ 9 часовъ, за ними приходятъ родные и берутъ въ свои семьи до слѣдующаго утра. Такимъ образомъ, малыя дѣти не только призрѣваются, но и вполнѣ содержатся въ «Ясляхъ». Пріютъ «Ясли» спасаетъ малютокъ отъ всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ, которые такъ часто бываютъ за отсутствіемъ присмотра за дѣтьми, избавляетъ отъ лишеній и страданій, которыми начинается жизнь нашихъ бѣдняковъ.

Въ хроникѣ провинціальной жизни, напечатанной въ прошедшей книжкѣ нашего журнала, мы имѣли случай указать на выдающіяся усилія пермскаго и вятскаго земствъ къ улучшенію экономическаго положенія населенія. Нѣкоторыя изъ этихъ усилій совершенно новы, оригинальны и по своей плодотворности заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе и другія земства. Мы разумѣемъ здѣсь крайне интересный починъ шадринскаго земства, организовавшаго сельско-хозяйственныя артели.

Какъ извѣстно, за послѣднее время сильно увеличилось число крестьянскихъ дворовъ, у которыхъ не осталось ни живого, ни мертваго сельскохозяйственнаго инвентаря. Такія крестьянскія семьи, несмотря на владѣніе землей, вынуждены поддерживать себя временнымъ батрачествомъ и, въ концѣ-концовъ, совершенно забрасываютъ хозяйство и обращаются въ полныхъ сельскихъ пролетаріевъ. Шадринское земство приступило еще въ прошломъ году къ организаціи сельско-хозяйственныхъ артелей. Въ артель входило по шести дворовъ, на которые земство выдало: пару лошадей, два плуга, одну соху, озимыя яровыя сѣмена и картофель, въ количествѣ, соотвѣтствующимъ размѣрамъ запашки. Для покрытія податей, возврата сѣменной ссуды, уплаты долга по обзаведенію артели и увеличенія ея хозяйственнаго инвентаря отдѣляется извѣстная часть запашки (около семи деся-

тинъ), которая и обрабатывается всею артелью сообща. Остальную же часть земельнаго надѣла артели каждый хозяинъ обрабатываетъ за свой страхъ и въ личную свою пользу, соблюдая строгую очередь въ пользованіи инвентаремъ.

Такихъ артелей въ прошломъ году было организовано 55, и это не только спасло отъ нищеты 330 домохозяйствъ, но и вновь поставило ихъ на ноги въ хозяйственномъ отношеніи. Фактъ этотъ крайне изумилъ и обрадовалъ самихъ же крестьянъ, по просьбѣ которыхъ въ нынѣшнемъ году земство устроило 21 новую артель на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году, но съ тѣмъ лишь отличіемъ, что теперь на каждую артель полагается уже не по двѣ, а по три лошади, съ нѣкоторымъ, притомъ, увеличеніемъ и орудій обработки земли, глядя по мѣстнымъ условіямъ. Всего въ Шадринскомъ уѣздѣ дѣйствуетъ 76 такихъ артелей, обнимающихъ въ общей сложности 486 домохозяйствъ или, иначе, не менѣе 2,500 крестьянскаго населенія.

Эту сложную, крайне хлопотливую мѣру шадринское земство осуществило съ истинно-грошевыми средствами; оно израсходовало всего-на-всего 9,255 руб. Обзаведеніе каждой артели обошлось въ среднемъ въ 122 руб. Полный, ясный для всѣхъ успѣхъ хозяйственныхъ артелей вызвалъ длинный рядъ просьбъ со стороны крестьянъ—помочь имъ также артелями въ кустарномъ дѣлѣ. Въ виду этого, шадринская уѣздная управа организовала уже въ нынѣшнемъ году нѣсколько артелей плотниковъ, шорниковъ, сапожниковъ и кожевниковъ. Эти послѣднія артели, несмотря на кратковременность ихъ существованія, уже успѣли оказать наилучшее вліяніе въ экономическомъ отношеніи.

Поддержаніе разореннаго населенія посредствомъ хозяйственныхъ и ремесленныхъ артелей встрѣтило отчаянное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ кулаковъ; но земство успѣшно пока преодолѣвало это препятствіе, хотя и съ большимъ трудомъ. Въ результатѣ, какъ даютъ право заключить сообщаемыя данныя, шадринское земство съ ничтожнѣйшими денежными средствами спасло отъ нищеты и защитило отъ хищнической эксплуатаціи въ два послѣднихъ года болѣе 3,000 сельскаго населенія, прочно возвративъ ихъ, притомъ, къ самостоятельному хозяйственному труду.

Петербургскія Вѣдомости, первыя сообщившія большой публикѣ объ этомъ поучительнѣйшемъ земскомъ починѣ, задаются вопросомъ: не могло ли бы земство радикально пересоздать къ лучшему экономическое положеніе крестьянъ, еслибъ въ его распоряженіи имѣлись необходимыя для этого оборотныя денежныя средства? И, далѣе, газета высказываетъ пожеланіе, чтобы починъ шадринскаго земства получилъ дальнѣйшее развитіе и былъ бы подкрѣпленъ помощью государства.

Рядомъ съ хозяйственною дѣятельностью земство пермско-вятскаго края удѣляетъ также много вниманія и возможныя средства на народное просвѣщеніе. Во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи, кромѣ школъ, существуютъ также сельскія народныя библіотеки. Очень хорошо изображена

жизнь этихъ библіотекъ г. О—мъ въ газетѣ *Русская Жизнь*. Первый починъ въ дѣлѣ учрежденія сельскихъ народныхъ библіотекъ принадлежитъ, по словамъ г. О—ова, орловскому уѣздному земству. Оно въ 1887 году открыло кредитъ уѣздной управѣ въ 300 рублей на устройство двухъ безплатныхъ сельскихъ библіотекъ при училищахъ: великорѣцкомъ и верхошижемскомъ. Обѣ библіотеки были открыты 11 сентября 1888 года.

Въ день открытія великорѣцкой библіотеки абонировалось 15 человѣкъ, но въ теченіе года число ихъ достигло 142 человѣкъ; изъ нихъ 135 человѣкъ исключительно крестьяне, а остальные—разночинцы. Среди подписчиковъ были подростки отъ 12 до 14 лѣтъ, взрослые мужчины и почтенные старцы. Всѣхъ книгъ въ обращеніи находилось 288 томовъ и на нихъ было заявлено 1,428 требованій. Наибольшее число требованій предъявлено было на книги по беллетристикѣ—499 требованій, затѣмъ на книги религіозно-нравственнаго содержанія—385 требованій, по исторіи—303 требованія, по естествознанію—125 требованій и по сельскому хозяйству—112 требованій.

Въ верхошижемской библіотекѣ число подписчиковъ въ теченіе перваго года достигло 330 человѣкъ. Благодаря такимъ прекраснымъ результатамъ, полученнымъ въ первый же годъ, слѣдующее очередное земское собраніе ассигновало въ распоряженіе своей управы еще 300 рублей на пополненіе книгами открытыхъ библіотекъ, а равно уполномочило управу на возбужденіе ходатайства предъ подлежащими властями о разрѣшеніи на открытіе новыхъ библіотекъ при земскихъ училищахъ. Примѣръ орловскаго земства не прошелъ безслѣдно для другихъ земствъ губерніи. Такъ, сосѣднее съ орловскимъ, вятское земство осенью 1891 года открыло 4 сельскихъ народныхъ библіотеки при училищахъ: усть-чепецкомъ, кстиненскомъ, куменскомъ и ржанополомскомъ. Въ первый же годъ количество подписчиковъ здѣсь достигло почтенной цифры—567 человѣкъ, изъ которыхъ 550 человѣкъ принадлежатъ къ крестьянскому сословію. По возрасту подписчики распредѣляются такъ: отъ 8 до 15 лѣтъ 250 человѣкъ, отъ 15 до 20 лѣтъ—163 человѣка и отъ 20 до 65 лѣтъ—154 человѣка.

Въ теченіе года всѣми подписчиками было взято 7,775 книгъ или, въ среднемъ выводѣ, каждымъ подписчикомъ 13,7 книги, а каждая книга была въ обращеніи 6,8 раза.

И здѣсь наибольшее число требованій предъявлено было на книги по беллетристикѣ—2,313 треб., затѣмъ на книги съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ—2,215 треб.), далѣе по исторіи—1,534 треб., географіи—354 треб., біографіи великихъ людей—320 треб., естествознанію—219 треб. и сельскому хозяйству—164 требованія.

Требованія на книги въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ такъ велики, что завѣдующіе библіотеками не успѣваютъ удовлетворять ихъ.

Бываютъ дни,—пишетъ въ своемъ отчетѣ завѣдующій куменскою библіотекой,—когда приходятъ за полученіемъ книгъ 100 и болѣе человѣкъ. Принять отъ нихъ прочитанныя, выбрать и выдать другія книги для чте-

нія,—времени нужно не мало, такъ что послѣднимъ приходится выходить изъ библіотеки тогда, когда уже совершенно стемнѣетъ, въ особенности въ декабрѣ мѣсяцѣ. Нѣкоторымъ подписчикамъ приходится стоять на погахъ до 5 часовъ вечера, ожидая очереди, и, получивъ книги, идти домой за 6—10 верстъ.

Завѣдующій усть-чепецкою библіотекой въ своемъ отчетѣ говоритъ, что книги изъ библіотеки всегда брались охотно и прочитывались какъ взрослыми, такъ и подростками. Наиболѣе благопріятнымъ временемъ для чтенія являются осень и зима. За это время спросъ на книги былъ такъ великъ, что библіотека не могла удовлетворить всѣхъ требованій подписчиковъ. Многіе изъ подписчиковъ перечитаютъ свои книги и идутъ къ сосѣду мѣняться. Отъ многихъ подписчиковъ завѣдующему приходилось слышать, что за чтеніемъ книгъ проводятъ дни и прихватываютъ ночи. Рабочіе мѣстной спичечной фабрики читали книги послѣ 8 часовъ вечера, по окончаніи работъ, и просиживали иногда ночи за хорошею книгой.

«Приходитъ однажды ко мнѣ,—разсказываетъ завѣдующій великорѣцкой библіотекой,—дѣтина лѣтъ 25 съ просьбой записать его въ число подписчиковъ. Послѣ обычной процедуры записыванія, я, по обыкновенію, спросилъ его: «Какія же книги ты желаешь взять?—Дайте мнѣ *Юрія Милославскаго*, да вотъ выдайте еще эти книги,—и онъ подаетъ мнѣ клочокъ бумаги, на которомъ были записаны слѣдующія книги: *Троицкіе листки, Хижина дяди Тома, Земная жизнь Іисуса Христа* Пуцыковича, сочиненія Н. В. Гоголя томъ I-й, *Князь Серебряный*—А. Толстого и сочиненія А. С. Пушкина.

«— Отъ кого же ты узналъ, что книжки эти хороши?—спросилъ я его.

«— Да вотъ недавно ѣздилъ къ пашичамъ (названіе деревни) къ свояку въ гости, такъ онъ мнѣ читалъ *Юрія Милославскаго*, цѣлый день читали,—понравилось очень,—да и ночи-то много прихватили, а прочитать не успѣли,—велика очень книга-то. Своякъ беретъ здѣсь книги часто, онъ же мнѣ и далъ выписочку.

«А вотъ и другой фактъ. Приноситъ подписчикъ сдавать книги, и такъ какъ одну книгу изъ прежде взятыхъ онъ держалъ уже четыре недѣли, то я спросилъ его: «Что ты, Николай, не сдаешь *Троицкіе листки*, неужели еще не прочиталъ?—Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ,—я-то прочиталъ, да понравилась она деревенцамъ и просятъ, чтобъ я имъ прочиталъ, да всѣмъ собраться сразу не приходится, такъ въ третій разъ уже читаю; къ слѣдующему воскресенью кончу и принесу».

Само собою разумѣется, что приведенные факты какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о той громадной потребности въ книгахъ для чтенія, какая ощущается среди крестьянскаго населенія.

Выше мы указали на оригинальный хозяйственный починъ шадринска о земства. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ другой земскій починъ, направленный также на поднятіе народнаго благосостоянія. Мы говоримъ здѣсь объ учрежденіи нижегородскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ

«сельско-хозяйственнаго совѣта», свѣдѣнія о чемъ мы нашли въ газетѣ *Южный Край*.

Двадцатипятилѣтнее существованіе земскихъ учрежденій выяснило, что однимъ изъ недостатковъ земскаго управленія является то обстоятельство, что земскія управы не находятся въ такомъ близкомъ, непосредственномъ сношеніи съ населеніемъ, какое желательно. Отсюда, среди нѣкоторыхъ земствъ, возникло стремленіе къ созданію новаго органа земскаго самоуправленія, являющагося какъ бы посредникомъ между управою и населеніемъ. Впервые и рѣшительнѣе всего выступило на этомъ пути нижегородское земское собраніе. Оно учредило, въ этихъ видахъ, «сельско-хозяйственный совѣтъ», состоящій какъ изъ членовъ управы, такъ и изъ гласныхъ по выбору собранія. Вотъ этотъ-то совѣтъ, по своимъ функціямъ, представляетъ совершенно новый органъ земскаго самоуправленія.

Каковы же функціи этого совѣта? На обязанность совѣта возложено собраніе подробныхъ свѣдѣній о состояніи сельскаго хозяйства въ уѣздѣ путемъ какъ личныхъ наблюденій, такъ и путемъ полученія свѣдѣній отъ добровольныхъ корреспондентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на совѣтъ возложена забота объ улучшеніи сельскаго хозяйства съ его отраслями—садоводствомъ и огородничествомъ, для чего совѣтъ принимаетъ на себя хлопоты по доставкѣ улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, производителей для улучшенія породъ скота и лошадей, предлагаетъ улучшенные способы обработки земли, рекомендуетъ полезныя сельско-хозяйственныя растенія, устраиваетъ сельско-хозяйственныя школы, бесѣды, выдаетъ въ кредитъ сельско-хозяйственныя улучшенныя орудія и машины и, въ возвратъ изъ урожая, лучшія сѣмена.

Вторая, не менѣе важная задача совѣта состоитъ въ принятіи на себя переговоровъ по покупкѣ крестьянами изъ земельнаго банка помѣстій, а также разнороднаго сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ относительно переселеній, заявленныхъ крестьянами.

Независимо отъ вышеизложенныхъ задачъ на совѣтъ возложена и забота объ изученіи мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ и объ организаціи сбыта предметовъ кустарнаго производства.

Въ предѣлахъ вышеизложенной программы дѣятельности совѣтъ въ подлежащихъ случаяхъ уполномоченъ ходатайствовать о принятіи мѣръ, могущихъ содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія и сельскаго хозяйства въ уѣздѣ.

Что касается до денежныхъ средствъ совѣта, то таковыя состоятъ: изъ суммъ, ассигнуемыхъ земскимъ собраніемъ въ распоряженіе совѣта, изъ суммъ, ассигнуемыхъ совѣту правительственными учрежденіями и стными обществами, и, наконецъ, с) изъ добровольныхъ пожертвованій. ъ своей среды совѣтъ избираетъ особаго предсѣдателя и отчетъ о своей ятельности ежегодно представляетъ на утвержденіе уѣзднаго земскаго бранія. Такова въ общихъ чертахъ организація сельско-хозяйственнаго вѣта при нижегородской уѣздной земской управѣ.

Какъ видитъ читатель, означенный сельско-хозяйственный совѣтъ представляетъ собою расширеніе въ глубь дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ образованіи подобнаго рода совѣтовъ, по справедливому замѣчанію газеты, слѣдуетъ видѣть начало новой, благотворной дѣятельности земства.

За иниціативой нижегородскаго земства успѣли уже послѣдовать два другихъ земства: екатеринославское и клинское.

Въ екатеринославскомъ земствѣ, какъ сообщаетъ *Новороссійскій Телеграфъ*, однимъ изъ выдающихся земскихъ дѣятелей внесенъ проектъ положенія объ особыхъ сельско-хозяйственныхъ участковыхъ попечительствахъ, которыя должны служить посредниками между сельскимъ населеніемъ и земствомъ. Въ числѣ ближайшихъ задачъ попечительства стоятъ: наблюденіе за ходомъ сельскаго хозяйства въ подвѣдомственномъ ему участкѣ, распространеніе улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, устройство филіальныхъ отдѣленій земскихъ складовъ; въ тѣхъ же участкахъ, въ которыхъ развиты кустарные промыслы, попечительства заботятся также о нуждахъ и этой отрасли народнаго хозяйства. Участковыя попечительства дѣлаютъ представленія въ уѣздную земскую управу, но могутъ апеллировать и къ земскому собранію.

Клинское земство, въ видахъ улучшенія сельскаго хозяйства въ уѣздѣ, также рѣшило учредить особыя сельско-хозяйственныя участковыя попечительства, дѣятельностью которыхъ было бы наблюденіе за ходомъ сельскаго хозяйства въ участковомъ районѣ, распространеніе улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, устройство отдѣленій земскихъ складовъ, помощь и поощреніе кустарной промышленности и посредничество между населеніемъ и земствомъ.

Одну изъ давнишнихъ и наболѣвшихъ потребностей земскаго хозяйства составляетъ организація кредита для крестьянъ. Земство весьма озабочено этимъ въ высшей степени важнымъ дѣломъ, но скудость денежныхъ средствъ является неотразимымъ препятствіемъ къ его осуществленію. Земства неоднократно дѣлали представленія правительству о крайней необходимости взять государству на себя устройство мелкаго земледѣльческаго кредита. Въ правительственныхъ сферахъ дѣло это давно стоитъ на очереди, но какъ-то все откладывается. И вотъ, красноуфимское земское собраніе, въ послѣднюю свою сентябрьскую сессію, рѣшило, какъ сообщаетъ *Волжскій Вѣстникъ*, учредить собственный «земскій уѣздный банкъ». Земство это выработало проектъ устава банка и поручило управѣ хлопотать объ его утвержденіи. Предполагается выдавать ссуды крестьянскимъ обществамъ, правильно организованнымъ артелямъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ: п - вымъ двумъ группамъ за круговою порукой, послѣдней—подъ залогъ р - наго движимаго имущества, какъ хлѣбъ, кустарныя издѣлія и т. п. Отк - же, спроситъ читатель, красноуфимское земство получило деньги для устр - ства банка? Вотъ здѣсь-то и заключается нѣкоторая неопредѣленность - носительно размѣра дѣятельности проектируемаго банка. Дѣло въ томъ,) для образованія основного капитала отчислена пеня, которая наложена і

невзносъ земскихъ платежей, достигающихъ суммы въ 75 тысячъ рублей. Изъ нихъ 25 т. уже получены, а до 50 т. руб. числится на Кнаусскихъ казенныхъ заводахъ. О полученіи этой суммы земство уже хлопочетъ, и теперь снова постановлено просить правительство о выдачѣ пени съ присовокупленіемъ, что отъ этого зависитъ судьба такого полезнаго учрежденія, какъ земскій банкъ.

Въ другомъ земствѣ, именно въ спасскомъ (Казанской губ.), уѣздная управа предложила земскому собранію обратиться просто къ г. министру государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ о ссудѣ 12,000 руб. изъ $2^1/_2$ проц. годовыхъ для устройства «кассы ссудъ», долженствующей оказать помощь крестьянамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія скота. Необходимость такого ходатайства управа мотивировала сильнымъ сокращеніемъ рабочей силы крестьянскихъ хозяйствъ. За послѣдніе два года крестьяне лишились цѣлой трети имѣвшихся у нихъ лошадей; и къ 1-му мая текущаго года у крестьянъ цѣлаго уѣзда оставалось лишь 26,473 лошади. Земство не имѣетъ собственныхъ денежныхъ средствъ помочь населенію въ бѣдѣ. Оно обращаетъ вниманіе правительства на бѣду и ходатайствуетъ о помощи.

О массѣ добра, приносимаго земствомъ народу,— даже при отведенной ему ограниченной компетенціи и имѣющихся у него скудныхъ средствахъ, знаютъ только тѣ, которые слѣдятъ за дѣятельностью не того или другого отдѣльнаго земства, а за земской дѣятельностью вообще, за дѣятельностью органовъ самоуправленія обширной части пространства Европейской Россіи. Какой предметъ изъ возложенныхъ на земство задачъ ни возьмите, — будетъ ли это народное хозяйство, народное просвѣщеніе, народное здравіе, вездѣ вы видите живую земскую работу, причемъ между земствами разныхъ губерній и уѣздовъ существуетъ, такъ сказать, взаимное обученіе. Полезная иниціатива, удачная мѣра одного земства вызываетъ сознательное подражаніе у другихъ земствъ. Вотъ, напримѣръ, саратовскому земству удалось достигнуть блестящихъ результатовъ въ борьбѣ съ чумой рогатаго скота. Оно печатаетъ въ своемъ журналѣ обширную статью, въ которой сообщаетъ, какими способами достигло оно такихъ результатовъ. Дѣятели другихъ земствъ прочтутъ статью и примѣнятъ возможное къ своей мѣстности. И правду сказать, результаты работы саратовскаго земства по этому предмету настолько крупны, что на нихъ стоитъ остановиться.

Въ 1886 году саратовское земство ввело новую организацію ветеринарной части въ губерніи. Во главѣ этого дѣла были поставлены земствомъ спеціалисты - врачи, которые руководили всей ветеринарной организаціей коллегіально, при рѣшающемъ участіи земской управы. До введенія новой организаціи, въ среднемъ по губерніи ежегодно было 108 чумныхъ пунктовъ, а съ 1886 по 1890 г., т.-е. за первое четырехлѣтіе послѣ введенія новой ветеринарной организаціи, въ губерніи было 42 пункта въ годъ или $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ предъидущій періодъ. За періодъ времени съ 1882 по 1886 годъ губернія теряла отъ чумы ежегодно по

28,459 головъ рогатаго скота, а за время съ 1886 по 1890 годъ—лишь по 2,064 головы, т.-е. въ 13 разъ меньше. Это сбереженіе отъ потери меньшаго количества скота (на 19,754 головы), оцѣнивая таковой только по 15 рублей за голову, составляетъ крупную для населенія экономію въ 296,310 руб. въ годъ. Съ 1891 г. губернія считается освободившейся отъ чумной эпизоотіи, и послѣдняя появлялась лишь случайно путемъ заноса изъ сосѣднихъ губерній и областей. Результатъ блестящій, и обязано населеніе саратовской губерніи такимъ результатомъ противучумной дѣятельности тому, что новая организація практиковала и новый способъ. Этотъ способъ состоитъ въ самомъ широкомъ примѣненіи поголовной термометріи, въ подворномъ разобщеніи пораженныхъ стадъ или раздѣленіи ихъ на мелкія изолированныя партіи, съ убиваніемъ *только* явно больныхъ или лихорадящихъ животныхъ. Другія земства, какъ извѣстно (напримѣръ, самарское), сразу вводили *поголовное* убиваніе скота въ пораженныхъ пунктахъ, и раззорились на этихъ мѣропріятіяхъ, не говоря уже о томъ, что такая система вызвала цѣлый рядъ чумныхъ бунтовъ, съ ихъ печальными послѣдствіями. Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что громадное значеніе въ успѣхѣ противучумной дѣятельности должно приписать тому, что саратовское земство всегда принимало самыя широкія предупредительныя мѣры отъ заноса чумы изъ другихъ губерній и областей.

Съ финансовой точки зрѣнія результатъ противучумной дѣятельности саратовскаго губернскаго земства съ 1886 г. таковъ. Съ 1886 по 1891 г. включительно, т.-е. до полнаго прекращенія чумной эпизоотіи въ губерніи, земство израсходовало на прекращеніе чумы и содержаніе всего ветеринарнаго персонала 356,465 руб. 75 коп., но въ счетъ этой суммы получило $1^1/_2$-процентнаго сбора съ гуртового скота, что составило 103,334 р. 30 коп.; слѣдовательно, изъ собственныхъ средствъ земство израсходовало только 253,131 руб. 45 к. за шесть лѣтъ. Если имѣть въ виду, что до новой организаціи, отъ чумы падало въ губерніи ежегодно не менѣе 28,459 головъ, то за шесть лѣтъ населеніе рисковало потерять отъ чумы 170,754 головы скота; если этотъ скотъ цѣнить только по 10 руб. за голову, то онъ стоитъ 1.707,540 руб., которые сохранены населенію за взятые съ него на противучумную организацію 253,131 руб., т.-е. населеніе сберегло за этотъ шестилѣтній періодъ отъ меньшей потери скота 1.454,409 руб., или такую сумму, однихъ процентовъ съ которой теперь съ избыткомъ достаточно на покрытіе всѣхъ расходовъ земства по ветеринарной организаціи.

Саратовскій Дневникъ, сообщающій эти свѣдѣнія, такъ резюмиру статью, напечатанную въ *Сборникѣ саратовскаго земства*: 1) съ 189 земство добилось полнаго освобожденія губерніи отъ чумной эпизоотіи; ежегодные расходы земства на это дѣло, въ среднемъ, не превыш 42,188 р. 59 к., что составитъ сумму въ пять разъ меньше той, ка губернія расходовала ежегодно въ теченіе пятилѣтія, предшествовавш введенію новой организаціи; 3) благодаря такой полезной дѣятельно

губернскаго земства, населеніе губерніи сберегло съ 1886 г. по 1891 годъ 1.454,409 руб.; 4) правильная организація ветеринарнаго дѣла дала возможность губернскому земству, помимо охраны губерніи отъ заноса чумы и скорѣйшаго прекращенія послѣдней въ случаѣ ея появленія, утилизировать ветеринарный персоналъ для борьбы съ другими заразительными болѣзнями домашняго скота, а также для развитія ветеринарной помощи больнымъ животнымъ и для операціи добровольнаго земскаго страхованія скота.

А вотъ еще отрадный фактъ изъ земской дѣятельности. Тверское уѣздное земство въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи достигло, наконецъ, того, что *почти всѣ мальчики школьнаго возраста посѣщаютъ начальную школу*. На очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, открывшемся 6 октября, сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, по вопросу о *народномъ образованіи* земскими членами училищнаго совѣта былъ прочитанъ докладъ, заключающій свѣдѣнія о школахъ за послѣдній годъ. Изъ доклада этого видно, что успѣхи народной школы въ уѣздѣ ростутъ съ каждымъ годомъ, и одна изъ главныхъ задачъ земства въ дѣлѣ распространенія грамотности въ народѣ, доступность школы для всего населенія—въ настоящее время очень близка къ осуществленію; почти всѣ мальчики школьнаго возраста (болѣе 95%) посѣщаютъ начальную школу (изъ дѣвочекъ въ школу ходятъ около ½). Быстрые успѣхи земской школы объясняются, главнымъ образомъ, сочувственнымъ отношеніемъ земства къ этому дѣлу и значительными денежными затратами на устройство и содержаніе школъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, смѣта по народному образованію была увеличена на 4 т. р. Въ текущемъ году, благодаря открытію нѣсколькихъ новыхъ школъ, увеличенію нѣкоторыхъ мелкихъ расходовъ и ассигновкѣ 700 руб. на пополненіе школьныхъ библіотекъ, смѣтная статья по народному образованію была еще немного увеличена и утверждена земскимъ собраніемъ въ размѣрѣ 35,418 р. (что составитъ около ¼ земскаго бюджета). Собраніе постановило въ каждую вновь открываемую школу посылать библіотечку изъ книгъ для внѣкласснаго чтенія, цѣною въ 25 р., и ежегодно всѣ школьныя библіотечки пополнять новыми книгами, на сумму около 5 р. Еще два года назадъ въ тверскомъ уѣздномъ собраніи явилась мысль устроить въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ селахъ уѣзда *сельскія народныя библіотеки* на основаніи правилъ 15 мая 1890 г.; въ прошломъ году управой, совмѣстно съ членами училищнаго совѣта, былъ выработанъ уставъ этихъ библіотекъ и послано ходатайство объ утвержденіи его и объ открытіи въ намѣченныхъ этихъ пунктахъ уѣзда библіотекъ. Такъ какъ на ходатайство это еще не получено отвѣта, то нынѣшнее собраніе постановило повторить это ходатайство.

Къ сожалѣнію, мало имѣется земствъ, которыя могутъ выдѣлить изъ своего бюджета на народное образованіе такую сумму, чтобы сдѣлать начальную школу доступною для всего населенія школьнаго возраста. Ото-

всюду идутъ свѣдѣнія, что существующія школы, по недостаточности и по тѣснотѣ своей, вмѣщаютъ далеко не всѣхъ желающихъ учиться; что число желающихъ поступить въ школы почти вездѣ въ два, три и болѣе раза превышаетъ число принимаемыхъ. Въ то же время, огромное число школъ не удовлетворяютъ самымъ невзыскательнымъ требованіямъ гигіены. Оффиціальные отчеты инспекторовъ народныхъ училищъ пестрятъ отзывами вродѣ слѣдующихъ: «училище душно, тѣсно, требуетъ немедленнаго расширенія; головныя боли и головокруженія суть обычныя явленія; училище можетъ вмѣстить 23, было же 66 человѣкъ; комната холодная, вентиляціи нѣтъ; тѣснота помѣщенія, наплывъ учащихся, недостатокъ воздуха, сырость и невыносимый холодъ дѣлаютъ школьныя занятія весьма затруднительными и вліяютъ на здоровье учащихъ и учащихся». И вотъ передъ земствомъ такая дилемма: строго держаться школьной гигіены и сократить тогда число школъ, или открывать двери школы возможно большему количеству желающихъ учиться, допуская при этомъ нерѣдко нарушеніе требованій гигіены. Выборъ труденъ. И то, и другое—великое зло. Въ большинствѣ случаевъ земство выбираетъ средній путь.

Земство непрестанно испытываетъ крайне затруднительное положеніе: предъ нимъ серьезная задача поднять умственный и матеріальный бытъ народа, а скудные бюджеты не позволяютъ ему осуществить многое изъ того, что оно справедливо считаетъ чрезвычайно необходимымъ. А между тѣмъ существуетъ цѣлая фракція, которая очень желала бы еще далѣе урѣзать земскую дѣятельность. Представители этой фракціи имѣются и среди самого земства. *Русскія Вѣдомости* указываютъ на одинъ изъ характерныхъ признаковъ нашего времени: это—на отрицательное отношеніе среди нѣкоторыхъ земцевъ къ народной школѣ и къ народной медицинѣ. Походъ противъ этихъ симпатичныхъ теченій русской жизни особенно усилился за послѣдніе годы. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета. Оживленіе, замѣтно сказавшееся въ области народной школы и народной медицины, подверглось самому серьезному испытанію за послѣдніе неурожайные годы, при ослабленіи экономическихъ средствъ земства и вообще населенія. Но это испытаніе только выказало, насколько серьезно поставлено начавшееся дѣло. Между гласными, конечно, нашлись лица, которые пожелали воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ земскаго бюджета и, въ увѣренности соблазнить собранія видами на крупную экономію, на этой-то почвѣ повели самую рѣшительную аттаку противъ начальной школы, противъ народной медицины; но ихъ разсчетъ, казалось бы столь вѣрный, не оправдался: не только «сократительныя» предложенія не нашли достаточнаго сочувствія и не были приняты, но еще очень часто земскія собранія, при всей стѣсненности своей кассы за эти тяжелые годы, дѣлали постановленія о той или другой дополнительной ассигновкѣ по народному образованію, по медицинѣ. Въ то время, какъ мнимые оберегатели народныхъ интересовъ говорили о нуждѣ населенія и, вмѣсто предложенія извѣстныхъ ассигновокъ на пособіе нуждающимся, заявляли свои тре-

ванія о сокращеніи полезныхъ для народа учрежденій, гласные изъ крестьянъ, единодушно и съ полнымъ сознаніемъ, голосовали за поддержаніе и усиленіе этихъ самыхъ учрежденій.

Подымающіяся, время отъ времени, въ извѣстной части печати нападки на земскую школу, будто бы въ ней ведется небрежно преподаваніе закона Божія, будто законоучители лишены религіознаго надзора за школою,— эти нападки рѣшительно отвергаются самими оффиціальными лицами, инспекторами народныхъ училищъ, лица эти, сверхъ того, открыто свидѣтельствуютъ о большихъ заслугахъ земской школы. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ *Русской Жизни* сообщаетъ, что на происходившемъ недавно каргопольскомъ земскомъ собраніи очередной сессіи выдающійся успѣхъ имѣлъ рефератъ по народному образованію директора народныхъ училищъ олонецкой губерніи, г. Мартынова. Основныя положенія реферата обрисовали предметъ въ такомъ видѣ. Хотя наши земскія училища, повидимому, поставлены на прочную почву, тѣмъ не менѣе, чтобы разъ навсегда покончить съ ходячимъ мнѣніемъ недоброжелателей народнаго просвѣщенія, рѣшающихся и понынѣ утверждать, что земству своихъ школъ содержать не слѣдуетъ, такъ какъ, съ одной стороны, дѣти, по выходѣ оттуда, вскорѣ забываютъ все, чему ихъ тамъ учили, а съ другой—будто бы типъ этихъ училищъ разлагающе дѣйствуетъ на народную нравственность,— нынѣшнею весною были произведены повѣрочныя испытанія всѣмъ прежде окончившимъ курсъ въ этихъ училищахъ. Результатъ этихъ испытаній оказался самымъ блестящимъ. Такъ, никто изъ этихъ лицъ не только не забылъ грамоты, но на предложенный имъ вопросъ: «какую пользу ты видишь для себя отъ грамотности» — послѣдовали осмысленные, письменные отвѣты: «будучи грамотнымъ, ежели хожу въ церковь, то могу понять, что тамъ читается, и самъ въ церкви могу читать и пѣть»; что «грамота научила меня повиноваться старшимъ, любить родителей и ближнихъ»; что «въ свободное время могу прочитать божественную или другую хорошую книгу»; что «могу написать письмо и прочитать неграмотному», и пр., и пр.... Покончивъ съ этой стороной дѣла, директоръ закончилъ свое интересное сообщеніе такъ: «Пусть что угодно клевещутъ на народное образованіе его недоброжелатели, но не достигнуть имъ того, чего хочется. *Благодаря честнымъ и высокимъ стремленіямъ и заботамъ русскаго земства,* народилось на Руси народное просвѣщеніе и крѣпко пустило корни въ народное сознаніе. Подорвать или ослабить ростъ народнаго просвѣщенія было бы грѣшно предъ отечествомъ и судомъ потомства. Наконецъ, если благосостояніе народа заключается въ его богатствѣ, которое всегда находилось въ прямой зависимости отъ степени народнаго просвѣщенія, то стремиться къ уничтоженію или сокращенію народныхъ училищъ равносильно было бы распродажѣ послѣдняго сокровища народа»...

Съ цѣлью выяснить по возможности непосредственно изъ устъ самого народа вопросъ объ отношеніи населенія къ школѣ и о вліяніи школы на народъ, время отъ времени, въ разныхъ концахъ нашего отечества, част-

ными лицами предпринимаются опыты собиранія подобныхъ свѣдѣній. Въ послѣднее время такой опытъ предпринятъ редакціей журнала *Русскій Народный Учитель*. Журналъ разослалъ народнымъ учителямъ вопросы, прося ихъ собрать отъ бывшихъ школьныхъ учениковъ собственноручные отвѣты. Лицъ, собиравшихъ отвѣты, редакція просила «предоставить на волю отвѣчающихъ давать подробные или краткіе отвѣты, отрывочные или связные, вообще обставить дѣло такъ, чтобы получить отвѣты вполнѣ искренніе, не выдуманные и не сочиненные».

Вотъ вопросы, предложенные редакціей:

«1) Чѣмъ занимался по выходѣ изъ школы? 2) Много ли приходилось читать и гдѣ достаетъ книги? 3) Часто ли приходится писать? Что писалъ? 4) Хорошо ли было въ школѣ? 5) Что хорошаго прочелъ въ книгахъ? 6) Что говорятъ въ деревнѣ про школу и ученье? 7) Такъ ли живутъ грамотные, какъ неграмотные, и какъ надо жить?»

Пока доставлено 394 отвѣта изъ 25 училищъ. Училища эти разбросаны по пятнадцати губерніямъ и областямъ сѣверной, южной, восточной, западной и центральной Россіи. Писавшіе отвѣты окончили курсъ въ разное время, начиная съ 1866 по 1893 г. Такимъ образомъ, имѣющіеся въ распоряженіи редакціи отвѣты обнимаютъ въ общемъ періодъ дѣятельности народной школы за 27 лѣтъ въ разныхъ частяхъ имперіи. Результатъ получился какъ нельзя болѣе благопріятный для такъ называемой «министерской» или «земской» народной школы, слишкомъ опрометчиво обвиняемой въ «нерасположеніи» къ ней сельскаго населенія. Какъ видно изъ отвѣтовъ, учившіеся въ школахъ продолжаютъ съ любовью и уваженіемъ относиться къ ней и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о своей школьной порѣ. Они охотно откликались вездѣ на призывъ писать отвѣты и съ удовольствіемъ занимались этимъ дѣломъ: одни въ школахъ, другіе — у себя на дому. Понятно, отвѣты получались крайне разнообразные по формѣ, объему и содержанію; но, какъ удостовѣряетъ редакція названнаго педагогическаго журнала, «въ каллиграфическомъ и орѳографическомъ отношеніи отвѣты написаны вообще удовлетворительно для прошедшихъ только курсъ начальной школы». «Изложеніе отвѣтовъ переполнено мѣстными словами и оборотами рѣчи; но это не мѣшаетъ ему быть яснымъ и для всякаго грамотнаго понятнымъ, а съ другой стороны свидѣтельствуетъ о непосредственности отвѣтовъ». Журналъ отмѣчаетъ, между прочимъ, отсутствіе жалобъ на продолжительность 3-хъ лѣтняго курса школы; напротивъ, встрѣчаются жалобы на кратковременность его.

Вообще, за послѣднее время наблюдается два важныхъ явленія въ области народнаго начальнаго просвѣщенія. Съ одной стороны, народная школа успѣха завоевать серьезное сочувствіе населенія, что даетъ ей важную нравственную и отчасти матеріальную поддержку; съ другой стороны, дѣло народной школы болѣе и болѣе привлекаетъ среди интеллигентныхъ общества то вниманіе, которое оно заслуживаетъ. Эти два явленія стоятъ въ извѣстной связи, вліяютъ другъ на друга. Какъ результатъ вни-

тельнаго отношенія общества къ нуждамъ народной школы все чаще и чаще являются пожертвованія на дѣло народнаго образованія, пожертвованія крупныя и мелкія. Въ послѣднее время обратило на себя большое вниманіе общества щедрое пожертвованіе, сдѣланное оберъ-камергеромъ Э. Д Нарышкинымъ. Г. Нарышкинъ пожертвовалъ 200 тысячъ рублей обществу для устройства народныхъ чтеній въ Тамбовѣ и въ Тамбовской губерніи. Столь крупныя пожертвованія дѣлались до сихъ поръ только на высшее и среднее образованіе. Среди привѣтствій, встрѣтившихъ этотъ даръ въ пользу народнаго начальнаго образованія, пріятно было встрѣтить также привѣтствіе бывшаго саратовскаго губернатора, нынѣ командира 4-го армейскаго корпуса, генерала Косича,—этого добраго русскаго человѣка *земца въ самомъ истинномъ значеніи слова*. Привѣтствіе это, напечатанное въ *Русской Жизни*, представляетъ настолько серьезный интересъ, что мы считаемъ весьма не лишнимъ сдѣлать его извѣстнымъ нашимъ читателямъ. Вотъ его содержаніе:

«Глубокочтимый Эммануилъ Дмитріевичъ!

«Въ 1890 году, когда я былъ саратовскимъ губернаторомъ, вы обратились ко мнѣ, по старому знакомству, по поводу одного обстоятельства съ письмомъ.

«Отвѣчая, я воспользовался случаемъ, чтобы выразить вамъ мое глубокое уваженіе къ вашей благотворительной дѣятельности въ Тамбовскомъ краѣ. Теперь вся Россія узнала изъ царскаго рескрипта о всей широтѣ вашей просвѣщенной благотворительности. Она явилась какъ нельзя болѣе кстати.

«Наше просвѣщеніе, не соразмѣривъ условій русской жизни, начавъ съ верхушекъ, оставляло низы во мракѣ почти доисторическомъ. Между тѣмъ, силою судебъ задачи русскаго правительства громадны; намъ нужно и огромную границу сохранить, и необъятныя окраины обрусить. На все это необходимо много денегъ и много просвѣщенныхъ людей, которыхъ, при нашей некультурности, оказалось недостаточно, и для нашихъ внутреннихъ обыденныхъ дѣлъ приходится довольствоваться самымъ микроскопическимъ, земскимъ бюджетомъ.

«Поэтому и произошло то «оскудѣніе», которое такъ превосходно описано тамбовцемъ же. Все это угнетающимъ образомъ отразилось на русской внутренней провинціи,—она погрузилась въ глубокій сонъ.

«И. С. Аксаковъ, въ одной изъ своихъ передовыхъ статей, лѣтъ 20 назадъ, спрашивалъ: «не слыхали ли, гг., что сдѣлалось съ Тамбовскою губерніей? Отовсюду, хоть кое-когда, а прокинется слово; изъ Тамбовской же губерніи, съ ея почти 3-хъ милліоннымъ населеніемъ, ни одного звука. Да существуетъ ли она въ дѣйствительности?»

«Между тѣмъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, параллельно которымъ, по своей бѣдности, ходитъ до сихъ поръ еще простой русскій человѣкъ пѣшкомъ, Тамбовская губернія, съ ея нѣкогда многолѣтними запасами хлѣба, долча вывозила ихъ и продавала свою черноземную силу, за безцѣнокъ,

нѣмцамъ, а сама осталась въ 1891 году голодающею. Прежде въ Россіи хлѣбными запасами не тяготились, за то рѣже ѣли лебеду и не слыхали о таможенной войнѣ, зная одно, что настоящую войну безъ денегъ вести трудно, безъ хлѣба же совсѣмъ нельзя.

«Точно такъ и Малороссія, распахавъ свои степи, также лихорадочно спѣшила сбывать, по дешевой цѣнѣ, свой хлѣбъ за границу. И въ нашей благодатной Украйнѣ, вмѣсто богатства народа, круторогаго вола, которому чумаки, въ благодарность, золотили рога, появилась худоконная кляча; теперь эту клячу крестьянину приходится, за недостаткомъ кормовъ, пасти, на поводу, при дорогахъ, забираясь въ чужой хлѣбъ, когда нѣтъ объѣздчика.

«И такъ, нынѣ, благодаря царскому слову, вся Россія узнала, что въ Тамбовской губерніи есть дѣятель, которому не только не страшенъ подоходный прогрессивный налогъ, но что онъ самъ добровольно внесъ щедрую лепту, чтобы зажечь свѣточъ въ темномъ Тамбовскомъ краѣ. Вами во-истину, по-евангельски, подана рука разслабленному, со словами Христа: «встань, возми одръ свой и ходи».

«Заканчиваю письмо вмѣстѣ съ пожеланіемъ вамъ, истинный гражданинъ земли Русской, всякого благополучія, словами поэта:

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда,
Сначала городъ былъ опальный,
Теперь же городъ хоть куда.

«Съ отличнымъ уваженіемъ, преданный вамъ *А. Косичъ*».

На дняхъ газеты сообщили о двухъ новыхъ значительныхъ пожертвованіяхъ на народныя школы. Недавно умершій въ Курскѣ попечитель мѣстной учительской школы Ждановъ оставилъ курскому земству 100 тысячъ рублей на нужды народнаго образованія въ Курской губерніи *(Курскій Листокъ)*. Умершій въ Ментонѣ отставной ротмистръ Н. П. Фребеліусъ завѣщалъ весь свой капиталъ въ наличныхъ деньгахъ и процентныхъ бумагахъ (свыше 60,000 руб.) въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы самый капиталъ находился на храненіи въ одномъ изъ государственныхъ учрежденій, а на проценты съ него содержать народныя школы (*Одесскій Листокъ*).

Дѣятельность земства, городовъ и многочисленныхъ обществъ и кружковъ въ области народнаго, начальнаго образованія и усиливающіяся пожертвованія на просвѣтительныя цѣли являются свѣтлымъ лучомъ среди многихъ неприглядныхъ явленій въ нашемъ современномъ общественно[illegible] настроеніи. Въ то время, какъ путемъ образованія народа имѣютъ въ в[illegible] возвысить въ немъ чувство человѣческаго достоинства, общественные с[illegible] *Гражданина* и родственныхъ ему органовъ прессы вопіютъ объ усиле[illegible] розогъ, о возвращеніи къ порядкамъ крѣпостного права. До какой цин[illegible]ной откровенности договариваются эти органы печати, яркой иллюстра[illegible]

этому можетъ служить сужденіе одесской консервативной газеты *Новороссійскій Телеграфъ* по дѣлу г. Гижицкаго. Дѣло было такое:

Нѣсколько рабочихъ копали ямки на землѣ г. Гижицкаго для отдѣленія ея отъ земли желѣзной дороги. Подъѣзжаетъ къ нимъ г. Гижицкій, ананьевскій уѣздный предводитель дворянства, и спрашиваетъ, что они дѣлаютъ и по чьему приказанію. Результатомъ объясненія явилось «оскорбленіе дѣйствіемъ» со стороны г. Гижицкаго одного изъ рабочихъ, крестьянина Коваля. Дѣло разбиралось въ одесскомъ окружномъ судѣ. Свидѣтели показали, что г. Гижицкій ударилъ Коваля по лицу неизвѣстно за что. Судъ приговорилъ предводителя дворянства къ аресту на четыре дня.

Газета *Новороссійскій Телеграфъ* возмущена этимъ приговоромъ. И какъ отвратительны мотивы возмущенія газеты! Она считаетъ такой приговоръ несправедливымъ, такъ какъ онъ состоялся *во имя равенства всѣхъ передъ судомъ*. Она полагаетъ, что когда дворянинъ бьетъ крестьянина, рабочаго, то для нихъ въ томъ нѣтъ никакой обиды, ибо «оскорбленія наносятъ другъ другу равные. Странно подумать,—восклицаетъ газета,—предводитель, оскорбляющій рабочаго!» Газета находитъ, что «несвоевременно намъ проповѣдывать эти либеральныя ученія», а потому она ожидала «отъ окружнаго суда менѣе формальнаго и болѣе согласнаго съ дѣйствительною жизнью приговора, а такой приговоръ могъ быть только оправдательный».

Новороссійскій Телеграфъ выразилъ крѣпостническія тенденціи реакціонной печати съ той откровенностью, за которую ему, можетъ быть, не будутъ благодарны его единомышленники, старающіеся выражать тѣ же стремленія въ менѣе рѣзкой формѣ.

Невыносимо тяжела была бы общественная атмосфера, еслибъ архаическія воззрѣнія и человѣконенавистническія чувства нашей реакціонной прессы пользовались господствующимъ значеніемъ. Но къ счастью, этого нѣтъ. Общественные слои, примыкающіе къ этой прессѣ, достаточно тонки и число людей, скромно и самоотверженно работающимъ на пользу и просвѣщеніе народа ростетъ все быстрѣе и быстрѣе. И народъ хорошо понимаетъ и любитъ ихъ. «Приходилось мнѣ,—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ *Саратовскаго Дневника*,—встрѣчаться съ народными дѣятелями, живущими въ деревнѣ. Они и щи-то ѣдятъ съ тараканами, и локти-то у нихъ продраны,—но все это для нихъ вознаграждается сознаніемъ приносимой пользы и любовью окружающаго населенія. Мужикъ ихъ чуть не на рукахъ носитъ, къ каждому слову ихъ относится съ величайшимъ вниманіемъ, въ каждомъ дѣлѣ съ ними совѣтуется. Случилось ли судебное дѣло, надобилось ли грамотку сыну послать, или просто захотѣлось послушать ченіе умной книжки, мужикъ идетъ къ Лександрѣ Лексѣичу, и что бы ни сказалъ ему этотъ Лександра Лексѣичъ, мужикъ ему вполнѣ вѣритъ. Лександра Лексѣичъ въ его глазахъ непогрѣшимый авторитетъ. Проведите у такого интеллигентнаго человѣка зимній день и вы удивитесь, съ какой неистощимой энергіей онъ работаетъ въ маленькой курной избенкѣ, съ ды-

рявымъ, а то и просто земляным поломъ. Съ 8 часовъ утра до 2 онъ возится съ ребятишками; отдохнетъ полчаса, а тамъ опять тоже до шести. Съ 6 часовъ до 10—12 онъ читаетъ книжки взрослымъ. А слушателей у него всегда много. Иной разъ ихъ столько набьется, что, по пословицѣ, яблоку негдѣ упасть, и почти всѣ слушаютъ стоя. И онъ еще находитъ время и въ газеты писать, и самообразованіемъ заниматься. Книгъ у него пропасть. Живетъ онъ бѣдно, чай пьетъ не всегда, одѣвается во что-то такое, что съ равною правдоподобностью можно назвать и пиджакомъ, и бабьей куцевейкой, спитъ на саломѣ, получаетъ за свой трудъ гроши. И при всемъ томъ онъ веселъ, доволенъ, почти счастливъ».

Когда приходится встрѣчать въ далекой глуши безкорыстныхъ, самоотверженныхъ распространителей свѣта,—говоритъ г. Хирьяковъ въ статьѣ *Деревенскіе свѣтляки*, напечатанной въ *Русской Жизни*,—когда видишь, какъ они исполняютъ свою тяжелую работу такъ просто, такъ спокойно, нисколько не думая о своемъ значеніи, когда видишь эту твердую вѣру въ справедливость взятаго на себя дѣла,—тогда готовъ и самъ повѣрить, что близится царство просвѣщенія, что добро, которое сѣютъ эти безвѣстные сѣятели, обладаетъ такими жизненными свойствами, что никакія силы мрака не могутъ ихъ одолѣть. И тогда чувство глубокаго благоговѣнія передъ этими людьми невольно охватываетъ вашу душу.

Далѣе г. Хирьяковъ разсказываетъ свою крайне интересную встрѣчу съ однимъ изъ такихъ безвѣстныхъ сѣятелей знанія. Эта встрѣча произошла на хуторѣ, затерявшемся въ необъятныхъ пространствахъ одной изъ восточныхъ губерній.

«Былъ яркій зимній день, когда, выйдя на дворъ, по которому бродили жеребята, подбирая остатки разбросаннаго сѣна, я увидѣлъ молодого парня въ желтоватомъ дубленомъ полушубкѣ. Парень медленно входилъ во дворъ, слегка перегнувшись подъ тяжестью большого лубяного короба.

— Книжекъ не надо ли?

— Пожалуйста, какъ же, покажите.

Книжекъ! Только въ деревенской глуши можно оцѣнить, какъ слѣдуетъ, что значитъ книга. Въ городѣ книга очень часто — забава нѣсколькихъ часовъ, на другой день уже забытая. Въ деревнѣ это цѣлый міръ, съ которымъ вы бесѣдуете и коротаете много зимнихъ вечеровъ.

Впрочемъ, подумалъ я, врядъ ли найдется что путное у этого книгоноши? Вѣроятно, обычные жители коробовъ: *Прекрасная маіометанка*, *Гуакъ*, *Францель Венеціанъ* и классическій *Англійскій Милордъ*.

Оказалось, что я ошибся. Когда парень развязалъ коробъ и выложи передо мной свои богатства, я не нашелъ ни одной изъ перечисленны мною книгъ. Вмѣсто нихъ я увидѣлъ Евангеліе, сельскій календарь Аб мова, изданія комитета грамотности, изданія «Посредника», изданія ж нала *Русская Мысль* и т. п. Я понялъ, что передо мной не совершен обыкновенный книгоноша. Тѣмъ временемъ парень скинулъ полушубок

валенки и теперь въ своихъ высокихъ сапогахъ и бѣлой рубахѣ, подпоясанной ремнемъ, производилъ очень симпатичное впечатлѣніе.

— Скажите, пожалуйста, неужели вы разсчитываете продать въ этой глуши такую книгу? — сказалъ я, указывая на объемистый сборникъ былинъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ, слегка улыбнувшись, парень, — эта книга дорогая, да она и не продажная,— она другую службу служитъ. Когда я останавливаюсь гдѣ-нибудь въ деревнѣ на ночлегъ, такъ я ее хозяевамъ вслухъ читаю. Очень любятъ ее. Она и толщиной своею внушаетъ уваженіе, и занятная. Вотъ жаль, что былины-то все отдѣльныя одна отъ другой, а нѣтъ такой, чтобы сплошь вся жизнь богатыря была описана.

Мало-по-малу мы разговорились. Оказалось, что парень этотъ учился въ сельской школѣ, а потомъ какъ-то натолкнулся на человѣка, отъ котораго могъ доставать книги, перечиталъ ихъ массу и, наконецъ, рѣшилъ приложить свои знанія къ дѣлу. Онъ отправился въ село, гдѣ не было школы, и предложилъ себя крестьянамъ въ качествѣ учителя. Ученье пошло успѣшно. Учителю понравилось дѣло, ученики полюбили учителя. Такъ и шло дѣло до тѣхъ поръ, пока въ селѣ не открылась настоящая школа. Тогда учитель простился съ своими учениками и перебрался въ городъ, изъ котораго вскорѣ возвратился съ коробомъ книгъ за плечами и пошелъ мѣрять губернію изъ конца въ конецъ, разгоняя деревенскую тьму.

Этотъ человѣкъ не одинъ въ своемъ родѣ. Мнѣ приходилось слышать и о другихъ идейныхъ книгоношахъ. Да, существуютъ сѣятели свѣта среди темноты народной. Они очень часто незамѣтны издали, но они ютятся въ самой глубинѣ деревенскаго мрака и свѣтятъ, какъ свѣтляки ночью».

Иногда эти «свѣтляки на родной нивѣ» соединяются въ группы и, работая совмѣстно, въ состояніи оказывать еще большее вліяніе на округу. Описаніе дѣятельности одной изъ такихъ группъ мы прочли недавно въ *Астраханскомъ Листкѣ*. Дѣло идетъ о черноярскомъ училищѣ, которымъ гордится мѣстное населеніе.

«Наше городское училище, — пишетъ черноярскій корреспондентъ газеты,—представляетъ чрезвычайно свѣтлое явленіе въ нашей мѣстной жизни. Этотъ маленькій школьный міръ оказывается главнымъ нервнымъ узломъ черноярскаго общества. Если въ городкѣ затѣется какое-нибудь общественное предпріятіе пользы ради и развлеченія, то успѣхъ его лучше всего обезпечивается усердіемъ и отзывчивостью учащей братіи. Въ лицѣ завѣдующаго училищемъ, В. А. Замятина, вы встрѣчаете одного изъ ...хъ рѣдкихъ людей, которые являются вдохновителями и возбудителями ...щества, которые ухитряются даже монотонному педагогическому дѣлу ...ридать разнообразный интересъ, сообщить увлеченіе этимъ дѣломъ обществу... Энергія этого интереснаго типа уѣздной неунывающей интеллигенции прямо-таки удивительная. Черный-Яръ—небогатый городокъ. Состоятельныхъ обывателей два-три—и обчелся. Вытянуть изъ этихъ обывателей и изъ городской казны тысячи рублей на школьныя пособія—задача

не легкая. И, однако, задача эта разрѣшена усиліями завѣдующаго, опиравшимися, разумѣется, на заслуженный уже авторитетъ школы. Когда городъ, опять-таки вслѣдствіе настояній завѣдующаго, собрался выстроить зданіе для школы и выстроилъ, то на внутреннюю отдѣлку его не хватило денегъ. Господа педагоги начинаютъ шевелить черноярское общество, устраиваютъ спектакли, концерты, вечера и добиваются, наконецъ, того, что внутренній видъ училища сталъ вполнѣ приличнымъ».

«Но едва ли не замѣчательнѣе то рѣдкостное душевное и дѣловое отношеніе, тотъ духъ дружнаго содѣйствія въ общемъ дѣлѣ, который неизмѣнно царствуетъ въ черноярскомъ педагогическомъ кружкѣ уже пятнадцать лѣтъ... Извѣстно, что какъ въ смыслѣ успѣшности хода ученія, такъ и въ смыслѣ благотворнаго нравственнаго воздѣйствія на учащихся дружба и взаимоуваженіе въ педагогическомъ кружкѣ играютъ большую роль. Поэтому-то такъ громадно воспитательное значеніе искренняго дружелюбія, единство взглядовъ и дѣйствій у кружка педагоговъ черноярской школы. Преподаватели училища, такъ сказать, спѣлись. И отблескъ этого союза, этого дружества замѣтенъ на школярахъ. Они, видимо, наслаждаются своимъ пребываніемъ въ школѣ; она для нихъ родная, милая матушка, а не злая, сварливая и вѣчно ворчащая мачиха».

«Пріятно думать,—заключаетъ корреспондентъ,—что и наша глушь не начисто обижена Богомъ и людьми, что въ такомъ капитальномъ дѣлѣ, какъ начальная народная школа нашего края, царствуетъ бодрый, живой и плодотворный духъ».

Вотъ свѣтлыя теченія русской жизни. Они полны энергіи, они растутъ, за ними ближайшее будущее. И если бы современная намъ дѣйствительность отравлялась только реакціоннымъ мракобѣсіемъ, то одно это не могло бы очень смущать просвѣщенныхъ и добрыхъ людей. Реакціонныя потуги замираютъ, существованію ихъ близится конецъ. А потому не онѣ смущаютъ человѣка, любящаго свою родину. Что печалитъ его, что составляетъ первостепенное несчастіе страны—и потому самую важнѣйшую злобу дня—это прогрессирующее массовое разстройство крестьянскаго хозяйства.

Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала, говоря о саратовскомъ съѣздѣ, мы видѣли, какія неутѣшительныя показанія были даны членами съѣзда, собравшимися въ числѣ болѣе ста человѣкъ изъ девяти губерній и двухъ областей. На съѣздѣ не было разногласія въ томъ, что переживаемый Россіей земледѣльческій кризисъ не есть явленіе временное, а вошло оно уже въ стадію *хроническую*, что, безъ радикальнаго измѣненія хозяйственнаго быта, мы всегда должны быть готовы къ повторенію такихъ же страшныхъ неурожаевъ, какимъ былъ неурожай 1891 года. Что говорилось на саратовскомъ съѣздѣ, собравшемъ сельскихъ хозяевъ съ юго-восточныхъ и черноземныхъ центральныхъ губерній, то же самое говорится о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, Юго-западномъ краѣ, Бессарабіи, на Уралѣ. Вотъ послѣднія извѣстія изъ этихъ обширныхъ частей имперіи

Разстраивавшееся исподоволь хозяйство крестьянскаго населенія,— говорится въ *Обзорѣ сельскаго хозяйства за 1892 г.*, изданномъ полтавскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ,— было рѣшительно подорвано неурожаями 1891 и 1892 годовъ. Громадное сокращеніе численности крестьянскаго скота, повсемѣстно продававшагося за недостаткомъ кормовъ, вырожденіе скота и замѣна хорошо работающихъ, но дорого стоющихъ воловъ менѣе сильными, но не требующими столько кормовъ, лошадьми оказывается и въ Полтавской губерніи, какъ и повсюду на югѣ и въ Малороссіи. Задолженность населенія громадна. Безземельные и малоземельные крестьяне нерѣдко готовы работать хоть за харчи. Въ отношеніи массы крестьянъ бросается въ глаза не то, что ухудшеніе въ хозяйствѣ, а явно бѣдственное положеніе. Нужно не менѣе 6 — 7 урожайныхъ лѣтъ, чтобы поправить крестьянское хозяйство. Хозяйства со слабыми рабочими силами уже исчезаютъ совсѣмъ.

Рядомъ съ этими явленіями идетъ также возростаніе съемочныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на земли. Казалось бы, что неурожаи послѣднихъ лѣтъ должны были поколебать такое направленіе цѣнъ; но, какъ оказывается, сила общихъ экономическихъ условій жизни сельскаго населенія такъ велика, что она преодолѣваетъ вліяніе даже крупныхъ стихійныхъ бѣдствій. Земельная тѣснота крестьянскаго населенія, съ каждымъ годомъ все сильнѣе сказывающаяся на благодатномъ югѣ и въ Малороссіи, служитъ причиной такого ненормальнаго явленія. На какія условія идетъ крестьянинъ, лишь бы добыть необходимую ему землю, можно судить по тому, что за право пользованія землей онъ отдаетъ, при испольной отдачѣ земли, владѣльцу въ Херсонской губ. $^1/_3$ урожая, а въ Полтавской губ.—$^1/_2$ и даже иногда $^2/_3$ урожая, причемъ въ послѣдней губерніи нерѣдко, кромѣ столь значительной платы, требуется исполненіе разныхъ работъ на землѣ владѣльца, или денежныя доплаты (отъ 50 к. до 4 р.). Таковы результаты недостаточнаго надѣленія крестьянъ землей и все возростающаго малоземелья.

Изъ Малороссіи переходимъ въ край еще болѣе плодородный—въ Бессарабію. И здѣсь мы слышимъ тѣ же свидѣтельства объ ухудшеніи экономическихъ условій, объ обѣдненіи народа. Бессарабію,—читаемъ мы въ мѣстной печати,—сталъ въ послѣднее время посѣщать бичъ, котораго она прежде не знала: Бессарабія временами голодаетъ. Причины этого грознаго явленія тѣ же, что и въ другихъ частяхъ Имперіи. Крестьянское населеніе возростаетъ, а средствъ для увеличенія производительности почвы у него не имѣется. Поэтому, для удовлетворенія нуждъ, крестьяне распахиваютъ луга и пастбища, а для скота нанимаютъ по дорогой цѣнѣ землю у помѣщиковъ. Чрезмѣрные налоги заставляютъ ихъ продавать хлѣбъ, нужный имъ самимъ, а экспортъ хлѣба за границу возросъ непомѣрно. Крестьянская скотина и лошади довольствуются одной соломой, а сами крестьяне питаются преимущественно сырыми хлѣбами. Утѣшаться можно было только тѣмъ,—говоритъ *Бессарабскій Вѣстникъ*,—что, авось, это бѣд-

ствіе заставитъ подумать о причинахъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Но до сихъ поръ ничего существеннаго не сдѣлано. Если сравнить средніе урожаи хлѣбовъ нашихъ полей съ полями Европы, то результатъ выходитъ слишкомъ ужъ не въ пользу первыхъ. Всѣ хлѣба, даже при высшей культурѣ, на 50 и 60 проц. уступаютъ европейскимъ. Причинъ этому много; но главная—бѣдность народа. При такомъ положеніи дѣлъ страдаютъ не только крестьяне, но и всѣ тѣ землевладѣльцы, которые отдаютъ свои земли въ аренду. Крестьянскій инвентарь только портитъ и запускаетъ землю. Результатомъ всего этого являются: пониженіе урожаевъ, невозможность уплатъ, недоимки, задолженность и хозяйственная несостоятельность. Увеличеніе площадей посѣва не помогаетъ обогащенію населенія, а ведетъ только къ *истощенію* земли, къ обезлѣсенію и къ засухамъ.

Перемѣна къ лучшему,—заключаетъ газета,—наступитъ только тогда, когда обратятъ серьезное вниманіе на обѣдненіе народа.

Отъ благодатной по природнымъ условіямъ Бессарабіи переходимъ въ не менѣе благодатный юго-западный край. Экономическое положеніе крестьянства въ пореформенной Россіи, благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, извѣстно довольно удовлетворительно. Нельзя того же сказать о дореформенныхъ частяхъ Имперіи. Учрежденія, которыя замѣняютъ здѣсь земство, до сихъ поръ не пытались организовать мѣстныхъ изслѣдованій и если располагаютъ какой-либо статистикой, то, къ сожалѣнію, оставляютъ ее только для себя. Поэтому, для полученія свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ дореформенной Россіи, приходится обращаться къ частнымъ изслѣдованіямъ. Свѣжія данныя по этому предмету представляетъ недавно напечатанная работа г. Рева *Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство*. Не имѣя этой книги подъ руками, мы воспользуемся нѣкоторыми извлеченіями изъ нея, сдѣланными въ октябрьскомъ нумерѣ *Русскаго Богатства* за текущій годъ. Работа г. Рева,—говоритъ рецензентъ упомянутаго журнала,—интересна, главнымъ образомъ, потому, что касается условій быта юго-западнаго крестьянства, положеніе котораго во многомъ отлично отъ великорусскаго. Отсутствіе общины, меньшая обременительность платежей за землю, лучшія условія сбыта, сосѣдство многочисленныхъ крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ—все это придаетъ крестьянскому хозяйству Кіевской губерніи особую физіономію; но, но несмотря на все это, оно страдаетъ тѣми же недугами, какъ и въ другихъ частяхъ нашего отечества. Если же о неблагополучіи кіевскаго крестьянства нѣтъ рѣчей, то это не значитъ, говоритъ г. Рева, что нѣтъ и самаго неблагополучія. Рѣчей нѣтъ, потому что некому говорить, некому заниматься детальными слѣдованіями экономическаго положенія. Книжка г. Ревы представляетъ собою результатъ «личнаго продолжительнаго знакомства съ крестьянскимъ хозяйствомъ и крестьянскимъ бытомъ Кіевской губерніи». Это знакомство привело автора къ убѣжденію, что если кіевское крестьянство «по наличности хронической нужды не сравнялось съ крестьянствомъ восточныхъ губерній, то во всякомъ случаѣ дорога для нихъ одна. Крестьяне восто-

ныхъ губерній, поставленные въ нѣсколько болѣе худшія земельныя, платежныя и сельско-хозяйственныя условія, прошли эту дорогу довольно быстро и быстро же очутились въ положеніи государственныхъ нахлѣбниковъ. Крестьяне Кіевской губерніи, находящіеся въ лучшихъ условіяхъ, но подверженные дѣйствію тѣхъ же самыхъ экономическихъ условій, проходятъ свою бѣдственную экономическую дорогу медленнѣе, но, все-таки, они идутъ по ней, а потому, безъ серьезныхъ широкихъ экономическихъ мѣропріятій, и они неизбѣжно должны будутъ придти къ тому же логическому концу». Говоря о бѣдственной дорогѣ, авторъ имѣетъ въ виду процессъ, который замѣчается повсюду, именно—дифференціацію сельскаго населенія и обезземеленіе части крестьянства. «De jure каждая крестьянская семья въ Кіевской губерніи владѣетъ цѣлымъ, недѣлимымъ участкомъ, de facto—ничего подобнаго нѣтъ. За послѣднія 30 лѣтъ въ крестьянствѣ нашемъ образовалась глубокая трещина; въ немъ произошло разложеніе на два діаметрально-противоположные лагеря: на крестьянъ достаточныхъ и крестьянъ малоимущихъ. Въ силу стеченія самыхъ разнообразныхъ счастливыхъ условій, изъ общей массы сѣраго крестьянства выдѣляется нынѣ особый классъ деревенскихъ богачей. Конечно, примѣнительно, наприм., къ городу, степень этого богачества ничтожна и часто исчерпывается собственнымъ плугомъ, т.-е. шестью лошадьми и сотней другой рублей; но среди слѣпыхъ и одноглазый—король, среди населенія, перебивающагося изо дня въ день, и десятокъ запасныхъ рублей является уже капиталомъ. А едва ли кто-либо другой умѣетъ такъ пользоваться человѣческою нуждой и человѣческими слабостями, какъ деревенскій капиталистъ, причемъ все искусство направляется на скопленіе въ своихъ рукахъ наиболѣе цѣннаго для крестьянъ Кіевской губерніи—земли. То въ видѣ долгосрочныхъ или краткосрочныхъ арендъ, то въ видѣ прямой продажи, обязательно сопряженной съ выкупомъ надѣла до срока (за послѣдніе годы такіе досрочные выкупы принимаютъ въ Кіевской губерніи все большіе и большіе размѣры),—значительная часть крестьянскихъ надѣловъ начинаетъ сосредоточиваться въ рукахъ нѣсколькихъ крестьянъ. Дѣйствительные владѣльцы этихъ надѣловъ, ихъ «хозяева», давно уже лишены всякой экономической самостоятельности, давно уже состоятъ батраками у дѣйствительныхъ владѣльцевъ ихъ земли».

Количество скота, содержимаго крестьянами, лучше всего, по мнѣнію г. Ревы, обнаруживаетъ происходящее въ ихъ средѣ разложеніе. Изслѣдованіе 78 селеній, расположенныхъ во всѣхъ уѣздахъ Кіевской губерніи въ 1891 году, показало, что въ среднемъ на семью приходится (всѣхъ семей было изслѣдовано 11,248) лошадей 0,8, воловъ 0,4, молодого скота 0,8, коровъ 0,7, овецъ 3. Въ переводѣ на языкъ дѣйствительной жизни приведенныя цифры означаютъ, что «если два крестьянина въ селеніи владѣютъ шестиконными лошадиными плугами, то уже въ силу одного этого 13 крестьянскихъ семействъ совершенно не имѣютъ лошадей. Если же это

плуги воловьи, то въ такомъ случаѣ уже 25 крестьянскихъ семействъ не имѣютъ ни одного вола».

Вычисливъ количество скота, которое необходимо для обработки крестьянской земли при обычномъ способѣ хозяйства, г. Рева приходитъ къ заключенію, что «обрабатывать хорошо свое поле крестьяне никакъ не могутъ»,—для этого не хватитъ скота. Поэтому «крестьяне обрабатываютъ свою землю плохо, обрабатываютъ несвоевременно» и получаютъ низкіе урожаи. Подъ вліяніемъ этихъ условій все большая и большая часть крестьянства прекращаетъ самостоятельное хозяйство и наполняетъ ряды сельскаго пролетаріата, перебивающагося поденщиной, работой на фабрикахъ, батрацкою службой въ частныхъ экономіяхъ. Но, можетъ быть, это только временно, можетъ быть, вольнонаемный трудъ дастъ возможность встать на ноги и снова завести самостоятельное хозяйство. «Къ сожалѣнію, — говоритъ г. Рева, — и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно». Предложеніе частнаго труда съ каждымъ годомъ ростетъ, цѣны вслѣдствіе этого понижаются. Но даже и за низкую плату далеко не всѣ имѣютъ возможность получить работу. Вообще, условія вольнонаемнаго труда далеко не таковы, чтобы на немъ можно было поправиться.

А вотъ что пишутъ изъ далекаго Урала. «Поднять пришедшее въ упадокъ экономическое благосостояніе уральскаго козачьяго войска,— читаемъ въ газетѣ *Оренбургскій Край*,—задача очень нелегкая. Задача эта выпала на долю новаго нашего атамана генералъ-маіора Максимовича. Трудна она потому, что край этотъ представляетъ такія особенности въ экономическомъ бытѣ населенія, которыхъ нигдѣ нѣтъ. Для знакомства же съ ними необходимо время, между тѣмъ, жизнь не ждетъ, и неотступно требуетъ, во что бы то ни стало, такъ или иначе, разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ. Лица же, стоящія у дѣла, за рѣдкимъ исключеніемъ, которые могли бы быть полезными въ томъ или другомъ случаѣ, смотрятъ на это самое дѣло исключительно съ точки зрѣнія эгоистической, поддерживая въ этомъ отношеніи другъ друга, почему разсчетъ на ихъ содѣйствіе очень ненадеженъ.

«Для незнающихъ слѣдуетъ замѣтить, что все хозяйство войска находится въ рукахъ хозяйственнаго правленія съ подвѣдомственными ему органами, какъ-то: станичными и поселковыми атаманами, агентами и т. п. и съѣзда выборныхъ депутатовъ, причемъ послѣдній въ рукахъ умѣлаго дѣльца, предсѣдателя съѣзда, является до сихъ поръ номинальнымъ. Съѣздъ собирается и засѣдаетъ одинъ разъ въ годъ.

«Лѣса, подъ покровительствомъ станичныхъ атамановъ и лѣсничихъ, исчезали и исчезли, какъ дымъ, вслѣдствіе чего наступили засухи, вредно разившіяся какъ на хлѣбопашествѣ, такъ и на скотоводствѣ; рѣка Уралъ, вслѣдствіе гурьевскихъ злоупотребленій, перестала изобиловать ры бой и рыболовство стало для населенія положительно разорительнымъ.

«Чтобы выйти изъ этихъ затрудненій, но чтобы овцы были цѣлы и волки сыты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать пакость лѣсничимъ и гурьевскимъ хищн

камъ, мы придумали заняться искусственнымъ разведеніемъ какъ лѣса, такъ и рыбы, для чего выписали ученаго лѣсника, а по разведенію рыбы командировали, съ цѣлью изученія этого искусства, за границу особое лицо, которое, потративъ около 10 тысячъ рублей, изъ командировки уже возвратилось. На лѣсничество ухлопано болѣе 60 тысячъ. Но лѣсъ рости не хочетъ, сохнетъ и сохнетъ; искусственно же разведенныхъ какъ осетровъ, такъ и бѣлугъ пока ни въ рѣкѣ Уралѣ, ни въ Чигонѣ невидно. Лѣсничіе станичные посмѣиваются, а гурьевцы злорадствуютъ и вовсе перестали пускать въ Уралъ рыбу.

«Для поднятія же земледѣлія и скотоводства завели образцовую ферму, съ Ѳомой Ѳомичемъ во главѣ, ухлопавшимъ на нее болѣе пяти сотъ тысячъ казачьихъ денегъ и превратившимъ ее въ село Степанчиково. И такъ, у насъ нѣтъ ни лѣса, ни рыбы, ни денегъ. Вотъ при какихъ условіяхъ и съ какими дѣятелями придется заботиться нашему генералу Максимовичу о поднятіи упавшаго экономическаго благосостоянія уральскаго козачьяго войска».

Разстроенное состояніе хозяйственной жизни народа, критическое положеніе важнѣйшей промышленности Россіи стали, повидимому, общимъ сознаніемъ. Правительство озабочено принятіемъ мѣръ къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію экономическихъ недуговъ. Въ числѣ этихъ мѣръ предположено преобразованіе министерства государственныхъ имуществъ, съ цѣлью возложить на него заботу о земледѣльческой промышленности. Въ обществѣ и нѣкоторыхъ органахъ печали возлагалось на это преобразованіе много надеждъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ министерства стоитъ просвѣщенный и энергичный человѣкъ. Къ сожалѣнію, чѣмъ полнѣе становится извѣстнымъ проектъ грядущаго министерства земледѣлія, тѣмъ болѣе охлаждаются надежды. *С.-Петербургскія Вѣдомости,* обсуждавшія на-дняхъ этотъ проектъ, основательно видятъ большой недостатокъ проекта въ томъ, что онъ ограничиваетъ кругъ компетенціи будущаго министерства исключительно заботами о техническихъ сторонахъ земледѣльческой промышленности, тогда какъ тѣсно связанная съ ними область экономическая, попрежнему, останется раздѣленною между нѣсколькими вѣдомствами. Такъ, на министерство земледѣлія возлагается отводъ участковъ для переселенцевъ; самая же организація переселенческаго дѣла, попрежнему, останется въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и оказаніе населенію продовольственной помощи. Точно также кредитъ для различныхъ группъ сельскихъ хозяевъ, попрежнему, будетъ находиться въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Очевидно, что подобная разбросанность попеченія объ экономическихъ нуждахъ земледѣльческаго населенія способна создать нѣкоторыя неудобства. Продовольственная задолженность, напримѣръ, служитъ казнѣ всегда показателемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, въ которыхъ находится населеніе даннаго района. Между тѣмъ, улучшеніе ихъ, попрежнему, не будетъ составлять прямой задачи ни одного изъ ука-

занныхъ министерствъ, такъ какъ каждое изъ нихъ вѣдаетъ лишь часть одного общаго дѣла. Наконецъ, тѣ же неблагопріятныя экономическія условія часто служатъ главнымъ тормазомъ и для успѣшнаго введенія техническихъ улучшеній. Въ то же время, матеріальныя средства, которыя предполагается отпустить въ распоряженіе министерства земледѣлія, весьма ограничены. Прибавка къ бюджету нынѣшняго министерства государственныхъ имуществъ составитъ лишь 250,000 р. Этихъ средствъ едва ли хватитъ на выполненіе даже той узкой дѣятельности, которая, по проекту, отводится будущему министерству земледѣлія.

И. Иванюковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Бѣшеныя деньги*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго; *Кручина*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго; *Я играю большую роль*, шутка въ 1-мъ дѣйствіи Д. Гарина; *Сельская честь*, сцены изъ итальянской народной жизни Джіованни Верга, пер. А. А. Веселовской.—Большой театръ: *Орлеанская дѣва*, трагедія Шиллера.—Выставки картинъ: профессора Айвазовскаго и произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ).

На этотъ разъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ отступленіе казеннаго театральнаго управленія отъ установившихся за послѣднее время порядковъ въ репертуарѣ Малаго театра. Вмѣсто погони, во что бы ни стало, за новыми пьесами, въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ возобновлена комедія Островскаго *Бѣшеныя деньги* и поставлена драма г. Шпажинскаго *Кручина*, написанная болѣе десяти лѣтъ назадъ и много разъ шедшая въ теченіе этого періода на частныхъ сценахъ въ Москвѣ и въ провинціи такъ же точно, какъ и *Бѣшеныя деньги*. Эта послѣдняя комедія, послѣ долгаго перерыва, вновь поставлена въ 28 или 29 разъ для бенефиса г-жи Лешковской, не побоявшейся для такого экстраординарнаго случая взять *старую* пьесу. И оказалось,—какъ мы то всегда говорили,—что хорошее старое во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо лучше множества новинокъ, которыми чрезмѣрно усердно угощаютъ московскую публику и удручаютъ артистовъ. Комедія *Бѣшеныя деньги* не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго А. Н. Островскаго, а въ ряду новѣйшихъ пьесъ теперешнихъ драматурговъ это настоящій перлъ многоцѣнный, что и доказано, прежде всего, отношеніемъ публики къ этой *старой* комедіи. Казалось бы, кто ее не видалъ на казенныхъ и частныхъ сценахъ всей Россіи, гдѣ только она ни играна, кому она ни извѣстна? А, между тѣмъ, не только на бенефисномъ спектаклѣ, но и на послѣдующихъ представленіяхъ комедіи Островскаго театръ полнехонекъ,—ни одного свободнаго мѣста,—и зрители, отъ перваго ряда креселъ до верхней скамейки такъ называемаго «райка», слѣдятъ за ходомъ пьесы съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Видно и чувствуется то живое участіе, какое вся эта крайне разнообразная публика принимаетъ въ весьма простыхъ, повидимому, событіяхъ, происходящихъ на сценѣ,—въ событіяхъ, всѣмъ извѣстныхъ и,

по существу своему, не представляющихъ собою, какъ будто бы, ничего захватывающаго душу, способнаго волновать зрителя. Но въ томъ-то и дѣло, что это—только «какъ будто бы». Въ дѣйствительности же, и душу захватываетъ, и всѣхъ зрителей волнуетъ та настоящая жизнь, которая перенесена на сцену мастерскою рукой великаго художника. И на всѣхъ и всегда одинаковое и сильное впечатлѣніе производитъ жизненная и художественная правда, никогда не старѣющая, сколько бы лѣтъ и сколько бы представленій ни насчитывалось пьесѣ. И таково значеніе этой правды, что исполненіе пьесы отступаетъ на второй планъ. Огромное большинство пьесъ нынѣшняго издѣлія не имѣетъ успѣха, и лишь немногія кое-какъ держатся, благодаря игрѣ артистовъ, умѣющихъ придать типическія черты довольно блѣднымъ, въ сущности, лицамъ, вдохнуть жизнь въ хилыя, чтобы не сказать—деревянныя, фигуры, прикрыть искуснымъ воспроизведеніемъ фальшь и неестественность созданій драматурговъ. Не то съ комедіями Островскаго. Мы видѣли *Бѣшеныя деньги* много разъ, на разныхъ сценахъ, при всякихъ исполнителяхъ, но никогда не видали, чтобы эта пьеса «проваливалась». И не потому это, чтобы ее нельзя, будто бы, плохо сыграть. Сыграть можно прескверно, можно изуродовать любую роль, что и дѣлается очень нерѣдко, и о чемъ рѣчь впереди. Но такова подавляющая сила таланта автора, что и при самомъ плохомъ исполненіи смыслъ пьесы не исчезаетъ, значеніе ея не пропадаетъ и впечатлѣніе получается все то же, лишь нѣсколько ослабленнымъ, быть можетъ. Очень важное обстоятельство заключается въ томъ, что въ интерпретаціи ролей допустимо большое различіе, и что среда, въ которой разыгрывается событіе, не рѣзко опредѣлена авторомъ. Всѣ лица могутъ принадлежать къ какому угодно кругу извѣстнаго общества, пониже такъ называемаго высшаго, а насколько пониже—это ужь дѣло исполнителей, имѣющихъ возможность,—а не право, спѣшимъ оговориться,—сообразоваться съ составомъ той публики, передъ которою разыгрывается пьеса. Указанія, данныя авторомъ, оставляютъ для того порядочный просторъ: такъ, напримѣръ, обозначеніе на афишѣ, что Кучумовъ—«важный баринъ», вовсе еще не опредѣляетъ съ точностью, какой и для кого онъ «важный баринъ». Тутъ все дѣло въ общемъ тонѣ, принятомъ исполнителями. Всѣ они, кромѣ Васильковa, должны быть людьми одного круга и одного тона, съ очень тонкими оттѣнками, сообразно индивидуальности каждаго, необходимыми для яснаго уразумѣнія ихъ взаимныхъ отношеній. Въ исполненіи этой пьесы требуется тотъ, своего рода, «ансамбль», который мы видимъ въ повседневной жизни однороднаго слоя общества...

Переходя къ исполненію пьесы на сценѣ Малаго театра, мы должны отмѣтить, что такого именно ансамбля въ данномъ случаѣ не было. Кучумовъ (г. Правдинъ) далеко не «важный баринъ» въ гостиной Чебоксаровой (г-жа Ѳедотова) и ея дочери, Лидіи Юрьевны (г-жа Лешковская). Г. Ильинскій въ роли Глумова былъ совсѣмъ безцвѣтенъ и тона у него никакого не оказалось. Васильковъ въ исполненіи г. Рыбакова представ-

ляется человѣкомъ болѣе мягкимъ, чѣмъ то слѣдовало бы по смыслу комедіи. Васильковъ, вѣдь, сила, сложившаяся изъ сочетанія ума, знанія, способности работать и накоплять результаты труда. Эта сила идетъ прямолинейно, «ломитъ», такъ сказать, къ заранѣе опредѣленной цѣли, и передъ такою силой либо сторонятся, либо ей покоряются, причемъ послѣднее дѣлается совершенно сознательно, хотя и не по доброй волѣ, какъ то случилось съ Лидіей Чебоксаровой. Тутъ не мѣсто обсуждать, какая это сила, хорошая или не хорошая, полезная или вредная для общества: мы не комедію разбираемъ, а ея исполненіе на сценѣ Малаго театра. И тамъ-то мы не видали настоящей силы, надвинувшейся вдругъ извнѣ на общество Чебоксаровыхъ, Телятевыхъ и Кучумовыхъ, подчинившей себѣ Лидію Юрьевну, превращающей эту красавицу въ послушное орудіе и собирающейся съ этимъ орудіемъ въ рукахъ двинуться дальше къ верхнимъ ступенямъ общественной лѣстницы. Увлеченіе дѣльца красивою барышней, потомъ женой длится очень короткое время, мечта о тихомъ семейномъ счастьи скоро уступаетъ мѣсто соображеніямъ иного рода. И эти соображенія дѣлаютъ то, чего не могло сдѣлать нѣжное увлеченіе Василькова: они заставляютъ Лидію оцѣнить мужа по его достоинству, сознать, что такой именно человѣкъ и былъ ей нуженъ, что только при полномъ подчиненіи его волѣ могутъ осуществиться ея завѣтныя мечты, и молодая женщина, которая была готова продать себя тому, кто дастъ дороже, отдается душою и на очень тяжелыхъ условіяхъ той силѣ, въ могущество которой она вѣритъ. Со стороны Лидіи любви не было и нѣтъ, да ея и быть не можетъ у такой женщины, какъ Лидія Юрьевна, т.-е. любви нѣжной съ романтическимъ началомъ. Не такъ эта дѣвица воспитана и отъ природы не то заложено въ ея натурѣ, не къ тому ее готовили и не этого сама она искала. Но вотъ «нашла коса на камень», Лидія сдалась, хотя и она въ своемъ родѣ сила, она понимаетъ, что Васильковъ крупный человѣкъ, а всѣ ея обожатели—«такая мелочь», и въ душѣ ея, вѣрнѣе, въ умѣ, возникаетъ чувство уваженія къ побѣдителю, а отъ вѣры въ человѣка и уваженія къ нему одинъ только шагъ до любви, особливо когда этотъ человѣкъ законный мужъ. Все это очень вѣрно и тонко выражено въ исполненіи роли г-жею Лешковской, при недостаточной помощи со стороны г. Рыбакова, за то съ блестящимъ содѣйствіемъ г. Южина въ роли Телятева. Сцены между нимъ и талантливою артисткой напомнили намъ лучшія, славныя времена московской сцены. Спѣшимъ добавить, впрочемъ, что и въ продолженіе всей пьесы въ игрѣ г-жи Лешковской и г. Южина не было ни одной нотки, ни одного маленькаго штриха, которые можно было бы назвать невѣрными, скажемъ болѣе того—недостаточно выразительными. Даже послѣдній монологъ,—по нашему мнѣнію, самое слабое мѣсто въ пьесѣ, а потому и самое опасное для исполнителя,—былъ сказанъ г-жею Лешковской такъ умно и просто, что почти незамѣтною прошла натянутость этого неудачно вставленнаго въ пьесу обращенія къ молодымъ дѣвушкамъ. Г-жа Лешковская, какъ въ большинствѣ

исполняемыхъ ею ролей, въ комедіи *Бѣшеныя деньги* играетъ «по-своему», благодаря чему въ лицѣ Лидіи Юрьевны передъ нами является новая и интересная разновидность того типа, который созданъ авторомъ. Г-жа Ѳедотова, несмотря на свой талантъ, не вполнѣ еще, повидимому, освоилась съ исполненіемъ ролей пожилыхъ женщинъ-маменекъ, къ чему она теперь переходитъ. Задача эта очень не легкая, но сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что высокодаровитая артистка и тутъ займетъ подобающее ей первое мѣсто. Г. Макшеевъ былъ очень хорошъ въ небольшой роли Василія, слуги «провинціала» и дѣльца Василькова.

Второю, какъ мы уже сказали, «старою» новинкой шла на Маломъ театрѣ пяти-актная драма И. В. Шпажинскаго *Кручина*. Содержаніе пьесы очень несложное: Недыхляевъ (г. Ленскій) изъ мелкихъ писарьковъ упорнымъ, многолѣтнимъ трудомъ пробрался въ «конкурсныхъ дѣлъ мастера» и составилъ себѣ кругленькое состояньице, не брезгуя никакими средствами. Давнею мечтой его было, первымъ дѣломъ, обезпечиться хорошимъ достаткомъ, потомъ—жениться и обзавестись дѣтишками. Любви къ женщинѣ онъ не зналъ и не хотѣлъ знать, сторонился отъ нея потому, что «преждевременное», по его разсчетамъ, увлеченіе могло стать помѣхой осуществленію первой задачи—разбогатѣть. И съ молоду прельщала его не столько мысль о женитьбѣ, сколько влеченіе къ «дѣткамъ», желаніе имѣть своихъ ребятокъ. Молодость прошла холодно и жестко въ погонѣ за деньгами. Наконецъ, онѣ нажиты, ихъ довольно, и Недыхляевъ, перейдя за сорокъ лѣтъ, приводитъ въ исполненіе вторую часть своей задачи—женится на молодой дѣвушкѣ Марьѣ Ильинишнѣ (г-жа Лешковская), дочери разореннаго имъ же самимъ купца. Но съ молодою женой пожилому мужу небезопасно оставаться въ Москвѣ,—соблазновъ много, неравенъ грѣхъ,—и Недыхляевъ перебирается на жительство въ одинъ изъ «глухихъ» губернскихъ городовъ, устраиваетъ свою жизнь такъ, что въ ихъ домѣ никто не бываетъ, кромѣ стараго пріятеля Ревякина (г. Рыбаковъ), ни самъ онъ съ женою нигдѣ не показывается. Недыхляевъ типъ любопытный и своеобразный, выработавшійся подъ вліяніемъ сначала нужды, потомъ безпощаднаго стремленія къ наживѣ, долгаго одиночества и холоднаго разсчета, превратившихъ довольно мягкаго отъ природы и не злого человѣка въ черствато себялюбца, признающаго только силу формальныхъ обязательствъ, почитающаго за добродѣтель невиновность по закону. Недыхляевъ любитъ жену, какъ умѣетъ и какъ можетъ, по-своему страстно и законно. Онъ не ревнивецъ или, по меньшей мѣрѣ, не настоящій ревнивецъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но онъ привыкъ вѣрить людямъ только по о- зательствамъ, достаточно обезпеченнымъ. А потому не вѣритъ онъ и же держитъ ее подъ упорнымъ надзоромъ, къ каждому ея движенію относи подозрительно. Онъ терпитъ въ домѣ у себя несноснѣйшую особу, св родную сестру Таису Ефимовну (г-жа Никулина), ради того, чтобы жо не оставалась одна ни дома, ни на прогулкѣ. Но эта самая разбитн сестрица устраиваетъ знакомство молодой женщины съ нѣкіимъ Пашей

бежниковымъ (г. Ильинскій), кончившимъ курсъ студентомъ, воспитанникомъ Ревякина. Происходитъ обыкновенная исторія, не лишенная, однако же, нѣкоторой оригинальности, благодаря личности Марьи Ильинишны. Отъ тоски-бездѣлья она первая заигрываетъ съ тихимъ и скромнымъ юношей, отъ скуки, безъ малѣйшей искры любви, беретъ его въ любовники, но при этомъ ни на минуту не упускаетъ изъ вида подозрительнаго супруга, ублажаетъ его своею нѣжностью и, что особенно характерно, жестоко воюетъ съ его сестрою Таисой изъ-за каждаго гроша, изъ-за куска сахара въ хозяйствѣ. Марья Ильинишна истая купеческая дочка, копѣечница и лавочница, не имѣющая никакого представленія о нравственности, порядочности и самой элементарной деликатности. Ея любовникъ, Паша Рубежниковъ, говоритъ ей, что такъ жить нельзя, предлагаетъ ей уѣхать въ Москву, гдѣ они могутъ какъ-никакъ существовать на его заработокъ. «Что ты, что ты?—возражаетъ она.—Куда это еще уѣзжать и много ли ты тамъ наработаешь? И зачѣмъ это нужно, когда и здѣсь хорошо?» Онъ пытается доказать ей, что нельзя же быть «женою двухъ мужей», но втолковать ей эту, казалось бы, простую вещь нѣтъ никакой возможности. «Пустяки все это и глупости,—не соглашается она,—можно было вчера и третьяго дня, пречудесно можно и завтра, и послѣ-завтра, лишь бы мужъ не узналъ...» Нѣтъ ей никакого разсчета бросать богатаго мужа, и она опять нѣжничаетъ съ нимъ, стараясь усыпить его подозрѣнія. Мужъ, все-таки, подкарауливаетъ ихъ, бросается съ ножомъ на Рубежникова, но духа у него не хватаетъ зарѣзать любовника жены или жену. Ножъ выпадаетъ изъ рукъ. И въ эту критическую минуту молодая женщина остается вѣрною себѣ: она предусмотрительно подхватываетъ ножъ съ земли, накидывается на супруга, пробуетъ припугнуть его судомъ и требуетъ съ него «обезпеченія». Обезумѣвшій отъ горя Недыхляевъ ищетъ по полу ножа и хочетъ покончить съ собою. Является старый пріятель Ревякинъ, убѣждаетъ покориться судьбѣ, снести несчастье, и отчаяніе обманутаго мужа выливается въ рыданіи, въ скорбномъ воплѣ: «Охъ, кручина моя... кручинушка!» Все просто, жизненно и правдиво. И тутъ, какъ мы говорили въ началѣ нашего отчета, правда сказалась и сама за себя постояла. Пьеса имѣла несомнѣнный и большой успѣхъ, несмотря на то, что недавно игралась въ Москвѣ, знакома большинству публики, несмотря и на то, что главная роль Недыхляева и очень существенная роль Рубежникова были испорчены исполнителями. Про г. Ильинскаго мы и говорить не будемъ,—изобразилъ онъ милаго юношу приблизительно такъ же плохо, какъ Глумова, сдѣлать же это еще хуже довольно трудно. И г. Ильинскій насъ этимъ не удивилъ. А вотъ игрою г. Ленскаго мы поражены. Съ первой же сцены онъ взялъ какой-то неестественный, ноющій тонъ. Не будемъ останавливаться на томъ, насколько нытье подходитъ къ характеру Недыхляева. Конечно, одно и то же лицо можетъ быть изображаемо однимъ артистомъ такъ, другимъ иначе, и обоими одинаково хорошо. Но какія бы артистъ ни задумалъ выдвинуть черты даннаго характера, какъ бы ни задумалъ онъ оли-

петворить созданный авторомъ типъ, дѣланность и манерность будутъ всегда неестественны, и изъ этого никогда не выйдетъ ничего путнаго. Въ сценѣ съ Ревякинымъ, какъ только рѣчь дошла до «дѣтишекъ», г. Ленскій пришелъ въ такое умиленіе, что пересталъ говорить по-человѣчески,— задекламировалъ, въ речитативъ ударился, почти запѣлъ. Такія же точно штуки продѣлывалъ онъ и въ объясненіяхъ съ женой, и въ монологѣ.. Это гостинодворскій-то паукъ Недыхляевъ! А въ выраженіи опасеній за жену и своихъ подозрѣній онъ переходилъ въ другую крайность, не распѣвалъ, а шипѣлъ и «злодѣйствовалъ». И раскололся у него Фортунатъ Недыхляевъ на трое, такъ что и не собрать его потомъ воедино. А, вѣдь, у автора-то типъ цѣльный, хотя и не крупный, но вполнѣ опредѣленный и зрителямъ очень понятный. И эта цѣльность, ясность и правдивость созданнаго авторомъ такъ дѣйствуетъ на публику, что никакими штуками ее не собьешь съ толку. Изъ-за пѣнія и шипѣнія, глазъ закатыванія она видитъ существо дѣла и ошибки артистовъ не ставитъ «въ фальшь» автору. Г-жа Лешковская хорошо и вѣрно сыграла роль жены Недыхляева. Но и ей мы считаемъ нужнымъ сдѣлать два маленькихъ замѣчанія или, вѣрнѣе, поставить два вопроса: не слишкомъ ли быстро и сразу она начинаетъ свою игру съ Рубежниковымъ? Это, какъ будто бы, съ мѣста въ карьеръ и является преждевременнымъ оправданіемъ подозрительности мужа, тогда какъ, по смыслу пьесы, подозрительность Недыхляева должна быть безпричинною, такъ сказать, по крайней мѣрѣ, въ началѣ драмы,— должна вытекать изъ личнаго его характера, изъ усвоенной имъ недовѣрчивости и своего рода мнительности. Второй вопросъ: не слишкомъ ли часто и надолго Марья Ильинишна запрокидываетъ головку и закидываетъ за нее руки? Это, могутъ намъ возразить, мелочи. Но въ томъ-то и дѣло, что на сценѣ мелочей нѣтъ, ибо изъ нихъ-то и складывается вся роль, отъ нихъ получается общее впечатлѣніе. Вотъ г. Рыбакову надо отдать полную справедливость: шумоватаго добряка Ревякина онъ олицетворилъ безукоризненно, второстепенную фигуру выдвинулъ на первый планъ, изъ даннаго авторомъ матеріала создалъ настоящій, хорошій типъ. Г-жа Щепкина играла вводную роль Поленьки, воспитанницы Ревякина, восемнадцатилѣтней дѣвочки...

Драма г. Шпажинскаго производитъ такое тяжелое впечатлѣніе, что весьма умѣстно было дать зрителямъ немного отдохнуть душой на маленькой шуткѣ г. Гарина, озаглавленной: *Я играю большую роль*... Это нѣчто вродѣ монолога для молодой артистки, который очень недурно провела г-жа Помялова. Монологъ говоритъ «актриса на маленькія роли», получившая нежданно-негаданно, большую роль. Она въ восторгѣ, мечтаетъ и поетъ фантазируетъ и пляшетъ, болтаетъ и пробираетъ рецензентовъ, жалуется на режиссера и театральные порядки. «Меня,—говоритъ она, между прочимъ,—пощадите и поддержите. Вѣдь, я начинающая, молодая, кажется, и собою недурна, думаю, и талантикъ какой-нибудь есть... И что же? Ходу не даютъ, все я на выходахъ, да на выходахъ, а сорокапятилѣтнимъ же

щинамъ даютъ роли восемнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ». Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что раза два-три «шутка» г. Гарина заставила насъ улыбнуться. Съ удовольствіемъ готовы поддержать молодыхъ артистокъ и очень серьезно находимъ, что режиссерамъ слѣдовало бы роли восемнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ давать не сорока-лѣтнимъ артисткамъ, а молодымъ, которыхъ иногда упорно держатъ «на выходахъ». Всякому фрукту свое время, хотя бы то былъ преотмѣнный фруктъ... Разъ мы заговорили объ одноактныхъ пьесахъ, то уже кстати упомянемъ еще объ одной, только что поставленной и настолько же нужной на сценѣ Малаго театра, «какъ дыра на мосту», по польской поговоркѣ. Пьеса эта—*Сельская честь*, «сцены изъ итальянской народной жизни» Джіованни Верга, переведенныя А. А. Веселовскою. Въ этихъ сценахъ играютъ г-жи Ермолова, Панова и др., гг. Южинъ и Горевъ, толпится тутъ «народъ»; пьеса поставлена очень тщательно, а толку изъ этого никакого не выходитъ. Содержаніе пьесы мы передавать не будемъ потому, во-первыхъ, что о такой пустяковинѣ говорить не стоитъ, во-вторыхъ, большинству публики оно давно извѣстно по опереткѣ или маленькой оперѣ, дававшейся на сценахъ частныхъ театрахъ. Тамъ отсутствіе смысла въ пьесѣ прикрывается пѣніемъ и скрашивается музыкой. Здѣсь, на драматической сценѣ, вся нелѣпость на виду. И на этой пьесѣ еще разъ оправдалось положеніе, высказанное нами вначалѣ, а именно, что хорошую пьесу можно испортить, но нельзя погубить плохимъ исполненіемъ, и, наоборотъ, даже такіе артисты, какъ вышеназванные, при всемъ ихъ стараніи, при всей силѣ ихъ таланта, ничего не въ состояніи подѣлать съ никуда негодною пьесой.

Въ бенефисъ нашего талантливаго художника-декоратора г. Гельцера дана въ Большомъ театрѣ трагедія Шиллера *Орлеанская дѣва*, при новой, необыкновенно блестящей постановкѣ. Бенефиціанту были сдѣланы вполнѣ заслуженныя имъ овація. Роль Іоанны д'Аркъ съ обычною, поразительною силой исполняла г-жа Ермолова.

Въ залахъ Историческаго музея была устроена, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, выставка картинъ профессора Айвазовскаго съ благотворительною цѣлью. Всѣхъ картинъ выставлено десять, и между ними одна только, *Малороссійскій хуторъ*, выходитъ изъ спеціальности нашего знаменитаго мариниста и доказываетъ, что уважаемый профессоръ и внѣ царства Нептуна, въ украинскихъ степяхъ, такой же сильный художникъ, какъ и на любимомъ имъ Черномъ морѣ. На этотъ разъ, кромѣ черноморскихъ видовъ, выставлены: большая картина *Ніагара*, съ чудеснѣйшими свѣтовыми эффектами, воспроизводящими радугу въ водяной пыли водопада, видъ Неаполитанской бухты и картина, озаглавленная *Сафо*. Тутъ съ обычнымъ мастерствомъ изображено бушующее у подножія скалъ море, мрачное небо, тяжелая атмосфера, предвѣстница грозы. Что же касается фигуры лесбосской поэтессы, то, надо признаться, что она вышла не со-

всѣмъ удачною. Замѣчательно хороши: видъ на Кавказскія горы съ моря, Крымскій берегъ и видъ на море ночью изъ верхней Оріанды.

Въ залахъ московскаго общества любителей художествъ состоялась очень интересная выставка «произведеній иностранной и русской живописи изъ коллекцій частныхъ владѣльцевъ». Такого рода выставки полезны въ высшей степени: онѣ знакомятъ съ картинами, составляющими частную собственность, а потому совершенно недоступными для огромнаго большинства публики. Посѣтители такой выставки, особливо молодые художники, видятъ тутъ въ стоящихъ рядомъ произведеніяхъ разницу между работой иностранныхъ и русскихъ выдающихся мастеровъ, имѣютъ наглядную возможность оцѣнить и сравнить достоинства и недостатки различныхъ способовъ письма, а черезъ то и многому могутъ научиться. Большое вниманіе обращаетъ на себя картина мало извѣстнаго въ Россіи художника Ф. Прадилла: *Пляска на берегу моря*, только что пріобрѣтенная за очень высокую цѣну, какъ мы слышали, И. К. Прове. На небольшомъ полотнѣ изображено гулянье на берегу съ сотнею фигуръ, изъ которыхъ многія совершенно миніатюрны. Но все тутъ: лица и костюмы, берегъ, вода, аксессуары — написано поразительно мастерски, до послѣдней мелочи необыкновенно тщательно и живо, все полно движенія, блеска и увлеченія, смѣхъ видѣнъ, выраженія лицъ и даже глазъ, сверкающихъ весельемъ. Замѣчательны двѣ картины Вотье: *Партія въ шахматы* (собст. графини П. С. Уваровой) и *Ссора* (С. Н. Голяшкина), обѣ онѣ и рядомъ съ ними картина Е. Грюцнера *Затруднительный выборъ* (того же г. Голяшкина) могутъ служить образцомъ того, какъ должно писать жанровыя картины. Нѣсколько иного характера, но такими же образцовыми, мы считаемъ картины: Е. Мейзеля *За чайнымъ столомъ* (г. Голяшкина), и І. Ностера *Соломенная вдова* (изъ собранія Н. И. Щукина). Въ томъ же родѣ *Гармонія* Н. Быковскаго и *Въ мастерской художника* К. Коровина (обѣ принадлежатъ С. И. Мамонтову). Москвичамъ, по французской выставкѣ, знакома производящая очень сильное впечатлѣніе, широко написанная картина Моро-де-Тура: *Смерть Пишегрю* (изъ собр. Д. П. Боткина)... За недостаткомъ мѣста мы на этомъ вынуждены оборвать нашъ отчетъ, но еще разъ повторяемъ: выставки такого рода въ высшей степени желательны и очень хорошо было бы, если бы на нихъ обратили самое серьезное вниманіе руководители нашихъ художественныхъ школъ. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ ими съ учениками на такой выставкѣ, могутъ принести больше пользы, чѣмъ нѣсколько уроковъ.

Ан.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь. 1893 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтскаго чтенія.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *ноябрь*.—«Русское Богатство», *октябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Русское Обозрѣніе», *ноябрь*.—«Русскій Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Міръ Божій», *октябрь и ноябрь*. III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1893 г. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Русская поэзія“. *С. А. Венгерова.* — „Силуэты“. *Г. А. Мачтета.* — „Отголоски 60-хъ годовъ“. *А. Молотова.*—„Сочиненія“ *Гюи де-Мопассана.*—„Путевые очерки“. *Г. Сенкевича.*—„Въ безсонныя ночи“. *Поля Бурже.*—„Влюбленный дьяволъ“. *Ж. Казотта.*—„Universal-Bibliotek“.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, библіографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ II. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ VIII кн. нашего журнала мы дали отзывъ о первомъ выпускѣ изданія, редактируемаго С. А. Венгеровымъ, и указали на то, какимъ полезнымъ, даже необходимымъ пособіемъ оно будетъ для всѣхъ, интересующихся исторіей русской литературы. По достоинству второй выпускъ ни въ чемъ не уступаетъ первому. Въ немъ помѣщены произведенія: Сумарокова, съ вступительными статьями М. Д. Хмырова и проф. Н. Н. Булича; Майкова, Вас. Ив., съ статьей акад. Л. Н. Майкова; Кострова, съ статьей прив.-доц. П. О. Морозова, и Петрова, съ статьей прив.-доц. И. А. Шляпкина. Всѣ вступительныя статьи даютъ обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, которымъ онѣ посвящены, весьма полныя критическія оцѣнки ихъ произведеній, указаніе на значеніе сихъ послѣднихъ для современниковъ и на ихъ вліяніе на развитіе русской литературы. Такимъ образомъ, ясно опредѣляется, какое мѣсто занимаетъ каждый изъ вышеназванныхъ писателей въ культурной исторіи нашего отечества. Изъ отношеній писателей къ высокопоставленнымъ лицамъ, покровителямъ и милостивцамъ, изъ приводимыхъ отрывковъ ихъ переписки выясняются многія весьма любопытныя бытовыя особенности давно прошедшаго времени, а въ от-

зывахъ современной критики и въ эпиграммахъ уже сказывается начало борьбы между старѣющимъ и вновь выступающимъ на литературномъ поприщѣ. „Высокопарный лиризмъ и рѣзкая сатира, — пишетъ прив.-доц. Шляпкинъ, — какъ-то совмѣщались въ писателяхъ прошлаго вѣка. Тотъ же самый писатель, который сочинялъ оды на облицовку набережной, фейерверкъ, спускъ корабля, восхвалялъ мызу Лигово и карася гатчинскаго пруда,—тотъ же писатель"... въ рѣзкихъ стихахъ проповѣдуетъ о равенствѣ людей. „Человѣкъ, возносившій въ трескучихъ строфахъ придворныхъ фаворитовъ, въ то же время, пишетъ"... о тщетѣ и суетѣ чиновъ, богатства, знатности. „Но все это—только блестящая внѣшность,—продолжаетъ біографъ Петрова,— фразы, либеральная комильфотность, при полной внутренней несостоятельности. Это—отличительное явленіе вѣка сѣверной Семирамиды"... Авторы сатиръ и эклогъ преисправно пороли своихъ крѣпостныхъ людей, полученныхъ ими въ собственность отъ монаршихъ милостей. Но, съ этимъ вмѣстѣ, Сумароковъ, напримѣръ, „замѣтивъ на какомъ-нибудь гуляньѣ грубое обращеніе полиціи съ чернью, вскакивалъ на ближайшій прилавокъ и, несмотря на уговариваніе болѣе чѣмъ онъ осторожныхъ друзей, звучнымъ голосомъ кричалъ: „Наша матушка государыня бережетъ народъ, а вы что тутъ вздумали озорничать?" „При видѣ встрѣчнаго бѣдняка выскочить изъ кареты, сорвать съ себя кафтанъ, отдать его бѣдняку и возвратиться домой въ плащѣ своего лакея для Сумарокова ничего не значило". Еще любопытнѣе для характеристики времени нѣкоторыя подробности изъ жизни Кострова. Но въ изданіи г. Венгерова первое мѣсто занимаютъ критическіе разборы, и имъ особенную важность придаетъ то обстоятельство, что дѣлаются они съ точки зрѣнія современниковъ и основываются на точныхъ данныхъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ разборъ произведеній даннаго писателя съ точки зрѣнія послѣдующихъ поколѣній. Такъ, Сумароковъ заслужилъ отъ современниковъ „названіе сѣвернаго Расина. Его эклоги равняются знающими людьми съ Виргиліевыми... и далеко превосходитъ онъ Федра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ своемъ родѣ". Самъ онъ писалъ о себѣ: „Самъ Волтеръ, единый съ Метастазіемъ, изъ современниковъ моихъ достойный мнѣ совмѣстникъ". Совершенно вѣрный взглядъ высказанъ Н. Н. Буличемъ: „Критика должна отдѣляться отъ своего времени, должна забывать пріобрѣтенное ею въ развитіи и переноситься вполнѣ во время, въ которое жилъ литературный дѣятель, разбираемый ею. Писатель—сынъ времени". „Для того, чтобы писатель явился намъ въ полной правдѣ, надобно изучить его время, надобно знать, что онъ взялъ изъ него и что принесъ онъ новаго ему. Только такой историческій взглядъ на писателя можетъ быть вѣренъ". А для правильнаго установленія такого взгляда изданіе, редактируемое С. А. Венгеровымъ, является драгоцѣннымъ руководствомъ.

Силуэты. Григорія Мачтета. Томъ второй. (Новые повѣсти и разсказы). Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". М., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к. Съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго произведенія каждаго новаго тома „повѣстей и разсказовъ" г. Мачтета все опредѣленнѣе и яснѣе выражается глубоко-симпатичное направленіе автора, искренно сочувствующаго всѣмъ униженнымъ и оскорбляемымъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда униженія и оскорбленія являются расплатою за собственныя прегрѣшенія впавшихъ въ невзгоды. Г. Мачтетъ умѣетъ найти горячее слово участія для невинно-страждущихъ и для виноватыхъ, для тѣхъ, кого онъ называетъ „своими", и для „чу-

жихъ", для „враговъ",—онъ въ человѣкѣ его „человѣческое" добро видитъ и намъ подсказываетъ обязанность „человѣчно" относиться къ добрымъ и къ злымъ, которые въ его изображеніяхъ оказываются заблуждающими и отъ того несчастными. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, однако, что г. Мачтетъ не дѣлаетъ различія между „своими" и „чужими". Напротивъ, страстно любя свою родину—Украину и свой родъ—козацкій, онъ не можетъ забыть тѣхъ золъ, которыя причиняли поляки его отчизнѣ и родичамъ, но онъ зло простить можетъ и пылко призываетъ къ примиренію „своихъ" и „чужихъ" въ прекрасной повѣсти *Бѣлая панна*. Въ заключеніи повѣсти полька-панна говоритъ: „Я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣлившій, загладило сердце нашихъ потомковъ". И всепримиряющимъ аккордомъ звучатъ послѣднія слова повѣсти: „вѣруй, надѣйся, люби". Этимъ братскимъ призывомъ къ любви проникнуты всѣ „новые повѣсти и разсказы", вошедшіе во второй томъ *Силуэтовъ*. Не менѣе, конечно, чѣмъ отъ поляковъ, страдала Украина отъ евреевъ, и въ сильно прочувствованномъ разсказѣ *Жидъ* авторъ такъ же точно призываетъ всѣхъ къ единенію, къ братскимъ отношеніямъ, которыя одни только могутъ стереть слѣды вѣковой розни. Въ разсказѣ *Хамелеонъ* мы видимъ иныя основанія розни, болѣе современныя и не менѣе острыя, чѣмъ вытекающія изъ племенныхъ и бытовыхъ причинъ. „Хамелеонъ"—писатель, у котораго недостатокъ таланта и знаній прикрытъ большою наглостью. Убѣжденій у него нѣтъ, онъ знаетъ лишь „направленія" и въ писаніяхъ своихъ идетъ по тому изъ нихъ, которое считаетъ для себя выгоднымъ въ то или въ иное время. Изъ сотрудника „одного изъ честнѣйшихъ и умнѣйшихъ органовъ печати" Хамелеонъ переходитъ въ другой „органъ, пользующійся самою дурною репутаціей, спекулирующій на доносъ и на пасквиль". Тамъ этотъ литераторъ нѣкоторое время представляетъ изъ себя какъ будто даже силу, „ядовито обругивая" всѣхъ, съ кѣмъ онъ прежде работалъ заодно. Его жена, увлекавшаяся когда-то „хорошими" словами Хамелеона, съ ужасомъ разобрала, наконецъ, что онъ такое на самомъ дѣлѣ, и, послѣ одной, особенно подлой его статьи, убѣжала отъ него къ своей матери. Тогда „онъ обрушился на всѣхъ женщинъ", всячески опозоривалъ „ихъ стремленіе къ образованію, къ труду, къ самостоятельности". „Не было таланта, не было честнаго имени, которыхъ не облаяло бы его перо, разъ они не стояли въ его особомъ кругѣ обскурантовъ". Но всему конецъ бываетъ и за все бываетъ расплата: настало такое удобное время, что подобные этому герою литераторы стали быстро плодиться и на тѣ же мотивы затянули тѣ же пѣсни „новыми тонами", и Хамелеонъ очутился за штатомъ,—изъ редакціи его прогнали. Вкусы и аппетиты свои онъ успѣлъ набаловать, разстаться съ привычками не желалъ, а потому и полетѣлъ внизъ „съ головокружительною быстротой", очутился на бульварной скамейкѣ въ качествѣ „таинственной фигуры, старательно вслушивающейся" въ пылкіе споры молодыхъ людей... За такое любопытство въ ресторанахъ ему иногда „выливаютъ бутылку пива за воротъ" сюжетика. Хамелеонъ гадокъ, но автору въ этой гадинѣ жаль „человѣка", и въ насъ онъ вызываетъ жалость къ несчастному, дошедшему, по своей винѣ, до послѣдней степени паденія. Въ *Пессимистѣ* жаль дѣвушку, порхавшую мотылькомъ всю молодость въ погонѣ за „блестящею партіей" и поплатившуюся за это многими годами безотрадной жизни старой дѣвы. Даже въ такомъ несомнѣнномъ врагѣ, какъ эпидемія, не все только зло и гибельно. Въ очеркѣ *Холера* авторъ ука-

зываетъ, что подъ вліяніемъ общей опасности люди „дѣлаются менѣе черствы и заботятся о ближнихъ“: одинъ деньги жертвуетъ на устройство столовой для бѣдняковъ, другой завѣдуетъ этою столовой, домохозяева дезинфицируютъ квартиры бѣдныхъ жильцовъ, устраиваютъ кубы для кипятка, всѣ стараются облегчить участь людей неимущихъ, среди которыхъ особенно развивается болѣзнь. „Видите, сколько добрыхъ дѣлъ сдѣлала холера“,—заключаетъ господинъ, призывающій своихъ слушателей къ борьбѣ съ холерой не аптечными средствами, а болѣе вѣрными и сильными, улучшеніемъ положенія недостаточныхъ классовъ. Талантливо и горячо написанные призывы къ гуманности, прощенію и активной любви производятъ сильное впечатлѣніе, особенно благотворное въ наше время, когда продолжаетъ плодиться хамелеонство и человѣконенавистничество, живущее пасквилями, доносами и опозориваніемъ всѣхъ, стремящихся къ свѣту, къ знанію, къ честному труду, къ достойному человѣка существованію.

Отголоски 60-хъ годовъ. Очерки и разсказы Александра Молотова. Два тома. Изданіе С. А. Корнатовскаго. Спб., 1893 г. Ц. за два тома 2 р., каждаго тома отдѣльно—1 р. 50 коп. Шестидесятые годы представляютъ собою любопытнѣйшую эпоху пробужденія и развитія самосознанія всѣхъ слоевъ, всѣхъ классовъ русскаго народа: „все оживало, шло впередъ“, или, по меньшей мѣрѣ, все стремилось впередъ, ждало, надѣялось и вѣрило, и очень многимъ жертвовало въ чаяніи лучшаго будущаго. Съ конца 50-хъ годовъ, какъ только поставленъ былъ прямо вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, мысль встрепенулась, началась усиленная работа, имѣвшая задачей пересозданіе всѣхъ общественныхъ отношеній на новыхъ началахъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка,—много воды утекло и ею много смыто старой грязи. Осуществилось не все то, о чемъ мечтали и чѣмъ увлекались люди того времени, но, тѣмъ не менѣе, „старое“ исчезло почти сполна, смѣнилось новымъ, и это „новое“ въ свою очередь вызываетъ запросы и стремленія, требуетъ дальнѣйшаго развитія идей любви, добра и правды. Для молодого поколѣнія 80-хъ и 90-хъ годовъ въ высшей степени интересны и поучительны должны быть „отголоски“ того времени, когда началась эволюція, пережитая ихъ предшественниками,—поучительны должны быть правдивые разсказы объ упованіяхъ и увлеченіяхъ, о самыхъ ошибкахъ и даже заблужденіяхъ, при которыхъ происходилъ нѣсколько лихорадочный ростъ цѣлаго народа. Судя по заглавію книги г. Молотова, мы и ждали, что найдемъ въ ней дѣйствительные „отголоски“ пережитаго нами и лишь смутно извѣстнаго теперешней молодежи. Къ большому нашему разочарованію, ничего подобнаго не оказывается въ лежащихъ передъ нами двухъ томикахъ, составляющихъ, впрочемъ, въ общемъ 475 стр. Въ первомъ разсказѣ, озаглавленномъ: *Изъ записокъ русскаго офицера*, авторъ на 16 стр. разсказываетъ о безобразіяхъ офицеровъ, проводящихъ все время за картами и за выпивками... Какихъ это годовъ „отголосокъ“, мы рѣшительно недоумѣваемъ, но утверждаемъ, по личнымъ воспоминаніямъ, что къ 60-мъ годамъ этотъ очеркъ менѣ имѣетъ отношенія, чѣмъ къ 40-мъ и 80-мъ. Именно, въ 60-хъ годахъ игра въ карты и выпивки среди военной молодежи въ значительно мѣрѣ сократились, уступивши занятое ими время чтенію и горячимъ бесѣдамъ. Въ длинномъ повѣствованіи: *На новую дорогу* (*Изъ признаній уставшаго человѣка*), есть двѣ-три черточки, напоминающ кое-что изъ эпохи, поставленной въ заголовкѣ книги. Но повѣсть в

писана отъ перваго лица, нелюдимаго, отчасти больного и мизантропа, и вся посвящена чисто-личнымъ воспоминаніямъ, среди которыхъ мелькаютъ лишь очень блѣдныя тѣни немногихъ людей, съ которыми автору доводилось случайно сходиться. Всѣ эти люди, за исключеніемъ героини, нисколько не характерны вообще, весьма дрянны, въ какую бы эпоху они ни жили, возможны же, какъ негодные экземпляры, и въ прошедшемъ столѣтіи, и въ нынѣшнемъ и—пожалуй даже—въ имѣющемъ наступить черезъ 7 лѣтъ. Во 2-мъ томѣ напечатано семь небольшихъ разсказовъ, и изъ нихъ ни одного нельзя привести въ какую-либо связь съ 60-ми годами. *На американскомъ пароходѣ*,—таково заглавіе перваго разсказа,—помощникъ капитана избиваетъ молоденькую пассажирку; *Одинъ изъ столповъ* (второй разсказъ), владѣлецъ огромнаго состоянія, мерзко развратничаетъ и заставляетъ дѣлать то же красавицу жену; *Жемчужно-дорожный царекъ* (шестой разсказъ), управляющій дорогой, неистовствуетъ надъ женами своихъ подчиненныхъ. Швея, въ разсказѣ *Горькій хлѣбъ*, увѣряетъ, будто ни одной честной дѣвушкѣ житья нѣтъ отъ покушеній мужчинъ на ея добродѣтель. То же самое иллюстрируется разсказомъ *Забытая семья*. Въ разсказѣ *Дешевые лавры* изображена сумасшедшая дама и отчаянный шалопай ея сынокъ, въ разсказѣ *Двѣ дуры*—неправдоподобно геройствуютъ идіотки. Дуры, сумасшедшіе, шалопаи, развратники и всяческіе безобразники были и теперь есть, и очень долго не переведутся, но какъ разъ 60-е годы ихъ очень замѣтно обуздали большимъ подъемомъ общественнаго мнѣнія и широкой гласности, не останавливавшейся ни передъ какими обличеніями. Если доходятъ до нашего времени „отголоски“ той эпохи, то именно въ смыслѣ призыва къ освобожденію женщины отъ гнета нужды и отъ деспотизма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся. Если женщина и дѣвушка пріобрѣла нѣкоторыя права,—далеко не достаточныя пока,—то получила она ихъ и дальнѣйшія получитъ, благодаря той интеллектуальной работѣ, большая часть которой относится къ 60-мъ годамъ... Оставляя, однако, въ сторонѣ неподходящее заглавіе „очерковъ и разсказовъ“ г. Молотова, обо всѣхъ нихъ можно сказать, что написаны они искренно и мѣстами довольно горячо, но весьма неумѣло. Что же касается основныхъ идей автора и дѣлаемыхъ имъ обобщеній, то первыя представляются намъ крайне узкими, а вторыя—по большей части произвольными. Въ своихъ писаніяхъ авторъ не всегда въ ладу съ русскою грамотой, примѣры: „Николаевъ отвернулся отъ общества, *нужды котораго*, а тѣмъ болѣе бороться съ которымъ онъ не имѣлъ ни силъ, ни возможности“ (т. I, стр. 9). „Его бѣгали, какъ чумы“ (стр. 13). „Сбѣжавшіеся кошки и полный штатъ собакъ, *метаясь* изъ угла въ уголъ, пронзительно лаяли и выли“ (т. II, стр. 97). Есть прорухи и по фактической части: „Я успѣшно выдержалъ выпускной экзаменъ, удачно *защитилъ диссертацію* и вышелъ изъ университета съ дипломомъ кандидата“ (т. I, стр. 228). Опечаткамъ въ книжкахъ нѣтъ числа.

Universal-Bibliothek. 3051. Gedichte von M. I. Lermontoff. Im Versmass des Originals von Friedrich Fiedler. Mit Lermontoffs Bildnis. Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun. Ц. 10 к. Всеобщее вниманіе, обращаемое въ настоящее время образованною Европой на Россію, выражается, между прочимъ, и появленіемъ переводовъ на нѣмецкій языкъ лучшихъ русскихъ писателей. Такъ, въ извѣстномъ дешевомъ изданіи *Universal-Bibliothek*, среди поэтовъ всего міра встрѣчаемъ не мало и русскихъ. Еще въ 1869 г. здѣсь (№ 968)

напечатанъ переводъ *Героя нашего времени*, а недавно (1893 г.) вышелъ и переводъ *всѣхъ* лучшихъ лирическихъ произведеній Лермонтова, сдѣланный неутомимымъ переводчикомъ русскихъ поэтовъ г. Фидлеромъ, выпустившимъ въ 1889 г. свой извѣстный сборникъ *Der russische Parnass*, встрѣченный очень сочувственно германскою критикой и разсмотрѣнный въ нашемъ журналѣ (*Русская Мысль* 1889 г., кн. IV). Въ рецензіи мы, говоря о переводахъ изъ Лермонтова г. Фидлера, выражали желаніе, чтобы послѣдній перевелъ *всю лучшую* лирику знаменитаго поэта, и вотъ теперь желаніе наше исполнилось, и нѣмецкая литература, благодаря г. Фидлеру, имѣетъ очень точный, подчасъ буквальный и, притомъ, прекрасный по музыкальности, образности и задушевности переводъ всего, что есть лучшаго и законченнаго въ лирической поэзіи Лермонтова. Стихи расположены хронологически и сопровождаются сжатымъ, но дѣльнымъ біографическимъ очеркомъ. Обращаемъ вниманіе читателя и на то, что у Боденштедта (изд. 1866 г. *Gesammelte Schriften*), напримѣръ, переведено только 49 стихотвореній, включая и *Пѣсню о Калашниковѣ*, причемъ не переведены такія извѣстныя вещи, какъ *Ангелъ, Два великана, Когда волнуется, Первое января, Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва, Плѣнный рыцарь, Есть звуки, Изъ-подъ таинственной холодной полумаски, Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю, Сонъ* и мн. др.; у г. Федлера же всѣхъ переводовъ 117. Какъ на особенно удачные, укажемъ на *Betrachtung* (Дума), *Den ersten Januar* (Первое января), *Der Streit* (Споръ), *Ein Traum* (Сонъ), *Einsam tret ich* (Выхожу), *Wiegenlied einer Kosakenmutter* (Казачья колыбельная пѣсня), Пѣсня о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ (особенно хорошъ переводъ и первый *точный*), *Prophet* (Пророкъ) и др. Нельзя не порадоваться появленію такой прекрасной передачи любимаго нашего поэта, которою, вѣроятно, переводчикъ еще болѣе упрочитъ свою извѣстность въ Германіи, гдѣ уже обратили на себя вниманіе серьезной критики и прежніе переводы г. Фидлера: *Кольцовъ* (1885 г.), отзывъ о которомъ помѣщенъ въ *Русской Мысли* 1885 г., кн. IV; *Борисъ Годуновъ* (1886 г.); Недоросль (1888 г.); Der russische Parnass (1889 г.); всѣ мелкія драмы Пушкина (1891 г.). Поэтическіе труды переводчика тѣмъ болѣе цѣнны, что послѣдній самъ русскій и по воспитанію, и въ совершенствѣ владѣетъ нашимъ языкомъ. Какъ мы слышали, въ настоящее время г. Фидлеръ занятъ переводомъ нашихъ былинъ, изъ которыхъ уже свыше 10,000 стиховъ готовы.

Сочиненія Гюи де-Мопассана, избранныя Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Переводъ Л. П. Никифорова, просмотрѣнный Л. Н. Толстымъ. Москва, 1893 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп. Со смертью Гюи де-Мопассана въ нынѣшнемъ году европейская литература лишилась одного изъ талантливѣйшихъ романистовъ нашего времени. Онъ пользуется такою большою извѣстностью, что едва ли была надобность подогрѣвать интересъ публики къ его произведеніямъ въ русскомъ переводѣ особенною рекомендаціей даже столь крупнаго человѣка, какъ графъ Л. Н. Толстой, имя котораг дважды напечатано на оберткѣ вышеназванной книги. Но разъ графъ Толстой взялъ на себя трудъ „избирать“ для переводовъ г. Никифорова сочиненія знаменитаго писателя и „просматривать“ переводы, м съ этимъ и будемъ считаться. При такомъ отборѣ русская публика не можетъ получить полнаго и правильнаго понятія о французскомъ беллетристѣ, ибо несомнѣнно „избрано“ лишь то, что нравится гр. Толстому, и то, что подходитъ къ его собственному направленію, къ иде

ямъ, излюбленнымъ гр. Толстымъ въ данное время. Большое мѣсто въ книгѣ,—двѣ трети ея,—занято романомъ *Жизнь женщины*,—романомъ, которому мы не отвели бы перваго мѣста въ ряду сочиненій Гюи де-Мопассана, ни по его содержанію, ни по изложенію, довольно тягучему и мѣстами расплывающемуся въ лишнихъ подробностяхъ и повтореніяхъ. Существо дѣла въ томъ, что молоденькая дѣвушка, несмысленочка-институтка, выходитъ замужъ за очень дрянного господина, не по любви даже и не зная его, а такъ: ей, никого не видавшей, этотъ молодой человѣкъ слегка понравился, замужство представлялось ей освобожденіемъ отъ весьма легкой, впрочемъ, дѣвической зависимости, родители, люди ничтожные, находили партію подходящей,—героиня согласилась на этотъ бракъ и жестоко претерпѣла. Молодой человѣкъ оказался скрягой, сквалыжникомъ и такимъ развратникомъ, что, будучи еще женихомъ, сдѣлался любовникомъ горничной своей невѣсты и, женившись, продолжалъ вести себя ничуть не лучше. Въ результатѣ получилось несчастіе женщины изъ-за измѣнъ супруга. У героини родился сынъ. Въ неразумномъ увлеченіи материнскою любовью она воспитывала его совсѣмъ по-дурацки и выростила негоднаго шалопая,—получилось несчастіе женщины-матери. Судьба героини, дѣйствительно, плачевная, но читателя эти супружескія и материнскія огорченія не особенно растрогаютъ: во всѣхъ нихъ виновата и сама героиня. Кромѣ того, всѣ ея несчастія ничего не доказываютъ, ни къ какимъ общимъ заключеніямъ не могутъ привести. Авторъ слишкомъ много останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ супружескихъ отношеній, о которыхъ не представляется ни малѣйшей надобности говорить съ такою откровенностью. Поученіе сводится вотъ къ чему: дѣвицы и ихъ родители, будьте осмотрительны при выборѣ жениховъ! Чадолюбивыя маменьки, воспитывайте дѣтей разумно, иначе вы и себѣ, и имъ причините не мало бѣдъ. Изъ 9 мелкихъ разсказовъ мы отмѣтимъ лучшій, по нашему мнѣнію, *Лунный свѣтъ*, очень поэтичный и правдивый. Герой его, священникъ, непреклонно строгій къ себѣ и къ людямъ, почитаетъ безбрачіе и цѣломудріе высшими добродѣтелями, готовъ дойти до звѣрства, до убійства, когда узнаетъ, что его молоденькая родственница дѣвушка видается по ночамъ съ своимъ любовникомъ. Суровый патеръ отправляется подкарауливать нарушителей закона, но подъ вліяніемъ „луннаго свѣта“, таинственной жизни всей природы подъ его трепетными лучами, опускаетъ палку при видѣ цѣлующейся влюбленной парочки, поворачиваетъ назадъ и удаляется „растерянный, почти пристыженный, какъ будто онъ проникъ въ храмъ, куда не имѣлъ права вступать“. Въ его аскетической головѣ явилась мысль: „Можетъ быть, Богъ создалъ эти ночи, чтобы скрыть идеальнымъ покровомъ земную любовь людей“... и, возставая противъ такой любви, „не хотѣлъ ли онъ поступить противно воли Бога“. Выборъ такого разсказа для перевода мы считаемъ довольно знаменательнымъ для автора *Послѣсловія къ Крейцеровой сонатѣ*, такъ же точно, какъ и выборъ прекраснаго разсказа *Мадемуазель Перль*, доказывающаго, что любить земною любовью никогда не поздно и всегда дозволительно взять отъ жизни свою долю счастья, которую можетъ дать любовь, слишкомъ долго скрываемая обоими любящими другъ друга, хотя бы мужчина и былъ мужемъ другой женщины и отцомъ семейства. Разсказъ *Одиночество* заканчивается такою фразой: „Порой мнѣ кажется, что онъ правъ, порой—что онъ сошелъ съ ума“. Онъ — это тотъ господинъ, который говорилъ о вѣчномъ „одиночествѣ“ человѣка. То же самое мы можемъ

сказать о томъ „честномъ человѣкѣ“, чьи признанія мы прочли въ разсказѣ, озаглавленномъ *Исповѣдь*. Эта исповѣдь и разсказъ, носящій уже прямо заглавіе *Сумасшедшій*, производятъ чрезвычайно сильное и тяжелое впечатлѣніе... Относительно перевода, хотя и значится на книжкѣ, что онъ „просмотрѣнъ Л. Н. Толстымъ“, мы можемъ сказать только то, что онъ сносенъ, и мнѣніе свое подкрѣпимъ нѣсколькими выдержками. Переводчикъ, повидимому, слишкомъ точно держался подлинника и не осмѣливался замѣнять мѣстоименія существительными тамъ, гдѣ это необходимо въ русской рѣчи. Мы читаемъ: „Это прикосновеніе разбудило ее, и она взглянула на предметъ растерянным, глупымъ взглядомъ. Портфель упалъ и раскрылся. Золото и банковые билеты разсыпались по каретѣ. Она совсѣмъ проснулась, а веселость ея дочери разразилась взрывомъ смѣха“. „Жанна быстро шла... и очутилась, наконецъ, на краю скалы. Она быстро, инстинктивно остановилась и присѣла на корточки“... „Она... вдругъ стала дрожать бѣшеною дрожью“... „Она съ хитростью закрыла глаза“... „Онъ происходилъ изъ старинной ройялистической пикардійской семьи, очень религіозной, сыновья которой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служили въ арміи, въ *магистратѣ* и *церкви*“. „Драма вышла тѣмъ ужаснѣе, что она была беременна“... „Теперь сынъ походилъ больше всего на мать не столько чертами лица, не столько взглядомъ, плѣнительнымъ и фальшивымъ, соблазнительностью лукавой улыбки, открывавшей, казалось, двери рта для всѣхъ гнусностей, находившихся внутри ея“. Внутри кого это — *ея?* Это уже совсѣмъ не по-русски и совершенно невразумительно.

Путевые очерки Генрика Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. Большая часть этой книги занята *Письмами изъ Африки*, за ними слѣдуютъ: *Письма изъ Венеціи*, *Письмо изъ Рима* и очеркъ *Нерви*. Знаменитый польскій писатель, авторъ романовъ *Огнемъ и мечемъ*, *Потопъ*, *Безъ догмата* и нѣсколькихъ повѣстей, между другими—*Пойдемъ за нимъ*, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ, совершилъ два года назадъ большое путешествіе въ Египетъ, въ Аденъ, въ Занзибаръ и довольно далеко въ глубь Африки. Письма Генрика Сенкевича даютъ не только вѣрную, но и поразительно яркую картину далекихъ и любопытныхъ странъ, которыя посѣтилъ авторъ. Эти очень легкіе по формѣ, но замѣчательно содержательные по существу путевые наброски написаны образцово-мастерски и прочитываются съ неослабѣвающимъ увлеченіемъ. Во всѣхъ нихъ, а въ особенности въ письмахъ изъ Венеціи и изъ Рима, такъ и искрится, такъ и блещетъ огромный талантъ художника, глубоко чувствующаго и ясно понимающаго отзывчивою душой все имъ видѣнное и умѣющаго съ поразительною живостью передать всѣ испытанныя имъ впечатлѣнія.

Въ безсонныя ночи (Un Scrupul). Поля Бурже. Иллюстраціи Мирбаха. Автотипія О. Ренара. Изданіе товарищества А. А. Левенсона. М., 1894 г. Цѣна 50 к. Повѣсть эта извѣстна нашимъ читателямъ, она напечатана въ сентябрьской книжкѣ *Русской Мысли* за нынѣшній годъ подъ заглавіемъ: *Меньшая сестра Алины*. Въ предисловіи къ французскому изданію самъ авторъ называетъ свое произведеніе: *Un scrupul ou la petite soeur de la grande Aline*. Почему въ книжкѣ, изданной г. Левенсономъ, выставлено заглавіе, придуманное переводчикомъ, мы не знаемъ. Что же касается самого перевода, то онъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, мы не можемъ

сказать того же о воспроизведеніи превосходныхъ иллюстрацій Мирбаха мастерскою О. Ренара. Во французскомъ изданіи (Collection Lemerre) они очень хорошо гравированы Л. Руссо, и мы полагаемъ, что г. Левенсону лучше было бы воспользоваться тѣми же клише, а не портить хорошенькой книжки свѣтописною мазней.

Влюбленный дьяволъ. Ж. Казотта. Съ рисунк. Марамъ и Митисъ. Переводъ Л. Г. Жданова. Изданіе книжнаго магазина „Артистъ". Москва, 1894 г. Цѣна 80 коп. Жакъ Казоттъ родился въ Дижонѣ въ 1820 г., служилъ нѣкоторое время въ колоніяхъ, написалъ нѣсколько хорошенькихъ сказокъ въ прозѣ и въ стихахъ. Позднѣе, поддавшись увлеченію магіей, возмнилъ себя волшебникомъ, обладающимъ сверхъестественными знаніями и силами. Во время революціи казненъ въ 1792 г. за участіе въ ройялистскомъ заговорѣ. Повѣсть, озаглавленная *Влюбленный дьяволъ*, представляетъ собою лучшее изъ его произведеній, которыя вышли полнымъ изданіемъ въ Парижѣ въ 1817 г.,—четыре тома in 8. На этой повѣсти отразилось вліяніе вѣрованій автора въ кабалистику и магію, и вся повѣсть построена на чудесномъ воплощеніи дьявола въ прелестный образъ женщины, влюбленной въ молодого офицера, едва не погибшаго жертвою этой необыкновенной любви. Произведеніе это написано необыкновенно увлекательно и, хотя довольно устарѣло по существу, прочитывается съ живымъ интересомъ. Переводъ сдѣланъ весьма неровно и рядомъ съ вполнѣ удовлетворительными страницами попадаются весьма странныя фразы въ такомъ родѣ: „Казалось, она хотѣла меня упрекнуть, что я такъ мало раздѣляю выносимое ея удовольствіе". „Олимпія скоро поищетъ обожателя, который отдастъ ей больше справедливости, тѣмъ болѣе, что наша страсть, надо отдать честь куртизанкѣ, не сопровождалась у нея никакою мыслью о выгодѣ или разсчетѣ". Книжка издана красиво.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи".—„Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы". *Проф. А. Гилярова.*—„Физіологическая психологія". *Дитена.*

Вопросы Философіи и Психологіи, *ноябрь.* Ноябрьская книжка московскаго философскаго журнала выдается и по разнообразію содержанія, и по значительному объему. Нѣсколько спеціальныхъ статей трактуютъ о видахъ вѣры въ ея отношеніи къ знанію, о безсмертіи души, о ложныхъ вторичныхъ ощущеніяхъ и т. д. Въ этой же книгѣ кончены статьи редактора журнала Н. Я. Грота *Основные моменты въ развитіи новой философіи* и г. Сербскаго *Психологическія воззрѣнія Мейнерта.*

Проф. Гротъ останавливается въ заключительныхъ главахъ своего труда на англійской и французской философіи XVIII вѣка и на значеніи Канта. Для Н. Я. Грота „лучшимъ дополненіемъ и исправленіемъ системы Канта представляется ученіе Шопенгауэра о волѣ, такъ какъ именно это ученіе, несмотря на его крайности, лучше другихъ указало на способы перехода отъ абсолютныхъ формъ самопознанія къ *идеѣ абсолютнаго начала бытія* — воли, хотя и это ученіе, въ свою очередь, требуетъ радикальнаго преобразованія и переработки". Ближайшею задачей философіи, по мнѣнію проф. Грота, должно быть устраненіе коренного противорѣчія въ ученіи Канта, но это можетъ

произойти не на почвѣ Кантовской теоріи знанія, „а на почвѣ какой-то совершенно *новой*, еще никому невѣдомой, но всѣми (?) предчувствуемой точки зрѣнія". Нужно найти,—продолжаетъ проф. Гротъ,—совершенно новый фундаментъ философіи. Поиски должны быть направлены въ область психологіи, въ особенности въ психологію чувства и воли. Авторъ надѣется, что успѣхъ увѣнчаетъ дѣло въ близкомъ будущемъ. „Философія,—говоритъ онъ,—будетъ попрежнему вести человѣчество отъ низшихъ міросозерцаній къ высшимъ, отъ меньшаго самосознанія — къ большему, отъ менѣе стойкаго служенія идеаламъ — къ болѣе стойкому и энергическому. Въ этомъ ея вѣчный смыслъ и значеніе".

О задачахъ современной философіи говоритъ въ той же книжкѣ журнала г. Алексѣй Введенскій. Онъ полагаетъ, что руководящею точкой зрѣнія *русскаго* міросозерцанія служитъ *принципъ меліоризма*, и разработка философіи съ этой точки зрѣнія должна быть признана нашею національно-философскою задачей. Именно, она соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Введенскаго, особенностямъ и свойствамъ національно-русскаго мышленія и настроенія. Авторъ призываетъ мысль къ творчеству, къ смѣлому построенію гипотезъ, *къ интуитивному прозрѣнію*. Мірозиждетельный принципъ,—говоритъ онъ,—свободенъ, какъ свободна наша душа. Особенность нашего духа, *тенденцію къ улучшенію и преобразованію жизни* г. Введенскій подтверждаетъ ссылками на широкую популярность ученій Достоевскаго и Толстого. Но, замѣтимъ мы, едва ли на этомъ *принципѣ меліоризма* можно что-либо построить, едва ли такое построеніе можетъ дать достаточную силу *интуитивнаго прозрѣнія* въ тайны мірозданія. Г. Введенскій, въ противуположность проф. Гроту, не возлагаетъ большихъ надеждъ на психологію чувства и воли; *новаго* начала онъ совѣтуетъ искать въ *традиціи*, въ *соборности сознанія*. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было призывать мыслителей къ *богоподобной силѣ творчества?* Традицію надо только истолковывать и комментировать.

Отмѣтимъ интересныя статьи гг. Токарскаго (*Психическія эпидеміи*), Корнилова (*О человѣческой рѣчи*), Вагнера (*Психологическая природа инстинкта*), Ярмерштедта (*Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова*). Г. Бобровъ, въ статьѣ *Искусство и нравственность*, приходитъ къ такому же заключенію, къ какому пришелъ, напримѣръ, г. Гольцевъ въ своей книгѣ *Объ искусствѣ* (на это указываетъ г. Бобровъ): „Любовь къ ближнему и гуманные идеалы — вотъ что въ наше время становится высшимъ мотивомъ искусства".

Съ наступающимъ годомъ журналъ *Вопросы Философіи и Психологіи* безвозмездно переходитъ отъ А. А. Абрикосова въ собственность Психологическаго общества. Редакція выражаетъ увѣренность, что журналъ, охотно открывающій доступъ на свои страницы всѣмъ представителямъ русской философской науки, будетъ служить, въ рукахъ Психологическаго общества, выраженіемъ дѣйствительнаго уровня развитія философіи въ Россіи. Нельзя не пожелать, чтобъ эта увѣренность оправдалась, чтобы *Вопросы Философіи и Психологіи* все болѣе и болѣе подымали и критическую, и творческую мысль въ русскомъ обществѣ.

Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы. Профессора А. Гилярова. Кіевъ, 1893 г. Явленія гипнотизма, которыя особенно тщательно и удачно изучались французскими учеными, представляютъ высокій интересъ и для психолога, и для воспи-

тателя, и для врача. Въ обширной работѣ г. Гилярова обстоятельно сведены результаты, достигнутые въ этой области современною научною мыслью. Кромѣ того, г. Гиляровъ представилъ подробныя библіографическія указанія, такъ что каждый читатель можетъ навести справки по всѣмъ интересующимъ его подробностямъ. Напрасно только авторъ приравниваетъ къ гипнотизму спиритизмъ и требуетъ его научнаго изученія: вѣдь, попытки такого изученія были, но спириты окружаютъ свои манипуляціи такою *темнотой*, которая ясно свидѣтельствуетъ о крайнемъ легкомысліи однихъ и ловкомъ обманѣ другихъ.

Физіологическая психологія. Цигена. 14 лекцій. Перев. Милославскаго подъ редакціей Чижа. Спб., 1893 г. Изд. Павленкова. Цѣна 75 коп. Едва ли предлагаемая книга можетъ войти въ серію „популярно-научной библіотеки". Въ предисловіи самъ авторъ говоритъ, что его лекціи первоначально были назначены для психіатровъ, но съ увеличеніемъ круга слушателей характеръ курса измѣнился и „въ настоящей своей формѣ руководство назначается какъ для естествоиспытателя, такъ и для врача". Все это, однако, нисколько не уменьшаетъ достоинствъ книги, изложенной очень обстоятельно; переводъ же сдѣланъ лицомъ, знающимъ дѣло, хорошимъ языкомъ и изданъ весьма добросовѣстно.

Авторъ—врагъ метафизики, „доступъ въ которую строго воспрещается научному изслѣдованію". Психологія, излагаемая авторомъ, составляетъ часть опытной психологіи. Въ отличіе отъ доктрины Вундта, допускавшаго „особую вспомогательную величину—апперцепцію",— доктрины, представляющей значительныя выгоды въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ, не поддававшихся психо-физіологическому анализу, но по существу „равносильной отказу", — авторъ держится исключительно эмпирическаго метода, „оставаясь всегда въ законныхъ рамкахъ естествознанія", и цѣль его книги — „показать, что эта вспомогательная величина Вундта совершенно излишня и что всѣ психическія явленія могутъ быть объяснены и безъ нея". Надо замѣтить, что покойный Кандинскій, переводчикъ *Основъ психофизіологіи* Вундта, указывалъ, что „Вундтъ, также какъ и Фехнеръ, вводитъ элементъ совершенно излишній, т.-е. ни мало не помогающій дѣлу, именно „нервный процессъ", какъ неизвѣстный факторъ, промежуточный между раздраженіемъ и ощущеніемъ". Эта апперцепція, значеніе которой въ доктринѣ Вундта весьма велико, есть высшая душевная способность, правда, совершенно неизвѣстная, далеко не доказанная; Вундъ, какъ физіологъ, даетъ этой способности даже и мѣсто въ мозгу, именно въ лобныхъ доляхъ его. Дѣло, однако, отъ этого нисколько не выигрываетъ и метафизическая апперцепція не пріобрѣтаетъ отъ этого естественно-научной окраски. Тѣмъ болѣе, что лишеніе лобныхъ долей у человѣка, а, слѣдовательно, и возможности апперцепціи, не влечетъ за собою нарушеній психическихъ отправленій такого рода, гдѣ эта высшая душевная способность должна бы принимать самое дѣятельное участіе. Если же въ этихъ случаяхъ и наступаютъ дѣйствительно разстройства умственной дѣятельности, то они одинаково наблюдаются и при различныхъ другихъ пораженіяхъ мозга, гдѣ бы послѣднія ни локализировались. Данныя эмбріологіи и сравнительной анатоміи также не могутъ представить никакихъ доказательствъ въ пользу апперцепціи и ея локализаціи въ лобныхъ доляхъ мозга; такъ какъ что, въ виду отсутствія доказательствъ существованія этой высшей душевной способности и, во-вторыхъ, въ виду того вреда, кото-

рый приноситъ эта доктрина, „устраняющая возможность психо-физіологическаго анализа процессовъ мышленія“, „надо попытаться,—говоритъ авторъ,—объяснить путемъ ассоціаціи сущность сложныхъ мыслительныхъ процессовъ“. Съ точки зрѣнія автора, произвольнаго вниманія не существуетъ,—вмѣсто произвола, онъ допускаетъ „ассоціативный импульсъ“ ощущенія, зависящій отъ: 1) интензивности ощущенія, 2) его ясности, 3) силы сопровождающаго чувственнаго тока и 4) случайнаго сопоставленія представленій. Единственно „этимъ четыремъ факторамъ принадлежитъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ ощущеній за привлеченіе вниманія“. Слѣдовательно, произвольность нашего мышленія также „кажущаяся“, на самомъ же дѣлѣ „мы не можемъ думать такъ, какъ хотимъ“. Съ тою же логикой и послѣдовательностью авторъ отрицаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи и *кажущуюся* произвольность нашихъ поступковъ и совершенно отрицаетъ существованіе особой душевной способности—*воли*. Въ психической жизни, кромѣ ощущеній и представленій, нѣтъ никакого третьяго начала. „Ошибочно ожидать отъ психологіи абсолютныхъ законовъ этики, какъ и абсолютныхъ законовъ эстетики“; „виновность и отвѣтственность являются понятіями религіозными и соціальными, вовсе не принадлежащими къ области физіологической психологіи“; „метафизика, конечно, можетъ придти къ теоретической гипотезѣ субъекта... и назвать его нашимъ „я“, но физіологическая психологія не вправѣ прибѣгать къ такой гипотезѣ“.

Вообще, книга заслуживаетъ серьезнаго вниманія и требуетъ спеціальнаго разбора, неудобнаго въ рамкахъ библіографическаго отдѣла. Изложеніе идетъ въ формѣ лекцій: первыя двѣ содержатъ общій обзоръ содержанія и разборъ психологической схемы: ощущеніе, ассоціація и дѣйствіе. Въ слѣдующихъ 4-хъ лекціяхъ развиваются понятія о раздраженіи и ощущеніи; послѣднія—въ порядкѣ восходящей постепенности, начиная съ низшихъ вкусовыхъ и кончая зрительными, которымъ и отведена большая часть мѣста. Затѣмъ въ дальнѣйшихъ лекціяхъ слѣдуютъ: представленіе, понятіе, ассоціація идей, скорость ея, сужденіе и умозаключеніе. Вниманіе, произвольное мышленіе, наше „я“, память разобраны въ очень сжатой формѣ; особенно по отношенію къ разбору памяти можно сдѣлать упрекъ автору въ излишней сжатости изложенія; такъ, ничего не сказано о различныхъ видахъ памяти, о процессахъ запоминанія и воспоминанія, о роли этой способности въ нашей психической жизни. Послѣдняя лекція посвящена волѣ и общимъ выводамъ.

ИСТОРІЯ.

„Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“.— „Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій“. *Е. П. Карновича*.—„Мангазея и Мангазейскій уѣздъ“. *П. Н. Буцинскаго*.—„Къ исторіи Сибири“. *Его же*.—„Саратовскій край“.—„Пермскій край“.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 83-й. Спб. 1892 г. Тт. 84—87-й. Спб., 1893 г. Въ новыхъ томахъ *Сборника* большею частью продолжается печатаніе драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, начатыхъ печатаніемъ въ предъидущихъ томахъ этого изданія. Томъ 84-й занятъ *Протоколами, журналами и указами верховнаго тайнаго совѣта* за вторую половину 1728 г. О первостепенной важности этого матеріала нѣтъ надобности говорить;

предъидущіе 5 томовъ *Протоколовъ* успѣли уже обратить на себя вниманіе спеціалистовъ и разъяснили немало важныхъ вопросовъ въ исторіи нашей внутренней администраціи. Не менѣе важны, какъ для дипломатической, такъ и для общей исторіи Россіи XVIII вѣка донесенія иностранныхъ пословъ, изданіе которыхъ продолжается въ настоящихъ томахъ *Сборника*. Въ 86-мъ томѣ находимъ начало донесеній маркиза де-ла-Шетарди, присланнаго въ Россію въ 1739 году, послѣ шестилѣтняго перерыва дипломатическихъ сношеній съ Франціей. Шетарди явился съ порученіемъ поддерживать партію принцессы Елизаветы Петровны, постараться возвести ее на престолъ и вмѣстѣ съ этимъ замѣнить австрійское вліяніе при русскомъ дворѣ—французскимъ. На первыхъ порахъ, однако, Шетарди не зналъ, какъ приняться за исполненіе этихъ порученій: сдержанная политика Франціи толкнула Россію въ сторону союза съ Англіей, который настойчиво предлагалъ англійскій посланникъ Финчъ. Депеши Финча съ 1740 года по мартъ 1741 года напечатаны въ 85-мъ томѣ *Сборника*. Въ обоихъ томахъ находимъ интересныя извѣстія о придворныхъ событіяхъ, о дѣлѣ Волынскаго, о положеніи брауншвейгскихъ родителей только что появившагося на свѣтъ Іоанна Антоновича; наконецъ, Финчъ подробно описываетъ послѣдніе дни Анны Іоанновны, назначеніе Бирона регентомъ и его сверженіе. Въ извлеченіяхъ депеши Шетарди были извѣстны нашимъ историкамъ; депешами Финча также пользовался уже Соловьевъ; но въ полномъ своемъ составѣ всѣ эти донесенія являются впервые.

Въ 87-мъ томѣ *Сборника* продолжается изданіе *Политической переписки императрицы Екатерины II*. Въ настоящей пятой части заключаются документы, относящіеся къ двумъ годамъ, 1768—1769, когда польскій вопросъ впервые осложнился турецкимъ. Барская конфедерація, разрывъ съ Турціей, польскія дѣла составляютъ почти исключительное содержаніе тома. Наконецъ, въ 83-мъ томѣ издана *Политическая переписка генерала Савари во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ въ 1807 г.* Томъ этотъ изданъ со старательностью, съ какой не всегда издаются матеріалы въ *Сборникѣ историческаго общества*. Въ основѣ его лежитъ переписка Савари съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира, сохранившаяся въ парижскомъ національномъ архивѣ. Но она дополнена разнаго рода документами, относящимися къ тому же предмету и извлеченными изъ петербургскаго и парижскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ сдѣланы многочисленныя разъясненія, частью тоже почерпнутыя изъ документовъ упомянутыхъ архивовъ.

Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Е. П. Карновича. Съ 13 гравюрами. Спб., 1893 г. Цѣна 2 руб. Второе изданіе сборника біографическихъ этюдовъ Карновича очень удачно пополняетъ собою серію предназначенныхъ для большой публики историческихъ книжекъ по русской исторіи, вновь появившихся за послѣднее время или же только переизданныхъ, вродѣ *Историческихъ очерковъ и разсказовъ* г. Шубинскаго, о которыхъ мы имѣли случай говорить въ майскомъ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ (стр. 220—). Сборникъ Карновича заключаетъ въ себѣ 10 этюдовъ, изъ которыхъ половина имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ русской исторіи (*Морицъ Саксонскій, прусскій почтъ-директоръ Вагнеръ, Шевалье д'Еонъ, Каліостро, герцогиня Кингстонъ*), два представляютъ изложеніе съ поправками и дополненіями трудовъ Н. И. Григоровича *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями*

его времени и Петра фонъ Гётце *Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ* (изд. по-нѣмецки въ Лейпцигѣ), одинъ написанъ частію по очень любопытнымъ неизданнымъ источникамъ (*Архимандритъ Фотій*) и служитъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ этюду *Князь А. Н. Голицынъ;* наконецъ, два остающихся посвящены біографіи *Палатины венгерской Александры Павловны,* неудачной невѣсты шведскаго короля Густава IV, напомнившаго двору Екатерины II исторію съ датскимъ королевичемъ Вольдемаромъ въ Москвѣ XVII в., и эпизоду съ *Маріей-Терезіей Угрюмовой*, возбудившей „ненавистное", по словамъ императрицы Екатерины II, дѣло по обвиненію Пясоченскаго старосты Рыкса и генерала Комажевскаго, а, стало быть, косвенно и польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго въ злоумышленіи на жизнь князя Адама Чарторижскаго. Наиболѣе интересными и содержательными очерками, которые всѣ вообще написаны весьма живо, мы считаемъ посвященные Безбородкѣ, Голицыну, Фотію *), великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ и Вагнеру.

Хотя составъ сборника Карновича болѣе или менѣе случаенъ, однако, нельзя не замѣтить попытки автора связать свои этюды въ нѣчто цѣльное. Герои нашего автора—люди замѣчательные или загадочные: Морицъ саксонскій замѣчателенъ какъ претендентъ на Курляндское герцогство, приходившій въ прямое столкновеніе съ всесильнымъ при дворѣ Преобразователя „Данилычемъ" и ставившій нѣсколько разъ въ затрудненія русскую дипломатію въ отношеніи къ Польшѣ, а, главное, какъ человѣкъ, впервые принудившій русскую политику сдѣлать опытъ установленія русскаго вліянія въ Курляндіи (стр. 40); Шевалье д'Еонъ замѣчателенъ какъ личность, имѣвшая вліяніе на участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ и сильно интриговавшая въ пользу Франціи при дворѣ императрицы Елизаветы, мнимой невѣсты Морица саксонскаго, образъ жизни которой „съ нѣкотораго времени сталъ таковъ, что друзья Морица совершенно отказались отъ устройства его брака съ нею" (стр. 34); д'Еонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и загадочный человѣкъ: говорятъ, что онъ фигурировалъ при русскомъ дворѣ въ первый свой пріѣздъ въ Россію *въ юбкѣ* и скралъ изъ тайниковъ какого-то архива копію съ завѣщанія Преобразователя (стр. 59, 74, 88; текстъ этого подложнаго завѣщанія см. у С. Н. Шубинскаго); г-жа Угрюмова, успѣвшая встревожить великую императрицу и вызвать сношенія русскаго двора съ вѣнскимъ, загадочна своимъ доносомъ на любимцевъ польскаго короля, способныхъ поколебать въ Польшѣ положеніе короля—екатерининскаго посаженника и партіи преданной интерамъ Россіи съ Ксаверіемъ Браницкимъ во главѣ (стр. 126, 138); „ненавистное" дѣло Угрюмовой характерно для польской политики Екатерины II; англійская леди Кингстонъ, русская помѣщица, хозяйка винокуреннаго завода, и русская великая княгиня Александра Павловна, палатина венгерская, замѣчательны противуположностью своихъ судебъ и при жизни, и по смерти: сопоставленіе ихъ біографій въ одномъ сборникѣ нельзя не признать удачнымъ; канцлеры Безбородко и Голицынъ—типическіе дѣятели Екатерининскаго и Александровскаго временъ, хотя далеко не великіе государственные люди, но очень замѣчательные по своей дѣятельности и по своимъ ролямъ; остаются двѣ

*) Исторія съ книгой Госнера, о которой упоминаетъ Карновичъ, обстоятельно изложена П. М. Остроглазовымъ въ статьѣ *Исторія одной рѣдкой и замѣчательной книги.*

не то загадочныхъ, не то замѣчательныхъ личности—Каліостро и Фотій, но они загадочны или замѣчательны не сами по себѣ, а лишь по столкновенію ихъ съ верхушками петербургскаго общества; кромѣ личностей, оказавшихъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій въ Европѣ или какомъ-нибудь отдѣльномъ ея государствѣ, заслуживаютъ, по словамъ Карновича (стр. 98), вниманія исторической литературы и такія личности, которыя, не имѣя политическаго значенія, пользовались, однако, громкою извѣстностью среди современниковъ и въ настоящее время любопытны именно для характеристики настроеній ихъ современниковъ (срав. стр. 32, 126). Если пробѣжать очерки Карновича, имѣя въ виду указанныя отдѣльныя его замѣчанія и сопоставляя обрисованныя имъ личности, то отъ сборника получится нѣкоторое впечатлѣніе цѣльности. Отмѣтимъ еще этюдъ о Вагнерѣ, въ которомъ имѣютъ цѣну выдержки изъ сибирскаго дневника неунывающаго прусскаго почтъ-директора, и введеніе къ очерку *Князь А. А. Безбородко*, предлагающее нѣсколько общихъ замѣчаній о русскихъ государственныхъ людяхъ.

Сборникъ Карновича, въ общемъ, представляетъ очень живое и занимательное историческое чтеніе, его можно усердно рекомендовать читающей публикѣ, сожалѣя, что по злому нынѣшнему обычаю онъ испещренъ опечатками, а стр. 443, судя по заголовку раздѣла XII, даже совсѣмъ недопечатана.

Мангазея и Мангазейскій уѣздъ (1601—1640 гг.). П. Н. Буцинскаго. Харьковъ, 1893 г.—Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г. П. Н. Буцинскаго. Харьковъ, 1893 г. Обѣ брошюры, составляющія продолженіе докторской диссертаціи проф. Буцинскаго *Заселеніе Сибири*, составлены по тому же обильному матеріалу: документамъ сибирскаго приказа московскаго архива юстиціи, и излагаютъ на основаніи этого матеріала процессъ заселенія Западной Сибири русскими колонистами и отношеніе колонистовъ къ туземному инородческому населенію. Въ общихъ взглядахъ на эти вопросы авторъ хочетъ быть оригинальнымъ. Онъ „не раздѣляетъ того мнѣнія, что будто бы алчность къ наживѣ вела русскихъ промышленниковъ все дальше въ глубь Сибири. Нѣтъ, помимо матеріальныхъ интересовъ ими руководилъ необыкновенный духъ предпріимчивости, страсть къ рискованнымъ предпріятіямъ, жажда знанія, что таится въ невѣдомыхъ мѣстахъ“. „Равнымъ образомъ, несправедливо обвиненіе, что будто эти передвиженія русскихъ людей въ Сибири неизбѣжно сопровождались грабежами и даже истребленіемъ инородцевъ“. Напротивъ, бѣдные русскіе колонисты страдали отъ туземцевъ и воеводы напрасно упрашивали московское правительство быть съ туземцами построже. За исключеніемъ подобныхъ разсужденій, притянутыхъ за волосы авторомъ, брошюры привлекаютъ вниманіе интересомъ самого матеріала, употребленнаго въ дѣло г. Буцинскимъ; нечего говорить, что этотъ самый матеріалъ, какъ и матеріалъ, опубликованный въ диссертаціи г. Буцинскаго, свидѣтельствуетъ совсѣмъ не о томъ, что хотѣлъ бы заключить изъ него авторъ. Спеціалистъ оставитъ въ сторонѣ его разсужденія и будетъ пользоваться его фактами.

Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ, 1893 г. Въ предисловіи къ этому сборнику находимъ слѣдующее объясненіе относительно цѣлей его изданія: „Лѣтъ десять тому назадъ кружокъ сара-

товскихъ литераторовъ, по преимуществу наименѣе обезпеченныхъ тружениковъ мѣстной періодической печати, проектировалъ основать „Общество пособія литераторамъ“, подобное существующему въ Петербургѣ. Въ 1887 году удалось осуществить этотъ проектъ, и нынѣ уже пятый годъ существуетъ „Саратовское общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ“. Отчетъ общества за минувшіе четыре года можетъ убѣдить каждаго, что первый „провинціальный литературный фондъ“ обладаетъ очень и очень скромными средствами. Добиваясь улучшенія своего положенія, общество, помимо обычныхъ мѣръ къ увеличенію денежныхъ средствъ, рѣшило обратиться къ предпріятію издательства. Въ 1890 году общее собраніе одобрило проектъ совѣта—издать литературный сборникъ; съ тѣхъ поръ въ распоряженіе общества поступило безвозмездно достаточно матеріала, относящагося къ исторіи развитія въ саратовскомъ краѣ культуры и умственной жизни. Такимъ образомъ, явился этотъ первый выпускъ, издаваемый на средства общества и въ его пользу“.

Привѣтствуя благое начинаніе саратовскаго общества и желая ему всякаго успѣха, мы не можемъ не замѣтить, что изданный въ свѣтъ первый выпускъ *Саратовскаго края*, и помимо благотворительныхъ цѣлей, какія онъ преслѣдуетъ, имѣть всѣ права на то, чтобы не затеряться въ массѣ благотворительныхъ изданій этого рода. Мѣстный историкъ найдетъ здѣсь подробный хронологическій указатель событій, относящихся къ исторіи Саратова, и очень обстоятельныя воспоминанія о состояніи города въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи: объ урочищахъ, улицахъ, зданіяхъ общественныхъ и частныхъ и т. п. Для историка русскаго провинціальнаго общества сборникъ также дастъ обильный матеріалъ. *Записки* К. И. Попова вводятъ читателя въ старинный чиновничій мірокъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; рядъ статей Н. Ф. Хованскаго по исторіи саратовскихъ періодическихъ изданій обогащаетъ наши свѣдѣнія объ исторіи провинціальной печати. Къ этимъ статьямъ примыкаютъ статьи по исторіи типографій, книжной торговли и народнаго образованія въ Саратовѣ. Главными вкладчиками настоящаго выпуска являются Ф. В. Духовниковъ и Н. Ф. Хованскій, которымъ принадлежатъ 8 статей изъ 14-ти, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ.

Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый пермскимъ губернскимъ комитетомъ. Томъ второй. Пермь, 1893 г. Три первыя статьи настоящаго второго тома имѣютъ большой интересъ для археолога и историка. Въ статьѣ *Древности Пермской губ. въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ* г. Теплоуховъ дѣлаетъ попытку объяснить значеніе извѣстныхъ, очень типичныхъ для Пермскаго края археологическихъ находокъ, имѣющихъ форму людей и животныхъ, изъ религіозныхъ вѣрованій мѣстныхъ финскихъ племенъ. Къ статьѣ приложены три таблицы снимковъ. Слѣдующая статья, г. Чупина, важна для исторической географіи края: она комментируетъ карту Екатеринбургскаго вѣдомства 1734—1736 гг., копія съ которой тутъ же приложена. Наконецъ, *Матеріалы къ исторіи пермскаго майоратнаго имѣнія графовъ Строгановыхъ* сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о состояніи хозяйства, вотчиннаго управленія и суда въ названномъ имѣніи въ первой трети нынѣшняго столѣтія. Остальныя статьи посвящены зоологіи, сельскому хозяйству и народной медицинѣ въ предѣлахъ Пермскаго края.

СТАТИСТИКА.

„Харьковскій сборникъ". — „Свѣдѣнія о финансовомъ положеніи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія за время съ 1881 по 1893 г.". *М. А. Ратькова-Рожнова.* — „Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ". *А. И. Пумперова.* — „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій въ Новгородской губ.".

Харьковскій сборникъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Вып. 7. 1893 г. Какъ извѣстно, статистическія работы харьковскаго губернскаго земства совершенно не походятъ на земско-статистическія изслѣдованія по другимъ губерніямъ. Земская статистика, давшая такъ много для уясненія различныхъ сторонъ русской жизни, обыкновенно является синонимомъ экспедиціоннаго способа изслѣдованія. Харьковская губернская управа открыто высказывалась противъ мѣстныхъ изслѣдованій и была увѣрена, что, путемъ разсылки отношеній, предписаній и различныхъ опросныхъ бланковъ, можно получить не только пригодный, но и такой статистическій матеріалъ, „какого никѣмъ еще не было собрано до настоящаго времени" (отчетъ губернской земской управы за 1880 г.). Надо ли говорить, что и сама управа не рѣшалась пользоваться этимъ небывалымъ матеріаломъ? Бланки разсылалиеь, получались какія-то цифры о „землевладѣніи и земледѣліи Харьковской губ.", цифры тщательно подсчитывались, печатались сборники,—сами составители сборниковъ съ ужасомъ видѣли, что они не могутъ не только контролировать, но и понять, что означаютъ цифры, присланныя имъ на бланкахъ... Можетъ быть, со стороны земской коммиссіи 1885 года было нѣсколько жестокимъ признать всѣ эти сборники никуда „непригоднымъ" матеріаломъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ крайне недостаточенъ и требуетъ, раньше пользованія имъ, самой тщательной критики. При такихъ условіяхъ такого рода работы, какъ лежащій предъ нами *Харьковскій сборникъ*, имѣютъ особый интересъ; какъ этотъ (7-й), такъ и всѣ предъидущіе шесть его выпусковъ освѣщаютъ нѣкоторыя стороны жизни губерніи. Само собою разумѣется, губернскому статистическому комитету немыслимо произвести сплошное изслѣдованіе губерніи экспедиціоннымъ способомъ, но и за тѣ, поневолѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія даетъ намъ *Харьковскій сборникъ*, мы должны быть благодарны комитету, такъ какъ правильныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій въ этой губерніи не существовало, если не считать обстоятельнаго сборника по Богодуховскому уѣзду, работы по Харьковскому уѣзду и отчасти по Зміевскому; но все это—изданія уѣздныхъ земствъ, задававшихся различными цѣлями, составленныя далеко не по одному плану.

Содержаніе всѣхъ выпусковъ *Харьковскаго сборника*, несмотря на все ихъ разнообразіе и значительный интересъ отдѣльныхъ статей, также свидѣтельствуетъ о чрезвычайной важности для Харьковской губерніи экспедиціонныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, организованныхъ губернскимъ земствомъ по одному плану. Въ послѣднемъ (7-мъ) выпускѣ *Сборника* даны статьи объ обычномъ правѣ въ Харьковской губерніи, начаты печатаніемъ этнографическіе матеріалы, собираемые при посредствѣ сельскихъ учителей, есть статья историческаго характера, двѣ „юбилейныхъ" статьи, какъ ихъ называетъ редакція, и т. д. Все это вполнѣ умѣстно въ данномъ сборникѣ, но и не претендуетъ даже хотя бы на нѣкоторое ознакомленіе читателя съ современнымъ экономическимъ состояніемъ губерніи. Правда, въ

Сборникъ есть статья, озаглавленная *Современная деревня въ Харьковской губерніи*, но и она носитъ этнографическій характеръ и является не плодомъ изученія даннаго вопроса, а лишь бѣглымъ наброскомъ. Сообщая нѣкоторыя интересныя указанія, статья эта не только не даетъ понятія о томъ, какой матеріалъ положенъ въ ея основаніе и, даже, къ какой именно мѣстности губерніи относятся сообщаемые факты. А, вѣдь, Харьковская губернія крайне разнообразна. Наприм., вторая глава этой статьи озаглавлена: *Общинное землевладѣніе*. Вы найдете въ ней такія интересныя указанія, какъ то, что въ настоящее время въ Харьковской губерніи наблюдается стремленіе къ передѣлу полевой земли на наличныя души и что движеніе въ пользу общиннаго землевладѣнія охватило много селеній и хуторовъ съ старозаимочнымъ типомъ землевладѣнія. Авторъ отмѣчаетъ высокое культурное значеніе общиннаго землевладѣнія въ губерніи. Оно „уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ „старыхъ заимокъ", расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный сѣвооборотъ, равномѣрно распредѣлило землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе" и т. д. И все же мы не знаемъ, къ какой мѣстности губерніи относится сказанное, въ какихъ мѣстностяхъ ея общинное землевладѣніе преобладаетъ, какъ развиты формы владѣнія, приближающіяся къ частной собственности,—словомъ, совершенно отсутствуетъ количественный учетъ явленія. Да это и понятно: для правильнаго учета разнообразныхъ явленій экономической жизни необходимо сплошное мѣстное статистическое изслѣдованіе, что доступно лишь для губернскаго земства.

Пожелаемъ же, чтобы харьковское губернское земство поскорѣе приступило къ экспедиціонному изслѣдованію хозяйственной жизни губерніи; тогда, на ряду съ такого рода земско-статистическими публикаціями, изданія статистическаго комитета, вродѣ разсматриваемаго сборника, пріобрѣтутъ особый интересъ въ качествѣ дополненія результатовъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Свѣдѣнія о финансовомъ положеніи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія за время съ 1881 по 1893 г. Составилъ М. А. Ратьковъ-Рожновъ. Спб., 1893 г. Этотъ почтенный трудъ не даетъ стройнаго очерка финансоваго хозяйства столицы, а лишь группируетъ богатый цифровый и иной справочный матеріалъ для сужденія о ея финансовомъ состояніи. Главное содержаніе этого труда составляютъ погодныя таблицы доходовъ и расходовъ Петербурга по параграфамъ смѣты за 1881—93 гг., что̀, при значительной неустойчивости формъ росписи и отчетовъ петербургскаго городского управленія, потребовало отъ составителя много внимательнаго и кропотливаго труда и серьезнаго знакомства съ дѣломъ. Въ текстовомъ введеніи къ таблицамъ авторъ, повидимому, ставитъ практическую задачу—помочь городу разобраться въ отдѣльныхъ статьяхъ городскихъ доходовъ для выполненія самой насущной потребности Петербурга—отыскать способы къ ихъ увеличенію.

Обращая вниманіе на доходы Петербурга за 1881 и 1891 гг., увидимъ, что за эти 11 лѣтъ они возросли съ 5,9 до 7 милл. руб. или чуть не на 2 милл. руб., т.-е. дали до 167 тысячъ ежегоднаго прироста. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи доходовъ Петербурга, оказывается, что такое возростаніе ихъ за взятый періодъ въ значительной степени случайно. За это время на городское управ

леніе было возложено содержаніе городскихъ больницъ и призрѣніе больныхъ вообще, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему были переданы и больничные капиталы, и право взиманія больничнаго сбора, черезъ что доходъ города возросъ до 785 тыс. руб. Благодаря новой организаціи пріема и контроля адреснаго и прописочнаго сборовъ, доходъ города увеличился въ 1891 году сравнительно съ 1881 на 630 тыс. руб.; устройство новой скотобойни и рынка на Сѣнной площади возвысили доходъ Петербурга еще на 390 тыс. Вычитая всѣ эти суммы, единовременно увеличившія доходъ нашей столицы, изъ разницы между доходами 1891 и 1881 гг. увидимъ, что естественный ростъ доходовъ Петербурга за 11 лѣтъ не превысилъ 35 тыс. руб. или 3 тыс. въ средній годъ. Очевидно, на естественный ростъ доходовъ петербургскому городскому управленію разсчитывать не приходится.

А, между тѣмъ, городъ не могъ не увеличивать расходовъ, удовлетворяя вопіющія нужды и потребности населенія; такое возростаніе расходовъ по многимъ статьямъ предвидится и впослѣдствіи. Расходы по общественному благоустройству съ 1881 г. возросли къ 1892 г. на 100 тыс. руб., и прекращеніе такого роста трудно предвидѣть. Хотя расходы по народному образованію съ 1881 г. возросли почти втрое (до 650 тыс.), а число училищъ съ 88 возросло до 300, тѣмъ не менѣе, до 15 тысячъ дѣтей 7—12 лѣтъ нигдѣ не обучаются и городу трудно миновать новаго усиленія расходовъ на этотъ предметъ. Больничная часть также потребуетъ новыхъ издержекъ, особенно на призрѣніе и леченіе душевно-больныхъ, а, между тѣмъ, и теперь уже городъ расходуетъ на врачебную и санитарную часть до 2 м. р. ежегодно; расходы по общественному призрѣнію бѣдныхъ несомнѣнно должны быстро возростать и т. д. При такихъ условіяхъ дефициты неизбѣжны. Уже въ теченіе разсматриваемыхъ 11 лѣтъ общій дефицитъ достигъ $1^1/_2$ м. р. или, среднимъ числомъ въ годъ, достигаетъ почти 150 т. р., но до сихъ поръ онъ покрывался изъ быстро таящаго запаснаго капитала и изъ нѣкоторыхъ иныхъ изсякающихъ источниковъ; въ ближайшемъ же будущемъ годичный дефицитъ грозитъ возрости до $^1/_2$ милліона и стать критическимъ явленіемъ, такъ какъ современные источники дохода совершенно недостаточны для ростущихъ городскихъ потребностей.

Крайняя затруднительность финансоваго положенія Петербурга была признана еще въ 1880 году, когда дума сочла необходимымъ возбудить ходатайство о пересмотрѣ финансоваго положенія Петербурга особою коммиссіей. Ходатайство это было признано не подлежащимъ удовлетворенію. Городовое положеніе 11 іюня 1892 года также ничего не исправило въ этомъ отношеніи. Если и возможны нѣкоторыя сокращенія, то лишь незначительныя; расходы все же годъ отъ году должны возростать, и изысканіе средствъ къ ихъ покрытію является въ настоящее время самою насущною необходимостью для Петербурга. Новое городовое положеніе допускаетъ, правда, нѣкоторое увеличеніе обложеній, но это значительно обременитъ плательщиковъ и въ самомъ лучшемъ случаѣ позволитъ покрыть безъ дефицита лишь обычные расходы, а для удовлетворенія наростающихъ нуждъ необходимы и новые источники доходовъ.

Въ 1893 году исполнилось 20-ти-лѣтіе со времени введенія въ Петербургѣ городового положенія 1870 года, вносившаго начала своего управленія въ хозяйственную дѣятельность городскихъ общественныхъ представителей. За это время Петербургъ сталъ неузнаваемъ не только

по внѣшнему облику, но и по болѣе глубокимъ проявленіямъ его общественной жизни. Одною изъ главныхъ причинъ этого была та доля самостоятельности, какая была дарована городскому общественному управленію городовымъ положеніемъ 1870 года. Только что введенное городовое положеніе во многомъ возвращается къ началамъ положенія 1846 года, когда дѣятельность общей думы была подчинена администраціи. Остается только пожелать вмѣстѣ съ почтеннымъ авторомъ разсмотрѣннаго труда, чтобы возвращеніе къ началамъ городского хозяйства по положенію 1846 года не было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и возвращеніемъ къ порядкамъ и результатамъ той эпохи.

Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. А. И. Пульхерова. Псковъ, 1893 г. Эта книжка, изданная псковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, сообщая весьма интересныя данныя по исторіи и современному состоянію образованія въ Великолуцкомъ уѣздѣ, проникнута, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ теплымъ чувствомъ автора къ дѣлу народнаго просвѣщенія его роднаго края. Недаромъ г. Пульхеровъ начинаетъ и кончаетъ свой трудъ горячимъ призывомъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

Лежащая передъ нами книжка разсматриваетъ положеніе народнаго образованія въ уѣздѣ съ открытія перваго училища въ Великихъ-Лукахъ въ половинѣ прошлаго вѣка и заканчиваетъ 1891—92 учебнымъ годомъ. Въ ней, кромѣ обзора школьнаго дѣла въ самомъ широкомъ смыслѣ слова (отъ школы грамотности до реальнаго училища), сообщаются также свѣдѣнія и о такихъ образовательныхъ средствахъ, какъ общественныя и иныя библіотеки, публичныя лекціи, выписка газетъ и журналовъ и т. д., а также приложены хорошо исполненные портреты мѣстныхъ уроженцевъ, потрудившихся надъ развитіемъ дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ — А. И. Семевскаго, протоіерея И. М. Пульхерова и М. И. Семевскаго.

Не останавливаясь здѣсь на историческомъ развитіи школьнаго дѣла и грамотности, отмѣтимъ лишь ихъ современное состояніе въ городѣ и уѣздѣ.

На основаніи однодневной переписи городовъ Псковской губ., произведенной мѣстнымъ статистическимъ комитетовъ въ 1887 году, въ Великихъ-Лукахъ оказалось 50% грамотныхъ обоего пола, причемъ среди мужчинъ этотъ процентъ повышается до 56,2, среди женскаго населенія падаетъ до 42,1. Изъ городовъ губерніи только Псковъ стоитъ нѣсколько выше по степени грамотности населенія (51,6%), Холмъ — ниже изъ числа всѣхъ 8 городовъ, а именно въ немъ 26,3% грамотныхъ женскаго пола, хотя мужская грамотность и выражается 57,1%. Сравнивая грамотность населенія Великихъ-Лукъ по переписямъ 1870 и 1887 гг., мы увидимъ, что она возросла на 12,7%. Особенно любопытно сравненіе повозрастной степени грамотности за оба періода: такъ, наприм., подростки отъ 11 до 15 лѣтъ заключали въ 1870 г. менѣе 60% грамотѣевъ, а въ 1887 г. среди нихъ оказалось уже 82,6% грамотныхъ. Такимъ образомъ, недалеко то время, когда почти все населеніе Великихъ-Лукъ будетъ грамотнымъ. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать чего-либо подобнаго о дѣятеляхъ Великолуцкаго уѣзда.

Правда, сравнивая современное положеніе дѣла начальнаго образованія съ тѣмъ, что было въ до-земскія времена, мы замѣтимъ, ко-

нечно, значительный шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, но остается сдѣлать еще очень и очень много. Въ 1892 году на весь уѣздъ было лишь 10 школъ земскихъ, 13 школъ грамотности и 17—церковноприходскихъ. Учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ насчитано лишь 1,433, которые дѣлились почти поровну между 10 земскими (727) и остальными 30 школами (706 учащихся). По разсчету автора, дѣтей школьнаго возраста (отъ 9 до 14 л.) въ уѣздѣ около 10½ тысячъ или свыше 9,000 изъ нихъ не обучаются въ школахъ. Авторъ, полагая на каждое училище 36 дѣтей, думаетъ, что предстоитъ открытіе еще 262 школъ, чтобы всѣ дѣти могли пройти черезъ школу. Цифра школъ, дѣйствительно, колоссальная. Мы можемъ нѣсколько успокоить автора, уменьшивъ цифру школъ, по крайней мѣрѣ, вдвое, такъ какъ имъ взята 6-ти лѣтняя возрастная группа, а курсъ народной школы длится лишь 3 и даже 2 года. Но, во всякомъ случаѣ, и открытіе 100—130 школъ—работа громадная и великолуцкому земству есть надъ чѣмъ поработать, а, между тѣмъ, за послѣднія 13—14 лѣтъ оно открыло всего одну школу.

Г. Пульхеровъ признаетъ, что земская школа стоитъ несравненно выше церковно-приходской, но, въ виду громадной цифры школъ, необходимыхъ для уѣзда, онъ считаетъ болѣе разумнымъ оставить въ сторонѣ этотъ „давно рѣшенный“ вопросъ и восклицаетъ: „больше свѣта, больше школъ, какихъ бы то ни было, но школъ, школъ и школъ!“ Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе обращеніемъ къ земскому учителю и учительницѣ, къ духовному пастырю, къ учителю и учительницѣ церковно-приходской школы и школы грамотности,— ко всѣмъ, кому дороги интересы меньшого брата,— напоминая имъ заповѣдь Спасителя накормить голоднаго и напоить жаждущаго и приводя въ заключеніе стихи поэта о сѣятелѣ знанія на ниву народную.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Новгородской губерніи. Тихвинскій и Старорусскій уѣзды. Хотя новгородское губернское земство еще въ 70-хъ годахъ прекрасно сознавало необходимость внимательно ознакомиться съ хозяйственною жизнью губерніи и съ этою цѣлью еще въ 1879 году организовало статистическое бюро, но и до сихъ поръ мы очень мало знаемъ о жизни Новгородской губерніи. Дѣло въ томъ, что съ самаго начала дѣло земско-статистическихъ изслѣдованій было поставлено здѣсь крайне неудовлетворительно: въ теченіе первыхъ 6 –7 лѣтъ (до 1885 года) главнымъ трудомъ организованнаго земствомъ статистическаго органа было изданіе списковъ населенныхъ мѣстъ, на основаніи свѣдѣній волостныхъ правленій... Правда, что въ концѣ этого періода земскимъ агрономомъ были изданы интересныя монографическія работы, а затѣмъ и полная подворная перепись по Крестецкому уѣзду, но въ 1885 году завѣдывавшій статистическими работами въ губерніи вышелъ изъ состава бюро, вышелъ съ земской службы и агрономъ, а губернская земская управа взяла дѣло статистики въ свои руки, задумавъ производить ежегодную подворную перепись въ губерніи черезъ волостныя правленія... Правда, съ середины 1886 года въ качествѣ завѣдывающаго былъ приглашенъ вполнѣ компетентный и опытный статистикъ, но менѣе чѣмъ черезъ два года онъ оставилъ бюро, а на его мѣсто приглашено новое лицо. Такого рода неустойчивость въ организаціи бюро, а частію и въ самыхъ требованіяхъ земскаго собранія не могло не отразиться на успѣшности земско-статистическихъ работъ, давшихъ весьма скромные результаты, несмотря на 15-ти лѣтнее существованіе бюро.

Съ 1886 года, согласно требованію земства, земско-статистическія работы въ Новгородской губерніи получили, главнымъ образомъ, оцѣночный характеръ; но въ двухъ первыхъ изслѣдованныхъ тогда уѣздахъ велась также и подворная перепись (по карточной системѣ), благодаря чему въ сборникахъ по Демянскому и Бѣлозерскому уѣздамъ даны не только оцѣночные матеріалы, но и весьма цѣнныя поселенныя таблицы, обоснованныя на данныхъ подворной описи, таблицы комбинаціонныя и цифровыя свѣдѣнія о частно-владѣльческихъ хозяйствахъ. Слѣдуетъ зимѣтить, что какъ названные ранѣе 3 сборника (по Крестецкому, Демянскому и Бѣлозерскому уѣздамъ, такъ и позднѣе вышедшіе (по уѣздамъ Валдайскому и Старорусскому) состоятъ изъ однихъ таблицъ и алфавитныхъ указателей, не содержа ни строчки текста; въ нихъ не только совершенно отсутствуетъ текстовая разработка всѣхъ цифровыхъ данныхъ сборниковъ, но даже не указано, откуда полученъ весь этотъ матеріалъ, кѣмъ и какимъ путемъ онъ собранъ и даже не извѣстно, кѣмъ изданы всѣ эти объемистые тома какихъ-то цифръ. Только въ сборникѣ по Тихвинскому уѣзду есть двѣ страницы разъясненій такого рода, но и здѣсь о самомъ интересномъ матеріалѣ сборниковъ даны крайне недостаточныя свѣдѣнія,— лишь въ пяти строкахъ. Тамъ говорится, что статистическимъ отдѣленіемъ собираются по каждой общинѣ „черезъ опросъ на мѣстахъ“ данныя о численности населенія, скотоводствѣ, арендуемой землѣ, посѣвахъ, урожаяхъ и платежахъ; все это разрабатывается и печатается въ особой таблицѣ сборника. Но что значитъ это неясное выраженіе: „опросъ на мѣстахъ“? Можно на мѣстахъ опрашивать и волостное правленіе, и сельскаго старосту, а можно дѣлать и подворную перепись по списочной или карточной системѣ. Очевидно, сборники, вышедшіе раньше (по Демянскому и Бѣлозерскому уу.), составлены на основаніи матеріала карточной подворной переписи; тамъ и въ таблицахъ прямо сказано: „населеніе *по переписи*“ такого-то рода, а въ послѣднихъ томахъ напечатано: „населеніе *по свѣдѣніямъ*“ такого-то года. Кто давалъ эти свѣдѣнія — староста или волостной писарь и насколько они заслуживаютъ довѣрія? Пора бы новгородскимъ статистикамъ,— ужь если они упорно отказываются давать текстовыя свѣдѣнія о жизни населенія,— хотя бы уяснить пріемы своихъ изслѣдованій, размѣры добываемаго матеріала и степень его доступности.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ“. *С. М. Барацъ.*

Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Составилъ С. М. Барацъ. Спб., 1893 г. Обширный трудъ, названіе котораго выписано нами въ заголовкѣ, представляетъ собой первую у насъ въ Россіи и довольно оригинальную попытку изучить теорію вексельнаго права въ связи съ практикой вексельнаго обращенія, провѣрить теоретическіе выводы данными практики. Въ своей книгѣ г. Барацъ собралъ огромный матеріалъ; укажемъ и наиболѣе цѣнныя мѣста книги: стр. 55, прим. 18, здѣсь авторъ даетъ сжатый историческій очеркъ происхожденія и значенія термина „ассигнація“; на стр. 79, въ прим. 8, изложены весьма цѣнныя свѣдѣнія о курсовыхъ биржахъ въ Петербургѣ и въ остальныхъ мѣстахъ Россіи

на 88 стр. находится очень интересное прим. 12 о срокѣ ярмарочнаго векселя; на стр. 127 обширное 9 прим. объ обращеніи векселя; на 144 стр. прекрасное изслѣдованіе о траттѣ. Особенно интересны главы: „вексель на предъявителя", „легитимація векселедержателя-презентанта", „протестъ векселей". Большой недостатокъ книги тотъ, что лучшія и самыя цѣнныя мѣста книги изложены въ примѣчаніи. Другой недостатокъ книги — совершенное отсутствіе какой-либо системы: авторъ выказалъ феноменальное трудолюбіе, необыкновенную энергію, собралъ огромный матеріалъ, но матеріалъ этотъ у него не размѣщенъ систематически; кромѣ того, еще одинъ крупный недостатокъ: это—отсутствіе какого-либо указателя,—недостатокъ, свойственный, впрочемъ, большинству научныхъ сочиненій, издаваемыхъ въ Россіи.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Очеркъ исторіи паровой машины и примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи". *А. А. Брандта.*—„Современные пріемы упроченія дерева". *М. Гольмсона.*

Очеркъ исторіи паровой машины и примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи. А. А. Брандта, профессора института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I. Съ одиннадцатью рисунками въ текстѣ. Спб. Прежде всего, авторъ даетъ краткій историческій очеркъ изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія паровой машины, затѣмъ говоритъ о появленіи у насъ первыхъ паровыхъ машинъ, о началѣ машиностроенія въ Россіи и о развитіи въ ней пароходства и паровозостроенія. Въ концѣ приведены статистическія свѣдѣнія о паровыхъ двигателяхъ въ Россіи. Таково содержаніе книжки проф. Брандта. Собственно исторія изобрѣтенія паровыхъ машинъ изложена весьма кратко, такъ какъ по этому вопросу есть нѣсколько подробныхъ и обстоятельныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, И. Божерянова (1842 г.), Хотинскаго (1853 г.), Ф. Араго въ переводѣ Хотинскаго (1861 г.).

Энергія, свойственная водяному пару, была извѣстна уже въ древности и примѣнена Героном Александрійскимъ къ изобрѣтенію извѣстнаго прибора, называемаго эолипиломъ. Это металлическій шаръ на полой оси, помѣщаемый надъ котломъ. Онъ снабженъ двумя короткими открытыми трубками, направленными въ противуположныя стороны. Паръ входитъ изъ котла въ шаръ по полой оси, а выходитъ черезъ эти трубки. Вслѣдствіе этого шаръ вращается подобно Сегнерову колесу. Затѣмъ въ теченіе цѣлыхъ семнадцати столѣтій энергія пара примѣнялась только къ изобрѣтенію различныхъ физическихъ игрушекъ, не выходившихъ изъ кабинетовъ средневѣковыхъ ученыхъ. По мнѣнію автора, къ этой же категоріи относятся аппараты, изобрѣтенные Саломономъ де-Ко и маркизомъ Ворчестеромъ (1601—1667 г.), которымъ иногда приписываютъ честь перваго изобрѣтенія паровой машины. Въ книжкѣ, изданной маркизомъ Ворчестеромъ (London, 1663 г.), есть описаніе, хотя и довольно неясное, подобной машины. Извѣстный физикъ Дезагюлье утверждаетъ, что Сэвери скопировалъ свою паровую водоподъемную машину съ машины Ворчестера, а затѣмъ поспѣшилъ скупить его книжку и сжечь всѣ найденные экземпляры. При историческомъ очеркѣ приложены снимки съ старыхъ машинъ Папена, Сэвери, Ньюкомена и Уатта, а также иллюстрація знаменитаго опыта Отто фонъ-Герике въ Регенсбургѣ (1654 г.) съ двумя огромными сло-

женными полушаріями, изъ которыхъ предварительно выкаченъ воздухъ. Снимокъ сдѣланъ съ старинной гравюры и изображаетъ тотъ моментъ, когда 20 лошадей, припряженныхъ по 10 къ каждому полушарію, не могутъ разнять, несмотря ни на какія усилія, сложенныхъ полушарій, сдавленныхъ вѣсомъ окружающаго ихъ воздуха.

Въ концѣ историческаго очерка сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи парохода и паровоза. Что касается усовершенствованій въ паровыхъ машинахъ, то они были направлены, главнымъ образомъ, къ тому, чтобъ увеличить ихъ силу и уменьшить ихъ вѣсъ. Старыя машины Ньюкомена развивали не болѣе 8 силъ, а современныя постоянныя машины строятъ до 1,000 силъ, а на броненосцахъ до 20,000 силъ. Вѣсъ на 1 силу 60 лѣтъ назадъ былъ 1,200 кило, а теперь не болѣе 100 кило.

Первые изобрѣтатели паровой машины,—говоритъ авторъ,—предчувствовали всю важность новаго орудія, которое они давали въ руки человѣчества, и чуть ли не ожидали, что это орудіе переродитъ людей и водворитъ на землѣ золотой вѣкъ. Маркизъ Ворчестеръ въ предисловіи къ своей книгѣ (*A Century of inventions*) обращается къ членамъ англійской палаты общинъ съ слѣдующими словами: „Въ ваши руки я предаю себя съ сердцемъ, не таящимъ честолюбія и полнымъ безпредѣльнаго желанія послужить королю и родинѣ. Если съ Божьяго благословенія мнѣ удастся достигнуть значительнаго увеличенія доходовъ короля, то я желаю, чтобы оно было употреблено на пользу народа, т.-е. на уничтоженіе податей и тягостей, подъ которыми онъ стонетъ и которыя наложены только вслѣдствіе временной необходимости". Съ тѣхъ поръ прошло 230 лѣтъ и паровые двигатели всего міра могутъ уже развивать въ 1 секунду до 50 милліоновъ силъ, т.-е. могутъ произвести работу, равную работѣ одного милліарда рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, человѣчество очень далеко отъ идеаловъ маркиза Ворчестера. Первая машина не облегчила народныхъ тягостей и не прошли еще,—говоритъ авторъ,—тѣ времена, когда, по словамъ Папена, второго изобрѣтателя паровой машины, „славу почитаютъ, главнымъ образомъ, въ возможности угнетать большое число безвинныхъ людей ради пріобрѣтенія власти и богатства". Первая паровая машина появилась въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Она была выписана имъ изъ Англіи и употреблялась для подъема воды въ Лѣтнемъ саду. Въ 1760 г. появилась книга Шлаттера *Обстоятельное наставленіе рудному дѣлу*, въ которой въ первый разъ на русскомъ языкѣ дано описаніе паровой машины Ньюкомена. Водоливная, огнемъ дѣйствующая машина вызываетъ со стороны автора (президентъ берггъ-коллегіи, главный судья монетной канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ) восторженное удивленіе. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—такого изобрѣтенія, которое бы разумъ человѣческій столько прославить могъ, какъ вымышленіе огнемъ дѣйствующихъ машинъ, которыми ужасныя тяжести подняты быть могутъ и которыя съ начала сего вѣка отъ англичанъ изысканы". „Огонь или субтельная матерія (такъ называли паръ),—пишетъ онъ далѣе,—сквозь поры или сквозь невидимыя скважины дна котла проходятъ в водяныя частицы въ жесткое обращеніе приводятъ. Такая матерія тог мо раздаваться усиливается, чтобъ съ бо́льшею вольностью происхо дить и для того оная поверхъ воды подымается и влечетъ съ собо во множествѣ субтельнѣйшія водяныя частицы, которыя потомъ по всѣмъ сторонамъ давленіе дѣлаютъ". Все описаніе очень интересно н только по стилю, но и по глубинѣ пониманія автора. Ознакомившис

по книгѣ Шлоттера съ паровою машиной, шихтмейстеръ Иванъ Ивановичъ Ползуновъ построилъ на Колывано-Воскресенскихъ заводахъ паровую машину для приведенія въ движеніе воздуходувныхъ мѣховъ и плавки серебряной руды. Паровая машина Ползунова описана въ статьѣ А. Воейкова (*Русская Старина* 1883 г., декабрь). Это была первая паровая машина, построенная въ Россіи. Шлоттеръ писалъ о ней, что она основана на тѣхъ же началахъ, какъ машина Сэвери и Ньюкомена, но достойнымъ похвалы искусствомъ Ползуновъ такъ успѣлъ измѣнить ея составъ, что его машину должно почитать новымъ изобрѣтеніемъ. Къ книжкѣ приложенъ рисунокъ машины Ползунова, снятый съ модели, хранящейся въ Барнаульскомъ горномъ музеѣ. Изъ этихъ краткихъ выдержекъ читатель уже можетъ составить понятіе о содержаніи интересной книжки г. Брандта. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что этотъ очеркъ предназначенъ для задуманнаго М. Н. Герсевановымъ (директоромъ института инженеровъ путей сообщенія) обширнаго изданія: *Исторія инженернаго искусства*. Книжка проф. Брандта, несмотря на свой малый объемъ (всего 70 стр.), заключаетъ въ себѣ много весьма полезныхъ свѣдѣній. Жаль только, что авторъ, при составленіи историческаго очерка о появленіи паровыхъ двигателей въ Россіи, не могъ воспользоваться архивными матеріалами и долженъ былъ ограничиться разбросанными въ разныхъ изданіяхъ довольно отрывочными статьями.

Современные пріемы упроченія дерева. М. Іоэльсона. (Извлеченіе изъ сообщенія Копецкаго). Изданіе кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Тифлисъ, 1893 г. Цѣна 10 коп. Небольшая брошюрка г. Іоэльсона затрогиваетъ одинъ изъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ нашего хозяйства, — вопросъ о болѣе бережливомъ, чѣмъ въ настоящее время, расходованіи древесныхъ матеріаловъ или, другими словами, о сохраненіи лѣсовъ. Брошюрка представляетъ собою извлеченіе изъ статьи управляющаго государственными имуществами Австріи Копецкаго, написанной по поводу вѣнской выставки 1890 года.

Способы консервированія дерева весьма разнообразны. Съ цѣлью предохранить древесину отъ гніенія, ее обрабатываютъ сулемой, мѣднымъ купоросомъ, хлористымъ цинкомъ, креозотомъ и т. п. антисептическими веществами. Авторъ болѣе останавливается на современныхъ пріемахъ консервированія, отмѣчая тѣ способы, которые нашли въ практикѣ наибольшее распространеніе. Покрываніе карболинеумомъ (подъ этимъ названіемъ въ торговлѣ обращаются тяжелыя масла, добываемыя изъ каменноугольнаго дегтя) и пропитываніе хлористымъ цинкомъ указываются авторомъ какъ весьма цѣлесообразные, надежные и практическіе методы консервированія. О практическомъ ихъ выполненіи говорится весьма кратко.

Вообще обозрѣніе современныхъ способовъ предохраненія дерева отъ порчи сдѣлано въ брошюрѣ весьма бѣгло и поверхностно, а потому едва ли оно можетъ принести серьезную пользу тѣмъ лѣсохозяевамъ, которые заинтересованы этимъ вопросомъ. Брошюра г. Іоэльсона представляетъ собою довольно поверхностный обзоръ методовъ консервированія, пригодный развѣ только для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ. Впрочемъ, и самъ авторъ не скрываетъ отъ читателей, что его брошюра только извлеченіе изъ статьи Копецкаго. Немнѣнно, однако, что г. Іоэльсону принадлежатъ нѣкоторые странные термины и неудачныя выраженія, какъ, наприм.: „пропитывающее вещество легко потомъ выщелачивается дѣйствіемъ *атмосферилій*“ (стр. 6); „креозотъ

вдавливается *подъ гнетомъ* 10 атмосферъ. Этотъ гнетъ продолжается нѣсколько часовъ" (стр. 11); „*изрѣзываніе* воздуха постепенно продолжается и доводится до давленія 60—65 сант. ртутнаго столба" (стр. 12); „насколько лѣса Кавказа удовлетворяютъ своему назначенію, въ смыслѣ *защитности* и охраны" (стр. 17).

Въ виду того, что назначеніе брошюры — удовлетворить любознательности кавказскихъ лѣсовладѣльцевъ, автору слѣдовало бы яснѣе указать имъ, какіе изъ существующихъ способовъ наиболѣе примѣнимы въ ихъ хозяйствѣ. Изъ тѣхъ же отрывочныхъ свѣдѣній, какія имъ даетъ г. Іоэльсонъ въ своей брошюрѣ, едва ли они будутъ въ состояніи извлечь то, что имъ дѣйствительно было бы полезно и что бы они могли непосредственно примѣнить къ дѣлу. Въ весьма важномъ вопросѣ о консервированіи дерева недостаточно однихъ общихъ разсужденій, а необходимо знаніе практическихъ пріемовъ и экономическихъ условій, дѣлающихъ возможнымъ примѣненіе того или другого способа. Вотъ на эту-то сторону дѣла и слѣдовало бы обратить вниманіе при обозрѣніи современныхъ способовъ *упроченія* дерева.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Важнѣйшіе враги земледѣлія". *К. А. Пуріевича.* — „Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ". *П. Янковскаго.* — „Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими условіями". — „Какъ высохла наша степь". *А. А. Измаильскаго.* — „Горохъ, фасоль, чечевица". *В. Н. Маракуева.* — „Практика земледѣлія". *Эмѣ Жираро, Штеблера и Лаура.* — „Очеркъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій вятскаго губернскаго земства". *А. Новикова.* — „Матеріалы по изученію русскихъ почвъ". *А. Совѣтова и В. Докучаева.*

Важнѣйшіе враги земледѣлія. Составилъ К. А. Пуріевичъ. Изданіе редакціи „Земледѣлія". Кіевъ, 1893 г. Нелегкая задача, которую поставилъ себѣ авторъ — „познакомить сельскихъ хозяевъ съ важнѣйшими изъ враговъ нашихъ полевыхъ растеній и указать наиболѣе доступныя мѣры борьбы съ этими врагами", разрѣшена въ небольшой брошюрѣ г. Пуріевича съ достаточною удовлетворительностью. Отмѣчены дѣйствительно важнѣйшія черты патологіи культурныхъ растеній: сначала вкратцѣ описано вліяніе недостатка воды, питательныхъ веществъ, тепла и свѣта, затѣмъ указаны главные растительные паразиты и нѣкоторыя сорныя травы и, наконецъ, сравнительно болѣе пространно разобраны различные непріятели изъ міра животныхъ. Изложеніе сжатое и довольно точное, удовлетворяющее назначенію какъ справочной, такъ и учебной книги. Описанію мѣропріятій, примѣняемыхъ въ борьбѣ съ живыми врагами, отведено не мало мѣста. Шестьдесятъ три рисунка являются полезнымъ подспорьемъ къ тексу и выполнены весьма недурно. Вообще книжка г. Пуріевича производитъ самое благопріятное впечатлѣніе и, вѣроятно, найдетъ себѣ надлежащую оцѣнку какъ въ учебной, такъ въ хозяйственно-практической средѣ.

Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ. Павла Янковскаго. Изд. Аксенова. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. Брошюра г. Янковскаго можетъ быть отнесена къ той меліораціонной литературѣ, появленіе которой вызвано неурожаями 1891 и 1892 годовъ. Авторъ разсматриваетъ задержаніе снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, закрѣпленіе и облѣсеніе овраговъ, разведеніе ивы на летучихъ пескахъ, посадку древес

ныхъ черенковъ и кольевъ. Въ брошюрѣ 17 рисунковъ; въ приложеніи указаны адресы 45 лицъ, къ которымъ министерство государственныхъ имуществъ рекомендуетъ обращаться за справками по вопросамъ облѣсенія. Для первоначальнаго ознакомленія съ обводнительными мѣропріятіями брошюра г. Янковскаго окажется не безполезною.

Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими вліяніями. Спб., 1893 г. Краткій отчетъ удѣльнаго вѣдомства объ изысканіяхъ и меліораціяхъ, предпринятыхъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, помимо мѣстнаго значенія, представляетъ и общій интересъ при обсужденіи возможности повліять на климатъ степной Россіи. Главными культурными мѣропріятіями, кромѣ сбереженія существующихъ лѣсныхъ зарослей, признаны искусственное облѣсеніе и устройство плотинъ по балкамъ для задержки весеннихъ водъ. Большая часть отчета посвящена тѣмъ работамъ, которыя были исполнены въ теченіе 1891 и 1892 гг. въ Тимашевскомъ удѣльномъ имѣніи (Самарскаго уѣзда).

Какъ высохла наша степь. А. А. Измаильскаго. Полтава, 1893 г. Цѣна 45 к. Результаты изслѣдованій г. Измаильскаго надъ влажностью почвъ Херсонской губерніи были напечатаны еще въ 1881—82 гг. и сразу привлекли вниманіе спеціальной сельско-хозяйственной литературы. Новыя изслѣдованія надъ влажностью почвы производились г. Измаильскимъ въ Полтавской губерніи въ теченіе семи лѣтъ (1886—93 гг.), и результаты ихъ публикуются пока лишь въ видѣ предварительнаго сообщенія. Авторъ приписываетъ формѣ поверхности и строенію почвы бо́льшее вліяніе на влажность, чѣмъ количеству атмосферныхъ осадковъ. Такая точка зрѣнія представляется, конечно, весьма интересною при выработкѣ культурныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ засухами. Брошюра снабжена графиками, гдѣ изображены помѣсячныя колебанія почвенной влаги на разныхъ глубинахъ.

Горохъ, фасоль, чечевица. Составилъ В. Н. Маракуевъ. Изданіе „Народной Библіотеки“. М., 1893 г. Цѣна 45 к. Брошюру эту правильнѣе было бы озаглавить „Зерновыя бобовыя растенія“, такъ какъ, кромѣ трехъ поименованныхъ растеній, въ ней описаны и нѣкоторыя другія. Развитіе полевой культуры зерновыхъ бобовыхъ растеній, помимо непосредственнаго коммерческаго значенія (сбытъ ихъ продуктовъ довольно обезпеченъ), должно оказаться выгоднымъ и въ интересахъ плодосмѣна и для улучшенія продовольствія. Культура гороха и фасоли описана довольно подробно; длинный списокъ сортовъ гороха (стр. 57) едва ли нуженъ въ небольшомъ руководствѣ. Въ описаніи конскихъ бобовъ почему-то не упомянуто, что сѣмена ихъ идутъ на кормъ скоту. Брошюра снабжена 6-ю рисунками.

Практика земледѣлія № 1. Улучшенная культура картофеля Эмѐ Жирара. М., 1893 г. Ц. 20 к.—Тоже № 2. Борьба съ безкормицей Штеблера и Лаура Перев. В. Н. Маракуева. М., 1894 г. Цѣна 20 к. Подъ общимъ названіемъ *Практика земледѣлія* гг. Прянишниковъ и Маракуевъ предполагаютъ выпускать рядъ брошюръ, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ земледѣльческой техники. Первый выборъ сочиненій можно признать довольно удачнымъ и приходится только пожалѣть о сравнительно высокой цѣнѣ на брошюры, предназначающіяся, повидимому, для обширнаго круга сельскихъ читателей. Сочиненіе Жирара, въ сжатомъ очеркѣ, знакомитъ съ культурою картофеля, который нашелъ себѣ такое быстрое распространеніе въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе. Въ брошюрѣ Штеблера и Лаура вкратцѣ

описана культура нѣсколькихъ кормовыхъ растеній. Переводъ мѣстами вызываетъ недоумѣнія, напримѣръ, въ перечисленіи почвъ, употреблявшихся „сотрудниками“ Жирара подъ культуру картофеля (№ 1, стр. 10—11).

Очеркъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій вятскаго губернскаго земства. А. Новикова. Вятка, 1893 г. Новая брошюра А. А. Новикова въ небольшомъ объемѣ (2½ печатн. листа) сводитъ содержаніе различныхъ записокъ и докладовъ, представленныхъ авторомъ вятскому земству по вопросамъ, касающимся земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій. Распространеніе улучшенныхъ орудій и сѣмянъ встрѣчается сейчасъ во многихъ земствахъ, но обширный персоналъ земскихъ агрономовъ преимущественно съ высшимъ образованіемъ составляетъ пока отличительную принадлежность вятскаго губернскаго земства, и примѣръ этого земства заслуживаетъ особаго вниманія не только со стороны другихъ земскихъ учрежденій, но и со стороны нарождающагося министерства земледѣлія. Можно и должно указывать разнообразные недостатки въ практической постановкѣ земской агрономической службы въ Вятской губерніи, но основная мысль тамошняго агрономическаго института—устроить соприкосновеніе крестьянскаго хозяйства съ людьми, прошедшими спеціальную научную школу,—заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія со стороны всѣхъ, кто сколько-нибудь задумывается надъ современнымъ положеніемъ народнаго хозяйства въ Россіи. Брошюра г. Новикова, помимо описанія дѣятельности мѣстныхъ агрономовъ, сообщаетъ еще интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ земскихъ фермъ въ Вятской губерніи.

Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. А. Совѣтова и В. Докучаева. Выпускъ VIII. Спб., 1893 г. Отъѣздъ одного редактора *Матеріаловъ* изъ Петербурга не помѣшалъ продолженію этого полезнаго изданія. Въ восьмомъ выпускѣ напечатано 7 статей; послѣдняя статья совсѣмъ не относится къ почвамъ: это—результаты анализа сѣмянъ съ ново-александрійской фермы. Отчетъ г. Балакшина имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ почвамъ и излагаетъ опыты, исполненные надъ пшеницею и картофелемъ по программѣ Вилля въ Тобольской губерніи. Статья г. Петрова о теплопроводности почвъ снабжена подробными таблицами, опредѣляющими теплопроводность разныхъ почвъ на различной глубинѣ. Замѣтка г. Эверсмана описываетъ механическій составъ, физическія свойства и содержаніе перегноя въ почвахъ Сукулакской долины въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Опыты г. Савича касаются вліянія органическихъ веществъ на растворимость фосфорно-кислыхъ удобреній. Г. Козловскій опредѣлялъ сравнительную растворимость перегноя, встрѣчающагося въ почвахъ различныхъ типовъ. Статья г. Глинки выясняетъ, между прочимъ, отношеніе солончаковыхъ почвъ къ лѣсной растительности.

МЕДИЦИНА.

„Санитарное врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала". *Л. Бертенсона.*—„Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы". *Н. В. Заика.*—„Водолечебные курорты и минеральныя воды Пермской губ.". *А. Н. Третьякова.*—„Гимнастика легкихъ". *Д-ра Гуперца.*—„Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія Елисаветградскаго уѣзда въ 1892 г.". *Д-ра Тезякова.*—„Холера въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ 1892 г. и организація борьбы съ нею". *Его же.*—„Гигіена уха". *Д-ра Cozzolino.* — „О причинахъ душевныхъ болѣзней". *А. Ф. Эрлицкаго.*—„Очеркъ основъ гинекологическихъ операцій". *М. Гофмейера.*

Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. Л. Бертенсона. Спб., 1893 г. Брошюра д-ра Л. Бертенсона (члена горнаго ученаго комитета) представляетъ прекрасно обработанный отчетъ объ осмотрѣ казенныхъ горныхъ заводовъ и нѣкоторыхъ частныхъ заводовъ и промысловъ въ санитарно-врачебномъ отношеніи при командировкѣ г. министромъ государственныхъ имуществъ осенью 1891 года. Командировка была предпринята съ цѣлью выясненія, въ какой мѣрѣ медицинская и санитарная часть уральскихъ горныхъ заводовъ соотвѣтствуетъ нуждамъ рабочаго населенія, причемъ собранныя на мѣстѣ данныя, а также доставленныя письменныя свѣдѣнія отъ управленій заводовъ и промысловъ являются краснорѣчивымъ и фактическимъ матеріаломъ для законодательныхъ работъ по улучшенію условій жизни и работы горнозаводскаго населенія. Отчетъ содержитъ массу интересныхъ цифровыхъ данныхъ о санитарномъ состояніи заводовъ (статистика несчастныхъ случаевъ, профессіональныя болѣзни, существенные недостатки заводовъ въ санитарномъ отношеніи), о медицинской организаціи на заводахъ (казенныя и частныя больницы, фельдшера, аптеки, отношеніе заводовъ къ земству въ дѣлѣ врачебной помощи), о недостаткѣ врачебно-санитарнаго устройства на уральскихъ заводахъ (общія соображенія и расходы казенныхъ и частныхъ заводовъ, организація врачебно-административной части) и, наконецъ, объ условіяхъ жизни на золотыхъ пріискахъ. Въ заключительной части излагаются программы регистраціи несчастныхъ случайностей при работѣ, о мѣрахъ для огражденія рабочихъ отъ увѣчій, а равно проектируются основныя условія устройства санитарнаго надзора на уральскихъ заводахъ и промыслахъ. Въ виду той „мертвой зыби", на которой издавна держится фабричная инспекція вѣдомства министерства финансовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельное сочувствіе нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ и его ближайшихъ сотрудниковъ по горному департаменту къ вопросу объ улучшеніи быта горно-заводскихъ рабочихъ, находящихся еще въ худшихъ условіяхъ, нежели фабричные рабочіе. Въ настоящее время медицинскія учрежденія Урала лишены безусловно всякаго фактическаго надзора и потому въ отчетѣ указывается *необходимость* возстановленія прежней должности медицинскаго инспектора, который, вѣдая не только медицинскую, но и санитарную часть на Уралѣ, несъ бы тѣ обязанности, которыя въ районѣ фабрично-заводской промышленности возложены на главнаго фабричнаго инспектора. Авторъ настойчиво доказываетъ неотложную потребность въ пересмотрѣ и реорганизаціи узаконеній по надзору за горно-заводскою промышленностью на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) надзоръ долженъ обнимать санитарныя требованія въ широкомъ смыслѣ; 2) агентами надзора должны быть лица, вполнѣ свѣдущія по фабричной и профессіональной гигіенѣ, т.-е.

врачи; 3) надзоръ по охраненію жизни и здоровья рабочихъ не долженъ ограничиваться частными заводами и промыслами, а долженъ въ одинаковой степени простираться и на казенныя промышленныя предпріятія; 4) районъ дѣятельности агентовъ по надзору долженъ быть по возможности съуженъ, ибо нынѣшніе горные округи, также какъ и округи фабричной инспекціи, по своей необъятности, дѣлаютъ самый надзоръ фикціей. Всѣ мѣропріятія по санитарной части должны быть установлены строгими узаконеніями, причемъ необходимо расширить и усилить юридическую отвѣтственность лицъ, коимъ ввѣрена судьба рабочихъ, за несоблюденіе установленныхъ закономъ требованій и обязательныхъ постановленій.

Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Н. В. Заккъ. Матеріалы для оцѣнки санитарнаго состоянія учащихся. I. Ростъ и окружность груди. Дисс. М., 1892 г. Названная диссертація на степень доктора медицины посвящена одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной гигіены, до сихъ поръ еще не получившему практическаго рѣшенія въ жизни, несмотря на множество произведенныхъ русскими врачами изслѣдованій и измѣреній. Изложивъ въ введеніи и въ исторической части своей ученой работы условія развитія человѣческаго организма съ антропологической, физіологической и санитарной точки зрѣнія, авторъ въ девяти главахъ излагаетъ способы обработки полученныхъ при измѣреніи 6,849 учащихся въ 12 учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы, систему производившихся изслѣдованій, общія цифровыя данныя о распредѣленіи учениковъ по классамъ, національностямъ, сословіямъ и профессіямъ родителей, о колебаніяхъ роста и окружности груди, ежегодной прибыли ихъ и т. д. Резюмируя результаты своихъ наблюденій при сравненіи ихъ съ указаніями другихъ изслѣдователей физическаго развитія учащихся, фабричныхъ рабочихъ и проч., д-ръ Заккъ въ заключительной главѣ даетъ критическую оцѣнку добытыхъ имъ выводовъ по отношенію къ санитарному состоянію учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и къ возможному вліянію школы и другихъ условій на ихъ физическое развитіе. Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ авторомъ, что „сознаніе необходимости *поднять уровень физическаго развитія и здоровья учащихся* скоро окрѣпнетъ въ умѣ всѣхъ педагоговъ, ибо только при такомъ условіи физическое воспитаніе займетъ подобающее ему мѣсто и перестанетъ быть лишь терпимымъ предметомъ въ школьной жизни".

Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе тезисы диссертаціи: въ условіяхъ жизни московскихъ гимназистовъ есть обстоятельства, повидимому, благопріятныя усиленію ихъ роста и относительно худшему развитію окружности ихъ груди; наши школы, при существующихъ условіяхъ, не имѣютъ ни времени, ни мѣста для раціональнаго веденія дѣла физическаго воспитанія учащихся; регулярныя измѣренія учащихся, согласно строго-опредѣленному плану, а также вообще веденіе подробной санитарной вѣдомости ихъ школьными врачами за все вре[мя] пребыванія учениковъ въ школѣ, должны дать драгоцѣнныя во м[но]гихъ отношеніяхъ данныя. Что касается борьбы съ вреднымъ влія[ні]емъ сидячаго образа жизни и испорченнаго воздуха на организмъ у[ча]щихся, то наиболѣе надежнымъ средствомъ для этого, помимо улу[чше]нія вентиляціи классовъ и конструкціи школьной мебели, являет[ся] *уменьшеніе часовъ занятій* въ день и соотвѣтственное увеличеніе к[о]личества физическихъ упражненій и игръ на чистомъ воздухѣ.

Водолечебные курорты и минеральныя воды Пермской губ. А. Н. Третьякова. Пермь, 1892 г. Вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ докладъ д-ра А. Н. Третьякова четвертому съѣзду земскихъ врачей Пермской губерніи въ августѣ 1891 года заключаетъ въ себѣ обзоръ 15 водолечебныхъ курортовъ въ сѣверо-восточной окраинѣ Россіи, причемъ наиболѣе подробно разработаны данныя о куринскихъ щелочно-желѣзистыхъ минеральныхъ водахъ. Изъ массы бальнеологическихъ богатствъ, которыми обладаетъ Пермская губернія, авторъ изслѣдовалъ источники въ восьми уѣздахъ, а именно: въ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Кунгурскомъ, Красноуфимскомъ (четыре источника), Шадринскомъ, Верхотурскомъ, Ирбитскомъ и Камышловскомъ. По наблюденіямъ автора, при правильной постановкѣ дѣла, водолечебные курорты Пермскаго края должны развиваться съ каждымъ сезономъ, и, хотя они эксплуатируются частными предпринимателями, источники даютъ прекрасные результаты, но проѣздъ на нихъ по желѣзной дорогѣ, особенно для семейныхъ паціентовъ, крайне дорогъ и лишенъ удобствъ для больныхъ.

Гимнастика легкихъ. Руководство для ухода и воспитанія дыхательныхъ органовъ. Д-ра Гуперца. Перев. съ 3-го нѣмецк. изданія д-ра И. П. Тимоѳеева. Спб., 1893 г. Въ послѣднее время значительно пошатнулось когда-то незыблемое мнѣніе, что расположеніе къ легочной чахоткѣ, какъ врожденное, такъ и пріобрѣтенное, ведетъ безусловно и во всякомъ случаѣ къ болѣзни и смерти. Могущественными средствами противъ этой губительной болѣзни являются, при систематическомъ врачебномъ наблюденіи, усиленное питаніе и легочная гимнастика. Вполнѣ своевременно изданіе перевода книжки д-ра Гуперца, заключающей изложеніе, въ общедоступной формѣ, простыхъ способовъ для укрѣпленія легкихъ и усиленія ихъ устойчивости противъ болѣзнетворныхъ вліяній. Въ текстѣ помѣщены для наглядняго поясненія рисунки, заимствованныя изъ сочиненій Roblot (*Principes d'anatomie et de physiologie appliquée à la gymnastique*) и Stoerk'a (*Laryngoscopie*). Коснувшись въ введеніи вліянія культуры на здоровье и продолжительность жизни, свойствъ бугорчатки и т. д., авторъ знакомитъ читателей съ устройствомъ органовъ дыханія и съ совершающимся при этомъ процессомъ. Содержаніе остальныхъ четырехъ главъ вкратцѣ сводится къ слѣдующему: 1) неизбѣжныя послѣдствія недостаточной дѣятельности органовъ дыханія; 2) діэтетика органовъ дыханія (вентиляція жилыхъ помѣщеній, источники порчи воздуха, опасенія простуды и т. д.); 3) гимнастическое воспитаніе органовъ дыханія; 4) гимнастика легкихъ въ связи съ леченіемъ ожирѣнія. Въ названной брошюрѣ, на ряду съ общими свѣдѣніями по физіологіи и гигіенѣ, подробно разбирается значеніе преувеличеннаго страха простуды, необходимость привычки дышать черезъ носъ, правильнаго выбора нижняго бѣлья и платья, вліяніе ношенія корсета, правильнаго положенія тѣла при стояніи и сидѣніи, употребленія респираторовъ и т. д. Въ главѣ о гимнастическомъ воспитаніи легкихъ перечисляются: прогулки въ горахъ и на равнинѣ, танцы, катанье на конькахъ, плаваніе, гребля веслами, школьныя упражненія по системѣ Кленка, спеціальныя гимнастическія упражненія и проч. Вообще книжка можетъ оказать неоцѣненныя услуги въ особенности матерямъ семействъ и воспитателямъ юношества и вполнѣ заслуживаетъ обширнаго распространенія среди образованной публики.

Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія Елисаветградскаго уѣзда въ 1892 г. Д-ра Тезякова. Елисаветградъ, 1893 г.— Холера въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ 1892 году и организація борьбы съ нею. Его же. Херсонъ, 1893 г. Очень подробный, обстоятельный и вполнѣ безпристрастный отчетъ д-ра Тезякова содержитъ не мало интересныхъ свѣдѣній о состояніи земской медицины: населеніе недостаточно и неравномѣрно обезпечено медицинскою помощью, борьба съ эпидеміями, главнымъ образомъ, лежитъ на фельдшерахъ, акушерская помощь находится всецѣло въ рукахъ невѣжественныхъ сельскихъ повитухъ, дезинтерія свирѣпствуетъ, сифилисъ составляетъ 14% всего числа заболѣвшихъ. Холера унесла 86 жизней, причемъ „въ большинствѣ случаевъ заболѣваніе въ одномъ домѣ ограничивалось однимъ случаемъ, часто даже независимо отъ того, было ли тутъ вмѣшательство съ нашими дезинфекціонными средствами, или нѣтъ". Санитарныя мѣропріятія, главнымъ образомъ, были обращены противъ холерной эпидеміи: увеличенъ былъ медицинскій персоналъ, построены бараки, подготовлены санитарные служители, оказавшіеся, впрочемъ, малопригодными, осмотрѣны дворы и помѣщенія, выработаны дезинфекціонныя мѣры, но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, „въ деревнѣ примѣненіе дезинфекціи встрѣчается съ такими бытовыми условіями, что разумное примѣненіе ея возможно только людьми болѣе или менѣе интеллигентными, способными разобраться во всѣхъ трудно уловимыхъ мелочахъ... шаблона тутъ не должно быть"... Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ дезинфекція была встрѣчена населеніемъ враждебно, такъ что приходилось прибѣгать къ помощи полиціи; „отношеніе это, однако, вскорѣ смѣнилось полнымъ довѣріемъ". Изъ отчета о холерѣ оказывается, что всѣхъ заболѣвшихъ было 162 человѣка, изъ нихъ болѣе половины умерло. Стоимость расходовъ, понесенныхъ земствомъ на организацію борьбы противъ эпидеміи, достигаетъ болѣе 12,000, изъ нихъ около $^1/_4$ на дезинфекцію.

Гигіена уха. (Популярно-научная библіотека). Д-ра Cozzolino. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 15 коп. Переводъ это или же оригиналъ, неизвѣстно; вѣроятно, переводъ, но очень безграмотный и неряшливо изданный. Въ книжечкѣ 4 главы: гигіена уха новорожденнаго, ребенка, взрослаго и общія (?) правила. Для чего-то странныя цитаты: „безъ слуха не было бы тона", „звукъ есть проявленіе слуха", „но свѣтъ не исчезъ бы, еслибъ все живое ослѣпло", „тѣла не потеряли бы своей твердости, не будь чувства осязанія". Почему это? Почему же весь міръ погрузится въ молчаніе, когда все живое оглохнетъ? Часто повторяются термины вродѣ: „молюскоидныя опухоли, холестеатомныя отложенія, dermatitis, furunculosis, myringitis", которые не только не истолкованы авторомъ, но даже и не переведены общепонятнымъ языкомъ, что составляетъ крупный недостатокъ въ популярной книжкѣ. Предлагаемые авторомъ совѣты или прямо не выполнимы, или же могутъ принести серьезный вредъ; такъ, напримѣръ, „остатокъ вод можно удалить борною кислотой"; въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтуетс прободеніе барабанной перепонки, причемъ ни слова не сказано томъ, кто долженъ сдѣлать эту операцію, самъ ли больной себѣ, по сторонній ли человѣкъ, или же врачъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ со вѣтуется вливать въ ухо спиртный растворъ борной кислоты. Достоин ства перевода таковы: „эти упражненія, состоящія въ томъ, что на званіе предметовъ повторяется столько разъ, сколько они восприн

маются чувствами", „при сосаніи воздухъ становится тоньше", „лобирантъ", вмѣсто лабиринтъ, „удовлетворить знанію", „строжайшія научныя основанія", „возносить на высоту чувствъ" и т. п. курьезы и безсмыслицы, не говоря уже о тяжкихъ преступленіяхъ противъ грамматики чуть не на каждый страницѣ.

О причинахъ душевныхъ болѣзней. А. Ф. Эрлицкаго. Спб., 1892 г. Эта брошюра продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Она была прочтена, какъ публичная лекція, и касается весьма интереснаго вопроса о важнѣйшихъ условіяхъ, вліяющихъ съ опредѣленною послѣдовательностью на душевную жизнь человѣка отъ рожденія до глубокой старости. Авторъ приходитъ къ печальному выводу, что „въ лучшемъ даже случаѣ придется ждать еще очень долго, пока усовершенствованная цивилизація не научитъ будущее общество такъ жить, чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить причины столь великаго зла, какъ душевныя болѣзни". Многія причины душевныхъ болѣзней тѣсно связаны съ условіями общественной жизни, видоизмѣненіе которой происходитъ медленно, въ теченіе вѣковъ; другія же причины пока должны быть признаны роковыми и неустранимыми.

Очеркъ основъ гинекологическихъ операцій. М. Гофмейера. Перев. д-ра мед. Г. К. Рунге, подъ редакціей проф. К. Ф. Славянскаго. Съ 148 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. Названный учебникъ представляетъ переводъ со второго, значительно дополненнаго изданія сочиненія ординарнаго профессора и завѣдующаго женскою клиникой въ Вюрцбургскомъ университетѣ М. Гофмейера, въ 1886 году въ сжатомъ видѣ изложившаго курсъ гинекологическихъ операцій. При распредѣленіи матеріала, главнымъ образомъ, въ анатомическомъ порядкѣ, авторъ предпосылаетъ описанію отдѣльныхъ операцій общую часть, заключающую изложеніе общихъ правилъ по антисептикѣ, анестезіи и нѣкоторымъ подготовительнымъ пріемамъ при гинекологическихъ операціяхъ. Рисунки весьма отчетливо выполнены и вообще въ техническомъ отношеніи книга издана прекрасно и можетъ служить хорошимъ пособіемъ для студентовъ и врачей-неспеціалистовъ.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Наша старина". *Л. М. Шахрая.*—„Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Амерійскаго". *А. Гофмана.*—„Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка". *Проф. Дюваля и П. Константена.*—„Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній". *А. Киселева.* — „Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ". *З. Вумиха.*

Наша старина. I. Маккавеи. Историческій этюдъ для еврейскаго юношества. Л. М. Шахрая. Одесса, 1893 г. Цѣна 15 коп. Въ свое время намъ пришлось уже давать отзывъ объ одномъ трудѣ г. Шахрая, его *Исторіи Израиля для юношества*. Усматривая главныя достоинства названной книги въ систематической передачѣ фактовъ, а также въ простотѣ и безъискусственности изложенія, мы съ удовольствіемъ отмѣчали фактъ ея появленія въ свѣтъ, но, къ сожалѣнію, мнѣніе наше не можетъ быть столь же благопріятно по отношенію къ разбираемой брошюрѣ.

Подъ общимъ заглавіемъ *Наша старина* г. Шахрай предпринялъ „дешевое изданіе цѣлой серіи брошюръ, имѣющихъ предметомъ своимъ: 1) замѣчательныя историческія эпохи изъ древней и средневѣковой

жизни еврейскаго народа, 2) біографіи въ связи съ очеркомъ выдающихся лицъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбы и культурное развитіе еврейскаго народа, 3) сказанія, легенды, саги и проч. изъ талмуда и мидраша и 4) небольшіе беллетристическіе очерки изъ древней, а также отчасти изъ современной жизни евреевъ" (предисл.). Цѣль г. Шахрая—познакомить еврейское юношество съ прошлымъ его народа при помощи ряда популярныхъ брошюръ, конечно, сама говоритъ за себя, но вопросъ въ томъ, не должна ли потребовать она отъ предпринимателя нѣкоторыхъ спеціальныхъ талантовъ, въ виду разнообразія брошюръ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію? Во всякомъ случаѣ, первая изъ брошюръ г. Шахрая какъ нельзя болѣе наводитъ читателя на ту мысль, что составить учебникъ исторіи и написать нѣчто вродѣ беллетристическаго произведенія — хотя бы даже съ историческою подкладкой — совсѣмъ разныя вещи.

То, что въ учебникѣ исторіи было бы просто и ясно, у автора, очевидно, не одареннаго художественнымъ талантомъ, является крайне вычурно и искусственно. „Хочу я, друзья, разсказать вамъ про нашу сѣдую старину, про то, какъ жили-поживали предки наши" (стр. 5), такъ начинаетъ г. Шахрай свой этюдъ *Маккавеи*, а на страницѣ 7-й, напримѣръ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Ассирійцы разгромили Израильское царство, а народъ въ полонъ взяли. Куда дѣлся этотъ народъ и что съ нимъ стало—и о сю пору не вѣдомо". Въ продолженіе повѣствованія разскащикъ не разъ еще обращается къ подобнымъ краснорѣчивымъ оборотамъ, но они едва ли умѣстны въ историческомъ произведеніи, предназначенномъ для еврейскаго юношества. Положимъ, это — мелочи, касающіяся исключительно формы, однако, разъ г. Шахрай задается цѣлью писать беллетристическія произведенія, то и требованія къ нему должны примѣняться соотвѣтствующія, тѣмъ болѣе, что эта форма, которою увлекается авторъ, вредитъ общему впечатлѣнію, производимому разсказомъ.

Не менѣе крупные промахи г. Шахрай обнаруживаетъ и въ характеристикѣ эпохи и въ обрисовкѣ характеровъ. Если онъ и представляетъ вниманію читателей довольно значительное количество фактовъ, то самый подборъ ихъ и группировка отнюдь не даютъ требуемой въ полубеллетристическомъ разсказѣ яркости. Что же касается обрисовки характера столь замѣчательной личности, каковою былъ Іуда Маккавей, авторъ ограничивается самыми шаблонными и уже готовыми эпитетами.

Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Объяснилъ А. Гофманъ. 2 ч. Изданіе второе, исправленное. Спб. Во второмъ изданіи разсматриваемая книга является въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ: первая заключаетъ въ себѣ латинскій текстъ рѣчи, вторая—комментарій къ ней съ обширнымъ историческимъ введеніемъ, который содержитъ историческій очеркъ уголовнаго процесса въ Римѣ, судоустройство и судопроизводство въ quaestiones perpetuae; во введеніи же сообщаются свѣдѣнія, касающіяся содержанія рѣчи Росція. Комментарій отличается полнотою и ясностью изложенія; он содержитъ въ себѣ какъ указанія для перевода отдѣльныхъ словъ выраженій и объясненія общаго смысла того или другого мѣста, та и примѣчанія реальнаго, грамматическаго и стилистическаго характера. При всемъ достоинствѣ комментарія г. Гофмана, съ нѣкоторы толкованіями его иногда нельзя согласиться: такъ, напримѣръ, нел одобрить перевода его clarissimi (§ 51) „прекраснѣйшіе" по досто

ствамъ характера: такого значенія этотъ эпитетъ не имѣетъ, а служитъ обычнымъ титуломъ высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ; трудно сказать также, почему debent (§ 8) г. Гофманъ считаетъ нужнымъ переводить „должны бы“, а не просто „должны“, и проч. Сравнительно съ первымъ изданіемъ второе представляетъ нѣкоторыя измѣненія: они касаются преимущественно редакціи историческаго введенія о римскомъ уголовномъ процессѣ. Кромѣ того, сдѣлано много измѣненій въ комментаріи (впрочемъ, несущественныхъ): маловажныя примѣчанія перваго изданія здѣсь совсѣмъ выпущены; многимъ примѣчаніямъ дана болѣе точная или вѣрная редакція, а также прибавлено нѣсколько новыхъ, особенно касающихся стилистическихъ явленій латинскаго языка. Наконецъ, во второмъ изданіи исключены ссылки на разныя ученыя сочиненія, которыми такъ богато было первое изданіе; этого, впрочемъ, мы одобрить не можемъ: такія ссылки, правда, ненужны для учениковъ и нѣсколько увеличивали объемъ книги, но это зло еще не большое, а, между тѣмъ, для преподавателей, особенно начинающихъ, такія указанія на литературу предмета были бы далеко не безполезны. Въ заключеніе замѣтимъ, что первое изданіе книги было удостоено малой преміи Петра Великаго.

Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. Проф. Дюваля въ Парижѣ и П. Константена въ Реннѣ. Переводъ съ французскаго прив.-доцента Петербургскаго университета В. Фаусека. Съ 368 рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. Учебникъ анатоміи и физіологіи Дюваля и Константена представляетъ собою руководство, примѣнительное къ курсу французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Книга эта можетъ быть съ пользою примѣнена и у насъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ проходится элементарный курсъ строенія и дѣятельности человѣческаго организма, напримѣръ, въ VII классѣ реальныхъ училищъ, въ фельдшерскихъ школахъ и т. п. По содержанію своему она распадается на двѣ части: въ первой сообщаются нѣкоторыя общія свѣдѣнія по гистологіи и эмбріологіи человѣческаго организма, а во второй описываются его анатомическое строеніе и главнѣйшія физіологическія функціи. Изложеніе довольно сжато, хотя мѣстами встрѣчаются повторенія. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ Дюваля и Константена, отличаются свѣжестью и полнотою, иногда выходящею даже изъ предѣловъ элементарнаго курса. Многочисленные рисунки значительно пополняютъ текстъ, хотя исполнены они не всегда удачно. Къ сожалѣнію, объясненія къ нимъ также не всегда достаточны, отчего нѣкоторые рисунки являются мало вразумительными, а нѣкоторые даже и совсѣмъ оставлены безъ объясненій. Немаловажное затрудненіе, при пользованіи этими рисунками и текстомъ, особенно для тѣхъ, кто совершенно не знаетъ латинскаго языка, составляетъ также обиліе латинскихъ названій безъ перевода и поясненій ихъ по-русски. Вообще, текстъ и редакція перевода книги Дюваля и Константена не могутъ быть названы вполнѣ удачными. Неточности начинаются съ первыхъ же строкъ перевода. Такъ, въ самомъ началѣ книги мы читаемъ: „Самое простое наблюденіе научаетъ насъ различать въ природѣ *живыя* существа отъ *неодушевленныхъ* тѣлъ“. Такое сопоставленіе живыхъ тѣлъ съ неодушевленными является крайне неудачнымъ и прямо неточнымъ, такъ какъ, принимая его, намъ пришлось бы растенія исключить изъ числа живыхъ существъ потому только, что они являются неодушевленными. Далѣе, на первой же страницѣ оставлены безъ перевода классическія формулы Линнея, ко-

торыми онъ характеризуетъ представителей трехъ царствъ природы. На другихъ примѣрахъ мы останавливаться не будемъ и скажемъ только, что всѣ эти недочеты перевода книги Дюваля и Константена заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго сожалѣнія, что они нѣсколько ослабляютъ ея неоспоримыя достоинства и, вслѣдствіе этого, уменьшаютъ ея значеніе, какъ руководства для класснаго преподаванія и самообразованія по предмету анатоміи и физіологіи человѣка.

Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній и статья: „Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе". Составилъ А. Киселевъ. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к. Учебникъ г. Киселева отличается слѣдующими особенностями: въ немъ, согласно со многими авторитетами учебно-математической литературы, не доказывается, а принимается за опредѣленіе, что длиною конечной кривой наз. предѣлъ периметра вписанной ломаной линіи, когда стороны ея стремятся къ нулю. Необходимое обоснованіе этого опредѣленія должно быть усвоено при повтореніи геометріи въ старшихъ классахъ (въ особенности легко это сдѣлать въ VII классѣ реальныхъ училищъ, гдѣ полагается обстоятельно пройти статью о предѣлахъ). Придерживаясь началъ Эвклида и современныхъ иностранныхъ учебниковъ, авторъ не принимаетъ за аксіому свойства прямой линіи быть короче всякой другой линіи, проведенной между концами прямой, а доказываетъ эту истину въ надлежащихъ мѣстахъ курса. Онъ не доказываетъ также, согласно съ предъидущимъ, что поверхность круглаго тѣла есть предѣлъ нѣкоторой плоской поверхности, а принимаетъ это за опредѣленіе. Предложеніе, что площадь круга есть предѣлъ правильныхъ вписанныхъ и описанныхъ многоугольниковъ, должно быть разсматриваемо, по мнѣнію автора, не какъ опредѣленіе, а какъ теорема, подлежащая доказательству. То же самое относится къ объемамъ цилиндра, конуса и шара. Такъ какъ совсѣмъ обойтись безъ способа предѣловъ въ *Элементарной геометріи* невозможно, а въ полномъ объемѣ ее нельзя пройти въ среднихъ классахъ, то авторъ, доказавъ сначала двѣ извѣстныя теоремы о предѣлахъ, основной принципъ способа предѣловъ (равенство, вѣрное при всевозможныхъ значеніяхъ перемѣнныхъ, остается вѣрнымъ и тогда, когда, вмѣсто перемѣнныхъ, подставимъ ихъ предѣлы) принимаетъ безъ доказательства. Въ теоремахъ о равенствѣ не соизмѣримыхъ отношеній авторъ замѣняетъ доказательства отъ противнаго болѣе простыми и ясными прямыми доказательствами. Нѣкоторыя статьи въ учебникѣ г. Киселева изложены проще, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Доказательства мѣстами упрощены, количество сообщаемыхъ свѣдѣній сокращено тѣмъ, что теоремы, близкія по логической связи или по сходству доказательствъ, соединены въ группы, а нѣкоторыя совсѣмъ выпущены или отнесены къ упражненіямъ. Это, конечно, должно облегчить нѣсколько усвоеніе предмета. Книга снабжена достаточнымъ количествомъ упражненій на построеніе и вычисленіе. Задачи помѣщены въ самомъ текстѣ, сейчасъ же послѣ теорем на которыхъ основано ихъ рѣшеніе. Въ концѣ курса приложена стат о методахъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе съ пр мѣрами наиболѣе типичныхъ задачъ. Мелкимъ шрифтомъ напечата то, что желательно пройти при повтореніи геометріи въ старшихъ кла сахъ. Какъ видно изъ списка геометрическихъ сочиненій, приведе ныхъ въ предисловіи, авторъ пользовался, при составленіи своего уче ника, многими французскими руководствами по элементарной геометрі Авторъ новаго учебника уже успѣлъ составить себѣ извѣстность

нашей учебно-математической литературѣ (курсы алгебры и ариѳметики). Его учебникъ геометріи также составленъ очень хорошо и удовлетворяетъ всѣмъ педагогическимъ требованіямъ сжатости, ясности и строгой научности изложенія. Книга напечатана на отличной бумагѣ, крупнымъ отчетливымъ шрифтомъ, и снабжена изящными чертежами. Вотъ какъ слѣдовало бы издавать всѣ учебныя книги.

Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ З. Вулихъ. Изд. четырнадцатое. Печатано безъ измѣненія съ **12-го изданія, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ руководство** для городскихъ и **уѣздныхъ училищъ, учительскихъ семинарій** и женскихъ **гимназій, а также учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ для епархіальныхъ женскихъ училищъ. Книга** эта **одобрена также въ 1-мъ изданіи вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, какъ руководство для женскихъ гимназій и институтовъ. Спб., Цѣна 80 коп.** Введеніе посвящено основнымъ геометрическимъ понятіямъ и разсмотрѣнію геометрическихъ тѣлъ. Планиметрія раздѣлена на четыре отдѣла: прямыя линіи и углы, фигуры, площади, пропорціональность линій и подобіе фигуръ. Стереометрія содержитъ слѣдующіе отдѣлы: взаимное положеніе прямыхъ и плоскостей въ пространствѣ, тѣла, разсматриваемыя въ начальной геометріи (многогранники, тѣла вращенія), измѣреніе поверхностей и объемовъ тѣлъ. Въ приложеніи дано рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ практической геометріи, а именно: проведеніе и измѣреніе линій и угловъ на полѣ, съемка плановъ, нивеллированіе и опредѣленіе неприступныхъ разстояній.

Для болѣе основательнаго усвоенія пройденнаго, послѣ каждой статьи авторъ приводитъ надлежащее количество примѣровъ частью на построеніе, а главнымъ образомъ на вычисленіе.

При составленіи сокращеннаго курса геометріи для вышеназванныхъ учебныхъ заведеній, г. Вулихъ имѣлъ въ виду (см. предисловіе), главнымъ образомъ, развитіе учащихся, пріученіе ихъ къ совершенно точнымъ, строго-логическимъ, вполнѣ сознательнымъ и опредѣленнымъ умозаключеніямъ. Поэтому теоремы вездѣ доказываются, по возможности, строго-математически. Самые пріемы доказательствъ мѣстами измѣнены по сравненію съ тѣми, какіе приняты, наприм., въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Прекрасный учебникъ г. Вулиха вполнѣ заслуженно одобренъ и принятъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, гдѣ полагается пройти лишь краткій курсъ геометріи. Въ сжатомъ и весьма толковомъ изложеніи авторъ даетъ всѣ необходимыя понятія, а также и рядъ существенно важныхъ геометрическихъ теоремъ съ ясно и строго изложенными доказательствами. Едва ли бы можно было требовать бо́льшаго отъ краткаго и вполнѣ элементарнаго учебника. Онъ вполнѣ удовлетворяетъ самымъ строгимъ педагогическимъ требованіямъ. При своихъ несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствахъ, съ внѣшней стороны учебникъ этотъ, подобно большинству русскихъ учебниковъ, изданъ довольно небрежно. Книга напечатана на тонкой и грубой бумагѣ, черезъ которую ясно видѣнъ самый шрифтъ. Въ особенности же неряшливо исполнены простенькіе геометрическіе чертежики. Мѣстами они даже не начерчены, а просто намазаны. Имѣя подъ руками такіе образцы, могутъ ли ученики пріучиться къ аккуратному и тщательному выполненію чертежа? На стр. 2 и 3 (глава I—Планиметрія) на чертежахъ 3, 4, 5 и 6 авторъ, вслѣдствіе небрежности рисун-

ка, вынужденъ называть точками и линіями не точки и не линіи, а просто какіе-то мазки.

Мы не понимаемъ, какимъ это образомъ учебникъ могъ выдержать 14 изданій при такихъ безобразныхъ рисункахъ. Нельзя не подивиться этому равнодушію нашихъ педагоговъ къ внѣшней сторонѣ ихъ изданій. Расходъ на порядочную бумагу и приличные чертежи былъ бы едва замѣтенъ, въ особенности при хорошей цѣнѣ учебника и отличномъ на него спросѣ.

Книжка даже плохо сброшюрована и, разумѣется, въ ученическихъ рукахъ она должна расползтись при первомъ же энергическомъ прикосновеніи. Изображенный на фиг. 208 (стр. 173) инструментъ авторъ напрасно называетъ астролябіей. Онъ имѣетъ съ нею весьма отдаленное сходство.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Матеріалы для библіографіи Якутской области“. *В. Л. Приклонскаго.* — „Ежегодникъ“. *Изд. моск. комитета грамотности.*

Матеріалы для библіографіи Якутской области. В. Л. Приклонскаго. Иркутскъ, 1893 г. Брошюра эта является очень полезнымъ дополненіемъ къ *Сибирской библіографіи* г. Межова, который, основываясь на матеріалѣ, имѣющемся въ Петербургѣ, естественно, не могъ исчерпать свѣдѣній, доступныхъ мѣстному библіографу. Нужно, впрочемъ, прибавить, что г. Приклонскій составлялъ свою библіографію не столько по подлиннымъ сочиненіямъ, сколько посредствомъ выборки изъ различныхъ существующихъ уже библіографическихъ указателей.

Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія. Изданіе московскаго комитета грамотности. М., 1893 г. Ц. 30 коп. *Ежегодникъ* московскаго комитета грамотности выходитъ второй годъ. Общая редакція его поручена С. Г. Смирнову. Сравнительно съ первымъ выпускомъ произведены весьма значительныя улучшенія. Указателю книгъ съ краткими о нихъ отзывами предшествуетъ отличная статья о состояніи народной литературы въ 1892 году. По вычисленію этой статьи, въ прошломъ году лубочныхъ изданій вышло не менѣе четырехъ, а прочихъ изданій не менѣе двухъ милліоновъ экземпляровъ. Цифра довольно почтенная, но если принять въ соображеніе, что въ числѣ этихъ книжекъ очень много *листовокъ* и еще болѣе разной дряни, то для оптимистическихъ заключеній останется мало мѣста. Нельзя, однако, не отмѣтить все возростающихъ усилій петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности и нѣкоторыхъ частныхъ издателей. Къ *Ежегоднику* приложены тщательно составленные указатели (предметный и алфавитный).

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *ноябрь.* — „Русское Богатство“, *октябрь.* — „Сѣверный Вѣстникъ“, *ноябрь.* — „Русское Обозрѣніе“, *ноябрь.* — „Русскій Вѣстникъ“, *ноябрь.* — „Міръ Божій“, *октябрь и ноябрь.*

Вѣстникъ Европы, *ноябрь.* Въ тридцатыхъ годахъ наши бабушки, можно сказать, запоемъ зачитывались произведеніями нашей доморощенной романтической школы. Въ этихъ произведеніяхъ герои и

героини были диковинные. Все больше графы Звѣздичи да князья Зоричи, а героини—княжны Зизи да графини Мими. Подвиги всѣ герои и героини совершали необычайные; красоты были неописанной и благородства необыкновеннаго. Въ жизни, разумѣется, такихъ героевъ и героинь не существовало, да и существовать не могло. Все это были фигуры безъ плоти и крови, безъ мускуловъ и внутренностей. И, тѣмъ не менѣе, такими произведеніями зачитывались, потому что если въ нихъ не было настоящей жизненности, то горячая фантазія авторовъ и читателей вливала въ нихъ извѣстную, хотя и мнимую жизненность,—жизненность извѣстнаго идеала, котораго такъ страстно жаждали наши бабушки, задыхавшіяся въ удушливой атмосферѣ рабства и дикости. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ Г. И. Успенскій говоритъ о литературныхъ вкусахъ французскаго рабочаго и о соціологической причинѣ этихъ вкусовъ. Рабочій такъ заморенъ своею поистинѣ каторжною жизнью, что требуетъ отъ своей беллетристики изображенія не реальной, а фантастической и, притомъ, героической жизни. Ему подавай непремѣнно брюнетовъ съ голубыми глазами. Коли красоту женскую описываешь, такъ ужь чтобы красота совсѣмъ невиданная была, женская грудь чтобы была не просто женская грудь, а волна морская, шея не просто шея, а въ нѣкоторомъ родѣ колонна коринфская и т. д. Наши бабушки находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и французскіе рабочіе, о которыхъ говоритъ Г. И. Успенскій. Подлинная жизнь была такова, что дышать было нечѣмъ; потребность въ идеалѣ была страстная, а въ жизни его взять было не откуда. Неизбѣжно развивалась ложная сантиментальность и преувеличенныя представленія о любви, какъ основаніи всего сущаго въ мірѣ духовномъ. Каждая изъ этихъ рвущихся женщинъ куда-то въ высь, къ неизвѣстному и невѣдомому свѣту, требовала, жаждала, прежде всего, любви, много любви.

Любопытно, что въ настоящее время, если судить по современнымъ беллетристическимъ произведеніямъ, конечно, не первостепеннымъ и даже не второстепеннымъ, чувствуется потребность,—правда, весьма смутная и несознанная, — въ такихъ же нереальныхъ, внѣ жизни стоящихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Давно уже „наука страсти нѣжной“ не разрабатывалась у насъ внѣ времени и пространства, въ отвлеченіи ея отъ всякой среды, съ такимъ усердіемъ, какъ въ настоящее время; никогда не появлялось такой массы плохихъ и совершенно безжизненныхъ произведеній, въ которыхъ фигурируютъ прекрасныя дамы и изящные кавалеры, только и думающіе, что о бездѣлицѣ. Невольно спрашиваешь себя, что это такое? Реакція, что ли, противъ надоѣвшаго читателю мужика или стремленіе къ чему-то высшему задохнувшагося въ атмосферѣ дикости и некультурности общества?

Прочтите, напримѣръ, въ *Вѣстникѣ Европы* разсказъ г. Н. П. *Не отъ міра сего*. Авторъ увѣряетъ, что это разсказъ изъ „провинціальной жизни“. Но, въ сущности, тутъ никакой жизни нѣтъ—ни провинціальной, да и никакой другой. Событія разсказа (впрочемъ, событій-то никакихъ нѣтъ) происходятъ гдѣ-то въ неизвѣстномъ царствѣ, въ невѣдомомъ государствѣ. Предъ вами движутся какія-то блѣдныя тѣни, безъ крови, безъ жизни, безъ интересовъ, безъ борьбы, безъ горя, безъ счастья, безъ всякихъ отношеній не только къ внѣшнему міру (который, однако же, вѣдь, существуетъ и не существовать не можетъ), но даже и другъ къ другу. Эти тѣни движутся, ѣдятъ, пьютъ, о чемъ-то невразумительно разговариваютъ (всего больше о

наукѣ страсти нѣжной) и всѣ онѣ несообразно прекрасны какою-то блѣдною, призрачною красотой, всѣ они благородны какимъ-то наивно-дѣтскимъ, призрачнымъ благородствомъ. Эти тѣни танцуютъ, разговариваютъ, занимаются флиртомъ, выбираютъ предводителей—и все это совершаютъ точно во снѣ. Авторъ пишетъ въ дремотѣ, читатель читаетъ и тоже дремлетъ... и скука, скука, скука! Положимъ, наша жизнь—жизнь скучная, сонная, мало въ ней интересовъ, но все же не на такую стать. Такъ жить въ настоящее время просто-таки невозможно и никто такъ жить не можетъ, ибо на дѣлѣ-то и борьба, и интересы есть и уйти отъ нихъ никому не удается, ни изящнымъ барышнямъ, ни богатымъ предводителямъ. Содержаніе разсказа г. Н. П. мы передавать не будемъ просто потому, что таковаго не имѣется, также какъ не имѣется и дѣйствующихъ лицъ. Кто тутъ „не отъ міра сего", понять довольно мудрено. Вѣроятно, та прекрасная барышня, которая получила свое образованіе за границей и потому находитъ, что въ Россіи очень холодно (никакихъ другихъ представленій о Россіи она не имѣетъ, а если и имѣетъ, то авторъ объ этомъ умалчиваетъ). Эта барышня за границей влюбилась было въ какого-то хлыща француза, изгнаннаго бонапартиста, потомъ разочаровалась и, пріѣхавъ въ провинцію, влюбляется въ столь же прекраснаго, какъ вышеупомянутый французъ, предводителя и за всѣ сіи добродѣтели требуетъ отъ своего жениха любви, много любви, ибо безъ этого она умереть должна. А женихъ, богатый предводитель, много любви дать не можетъ, ибо онъ настоящій герой „трынь-травы". Для него, избалованнаго съ дѣтства богача, не только весь окружающій его міръ трынь-трава, но трынь-трава даже и его великолѣпная особа. Такихъ героевъ еще въ нашей беллетристикѣ не встрѣчалось, просто потому, конечно, что такихъ и быть-то не можетъ. Что будетъ съ прекрасною бонапартисткой, объ этомъ авторъ разскажетъ въ третьей части своей повѣсти (она еще не окончена); но читатель, навѣрное, ничего бы не потерялъ, еслибъ авторъ и не досказалъ ему о судьбѣ дѣвицы „не отъ міра сего". Скука, скука, скука!

Стоитъ ли, однако, такъ много говорить о произведеніяхъ, подобныхъ разсказу г. Н. П.? Вѣдь, это просто неудачное беллетристическое произведеніе, а мало ли неудачныхъ беллетристическихъ произведеній печатается въ нашихъ журналахъ. Такъ-то оно такъ, но... во всѣхъ плохихъ разсказахъ и повѣстяхъ авторы ихъ пытаются, хотя и неудачно, изображать жизнь, нашу бѣдную и унылую жизнь. Не ихъ вина, что у нихъ не хватаетъ таланта, чтобы схватить ее живьемъ, не хватаетъ наблюдательности, чтобъ отмѣтить жизненныя явленія, не хватаетъ художественнаго синтеза, чтобъ обобщить ихъ. Они, по крайней мѣрѣ, пытаются. Такое полное отреченіе отъ жизни, такое игнорированіе ея интересовъ и ея борьбы, какъ въ разсказѣ *Не отъ міра сего,* есть своего рода признакъ. Если пишутся и печатаются подобныя произведенія, значитъ есть читатели, есть авторы, которымъ жизнь надоѣла, которые задохнулись отъ жизни, которые хотятъ дремать и въ дремѣ читать, въ дремѣ же и писать.

Въ той же книгѣ *Вѣстника Европы* начата повѣсть г-жи Крестовской *Сынъ*. Г-жа Крестовская уже не новичокъ въ литературѣ. Одна изъ ея повѣстей, *Артистка*, даже обратила на себя, хотя, по нашему мнѣнію, и не вполнѣ заслуженно, вниманіе. Настоящимъ художникомъ слова г-жу Крестовскую назвать нельзя, но у нея есть техника; она хорошая и занимательная разскащица. Настоящихъ типовъ у ней нѣтъ,

но лица ея разсказовъ проявляютъ нѣкоторыя жизненныя черточки; они не безкровныя созданія авторской фантазіи. Настоящихъ идей тоже не замѣчается, но обыкновенныя маленькія, можно сказать, прописныя мысли въ ея разсказахъ всегда встрѣчаются. А, главное, разсказы г-жи Крестовской читаются легко, безъ сучка, безъ задоринки. Прочитаешь, положишь книгу и скажешь: что-жь, бываетъ! А потомъ, конечно, забудешь. Всѣми этими качествами будетъ, насколько можно судить по началу, отличаться и новая повѣсть г-жи Крестовской. Только вотъ насчетъ сюжета сомнѣніе нѣкоторое имѣется... Не будетъ ли онъ,—какъ бы это сказать?—нѣсколько черезъ-чуръ французскимъ? Старикъ-помѣщикъ, прожившій съ своею женой 34 года душа въ душу, похоронилъ ее и чувствуетъ, что безъ нея ему и жить незачѣмъ, что для него жизнь кончена. Все въ жизни теперь у него сосредоточивается въ безмолвной могилѣ, да въ единственномъ сынѣ-студентѣ, котораго онъ и ожидаетъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ. Сынъ пріѣзжаетъ; старикъ оживаетъ, тѣмъ болѣе, что сынъ нѣженъ съ нимъ, какъ взрослые бываютъ нѣжны съ больными дѣтьми. Для старика какъ будто начинается новая жизнь. Но странно: чѣмъ больше онъ любуется сыномъ, тѣмъ больше его лицо напоминаетъ отцу что-то забытое, странное и тяжелое, и, наконецъ, онъ вспоминаетъ... И тутъ начинаются у отца мучительныя сомнѣнія, дѣйствительно ли это его сынъ. Сюжетъ, какъ видитъ читатель, вполнѣ на шаблонный французскій манеръ.

Статья г. Слонимскаго: *Наши теоретики народничества*, въ которой авторъ сводитъ окончательные счеты своей полемики съ гг. Юзовымъ и В. В., очень интересна. Но по этому вопросу въ нашемъ журналѣ говорилось уже такъ много, что мы не рѣшаемся больше утруждать вниманіе читателя и потому ограничимся тѣмъ, что приведемъ заключеніе статьи г. Слонимскаго, резюмирующее все его изложеніе этого вопроса. „Послѣ философски-метафизическихъ объясненій г. В. В. читатель, пожалуй, будетъ еще меньше знать о практическихъ задачахъ народничества, чѣмъ прежде,—говоритъ г. Слонимскій,—ибо само народничество, какъ отдѣльное направленіе, превращается въ какой-то неуловимый призракъ. Направленіе, выставляющее лишь абстрактные принципы и не затрогивающее ни одной изъ ближайшихъ настоятельныхъ нуждъ народа, не можетъ претендовать на какую-либо практическую роль въ нашей общественной жизни. Теоретики, строящіе свои неясные воздушные замки для отвлеченнаго народа „свободныхъ гражданъ“ въ то время, какъ реальный народъ можетъ подвергаться еще экзекуціямъ извѣстнаго рода, должны считаться, въ сущности, только фантазерами-метафизиками народничества“.

А въ какомъ видѣ иной разъ могутъ состоять эти „свободные граждане“ и какая масса живой, непосредственной работы, и общественной, и государственной, должна быть сдѣлана у насъ, прежде чѣмъ строить какіе-либо воздушные замки, это читатель можетъ узнать, напримѣръ, изъ любопытной статьи г. Птицына: *Очерки народной жизни на рѣкѣ Ленѣ*. На этой великой русской рѣкѣ прозябаетъ (мы не осмѣлимся сказать: живетъ) населеніе больное и голодное, населеніе при настоящихъ условіяхъ безнадежно вырождающееся, населеніе фактически безправное и со стороны гражданской, и со стороны экономической. Оно безнадежно закабалено немногими торговыми людьми, царями и владыками Лены. Закабалено оно не тою кабалой, которую знаетъ и любая русская деревня, а иною, безконечно болѣе суровою, потому что

вѣчною кабалой. Эти „свободные граждане“, прозябающіе на рѣкѣ Ленѣ, находятся въ фактической крѣпостной зависимости. „Условія развитія кабальной зависимости были чисто-бытовыя и сложились сами собою; со стороны крестьянъ такими условіями послужила наслѣдственность займа или покупки въ кредитъ, наслѣдственность долговъ, переходившихъ отъ предковъ къ потомкамъ въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, а со стороны купцовъ ихъ огромное вліяніе и добытая деньгами власть надъ своими покрученниками“. А власть эту купцы могли добыть только въ силу общаго безправія населенія, въ силу ничѣмъ неограничиваемаго произвола мелкой, а иной разъ и крупной, администраціи. На основаніи какъ закона, такъ и здраваго смысла, взысканіе вѣчныхъ кабальныхъ долговъ есть прямое беззаконіе, и, однако, оно совершается. Всѣ,—буквально всѣ,—крестьяне района р. Лены всю свою жизнь отдаютъ всѣ продукты своего труда кабалителямъ и при этомъ, умирая, оставляютъ дѣтямъ сумму долга еще большую, чѣмъ унаслѣдованная ими отъ ихъ отцовъ. Это ли не ростовщичество, подлежащее, внѣ всякаго сомнѣнія, карѣ закона? Всѣ эти вѣчные долги не документальные; они просто записаны въ книгахъ кабалителей и, однако, взыскиваются. Подобныя явленія, конечно, возможны только потому, что мелкая администрація въ Сибири всесильна. Вслѣдствіе этого намъ кажется, что рекомендуемыя г. Птицынымъ средства исцѣленія закоренѣлаго зла: административная высылка кабалителей и введеніе мировыхъ посредниковъ, какъ оффиціальныхъ защитниковъ крестьянства, не достигнутъ цѣли. На мѣсто высланныхъ станутъ другіе; вѣчные долги будутъ оформлены и сдѣлаются безспорными. Что касается мировыхъ посредниковъ, то, вѣдь, и они будутъ только административными чинами... Требуются болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы превратить ленскихъ крестьянъ въ людей. Нуженъ судъ правый и милостивый, независимая волость, независимый волостной судъ, земскія учрежденія, видоизмѣненныя сообразно съ мѣстными условіями; нужна спеціальная судебная коммиссія для разборки долговъ населенія и объявленіе, какъ это слѣдуетъ и по духу закона, и по требованіямъ здраваго смысла, вѣчныхъ долговъ недѣйствительными. Поменьше чистополицейской опеки и побольше экономическаго воздѣйствія государства, прямой его помощи. Ленское населеніе вдвойнѣ заслужило эту помощь. Оно было поселено на Ленѣ государствомъ съ избавленіемъ его отъ воинской повинности за ту поистинѣ не человѣческую работу, которая именуется почтовою и обывательскою гоньбой. При введеніи всеобщей воинской повинности населеніе Лены утратило свою привилегію и взамѣнъ ничего не получило.

Русское Богатство, *октябрь*. Садовникъ Мосей каждый годъ подрѣзаетъ молодую поросль, а она все ростетъ, да ростетъ. Тетя Ната тоже занимается подрѣзываніемъ молодыхъ человѣческихъ побѣговъ съ такою же вѣрой, какъ и Мосей, и столь же безуспѣшно. Былъ ли какой-нибудь романъ въ жизни Мосея, неизвѣстно, но у тети Наты въ ея юности романъ былъ. Она полюбила неродовитаго и бѣднаго дворянина, была похищена имъ и въ ту минуту, когда уже все было готово для свадьбы, была увезена домой своими родовитыми родственниками Веретенниковыми. Съ тѣхъ поръ въ теченіе долгихъ и скучныхъ лѣтъ она сидитъ въ своемъ разрушающемся гнѣздѣ и пытается обрѣзывать молодыя поросли, подавлять молодыя чувства воспитываемыхъ ею дѣвочекъ, а молодыя чувства все рвутся, да рвутся наружу, въ суровую и жестокую, полную страданія жизнь. Неудачи не обезкураживаютъ

ютъ тетю Нату и она надѣется, что ея красавица, племянница Соня, уйдетъ отъ судьбы своихъ предшественницъ. Напрасная надежда! Молодая поросль рвется изъ душной атмосферы стараго помѣщичьяго гнѣзда и бѣжитъ къ незаконному сыну того самаго бѣднаго дворянина, который когда-то увозилъ тетю Нату. Веретенниковская кровь заговорила и тетя ѣдетъ спасать свою Соню. Но какая это жалкая поѣздка! У тети нѣтъ ни лихихъ троекъ, ни преданныхъ челядинцевъ. У ней только старая кляча, которую Мосей называетъ старою кожей, да Мосей съ головой, подобной биллiардному шару. На грозныя рѣчи тети Наты о бездушіи современнаго поколѣнія, о томъ, „что предки дѣлали ошибки, бывали несправедливы, даже жестоки, но все это искупалось чувствомъ“, что „поэзія покупалась иногда слишкомъ дорогою цѣной, но давала смыслъ всей жизни и освѣщала ее“, что „женщины того времени не давали поцѣлуя нелюбимому человѣку“ и т. д.,—она получаетъ отъ своей Сони жестокій отпоръ. „Какая же это любовь, которая разбивалась о первую сословную перегородку, о какой-нибудь предразсудокъ, о фамильный деспотизмъ?“ И, въ концѣ-концовъ, биллiардный шаръ Мосея сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто онъ былъ не на своемъ настоящемъ мѣстѣ. „Эхъ, женская ваша слабость! Да развѣ бы въ прежнія времена такъ поступали? Ахъ, барышня, барышня, полная ваша неустойка!“

Такова картинка, нарисованная г. Маминымъ въ его очеркѣ: *Тетя Ната*, очень граціозная картинка и, однако... впечатлѣнія она не производитъ или, вѣрнѣе сказать, производитъ черезъ-чуръ смутное впечатлѣніе. Г. Маминъ какъ будто самъ любуется игрой своего таланта и приглашаетъ любоваться ею и читателя. Онъ какъ будто говоритъ ему: посмотрите, какая разнообразная игра и какой блескъ въ различныхъ извилинахъ моего художественнаго творчества... Да, разнообразіе большое и блеску много, а впечатлѣніе смутно и причина этой смутности впечатлѣнія, думается намъ, въ томъ, что большая идея не укладывается въ маленькую форму. Лучъ свѣта озаряетъ разноцвѣтною своею игрой даже самое маленькое стеклышко, но такое стеклышко все же будетъ только дѣтскою игрушкой, а не серьезнымъ художественнымъ произведеніемъ. Онъ блеснетъ передъ вашими глазами и забудется. Паденіе веретенниковской культуры и ея поэзіи плохо отражается въ такомъ крошечномъ стеклышкѣ, какъ тетя Ната съ ея подрѣзываніемъ молодыхъ побѣговъ...

Изъ другихъ беллетристическихъ произведеній разбираемой книги *Русскаго Богатства* можно отмѣтить очень тепло и мило написанные очерки институтской жизни г-жи Лухмановой: *Двадцать лѣтъ назадъ*. Дѣвочки, и въ особенности „рыжикъ“ или „Баярдъ“, совершенно живыя. Сильное впечатлѣніе производитъ наивно-прелестная сцена ночного похода нѣсколькихъ смѣлыхъ дѣвочекъ въ церковь подъ предводительствомъ кривобокой и подслѣповатой, мистически настроенной, религіозно экзальтированной Салоповой: „Въ узкомъ пространствѣ между громадною лѣстницей, погруженной во мракъ и слабо освѣщенной церковью дѣвочкамъ казалось, что онѣ отрѣзаны отъ всего міра. Суевѣрный страхъ чего-то холоднаго, неизвѣстнаго, чего-то таинственнаго заставлялъ ихъ горячо молиться съ тѣмъ религіознымъ экстазомъ, который охватываетъ дѣтей въ 15 — 16 лѣтъ. И каждая изъ нихъ въ душѣ повторяла одну и ту же молитву: „Господи, не отними отъ насъ нашего добраго инспектора и не допусти къ намъ новаго“. Салопова стояла на колѣняхъ; ея некрасивый ротъ шепталъ молитвы, костлявая

рука замерла на лбу въ крестномъ знаменіи, слезливые глаза свѣтились глубокимъ чувствомъ молитвы и вѣры. Она часто простаивала такъ, въ церковномъ притворѣ, цѣлыя ночи". Въ очеркѣ г-жи Лухмановой очень ярко указывается на развитіе болѣзненныхъ, ненормальныхъ чертъ мистицизма и сантиментальности въ молодыхъ женскихъ душахъ въ несвойственной имъ атмосферѣ закрытыхъ заведеній. Умственный и нравственный организмъ женщины съ его высшею чувствительностью, съ его экспансивностью и естественною для него страстною живостью еще менѣе способенъ приспособиться къ исключительнымъ, внѣ жизни стоящимъ условіямъ закрытыхъ заведеній. Дисциплина закрытой школы не регулируетъ, не направляетъ юныя женскія существа, а ломаетъ или коверкаетъ ихъ. Все это, конечно, давно извѣстно; тема, разрабатываемая г-жей Лухмановой, старая-престарая; но мало ли у насъ стараго, но какъ будто вполнѣ забытаго?

По вопросу о вліяніи общиннаго землевладѣнія на сельско-хозяйственную культуру написано, напротивъ, много книгъ, масса статей и, тѣмъ не менѣе, устраненіе существующаго разногласія въ настоящее время едва ли не дальше отъ насъ, нежели было, когда начался споръ защитниковъ и противниковъ общины,— замѣчаетъ г. Кауфманъ въ своей интересной статьѣ объ *Общинѣ и успѣхахъ сельскаго хозяйства въ Сибири*. „Оставаясь на почвѣ фактовъ, добытыхъ изученіемъ крестьянской жизни и крестьянскаго хозяйства Европейской Россіи,— продолжаетъ онъ,— едва ли можно было бы прибавить что-либо новое къ тому, что уже говорилось и писалось по этому вопросу". Повидимому, авторъ полагаетъ, что результаты, достигнутые при изученіи мало изслѣдованной сибирской общины, могутъ повести къ желательному соглашенію, къ окончательному рѣшенію этого неразрѣшеннаго вопроса. Намъ думается, что онъ ошибается. Если бы соглашеніе и рѣшеніе были возможными, то они давно бы и состоялись. Въ самомъ дѣлѣ, по этому вопросу имѣется такая масса фактическаго матеріала, что рѣшеніе для всякаго непредубѣжденнаго, безпристрастнаго человѣка слишкомъ очевидно, чтобы могли возбудиться какіе-либо споры, какія-либо сомнѣнія. Все дѣло и состоитъ въ томъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ общественныхъ вопросахъ, суть дѣла не въ фактахъ, а въ основныхъ принципахъ. Споръ возможенъ только между людьми, одинаково честно и искренно ищущими истины. Простое невѣжество, желающее перестать быть невѣжествомъ, можетъ быть уничтожено при посредствѣ фактовъ. Но для борьбы съ невѣжествомъ, добровольно закрывающимъ глаза на факты, требуются другія орудія. Люди, слѣпые по своей волѣ, не превратятся въ зрячихъ, какое количество фактовъ ни представляйте ихъ вниманію. Въ подобныхъ случаяхъ орудіемъ борьбы могутъ быть только принципы, а не факты. Только обсужденіе общихъ принциповъ можетъ, такъ сказать, вывести недобросовѣстность на свѣжую воду и заставить добровольныхъ слѣпцовъ прозрѣть, хотя бы и со скрежетомъ зубовнымъ.

Это, конечно, не значитъ, чтобы факты, какъ сами по себѣ, такъ и какъ средство созданія принциповъ, не были интересны. Статья г. Кауфмана именно и интересна съ ея фактической стороны. Изслѣдованіе сибирской общины приводитъ г. Кауфмана къ слѣдующимъ выводамъ.

На югѣ и въ средней полосѣ Тобольской губерніи община не *связываетъ инициативы* хозяина принудительными сѣвооборотами; она свободна отъ дробленія пашенъ на мелкія полосы и отъ черезполосности;

трехпольное и двухпольное хозяйство на сѣверѣ Тобольской губ. есть явленіе не застоя, а сельско-хозяйственнаго прогресса; трехполье устанавливается крестьянами вполнѣ сознательно, но оно не связываетъ хозяйство неразрывными узами; *у общины хватаетъ иниціативы* на коренное измѣненіе и даже на образованіе выселковъ въ видахъ расширенія унавоживаемой площади; община не только даетъ полный просторъ личной дѣятельности, но и *беретъ на себя починъ* въ дѣлѣ расчистки земель, осушки и постройки плотинъ. Передѣлы совершаются на сроки не менѣе десяти лѣтъ, а въ области хозяйства съ удобреніемъ и на неопредѣленное время; господствующій порядокъ передѣловъ есть „отрѣзка излишковъ", обезпечивающая продолжительное пребываніе полосъ въ однѣхъ рукахъ; при передѣлахъ проявляется *крайне бережное отношеніе къ труду*, такъ что сибирская община ограждаетъ не только капитальныя улучшенія, какъ это требуется на основаніи новаго закона о передѣлахъ, но и всякій вложенный въ землю трудъ, и по возможности оставляетъ на прежнемъ мѣстѣ всѣхъ домохозяевъ. Въ Сибири существуетъ заимочное или хуторское хозяйство, представляющее на первый взглядъ полное сходство съ правомъ личной собственности; но на самомъ дѣлѣ заимочное владѣніе не есть личное землевладѣніе, оно просто неопредѣленная форма владѣнія, возникающая тогда, когда земли много сравнительно съ потребностью въ ней населенія. Въ сознаніи населенія и при этой формѣ владѣнія община есть верховный владѣлецъ и распорядитель. Тамъ, гдѣ существуетъ заимочное владѣніе, поземельная община еще не сформировалась; тамъ каждый крестьянинъ имѣетъ заимку; разница не въ правѣ на землю, а въ размѣрахъ фактическаго пользованія ею. Мѣры, направленныя къ поддержанію этой формы землевладѣнія, были бы поддержкой не личнаго начала противъ общиннаго, *а богатыхъ заимощниковъ противъ бѣдныхъ*. Система полеводства богачей-заимочниковъ представляетъ ту же комбинацію переложнаго хозяйства съ зеленымъ паромъ, которой держится вся масса населенія; о переходѣ къ хозяйству съ удобреніемъ заимочники и не думаютъ. Однимъ словомъ, превосходство хозяйствъ крупныхъ заимочниковъ основывается *не на большемъ знаніи, опытности, иниціативѣ* и т. д., а исключительно на *богатствѣ;* въ массу населенія такое хозяйство не вноситъ никакихъ прогрессивныхъ началъ, а всего чаще является для нея вреднымъ. По сравненію же съ душевымъ способомъ владѣнія заимочное владѣніе есть несомнѣнно регрессивное явленіе. Оно господствуетъ тамъ, гдѣ господствуетъ наиболѣе экстензивное залежно-паровое хозяйство; при переходѣ къ хозяйству съ удобреніемъ населеніе отъ заимочнаго владѣнія переходитъ къ вольному пользованію, а потомъ къ душевому. Трехпольное хозяйство съ удобреніемъ, т.-е. *сравнительно высшая форма хозяйства*, установилось тамъ, гдѣ установилось душевое пользованіе. Мѣры, направленныя къ пріостановкѣ естественнаго развитія формъ землепользованія, къ закрѣпленію заимокъ за ихъ владѣльцами, не только не способствовали бы сельско-хозяйственному прогрессу, а, напротивъ, *задержали бы его*,—владѣльцы заимокъ получили бы возможность продолжать вести хозяйство по залежной системѣ.

Такимъ образомъ, очевидно, что и это новое изслѣдованіе, также какъ и всѣ прежнія, приводитъ вопросъ объ общинѣ къ вопросу о много- или малоземельи; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, оно настолько же мало убѣдитъ противниковъ общины, какъ мало убѣждали ихъ всѣ

прежнія изслѣдованія. И это потому, что тутъ дѣло не въ убѣжденіяхъ и не въ фактахъ, а въ принципахъ и въ кроющихся за ними интересахъ.

Обозрѣвая въ прошедшей книжкѣ нашего журнала октябрьскій нумеръ *Вѣстника Европы*, мы указывали, какъ на заслуживающую серьезнаго вниманія, статью г. Слонимскаго о безцеремонныхъ домогательствахъ класса крупныхъ промышленниковъ. Теперь о томъ же предметѣ трактуется въ послѣдней книгѣ журнала *Русское Богатство*. Никогда еще, кажется, представители крупной промышленности,—говоритъ авторъ „хроники внутренней жизни“,—не выступали съ такими непомѣрными требованіями, не высказывались съ такою откровенностью, какъ теперь. Гг. Кази и Бѣловъ вмѣстѣ съ „обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговли“ перещеголяли московскихъ купцовъ и нижегородскихъ плакальщиковъ. Эти, казалось, хватили черезъ край, требуя себѣ льготъ, въ видѣ освобожденія отъ ярмарочныхъ пошлинъ, но петербургскіе ораторы и ихъ превзошли. Г. Кази заявляетъ, будто таможенная война встрѣчена всеобщимъ восторгомъ, будто промышленная Россія желаетъ, чтобы максимальный тарифъ не былъ пониженъ при переговорахъ съ Германіей. Не смущаясь ложностью такого заявленія, г. Кази заканчиваетъ патетическимъ воззваніемъ: „Оградите интересы предпринимателей, и передъ лицомъ населенія откроется новое міровоззрѣніе“. Что это: неумѣстная шутка или циничная безцеремонность?—спросимъ мы отъ себя. А что значатъ слова: „откроется новое міровоззрѣніе“— этого и понять невозможно. За г. Кази выступаетъ г. Бѣловъ и доводитъ требованія нашихъ протекціонистовъ до абсурда. „Россія должна обособиться,—восклицаетъ этотъ ораторъ,—забыть о существованіи другихъ западно-европейскихъ государствъ, отдѣлиться отъ нихъ китайскою стѣной“. Дальше „китайской стѣны“ идти невозможно,—замѣчаетъ хроникеръ журнала,—и даже г. Менделѣевъ, авторъ замѣчательнаго *Толковаго тарифа* и не менѣе замѣчательнаго *Введенія* къ обзору фабрично-заводской промышленности Россіи, долженъ чувствовать себя удовлетвореннымъ.

По справедливому замѣчанію хроникера журнала, г. Менделѣевъ въ упомянутомъ *Введеніи* даетъ любопытный образчикъ логики протекціонизма. Въ числѣ условій, благопріятныхъ для развитія у насъ промышленности, онъ указываетъ на сравнительную съ Западною Европой дешевизну рабочихъ рукъ въ Россіи. И такъ, съ одной стороны, таможенная охрана, доведенная до „китайской стѣны“, съ другой—дешевизна рабочихъ рукъ,—таковы опоры русской промышленности, какъ ее понимаетъ г. Менделѣевъ. Слѣдовательно, только тѣ мѣры помогутъ развитію промышленности, которыя ограждаютъ ее отъ конкурренціи Запада и удешевляютъ трудъ. Но протекціонисты, въ увлеченіи успѣхами своего дѣла, упускаютъ изъ вида, что осуществленіе ихъ схемы повело бы къ полному экономическому упадку народа, что не можетъ не отразиться прежде всего на самой промышленности. Вѣдь, какъ-никакъ, а главный потребитель все тотъ же народъ... Но,—заключаетъ авторъ хроники,—довольно уже жертвъ было принесено этой пресловутой промышленности, представители которой сдѣлались только еще ненасытнѣе. Они, какъ тощія фараоновы коровы, поглотили тучныхъ, отчего сами ничуть не стали пригляднѣе.

Сѣверный Вѣстникъ, *ноябрь*. Въ *Запискахъ А. О. Смирновой* напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ означеннаго журнала, находимъ интересную бесѣду Пушкина съ Хомяковымъ, Вяземскимъ и другими

литераторами того времени. Бесѣда происходила на вечерѣ у Карамзиныхъ. Разговоръ зашелъ о значеніи Петра Великаго.

„Хомяковъ сталъ нападать на Петра, и мнѣнія раздѣлились. Вяземскій, Полетика, Дашковъ и Блудовъ были за Петра. Остальные относились съ неодобреніемъ къ нѣкоторымъ изъ его мѣръ. Хомяковъ критиковалъ все. Поднялся перекрестный огонь фразъ, словъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, невозможно было понять что-нибудь".

Е. А. Карамзина попросила спорящихъ успокоиться, говоря: „Мы тоже хотимъ слушать; это какая-то ссора, а не споръ". Они притихли, и Пушкинъ сказалъ: „Во всякомъ случаѣ, одинъ Петръ понялъ то, что нужно было Россіи въ ту эпоху. Онъ подумалъ о ея будущемъ и о политической роли, которую она призвана сыграть въ исторіи". Хомяковъ отвѣчалъ: „Ты приписываешь ему мысли, которыхъ у него не было".

— Какія же? Надѣюсь, что всѣ его дѣянія свидѣтельствуютъ о мысляхъ, которыми онъ руководствовался...

Хомяковъ воскликнулъ: „Петръ только ломалъ; онъ разрушилъ все наше прошлое, хорошее вмѣстѣ съ дурнымъ".

— Разрушаютъ только то, что само по себѣ колеблется.

Хомяковъ повторилъ: „Онъ разрушилъ все, что было хорошаго".

Пушкинъ перебилъ его: „Хорошее? Въ чемъ ты его видишь? Я вижу еще хорошее въ такихъ князьяхъ, какъ Владиміръ, который окрестилъ насъ, какъ Ярославъ, который далъ намъ законы, какъ Владиміръ Мономахъ, пытавшійся привить намъ просвѣщеніе, какъ Александръ Невскій съ его чудеснымъ девизомъ. Я отдаю справедливость тремъ объединителямъ Россіи, даже и Годунову, но согласись, что и при нихъ всѣхъ мы оставались варварами".

Хомяковъ отвѣчалъ: „Ты говоришь, что Иванъ IV былъ деспотомъ, что Иванъ III ужасенъ, и я соглашаюсь съ этимъ; но, вѣдь, и Петръ Великій пролилъ много крови, и Петръ былъ деспотомъ".

Пушкинъ отвѣтилъ: „Совершенно вѣрно, но онъ не былъ своенравенъ, не былъ тираномъ, а, главное, не былъ лицемѣромъ. Сознаюсь, что онъ былъ немного горячъ и быстръ, уступаю тебѣ еще и то, что онъ былъ великимъ и геніальнымъ революціонеромъ, но онъ и созидалъ. Иванъ III объединялъ Россію, какъ и Василій III; у Ивана IV были свои часы просвѣтленія, и онъ кое-что сдѣлалъ для Россіи; онъ взялъ Казань. Но онъ разорилъ, опустошилъ страну; когда онъ умеръ, въ Россіи оставались только три человѣка, такъ какъ Курбскій перешелъ на сторону польскаго короля: Иванъ Шуйскій, неподкупный человѣкъ и солдатъ, единственный изъ свойственниковъ царя, котораго тотъ не посмѣлъ убить; Романъ Захарьинъ-Юрьевъ, уже старый, и Борисъ Годуновъ, который, надо сказать правду, все же поднялъ утраченное значеніе Россіи. Согласись съ тѣмъ, что если ты самъ что-нибудь знаешь, то ты обязанъ этимъ Петру Великому".

Хомяковъ сказалъ на это: „Онъ задавилъ національную гордость, національное чувство".

— Какое это?—спросилъ Пушкинъ.—Ты не убѣдишь меня въ томъ, что Петръ не былъ патріотомъ. Я нахожу его голландское платье патроса не менѣе русскимъ, чѣмъ восточные костюмы и азіатскія привычки Ивана IV, или чѣмъ византійскій этикетъ старой Москвы..."

Русское Обозрѣніе и Русскій Вѣстникъ. Какъ извѣстно, наша горемычная интеллигенція, виноватая чуть ли не во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ, виновата, по мнѣнію гг. народниковъ, и въ томъ,

что она будто бы писать для народа не умѣетъ; ибо, молъ, для того, чтобы писать для народа, необходимо или принадлежать къ нему (а интеллигенція, какъ извѣстно, къ народу не принадлежитъ), или, по крайней мѣрѣ, преклониться предъ всѣми народными мнѣніями—до мнѣнія о трехъ китахъ и колесницы пророка Иліи включительно. Вотъ когда преклонишься и проникнешься, тогда народъ тебя и понимать и у тебя учиться будетъ. Это, конечно, прекрасно, но чему тогда онъ учиться будетъ, да и надо ли ему учиться, когда онъ и такъ столь мудръ и прекрасенъ? Положеніе, будто народу и въ сферѣ духовной, и въ сферѣ матеріальной необходимо то же, что и намъ,—положеніе, высказанное въ „смутные годы" нашего развитія, въ наше трезвенное время является устарѣлымъ. Мы перемѣнили все это. А перемѣнивъ, мы нашли, что интеллигенція не годится въ качествѣ писателей для народа, а вотъ лубочная литература отлично приспособлена для его поученія и, стало быть, пользы. Изъ этого, конечно, вытекаетъ тотъ выводъ, что интеллигенція и тутъ виновата и принадлежащіе къ ней Толстые, Короленки и проч. идутъ не по той дорогѣ, по какой слѣдуетъ идти для того, чтобы народъ узналъ и полюбилъ ихъ. Не знаемъ, подлежатъ ли они по сей причинѣ упраздненію, или нѣтъ? Думаемъ, что по народнической логикѣ подлежатъ. Ну, что же, и чудесно: продолжайте свое дѣло—вы мастера взбаломучивать воду и мѣшать интеллигенцію съ культурными классами,—понятіе о литературѣ группъ съ понятіемъ о литературѣ вообще. Ну, а въ мутной водѣ, какъ извѣстно, особенно легко ловить рыбу. Вы и ловите и доходите до утвержденія о превосходствѣ лубочной литературы предъ литературой интеллигенціи. Именно такія утвержденія, составленныя въ мутной водѣ, дѣлаетъ г. Ивинъ, писатель-крестьянинъ, въ своей статьѣ *Народно-лубочная литература*, напечатанной въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*. О ней пожалуй бы и говорить-то не стоило, если бы г. Ивинъ не приводилъ нѣкоторыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ какъ разъ противъ его основныхъ положеній. Онъ свидѣтельствуетъ, наприм., что народу нравятся Пушкинъ, Гоголь, *Записки охотника* и даже *Бѣдные люди*, что изъ стихотвореній Некрасова, Никитина, Кольцова и Сурикова охотно слушаются тѣ, въ которыхъ говорится о бѣдности, горѣ и страданіи крестьянина, что не нравятся имъ тѣ произведенія, въ которыхъ *слишкомъ тенденціозно выражена поучительная идея* автора. „Все-то насъ господа учатъ! Прежде палками, да кулаками учили, а теперь книжками!" Не нравятся *Иванъ дуракъ* и *Первый винокуръ*, потому что въ нихъ много о чертяхъ говорится, а первый и за непротивленіе злу. О *Свѣчкѣ* мужики сказали: плохо, что въ ней мужики не уперлись. „Ужь лучше бы уперлись, да прикащику шею накостыляли,—за это и Богъ простилъ бы". Не будемъ приводить другихъ свидѣтельствъ г. Ивина; уже и приведенныхъ достаточно для доказательства, что крестьянину нравится или не нравится какъ разъ то же самое, что и интиллигенту, что первому требуется въ духовной сферѣ то же самое или приблизительно то же самое, что и намъ съ вами.

Между прочимъ, г. Ивинъ и о трехъ китахъ упоминаетъ, т.-е. не о трехъ китахъ, а о томъ, что крестьянинъ не вѣритъ, будто молнія то же, что искра электрической машины; не вѣритъ онъ, будто холера происходитъ отъ бациллъ, и полагаетъ, что все это отъ Бога... Какъ тутъ быть интеллигенту? Тоже подчиниться, что ли?... Подумали ли когда-нибудь г. Ивинъ и ему подобные, что, въ сущности говоря, и дѣти интеллигентовъ этому тоже не вѣрятъ, и для того, чтобъ они повѣри-

ли, необходимо создавать вокругъ нихъ особую умственную атмосферу, атмосферу интеллигенціи, что такая же атмосфера должна быть создана и вокругъ мужика и что она создается школой, устроенной интеллигенціей, и книгой, написанной ею же, и, конечно, не создастся лубочною литературой, хотя бы она читалась крестьянами цѣлые вѣка.

Лѣтъ тридцать тому назадъ мы знавали одного генерала, въ качествѣ чисто-русскаго человѣка; насчетъ всякихъ основъ онъ имѣлъ довольно смутное понятіе, но за то имѣлъ весьма опредѣленныя мнѣнія по женскому вопросу. Относясь не то чтобы снисходительно, а просто легкомысленно ко всяческимъ разрушеніямъ, онъ твердо зналъ, что главная прелесть женщины состоитъ въ ея очаровательной косѣ и въ изящномъ костюмѣ, а потому „нигилистокъ“ отъ души ненавидѣлъ и по мѣрѣ возможности преслѣдовалъ. Много пакостей надѣлалъ онъ въ этомъ направленіи. Г. Суворовъ, обременяющій книжки *Русскаго Обозрѣнія* своими *Записками о прошломъ*, кажется, только въ маіорскомъ, а не въ генеральскомъ чинѣ состоитъ, а ненависть къ „нигилисткамъ“ имѣетъ истинно-генеральскую. „Нигилисткамъ“ онъ предпочитаетъ благонамѣренныхъ и благочестивыхъ... проститутокъ. Не вѣрите? И, однако, о семъ такъ-таки прямо и написано чернымъ по бѣлому въ его *Запискахъ*. О вкусахъ не спорятъ. Г. Суворовъ ненавидитъ „слушательницъ“ (медицинской академіи) по тѣмъ же причинамъ, какъ и нашъ знакомый генералъ, и еще потому, что онѣ жили на одной квартирѣ со студентами и при этомъ имѣли дерзость полагать, что служатъ прогрессу. Слушательницы и теперь живутъ на однѣхъ квартирахъ со студентами, но не полагаютъ, вѣроятно, что этимъ служатъ прогрессу. И если бы полагали, то это было бы только смѣшно. Ну, а въ то „смутное время“, дѣйствительно, могли такъ полагать и, не во гнѣвъ будь г. Суворову сказано, имѣли на то нѣкоторое право. И вотъ почему: теперь при видѣ самостоятельно живущей на одной квартирѣ со студентами дѣвушки только пошляку придетъ въ голову какая-нибудь пакость, а въ „смутное время“ публика была столь некультурна, что непремѣнно о пакости думала, и отучить ее думать о пакости при видѣ самостоятельной женщины, дѣйствительно, было и необходимостью, и прогрессивнымъ дѣйствіемъ. Такой шестидесятникъ, какъ г. Суворовъ, теперь въ нѣкоторомъ родѣ черный лебедь. Ну, а тогда изъ подобныхъ черныхъ лебедей состояло чуть не все наше культурное общество.

Если бы г. Суворовъ ограничивался только благочестивыми проститутками и не менѣе благочестивою литературною шушерой шестидесятыхъ годовъ (ибо шушера и тогда, конечно, существовала), можно бы было предоставить ему мирно покоиться въ гробѣ его *Записокъ*. Но онъ, вѣроятно, для пущей важности, постоянно возвращается къ дорогимъ для литературы именамъ и выдаетъ имъ отъ себя похвальныя аттестаціи. Они, видите ли, проповѣдывали отрицаніе всего историческаго строя человѣчества и приговаривали его къ полному разрушенію, и притомъ дѣйствовали искренно, съ убѣжденіемъ, неподкупно. „Поэтому между ими и писателями нынѣшнихъ годовъ громадная разница. У послѣднихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій и никакой высшей умственной цѣли. Они служатъ не идеямъ, но своимъ чувственнымъ потребностямъ. Ихъ можетъ купить всякій, они лакейски пресмыкаются предъ лицомъ, которое имъ дороже платитъ“. Не знаю, какъ вамъ, читатель, а намъ, послѣ прочтенія такой тирады, стало конфузно... не за г. Суворова, а за

сотрудниковъ того журнала, гдѣ эта тирада напечатана. Вѣдь, и эти сотрудники – нынѣшніе писатели, а стало быть... Нѣтъ, Богъ съ ними, съ такими шестидесятниками, какъ г. Суворовъ.

Эволюція такъ называемой консервативной печати за послѣдніе годы могла бы послужить предметомъ очень интереснаго изслѣдованія объ исторіи нашей общественности. Получивъ въ наслѣдіе отъ своихъ предшественниковъ извѣстный багажъ принциповъ и методовъ, консервативная печать постепенно дифференцировалась и каждый изъ ея органовъ усвоивалъ себѣ, какъ преимущественную свою задачу, ту или другую часть изъ этого наслѣдія. Дифференцированіе пошло такъ далеко, что между отдѣльными органами консервативной печати остается по существу очень немного общаго. Дифференцированіе консервативной печати очень похоже на ея разложеніе. Съ перваго взгляда у всѣхъ органовъ этой печати имѣются извѣстныя общія точки соприкосновенія: ненависть къ смутному времени реформъ, шаблонная и довольно беззубая старческая злость ко всему недавнему свѣтлому прошлому, и прежде всего дикія завыванія о необходимости твердой власти. И во всемъ этомъ консервативная печать, какъ не разъ было замѣчено, не консервативная, а поистинѣ разрушительная. При внимательномъ разсмотрѣніи, однако, сходство между отдѣльными органами консервативной печати исчезаетъ. У каждаго изъ нихъ за призывами къ сокращеніямъ всякаго рода кроется весьма различное общественное содержаніе. У большинства ихъ за консервативными шаблонами стоитъ служеніе довольно низменнымъ матеріальнымъ интересамъ нашей крупной обрабатывающей промышленности и въ особенности промышленности московскаго мануфактурнаго района. Патріотическій флагъ такихъ органовъ прикрываетъ просто интересы нашихъ крупныхъ фабрикантовъ,—интересы если не анти-народные, то, во всякомъ случаѣ, эгоистическіе. Это настоящая групповая литература. Таковъ, наприм., московскій толстый журналъ *Русское Обозрѣніе*. И это, кажется, составляетъ единственный его raison d'être. Каковъ бы ни былъ литературный матеріалъ, предлагаемый журналомъ своимъ читателямъ, послѣдніе могутъ съ увѣренностью ожидать, что въ экономическомъ отдѣлѣ и во внутреннемъ обозрѣніи они встрѣтятъ защиту крупной промышленности и требованіе для нея разныхъ привилегій и льготъ и, главнымъ образомъ, усиленнаго таможеннаго обложенія.

Совсѣмъ иначе смотритъ на эти вопросы другой консервативный толстый журналъ, *Русскій Вѣстникъ*. „Московское купечество очень заблуждается,—говоритъ онъ,—полагая, что правительство, да еще въ интересахъ *общегосударственныхъ*, когда-либо придавало развитію внутренней промышленности (т.-е. производству фабричному) значеніе *не меньшее* съ другими отраслями народнаго хозяйства. Оно никогда не ставило ихъ наравнѣ съ основнымъ промысломъ страны, съ земледѣліемъ. Московское купечество, очевидно, не знаетъ или не хочетъ знать, что, кромѣ покровительства отрицательнаго (высокихъ таможенныхъ пошлинъ), есть еще покровительство положительное. Предъ этими м рами (свобода предпринимательства, улучшеніе перевозочныхъ средств *улучшеніе быта рабочихъ* и пр.) блѣднѣютъ всякія покровительстве ныя пошлины, неизбѣжно ведущія къ образованію убыточныхъ для н селенія монополій. При положительномъ покровительствѣ „потребите получаетъ прямую выгоду отъ удешевленія цѣны товара. Заплати за товаръ дешевле, потребитель получаетъ возможность купить друг товаръ, потребительная его способность усиливается, спросъ возрост

етъ, требуются новыя рабочія руки и, въ концѣ-концовъ, является обезпеченность населенія отъ голода, а казны—отъ дефицитовъ". Такія рѣчи говоритъ консервативный *Русскій Вѣстникъ*. Конечно, все это экономическіе труизмы, но встрѣтить ихъ въ такомъ органѣ, на этихъ именно страницахъ особенно пріятно. Родоначальникъ современной консервативной печати, еслибъ онъ всталъ изъ своего гроба, пришелъ бы въ ужасъ отъ такихъ труизмовъ, высказываемыхъ на страницахъ принадлежавшаго ему журнала. Консервативная печать не просто дифференцируется, а разлагается.

Столь же очевидны признаки разложенія стараго наслѣдія консерватизма и въ разсужденіяхъ *Русскаго Вѣстника* по поводу другого очень важнаго вопроса—вопроса объ отношеніи къ иновѣрцамъ, о вѣротерпимости. „Пора оглянуться на пройденный путь, намѣтить его уклоненія отъ прямой цѣли,— говорится въ отдѣлѣ *Изъ жизни и печати*. — Государственной власти не слѣдовало вторгаться въ чуждую ей область, смѣшивать Божіе съ кесаревымъ, поручать чиновникамъ распространеніе и укрѣпленіе православія, а на духовенство возлагать заботу объ очищеніи края отъ польщизны. Если въ Сѣверо-западномъ краѣ сильна связь начала національно-политическаго съ вѣроисповѣднымъ, то очевидно, что вопросъ о русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи становится праздднымъ вопросомъ. Возсоединеніе уніатовъ сдѣлало то, чего папы напрасно добивались отъ уніи: народъ въ огромномъ количествѣ перешелъ въ католичество. То же явленіе, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ, повторилось и въ Подляшьи". О Подляшьи разсказывается такой „веселенькій пейзажикъ": „Послѣ возсоединенія въ Подляшьи оказалось очень много „упорствующихъ". Въ 1863 году монастырь паулиновъ былъ переданъ православному вѣдомству, каѳедра католическаго епископа упразднена и упорствующіе были лишены всякаго духовнаго наставничества, а когда попытки къ тайному отправленію требъ были встрѣчены полицейскими преслѣдованіями, то они впали въ религіозное одичаніе, перестали крестить дѣтей и умирали безъ церковнаго напутствія". „Требуется,—заключаетъ хроникеръ *Русскаго Вѣстника*,—благочестивая жизнь, живая любовь къ ближнему. Ни полиціи, ни администраціи, ни судамъ здѣсь нѣтъ дѣла. Эти человѣческія учрежденія, охраняя земныя права человѣка, не въ силахъ воздѣйствовать на его совѣсть или возродить его къ новой духовной жизни".

Хорошія это слова и почтенному журналу нужно сдѣлать еще немного шаговъ по пути такъ удачно начатой имъ эволюціи, чтобъ отдѣлаться отъ мрачнаго наслѣдія злобы и человѣконенавистничества, чтобъ у него отъ этого наслѣдія остались только названіе, обложка и шрифтъ.

Міръ Божій, *октябрь и ноябрь*. Съ октябрьской книжки *Міръ Божій* прибавилъ къ своему названію „журналъ для юношества" другое слово: „и самообразованія". Редакція съ основанія журнала имѣла въ виду достиженіе этихъ двухъ задачъ, столь родственныхъ между собою, и мы много разъ отмѣчали, какъ серьезно и удачно редактируется *Міръ Божій*. Въ десятой и одиннадцатой книжкахъ напечатаны романъ, повѣсть и разсказъ гг. Мамина-Сибиряка, Засодимскаго и Потапина. Выборъ иностранныхъ произведеній сдѣланъ очень умѣло. Въ отдѣлѣ библіографіи вносится все болѣе и болѣе улучшеній. Въ ноябрьской книжкѣ напечатана отличная статья проф. Карѣева, указывающая книги для самообразованія по всеобщей исторіи. Естество-

знанію отводится въ *Мірѣ Божіемъ* подобающее ему мѣсто. Въ этомъ отношеніи петербургскій журналъ составляетъ въ кругу нашихъ повременныхъ изданій рѣдкое и счастливое исключеніе.

Міръ Божій внимательно слѣдитъ за литературными и научными явленіями, чутко прислушивается къ запросамъ нашей жизни. Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ нѣсколькихъ заглавій статей, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ *Смѣсь* (въ ноябрьской книжкѣ): *Коммиссія для организаціи домашняго чтенія, Вологодскіе кустарные промыслы, Конь-колодезская сельско-хозяйственная школа, Чествованіе врача крестьянами* и т. д.

Живо и тепло написана редакторомъ *Міра Божія*, г. Острогорскимъ, статья о покойномъ А. Н. Плещеевѣ. Съ большимъ интересомъ читается очеркъ г. Иванова: *Гёте, какъ человѣкъ* (статья еще не кончена). Кое въ чемъ нельзя согласиться съ авторомъ (онъ, напримѣръ, склоненъ вѣрить Гёте, что знакомство геніальнаго творца *Фауста* съ Шиллеромъ „было дѣломъ верховной правящей силы"); но статья основана на такомъ многостороннемъ изученіи, написана такъ горячо и красиво, что многимъ доставитъ несомнѣнное удовольствіе. Г. Ивановъ идеализируетъ Гёте, старается въ его пользу объяснить и *олимпійство*, и нѣкоторые другіе недостатки. Намъ лично очень симпатично такое отношеніе къ великимъ людямъ (да и къ людямъ вообще), но исторія не дифирамбъ, а судъ, преклоненіе передъ великимъ человѣкомъ не должно переходить въ преклоненіе передъ его слабостями. Это замѣчаніе наше только вызвано статьей г. Иванова, но къ ней не относится, потому что онъ объясняетъ олимпійство Гёте тѣми историческими условіями, въ которыхъ жилъ поэтъ, объясняетъ, но не оправдываетъ.

Очень интересна статья г. Скабичевскаго: *Начало и развитіе русской критики*. Въ октябрьской книжкѣ авторъ даетъ краткій, но обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности Николая Алексѣевича Полевого. Въ ноябрьской книжкѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ еще продолженія труда г. Скабичевскаго.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1893 годъ.

РЕЛИГІЯ. — ФИЛОСОФІЯ.— ПСИХОЛОГІЯ.

Введенскій, А. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Кн. II, стр. 65.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Кн. X, стр 466.

Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. II, стр. 63. Кн. IV, стр. 169. Кн. XII, стр. 579.

Гиляровъ, А. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы. Кн. XII, стр. 580.

Селли, Д. Пессимизмъ. Кн. VII, стр. 305.

Снегиревъ, В. Психологія. Кн. X, стр. 465.

Цигенъ. Физіологическая психологія. Кн. XII, стр. 581.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Фонъ-Аминторъ. За правду и за честь женщины. Cis moll—соната, противъ „Крейцеровой сонаты“ Л. Н. Толстого. Кн. IV, стр. 167.

Ардовъ, Е. Эскизы. Кн. IV, стр. 165.

Армянскіе беллетристы. Изд. Веселовскаго и Берберьяна. Кн. VII, стр. 302.

Ауэрбахъ, Б. Шварцвальдскіе разсказы. Кн. VII, стр. 304.

Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ. Собраніе сочиненій. Кн. I, стр. 6.

Бурже, П. Въ безсонныя ночи. (Un Scrupul). Кн. XII, стр. 578.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстрированные романы. Кн. II, стр. 58.

Венгеровъ, С. Русская поэзія. Собраніе произведеній русск. поэтовъ. Кн. IX, стр. 409.

Венгеровъ, С. Русская поэзія. Вып. II. Кн. XII, стр. 571.

Волховская, А. Мелочи жизни. Кн. IX, стр. 410.

Гагенъ, Т. (изд.). Художественно-литературный сборникъ „На память“. Кн. I, стр. 4.

Гаринъ, Н. Очерки и разсказы. Кн. III, стр. 115.

Грибоѣдовъ, А. Притворная невѣрность.—Молодые супруги.—Кто братъ, кто сестра. Кн. VIII, стр. 358.

Диккенсъ, Ч. Сочиненія. Кн. III, стр. 116.

Дмитріева, В. Деревенскіе разсказы. Кн. III, стр. 116.

Елпатьевскій, С. Очерки Сибири. Кн. III, стр. 113.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разск. изъ гимназич. жизни семидесятыхъ годовъ. Кн. IV, стр. 167.

Засодимскій, П. Легенды. Кн. IV, стр. 165.

— Грѣхъ. Кн. XI, стр. 514.

Зеландъ, Е. Мозаика. Очерки и повѣсти. Кн. VIII, стр. 355.

Зудерманъ, Г. Забота (ром.). Кн. IX, стр. 411.

Казоттъ, Ж. Влюбленный дьяволъ. Кн. XII, стр. 579.

Карышевъ, Д. Совѣсть (этюдъ). Кн. II, стр. 55

Короленко, В. Очерки и разсказы. Кн. II, стр. 51.

Кругловъ, А. Свои-чужіе (ром.). Кн. VIII, стр. 356.

Ледерле, М. Моя библіотека. Кн. V, стр. 214.

— Фламандскія народныя сказки. Кн. VII, стр. 304.

Ломоносовъ, М. Сочиненія. Кн. X, стр. 463.

Лурье, О. Звуки жизни. Кн. VIII, стр. 358.

Лѣсковъ, Н. Собраніе сочиненій. Т. XI. Кн VII, стр. 299.

Лѣтневъ, П. Бархатные коготи. Кн. VI, стр. 264.

Майковъ, М. Исторія одного брака.—Танцовщица.—Разговоръ.—Митино горе. Кн. I, стр. 1.

Мачтетъ, Г. Силуэты. Т. II. Кн. XII, стр. 572.

Молотовъ, А. Отголоски 60-хъ годовъ. Кн. XII, стр.

Мопассанъ, Г. Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ Кн. XII, стр. 576.

Немировичъ-Данченко, В. На безлюдьѣ.—Мурманская страда.—Привольe.—Полярное лѣто. Кн. XI, стр. 517.

Песковскій, М. Въ глуши (пов.) Кн. XI, стр. 513.
Полонскій, Я. Собаки. Юмористич. поэма. Кн. II, стр. 52.
Постери, Э. Подъ маской благочестія. Ист. романъ-хроника. Кн. IX, стр. 412.
Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Кн. II, стр. 57.
Пушкинъ, А. Евгеній Онѣгинъ. Изд. Готье. Кн. I, стр. 3.
Русскій художественный архивъ. Кн. VIII, стр. 857.
Саловъ, И. Съ натуры. Очерки и разск. Кн. VI, стр. 266.
Сенкевичъ, Г. Путевые очерки. Перев. Лаврова. Кн. XII, стр. 578.
Соловьевъ, В. Въ раздумьи. Кн. III, стр. 114.
Сборникъ въ пользу голодающихъ. Кн. I, стр. 3.
Сибиряковъ, К. Путь-дорога. Научно-литер. сборникъ въ пользу общ. вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Кн. VIII, стр. 353.
Станюковичъ, К. Безъ исхода. (ром.). Кн. VI, стр. 263.
Степаненко, Н. Хата. Разск. и очерки. Кн. XI, стр. 516.
Стернъ, А. Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны***) Кн. VI, стр. 267.
— Бракъ по любви (пов.). Кн. X, стр. 462.
Толстой, Л. Сочиненія. Изд. 9. Кн. X, стр. 459.
Уоллесъ, Л. Бэнъ-хуръ. (Во время оно). Пов. Кн. II, стр. 56.
Федоровъ, Д. Изъ прошлаго и настоящаго. Кн. VI, стр. 268.
Фирсовъ, В. Горькій опытъ (ром.). Кн. II, стр. 54.
Чеховъ, А. Жена (раз.). Кн. V, стр. 213.
Шелли. Сочиненія. Пер. Бальмонта. Кн. III, стр. 117. Кн. XI, стр. 517.

Paradowska, M. Popes et popadias. Кн. I, стр. 7.
Universal-Bibliothek. Gedichte von M. Lermontoff. Кн. XII, стр.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

Баранцевичъ, Е. Объ учрежденіи страхованія отъ огня дворянскихъ имуществъ. Кн. VII, стр. 305.
Борзенко, А. Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣв.-Амер. Соедин. Штатовъ. Кн. VIII. стр. 363.
Венгеровъ, С. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Кн. I. стр. 8.
Владиміровъ, Л. Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. Кн. II, стр. 61.
Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Кн. VIII, стр. 363.
Діевъ, Г. Армянскій вопросъ въ Турціи. Кн. VIII, стр. 362.
Корниловъ, А. Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ. Кн. IV, стр. 173.
Мережковскій, Д. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Кн. II, стр. 59.
Незеленовъ, А. Шесть статей о Пушкинѣ. Кн. II, стр. 60.
О состояніи чистопольскаго общественнаго управленія и г. Чистополя въ 1892 году. Кн. X, стр. 464.
Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Кн. X, стр. 464.
Отчетъ первыхъ московскихъ яслей. Кн. IV, стр. 173.
Сукачевъ, В. Иркутскъ. Его мѣсто въ исторіи и культурномъ развитіи Сибири. Кн. IV, стр. 172.
Сычевскій, С. Уильямъ Шекспиръ. Кн. II, стр. 60.
Ч—въ, В. Злая забава. Мысли объ охотѣ. Кн. X, стр. 465.
Чернышевскій, Н. Эстетика и поэзія. Кн. IV, стр. 171.
Шараповъ, С. По русскимъ хозяйствамъ. Кн. IV, стр. 173.
Шенрокъ, В. Матеріалы для біографіи Гоголя. Кн. II, стр. 59.
Ярешъ, Ѳ., и Степановичъ, А. Янъ Амосъ Коменскій. Кн. I, стр. 8.
Ярошъ, К. Современныя задачи нравственнаго воспитанія. Кн. V, стр. 216.

Ginisty, P. L'année litteraire, avec une préface par Henrik Ibsen. Кн. VIII, стр. 363.
Paulian, L. Paris qui mendie. Les vrais et les faux pauvres. Mal et remède. Кн. XI, стр. 521.

Die Thätigkeit des Deutschen Reichstags von 1890 bis 1893. Кн. XI, стр. 519.

I migliori libri italiani consigliati da cento illustri contemporanei. Кн. IV, стр. 172.

ПЕДАГОГИКА.

Блокъ, М. Матери великихъ людей. Кн. VI, стр. 269.
Бреаль, М. Древніе языки въ средней образованіи. Кн. VIII, стр. 359.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Кн. VI, стр. 270.
Коменскій, Я. Избранныя педагогическія сочиненія. Кн. IV, стр. 170.
Жукъ. Дитя. Кн. VI, стр. 271.
Лесгафтъ, П. Семейное воспитание ребенка и его значеніе. Кн. IX, стр. 41
Слоущъ, Н. Мнемотехника или искусство укрѣплять память. Кн. XI, стр. 518.
Шольцъ. Недостатки въ характере ребенка. Кн. X, стр. 467.

Leclerc, M. Le role social des Universités. Кн. VIII, стр. 359.

ИСТОРІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. — БІОГРАФІИ.—МЕМУАРЫ.

Арнольдъ, Ю. Воспоминанія. Кн. VII, стр. 310.

Архивъ кн. Θ. А. Куракина. Кн. V, стр. 219.

Багалѣй, Д. Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ. Кн. IV, стр 174.

Барсовъ. Къ литературной исторіи Вольтера. Кн. II, стр. 68.

— Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній. Кн. X, стр. 469.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII, стр. 367.

Баштовый, И. Украинство въ литературныхъ познахъ въ московщинѣ. Кн. VI, стр. 277.

Біографія А. И. Кошелева, составленная Колюпановымъ. Кн. I, стр. 9.

Буцинскій, П. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ. Кн. XII, стр. 585.

Васильевъ, А. Сборникъ памятниковъ византійской литературы. Кн. X, стр. 469.

Васильевскій, В. Русско-византійскія изслѣдованія. Кн. VIII, стр. 370

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Кн. VI, стр. 273.

Висковатовъ, П. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы. Кн. II, стр. 67.

Грушевскій, М. Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. Кн. II, стр. 66; кн. III, стр. 118.

Довнаръ-Запольскій, М. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Кн. II, стр. 66; кн. III, стр. 118.

Дройзенъ. Исторія эллинизма. Кн. V, стр. 222.

Зотовъ, Р. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Кн. III, стр. 120.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. университетѣ. Кн. III, стр. 123.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. Кн. IX, стр. 415.

Карно, И. Исторія французской революціи. Кн. V, стр. 223.

Карновичъ Е. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX ст. Кн. XII, стр. 583.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Кн. VII, стр. 306.

Лонгиновъ, А. Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославовича на половцевъ въ 1185 г. Кн. IX, стр. 414.

Межовъ, В. Русская историческая библіографія. Кн. V, стр. 221.

Неплюевъ, И. Записки. Кн. VII, стр. 308.

Никольскій, Н. О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича. Кн. X. стр. 467.

Осокинъ, Н. Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Кн. II, стр. 67.

Павленковъ, Ф. (Изд.). Жизнь замѣчательныхъ людей. Джонъ Локкъ, Литвиновой.—Франсуа Рабле, Анненской.—Ломоносовъ, Львовичъ-Костровицы. Кн. I, стр. 10.

—Песталоцци. Абрамова.—Андерсенъ, Бекетовой. Кн. III, стр. 122.

— Ришелье, Сементковскаго.—Пироговъ, Молиса.— Юмъ, Сабининой. — Андерсенъ, Бекетовой. Кн. VII, стр. 310.

— Чарльзъ Ляйелль, Энгельгардта. Кн. VIII, стр. 375.

Палея толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Кн. X, стр. 471.

Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губ., издав. Перм. губернскимъ комитетомъ. Кн. XII, стр.586.

Петровъ, Н. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Кн. X, стр. 470.

Саратовскій край. Историч. очерки, воспоминанія, матеріалы. Кн. XII, стр.

Сборникъ импер. русск. историч. общества. Кн. V, стр. 219. Кн. XII, стр. 585.

Собѣстіанскій, И. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Кн. IV, стр. 174.

Сорель, А. Европа и французская революція. Кн. IX, стр. 416.

Токвиль, А. Воспоминанія. Кн. X, стр. 468.

Фиске, Д. Открытіе Америки. Кн. III, стр. 122.

Франковскій, В. Полувѣковой юбилей по протоколу торжественнаго засѣданія харьковскаго медицинскаго общества 23 февр. 1892 г. Кн. III, стр. 123.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. IX, стр. 416.

Шубинскій, С. Историческіе очерки и разсказы. Кн. V, стр. 220.

Экземплярскій, А. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238—1505 гг. Кн. III, стр. 120.

Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла“. Кн. II, стр. 68.

Lenotre. La Guillotine pendant la Revolution. Кн. XI, стр. 525.

Spuller, E. L'evolution politique et sociale de l'église. Кн. IX, стр. 419.

Stryenski, C. Stendhal. Кн. VII, стр. 311.
Tocqueville, A. Souvenirs. Кн. VI, стр. 274.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.— СТАТИСТИКА.

В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кн. IV, стр. 177.
Веретенниковъ, И. Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, Воронежской губерніи. Кн. V, стр. 227.
Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1889 година. Кн. VIII, стр. 384.
Дюрингъ. Курсъ національной и соціальной экономіи съ включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Кн. II, стр. 72.
Кауфманъ, А. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Кн. XI, стр. 529.
Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губ. Кн. IX, стр. 422.
Матеріалы по статистикѣ Вятской губ. Кн. IX, стр. 422.
Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Новгородской губ. Тихвинскій и Старорусскій уѣзды. Кн. XII, стр. 591.
Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растеній въ Пріамурскомъ краѣ въ 1891 г. Кн. VIII, стр 385.
Отчетъ тамбовской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—92 гг. Кн. VII, стр. 318.
Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. Кн. IV, стр. 183.
Памятная книжка Псковской губ. на 1893 г. Кн. V, стр. 226.
Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губ., изд. перм. губ. статист. комитетомъ. Кн. VIII, стр. 383.
Пульхеровъ, А. Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. Кн. XII, стр. 590.
Ратьковъ-Рожновъ, М. Свѣдѣніе о финансовомъ положеніи с.-петербург. городскаго обществен. управленія за время съ 1881—1893 гг. Кн. XII, стр. 588.
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ. Кн. III, стр. 127.
Сборникъ статистич. свѣдѣній по Воронежской губ. Кн. V, стр. 224.
Сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и Кутаисской губ. Кн. X, стр. 473.
Сообщеніе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Кн. X, стр. 471.
Статистика торговли княжества Болгарскаго съ иностранными державами въ 1891 г. Кн. IV, стр. 185.
Труды варшавскаго статистическаго комитета. Кн. III, стр. 128.
Харьковскій сборникъ. Кн. I, стр. 11; кн. XII, стр. 587.
Чупровъ, А. Исторія политической экономіи. Кн. II, стр. 71.
— Политическая экономія. Кн. III, стр. 124.
Шереметевъ, М., гр. Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи. Кн. VIII, стр. 385.
Щербина, Ф. Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района Владикавказской желѣзной дороги. Кн. VIII, стр. 381.

Bleclow, S. Traveaux statistiques des Zemstvos russes. Кн. IX, стр. 424.
Levasseur. La population française. Кн. I, стр 12.
Leverdays, E. Oeuvres posthumes. Кн. XI, стр. 527.
St.-Marc, H. Etude sur l'enseignement de l'économie politique dans les Univerisités d'Allemagne et d'Autriche. Кн. VIII, стр. 377.

Warschauer, O. Geschichte des Socialismus und neueren Communismus. Кн. IV, стр. 178. Кн. VI, стр. 281.
Zetkin, C. Die Arbeiterinnen und Frauenfrage der Gegenwart. Кн. VIII, стр. 379.

Hourwich, I. The Economies of the russian village. Кн. IV, стр. 180.
Kirkup, T. A History of Socialism. Кн. VII, стр. 315.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Алексѣевъ, А. Русское государственное право. Кн. I, стр. 15.
Альбицкій, Е., и Ширгенъ, А. Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Кн. V, стр. 236.
Арефа, Н. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній, инструкцій, положеній и правилъ о частной горной промышленности. Кн. XI, стр. 536.
Барацъ, С. Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Кн. XII, стр. 5[illegible]
Боровиковскій, А. Отчетъ суд[illegible] Кн. IV, стр. 185.
Боткинъ, Я. Преступный аффек[illegible] какъ условіе невмѣняемости. Кн. [illegible] стр. 428.
Гальперинъ, С. Очерки первобы[illegible]наго права. Кн. VIII, стр. 388.
Гарейсъ, К. Германское торговое и[illegible]во. Кн. VII, стр. 320.
Германъ, И. Исторія межевого за[illegible]

нодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія. Кн. X, стр. 475.

Долячко, Б. Межевой сборникъ. Кн. X, стр. 475.

Коркуновъ, Н. Русское государственное право. Кн. IX, стр. 426.

Малышевъ, Ѳ. О значеніи для торгово-промышленныхъ предпріятій обезпеченія служебнаго персонала. Кн. XI, стр. 536.

Невзоровъ, А. Опека надъ несовершеннолѣтними. Кн. II, стр. 75.

Пассекъ, Е. Неимущественный интересъ въ обязательствѣ. Кн. X, стр. 474.

Полетаевъ, Н. Объ основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи. Кн. IV, стр. 187.

Пташицкій, С. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута. Кн. VIII, стр. 388.

Розенбахъ. Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ. Кн. IX, стр. 428.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Кн. V, стр. 229.

Сводъ руководящихъ сужденій государственнаго совѣта, извлеченныхъ изъ дѣлъ объ отчужденіи частныхъ недвижимыхъ имуществъ на государственную или общественную надобность и о вознагражденіи владѣльцевъ этихъ имуществъ. Кн. XI, стр. 535.

Свѣшниковъ, М. Основы и предѣлы самоуправленія. Кн. II, стр. 74.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Кн. II, стр. 76.

Таганцевъ, Н. Лекціи по русскому уголовному праву. Кн. III, стр. 130.

Тарасовъ, И. Учебникъ науки полицейскаго права. Кн. VI, стр. 283.

Федоровъ, А. О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности. Кн. VIII, стр. 386.

Шершеневичъ, Г. Наука гражданскаго права въ Россіи. Кн. VII, стр. 319.

Шулинъ, Ф. Учебникъ исторіи римскаго права. Кн. I, стр. 17.

Щегловъ, В. Государственный совѣтъ въ Россіи. Кн. III, стр. 133.

Tarde, G. Les transformations du droit. Кн. V, стр. 232.

Koch, G. Beiträge zur der Politischen Ideen und der Regierungs-praxis. Кн IV, стр. 188.

Vesterkamp. Statenbund und Bundestaat. Кн. IV, стр. 188.

ЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

бровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь Кн. II, стр. 69.

жинѳіевъ, И. Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Кн. VIII, стр. 376.

Васильевъ, С. Картинки Италіи. Кн. XI, стр 533.

Казанскій, К. Вблизи Памировъ. Пут. впечатлѣнія. Кн. I, стр. 18.

Суворинъ, А. Палестина. Кн. VI, стр. 279.

Сумцовъ, Н. Современная малорусская этнографія. Кн. IX, стр. 421.

— Легенда о грѣшной матери. Кн. XI, стр. 533.

Филлиповъ, С. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. Кн. I, стр. 20.

Филодумовъ, А Путевые разсказы и замѣтки. Кн. VIII, стр. 376.

Czesky Lid (Чешскій народъ). Кн. II, стр. 70.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Кн. V, стр. 241.

Бэмъ, А., и Оппель, А. Compendium микроскопической техники. Кн. III, стр. 134.

Варминга. Основы ботаники. Кн. V, стр. 242.

Геологическая карта Европейской Россіи. Кн. VII, стр. 323.

Гинтервальднеръ, І. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Кн. IV, стр. 189.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Кн. VIII, стр. 389.

Гульдбергъ, С., и Ваагe, П. Изслѣдованія силъ химическаго сродства. Кн. VII, стр. 327.

Дебо, Э. Чудесное въ наукѣ. Кн. VIII, стр. 390.

Дебьеръ, Ш. Первобытные люди. Кн. VI, стр. 284.

Зелинскій. Научное значеніе химическихъ работъ Пастёра. Кн. XI, стр. 539.

Коропчевскій, Д. Иллюстрированная естественно-историческая библіотека. Кн. III, стр. 135.

Леббокъ, Д Красота природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Кн. IX, стр. 431.

Маевскій, П. Весенняя флора средней Россіи. Кн. VII, стр. 327.

Менабиръ, М. Птицы Россіи. Кн. IV, стр. 189.

Метеорологическое обозрѣніе. Кн. XI, стр. 538.

Ососковъ, П. Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы г. Самары. Кн. X, стр. 481.

Переяславцева, С. Жизнь животныхъ Брэма. Кн. X, стр. 480.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Кн. IX, стр. 429.

Чеменъ, И. Дарвинизмъ. Кн. II, стр. 77.
Эльпе. Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брэму и многимъ другимъ источникамъ. Кн. X, стр. 480.

Duhem, P. Introduction à la mécanique chimique. Кн. IX, стр. 432.

Walther, I. Allgemeine Meerskunde. Кн. X, стр. 481.

МЕДИЦИНА.

Артемьевъ, А. Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженицами и новорожденными. Кн. X, стр. 492.
Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи. Кн. I, стр. 26.
Бекетовъ. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Кн. XI, стр. 540.
Бертенсонъ, Л. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. Кн. XII, стр. 599.
Беръ, А. Гигіена сифилиса. Кн. IX, стр. 435.
Выжниковичъ. Леченіе домашнихъ животныхъ. Кн. IX, стр. 434.
Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Кн. II, стр. 79.
Гардіа, И. Исторія медицины отъ Гипократа до Брусса и его послѣдователей. Кн. I, стр. 25.
Гвоздевъ, И. Систематическій указатель судебно-медицинскихъ данныхъ въ практическомъ, преимущественно, примѣненіи ихъ къ общественнымъ потребностямъ. Кн. III, стр. 138.
Гейслеръ. Краткій курсъ клинической бактеріологіи. Кн. IX, стр. 433.
Гольмстенъ, В. Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры въ домахъ и семьяхъ. Кн. I, стр. 22.
Гофмейеръ, М. Очеркъ основъ гинекологическихъ операцій. Кн. XII, стр. 603.
Граціановъ, Н. Отчеты нижегородской санитарной коммиссіи за 1891 и 1892 гг. Кн. XI, стр. 543.
Гуперцъ. Гимнастика легкихъ. Руководство для ухода и воспитанія дыхательн. органовъ. Кн. XII, стр.
Даттенъ. Морская болѣзнь и ея леченіе. Кн. IX, стр. 435.
Догель, И. Табакъ, какъ прихоть и несчастіе человѣка. Кн. I, стр. 26.
Евсѣевъ, И. Обученіе искусству письма съ гигіенической точки зрѣнія. Кн. IX, стр. 434.
Жбанковъ, Д. Холерная эпидемія въ Смоленской губ. 1831—1871 гг. Кн. VII, стр. 331.
Заккъ, Н. Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Кн. XII, стр. 600.
Зеелигмюллеръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней. Кн. II, стр. 81.
Кингфордъ, А. Научныя основанія вегетаріанства. Кн. XI, стр. 540.
Кнейппъ, С. Мое водолеченіе. Кн. IX, стр. 435.
— Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми съ первыхъ дней жизни ребенка до юношескаго возраста. Кн. X, стр. 491.
Коццолино. Гигіена уха. Кн. XII, стр 602.
Лазаревичъ, И. Курсъ акушерства. Кн. X, стр. 492.
Левиленъ, Ф. Гигіена нервныхъ людей. Кн. I, стр. 25.
Липскій, А. Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни Кн. VII, стр. 332.
Манасейнъ. Сонъ, какъ треть жизни человѣка, или физіологія, патологія, гигіена и психологія сна. Кн. I, стр. 23.
Мечниковъ, И. Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія. Кн. VIII, стр. 390.
Неврологическій Вѣстникъ. Кн. V, стр. 239.
Павловскій. Холерные годы въ Россіи. Кн. XI, стр. 542.
Перфильевъ, М. Очерки современной клинической медицины въ Россіи. Кн. IV, стр. 190.
Петровъ, Н. Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи съ 1860 г. по 1 іюня 1892 г. включительно. Кн. IV, стр. 190.
Покровская, М. Популярная гигіена. Кн. II, стр. 80.
Протоколы съѣзда врачей Александровскаго уѣзда за 1891 г. Кн. III, стр. 139.
Протоколы съѣзда врачей Александровскаго уѣзда за 1892 г. Кн. XI, стр. 544.
Рейхъ. Научно-популярная оптическая гигіена глазъ. Кн. X, стр. 490.
Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Кн. VIII, стр. 391; кн. IX, стр. 434.
Сегаль, С. Общедоступный лечебникъ по глазнымъ болѣзнямъ. Кн. VII, стр. 333.
Сталинъ, К. О пользѣ кефира при холерной эпидеміи. Кн. X, стр. 490.
Сулима, К. Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи. Кн. VIII, стр. 391.
Тезяковъ, Н. Обзоръ состоянія земской медицинской помощи, болѣзненности и смертности населенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонск. губ., 1891 г. Кн. III, стр. 139.
Тезяковъ, Н. Земская медицина, болѣваемость и смертность населе Елисаветградскаго уѣзда въ 1892 Кн. XII, стр. 602.
— Холера въ Елисаветградскомъ уѣ въ 1892 г. и организація борьбы съ Кн. XII. стр. 602.

Третьяковъ, А. Водолѣчебные курорты и минеральныя воды Пермской губ. Кн. XII, стр. 601.

Хагеръ, Г. Руководство къ фармацевтической и медико-хирургической практикѣ. Кн. I, стр. 26; кн. X, стр. 490.

Эйхгорстъ. Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и учащихся. Кн. VII, стр. 333.

Эрисманъ, Ѳ. Холера, эпидеміологія и профилактика съ общественной и санитарной точки зрѣнія. Кн. X, стр. 487.

Эрлицкій, А. О причинахъ душевныхъ болѣзней. Кн. XII, стр. 603.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Брандтъ, А. Очеркъ исторіи паровой машины и примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи. Кн. XII, стр. 593

Боргманъ, И. Магнитный потокъ и его дѣйствія. Кн. IV, стр. 191.

Боровичъ, Л. Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Кн. VII, стр. 328.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Кн. III, стр. 135.

Дурново, В. Оздоровленіе Москвы, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ въ строительно-санитарномъ отношеніи. Кн. IX, стр. 438.

Жуковъ, Н. Аллюминій и его металлургія. Кн. IX, стр. 437.

Іоэльсонъ, М. Современные пріемы упроченія дерева. Кн. XII, стр. 595.

Конардовъ, С. Общедоступная лѣсная таксація и таблицы для матеріальной и денежной оцѣнки лѣса. Кн. III, стр. 136.

Нетыкса, М. Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ пріемовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева. Кн. VIII, стр. 393.

Никитинскій, Я. Техническіе успѣхи винокуренія за 1891—92 гг. Кн. III, стр. 137.

Прессъ, А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Кн. VII, стр. 330.

Сэломонсъ, Д. Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. Кн. IX, стр. 436.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Адріановскій, А. Сельско-хозяйственныя орудія и машины. Кн. VI, стр. 286.

Бажаевъ, В. Руководство къ правильному устройству травосѣянія на надѣльныхъ крестьянскихъ поляхъ Московской губ. Кн. IX, стр. 440.

Бараковъ, П. О возможныхъ мѣрахъ борьбы съ засухами. Кн. II, стр. 84.

Богдановъ, С. Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1891 г. Кн. IX, стр. 438.

Гагенъ, К. Краткое практическое руководство къ правильному устройству и веденію сельскаго хозяйства въ сѣверной и южной полосѣ Россіи. Кн. VIII, стр. 396.

Гребницкій, А. Руководство къ уходу за плодовымъ садомъ. Кн. VII, стр. 322.

Гуринъ, Г. Стельная корова. Кн. X, стр. 486.

Дремцовъ, С. Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ и совѣты о кормленіи скота картофелемъ и другими кормами. Кн. X, стр. 487.

Елагинъ, П. Куры, индѣйки, гуси, утки, уходъ за ними и другіе практическіе совѣты. Кн. VI, стр. 286.

Измаильскій, А. Какъ высохла наша степь. Кн. XII, стр. 597.

Жираръ, Э. Практика земледѣлія. Улучшенная культура картофеля. Кн. XII, стр. 597.

Кичуновъ, Н. Культура розы въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. Кн. VI, стр. 286.

Кноррингъ, Ѳ. Сѣть желѣзно-дорожныхъ элеваторовъ, какъ дополненіе портовыхъ. Кн. II, стр. 83.

Королевъ, Ф. Льноводство. Кн. XI, стр. 546.

Костычевъ, П. О борьбѣ съ засухами въ черноземной области посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. Кн. VI, стр. 285.

Кудашевъ, В., кн. О способахъ сбереженія почвенной влаги при обработкѣ озимаго поля. Кн. II, стр. 83.

Кузьминъ, Г. Правильное сельскохозяйственное счетоводство. Кн. X, стр. 486.

Линдеманъ, К. Итальянская саранча и мѣры ея истребленія. Кн. III, стр. 141.

Лупановъ, В. Виноградники Кишинева. Кн. II, стр. 82.

Маракуевъ, В. Практическое русское огородничество. Кн. VIII, стр. 395.

Маракуевъ, В. Горохъ, фасоль, чечевица. Кн. XII, стр. 597.

Мещерскій, И. Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи. Кн. VII, стр. 321.

— Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Кн. XI, стр. 544.

Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими вліяніями. Кн. XII, стр. 597.

Мѣшаевъ, В. Ботаническая акклиматизаціонная выставка 1892 г. Кн. II, стр. 84.

Новиковъ, А. Очеркъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій вятскаго губерн. земства. Кн. XII, стр. 598.

Осадчій, Т. Виноградники Херсонской губ. Кн. IV, стр. 192.

Паржиха, В. Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ садовъ въ южной Россіи. Кн. XI, стр. 546.

Псалти, Г. Искусственный выводъ цыплятъ (инкубація). Кн. X, стр. 486.

— О прививкѣ деревьевъ. Кн. X, стр. 486.

Пуріевичъ, К. Важнѣйшіе враги земледѣлія. Кн. XII, стр. 596.

Раевскій, М. Плодовая школа и плодовый садъ. Кн. VI, стр. 286.

Ризположенскій, Р. Почва Казанской губ. Кн. V, стр. 238.

— О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій. Кн. V, стр. 238.

Русское лѣсное дѣло. Кн. III, стр. 141.

Сельское и лѣсное хозяйство въ Россіи. Кн. XI, стр. 545.

Совѣтовъ, А. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Кн. XII, стр. 598.

Стебутъ, И. Сборникъ систематическихъ чтеній по сельскому хозяйству. Кн. III, стр. 140.

Таргонскій, А. Географическое распредѣленіе града въ Европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности. Кн. VIII, стр. 395.

— Страхованіе отъ градобитія. Кн. VIII, стр. 396.

Труды коммиссіи по описанію имѣній, состоящей при кіевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Кн. IX, стр 438.

Трухановскій, М. Почвы и мелиораціи ихъ. Кн. V, стр. 238.

Турскій, М., и Яшковъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. Кн. VIII, стр. 394.

Турскій, М. Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ. Кн. X, стр. 485.

Фортунатовъ, А. Урожаи ржи въ Европейской Россіи. Кн. X, стр. 482.

Цесельскій, Т. Пчеловодство, основанное на наукѣ или многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство. Кн. VII, стр. 322.

Шатиловъ, И. Семидесятилѣтній опытъ искусственнаго лѣсоразведенія на черноземѣ. Кн. X, стр. 485.

Штеблеръ и Лаура. Борьба съ безкормицей. Кн. XII, стр. 587.

Янковскій, П. Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ. Кн. XII, стр. 596.

Энгельгардтъ, А. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средневолжскихъ губ. Кн. II, стр. 82.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Аристофанъ. Всадники. Кн. X, стр. 475.

Бѣляевскій, А. Алфавитъ изъ 31-й буквы. Кн X, стр. 479.

Виноградовъ, Н. Рѣчь оратора Демосѳена о вѣнкѣ. Кн. X, стр 476.

Джеббъ, Р. Гомеръ: введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Кн. X, стр. 477.

Цицеронъ, Т. Философскіе трактаты о старости и о дружбѣ. Кн. X, стр. 478.

Эсхилъ. Прометей въ оковахъ. Кн. X, стр. 477.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Азбелевъ, И. Начала механики. Кн. XI, стр. 550.

Балталонъ, Ц. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Кн. XI, стр. 547.

Бахтинъ, Н. Основы русскаго правописанія. Кн. XI, стр. 548.

Бриксъ, А. Теоретическій курсъ гидравлики и гидравлическихъ двигателей. Кн. I, стр. 28.

Бураковскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ. Кн. II, стр. 86.

Виноградовъ, П. Учебникъ русской грамматики. Кн. III, стр. 144.

Виноградовъ, П. Учебникъ всеобщей исторіи. Кн. IV, стр. 193.

Виноградовъ, Н. Вторая рѣчь оратора Демосѳена за Олинѳъ. Кн. XI, стр. 547.

Вулихъ, З. Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Кн. XII, стр. 607.

Ганъ, И. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Кн. XI, стр. 547.

Гершфельдъ, М. Исторія еврейскаго народа. Кн. III, стр. 145.

Гіацинтовъ, Н. Краткій учебникъ по русскому языку. Кн. II, стр. 86.

Гофманъ, А. Рѣчь Цицерона въ защиту СекстаРосція Амерійскаго. Кн. XII, стр. 604.

Грековъ, Ѳ. Методика обученія письму. Кн. X, стр. 494.

Гусевъ, А Практическое руководство къ употребленію знаковъ препинанія. Кн. IV, стр. 195.

— Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ на[illegible]ныхъ училищъ, церковно-приходс[illegible]ъ школъ и школъ грамоты. Кн. [illegible], стр. 398.

Дюбарри, К. Сборникъ легкихъ и [illegible]нимательныхъ разсказовъ для пере[illegible]а съ русскаго на франц. языкъ. Кн. [illegible], стр. 443.

Дюваль и Константенъ. Эле[illegible]тарный учебникъ анатоміи и физіо[illegible]и человѣка. Кн. XII, стр. 605.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. Кн. X, стр. 497.

Жэ, Л. Задачи по физикѣ. Кн. X, стр. 497.

Зееманъ, О. Миѳологія грековъ и римлянъ. Кн. IX, стр. 446.

Зелинскій, В. Справочникъ по русскому правописанію. Кн III, стр. 144.

Кабановъ, Н. Начатки знанія. Кн. VI, стр. 287

Кандезъ, Э. Несчастливцы. Кн. III, стр. 150.

Киселевъ, А. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній и статья: главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Кн. XII, стр. 606.

Кларесино, К. Азбука - оригиналъ. Кн. X, стр. 498.

Кольцовъ, А. Пѣсни и думы. Кн III, стр. 150.

— Избранныя стихотворенія. Кн. VIII, стр. 400.

Комаровъ, А. Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Кн. XI, стр. 550.

Кремлевъ, П. Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій. Кн. VIII, стр. 399.

Крижъ, В. Русская азбука для сельскихъ школъ. Кн. II, стр. 85.

Крыловъ, Е. Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Кн. X, стр. 493.

Лезерле, М. Стасина библіотечка. Кн. II, стр. 88.

Либенъ, П., и Шуйская, А. Краткій курсъ русской исторіи. Кн. X, стр. 494.

Львова, М. Путешествіе мышенка. Кн. XI, стр. 551.

Матченко, И. Учебникъ сравнительной географіи для VI кл. реальн. училищъ. Кн. III, стр. 147.

Павловъ, М. Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Кн. XI, стр. 550.

Паульсонъ, І. Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. Кн. III, стр. 142.

Персональный, С Учебникъ зоологіи. Кн. X, стр. 496.

Петровъ, К. Русскій языкъ. Кн. IX, стр. 441.

Петрученко, О. Латинско - русскій словарь. Кн. X, стр. 496.

Плотниковъ, С. Систематическая азбука. Кн. IX, стр. 442.

Позняковъ, Н. Басни Эзопа. Кн. II, стр. 87.

— Словарищъ. Кн. II, стр. 88.

Рождецкій, С., и Соколовъ, В. Чешскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ средн. и старш. классахъ. Кн. X, стр. 495.

Рейнботъ, Е. Что такое соль и гдѣ ее берутъ? Кн. IX, стр. 196.

Сервантесъ. Донъ - Кихотъ. Кн. II, стр. 89.

Славинъ, К. Труды сельскаго учителя. Кн. IX, стр. 444.

Соболевскій, Н. Собраніе алгебраическихъ задачъ для повторенія курса III и IV кл. гимназій. Кн. III, стр. 146.

Соколовъ, В. Дополнительныя статьи алгебры въ связи съ повторительнымъ курсомъ для VII дополнительн. класса реальн. училищъ. Кн. III, стр. 147.

Терешкевичъ, А. Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Кн. IX, стр. 445.

Тихомандрицкій, М. Краткій курсъ высшей алгебры. Кн. XI, стр. 549.

Тихомировъ, Д. Изъ исторіи родной земли. Кн. II, стр. 89.

Учебная библіотека. Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха. Кн. VII, стр. 334.

Чернышовъ, М. Руководство коммерческой бухгалтеріи по двойной системѣ. Кн. XI, стр. 549.

Чудиновъ. Русская классная библіотека. Кн. VIII, стр. 397.

Шахрай, Л. Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Кн. I, стр. 29.

Шахрай, Л. Наша старина. Маккавеи. Историч. этюдъ для еврейскаго юношества. Кн. XII, стр. 603.

Шельцель, К. Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Кн. IX, стр. 441.

Шиллеръ, Ф. Тридцатилѣтняя война. — Смерть Валленштейна. Кн. X, стр. 497.

Шмидтъ, О. Первое горе. Кн. VII, стр. 334.

Штенгауеръ, И. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Кн. IX, стр 446.

Ѳеоктистовъ, И. Моя мама. Кн. III, стр. 149.

КАЛЕНДАРИ.—СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Анрепъ, В., и Воронихинъ, Н. Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. Кн. II, стр. 90.

Бахтіаровъ, А. Слуги печати. Очерки книгопеч. дѣла. Кн. VII, стр. 338.

Брокгаузъ, Ф., и Ефронъ, И. Энциклопедическій словарь. Кн. II, стр. 89; Кн. VIII, стр. 400.

Гравинскій, К. и Штриккеръ, К. Справочная книга для электротехниковъ. Кн. IX, стр. 449.

Гранатъ и К°, бывш. товар.

Гарбель. Настольный энциклопедическій словарь. Кн. I, стр. 31; кн. VIII, стр. 401.

Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія. Кн. XII, стр. 608.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Кн. IV, стр. 197.

Іогансонъ, Ф. Словарь иностранныхъ словъ, наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Кн. IV, стр. 199.

Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1893 г. Кн. I, стр. 30.

Кауфманъ, М. Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 г. Кн. X, стр. 499.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Кн. I, стр. 32.

Лашкевичъ, О. Царь-Колоколъ. Кн. II, стр. 90.

Михельсонъ, М. Мѣткія и ходячія слова. Кн. X, стр. 500.

Московскій библіографическій кружокъ. Кн. III, стр. 150.

Мсеріанцъ, З. Законы о печати. Кн. XI, стр. 551.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1889 г. Кн. VII, стр. 385.

Приклонскій, В. Матеріалы для библіографіи Якутской области. Кн. XII, стр. 608.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ, на русскомъ языкѣ, со времени введенія гражданскаго шрифта по декабрь 1889 г. Кн. XI, стр. 450.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ. Кн. I, стр. 31.

Ступинъ, М. Современный календарь на 1894 г. Кн. X, стр. 499.

Чешихинъ, В. Краткія либретто. Кн. IX, стр. 450.

Гросманъ и Кнёбель. Das Echo. Moskauer Kalender für 1893 г. Кн. I, стр. 30.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1893 г.

Шереметевскій, А. Послѣднее сказанье. Стихотворенiе. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 12 in 8.

Песталоцци, Генрихъ. Избранныя педагогическія сочиненія. (Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Т. I. Лингардъ и Гертруда. Части I и II. Пер. В. Смирнова. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. 444 in 8.

Лѣсковъ, Н. С. Пустоплясы. Святочный разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 16 in 16.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волеваго вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р. 296 in 8.

М. С. Громека о Л. Н. Толстомъ. Критическій этюдъ по поводу романа „Анна Каренина“. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 80 к. 211 in 8.

Елинъ, И. Какъ ухаживать за огородомъ. Москва, 1894 г. Ц. 3 к. 66 in 8.

Аполловъ, А. Перестанемъ курить! Что такое табакъ и какой вредъ отъ него бываетъ. Москва, 1894 г. Ц. 3 к. 52 in 16.

Чеховъ, А. П. Бабы. Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 2 к. 35 in 16.

Мякотинъ, В. А. Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 160 in 8.

Яковенко, В. И. Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 88 in 8.

Проектъ вотчиннаго устава съ объяснительною къ нему запискою. Томы I и II. Спб., 1893 г. 515 и 534 in 8.

Проектъ учрежденія вотчинныхъ установленій съ объяснительною къ нему запиской. Спб., 1893 г. 38 in 8.

Проектъ правилъ объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными установленіями и объяснительная къ сему проекту записка. Спб., 1893 г. 92 in 8.

Проектъ положенія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній, находящихся въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ въ дѣйствіе вотчинный уставъ, и объяснительная къ сему проекту записка. Спб., 1893 г. 355 in 8.

Гусевъ, А. Религіозность какъ основа нравственности. Противъ автономистовъ. Изд. 2-е. Казань, 1894 г. Ц. 1 р. 193 in 8.

Отчеты по красноярской городской общественной библіотекѣ за 1891 1892 гг. и красноярскому городскому музею за 1892 г. Красноярскъ, 1892 г. 48 in 8.

Отчетъ комитета по содержанію и дѣятельности красноярской городской общественной библіотеки и городского музея за время съ 12 февраля 1889 г., т.-е. со дня ихъ открытія, по 1 января 1891 года. Красноярскъ, 1893 г. 32 in 16.

Медицинскій отчетъ по Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1892 г. Москва, 1893 г. 69 in 8.

Коппе, Франсуа. Генріетта. Разсказъ. Изд. Я. Бермана. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 77 in 16.

Житковъ, С. М. Проектъ правилъ о выдачѣ ссудъ изъ вспомогательной кассы инженеровъ путей сообщенія. Спб., 1894 г. 44 in 8.

Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. I-й. Пермь, 1893 г. 183 in 8.

Бѣлозоръ, Антонина (О. А. Боровитинова). Моимъ друзьямъ. Разсказы для дѣтей младшаго и старшаго возраста Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп. 242 in 8.

Реформатскій, С. Н. Начальный

органической химіи. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 238 in 8.

Очеркъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1893 г. 78 in 16.

Демченко, Г. В. Наказаніе по литовскому статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.). Часть I-я. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. 273 in 8.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Пер. съ нѣмецкаго В. Генкена, съ предисловіемъ В. Авсѣенко. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 коп. 200 in 8.

Плотниковъ, А. П. Основанія электротехники. Части II и III. Москва. 1893. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

Отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго физико-математическимъ обществомъ для составленія капитала имени Н. И. Лобачевскаго. Казань, 1893 г. 13 in 8.

Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Кн. XV. Вып. III. Омскъ, 1893 г.

Короленко, В. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. (Изъ дневника). Изд. ред. журнала „Русское Богатство". Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 376 in 8.

Отчетъ по лѣсному управленію министерства государственныхъ имуществъ за 1892 г. Спб. 1893 г.

Крижъ, В. О. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I. Изд. 2-е, И. Ѳ. Жиркова. Ц. 30 к. Москва, 1893 г. 152 in 16.

Гуринъ, Г. Сортировка мясныхъ тушъ въ Москвѣ, съ 6 рисунками. 17 in 8.

Де-Мопассанъ, Гюи. Сочиненія, избранныя Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Пер. Л. П. Никифорова. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 375 in 8.

Майковъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1893 г. Цѣна за 3 тома 3 руб. I—600, II — 560, III — 506 — in 8.

Гарбель и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 75-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ писателей. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Вып. III. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. in 4.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XVI. Изд. К. К. Баиза. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.

Микулинъ, А. А. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владимірской губ. Владиміръ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 103 in 8.

Фонъ-Гольмгольцъ, Г., и Кронекеръ, Л. Счетъ и измѣреніе.—Понятіе о числѣ. Казань, 1893 г. 44 in 8.

Гауссъ, Бельтрами, Риманнъ, Ли, Гельмгольцъ, Пуанкаре. Объ основаніяхъ геометріи. Изд. Физико-математическаго общества. Казань, 1893 г. Ц 1 р. XVII+121 in 8.

Сорокинъ, В. М. Охрана дѣтства. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 266 in 8.

Ярошевскій, С. О. Выходцы изъ Межеполя. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р. 475 in 8.

Вредъ спиртныхъ напитковъ. Пословицы и поговорки. Справедливость пьяницы. Изд. Одесскаго общества для борьбы съ пьянствомъ. Одесса, 1893 г. Ц. 3 к. 16 in 16.

Какъ надлежитъ жить по-христіански. Два мужика. Отъ чего происходятъ многія болѣзни. Изд. Одесскаго общества для борьбы съ пьянствомъ. Ц. 3 к. Одесса, 1893 г. 16 in 16.

Говсѣевъ, А. А., д-ръ. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Изд. бр. Говсѣевыхъ. Харьковъ, 1894 г. 333 in 8.

Никифоровъ, Н. К. Озимые всходы. Стихотворенія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 319 in 8.

Свѣдѣнія о торговыхъ домахъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ 1892 году. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1893 г. 212 in 8.

Гаури, Іоаннъ. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Пер. П. И. Хомутова. Ташкентъ, 1893 г. Ц. 3 р. XII+677 in 8.

Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1893 г. 423 in 8.

Обзоръ иностранныхъ законодательствъ о промысловомъ обложеніи. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1893 г. 11+375 in 8.

Сводъ иностранныхъ законодательствъ о торговой записи и формахъ. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1893 г. XVII+254 in 8.

Леруа-Больe Анатоль. Еврей антисемитизмъ. Пер. Э. К. Ватсона и Р. И. Сементковскаго. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. VIII+328 in 8.

Любимовъ, Н. А. Крушеніе монархіи во Франціи. Москва, 1893 г. Ц. 3 р. XX+657 in 8.

Мищенко, Я. Г. Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 252 in 16.

Днѣпровъ, М. Русскія прописи для учащихся въ городскихъ, начальныхъ и

сельскихъ училищахъ. Могилевъ, 1893 г. 41.

Сельскія начальныя народныя училища Саратовскаго уѣзда въ 1866—1893 годахъ. Саратовъ, 1893 г. in 8.

Лимбергъ, А. Уходъ за зубами и леченіе ихъ, съ 7 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 50 к. 96 in 16.

Гнѣдичъ, П. П. Кавказскіе разсказы Съ 71 рис. М. М. Далькевича. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 170 in 16.

Отчетъ государственнаго банка по выкупной операціи за 1892 годъ. Спб., 1893 г. 133 in 4.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ. 1893 г. Сентябрь. Спб., 1893 г. 39 in 4.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія С. М. Переяславцевой. Полутомъ I. Вып. 3 и 4. Цѣна каждаго выпуска 25 к. Одесса, 1893 г.

Извѣстія иркутской городской думы. Сентябрь, 1893 г. Иркутскъ, 1893 г. 79 in 8.

Карабчевскій, Н. Господинъ Арсковъ. Повѣсть. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 264 in 8.

Берсъ, С. А. Воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ. (Въ октябрѣ и ноябрѣ 1891 г.). Смоленскъ, 1894 г. Ц. 70 к. 81 in 8.

Барыбинъ, Т. К. Матеріалы по изученію культуры озимыхъ хлѣбовъ и причинъ ихъ вымерзанія. Изъ наблюденій на полтавскомъ опытномъ полѣ 1890—92 гг. Одесса, 1893 г. 33 in 4.

Акинфіевъ, И. Я. Девять дней въ центрѣ Кавказа. Екатеринославъ, 1893 г. Ц. 25 к. 30 in 8.

Коровяковъ, Д. Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній. Спб., 1893 г. 176 in 8.

Популярная библіотека прикладныхъ знаній. Томъ I. Гигіена семьи и обиходной жизни, д-ра В. П. Жуковскаго. Изд. Е. Евдокимова. Спб., 1893 г. 200 in 8.

Но[illegible]у, Максъ. Вырожденіе. Пер. Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. 543 in 8.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Ушаковъ, В. Преступникъ. Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся. Самара, 1893 г. Ц. 5 к. 15 in 8.

Томковичъ, Е. А. Домашняя литографія. Руководство по автографіи и перепечатыванію, для канцелярій. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 71 in 8.

Довнаръ-Запольскій, М. Мотивы свадебныхъ пѣсемъ пинчуковъ. Этнографическій этюдъ. Гродно, 1893 г. 69 in 16.

La vérite sur l'Italie. Paris. 18 in 8.

Мищенко, Ѳ. Г. Изученіе античнаго міра въ зависимости отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Рѣчь. Казань, 1893 г. 49 in 8.

Добротворскій, М. Статическія машины и примѣненіе франклинизаціи въ медицинѣ. Съ 24 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. in 8.

Протоколъ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія чрезвычайной сессіи 16 іюля 1892 года и 22 мая 1893 года, съ приложеніями. Александровскъ, 1893 г. 27—38 in 8.

Коменскій, Янъ Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Часть II. Мелкія сочиненія, примыкающія къ великой дидактикѣ. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 278 in 8.

Авенаріусъ, В. Н. Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 240 in 8.

Отчетъ первой харьковской безплатной народной читальни-библіотеки за 1892 годъ. Харьковъ, 1893 г. 80 in 8.

Соловьевъ, Е. А. Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. 1893 г. Ц. 25 к. 160 in 16.

Сементковскій, Р. И. А. Д. Кантемиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 96 in 16.

Песковскій, М. Л. Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 95 in 16.

Дементьевъ, Е. М. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 60 к. VIII+246 in 8.

Диккенсъ, Чарльзъ. Скряга. Святочная сказка. Пер. А. Каменскаго. Спб., 1894 г. Ц. 50 к. XXX+100 in 16.

С. Р. Сестра Катерина (разсказъ объ одной доброй англичанкѣ). Изд. Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1893 г. 30 in 16.

Жуковскій, В. А. 2-е изданіе. Изд. Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1893 г. 31 in 16.

Э. К. Очерки изъ американской жизни. Г-жа Бичеръ-Стоу—защитница негровъ. Изд. Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1893 г. 32 in 16.

Заблоцкая, П., и Бунина, И. Голодный годъ. Сиротка Ѳедосѣевна. Изд. Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1893 г. 32 in 16.

Педагогизмъ, научно популярно списание

за въспитатели и учители. Книги I, II, III. София, 1893 г.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XXIX. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 20 к. in 4.

Московское уѣздное общество попеченія о неимущихъ дѣтяхъ 1892 г. Москва, 1893 г. 80 in 8.

Молотовъ, Александръ. Отголоски 60-хъ годовъ. Очерки и разсказы. Т. I и II. Изд. С. А. Карнатовскаго. Спб., 1893 г. Цѣна за оба тома 2 р. I—286; II—189 in 8.

Памяти отца современной педагогіи Яна Амоса Коменскаго. По поводу 300 годовщины его рожденія. Изд. Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1893 г. 67 in 8.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XII и XIII. Изд. А. Ильина. Спб., 1893 г. Цѣна каждаго тома 8 р. XII—604; XIII—688 in 8.

Kovalewsky, Maxime. Coutume contemporaine et loi ancienne. Paris, 1893 г.

Петлинъ, Н. С. Опытъ описанія губерній и областей Россіи въ статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ въ связи съ дѣятельностью государственнаго банка и частныхъ кредитныхъ учрежденій Части II и III. Спб., 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Русская поэзія". *С. А. Венгерова.* — „Силуэты". *Г. А. Мачтета.* — „Отголоски 60-хъ годовъ". *А. Молотова.* — „Сочиненія" *Гюи де-Мопассана.* — „Путевые очерки" *Г. Сенкевича.* — „Въ бевсонныя ночи". *Поля Бурже.* — „Влюбленный дьяволъ". *Ж. Казотта.* — „Universal-Bibliotek" 571

Философія и психологія: „Вопросы Философіи и Психологіи". — „Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы". *Проф. А. Гилярова.* — „Физіологическая психологія". *Цигена* 579

Исторія: „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества". — „Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій". *Е. П. Карновича.* — „Мангазея и Мангазейскій уѣздъ". *П. Н. Буцинскаго.* — „Къ исторіи Сибири". *Его же.* — „Саратовскій край". — „Пермскій край" 582

Статистика: „Харьковскій сборникъ". — „Свѣдѣнія о финансовомъ положеніи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія за время съ 1881 по 1893 г.". *М. А. Ратькова-Рожнова.* — „Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ". *А. И. Пульхерова.* — „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій въ Новгородской губ.". 587

Юридическія книги: „Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ". *С. М. Барацъ.* 592

Техническія книги: „Очеркъ исторіи паровой машины и примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи". *А. А. Брандта.* — „Современные пріемы упроченія дерева". *М. Іогельсона.* 593

Сельское хозяйство: „Важнѣйшіе враги земледѣлія". *К. А. Пуріевича.* — „Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ". *П. Янковскаго.* — „Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими условіями". — „Какъ высохла наша степь". *А. А. Измаильскаго.* — „Горохъ, фасоль, чечевица". *В. Н. Маракуева.* — „Практика земледѣлія". *Эмѣ Жирара, Штеблера и Лаура.* — „Очеркъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій вятскаго губернскаго земства". *А. Новикова.* — „Матеріалы по изученію русскихъ почвъ". *А. Совѣтова и В. Докучаева* 596

Стр.

Медицина: „Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала". *Л. Бертенсона.*—„Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы". *Н. В. Закка.*—„Водолечебные курорты и минеральныя воды Пермской губ.". *А. Н. Третьякова.*—„Гимнастика легкихъ". *Д-ра Гуперца.*—„Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія Елисаветградскаго уѣзда въ 1892 г.". *Д-ра Тизякова.*—„Холера въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ 1892 г. и организація борьбы съ нею". *Его же.*—„Гигіена уха". *Д-ра Cozzolino.*—„О причинахъ душевныхъ болѣзней". *А. Ф. Эрлицкаго.*—„Очеркъ основъ гинекологическихъ операцій". *М. Гофмейера* 599

Учебники и книги для дѣтскаго чтенія: „Наша старина". *Л. М. Шахрая.*—„Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго". *А. Гофмана.*—„Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка". *Проф. Дюваля и П. Константена.* — „Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній". *А. Киселева.*—„Краткій курсъ геометріи и собраніе ариѳметическихъ задачъ". *З. Вумма* 603

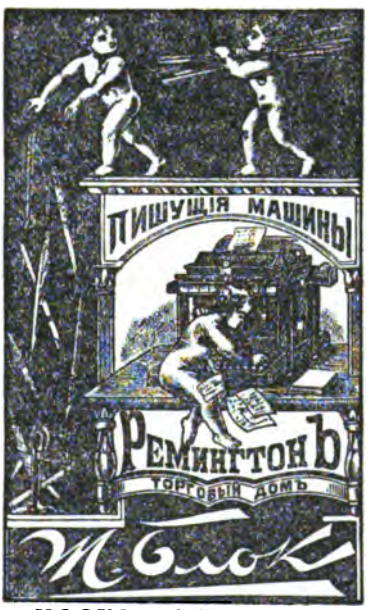
Справочныя книги: „Матеріалы для библіографіи Якутской области". *В. Л. Приклонскаго.*—„Ежегодникъ". *Изд. моск. комитета грамотности* . . . 608

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *ноябрь.*—„Русское Богатство", *октябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *ноябрь.*—„Русское Обозрѣніе", *ноябрь.*—„Русскій Вѣстникъ", *ноябрь.*—„Міръ Божій", *октябрь и ноябрь.* 608

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1893 годъ.

IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 ноября по 1 декабря 1893 г.



**МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Коканд, Варшава,
Екатеринбургъ.**

Открыта подписка на 1894 годъ

НА

ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани **ежедневно**, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣвери. Телеграфн. Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ. ***Послѣдняя почта. Передовыя статьи*** по различнымъ общественнымъ вопросамъ. ***Обзоръ*** текущей прессы и журналистики. ***Областной отдѣлъ.*** Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжко-Камскаго края. ***Казанская хроника:*** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. ***Судебная хроника.*** Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казанской судебной палатѣ. ***Библіографія. Театръ и музыка:*** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. ***Ежедневное обозрѣніе*** текущей заграничной жизни. ***Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство и промышленность. Педагогика и народное образованіе. Торговый отдѣлъ:*** корреспонденціи и телеграммы. ***Фельетонъ.*** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ „Воскресныхъ Бесѣдъ“ г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ КОНТИНГЕНТА СОТРУДНИКОВЪ, уже сплотившихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893 года основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, профессоръ Н. П. Загоскинъ.

Подписная цѣна:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
съ доставкой:	безъ доставки:	
На годъ . . . . 7 р. — к.	На годъ . . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . . 9 р. — к.
„ полгода. . . 4 „ — „	„ полгода . . 3 „ 25 „	„ полгода. . . 5 „ — „
„ 3 мѣсяца . 2 „ 25 „	„ 3 мѣсяца. . 1 „ 75 „	„ 3 мѣсяца. . 2 „ 75 „
„ 1 мѣсяцъ . — „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ. . — „ 60 „	„ 1 мѣсяцъ . 1 „ — „

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюля 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА», на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира» (Воскресенская ул., д. Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостиный дворъ, № 1), въ зданіи биржи, у секретаря и въ иногородныхъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА».

Редакторъ-издатель *И. В. Рейнгардтъ.*
Издатель *В. М. Ключниковъ.*

Открыта подписка на 1894 годъ

ГОДЪ XVI. (ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ) ГОДЪ XVI.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 №№ ВЪ ГОДЪ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 6 руб. | На полгода . . . 3 руб. 50 к.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 к.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той же программѣ и при участіи тѣхъ же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ П. Н. Галинъ.

ГОДЪ X. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ГОДЪ X.

НА

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1894 годъ.

Въ 1894 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по вторникамъ и субботамъ, ПРИБАВЛЕНІЯ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Въ «Прибавленіяхъ» періодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіеся золотого промысла; свѣдѣнія о пріискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ, и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того, тутъ же помѣщаются торговыя свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ—9 р., ½ г.—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. 25 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника“.

Редакторъ-издатель В. П. Картамышевъ.

Открыта подписка
на 1894 годъ на
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Н. П. Михайловской.

Въ 1894 г. журналъ будетъ выходить въ объемѣ книжекъ 1893 г. и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ 1893 г., между прочимъ, напечатано:

„Деревенскій эскизъ". *Ив. Бунина.* „По способу Коха". Очеркъ *Т. Барвенковой.* „Въ избѣ". Разсказъ *Ю. Безродной.* „Гимназисты". Изъ семейной хроники. *Н. Гарина.* „Мечтатели". *Н. Н. Златовратскаго.* „Грѣхъ". Романъ *П. В. Засодимскаго.* „Дѣти полка". *С. В. Ильича.* „Въ голодный годъ". *В. Г. Короленко.* „Вытьмахъ". Повѣсть *А. Куприна.* „Дама". Разсказъ *И. Котлова.* „Дѣтскія тѣни". Очерки. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* „Картинки парижской жизни". *М. Прокофьевой.* „Подкидышъ" (Присказка). *Гл. Успенскаго.* „Недоразумѣнія въ жизни". Разсказъ. *Густава-аѳ-Гейерстама.* „Избиратель". Разсказъ *Н. Кобринской.* „Дверь изъ слоновой кости". Романъ *Уалтера Безанта.* „Мои воспоминанія". *Д. Т. Гильдина.* „Некрасовъ и Салтыковъ". Изъ посмертныхъ бумагъ". *Г. З. Елисеева.* „Изъ литературныхъ воспоминаній". *Э. Гурнье.* „Современная Европейская биржа". *Б. Ф. Брандта.* „Критикъ народничества". *В. В.* „Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія". *Н. Дружинина.* „Пьянство и борьба съ нимъ въ старинной Россіи". Историческіе очерки *Н. П. Загоскина.* „Народно-хозяйственные наброски". *Н. А. Карышева.* „Крестьянское хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ". *М. М. Ковалевскаго.* 1) „Культурные скиты". 2) „Культурные одиночки во деревнѣ". *С. Н. Кривенко.* „Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писатель и общественный дѣятель". *В. В. Лесевича.* 1) „О дневникѣ Башкирцевой". 2) „Русское отраженіе французскаго символизма". 3) „Литература и жизнь" *Н. К. Михайловскаго.* „Г. Сементковскій о русскомъ обществѣ". *Н. В. М.* „О сѣверныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ". *Н. В. Максимова.* „Французскіе синдикаты". *А. Мурашкинцева.* „Агрономическіе противники общины". *Д. Протопопова.* „Изъяны творчества". *П. П. Перцова.* „Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ". *В. И. Семевскаго.* 1) „Въ дебряхъ метафизики". 2) „Ребяческій идеализмъ" Cogitata metaphysica *Г. Волынскаго*). *М. М. Филиппова.* 1) „На Адамовой вершинѣ". 2) „Въ тропической пустынѣ". 3) „Въ странѣ хун-хузовъ и тумановъ". 4) Мимоходомъ въ Японіи". Путевыя впечатлѣнія *С. Н. Южакова.* „О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ". *В. Якубовича.* „Какъ не слѣдуетъ обрабатывать статистическій матеріалъ". *В. Г. Ярошкаго.* „Міръ невидимой борьбы". Біологическій очеркъ *П. Крылова.* Біологическіе очерки: „Живорожденіе и паразитизмъ". *В. А. Фаусека.* Въ приложеніи: „Измѣненіе личности" *А. Бэна.* (Перев. под. ред. д-ра Б. В. Томашевскаго). Хроника внутренней жизни. Хроника заграничной жизни. Новыя книги.

Подписная цѣна: На годъ съ дост. и перес.—**9** р., безъ доставки—**8** р., за границу—**12** р.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка для иногородныхъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой при подпискѣ—5 р. и 1-му іюля—4 р. или при подпискѣ—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюля—3 р. для городскихъ подписчиковъ безъ доставки по 1 р. въ мѣсяцъ—до 1 сентября.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 к. съ каждаго годового экземпляра.

Разсрочекъ подписной платы, при подпискѣ черезъ книжные магазины, не допускается.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., 46.

Редакторы: П. Б. Быковъ. С. И. Поповъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПРИРОДА и ОХОТА

и

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА.

(*Двадцать первый годъ изданія*).

Подписчики получаютъ въ теченіе года 12 книгъ журнала «Природы и Охоты» съ картинами (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» съ рисунками и чертежами (выходъ еженедѣльно).

ПРОГРАММА: Природа, бытъ и охота русскихъ народностей.—Статьи зоологическаго содержанія.—Повѣсти, очерки, разсказы изъ охотничьей жизни.—Способы охоты на звѣря и птицу.—Способы разведенія полезной дичи и уничтоженія хищниковъ.—Собаки борзыя, гончія, легавыя, породы, воспитаніе, дрессировка, леченіе.—Примѣненія новаго закона объ охотѣ.—Дѣятельность охотничьихъ обществъ.—Выставки, садки, полевыя испытанія собакъ, стрѣльба на призы.—Ружья и охотничьи принадлежности (системы, выборъ, пристрѣлка, чистка).—Рыболовство и уженье.—Удочки, принадлежности уженья.—Жизнь рыбъ и способы уженья.—Вопросы и отвѣты охотниковъ.—Новости изъ русской и иностранной охотничьей жизни.

Подписная цѣна:

съ пересылкой и доставкой на годъ—15 руб.; на полгода—7 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи: *Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.*

Издатели-редакторы: { Л. П. Сабанѣевъ. Н. В. Туркинъ.

Русская Мысль, кн. XII.

„Театральная Газета“

иллюстрированное изданіе, посвященное театру, искусствамъ и литературѣ,

подъ редакціею Петра Вейнберга.

Выходитъ во время сезона, т.-е. съ 1 сентября по 1 мая,—ТРИ РАЗА, а въ остальную часть года—въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ—разъ въ недѣлю.

Подписная цѣна 6 р. въ годъ, съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; на 4 мѣсяца 1893 г. (сентябрь—декабрь) 2 р., съ дост. и перес. 3 р.

Годовые подписчики на *Театральную Газету* въ 1894 г., подписавшіеся до Новаго года, получаютъ газету *безплатно* въ 1893 г., со дня подписки на будущій годъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ (Литейный пр., домъ № 43, при типографіи А. Мучника), въ магазинѣ Е. В. Остолопова (бывшій Аравина), уг. Екатерининскаго канала и Чернышева пер., и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Въ послѣднихъ номерахъ, между прочимъ, напечатаны: *Встрѣча*, разсказъ Д. В. Григоровича, *Рѣчь*—А. А. Потѣхина, *Посмертное стихотвореніе* А. Н. Плещеева, *Джузеппе Верди*—Г. А. Ларошъ, комедія *Семейный адъ*—Гюи де-Мопассана, *Новыя силы*—очерки С. Сафонова, театральныя рецензіи М. И. Чайковскаго, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича, Ал. Иванова (псевдонимъ), проф. Н. Кашкина и друг.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Внутреннія извѣстія. 10) Внѣшнія извѣстія. 11) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 12) Библіографическія замѣтки. 13) Смѣсь. 14) Справочный отдѣлъ.

Условія подписки.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 2(
Съ дост. въ Харьковѣ.	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	—80

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ГОДЪ XIII.

Въ 1894 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1) Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2) Внутренній отдѣлъ: Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Пріазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3) Иностранный отдѣлъ: Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4) Судебная хроника. 5) Смѣсь. 6) Фельетоны: Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7) Справочный отдѣлъ. 8) Объявленія.

Подписная цѣна:

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки. .	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	— 75
Съ дост. и перес.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	— 85

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ: за 1-й разъ 20 к., за послѣдующіе 10 к., на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к.

За круглый годъ во всѣхъ номерахъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нѣсколько разъ печатаются не менѣе одного раза въ недѣлю. За украшенія—надбавка 10% платы. Доставляющимъ значительное количество объявленій дѣлается уступка 10%. За разсылку при газетѣ объявленій отдѣльными приложеніями взимается по разсчету 5 руб. съ 500 экземпляровъ и 8 р. съ 1,000 экземпляровъ.

Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторѣ редакціи при типографіи, г. Таганрогъ, Николаевская улица, домъ № 5.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ—для пріема подписки и объявленій—открыта въ будни отъ 8 ч. утра до 7 ч. в., а въ праздничные дни—отъ 9 ч. утра до 2 час. дня.

Объявленія для газеты *Таганрогскій Вѣстникъ* отъ учрежденій, фирмъ и лицъ, живущихъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Прибалтійскомъ, Привислянскомъ краяхъ и за границей (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, пароходныхъ и страховыхъ обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учрежденій) принимаются исключительно только *въ Центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°* въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, и его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемую въ форматѣ и по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Попрежнему редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы подписчики всегда могли найти въ „АСТРАХАНСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ полезное и занимательное чтеніе.

Въ интересахъ читателей, а также и объявителей, съ новаго года газета будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО,

НЕ ИСКЛЮЧАЯ И ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Подписка принимается въ конторахъ редакціи—при Паровой Новой Русской Типографіи (Пароходная ул., соб. домъ) и въ домѣ Рѣпина, уголъ Табачнаго ряда и Эспланадн. улицы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою въ Астрахани: за годъ—7 руб., за полгода—4 руб., за три мѣсяца—2 руб. 50 коп.; съ пересылкою во всѣ города: за годъ—7 руб. 50 коп., за полгода—5 руб. и за три мѣсяца—3 руб. 50 коп.

Допускается РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 руб., къ 1 іюня—2 руб. и къ 1 сентября—остальныя, а также по соглашенію съ конторой: при подпискѣ—2 руб. и по 1 руб. къ 1 числу каждаго мѣсяца до мая включительно.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ НОВЫЕ ГОДОВЫЕ подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ и до конца года

безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

Орловскій Вѣстникъ,

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ друг. города: на годъ 7 руб., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

ДЛЯ УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и СЪ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ—№№ ГАЗЕТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й страницѣ газеты—10 р. въ годъ—за 150 раз 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантов и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

ВЪ ОРЛѢ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлов. Вѣст.“, Болховская, д. Толстопятова. Въ книжномъ магаз. Кашкина Шемаева и Хализева. ВЪ ЕЛЬЦѢ: исключительно у В. Е. Рощупкина, на Торговой улицѣ, контора „Надежды“. ВЪ БРЯНСКѢ—въ библіотекѣ М. И. Юдина. ВЪ ЛИВНАХЪ—въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

X годъ изданія. **Открыта подписка на ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 г.** X годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КНИГЪ. Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стран., имѣющій содержать или отдѣльный романъ, или законченный сборникъ разсказовъ, стихотвореній и проч.

Наступающимъ 1894 годомъ ЗАКОНЧИТСЯ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

со дня выхода 1-го № журнала „Вокругъ Свѣта". За это время журналъ успѣлъ добиться такого прочнаго успѣха, который безусловно обезпечиваетъ его существованіе на многія и многія десятилѣтія. Настоящій годъ будетъ для журнала „Вокругъ Свѣта"

ЮБИЛЕЙНЫМЪ,

а потому редакція и издатель намѣрены употребить всѣ силы для того, чтобы журналъ въ этомъ году превзошелъ, такъ сказать, самого себя. Въ концѣ года будетъ выданъ подписчикамъ увеличенный

ЮБИЛЕЙНЫЙ НУМЕРЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ ДВУХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ, со множествомъ отдѣльныхъ рисунковъ и иллюстрацій (всего въ годъ болѣе 2,000 столбцовъ текста и до 400 рисунковъ).

Въ журналѣ попрежнему будутъ участвовать: **Д. Н. Маминъ-Сибиракъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ**, проф. **А. Н. Гренъ** и многіе другіе. Иностранная литература путешествій и приключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журналѣ произведеніями ея корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ **Жюля Верна**, съ рисунками **Бенета**; романъ новогреческаго писателя **Димитрія Бикеласа**, съ рисунками **Ралли**; романъ **Л. Жаколіо** (продолженіе романа „На океанѣ"); новѣйшій романъ **Андрэ Лори**; очень оригинальный романъ военнаго характера, написанный капитаномъ **Данри**, и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки **Стивенсона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Брауна, Каниве** и друг.

НЕ ВЪ ПРИМѢРЪ ПРЕДЪИДУЩИМЪ ГОДАМЪ РЕДАКЦІЯ

въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

безусловно-оригинальную, художественную премію:

6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)

СЪ АКВАРЕЛЕЙ Н. Н. КАРАЗИНА.

Эти картины, размѣромъ каждая $13^1/_2 \times 6^1/_2$ вершк., сдѣланы художникомъ по спеціальному заказу редакціи и изображаютъ собою въ лицахъ и аксессуарахъ природу и людей всего земного шара: Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи и отдѣльно Россіи.

Подписная цѣна на журналъ «ВОКРУГЪ СВѢТА» съ доставкой и пересылкой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

НА ГОДЪ 4 Р. | НА $^1/_2$ Г. 2 Р. 50 К.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ: при подпискѣ 2 руб., 1-го апрѣля и 1-го іюля по одному рублю.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., домъ Сытина.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и друг. городовъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ (XIII Г. ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ"

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ",

выходящіе въ СПБ. подъ редакціею Е. Сысоевой и Аленсѣя Альмединген а.

„Родникъ" въ 1894 году будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 12 лѣтъ.

„Родникъ" выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками больного формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1894 году въ „Родникѣ", между прочимъ, будутъ помѣщены слѣдующія большія произведенія: „Въ львиной пасти". Историческая повѣсть изъ временъ основанія Петербурга. В. П. Авенаріуса. (Съ рисунками).—„На зарѣ". Повѣсть. А. Я. Бабикова. (Съ рисунками).—„Туалетикъ Филиппъ". (Исторія няни и ея питомца). Повѣсть. М-съ Джемисонъ. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. (Со многими рисунками).—Біографіи А. Кантемира и И. А. Крылова. Сост. П. Барышниковымъ.—Рядъ очерковъ изъ народной литературы Исландіи и Скандинавскаго полуострова. О. Петерсонъ. — „Дружба съ природой". Очерки въ переводѣ и передѣлкѣ Д. Н. Кайгородова. (Съ рисунками).—Наша родина въ великихъ явленіяхъ природы. Л. П. Весина. (Съ рисунками). — Затѣмъ будетъ помѣщенъ рядъ статей научнаго содержанія: профессоровъ Д. Кайгородова и А. Никольскаго, Л. Весина, Г Вольтке, Александра Альмединген а и друг.

Къ „Родникуу" 1894 года будутъ приложены 12-ть отдѣльныхъ картинокъ, исполненныхъ академикомъ Н. П. Шаховскимъ. Въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО приложенія всѣ подписчики на 1894 годъ получатъ отдѣльную книгу: повѣсть „Уллы", перев. съ нѣмецкаго Н. Ахшарумовой. Съ рисунками М. Михайлова.

„Родникъ" рекомендованъ и одобренъ учеными и учебными комитетами министерства народнаго просвѣщенія, святѣйшаго синода, собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ общества трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе" выходитъ ежемѣсячно и посвященъ вопросамъ *семейнаго воспитанія*. Въ редактированіи листка принимаютъ непосредственное участіе: П. Ѳ. Каптеревъ, д-ръ В. В. Гориневскій и П. А. Литвинскій.

Условія подписки на 1894 годъ прежнія:

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ „Родникъ"	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Родникъ" и педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе"	6 „	3 „ — „	1 „ 50 „
За границу	8 „	4 „ — „	2 „ — „
Отдѣльно на педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе"	2 „	1 „ — „	— 50 „

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» *Н. Н. Морева.*

Стр.

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.—Отмѣна 165 статьи положенія о выкупѣ, какъ мѣра, охраняющая земельную общину. — Еще о выгодныхъ сторонахъ общиннаго землевладѣнія.—Что должно быть предпринято, дабы усилить дѣйствіе закона, препятствующаго обезземеленію.—Проектъ новаго устава крестьянскаго банка.—Отклоненіе дѣятельности банка отъ цѣлей, поставленныхъ при его основаніи.—Новости учебнаго дѣла 159

XVII. АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮССЕ.—**И. К—ной** 179

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 203

XIX. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ.—**М. А. Протопопова** 210

XX. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— **И. И. Иванюкова** . . 229

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Бѣшеныя деньги*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго; *Кручина*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго; *Я играю большую роль*, шутка въ 1-мъ дѣйствіи Д. Гарина; *Сельская честь*, сцены изъ итальянской народной жизни Джіованни Верга, пер. А. А. Веселовской.—Большой театръ: *Орлеанская дѣва*, трагедія Шиллера.—Выставки картинъ: проф. Айвазовскаго и произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ. — **Ая.** . . 261

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина. — Учебники и книги для дѣтскаго чтенія. — Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *ноябрь*.—«Русское Богатство», *октябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Русское Обозрѣніе», *ноябрь*.—«Русскій Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Міръ Божій», *октябрь и ноябрь*. III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1893 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1893 г.** 571

При этой книгѣ разсылаются всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ объявленія: объ изданіи газеты „Недѣля“, о подпискѣ на журналъ „Нива“ и иллюстрированную библіотеку „Нивы“, о подпискѣ на журналъ „Новь“, каталоги журналовъ книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ и Вл. Г. Готье и о подпискѣ на журналъ „Артистъ“.

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродававцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.